

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН, ЕЛЕНА ПЕРЕСЛЕГИНА

ТИХООКЕАНСКАЯ ПРЕМЬЕРА

Перед вами фундаментальное исследование-реконструкция хода Второй мировой войны на Тихом океане. В центре работы трагическая фигура адмирала Ямамото — гениального полководца и в то же время (ирония судьбы!) носителя стратегии поражения.

Это книга-итог и книга-начало, ибо «ответы — убийцы вопросов». Вопросы поставлены. О незыблемых постулатах истории, о геополитике, о стратегии и тактике, о победителях и относительности их побед, об авианосной войне, об осторожности Нагумо, об изобретательности Локвуда, об азарте Одзавы и безукоризненности Хелен...

Эта книга читается как увлекательнейший роман и станет настоящим подарком для всех любителей военной истории.

От издателя

Любое историческое исследование строится по принципам постмодерна. В фундаментальной работе неизбежно присутствует обилие ссылок, прямых и косвенных цитат, выстроенных в смысловую цепочку авторского замысла. Формально так воплощается в жизнь один из основополагающих постулатов истории. И именно в этом постулате кроются все достижения и все провалы исторической науки. Поле событий, на котором работает история, может быть задано любой последовательной цепью реперных фактов. Оно может быть рассечено под произвольным углом логикой поставленной задачи или даже вообще не быть наблюдаемым. Поле событий с легкостью порождает ложные модели (особенно на малых временных промежутках исторического времени) и столь же легко намекает на несуществующие периодичности. А самое главное: вопреки всеобщему убеждению, история — это наука, основывающаяся не на фактах, а лишь на их описаниях и интерпретациях. Выстраивая исторические концепции, мы опираемся на сведения разной степени ложности представления: летописи, мемуары, написанные от нескольких лет до нескольких столетий спустя, придворные хроники и полководческие воспоминания, всегда возвеличивающие героев, в честь которых они написаны, et cetera. Слухи, сплетни и политическая пропаганда, превратившиеся в основополагающие, реперные факты истории, в состоянии не просто исказить подлинный ход событий, а создать иной, абсолютно не соответствующий Текущей Реальности мир прошлого. В такой ситуации бухгалтерские книги и книги записи актов гражданского состояния оказываются единственно надежным источником исторической истины, а исторические романы, содержащие художественную, но РЕКОНСТРУКЦИЮ, оказываются более ценными, чем заказные аналитические исследования истории...

Собственно слово произнесено. Реконструкция. Не просто концептуальное описание, а максимально полная, внутренне согласованная модель Текущей исторической Реальности. Полная и согласованная по объему доступных исторических фактов, присутствующих персоналий и адекватности военного и невоенного технологического уровня.

В модели обязаны присутствовать географическая и этническая компоненты, диахроническое представление, хотя бы простейший статистический анализ. И самое главное — подробное психологическое представление личностей, ответственных за стратегический и тактический расклад ситуации. Подобное моделирование был впервые применено Львом Николаевичем Гумилевым в его трактатной истории Руси-России. Но в «Тихоокеанской премьер» используется ряд новых практических приемов, позволяющих проконтролировать связность модели. Прежде всего — взгляд на театр военных действий из разных временных эпох. А в дополнение — авторам удалось экстраполировать версию нашего мира, не реализованную в нашей Текущей Реальности, и дополнить модель еще одной временной связностью.

В известном смысле «Премьера» — это «Рассуждения путешественника во времени». В книге присутствует эффект чередования общих и местных планов. Авторы то максимально приближают читателя к событиям Тихоокеанской войны, сделав его наблюдателем и едва ли не косвенным участником, то задают дистанцию — смысловую, временную, пространственную — и дают события в опосредованном изложении. В результате книга содержит несколько переплетенных хронологических срезов, причем, в каждом из них происходит действие и течет время. (События молодости адмирала Ямамото — от японо-китайской войны до Версальского мира; события Тихоокеанской войны — от Манчжурского инцидента до Токийского процесса; события последнего дня жизни адмирала Ямамото — 18 апреля 1943 года; события 1999 — 2000 г. в Санкт-Петербурге и Токио, где создается книга об адмирале Ямамото).

Полученная яркая, объемная картина приятно удивляет своей объемностью и ясностью. Присутствие некоторых художественных элементов задает настроение и дает дополнительные штрихи к духу, ауре эпохи той Тихоокеанской войны.

Авторам удалось за максимально точными описаниями боевых кораблей и их судеб не сделать линкоры и авианосцы главными героями повествования. Оставить их декорациями, среди которых происходит действие спектакля. А вперед вывести те ярчайшие личности, гениальных людей, творивших историю того времени. И главное — при всей симпатии к гению адмирала Ямамото остается ощущение исторической справедливости победы американского военного флота.

Николай Ютанов

Краткие сведения об авторах

Переслегин Сергей Борисович. Социолог, историк, критик. Закончил физический факультет Ленинградского Государственного университета по специальности «физика ядра и элементарных частиц». С 1982 по 1989 гг. преподавал в физико-математическом интернате № 45. С 1990 по 1992 гг. занимался вопросами теории систем в Московском институте системных исследований (НИИСИ). С 1993 по 1995 гг. работал в Финансовой группе «РоссКо» менеджером по информации: разработка технологии информационных потоков и их структурное обеспечение. С 1995 по 1997 гг. работал финансовым директором в компании «Ростраст».

В 1996—1997 гг. читал циклы лекций по социологии в Казанском государственном университете и Рижском социологическом центре. С 1998 года - ведущий редактор Издательского дома «Corvus». Ответственный за разработку и ведение издательского проекта «Военно-историческая библиотека».

Автор книги «Око тайфуна» и литературоведческих работ по произведениям ведущих российских писателей: Аркадия и Бориса Стругацких, Андрея Лазарчука, Андрея Столярова,

Михаила Веллера, Вячеслава Рыбакова, Бориса Штерна. Автор сопроводительных статей к книгам серии «Миры братьев Стругацких». Лауреат премий «Странник», «Бронзовая улитка», «Интерперссон» и «АБС-прсмий». Основатель и руководитель военно-исторического клуба «Имперский Генеральный штаб». Составитель книжной серии «Военно-историческая библиотека». Автор комментариев к книгам Б. Лиддел Гарта, М. Галактионова, Э. фон Манштейна, Ф.Шермана и другим военно-историческим трудам.

Переслегина Елена Борисовна - психолог и преподаватель. Имеет два высших образования: закончила Ленинградский Государственный университет по специальностям «экономическая кибернетика» и «когнитивная психология». Работает в Санкт-Петербургской гимназий № 192 заместителем директора по информационному обеспечению.

Предисловие авторов

«Тихоокеанская премьера» — первая наша книга, и мы, надо полагать, не убереглись от искушения, подобно герою Жюль Верна, «сделать прекрасную карту Европы, куда умудрились втиснуть Австралию». Мы включили в роман множество собственных геополитических, экономических, психологических и этических моделей, что, на наш взгляд, сделало исследование фантастическим¹.

Следуя традиции, созданной И.Ефремовым в «Таис Афинской», мы определили этот текст как «документальный фантастический роман». В данном случае строго документальной является фактическая сторона событий Тихоокеанской войны. Мы позволили себе лишь два отклонения от «исторической истины», обусловленные сугубо театральными мотивами единства времени/места/действия. На самом же деле:

1. В Цусимском сражении Исуроку Ямамото находился не на броненосце «Микаса», а на борту крейсера «Ниссин»².

2. Совместная советско-японская геологическая экспедиция на остров Матуа, которая упоминается в эпилоге, состоялась не в семидесятые годы, а на рубеже восьмидесятых и девяностых годов.

Остальные события, изложенные в тексте «Премьеры», действительно происходили в Текущей Реальности.

С другой стороны, предложенная Вашему вниманию почти шахматная «аналитика» не подкреплена историческими источниками. Нет и не может быть документальных доказательств существования глобальных, всеобъемлющих, многоступенчатых стратегических планов Ямамото или Рузвельта. В еще большей степени это относится к той совокупности оперативных решений, которую мы назвали «стратегией поражения».

Иными словами, мы не отвечаем за фактологические ошибки источников, источники же не отвечают за наши интерпретации событий.

В отличие от большинства военно-исторических книг, «Тихоокеанская премьера», хотя она и включает в себя «типовое» количество таблиц и карт, не содержит ни одной схемы сражений. Мы полагаем, что искушенный читатель уже имеет в своем распоряжении целый комплект таких схем — от канонических версий «Истории второй мировой войны» или вклеек в последнее издание Ф.Шермана до великолепной графики С.В. Сулиги во втором томе «Японских тяжелых крейсеров». Читатель же, который волею случая начал знакомиться с историей событий 1941 — 1945 годов на Дальнем Востоке по тексту «Премьеры», от схем сражений получит больше вреда, чем пользы. Сплошь и рядом

---

¹Книга, написанная европейцем и ориентированная на европейского читателя, не может быть реалистической, если она хоть в какой-то степени затрагивает философию и культуру Востока.

²В свое оправдание мы можем сказать, что ряд источников, вполне надежных во всех прочих отношениях, также «помещают» будущего адмирала па флагманский броненосец Того.

маневрирование сторон не столько проясняет рисунок сражения, сколько затушевывает его, наслаивая на первоначальные замыслы множество более или менее случайных местных тактических факторов³.

При подготовке к работе мы руководствовались двумя основными подходами к выбору фактов: сравнением и погружением. Под «сравнением» мы понимаем скрупулезный анализ деталей, поиски неточностей в опубликованных документах и достройку картины до целого с использованием перекрывающих друг друга источников, структурного анализа динамики больших систем и многовековых разработок военной теории и практики.

Занимаясь сравнением, мы старались учитывать, что на сегодняшний день психология представляет собой науку более точную, нежели история. Поэтому мы широко использовали психологические мотивы для реконструкции тех или иных событий.

Так, информационные структуры личностей адмирала Того и его адъютанта Ямамото известны очень хорошо. Теория указывает, что подобные структуры стремятся к взаимодействию. Поэтому мы сочли возможным включить в текст ряд бесед Ямамото и Того. Само собой разумеется, эти беседы никем и никогда не стенографировались, биографы не упоминают о них. Тем не менее, мы вынуждены настаивать: адмирал и адъютант обязаны были обсуждать именно эти проблемы и примерно таким образом. То же самое касается взаимоотношений между Франклином и Элеонорой Рузвельт, Джимми Дулиттлом и Хэлси и т.п.

«Погружение» — это субъективный метод присоединения к событиям, который можно использовать, если поток новой, ранее не известной автору информации (в данном случае — о стране Ямато, ее истории, традициях, самурайской психологии, эстетике миропредставления японцев и т.д.) начинает превышать совокупный информационный поток из других сфер жизни или оказывается сравнимым с ним.

С погружением временами получались казусы. Так, на вопрос: «Чем вы сейчас занимаетесь?» — от нас можно было получить ответ: «Высотой переборки на японских авианосцах» или «Пресмыкающимися с острова Новая Гвинея»...

Особенности творческого взаимодействия поставили перед нами множество интересных вопросов, в результате чего мы не удержались и вставили в книгу некую их модель, призвав на помощь двух молодых героев, которые вместе с нами вроде бы ее пишут.

Книга закончена еще и благодаря нашим друзьям, коллегам, членам военно-исторического клуба «Имперский Генеральный штаб», сотрудникам гимназии №192 и тем людям, и предоставили в наше распоряжение важнейшие работы. Так, например, Василий

Молодяков при помощи Павла Вязникова в самый нужный момент переправил из Токио в

Санкт-Петербург свою монографию «Консервативная революция в Японии».

Мы выражаем особую признательность Александру Больных, чье критическое мнение имело для нас огромное значение. Кое-какие из его едких замечаний вошли, не изменив ни формы, ни содержания, непосредственно в текст «Премьеры». Кроме того, А.Больных любезно предоставил в наше распоряжение электронные версии своих военно-исторических работ, включая и ряд не опубликованных на тот момент его переводов англоязычной литературы.

Хочется также поблагодарить: редактора Филиппова Леонида, издателя Ютанова Николая, московского писателя, палеонтолога Еськова Кирилла, директора гимназии №192 Пелевкину Ирину Остаповну, психолога Шох Ирину, менеджера Рубец Яну, художницу

3Кроме того, есть основания утверждать, что некоторые первоисточники, на основании которых делались канонические карты, содержат фактические ошибки. (Это относится, в частности, к бою у островов Санта-Крус). Во всяком случае, трудно рассчитывать на точность состыковки японской и американской раскладок, если составитель карты не заметил, что одна из сторон неверно указала реперное время восхода солнца. Часть авторов не подозревают даже того, что японский, американский и английский флоты, а также австралийские наблюдатели могут пользоваться четырьмя разными поясными временами.

Щербинину Елену, учителя Голосова Августа Григорьевича, наших родителей, в особенности замечательного историка и военного теоретика Переслегина Бориса Львовича, а также Виноградову Наталью, Барковского Яна, Васильева Александра, Стеклову Екатерину, наших детей Женю и Элю, которые мужественно перенесли двухлетние «творческие будни» родителей.

*Сергей Переслегин
Елена Переслегина*

ТИХООКЕАНСКАЯ ПРЕМЬЕРА

Некуда воду из чана
Выплеснуть мне теперь...
Всюду поют цикады!

Хокку эпохи Эдо

Театр военных действий...

Театр. Сначала — долгие, утомительные репетиции... Внесение изменений в пьесу. Сомнения, споры... И наконец — премьера. Успех ее определяется мастерством актеров, восприимчивостью публики и интуицией режиссера, сумевшего представить зрителям выстраданную им пьесу в нужное время и в нужном месте.

Подготовка к войне. Сначала — долгие утомительные приготовления. Сомнения и споры по поводу «красивых и умных» сценариев. А режиссер отвечает за все: за выбранный План, за премьеру этого Плана — генеральное сражение — и за жизнь актеров. Его здесь называют — полководцем. Его тень (а может быть, и сама смерть) — второй режиссер, полководец противоположной стороны, который разворачивает на сцене совсем другой сюжет и преследует в своей постановке иные цели... Единоборства не избежать.

Зрителями в таком Театре являются целые народы: одни жаждут крови, другие ожидают процентов прибыли с этой войны, а третьи гневно ропщут на своих богов, допустивших такое. Когда войны стихают, люди в чувствах и мыслях начинают тянуться к событиям прошлого, пишут книги, становясь полководцами за письменным столом, или идут в театр — пережить вырожденный сценарий, в котором второй режиссер будет убит до того, как пьеса первого прочитана актерам.

Мы, разворачивая в своей книге некие события, эксплуатируем реальность Последней Большой Войны на море, перепеваем извечные мысли о жизни и смерти, изреченные еще древними философами, на свой капризный лад. И тешим себя иллюзиями, будто ценность нашего изложения определяется прежде всего самосогласованностью созданного сценария, а не перечнем тех фактов, которые навяжут нам архивные монстры, хранящие единственную историю и не ведающие, что хранят...

На Востоке, куда Время по недомыслию или злобности ума завезли европейцы, своя семантика. В этой семантике — на фоне Вечности — изменения окружающего мира малозаметны и к тому же предопределены волею богов, поэтому европейское понятие «противоречие» здесь не в ходу. Течение жизней и судеб на Востоке подвержено переменам, но мы, с нашей пресловутой причинностью и скачками «из туда в обратно», едва ли можем увидеть что-либо, кроме эмоциональной окраски этих перемен. Иначе говоря, нам остается лишь угадывать их через чувства людей.

Будучи скованными заведомо узкими рамками перевода — сначала с языка иероглифов, а затем — с языка ушедших времен, мы, конечно, не раз ошибемся в описании и самих героев, и их отношений к событиям... Всего-то и останется в книге наше личное, человеческое — а значит, просто по определению необъективное — восприятие людей и мнений, так сказать, «трактовка пьесы», где мы, опираясь на документальные факты, сами расставили эмоциональные акценты.

Жизнь на Востоке, изученная чаще всего по книгам и документам, по мифам и легендам, видится нам неким пленительным ритуалом, веками отработанным сценарием, где

каждый голос сердца — к месту и ко времени и сливается с голосами природы или шумом городов. И мы рискнули поставить в книге сюжетный спектакль, памятуя, однако, о том, что Восток всегда слукавит: он покажет нам в меру длинную пьесу, оставив себе Вечность и посмеявшись над нашими попытками понять и описать, что же все-таки изменилось в Японии — со времен реставрации Мейдзи, например?

Конечно, нам бы хотелось отразить Восток в его первозданной или, если хотите, духовной ипостаси, той, которая не подверглась экспансии «свобод и демократии». Но ритуальность Японии дошла до наших дней лишь осколками прошлого, и мы изложили свои экскурсии в историю и культуру Страны Восходящего Солнца с сугубо западных позиций.

Что ж, Япония осталась для нас драконом, притаившимся за углом зеркального небоскреба... Этот самый дракон, символизирующий одновременно и уходящую Традицию, и наступающую, чуждую японцам, но уже проникшую в их души и дела Демократию, во многом схож с созданным нами героем.

Именно эта особая, двуликая театральность жизненных коллизий 1940— 1943 годов и определила первое, рабочее название нашей книги: «Тихоокеанская премьера».

Говорят, что оживленный писателем герой — часто виртуальная тень героя исторического, всего лишь оболочка, заполненная предрассудками автора, — уводит создателей в совершенно иной сюжет. Бывает и наоборот: контекст повествования, равный совокупности убеждений автора, отводит герою жестко регламентируемую роль. Вероятно, именно последнее и случилось с главным героем «Премьеры»: японский адмирал Ямамото Исуроку был безжалостно трансплантирован авторами в мир, где, вполне по-европейски, царит образ строительства собственной судьбы из подручных средств, из накопленного и структурированного цивилизацией знания.

Эксплуатируя тему войны, мы непременно хотели украсить текст усталыми достижениями философской мысли Запада. А еще применить системный анализ к событиям и психоанализ — к людям... Закончив же книгу, мы в который раз осознали, что все это: и про войну, и про стратегию — только без вылущенной наукообразности — было сказано у Сунь-цзы. И тогда в утешение нам остался герой, в которого мы вложили душу и наделили его разумом; поступки его, известные архивариусам как факты жизни и смерти, мы снабдили своими оценками, надеясь все же, что в оценках этих есть и элемент объективности, ибо выверены они по абсолютной мере — мере исторического континуума. Ну и, конечно, желая угодить сердитым историкам, мы с особым старанием погружались в реалии прошлого и текущего столетий — проверяя свою интуицию...

«Спектакли режиссеров зависят от актеров, а залы — от суфлеров...» — так утешаем мы себя и по сей день — уже закончив книгу, в ожидании реакции уважаемого читателя.

***

Итак, действующие лица и исполнители.

В романе «Тихоокеанская премьера» действуют два героя: адъютант Ямамото Исуроку, ставший к 1939 году адмиралом Ямамото и погибший в битве у атолла Мидуэй в мае 1942-го. И Адмирал, остающийся в живых еще на один год, чтобы как-то завершить реализацию дерзновенных идей адъютанта. Адмирал, вспоминающий свою жизнь... Оба героя действуют на сцене Войны Традиционности с Демократией. Демократия побеждает — в европейском смысле этого слова.

Вместе с авторами роман пишут трое наших современников, один из которых в период написания романа учится в Токио, другой живет в Ленинграде на Большой Морской улице. Третья — важная особа, мать токийского аспиранта, по сюжету отвечает за то, что происходит с романом и его создателями. Авторам легче всего показалось свалить вину за безудержное осовременивание сюжета на этих троих. Разделить, так сказать, ответственность. С общего согласия реального и виртуального коллектива авторов, Адмирал в конце своего пути осознает, что прожил свою жизнь в погоне за Временем. Он умирает по собственной воле, выстроив для зрителей иллюзию случайной смерти. Авторы более всего

занимает этот последний герой, который совсем немного не дотянул до уровня управления всеми случайностями мироздания.

ДЕКОРАЦИИ

Декорация 1

Тихий океан

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго!
Немолчный звон цикад.

Хокку эпохи Эдо

США и Япония разделены Тихим или Великим океаном. Жорж Блон в своей книге «Великий час океанов» писал: *«Что бы вы ни собирались сказать о Тихом океане, вам прежде всего нужно сказать о его величине. И потом вам опять придется вспомнить о ней, и так без конца. Это она определяет силу и направление его ветров и течений, особенности его климата, характерные черты островитян и жителей побережий»*.⁴ В еще большей степени определяет она характер, ход и исход боевых действий, тактику и стратегию сторон.

Стратегия есть превращенная форма географии (как тактика — топографии). В нашем случае место географии занимает океанография: описание Тихого океана, его окраинных морей и островных дуг, течений и противотечений, климата и рельефа. Глобальной тектоники его плит, определяющих сейсмику. Пропускной способности портов. Протяженности операционных линий. *«На огромном пространстве Тихого океана могла бы разместиться вся суша Земли, материки и острова, и еще оставалось бы свободное место. Когда летишь на реактивном самолете с острова Таити в Лос-Анджелес, через двадцать минут после вылета внизу появляются острова Туамоту, а потом за весь восьмичасовой путь до самой посадки вы уже не увидите под собой ничего, ни единого клочка земли. А вот и еще более длинный перелет: Новая Зеландия — Сан-Франциско, 10 800 километров, свыше четверти земной окружности, но на протяжении половины этого пути вы не заметите внизу ничего — ничего, кроме водной пустыни»*.⁵

Проще всего почувствовать размеры Тихоокеанского театра военных действий, сравнив его с Европейским ТВД.

От мыса Лизард на западе Корнуолла до Сталинграда 2400 морских миль. Если включить в орбиту боевых действий Исландию и Уральские горы (оба эти региона оказывали значительное воздействие на структуру войны, а при определенных обстоятельствах могли быть вовлечены в непосредственные боевые действия), протяженность европейского театра по широте составит 80 градусов, или 3200 морских миль, считая по пятидесятой широте.

От мыса Нордкап до Каира 2500 миль, еще 1200 миль от Каира до южной границы Эфиопии.

Итак, в узком смысле Европейский ТВД имеет размеры 2100 на 2500 миль, в широком — 3200 на 3700 миль, 3836 тыс. кв.км.

Между Токио и Сан-Франциско 4550 морских миль (по дуге большого круга). И 4400 миль отделяют Алеутские острова от островов Санта-Крус. Но Токио отнюдь не может считаться крайней западной точкой театра — боевые действия развёртывались и в Японском море, и в Индонезии, и на Малаккском полуострове. Так что за характерное расстояние по широте следует взять пространство между Сингапуром и Панамой, превышающее 12 000

4Ж. Блон. Великий час океанов. Тихий океан. М., Мысль, 1979.

5Ж. Блон.

миль.

Распространяя «тень» зоны боевых действий на Австрало-Новозеландский регион (а лишь полуслучайным поражением Объединенного флота при Мидуэе можно объяснить то, что дыхание войны не коснулось Веллингтона, Окленда, Перта, Аделаиды, Брисбена), получаем протяженность по долготе 6000 миль.

За исключением сравнительно узкой антарктической полосы, боевые действия в 1941-1945 гг. прямо или косвенно захватили Тихий океан целиком. *«Площадь Тихого океана равна 17 979 тыс. кв. км, что составляет половину площади Мирового океана и более 1/3 поверхности земного шара».*⁶

Но и эти цифры не окончательны. В начале 1941 года соединение Нагумо вырвалось в Индийский океан и атаковало Цейлон. Маршрут Сингапур—Коломбо составляет еще 1570 морских миль.

Откройте карту Тихого океана, посмотрите на нее глазами ответственного командира тридцатых годов, и прежде всего вы увидите пустоту, подобную межзвездной.

Средиземное море стало ареной-развертывания армий и флотов еще в античное время: столетиями и финикийцы, и греки, и римляне, и византийцы, и арабы, и венецианцы, и французы, и итальянцы, и — last, but not least — «просвещенные мореплаватели» — обстоятельно и любовно подготавливали для будущих поколений «пространство войны».

Северная Атлантика была освоена по-другому. Почти сразу вслед за Колумбом десятки кораблей устремились через океан в обоих направлениях. Сначала это были «золотые» и «серебряные» флота, и пиратские эскадры будущей «Владычицы морей», вдребезги разбивающие морское и экономическое могущество «жадной и фанатичной» Испании⁷. Потом шли корабли с пилигримами: галеоны, пакетботы и стимера. Три столетия Америка, САСШ, собирали с Европы «сливки», самую пассионарную часть населения. И вместе с промышленностью Нового Света рос трансокеанский грузо- и пассажиропоток, и вместе с лайнерами-трансатлантиками, «утюгами»-«угольщиками», «судами для доставки керосина» и «трампами» — перевозчиками генгруза Атлантику обживали военные корабли. В основном английские.

Уже к середине XIX столетия острова и побережья покрылись сетью угольных станций. В кратчайший срок распространились они и на Южную Атлантику (чему не в последней степени способствовали якобы «игрушечные» южноамериканские войны). Развитые экономики Великобритании, Франции, США да и латиноамериканских республик способствовали быстрому превращению портов и угольных станций в военно-морские базы, «...С углем исчезла красота.

Когда иду я в океан,

Рассчитан каждый взмах винта...»⁸

Великий Атлантический океан, конечно, не стал ручным, безопасным, но к Первой Мировой войне он, несомненно, был привычен, а сетка заправочных станций и оборудованных баз сделала это водное пространство обжитым — по крайней мере, для одной из сторон.

Тихий океан очень долго — до самого конца прошлого века — казался безмерно далеким от центров цивилизации. Для Европы его западное побережье было Дальним Востоком (оба слова — обязательно с большой буквы). До открытия Суэцкого канала любые маршруты из Европы на Дальний Восток обозначались пятизначным числом, да и после

6Ж.Блон.

7«Он не позволил себе и своей команде бездельничать на Тортуге, решив сделать Испанию козлом отпущения за все свои муки. Это вело к достижению двоякой цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу — конечно, не ненавистному английскому королю Якову II, но Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом» (Р.Сабатини. Одиссея капитана Блада. М., 1969).

8Р.Киплинг. М., 1975.

1869 года ситуация изменилась не принципиально.

«Грейт Истерн» великого Брунеля, спущенный на воду в 1860 году, был попыткой переориентировать восточные перевозки с паруса на пар.⁹ Но и в конце столетия тон на дальневосточных и тихоокеанских маршрутах задавали «выжиматели ветра».

«К северу от экватора существует полоса штилей, наводившая некогда страх на парусники. Там почти всегда стоит изнурительная духота. Плотный пар висит над морем — облачное кольцо, говорят моряки, — и заволакивает горизонт. В странном рассеянном свете мерцает гладкая поверхность моря. Редко в такие дни неустойчивый шальной ветерок всколыхнет это оцепенение, и опять все застынет»¹⁰

Для американских поселенцев восточное побережье Тихого океана было Дальним Западом. В период Реконструкции¹¹, когда Вифлеемские сталелитейные заводы САСШ уже начали соперничать с Бирмингемом и Эссеном, Калифорния оставалась сельскохозяйственным придатком восточных штатов, а Сан-Франциско представлял собой поселок золотоискателей.

Австралия была континентом-тюрьмой, населенным по преимуществу деклассированными элементами, которым не нашлось места внутри Британской империи. Говорить об австралийской промышленности тех времен не приходится.

Новая Зеландия даже во времена «детей капитана Гранта» была дикой землей, населенной людоедами.

Китай и Япония, страны с древней и великой историей, по причинам, не вполне очевидным и для современной науки, замкнулись в собственных границах, не проявляя ни малейшего энтузиазма к делу колонизации Великого океана.

Был еще русский Дальний Восток с сомнительной (однако же, как выяснилось, неуязвимой) крепостью Петропавловск-Камчатский и гордым городом Владивосток, неизменно, со дня основания и до нынешних времен исполняющим обязанности главной русской военно-морской базы на Дальнем Востоке.

Случись Вам попасть во Владивосток в начале семидесятых, город, ярусами вздымающийся над бухтой Золотой Рог, предстал бы перед вами одним из красивейших уголков земного шара. Тайга начиналась в десятке метров от многоэтажек, а в магазинах продавались кедровые орехи, медвежати́на и мясо изюбра. В музее Арсеньева оккупировали витрины ордовикские трилобиты, в центральном зале напружинил мягкие лапы уссурийский тигр.

Из Владивостока вела железная дорога — на Хабаровск. Там она разделялась на ветку до Комсомольска-на-Амуре и Совгавани (и — паромом — на Сахалин) и основную ветвь Транссиба — на Читу — Иркутск и далее через Западную Сибирь и Урал в Европейскую Россию.

Эти магистрали — единственные. Даже центральный для всего Приморского края аэропорт Артем не связан с Владивостоком железной дорогой, как и военно-морские базы на заливе Петра Великого, которые, кажется, и сейчас еще нельзя называть и обозначать на географической карте.

А в девятнадцатом веке на русском Дальнем Востоке не было ни одной железной дороги. На американском Дальнем Западе — одна.

9«Грейт Истерн», водоизмещением 18 915 тонн (главные размеры 210,4x25,2x14,7x9,1 м), в течение полувека оставался крупнейшим из когда-либо построенных судов. При пассажировместимости, составляющей около 4000 человек, «Грейт Истерн» мог принимать запасы угля на 22 000 миль. Серьезные затруднения, возникшие при спуске корабля на воду и последующей достройке, привели к смерти главного конструктора и разорению судовладельца. Новые хозяева поставили лайнер на трансатлантическую линию, позднее «Грейт Истерн» использовался как кабелеукладчик. (См.: С.Белкин. Голубая лента Атлантики. Л., Судостроение, 1990).

10Ж.Блон.

111865-1879 гг.

Оперативная напряженность на Тихом океане с неизбежностью должна была нарастать. На севере стреляли друг в друга русские и американские китобои. Япония, претворившая себя в государство европейского типа, заинтересовалась Кореей, Китаем да и русским Дальним Востоком. В Индонезии и Малайе, в Индокитае, на Филиппинах, на бесчисленных островах бесчисленных архипелагов сталкивались интересы колониальных держав — Великобритании, Испании, Голландии, Франции, Германии. Таким образом, и на этом Театре началось конструирование пространства войны.

Это произошло сравнительно недавно — в самом конце XIX столетия.

«Подробность и достоверность информации, представленной на картах атласа, неодинакова из-за различной степени изученности района Тихого океана <...> Многие изолинии, как недостаточно достоверные, изображены пунктиром. В некоторых районах из-за отсутствия наблюдений специальная нагрузка не показана; такие места на картах имеют светло-голубую окраску»¹²

Во второй половине прошлого века визитной карточкой научно-технического прогресса, мерилом экономических и промышленных возможностей государства стал военный корабль. Броненосцы, затем дредноуты и, наконец, авианосцы были безумно дороги. Но многократно дороже были оборудованные военно-морские базы — с противоторпедными сетями, с углубленными фарватерами, с защищенными якорными стоянками, с могущественной береговой артиллерией, с сухими доками, способными вмещать крупные корабли, с ремонтной и строительной базой, с развитой инфраструктурой, поддерживающей существование десятков тысяч моряков, гражданских специалистов и членов их семей. Даже богатые индустриальные области с большим трудом могут позволить себе создать «с нуля» подобную базу.

Берега Тихого океана представлялись европейцу далекими, как поверхность Луны.

И всё — кроме воды да некоторых сельскохозяйственных культур — нужно было ввозить в эти земли из Европы (либо с Атлантического побережья США). Япония не была исключением: ее экономика, по крайней мере до рубежа столетия, не могла обеспечить функционирование флота европейского уровня и соответствующих ему военно-морских баз.

В результате великая и могущественная Англия вынуждена была довольствоваться одной хорошо оборудованной базой — Сингапур на Малаккском полуострове стал символом Империи и оплотом ее могущества в дальневосточных водах. Флот САСШ базировался на Сан-Диего, но начиная с эпохи Теодора Рузвельта американские адмиралы все с большим воодушевлением засматриваются на Гавайские и Алеутские острова; в межвоенный период некие подбазы создаются на Уэйке и Мидуэе. Впрочем, по критериям Атлантики, даже Перл-Харбор в сороковые годы может называться оборудованной базой лишь очень условно.

Китай и Россия делили почти непригодный для базирования кораблей Порт-Артур. Владивосток и Петропавловск (в межвоенный период также попавшие в сферу пристального интереса американцев, что характерно) замерзали зимой, да и оборудованы эти базы были немногим лучше Порт-Артура.

Великий Флот Страны Восходящего Солнца базировался на Сасебо и Майцзур. Попытка построить что-то вроде базы на «подмандатных территориях» провалилась полностью: даже сами японцы называли эти пункты «якорными стоянками».

Была также удобная Манильская бухта (без всяких следов ремонтных мощностей) и еще менее пригодные для серьезных боевых кораблей порты Индонезии. И на 17 979 тыс.
КВ.КМ более не было ничего!

Со стратегической точки зрения такая необорудованность театра военных действий должна была привести с одной стороны к ожесточеннейшим сражениям за немногочисленные базы, якорные стоянки и угольные/нефтяные станции, а с другой — к необычайно маневренному характеру боевых действий.

Конечно, нельзя утверждать, что оборонительная стратегия на просторах Тихого

---

¹²Атлас океанов. Тихий океан. Главное управление геодезии и картографии при Министерстве обороны СССР. М., 1974.

океана обязательно обрекалась на поражение. Но, во всяком случае, она приводила к значительным трудностям, едва ли в полной мере преодолимым.

Оперативные линии Тихого океана скрещиваются под тупым углом.

Первая идет от Берингова пролива через побережье Камчатки, восточную Японию, Филиппины на Джакарту. Она задает естественное направление экспансии для Империи Восходящего Солнца.

Вторая, соединяя Сан-Диего, Гавайи, Марианские острова, Филиппины и британский Сингапур, определяет вектор движения империи Соединенных Штатов.

Линии пересекаются в британском Брунее (Калимантан, Индонезийский архипелаг). К югу от этой точки располагается Австралия — материк, который целиком находится внутри тупого угла, образованного скрещением силовых линий. В неевклидовой геометрии войны огромная «тяготеющая масса» «зеленого континента» искривляет оперативные вектора, отклоняя их соответственно к востоку и югу. Потому считается, что контроль над Австралией, даже косвенный, дает решающее военное преимущество. (Суть дела не столько в дополнительной «точке опоры», сколько в возможности разрушать геометрию операций противника.) В 1941 — 1943 годах эта «модель первостепенной стратегической важности Австралии», вообще говоря, далеко не бесспорная, оказала определяющее воздействие и на ход, и на исход боевых действий.

Вновь раскроем карту Театра и изучим ее, следуя ходу силовых линий.

*«Обрамление впадины Тихого океана образуют подводные окраины материков с их материковыми отмелями (шельфами) и склонами, а также со сложными комплексами островных дуг и связанными с ними глубоководными желобами, которые в свою очередь отделяют от океана котловины окраинных морей».*¹³

«Японская» линия проходит по окраинным морям.

Северный район образован Беринговым морем, которое отделено от океана стратегически непроницаемым барьером Алеутских и Командорских островов. Значение этого региона, во-первых, во-вторых и в-третьих, в том, что через него идут самые короткие коммуникации между Азиатским и Американским материками, иными словами — между СССР/Россией и США. По сравнению с этим обстоятельством меркнет даже невероятное природное богатство Аляски и Чукотки, где добывается золото, серебро, полиметаллы, лес, пушнина, нефть.

До продажи Аляски весь этот регион находился в полном распоряжении России, что обеспечивало стране идеальные стартовые условия в предстоящей борьбе за Тихий океан (правда, лишь при наличии достаточной транспортной связности района с Европейской Россией). После утраты «Русской Америки» в Беринговом море возник стратегический баланс, который благополучно пережил все мировые войны и просуществовал до распада СССР: две симметричные базы, расположенные всего в 1250 милях друг от друга, то есть в масштабах Тихого океана очень близко, — Петропавловск и Датч-Харбор — нейтрализовывали друг друга.

К югу от Берингова располагается Охотское море, названное русским геологом и путешественником Обручевым скверным углом Тихого океана.

Военного значения этот район туманов, дождей, сильных и нерегулярных ветров не имеет, так как сколько-нибудь важные коммуникации в «колымском краю» напрочь отсутствуют, а от открытого океана море отделено цепочкой Курильских островов.

Охотским морем начинается Центральный район западной части Тихого океана. В конце XIX — начале XX века он был предметом спора трех держав, претендующих на будущее величие: Китая, России и Японии. Китай, впрочем, уступил почти без борьбы. Тогда уступил...

Оперативные противоречия концентрировались в Японском море.

Для России островная дуга Кюсю — Хонсю — Хоккайдо перекрывала выход в океан,

обесценивая Тихоокеанский флот и его главную базу — Владивосток. Лишь слабая, *более слабая, нежели Турция*, а в идеале — зависимая Япония могла предоставить России свободу действий в Южных морях.

Для Империи Восходящего Солнца Россия была нестерпимой фланговой угрозой. Над экспансией в Китай и Корею нависали с севера русские сухопутные силы. Продвижение к югу контролировалось с запада русским флотом. При любом раскладе без нейтрализации Японского моря территориальное развитие империи было исключено: история пересмотра Симоносекского мирного договора¹⁴ продемонстрировала это достаточно наглядно.

Далее к югу Японские острова сменяются архипелагом Рюкю (Нансей), а на смену Японскому приходит следующее окраинное море Восточно-Китайское. Северная часть его, более мелководная, традиционно называется Желтым морем. В 1904 — 1905 годах оно было ареной сражений, определивших судьбу всего Центрального района.

К тридцатым годам Япония установила полный контроль над регионом. Все выходы в океан были в ее руках. И русский-то флот влачил жалкое существование, не говоря уже о китайском. Порт-Артур и Циндао были захвачены, Владивосток нейтрализован: отныне все значимые военно-морские базы и якорные стоянки Центрального района принадлежали империи.

В Центральном районе сосредоточена аграрная и индустриальная база Японской державы. Сырьем и продовольствием острова метрополии снабжаются в основном с материка, потому Корейский пролив представляет собой важнейшую транспортную артерию Страны Восходящего Солнца. С проникновением американских подводных лодок в район островов Цусима война для Японии должна была закончиться.

Центральный район включает остров Тайвань (Формоза), экономическое значение которого убедительно проявилось в наши дни. До войны это был по преимуществу аграрный остров, военное значение которого исчерпывалось сомнительной якорной стоянкой и более убедительной базой ВВС.

Далее к югу морфология Тихого океана резко меняется. Если Филиппинский архипелаг, знаменитая «страна ста тысяч островов», сказочно богатая оловом, медью и другими цветными металлами, еще может рассматриваться как классическая островная дуга, отделяющая от открытого океана очередное окраинное море (Южно-Китайское), то Малакско-Индонезийский барьер, образовавшийся в зоне взаимодействия Австралийской плиты и евроазиатского суперконтинента, представляет собой причудливое нагромождение едва ли не всех известных геологических структур. *«Здесь наблюдаются самые большие на планете контрасты рельефа: превышение горных вершин суши над близлежащими впадинами дна океана достигает почти 15 000 м»*¹⁵

Южный район является драгоценным бриллиантом в короне Тихого океана, и трудно сказать, какими природными ресурсами он обделен. С военно-стратегической точки зрения особое значение имеют нефтяные поля Борнео — главная цель и одновременно необходимое средство войны для задыхающей без топлива японской метрополии.

Именно здесь, в мешанине бесчисленных островов и проливов, сталкиваются «японская», «английская» и «американская» оперативные линии, что с неизбежностью превращает регион в арену кровопролитных боев.

---

¹⁴Симоносекский договор между Японской империей и Китаем был заключен 17 апреля 1895 года. Потерпев поражение в войне, Китай был вынужден отказаться от своего сюзеренитета над Кореей и выплатить контрибуцию в размере 200 миллионов лянгов. Японии передавались Формоза, Пескадорские острова (о-ва Пэнхуледао) и Ляодунский полуостров с военно-морской базой Порт-Артур. Уже 23 апреля Россия при дипломатическом содействии Франции и Германии потребовала вернуть Ляодунский полуостров Китаю (за дополнительные 30 миллионов лянгов контрибуции). В благодарность китайское правительство передало Ляодун России на правах бесплатной и бессрочной аренды (очевидно, добровольно).

¹⁵ Атлас океанов. Тихий океан.

Сказать, что Южный район плохо оборудован в военном отношении, значит приукрасить реальность. В действительности он не оборудован никак, и даже гидрографическое описание его берегов и проливов оставляет желать лучшего.

Единственной настоящей военно-морской базой здесь является Сингапур. Впрочем, за отсутствием гербовой бумаги пишут на простой, и голландцы называли базой флота Батавию (Джакарту), американцы пользовались Манилой, а японцы довольно долго ориентировались на Рабаул и мечтали о Дарвине и Порт-Морсби.

Сингапур расположен на крайнем западе Тихого океана. К северо-востоку от этой крепости располагается Южно-Китайское море, отделенное от океана Филиппинским архипелагом и островом Борнео (Калимантан). К юго-востоку лежат Суматра и Ява.

Между Калимантаном и Зондскими островами находится Яванское море, господство в водах которого определяет судьбу голландской Ост-Индии. Двигаясь из Яванского моря на север (через Макасарский пролив), корабли попадают в цепочку морен Сулавеси и Сула и далее на Филиппины. Направление на восток — вдоль «американской» оперативной линии — приведет в причудливое переплетение почти не исследованных морей: Бали, Флорес, Банда, Серам, Хальмахер, Молуккское море.

К югу от Зондского барьера (море Саву, Тиморское и Арафурское моря) ощущается сильное стратегическое влияние Австралии: эти акватории контролируются авиацией, базирующейся на Дарвин.

Мелководный и крайне опасный для мореплавания Торресов пролив отделяет Австралию от Новой Гвинеи и разграничивает Арафурское и Коралловое море.

Новая Гвинея в известном смысле уникальна: опыт войны показал, что ее транспортная связность в меридиональном направлении строго равна нулю.

В течение почти всей войны северное побережье острова не только находилось в руках японцев, но и представляло собой их передовую базу. Южным же побережьем неизменно владели союзники. Однако ни той, ни другой стороне не удалось преодолеть пятикилометровый горный хребет, заросший непроходимыми джунглями. Хотя попытки были.

Еще дальше к востоку располагаются Соломоновы острова и острова Санта-Крус, отделяющие (вместе с Новыми Гебридами) Коралловое море от Тихого океана. Здесь, вокруг небольшого острова Гуадалканал, вся «вина» которого заключалась в том, что на его побережье была расчищена от джунглей небольшая взлетно-посадочная площадка, разыгрались самые кровопролитные сражения войны.

Теперь мы окончательно покидаем «японскую» силовую линию, значительно отклонившуюся, как мы и предупреждали, к востоку. Но прежде чем, следуя «американской» линии, повернуть на север, скажем несколько слов о сейсмологии западной части Тихого океана.

*«Тихоокеанский тектонический пояс, простирающийся от краевых океанических желобов до окраин древних материковых платформ, начал формироваться приблизительно 1,5 миллиарда лет назад». Здесь «происходит около 80% всех наиболее сильных поверхностных землетрясений мира, большая часть промежуточных и почти все сравнительно немногочисленные глубоководные землетрясения. Землетрясения с глубиной очагов более 300 км наблюдаются южнее островов Фиджи, в морях Банда, Яванском, Сулавеси и Южной Америке. Пояс глубоководных землетрясений проходит также через северную часть Японского и южную часть Охотского морей».*¹⁶ Собственно, на всем земном шаре лишь в этом регионе данные вулканологии и сейсмологии непосредственно учитываются при оперативном планировании.

Восточная часть Тихого океана устроена совсем иначе, нежели западная. Здесь нет окраинных морей и островных дуг: Кордильеры и Анды круто спускаются к открытому океану, и далее к западу на тысячи морских миль нет ничего, кроме воды.

На тихоокеанском побережье Америки всегда дуют ветра, разгоняя и обрушивая на

берег огромные, длинные (с периодом до 60 секунд) волны. Они почти никогда не бывают ниже 1,5 — 2 метров, но нередко достигают высоты многоэтажного дома. В наши дни калифорнийское побережье — излюбленное место любителей серфинга.

Стабильные и сильные ветра порождают устойчивые течения и противотечения. Некоторые из них — южное пассатное и течение Куросао, прозванные «течениями смерти», поскольку рыбацкие лодки, бальсовые плоты и легкие парусники, попав в их объятия, уходили от родной земли и никогда уже не возвращались обратно, — вероятно, сыграли решающую роль в освоении Океании человеком.

Если ветра тропосферы как-то зависят от времени года и прочих привходящих и случайных причин, то на высотах 9—12 километров неизменно господствует струйное течение со скоростью ветра до 64 м/с, называемое «западным переносом». Во время войны японцы сделали столь же оригинальную, сколь и бесполезную в оперативном отношении попытку использовать его для бомбардировки американского побережья с помощью воздушных шаров. В результате в штате Орегон, возможно, сгорело несколько гектаров леса.

Западное побережье США не слишком богато оборудованными портами, однако Сиэтл и Сан-Франциско уже к началу столетия играли существенную роль в международной торговле. Южнее Сан-Франциско располагается главная база американского тихоокеанского флота — Сан-Диего, отправная точка «американской» силовой линии.

Линия идет через весь океан к Филиппинам, пересекая Гавайские и Марианские острова.

Гавайи были аннексированы Соединенными Штатами в 1898 году. С 1908 года на острове Оаху начал создаваться Перл-Харбор, передовая база американского Тихоокеанского флота. Работы шли медленно, поскольку решительно все материалы приходилось доставлять с материка. Когда десятилетием позже непосредственно в гавани Гонолулу затонула подводная лодка, ее поднимали несколько месяцев, поскольку в крупнейшем порту архипелага не оказалось портовых кранов, газосварочных аппаратов, лихтеров, понтонов и водолазного снаряжения... К тридцатым годам положение несколько улучшилось, но все равно Перл-Харбор лишь с очень большой натяжкой можно было назвать вполне оборудованным военно-морским портом. Относительная слабость материальной и ремонтной базы Гавайских островов оказала значительное влияние на предвоенное планирование, прежде всего японское.

Архипелаг, вытянувшийся на 3600 километров с запада-северо-запада на восток-юго-восток, кажется земным раем. Среднемесячная температура меняется здесь от 18 градусов в феврале до 25 градусов в августе. На вершинах потухших вулканов зимой лежит снег. Осадки почти целиком сосредоточиваются на наветренных склонах гор (на острове Кауаи выпадает до 12 500 мм осадков в год), в то время как на остальной территории почти всегда стоит хорошая, солнечная погода. На островах растут ананасы, кофе, сахарный тростник. Промышленность и в наши дни сводится к сахарной и фруктоперерабатывающей. Тогда, в тридцатые годы, острова не были туристской Меккой, но посещались уже изрядно, что при господствующей на островах атмосфере доверия, благожелательности и курортной суеты затрудняло сохранение в тайне хоть каких-то сведений, относящихся к тихоокеанскому флоту. Собственно, о перемещении американских боевых кораблей не знали на Гавайях только самые ленивые или совсем нелюбопытные.

После Оаху линия отклоняется к северо-западу, «притяннутая» стратегическим «весом» Японской метрополии, и в 1200 милях от Гавайского архипелага проходит через атолл Мидуэй, остров «на полпути». Трудно переоценить влияние, который этот клочок земли, единственный между Токио и Гонолулу (Сасебо и Перл-Харбором), оказал на развитие Тихоокеанской войны.

От Мидуэя «американская» силовая линия сворачивает на юг и через Уэйк идет к Марианским островам. Здесь «геометрическая стратегия» начинает резко расходиться с «физической». Геометрия ведет американскую экспансию на запад — через Филиппинское море (арену ожесточенных морских битв в 1944 году), юг Филиппинского архипелага,

Бруней — на Сингапур, оплот британского владычества в Южных морях. Воздействие Австралийского континента, однако, отклоняет линию к югу, даже к юго-западу, заставляя сделать полупетлю к группе Соломоновых островов и Новой Гвинее и лишь затем вернуться в русло «оперативной геометрии». Здесь, в южном районе западной части Тихого океана, силовые линии противников, как мы уже отмечали, тесно переплетаются.

Привходящие обстоятельства (прежде всего участие Британской империи в войне на стороне США, в то время, как ее геополитические интересы требовали поддерживать Японию) привели к тому, что оказалась «незадействованной» южная, или «английская», операционная линия, протянувшаяся от Сингапура на Рабаул, Брисбен (с возможным отклонением к Новой Зеландии), Фиджи, острова Общества, Панаму.

Природные условия вдоль «английской противолинии» примерно те же, что и на идущей ей антипараллельно американской. Следует упомянуть лишь австралийский Большой барьерный риф, который затрудняет навигацию вдоль восточного побережья «зеленого континента», и Панамский канал, являющийся нервным центром американского военного организма.

Вся военно-морская стратегия США построена на возможности свободно маневрировать флотом между тихоокеанским и атлантическим театрами военных действий. Почти вся судостроительная промышленность страны сосредоточена на Восточном побережье, и вновь построенные корабли могут в приемлемые сроки попасть в Калифорнию и на Гавайи только через Панамский канал. (Плавание вокруг Американского континента с учетом особенностей южноамериканских портов и характерных для Огненной Земли погодных условий представляет собой мероприятие, сравнимое с походом русской Второй Тихоокеанской эскадры.) Поэтому выход Панамского канала из строя поставил бы США перед необходимостью разрабатывать — в условиях уже ведущейся войны — новую доктрину использования ВМС.

В 1941 — 1942 годах японцы пытались организовать диверсионный акт, или набеговую операцию, против шлюзов Панамского канала, но без особой настойчивости.

Декорация 2

Соединенные Штаты Америки

Если определять суть страны одним единственным символом (не столь уж бессодержательное, как может показаться, занятие), то Америка окажется неким Протеем, изменчивым монстром, с удовольствием принимающим внешний облик всех известных — и на деле абсолютно чуждых ему — структур, установлений и институтов.

Обязательно нужно иметь в виду, что для США сходство вовсе не подразумевает тождество, поскольку эта страна описывается не учебниками и путеводителями, не картами и статистическими таблицами, но ироничными строками Роберта Шекли:

«Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. <...> Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — приносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей. <...>

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключения из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно). <...>

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти себя. Но лишь в

Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаруживаешь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное. <...>

Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть».¹⁷

Между Америкой и Европой лежат три тысячи морских миль Атлантического Океана и пять тысячелетий истории.

Цивилизации IV—III тысячелетий до н.э. возникли в долинах больших азиатских рек. Три такие реки — Нил, Евфрат и Тигр — находились достаточно близко друг к другу, разделенные сотнями, но не тысячами километров земель, ныне пустынных и покрытых мертвой соляной коркой, а тогда известных как «Плодородный полумесяц», земель, населенных энеолитическими племенами и застроенных городами. Здесь цивилизации Египта и Двуречья в глубочайшей древности вступили во взаимодействие, которое и заложило основу средиземноморской Ойкумены — мира обитаемого. Медленно-медленно, на протяжении десятков веков, границы Ойкумены продвигались к западу, охватывая Средиземноморье. К рубежу нашей эры Римская империя — первая и пока что единственная действительно универсальная структура, сумевшая оказать на человечество организующее влияние, — превратила цивилизованную Европу в государство с единым управлением, общим для всех официальным языком, налаженной транспортной сетью. Сотни народностей, миллионы людей были объединены общей культурой и общей историей.

В этом мире жили общеевропейские олимпийские боги и «маленький народец» кельтской мифологии, рождались и умирали асы и ваны северного эпоса, воевали между собой суры и асуры древних. В это переплетение рас и столетий пришли Бог Живой раннего христианства, пророк Мухаммед и принц Сиддхартха Гаутама.

Крушение Рима отбросило цивилизацию на столетия. Потребовались века, чтобы лишь смягчить последствия катастрофы. Но гибель великой средиземноморской культуры открыла дорогу Католической Церкви, организующей структуре принципиально нового в сравнении с Империей типа. Волны великого переселения перемешали цивилизованные (и уже уставшие от цивилизации) и «молодые» народы, способствовав переходу от средиземноморской к европейской цивилизации. ...Разбиты на Каталаунских полях полчища гуннов¹⁸, великий Велизарий во славу Юстиниана реставрирует Рим, великолепные подвижные армии под зеленым знаменем Пророка создают блестящую империю мусульманского Ренессанса. *«Победы сменялись разгромами, рушились высокие башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса, золото осыпало усыпальницы мертвых царей, смыкались каменные своды, и над прахом поверженных царств выростала густая трава»¹⁹*, после битвы при Пуатье²⁰ началась Реконкиста, с востока пришли венгры и турки-сельджуки, крестоносцы *«иными, а именно насильственными средствами»* восстановили средиземноморский товарооборот, согнулась Русь под натиском армейской группы Субудая,

---

¹⁷Р.Шекли. Обмен разумов // Библиотека современной фантастики. Т. 16. М., Молодая Гвардия, 1968.

¹⁸Каталаунские поля — равнина к западу от Труа, на которой войска Западной Римской империи (в союзе с вестготами, франками, бургундами и пр.) разгромили в июне 451 года н.э. армию гуннов и их союзников. «В этот день сам Атилла потерпел поражение. Вы представляете, сколько воинов пришлось уложить для этого?» (Е.Шварц. Дракон).

¹⁹Д.Р.Р. Толкиен. Властелин колец. М., 1982.

²⁰Имеется в виду первая битва при Пуатье, 4 октября 732 года, когда тяжелая конница К.Мартелла разгромила арабское войско. После этого сражения арабы отступают к Пиренеям, Халифат переходит к стратегической обороне.

Мухаммед Великолепный стал господином Константинополя, пали знамена Ливонского ордена, последней значимой внегосударственной военно-политической организации Европы...

И наступило время Великих Открытий.

Эпоха, которая не имела прототипа и которая никогда уже не повторится, если только Космос не будет однажды объявлен новой Ойкуменой.

Корабли покидали обжитую (многократно проклятую, пропитанную историей и залитую кровью и потом) Ойкумену и уходили в НИЧТО. Годы спустя, возвращались... один корабль из пяти и десять-пятнадцать полуживых от цинги, усталости и ностальгии людей. Из многих сотен.

Эти корабли и эти люди расширяли мир, но не Ойкумену. Они создавали фронтир, границу. Окраину.

Европейцы начали заселять восточное побережье Америки почти сразу вслед за Колумбом. Перед ними было огромное и пустое пространство. Пустое — прежде всего информационно. Мир без Истории. Без Тора и Одина, Зевса, пророка Ильи, Ромула и Рема, Юлия Цезаря и Александра. Мир, в котором НИКОГДА не жил Бог.

Индийские племена, находящиеся по уровню развития где-то между поздним неолитом и ранним энеолитом, были некоей экзотикой, врагами или союзниками, в чем-то — отвратительными дикарями, в чем-то — примерами для подражания, но ни при каких условиях сотканная ими архаичная *инфосфера* не могла порождать в психике колонистов новые смыслы. Белые люди пришли в «лес без имен и названий», в мир без прошлого, без сказок и мифов, порождаемых «землей предков» и рисующих в коллективном бессознательном тончайшую структуру архетипов.

Первый период американской колонизации можно назвать протестантским.

Приходили гугеноты, изгнанные из Европы войнами, бунтами и гонениями. Приходили, чтобы сохранить в сердце своего личного Бога. Увы, оказалось, что этому Богу нет места на чужой для него земле. Ирония, возможно, и сейчас не понятая до конца: протестанты, проклиная языческую красоту готических соборов, могли переживать единение с Богом только в стране, где были эти ненавидимые ими соборы. Потому что, увы, протестантизм — не более, чем один из многих прекрасных узоров на куполе Небесного Храма, воздвигнутого поколениями католиков.

Они тогда — в шестнадцатом, семнадцатом веке — не понимали этого. Молились часто и искренне, не зная, что обращаются уже не к искупителю человечества, а к прагматичному и умеренному демиургу Труда, Порядка и Богатства.

Новое общество строилось на утверждении власти этого демиурга и на отрицании ценностей Европы, выстрадавшей за столетия истории мистический опыт духовной жертвы. С самого начала мир Америки содержал почти незримую подмену понятий: то, что для Европы было содержанием, оказалось для Нового Света только формой, представляющейся, однако, именно содержанием. *«Вещи не всегда, такие, как кажутся».*

История в нашем, европейском, понимании этого слова, началась в США лишь в самом конце XVIII века, когда первые общеамериканские герои — Отцы-Основатели — сконструировали первый священный американский текст — доньне действующую Конституцию страны. Ту самую — *«люди рождаются равными...»*. Росчерк пера Томаса Джефферсона положил начало второму периоду колонизации Нового Света, когда главной ценностью американцев стала свобода.

В первые десятилетия следующего века была заложена основа будущего процветания величайшей западной демократии.

Современная американская транспортная сеть почти целиком подчиняется условиям теоремы Кристаллера об идеальном распределении иерархических сетевых узлов. В результате транспортное сопротивление огромной трансконтинентальной страны минимально, а связность высока настолько, что позволяет создать оптимизированную

экономику и оборонять территорию с помощью одной-единственной дивизии.

Экспансия на запад была первым естественным направлением социальной динамики Континентального Конгресса, которому суждено было стать Северо-Американскими Соединенными Штатами, а затем и Соединенными Штатами Америки. Эта экспансия опиралась на развитую уже технику начала XIX столетия, на постоянный приток пассионарно активных эмигрантов из Европы, на неимоверное богатство земель, ранее никогда не эксплуатировавшихся человеком. Но решающим фактором стал равнинный характер континента... Теорема Кристаллера, собственно, и была доказана для такой идеальной бесконечной плоскости.

Все же природная дифференциация климатических зон континента породила противоречие между Югом и Севером. Экономика Юга опиралась на выращивание экспортных культур — табака и хлопка — при использовании рабского труда, транспортная сеть была вытянута вдоль течения Миссисипи. (Собственно, Юг отказался от преимуществ, которые давало «естественное» конструирование узлов связности по Кристаллеру, в пользу высокоэффективного речного транспорта.) В свою очередь Север воспользовался своей развитой железнодорожной инфраструктурой для обеспечения работы предприятий тяжелой индустрии, эксплуатирующих труд свободных наемных рабочих.

К середине столетия в САСШ были две экономики, две транспортные сети, две внутренние и внешние политики. Необходим был лишь повод, чтобы на территории страны возникло два правительства, управляющих двумя армиями и двумя военно-морскими флотами. Повод отыскался на Западе.

Обе структуры — и Северная и Южная — были заинтересованы в экспансии к тихоокеанскому побережью, но для железнодорожного Севера она была более естественна. Решение Конгресса, согласно которому все вновь создаваемые на Западе штаты объявляются свободными от рабства, стало смертельным для культуры и экономики Юга и вынудило рабовладельцев попытаться счастья в безнадежной войне.

В этой войне обе стороны остервенело защищали свое представление о свободе.

Вслед за победителями-янки мы привыкли считать рабовладельческую культуру американского Юга отвратительной grimасой истории. Но, рассуждая в терминах греха и воздаяния, мы должны помнить, что Юг не был повержен подвижничеством аболиционистов и примером свободных людей Севера. Не был он и разбит на поле брани «черным ураганом» восставших рабов, вооруженных винтовками, изготовленными на фабриках промышленных северных штатов.

Конфедерация, уступающая своему противнику в экономическом и техническом отношении, с первых дней войны подвергнутая четко организованной морской блокаде, сражалась более четырех лет. Ее офицеры показали себя грамотными, инициативными и отчаянными людьми, ее кораблестроители, имея в своем распоряжении заведомо негодные средства, до самого конца поддерживали флот мятежников в исправном состоянии. Никто не будет умирать ради свободы рабства и прибылей плантаторов. Офицеры и солдаты Юга воевали так, как сражаются только за родной дом, за своих близких, за свой образ жизни. Впрочем, к северянам это тоже относится...

Юг был сломлен морской блокадой и блестящим рейдом отряда Шермана по Атланте и Джорджии. Блестящим — но и беспредельно жестоким. Шерман не стал воевать с армией противника. Вместо этого он подорвал самые основы экономики Конфедерации, разрушил хозяйственные связи Южных штатов и полностью разорил страну. Война была окончательно проиграна Югом в тот день, когда солдаты Шермана уничтожили полотно единственной на весь Юг магистральной железной дороги.

Может быть, именно в этот день окончательно сложился специфический «американский стиль» ведения войны. Прежде всего противник подвергается полной идеологической и информационной изоляции: отныне в глазах всего мира он должен стать воплощением зла, притом зла тупого и ограниченного. Затем войне в обязательном порядке придаются черты освободительного похода. Американцы никогда не воюют *против* какого-

то народа, они предпочитают бескорыстно сражаться за его освобождение. Это снимает чувство вины и обесценивает все этические ограничения, в результате усилия американской военной машины ориентируются против инфраструктуры вражеской страны, против ее городов, против основы существования ее людей.

Лицемерие американской военной политики лежит на поверхности, гораздо труднее разглядеть за разоренными селами и превращенными в каменный щебень городами ее несомненную *искренность*. Янки не знают поражений... потому, может быть, что истовой верой в справедливость своего дела они превращают его в справедливое.

Разгром Юга положил начало эпохе Реконструкции. За три десятилетия Северо-Американские Штаты превращаются в одну из ведущих индустриальных держав мира. «Старые» Северо-восточные штаты специализируются как торговые, кораблестроительные, административные центры. Промышленная революция продвигается на средний Запад, транспортная сеть выходит на Тихоокеанское побережье. *«От Сакраменто до Портленда с Бостоном льнет к океанам она...»*

Это были годы, когда окончательно сложилась доктрина Монро, известная своей чеканной формулировкой: «Америка — для американцев», но не сводящаяся к ней.

Доктрина Монро более полутора веков является краеугольным камнем американской политики. Со стратегической точки зрения она прежде всего подразумевает безусловный *избыточный* контроль над Западным полушарием.

Военное положение Северо-Американских Штатов можно назвать идеальным. Оба ее побережья отделены от дивизий вероятного противника не проливами, а океанами. С техникой XIX да и XX столетия десантные операции против США находятся за гранью реального. Даже Гитлеру, который не отличался излишней взвешенностью оперативных оценок, высадка в Америке представлялась чем-то вроде десанта на Луну.

На континенте США граничат только с двумя странами — Мексикой и Канадой. Обе они — Мексика в большей степени, Канада чуть в меньшей — находятся под экономическим и финансовым контролем США. Эта зависимость прослеживается с тридцатых годов XIX века, но окончательно оформилась она к концу периода Реконструкции. В результате к концу столетия военная угроза американской метрополии окончательно была сведена к минимуму.

Кроме того, начертание границы между США и Канадой оказалось очень удачным. Математический расчет лишь подтверждает интуитивный вывод об оперативной устойчивости этой линии — при вооруженном конфликте развернуть серьезное наступление через рубеж «река Святого Лаврентия — Великие озера» не могла бы ни одна из сторон; военные же действия в холмистом бездорожье, начинающемся к западу от Озер, выглядели бы лишенными цели и смысла.

Границу с Мексикой американское правительство последовательно отодвигало к югу; уже к Гражданской войне все основные дороги и транспортные узлы оказались на территории САСШ, южнее же располагалась по преимуществу пустыня, мало приспособленная для развертывания и снабжения больших группировок войск.

Итак, Штатам была предоставлена уникальная возможность развиваться, почти не затрачивая сил на обеспечение своей безопасности. После завершения Гражданской войны сухопутные силы страны могли быть сокращены буквально до единиц дивизий. Поддержание внутренней стабильности и охрану почти «пустых» границ на юге и севере можно было доверить национальной гвардии.

Доктрина Монро, сформулированная в 1823 году, предусматривала два «естественных» направления экспансии — на запад и на юг. Исходным пунктом и для того, и для другого продвижения были земли по правому берегу Миссисипи — французская Луизиана. Эти территории правительство Штатов купило у Первого Консула еще в 1803 году. Всего за 15 миллионов долларов страна вдвое увеличила свою площадь и, главное,

установила контроль над междуречьем Миссури и Арканзаса, оперативным центром Северо-Американского континента.

К концу эпохи Реконструкции фургоны переселенцев вышли на калифорнийское побережье. В стране был исчерпан запас свободных земель и — что было гораздо важнее — свободного и пустого пространства.

«Свободные земли» были категорией экономической, фундаментом американской рыночной экономики. А свободное пространство на западе страны — категория социально-психологическая — стало основой самого образа жизни американцев, подлинным базисом их демократии. «Свободные земли» были «придуманы» для тех, кого не устраивал никакой Порядок: ни плохой, ни хороший, — никакое государство, пусть и самое демократическое.

На протяжении столетий наиболее пассионарная часть американского населения (и прежде всего молодежь) вытеснялась обществом на неосвоенную периферию. Вновь и вновь, поколение за поколением повторялась история первопоселенцев. Сначала в Балтиморе и Филадельфии, потом в Канзасе и Неваде, наконец, в Калифорнии и Орегоне дети рождались без лекарей, воспитывались без тетушек, а дома были — только те, что построили отец с матерью, и вокруг расстилался мир без имени: прерии, которые надо было распахать, леса, через которые надо было найти тропы, золотые россыпи, которые надо было открыть... и цивилизация — лишь тонкий телеграфный провод, протянутый на Восток, и мир вокруг свободен от всех и всяческих условностей, авторитетов и властей, и каждый шаг к закату утверждает эту свободу.

«Наши фланги навек прикрыты, слева Брауном, справа Смитом,
А в тылу пусть Европа дальше гниет без нас...»

Американская культура была тогда предельно открыта, а социальная жизнь поляризована в широтном направлении. Непрерывный приток иммигрантов с Востока преобразовывался обществом в движение переселенцев на Запад. И оба вектора означали отрицание.

Иммигранты несли в своей душе ненависть и презрение к Европе, к ее мироустройству, ориентированному на государственность как единственную преграду перманентной войне всех против всех. Но и американские переселенцы, уходя на дикий Запад, думали не столько о ничейных землях и новой жизни, сколько о предстоящем *неизбежном* освобождении. Власть «Континентального Конгресса» с его установлениями, законами и попытками создать какие-никакие традиции не распространялась за линию фронта.

В 1914 году на Западном фронте Первой Мировой войны разыграется цепочка событий, которая получит в историографии название «бег к морю». К северо-западу от сплошной, уже окостеневшей линии фронта оставалось свободное пространство, и обе стороны иступленно бросали новые и новые корпуса «вверх» по листу карты, на свободный фланг. Эта попытка охватить противника приводила только к лобовому столкновению войск, новый участок покрывался окопами, а части и соединения вновь передвигали «вверх» — все быстрее и быстрее, — как будто речь шла не столько о войне, сколько о состязании в беге: кто раньше коснется плечом пролива Ла-Манш.

Нечто аналогичное происходило в XIX столетии на американских равнинах. Государственные структуры, окостеневая, выдавливали из себя тех людей, которым плохо при любой власти — не важно, «плохой» или «хорошей». Эти люди были движущей силой экспансии. Но, создавая на новых землях свои собственные, «идеальные» законы и управления, они с неизбежностью продвигали «государственность», Закон и Порядок, дальше и дальше на запад. И, подобно тому, как Ла-Манш остановил все ускоряющийся «бег к морю» армий Мировой войны, Тихий океан положил предел «бегу от власти».

До сих пор развитие страны подгоняли две группы противоречий. Политические, экономические, культурные, нравственные — между Севером и Югом, и структурные,

межцивилизационные, психологические — между американской Ойкуменой и американской Окраиной. К концу Реконструкции и тот, и другой источник движений были вычерпаны до дна: на континенте сложилось единое — от океана до океана — пространство Империи. И вот тогда определилась истинная цена американскому культу свободы.

«...Если между американцем и монархистом действительно существует какая-то разница, то она в основном сводится к следующему: американец сам для себя решает, что патриотично, а что нет <...>

— Предположим, начнется война, какова тогда будет ваша позиция? Вы и в этом случае оставите за собой право решать по-своему, наперекор всей нации?

*— Если эта война покажется мне несправедливой, я прямо так и скажу. Если в подобном случае мне предложат встать под ружье, я откажусь».*²¹

К последнему десятилетию XIX века эта идеология свободы, воспетая Марком Твенем, уже мертва. Прерии распаханы, железные дороги стальной сетью стянули континент. Потенциалы — экономические, демографические, информационные — Юга, Востока и Запада быстро уравниваются. Страна вступает в третий период своего развития, и отныне единственной и главной ценностью американского народа становятся деньги.

«Какова главная цель человеческой жизни?

Ответ: Стать богатым.

Каким путем?

Ответ: Нечестным, если удастся; честным, если нельзя иначе.

Кто есть Бог, истинный и единый?

*Ответ: Деньги — вот Бог. Золото, банкноты, акции — Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой...»*²²

Если движение на Запад, хотя оно и подразумевало перманентную войну с индейцами и сопровождалось вооруженными столкновениями (правда, в значительной степени формальными) с Мексикой, Великобританией, Испанией, Канадой, можно все же назвать экспансией духовной, движение к Югу с самого начала имело все черты обыденной империалистической агрессии. В известном смысле, доктрина Монро породила две Америки. Великую западную демократию, заслуженно ставшую Факелом свободы и примером для всего цивилизованного мира, и заурядную великую державу, отличающуюся от европейских монархий и квазимонархий лишь пренебрежением к установленным «правилам игры» да политическим ханжеством. И в очень хорошем приближении доли этих двух «субличностей» в реальных Соединенных Штатах определялись текущим соотношением «длин векторов», направленных на запад и на юг.

На рубеже веков директриса американской экспансии была ориентирована точно на юг.

Трудно отделаться от впечатления, что Штаты воспользовались первым подвернувшимся под руку поводом, чтобы организовать очередную войну с Испанией. Дело даже не в том, что пресловутый «Мэн» был разрушен все-таки внутренним взрывом, а не испанской миной. Подозрение вызывает удивительная своевременность этого взрыва и откровенное нежелание американских властей расследовать инцидент — даже характер разрушения корпуса броненосца установили лишь во второй половине XX века, когда эта информация потеряла всякую актуальность.

Как бы то ни было, американский флот получил боевое крещение, армия же приобрела некоторый опыт в решении задач полицейского характера. При этом, однако, американские военные сумели совершить подвиг, насколько нам известно, не имеющий аналогов в богатой военной истории человечества.

Высадившись на Кубе, они обнаружили, что основной урон армия несет не от пуль испанцев, а от свирепствовавшей в стране эпидемии желтой лихорадки (84,8% общих потерь). Поскольку стандартные противоэпидемические мероприятия не давали никаких

---

21 М.Твен. Президентские выборы // М.Твен. Сделка с сатаной. Л., Лениз Дат, 1986.

22 М.Твен. Исправленный катехизис // М.Твен. Сделка с сатаной Т., Лениз- Дат, 1986.

результатов, командование решило действовать «по уставу».

«Студентам-физикам предлагается следующая тактическая задача: ураган повалил антенну радиолокатора. Необходимо вновь установить ее, обеспечив нормальную работу станции. Студенты начинают предлагать разнообразные комбинации блоков, шкивов, наклонных плоскостей и насыпей. “Контрольное решение”: вызвать сержанта и приказать ему поставить антенну на место».

В качестве «сержанта» был выбран майор медицинской службы Рид, которому дали в подчинение отделение солдат. Риду были предоставлены деньги и довольно широкие дисциплинарные полномочия, но никаких медицинских приборов, кроме термометра. Впрочем, поскольку желтая лихорадка является вирусной инфекцией, стандартное лабораторное оборудование того времени вряд ли помогло бы майору.

В этих условиях Рид сумел доказать, что переносчиками инфекции являются комары двух определенных родов, и предложить действенный комплекс мер, контролирующих распространение инфекции.

Этот результат был достигнут исключительно опытами над американскими солдатами-добровольцами.

Для того, чтобы оценить их мужество, достаточно сказать, что желтая лихорадка и по сей день не имеет специфического этиотропного лечения; прогноз и при использовании современных средств оценивается как «очень серьезный» (это обычно пишут в истории болезни перед фразой «исход летальный»), в те же годы, в условиях военно-полевого госпиталя на Кубе, смертность среди заболевших составляла 60 — 80%. И это была не самая легкая смерть.

«...Температура тела повышается до 39 — 41°C, появляются головные и мышечные боли, желтуха, кровоизлияния и др.». «И др.» — это полное расстройство системы пищеварения, судороги, внутренние кровотечения. Непрерывная рвота. Смерть от обезвоживания, либо от остановки сердца вследствие денатурации белка при перегреве. Либо от болевого шока.

Испано-американский конфликт 1898 г. ознаменовал коренное изменение оперативной ситуации в Западном полушарии. Завещание Монро было выполнено: Штаты стали единственной значимой военно-политической силой на континенте; достигнутый в результате войны контроль над Кубой отбрасывал «тень» на Центральную Америку и обеспечивал действенное управление территориями к югу от Мексики.

Экспансия на юг потеряла актуальность — САСШ не испытывали ни малейшего желания присоединять эти земли, заполненные непроходимыми джунглями и неведомыми болезнями. В конце концов, всё, что оттуда следовало взять, проще было получить от местных правительств, вполне ручных и легко заменяемых.

Новую американскую стратегию сформулировал Теодор Рузвельт. Именно он положил начало и великому американскому флоту, и политике борьбы за Тихий океан. С середины первого десятилетия XX века вектор экспансии, по его мысли, следовало опять повернуть к западу.

Позиционной основой новой стратегии была континентальная защищенность страны и контроль над Центральной Америкой, прежде всего — над зоной Панамского канала. Рузвельт не сомневался в том, что раньше или позже этот скандальный проект придет к успешному завершению, и был озабочен лишь тем, чтобы управление каналом (построенным французскими инженерами и панамскими рабочими в основном на французские деньги) сконцентрировалось в руках США. С 1914 года Панама приобретает статус оперативного центра американской империи, стратегической магистрали, связывающей кораблестроительные восточные штаты и Тихоокеанский театр военных действий.

Панамский канал позволил США принять концепцию «одного флота», который за счет свободы маневра имел возможность одновременно исполнять оборонительные функции

на Атлантике и наступательные на Тихом океане. Единственной потенциальной проблемой на этом пути был Англо-японский морской союз.

В начале столетия США окончательно присоединяют Гавайские острова и начинают строительство тихоокеанской сети морских баз. Американский флот постепенно перебирается на третье — второе место в мировой «табели о рангах». Тем не менее рузвельтовская концепция «романтического империализма» кажется властью имущим чем-то очень далеким от реальности. Потребуется национальная катастрофа, чтобы двадцатью годами позже другому великому Рузвельту — Франклину — позволили провести в жизнь программу предшественника. Эта *«совсем другая история»* и станет сюжетной канвой нашего спектакля...

Жизнь общества обладает огромной инерцией, и, как правило, требуется около двадцати лет, чтобы структурные изменения в социуме породили наблюдаемые проявления. При Тафте и Вильсоне новые смыслы, порожденные исходом «бега к океану», только начинают распаковываться. Пик событий придется на двадцатые годы.

С конца XIX века американская культура и американская цивилизация потеряли открытость. «Движение» страны в физическом и информационном пространстве остановилось. И подобно тому, как прекращение механического движения приводит к выделению тепла, эта остановка привела к катастрофическому социальному «нагреву». Диллинджер, Бонни и Клайд, мамаша Бэкер и другие, несть им числа — поколением или двумя раньше эти бандиты стали бы героями-первопроходцами или шерифами городков дикого Запада...

Озверевшая от только что обретенной *абсолютности*, власть теряет чувство реальности. В 1920 году Конгресс проголосует за «сухой закон», а годом позже Америка перестанет принимать иммигрантов. Собственно, в любой исторической обстановке подобные решения обошлись бы государству довольно дорого (примером тому хотя бы антиалкогольная кампания М.Горбачева), но тогда — в конкретных условиях американских «ревущих двадцатых» — это было в буквальном смысле слова худшее, что только можно было придумать. Колоссальный успех Вашингтонской конференции, росчерком пера ликвидировавшей Версальскую систему и отдавшей мир Соединенным Штатам, уже не мог остановить эпидемию гангстеризма, захлестнувшую страну, и лишь подтолкнул ее к экономической пропасти.

В 1932 году Ф.Рузвельт поймет, какую великую цену придется заплатить за выход из «великой депрессии».

Сердцевиной американской культуры (по крайней мере, со времени президенства Вильсона) считается нечто обозначаемое как «американская мечта». Чем-то эта «мечта» напоминает бессмертные идеи Чучхе. Прежде всего, наверное, своей внутренней пустотой. В природе нет никаких идей Чучхе, есть только словосочетание, которое то ли не обозначает вообще ничего, то ли используется как символ северокорейского образа жизни. Аналогично «американская мечта», насколько можно судить, есть просто синоним богатства ради богатства.

С христианской традицией (в любой ее модификации — от католической до коммунистической) это убожество, разумеется, конкурировать не может, и мы уже на волосок от вывода, что «американская мечта» есть религия нищих духом. Так и воспринимали США замечательные магические культуры тридцатых годов — японская, гитлеровская, советская.

И, как выяснилось, ошиблись.

В немудреных заповедях рекламных плакатов была своя магия, и она оказалась сильнее мастерства генералов кайзеровской армии, гитлеровских «проколов Реальности» и холодной решимости космической «Империи Зла».

Свой рассказ о Соединенных Штатах Америки нам хочется закончить строками, посвященными совсем другому — ныне исчезнувшему — государству, но как нельзя лучше

подходящими к этой стране- иллюзии, повелевающей видимым миром:

«Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда».²³

Декорация 3

Япония

Изо дня в день, как из вечности в вечность — раз за разом, обыденно и волшебнo, — восходит солнце над маленькой страной, и лучи его, озаряя скудную землю, предвещают ей хотя бы одно — прекрасный рассвет...

Эстетику жизни Японии определила природа, монументально суровая: дышащие огнем горы, узкие, иссеченные ветрами террасы, холодное бурное море. Мысли о тех, кто населяет внешний мир, туманили головы редко, когда приходили корабли и «земля наполнилась слухами...» С древних времен японцы, словно дети, вынужденные расти без родителей, сверстников и старших по духу и знанию, формировали культуру интровертную, ориентирующуюся на внутренний опыт, да еще, при случае, — на откровения богов. Потратив немеренные физические силы на добывание пищи и едва ли не большие — на соблюдение традиций и исполнение ритуалов, японец, будь он «пеший или конный», не спешил расширить орбиту приложения сил духовных. Потому что сил этих было уже неоткуда взять. Излишков энтузиазма для обеспечения экспансии попросту не было, так что молодежь, вкусив соли земли, строила в недолгое свободное время изящные воздушные замки из обычных человеческих чувств, творила внутрь и вглубь, закрепляя почти прекраснoдушное — в пересказах — самурайское бусидо, а позже — и сменившее его интеллигентное конфуцианство; украшая красноречивые сплетения мыслей и устоев чудными трехстишиями и танка, где сакура, цикады и непревзойденный восход над Фудзи завершали Круг от исчезающего к несбывшемуся.

Конечно, случались войны дворов и убеждений и, подобно тому, как это делалось у нас, в Европе, опустошали страну. И когда наконец низкородный Тоётоми Хидэёси завершил свою работу по созданию централизованного государства, интеграция японской жизни пошла опять-таки внутрь, лишь укрепив традиции и вновь напомнив о неисполненных обетах...

А на планете, частично уже обжитой, бушевала эпоха географических открытий. И, между прочим, японские мореплаватели достигали Европы. А Китай, Корея, Филиппины к тому времени были для них уже чем-то хорошо изученным. Однако торговля — знак взаимного влияния миров — еще и два столетия спустя не окажет на Страну Рассветов никакого влияния. Закрытый для внешнего мира, японец унесет с собой знания, опыт и продукты чужого труда и искусства словно бы за тем, чтобы положить это все на циновку перед дверью: видишь, женщина, был я в дальних странах, но все так же прекрасен твой сад...

Тремя веками позже японская разведка, в отличие от подобных служб всего мира, будет обладать невероятной особенностью: все что нужно чужое — взять и при этом ничего своего не потерять.

Бурное море, надежно ограждавшее Японию от внешнего мира, сделавшее ее во времена утлых суденышек недостижимым островом, сотворило единственное в мире воистину *островное* государство. Государство, в котором традиции, служившие прикрытием и от чужестранцев, и от их богов, и даже от самого времени, проросли как «крестоформ»²⁴

23К.Симонов.

24См.: Д.Симмонс. Гиперион (М., 1995).

на поколения вперед, и нынешние японцы, радостно бросившиеся в американо-европейский рай, неизбежно несут на себе проклятие одухотворенных строгой культовой эстетикой предков. Как «Непрошенная повесть», история Японии, с большим или меньшим толком озвученная падкими на диковины европейцами, полна сокрытых от наших глаз внутренних таинств. Она — словно легенда о затонувшем корабле, вольно и вульгарно пересказанная пронырливыми газетчиками.

Порой, когда смотришь на Японию — в разрезе всех ее долгих времен и всех немногих земель, — приходит в голову провокационная для европейца мысль об особом назначении этого хрупкого шедевра, вобравшего в себя заостренную в безупречных пропорциях Красоту. А если пойти в своих галлюцинациях немного дальше, то можно подсмотреть, как в театре Кабуки, торжественно соблюдая законы жанра, без устали проигрывается жизнь ушедшая, и под знаком этой жизни современность становится плохо отредактированной пьесой, и мертвые начинают незаметно и размеренно влиять на живых. На кругах культуры — от сливового календаря и прибауток Нидзё до Токутоми Рока, Акутагавы Рюноске и Юкио Мисимы — прорастает древняя суть японского мироощущения: жизнь трудна, смерть прекрасна, и лишь красота — вечна.

В правильных и объективных учебниках аналитики от истории сухо напишут: *«Крах старой феодальной системы и перемены в жизни общества, последовавшие за революцией Мэйдзи, нанесли иколам икебаны серьезный удар...»*, а вневременная сказка добавит: *«...и город Осаки был разрушен до основания, и в его развалинах появились тени, призрачные ночью и прозрачные днем...»*²⁵.

2

Историко-географический очерк, посвященный Японии, проще всего начать с цифр. Более 4000 островов, протянувшихся на 3500 километров с северо-востока на юго-запад. Невероятной длины береговая линия: более 30 тысяч километров при площади всего 372 тысячи кв. км (для сравнения: у США береговой линии 22 тысячи километров при площади 7,2 миллиона кв.км). Три четверти территории заняты горами. Японские низменности — край Канто и район Кинки — открыты тайфунам с Тихого океана.

«Самый сильный тайфун в истории Японии разразился 26 сентября 1959 года на острове Хонсю. Город Нагоя, третий по величине в стране, оказался практически полностью разрушенным.

Все восточное побережье острова Хонсю, от Нагоя до Токио, было омыто десятиметровой волной, пришедшей со штормом. В Токио скорость ветра достигала 165 километров в час. Воздушное и железнодорожное сообщение было полностью остановлено. После этого тайфун повернул к северу, по направлению к центру Хонсю, пройдя через провинции Тойама, Ямагата, Акита и Ниигата.

В Нагое, городе с населением более миллиона, скорость ветра превысила 200 километров в час. Объединенная сила волн и ветра выбросила на берег стоявшее в заливе судно «Шанхай» водоизмещением 7000 тонн. <...> Жертвы тайфуна «Вера» составили 4464 погибших, 2000 пропавших без вести, 10 000 раненых и 400 000 оставшихся без крова».

26

Ежегодно Япония встречает от 15 до 30 тайфунов. По преимуществу — в сентябре — октябре, когда на Дальний Восток приходит совершенно особенная — прозрачная — осень. Этот регион (Япония, Сахалин, русское Приморье) находится на границе континентального массива Евразии и чаши Тихого океана, отсюда — муссонный характер климата. Осенью материк быстро охлаждается, и над районом Оймякона формируется устойчивый и с каждым днем все более холодный восточносибирский антициклон. Ветра с северо-запада, прохладные и сухие, приносят звенящую тишину; воздух абсолютно чист, и горизонт

25 Дж.Р.Р. Толкиен. М., 1982.

26 XX век: От катастрофы к катастрофе. М., 1998.

отодвигается, кажется, на десятки километров, склоны гор, заросшие кустарниками, окрашиваются в кармин и золото, образуя невесомое цветное покрывало, складками спускающееся к морю. Здесь нет дождей, столь характерных для европейской осени, а все «положенные» осадки выливаются в один-два дня, когда приходит тайфун.

А потом наступает зима, длинная, холодная и малоснежная. Еще в конце XIX столетия каждая зима была для японских крестьян (по крайней мере, на Хоккайдо и северном Хонсю) игрой в рулетку со смертью. Обледенелые горные склоны, ветер, вымерзшая и вымершая природа, невероятная нищета... Зимами в японские горные деревни, отрезанные друг от друга, от побережья и городов, возвращалась, спускаясь с вершин, носящих гордые имена: Асахи, Адзумо, Ивате, Абакума, культура раннего неолита, и вновь и вновь, как десятки тысяч лет назад, старики уходили в горы и там умирали, увеличивая остальным шансы пережить зиму.

В марте погода меняется, теплые влажные ветры с Тихого океана несут туманы и частые моросящие «сливовые» дожди. Температура воздуха быстро переходит через ноль, а потом на два-три месяца замирает на отметке где-то около плюс десяти градусов. Так что сезоны на Дальнем Востоке сдвинуты: лето начинается в конце июня, уже после солнцестояния, и заканчивается не ранее равноденствия.

С геологической точки зрения Япония представляет собой типичную островную дугу, отделяющую континентальную евразийскую плиту от океанической коры Тихого океана. Соответственно, вся территория страны, вся без исключения, оказывается сейсмоопасной зоной. Япония уверенно держит первое место в мире по количеству землетрясений и действующих вулканов.

«Эпицентр землетрясения 1923 года в Токио (известного как Канто-даи-шинсаи — великое землетрясение Канто) находился в заливе Сагами рядом с островом Ошима, в 70 километрах южнее Токио. Как и в сицилийской Мессине, в Токио не произошло предварительных, слабых толчков. Основной толчок был зафиксирован в полдень, когда деловая активность сворачивалась и токийцы готовились к уик-энду, а тысячи домохозяек готовили субботний обед.

*Жилища большинства людей в японской столице были выстроены из легкой древесины и картона и находились тесно друг к другу, что вполне разумно там, где существует постоянная сейсмическая нестабильность. Разрушенный дом легко восстановить, а жителям проще выбраться из-под обломков. Но такие дома чрезвычайно пожароопасны. Сильные ветры, сопровождающие землетрясение, разносили пламя от кухонных плит, газ из разорванного газопровода подхватывал его, и в результате во многих точках города начались пожары, которые постепенно объединились в один большой погребальный костер. Нефтяные танки на морских базах в Йокогаме треснули, выливая тысячи галлонов горячей нефти на улицы города и в залив. Горящая масляная пленка превратила морскую поверхность в суций ад, погубив множество людей, которые прыгали в воду, ища спасения от огня».*²⁷

В Йокогаме и Токио погибло 143 000 человек, а всего в краю Канто лишились жизни более 200 000 японцев. Этот рекорд не был перекрыт атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки.

Разрушительные силы природы господствуют на японской земле безраздельно, и если цивилизация есть ответ на вызов²⁸, то культура Ямато представляет собой ответ на вызов со стороны стихийных бедствий.

Во всяком случае, две черты японского национального характера, особенно резко проявившиеся в Тихоокеанской войне,— фатализм и неприхотливость, доходящая до стоицизма, — обязаны своим происхождением сейсмической нестабильности страны.

С землетрясением нельзя бороться. От него невозможно спасти жизнь, не говоря уже о накопленных богатствах. И Япония не знала сокровищниц, циклопических стен,

---

27XX век: От катастрофы к катастрофе. М., 1998.

28А. Тойнби.

грандиозных дворцов и величественных храмов. Но равным образом Япония не знала героев бого- и тираноборцев, ее легенды не прославляли безумцев, дерзающих бросить вызов судьбе. Японцы точно знали, что непреодолимую силу нельзя преодолеть...

Это породило культуру утонченную и жестокую, ориентированную на смерть, а не на жизнь. Слов нет, и для европейца героическая смерть часто служит достойным завершением жизненного пути. Но для японца она представляет собой единственную возможность придать жизни высший смысл.

Р.Киплинг сказал: *«Запад есть Запад, Восток есть Восток, И вместе им не сойтись...»*. Но, однако, есть японский Дальний Восток, где слиты в единой культуре «дао», пришедшее с материка, и «время», принесенное волнами Тихого океана; неизменность древней суровой природы гор и изменчивость тайфунов и землетрясений. В этом отношении современная Япония, в которой уживаются «сады камней» с парками аттракционов и сейсмоустойчивые небоскребы с бамбуковыми храмами, должна восприниматься как причудливое переплетение знаковых структур Запада и Востока.

Конструкторы, создававшие перед Второй Мировой войной японские ударные авианосцы, стремились воплотить в этих кораблях дух западного прагматизма и практицизма. Ни одной лишней тонны водоизмещения, ни одного «пустого» квадратного метра полезной площади. Все было направлено на обеспечение еще одного узла скорости или размещение дополнительного самолета на ангарной палубе... Гигиену команды сводили к обливанию матросов водой из шланга, размеры камбуза ограничивали так, что «усиленный рацион» пилотов начинал напоминать паек заключенного в тюрьме умеренного режима. И тем не менее в проектах обязательно предусматривалось специальное помещение для медитации.

Жесткость природных условий объясняет японскую привычку довольствоваться малым и ставить духовное выше материального. Даже советские эсминцы и немецкие подводные лодки времен Второй Мировой войны превосходили по обитаемости современные им японские линкоры и авианосцы (достаточно сказать, что рабочее межпалубное расстояние на семидесятитысячном линкоре «Ямато» нигде не превосходило 160 сантиметров). Великолепные боевые характеристики японских кораблей, прежде всего — тяжелых, так называемых «вашингтонских», крейсеров — были получены во многом за счет экономии на удобствах экипажа. С другой стороны, привычка недооценивать материальные факторы дорого обошлась японцам. В войне это проявилось и как неумение организовать сколько-нибудь приемлемое медицинское и вещевое обеспечение войск (офицеры-летчики в тропиках не имели противомоскитных сеток), и как патологическая склонность к атакам, не имеющим даже теоретических шансов на успех.

3

В отличие от США, население которых представляет собой сплав всевозможных национальностей и народностей, японский этнос подчеркнуто мононационален и оставался таковым на протяжении всей «видимой» истории страны.

Мы достаточно слабо представляем себе древнейшее население Островов. Принято считать, что это были айны, пришедшие, видимо, с севера — через Камчатку и Курильские острова, и полинезийцы, осколки великой Тихоокеанской цивилизации. Судя по малочисленности, Японию первого тысячелетия до нашей эры населяли, скорее всего, потомки рыбаков, унесенных от родных берегов течениями и ветрами.

В середине тысячелетия страна встречает первую и единственную в своей истории волну завоевания: с юга Корейского полуострова пришли племена, носители энеолитической Яеи-культуры. В дальнейшем будет возрастать мирное влияние материка на Японию: с Запада в страну проникнут буддизм и конфуцианство, железо, иероглифическое письмо, — но на протяжении двух с половиной тысячелетий Острова не испытывают ужасов и «ломки» военных нашествий. Даже монголам, не привыкшим к поражениям, придется признать, что с

военной техникой средневековья десантные операции через Японское море и Корейский пролив не могут иметь успеха.

Японию принято сравнивать с Англией. Но с Дуврских скал в ясный день виден французский берег, что же касается пролива между Страной Восходящего Солнца и Страной Утренней Свежести, то он имеет в ширину около ста восьмидесяти километров и представляет собой «ворота», через которые тихоокеанские тайфуны прорываются в Японское море. В результате Япония как нельзя лучше была защищена от неприятельского нашествия, но вместе с тем была обречена на изоляцию. Только полинезийская тихоокеанская культура может рассматриваться как более яркий пример цивилизации-изолянта.

Японская мифология этно- и топоцентрична. Идзанаги, младший из пяти поколений Древних богов, стоя на небесном мосту со своей супругой, взбаламутил Океан длинным копьём; капли воды, стекающие с копья, породили Острова. Из левого глаза Идзанаги создал затем солнечную богиню Аматерасу, которая стала матерью первого японского императора Дзимму. С тех пор (VII столетие до н.э.), по глубочайшему убеждению японцев, императорский род не прерывался: поныне страной правят прямые потомки Создателя Вселенной, его дочери — богини Солнечного Света и объединителя страны тенно Дзимму. Собственно, в очень хорошем приближении эта формула передает для европейца (но, конечно, не для японца) все содержание исконной религии народа Ямато — синтоизма.

Позднее «Путь местных богов» слился с буддизмом (в неортодоксальной традиции, близкой, насколько можно судить, к современному понятию «дзэн»). Хотя лингвисты находят в японском языке какие-то следы синто-буддистского антагонизма, в душах японцев эти религии соединились вполне гармонично. Попытки великого Мейдзи запретить буддизм и полностью вернуться к вере предков встретили в народе не то чтобы противодействие, но полное непонимание того, о чем идет речь. Промучившись двадцать лет, живой бог махнул на все рукой и объявил свободу вероисповедания (1889 г.).

Если в истории Европы почти всегда можно разделить политические, религиозные, идеологические и культурные императивы (Испания при Филиппе II — исключение, которое лишь подтверждает правило), то японская картина мира удивительно синтетична. В декабре 1941 года японские летчики плакали от счастья, узнав о предстоящем налете на Перл-Харбор. Им предстояло достичь просветления и погибнуть за Императора в одном из самых красивых сражений в Истории. И тогда на родине предков в их честь возведут храмы.

Историки связывают образование японского этноса с возникновением в III веке н.э. (через тысячу лет после Дзимму) племенного союза Ямато. Под влиянием ли Китая и Кореи, под давлением ли местных условий, но формирование государства пошло в Японии по феодальному (причем едва ли не западноевропейскому феодальному) типу. И дальше, на протяжении тысячелетия с лишним, в стране уживались черты раннего, развитого и позднего феодализма с элементами чего-то, напоминающего не то ленную, не то номовую, не то полисную систему.

Тяжелые природные условия привели к тому, что в Японии прибавочный продукт был очень низок (по европейским или даже китайским меркам). Соответственно, власть при всем желании не могла изымать много людей из сферы производства и поддерживать огромные регулярные армии. В результате в стране выделился тонкий слой профессиональных воинов, вся жизнь которых, в буквальном смысле от дня рождения до минуты смерти, была связана с боевыми искусствами и подчинена строжайшему кодексу чести. Фатализм и бесстрашие, вообще свойственные японскому народу, развились в среде самураев в яростное пренебрежение к своей и чужой жизни.

Сеппуку есть не просто ритуальное самоубийство, но самоубийство, поставленное самураем в *обязанность*, и притом нарочито мучительное. И мальчиков-самураев в пятилетнем возрасте обучали, как не потерять сознание от боли, когда вспарываешь себе живот деревянным ножом.

(Заметим, однако, что самурайская практика ритуального самоубийства вкупе с

непрерывными внутренними «разборками» отнюдь не привела к физическому уничтожению военной касты. В отличие, например, от Франции, где аристократическая культура дуэли всего за два столетия свела в могилу почти всю феодальную знать.)

После эпохи географических открытий Япония попала в сферу влияния европейских государств. Пытаясь сохранить неизменным жизненный уклад (прежде всего, конечно, свою власть), сегуны из рода Токугава приняли в 1633, 1636 и 1639 году три указа о «закрытии страны». Ограниченная торговля — с Китаем и Голландией — отныне была разрешена только в Нагасаки, под страхом смерти сегунат запретил въезд иностранцев в Японию и выезд японцев за границу, равно как и строительство больших судов.

Как и предполагалось, эти меры привели страну к жесточайшему кризису, и двумя столетиями позже под дулами корабельных орудий эскадры командора Перри Япония была принуждена заключить соглашения, открывающие страну для американской и европейской торговли.

Здесь мы вступаем в эпоху Мейдзи и этап реконструкции Японии.

Менее чем за пятьдесят лет страна преодолевает трехвековое отставание. В 1895 году, разбив Китай, присоединив к себе Тайвань и начав проникновение в Корею, Япония вступает в неофициальный «европейский клуб».

4

Как и для САСШ, для Японии выделяются два направления экспансии — южное и западное. Первое следует тихоокеанской операционной линии, «продолжающей» дугу Японских островов на север и на юг. Второе в каждой точке ортогонально этой линии и обращено к континенту, «естественной» сырьевой базе Империи.

К концу эпохи Реконструкции в стране была построена индустриальная экономика европейского типа, которой требовались для дальнейшего развития рынки сбыта и источники сырья. В Японии эта обыденная капиталистическая проблема усугублялась острой нехваткой природных ресурсов: земли Островов по большей части не годятся для земледелия и почти не содержат полезных ископаемых.

К началу девяностых годов XIX века контроль над Кореей начал рассматриваться в Империи как «непременное условие» существования страны. Рано или поздно это должно было привести к конфликту с Китаем, а затем и с Россией, европейской державой первого класса. Трагедия Японии в том и заключалась, что к западу от Островов лежал не пустой мир американской Ойкумены, а богатые земли, принадлежащие воинственным странам.

Япония была вынуждена развиваться через войну. Лишь после разгрома Китая она была причислена к государствам «европейского уровня развития». Только после победы над Россией Страна Восходящего Солнца была признана великой державой.

Исход войны с Россией определялся тем, обернутся ли *все* многочисленные «если...» в пользу Японской империи. Чуть меньше везения на суше, на море, в «надсистемах» внешней и внутренней политики, и страна оказалась бы на краю гибели. Трудно сказать, насколько осознавали это рядовые исполнители, но, во всяком случае, ответственные командиры отдавали себе отчет в запредельности риска... Именно после Русско-японской войны высшее руководство Империи приходит к выводу о непобедимости страны, находящейся, очевидно, под особым покровительством Богов и самой Судьбы.

Русско-японская война предопределила характер политических процессов и военных столкновений в тихоокеанском регионе на четыре десятилетия вперед.

Для Японии победа означала нарастание милитаристских тенденций в политике, милитаризацию экономики и потерю ею сбалансированности, увеличение внутренней нестабильности и, как следствие, все более интенсивное вмешательство военных в вопросы управления государством.

Страна, получив преобладание в Корее и прибрежном Китае, начала проявлять внимание к немецкой военно-морской базе Циндао. Этот «интерес» привел Японию к

вступлению в Первую Мировую войну на стороне противников Германии. «Под шумок» общеевропейской войны Япония не только получила в свое распоряжение Циндао, но и, предъявив Китаю знаменитое «Двадцать одно требование», обеспечила себе юридическую и экономическую базу для дальнейшей экспансии на Запад.

Приобретя опыт успешных действий на море и убедившись воочию, что они могут быть прибыльными, японский флот за войну лишь усилился, Япония начала активное морское строительство, причем корабли, построенные на ее верфях, не уступали лучшим английским образцам. К концу Первой Мировой войны Япония становится третьей морской державой мира.

Теперь японские крейсера и линкоры конструируют уже не для действий на ограниченном театре Японского и Желтого морей — после 1905 года руководство Флотом начинает ориентироваться исключительно на океанские корабли, на нефть и на южное направление экспансии.

Армия, однако, продолжает считать, что судьба страны решится на западе. С этого времени японская внешняя политика раздваивается, и вплоть до катастрофы 1945 года главным содержанием внутренней жизни страны оказывается перманентная борьба между Армией и Флотом.

5

На прилавках японских лавочек остались тени вещей и знаки культуры: нэцке и веера, маски богов и бамбуковые вазочки, шестиугольные блюда и, конечно, причудливые бансай. Японская иена, прежде устойчивая и даже взлетающая к высотам доллара стабильная валюта, ныне стремительно падает. Добрососедское братство японцев, скрепленное вековой необходимостью совместного противостояния грозной природе, превратилось в искусственное полусолдатское братство огромных фирм. Трехвековая японская сдержанность на примерках чужих одежд и чуждых культур сменилась бешеной активностью трудовых коллективов, дисциплинированно замирающих в музеях Европы у европейских шедевров. Что с нами делает время? — вопрос, характерный для всех народов, идущих вперед по цивилизационной спирали. Уходят в небытие традиции, ставшие сегодня оправданием бездействию, прикладное искусство, служившее прекрасным галлюциногеном, спасающим от трудностей жизни, литература, сменившая мифологичность на идеологичность. Так происходит с каждой культурой и в каждой стране. Но чем дольше эта культура существовала отдельно, изолированно, тем более собрала она в себе опыт несравненной самобытности, тем более она ценна как ритуальный знак уснувшего на время вселенского Хаоса, ресурса Силы, той Силы, которая только и определяет предназначение или миссию народа.

Хронология Тихоокеанской войны: предыстория

І. Истоки

1865 г.

В САСШ закончена война Севера и Юга и начался период реконструкции, ознаменовавший превращение страны в промышленную державу.

1867 г.

САСШ покупают у Российской империи Алеутские острова и Аляску. 1867-1869 гг. Реставрация Мэйдзи (Мэйдзи Исин) в Японии. Страна вступает в период бурного индустриального развития.

1894 г.

Начало японо-китайской войны.

Бой при реке Ялу, разгром китайского флота японской «летучей эскадрон».

А. Тойнби.

Симоносекский мирный договор. Победоносное для Японии завершение войны с Китаем.

Аннексия Японией Тайваня.

1898 г.

Испано-американская война.

1 мая. Разгром испанского флота в Манильской бухте.

3 июля. Разгром испанского флота при Сантьяго-де-Куба.

13 августа. Парижский мир. По итогам войны США аннексируют Пуэрто-Рико, Филиппины и Гуам. США аннексируют Гавайские острова, тем самым заявляя свои претензии на ведущую роль в центральном и восточном секторах Тихого океана.

1904 г.

Ночь с 8 на 9 февраля.²⁹ Японские миноносцы атакуют русский флот на рейде Порт-Артура. Начало Русско-японской войны.

10 августа (28 июля по старому стилю). Важнейший для судьбы Японской империи бой в Желтом море. Решительного результата в виде потопленных кораблей достигнуто не было, но русский флот был принужден вернуться в Порт-Артур.

1905 г.

2 января. Падение Порт-Артура.

27 мая (14 мая по старому стилю). Разгром русского флота в Цусимском сражении.

Сентябрь. Подписан Портсмутский мир, зафиксировавший победу Японии в русско-японской войне.

Завершение подавления американскими войсками восстания на Филиппинах.

Япония устанавливает протекторат над Кореей.

1906 г.

10 февраля. Спуск на воду линейного корабля «Дредноут» (Великобритания). Начало «дредноутной революции».

1907 г.

Первый кругосветный поход американского военно-морского флота.

1908 г.

Начало строительства передовой базы Тихоокеанского флота США на Гавайских островах.

1910 г.

Корея официально присоединена к Японии.

II. Борьба за Китай

1914 г.

23 августа. Япония вступает в Первую мировую войну как союзник Великобритании.

7 ноября. Захват японцами Циндао.

1915 г.

Январь. Предъявление Японией «Двадцати одного требования» Китаю. (Приняты китайским правительством в мае.)

1916 г.

31 мая. Ютландское сражение между английским и германским линейным флотом.

1918 г.

11 ноября. Подписание Компьенского перемирия между Германией и странами Антанты.

1919 г.

18 января — 28 июня. Парижская мирная конференция 27 стран, посвященная

---

²⁹По григорианскому календарю, или новому стилю; в отечественной историографии для датировки событий Русско-японской войны используется старый стиль, то есть юлианский календарь, отличающийся на 13 дней: 8 февраля по новому стилю соответствует 26 января по старому стилю.

созданию нового, послевоенного миропорядка («Версальский мир»).

19 ноября. Отказ США от участия в Лиге Наций.

1921 г.

12 ноября — 6 февраля 1922 г. Вашингтонская морская конференция девяти держав. (Ревизия версальского миропорядка в пользу США.)

1926 г.

31 мая. Аннексия Циндао. (Город был возвращен Китаю по Вашингтонскому соглашению 4 февраля 1922 года.)

20 июня. Женевская конференция по морским вооружениям (Великобритания, США, Япония).

1927 г.

Императору Японии премьер-министром Танака представлен документ, известный как «меморандум Танака», обрисовывающий контуры стратегии, направленной на достижение Японией мирового господства. (Подлинность этого документа по сегодня сомнительна.)

1928 г.

20 апреля. Японские войска вошли в китайскую провинцию Шаньдун.

10 августа. Правительство Германии приняло решение о строительстве броненосцев («карманных линкоров»). Корабли этого типа обесценивали тяжелые крейсера, построенные после Вашингтонской конференции.

27 августа. В Париже подписан договор 15 стран о запрещении войны в качестве орудия национальной политики (пакт Келлога — Бриана).

1929 г.

Июль-декабрь. Китайско-советский конфликт на КВЖД. Разрыв советско-китайских отношений.

24 октября. Биржевой кризис в США, положивший начало «Великой депрессии» 1929—1933 гг. (По существу, конец версальской системы мира.)

1930 г.

21 января — 22 апреля. Лондонская конференция поморским вооружениям.

1931 г.

21 сентября. Отказ либерального правительства Британии от «золотого стандарта» фунта стерлингов, вызвавший новый виток кризиса (который захлестнул страны фунтовой зоны — Британию, Францию, колонии и доминионы Британии).

Декабрь. Японские войска полностью оккупировали Маньчжурию.

1932 г.

1 марта. Провозглашение марионеточного государства Маньчжоу-Го.

15 сентября. Япония признает Маньчжоу-Го. Подписан японо-маньчжурский «Протокол об обороне», в соответствии с которым оборона Маньчжурии всецело возлагается на японские войска.

1933 г.

27 марта. Выход Японии из Лиги Наций.

14-19 октября. Выход Германии из Лиги Наций и уход ее делегации с конференции по разоружению.

1934 г.

2 августа. Объявление Гитлера «фюрером и рейхсканцлером германского народа».

18 сентября. Вступление СССР в Лигу Наций.

19 декабря. Денонсация Японией вашингтонских соглашений 1922 г.

1935 г.

9 декабря 1935 — 25 марта 1936. Лондонская морская конференция.

1936 г.

15 января. Уход Японии с Лондонской морской конференции.

30 апреля. Правительство Великобритании приняло программу строительства флота,

самую крупную с 1921 г.

Ноябрь. Японо-германское соглашение «о совместной обороне».

1937 г.

16 января. Заявление японского правительства о разрыве всяких отношений с Гоминданом. (Отныне японское правительство «отказывается считать Гоминдан своим партнером».)

7 июля. Начало новой японо-китайской войны.

21 июля. Великобритания провозгласила политику невмешательства в «Китайский инцидент».

5 октября. Президент Рузвельт в Чикаго требует «изоляции» агрессоров — Италии и Японии.

6 октября. Госдепартамент США обвиняет Японию в нарушении договора девяти держав и пакта Келлога — Бриана.

3 ноября. «Брюссельская конференция» 19 стран (в том числе США, Великобритании, Франции, СССР), созванная с целью осудить действия Японии в Китае.

6 ноября. Оформление «антикоминтерновского пакта» в составе Германии, Японии и Италии.

12 ноября. Захват Японией Шанхая.

13 декабря. Захват Японией Панкина.

III. Перед войной

1938 г.

28 января. Принятие США новой программы вооружения.

11-12 марта. Аншлюс Австрии.

5 мая. В Японии издан императорский указ «О всеобщей мобилизации нации».

17 мая. Принятие США программы морских вооружений.

1939 г.

11 мая — 31 августа. Нападение японцев на Монголию и их разгром советскими войсками и войсками МНР у реки Халхин-Гол.

26 июля. Денонсация США торгового договора 1911 года с Японией.

23 августа. Подписание советско-германского пакта о ненападении («пакт Молотова — Риббентропа»),

1 сентября. Нападение Германии на Польшу. Официальная дата начала Второй Мировой войны.

3 сентября. Объявление Англией и Францией (а также Австралией, Новой Зеландией и Индией) войны Германии.

5 сентября. Заявление правительства США о нейтралитете.

15 сентября. Подписание Японией, СССР и МНР договора о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол.

3 октября. Решение панамериканской конференции о 300-мильной зоне безопасности вдоль побережья Американского континента.

4 ноября. Принятие США поправки к закону о нейтралитете, допускающей продажу воюющим сторонам вооружения и материалов.

1940 г.

30 марта. Создание в Нанкине прояпонского «национального правительства» Китая.

Апрель. США предоставляют Чан Кай-ши кредит в размере 100 миллионов долларов.

12 июня. Япония заключает «Договор о дружбе» с Таиландом.

16 сентября. Принятие закона о воинской повинности в США.

23 сентября. Ввод японских войск на территорию Индокитая.

27 сентября. Заключение тройственного пакта Германии, Японии и Италии.

5 ноября. Избрание президента Рузвельта на третий срок.

11 ноября. Налет английских морских самолетов на итальянские корабли в Таранто.

1941 г.

28 марта. Бой у мыса Матапан между итальянской и английской эскадрами.
Апрель. Начало строительства на территории Гренландии американских баз.
13 апреля. В Москве подписан Советско-японский договор о нейтралитете.
20 мая — 1 июня. Захват немецкими войсками острова Крит.
27 мая. Потопление немецкого линкора «Бисмарк» английским флотом.
22 июня. Нападение Германии и ее союзников на СССР.

IV. Кризис

19 июля. Япония направляет ультиматум правительству Виши.
21 июля. Франция принимает ультиматум.
24 июля. Оккупация Японией Индокитая.
25 июля. Япония информирует США о причинах аннексии Индокитая и выражает готовность нормализовать японо-американские отношения.
26 июля. США, Великобритания, Голландия замораживают японские активы в своих банках.
14 августа. Атлантическая хартия Рузвельта и Черчилля о послевоенном устройстве мира.
6 сентября. В Японии приняты «Основные положения национальной политики Империи».
16-18 октября. Отставка в Японии правительства Коноэ и образование кабинета Тодзио.
1 ноября. Тодзио вносит на рассмотрение Кабинета три возможные схемы действия Японской империи в связи с кризисом в японо-американских переговорах. Принято решение начать войну, но до последнего момента вести переговоры в надежде урегулировать возникшие проблемы мирным путем.
5 ноября. Беспрецедентное совещание руководителей армии и флота в присутствии императора рассмотрело вопрос «о вооруженных силах, необходимых для осуществления государственной обороны».
5 ноября. Японский посол в США Номура передает государственному секретарю Хэллу проект урегулирования (так называемый проект «Б», содержащий максимально допустимые для японской стороны уступки) и предупреждает американскую сторону о возможности разрыва переговоров.
5 ноября. Военно-морской отдел Ставки приказывает Объединенному флоту провести соответствующую подготовку к операциям против США, Англии и Голландии.
5 ноября. Ударное авианосное соединение Нагумо покидает Внутреннее Японское море.
6 ноября. Военный отдел Ставки отдает приказ о подготовке к захвату важнейших районов Южных морей.
15 ноября. Отдан исполнительный приказ по Южным морям.
21 ноября. Госсекретарь Хэлл в частной беседе с руководителями военного и военно-морского ведомств США заявил: «Теперь с переговорами между Японией и США покончено, использованы все средства дипломатии. Дело в будущем должно быть поручено военным».
22 ноября. Соединение Нагумо сосредоточено в заливе Хиттокапиу (Южные Курильские острова).
26 ноября. Соединение Нагумо вышло для нанесения удара по Гавайским островам. Тем не менее, переговоры с США продолжаются, в случае успешного Их завершения операция против Перл-Харбора будет отменена.
26 ноября. «Нота Хэлла»: государственный секретарь вручает послам Японии в США ответ на предложения японской стороны от 5 ноября. США требуют от Японии вывода всех войск из Китая и Индокитая, аннулирования соглашения с Германией и Италией, отказа от поддержки на территории Китая любых правительств, кроме чунцинского (гоминдановского). Нота воспринята японской стороной как разрыв отношений.

1 декабря. Совещание в императорском дворце в присутствии императора и всех членов кабинета. Принято решение начать войну 8 декабря (токийское время³⁰) и отдан соответствующий приказ.

7 декабря. 4 часа утра (гавайское время). США послано телеграфное уведомление о разрыве переговоров.

7 декабря. 6 часов 30 минут (гавайское время). Номура извещает Хэлла о прекращении переговоров.

7 декабря. 7 часов 49 минут (гавайское время). Японская атака Перл-Харбора.³¹

7 декабря. 13 часов 20 минут (вашингтонское время, то есть в 8:20 по гавайскому времени). Номура вручает Хэллу памятную записку — ответ на ноту от 26 ноября: «имперское правительство потеряло в конце концов надежду <...> установить и поддерживать мир на Тихом океане».

7 декабря. Начало наступления японских войск на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

8 декабря. Объявление США и Великобританией войны Японии.

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ: НАГАОКА - БАЛЛАЛЕ

18 апреля 1943 года

5 часов 30 минут, (время местное)

Вот уже некоторую условную вечность, год без малого, Адмирал не видел снов. День начинался затемно и заканчивался почти в той же точке опустошением воли и механическим погружением в могилу сна на два-три часа, чтобы за это время вызвать к жизни и чувствованию не отдохнувший, но живущий долгом и совестью мозг. До полета оставалось еще несколько привычных процедур, а сонмище неотложных дел, разъедающих невозможностью их осуществления всех и сразу, можно было уже оставить и плыть навстречу судьбе, спокойно и по-японски сдержанно, принимая и раздаривая, сосредоточенно и вдумчиво внимая запрещенным доселе ощущениям. Ямамото не видел и не ощущал свою смерть, она не подходила к штабному домику, не заглядывала в окна и не пела призывную унылую песнь под ложечкой, оборачиваясь то страхом, то томлением сердца; он лишь предполагал, что она была где-то в воздухе и постаралась отложить на сегодня одно из своих мгновений для него. Определенность, сменившая юношескую неоднозначность выбора целей, вызвала к жизни состояние покоя и уверенности, смутившее адмирала своей праздничностью и праздностью. Повинуясь странному, погибшему где-то от иносказаний и убеждений внутреннего мыслителя чувству вины перед вверенными ему войсками и судьбами, он надел армейскую форму вместо флотского мундира адмирала и выехал на аэродром, не дождавшись двух им же испрошенных донесений. Ни разу до этого дня никто не видел Ямамото в армейском, да и удивились бы, зная, что Армию он почитает значительно меньше, чем Флот.

В машине продувало; это как-то определило скорость и напряженность воспоминаний, заторопило назад, в точку отсчета, где жизнь представляется зеленым побегом, не знающим размышлений и таинств безвременья. Впереди было около двух часов на подведение черты — более, чем достаточно на такую простую процедуру, как вызов к

---

³⁰События Тихоокеанской войны 1941 — 1945 годов нередко разыгрываются по обе стороны от линии смены дат. Согласно японской историографии, война начинается в понедельник, 8 декабря (9-й пояс по Гринвичу). На Гавайских островах США, однако, было утро воскресенья, 7 декабря (местное время, сдвинутое на один час вперед относительно 13-го пояса по Гринвичу; отстает от времени Токио на 19 часов), а в Вашингтоне — середина дня 7 декабря (19-й пояс: время отстает от токийского на 14 часов).

³¹Этот момент соответствует 12:49 по вашингтонскому времени и 2:49 8 декабря по времени Токио.

жизни совокупности значимых и незначимых событий в той прихотливой калибровке, которая отвечает, например, сегодняшнему ветру.

Заданные коллегой скупые вопросы повисли в воздухе, как титры; односложные ответы адмирала улетели через голову водителя в пространство аэродрома. Предстояло выбрать калибровку: библиотека воспоминаний, готовая открыть свои фонды, расположилась плотным кольцом вокруг затылка, затылок потяжелел, так что пришлось чуть откинуть голову назад и вызвать струящийся поток воздуха через все тело, расслабленное в предвкушении забытых телесных переживаний. Адмирал дал им волю, и юность всплыла в него букетом бесноватых чудес, за которые не бывает наказания.

В женщинах было что-то дразнящее и разрушающее; разменивая на традицию собственную пылкость, он когда-то страстно желал их всех, и канон, велевший быть торжественно сдержанным самураем, был часто и чудесно нарушаем. Еще до женитьбы официанточка из офицерского клуба надолго завоевала его воображение: предутренняя сумрачность ее взгляда давала ей право на владение всеми секретами мира. Позже, насмотревшись на европейских женщин, однообразных в своих чувственных откровениях, он мог бы посвятить пылкой и капризной гейше Чийоко любой из своих океанов, если бы не ее застывшая в улыбке уверенность в непоколебимости мироздания — она не просила о вечности, он же, как ребенок, грезил империями и эшафотами. Он любил даже ее слезы, всегда успевавшие выбежать из глаз раньше, чем маленький рукав завернет в себя целиком заплаканное лицо. Он не видел ее уже более года, и ощущений ее кожи не было с ним. Была еще жена, большая и гладкая женщина, часто прихварывающая и не выходящая к редкому домашнему обеду. Старшая дочь, когда-то маленькая статуэтка, которая будет принадлежать другому — продолжение Рэйко и отражение ее, — все же жила в его сердце, как мягкая лапа несуществующего котенка. Когда родилась младшая дочь, он обрел пластичность мысли, обогатив внутренний закон Разума неистовым чувством восторга от фокусов древних богинь. Отмеренные ему годы любви он укорачивал сам, меняя их на стапеля, корабли, океаны и страны, самолеты и лекции самому себе, на торжество раскрепощенного природой ума, пытливого и вездесущего, исчисляющего и угадывающего.

Детство было войной, нарисованной в комиксах, но войной. Мать всплывала мягким облаком где-то в левой груди, и чувство матери было похоже на дыхание храма, тихое и теплое по сравнению с пронизанной ветрами улицей. В храмы Исуроку ходил редко. Более всего досаждали ему сомнения — они точно никуда не годились восьмилетнему воину, провоцировали пропускать удары и выходить из смертельных драк с помощью некой детской магии, помогающей каждому ребенку, втайне исповедующему сомнительные культы. На первых же серьезных соревнованиях по борьбе Ямамото погубила фантазия, и он проиграл бой. Отец говорил с ним сурово, но не наказал. Отец не любил книг и философов, но Кодекс читал: и «Хагакурэ», и сочинения Такуана принес откуда-то сам и положил перед скучающим мальчишкой значимо и серьезно.

Школа доставляла много хлопот и сеяла сомнения каждый день. Точнее, сомнения сеяли люди. Одноклассники давали возможность двигаться вместе: это были игры, рвущие жилки праздники тела, проверки на невозможность, первые высоты, страхи и море. Размышлять нужно было с взрослыми, а они здорово отмахивались, занятые работой или гостями. Для настоятеля соседнего храма Ямамото оказался слишком словоохотливым, и суровый монах прервал бурные излияния отрока.

В пятнадцать лет вдруг пришло спокойствие, которого он так яростно добивался, так искал, преследуемый неумолимой критикой семьи и однокашников, та бурлящая в нем ярость, едва выносимая злость, которую нельзя никогда было выплеснуть, как безумный помойный ковш, прямо сейчас, а надо донести до зала борьбы, где увидит, осудит и накажет пуще, чем улица и отец, учитель — ревностный хранитель старого канонического Кодекса, оплетающего человека путами безмерных обязательств, превращающих личность в ядро необычайной твердости и полностью выжигающих в нем ощущение счастья, заменяя его на долг и служение, на служение и долг. Маленький Ямамото был все-таки серьезным японцем

и до поры не понимал, почему другие не испытывают давления этих истин на свои головы, он даже путался в словах, когда в порыве откровения признался своему товарищу по играм, что его ужасно мучает вопрос: как это может ужиться в человеке цветущая сакура — любовь-свобода и бездумный бег с горки вниз с назначением всего этого в виде долга — и смерти, наконец? Он размышлял и приходил к неутешительному для себя заключению, что раз все это — во имя смерти, значит, все равно, как поступать. Друг не понял его рассказней и, покрутив у виска, задумчиво сказал: «Умирать — это далеко, зачем ты думаешь о смерти — придет — встретишь ее, как положено, как научили. А ты — как на свидание к ней бегаешь каждый день — сходи в храм, — там помогут». Друг погиб в первые дни войны. Глупо. После этой странной беседы по дороге мимо храма Ямамото больше никогда не говорил с Тандзиро о важном.

Даже когда однажды, слушая однообразную болтовню приятеля, вместо привычного шестиярусного строения он увидел корабль, который шел на него, рассекая маленькую площадь... Исуроку торопливо сказался больным и быстро свернул в боковую улицу, едва уняв дрожь, бродил, пока его не остановил знакомый послушник, выманил немного денег, но пригласил заходить еще. Послушник был двумя годами младше; исполненный благодарностью, он провел друга по стропилам, возведенным для ремонтных работ, и показал сверху вид на маленький дворик, где дочь служанки и офицерик, уже полураздетые, не по-японски пылко обнимались, но зачем-то углядели-таки непрошенных наблюдателей и спрятались в дом. Несколько дней Исуроку будоражила мысль о мелькнувших сосках и сжимающих их торопливых пальцах. Истины и корабли отошли на задний план, занималась весна. Буйство крови сменилось едва сдерживаемым бешенством и неумными иллюзиями. Это время страхов и предвкушений давало ему потом силу, а унижения и наказания проказливой по своей природе юности остались островками памяти, забытыми и незначимыми. Несколько раз в самых тяжелых ситуациях Исуроку возвращался в поток юношеского торжества над миром, и сейчас ему казалось, что все победы и все ошибки были сделаны тогда, в те несколько дней животрепещущей весны, что там лежат все мыслимые резервы величия и правды, все имперские амбиции, го и любовь к жизни, все несравненное очарование старым кодексом, все восхищение и весь праздник перемен, когда еще многое можно переиграть, свернуть в боковую улочку или спрятаться в храме от надвигающейся судьбы. Хадзи, это вольноотпущенная трактовка европейского греха в юности, давала силу и не значила больше, чем две пары обуви — женской и мужской — брошенной на пороге маленького дома.

ПРОЛОГ

Долгие дни весны
Идут чередой... Я снова
В давно минувшем живу.

Хокку эпохи Эдо

Когда настоящее существование заканчивается, начинается метасуществование. Затем течение метасуществования изменяется и начинается после-существование, или перевоплощение. В каждом из этих случаев ум, присутствующий в теле, не подвержен изменениям», — писал мастер Сохо мастеру фехтования в местности Синогава в новом храме Токайдзи в Эдо, в благословенном храме Дайтокудзи в Киото и в уединенном храме Нансюдзи в Осаке. Ямамото почитал сочинения Такуана за смелый беспредел философии просветления, за загадочную для служителя двух империй и сегунов свободу суждений, отточенно вставленных в рамки всемирного языка мудрости. Да, Адмирал был согласен, что Ум или Разум, определяющий, как жить и как умирать, остается спокойным даже после досадной оплошности погибшего в сражениях тела.

Он, Исуроку, не стал философом, он стал образцом самурайского долга на флоте, он не стал и Учителем, не дописал своих трудов и не прочитал лекций о победоносной

стратегии восхищенной Европе, он не захотел ждать и выбрал смерть быстрее, чем медленные боги сложили ей обстоятельства, он предсказал смерть и подождал ее за поворотом самолета. Он поступил, как вцепившейся в прогресс европеец, презрев совершенство закованных в иероглифы мыслей о своей Империи. Он был очень плохой человек, адмирал Ямамото, он вырастал над своими замыслами раньше, чем они осуществлялись, он перерос свою возлюбленную самурайскую Традицию, и она в слезах оплатила ему смерть вопреки канонам. Он спешил родиться в следующем мире, где Разум, обученный Мастером Фехтования, восторжествует над случайными недоработками отечественной разведки.

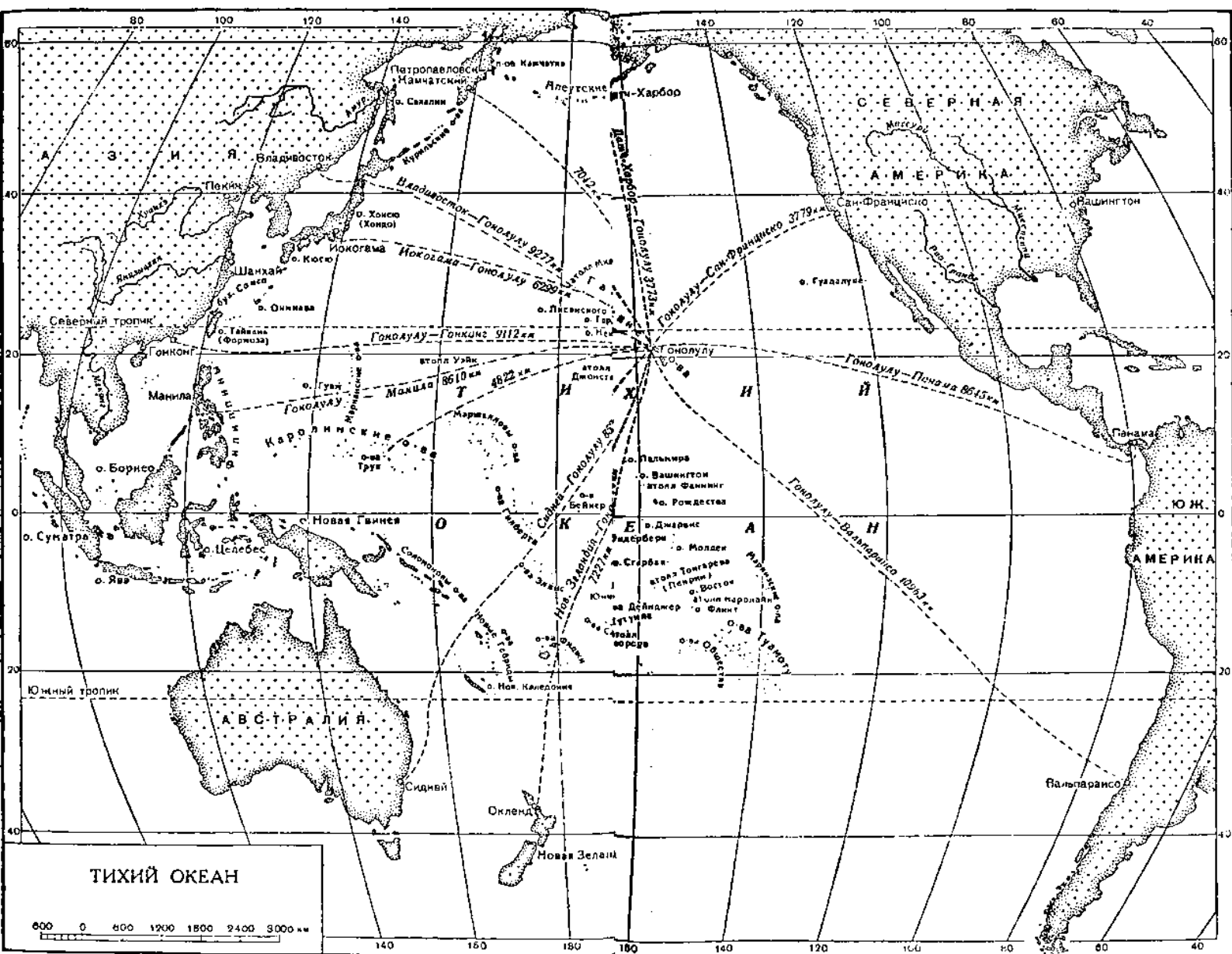
И он оставил себе бесконечный отрезок времени, от сегодняшнего утра до момента взрыва, на просмотр киноленты о своей жизни и просматривал ее заинтересованно, пылко погружаясь в водоворот давних и недавних событий, как усердный школьник, зазубривающий книжку, за которой вот-вот зайдет его более радивый товарищ.

(1) 27 мая 1905 года. 13 часов 59 минут. Время местное.

Дождь прошел вчера. Как предчувствующий близкую смерть старик, морщась от слабости, спешит омыть свое тело, чтобы умереть в чистом белье, — душе, коей уже недолго томиться, важно отлететь от чистого, незамутненного потом тела, так и этот предупредительный дождь омыл причудливо-изящные и совершенные, и уродливые и наскоро достроенные, и, конечно же, в том числе совсем старые тела двух эскадр, одной из которых предстояло погибнуть в плену туманных иллюзий, с мыслью о доме, с обреченной усталостью героя, зажившегося на этом свете, где мифы не в моде, зато в моде технические инновации командиров-безбожников, ведущих плавающие армады в смертельный бой.

Ветреное «сегодня» перенесло его на крыльях отпущенных в свободный полет воспоминаний к началу пути, к открытию нового «Я», сделавшего его Адмиралом... чтобы усадить потом в небольшой самолет, летящий навстречу смерти... Впервые за свою жизнь в этом самолете он почувствовал, что может ощущать за врага: за русских, например, которые проклинали тогда и Цусиму, и своего командующего, и сам японский дух.

В то далекое утро Ямамото сильно волновался. Сейчас он словно бы видел свое лицо. Как оно, привычное к стандартному суровому выражению, искажалось едва ли не до появления тени сомнения, и вновь возвращалось спокойствие, положенное лицу того, кто не может сомневаться в выборе пути, в принятии решений, в самой смерти, наконец. Коварная струна душевной судороги — Возбуждение, ждущее своего предела, не находило выхода: просчитав три возможных трюка адмирала Рождественского, двадцатилетний Ямамото мог лишь молиться, чтобы выпала нужная карта и эскадра русских прошла проливом, точнее, конечно, — чтобы она там не прошла.

И все же Адмирал точно знал, что будет именно так. Как знал сейчас, что американские самолеты уже в воздухе и не стоит страшиться или сомневаться — всё определено. Смерть — это и не благо, и не освобождение, это и не красивая привилегия, и не трусливый уход — это некое преобразование реальности из состояния «с тобой», в состояние «без тебя». Тогда, в Цусимском бою, его, как в детстве, пугал навязчивый дар видений, и он долго, до этой последней своей войны, каждый раз зная наперед будущее, изнывал от ощущения дрожащей струны ожидания: повторится ли опять этот вечный сон предопределенности. Его считали азартным игроком, в посольстве ходили невероятные слухи о гипнотических, провидческих и даже «шпионских» способностях: это было время его европейской славы.

Сейчас, когда он уже только вспоминал, выключив себя из ритма жизни, прежняя струна умолкла, и вместо нее неумолимо тукал невидимый маятник, отмеряющий время, оставленное для сортировки воспоминаний — на полезные и бесполезные — для отставшей от маятника души.

Адмирал прекрасно помнил тот день, весь — от ощущения ветра, бежавшего по ладони, до ощущения безотчетного счастья победы. Солнечный свет по-особому томительно рвался к морю.

Погода с утра могла бы называться солнечной, если бы не мглистая дымка,

ограничивающая видимость четыремья милями. Волнение около 4 баллов лишь грезило нескорым штормом. Было, наверное, около 15 градусов тепла, и, спрятавшись от ветра в многочисленные ниши извилистого корпуса, моряки могли бы греться — если б кто-то мог о подобном помыслить. Перед боем...

Американцы пользовались шкалой Фаренгейта. Это привело к нескольким забавным казусам в нарождающейся японской разведке в далекие тридцатые. То была совсем другая эпоха, она отстояла от апреля 1943-го на десятилетие гонки с дьяволом, а от мая 1905-го — на три десятка благородных маневров и истинных побед.

«Сражения на море, — вдохновенно записывал он в военную тетрадь, — так же разительно отличаются от сражений на суше, как битва героев, ставшая мифом при их жизни, отличается от потасовки школьников двух соседних классов. Все дело в море. Этой большой дышащей душе, равнодушной к мелочным невзгодам климата и трогательно-наивным планам флотоводцев». Много позже, когда над миром прогремело имя Лоуренса Аравийского, сумевшего преодолеть «трение» Клаузевица³², Ямамото в своих путешествиях в «никуда будущей стратегии» пожалел о том, что Лоуренс не адмирал. «Величайшее открытие Того, — старательно записывал он в 1918 году, уже будучи штабным офицером, — состояло в том, что эти большие космические часы — океан — можно использовать, можно совпасть с их маятником и двигаться, отдавшись большим силам, и тогда в насмешку или всерьез в непроглядной дымке появится вражеская эскадра, а повороту своих кораблей непостижимо поможет не попутный, а какой-то иной ветер, обеспечив невиданную синхронизацию всех и вся — разом и вдруг».

Тогда с «Синано-мару» доложили первыми. Нарикава был лаконичен: «Враг в квадрате 203 и идет в Восточный пролив». В начале шестого — Ямамото привычно фиксировал часы и минуты, словно проверяя естественную хронологию течения бытия. Сейчас, благосклонно позволяя воспоминаниям плыть по их собственной воле, он выстраивал их на числовую ось своей жизни — отрезками значимости от сегодняшней войны — туда, к Цусиме, где все начиналось...

Обстоятельное донесение от «Идзуми» пришло часом позже. «Немного слишком обстоятельное для трехтысячетонного крейсера, — подумал Исуроки, — не старого, но уже устаревшего, гордо ведущего разведку в виду всей неприятельской эскадры».

Вопреки своим продуманным до мифологичности версиям Ямамото заявил невозмутимому адмиралу, что раз противник не пожелал завязать бой ни с «Идзуми», ни с антикварными крейсерами Катаоки, это могло — должно было! — означать что-то важное.

Того был занят, он спустился вниз, оставив Ямамото на минуту с его собственными мыслями, и когда информация от крейсеров разведки пошла почти непрерывно, что неопровержимо доказывало ее бесполезность, Ямамото поднялся в рубку и уже не покидал ее до досадного прорыва сознания — до воя осколка и резкой неуправляемой боли в кисти.

...При горизонте в пять миль и прогнозируемой скорости сближения двадцать пять узлов эскадры выходили на дистанцию уверенного поражения цели за пять минут. Поворот эскадры на восемь румбов требовал больше времени... Захватывающее действие оставляло мысли обрывочными.

Русские корабли появились по левому борту в 13:25. Уже позже, когда закончился бой, Ямамото, вспоминая маневр, подумал, что угол сближения был около 110 градусов, что совсем не соответствовало прикидкам.

На полном ходу Того пересек курс неприятельской эскадры, пройдя в семи милях от головного броненосца противника.

Русский строй выглядел странно. Ямамото навсегда запомнил эту картину, полную торжественной обреченности, как похороны самурая — бессмысленная тщета сохранить величие рода, унылые обряды родственников над ушедшим.

32См.: К.Клаузевиц. О войне. В трех томах. М., 1938.

Четыре корабля, судя по всему, элитный первый отряд, были зачем-то выделены в отдельную колонну и шли параллельным курсом в миле к востоку от главных сил. Впрочем, надо полагать, имелся в виду какой-то принципиальный маневр. Например, повернуть эти броненосцы «вдруг» и бросить их вперед, имея целью разрезать кильватерную колонну Того и отсечь его арьергард — в рамках классической идеологии Г.Нельсона при Трафальгаре. Ямамото видел, что Того ничуть не беспокоит об этом.

Во всяком случае, момент для «вдруг» был упущен: японская линия отклонилась к западу, и теперь между нею и русским передовым отрядом оказались все остальные корабли русских. Построение противника потеряло смысл и, напротив, стало создавать для Рожественского серьезные неудобства. Начать с того, что дым основной колонны мешал ему наблюдать за противником.

В 13:30 Того начал поворот к югу. Пошла стадия сближения.

Русские начали перестроение в единую колонну с первым отрядом во главе. Ямамото еще не знал, что для этого им не хватит скорости.

Эскадры шли уже на антипараллельных курсах — угол встречи составил 170 градусов, а скорость сближения — 24 узла. Сейчас расстояние между боевыми линиями установится около четырех миль.

Потом, когда Мидуэй свернет Вселенную в бесконечный бой, где красивые решения — дань морским богам или наблюдающему из «ниоткуда» Того — сменяются решениями

вынужденными, где автоматические расчеты невероятных операций уже не принесут желаемых побед, а лишь отодвинут пропасть поражения, Ямамото с удивлением вспомнит, что в Цусимском сражении молодой адъютант не смог рассчитать простого и очевидного: при взаимной скорости 25 узлов бой на контркурсах продолжается не более пятнадцати минут. А еще минут через пятнадцать теряется и визуальный контакт — и можно поворачивать. А это — еще пятнадцать минут. Что в 2:25 начнется погоня. И дальность будет около 8 миль, а разница скоростей, грубо говоря, 5 узлов. И бой возобновится часа в четыре, а это почти наверняка поздно...

В 13:40 русская эскадра повернула к северу и легла на курс 23 градуса.

Строй русского соединения нарушился. Видимо, в расчете была ошибка, и первому отряду не хватило места, чтобы встать перед вторым. Русские корабли застопорили машины и начали беспорядочно выкатываться из строя. Того поднялся на мостик, не замечая едва поспевающего за ним адъютанта. Глядя на море, он, казалось, о чем-то сожалел и, похоже, даже произнес вслух: «Это замечательно, но не может продолжаться долго». Несколько секунд перерыва между выкриками приказов показались Ямамото вечностью.

В 13:41 расстояние между эскадрами сократилось до 40 кабельтовых. ...Огня никто не открывал.

В 13:42 «Микаса» повернул в сторону неприятеля и, сближаясь с ним на циркуляции до 28 кабельтовых, лег на обратный курс.

Японская эскадра поворачивала *последовательно*.

Из рубки, невероятно мешающей обзору, Ямамото видел, что боевая линия сдвигается, образуя петлю, причем корабли, не прошедшие точку поворота, огонь вести не могут.

Неподвижная точка поворота, через которую должны последовательно пройти все корабли флота, находится менее чем в трех милях от боевой линии русской эскадры. В зоне огня на поражение.

На несколько секунд позже русского адмирала Рожественского Ямамото осознает, что такой маневр, полностью противоречащий «хорошей военно-морской практике», запрещенный на любой штабной игре, был даже не авантюрой, но попросту игрой ва-банк, которую мог оправдать только блистательный результат.

В 13:49 русские открыли огонь.

Было не совсем ясно, по каким целям они стреляют. Вода вокруг «Микасы»

непрерывно вскипала всплесками, но попаданий не было.

В 13:52 «Микаса» прошла точку поворота и сделала первый пристрелочный выстрел по противнику.

...Поворот закончился около двух. «Асахи», четвертый японский броненосец, оказался на траверзе головного корабля русских. «Микаса», «Фудзи» и «Снкисима» были впереди и уже начали отклоняться к востоку, охватывая голову неприятельской колонны. Это был идеальный кроссинг, смертельная петля на шее русского адмирала.

Конец наступил в 13 часов 59 минут.

Уступая в скорости, русская эскадра была *обречена* вести бой в наиболее невыгодной для себя конфигурации. В своей войне так ни разу Ямамото и не использует потом то, что он назовет в записках *сутью кроссинга*, в котором неприятель последовательно, начиная с головного, подставляет свои корабли под сосредоточенный огонь эскадры.

Если резать, то по живому, если плакать, то по живому...

Давно все это было. Два века назад самурай Ямамото Цунэтомо, в свои 42 года пережив смерть покровителя, повелителя и учителя — Дзето Набэсима, поселился в хижине из травы вдали от людей и мнений. Через десять лет к нему за наставлениями пришел молодой самурай Цурамото Тасиро и в течение семи лет постигал его учение, а затем записал и упорядочил полученные знания.

Неторопливый Цунэтомо, закончив свой многодневный рассказ, велел ученику сжечь записки, но тот тайно сохранил мысли учителя и сбой труд «издателя». Так родилась «Хагакурэ», первая серьезная книга, с которой маленький Исуроку до жжения в сердце спорил по ночам и наконец, заучив наизусть все недоступное, всё неприемлемое для своего буйного разума, успокоился и принял эту мудрую религию.

У Ямамото была привычка вести записи своих реальных или желаемых бесед с Того — осталась невытравленная школьная страсть к изложению версий и вариантов на бумаге. Описывая и предсказывая, оттачивая анализ, вставляя цитаты, он колдовал над текстом, словно сентиментальный каллиграф, воспевающий древнюю тайнопись, вечное торжество эстетики над смыслом. Ямамото готов был поклясться, что за всю свою жизнь он не записывал более эстетичной операции, строгой и сильной, как удар кайсяку.

(2) 31 декабря 1905 года

Союзники праздновали победу *подчеркнуто*. И столь же подчеркнуто провозглашали тосты в честь Микадо (что было нарушением этикета, видимо, ненамеренным), империи и Того, бывшего теперь — и для друзей, и для врагов — великим флотоводцем. Ямамото смущался перед собой, когда в своих записках, с коими он не расставался, твердо обозначив себе путь в адмиралы, называл, вслед за союзниками, Того Великим флотоводцем, но — флотоводцем Окраины.

Тогда в японском штабе ему еще некому было рассказать о том, что у него сложилось неприятное впечатление — с победой Японии «просвещенные мореплаватели» поздравляли как-то прежде всего самих себя. «Впрочем, почему бы и нет? — размышлял он. — На свете есть только один флот — Королевский. Просто “королевский”, безо всяких лишних слов. Это итальянцам приходится уточнять: “*итальянский* королевский”, как свидетельство второсортности. И у русских тоже — “*российский* императорский”... Десять лет назад один их крейсер, “Адмирал Нахимов”, был сильнее всей Японии.

В записках этого времени значилось: “По существу, Симоносекский мир был подписан под дулами его орудий. “В целях защиты Китая от японской агрессии” Россия оккупировала Порт-Артур и тем определила свою судьбу. А «тот» крейсер лежит на дне Корейского пролива неподалеку от побережья. В русской колонне он шел восьмым, и его даже никто особенно не топил. Пара-тройка случайных снарядов днем, торпеда ночью... Болтуны поговаривали, что на нем был золотой запас русской эскадры”».

Ямамото уже тогда точно знал — вранье. Он не любил романтические бредни побед, считая, что всякая победа — это открытая ловушка для дальнейших ошибок. Уже тогда он считал варианты, как заядлый шахматист. И варианты за Японию ему не нравились. Сообщать же кому-нибудь свои домыслы было преждевременно и неприлично, как в пору праздника не стоит пенять на случившийся в полях неурожай.

И приходилось еще признать, что англичане вправе пить за победы японского оружия. Потому что это оружие создавалось если не целиком на их верфях, то уж во всяком случае по их чертежам. Перед войной империя скупила все, до чего только смогла дотянуться. Не исключая итальянских и южноамериканских крейсеров. «Может и зря. Вышло, что Россия только казалась сильным противником...» Сейчас в штабном домике на базе Рабаул, спустя две войны, вспоминалось лишь состояние убежденности неумолимо вычисляющего мозга, а слова — написанные или произнесенные — значили мало. «Тогда» называлось началом жизни, «сегодня» — мерцало ее итогом. Адмирал на мгновение увидел себя молодым, полным неистребимого достоинства, с мыслями о судьбах Японии. Адмирал улыбнулся. До вылета оставалось подозрительно много времени — около часа. Постукивая карандашом по немногословному документу, он вгляделся в белую половинку листа и позволил себе провалиться в собственную историю: в тот предначальный век, когда поступки складывались из ста оттенков реальности, отражались в море едва сдерживаемых эмоций, неуместных в деле военном, но рвущихся, как катализатор страстей разбухающей от предстоящих испытаний страны.

Это было начало начал. Время выбора стратегии. Никакие «тоннели восприятия» его тогда не интересовали, но случайно возникающий в напряжении мыслей уровень обобщений, рождающийся из проникновения за грань бытия, приносил огромную радость. Сейчас рекуррентность Существования (бесконечное отражение Вселенной в ее собственных зеркалах) вызвала резкую боль в глазах.

Мысли определенно отвлекали Адмирала от просмотра длинного фильма «о времени и о себе». Он позволил себе вернуться к событиям и допустил, что в единичной, то есть случившейся и зафиксированной сотнями наблюдателей, Реальности Того и молодой Ямамото беседовали как равный с равным. Сейчас Адмирал вспоминал этот разговор примерно так:

— Отдыхаете, мичман? — Ямамото так до конца жизни и не сумел привыкнуть к тому, что мысли, рожденные в его голове и готовые выплеснуться на бумагу, могли бы обрести не только читателя, но и слушателя, и притом желанного — как только поток их прерывался осознанием «здесь и сейчас», словесное воплощение тут же становилось невозможным.

— Разминаю руку, — выпалил Ямамото.

Он, конечно, чуть демократично, совсем по-русски или немного по-лоуренсовски, когда-то не выучил, в каких случаях на вопрос старшего по званию надлежит отвечать официально, а когда этого делать категорически нельзя. Он предпочитал бы говорить чуть безлично, но выходило по-детски взволнованно. Впрочем, Учитель и сам, обогащенный знаниями людей и еще немного — философии — в зависимости от текущего настроения, — придавал разговору ту или иную окраску.

— Похвально. Весьма похвально. Боевое увечье помогает продвигаться по службе, а сильная воля, благодаря которой молодой офицер сумел преодолеть последствия ранения, поднимает одного офицера в глазах подчиненных. Но ловкость пальцев будет нужна акробатическая.

— Я был счастлив потерять пальцы, служа императору, — озадаченно отозвался Ямамото, уже в который раз не понимая, куда это клонит Великий.

— Не сомневался, — проворчал Того. Не то, чтобы он был навеселе — праздники для Японии прошли, и нагрянуть на корабль Того мог, лишь исполняя сомнительную миссию беспокойного Сэнсэя. «Или все-таки рано вернулся с не милого сердцу европейского банкета?»

— Насколько я помню, вы неплохо играете в покер? Так вот, как можно быстрее научитесь тасовать колоду искалеченной рукой. Это, конечно, не приказ, а так — настоящий совет. Но весьма настоящий, — Того улыбался, мичман нравился ему. И Ямамото тогда считал, что Того нравится сдержанное смущение бывшего адъютанта и одновременное неукротимое желание поведать о секретах своего видения моря, боя и его, Того, планов и ошибок.

— Сэнсэй, вы что, действительно считаете, что я рисковал ради карьеры? — Ямамото овладела та восхитительная беспечность речи, которая возникает между однокашниками, только что попавшими в общую историю с дракой на пороге школы.

— Послушайте, мичман, я расскажу вам одну басню про японский флот.

Теперь Ямамото окончательно уверился, что адмирал все-таки праздновал с союзниками.

— Вы служите на собачьей должности, — Того между тем повысил голос: — Не возражайте, юноша, я знаю, что говорю. Так вот, молодой человек может смириться с этим только в двух случаях. Если он полное ничтожество и рассчитывает устроиться получше. Или если он со дня поступления в колледж примеряет погоню командующего и ему очень нужно посмотреть, «как это делается». Чтобы сразу начать накапливать опыт.

— Опыт командования? — теперь было понятно, куда он клонит, но еще не ясно, к добру ли это.

— Опыт командования... Конечно. А то ведь как это обычно получается? Окончил молодой мичман училище, хорошо окончил... выбирает назначение. Куда? Конечно, артиллерийским офицером на «Микасу»³³, — по лицу адмирала прошла темноватая тень, — я хотел сказать, на «Фудзи». Служит. Отменно служит, механизмы башни выучил как дважды два, ротой командует, на учениях стреляет — любо-дорого посмотреть. И конечно, ему дают следующее звание. Башней уже управлять как-то не по чину. И идет наш бедолага артиллерийским помощником.

Это называется «забудьте все, чему вас учили раньше». Потому как теперь все эти поворотные механизмы, заевшие шкивы и самовзрывающаяся шимоза нашего лейтенанта не интересуют. И начинает он почитать английские журнальчики и конструировать из фанеры «файринг директоры»³⁴, досаждая своему командиру просьбами укрепить шатающийся боевой марс и снять с того все лишнее.

А потом лейтенанту дадут еще одну «звездочку» и сделают старшим офицером. И придется ему разбираться в командных подштанниках, запасах леща для офицеров и драке, которую учинил пьяный боцман во время визита вежливости в Сан-Франциско.

На этом большинство ломается. Но наш ведь не из таких. Он прослужит года три-четыре, приобретет опыт купца-хозяйственника... тут как раз его назначат командиром на миноносец.

До сего дня он кораблем не командовал и «как это делается» не знает даже приблизительно. А кроме того, на эсминцах он не служил. Там ведь все по-другому. И приходится нашему лейтенанту, вернее уже капитану, снова учиться. И со временем он начинает разбираться в шхерах, торпедных треугольниках и особенностях швартовки с ходу. А дальше? Дальше-то что, мичман?

— Его переводят на броненосец. Как опытного и умелого командира истребителя.

— Примем для определенности, что войны нет, следовательно, броненосец большую часть времени стоит в Сасебо, а в праздники отдает визиты вежливости или принимает

---

³³Эскадренный броненосец «Микаса», флагман адмирала Того, погиб от внутреннего взрыва 11 сентября 1905 года в Сасебо. Это произошло всего через пять дней после подписания Портсмутского мирного договора, завершившего Русско-японскую войну.

³⁴Прибор централизованного управления артиллерийским огнем, изобретенный английским морским офицером Перси Скоттом. Широкое внедрение подобных устройств в военно-морскую практику произошло между Русско-японской и Первой Мировой войнами и совпало по времени с «дредноутной революцией».

делегации союзников. Придется капитану теперь освоить курс хороших манер и основы военно-морской дипломатии.

Потом Ямамото тщетно попытается угадать мысли адмирала, вспомнив, сколько раз, начиная очередной своеобразный урок, Того уходил от ответов о судьбе адъютанта, словно бы и не желая провоцировать излишнюю предопределенность или вмешиваться в волю капризных богов. На свой страх и риск мичман нарочито громко продолжит:

— Сначала-то он, конечно, сунется к артиллеристам — поучить.

— Да, там ему вежливо ответят, что на таких дистанциях, на которых стреляли в его молодости, они добиваются 75 процентов попаданий с закрытыми глазами, и он уйдет, неожиданно осознав себя пожилым человеком. На море это происходит как-то сразу: еще вчера ты думал о том дне, когда встанешь на мостик и заменишь эту старую перечницу — бывшего капитана, который пришел на флот во времена пароходо-фрегатов и воспитывался на впечатляющих примерах стрельбы мониторов Севера по деревянным броненосцам американского Юга, если вообще не на опыте Крымской войны, и до сих пор, увидев противника, порывается скомандовать: «Паруса ставить! Левый галс! Приготовиться к абордажу!» — И Того замолчал.

Ямамото, мысленно продолжая этот разговор, подумает, что наш «уже капитан» напьется у себя в командирской каюте, потому что нет никаких сил снова начинать все с нуля. Старость — не возраст, это такое состояние души, когда очень трудно затевать любое новое дело. Но он вспомнит об Империи, долге, о сыне и возьмет себя в руки. Так же, как и сейчас, он бережно вращает ролик воспоминаний, прилежно воспроизводя давно уже отрепетированную пьесу перед решающим выступлением, от которого зависит жизнь и смерть режиссера.

— За последующие годы он, думаю, выучит штурманское дело, — холодно заметит Того, — потому как командир броненосца, который всецело полагается на штурмана, заканчивает чаще всего позорной отставкой.

Ямамото вздрогнет: далее будет все про него, и нельзя пропустить ни слова, потому что сужается все еще широкое пространство решений, оформляя судьбу беспечными переменами, и все же ведут эти решения к одному, а Великий мастер, в данный момент тяжело опирающийся на поручни, очень скоро уже никак не сможет повлиять на события.

— И его наконец произведут в адмиралы, — усмехнувшись заметит Ямамото, как будто обвиняя Того в том, что его не будет рядом, а сохранится лишь память былых времен с ушедшими в Лету ошибками и оставшимися иллюзиями легких побед.

— И тут как раз начнется война, — эхом откликнется Того. — И вот ранним утром он обнаружит на встречном курсе неприятельскую эскадру. И скорость сближения будет не 20 узлов, как это получилось у меня с русскими, а все пятьдесят. И нужно будет дать команду — всего одну, чтобы вступить в бой в максимально выгодной конфигурации. Гладь воды. Наши корабли и их корабли. Дым, видимость, угол поворота башни, расстояние. Нет времени ни считать, ни прикидывать. Сейчас должен «сыграть» опыт, талант, умение. И он мучительно вспоминает свою жизнь, надеясь, что что-то из прошлого подскажет ему два слова: курс и скорость. Как же, он ведь профессионал. Он учился морскому делу всю жизнь!

«Да уж, — подумает такой не похожий на нынешнего Адмирала молодой Ямамото, — в моей памяти есть методы артиллерийской стрельбы и опыт ремонта заевших шкивов, теория организации управления артиллерийским огнем и целыйgrossбух строевых рапортичек, торпедные атаки в упор и возлияния в честь визита дружественного флага... все что угодно, кроме военно-морской тактики».

— Лет через десять, — Того скажет эту фразу отстраненно и как-то непривычно резко, — я буду иметь удовольствие посмотреть на наших «просвещенных союзников» в деле. А историки потом выльют ушаты чернил, дабы обосновать их выкрутасы в Северном море. И когда они все равно выиграют... Идите, мичман, вас трясет, — заметит Того почти участливо. — В вас есть что-то подозрительно невоенное.

На Труке и в Рабауле, где люди страдали от тропической жары, адмирал Ямамото неизменно носил белоснежный морской мундир. Он знал, что фигура командующего, презиравшего изнурительную жару, производит впечатление на рядовых и офицеров. Он считался олицетворением флота. Во всем этом сам Ямамото чувствовал маленький подвох; позволив себе сердцем уйти из жизни после Мидуэя, он остался в своей оболочке, чтобы закончить дела тех, кто, подобно Ямагути и Томону Каку, выбрал традиционный японский способ смерти, совершив сеппуку в боевых рубках своих горящих авианосцев. И теперь Долгу, отделенному разумом от обгоревшей души, не могло быть жарко или душно.

2 (1) Сообщение военного атташе в Лондоне: «Дредноут»

Это определенно была «синька» с дипломатической телеграммы. Ямамото увидел себя — стоящего в дверях, полного досадной уверенности, что Того не скажет ему сейчас: «Взгляните, адъютант, это вас должно заинтересовать». А он, Ямамото, между прочим, собирал свою «библиотеку» дипломатии не по крупницам сведений старших офицеров, которые сами слабо разбирались в том, что происходит сейчас в мире. Он, Ямамото, много читал и анализировал факты, полученные из самых разных источников, сопоставлял их и уже к 1905 году сложил для себя подробную карту интересов разных правительств. Офицеры бредили прошлым Японией, они не хотели идти вперед в своих мыслях и не видели, что мир становится другим, неожиданно тесным, и выигрывают в нем те, кто сумел сплавить в своих головах тени минувшего и наступающего, то есть построить нужные корабли для нужных войн.

Ямамото тогда подумал, не выйти ли ему. Он уже «отметил» себя за поспешность — мог бы посмотреть телеграмму сам, неторопливо продвигаясь от радиорубки к кубику. В кубике они с адмиралом были одни. Того просмотрел документ, нахмурился и сказал:

— Взгляните, адъютант, это вас должно заинтересовать.

—

«Второго октября минувшего года в Портсмуте начато строительство нового броненосца в 17 900 тонн, конструкция которого разработана под непосредственным руководством Первого лорда Адмиралтейства сэра Джона Фишера. В проектировании также принимали участие капитаны первого ранга Джексон, Джелико, Бэкон, Медден, Гендерсон, инженеры Кард и Граси.

По имеющим сведениям, новый корабль “Дредноут” будет оснащен экспериментальной паротурбинной установкой мощностью более 20 000 л.с.; предполагается, что скорость хода составит свыше 20 узлов. Вооружение должно состоять из десяти двенадцатидюймовых орудий в пяти башнях, причем в бортовом залпе восемь стволов, в осевом — шесть. Средний калибр исключен, противоминная артиллерия ограничена калибром 76 мм.

Особенностью проекта является централизованное управление артиллерией. Наблюдательный пост будет размещен на фок-мачте, получит связь со всеми башнями для корректировки стрельбы.

Обводы корпуса гладкие, отсутствует носовой шпирон.

Защита корабля состоит из двух поясов (боевого и казематного), соединенных легкой броней, и бронепалубы со скосами. Бронирование башен — 279 мм.

В связи со строительством “Дредноута” монтажные работы на броненосцах “Лорд Нельсон” и “Агамемнон” задержаны».

Ямамото поклонился и вышел. Он видел, что Того знает то же, что и он, и это знание было важно, очень важно для Ямамото. Строительство «Дредноута» делало морально устаревшими флоты всего мира и обесценивало огромное преимущество Великобритании в традиционных линейных силах. Военно-морская история начиналась с нуля, с чистой доски. Вот что знали они с адмиралом, и это, конечно, не захотят понять штатские, сухопутные и

прочие. И еще непонятно было, какую позицию займет Генеральный штаб, а он, Ямамото, только мичман, сомнительный герой Цусимы и адъютант. Всего этого было так мало, чтобы управлять будущим. Ямамото стоял на палубе и смотрел на громоздящиеся в бухте доки и стапеля, отвоевавшие пространство у просторного когда-то порта. «Здесь скоро станет гораздо больше верфей», — отметил Ямамото про себя. Впереди была «дредноутная гонка», в которой Япония могла занять одну из ведущих позиций.

«Это будут корабли моего поколения, — подумал адъютант, — нам предстоит плавать и сражаться на таких».

(1) Фотография: «Фусо»

Японский флот, выигравший войну с Китаем, состоял из пятидесяти пяти кораблей общим водоизмещением всего в 61 тысячу тонн. Сильнейшим из них был броненосец «Фусо» (3800 «длинных тонн»). Первоначально он был вооружен четырьмя 240-мм орудиями со скорострельностью один выстрел в десять минут; перед сражением на реке Ялу корабль перевооружили на восемь 152-мм орудий, имеющих более приемлемые баллистические и эксплуатационные характеристики.

«Фусо», а вместе с ним «Чин-Иен», захваченный у китайцев, устарели морально в день заключения Симоносекского мира. Противников из числа второразрядных государств у Японии больше не было, а для борьбы с флотами великими державами эти «как бы броненосцы» не годились.

В следующем, 1896 году император Муцухито утвердил первую из знаменитых японских «симметричных» кораблестроительных программ, известную как «шесть — шесть». Она предусматривала создание современного флота, ядром которого должны были стать шесть однотипных броненосцев и такое же количество броненосных крейсеров. Об этой программе, разработанной Гоннохиёе Ямамото, историки отзываются очень одобрительно, особо подчеркивая опережающие темпы ее выполнения по сравнению с русской. Действительно, хотя формально речь в законопроекте шла о распределении финансирования на десять лет, 96% всех ассигнований надлежало «освоить» уже к концу 1901 года.

Ответные меры русского морского ведомства отстали примерно на два года, тем не менее перед началом войны выяснилось, что кораблей, построенных по программе «шесть — шесть», недостаточно для борьбы с русским Тихоокеанским флотом. Не без помощи Англии японское правительство уже после открытия военных действий усилило свой флот дзумя отличными броненосными крейсерами итальянской постройки («Ниссин» и «Кассуга»), роль которых в сражениях 1904—1905 годов заслуживает специального исследования.

После гибели на русских минах броненосцев «Хатсусе» и «Ясима» («черный день японского флота», 2 мая 1904 года) эскадра Того потеряла первоначальную балансировку: в главные сражения войны она вступила со структурой «четыре — восемь».

В этих условиях Того пришлось привлечь к обеспечению операций даже старый «Фусо», а «Ниссин» и «Кассугу» поставить в боевую линию броненосцев. По счастливой случайности крейсера остались невредимы, что породило у ряда иностранных военно-морских специалистов необоснованные иллюзии.

Война принесла японскому флоту много трофеев. Победителям достались броненосцы «Орел», «Ретвизан», «Полтава», «Пересвет», «Николай I», «Адмирал Сенявин», «Генерал-адмирал Апраксин», крейсера «Баян», «Варяг», «Паллада», «Новик», эсминцы «Решительный», «Сильный», «Бедовый». Однако в свете предстоящих задач от этих разнотипных и по большей части старых кораблей было немного проку. Ведь после разгрома России потенциальными противниками Японии стали ведущие морские державы, в том числе Великобритания и Соединенные Штаты Америки.

В 1906 году японский флот усилили броненосцы «Касима» и «Катори», заложенные взамен погибших «Хатсусе» и «Ясимы». Эти были типичные корабли, опоздавшие к одной

войне и не нужные для ведения следующей; их заказ стал серьезной ошибкой Морского министерства. Годом позже верфи в Йокосуке и Куре приступили к реализации очередного сомнительного проекта: «Сацума» и «Аки», вступившие в строй соответственно в 1910 и 1911 году, хорошо смотрелись бы в Цусимском сражении, но против американских дредноутов класса «Флорида», не говоря уже об английских «Орионах», они были совершенно бесполезны.

Все же «Сацума» и «Аки» вошли в историю как первые линейные корабли, построенные на японских верфях и по японскому проекту. «Аки» к тому же стал первым японским линкором с паротурбинной установкой.

Следующие корабли — «Сетсу» и «Кавачи» — явили собой пример, в военно-морской истории уникальный. Формально это были классические паротурбинные дредноуты, вооруженные двенадцатью 305-мм орудиями в шести башнях. Однако орудия концевых и средних башен имели разные баллистические характеристики, в результате чего основная идея дредноутной схемы — централизованное управление стрельбой — осталась нереализованной. К тому же «Сетсу» и «Кавачи» имели исключительно малую, «европейскую», автономность — 2700 миль на десяти узлах.

«Кавачи» погиб в 1918 году от взрыва боезапаса, а «Сетсу» предстояла долгая жизнь в качестве корабля — радиоуправляемой мишени.

Он принимал участие во Второй Мировой войне, будучи главным тренажером японской палубной авиации, и был потоплен на мелководье американскими пикирующими бомбардировщиками в июле 1945 года.

Со вступлением в строй «Сетсу» и «Кавачи» японский флот оказался в ситуации, которой всегда пытался избежать: его ядро составили разнотипные, морально устаревшие корабли, каждый из которых имел присущие лишь ему тактические и конструктивные недостатки.

На построение «преддредноутного» собрания кораблей ушли огромные средства, и Парламент категорически отверг новую кораблестроительную программу 1910 года, предусматривающую строительство семи линкоров, трех линейных крейсеров, а всего 51 боевой единицы. В качестве компенсации морякам было разрешено заказать в Англии ЛКР «Конго».

В следующем году переговоры Морского министерства с парламентариями продолжались. Формально никакого результата достигнуто не было, в реальности же законодатели согласились закрыть глаза на «подпольное» финансирование постройки еще трех кораблей серии «Конго» и первого японского опорного линкора, получившего при закладке название «Фусо», что означало «Земля божественных шелкович».

Корабль был спроектирован Морским техническим департаментом с учетом европейских стандартов, опыта Русско-японской войны и специфики Тихоокеанского ТВД. Вооружение «Фусо» включало двенадцать 356-мм орудий в шести башнях, размещенных в диаметральной плоскости. Это превосходило боевые возможности русских линкоров класса «Петропавловск» (12х305 мм), американских ЛК серий «Невада» и «Техас» (10х356 мм), английских сверхдредноутов «Орион», «Кинг Джорж V» и «Айрон Дьюк» (10х343 мм), линейных кораблей германской постройки. Однако 381-мм орудие, разработанное Виккерсом для «Куин Элизабет», обладало заметно лучшими баллистическими характеристиками, нежели артиллерия «Фусо».

Противоминный калибр японского линкора состоял из шестнадцати 152-мм казематных орудий. Здесь несомненно сказался боевой опыт: англичане в тот момент еще считали возможным отражать атаки эсминцев четырехдюймовыми пушками. А вот внятно объяснить смысл оснащения дредноута «образца 1912 года» шестью подводными торпедными аппаратами не взялся бы, наверное, никто. Эту доцусимскую архаику удалили только перед Второй Мировой войной.

Бронирование отвечало взглядам, установившимся в МТД после Русско-японской войны, и примерно соответствовало защите британских линкоров типа «Айрон Дьюк».

Однако, в отличие от английских конструкторов, проектировщики «Фусо» предусмотрели дополнение главного пояса тонкой 102-мм броней, покрывающей почти весь надводный борт корабля. По установившейся в Объединенном флоте традиции была также усилена по сравнению с прототипом лобовая защита башен и боевой рубки.

По скорости «Фусо» уступал только знаменитой английской «пятой эскадре»³⁵, а в открытом океане, вероятно, превосходил и ее. «Стандартные» дредноуты США и Великобритании, развивающие 21 узел, он обгонял на два узла; дальность плавания экономичным ходом достигала 8000 миль.

Строительство «Фусо» началось 11 марта 1912 года. Первая Мировая война несколько замедлила темп работ, но все же 8 ноября 1915 года линкор вступил в строй.

В 1912 году умер император Муцухито, что спровоцировало следующий «раунд» борьбы между Флотом и Парламентом. Однотипный «Фусо» линкор «Ямаширо» был включен в отклоненный законодателями «План создания нового флота». Тем не менее, в ноябре 1913 года «вычеркнутый» корабль был заложен — «в счет текущих расходов Морского министерства». Это демонстративное нарушение государственной и финансовой дисциплины сошло Минори Сайто с рук, но институировало конфликт на целое десятилетие. Лишь в 1918 году — с любезной помощью президента Вильсона, не ко времени развернувшего свою «Трехлетнюю кораблестроительную программу» — «Фусо» и «Ямаширо» были «узаконены».

Они стали первыми кораблями «промежуточной» японской доктрины «восемь — четыре» и устарели к моменту вступления в строй как не соответствующие основным требованиям этой доктрины.

(3) 31 августа 1914 г.

В 1914 году ветеран Русско-японской войны младший лейтенант Ямамото Исуроку поступил в военную академию. Свою фамилию Ямамото он приобретет только в 1916 году, будучи назван сыном Ямамото Татевати.

Эти два года словно были даны ему для выбора — стать адмиралом Объединенного флота и в уже 1943-м закончить свою войну, или претворить происки буйного любопытства в писательское детище, остаться при каком-нибудь далеком от войн штабе и превратить путь воина в рабство пера. На первом курсе в академию приехал Великий адмирал Того, читал лекцию суровым молодым людям в военной форме, а позже, задержавшись в гимнастическом зале, долго беседовал со своим бывшим адъютантом.

Сейчас Адмирал понимал, что в те годы его жизнь четко разделялась на текущую и летящую. Текущая жизнь была наполнена удовольствиями, учебой, службой, жадной то силы, то денег, редким сном, офицерскими кафе, женщинами прежними и новыми. Летящая жизнь неумолимо вовлекала в водоворот страстей и предчувствий перемен. Ямамото хотелось в Европу и Америку. Было много вопросов, на которые трактаты Сунь-Цзы, письма мастера Дзэн и принципы, сплетенные в кольца Мусаси, не давали ответа. Везде в мире происходили невероятные изменения. В Японии появились социалисты. Плодились группировки и формировались партии. Готовились «инциденты» и вскрывались заговоры. Казалось, буйство крови во всей стране перехлестывает через край. По Европе медленно и невыносимо тянулась Мировая война. Даже отсюда, из изолированной, равнодушной к чужим Японии, война казалась огромной. Ямамото чувствовал, что его благословенную страну не минует чаша сия, и считал, что «надобно быть готовыми» и лучше, чтобы битва случилось позже, и уповать на социалистов нет смысла — они только развращают цельность японского духа. И единственная оптимизация в войне — это не свобода никакая, и не

---

³⁵Так называемый «быстроходный дивизион» Гранд Флита: «Куни Элизабет», «Бахрем», «Вэлиант», «Уорснэйт», «Малайя». Эти корабли, вооруженные восемью 381-мм орудиями, развивали скорость 24 — 25 узлов. Наряду с германскими «Байерн»³⁶, они считаются лучшими линкорами Первой Мировой войны.

демократия, а власть, и воля, и традиции, на которых выросла страна Ямато и должным образом окрепла к Цусиме.

У Ямамото было очень много вопросов к Учителю Того. В гимнастическом зале Великий адмирал сидел в старом кресле преподавателя воинских искусств, в котором тот обычно заполнял журнал посещений. Лейтенант стоял сначала навыворот, потом вольно и скоро устал, и они перешли в тренерскую, где можно было удобно сесть вдвоем, никто не мешал и не догадался бы их искать.

Сейчас Ямамото казалось, что, если бы Того не приехал, все могло сложиться иначе... пространная геополитическая картинка мира не возникла бы перед пытливым взором невысокого офицера и не захотелось бы ему неистово побыть демиургом, вклинившись в разлад Европы, обрести себе славу, а Японии — честь. Или наоборот.

Ямамото часто сравнивал сражения в Европе 1914 года с Русско-японской войной 1904 — 1905 годов.

Он с улыбкой вспоминал, как, сидя в кресле напротив Того, легко излагал простую, много раз продуманную концепцию вчерашней войны.

— Это была война интересов, война Карла Маркса, война экономики. Мы сталкивались с Россией в Маньчжурии и Корее. Мы не хотели «нависания» Российской империи над Японией. Нам был опасен сильный русский флот на Тихом океане.

— Это была школьная война, — сказал вдруг Того, — школярская, мы посмели напасть, русские отступили, мы сначала подписали мир с Китаем, потом разбили русских. Такие войны всегда выигрываются кем-то и проигрываются кем-то. В Европе сейчас совсем другая война... — Того говорил медленно. — Японцы должны быть очень грамотными дипломатами, чтобы вовремя вступить в нее и выиграть себе будущее. Понимаете, лейтенант?

— Я хотел бы поехать в Америку и в Англию, и еще в Германию, чтобы понять, когда нам лучше вступить в войну, — сказал тогда Ямамото. Ничего нового от Того он так и не узнает о судьбах Европы, решил он тогда, «вот уже полчаса как они обмениваются заготовленными фразами, несущими лишь форму».

— Это зависит не от тебя, — заявил Того, — а от императора, принца и кабинета. Все мы служим Императору, а Японии уже потом. Ты что-то ничего не говоришь мне о своих идеях, Ямамото. Раньше ты был более разговорчив.

— Я хотел спросить у вас, адмирал, почему немцы ввязались в ненужную им битву и вся Европа потянулась за ними, как на веревочке? — спросил Ямамото, решив, что если его обзовут дураком, то и поделом, но, может быть, Того все-таки расскажет про какой-нибудь политический кроссинг или про то, когда же Японии вступить в эту странную войну.

— Что, криков за Эльзас и Лотарингию тебе недостаточно? Борьба за провинции, то есть за территорию, не может стать причиной войны? Да женщина, нашкодившая в двух государствах сразу, может стать причиной войны. Поймите, лейтенант, не все в этой жизни определяется территориями и кораблями. Есть еще дух нации и Бог войны. Вот они-то все и решают. А потом приходят Карлы Марксы и объясняют, что Франция дралась за исконно французские земли и Германия — за них же. А Россия, видимо, за влияние на эти же земли. Так у тебя получается, лейтенант?

Сейчас, если бы пришлось с победной трибуны объяснить причины Первой Мировой войны, Ямамото сказал бы, что страны Европы боролись за свой национальный дух; территории, которые попались под ноги солдатам, были поводом для ссоры, а потом была еще одна Мировая война, когда дух восстал, вспомнились былые обиды и битвы, и люди начали делить цивилизацию всерьез...

Тогда он слушал Того и думал, что адмирал, конечно, великий военный, но скверный экономист и плохой дипломат. Он апеллирует к Традиции, а ее и не осталось почти. Все больше японцев смотрит на Запад. И Ямамото смотрел, и многое ему нравилось. Потом, когда он побывал «Там», осталось ощущение чужой мощной силы, которую хотелось вывезти, по-японски обучить и сокрушить потом этот Мир, где нет ни любви, ни красоты, ни

эстетики, ни дипломатии. Была технология, ее Ямамото почитал и изучал. Она-то по большому счету и победила — и в той войне, и в этой, а дух — дух остался, наверное; его где-то спрятал хитрый Того.

Того объяснял причины войны конкуренцией Германии и Великобритании. Ямамото, уважающий английские традиции, считал британцев в мировом праве их отстаивать, тогда он еще не мог себе представить гитлеровский миф. Сейчас он видел, как неистово сражаются союзники-немцы за свою авантюрную экспансию на Восток, «и погибнут, как и японцы, и возродятся всего через десятилетия, а не через века».

— Великобритания, — победно заявил тогда Ямамото, — была великим морским перевозчиком, и с некоторых пор она боялась за свою роль. Немцы построили новые суда. Много новых судов, — продолжал он, — которые отняли у англичан большой приз — «Голубую ленту Атлантики».

Сейчас, глядя на белый лист бумаги, высчитывая минуты до выхода из низенького здания штаба базы Рабаул, Адмирал хорошо понимал, что Великобритания дорого заплатила за свою имперскую роль: так же, как сегодняшняя Япония, она выжала из своей экономики все соки — и проиграла. Только из Англии эти соки в виде денег утекли за границу, а в Японии — в виде крови впитаются в земли Сайпана и Филиппин или растворятся в океане, как мгновение растворяется в Вечности, даже если оно бесконечно дорого и значимо для нас.

Тогда Ямамото смотрел на Учителя с изрядным сомнением, позже, после поездки в Америку, он высчитал, что Великобритания начала войну мировым кредитором. К концу ее она была должна Соединенным Штатам более 8 миллиардов фунтов стерлингов. Совокупные же затраты Великобритании в ходе так называемой «дредноутной гонки» в 1907—1914 годах не превышали 50 миллионов фунтов.

— На этой войне, лейтенант, люди защищают своих богов, а ты думал — свои деньги и землю? Нет, в каждой стране есть император и бог, а как уж он называется, не имеет значения, — заявил Того, разочарованный, казалось, их разговором. — И в эту битву еще не вступали ни Будда, ни Аллах. Пока все Боги в мире не перессорятся и не сговорятся — будут мировые войны, а я умру, лейтенант и буду поглядывать, как вы тут...

«Нет, — подумал Адмирал, — все они дрались за владение миром, а умный Американский Дракон поглядывал, во что это выльется, и вступил только в одну войну, и победил его, Ямамото, потому что хитро и мудро накопил силы и не ввязывался в пустую битву за богов».

— Японии должно готовиться к войне, — между тем басил Того, — делать это нужно сейчас, когда все говорят о мире. Нужно укреплять флот и дух Флота, нужно вспоминать победы и изучать поражения. Нужно понять, лейтенант, что вычислять чудеса — это каждодневная работа адмирала на флоте, а следовать Традиции — его каждодневная честь. Подражать чужим можно и должно, только это подражание следует приспособлять к своим собственным делам и корням, тогда вырастет собственный Дракон. Если взять чужое и забыть свое, то станешь шпионом чужой страны у себя. Ты, Ямамото, поедешь в Европу и Америку и вернешься в Японию Великим адмиралом, ежели иностранные Боги не подведут тебя.

Того так и остался в памяти Адмирала прямым и властным. Сидя в старом кресле убогой тренерской, он, казалось, придавал величие и значимость даже пыльной полоске света, выбизающейся из-под двери. Слова его падали, как густые, тяжелые капли, и Ямамото всю жизнь потом, обращаясь к людям, говорил как Того. Старался так говорить.

Бесшумно вошедший адъютант положил ему на стол сводку. Положение на русско-германском фронте все ухудшалось. Ямамото, признавший в свое время феномен Гитлера, все чаще склонялся к мысли, что немцы задумали нечто очень запретное с точки зрения всех устойчивых идей Мира и, видимо, поплатятся за это. Сейчас он считал, что Англия взорвалась соперничеством с Германией, потому что испугалась некой магической силы, некоего запретного духа этих немцев, она хотела вырвать их из калейдоскопа Европы,

преодолеть, унижить или уничтожить. Теперь столь же неумолимо действует американский Президент по отношению к Стране Восходящего Солнца: он медленно и неотвратно душит безумие традиции, чтобы потом заключить сделку о том, что никаких легенд и богов, зовущих на уверенную смерть и невероятную жизнь, более не будет...

(2) Фотография: «Конго»

Итоги войны 1904—1905 годов подтвердили правильность концепции, согласно которой ядро Флота должно быть симметризовано по броненосцам и броненосным крейсерам. Хотя роль отряда Камимуры в отгремевших сражениях была не столь велика, как это представлялось морским атташе, прессе и широкой публике, все же именно его корабли придали должную гибкость боевому порядку адмирала Того. Успех в Цусимском бою был обеспечен сбалансированностью японской эскадры: наличием в ней «позиционного» (эскадренные броненосцы) и «маневренного» (броненосные крейсера) крыльев.

Однако наряду с достоинствами война определенно выявила недостатки классических броненосных крейсеров серии «Асама». Спроектированные англичанами для ограниченного европейского театра, эти корабли имели малую для Тихого океана мореходность и боевую дальность. Кроме того, концепция совместного использования «летучей эскадры» и броненосцев требовала стандартизации главной артиллерии. Опыт Цусимы показал, что «Кассуга» с его «экзотическим» вооружением, состоящим из одного 254-мм и трех 203-мм орудий, имел явное преимущество перед своими чисто «восьмидюймовыми» собратьями.

Поэтому после Цусимы флот заказал сначала крейсера «Икома» и «Цукуба», вооруженные четырьмя 305-мм орудиями в двух концевых башнях, а затем и следующую, более совершенную версию этих кораблей — «Ибуки» и «Кирама».³⁶ Как и их предшественники, новые крейсера рассчитывались на 21 узел, однако «Ибуки», первый японский турбинный корабль, развил на испытаниях 22,5 узла.

Ирония судьбы заключалась в том, что эти великолепные крейсера устарели еще на стапелях — в Европе шла «дредноутная революция».

Первоначально японцы, как и немцы, были «пойманы» англичанами на дезинформацию по поводу артиллерийского вооружения «Инвинсибла». Однако если Тирпиц спроектировал «уменьшенный «Нассау»» с двенадцатью орудиями калибра 210 мм, то уже первый, «ошибочный», проект нового японского крейсера включал четыре 305-мм и восемь 254-мм орудий.

После вступления «Инвинсибла» в строй проект был немедленно пересмотрен в сторону увеличения скорости (с 25 до 26,5 узла) и «дредноутной» стандартизации артиллерии — десять 305-мм орудий в пяти башнях.

В 1909 году чертежи и спецификации были утверждены, парламент выделил необходимые средства для строительства кораблей. Однако как раз в это время лорд Фишер в Великобритании приступил к созданию линейных крейсеров второго поколения. «Лайон», «Принцесс Ройял», «Куин Мэри» несли восемь 343-мм орудий в четырех двухорудийных башнях, расположенных в диаметральной плоскости.

Морское министерство нашло в себе силы приостановить уже разворачивающиеся работы и коренным образом пересмотреть спецификации. В результате водоизмещение корабля возросло с 18 500 до 27 000 тонн, проектная скорость составила 27,5 узла, а сам крейсер получил наименование «Улучшенный тип “Лайон”». Артиллерия, однако, оставалась двенадцатидюймовой.

Корабль, получивший имя «Конго», проектировался одновременно в Японии и Великобритании: морское ведомство, отдавая отчет в возможностях судостроительной базы

36 Вспомогательная артиллерия на «Икоме» и «Цукубе» ограничивалась универсальными шестидюймовками, тип «Ибуки» нес, кроме главного калибра, еще восемь 203-мм орудий. Иными словами, крейсера этого поколения превосходили по мощи артиллерийского огня весь отряд Камимуры.

страны, запросила помощь у английских заводов. Из двух предложенных англичанами вариантов был выбран проект фирмы «Виккерс», строителя «Лайона». Это привело к нескольким неожиданным последствиям.

Сэр Джордж Тэрстон, создавая линейный крейсер для Японии и одновременно работая над четвертым кораблем серии «Лайон», решил упростить себе жизнь, максимально приблизив проекты друг к другу.

Для этого он передал японцам конфиденциальную информацию о результатах испытаний новых 343-мм орудий, которые по всем параметрам, включая живучесть установок, оказались лучше классических двенадцатидюймовок, запланированных МГШ для «Конго». Всесторонне обсудив полученные сведения, японцы резко изменили первоначальный замысел и потребовали вооружить линейный крейсер 356-мм орудиями. Разработку новых башенных установок поручили тому же Виккерсу.

Вопреки всем ожиданиям, столь нетрадиционно проектируемый и вооружаемый корабль получился на редкость удачным. «Конго», несомненно, был сконструирован в британском стиле и получил все родовые признаки «кошек адмирала Фишера» — высокую скорость, относительно слабое бронирование и удачное расположение главной артиллерии. Теоретический чертеж в целом повторял форму корпуса «Лайона», однако японская сторона сочла необходимым внести в проект Тэрстона несколько малозаметных, но существенных усовершенствований.

Для улучшения мореходности корабля увеличили развал бортов, носовой оконечности придали клиперскую форму. Перекомпоновали энергетическую установку, что дало возможность установить третью башню между котельным и машинным отделением. (На «Лайоне» эта башня разбивала котельные отделения на две группы, в результате чего она оказывалась между двумя дымовыми трубами, что уменьшало углы обстрела.)

Главным же отличием «Конго» от английских линейных крейсеров был, разумеется, 356-мм калибр башенных установок.

На первый взгляд характеристики главной артиллерии «Лайона» и «Конго» были идентичны. Проектировщики фирмы «Виккерс» максимально приблизили новые орудия к апробированному 13,5-дюймовому калибру: для обеих артсистем начальная скорость снаряда составляла 800 м/с, масса снаряда — 635 кг. Однако японский полубронебойный снаряд содержал на 7 кг больше взрывчатого вещества, нежели аналогичный английский (соответственно 31 кг и 24 кг), что усиливало фугасный эффект. Кроме того, башенные орудия «Конго» имели угол возвышения 25 градусов против 20 градусов на линейных крейсерах Фишера. В результате японские корабли стреляли почти на четыре мили дальше.

Вспомогательная артиллерия «Конго» состояла из шестнадцати 152-мм орудий. (Англичане в то время ограничивались 4-дюймовым калибром; в последующие годы рост водоизмещения миноносцев заставил их также перейти к универсальной 152-мм артиллерии.)

Взросший вес артиллерии пришлось компенсировать уменьшением и оптимизацией бронирования. По традиции японцы уделили максимальное внимание защите орудийных башен, что же касается броневых поясов, то его толщина была ограничена 203 мм. Это обязывало «Конго» стремиться к боевым столкновениям на больших, почти предельных дистанциях, на которых его броня не пробивалась ни 12-, ни 13,5-дюймовыми снарядами.

Проектная скорость «Конго» была даже больше, чем у «Лайона» — 27,5 против 27 узлов. В реальности, однако, британские корабли, имея более мощную энергетическую установку и вытянутый корпус³⁷, легко развивали 29—30 узлов. Зато по дальности плавания — 8000 миль на 14 узлах — японский линейный крейсер значительно превосходил свой английский прототип.

«Конго» был заложен 17 января 1911 года на верфи «Виккерс» в Барлоу. Уже 18 мая следующего года корабль был спущен на воду. Шестнадцатого августа 1913 года линейный

---

³⁷«Конго» — 64 000 л.с., «Лайон» — 70 000 л.с., «Тайгер» — 107 000 л.с. Ширина корпуса «Конго» была на 1 м больше, а длина на 1,25 м меньше, чем у английских кораблей.

крейсер был передан заказчику и через 12 дней вышел из Плимута курсом на Японию. Поход прошел без происшествий, и 5 ноября «Конго» прибыл в Йокосуку, став первым дредноутом флота.

Получив от Виккерса необходимую техническую документацию, японцы заложили — уже на своих верфях — три однотипных с «Конго» линейных крейсера, которые вступили в строй в конце 1914 — начале 1915 года.

В Первой Мировой войне корабли реального участия не принимали. По некоторым данным, в середине 1915 г. Британское адмиралтейство проявило интерес к возможности взять в аренду до конца войны все четыре крейсера серии «Конго», однако достичь договоренности не удалось. Версия эта является сомнительной.

Весь проект с арендой крейсеров был выгоден исключительно японской стороне. Посылая корабли в Европу, Империя Восходящего Солнца не рисковала ничем, а приобретала боевой опыт и престиж. (Американцы, в 1918 году отправившие «на помощь» Гранд Флоту один отряд дредноутов сомнительной боевой ценности, до сих пор с удовольствием намекают в своих исследованиях на решающую роль американских кораблей в разгроме кайзеровского флота.) Так что, если бы подобное предложение со стороны Британского адмиралтейства действительно поступило, японское руководство схватилось бы за него обеими руками и согласилось бы на любые условия.

...«Конго» не пришлось сражаться в Северном море.

(4) 31 марта 1918 года

Ямамото вспомнил себя, вытянувшегося от почтения, держащего планшет наготове и ожидающего, когда старый адмирал наконец обратит на него внимание или услышит застревший в горле вопрос.

Того, словно издеваясь, нарочито раздумчиво жевал слова:

— Жаль... жаль...

Стоял ветреный мартовский день, промозглый, как сегодняшнее утро. Скользкая дорога на аэродром, 30 минут до зылета. Воспоминания, которые немного согревали.

Тогда они довольно скоро спустились в тепло каюты. Ямамото увидел себя, расслабленно опускающего планшет. Затем он деловито прикроет дверь, улыбаясь при мысли о том, что разговор состоится.

Это было еще «медленное» зремя: время версий и подмены понятий. Время, когда информация о кораблях и войнах плавно и бережно втекала в сознание, причем сначала она подвергалась истовой корректировке со стороны разума, а затем окрашивалась если не чувствами, то уж ощущением минимальной власти над событиями — наверняка.

Ямамото не мог сейчас воспроизвести в памяти начало диалога. Впрочем, Того, кажется, сказал нечто подобное:

— Чуда не произошло... если Амьен и Аррас держатся до сих пор, теперь они удержатся, — и прибавил более резко: — Я ответил на ваш вопрос, адъютант? И учитесь держать карту в голове!

Ямамото уже знал характер Того и понимал: если адмирал делает ему выговор, то это означает — он расположен побеседовать, и сейчас «адъютанту» будет позволено сесть, удобно пристроить замерзшие ноги и склониться над картой, переставляя вслед за Учителем воображаемые фигурки чужих армий.

Этот желанный и важный разговор Ямамото записал в своем дневнике. Сейчас он видел перед собой всплывшие в памяти строчки текста и не слышал голоса старого адмирала:

— Это не последнее немецкое наступление. Сейчас все резервы англо-французов привлечены в Пикардию... А немцы? Немцы могут ударить в другом месте. Например, на реке Эна или на реке Лис. Или даже под Верденом.

Адмирал на мгновение представил, как Того раздраженно жует губами, и вернулся к

памятному тексту:

— Это совершенно бесполезно, конечно, союзники еще испытают несколько минут страха, а вы, министерская крыса, успеете порассуждать о возможностях расшатывания одной очень прочной обороны. Однако же, если Людендорф капитулирует завтра, это будет и своевременно, и достойно. — Опять сквозь строчки вырисовалась улыбка Того, и старый адмирал, наверное, даже прищелкнул языком.

Вспоминая этот диалог, Ямамото поймал ощущение своей любимой игры, в которой адмирал Того уступал его настойчивости и готов был выслушивать теории ведения войны, которые рождались в голове преуспевающего штабиста десятками и не находили отклика у министра (тем паче — у близких и приятелей). «Ах, теньше лепестка государева милость», — всегда повторял про себя Ямамото, все же уверенный, что будет выслушан, понят и оценен. Последние два года эта фраза не приходила ему в голову. Время поменяло обиход помогающих присказок, или они перестали играть отведенную им роль.

— Возможно, я плохо понимаю стратегию войны на суше, но форсированной катастрофы за немцев я не вижу, адмирал. У них есть инициатива. А древние...

— Пусть жизненные испытания помогут тебе обрести более острое зрение... — Глаза у Того умели сужаться до холодных щелок, и от этого взгляда холодало.

С некоторых пор Ямамото не позволял себе так смотреть на людей. Но убеждение в том, что другие не делят ответственность за твою стратегию, пришло позже, в решающем сражении его последней войны.

— Сколько, по-твоему, должна продержаться Турция? Отвечай! Ну? — услышал он вновь оживший диалог.

Теперь Адмирал слышал и свой чуть надтреснутый голос, и торопливую речь, будто бы упорядоченную репликами Того:

— Для меня это загадка — почему она вообще еще держится, — произнес Ямамото.

— Для меня тоже, — захохотал Того. — Им помогает Аллах. Но терпение богов, ха-ха! не безгранично. И действия этого Лоуренса — лучшее тому доказательство. Как ты оцениваешь прочность фронта болгар?

— Я считал, что союзники разгромят «кесаря Фердинанда» еще в шестнадцатом году. Положение Австро-Венгрии тоже безнадежно.

— Да, раньше немцы поддерживали союзников своими превосходными войсками. Но сейчас во Франции собрано всё. Все, что только у них есть. И когда наступление во Франции захлебнется, фронты союзников развалятся. А оно — оно уже захлебнулось. И они — развалились. Ты порой слишком неторопливо мыслишь. Ты как будто не видишь четкую картину. Ты можешь погибнуть от своей любви думать, читать и вспоминать. Ты только притворяешься хорошим солдатом Империи. Тебе, Ямамото из Нагаоки, нужно было родиться писателем, ты одержим великими идеями. У Японии много богов. Не все они тебе помогают.

К тому времени Ямамото уже привык к подобным отповедям. Не объяснять же, в самом деле, Великому адмиралу, что, хорошенько задумавшись, он, Исуруку, мог до поры заглянуть почти в каждое событие любой случившейся войны. Вот и сейчас прошлое виделось ему ярко и подвижно: с любого ракурса. Появилось покалывание в руке — напоминание о Цусимском осколке. Ямамото знал, что это — не более чем знак причастности к событиям, но память качнулась туда, где еще всю грело тепло непредсказанного будущего, — в детство, от которого чем дальше уходишь, тем прекраснее оно рисуется, скрывая рамочность обстоятельств и туман обид.

Маленькому Исуруку не нужны были гадальные книги. Он мог — и притом многократно — предсказывать желающим слушать рассказы упитанного мальчишки, чуть шепелявого с рождения, обо всем, что случится с почитателем гороскопов, с хозяином соседской лавочки или с забытым храмом Камакури. Ночь перед Новым Годом была волшебной. Именно в эту ночь он мог видеть свои настоящие сны, наполненные впечатлениями раскрашенного мишуры дня и загадками призраков, но все же четкие и

определенные. Такие сны были бы понятны — до последнего знака — любому маленькому японцу, но доверены они были только ему! Сны, ежегодно прокладывающие путь в многотрудное будущее. Вставая, мальчик вздыхал, как старичок, обремененный знаниями, и от сосущего страха начинал сверять то, что увидел, с тем, что вчера наболтал разношерстной аудитории малолетних бродяг. Многие совпадало, и он улыбался, гордый от сознания своей уникальности; утро знаменовало утверждение его прав на двойную жизнь, в одной из которых приходилось снова и снова уныло исполнять желания взрослых. Ночь же являла полное господство небольшого человека не только над собственной судьбой, но и над этой великоватой для подростка Вселенной.

Ночью в канун 1943 года Адмирал не видел снов, план на этот год не был предreshен, впереди маячил белый конверт Императору, и лунная дорожка в никуда. Адмирал увидел свою смерть, и, в первый раз не запасаясь пророчествами, принялся деловито готовить ее встречу в рамках своей планово-причудливой эстетики полуевропейца, согласно которым изогнутые кинжалы в руках самураев представляли собой лишь культурный ритуал. Из всех богов сказочного корабля «Такарабунэ» Исуроки почитал тихого бога долголетия — Фукуроку-дзю, покровительствующего игрокам в шахматы, садовникам, антикварам и часовщикам.

Все, что было связано со временем, привлекало его с раннего детства. Он мог часов на пять застрять в мастерской глухонемого часовщика, не шевелясь, наблюдать за его работой и бормотать про себя невероятно быстрые скороговорки вслед убегающим мыслям. Избавился от этой привычки он лишь в школе, — чтобы не казаться странным, заменил ее иллюзией усердия: слушания или говорения, то есть — оставил учителям образ прилежного ученика, озабоченного похвалой и твердящего уроки наизусть. Мыслями он бывал далеко, не стремясь отождествить свои путешествия с конкретным пространством. Задумчивый школьник очень скоро стал так быстро погружаться в разные времена своей великой, но маленькой страны, что ему мог бы позавидовать адепт любой из прославленных школ медитации. Не очень присматриваясь к окружающим его людям, Исуроку долго считал, что все могут запросто «сходить и посмотреть» дрожавшую явь землетрясений 1707 года или пышный праздник коронации Дзимму. Когда же — в старших классах — с ним спорили, Ямамото соглашался и поспешно уходил, как торопливо уходят «по делам» всезнающие мамы, уставшие от надоедливых фантазий своих детей.

Сейчас Адмирал помнил все слова Того, весь его торжественно-величественный вид всезнающего Сендзя, поучающего послушника, и между делом вкрапливающего в свою речь притчевые формы, которые потом обернутся для ученика устоями, потому что устоятся они позже или помогут устоять....

— Это был только первый удар Людендорфа, адмирал. — В тот момент он подумал, что его могут выгнать за неуважение к словам Учителя и старшего офицера, и начнется мучительный поиск собеседника, знакомого с трактатами Сун-цзы или хотя бы знающего обстановку на немецком фронте.

В ответ старый адмирал улыбался:

— Сун-цзы учит нас *видеть*. Посмотри, как это сделал Людендорф. Девять десятков дивизий, хотя, сдается мне, такие дивизии были у него последние. Он применил новую тактику, разработал новый оперативный план, новый метод управления войсками; он разделил участок прорыва между двумя группами армий. За это его будут ругать следующие семьдесят лет, а зря. Всё новое. Всё — в один удар. И — успех был рядом. Если бы он захватил Аррас, британский фронт свернулся бы к Проливу, а этот процесс, коли уж он начался, не остановить никому...

Там есть еще Ллойд Джордж — этот полководец в своем роде достоин уважения. Хотел бы я одним глазом взглянуть на его коллекцию «скелетов в шкафу»... Отвлёкся? Ты никогда не достигнешь цели, пока не научишься ценить *политиков*. Теперь нужно думать про них! Ты уже привык к тому, что они всегда всё портят. Военные повторяют эту песню, как ученые канарейки. В критическую минуту, когда адмиралы и генералы уже не в силах

спасти страну или хотя бы удержать позицию, это может сделать валлийский адвокат или вандейский медик. У нас в Японии такие сразились с самураями — за нами было 500 лет традиций, но они выиграли.

— Я не ожидал услышать добрые слова в адрес штатских, адмирал.

— Ах, ты про бюджет?.. Добрых слов я не говорил. Мы играем по правилам, а они достают карты из рукава. Иногда вовремя, и надо помнить об этом в бою.

На мгновение Адмирал вдруг увидел сидящего в старинном японском кресле Франклина Рузвельта, в традиционной японской одежде. Президент был похож на звездочета, и игральные карты с трехцветными рубашками сыпались из складок одежды на ковер. А некоторые застревали, чтобы поплавать в воздухе. Потом видение исчезло, и на месте американского императора оказался Того; свирепо вращая глазами, как будто желая низвергнуть Ямамото в пучину мук совести за нечаянное предательство, он спрашивал:

— Что бы отдал ты для спасения Японии? — Адмирал сначала услышал голос, а потом вспомнил, что этот вопрос был записан и особо подчеркнут в дневнике.

— Я вырос из таких вопросов, адмирал, — бодро отозвался Ямамото, — жизнь и талант флотоводца. Это моя формальная обязанность, согласно присяге.

Видение Рузвельта с угрожающей колодой карт исчезло — театр теней закончил свое представление так же неожиданно, как и начал.

— Дурак, твоя жизнь и так принадлежит императору. Как и моя. Нельзя отдать то, чем мы не распоряжаемся. А таланты нужны актерам Кабуки.

— Если жизнь не в счет, а талант ни к чему, — рассердился Ямамото; он и сейчас, в 1943 году, терпеть не мог философские споры о совести и морали, — тогда выходит, что у меня ничего для Империи нет.

— Почему же? У тебя есть честь, разве не так? И она-то Империи не принадлежит.

Когда Того повышал голос до железных ноток, вокруг, в воздухе, начинало что-то лязгать, и спорить с ним было жутковато.

— Мне трудно представить себе ситуацию, адмирал, когда для победы нужно поступиться честью, — обреченно сообщил Ямамото.

— Перечитай основателей Кодекса, там такие примеры описаны. В европейской версии это звучит так: готовы ли вы, агент, остаться жить и пожертвовать своей честью?

Перед войной Ямамото считал, что настоящим разведчиком мог быть только японец. Никто не способен так вдохновенно и собранно, так изобретательно и страстно добывать секреты для императора, как попавший в проклятый западный рай житель Страны Восходящего Солнца.

Мидуэй показал ему и генералам, что разведка — это всего лишь часть западной технологической машины, против которой они выставили свое искусство, вдохновение, Традицию — и проиграли...

— Политик отдаст ради своего успеха, или партии, или страны — не только свою честь, но и честь своей дочери. Если хочешь знать, в этом суть политики. И другой нет. И у нас в Японии уже другой нет.

— Как это относится к полководцу, адмирал?

— Никак не относится. Сунь-цзы указал нам, в чем разница между управлением страной и управлением армией, — сварливо произнес старик, — так что вернемся на твой Западный фронт. Если Аррас падет, начнется свертывание обороны англичан. Если будет захвачен Амьен на Сомме, потому что Шлифен понял его значение, и Людендорф тоже понял теперь, — начнет разваливаться фронт французов. А у них вся позиция опирается на Париж и Верден: если эти бастионы будут взяты, развалится весь фронт. Кстати, обрати внимание: Фалькенхайн, планируя операции на 1916 год, понял главное, а вот в тонкостях разбираться не пожелал. Интересно, какой прорицатель его научил, что для того, чтобы взять Верден, нужно брать Верден? Наверное, тот же, кто нам велел брать Порт-Артур.

Ямамото громко закашлялся. Водитель притормозил, и Адмирал вдруг вспомнил, как несколько дней назад он слышал разговор двух офицеров о том, что командующий ходит и

ездит по расхлябанным дорогам Рабаула как по улицам Токио и поэтому у него никогда не ломается машина и не пачкается белый мундир. Это была своего рода печальная игра в безупречный образ. Вернувшись назад, к воспоминаниям об Учителе, Ямамото понял, что этот человек, увешанный всеми мыслимыми наградами Империи, живая легенда, боевой командир и мудрец, всю жизнь отдавший настоящей войне, мог получать удовольствие от игры в войну.

В 1918-м и еще раньше, в 1905-м, в присутствии Того на Ямамото нападало странное чувство благоговения, он как бы становился ребенком, который запускает в небо своего первого бумажного змея под руководством строгого отца.

«Я похож на тебя, Учитель, — думал тогда взволнованный Исуроки, — дай мне силы выполнить свой долг».

— Да, на взятии Порт-Артура настаивал я! — гремел Того. — У Японии был тогда очень ограниченный выбор.

Того был скор на аргументы, благоговение сменилось раздражением пропустившего ход шахматиста, и Адмирал услышал свой холодный ответ:

— Я думаю, что война с Россией на суше была довольно простым делом.

— Чем скорее ты отвыкнешь смотреть на события тех лет с позиции мичмана, тем будет полезнее для тебя и для Японии. Империя была на волосок от поражения. И этот волосок был очень тонким.

Сейчас Адмирал подумал, что совсем недавно такой же тоненький волосок сжег во имя своей Империи американский Дракон. И теперь историки вряд ли заметят, что волосок этот был, и возможное поражение Великой Западной Технологии угрожающе маячило в разрывах облаков севернее Мидуэя.

— И Людендорфу уже нечем удивить союзников?

— Если только он не тот «совершенный полководец», о котором древние писали трактаты. Но если бы он был таковым, война давно бы закончилась.

— И у него нет карты в рукаве, адмирал?

— Думаю, что нет. Надеюсь, что нет. И в любом случае эта карта может быть только подсунута политиками. Людендорф-полководец свое последнее слово не сказал. Мы еще увидим его новые победы. Но он-то хотел закрепить ими свой первый успех... Успех, которого нет. С каждым месяцем союзников будет становиться больше — во Францию идут американские дивизии. Это плохие дивизии. Но их много, и в них немецкое наступление завязнет. И маршал Фош, который не глупее Людендорфа, отберет инициативу. Если ему повезет, летом. Или ближе к осени. Война закончится в этом году, потому что сразу же после того, как союзники начнут наступление на Западе, — смотри в карту! — рухнут фронты в Турции, Болгарии и Австро-Венгрии.

«Да, раз уж немцам придется эвакуировать кучу бесполезных выступов», — подумал Ямамото.

Словно устав прокручивать ролик волнительной хроники, воспоминания вдруг сгруппировались в бегущую строку телетайпа, уступив место спасительной логике, остановившей эмоциональную причастность к событиям. Адмирал снова увидел знакомый текст, он был интересен, но азарта не вызывал, только тихо скользил перед глазами, легким укором о ненаписанной книге.

— Японцы плохо знают, что эта война отличается от всех, бывших до сих пор. Победителям придется создавать новый миропорядок. А мы, кстати, еще не определили свое место в их «прекрасном новом мире».

— Для меня мировая война — это политическая катастрофа России. Я ожидаю, что на какое-то время ее давление на наши северные рубежи ослабнет.

— Это не только плюс, но и минус. И, может быть, не столько плюс, сколько минус. Во-первых, Россия может снова стать сильной не в самый подходящий для империи момент. Во-вторых, слабость России и увлеченность великих держав европейскими проблемами толкнула нас в Китай. Мы сравниваем себя с англичанами, но их Острова отделяет от

континента сорокакилометровый пролив, в то время, как нас — море. У нас было два возможных направления экспансии. На запад — в Китай и, быть может, в Россию. Или на юг — к островам Тихого океана. Оба варианта требовали наличия флота, но западный требовал еще и огромной армии.

Что-то было удивительно привлекательное в возможности слиться с рассуждениями о той далекой войне.

Первые ходы экспансии на Юг и на Запад были одинаковы во всех случаях, — так Адмирал думал и сейчас.

«Нам нужна была война с Китаем, поскольку только поражение Поднебесной давало Империи какие-то надежды. А развиваться на Юг и Запад мог бы начать и Китай. И остались бы Острова Восходящего Солнца номинально свободными «перевалочными» пунктами на задворках цивилизованного мира» — так, кажется, он писал, сидя за невысокой конторкой у окна. Хиросимский залив сменял серые краски дня на розоватые. В продуваемой комнатке, выбранной на роль рабочего кабинета — за вид из окна, — пахло словно на берегу. Едва поспевая за мыслями, неторопливая рука выводила на тонком листе: «Лекции о современных войнах Империи. План адмирала Того. Стратегия и риск».

И далее: «После войны с Китаем неизбежной стала война с Российской империей. Та прямо закрывала Японии путь на запад, сама начав проникать в Китай, Маньчжурию, Корею. Но косвенно она закрыла и путь на юг, поскольку ее базы флота — Владивосток и Порт-Артур — отбрасывали на наши острова глубокую «тень». Представим себе, что — при непобежденном русском тихоокеанском флоте — мы втягиваемся в войну на юге. Скажем, с Голландией и Штатами. Тогда — это полное поражение Японии.

Поэтому в признании необходимости войны с Россией мы были единодушны. Армия, Флот и Император. И мы осознавали риск.

Россия была сильнее на суше. И дело даже не в числе орудий и дивизий — пропускная способность Транссиба не позволяла развернуть их все — наши операции в России заведомо не имели цели. Куда пошел бы Ояма после Мукдена? На Иркутск? Дальше? В то время, как русские конечную цель имели. Им достаточно было сбросить нас в море (или хотя бы запереть в Корее), и война бы закончилась.

И Россия была сильнее на море. Мы были равны по силам с каждой эскадрой, которую она могла выставить. С каждой по отдельности. И мы безнадежно уступали этим эскадрам, взятым вместе.

Мы — Флог — сами сделали кризис, который привел к войне, потому что требовался идеальный расчет времени. Важнейшим вопросом войны — от ее первого дня и почти до последнего — был вопрос, удастся ли русским обеспечить взаимодействие своих морских сил. Мы успели. «Ниссии» с «Кассугой» обогнали отряд Вирениуса, и возник короткий промежуток, когда наше взаимодействие уже почти обеспечено, а для противника оно максимально затруднено. Но такое состояние дел не могло продлиться долго».

Облака за окном стремительно наливались бронзово-фиолетовым цветом. Ямамото любовался закатом и продолжал писать, обращаясь уже прямо к Учителю.

«Вы, возможно, считаете, адмирал — особенно теперь, когда страхи первых боев забылись, а результат их вошел в историю, что мы значительно превосходили в силах Первую русскую эскадру. Во-первых, Вы этого не знали наверняка. Во-вторых, этого преимущества не хватало для правильной блокады. А Вам для высадки войск нужно было абсолютное господство на море.

Стратегический план был хорош, но в нем был один недостаток: каждое из его звеньев было необходимым. Удали одно — и план разваливался сразу, а империя оказывалась перед лицом поражения.

Прежде всего надо было запереть русский флот в Артуре, связав его ремонтом поврежденных кораблей. В этом и только в этом был смысл атаки миноносцев. Цель — не вывести из строя корабли, пусть и самые важные, но лишь ограничить подвижность

противника. Вам, в общем-то, просто повезло, что «попались» имееио «Цесаревич» и «Ретвизан». Это удалось сделать ценой нарушения международного права. И ценой жертв.

Далее, Вы, адмирал, применили технический прием: база на островах Элиота и построение блокадных линий. Тут мне все очевидно, и я восхищаюсь Вами, Учитель.

Создав базу на островах Элиота, Вы предопределили стратегию обеих сторон на ближайший год. Япония должна была атаковать, окружить и взять Порт-Артур до того, как русская эскадра обретет свободу действий, или, по крайней мере, до того, как она соединится с подкреплением. Русским необходимо было удерживать крепость, пытаться ее деблокировать и усиливать свой флот.

Скажу откровенно, я рассчитывал, что Артур будет взят ускоренной атакой, как это сделали десятью годами позже с Циндао. Не получилось. И сразу Вы оказались перед самой реальной угрозой поражения...»

Того так никогда и не увидел этого документа. Офицер штаба Ямамото Исуроку признал, что записки носят очень личный характер, и сделал для министерства сухой официальный доклад.

Оттуда, из ветреного марта 1918 года, Адмирал вынес долго не гаснущее ощущение успеха, словно те цусимские корабли развернул он — своей волей, и боги не подвели. Словно, оказавшись перед угрозой поражения, он пошел на главный в своей жизни риск и выиграл, и потом эта победа пятнадцать лет стояла за его спиной, оставляя ощущение спокойной уверенности великого Того, любившего жизнь и смерть, Японию и Императора, войну и игру.

(3) Фотография: «Нагато»

В 1915 году последовала закладка «Исе» и «Хьюга», второй пары дредноутов с 356-мм артиллерией. Предполагалось построить корабли по чертежам «Фусо», однако, вмешался МГШ и потребовал перекомпоновать размещение башен главного калибра. Проект «поплыл»: казематы противоминных орудий сместились вперед, изменилось положение погребов боезапаса, пришлось реконструировать систему подачи снарядов. Как обычно, пошла цепная реакция усовершенствований: промежуточный калибр уменьшили до 140 мм, главные механизмы частично редуцировали, усилили бронирование башен и защиту погребов. Серьезного значения все эти переделки не имели, и с тактической точки зрения было бы лучше (и дешевле) вовсе отказаться от них, чтобы иметь на флоте однородную дивизию линейных кораблей.

Парламент первоначально вотировал строительство «Исе» и «Хьюга», затем — после начала войны в Европе и захвата Японией германских колоний на Дальнем Востоке — приостановил финансирование. Морское ведомство продолжило стапельные работы из средств, выделенных на текущие расходы; линкоры вступили в строй в конце 1917 — начале 1918 года, но никого в высших военных кругах страны это не обрадовало.

Формально к концу Первой Мировой войны Империя Восходящего Солнца создала довольно мощный линейный флот из четырех ударных крейсеров класса «Конго» и такого же количества более или менее однотипных дредноутов. Однако МГШ вполне отдавал себе отчет о второсортности построенных кораблей.

К этому времени в составе британского Гранд Флита находилось двенадцать боевых единиц с 381-мм артиллерией: пять опорных дредноутов типа «Ройял Соверен», пять 25-узловых линкоров «быстроходного дивизиона», блестяще проявивших себя в Ютландском бою; линейные крейсера «Рипалс» и «Ринаун». Их пятнадцатидюймовые орудия, спроектированные и построенные фирмой «Виккерс» всего за четыре месяца, уверенно поражали цель на дистанции до 170 кабельтовых. Японская артиллерия главного калибра имела такую же дальность стрельбы, но при большем рассеивании. Башенные установки английских «Куинов» стреляли 885-килограммовыми снарядами, скорострельность

составляла два выстрела в минуту. Башни «Фусо» и «Хьюга» обеспечивали лишь 1,3 выстрела в минуту при массе снаряда 635 килограмм. В результате «Ройял Соверен», хотя на нем было всего восемь орудий против двенадцати на «Фусо», имел в полтора раза больший вес залпа³⁸.

Необходимость перехода к новому калибру сомнений не вызывала. В этой связи Морское министерство предложило парламенту очередную версию программы «восемь — четыре». Шансов на ее принятие было немного, но в конце 1915 года разразился очередной японо-американский кризис³⁹, и законодатели после бурных дебатов одобрили сокращенный вариант, предусматривающий строительство одного линкора с 410-мм орудиями.

Закладка корабля, получившего имя «Нагато», состоялась в середине 1917 года; годом позже парламент неожиданно выделил средства на осуществление первоначального варианта программы усиления флота, в результате чего началось строительство однотипного «Муцу» и усовершенствованных линкоров «Кага» и «Тоза».

Японские проектировщики решительно отошли от концепции «Фусо» и «Хьюга». За основу проекта был взят «Куин Элизабет»; Морской Генеральный штаб поставил перед руководителем конструкторских работ Юдзиро Хираки задачу превзойти британский линкор по всем показателям.

«Нагато» создавался, исходя из требования достижения скорости в 26,5 узла, причем мореходность корабля должна была соответствовать условиям Тихоокеанского ТВД. Для улучшения технических характеристик энергетической установки вместо паровых турбин прямого действия были применены более экономичные турбозубчатые агрегаты. Питание котлов, однако, сохранили традиционное — уголь плюс нефть, поэтому дальность хода составила лишь 5500 миль на 16 узлах, что было шагом назад даже по сравнению с «Хьюга».

Если вертикальное бронирование осталось на том же уровне, что у предыдущих линкоров, то горизонтальную защиту резко усилили. На «Нагато» было три броневых палубы: толщина верхней составляла 70 мм, средней — 51 мм, нижней 75 мм, а всего 196 мм разнесенной брони по сравнению с 51 мм на «Фусо», 83 мм на «Исе» и 77 мм на английском прототипе. Впервые особое внимание уделили противоторпедной защите и обеспечению боевой непотопляемости корабля: линкор должен был сохранять положительную остойчивость при затоплении котельных и машинных отделений одного борта вместе с отсеками ПТЗ и положительную плавучесть при заполнении водой всех не защищенных броней помещений.

Главное вооружение корабля составляли восемь 410-мм орудий, на «Кага» и «Тоза» их число предполагалось довести до десяти.

Противоминная артиллерия размещалась в двухуровневых казематах в средней части корабля (20х140/50). На этот раз зенитный калибр ввели на стадии проектирования — линкор получил четыре 80-мм установки и несколько пулеметов. Увлечение японских конструкторов торпедными аппаратами все еще не прошло: на «Нагато» установили восемь штук, в том числе четыре подводных.

Вместо традиционной трехногой мачты поставили пирамидальную конструкцию на семи опорах. В центральной опоре оборудовали лифт; с мачтой жестко скрепили платформы, на которых разместили приборы управления огнем и другое оборудование. Как следствие, эффективность артиллерии «Нагато» оказалось заметно большей, чем на линейных крейсерах типа «Конго» и ранних японских линкорах, хотя проблема «подогрева» и задымления мостиков передней трубой так и осталась нерешенной, что вызвало многочисленные «эксплуатационные» реконструкции всего комплекса боевых постов.

Как и все японские линкоры, «Нагато» неоднократно и «обстоятельно»

---

³⁸Поскольку поражающий эффект в первом приближении пропорционален кубу калибра снаряда, артиллерия на английском линкоре была втрое сильнее, чем на японском.

³⁹Пользуясь геополитической скованностью великих держав в Европе, Япония предъявила Китаю «21 требование», по существу лишавшее страну самостоятельности. Соединенные Штаты дипломатически поддержали Китай.

модернизировали (замена котлов и механизмов, установка противоторпедных булей, усиление горизонтальной защиты). К началу Второй Мировой войны линкор считался устаревшим, хотя и оставался флагманом Объединенного флота.⁴⁰

4 (1) Программа «восемь — восемь»

В июле 1917 года Совет министров Японии настоял на созыве специальной сессии Парламента. Дебаты велись вокруг проблем военно-морской обороны страны и были инициированы американской «трехлетней кораблестроительной программой», которую президент Вильсон протасил через Конгресс в середине 1916 года.

Страна Восходящего Солнца приняла этот законодательный акт, предусматривающий срочное введение в строй 10 линкоров, 6 линейных крейсеров, 10 КРЛ и 50 эсминцев, «на свой счет». В действительности в тот момент американцы не связывали свое морское строительство с проблемами Тихого океана. «Программа 1916 года» была инициирована очередным приступом раздражения у президента по поводу каких-то эксцессов британской морской блокады. «Давайте построим флот больше, чем у них, — заявил Вильсон, имея в виду англичан, — и будем делать все, что захотим». Потом настроение в Вашингтоне переменялось, Великобритания стала союзником в борьбе против «тевтонского варварства», по обе стороны Атлантики зазвучали речи о «нерушимой дружбе народов, говорящих на английском языке», а «Трехлетняя кораблестроительная программа» осталась в силе и начала осуществляться.

В этой связи вице-адмирал Томосабуро Като вновь предложил своим парламентариям документ трехлетней давности «восемь — четыре». На сей раз законодатели одобрили его и даже по собственной инициативе исключили из списка «восьми» вконец устаревшие «Кавачи» и «Сеттсу». Адмиралы, однако, с присущей им деликатностью, немедленно нарушили соглашение, заложив кроме «разрешенных» линкоров «Муцу», «Кага» и «Тоза» еще два линейных крейсера с аналогичным вооружением — «Амаги» и «Акаги».

К этому времени программа «восемь — четыре» окончательно превратилась в инструмент внутривластной борьбы; ее военное значение свелось к нулю. Морское министерство настаивало на эскадре из восьми современных дредноутов, парламентарии до хрипоты спорили относительно каждой потраченной иены, но все прекрасно понимали, что ни при каких обстоятельствах линкоры класса «Нагато» не смогут действовать совместно с кораблями типа «Фусо», отстающими на три узла и вооруженными артиллерией другого калибра. Так что сразу же после завершения строительства «одобренного» флота встал бы вопрос о замене «вконец устаревших» ЛК «военной постройки».

В «парламентском» конфликте можно понять обе стороны. Адмиралы были встревожены негативной позицией США относительно политики Империи на континенте. Япония зависела от подвоза даже больше, чем Англия, поэтому господство на море в западной части Тихого океана рассматривалось как «непременное условие» существования Страны Восходящего Солнца. С этим законодатели были полностью согласны, но их изрядно раздражало непрерывное строительство дорогостоящих кораблей, которые устаревали и начинали требовать замены раньше, чем их успевали спустить на воду.

В конце 1917 года была предложена программа «восемь — шесть», единственной целью которой было узаконить «Амаги» и «Акаги». Законодатели, однако, отложили решение по этому вопросу, чтобы 12 марта следующего года сделать совершенно неожиданный ход, резко изменивший внутреннюю ситуацию в стране и вызвавший

---

⁴⁰«Муцу», второй линкор серии, погиб 8 июня 1943 года от внутреннего взрыва. Причиной катастрофы большинство специалистов считает халатность экипажа. «Нагато», напротив, оказался счастливым кораблем: за всю войну он получил только пять бомбовых попаданий, причинивших незначительные повреждения. «Нагато» выпала странная судьба единственного японского линкора, пережившего капитуляцию страны. Уничтожен 29 июля 1946 года при испытаниях ядерного оружия.

волнение во всех военно-морских столицах мира. Они не только утвердили строительство двух «Амаги», но и по собственной инициативе заказали еще два линейных крейсера этого типа. МГШ сделал свой шаг навстречу, честно объяснив, что все проекты тяжелых кораблей нуждаются в переработке, поскольку в предыдущих компоновках опыт войны в Европе учтен недостаточно. Поэтому головные ЛКР серии будут заложены лишь в 1920 году, а остальные — не раньше 1921 года.

Высвободившееся время было использовано для разработки новой военно-морской доктрины, которую Като изложил в конце года на совещании у премьер-министра. Адмирал убедительно доказывал, что найденные новейшие технические решения позволяют создать исключительно сильные корабли при умеренном водоизмещении, что затраты на постройку и эксплуатацию будут меньше запланированных, что американский флот, несмотря на свое формальное превосходство в числе кораблей, может быть разбит и будет разбит в решающем сражении в южной части Тихого океана при условии совместного использования артиллерии крупных кораблей и морской авиации.

Доводы Като произвели впечатление, и премьер-министр счел необходимым обратиться к императору. На сей раз все делалось в строгом соответствии с канонами японской политической эстетики: 2 июня 1919 года программу, получившую название «восемь — восемь», одобрил Совет министров, а годом позже узаконил Парламент.

Новая «симметричная» программа была подобна знаменитой доктрине «шесть — шесть», обеспечившей Японии победу в войне с Россией. Флот существующий подлежал ликвидации как неконкурентоспособный. Взамен создавались корабли, которые должны были превзойти по своему техническому совершенству ядро военно-морских сил противника. Речь шла о действительно однородных дивизиях. Опорную линию образовывали дредноуты с 410-мм артиллерией: «Нагато», «Муну», «Ката», «Тоза», «Кии», «Овари», «Суруга», «Оми». Организация оперативного маневра, частным случаем которого мог стать цусимский «кроссинг», возлагалась на линейные крейсера «Амаги», «Акаги», «Такао», «Атаго». Роль связующего звена, которую в Гранд Флите исполняла «пятая эскадра», отводилась ЛКР с 460-мм артиллерией; разработка этих кораблей только начиналась, и они даже еще не получили имен.

Флот «восемь — восемь» противопоставлялся американской программе «десять — шесть», причем тактико-технические данные кораблей подразумевали немало оперативных комбинаций. Японские линкоры уступали «Саут Дакотам» по количеству стволов, но превосходили их в скорости на три-четыре узла. Напротив, «Лексингтоны» были быстроходнее, нежели «Амаги», но несли меньше вооружения. Линейным же крейсерам последнего проекта (конструктивные номера 13—16) американцам нечего было противопоставить. В целом эскадры Страны Восходящего Солнца выглядели более сбалансированными. Американские корабли строились в значительной степени «вообще»: как инструмент государственной политики, антибританской, по своей сути. Японские же дредноуты создавались для одного конкретного боя в южном или западном секторе Тихого океана.

Предполагалось, что на первой стадии сражения восемь линейных крейсеров нанесут поражение «летучей эскадре неприятеля», вынудив ее отойти. Затем, пользуясь преимуществом в скорости, Объединенный флот охватит строй противника и начнет последовательно выводить из строя американские корабли.

В дневном бою серьезная роль отводилась авиации, причем на нее возлагались не только задачи разведки и корректировки огня, но и непосредственное поражение боевых сил противника — бомбами, а в перспективе и торпедами. Кроме линкоров и линейных крейсеров, программа «восемь — восемь» предусматривала закладку двух авианосцев специальной постройки — «Хосе» и «Секаку».

Разгром противника предполагалось довершить ночными атаками океанских эсминцев (проект «Камикадзе») и легких крейсеров — лидеров. Инструкция комбинированного морского боя с использованием кораблей всех классов стала бы

неотъемлемым приложением к кораблестроительной программе «восемь — восемь», если бы последняя не была отменена в феврале 1922 года Международной (Вашингтонской) конференцией по морским вооружениям.

4 (2) Вашингтонское соглашение

В середине сентября 1921 года в токийском районе Симбаси в одном из домиков гейш встретились шесть человек. Американскую делегацию возглавлял военно-морской атташе, капитан первого ранга Уотсон. С ним был его помощник, капитан третьего ранга Джон Маккларан, и начинающий военный разведчик Эллис Захариас (в том же звании). С японской стороны присутствовали капитан первого ранга Номура, будущий посол Страны Восходящего Солнца в Вашингтоне, капитан первого ранга Нагато, которому предстоит возглавить Морской Генеральный штаб, и капитан второго ранга Енаи, только что вернувшийся из Москвы, где он изучал русский язык. В конце тридцатых годов Енаи станет морским министром.

Оживленный разговор за бокалом мартини⁴¹ едва касался политических и военных вопросов, кораблестроительные программы не обсуждались вообще. Каждое слово, каждый жест, каждый поворот беседы были тщательно отрепетированы во время домашней подготовки и производили впечатление экспромта.

Расплатившись и договорившись о следующей встрече, офицеры ушли; прекрасные обитательницы «чайного домика» долго провожали их взглядами. Девушки так никогда и не узнали, что на глазах у них только что разыгралось колоссальное морское сражение, которое обошлось Японии в шесть «стандартных» линейных кораблей.

Вечером того же дня Уотсон сказал Захариасу:

«Япония хорошо знает, что ей предстоит сделать выбор между ограничением вооружений и гонкой вооружений. Им известно также, что мы предпочитаем заключить соглашение об ограничении, но не испугаемся и гонки. Если придется прибегнуть к гонке вооружений, Япония окажется далеко позади и останется второстепенной морской державой. Японцы проглотят горькую пилюлю с приятной миной на лице и постараются забыть о программе «восемь — восемь», если это станет абсолютно необходимым. Ясно, что англичане скорее разорвут союз с Японией, чем противопоставят себя Соединенным Штатам».

В начале двадцатых годов англо-японский союз стал серьезным препятствием для осуществления политики Вашингтона в Китае и Южных морях. В случае возобновления этого соглашения США должны были либо ограничить свое военное и экономическое присутствие на Дальнем Востоке, либо считаться с возможностью «войны двух океанов» и национальной катастрофы⁴².

41Воспоминания контр-адмирала в отставке Э.Захариаса.

42Современные американские исследователи легко относятся к перспективе такой войны, полагая, что промышленные и финансовые возможности США гарантировали им победу в любой гонке вооружений. Эти выкладки, однако, не учитывают «открытого» характера американской экономики: в условиях блокады или хотя бы жесткого протекционизма она неизбежно подверглась бы «перегреву», за которым последовал бы тяжелейший экономический кризис, причем, в отличие от Великой депрессии 1929— 1933 годов, он носил бы не общемировой, а панамериканский характер. Что касается сравнения уже принятых судостроительных программ, то к 1927 году США имели бы в лучшем случае шестнадцать новых dreadnoughtов при одиннадцати старых. Этой силе Япония могла бы противопоставить свои корабли программы «восемь — восемь» плюс четыре линкора и четыре линейных крейсера с 356-мм артиллерией. Англичане выставили бы на поле боя еще шестнадцать линкоров (пять «Куинов», пять типа «Ройял Соверен», два типа «Нельсон» и четыре типа «Сент Эндрю») и десять линейных крейсеров классов «Риналс», «Худ» и «G-3», в то время как для наблюдения за интересами Британской империи в остальных регионах

Американцам надлежало действовать — и действовать быстро, пока в их руках оставались такие мощные рычаги, как невозвращенные «военные займы». В июне 1921 года госсекретарь Хьюз предупредил посла Великобритании в Вашингтоне, что США будут настаивать на расторжении англо-японского союза. Правительство Ллойда Джорджа отреагировало созывом имперской конференции. Доминионы, однако, выступили вразнобой, причем премьер-министр Канады Мейген решительно поддержал американскую точку зрения. В чем представители «владений Британской короны» оказались едины, так это в нежелании участвовать в расходах на строительство общеимперского военно-морского флота.

Поскольку послевоенная Британия не нашла в себе политической воли начать еще один раунд схватки за мировое господство, в середине июля лорд Керзон выступил с предложением созвать международное совещание по ограничению вооружений.

Конференция открылась 12 ноября 1921 года в Вашингтоне, а 6 февраля следующего года были подписаны итоговые документы. Их оказалось пять.

Согласно Договору четырех держав⁴³, англо-японский союз расторгнулся и заменялся четырехсторонним соглашением о «совместной защите территориальных прав сторон на Тихом океане». На деле это означало, что США избавлялись от угрозы войны на два фронта, кроме того, Англия и Япония отныне гарантировали их «особое положение» в Китае.

Приложением к этому основополагающему документу стал *Договор девяти держав*, фиксирующий «равные права» сторон в Китае и провозглашающий в этой стране «политику открытых дверей»⁴⁴. Значение этого документа усиливалось одновременным заключением *Трактата о таможенном тарифе*.

Государственный секретарь Ч.Хьюз подчеркнул свое превосходство, заставив японскую делегацию подписать двумя днями раньше *Вашингтонское соглашение*, согласно которому Япония обязывалась вывести войска из Шаньдуна, вернуть китайской стороне железную дорогу Циндао — Цзинань и территорию Цзяочжоу. О «двадцати одном требовании» отныне можно было забыть, хотя формально речь шла только о пятой группе позиций этого документа.

Наконец, *Договор пяти держав* рассматривал военно-морские вопросы.

Главным его содержанием было признание паритета линейных флотов Великобритании и США, причем Япония получила право лишь на 60% американского тоннажа, а Франция и Италия вынуждены были согласиться на 35%. Отныне соотношение сил на море фиксировалось формулой 5:5:3:1,75:1,75.

Общий тоннаж линкоров не должен был превышать 525 тысяч тонн для Великобритании и США, 315 тысяч тонн для Японии, 175 тысяч тонн для остальных великих морских держав. Авианосцев Япония могла иметь 81 тысячу тонн против 135 тысяч у англосаксонских держав. Крейсерские силы не ограничивались, что вызвало весьма негативную реакцию в США и послужило толчком к организации следующей «мирной» конференции — Лондонской.

В качестве компенсации США приняли на себя обязательство не создавать военно-морские базы к востоку от 110 меридиана, но «за исключением островов у побережья США, Канады, Аляски, зоны Панамского канала, Австралии, Новой Зеландии и Гавайских островов».

В течение десяти лет сторонам запрещалось строительство каких-либо новых крупных кораблей, за исключением ЛК «Родней» и «Нельсон» в Англии. По истечении этого

мира оставались бы супердредноуты серий «Орион», «Кинг Джордж V», «Анрон Дьюк» — одиннадцать штук, несерийные «Канада» и «Эджинкоорт» и три «ютландских» линейных крейсера.

43США, Великобритания, Япония, Франция.

44«Договор девяти» подписали США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Португалия и Китай. Таким образом, китайскому правительству были предоставлены «равные права» на своей собственной территории.

срока разрешалась постепенная замена кораблей, имеющих более чем двадцатилетний срок службы.

Великобритания должна была сократить свой флот на двадцать действующих и четыре строящихся линкора, американцы «списывали» пятнадцать вконец устаревших кораблей с 305-мм артиллерией, утративших всякое подобие боевого значения, и отказывались от строительства «целых» одиннадцати линкоров, шесть из которых существовали только в виде выданных заказов. Япония прекращала строительство всех кораблей программы «восемь—восемь», кроме «Нагато» и «Муцу», ликвидировала старые додредноуты и выводила из боевого состава четвертый крейсер серии «Конго», подлежащий переоборудованию в учебный корабль со скоростью 18 узлов.

Договор ограничил водоизмещение⁴⁵ линкора цифрой 35 000 тонн, а калибр его артиллерии шестнадцатью дюймами (406 мм)⁴⁶. «Стандартный крейсер» отныне должен был не превосходить 10 000 тонн и нести 203-мм орудия. Авианосцы ограничивались 33 000 тонн при «крейсерской артиллерии».

Вашингтонские соглашения изменили лицо мира, ознаменовав разрушение Версальской системы и утрату Великобританией господства на море и цивилизационного приоритета.

Сразу по окончании конференции госдепартамент США заявил, что уступки, сделанные Японией в Китае, недостаточны. Конгресс же принял билль о взыскании с Великобритании и Франции военных долгов в полном объеме и создал специальную комиссию, которая должна была контролировать его выполнение.

(5) *Континентальный Китай, Маньчжурия*

Геополитическое содержание Японо-китайской и Русско-японской войны сводилось к борьбе за Корейский полуостров. Токийские газеты тех лет называли Страну Утренней Свежести «кинжалом, нацеленным в сердце Империи»; установление «возможно более тесных» отношений с Кореей составляло главную политическую линию великих императоров Мэйдзи и Тайсе.

Цель была достигнута в 1910 году включением Кореи в состав Японии. К этому времени, однако, на Дальнем Востоке сформировался новый глобальный конфликт, основа которого была заложена под Порт-Артуром и на полях Маньчжурии.

Для Японии победа над Россией означала превращение в великую державу «европейского типа». Но, как и любой крупный и дорого доставшийся успех, эта победа привела страну к экономической и политической несбалансированности.

Нарастало вмешательство военных в вопросы управления страной⁴⁷.

Внешняя политика, ранее четко ориентированная на запад — в Корею и отчасти в Китай, раздваивается между необходимостью предотвратить реванш со стороны России и потребностью получить рынки сбыта в Юго-Восточной Азии. Внутри страны это

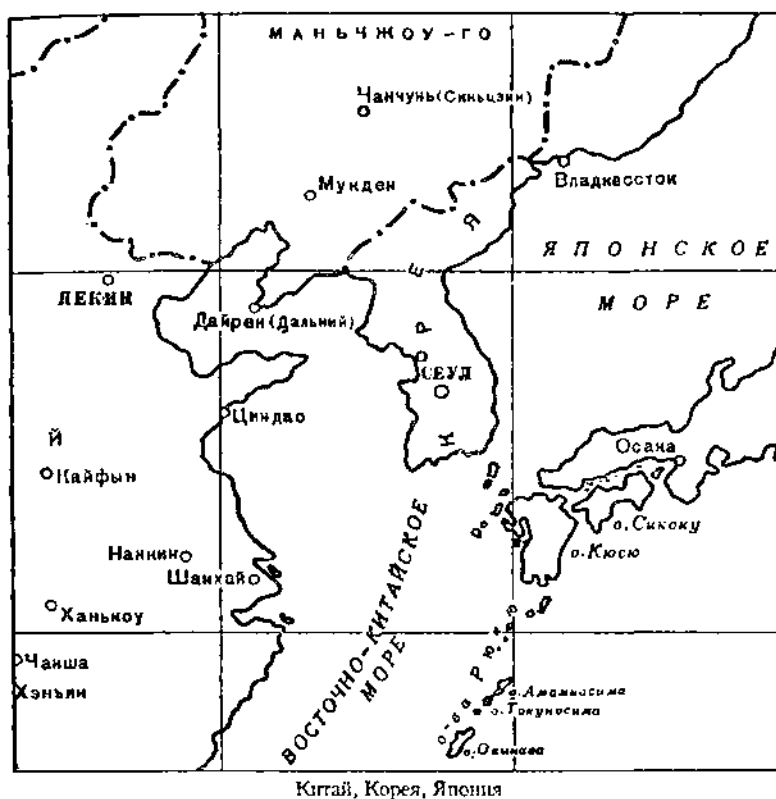
---

⁴⁵Было введено понятие «стандартное водоизмещение», характеризующее корабль с полным боевым запасом, с экипажем, вооружением и комплектом боеприпасов, но без топлива и котельной воды.

⁴⁶Таким образом, по окончании замены кораблей флот США и Великобритании должен был состоять из пятнадцати стандартных «договорных линкоров», Япония имела бы их девять, Франция и Италия — пять.

⁴⁷Этот процесс достигнет своей кульминации 26 февраля 1936 года, когда группа из двадцати двух младших офицеров (в чине от лейтенанта до капитана) осуществит что-то вроде государственного переворота. Мятежники захватят центр Токио, убьют генерального инспектора армии, лорда — хранителя печати, министра финансов и капиитулируют только после прямого приказа императора.

противоречие нашло отражение в перманентном конфликте между армией и флотом⁴⁸.

Империя потеряла внутреннюю и внешнюю стабильность, окончательно превратилась в «открытую систему», условием существования которой была экспансия — в форме агрессии или эмиграции. Иными словами, отныне Японии было суждено развиваться через войну.

В мировой кризис 1914 года Япония вступила как союзник Великобритании, но участия в боевых действиях не предпринимала, если не считать вялой охоты за эскадрон адмирала Шпее (которую Объединенный флот просто вытеснил в южное полушарие) и захвата Циндао.⁴⁹

Постепенно роль Кореи в умах токийских стратегов занял континентальный Китай. Восемнадцатого января 1915 года гоминдановскому руководству было предъявлено «Двадцать одно требование». Первая группа подразумевала априорное согласие Китая на любые условия будущего японо-германского соглашения относительно Циндао и Шаньдунского полуострова. Вторая продлевала на 99 лет аренду Порт-Артура, Дальнего и Южно-Маньчжурской железной дороги. Третья касалась частного вопроса преобразования Ханьпинского металлургического комбината в совместное предприятие. Далее, от Китая

48Этот конфликт тоже подошел к своей высшей точке в ходе «инцидента 26 февраля». Командование Объединенного флота, раздраженное гибелью в столице трех заслуженных адмиралов и бездействием высшего армейского руководства, ввело тяжелые корабли в Токийскую бухту и высадило на побережье морские десантные части специального назначения. В течение трех дней страна была па волосок от войны между флотом и армией.

49Последняя операция сослужила империи дурную службу. Вновь, как и под Порт-Артуром, японские войска атаковали неприятельские позиции с полным пренебрежением не только к собственной жизни, но и к основному постулату военного искусства — экономии сил. Вновь была достигнута быстрая и полная победа, поскольку укрепления Циндао были ориентированы на борьбу с китайскими «боксерами» и не могли противостоять современной армии. Патологические черты, которые тактика японской армии приобрела в 1904 году, отныне резко усилились: генералы всерьез решили, что «специальной атакой» утративших остатки инстинкта самосохранения войск можно прорвать любую оборону.

потребовали не предоставлять «иным государствам» гаваней, бухт и островов, пригодных для создания военно-морских баз.

Пятая часть ноты содержала «пожелания» о создании объединенной японо-китайской полиции и института японских советников при правительстве Китая. На таком дипломатическом «фоне» заключительный параграф документа, касающийся железнодорожных концессий, не вызвал никаких возражений и был принят гоминдановцами не глядя (чего японская сторона, собственно, и добивалась).

В мае 1915 года «новая республика» приняла «Двадцать одно требование», а в 1917 году было достигнуто соглашение между Токио и Вашингтоном относительно «особых интересов» Японии в Китае. Надо сказать, что Страна Восходящего Солнца действительно вкладывала огромные средства в освоение азиатских территорий⁵⁰. В результате этих инвестиций Маньчжурия стала весьма привлекательной провинцией, притягивающей эмигрантов не только из Кореи и Китая, но и с островов Метрополии. С 1907 по 1931 год население региона выросло с 17 до 33 миллионов человек, из которых около миллиона составляли японцы.

Между тем окончание Первой Мировой войны дестабилизировало обстановку в Европе и, опосредованно, во всем мире. Версальская система договоров привела к распаду Австро-Венгрии, Турции, России и Германии; на «освободившихся» территориях возникли так называемые «национальные государства» — границы их определялись росчерком пера «большой тройки»⁵¹ и окончательно устанавливались в «релаксационных войнах». Внешняя и внутренняя политика России, где к власти пришло нетрадиционное коммунистическое правительство, потеряла былую предсказуемость. Послевоенная разруха усилила губительные последствия эпидемии «испанского гриппа»; свирепствовал тиф, впервые со времен средневековья наблюдались вспышки оспы. Разрушение «национальными границами» традиционных экономических связей вкупе с резким сокращением военного производства (правительство Великобритании выдвинуло лозунг «десять лет без войны») инициировало глубочайший промышленный спад, который западные аналитики именуют «кризисом традиционных отраслей экономики», а историки марксистской ориентации называют «общим кризисом капитализма».

Первоначально Япония, далекая от европейских проблем, оценивала сложившуюся обстановку как благоприятную для себя. Однако, хотя в ходе Парижской мирной конференции она получила официальный мандат на захваченные германские колонии в Тихом океане и признание своих позиций на Азиатском континенте, в последующие годы общемировой кризис больно ударил именно по японским интересам.

Прежде всего европейские страны и США резко повысили ввозные пошлины, объяснив это «необходимостью борьбы с демпинговой политикой Японии и Германии». В этой ситуации рынки сбыта в Китае и Юго-Восточной Азии стали жизненно необходимыми для поддержания «на плаву» японской экономики.

Далее, провал ратификации Версальского договора в американском Конгрессе обозначал окончательный крах послевоенной системы международного сотрудничества. Лига Наций, еще не приступив к работе, утратила свое значение; США открыто противопоставили себя Европе.

Развивая изоляционистскую политику, республиканское большинство принимает в 1921 году закон, запрещающий свободную иммиграцию⁵². Это решение (антисоветское, отчасти и антигерманское) вызвало резкое неприятие в Стране Восходящего Солнца.

50К 1931 году 1,68 миллиарда иен.

51Ж.Клемансо, Д.Ллойд Джордж, В.Вильсон.

52Изменение иммиграционной политики США могло быть также связано с крупным просчетом американских социологов, предсказавших, что послевоенная разруха вызовет катастрофический рост числа беженцев из Европы. К 1921 году стало ясно, что эти опасения не оправдались, но «отыграть назад» было уже невозможно из-за риска внутривнутриполитических осложнений.

В те годы японское правительство проводило политику поощрения эмиграции: отток наиболее пассионарных элементов в Маньчжурию и в США способствовал снижению социального давления. Перекрытие одного из этих каналов могло сделать общество неуправляемым. Сразу же возросла вероятность открытой войны в Китае.

Попытка прийти к соглашению относительно иммиграционных квот лишь выявила откровенно антияпонскую позицию администрации Гардинга.

В ходе Вашингтонской конференции Страна Восходящего Солнца потерпела тяжелое дипломатическое поражение. Она потеряла союзника, перспективы развития флота и свои «особые права» в Китае⁵³. Американская сторона немедленно охарактеризовала сделанные Японией уступки как «недостаточные» и поставила вопрос о предстоящем вытеснении японского капитала из Маньчжурии.

С этого момента грядущая Тихоокеанская война становится эвентуальной неизбежностью.

В 1927 году на свет появляется довольно странный документ, известный как «Меморандум Танаки». В нем открытым текстом говорилось о грядущем присоединении к Империи Китая, Монголии, Маньчжурии, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Малой Азии и, наконец, Европы. Одновременно с осуществлением этой грандиозной программы следовало «скрестить мечи» еще и с Россией... На Токийском процессе «Меморандум» рассматривался как очевидное доказательство агрессивности Японии, хотя документ явно относился к категории «доказательства путем доведения до абсурда» и преследовал, скорее, цель приостановить экспансию на материк.

В 1929 году разразился мировой экономический кризис. Он ошутимо затронул японскую экономику, но не привел ее к коллапсу, характерному для Великой депрессии в США. С внешнеполитической точки зрения крах 1929 года был выгоден Японии, поскольку ставил под сомнение и американское «процветание», и саму постверсальскую систему мира с центром в Вашингтоне.

К этому времени империя вернула себе Циндао и Шаньдун, обеспечив удобный плацдарм для дальнейших операций против Китая. Однако сразу использовать ослабление США не удалось из-за не вовремя вспыхнувшего «инцидента на КВЖД», в ходе которого Япония и СССР разорвали дипломатические отношения и едва не втянулись в войну. Зато следующий «инцидент» оказался очень своевременным.

В ночь на 18 сентября 1931 года на Южно-Маньчжурской железной дороге произошел взрыв. В связи с этим Квантунская армия численностью около 10 тысяч человек перешла в наступление против войск Чжан Сюэ-ляна в составе 268 тысяч регулярных войск и 180 тысяч человек ополчения и утром захватила Мукден.

Получив указание «по возможности ограничить рамки конфликта», японский командующий, генерал-лейтенант Сигэру, 21 сентября занял Гирин, 3 января Цзиньчжоу, 5 февраля Харбин. Двумя неделями позже японская дипломатия нашла своеобразный выход из положения, провозгласив независимость Маньчжурии.

Правительство США, а вслед за ним и остальные великие державы отказались признать новое государство Маньчжоу-го, объявив его «марионеточным». В этом утверждении была немалая доля истины (так, оборона страны была поручена японским войскам: командующий Квантунской армией являлся министром обороны Маньчжоу-го), но столь же марионеточный характер носили, например, проамериканские режимы в Панаме и Никарагуа. Во всяком случае, японцы полностью соблюли политический декорум, поставив во главе маньчжурского правительства Пу И, законного правителя Китая, последнего представителя маньчжурской династии. (1-го марта 1937 года он был провозглашен

---

⁵³Соединенные Штаты пользовались «особыми правами» в Панаме, Гондурасе, Доминиканской Республике, на Филиппинах и в ряде других стран. Разумеется, относительно этих территорий янки не поднимали вопроса о необходимости прекращения «империалистического диктата» и перехода к политике открытых дверей.

императором.)

Империя официально признала новое государство лишь 15 сентября 1932 г. «А нам некуда торопиться, нам не надо строить канал»⁵⁴, — ответит на провокационный вопрос одного из западных журналистов японский дипломат Тосно Сиратори, которого Международный военный трибунал по Дальнему Востоку приговорит к пожизненному заключению.

Платой за урегулирование маньчжурского инцидента стало исключение Японии из Лиги Наций. Поскольку и флот и армия требовали немедленной денонсации вашингтонских договоренностей, это событие, обрывающее часть связей с Западом, было воспринято в стране с одобрением.

Китай де-факто согласился со сложившимся положением дел, хотя в последующие годы на его территории продолжали происходить вооруженные столкновения (шанхайский, пекинский, чэндэнский инциденты). Ситуация резко изменилась 7 июля 1937 года.

Японская рота проводила очередные ночные учения на границе Маньчжоу-го и собственно Китая. К востоку от моста Лугоуцао, известного под названием «мост Марко Поло», послышались выстрелы. Установить, кто в кого стрелял и какой эффект возымели выстрелы, разумеется, не было никакой возможности, но командование батальона пришло к выводу, что японские части подверглись нападению. Утром оно отдало приказ контратаковать противника всеми силами.

Можно согласиться с японскими историками, когда они пишут, что инцидент у моста Лугоуцао стал абсолютной неожиданностью как для командования армии, так и для политического руководства страны. К этому времени еще не были решены элементарные проблемы государственного и административного строительства в Маньчжоу-го; отсутствие соглашения с СССР заставляло держать на плохо оборудованном плацдарме целую армию, повернутую на север. В этих условиях война с Китаем была нежелательна — хотя бы ввиду оперативной скованности войск и перенапряжения линий снабжений.

Тем не менее местное командование вручило генералу Сун Чжэюаню два последовательных ультиматума. Генерал отверг требование о разоружении вверенных ему войск. В ответ на это принц Каноз потребовал срочного созыва парламента и утверждения экстраординарных расходов.

Однако ситуация еще не вышла из под контроля политиков. Приложив понстине героические усилия, дипломатам удалось урегулировать лугоуцанский инцидент. Однако японо-китайские отношения были вконец испорчены: в июле перестрелки вспыхивают одна за другой.

Двадцать седьмого июля гарнизонная армия в Китае сообщила «наверх», что вынуждена применить силу в целях самозащиты. На следующий день правительство одобрило это решение, до конца месяца японские войска вошли в Пекин и Тяньцзинь, а к середине августа боевые действия распространились и на центральный Китай. Вслед за армией к военным действиям в Китае привлекается флот. Во второй половине августа палубная авиация авианосца «Кага» бомбит Шанхай и несет огромные потери; начальник оперативного отдела штаба 2-й воздушной флотилии, капитан-лейтенант Минори Гэнда, организует использование с авианосца истребителей прикрытия «клюд» и строит «аэродромы подскока» в континентальном Китае. В небе Нанкина «клоды» сражаются с «гладиаторами» и «И-16».

Вновь и вновь Каноз спрашивает у генералов, когда войне будет положен конец. Как это доныне принято в среде военных, называется срок в три месяца «при условии полной свободы действий».

...Эта война растянется на восемь лет и обретет мировой характер. Почти сразу в нее

54Соединенные Штаты признали независимость Панамы спустя всего 56 минут после ее провозглашения.

вмешается Советский Союз, направивший в Китай добровольцев, военную технику и предоставивший гоминдановскому правительству заем на 100 миллионов долларов. Соберется Лига Наций, обсудит положение на Дальнем Востоке и рекомендует собрать конференцию участников Вашингтонского договора. Поток военных грузов с маркой «Made in USA» устремится в Китай по бирманской военной дороге.

(5-1) Комментарий: искусство дипломатии

- Боже правый! Чего вы хотите?
- Вынужден просить вашу милость повлиять через прессу на общественное мнение с тем, чтобы избежать чрезмерного беспокойства по поводу несколько неожиданного и, к сожалению, в силу некоторых обстоятельств весьма срочного вмешательства великих держав.
- Господи Иисусе! Вламываться через окно! Помоги...
- Буду искренне сожалеть, если эта паническая реакция общественного мнения вынудит великие державы более решительно выступить в интересах поддержания мира и порядка и в рамках введения чрезвычайного законодательства, с вашего одобрения, поставить прессу и общественное мнение под свой контроль.
- О! Не трогайте меня! Не затыкайте мне рот!
- Я, конечно, извещу своих поручителей о желании вашей милости. С радостью могу сообщить, что великие державы не будут настаивать на введении вышеупомянутой цензуры, разумеется, если ваше правительство не будет чинить им препятствия в получении права свободного пользования всеми путями сообщения вашей страны, что совершенно необходимо с точки зрения их торговых интересов.
- Нет! Нет! Не копайтесь в моих карманах, там же ничего нет!
- Мы хотели бы также добиться международно-правовой денонсации положения торгового договора о Карманном перевале. В этом случае вы сохранили бы полную автономию и суверенитет над ним, при неукоснительном соблюдении всех национальных интересов. Взамен великие державы зарезервируют за собой право на заключение всех торговых договоров, касающихся других ваших провинций.
- О нет! Неужели вам недостаточно моих часов! Зачем вам эти гроши в моем внутреннем кармане? Помогите! Когда же вы уберете прочь свои руки?!
- Угрожающее поведение ваших вооруженных сил вынуждает нас со всей возможной серьезностью предупредить ваше правительство в ультимативной форме о необходимости отвести от границы выдвинутые туда корпуса.
- Только не это! Не выкручивайте мне рук!

Действие первое

(6) Перл-Харбор

Борт линкора «Нагато», залив Хиросима 8 декабря 1941 года 1 час 30 минут по Токийскому времени

Ощущение «не так» висело где-то в стороне и не давило пока, как это случается с тягучей определенностью рока. Мелкие разрозненные события собрались в картину противостояния, но первый ход еще не был сделан.

Ямамото вышел из адмиральского салона на палубу «Нагато». Он любил этот корабль: в старый линкор кто-то вложил свою душу, и это была неплохая душа. Когда-то в детстве, увидев далекий корабль на рейде, юный Исуруку горько и безутешно плакал, а потом хотел и хотел быть кораблем, засыпая, скользить по прохладному морю, и чтоб пушки

стреляли, предупреждая врагов и встречая друзей. Командующий Объединенным флотом и сейчас не видел более величественной судьбы, чем судьба старых кораблей. Ему казалось, что они уходят в свой последний путь в море, как молчаливые старики уходили умирать в горы в совсем еще недалеком прошлом.

Исполин «Ямато», который заканчивал сейчас испытания во Внутреннем море, вобрал в себя лишь талант конструкторов, труд мастеровых и неумеренные деньги. В глазах Ямамото он так никогда и не ожил; начиненный иностранными предрассудками, он был только кораблем и мог быть разрушен, но не мог умереть.

А «Нагато» ждала удивительная судьба. Построенный как головной линкор программы «восемь — восемь», он какое-то время считался лучшим в мире. Во всяком случае, превосходил английский «Нельсон», вступивший в строй на семь лет позже, и мог на равных сражаться с американскими «Дакотами», заложенными специально к Вашингтонской конференции. Тогда, шантажируя Англию и Японию угрозой достройки этих кораблей, американцы смогли достигнуть своих целей «без пролития крови»⁵⁵.

В середине тридцатых годов «Нагато» модернизировали, но к концу десятилетия он считался безнадежно устарелым и проводил время, отстаиваясь в Хасирадзиме, лишь изредка и ненадолго выходя в море, чтобы «пройти» сокращенный курс боевой подготовки. Тем не менее в предстоящей войне «Нагато» суждено было принять участие практически во всех операциях Объединенного флота, вернуться невредимым из Филиппинского сражения и потрепанным, но целым из залива Лейте, дожить до конца войны и погибнуть в 1946 году при испытаниях атомного оружия на атолле Бикини. Там, лишенный экипажа и не имеющий возможности вести борьбу за жизнь, получивший страшные повреждения корпуса от подводного ядерного взрыва, линкор сражался со своей смертью четверо суток... как взбешенный европеец, а не как японец, корабль выбрал кончину, угодную своей морской душе.

В конце июля, когда США, Великобритания и Голландия заморозили японские активы в своих банках и в Вашингтоне начались очередные долгоиграющие переговоры, Ямамото уже знал, что на этот раз с миром все кончено. Начнется война, его игра, его взлет в несбывшееся «завтра». Планы, написанные на радуге, были прекрасны, как море вокруг, и как радуга недолговечны. На пересечении двух грозowych штормов — радуга — это странный знак.

«И все же... кто мог ожидать от Рузвельта такой проницательности?» — Ямамото подошел к леерному ограждению. Он поймал себя на том, что пристально вглядывается в тьму на юго-востоке, словно пытается разглядеть там ушедшие к Гавайям авианосцы. *У нас их шесть... только шесть? все шесть? уже шесть?*

Летом армейские захлеб хвалили вермахт и его замечательных командиров. Немцы, впрочем, и вправду выглядели внушительно: Красная Армия обозначалась разбитой и одними пленными потерявшей около миллиона солдат, немецкие танковые корпуса прорвались к Смоленску и Пскову, блокировали Таллин, угрожали Одессе, Киеву и Севастополю. Многим японцам казалось, что война действительно выиграна Рейхом. Но что-то же подсказало Рузвельту, что наступление уже захлебнулось и можно вновь ставить на повестку дня вопросы тихоокеанской стратегии? Иногда Ямамото видел Рузвельта своим личным противником, и то, что тот был инвалидом, мешало японцу принять в ночных схватках-снах образ самурая, — в этом тоже был какой-то невероятный подвох: судьба отнимала у Ямамото право убить его на небе, словно оставляя великодушный шанс показать свою твердость на земле.

А пока американцы реагировали быстро и недвусмысленно: эмбарго, торговая блокада Японии. «Страна, которая не может обеспечить себя продовольствием и сырьем,

---

⁵⁵Формула, характерная для суда инквизиции, передающего осужденного светским властям для исполнения приговора.

ни при каких обстоятельствах не должна считаться серьезным противником»⁵⁶. Ямамото грозился этот тезис оспорить, пока еще только перед самим собой.

Адмирал не сомневался в том, что Ф.Рузвельт решился на войну в далеком тридцать втором, как только уяснил масштабы экономического кризиса. Увы, «изоляционисты» в Конгрессе были традиционно сильны, и никакие успехи Гитлера в Европе не могли заставить их изменить доктрине Монро. Ф.Рузвельту, однако, удалось добиться таких поправок к закону о нейтралитете, которые по существу делали Америку формальным военным союзником Великобритании. С весьма своеобразным юмором президент присвоил своей стране особый, не предусмотренный международным правом статус «невоюющей державы», надеясь, что реакция немцев не заставит себя ждать. Этот расчет не оправдался: Гитлер «проглотил» и конвои с оружием и боевой техникой, следующие в английские порты, и захват Исландии, и даже явное участие американской патрульной авиации в выслеживании и уничтожении линкора «Бисмарк». Вермахт, отказавшись от высадки на Британских островах, сосредоточил усилия на Средиземноморском ТВД, вывел из войны Югославию и Грецию, а затем внезапно обрушил свою ударную мощь на Россию.

Здесь Рузвельт показал себя с лучшей стороны. Казалось бы, в сложившихся обстоятельствах он обязан был «продать» Конгресс и разменять часть своей популярности на немедленное объявление войны. «Это было бы очень по-американски, во-первых, — считал Ямамото, — да и обстановка должна была представляться «американскому императору» грозной, во-вторых».

Именно тогда японцы решились на Индокитайскую операцию. Выглядело все пристойно: если и оккупация, то с согласия владельца — правительства Виши. Во всяком случае, американцы в Исландии были куда менее щепетильны.

Но «японская агрессия» не прошла. Имея (все-таки откуда?) уверенность в том, что силы Германии в России надолго скованы, пользуясь явным преимуществом в экономической, финансовой, ресурсной областях, опираясь на мощный флот и первоклассную авиацию, *страхуя себя уже заложенными на верфях Восточного побережья новыми колоссальными сериями линкоров и авианосцев*, президент подготовил и блестяще осуществил грандиозную провокацию.

Конечно, Рузвельт знал, что Япония при всем желании не может уже *безоговорочно* уйти из Камранга — никто из подданных тэнно не смирился бы с подобным бесчестьем. Но осенью 1941 года, когда руководители Японии столкнулись с реальной перспективой войны с двумя самыми могущественными державами на земном шаре, они схватились бы за любую протянутую им соломинку, за возможность, хотя бы и иллюзорную, «сохранить лицо».

Ямамото смотрел на часы. В двухстах или около того милях севернее Гавайских островов сейчас прогревают моторы самолетов.

До самого последнего момента он не верил, что придется отдавать этот приказ. Осенью все старшие командиры Империи испытали некое раздвоение сознания. Бездарные и бессмысленные попытки избежать войны, неизбежность которой была вполне очевидна, приводили к бешеной активности штабов по ее предотвращению; и одновременно в головах и на бумагах зрели и обсуждались планы и первые директивы этой самой войны, ставшей уже реальной и почти желаемой. Исуроку тоже отдал дань всеобщему безумию, когда, уже подписав распоряжения о начале операции, вдруг потребовал от Нагумо, чтобы тот был готов отменить удар, «если будет достигнуто политическое соглашение». Старый Нагумо не посмел выказать презрение своему Главкому...

Раздвоение реальностей достигло своего апогея, когда Ямамото пришлось соглашаться с Енаи, который буквально требовал от Микадо пойти на любые, сколь угодно унижительные уступки, лишь бы спасти страну, — честно предупреждать Тодзио и Имперский совет, что можно рассчитывать на успехи только в первые три-шесть месяцев войны, и нет никаких гарантий на дальнейшее, и одновременно «с непреклонностью и фанатизмом» (как того требует «Путь воина») готовить удар по Перл-Харбору.

56К.Еськов. Последний кольценосец. М.,1999.

Адмирал улыбнулся. Тогда, в первых числах ноября, за дни и часы до выхода соединения Нагумо в зону ожидания, казалось, что решить множественные технические проблемы невозможно. В минутные передышки, в поисках ли уверенности или из мелкой мести Рузвельту, Ямамото представлял себя на университетской кафедре в Вашингтоне, где по окончании войны он выступит с речью, в которой раскроет карты Перл-Харбора, вспомнит цусимский маневр японской эскадры и наставит военных американцев уповать на стратегическое творчество, а не на силу. Учитель вспомнился в связи с Цусимой лишь на мгновение и исчез в водовороте мыслей и образов. Ямамото с грустью понял, что Того отдалился от него в эти решительные моменты жизни, и это означало, что мальчик вырос и отныне никто не приглядывает за ним.

Адмирал отчетливо видел себя стоящим на кафедре их пресловутого Гарварда (хотя Оксфорд ему импонировал больше, но виделся Гарвард, с чуть более демократичными слушателями и предлагающий более условные познания). Тогда, в декабре 1941 года, верилось, что рано или поздно можно будет встать в позицию наблюдателя и порассуждать о минувшем на языке военной игры спокойно и непредвзято, потому что все уже произошло, спасать и обвинять некого и рисковать нечем.

Сейчас он улыбнулся тексту несостоявшейся лекции, который лишь немного отстоял в воспоминаниях от гнева Кораллового моря, предательства Мидуэя и усталости Соломоновых островов.

«Неспециалисту идея удара по Перл-Харбору, возможно, представляется очевидной. Увы, профессионал тем и отличается от талантливой любителя, что лучше видит все трудности такого амбициозного предприятия.

С того момента, когда палубные самолеты научились нести торпеды, возможность подобной операции обсуждалась едва ли не в иллюстрированных журналах. Во всяком случае, первые штабные игры состоялись еще до Вашингтонской конференции. В игре атакующая сторона обычно добивалась успеха, но, как ни странно, это усиливало у специалистов сомнения в успехе планируемого предприятия.

Дело здесь не в правильности или неправильности решений Посредника (по правде говоря, я не помню ни одной игры, в которой решения Посредника не подвергались бы уничтожающей критике — по крайней мере, проигравшей стороной). Просто удача атаки при любом раскладе требовала полной внезапности.

В штабной игре, где количество людей ограничено, спровоцировать внезапность нетрудно — достаточно лишь занять внимание противника теми или иными фокусами в околоигровом пространстве, а еще лучше — направить его на реализацию собственных замыслов. Но в реальной жизни «замкнуть» всех просто невозможно, и какая-нибудь «летающая лодка», *«случайно или чудом»* оказавшаяся над ударным соединением, сорвет операцию и поставит авианосное соединение на грань катастрофы.

Было бы непростительным легкомыслием исходить из того, что американцы не обнаружат ударный флот. Можно было лишь принять меры к тому, чтобы это случилось как можно позже... »

Воспоминания предали его, в который раз возвращая от мысленного самосозерцания и созерцания восторженных слушателей университета — к Мидуэю, к тому, как американцы не обнаружат и не расшифруют...

Подчиняясь внутреннему распорядку, введенному в сознание до всех побед и поражений этой войны, Адмирал переключился на победу, на Перл-Харбор...

Севернее Перл-Харбора

5 часов 30 минут утра по местному времени

Геометрия операции завораживала, но не внушала доверия. За десятки лет, проведенных на скользких, продуваемых ветром палубах эсминцев, а потом и авианосцев Тюити Нагумо твердо уразумел одно: замысел боя должен быть предельно простым. Только в этом случае сражение можно контролировать, а неизбежные во всякой стратегической Реальности случайности и ошибки не приводят (по крайней мере — мгновенно и необратимо) к полному хаосу.

Минори Гэнда и его высокий покровитель считаться с практикой отказались. План, разработанный ими, был хорош, наверное, даже очень хорош — для очередной штабной игры. Он и был игрой. Азартной.

«Так я и выиграю ее, — пошутил тогда Ямамото, но глаза его, устремленные на Нагумо, отнюдь не улыбались. — И если вы опасаетесь за боевую устойчивость авианосцев, я готов сложить с себя обязанности командующего Объединенным флотом и возглавить ударное соединение».

Это была пощечина, но безупречная по вежливости. Ямамото без стеснения использовал против своих и чужих приемы, усвоенные им в бытность военным атташе, то есть — и дипломатом, и разведчиком; или — разведчиком и дипломатом.

Нагумо никогда ничего не боялся. Жизнь приучила его не придавать значения словам, особенно таким эмоциональным, как «бесчестье». Он вполне мог поймать Ямамото на слове. Отставка вызвала бы серьезный кризис в командовании, и не факт, что чемпион флота по го выиграл бы эту партию. Но что затем?

Было очень легко по-профессорски говорить Главкому:

«В то время, как все принципы военного искусства требуют концентрироваться на главном оперативном направлении — в нашем случае это район Южных морей: Филиппины, Малайзия, Индонезия, — вы отвлекаете значительные силы, утрата которых невосполнима для Империи, на ненужную и опасную авантюру в тысячах миль от своих баз...» Правильные слова, и нет никаких сомнений, что именно такой приговор вынесет история... Нагумо так и не решился проверить расчетом или игрой обреченную уверенность в том, что «правильная стратегия» приводит к правильному и быстрому поражению.

«Куда ни кинь — всюду клин. При таком неравенстве сил воевать вообще нельзя — ни по правилам, ни, тем более, отрицая их. Но и не воевать нельзя тоже, поскольку со временем перевес противника только увеличится, да к тому же через полгода начнет проявляться нехватка нефти. Отступить — навсегда согласиться со своей «второсортностью». Заняв Индокитай, мы сами надели веревку на шею, а Рузвельт с обаятельной улыбкой ждет, когда можно будет вышибить табуретку, что называется, «со всеми удобствами». Они — американцы — любят, чтобы все было с удобствами».

Нагумо стоял сейчас на мостике «Акаги», потому что Ямамото пообещал ему Чудо.

«Нагато»

1 час 30 минут по токийскому времени

Несостоявшееся будущее, так отчетливо планируемое и видимое из «тогда», придавало воспоминаниям некую новую размерность, давало оценку, примиряло с обыденностью последнего утра в штабном домике, с реальностью армейского мундира, приготовленного к планируемой смерти.

А лекция продолжалась бы так:

«...Обеспечение секретности было, таким образом, главной проблемой планирования. Решение об операции было принято 5 ноября. В последующие дни двадцать три

боевых корабля и восемь эскадренных танкеров поодиночке покинули Внутреннее море и разными путями прибыли в пункт ожидания — пустынную бухту Хитокаппу на острове Эторофу (южная группа Курильских островов).⁵⁷ Хотя выход каждого корабля был замотивирован, штаб принял меры к организации радиоигры, которая, впрочем, велась небрежно, создавая у противника впечатление, что ситуация рутинная и радисты лишь «отбывают номер». Как мы и предполагали, американцы обнаружили, что какие-то корабли, и в частности авианосцы, покинули стоянки. Поскольку «Сеаку» и «Дзуйаку» только что вступили в состав флота и, очевидно, нуждались в курсе боевой подготовки, это не вызвало у противника никакого интереса. Среди предположений о местонахождении «потерянных» авианосцев, высказанных его разведкой, ни Курильские острова, ни Гавайи не значились.

Неожиданно пришла мысль, что человек перед смертью обязательно обрамляет перебираемые памятью события жизни невероятным количеством успешных подробностей, словно художник, желающий польстить увядающей гейше. Исписанные листки тонкой бумаги, полные стратегических амбиций, словно журавли, покинули сознание до следующего сна разума, всегда готового оправдать свой героический путь. Вернулись молчаливые Карты, обрамленные чувствами. Ямамото даже не услышал обращенного к нему вопроса адъютанта. У него оставалось еще несколько минут, чтобы побыть одному.

...Было очень тихо, и звезды отражались в водах залива. Казалось, на огромном корабле нет ни одного человека, и в ту декабрьскую ночь Ямамото вдруг ощутил мгновенный иррациональный страх при мысли, что сейчас, в этой стылой тишине, к Внутреннему Японскому морю на полной скорости может приближаться ударное авианосное соединение Хэлси.

Об этой возможности он не говорил даже Гэнде, но ее тоже приходилось держать в уме. Хотя, честно говоря, Исуроку не верил, что американцы способны сделать ему такой подарок.

Ямамото посмотрел на часы. Следовало вернуться в штаб. Если что-то должно случиться, это произойдет именно сейчас.

«Первоначально операция развертывалась очень медленно, что вполне отвечало нашему замыслу потянуть время и дать дипломатам возможность найти какой-то выход».

Хотел ли он, чтобы этот выход был найден и Номура послал бы из Вашингтона телеграмму-молнию? *«Я привез мир для нашего поколения...»*⁵⁸ Сознательно, наверное, да. Во всяком случае он потребовал от Нагумо (то есть от Гэнды, Футиды, Ямагути), согласовывать свои планы с дипломатической обстановкой. Хотя уже знал, что *удар придется наносить в любом случае.*

Ответ Хэлла на ноту японской стороны был нестерпимо груб даже по европейским меркам. Ни о какой договоренности на основе такого документа не могло быть и речи, и американцы об этом знали.

Нормализация отношений и отмена эмбарго признавалась возможной только в том случае, если японское правительство немедленно выведет свои войска с территории Индокитая, Китая и Маньчжурии. Нота не уточняла, считается ли Корея частью Китая. Можно было понять, что да. После этого читать о том, что Япония должна еще и немедленно разорвать договорные отношения с Италией и Германией, было даже неинтересно...

*«Как, и Брюссель я тоже должен отдать?» — тихо спросил Наполеон. Долгоруков подтвердил. «Но, милостливый государь, — все так же тихо продолжал Наполеон, — мы с вами беседуем в Моравии, а для того, чтобы требовать Брюссель, вам надо добраться до высот Монмартра».*⁵⁹

Ямамото казался расстроенным, когда узнал о ноте Хэлла. Но в действительности он

---

⁵⁷Ныне остров Итуруп.

⁵⁸Фраза, с которой Н. Чемберлен, вернувшийся с Мюнхенской конференции, обратился к английскому народу.

⁵⁹З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1982.

был счастлив. Рузвельт или кто-то другой — какая-то «светлая» голова в его администрации (может, и действительно Хэлл?) — перестарался, и американская мелодия несколько потеряла в ясности и выразительности. Американцы сами, своими руками наложили тот штрих, который сделал его План совершенным.

Севернее Гавайских островов

6 часов по местному времени

С северо-востока задувал резкий ветер, разгоняя тяжелую крутую волну. Погода была на грани нелетной. Собственно, для чуть менее опытных экипажей она и стала бы нелетной.

Нагумо никак не мог поверить, что все это — призрачный, мерцающий свет на палубе, шум прогреваемых, вернее, уже прогретых, моторов, радостные, счастливые лица пилотов («...Бомбим Перл-Харбор! Мечты сбываются!»), Футида с головной повязкой, врученной ему кем-то из механиков, — он видит наяву. Операция перестала быть изящной кривой на карте и превратилась сначала в кильватерные колонны идущих по беспокойному зимнему морю кораблей: 5 ноября — Внутреннее Японское море, 22 ноября — остров Эторофу, 26 ноября — выход разными путями из зоны ожидания в точку встречи (42 с.ш., 170 з.д.), четыре дозаправки в море (кошмар качки, выскальзывающие из рук тяжелые обледенелые шланги, палубы, покрытые льдом и замерзшим топливом, люди скользили по ним, разбивали в кровь колени и локти и иногда исчезали за бортом, спасти их не пытались), 6 декабря — последняя дозаправка едва ли не в зоне действия американской разведывательной авиации с Гавайев и резкий поворот на юг, боевая крейсерская скорость, и флаг «зет», легендарный флаг «Микасы», флаг старого адмирала, на мачте «Акаги», — а теперь еще и белесые следы взлетающих самолетов, торпеды, бомбы, пулеметные очереди и залпы зениток, смерть и кровь.

Авианосцы, тяжело взбираясь на волну, развернулись на ветер, увеличивая ход до полного. Час назад ушли в темное, покрытое низкими тучами небо разведчики с «Тоне» и «Тикумы», новейших и красивейших тяжелых крейсеров флота. Теперь один за другим поднимались с полуосвещенных палуб и исчезали за низкими облаками самолеты первой волны: 49 горизонтальных бомбардировщиков под непосредственным командованием Футиды, 40 торпедоносцев Мураты, 51 пикировщик Такахаси, впереди рассыпались веером 43 истребителя прикрытия Итая.

Всходило солнце, освещая темно-алыми лучами безрадостную картину взбаламученного океана. Постепенно светлело. Нагумо тяжело опустился на парусиновый стул, водруженный им на мостик. Против всех ожиданий, против логики и теории вероятности его авианосное соединение, маневрирующее в зоне действия базовой авиации противника, до сих пор не было обнаружено.

«Нагато»

3 часа 40 минут по токийскому времени

Сейчас все должно было решиться. В штабе стояла мертвая тишина. Ямамото сидел около огромного глобуса, приобретенного кем-то из адъютантов в сугубо декоративных целях, и не разрешал себе двигаться. Он должен был продемонстрировать офицерам не просто спокойствие, но равнодушие.

Солнце уже довольно высоко над Гавайскими островами. На Мидуэе рассвет. На Уэйке только-только начинает светать. Манила, Джакарта и Сингапур досматривают последние мирные сны. Война начнется там, как и везде, с первыми лучами солнца. И, если все пойдет по задуманному, с последними лучами солнца она, по существу, и закончится.

Нагумо не сообщил об обнаружении патрульной авиацией противника. В это даже не верилось — по расчетам Ямамото ударное соединение должно было «засветиться» вчера. «Ночь с субботы на воскресенье для принятия важнейшего решения. Шутка как раз в стиле Гэнды. Вроде уборки мусора с авианосцев в специальные пластиковые пакеты «в целях обеспечения секретности сосредоточения». Бедные американские дежурные офицеры... Или они действительно так ничего и не подозревают? »

Ямамото не был уверен, что его План не представляет собой галлюцинацию, проблеск иллюзорного света, родившийся в мозгу, измученном темнотой. С июля он искал выход, и по всем прикидкам выходило, что шансов нет никаких. Ни в затяжной войне, ни в молниеносной. Ни при внезапном нападении, ни при действиях по правилам. Ни при его пижонском ударе по Перл-Харбору, ни при классическом наступлении в Южных морях. Как они это прозвали: сфера процветания? — *«дитя мое, никогда не произноси слова только за то, что они красивые и длинные, говори только о том, что понимаешь»*⁶⁰.

Он был счастлив, когда осознал, что увязывание всех операций в единую безумную систему задает новый уровень Игры и совершенно иную степень оперативного усиления. Поражение из неизбежного стало лишь очень вероятным, в конце тоннеля появился свет... И если играть сверхточно...

Остров Оаху

7 часов 45 минут по местному времени

Футида настроил приемник на гавайскую музыку, передаваемую какой-то местной радиостанцией. Этот импровизированный привод был сейчас как нельзя более кстати: Футиду уже будоражила мысль, что он ошибся в расчетах и остров придется искать — дело, сравнимое с поиском иголки в стоге сена.

По мере приближения к Гавайям погода налаживалась. Ветер стих, в ковре облаков появлялись все более широкие прорехи. Над самим Перл-Харбором небо оказалось чистым, и Футида получил возможность не торопясь осмотреть в бинокль все стоящие в гавани корабли. Как и предупреждала разведка, авианосцев среди них не было. «К сожалению...»

Зато линкоры стояли на своих местах: один — в сухом доке и семь — на стоянках вдоль юго-восточного берега острова Форд. На кораблях начиналась церемония подъема флага, и команды были выстроены на мокрых после воскресной приборки палубах.

В небе не было ни одного неприятельского истребителя, лишь двухместный открытый самолетик раскачивался в спокойном воздухе явно под неуклюжим управлением курсанта-первогодка или летчика-любителя, впервые взявшего в руки штурвал. Здесь, над островами, ветер почему-то стих. В 7 часов 49 минут Футида приказал своему радисту отстучать сигнал «Атака».

«Нагато»

3 часа 50 минут по токийскому времени

На месте американцев Ямамото затягивал бы переговоры до бесконечности, изводя противника надеждой на достижение соглашения: всякий раз — завтра. Рузвельт, напротив, форсировал ситуацию, приглашая японцев объявить войну или даже немедленно нанести удар. В обоих вариантах Конгресс, пылая патриотическим негодованием, последует за президентом, а народ в праведном гневе сплотится вокруг своего лидера. Ямамото знал американцев с их детским делением мира на Добро и Зло и фанатической верой в конечную победу Добра. «Подлое и вероломное нападение» — можно ли сделать лучший подарок этой

60Л.Кэрролл. Алиса в Стране Чудес.

стране и этой нации?

Провокация была оформлена в стиле Бисмарка, но, по мнению Ямамото, уровень дипломатического искусства великого канцлера остался непревзойденным. Что, собственно, имел в виду президент?

С его пониманием людей и целых народов он не рассчитывал всерьез на японскую капитуляцию. Надо полагать, согласись император с предложениями Енаи, Рузвельт был бы удивлен и опечален. Впрочем, Ямамото не сомневался, что «политика умиротворения» закончилась бы традиционно: месяцем или двумя позже Япония была бы обвинена в зверствах на Тайване или Курильских островах (где вроде бы оставалось какое-то автохтонное население, разве нет?), а если бы «прошло» и это, был бы поставлен вопрос об оккупации нацией Ямато независимых государств Рюкю, Сикоку и Хоккайдо.

Значит, дело *в любом случае* шло о войне, в которой Рузвельт охотно предоставил японцам право первого выстрела. Он не был военным, но, судя по всему, рассчитывал на тот же вариант, что и они: Филиппины и Голландская Ост-Индия. Это подставляло под первый удар Объединенного флота Сингапур и английскую тихоокеанскую эскадру. Таким образом Штаты добились бы — руками врага! — своей главной цели в этой войне. А честь уничтожения агрессора всецело принадлежала бы линкорам Киммеля и авианосцам Хэлси.

Как заядлый игрок, Ямамото знал, что, имея выигранную позицию, человек невольно расслабляется, ему начинает казаться, что лежащие на поверхности приятные варианты есть единственно возможные... здесь-то и появляется шанс одним неожиданным маневром переломить естественный ход борьбы. Адмирал мог бы поручиться, что Рузвельт и его советники удар по Перл-Харбору даже не рассматривали. Три с половиной тысячи миль от Токио, и непреложный закон, согласно которому на каждую пройденную тысячу миль сила флота уменьшается на десять процентов (пессимисты говорили, что на все двадцать пять).

Профессионалы находили и более конкретные возражения. Базовая авиация «при прочих равных» всегда будет иметь преимущество над палубной (подобно тому, как линкор уступает береговой батарее того же калибра). Стоянки в Перл-Харборе мелководны, это значит, что использовать торпеды невозможно — при сбрасывании с самолетов они уйдут в глубину и разобьются о дно или застрянут в илистом грунте. Тяжелых авиабомб у японцев не было, да и горизонтальное бомбометание по кораблям выглядело убедительным только в «экспериментах» Митчелла.⁶¹ Наконец, совсем «традиционные» трудности — патрульные эсминцы и подводные лодки противника, которых у американцев «кишмя кишит», делают

---

61 В начале 20-х годов в армии и флоте США активно обсуждалась роль авиации в будущей войне. Наиболее непримиримую позицию занял генерал В. Митчелл, утверждающий, что любой боевой корабль может быть легко уничтожен атакой с воздуха. Дискуссия быстро потеряла академические формы: обе стороны активно использовали служебное положение, организуя «утечку информации» и статьи в открытой прессе. Кульминацией стали эксперименты 20 — 21 июля 1921 года, когда в присутствии многочисленных журналистов авиационными бомбами был потоплен линейный корабль «Остфрисланд» (ранее принадлежавший Германии).

По существу дела Митчелл был прав (что подтвердила Вторая Мировая война), однако методы, которыми пользовался генерал, доказывая свои воззрения, не отличались чистоплотностью. «Остфрисланд» был превращен в неподвижную мишень, водонепроницаемые переборки были открыты, какой-либо борьбы за живучесть не предполагалось. Согласованную сторонами программу испытаний Митчелл в одностороннем порядке нарушил, увеличив число атак и сократив интервалы между ними.

Наконец, в промежутках между бомбометаниями на линкор допускались только сотрудники Митчелла. Это, конечно, было наиболее серьезным нарушением общепринятых «правил игры». По сей день неизвестно, было ли потопление «Остфрисланда» вызвано последней атакой с воздуха (по утверждениям Митчелла, именно в этой атаке удалось добиться предсказанного им эффекта «водяного молота») или же линкору «помогли» утонуть специалисты-подрывники.

проблематичным, чтобы не сказать больше, спасение даже умеренно поврежденных кораблей.

Гэнде все это было, разумеется, известно, как и любому штабному офицеру в любой стране, где есть хотя бы номинальный флот. Тем не менее, тщательно рассмотрев ситуацию, он пришел к выводу, что нападение может быть успешным, если задействовать все шесть авианосцев (само по себе это не было проблемой, но такое количество тяжелых кораблей требовало привлечь к операции все эскадренные танкеры, которых в Объединенном флоте было всего восемь и которые ценились на вес золота), самых опытных командиров и лучших пилотов и любой ценой обеспечить секретность. Ямамото вернул на «Акаги» Футиду и буквально «раздел» «Дзуйхо» и легкие авианосцы.

Адмирал вспомнил решающий разговор. Презрев условности, он сам снизошел к Гэнде, сутками не покидавшему своей каюты, захламленной картами и черновиками расчетов вариантов дозаправки.

— Получается, — хрипло говорил Гэнда, — но я должен использовать все, абсолютно все. Авианосцы, карликовые подводные лодки, новые истребители «Зеро»... мы зайдем с севера и нанесем удар на рассвете, потому что последний участок надо пройти ночью, и ночью надо поднимать самолеты, ночью, в любую погоду... мне будут нужны только лучшие пилоты, самые лучшие...

Гэнда был вездесущ и всеведущ. По роли его, им же самим определенной, ему пристало родиться сварливым правителем обширного предместья и царствовать, не замечая императоров и их указов. Он был книжный червь, в которого тексты, карты и расчеты втекали быстро, словно в удобно заготовленное хранилище, и вытекали в виде коротких руководств к немедленному выполнению. Первый воздушный флот, возглавляемый непрекаемым Нагумо, за глаза все называли «флотом Гэнды». Пренебрежение к форме, неряшливость и странности в быту ничуть не мешали Гэнде, которого, казалось, мало беспокоила любая форма, зато волновало и заставляло вновь и вновь эксплуатировать свой отточенный ум любое содержание. Ямамото почти любил маленького капитана, тот был отчаянным везунчиком и играл только по собственным правилам, сея в информационных пространствах невероятный разлад между серьезными намерениями и шуточными приказами, он бродил по лезвию стратегических истин с ловкостью трюкача и, так как никто другой повторить или проверить его расчеты не мог, потихоньку проникся иронией и пренебрежением к старшим офицерам Флота. Ямамото до сих не понял, был ли расчет десантной операции на Гавайи серьезным оперативным предложением, шуткой или изощренным издевательством над старшим по званию.

В своем последнем рейсе, летя навстречу серому миру без красок и чувств, Адмирал вдруг понял, что Гэнда, по существу, не был Японцем, он им считался для удобства окружающих. Гэнда был человеком Мира, он мог бы играть за американцев и даже за русских, он не выделял «Восходящего солнца», он всегда играл за себя. Сейчас Ямамото был рад, что судьба когда-то свела его с Гэндой...

Остров Оаху

7 часов 50 минут по местному времени

Было подготовлено два варианта атаки. В маловероятном случае полной внезапности первыми должны были атаковать торпедоносцы Мураты. Если, напротив, следовало ожидать серьезного сопротивления, удар наносили пикирующие бомбардировщики и «левелы». Предполагалось, что в общей суматохе и дыму торпедоносцы, обреченные выдерживать точный курс, высоту и скорость, тяжелые и уязвимые для любого оружия, получают шанс. Истребители при втором варианте прикрывали атаку, в первом же — штурмовали

аэродромы.

Увы, «зеро» не имели радиостанций, и ничего приказать им Футида не мог. Договорились, что он выпустит сигнальные ракеты — одну в случае неожиданного нападения и две, коль скоро внезапность будет потеряна. Разумеется, из этой затеи ничего не вышло.

Итая не увидел ракету, и Футида решил, что тот не увидел. Секунды шли, угрожая нарушить тщательно подготовленный план атаки и давая противнику возможность сообразить, что происходит неладное... Футида выпустил вторую ракету, на этот раз Итая среагировал, но одновременно ракету увидели и летчики Такахаси, а Мурата понял все правильно с первого раза... построенная схема сломалась, и самолеты первой волны накинулись на американские линкоры одновременно. Еще до того, как первая торпеда сорвалась с держателей, Футида передал на «Акаги» сообщение об успехе внезапной атаки. В свое время, когда это уже не будет демаскировать авианосцы, Нагумо ретранслирует его в Токио, оттуда по проводам сообщение передадут в штаб Объединенного флота, и командующий наконец узнает о своем успехе. На секунду всплыл перед глазами флаг «зет», взметнувшийся к клоту флага, и вспомнился надтреснутый голос Нагумо, зачитывающий приказ Главкома: *«Взлет или падение империи зависят от этой битвы. Каждый должен выполнить свой долг».*

Времени на воспоминания больше не было. Самолет Футиды лег на боевой курс.

«Нагато»

4 часа утра по токийскому времени

— Тигр, — закричал радист. — Футида говорит: «Тигр!»

— Футида?!

— Да, это его голос! — Офицер захлебывался от волнения. — Он повторил три раза: «Тигр! Тигр! Тигр!» Он приказывает атаковать!

«Значит, внезапная атака удалась. Так, здесь четыре утра, значит, в Перл-Харборе восемь, а в Вашингтоне час дня. Именно сейчас Номура должен вручить Хэллу ноту с объявлением войны, а атака... атака же должна начаться через полчаса!»

Понятно. Нагумо решил перестраховаться на случай задержек и поднял самолеты на тридцать минут раньше. А задержек не произошло, и ветер был попутный, потому они атаковали в восемь. Ну наверное, так даже более красиво — минуту в минуту. Удовольствия заклеить японское вероломство он им не даст — с точки зрения международного права объявление войны должно предшествовать началу боевых действий, и не суть важно, на сколько...»

Вашингтон. Посольство Японской Империи

Около 12 часов 30 минут по вашингтонскому времени

Номура брезгливо просматривал собственноручно отпечатанные страницы. По-английски он печатал одним пальцем, медленно и с ошибками. Листы были испещрены забитыми поверх буквами и производили впечатление неряшливой работы американского школяра. Много лет назад Учитель, получив от Номуры сочинение всего с одной пометкой на краю листа, велел мальчику переписать тушью книгу в сто пятьдесят страниц.

Номура не спал всю ночь.

Нота пришла поздно, ее надлежало расшифровать и перевести. И даже если бы на этот счет не было специального указания Токио, он никогда не решился бы доверить этот текст машинистке. Время переговоров истекло, отношения уже были прерваны, но лишь эта

нота меняла Реальность окончательно и необратимо.

Номура мог сказать себе, что, следуя главной заповеди дипломата *«самый плохой мир предпочтительнее самой хорошей войны»*, он сделал все возможное, чтобы избежать сегодняшней миссии. Месяц назад он умолял Токио дать ему еще времени, и тогда показалось, что боги услышали его молитву:

«Нам страшно трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме №736. Вы должны знать это, но я знаю и то, что вы прилагаете сверхчеловеческие усилия. Придерживайтесь нашей политики и делайте все возможное. Не щадите никаких усилий, чтобы добиться желательного для нас решения. Вы не можете и догадываться о причинах, по которым мы хотим урегулировать японо-американские отношения к 25-му, однако, если в течение ближайших трех или четырех дней вы сможете закончить ваши переговоры с американцами, если подписание соглашения может быть завершено к 29-му (давайте я напишу эту дату для вас прописью — двадцать девятое), если окажется возможным обменяться соответствующими нотами, если мы сможем добиться понимания с Англией и Голландией и, коротко говоря, если все будет завершено, мы согласны ждать до этого дня. Но эту дату абсолютно нельзя изменить. После нее события будут развиваться автоматически».

— Нам пора идти. Хэлл примет нас ровно в час дня; насколько я понял, военные придают большое значение тому, чтобы нота была вручена в этот час.

— Нет. То есть да, конечно, но мы же не можем, объявляя им войну, вручить исторический документ в таком виде, — Номура протянул документ послу. Листы упали и рассыпались по ковру. Оба дипломата встали на колени, собирая перемешавшиеся бумаги.

— Это все надо перепечатать, — сказал после долгой паузы Номура.

Остров Оаху

8 часов утра по местному времени

Самолет Футиды тряхнуло, и радист доложил: «Пробит фюзеляж, и поврежден руль направления». Надо было отдать американцем должное: сориентировались они поразительно быстро и уже через пять минут после начала атаки сумели открыть интенсивный, хотя и довольно беспорядочный, огонь. Впрочем, торпедоносцам были опасны даже гайки, которыми в них швыряли моряки «линкорного ряда».

Самолет вошел в облако, и Футида, выругавшись, приказал повторить заход. Чтобы во второй раз не пропустить точку сбрасывания, они пошли ниже — в самый ад зенитного огня.

В это время торпеды были уже сброшены.

Снабженные по предложению Футиды деревянными стабилизаторами, они не уходили в глубину, как, очевидно, ожидали американцы: их корабли стояли без противоторпедных сетей. Это означало, что добровольцы, вызвавшиеся своими самолетами разметать в клочья заграждение, имеют шанс остаться в живых.

В левый борт «Вест Виргинии» попало шесть или семь торпед, полностью разрушивших корпусные конструкции на протяжении трети длины корпуса. Мгновенно вышли из строя все энергетические установки корабля, системы управления, освещения и связи, а также зенитки левого борта. Офицер, распорядившийся борьбой за живучесть, приказал подвергнуть контрзатоплению отсеки неповрежденного правого борта. Связь не работала, но то ли приказ был воспринят трюмными старшинами, что называется, «интуитивно», то ли успел вовремя посыльный... «Виргиния» удержалась на ровном киле и лишь в 10:05, потеряв плавучесть, осела на грунт. Почти весь экипаж корабля был спасен, из 1541 человека погибли 105.

На «Оклахоме» потери были вчетверо больше. Этот линкор первоначально получил всего три торпеды, но командир был на берегу, старший помощник приказал покинуть

корабль... На «Оклахоме» оказались открытыми все двери в водонепроницаемых переборках (воскресная влажная уборка!), вода, разливаясь по палубам, увеличивала крен, который в первую же минуту достиг 25 градусов... Еще две торпеды вошли в корпус над броневым поясом, погрузившимся в воду... И в 8:15 мачты «Оклахомы» воткнулись в илистое дно гавани.

— Адмирал, они приканчивают «Оклахому»! — воскликнула женщина.

— Я сам вижу, что они делают, — ответил Киммель.

Самолет Футиды еще только заканчивал повторный заход, когда восьмисоткилограммовая бомба (406-мм снаряд, к корпусу которого кустарным способом приварили жестяные стабилизаторы) пробила палубу «Аризоны» около второй башни и устремилась в чрево корабля. Бронебойный взрыватель замедленного действия сработал не то в носовом зарядном, не то в снарядном погребе главного калибра. Пламя внутреннего взрыва взметнулось на 150 метров, грибовидное облако поднялось более чем на километр.

Футида лег на пол и открыл смотровой люк, следя за сброшенными бомбами. Два облачка серого дыма, почти незаметных, появились на палубе линкора «Мэриленд». Этим, впрочем, и ограничились его повреждения: потери экипажа составили четверо человек.

А «Аризона», получившая в следующие минуты еще ряд попаданий, была полностью разрушена, 1103 человека из ее экипажа погибли или пропали без вести.

Взрыв «Аризоны» потопил плавучую мастерскую «Вестал», пришвартованную к борту линкора, и поджег «Теннесси», получивший лишь две бомбы и остававшийся вполне боеспособным. На этой стадии атаки повезло и «Неваде», которая сумела сразу же открыть огонь по противнику, сбива «около двух» японских торпедоносцев и — единственная — отказалась быть неподвижной мишенью и дала ход. Это удвоило усилия японцев, которые поняли, что, затопив огромный линкор на узком фарватере, они имеют шанс полностью парализовать работу военно-морской базы. «Невадой» «занималась» вторая волна. Получив торпеду и по меньшей мере пять бомб, потеряв 50 человек, «Невада» все же приткнулась к мели в стороне от фарватера.

Офицеры стоявшей отдельно «Калифорнии» проводили уик-энд на берегу, в результате чего команда не могла сколько-нибудь разумно вести борьбу за живучесть. В 8:20 корабль уже был мертв — с большим креном, с вышедшими из строя энергетическими установками, охваченный пламенем. Командир то давал распоряжение покинуть корабль, то требовал вернуться. Никто его особенно не слушал, а «Калифорния», водонепроницаемые переборки которой находились в жутком состоянии, постепенно теряла плавучесть. Погибло 126 человек экипажа...

«Пенсильвания», стоявшая в сухом доке, пострадала на удивление мало (18 убитых, одно попадание бомбы), зато атаковавшие ее самолеты «разобрались» с тремя эсминцами, оказавшимися в плохом месте в плохое время. Тяжелейшие повреждения получили плавбаза «Кертисс» и корабль-мишень «Юта», который, похоже, приняли за авианосец... И еще американцы потеряли 188 самолетов уничтоженными и 159 тяжело поврежденными. После второго удара на главной базе американского Тихоокеанского флота осталось всего 43 самолета, которые были способны взлететь.

Самолет Футиды вернулся на авианосец последним. Командир авиагруппы кружил над островом Оаху, уточняя нанесенный противнику ущерб, контролировал действия «второй волны», а по окончании налета собирал истребители, не имеющие привода и нуждающиеся в лидере, который вернул бы их на авианосцы. Точных цифр он, конечно, не знал, но картина разгрома вырисовывалась отчетливая.

Вашингтон

13 часов 30 минут по местному времени

Хэлл не пожелал разговаривать с японскими дипломатами. Содержание ноты он

узнал еще ночью (американские специалисты не расшифровывали японские коды, а свободно читали их, оргтехника у криптографов была гораздо лучше, чем у японцев, и Хэлл мог бы оказать любезность Номура, предоставив ему оформленный «совершенно секретный» документ часов в двенадцать). Сейчас Хэлл — в отличие от Номуры — знал почти все о Перл-Харборе, о восьми потопленных или поврежденных линкорах, о двух тысячах мертвых моряков — Хэлл и не думал делать вывод, что они стали жертвами его политики. Ему доставило мимолетное удовольствие выгнать вон вежливого японского аристократа, даже не объяснив причину.

Севернее Гавайских островов

13 часов по местному времени

Победа обошлась Нагумо в 55 человек и 29 самолетов (9 истребителей, 15 пикировщиков и 5 торпедоносцев). После налета на Перл-Харбор авианосное соединение имело в своем распоряжении более 300 боеспособных самолетов.

Футида заставил себя не поддаться общей эйфории. Было сделано лишь полдела. Они разгромили американский тихоокеанский флот, но не военно-морскую базу Перл-Харбор, отправили на дно от трех до семи линкоров и *ни одного* авианосца.

Нагато он нашел в центральном посту «Акаги». Командующий был неестественно весел и громко обсуждал с офицерами последние новости радиоперехвата. *«Адмирал Киммель, судя по всему, окончательно потерял голову»*. Нагумо воспринял эту фразу буквально и выразил нарочитое возмущение такой скорой казнью. Футиду передернуло. Почти машинально он доложил штабу результаты операции.

На авианосцах срочно готовили самолеты к новому вылету, доливали баки, подвешивали торпеды и тяжелые бомбы. Только что контр-адмирал Ямагути сообщил о готовности второй дивизии и запросил указаний. Следовало срочно определить приоритетные цели для третьей волны. Никто не видел смысла добивать оставшиеся линкоры.

Нагумо вопросительно посмотрел на Футиду.

— Я полагаю, — ответил пилот, — мы должны теперь атаковать сооружения базы: нефтехранилища, мастерские, портовые краны. Потом — казармы армии, морской пехоты и гвардии. Еще раз пройтись по аэродромам, включая гражданский...

Нагумо покачал головой:

— Задача соединению поставлена Главкомом ясно и недвусмысленно: нанести максимальный урон мобильному флоту противника. Видят боги, мы это сделали. Я не думаю, что повторными атаками мы сможем достичь чего-то большего. Уже вторая волна встретила ожесточенное сопротивление и понесла заметные потери. По данным радиоперехвата, у американцев еще осталось более пятидесяти тяжелых бомбардировщиков.

— Откуда? — удивился Футида.

«Нагато»

9 часов утра по токийскому времени

На запад и на восток от Перл-Харбора распространялась огромная оперативная «тень», накрывшая уже Уэйк и Гуам, дотягивающаяся до Филиппинского архипелага и угрожающая Сан-Диего. В пределах «затененного» пространства ничто не могло противостоять сегодня соединению Нагумо.

В штабе вполголоса обсуждали подробности удара и достигнутые результаты. Речь шла о том, является ли достигнутое империей господство на море окончательным. Ямамото

не стал объяснять молодежи, что «господства» нет вообще. «Может быть, Рузвельт и потерял на время контроль над Тихим океаном, но интересно, откуда следует, что его получили мы?» — размышлял он, как усталый крестьянин, собравший невиданный урожай, но ожидающий скорого землетрясения, которое может унести и дом, и урожай, и его жизнь.

Пока же Ямамото со спокойным сердцем мог подтвердить ноябрьские «предварительные распоряжения по Южным морям». После Перл-Харбора защищать этот регион противник мог лишь тактически, а американские командиры никогда не демонстрировали особого мастерства в том, что называется в теории «конкретной темповой игрой». Первая фаза войны приобрела наконец четкие очертания: центром событий на ближайшие дни и недели становился Сингапур. Сохранить крепость Британия уже не может, проблема лишь во времени. Ни в коем случае нельзя втянуться в затяжные позиционные бои, как это получилось под Порт-Артуром.

«Если с Сингапуром будет блицкриг, я сразу расширяю сферу действия флота вплоть до Зондского пролива. Ответить на это им нечем, значит, контроль над Борнео перейдет к нам, и я расплачусь с Нагано по нефтяному векселю. Для обеспечения коммуникаций между Ост-Индией и метрополией придется взять Филиппины, хотя с оперативной точки зрения выгоднее было бы оставить пока эту обузу американцам. По ходу дела желательно прихватить Рабаул, и на этом «дебютную часть» этой партии можно считать законченной.

У меня будет преимущество по дебюту, и надо его использовать, пока американцы не выставили на доску второй и третий комплект фигур».

Вашингтон

6 часов вечера

Короткий зимний день подходил к концу и приглашал к подведению итогов. В пассиве значились пять потопленных и три поврежденных линкора, не считая менее ценных кораблей, и круглым числом три сотни самолетов. Японцы захватили господство в воздухе над Филиппинами. Ударное авианосное соединение противника оперировало в водах Гавайев, и замыслы Нагумо оставались самой тревожащей неизвестной переменной в общей карте обстановки. В активе было вступление в войну страны и нации. Никогда еще Америка не была столь единой. Рузвельт знал, что завтрашнее голосование в Конгрессе будет формальностью, поскольку даже вожди «изоляционистов» высказались за войну.

Этого дня Рузвельт ждал, как своего триумфа.

Он не собирался шутить, когда девять лет назад, только что избранный народом США на высшую в стране должность, сказал: *«Если я окажусь плохим президентом, скорее всего, я стану последним президентом Соединенных Штатов».*

Страна вся — от Восточного побережья до Калифорнии и Аляски — содрогнулась в корчах Великой депрессии. Уже никому не верилось в «свет в конце тоннеля», и ошалевшие от ужаса конгрессмены, почитывая историю русской революции, готовы были согласиться на все. От Рузвельта ждали «революции сверху», и он вроде бы не собирался обманывать ожиданий.

Первоначально у него, конечно, были прекраснодушные иллюзии, что кризис вызван эгоизмом кучки богачей и достаточно ввести прогрессивный налог и отменить «сухой закон», чтобы все наладилось. Но по мере того, как проходили страшные, трудные месяцы зимы 1933 года и нечеловеческим напряжением сил удавалось только приостановить дальнейшее сползание в воронку, президент все больше склонялся к чеканной большевистской формуле. Общий кризис капитализма. Общий кризис Версальской системы мира. Общий кризис «Вашингтонской договорной политики».

Коммунисты предлагали свое решение, и Рузвельт понимал, что очень многим в разоренной стране оно покажется привлекательным. Президент искал альтернативу, она нашлась в некоем русском лозунге: «От войны империалистической — к войне

гражданской». Только наоборот.

Он не был в восторге от такого выбора. Но «долг перед всем человечеством»... Президент был политиком и брал на себя все обязательства, которые налагает эта профессия. Он слыл трезвым гуманистом. Война в Европе была относительно лучшим исходом по сравнению с революцией в Америке.

Рузвельт никогда не оформлял свои мысли в виде вариантов и алгоритмов, как это невольно делал Ямамото. Рузвельту было чуждо вселенское честолюбие Черчилля, эмоциональные «проколы Реальности» фюрера или неумеренное монгольское коварство Вождя и Учителя. Политика Рузвельта строилась на слове, жесте и символе. Он — неприметными и часто не вполне ясными ему самому способами — изменял самую ткань жизни, образующую основу, субстрат, *контекст* межличностных и межгосударственных отношений, и один лишь Бог знал, чем и кому он за это платил. Он играл *черными* против всего существующего мира и не сомневался в благоприятном результате.

Президент знал, что рано или поздно его обвинят в том, что он втянул Америку в войну «ради своих эгоистических интересов». «Своих — да, но почему же эгоистических? Оставаясь нейтральной, страна теряла при любом исходе конфликта. Не проигрывала даже — просто возвращалась к тому «общему кризису», который на этом континенте именовали Великой депрессией», — Рузвельт улыбался. Он знал, что американцы гордятся даже своими провалами и заблуждениями. И это было неплохо для звездного будущего, для американской мечты и для него, Рузвельта.

Он провоцировал противников в лучших традициях дипломатического искусства Древнего Рима. Шаг Японии в Индокитай был для него подарком судьбы. Рузвельт вовсе не был уверен в тот момент в надежности и обороноспособности Советского Союза. Скорее, речь шла о том, чтобы использовать в интересах США обе возможности — затяжную войну в Европе, если Красная Армия выдержит удар, и противостояние Нового и Старого Света, если Гитлер вновь и вновь преуспеет в своей «молниеносной» стратегии. И в том, и в другом случае следовало вытеснить Великобританию с Тихого океана и притом так, чтобы остаться с ней в наилучших отношениях. Рузвельт не сомневался, что японцам придется оказать ему любезность.

...Речи президента громко аплодировали патриоты и сочувственно хлопали либералы.

Но, изменив оптимизму и уверенности, он так никогда — вплоть до последнего удара сердца — не простит Японии и японцам, что день своего триумфа ему пришлось назвать Днем позора Америки.

Борт авианосца ВМС США «Лексингтон», 600 миль к западу от Гавайских островов

13 часов 30 минут по местному времени

«Воздушный налет на Перл-Харбор. Тревога не учебная» — получение этой радиогаммы сразу же подвело черту под рутинной операцией по доставке самолетов на атолл Мидуэй. Соединение повернуло на обратный курс, после сигнала боевой тревоги были задраены водонепроницаемые двери, а личный состав разошелся по орудиям.

К девяти утра удалось организовать что-то вроде воздушной разведки.

Хотя выглядело все пристойно, командира ударного авианосца «Лексингтон» Ф.Шермана не покидало ощущение, что штаб соединения, как и высшее командование в Перл-Харборе, охвачены паникой и не в состоянии действовать сколько-нибудь разумно. Объявление войны застало его корабль всего в 400 милях юго-восточнее Мидуэя, где предназначенные для морских пехотинцев самолеты можно было бы поднять и отправить по назначению в любой момент. Теперь же эти самолеты, не подготовленные к совместным действиям с авиагруппой «Лексингтона», были обречены оставаться мертвым грузом на палубе и в ангарах авианосца, только мешая проведению взлетно-посадочных операций.

Ф.Шерман подозревал, что ему придется тащить их обратно в Перл-Харбор.

Ближе к полудню поступил новый приказ из штаба командующего. Соединению предписывалось *«перехватить и уничтожить противника»*. Радиограмма утверждала, что *«он отходит курсом, проходящим между Перл-Харбором и Джалуитом»*. Это означало, что «Лексингтон», находящийся к северу от Перл-Харбора, должен круто свернуть на юг.

Ф.Шерман отдал необходимое распоряжение. Через несколько минут авианосец, *«величественно двигаясь по дуге большого радиуса»*, начал склоняться вправо.

— Хотелось бы узнать, сэр, — почтительно спросил рулевой, — если мы найдем противника, с какими силами нам предстоит сражаться?

«И мне тоже очень хотелось бы это узнать», — подумал Шерман.

«Нагато»

9 часов 30 минут по токийскому времени

Только теперь Ямамото смог оценить произошедшее целиком. В предварительном планировании они с Гэндой «списали» треть соединения Нагумо — два авианосца и более сотни самолетов. В действительности противник еще и сейчас не обнаружил японские корабли, а потери в авиации оказались втрое ниже расчетных. Все было слишком хорошо, и это «слишком» не нравилось адмиралу. Он ждал красивой, громкой, но ординарной победы — что-то вроде устроенного Того фейерверка в Порт-Артуре с парой-тройкой поврежденных вражеских линкоров. Но Боги Войны фальшиво улыбнулись ему, и разгром, который никогда не изгладится из памяти американцев, перечеркнул все надежды на ограниченную войну.

Ямамото подумал: «Мы разбудили спящего великана».

Адмирал уже знал, что японское посольство в Вашингтоне продемонстрировало полную несостоятельность. Они не сумели вырвать для империи мир. Они не смогли даже вовремя передать американцам ноту с объявлением войны. Ямамото часто жалел, что он не может одновременно находиться везде и все контролировать...

«Правительство решило, что, если даже войны не будет, судьба нации неизвестна. Но в случае начала войны страна может погибнуть. Тем не менее, если нация не сражается в такой ситуации, она теряет свой дух, и такая нация обречена».

Молодежь спорила, пытаясь угадать, какое решение примет сейчас Нагумо. Предлагался целый каскад оперативных комбинаций, среди которых сверкающим бриллиантом выглядела фантастическая идея немедленно атаковать Панамский канал, разрушив «по пути» судостроительные и судоремонтные предприятия Сан-Диего.

— Я думаю, — неожиданно сказал адмирал, — что авианосное соединение повернет домой.

Севернее Гавайских островов

13 часов 35 минут по местному времени

Адмирал Кусаки произнес, глядя на карту:

— Не надо забывать, какому риску мы подвергаемся. Что, если, пока мы тратим время и силы на новую штурмовку Перл-Харбора, противник контратакует, используя базовую авиацию во взаимодействии с палубной? Ведь где-то же находятся их авианосцы.

— Я думаю именно об авианосцах, — возразил Футида, — которые считаются нашей главной целью. Я предполагаю, что они проходят курс боевой подготовки где-то около Гавайев. Мы возьмем их, если, во-первых, будем постоянно «давить» на Перл-Харбор, что вынудит противника использовать палубные самолеты для контратаки, и, во-вторых,

если соединение обойдет остров Оаху с востока и повернет на запад южнее Гавайев. Поймите, адмирал, американцы не готовы к войне, их авианосцы разбросаны, выполняют разные задачи. У нас блестящая возможность втянуть их в бой поодиночке и по очереди уничтожить. И на земле предков в нашу честь возведут храмы!

— Звучит убедительно, — кивнул Нагумо. — Но, увы, точки дозаправки рассчитаны, танкеры вышли, и изменить их маршрут нельзя. Если мы повернем на юг, дозаправка соединения будет сопряжена со слишком большими трудностями. Во всяком случае, я не хочу болтаться в неприятельских водах почти без топлива.

— Если речь идет о горючем, — начал Футида, — то горючего хватит на три таких маневра...

Но Нагумо уже принял решение:

— Соединение на полной скорости отходит к Маршалловым островам!

(4) Фотография: «Акаги»

К моменту заключения Вашингтонского соглашения общая готовность линейного крейсера «Акаги» составляла 40% (35% по корпусу). На долгие одиннадцать месяцев работы по кораблю были остановлены, а 19 ноября 1923 года началось переоборудование «Акаги» в авианосец.

Корпус и механизмы остались прежними. Главный броневой пояс уменьшили до шести дюймов, сохранив наклон в пятнадцать градусов верхней кромкой наружу. По новому проекту корабль имел две полетные палубы: главную верхнюю и короткую нижнюю. Последняя, как и дополнительная специальная площадка, предназначалась для истребителей. В середине тридцатых годов была проведена модернизация, придавшая авианосцу вполне современный вид: одна большая полетная палуба от носа до кормы, соединенная с корпусом пилонами и стенками ангара, «островная надстройка», большой ангар, разделенный платформой на два яруса. После реконструкции в ангаре могло храниться более 90 самолетов.

Посты заправки топлива и подвески авиационного вооружения располагались открыто — в ангаре и на полетной палубе. С этой точки зрения живучесть авианосца уже в двадцатые годы признавалась совершенно недостаточной. Вообще говоря, «Акаги» слыл «опасным» кораблем. Полетная палуба, длинная и тяжелая, располагалась слишком высоко и поддерживалась массивными пилонами, в результате чего центр тяжести корпуса, исходно спроектированного для совершенно иной нагрузки — орудийных башен и боевых рубок линейного крейсера, сместился вверх. Метацентрическая высота, определяющая остойчивость корабля, снизилась до значений, выходящих за пределы даже весьма «либеральных» японских норм. Таким образом, об усилении горизонтальной защиты соответствующим бронированием ангарной палубы не могло быть и речи — пришлось ограничиться исходными 19—25 миллиметрами (лишь в районах котельных и машинных отделений — 32—51 мм). Это делало авианосец чувствительным даже к малокалиберным фугасным бомбам.

Скоростные качества «Акаги» отвечали самым высоким требованиям пилотов морской авиации: сохранив энергетическую установку первого класса линейного крейсера мощностью 132 000 л.с., авианосец дал на испытаниях 32,5 узла, что обеспечивало легкий взлет палубных самолетов даже при полном безветрии. Через десять лет, потяжелевший после модернизаций, с изношенными механизмами, он легко развивал 31 узел при дальности на «экономических» 16 узлах 8200 миль.

Как и все «договорные» авианосцы, «Акаги» не был желанным пополнением японского императорского флота. Назначение этого корабля почти десять лет оставалось неясным: для целей разведки он был слишком велик и уязвим, никаких же иных задач перед авианесущими кораблями в двадцатых годах не ставили. (Самолеты того времени несли малую боевую нагрузку, в случае аварии на взлете представляли опасность для корабля-

носителя и, главное, могли использоваться лишь в идеальную погоду.)

Моряки не заказывали таких кораблей и теперь, неожиданно получив их, не знали, что с ними делать. «На всякий случай» их оснастили восьмидюймовыми орудийными установками (большой калибр был запрещен Вашингтонским соглашением), по-видимому, имея в виду использовать «договорные» авианосцы в качестве безумно дорогих тяжелых крейсеров.

(Восьмидюймовая артиллерия сохранилась на «Акаги» и после модернизации, хотя и уменьшилась в числе с десяти до шести орудий. Сверх того корабль оснащался двенадцатью 120-мм орудиями и двадцатью восемью 25-мм зенитными установками.)

Боевая бесполезность «договорных авианосцев» стимулировала быстрое развитие палубной авиации. С 1928 по 1941 год авиагруппа «Акаги» постоянно менялась, причем сокращалась доля истребителей и разведчиков и возрастало количество ударных самолетов (с 28 до 76). К моменту нападения на Перл-Харбор на «Акаги» базировалось 14 истребителей «зеро», 34 торпедоносца «кейт» и 20 пикировщиков «вэл», еще 26 (4 «зеро», 16 «кейт», 6 «вэл») машин хранились в разобранном состоянии и представляли собой резерв. Экипаж корабля вместе с авиагруппой превышал 2000 человек.

В своем типе «Акаги» был вторым кораблем. Первый — «Амаги», также предназначавшийся для переоборудования из недостроенного линейного крейсера в посредственный авианосец, погиб на стапеле 1 сентября 1923 года. Корпус корабля был разрушен землетрясением.

«Акаги» был передан флоту в марте 1927 года, а уже в ноябре 1928 года он был выведен в резерв и годом позже отправлен на верфь. Вновь вступил в строй в апреле 1933 года, два года действовал в составе то 1-й, то 2-й дивизии авианосцев, пока, в ноябре 1935 года, не отправился на капитальную модернизацию, которая завершилась лишь 31 августа 1938 года.

После модернизации «Акаги» вошел в состав 1-й дивизии авианосцев. С начала Тихоокеанской войны корабль исполнял обязанности флагмана ударного авианосного соединения Тюити Нагумо.

(5) Фотография: «Аризона»

Линейный корабль «Аризона» принадлежал к третьей серии американских супердредноутов. Заложенный 16 марта 1914 года, он был оснащен двенадцатью орудиями калибра 356 мм, размещенными — впервые в практике флота США — в трехорудийных башнях. Стапельный период продолжался 15 месяцев, еще столько же линкор достраивался у стенки завода — темпы, которые нельзя признать слишком высокими.

«Аризона», как и все предшествующие американские дредноуты — типичный «корабль без определенного назначения». В те годы Соединенные Штаты не имели перед собой конкретного противника. Доктрина Монро ограничивала геополитические устремления страны Западным полушарием, где преобладание над возможными конкурентами уже давно стало абсолютным. Германия была далеко, Великобритания не воспринималась общественным мнением как противник. Да и не по силам был Великий флот эпохи Первой Мировой войны молодой Американской империи.

На общем фоне тех лет технические характеристики «Аризоны» можно считать средними.

Американские 356-мм орудия данной модификации (с длиной ствола в 45 калибров) по всем показателям уступали 343-мм орудиям, стоящим на большинстве сверхдредноутов Великобритании, и не выдерживали никакого сравнения с великолепными пятнадцатидюймовками, разработанными по инициативе У.Черчилля и Д.Фишера для «Куин Элизабет» и «Ройял Соверен». Вспомогательная батарея «Аризоны» много раз перестраивалась за долгую службу корабля и состояла то из двенадцати, то из двадцати двух орудий 127-мм калибра, а по некоторым данным в подражание английским линкорам серии

«R» была доведена до четырнадцати шестидюймовок.

Дополняли вооружение два подводных торпедных аппарата неясного назначения: не то чтобы применить их в реальном бою, но хотя бы придумать ситуацию, допускающую их боевое использование, американским адмиралам не удалось за всю историю корабля.

Главные размеры — 185,4 на 29,6 метра при осадке 8,8 метра — допускали проход Панамским каналом, что являлось обязательным требованием при проектировании крупных кораблей в США. Линкор был оснащен четырехвальной паротурбинной установкой мощностью в 31 500 лошадиных сил. Это обеспечивало ему максимальную скорость в 21 узел, что соответствовало среднестатистическому стандарту эпохи. По дальности «Аризона» заметно превосходила английские и немецкие корабли, оптимизированные для ограниченного театра военных действий в Северном море, но уступала японским проектам.

Бронирование оставалось «на уровне», как и на остальных американских кораблях. Особенно выделялись башни — 457-мм и 633-мм барбет, практически не пробиваемые на дистанциях боя снарядами того времени.

Служба корабля оказалась легкой и размеренной. В 1929—1931 годах «Аризону» модернизировали: заменили сложные решетчатые мачты «американского образца» классическими треногими конструкциями, разместили две бортовые катапульты, смонтировали новую систему управления огнем, улучшили противоторпедную защиту, в очередной раз перепрофилировали бесполезную среднюю артиллерию линкора.

Тысяча девятьсот сорок первый год «Аризона» провела в Перл-Харборе. Седьмого декабря старый линкор попал там под удар японских пикирующих бомбардировщиков.

Американские источники утверждают, что «Аризона» была буквально засыпана бомбами: они насчитывают не менее восьми попаданий в линкор, еще два — в отшвартованную по его борту плавучую мастерскую «Вестал», множество близких разрывов. Говорят еще и о торпед, разрушившей «Аризону» борт в носовой части. Структурный анализ картины налета, однако, торпедное попадание «вычеркивает», а количество бомб ограничивает двумя, в самом крайнем случае — четырьмя.

Однако и четырех бомб оказалось достаточно. На «Аризоне» сдетонировали носовые погреба главного калибра. Линкор был построен очень прочно: взрыв, пламя от которого взметнулось на 150 метров, превратил в руины надстройки, но не смог до конца разрушить корпус. Тем не менее, корабль погружался так быстро, что даже не успел опрокинуться. Почти весь экипаж «Аризоны» погиб.

В 1942 году с остова корабля водолазы сняли орудия и часть оборудования надстроек.

По сей день затопленный корпус супердредноута «Аризона» находится в гавани Перл-Харбор в качестве необычного корабля-музея, мемориала отгремевшей войны.

(7) Южные моря: прелюдия

«Поскольку мы часто полагаемся на собственную проницательность, мы легко становимся корыстолюбивыми, не прислушиваемся к голосу разума, и тогда события принимают далеко не лучший оборот» («Хагакурэ», из Книги первой).

С утра на Формозу спустился туман. Он пришел с моря, окутал плотным белым саваном передовые площадки и более 360 сосредоточенных здесь боевых самолетов. В густой влажной мгле силуэты бомбардировщиков, подготовленных к взлету, под завязку залитых топливом, терялись. Десятки машин стояли крыло к крылу... как и американские самолеты на аэродромах Оаху.

Сколь ни эффектен был внезапный удар по Перл-Харбору, основные события должны были разыграться к югу от Тайваня — в переплетении островов и морей Малаккско-Индонезийского барьера. Голландское Борнео, нефтяные поля Мири и Серии, были главной целью флота. Запасы топлива, иронически или без всякой иронии поименованные

«стратегическими», отводили на выполнение этой задачи девяносто дней.

Будущим историкам победа Японии покажется совсем легкой... Они выстроят в своих сочинениях комфортабельную схему последовательно сменяющих друг друга операций: Филиппинской, Малайской, Индонезийской, вскользь упомянут Уэйк и Гуам и (в том или ином контексте) острова Палау, сошлутся на «недостаточное единство действий» союзников и, перефразируя У.Черчилля, закончат броской формулой: «Никогда еще столь многое не было отдано столь немногим».

История всегда аккомпанирует победителю.

Традиционная японская культура предполагала преемственность в своей основе, даже можно сказать — специальную, отличную от других культур преемственность. «Хагакурэ» призывала к переосмыслению и углублению идеалов:

«Когда тебе рассказывают истории о выдающихся людях, ты должен слушать их очень внимательно, даже если тебе их рассказывают не в первый раз. Если, слушая что-то в десятый или двадцатый раз, ты неожиданно достигнешь понимания, это будет незабываемое мгновение. В скучных разговорах о людях прошлого сокрыты тайны их великих свершений». Ямамото вспоминал старого адмирала, еще и еще раз слышал внутренним слухом густой, немного скрипучий голос Того.

Тогда, в 1941-м, это было счастливое время, потому что хватало сил на воспоминания или размышления, и между письменным столом с картами, коротким сном и долгом «навсегда и во имя достойной смерти» находилась и помещалась в узкий разлет времен тонкая пленка предсказаний и осознаний — мостик к космической дружественной силе, не ведающей заблуждений, сражений и гибели, а лишь указующей Путь, бесконечный в темноватой для европейца вселенной.

Ощущая свое предательство канонической «Хагакурэ», Адмирал все же приучил себя к существованию нескольких «Я». Снобизма империалиста хватало на целеполагание. Все, что было воспитано жестковатым детством, украшенным лишь сомнительной для ребенка эстетикой долга, и укреплено военной службой, то, что воплощалось в юности как осознание себя неотъемлемой малой частью бесконечной Страны Восходящего Солнца и Императора... и, конечно, те юношеские слезы в театре Кабуки, уходящие в воды реки, на которой прошло детство, — все это отвечало за Цель, превращая ее в строго определенный набор мотивов и поступков, и тем основательно противоречило упрямой «Хагакурэ», говорящей, что «правильно поступает тот, кто относится к миру словно к сновидению».

И было еще совершенно другое «Я», жуликоватый диалектик на западный манер, обожествляющий метод, а значит, и технологию; основоположник субъективизма в отношениях с различными божествами, психолог и дипломат, бродяга ментальных дорог, от которых нет добра, потому что «тем, кто пытается добиться своего с помощью сообразительности, их разум причихает только вред». Приходилось признать, что именно этого Ямамото любили и славил на флоте, именно его ненавидели и им восхищались. Этот Ямамото был занят проникновением в чужие планы и противопоставлением им собственных сокрушительных замыслов. Он был холоден и бесчувствен, он был мозг, утеравший связь с историей и нацией, чьим единственным удовольствием было обдумать, проанализировать, решить и сделать до конца, предоставляя наблюдателям вывеску святого империалиста с его «историческими привязанностями к родине». Этот Ямамото отвечал за средства и поддерживал объективность взгляда на мир. И было немного странно, что империалист уступил ему это право.

Сейчас, 18 апреля, перед самым полетом, Адмирал вдруг понял, что у этого, «второго», образ Того уже давно не возникал ни в речах, ни в делах. Мелкая месть, сладостная, как искупление.

Зимой 1941 года не было речи о «последовательных операциях» и «совсем легких победах». На протяжении восьмидесяти четырех дней в тысячемильном пространстве между

Австралией и Тайванем шло грандиозное встречное сражение, в котором участвовали войска четырех великих морских держав.

Замыслы

1

«По характеру люди делятся на тех, кто наделен быстрым разумом, и на тех, кто, прежде чем принять решение, должен уединиться и все обдумать» («Хагакурэ», из Книги первой).

Ямамото был из тех, кто обдумывает, офицеры же воспринимали его как человека с быстрым разумом. В день, когда адмирал Объединенного флота поднимался на праздничную палубу «Нагато» принять у Йошиды командование, двое офицеров, после церемонии выйдя на бак, заговорили одновременно:

— Ты заметил, что у нового адмирала из глаз летят стрелы.

— Нет, это были птицы!

— Его будет не удержать, это счастье или смерть для нас,— воскликнул из них тот, кто был моложе и, наверное, мечтал стать поэтом.

— А моим уделом отныне // Станет бремя прожитых весен...— негромко и насмешливо процитировал другой, намекая на свое ли минувшее сорокадвухлетие или на возраст командующего.

Один из этих офицеров будет сопровождать Ямамото в смертельном полете, его самолет будет сбит, так же, как и самолет командующего, но он останется жив и через десять лет после войны услышит, умирая, тихий голос Будды: «Путь самурая — это стремление к смерти. Десять врагов не совладают с одержимым человеком. Здравый смысл никогда не совершит ничего подобного...» Он тихо отойдет туда, где царит покой, уверенный, что Адмирал много лет назад выбрал диктуемое здравым смыслом.

Впрочем, Угаки Матомэ не мог и предположить, что после смерти Адмирала, уже после заката империи и наступления Эры Великих Продаж, о стратегии и философии Ямамото Исуроку будут говорить разное. Хулить милитаризацию вообще. Обезьянничать в газетках, воруя фразочки с пустопорожних лозунгов чужих рабочих движений, умело подготавливая себя к экономическому чуду и забвению праведного когда-то самурайского безумия Традиции.

«Людам свойственно опускать настоящее мгновение, а затем искать его, словно оно находится где-то далеко. Но никто, кажется, не замечает этого» («Хагакурэ», из Книги второй).

Темповая игра началась в июле, за полгода до начала войны.

Двадцать четвертого числа японские войска оккупировали Индокитай.

Сугубо теоретически такой шаг мог создать угрозу Сингапуру, хотя командование Флота не имело тогда этого в виду совершенно; армия же заиклилась на борьбе с Гоминданом и рассматривала все происходящее с сугубо континентальных позиций.

Двадцать шестого июля США, Великобритания и Голландия (и именно в таком порядке!) объявили о замораживании японских активов. Ситуация сложилась пикантная: территориальную целостность Французской колониальной империи защищали три державы, из которых одна была оккупирована, а другая — после операции «Катапульта», когда Королевский флот без объявления войны или хотя бы предъявления каких-то осмысленных претензий отправил на дно корабли вчерашнего союзника, убив при этом более двух тысяч французов, — не имела с Виши дипломатических отношений.

В рамках политики и большой стратегии этот демарш выглядел попыткой оказать дипломатическое давление на Токио, однако не являлся таковой.

Для голландского и отчасти для английского руководства вступление США в войну

было манной небесной, и Великобритания дорого платила за каждый шаг Рузвельта в «правильном» направлении. Что бы ни говорилось на этот счет апостериори, Черчиллю не нужны были подержанные американские миноносцы. Во всяком случае, не до такой степени, чтобы отдавать за них имперские земли. Ценность сделки и ее суть заключались (для Черчилля) в демонстративном нарушении правительством США своего нейтралитета.

Вмешавшись в подвернувшийся под руку индокитайский кризис (который никоим образом интересы США не затрагивал), Рузвельт *продемонстрировал* англичанам очередной шаг вперед. Он правильно рассчитал, что в сложившейся ситуации Великобритания *обречена* поддержать Белый дом и склонить к этому голландское правительство в изгнании. Тем самым вынуждалась антияпонская позиция официального Лондона.

Это была серьезная дипломатическая победа американской администрации. Стратегическая операция по разрушению англо-японского морского альянса, начатая почти двадцать лет назад на Вашингтонской конференции, обрела броское завершение: летом 1941 года на повестку дня была поставлена война между бывшими партнерами. В этой войне Англия не имела никаких позитивных целей и уже потому не могла ничего выиграть. Ей предлагался военный риск, результаты же должны были достаться американцам. Так что политика Рузвельта в июльском кризисе носила скорее антибританский, нежели антияпонский характер.

Тактически обстановка на Дальнем Востоке мгновенно потеряла устойчивость.

Японская империя покупала нефть в Индонезии и на Аляске. Рузвельт перекрыл оба канала, не обеспечив, однако, скважины избыточной защитой. Теперь все участники конфликта должны были считаться с возможностью японской агрессии.

Особенность ситуации заключалась в том, что оккупация Борнео была невозможна без нейтрализации Сингапура. То есть Япония провоцировалась на удар по оплоту британского военного и морского могущества в Тихом океане, объективно выступая в качестве геополитического *союзника* Штатов.

Это было очевидно настолько, что у Ямамото появилась мысль вообще отказаться от «южной» стратегии, развернуть силы против Аляски и захватить нефть там. Однако такая операция никоим образом не могла быть выполнена за три месяца. Скорее всего, она вообще была невозможна.

Летом Япония не могла начать войну. Не вступили в строй два последних авианосца соединения Нагумо, без них Перл-Харборский рейд превращался в авантюру с заведомо негодными средствами. Не прошли всего курса подготовки пилоты палубных самолетов — даже на флагманском «Акаги». Не хватало новейших «зеро», главного козыря флота в борьбе за господство в воздухе. Наконец, слишком долго пришлось бы сражаться без «Ямато», восемнадцатидюймовки которого оказывали успокаивающее действие на руководство страны, да и на самого командующего.

Осенью же и зимой туманы, ветра, короткий световой день препятствовали всяким активным действиям на Аляске и Алеутах.

Впрочем, при любых погодных условиях десантная операция на материке подразумевала подавление Датч-Харбора и установление контроля над цепочкой Алеутских островов, то есть тяжелые бои за позицию, которая сама по себе не была жизненно необходима Японской империи. Для этой авантюры у Ямамото не было ресурсов, и, если уж приходилось выбирать между неприятным и бесполезным, Филиппины следовало предпочесть Алеутам и Сингапуру — Датч-Харбору.

Далее, Аляска была частью американского континента, и захват ее требовал высадить и снабжать армию континентального масштаба. Речь должна была идти о десятках дивизий. Этих дивизий (равно как и транспорта для них) попросту не существовало.

Ситуация изменилась бы, выступи на стороне Японии Советский Союз. Такая возможность, конечно, не выглядела чем-то реальным, но в войне даже мнимые вероятности обладают способностью отбрасывать тень на Реальность, и Ямамото твердо решил по мере развития операций продемонстрировать американцам, что Аляска может стать для них

трудноустранимой слабостью.

Русские всегда оставались для Адмирала загадкой. Вспоминая Цусиму, свой внутренний ропот, Того, стоящего на открытом мостике, боль в руке и победу, которую мог разделить не по праву, Ямамото считал тогда русских неким подспорьем в игре значительных сил. Дух этих русских не мог тягаться с японским духом, и результаты сражений были предопределены. Только потом — даже не в Гарварде, а в Европе, на английских стапелях и палубах чужих кораблей — он понял, насколько громко и на весь мир эти Советы озвучили свой странный миф. Социализм как понятие был чужд Ямамото, он считал его вырожденным общественным устройством, надуманной попыткой крупнейшего из народов скрыть свои экономические беды под покровом вселенской сказки для бедных. В Америке он общался с некоторыми русскими, и каждый раз внутренний разведчик убеждал его в том, что делает это он только ради сбора каких-то немыслимых или даже срочно необходимых данных. Сейчас, в фокусе воспоминаний, он вдруг понял, что русские дипломаты, которых он встречал в США, нравились ему больше, чем все остальные люди — в них было что-то от усталых, замученных собственными обетами и заклинаниями волшебников, которых не встретишь ни во дворцах, ни на задворках Европы. Более всего они напоминали актеров старого театра, которые за любовью к пьесе и ролям, за почтением к режиссеру как-то забыли о том, что играют они в полупустом зале, где дует сквозняк, унося их реплики прочь...

Ямамото строил японскую легенду и империю, а эти коммунисты строили свою, и странная общность между ними оставляла у адмирала сомнительную надежду на возможный поворот истории.

2

Центром позиции на юге был Сингапур. Если англичане теряли его, оборона на островах Зондского архипелага разваливалась. Ямамото не видел, как в этих условиях союзники могут удерживать Яву и Борнео.

Однако наступление японцев против Сингапура было позиционно необоснованно. Над операционной линией, направленной на юг, нависала фланговая угроза с востока: опираясь на Филиппинские острова, союзники контролировали коммуникации десантной армии в Малайе, а при благоприятных условиях угрожали Индокитаю и, возможно, даже Тайваню. Кроме того, расположение Филиппинского архипелага таково, что владение месторождениями Борнео обесценивается: пока Манила и Давао находятся в руках янки, почти невозможно наладить доставку индонезийской нефти в метрополию.

Атаковать Филиппины приходилось во всех вариантах.

Проанализировав собранные там противником силы, Ямамото пришел к выводу, что американцы собираются защищать Манилу, но не предполагают удержать ее. На архипелаге был сосредоточен Азиатский флот США в составе трех крейсеров, дюжины эсминцев и трех десятков подводных лодок. Противостоять Объединенному флоту эти корабли, конечно, не готовы, но и мечтать о высадке до их уничтожения или нейтрализации и до захвата полного господства в воздухе (а разведка насчитала на Филиппинах до трехсот американских самолетов) японцы не могли, ибо *в море нет цели более беззащитной, чем еле ползущий транспорт, битком набитый людьми*. А ведь все это — время, время! Может быть, точного числа дней, отпущенных империи, американцы и не знали, но о порядке величины догадывались.

Ямамото не сомневался, что план Рузвельта⁶² предусматривает временную потерю

---

⁶²Само собой разумеется, что Рузвельту могла принадлежать только общая политическая идея. Стратегическое планирование осуществлял штаб армии США, который возглавлял генерал Джордж Маршалл.

Филиппин (иначе американцам было бы трудно реализовать свой основной стратегический замысел — использование Японской империи против Великобритании), и был уверен, что ни командующий Азиатским флотом Харт, ни командующий обороной Филиппин Мак-Артур об этом не извещены. Так всякая политическая провокация остается втайне от ее главных исполнителей, на которых потом списываются издержки. В общем, насколько он мог проникнуть в чужие замыслы, война рисовалась американским штабистам примерно так:

- объединенный флот внезапно атакует Филиппинский архипелаг и несет при этом более или менее значительные потери;
- господство на море и в воздухе устанавливается не ранее пятого и не позднее седьмого дня, после чего начинается высадка пехоты;
- бои за Филиппины с учетом характера местности, наличия укрепленных пунктов и проблем со снабжением займут не менее пяти недель;
- после этого начнется борьба за Сингапур — английские морские силы, возможно, будут ликвидированы раньше;
- американские главные силы сосредоточиваются в Перл-Харборе и занимаются боевой подготовкой;
- они вводятся в бой на завершающей стадии Малайской операции, когда Объединенный флот уже будет испытывать усталость от непрерывной трехмесячной кампании, а запасы нефти окажутся на исходе.

В этой схеме не предусматривалась потеря союзниками Борнео и Сингапура — зачем рисковать? Американцам не нужно было владение — достаточно и того, что в руках «освободителей» и «спасителей» оказывался реальный контроль.

Ямамото признавал этот план вполне здравым. Его единственным недостатком было то, что американские штабисты считали своих визави — Гэнду, Нагано, Ямамото — такими же здравомыслящими прагматиками, каковыми являлись сами.

И на этом предстояло сыграть, очень по-европейски. Выстраивая свои замыслы, руководствуясь своим высшим — с детства и навечно — кодексом «Хагакурэ», Адмирал повторял про себя усвоенные легкой памятью строки «...если мой ум пребывает в покое, он подобен ночи, озаренной бледным лунным светом. Если я начинаю поединок в таком состоянии, я знаю, что не могу быть ранен». Адмирал, с юности осознав беспорядочность европейских религий, их страдательно-беспутный уклон, считал, что японцы, даже в развращенном «сегодня», могут обращаться за силой к более мощному духовному источнику и решительные планы их подкреплены согласием мудрых древних богов. С другой стороны, никто не запретит Адмиралу, зная врага, использовать его методы, добавив приличествующую японскому пути безупречность.

Пройдет время, и этот безумец Мисима — воплощение истерии, равно далекий как от буддизма, так и от европейских святынь, напишет свою «Хагакурэ» и воспоеет в ней «великую красоту льда». Нелепый и бессмысленный образ, каких полно в его творениях. Ямамото не любил этого слезливого, немного напыщенного провидца, не уважал он и бешеные успехи болезненного поэта в боевом «Бусидо», считая это театральщиной.

Сейчас, в воздухе, на краю желанной и потому неспешной гибели, он вдруг понял, что его самого подвело не суетное внешнее, но внутреннее — мысленное тщеславие, то бережное признание за истину красивых построений своего ума, заслонивших изначальную идею «Хагакурэ» о том, что иероглиф «малодушие» получается, если к иероглифу «смысл» прибавляют основу «человек», и это значит, что, когда человек омрачает мышлением свой подлинный разум, он становится малодушным. Может ли человек быть безупречным на пути самурая, если он продолжает мыслить?

ТЫЛОВ.

Гораздо интереснее было понять англичан. Некогда Великий флот к 1941 году сократился до нескольких тактических соединений, разрывающихся в попытках прикрыть все узловые точки огромной империи.

На август месяц флот Его Величества располагал всего девятью боеспособными линкорами, даже если относить к вполне боеспособным «Нельсон», который из-за ослабления корпуса в носовой части давал не более 18 узлов и опасался вести стрельбу главным калибром, старые и не очень удачные «R»-ы и еще более пожилые «Куины», слывшие в прошлой войне лучшими кораблями Великобритании. (Кроме того, шесть линкоров ремонтировались в Англии и США.)

Было поучительно следить за тем, как англичане, польстившиеся в 1921 году в Вашингтоне на дешевую империалистическую политику, теперь пытаются выделить для Дальнего Востока хоть что-то.

Теоретически в их некоторых «раскладах» речь шла аж о семи линкорах!

Комитет начальников штабов имел в виду четыре «R», ремонтирующиеся или занятые на Атлантике, и «Бархэм» с «Валиэнтом» со Средиземного моря. Сэр Дадли Паунд, исполняющий обязанности Первого Лорда Адмиралтейства, вместо двух последних кораблей (которые он считал абсолютно необходимыми в Александрии) хотел использовать «Нельсон» с «Роднеем» и почему-то «Ринаун». Проблема заключалась в том, что «Родней» еще не вышел из ремонта, «Нельсон» по скорости соответствовал «вашингтонскому» стандарту учебного корабля, а тридцатиузловой «Ринаун» был типичным примером «военной постройки», с ее неизбежным «давай-давай». Вообще это соединение — семь старых кораблей, относящихся к трем разным типам, различающимся по скорости, конфигурации и калибру артиллерии, бронированию, — было так похоже на русскую Порт-Артурскую эскадру, что Ямамото попросту молил богов о прибытии этой плавучей кунсткамеры в Сингапур.

Впрочем, ни Адмиралтейство, ни КНШ не предполагали перемещать старые линкоры восточнее Коломбо. Считалось, что в Индийском океане они защитят от японцев английские коммуникации и, возможно, Индию и Цейлон. Ямамото в тот момент Коломбо интересовался не больше, чем русским Ташкентом, так что у «Восточного флота Адмиралтейства» были все шансы застрять в стратегическом «зазеркалье» — в месте, где он ничего не защищает и никому не угрожает. «Их лордства» относились к такой перспективе спокойно, вероятно, полагая, что выделить корабли все равно не удастся.

Черчиллю пришла в голову совершенно другая оперативная идея.

Знак дракона — символ силы, ярости и хитрости — у Адмирала никогда не возникал при мысли об английском премьере. Черчилль был всего лишь змеей, предсказуемой и потому неопасной. Уловки скандального Уинстона беспокоили Ямамото меньше, чем консерватизм японской армии, до распространения влияния на которую у него так и не дошли руки. Драконом был Рузвельт: как и Адмирал, он отдавался разработке решений со страстью и делал это спонтанно, внимая магическим знакам своего предназначения. Рузвельт был человеком, которому покровительствовали неведомые боги, и их было немало; они составляли плотный хоровод, в котором, как на тканых картинах в Киото, в центре сиял главный Дракон. Именно он когда-то вторгся в каллиграфию, образовав величественную монограмму с мелкими чешуйками, крыльями, змеевидным туловищем. Сейчас американец вторгнулся в каллиграфию замыслов Адмирала въедливо и неотвратно, и уже в начале войны Адмирал знал, что победить его нельзя, но мифология, скрепленная немногословной «Хагакурэ», наступала на разум, разворачиваясь во всей своей мистической силе, и тогда в переплетении змей-ветвей возникали рисунки грядущих побед.

После Мидуэя Адмиралу часто казалось, что он уже давно умер и планы его, записанные на просторном пергаменте, тлеют в камерке отшельника, — позже, в 1943-м, этот образ давал ему силы отказываться от сна, но тогда, в предчувствии просчитанных

побед, он не придавал значения подобным каверзам «Хагакурэ».

Нет, Черчилль не был противником, его империя пережила закат, как и вся Европа, и Дракон отвернулся от Британского льва. С Черчиллем было бы интересно разве что сыграть в го.

...Возвращаясь в мыслях к Черчиллю еще и еще раз, Адмирал вдруг на секунду осознает его пленительную похожесть на себя того времени, отметит с улыбкой родство душ двух обаятельных нахалов, так никогда и не вышедших из возраста молодой яростной двадцатилетней мысли. Это зеркало не льстило Ямамото, он чтит кодекс «Хагакурэ», и только лишь в несуществующей тени Великой победившей Империи Восходящего Солнца зрели невозможные для японца слова: «Для Вас, адмирал, скоро не найдется иной должности, кроме главы государства, и титула, кроме императорского».

Флот метрополии, сосредоточенный для обороны островов, насчитывал два линейных корабля новой постройки. Только два. Премьер-министр Великобритании отдал прямой приказ выделить один из них для Дальнего Востока. Второго декабря 1941 года «Принс оф Уэлс» пришел в Сингапур.

В провожатые ему Адмиралтейство навязало-таки «Рипалс», который по крайней мере соответствовал флагману по скорости.

Предполагался авианосец, может быть, даже два. «Арк Ройял», однако, потопила в Средиземном море немецкая подлодка — одной и в некотором роде случайной торпедой. В России или Германии командир пошел бы под трибунал за странное нежелание организовывать борьбу за живучесть.

Второй выделенный авианосец, «Индомитебл», сел на мель в Вест-Индии. Впрочем, ни тот, ни другой корабль при любом раскладе на Дальний Восток *не успевали*.

Английские штабисты вынуждены были использовать каждый корабль по максимуму, демонстрируя один и тот же авианосец противникам и в Северном море, и в Средиземном, и в Индийском океане, и в Атлантике. Что-то похожее на знаменитую «вверную защиту», когда нападающему кажется, что перед ним сплошная завеса стали, а не один тонкий и быстрый клинок. Красивый прием, но требующий безукоризненного владения оружием и тонкого чувства ритма, рисунка боя. Англичане же действовали всего лишь старательно.

На что рассчитывал Черчилль, посылая в Сингапур «Рипалс» и «Принс оф Уэлс»? В Адмиралтействе премьер красноречиво доказывал преимущества «стратегии сдерживания». «Подобно тому, как притаившийся в фиордах Норвегии «Тирпиц» препятствует операциям нашего Флота Метрополии, соединение Тома Филиппса не даст свободно действовать японским силам в Юго-Восточной Азии...»

Это, конечно, была демагогия.

«Тирпиц» был сильнее любого одиночного английского корабля и, как показал опыт однотипного «Бисмарка», имел реальные шансы даже в бою с ударным соединением противника. Место его базирования надежно прикрывали истребители Люфтваффе. В любой момент «Тирпиц» мог выйти на коммуникации, разгромить очередной конвой и *вернуться, порвав недостаточно прочную для него сеть Флота Метрополии*.

«Принс оф Уэлс», несуразный корабль, построенный для соблюдения мифических «приличий», с 356-мм орудиями главного калибра, снабженный ради грошовой экономии десятью такими орудиями в трех разных (впрочем, одинаково ненадежных) башнях, мог сражаться только с самыми старыми японскими линкорами. Потому, если дело дойдет до блокады Малайи, «Принс» сможет прорвать ее линию только *один раз*.

Ямамото знал историю постройки линкоров серии «Кинг Джордж V». Черчилль, в то время далекий от власти, в частных письмах в Адмиралтейство и на судостроительные заводы убеждал, заклинал, требовал спроектировать для Королевского флота конкурентоспособный корабль. Возобладала, однако, официальная точка зрения: пример

Великобритании заставит и другие страны согласиться на ограничение калибра. Возможно, имперское правительство в Лондоне не подозревало, что Япония и США денонсировали «морские соглашения» именно потому, что уже собирали на стапелях линкоры с новыми орудиями.

Первоначально японский Генеральный штаб рассматривал посылку соединения Филиппа как чисто политический шаг, попытку защитить империю неким магическим способом, раз уж другого оружия в наличии не оказалось.

Игра Черчилля представлялась Ямамото довольно тонкой. Общее командование на театре военных действий при любых начальных условиях отходило к американскому адмиралу. Однако, если становым хребтом его ударных сил окажутся английские линкоры, и если англичанам удастся удержать Сингапур до подхода американских сил из Перл-Харбора, их Британская империя могла бы еще какое-то время существовать.

Летом и осенью Ямамото был озабочен прежде всего Гавайской операцией, и его слабо интересовало, будет ли — в одном из маловероятных, пусть даже и губительных для Японии вариантов — Британская колониальная империя на Дальнем Востоке владеть жалкое существование еще несколько лет (вряд ли десятилетий). Вдобавок он был уверен, что американская помощь опоздает обязательно — даже если Сингапур побьет рекорд Порт-Артура, а действия против Перл-Харбора полностью провалятся. Да и относительно Филиппа были основания сомневаться, что его соединение вообще придет в Малайю до начала войны.

Утром второго декабря Филипп пришел.

В далеком будущем, до которого было рукой подать — через медленно и вежливо приближающееся мгновение смерти, — все покажется очевидным, как на вклеенных в альбом фотографиях, где факты неоспоримы, потому что кто-то из них выстроил унылую последовательность комиксовых картинок: «Угадай, что дальше?» В его планах «Принс» и «Рипалс» изначально были обречены на гибель... Они и в самом деле несколькими днями позже погибли, потому что он знал: линкор не имеет никаких шансов против авиации. И как всегда бывает при воспоминаниях, смещении времен, всплывает вдруг вопиющая нелогичность оценок прошлого, когда, уже сто раз просмотрев кадры хроники, мы радостно достроим в мозгу полководца четкие, как приближенное фото, предсказания событий, и именно снобизм свершившихся фактов помешает по-настоящему понять, что тогда-то он ничего этого не знал! Совсем одно дело — корабли в гавани, на якоре, не маневрирующие, не прикрытые ордерами, не готовые к отражению атаки. И совсем другое — быстроходное соединение линейных кораблей в открытом море. В отличие от тепличных экспериментов Митчелла с «Остфрисландом», доказательства «решающей роли палубной авиации» при уничтожении линкора «Бисмарк» выглядели неубедительно.

А у Ямамото не было в Малайе авианосной авиации. Сначала там вообще авиации не было.

Осенью он приказал подготовить аэродромы в Индокитае и в конце октября перебазировал в Сайгон два корпуса 22-й воздушной флотилии. В последних числах ноября, когда английские корабли в Сингапуре стали эвентуальной реальностью, «вдруг» выяснилось, что Сингапур все еще находится вне радиуса действия бомбардировочной авиации. Ямамото лично приказал авиакорпусам передислоцироваться на передовые площадки.

Он всегда насмехался над кадетами, которые на штабных играх долго и тщательно развертывали свои войска только затем, чтобы в последние дни мира или первые часы войны начать судорожную импровизацию перебросок. Он относился к учениям как к поединку. Одним своим видом он показывал, что идет война и безупречность решений этой войне очень к лицу. Он становился жестоким и метким в выражениях, и попавшие под выстрелы его глаз офицеры помнили эти минуты. Он умел ценить мгновенный точный расчет, предпочитал риск осторожности и видел в безумии красоту. Между войной и игрой он не

находил разницы, его не интересовали реальные и виртуальные жертвы операций. Он любил стесненные позиции, считая, что противник сыграет в них хуже, чем он. Не без отвращения к себе Ямамото уже буквально перед самым Перл-Харбором забрал с филиппинского направления 27 «бетти» и отправил их в Индокитай. Больше он ничего не мог сделать.

4

Утром четвертого декабря Филипс вылетел в Манилу. От встречи с американским командующим он многого не ждал, но, похоже, англичанину ничего не оставалось, кроме как испытать этот шанс.

По сути, он вручал Харту командование английскими кораблями, признавая де-факто, что реальная власть здесь, в Юго-Восточной Азии, уже принадлежит США. Американец, разумеется, не имел ничего против, только вот Манила не была подготовлена для базирования флота. Это была правда, очень удобная для Харта. В результате тема совместных наступательных действий переместилась с декабря 1941 на апрель 1942 года.

Зато сами операции Харт изобразил впечатляюще. Речь шла даже не о разгроме японского флота в битве за Филиппины, а сразу об освобождении Тайваня. Филипс не очень понял, от кого надо освобождать Формозу, и тем более не уяснил, как с имеющимися силами атаковать одну из сильнейших неприятельских баз. Харт в подробности не вдавался, лишь упомянул вскользь, что его интересует еще и Окинава.

С некоторых пор Филипса фантастика не волновала. Он удовлетворился принципиальным согласием американца на совместную оборону Малайи и голландской Вест-Индии: линейные силы (то есть два его корабля, к которым ему обещали при okazji добавить подкрепления) будут оборонять индонезийский барьер от японских десантов, а крейсера обеспечат коммуникации с Австралией и Цейлоном. В этом плане как будто был смысл...

«Свою» оперативную идею Филипс ощутил уже на борту самолета, возвращающегося в Сингапур.

К юго-востоку от Филиппинского архипелага лежали острова Палау, принадлежащие Японии. Было очевидно, что, планируя наступательные действия против Великобритании и США, японское командование, страдающее от нехватки ресурсов, не сможет выделить сколько-нибудь реальные силы для обороны этой позиции. Возникла возможность сразу же перейти к активным действиям, оперируя тяжелыми кораблями под прикрытием американских самолетов с Филиппин. Успех мог бы поднять моральный дух защитников Малайи, что, наверное, было не столь уж важно. Но острова Палау лежали между Филиппинами, Австралией и Перл-Харбором, и овладение ими заметно повышало общую связность позиции союзников в этой части Тихого океана. И, что было главным, получив такой подарок, как база Палау, американское командование практически вынуждалось к активным действиям.

Суть прожекта заключалась в американском понятии «честной игры», отличном от британского. Филипс не сомневался, что высшее руководство в Вашингтоне с удовольствием бросит на произвол судьбы не только Сингапур и английского союзника, но и собственные войска на Филиппинах, если от этого будет ожидать какая-то польза для молодой империи. Но предательство должно быть мотивировано! И если британские десантники жизнью оплатят контроль над коммуникационной линией Перл-Харбор — Палау — Филиппины, линией, нужной прежде всего американцам, американским адмиралам будет очень-очень трудно удержать в порту свои экипажи, рвущиеся в бой.

Так, на субъективных психологических мотивах, строилась оборонительная стратегия Британской империи в декабре 1941 года.

Развертывание

1

Ямамото принял решение нанести удары по Малайе и Филиппинам не последовательно, а одновременно. Это давало возможность выиграть время и запутать противника, вынудить его «потерять картинку» операций. К недостаткам идеи командующего можно было отнести неизбежное разделение сил и очевидную возможность «потерять картинку» самому.

Общее руководство силами флота в регионе осуществлял вице-адмирал Кондо. В помощники ему Ямамото определил лучшего тактика империи вице-адмирала Одзаву. Исуроку знал, что многие офицеры с удовольствием увидели бы Одзаву во главе Объединенного флота.

Назначение во Второй флот, да еще под начало Кондо, выглядело для Одзавы ссылкой. Выбирая между Нагумо и Одзавой, Исуроку отдал дань традиции, не позволяющей снять человека с должности без достаточных на то оснований. «К тому же,— цинично думал Ямамото,— при наличии на «Акаги» Футиды и Гэнды испортить Гавайскую операцию сложнее, нежели Малайскую».

Силам Харта, Филипса и голландского адмирала Хелфрича Ямамото противопоставил два старых линейных крейсера («Харуна» и «Конго»), семь тяжелых крейсеров, три легких крейсера и двадцать четыре эсминца. Этого должно было хватить...

Транспорты вышли из Хайнаня 4 декабря. Шестого числа они вместе с кораблями охранения были обнаружены австралийским летчиком. Англичане заполучили двое суток для организации контрмер.

Операции строились на такой грани допустимого и недопустимого риска, что эта случайность (самолет-разведчик, поднявшийся в небо в нелетную погоду, с математической точностью вышел на конвой и, пройдя под низкими тучами, «сосчитал» один линкор, пять крейсеров, семь эсминцев и двадцать пять транспортов, которых на самом деле было девятнадцать) могла стать прелюдией к грандиозной катастрофе. Японские офицеры в Индокитае лихорадочно рассредоточивали самолеты по вспомогательным площадкам, ежеминутно ожидая превентивного удара английской авиации по аэродромам. Корабли прикрытия, готовые пожертвовать собой, чтобы отвлечь огонь противника от транспортов. ... Война не была объявлена...

Филипс, все еще находящийся на Филиппинах, тоже ожидал приказа начать боевые действия в соответствии с планом «Матадор», предусматривающим вторжение в Таиланд и уничтожение японских десантов с суши и с моря, где бы они ни высадились — в формально независимом Таиланде или собственно в Малайе. Шли часы, а приказа не было. Губернатор Малайи сэр Томас и командующий обороной генерал Персиваль совместно решили, что японские транспорты не представляют угрозы Британской империи, поскольку идут к Таиланду, а угрозы Таиланду они не представляют также, поскольку находятся в нейтральных водах. А потому нет никаких предпосылок к началу операции «Матадор».

Филипса раздражал Сингапур. Этот шумный, красивый и по-восточному вяловатый город напрочь отказывался верить, что война, которая уже более двух лет идет в Европе, приближается к Малайе. В городе были заполнены клубы, театры и рестораны, офицеры носили белую парадную форму, их дамы щеголяли в бальных платьях (месяцем позже они будут отдавать последние деньги и срывать с себя украшения за место для себя и ребенка на ржавом транспорте, пытающемся прорваться из пылающего города на Яву или в Австралию, почти все они погибнут). Вопрос о введении затемнения был решен отрицательно ввиду того, что «отключение электроэнергии отрицательно сказывалось на вентиляции помещений» — действительно, кондиционеры без тока не работали. Отрицательно сэр Томас решил и вопрос о создании убежищ — вследствие высокого уровня грунтовых вод. Надо полагать, в Ленинграде и в Лондоне грунтовые воды стояли ниже. Точно так же — отрицательно — он реагировал на предложение построить в городе цепочку фортов,

защищающих Сингапур с суши. «Для этих сооружений на острове нет места».

Основным «аргументом» британских офицеров в Малайе была, как отметил Филиппс, расовая теория: каждый англичанин стоит десяти японцев. По мнению армейского командования, японские части не могли воевать вообще, а тем более — в джунглях, и уж во всяком случае — в малайских джунглях. Для усиления реальной боеспособности частей не было сделано ничего. Через неделю выяснилось, что войска не знают местности, которую они призваны защищать, а их начальники плохо представляют себе карту полуострова.

Утром седьмого японские транспорты были потеряны. В течение дня их пытались искать, но таким незначительным числом самолетов, что лишь чистым везением можно объяснить обнаружение в вечерних сумерках группы кораблей, следующей на юг. На юг, то есть непосредственно к британской Малайе! Командованию в Сингапуре было удобно считать это сообщение летчиков ошибкой. Впрочем, просчитав, что транспорты должны подойти к берегу в полночь, сэр Томас милостиво разрешил утром выслать разведку.

Телефон зазвонил ночью.

2

План Ямаситы был удивительно красивым. Японские части высаживались на границе Малайи и Таиланда, захватывали два важных аэродрома в северной Малайе (на которые немедленно перебазировалась армейская авиация) и двигались на север — в Таиланд. С местным руководством была за сравнительно небольшие деньги достигнута договоренность о том, что тайская армия стрелять в японцев не будет. Из этой сделки ничего толком не выйдет: тайские солдаты и младшие офицеры не обращают на свое коррумпированное начальство никакого внимания, — но большого значения их сопротивление иметь не будет, и к вечеру Ямасита уже установит контроль над тайскими коммуникациями. Вот тогда, используя эти построенные англичанами дороги, японцы повернут на юг.

Первые выстрелы в этой войне раздались около полуночи по малайскому времени. Это было за два часа до Перл-Харбора. Как и в предшествующие дни, стояла дурная погода. Юго-восточный ветер развивал высокую и крутую прибойную волну, которая опрокидывала перегруженные шлюпки и прочие десантные суденышки. На время японцами овладела неуверенность, и какая-то часть лодок повернула назад к своим транспортам. Но крейсера уже обстреливали побережье, солдаты-смертники разминировали своими телами проходы в минных полях (у Ямаситы не было времени действовать по правилам, то есть окопаться, выслать вперед саперов, снять вражеские заграждения и с утра с криками «Банзай!» устремиться вперед — ему нужны были действующие аэродромы), и сутолока постепенно прекратилась. Когда английские летчики наконец атаковали транспорты и повредили три из них, корабли были уже пусты, а японские соединения в Малайе вышли на оперативный простор.

Утром англичане бросят свою авиацию на север. Покрутившись над участками высадки и не найдя врага (японцы были уже в глубине полуострова), летчики сядут на северомалайских аэродромах, чтобы дозаправиться. В этот момент японские бомбардировщики, исполняя приказ Ямамото, нанесут удар по ненужным Ямасите посадочным площадкам. И с ударной английской авиацией в Малайе будет покончено. К полуночи Ямасите доложат о потерях: бои за аэродромы в Малайе обойдутся ему в 320 убитых и 538 раненых. А Ямамото спишет из реестра два армейских транспорта.

3

Если детальное планирование удара по Перл-Харбору стало «маленьким шедевром работы Гэнды», то сложнейшая позиционная структура, возникшая в начале декабря в юго-западном районе Тихого океана, была сплетена самим командующим Объединенным флотом. Ямамото добивался — и добился! — идеального взаимодействия в рамках единой

стратегии разнородных и разнонаправленных оперативных замыслов: силовые вектора «играли», маскируя друг друга, обеспечивая друг друга, резонансно усиливая друг друга.

«Взаимодействие,— говорил адмирал своим гипотетическим послевоенным слушателям, — есть то ключевое понятие современной войны, которое разделяет поражения и победы. Сравнительно легко обеспечить взаимную поддержку частей и соединений в рамках одной операции, и главной причиной поражений русских армий в летней кампании 1941 года была именно утрата всякой согласованности действий войск, потеря первичного, элементарного взаимодействия.

Гораздо сложнее увязать между собой операции — даже когда они имеют общую географическую цель. Потому имя полководца, выигравшего сражение соединением на поле боя или в глубоком тылу противника своих наступающих с разных направлений армий, навсегда прославлено в военной истории. Такой маневр был основой побед Наполеона. Блистательно завершил подобную стратегию Мольте под Садовой и позднее под Седаном. Ну и конечно, классическим примером стала Минская операция, спланированная германским Генеральным штабом.

Наконец, сложнее всего увязать в единую схему операции, цели которых различаются — на местности или в сколь угодно формальном «пространстве целей». Это считается настолько невозможным, что офицер, планирующий действия по несходящимся операционным линиям, как правило, отчисляется из Генерального штаба за отсутствие военного мышления и стратегических способностей.

Сейчас я покажу, как мы, осуществляя оккупацию Юго-Восточной Азии, смогли добиться невозможного. Но прежде придется сказать, что за это чудо пришлось заплатить очень дорогой ценой...»

4

В Порт-Артурской кампании 1904 года силы генерала Ноги превышали 80 000 человек при 474 орудиях (в их числе 11-дюймовые осадные гаубицы). Ямамото не захотел последовать примеру Того и ждать восемь месяцев, положенных при правильной осаде. Армии было приказано взять Сингапур штурмом.

Тоннажа катастрофически не хватало. Генерал Ямасита, принужденный обходиться абсолютным минимумом, отдал одну из своих дивизий командованию армейской группы, а другую задержал на Хайнане «до выяснения обстановки». Использовать ее против Сингапура так и не удалось.

Три остальные дивизии генерал сумел распределить по судам, для чего пришлось предельно ограничить «полевые чемоданы» десантной армии. О нормальном снабжении высаживающихся продовольствием вообще не шло речи — части оказывались на голодном пайке по боеприпасам и горючему.

Ямасита знал, что на полуострове дислоцировано не менее 90 000 английских солдат. Это количество в полтора раза превышало «счетную» численность его армии и более чем вдвое — те войска, которые он мог реально бросить на завоевание Малайи. При таком соотношении сил можно было держаться, только непрерывно наступая, подрывая самую волю противника к сопротивлению. Ямасита был принужден действовать очень быстро: для долгой кампании у него не доставало людей, снарядов для пушек и горючего для самолетов и тех угловатых вездеходов, которые в Императорской армии гордо именовались танками — в пропагандистских целях.

Ямасита насладится победой, но ему придется осквернить ее бесчеловечностью, равно «подаренной» своим солдатам, английским пленным и гражданскому населению Сингапура.

10 февраля 1942 года У. Черчилль напишет генералам Персивалю и Уэйвеллу:

«Вы должны понять, как мы здесь оцениваем ситуацию в Сингапуре. Кабинету было доложено, что у Персиваля сейчас свыше ста тысяч человек, из них тридцать три тысячи англичан и семнадцать тысяч австралийцев. Сомнительно, чтобы японцы имели столько солдат на всем полуострове Малакка... При таких условиях у обороняющихся имеется значительное численное превосходство над врагом и они должны были бы в ходе хорошо подготовленного сражения разбить нападающих. При нынешнем положении нельзя и помыслить о перемещении наших войск и гражданского населения. Сражение должно быть любой ценой доведено до победного конца... Командующие и высшие офицеры должны погибнуть на поле боя вместе со своими войсками. На карту поставлена честь Британской империи и британской армии. Я полагаюсь на вас в том, что не будет допущено никакой пощады, никакой слабости в любой ее форме...»

Никакой пощады допущено не будет.

Город будет гореть, раненые — умирать без воды в роскошных кинотеатрах, превращенных в полевые госпитали. Дети станут рвать траву на газонах и есть ее. Англичане подожгут склады горючего, и дым от горящего мазута закроет жителям Сингапура небо.

«Вы обязаны продолжать наносить противнику наивозможнейший ущерб, если необходимо — даже в уличных боях. Ваши действия, сковывающие силы врага и наносящие ему потери, могут оказать решающее влияние на операции на других театрах войны».

В эту последнюю неделю обороны Сингапура Ямасита будет выборочно уничтожать госпитали. До последнего человека. И добьется того, что Персиваль прикажет вывезти из осажденного города медперсонал. К 15 февраля наступление японцев все-таки окончательно захлебнется, и Ямасита использует последний шанс: предложит англичанам немедленно капитулировать. Персиваль попросит отсрочки, но командующий японской осадной армией, понимая свое отчаянное положение, будет держаться грубо и надменно, и его английский визави примет протянутый скрывающей дрожь рукой ультиматум.

Впрочем, подробности этой агонии будут представлять интерес лишь для армии. С точки зрения Ямамото содержание малайской кампании исчерпывалась *нейтрализацией* Сингапура, чего удалось достичь уже к середине декабря... без особой крови.

«...Мои операции в Юго-Восточной Азии были очень чувствительны к ошибкам исполнителей. Хотя штабное звено учло, казалось бы, все мыслимые и немыслимые случайности, первые же сражения продемонстрировали нехватку в Объединенном флоте (и в еще большей степени — в императорской армии) грамотных и инициативных командиров. Резерв таких командиров был исчерпан нами до начала войны.

Обыденная военная практика состоит в том, что от подчиненных офицеров требуется аккуратность, осмотрительность, дисциплинированность и крайне редко — элементарная рассудительность. Творческое же мышление является прерогативой исключительно высших штабов.

Такое положение дел является не только общепринятым, но и единственно правильным. Расчет на войне включает в себя так много переменных, что — при всех привычных упрощениях, при неопределимой помощи со стороны квалифицированного аппарата штаба — находится на пределе возможностей человеческого разума. Когда же подчиненные командиры начинают «вести себя», вкладывая в операцию собственные замыслы, свою личность, свой творческий потенциал, в войне исчезает всякая определенность и управление войсками теряет смысл. В возникающем хаосе ориентироваться сможет лишь тот «совершенный полководец», о котором мечтал Учитель Сунь.

Потому гротескная армейская дисциплина имеет скрытый смысл, хотя на практике этот смысл выливается обычно в низведение тайнства Высшей стратегии до вульгарного «перетягивания каната» с «разменом» дивизии на дивизию, корабля на корабль. Но даже это лучше, чем несусветный хаос всеобщего творчества.

Нам, однако, не хватало ресурсов для наступления в Южных морях, и ответственные командиры на местах получили заведомо невыполнимые задания. Они выполняли и по большей части выполнили их... с той мерой творчества, безрассудства и жестокости, с какой могли.

Показательна с этой точки зрения Филиппинская операция.

Планом предусматривалось, что японская авиация, дислоцированная на Тайване, с началом войны нанесет сокрушающий удар по Маниле и американским базам Иба и Кларк на острове Лусон. Захват господства в воздухе над архипелагом рассматривался нами как необходимая предпосылка к успеху последующих действий.

Проблема заключалась в том, что дальности наших истребителей «зеро» не хватало для того, чтобы проделать путь до Манилы и обратно, имея достаточный резерв горючего на воздушный бой. Какое-то время речь шла о том, чтобы послать одни бомбардировщики без истребительного прикрытия, но анализ боевых действий в Китае поставил на этой идее жирный крест.

Детальное планирование развивалось ни шатко ни валко и первоначально предполагало использование авианосцев. Однако Филиппинская операция должна была развиваться одновременно с Гавайской, для которой Гэнда затребовал все шесть ударных авианосцев. Второму воздушному флоту были выделены «Рюдзе» и «Дзуйхо», которые и прибыли на Тайвань в конце 1940 года.

После первых же тренировок по посадке и взлету с авианосцев у командования на Тайване отпало всякое желание использовать эти маленькие и достаточно тихоходные корабли в качестве плавучих «аэродромов подскока». Тогда пилоты «зеро» приступили к собственным экзерсисам.

Дальность полета, отмеченная в тактическом формуляре, является характеристикой, по сути, среднестатистической. Тщательно регулируя двигатель, подбирая высоту полета, пользуясь восходящими воздушными течениями, молодые лейтенанты и унтер-офицеры Второго воздушного флота научились экономить горючее. К декабрю 1941 года они увеличили тактический радиус «зеро» с 450 до 650 миль. Осенью Цукахара Нисидзо доложил в штаб Объединенного флота, что более не нуждается в авианосцах.

Это позволило отправить «Рюдзе» к островам Палау, что могло оказаться существенным в ряде вариантов. Но зато теперь наши операции были поставлены в зависимость от немногих летчиков первой линии, которые умели по двенадцать часов держать в воздухе «зеро» — маленький истребитель, на котором не было не только радио и кондиционера, но и «удобств» в тесной, как гроб, кабине. Заменить таких пилотов было некому...»

7

Утренний туман на Тайване едва не похоронил все надежды. Воздушная атака Лусона согласовывалась по времени с ударом Нагумо по Перл-Харбору — в этом была единственная надежда на внезапность. Впрочем, после того, как английская авиаразведка обнаружила малайский конвой, о реальной внезапности можно было только мечтать. Ямасита начал высадку в Кота-Бару за два с половиной часа до «официального» начала войны, но теперь это вряд ли имело значение.

Погода приковывала самолеты к земле, и каждый час ожидания повышал вероятность опустошающей ковровой бомбежки с «летающих крепостей». Тяжелые бомбардировщики были главным козырем американцев; казалось, что сейчас этот козырь с решающим эффектом будет введен в игру.

...Сегодня трудно понять, что на самом деле происходило в то утро в Маниле. Бытуют две точки зрения — согласно одной из них, Вашингтон даже после Перл-Харбора не то не сумел, не то в связи с какими-то далеко идущими политическими расчетами/просчетами не захотел сориентировать Мак-Артура в ситуации. В результате американские летчики на Филиппинах узнали о войне, только когда самолеты Цукахары, опоздавшие на десять часов, начали штурмовать аэродромы.

Более распространена другая версия. Известие о войне пришло на Филиппины с рассветом, раньше даже, чем самолеты Футиды появились на радарх Перл-Харбора. (Это правдоподобно: сразу после расшифровки японской ноты американские военные руководители попытались, но без излишней настойчивости, связаться с тихоокеанскими базами. Обтекаемая радиограмма могла при желании быть понята как предупреждение о *«вероятной неизбежности войны»*. При официальном расследовании причин катастрофы в Перл-Харборе было установлено, что на Гавайях радиограмму не получили ввиду «плохого прохождения радиоволн», но насчет Манилы ничего такого не говорится.) Во всяком случае, через пять часов после гибели ядра Тихоокеанского флота США самолеты с филиппинских аэродромов как будто были подняты в воздух.

Не обнаружив противника, командующий Дальневосточной авиацией США генерал Бреретон предложил Мак-Артуру немедленно атаковать Тайвань. (Легко видеть, что этот удар уже запоздал, но во всяком случае, это решение помогло бы американцам избежать последующей катастрофы.) Следующие два часа генералы спорили относительно того, можно ли считать состояние войны с Японией наступившим, и после десяти утра. Бреретон получил «добро». Однако теперь самолеты нуждались в дозаправке. Пока «крепости» совершали посадку, пока в них заливали горючее, пока пилоты обедали, отсрочка, дарованная погодой на Тайване, истекла. В 12:30 по манийскому времени двести бомбардировщиков Второго воздушного флота волнами пошли на авиабазы Иба и Кларк.

Официальная американская версия ставит акцент на то, что самолеты были обнаружены еще над морем, но донесение не было своевременно получено на авиабазах. В действительности это естественное разгильдяйство не могло иметь никакого значения: поднять самолеты американцы уже не успевали, а неизбежная паника лишь увеличила бы потери в рядах пилотов.

...К вечеру на Лусоне остались всего три «Б-17», способные подняться в воздух.

8

К исходу дня, который по одну сторону от линии смены дат считался седьмым, а по другую — восьмым декабря 1941 года, Объединенный флот завершил стратегическое развертывание для первого этапа наступательных операций. Сейчас, по прошествии лет и десятилетий, оперативная обстановка в юго-западном секторе Тихого океана представляется следующим образом:

Оперативное напряжение распространилось от Сингапура до Гавайских островов. Восточнее Оаху японских кораблей нет, что позднее будет квалифицировано как ошибка Ямамото. В действительности мобильные силы для действий на коммуникации Перл-Харбор—Сан-Диего японцам было неоткуда взять, развертывание же на этом рубеже подводных лодок не отвечало доктрине Объединенного флота.

Соединение Нагумо и «Лексингтон» Ф.Шермана идут антипараллельными курсами вне зоны взаимного обнаружения (впрочем, кажется, обе стороны последнее обстоятельство устраивает).

Два японских миноносца — «Сазанами» («однофамилец» корабля-героя Русско-японской войны) и «Усио» — приближаются к Мидуэю, имея задачу обстрелять остров. На следующее утро эсминцы донесут о «множественных попаданиях в топливные цистерны и иные сооружения военного характера», в то время, как американский гарнизон сообщит о нескольких нецелых выстрелах с моря, не причинивших какого-либо вреда.

Для операций в Юго-Восточной Азии обстрел Мидуэя носит отвлекающий характер, но американское руководство, находясь в состоянии шока после катастроф в Перл-Харборе и Маниле, не обратит на эти действия Объединенного флота никакого внимания. Ямамото со своей стороны рассматривает вылазку «Усио» и «Сазанами» как рекогносцировку с далеко идущими замыслами — в операциях второго этапа Мидуэю отводится решающая роль.

Большой конвой, вышедший 4 декабря из Хахадзимы, приближается к острову Гуам. Здесь боя не получится: 5000 японцев из состава элитных специальных морских десантных частей при поддержке четырех тяжелых крейсеров класса «Аоба» и авиации с Сайпана противостоит 500 человек американского гарнизона, вооруженных винтовками и легкими пулеметами. Захватив Гуам, японцы получают частичный контроль над коммуникациями, связывающими Филиппины с центральной частью Тихого океана и далее — с континентальной Америкой. (Параллельно Ямамото отберет у американцев острова Гильберта, Тараву, Макин, атолл Кваджелейн. Для этого окажется вполне достаточно трех миноносцев и двух транспортов.)

На якорной стоянке Руотта (Маршалловы острова) собрано «Соединение вторжения Уэйк», построенное явно по «остаточному принципу»: четыре транспорта, два легких крейсера образца 1919 года — «Тацута» и «Терню», шесть эсминцев и один первоклассный, хотя тоже далеко не новый, лидер — «Юбари». Оборона Уэйка выстроена американцами вокруг батареи пятидюймовых орудий, эскадрильи «уайлдкэтов» и батальона морской пехоты. С учетом большого количества военных и полувоенных формирований (строительные, аэродромные части, моряки, саперы, служащие авиакомпаний, радисты) и непреложного превосходства береговой артиллерии над корабельной того же калибра оборону острова можно считать вполне обеспеченной.

Уэйк, расположенный на полпути между Гавайскими и Марианскими островами, контролирует основную коммуникационную линию из Манилы на восток.

Сложная оперативная обстановка создана вокруг Филиппинского архипелага. Японцы планируют несколько последовательных (с интервалом в один-два дня) высадок.

Первоочередной целью считаются острова Батан и Камгуин — соответственно в 125 и 30 милях к северу от архипелага. Единственной целью этих высадок будет создание взлетно-посадочных площадок для поддержки следующего этапа вторжения: десанты в Апарри и Вигане на севере острова Лусон; далее на восточном побережье Лусона — сначала в бухте Лингаен, а позднее и в Легаспи — высаживаются главные силы 14-й армии генерала Хоммы.

Одновременно с диверсионными десантами севернее Лусона Ямамото осуществляет операцию, направленную против возможной активизации американцев и/или англичан в районе островов Палау. Воспользовавшись высвободившимся «Рюдзе», он создал вокруг него Четвертое соединение внезапной атаки, которому поставлена задача нейтрализовать и затем захватить Давао, базу ВМС США на крайнем юге Филиппинского архипелага. Овладев Давао и маленьким островом Холо на полпути между Борнео и Минданао, адмирал ликвидирует последнюю коммуникационную линию Филиппин — на юг в Индонезию и Австралию. Кроме того, он получает удобный плацдарм для распространения операции на Индонезию.

База в Давао пуста, зато на Борнео американцы держат легкий крейсер и девять эсминцев, а на Лусоне стоят тяжелый и легкий крейсера, четыре эсминца, двадцать девять подводных лодок плюс многочисленные вспомогательные суда. Эти корабли, не исключая и подводных лодок, не примут участия в обороне архипелага и в ближайшие дни будут отведены на юг.

Японские ударные соединения вышли в море 6 — 7 декабря.

Третье соединение внезапной атаки (эсминец, четыре миноносца и два транспорта с прикрытием) направлено от Тайваня к Батану. Первое соединение (легкий крейсер «Натори», два дивизиона эсминцев, тральщики, эскортные суда и шесть транспортов) продвигается от Пескадорских островов в сторону Апарри. Второе соединение (легкий крейсер «Нака», пять эсминцев и шесть транспортов), базирующееся на Палау, идет к

Вигану. Этому соединению предстоит самый длинный переход.

Операции в Апарри и Вигане будут прикрывать тяжелые крейсера «Асигара» и «Майя», но 7 декабря эти корабли еще находятся в Мако.

В Палау стоит легкий авианосец «Сехо», еще не вступивший в строй.

Четвертое соединение внезапной атаки вместе с соединением прикрытия («Рюдзе», тяжелые крейсера «Нати», «Хагуро», «Миоко», легкие крейсера «Дзинцу» и «Нагаро», 13 эсминцев, семь транспортов и вспомогательные суда) имеют задачей не только действия против Давао, но и обеспечение наступления на Манилу с юга.

Семьдесят три транспорта, предназначенных для десантирования главных сил армии Хоммы, еще только собираются на Тайване.

Далее к западу действуют главные силы адмирала Кондо: «Конго», «Харуна», тяжелые крейсера «Атаго» и «Такао», третий дивизион эсминцев. Это соединение одновременно обеспечивает дальнейшее прикрытие как Филиппинской, так и Малайской операции, что создает предпосылки для разнообразных комбинаций союзников, направленных на использование тактической перегрузки кораблей Кондо.

У побережья Индокитая крейсирует «Текай» в сопровождении эсминца «Асигари» — главные силы Малайского соединения Одзавы.

Японские транспорты малайской группы разгружаются или отстаиваются на широком фронте от Причуала до Кота-Бару. Их поддерживают легкий крейсер «Сендай» и 12 эсминцев; минные заградители Одзавы выставляют барьерное минное заграждение для прикрытия района высадки. Этот ход усиливают десять подводных лодок, развернутых в две линии. Ближнее прикрытие конвоя образуют четыре великолепных тяжелых крейсера класса «Могами» — так называемые главные силы Эскортного соединения.

Этим силам Том Филипс противопоставит вечером 8 декабря свое «Соединение Z»: «Рипалс», «Принс оф Уэлс», четыре эсминца сопровождения. В резерве у англичан останутся силы китайской военно-морской станции — три старых легких крейсера и одиннадцать эсминцев, в основном тоже старых.

Южнее, в Батавии, сосредоточено превосходное легкое крейсерское соединение голландского адмирала Хелфрича — «Де Рейтер», «Ява», «Тромп» при шести эсминцах. На данный момент Хелфрич действует изолированно: ни английское командование в Сингапуре, ни американское в Маниле не удосужились хотя бы ознакомить его со своими планами.

Еще южнее — за Малайско-Индонезийским барьером — отдыхают австралийский флот, новозеландский флот и силы «Свободной Франции» — тяжелый крейсер «Австралия», легкие крейсера «Перт», «Хобарт», «Линдер», «Ахиллес», «Морисиз», два эсминца.

Забавная оперативная ситуация складывается вокруг Гонконга. Англичане, не имея ни сил, ни особого желания защищать «колонию Британской короны», держат там канонерские лодки постройки едва ли не прошлого столетия, японцы, не настроенные атаковать город с моря, отправили в Гонконг старый крейсер («Исудзу») и два антикварных эсминца.

Наконец, днем 8 декабря покидают Хасиродзиму и смещаются к востоку линейные силы Объединенного флота, осуществляя таким образом не вполне очевидное обеспечение рейда Нагумо.

(6) Фотография: японские тяжелые крейсера

Историку императорского флота, будь он профессионал или любитель, трудно не влюбиться в японские тяжелые крейсера. В своем классе они, несомненно, были и самыми оригинальными, и самыми сильными, и самыми красивыми кораблями.

Силуэты этих кораблей: стремительные, низкие, удлинённые, с «интегральной» надстройкой, где в единую закрытую конструкцию были сведены фок-мачта, рубки и боевые посты, с изогнутой назад, к корме, овальной в плане передней дымовой трубой,

соединяющейся по верхней кромке со второй (прямой) трубой,— можно было увидеть в годы войны у Гавайских и Алеутских островов, в Южных морях, в Бенгальском заливе, вблизи Мидуэя, у австралийского побережья.

К японским тяжелым крейсерам более, чем к любым другим кораблям, когда-либо созданным человеком, подходит стереотипное выражение «скорость, отлитая в металле». Идеальная форма корпуса (удлинение составляло 11,22 на крейсерах серии «Фурутака», 11,27 — на типе «Аоба», 11,14 — у «Могами» и ее сестершипов; лишь на «Тоне» и «Тикуме», которые предназначались для целей дальней авиационной разведки, что подразумевало повышенные требования к характеристикам корабля как устойчивой платформы-носителя гидросамолетов, оно снижалось до 10,38) в сочетании с турбозубчатыми агрегатами мощностью от 130 до 150 тысяч л.с. обеспечивала легкое достижение контрактной скорости в 35—36 узлов. Надежность механизмов не оставляла желать лучшего, а вот дальность хода, хотя и огромная по сравнению с «европейскими» соотечественниками, оказалась в ходе войны все же недостаточной.

Спроектированные в соответствии с ограничениями Вашингтонского договора, японские тяжелые крейсера оснащались восьмидюймовой артиллерией главного калибра. Японские конструкторы сумели разместить на кораблях со стандартным водоизмещением в 10 000 тонн (которое, конечно, превышалось, но ненамного) по пять двухорудийных башен (серии «Миоко», «Такао», «Могами»), в то время, как английские крейсера типов «Эксетер» и «Лондон» несли лишь по три таких башни. «Американский стандарт» позволял иметь на крейсерах девять орудий главного калибра, но — в тройных башнях, что заметно повышало уязвимость.

Система управления огнем не включала в себя радар, в отличие от американских и английских кораблей. Тем не менее, практически всю войну, в любых условиях освещенности и на любых дистанциях, японские артиллеристы добивались большего процента попаданий, чем их противники.

Неплохой была и вспомогательная батарея из восьми 127-мм орудий: по этому показателю японские крейсера уступали только американским значительно более поздней (военной) постройки.

По торпедному вооружению японские тяжелые крейсера вообще не имели равных в мире. Японцы, вынужденные по условиям Вашингтонского и Лондонского договоров иметь меньший флот, нежели их вероятные противники, приложили немало ума и фантазии к тому, чтобы каждый их корабль не только был сильнее неприятельского «визави», но и обладал определенной «изюминкой», которая при тех или иных обстоятельствах могла внести решающий вклад в результат боевого столкновения. К таким «изюминкам» относились и японские «длинные мечи»: кислородные торпеды повышенной скорости и дальности, превосходившие по своим характеристикам все, что могли противопоставить им союзники. И в то время, как американцы полностью отказались на своих тяжелых крейсерах от торпедного вооружения, а англичане сократили его до минимума, японские крейсера несли до 16 труб (серии «Миоко» и «Такао») и широко использовали их в бою.

К «изюминкам» относилась и стандартизация веса снарядов. Японские артиллеристы при смене типов боеприпаса не должны были менять данные стрельбы. Это позволяло выиграть в скоротечном ночном бою несколько бесценных секунд: залп осветительными снарядами, и сразу же — огонь на поражение бронебойными и фугасными. Отдельная ставка, не оправдавшаяся в реальных условиях войны, делалась на «ныряющие» снаряды, которые были оптимизированы для поражения противоторпедной защиты корабля при близких недолетах: снаряд уходил под воду и, сохраняя за счет специальной формы наконечника прежнюю траекторию, пробивал борт ниже броневых поясов.

Японские тяжелые крейсера несли и широко использовали в своих операциях гидросамолеты-разведчики. «Тикума» и «Тоне», спроектированные как крейсера дальней разведки и предназначавшиеся для обеспечения действий авианосных соединений, имели всю свою артиллерию (четыре двухорудийных башни 203-мм калибра) сосредоточенной в

носовой части, кормовая же целиком отводилась под катапультные площадки для семи гидросамолетов.

Бронирование и особенно подводная противоторпедная защита выгодно выделялись даже на фоне традиционно «крепких» немецких проектов. Японские тяжелые крейсера выдерживали (при своем водоизмещении в 10 000 тонн) одно и даже два попадания современных им торпед. Иногда они оставались на плаву и после трех попаданий. «Кумано», получивший 25 ноября 1944 года пять торпед в один борт, не считая четырех авиабомб, боролся за жизнь долгих 45 минут. «Нати», прозванный союзниками непотопляемым, пошел ко дну только после 10 авиаторпед, 21 бомбы и 16 авиационных ракет.

За годы войны японские тяжелые крейсера прошли с боями не одну сотню тысяч миль, потопили артиллерией и торпедами шесть тяжелых и три легких крейсера противника, эскортный авианосец, восемь эсминцев и значительное количество торговых судов. Они продолжали сражаться и в 1945 году, когда англо-американский флот полностью господствовал на море и в воздухе, оставаясь последней и единственной надеждой для японских гарнизонов, блокированных на дальних островах.

(8) Южные моря: сражение

Стратегическая операция, являясь отрицанием тривиального «так есть» в пользу волюнтаристского «так будет», обречена преодолевать «вязкое трение» текущей Реальности. Трение это максимально на первом этапе, когда с точки зрения абстрактного «внешнего наблюдателя» не происходит еще ничего, что могло бы поставить данную Реальность под сомнение. «Соппротивление среды» проявляется по-разному: пресловутым превосходством обороны над наступлением, превышением действительных потерь над расчетными, человеческими ошибками или так называемым невезением. Любая операция в начальный период требует непрерывной подпитки дополнительными ресурсами: дивизиями и кораблями, иногда — финансами и почти всегда — чьей-то кровью.

Обычно на «затратной стадии» все и заканчивается. Очень редко события переходят некую почти невидимую «критическую точку», и операция вступает в «фазу нарастания, когда Реальности тасуются, подобно колоде карт».

В этой фазе исключения господствуют над правилами, «количество пешек какое-то время не имеет значения», и счастье улыбается (нередко фальшиво) желающим странного.

Сиамский залив: 8—10 декабря

1

День ушел на совещания. Приказов из Лондона не было, собственного мнения командующие в Сингапуре договорились не иметь, сославшись на незнание политических приоритетов Империи. Оперативная обстановка на границе Малайи и Таиланда до сих пор оставалась неясной.

Ночью город бомбили. Лавируя между полосами ливневого дождя, японские морские бомбардировщики вышли на цель и, ориентируясь по сияющим окнам ночных клубов и ресторанов, по освещенным иллюминаторам кораблей, по цепочкам огней вдоль взлетно-посадочных полос аэродромов, нанесли удар. Английские истребители не взлетели, чтобы не мешать зенитчикам, зенитчики же не стреляли, очевидно, чтобы не сорвать действия истребителей. Тревога объявлена не была, хотя служба наблюдения ВВС сработала профессионально — своевременно обнаружила противника и даже передала информацию в центр противовоздушной обороны города. Ночью там не удалось отыскать ни одного трезвого сотрудника. Погибло много людей; чисто военный эффект от этой скорее символической бомбардировки был, конечно, равен нулю.

Через полчаса после того, как японские самолеты отбомбились, в Сингапуре погасили

свет.

Утром Уайтхолл дал санкцию на операцию «Матадор». Однако время ушло: разведывательный самолет (кажется, снова австралийский) доложил о широкомасштабной высадке противника в районах Сингоры и Паттани. Это означало, что англичане проиграли важнейший темп: они уже не успевали развернуться против сингорской группировки раньше, нежели противник, действующий с плацдармов севернее Паттани, выйдет им на коммуникации.

Какое-то время в Сингапуре еще жила надежда провести в жизнь паллиативное решение: двинуть соединения на север, оседлать базовые магистрали Паттани — Джорджтаун и Сингора — Кота-Бару и этим, по крайней мере, затруднить противнику развитие успеха. Но с утра Персиваль отсутствовал в штабе: он счел более приоритетной задачей посетить заседание Законодательной ассамблеи Сингапура. Вернувшись от парламентариев, он поразмыслил немного и примерно полчаса спустя (было уже около полудня) отдал наконец приказ выступать. Получив его через какие-то промежуточные инстанции, Хите, командующий войсками в Северной Малайе, немедленно потребовал подтверждения непосредственно от Главкома. Пока налаживали связь с Сингапуром, пока генералы вводили друг друга в курс дела, пока приказ «доводили до исполнителей», пока «внизу» разбирались, что речь идет не о плане «Матадор», а о совершенно новой схеме развертывания... Короче, 8-я английская бригада вышла к тайландской границе в три часа дня, то есть спустя пятнадцать часов после начала десантирования дивизий Ямаситы. Тем не менее, предупредить тайландцев британские власти не успели, и на границе произошел вялый и неубедительный бой с местными таможенниками числом около трехсот человек. Их сопротивление бригада преодолела (в основном дипломатическими методами) к следующему утру.

Малайский полуостров

Позднейшие исследователи ищут (и находят) в этих обыденных военно-исторических анекдотах истоки грядущей катастрофы британской армии в Юго-Восточной Азии. В действительности же все войны начинаются одинаково бестолково, и никаких непоправимых ошибок пока еще сделано не было. К вечеру 8 декабря положение Ямаситы, соединения которого частью разгружались, частью маршировали под проливным дождем, частью спали прямо на голой земле под тем же дождем, также выглядело не блестящим.

Для англичан серьезной проблемой могли стать откровенно панические настроения, ни с того ни с сего овладевшие Сингапуром. Переход от легкой и комфортной колониальной службы к «настоящей войне с настоящими японцами», сражающимися фанатично и яростно, игнорирующими как «извечные законы стратегии», так и «неписанные правила военной этики», не говоря уже о всех и всяческих конвенциях, оказался, как выяснилось, страшным психологическим ударом и для элиты армии, и для гражданской администрации.

Это сразу поставило крест на операции против Палау. Город жил слухами и держался надеждой на могучие орудия «Принс оф Уэлс» и «Рипалса». Нельзя было уводить их на юго-восток, в то время как противник наступал на Сингапур с северо-запада.

Традиции флота Его Величества не позволяли оставить корабли в Сингапуре молчаливыми свидетелями японского господства в Южно-Китайском море: трудолюбиво сработанная сэром Уинстоном «концепция неопределенной угрозы» была пригодна только для целей самооправдания. Кроме того, сингапурская гавань едва ли была безопасным местом.

Еще из Манилы Филип отдал приказ завершить текущий ремонт линкоров и

подготовить их к рейду. Адмирал отдавал себе отчет, что неприятель, по всей видимости, значительно превосходит его в силах. Он не знал, сколько тяжелых кораблей входит в соединение Кондо, но обязан был учитывать самые чудовищные варианты — например, присутствие в Южных морях линейного флота Ямамото. Разведка как будто не подтверждала эти ужасы, но кто стал бы доверять ей сразу после Перл-Харбора?

Однако у Королевского флота был отличный опыт борьбы против численно превосходящего противника. Летом прошлого года казалось, что никакие силы не могут помешать итальянцам захватить господство на Средиземном море и завоевать Египет. Но в конечном счете войны выигрываются людьми — не числом дивизий, танков и самолетов, не тоннами водоизмещения линейных кораблей и авианосцев. Теперь итальянские корабли отстаиваются в базах — за исключением тех, что лежат на дне. Филипс вспомнил эпический приказ Каннингхэма: «Эсминцам возвратиться в Александрию для дозаправки. По пути потопите тяжелый крейсер противника».

...В вечерних сумерках 8 декабря линейные корабли Т.Филипса в сопровождении эсминцев «Электра», «Вампир», «Тенедос», «Экспресс» покинули Сингапур и направились к Сингоре.

2

Днем следующего дня Одзава все еще полагал, что «Принс оф Уэлс» и «Рипалс» находятся в Сингапуре. Трудно сказать, какие именно транспорты или плавучие доки молодой армейский пилот принял за эти линкоры. Во всяком случае, японские силы прикрытия отошли к северу. Одзава соединился с тяжелыми крейсерами Куриты и направился в бухту Камранг, где он предполагал дозаправиться перед следующей фазой наступления в Южных морях.

Авиация контр-адмирала Мацунаги готовилась для удара по кораблям в гавани — самолеты оснащались бомбами.

Низкая облачность скрывала корабли Филипса, лишь около двух часов дня японская подводная лодка обнаружила их в ста милях к северу от островов Анамбасу. Половина пути к Сингоре была уже пройдена англичанами.

Пропустив линейные корабли, старая лодка всплыла, и следующие два часа неопытные радисты (в японском флоте традиционно оснащали хорошими специалистами только корабли первой линии, «1-65» к ним не относилась) потратили на попытки связаться с командованием. В 15:45 им это удалось.

Одзава сразу же повернул на юг, рассчитывая перехватить противника ночью, атаковать торпедами с пяти своих тяжелых крейсеров и утром добить. Предварительные повреждения линкорам Филипса должны были нанести самолеты Мацунаги, но им требовалось сперва заменить бомбы торпедами.

Этот план можно критиковать за азартность, граничащую с отчаянием: английские корабли превосходили соединение Одзавы по калибру главной артиллерии и толщине бронирования, кроме того, радиолокатор давал Филипсу преимущество в ночном бою, и Одзава об этом знал.

В 16:45 с легких крейсеров и в 17:15 с тяжелых крейсеров Одзава выслал разведывательные гидросамолеты. В 19:00 взлетели торпедоносцы Мацунаги.

Погодные условия были ниже всякого минимума. Над океаном располагался сплошной многослойный ковер туч, торпедоносцы ушли вниз и в вечерних сумерках пытались найти противника (о местонахождении которого они имели самые приблизительные представления), держась на высоте не более трехсот метров. В этих условиях увидеть корабли можно было, только пройдя прямо над ними.

К этому времени у японцев начали множиться мелкие трудности и недоразумения. «Текай» Одзавы и крейсера Куриты потеряли визуальный контакт и поддерживали связь по радиотелефону, легкие крейсера «Кину» и «Юра» где-то отстали, и их местонахождение

оставалось неизвестным. Гидросамолеты-разведчики обнаружили английские корабли, но не смогли точно определить их курс, в результате японские командующие имели в 18:45 вечера лишь приблизительный абрис обстановки, Филипс же, лишенный воздушного прикрытия, вообще ничего не знал о противнике.

Кондо стал склоняться к тому, что из ночного боя силами нескольких разбросанных по морю соединений может получиться полный хаос со стрельбой преимущественно по своим, и отдал приказ отойти, имея в виду атаковать противника с утра, предварительно собрав флот. Несколько позднее Одзава пришел к тому же выводу и снизил скорость, предполагая, что до противника около 50 миль. В действительности в 19:30 «Текай» и «Принс оф Уэлс» разделяло едва ли 18 миль, и продержись Филипс на прежнем курсе еще минут пятнадцать, дело обернулось бы ночным боем в конфигурации, категорически невыгодной для японцев.

Через полчаса, в 20:00, торпедоносцы Мацунаги обнаружили тяжелый корабль и осветили его ракетами.

Это был флагман вице-адмирала Одзавы!

Далее произошло то, что считалось бы невозможным в любой штабной игре: Одзава через штаб Мацунаги сумел в реальном времени связаться непосредственно с пилотом самолета: «Корабль под вашей ракетой — “Текай”».

В 20:30 самолеты ушли на север, Одзава же повернул на юг, к ночи наконец состыковав все отряды. Летчики же оказались в сложном положении: в Сайгоне больше не было торпед. Выработав горючее и дождавшись восхода луны, пилоты Мацунаги решились на отчаянный трюк и посадили свои самолеты, не сбросив торпеды в море,— операция, запрещенная всеми руководствами по полетам.

Ночью Одзава потерял от навигационных аварий три гидросамолета и утратил контакт с соединением Филипса. В 2 часа 30 минут, когда «1-58» вновь обнаружила британские корабли, они были уже в двухстах милях к югу.

3

Первоначально Филипс предполагал отослать эсминцы и на рассвете 10 декабря нанести удар по Сингоре двумя кораблями. Но к вечеру он попал под пристальное наблюдение гидросамолетов противника. Обещанного (вернее, не обещанного) воздушного прикрытия RAF так и не выделил, и Филипс испытывал нарастающее беспокойство. Были основания считать, что тяжелые неприятельские корабли собираются отрезать его эскадру от Сингапура. Из-за плотных низких туч постоянно доносился отдаленный гул моторов вражеских бомбардировщиков.

Считая, что внезапность утрачена, Филипс отвернул на юг. В полночь, когда половина обратного пути к Сингапуру была пройдена, штаб командующего сообщил адмиралу о высадке японского десанта в Куантане, ключевой позиции в двухстах километрах к югу от Кота-Бару. Высадка здесь означала немедленную катастрофу для британских сухопутных сил в Северной Малайе.

«Соединению Z» оставалось восемь часов хода на юг до Сингапура и примерно столько же — на запад до Куантана. Рассчитывая на этот раз наверняка «поймать» противника, Филипс повернул на запад. Он хранил радиомолчание: в штабе RAF, наконец выделившем ему целую эскадрилью истребителей, ничего не знали о новом курсе эскадры. Между тем было время перебазировать самолеты на аэродром Куантана и, по крайней мере, выяснить, что ни о какой высадке там не было и речи: японцы организовали диверсию силами нескольких катеров и сразу же ушли.

Утром изменилась погода, облачность поднялась вверх, в разрывах облаков появилось солнце. «Соединение Z» находилось в 40 милях от берега и значительно южнее крейсеров Одзавы и линейных крейсеров Конды. Но в воздухе уже были 85 японских самолетов (в том числе пятьдесят один торпедоносец). Наступил момент для проверки

расчета адмирала Ямамото, в последнюю минуту усилившего авиацию флота в Индокитае.

4

Филипс принял бой в строю кильватера. Послевоенные исследователи выразят по этому поводу недоумение: не лучше ли было окружить линкоры кольцом из эскадренных миноносцев? Но «Тенедос», на котором кончилось горючее, ушел в Сингапур, а расставлять три эсминца в круговой ордер было делом по крайней мере бесполезным.

Филипс все еще рассчитывал, что в Индокитае у врага только горизонтальные бомбардировщики, неопасные для его кораблей. Так оно и было до первых чисел декабря...

Самолеты прошли «точку поворота», после которой им было приказано возвращаться в Сайгон, и подходили уже к «точке невозвращения», чреватой вынужденной посадкой в джунглях Индокитая, когда были обнаружены английские линкоры. После нескольких минут путаницы торпедоносцы и «левелы» получили «место» противника.

Обе стороны действовали без истребительного прикрытия. Лишь с началом атаки Филипс затребовал истребители из Сингапура. Расстояние до города было менее 100 миль, но в реальном времени ничего сделать не удалось, радиограмма пошла по инстанциям, и помощь, конечно, запоздала.

Какое-то время японцы разбирались, не атакуют ли они вновь свои корабли — линкоры «Конго» и «Харуна». Но как только освещение улучшилось, «Принс оф Уэлс» немедленно был опознан — этот странный корабль с разными — четырех- и двухорудийными башнями — не был похож ни на кого «из наших».

Бомбардировщики отвлекали внимание английских зенитчиков, а торпедоносцы построили характерную «звезду», атакуя линкоры со всех направлений.

«Рипалс», старый, но хорошо спроектированный корабль, сумел уклониться от первой атаки. Но «Принс» сразу же получил три торпеды. Два попадания были не особенно серьезными, но третья торпеда разрушила рули линкора. Машинное отделение немедленно начало наполняться водой. К несчастью, линкоры серии «Кинг Джордж V» имели особые герметичные турбины, которые могли работать в полностью затопленном помещении, и команда, покинув отсек, оставила турбину работающей, ее было уже не остановить... Покореженный гребной вал, вращаясь, раздирал в клочья обшивку на корме. Линкор потерял управление.

В следующей атаке пришла очередь «Рипалса»: линейный крейсер получил одновременно четыре торпеды. Его корпус не был рассчитан на такие повреждения, и корабль стал быстро погружаться. Командир корабля, Теннант, спас много жизней: отказавшись от бесполезной уже борьбы за живучесть, он вызвал людей на верхнюю палубу.

«Принс оф Уэлс» «мучился» еще пятьдесят минут.

Японские самолеты не бомбили эсминцы, просигналив им: «Мы свое дело сделали, делайте и вы свое». Эсминцы подобрали людей — удалось спасти более двух тысяч человек, но адмирала Тома Филипса, последнего паладина Британской империи на Дальнем Востоке, среди них не было.

...«Рипалс» и «Принс оф Уэлс» уже скрылись под водой, когда к месту боя подошли прибывшие наконец из Сингапура английские истребители...

Вечером 10 декабря три человека — Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт и Исуроку Ямамото — почти одновременно узнают о гибели «Соединения Z» и спишут Сингапур и Британскую Малайю с арены своих политических расчетов. Несколькими днями позже султан Перака обратится к английскому губернатору с официальной нотой. Он уведомит сэра Роберта, что Перак «отныне не признает британского протектората, ибо англичане нарушили важнейший пункт соглашения между султанатом и империей — обязанность защищать Перак от врагов».

Несостоявшееся решение: остров Уэйк

Если в целом сражение в Южных морях было построено на взятой Ямамото из игры го идее косвенной блокады, то частная операция против Уэйка была навеяна наверняка шахматными мотивами. Речь шла о королевском гамбите, разыгранном, правда, не в романтическом стиле великих мастеров прошлого, а в современной позиционной манере.

К востоку от Марианских островов лежит пустынная центральная часть Тихого океана, контролируемая флотом и авиацией США из Перл-Харбора. Гуам считается восточным форпостом Филиппин. Расположенный на полпути между ним и Оаху, Уэйк можно рассматривать как западный бастион Гавайского архипелага.

В двадцатые годы компания «Пан Америкэн» построила на Уэйке отличный аэродром. В мирное время он использовался для дозаправки пассажирских клиперов, работающих на тихоокеанских линиях. В случае же войны американцы, опираясь на этот аэродром, могли организовать воздушное наступление против принадлежащих японцам Маршалловых островов. Значение Уэйка как перевалочного пункта в линии снабжения Филиппин также нельзя было недооценивать. Наконец, воздушные разведчики, действующие с атолла, перекрывали операционную линию, ведущую с запада к Гавайским островам.

Захват острова был желателен и в интересах Филиппинской операции, и в рамках «большой стратегии», однако выделить для этой операции крупные силы Ямамото не мог. Проблема заключалась даже не в нехватке кораблей: Уэйк был косвенно защищен всем Тихоокеанским флотом США, а на этой стадии войны адмирал не считал возможным оспаривать господство противника в центральной части Тихого океана.

«Соединение вторжения Уэйк» включало преимущественно те корабли, которых было совсем не жалко. Ямамото, впрочем, считал, что если удар по Перл-Харбору будет сколько-нибудь удачным и американский флот окажется скованным в гавайских водах, то силы, выделенные контр-адмиралу Кадзиока, смогут самостоятельно подавить по крайней мере непосредственную оборону атолла, предположительно слабую.

Ранним утром 11 декабря «Юбари», «Тацута», «Терню» и несколько эсминцев (часть их была переоборудована в быстроходные транспорты) в кильватерном строю подошли к Уэйку и обстреляли нефтехранилище и район резиденций. Американские батареи не отвечали до тех пор, пока японские корабли не оказались на дальности прямого выстрела. Затем последовал шквал огня. Один из эсминцев-транспортов с войсками на борту загорелся, потерял управление и был отнесен к острову. Кадзиока немедленно начал отход, но еще один его транспорт получил тяжелое попадание, миноносцы попытались его прикрыть, для чего атаковали неприятельскую батарею — маневр, безусловно, запрещенный хорошей военно-морской практикой. Нежелание соблюдать правила обошлось дорого: «Хаятэ» затонул со всеми людьми. Появились американские истребители «уайлдкэт» (числом четыре) и атаковали соединение Кадзиока. «Тацута» получил повреждения от пулеметного огня, эсминцу же «Кисараги» совсем не повезло: попадание с «уайлдкэта» привело к детонации глубинных бомб и мгновенной гибели корабля.

На этом Кадзиока решил остановиться. Неудачная попытка обошлась ему в триста сорок погибших и шестьдесят пять раненых. Американцы же потеряли одного морского пехотинца.

Соединение вторжения вернулось на острова Руотта для ремонта и перегруппировки.

Военная наука учит, что нельзя возобновлять неудачное наступление, сохраняя прежнюю операционную структуру. Простое усиление ударной группировки ничего не даст, так как противник пропорционально нарастит свою оборону. Начинается тривиальная эскалация, в которой наступающий проигрывает — во-первых, потому что оборона представляет собой более экономный вид боевых действий, и, во-вторых, ввиду «теоремы о статической устойчивости позиции», частным, хорошо известным примером которой является пресловутое «трение» Клаузевица. Тем не менее Ямамото решил немного поиграть

и проверить выводы теории.

Своей воображаемой аудитории адмирал сообщил бы, безупречно ораторствуя, а в душе ухмыляясь, что всякие позиции можно преобразовать в выигрышные: нужно лишь действовать безупречно и начинать отсчет нового нападения от точки «ноль», а не от анализа предыдущих обстоятельств, если только в этих обстоятельствах противник оставил тебе лазейку выжить. Это пришло из игр. Некое неистовство овладевало Исуроку, когда он знакомился с новой азартной игрой, немедленно вступал в нее и почти сразу становился ее частью; казалось, ничто не может остановить его рвущуюся наружу неоформленную, но уже овладевшую им мысль. Он втягивался в игру, как в решающий поединок, насмерть, и, если бы европейцы могли читать на японских лицах, а американцы — в японских душах, то те и другие прочли бы воинствующее торжество: я рискну и выиграю — это моя игра в Жизнь.

Что-то изменилось в нем. Адмирал поймал себя на том, что анализ предыдущих событий носил для него в этой войне характер привычного умозаполнения, но не оказывал на движение к новой цели никакого влияния. Это выводило из себя осторожного Кондо и прочих сторонников «клики умеренных»; полководцев, опирающихся на опыт прежних лет, вместо того, чтобы окунуться и плыть в потоке событий настоящего.

Сейчас он рисковал.

По округе были собраны освободившиеся корабли — два эсминца, эсминец-транспорт, минзаг, гидроавиатранспорт, переоборудованный для перевозки войск, и last, but not least, четыре довольно старых, но все-таки тяжелых крейсера, ранее оперировавшие в районе Марианского барьера. Будь атака первой, этих сил хватило бы с избытком, однако теперь внезапность была утеряна.

Ямамото послал против Уэйка именно то соединение, которое противник должен был ждать. Адмирал надеялся, что американцы не откажут себе в удовольствии развить единственный свой успех — благо сделать это ничто не мешало. «Второе соединение Уэйк» выглядело «добычей» одновременно и достаточно ценной, и вполне безопасной. Для авианосной группы, разумеется.

И 16 декабря авианосцы «Хирю» и «Сорю» вместе с крейсерами дальней разведки «Тоне» и «Тикума» получили приказ отделиться от возвращающегося домой соединения Нагумо. Ранним утром 21 декабря дивизия Ямагути развернулась против ветра и начала подъем самолетов, находясь в 200 милях к северо-северо-западу от Уэйка.

...Будут много писать об опасности, которой Ямамото без всякой надобности подверг свои лучшие корабли. В действительности опасность угрожала только Хэлси и Флетчеру, которых японский Главнокомандующий провоцировал вступить бой в тактически неблагоприятной ситуации.

Расчет строился на том, что после Перл-Харбора американское командование пребывает в некоем психологическом шоке. Ямамото знал, что противник «потерял» соединение Нагумо. Было естественным предположить, что оно ушло на запад и оставило центральный район Тихого океана. В этом случае японская операция против Уэйка опровергалась рейдом авианосного соединения. Понимая стратегическое значение острова, американцы должны были рискнуть и взять «гамбитную пешку» Кадзиока. На это ушел бы важнейший темп: выпустив самолеты для удара по крейсерам и транспортам «Второго соединения Уэйк», американские авианосцы открылись бы для контрудара сосредоточенной на их фланге дивизии Ямагути. Лучшему тактику «флота Гэнды» предоставлялась прекрасная возможность закончить начатое в Перл-Харборе.

Соотношение сил — два авианосца против двух или трех более крупных — не имело при таком «раскладе» никакого значения. Прежде всего, «зеро» и их пилоты демонстрировали явное превосходство над истребительной авиацией противника. И главное, обнаружив японскую палубную авиацию, американцы должны были, обязаны были прийти к выводу, что к северу от них сосредоточено все соединение Нагумо. А это означало, что Хэлси придется форсированно уходить на юго-восток, бросив Уэйк и подбитые корабли!

Ямамото очень хотелось закончить Перл-Харборский рейд этой изящной оперативной шуткой в стиле Одзавы.

Кадзиока не стал рисковать. На этот раз он ночью очень тихо подошел к острову и, не открывая огня, направил к берегу десантные баржи. Десантники высадились, загорелся короткий и бестолковый бой, сопровождающийся потерями с обеих сторон. А когда рассвело, американцы ознакомились с оперативной ситуацией и с чистой совестью капитулировали. Они и в самом деле сделали все, что могли. Даже японцы и даже после войны признали, что пилоты «уайлдкэтов» были поистине отважными людьми! Эти четыре самолета повредили крейсер, потопили эсминец, сорвали высадку десанта, сражались с сотней палубных самолетов Ямагути и успели сбить два из них, прежде чем сами были уничтожены японскими истребителями.

...А Флетчер действительно шел к Уэйку. «Лексингтон» и «Саратога» просто опоздали к намеченному Ямамото сражению и после того, как Кадзиока захватил Уэйк, были отозваны домой.

Филиппинский архипелаг

Операция против Манилы резко отличалась по своему рисунку от Малайской. «Сражение за Сингапур» было *сюжетным*: оно изобиловало кризисами, сопровождалось резкими и неожиданными изменениями обстановки. Огромную, если не решающую, роль играли *случайности* — «окна» в облачности, особенности прохождения радиоволн, стохастические изменения курсов /скоростей кораблей и соединений. Субъективные факторы — прежде всего уровень и *стиль* руководства войсками — довели над объективным соотношением ресурсов и расстояний.

Дивизии Ямаситы наступали по преимуществу сосредоточено. Двадцать пятая армия широко использовала для передвижений коммуникации, контролируемые противником. Опережая английские войска в темпе маневра, она наносила глубокие рассекающие удары, действуя в стиле, характерном, пожалуй, для немецкого бронетанкового блицкрига...

На Филиппинах сражения не получилось. Лишившись в первый же день войны преобладания в воздухе, американское командование потеряло нить операции.

Замысел Цукахары сводился к чеканной уставной формуле: «Наступление в современной войне — это перенесение линии действия авиации вперед».⁶³ Действия «ударных», «сюрпризных» и «конвойных» крейсерских соединений, большие и малые десанты, воздушные атаки и блокадные операции были подчинены данной основополагающей схеме.

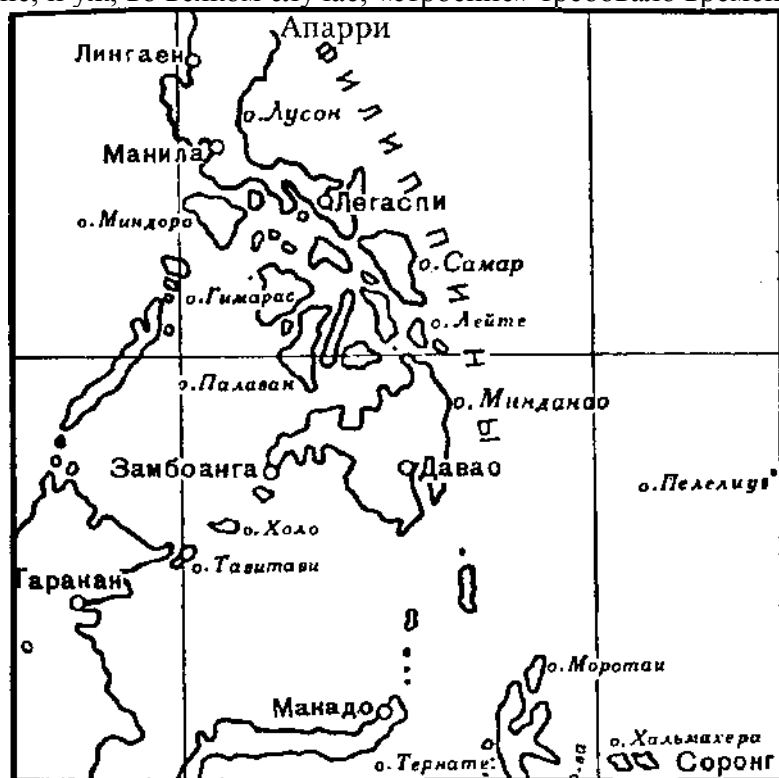
Японцы предполагали позиционную борьбу в воздухе. Для того, чтобы решить ее исход в свою пользу, они намеривались создать на севере архипелага цепь аэродромов обеспечения. Так, остров Кумгаин захватывался исключительно ради того, чтобы *один день* использовать его как базу гидросамолетов для прикрытия высадки в Апарри. Для той же цели нужен был и Батан, на котором предполагалась быстро построить взлетно-посадочную полосу.

Но и Апарри интересовало японское командование только с точки зрения воздушного обеспечения десанта в Вигане. Базируясь на Виган, японская авиация контролировала и залив Лингаен, где намечалась высадка основных сил 14-й армии генерала Хоммы, и небо над Манилой. Главный удар с севера поддерживался операцией с юга: обеспечив за собой ВПП на острове Холо, японцы захватывали базу в Давао, переводили туда флот и авиацию и под их прикрытием высаживались в Легаспи и чуть позднее — в бухте Ламой. Манила полностью изолировалась от окружающего мира, а соединения, ее защищающие, попадали в тройные клещи, что, по мысли Хоммы, должно было нарушить целостность обороны. Весь

---

⁶³Перифраз немецкого полевого Устава 1914 года: наступление есть перенесение линии действия артиллерии вперед.

этот картонный домик прикидывали, конечно, без учета «трения», неизбежного и досадного на войне, и уж, во всяком случае, «строение» требовало времени.

Филиппины, Соронг

В действительности американская авиация на Филиппинах перестала существовать как организованная боевая сила в первый же день операции, а к концу четвертого дня исчезла совсем. Воздух убедительно контролировался «зеро» с Тайваня, и глубокомысленное многоступенчатое наращивание числа взлетно-посадочных полос на архипелаге в значительной степени утратило для японцев свой смысл.

Трудно оценить, какими оперативными соображениями руководствовалось американское командование. Надводные корабли бездействовали, а самую крупную боевую единицу — тяжелый крейсер «Хьюстон» — сразу же эвакуировали на Борнео. (Субмарины, правда, выходили в море, но за всю кампанию они провели только две атаки, причем первая оказалась безуспешной: из трех выпущенных торпед в цель попала лишь одна и та не взорвалась, — а жертвой второй стал маленький и пустой транспорт.) Сухопутные войска перемешались в районе Манилы. В хлопотах о наведении порядка в частях и соединениях Мак-Артур забыл о необходимости контролировать побережье Лусона, в результате ни один из потенциальных районов десантирования не был прикрыт даже символическими силами. Авиация совершила несколько боевых вылетов и дважды сообщила о потоплении линкора «Харуна», в действительности обитавшего в эти дни по другую сторону Южно-Китайского моря.

Южные Филиппины и в том числе важнейшая база Давао, источник постоянного напряжения для японских планирующих инстанций, штаб Мак-Артура решил отдать противнику без боя. Хомма и Цукахара были, кажется, смущены отсутствием решительного сопротивления. Во всяком случае, первые высадки были несколько беспорядочны. В Апарри сразу же выяснилось, что десантные плавсредства не отвечают своему назначению и опрокидываются при самом незначительном волнении. Пока подбирали людей, пока искали пляж, со всех сторон защищенный от ветра, появились американские самолеты. Потеряв тральщик, адмирал Хара отошел к северу, бросив войска на необорудованном берегу. Припасы выгрузить не успели: ящики покидали в море в надежде, что волны прибьют их к берегу.

Оставшись на вражеском берегу одни, десантники приняли решение расширить свою

боевую задачу и вместо того, чтобы закрепляться на плацдарме, развернули наступление на юг. Никто им не мешал.

В порядке компенсации штаб Мак-Артура придумал блистательную победу на южном побережье бухты Лингаен. Сообщалось о тяжелых боях, о разгроме десанта противника, о ста пятидесяти четырех потопленных (очевидно, береговой батареей) японских кораблях... По сей день эта байка кочует из одного официального западного издания в другое, хотя американские военные журналисты на Филиппинах сразу же охарактеризовали заявление своего командующего как бессмысленную и бестолковую попытку дезинформации.

На самом деле в бухте Лингаен появился только один японский катер, который зафиксировал местоположение неприятельских орудий, нащупал границу обороняемого сектора и благополучно «уплыл».

Американский штаб настолько уверовал в собственную выдумку, что южная сторона Лингаена стала в последующие дни рассматриваться им как единственный пригодный для высадки участок. Хомма же, получив кроки от командира катера, спокойно высадился севернее, где не было ни войск, ни береговых укреплений. На сей раз все прошло на удивление гладко: потеряв несколько человек утонувшими и с десятков ранеными, японцы уже к вечеру имели на берегу всю 14-ю армию, в том числе артиллерию и танки. В этот день (22 декабря) Филиппинская операция вступила в «фазу нарастания».

Мак-Артур затребовал в Вашингтоне авианосцы. Все три. Лучший способ погубить эти корабли было бы трудно придумать. Японская базовая авиация безраздельно господствовала в воздухе над архипелагом. К концу декабря высвободились для возможного удара по американским кораблям не только пикирующие бомбардировщики Цукахары, но и торпедоносцы малайского соединения Мацунаги. В филиппинских водах оперировали «Рюдзе» и «Дзуйхо». Четыре, а при необходимости и шесть авианосцев Нагумо были готовы перекрыть американской эскадре пути отхода.

Мак-Артур представлял себе общую обстановку довольно смутно, но не настолько, чтобы питать иллюзии относительно помощи со стороны покалеченного Тихоокеанского флота. Командующий попросту подготавливал себе алиби.

На следующий день авангард Хоммы, демонстративно наступающий по главной дороге на Манилу, натолкнулся на филиппинскую дивизию, которая разбежалась, бросив артиллерию. Фронт был прорван, и немедленно Мак-Артур заявил, что у него нет войск, чтобы оборонять столицу архипелага. Был принят «резервный план», в соответствии с которым армия обрекалась на гибель, для чего сначала требовалось запереть ее на узком и длинном полуострове Батаан; штаб переводился на остров-крепость Коррехидор, пронизанный тоннелями. На всякий случай японцев, проживающих в Маниле, бросили в концлагерь.

Легко представить себе, какой хаос творился в эти дни на дорогах, ведущих к Батаану. За считанные дни нужно было протолкнуть через «бутылочное горлышко» несколько американских и филиппинских дивизий (войсковые соединения отходили с севера, юга и востока Лусона, маршруты следования перекрещивались), тысячами шли беженцы, спешно вывозились ценности, документы, эвакуировались правительственные чиновники, включая президента Филиппин. Наверное, даже германский Генеральный штаб эпохи Шлиффена не сумел бы организовать *такую* эвакуацию.

К Новому году 14-я армия стояла у ворот Манилы. Благополучно решив стратегическую задачу, Хомма предоставил войскам дневку, чтобы его солдаты могли войти в столицу Филиппин при полном параде. Этот «парад» состоялся 2 января, на десятый день после высадки главных сил и на двадцать шестой — с начала войны.

Как обычно, когда трагедия кончилась, начался фарс. Для штурма Батаана Хомма выделил одну бригаду, состоящую из ограниченно годных к строевой службе солдат. Бригаде предстояло преодолеть сопротивление 15 тысяч американцев и 65 тысяч

филиппинцев, закрепившихся на совершенно неприступной местности. Шестнадцатого января была прорвана первая линия обороны, причем войска Мак-Артура бежали, бросив боевую технику. После этой победы в осаждающей армии осталось около трех батальонов, поэтому наступление Хоммы приостановилось.

В феврале президент Филиппин Кесон через Мак-Артура обратился к Рузвельту с просьбой немедленно предоставить стране независимость. (После этого правительство, контролирующее от силы 1% территории республики, объявило бы о нейтралитете Филиппин в японо-американской войне и потребовало бы немедленного вывода со своей земли как американских, так и японских войск. Трудно представить, как реагировал бы на такое заявление Хомма... Впрочем, Рузвельт, конечно, отказал.)

Десятого марта Мак-Артур вылетел в Австралию, после чего направил своим войскам следующую телеграмму: «Президент Соединенных Штатов приказал мне прорваться сквозь японские линии обороны и проследовать из Коррехидора в Австралию с целью, как я понимаю, организации американского наступления против Японии. Первейшей задачей его будет освобождение Филиппин. Я прорвался, и я вернусь».

Уэйнрайт, новый командующий обороной Батаана, немедленно заявил, что если до пятнадцатого числа он не получит подкреплений (которые неоткуда было взять и невозможно доставить), то вынужден будет капитулировать. Мак-Артур возмутился в Австралии: «С моим отъездом требования к дисциплине и стойкости были ослаблены». Второго апреля генерал Кинг сдал противнику 78 тысяч солдат, и японцы приступили к штурму Коррехидора.

Для этой операции Хомма сумел выделить только две тысячи человек, которые при поддержке тяжелых орудий переправились на понтонах на остров. Высадка прошла из рук вон плохо, половину лодок перетопила американская артиллерия, и на берегу оказались около шестисот солдат. Ворваться в казематы им, разумеется, не удалось, отступить было некуда, а вернуться назад, на Батаан, они не могли из-за отсутствия неповрежденных плавсредств. В середине дня до Коррехидора добрался понтон с несколькими танками, совершенно бесполезными против тоннелей и казематов. А через несколько минут десантники с изумлением услышали по рации, что американский гарнизон капитулирует перед ними.

Уэйнрайта доставили на Батаан. Взглянув на него, Хомма сразу понял, что от этого человека можно сейчас добиться всего. Он накричал на Уэйнрайта и отправил его обратно в подземные тоннели.

На следующий день генерал согласился на все. Он даже выступил по манильскому радио и потребовал капитуляции от американских войск на Минданао и других южных островах, включая те, на которые японцы еще не высадились и высаживаться в ближайшее время не собирались. Никакого права приказывать что-либо данным частям Уэйнрайт не имел, но Хомму это не волновало.

...Много позднее, уже после войны, Уэйнрайт получит медаль Конгресса за героическую оборону Коррехидора. Мак-Артур и поныне почитается официальной историографией как один из великих героев войны. Среди прочего он прославился организацией Манильского процесса над военными преступниками, названного американским историком Дж.Мартинем «наихудшим извращением правосудия». Там он добьется смертной казни для Ямаситы и Хоммы.

Окружение Явы

Малайской и Филиппинской операциями. Уже в 5:30 утра 13 декабря конвой с войсками для завоевания нефтеносных районов Борнео вышел из бухты Камранг. Вновь японцы продемонстрировали блистательную, почти фехтовальную «технику» использования корабельных соединений: хотя силы, выделенные для атаки Мири и Серии, включали только три эсминца в сопровождении малого противолодочного корабля (на самом деле — тоже эсминца, но безнадежно устаревшего), на всем маршруте было организовано «косвенное прикрытие» — появлялись и исчезали легкий крейсер «Юра», гидроавиатранспорт «Камикава-мару», исполняющий обязанности авианосца, «специальные» суперэсминцы «Фубуки» и «Сагири»⁶⁴, тяжелые крейсера «Кумано» и «Судзюя» из отряда Куриты.

Высадка произошла 16 декабря, и сопротивления она не встретила. Британское Борнео, оперативный центр Южных морей, точку пересечения оперативных силовых линий великих держав, оспаривающих друг у друга господство над Тихим океаном, японцы захватили без боя. Однако нефтеперерабатывающий завод и все оборудование промыслов оказалось уничтоженным. Английский губернатор отдал соответствующий приказ 8 декабря — задолго до выхода в море десантных транспортов и даже до разрешения в пользу Ямаситы и Кондо оперативного кризиса в Малайе!

Продиктованное паникой решение оказалось единственным удачным «ходом» англичан за всю кампанию.

После захвата Брунея (17 декабря) ситуация на какое-то время «подвисла». Второй флот Кондо, оперативно скованный в Сиамском заливе и на Филиппинах, не был готов поддержать преждевременную, вызванную к жизни лишь неожиданно быстрым крушением британской обороны в Малайе, набеговую операцию на западное побережье Борнео. Эсминцы и транспорты «Соединения вторжения Мири», оставшиеся в одиночестве, медленно перемещались к югу, периодически отстаиваясь в бухтах и бухточках и столь же периодически подвергаясь слабым воздушным атакам противника.

Первой потерей японцев в Индонезийской кампании стал ЭМ «Синономэ», взорвавшийся ранним утром 17 декабря и записанный на счет голландской базовой авиации. Двадцать четвертого числа, когда «Соединение вторжения» захватило Кучинг, голландская подводная лодка К-ХVI пустила на дно ЭМ «Сагири» и войсковой транспорт. На том наступила пауза.

2

Конец декабря был занят административными мероприятиями. Прежде всего Кондо разделил *пространство операции* по сто десятому меридиану: к западу от этой условной линии должны были действовать корабли Южного Экспедиционного флота Джисабуро Одзавы, к востоку — Третий флот Ибо Такахаси.

Одзава базировался на Камранг. Главной его задачей оставалось содействие войскам Ямаситы, сражающимся за Сингапур. Лишь по мере свертыwania потребностей Малайской операции Южное соединение высвобождалось для нового наступления.

Такахаси силами Центрального и Восточного соединений наносил главный удар, имея целью обойти Яву с востока и востока-юго-востока и тем самым прервать связи голландской Ост-Индии с Гавайскими островами и Австралией. Чтобы ускорить эту операцию, линию развертывания Третьего флота следовало насколько возможно отнести к югу, для чего как нельзя лучше подходила бывшая американская база Давао на юге Филиппин.

Двадцатого декабря японцы высадились в Давао, 25 числа две дюжины «зеро» авиакорпуса Тайнань прибыли на остров Холо, пролетев без посадки 1200 морских миль и

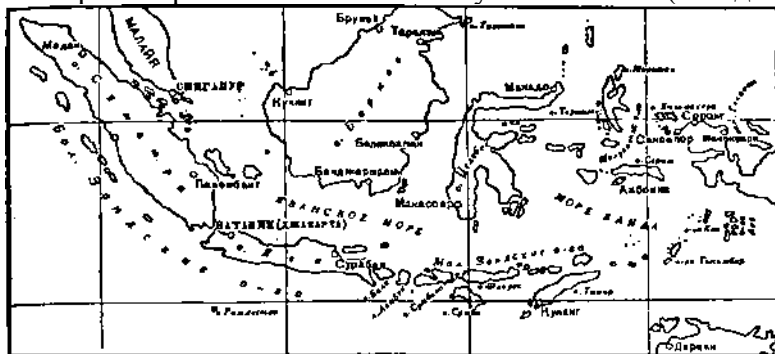
⁶⁴Вскоре после ратификации Вашингтонских соглашений в Японии началась разработка проекта эскадренного миноносца принципиально нового типа. Впервые в мировой практике артиллерийское вооружение корабля предполагалось разместить в башенных установках с противоосколочным бронированием.

поставив мировой рекорд дальности для одноместных истребителей.

В эти же дни состоялась межсоюзническая конференция в Вашингтоне, на которой театр военных действий был поделен на южную (ANZAK) и северную (ABDA) зоны. Индонезия вошла в зону ответственности ABDA. Общее руководство войсками союзников было поручено Уэйвеллу, который «по совместительству» отвечал также и за оборону Малайи (выступая в качестве прямого начальника сэра Персиваля). Озабоченный более всего ситуацией в Сингапуре, Уэйвелл быстро перепоручил ABDA Хэлфричу, мотивируя это тем, что, в конце концов, речь идет о голландской территории. Одновременно голландские военно-воздушные силы были разделены на две части: самолеты наземного базирования вошли в оперативное подчинение RAF, в то время, как морская авиация оказалась переданной в распоряжение штаба флота ABDA, который, согласно указаниям Уэйвелла, номинальному главнокомандующему ABDA Хэлфричу не подчинялся!

То есть, если бы командующему крейсерским соединением Доорману потребовались самолеты, он должен был запросить штаб Хэлфрича в Батавии. Тот в свою очередь обращался в штаб флота ABDA в Лембанге. Далее через штаб RAF в Сингапуре запрос Доормана доводился до непосредственных исполнителей.

К Новому году Такахаси уже рассматривал остров Минданао как свою тыловую базу. По мере того, как войска Хоммы продвигались к Маниле, все больше эскортных кораблей и войсковых транспортов скапливалось в бухте Малалаг (западная часть залива Давао).

Суматра, Ява, Целебес, Борнео

Четвертого января американские В-17 «поймали» японцев на несобранности.

Горизонтальное бомбометание по стоящим на якоре судам экипажи 19-й бомбардировочной группы майора Комбса провели образцово: тяжелый крейсер «Миоко» получил прямое попадание и, имея 35 убитых и 29 раненых, ушел ремонтироваться в Сасебо.

Ямамото узнал о повреждении флагманского корабля группы прикрытия в тот же день. С тактической точки зрения событие было маловажным. Балансировка оперативных соединений легко восстанавливалась за счет маневра свободными эсминцами. Флот Кондо господствовал в морях Малайско-Индонезийского барьера, и выход из строя одного крейсера соотношения сил не менял.

Стратегически, однако, «инциденты» с «Синономэ», «Сагири», «Миоко» означали, что сопротивление противника становится и осмысленным, и организованным. Наступление в Южных морях велось невиданными темпами, но и эти темпы оказались недостаточными: период прямой эксплуатации первоначальных успехов закончился *до вступления индонезийской операции в «фазу нарастания»*.

Это могло повлечь самые серьезные последствия. Моря, окружающие Яву, Борнео, Целебес, мелководны, береговая линия изрезана. На подобном театре обороняющаяся сторона может сколь угодно широко использовать мины, подводные лодки, даже самые маленькие и устаревшие, торпедные катера. Конечно, мин и торпед в Индонезии было не много — Ямамото знал об этом, равно как и Кондо, — поэтому речь могла идти не об отражении вторжения, а лишь о затягивании сопротивления.

Но и это могло привести к серьезным трудностям. С каждым потерянным днем увеличивалось оперативное значение Зеленого континента как практически неисчерпаемого источника людей и техники. Главную угрозу представляли самолеты, которые легко

перебрасывались на Яву по «воздушному мосту» Дарвин — остров Тимор — Батавия. По мере насыщения обороны голландской Ост-Индии базовой авиацией возрастала вероятность внезапного рейда против флота Кондо авианосных соединений — американского из Перл-Харбора (с дозаправкой, например, в Таунсвилле) или английского с Цейлона.

Подобная возможность носила несколько умозрительный характер, но и оставаясь лишь эвентуальной угрозой, она вносила свою лепту в общее *изменение контекста* в Южных морях.

Вечером 4 января Ямамото понял, что он вынужден оставить свой прежний оперативный замысел и направить авианосное соединение Нагумо (в составе 1-й и 5-й дивизий, поскольку экипажи «Хирю» и «Сорю», вернувшихся в метрополию только 31 декабря, нуждались в отдыхе) к островам Палау и далее на юг.

...Адмирал и сейчас не мог с уверенностью сказать, было ли это решение выигрывающим, или в тот день, 4 января 1942 года, он допустил свою первую ошибку в управлении войной.

Конечно, авианосцы Нагумо страховали Второй и Третий флоты от любых случайностей, тем самым обеспечивая идеальное развитие наступления против голландской Ост-Индии. Но победа достигалась теперь за счет Силы, а не Искусства. Вместе с риском ушла красота.

Однако великий Стейниц говорил, что «стратег не должен гоняться за возможностью реализации блестящих комбинаций, а, напротив, должен бороться с ними и предупреждать их простыми и незаметными средствами», и в этом тоже была своя правда. По крайней мере, в избранном Ямамото варианте австралийцы не смогли, а американцы не решились помочь Яве.

И именно поэтому для авианосного соединения не нашлось в водах Индонезии достойных целей. Лучшие корабли империи использовались для решения привходящих задач, таких, как воздушная блокада острова Амбон или бомбардировка Дарвина; палубные самолеты гонялись за отдельными вражескими эсминцами или «вашингтонскими» крейсерами. Люди и корабли приобретали расслабляющий и ненужный опыт «легкой войны».

3

Наступление развернулось с точностью часового механизма. Десятого января Центральное Соединение Вторжения подошло к острову Таракан. Адмирал Хиросе несколько перемудрил, заранее пригрозив голландцам репрессалиями в случае уничтожения нефтепромыслов. Местное руководство расценило этот демарш как предупреждение о вторжении и реагировало соответственно — взорвало все, что имело хоть какое-то военное или экономическое значение. Существенного влияния на ход событий это, впрочем, не оказало: уже 17 января аэродром Таракана был готов к приему японских самолетов.

Центральное соединение выполнило свою главную задачу — привлекло внимание противника к району Борнео. Это позволило Такахаси практически без помех высадить войска в Менадо, на северной оконечности Целебоса. Адмирал ожидал упорного сопротивления и, чтобы наверняка и быстро сокрушить оборону противника, выбросил на город воздушный десант — идея, оказавшаяся неудачной.

Разыгралась путаное сражение между четырьмя сотнями голландцев и 334 парашютистами. По версии японцев, дул сильный ветер, вследствие чего люди и техника оказались разбросанными по всей северной части Целебоса. Союзники утверждают, что парашютисты понесли тяжелые потери в бою с голландским батальоном, который они затем перебили до последнего человека. Обе стороны сходятся на том, что десантирование с воздуха скорее помешало основной операции, нежели помогло ей.

Менадо был захвачен 11 января, и в этот же день Япония наконец объявила войну

Голландии. (Голландское правительство в изгнании считало себя в состоянии войны с Империей Восходящего Солнца с 8 декабря.) А уже 21 января Восточное соединение вторжения, оставив в Менадо гарнизон, погрузило остальные войска на транспорты и вышло на юг. Сражение за Индонезию достигло своего апогея.

На крайнем восточном фланге операции при поддержке авиации Нагумо были захвачены Кавиенг и Рабаул, которым Ямамото отводил роль передовых баз флота в возможных в ряде вариантов действиях против Австралии. В тот же день (23 января) начались бои за аэродромы восточного побережья Борнео — Центральное соединение продвинулось от Таракана к Баликпапану. Американцы контратаковали. В скоротечном ночном бою их эсминцы «Поуп», «Перрот», «Джон Д.Форд» и «Пол Джонс» потопили торпедами три транспорта, причем, уже почти разгрузившиеся. Еще один записали на свой счет голландские подводники.

Активность противника в Макаassarском проливе обрадовала Такахаси.

Командование ABDA до сих пор не разобралось в обстановке и не выявило направления главного удара. ...Кендари, лучшая голландская авиабаза в Ост-Индии, была захвачена Восточным соединением без боя — потери составили два человека ранеными. Теперь можно было переместить базу Восточного соединения из Давао в бухту Старинг на юге Целебоса. Наступила краткая оперативная пауза, в ходе которой была захвачена (при активной поддержке палубной авиации, для которой пока не нашлось лучшего применения) база на острове Амбон. Естественная инерция наступления привела японские войска в Макаassar и Банджармасин — оккупация опорных пунктов Борнео и Целебоса была закончена, огромные природные богатства этих островов могли теперь использоваться в интересах Империи.

Японские потери на этом этапе исчерпывались эскадренным миноносцем «Нацусио», потопленным у Макассара старой номерной американской субмариной.

4

К началу февраля положение союзников в Южных морях стало критическим. Северная Индонезия была потеряна, японские самолеты контролировали воздушное пространство над самой Явой. Сингапур доживал последние дни. В этих условиях Хелффрич получил некоторую свободу действий, что позволило ему объединить наличные корабли в боеспособную крейсерскую эскадру под управлением контр-адмирала К. Доормана. Доорман понимал, что Хелффрич просит от него не победы, даже не выигрыша времени. Речь шла уже только о репутации голландского флота.

Одновременно высвободились и крейсера Одзавы. В связи с затуханием Малайской кампании японское командование получило возможность расширить Индонезийскую операцию, включив в нее наступление Южного Экспедиционного флота. Одзаве была поставлена задача захватить внезапным ударом островок Банга, расположенный к востоку от Суматры, и нефтеперерабатывающий завод в Палембанге на самой Суматре. Девятого — одиннадцатого февраля два больших конвоя и крейсерские группы прикрытия вышли из Камранга на юг. Двенадцатого числа японские корабли вошли в пролив Банга.

Этот район со средними глубинами, меньшими, чем в Азовском море, усеянный мелкими островками, мелями и рифами и остовами полузатонувших кораблей, всегда считался опасным для мореплавания. Провести по нему целый флот транспортов (которые лишь формально считались военными кораблями, опыта эскадренного плавания не имели и двигались, как правило, не строем, а стадом) само по себе было нелегкой задачей. Но то, что Одзава и его младшие флагманы увидели у северного побережья Суматры, не входило ни в какие расчеты.

В эти дни (12 — 15 февраля 1941 года) достигла пика эвакуация европейцев из Сингапура. Плохо организованная официальная — и неофициальная, совсем не организованная. Десятки пароходов и пароходиков, сотни буксиров, шхун, джонок пытались уйти из гибнущего города. Все равно куда — на Яву, на Суматру, в Австралию... Дул ровный

северо-восточный ветер, море было спокойным, противоположный берег пролива казался близким, рукой подать. В Сингапуре подожгли нефтехранилища, и черный дым от горящего мазута рваными полотнищами затягивал небо, над проливом повисла багровая мгла.

В это скопище судов и людей под прямым углом врезались два транспортных флота и одна крейсерская эскадра. Еще одна — ударное соединение Доормана — подходило к проливу Банга с юга.

Одзава отдал приказ расчистить пролив.

Приказ был выполнен.

В пылающем городе уже никому не было дела до учета беженцев. Поэтому история не знает, сколько именно людей нашли свою смерть в узких проливах между материком и Суматрой. Не всем посчастливилось погибнуть от пули или утонуть со своими кораблями. Многих ожидала медленная смерть на лишенных воды островах и скалах — ни штаб АВДА, ни японское командование не озаботились их судьбой.

Известно, что до Австралии или Цейлона добралось только 1600 человек.

Четырнадцатого числа, за день до падения Сингапура, Одзава бросил на Палембанг воздушный десант. На сей раз парашютисты действовали успешно — они полегли почти все, но предотвратили уничтожение нефтеперерабатывающего завода и половины стратегических запасов нефти в голландской Ост-Индии. Шестнадцатого подошли главные силы, и началась оккупация Суматры. Доорман не пытался помешать этому: отвлеченный внезапной угрозой острову Бали, что у самого побережья Явы, он 15 февраля повернул на восток.

5

В этот же день соединение Нагумо покинуло стоянку на Палау. После атаки Рабаула состав его несколько изменился — 5-я дивизия отправилась в Японию на профилактику, ее сменила 2-я. Перед авианосными силами была поставлена задача изолировать Яву с юга. Нагумо решил ее простейшим способом.

Девятнадцатого февраля Футида повел 188 самолетов на Порт-Дарвин. Удар усиливала базовая авиация — бомбардировщики из Кендари и Амбона «дотягивались» до северной Австралии. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Аэродром, порт, склады военных припасов превратились в дымящиеся развалины. Деревянный город был подожжен, население, бросив все, бежало. Дарвин можно было захватить одним десантным батальоном, но никому не было до него дела. Достаточно того, что всякая связь Явы с Австралией после этого налета прекратилась.

«Ценой минимальных потерь (на «Кагу» и «Хирю» не вернулось по одному самолету) был достигнут стратегический результат. В Дарвине было уничтожено все. Но это «все» включало только 18 самолетов и 8 кораблей — 7 транспортов и один американский эсминец. Не такие уж завидные цели для элитной палубной авиации...

Возможно, лучше было все-таки оставить авианосцы на Труке».

Яванское море: 18 февраля — 1 марта

1

Начался последний акт трагедии Явы. Восемнадцатого февраля из Камранга, на следующий день из Холо вышли десантные соединения. Им предстоял длинный путь. А пока транспорты ползли, Одзава и Такахаси усиливали нажим. Восемнадцатого — двадцатого февраля японские войска высадились на островах Бали и Тимор, окончательно изолировав Яву.

Силы Хелфрича таяли.

На складах Явы заканчивались торпеды. Ни о каком ремонте поврежденных кораблей не могло быть и речи. Рабочие-индонезийцы разбежались. В результате прекратилась работа нефтеперерабатывающих предприятий, и в Сурабае возникли перебои с топливом. Первая же попытка выйти в море (4 февраля) натолкнулась на решительное противодействие японской авиации, базирующейся на Кендари — Доорман даже не знал, что эта база захвачена противником. Крейсера «Марблхед» и «Хьюстон» были серьезно повреждены, «Марблхед» пришлось отправить на ремонт, «Хьюстон», лишившийся кормовой башни, пока оставался в строю.

В этих условиях Хелфрич приказал Доорману начать активные действия против конвоев противника, следующих к Яве. Данное решение привело к ряду боевых столкновений в окрестностях острова.

Восемнадцатого было атаковано Соединение вторжения Бали.

Доорман ориентировался на ночной бой. Три атакующие волны: группа самого Доормана из Чилачана («Де Рейтер», «Ява» и три эсминца), группа из Сурабаи («Тромп» и четыре эсминца), москитные силы (восемь торпедных катеров) — должны были рассеять конвой и потопить транспорты.

Кубо, командующий соединением Бали, отдавал себе отчет в возможности нежелательной встречи с надводными кораблями союзников. Он в предельном темпе провел высадку войск и уже начинал отход в Макаassar, когда в пролив Бадунг вошли крейсера Доормана.

Подобно почти всем ночным боям, столкновение в проливе Бадунг отличалось нервозностью и бестолковостью, не удалось избежать и привычной ночной стрельбы по своим. Видимо, в целях еще сильнее запутать себя и противника союзники дополнительно усилили ночной мрак дымовыми завесами.

При первом же сопротивлении крейсера Доормана отвернули на юг и вышли из боя. Короткая и бурная перестрелка между двумя японскими и тремя американскими эсминцами закончилась гибелью «Пита Хейна», после чего японцы начали преследовать противника. Но в этот момент в пролив Бадунг с севера вошла вторая ударная волна.

Командующие не имели связи между собой. (За месяц существования командования ABDA не были сведены вместе кодовые книги, в результате эскадры, в которых смешивались голландские, английские и американские корабли, никоим образом не могли управляться.) Тем не менее, капитан второго ранга Бинфорд правильно оценил обстановку и приказал выпустить торпеды.

Японцы уклонились. Вновь бой свелся к артиллерийской дуэли тех же двух японских эсминцев («Осио» и «Асасио») с американским соединением. «Счет» был примерно равный — с японской стороны был поврежден «Осио» и заблудившийся в темноте «Митисио», оказавшийся между двумя американскими эсминцами, у союзников тяжелые повреждения получил легкий крейсер «Тромп», который был вынужден отправиться на ремонт в Австралию.

Торпедные катера добрались до пролива Бадунг, но кораблей противника не заметили и торпед не выпустили.

С формальной точки зрения бой закончился с неопределенным результатом. Можно сказать, что японцы отделались легким испугом, а союзники — потерей двух кораблей.

2

Это была последняя операция ABDA. Двадцать пятого февраля Уэйвелл распустил союзное командование, передав управление кораблями и войсками голландским офицерам. Ява была окончательно списана Лондоном и Вашингтоном со счета.

Наступала развязка. Двадцать шестого февраля Хелфрич приказал Доорману «атаковать первые же корабли противника, которые подойдут к острову». У союзников уже

не хватало самолетов даже для авиаразведки, Доорман получал противоречивую информацию и бросался из стороны в сторону, словно какая-то сила тянула его то в море, то обратно в Сурабаю. В действительности в это время к Яве шли с разных направлений три больших японских конвоя, крейсерские соединения Одзавы и Такахаси патрулировали Яванское море.

После атаки Дарвина Ямамото приказал соединению Нагумо крейсировать к югу от Явы. Там он сосредоточил и главные силы Кондо. Ямамото ждал появления крупных английских и/или американских сил и собирался использовать Третий флот в качестве приманки.

Из этой задумки ничего не получилось, зато удалось потопить американский авиатранспорт «Лэнгли» с истребителями для Явы. Когда-то этот корабль считался авианосцем, сейчас он безнадежно устарел, но все еще активно использовался, доставляя американские самолеты туда, где в них возникала необходимость.

Двадцать седьмого февраля Доорман вывел эскадру в последний бой. В его распоряжении оставались «Де Рейтер», «Ява», «Перт», «Хьюстон» и «Эксетер». Ни одному из этих кораблей не суждено было выжить.

Сразу же над кораблями Доормана повисли гидросамолеты с «Нати» и «Хагуро». В 16:12 наблюдатель с «Электры» сообщил на «Де Рейтер» о крейсере и крупных эсминцах противника, пересекающих курс соединения. В 16:20 был открыт огонь.

Такаги справедливо считал своей главной задачей охрану транспортов и не стремился сокращать дистанцию боя. Его вполне устраивали большие дистанции, на которых в полной мере проявлялось его преимущество в тяжелой (203 мм) артиллерии.

Но и Доорман не захотел или не смог навязать японцам ближний бой. В результате в течение 40 минут продолжалась безрезультатная перестрелка. В 17:05 японцы атаковали противника торпедами. Этот залп, видимо, не преследовал цели куда-то попасть — бой слишком приблизился к линии транспортов, и Такаги просто прикрывал ложной атакой свой поворот.

В эту минуту «Эксетер» получил тяжелое попадание 203-мм снарядом и выкатился из строя. Поскольку связи не было (все та же неразрешимая проблема с сигнальными книгами), строй союзников пришел в полное замешательство. Лишь в 17:29 Доорман вновь собрал эскадру, но к этому времени один из его эсминцев уже был потоплен, а второй потерял ход и ждал конца.

Доорман отвернул к югу, также прикрыв свой маневр атакой эсминцев. Такаги, решив, что противник отходит, вернулся к своим транспортам. А голландский адмирал, оторвавшись от противника, вновь повернул. Он надеялся все-таки прорваться к транспортам, минуя охранение.

К заходу солнца Доорман лишился своих эсминцев. Американские расстреляли торпеды, «Джупитер» подорвался на голландском минном заграждении, а «Энкаунтер» ушел в Сурабаю с подобранными из воды людьми.

В 23 часа «Нати» и «Хагуро» вновь встретили корабли союзников и снова вступили в вялый артиллерийский бой. В 23:20 Такаги выпустил торпеды. Этот залп оказался удачным, и через пять минут «Де Рейтер» и «Ява» пошли ко дну. Последним приказом Доормана было: «“Хьюстону” и “Перту” уходить в Батавию».

3

Когда «Перт» и «Хьюстон» пришли в столицу Явы, Западное соединение вторжения уже разгружалось вблизи столицы Ост-Индии. Кораблям было приказано немедленно покинуть базу и проследовать на южное побережье острова. Это распоряжение, хотя и совершенно случайно, идеально выводило крейсера для удара по разгружающимся

транспортам противника.

В 22:40 корабли открыли огонь. Несколькими минутами позже «Фубуки» выпустил по ним почти в упор девять торпед, но не попал! «Хьюстон» и «Перт» быстро вышли из бухты и тут же попали под удар группы прикрытия конвоя — там были «Могами» с «Микумой», легкий крейсер и 12 эсминцев.

«Перт» затонул сразу. «Хьюстон» сражался до 00:35 и даже достиг одного попадания в «Микуму». Что, впрочем, было уже не важно.

Вспоминая этот бой, адмирал осознал, что он стал первым звоночком о накопившейся в людях усталости. «Фубуки» не попадает по противнику с 12 кабельтовых. «Могами» не просто промахивается по «Хьюстону», но и топит своими торпедами пять собственных транспортов.

Оставшаяся группа кораблей союзников — поврежденный «Эксетер» с эсминцами — попала утром 1 марта под удар все тех же «Хагуро» и «Нати» в сопровождении «Миоко» (уже вернувшегося после ремонта) и флагмана Такахаси «Асигары». Командующий Третьим флотом и силами вторжения на Яву лично присутствовал при уничтожении последних неприятельских кораблей в Яванском море.

(7) Фотография: «Рипалс»

«Рипалс» и «Ринаун» первоначально были заложены как соответственно шестой и седьмой линкоры типа «Ройял Соверен» и к началу Первой Мировой войны находились в постройке менее трех месяцев. «Ввиду низкой степени готовности кораблей» 26 августа заказы на «Рипалс» и «Ринаун» были аннулированы.

События осени 1914 года прославили английские линейные крейсера, разгромившие легкие силы противника в первой Гельголандской битве и сыгравшие главную роль в уничтожении у Фолклендских островов эскадры адмирала Шпее. Эти успехи позволили Дж.Фишеру, Первому лорду Адмиралтейства, убедить кабинет в необходимости спешной постройки быстроходных кораблей с 381-мм орудиями главного калибра.

Дж.Фишер десятилетиями создавал флот, имея в виду одно-единственное сражение, которое должно было стать новым Трафальгаром и определить судьбу Британии на следующие сто лет. В этом сражении ведущую роль он отводил линейным крейсерам, обеспечивающим подвижность и изменчивость боевой линии. Корабли проектировались предельно несбалансированными: они сочетали в себе огромную огневую мощь с высокой скоростью, за что конструкторы расплачивались недостаточной броневой защитой.

Тактические схемы Дж.Фишера подразумевали, что английские линейные крейсера должны обязательно превосходить немецкие авангардные корабли по скорости и калибру главной артиллерии. Это сделало неизбежным переход от «двенадцатидюймовых» «инвинсиблов» к «лайонам», вооруженным 343-мм орудиями. На следующем, «пятнадцатидюймовом» этапе, однако, произошел сбой: вместо линейных крейсеров были построены быстроходные линкоры типа «Куин Элизабет».

Эти корабли, связывающие в единую оперативную структуру боевые линии линкоров и линейных крейсеров, были Дж.Фишеру жизненно необходимы. Для лидирования авангарда они, однако, не годились — 24 узлов было уже недостаточно для того, чтобы навязать противнику бой. Тактическая ситуация дополнительно осложнялась высокими характеристиками нового поколения германских ЛКР: согласно проекту, «Лютцов» должен был развивать 28 узлов — «Лайон» и «Тайгер» могли обогнать его, лишь до предела форсируя машины.

Новые линейные крейсера Дж. Фишера стали ответом на «Лютцов». Вооруженные *восемью* пятнадцатидюймовыми орудиями, они проектировались в расчете на 32-узловой ход. Первый морской лорд обязался обеспечить исключительно быструю постройку:

корабли должны были вступить в строй в течение 15 месяцев.

Корабли были вчерне спроектированы за один месяц, и уже 25 января 1915 года Адмиралтейство возобновило заказы на «Ринаун» и «Рипалс», которые теперь надлежало строить не как линкоры, а как линейные крейсера.

К этому времени выяснилось, что необходимое число стволов главного калибра изготовить в срок не удастся ни при каких обстоятельствах. Пришлось главную артиллерию корабля уменьшить до шести орудий. (Противоминная артиллерия составляла семнадцать 102-мм орудий в пяти строчных и двух одиночных установках, вооружение дополнялось восемью надводными и двумя подводными торпедными аппаратами.) Ввиду неожиданного пересмотра проекта окончательные чертежи и спецификации заводы-строители получили только 12 апреля.

Уменьшение вооружения в значительной степени делало новые корабли «беспредметными» — их огневая мощь уже не компенсировала ослабленную защиту (тем более, что техника пристрелки того времени настоятельно требовала иметь не менее восьми стволов в залпе). Однако Дж. Фишер, справедливо рассудивший, что *за отсутствием гербовой бумаги пишут на простой*, форсировал строительство «Рипалса» и «Ринауна». И если бы линейные крейсера действительно удалось закончить в пятнадцать месяцев, они успели бы к Ютландскому сражению. А в этом случае «бой авангардов» вполне мог развернуться по другому сценарию: опыт короткой дуэли с быстроходными линкорами типа «Куин Элизабет» неопровержимо показал, что германские ЛКР не в состоянии противостоять пятнадцатидюймовым полубронебойным снарядам.

Увы, Дж. Фишер ушел из Адмиралтейства, после чего скорость постройки снизилась. «Рипалс» вступил в строй только 18 августа, а «Ринаун» 20 сентября 1916 года. Крейсера опоздали к тому сражению, ради которого создавались, и сразу оказались никому не нужными.

Командование Гранд Флита страдало в эти дни «синдромом Ютланда»: только что построенные корабли начали немедленно перестраивать, усиливая броневую защиту. Полная бесполезность этих мер была ясна прежде всего их инициаторам, тем не менее с неослабевающим упорством «улучшения» проводились в жизнь, вследствие чего водоизмещение кораблей повысилось на 550 тонн — с очевидными последствиями для скорости и дальности.

«Рипалс» оказался самым длинным кораблем Гранд Флита (242 м). Ширина с противоторпедными булями составляла 30,81 м, что соответствовало удлинению 7,85, проектная осадка — 7,87 м — позволяла кораблю действовать в мелководных морях. Многочисленные модернизации, однако, увеличили углубление почти на два метра.

Энергетическая установка мощностью 112 000 л.с. обеспечивала достижение контрактной скорости 32 узла (на испытаниях «Рипалс» показал 31,73 узла, «Ринаун» — 32,58 узла; средняя продолжительная скорость считалась равной 29,73 узла). По мере устаревания кораблей скорость, естественно, снижалась, но и в декабре 1941 года «Рипалс» легко развивал 27—28 узлов. Дальность плавания составляла 2125 миль на полной, 4550 миль на экономичной (15 узлов) скорости.

Несмотря на все «усиления», защита корабля осталась слабой — пояс до 152 мм, башни до 280 мм, палуба до 75 мм. Над особо уязвимыми местами настилали дополнительные листы из высокоугругой стали, в результате чего схема защиты стала исключительно сложной. Заметим, что для своих собственных пятнадцатидюймовых орудий зона безопасного маневрирования была для «Рипалса» отрицательной: на любых дистанциях боя пробивалась либо бортовая, либо палубная его броня. Тем не менее, корабль мог с реальными шансами на успех вести бой с любыми японскими тяжелыми крейсерами и, вероятно, с ЛКР класса «Конго».

«Рипалс» успел принять участие во второй Гельголандской битве, где он добился одного попадания в немецкий легкий крейсер «Кенигсберг». В межвоенный период корабль модернизировали, улучшив подводную защиту, добавив еще два 102-мм орудия и усилив

(чисто формально) зенитное вооружение.

В своем последнем бою «Рипалс» не имел никаких шансов. Изначально он создавался как корабль для артиллерийского боя, более того — для вполне конкретной десятиминутной огневой дуэли с немецкими линейными крейсерами. Против ударов с воздуха «Рипалс» был совершенно беспомощен.

Десятого декабря 1941 года «Рипалс» сражался до последнего: маневрируя на полном ходу, он сумел уклониться от четырех волн торпедоносцев. В пятой атаке линейный крейсер получил первое попадание, но сохранил — в отличие от новейшего «Принс оф Уэлс» — скорость и управляемость. Последней для «Рипалса» стала шестая атака, когда 26 торпедоносцев одновременно вышли на него с разных курсовых углов.

Никто не знает, сколько торпед пробило его корпус. Англичане говорят о четырех, японцы насчитали целых 18 попаданий. Как ни странно, это вполне правдоподобно: в последней атаке японские торпедоносцы действовали в полигонных условиях.

Из команды «Рипалса» погибло около 500 человек, 800 было спасено эсминцами.

(9) Экспедиция на запад

К началу марта союзники утратили контроль над Тихим океаном.

Со времени расцвета Британской империи «господство на море» понималось как обязанность (и одновременно почетное право) охранять морскую торговлю. Платой за труд было положение «мирового перевозчика», контролирующего торговые пути и, следовательно, мировую кредитную систему. С военной точки зрения данная привилегия подразумевала возможность поставить себе на службу и обратить против врага экономические ресурсы всей Ойкумены.

На протяжении XIX столетия англичане трудолюбиво собирали и налаживали механизм мировой торговли (для того, чтобы на Вашингтонской конференции безвозмездно подарить американцам «богатства Земли и ее саму»). Господство Великобритании на море стало неотъемлемой чертой установившегося миропорядка, и вызов ему воспринимался как вызов самой Цивилизации.

Действительно, военно-морская идеология оппонентов была по существу деструктивна. Развивая идеи «крейсерской войны», подчиняя этой доктрине строительство флота, русские, а позднее германские адмиралы не отдавали себе отчета в том, что целью их деятельности (к счастью, очень труднодостижимой) является разрушение мировой торговой системы и, значит, единого экономического и информационного пространства Ойкумены. Такой исход, конечно, стал бы роковым для Британии, но не лучшим было бы и положение «победителей», обреченных еще при своей жизни увидеть распад и гибель того мира, которым они возжелали владеть.

Английское превосходство на море в Первую Мировую войну не ставилось под сомнение. Немецкий надводный флот был надежно блокирован, крейсерские отряды быстро и без особых проблем уничтожены, а подводная война, начавшаяся с большим запозданием, велась негодными средствами и преследовала негодную цель. Блокада Британских островов кайзеровскими субмаринами не привела бы к перелому в войне. И Англия в 1917 году оказалась бы в том же положении, в котором с 1914 года пребывала Германия.

В текущей войне ситуация на Атлантике изначально сложилась в пользу союзников: немцы на сей раз не имели достаточных надводных сил, а итальянцы показали полную неспособность распорядиться своими кораблями. Стратегическое положение США выглядело к осени 1941 года идеальным: они поддерживали свое господство на море английскими кораблями и моряками.

После Индонезийской кампании обстановка изменилась резко. «Оборонительный периметр», построенный Ямамото, нарушил функционирование тихоокеанской транспортной сети: старые экономические связи сохранились лишь в южном (Австралийском) секторе. К северу от Дарвина традиционные торговые линии были

оборваны, новые же, призванные превратить в единый организм «сферу сопроцветания», лишь намечалось создать. Таким образом, на самом большом океане планеты сложилась некая ситуация «безвластия», чреватая самыми неожиданными последствиями. Классические законы экономики, стратегии, оперативного искусства на какое-то время потеряли силу.

Предыстория: Бирма

1

В новых условиях неожиданный смысл приобрело соглашение о взаимодействии армии и флота в Бирме, заключенное Ямамото скрепя сердце.

Как и все страны Юго-Восточной Азии, Бирма богата природными ресурсами — на ее территории выращивают рис, добывают вольфрам и даже нефть. Однако транспортная сеть в стране практически отсутствует. Имеющиеся дороги вытянуты в меридиональном направлении и ведут из бирманских портов в Чунцин, использовать их в интересах Японии не представлялось возможным. Морской путь из Бирмы в порты метрополии был в начале войны полностью перекрыт, и даже после захвата Сингапура и Явы он оставался под контролем со стороны английского флота, базирующегося на Цейлон. Бирманская нефть стала бы «золотой»: любой конвой из Рангуна требовал прикрытия в составе группы тяжелых крейсеров, поддержанных авиационным корпусом.

Кампания в Бирме не оправдывалась и стратегическими соображениями. Разумеется, при определенных обстоятельствах территория страны могла стать плацдармом для английского наступления против Таиланда, но вероятность такого развития событий была мала и не обосновывала отвлечения сколько-нибудь значимых сил с малайского направления.

Однако через Бирму проходила основная линия снабжения войск Чан Кайши американской военной помощью. Грузы выгружались в Рангуне и Моулмейне и далее следовали на север по единственной железной дороге, проложенной между хребтом Погу и рекой Ситаун. Главный штаб императорской армии в Токио, едва ли не рассматривающий всю кампанию в Юго-Восточной Азии как частную блокадную операцию в интересах «Китайского инцидента», категорически потребовал пресечь эту коммуникационную линию. По мнению Ямамото, осуществление этого решения привело бы лишь к затяжной и ненужной войне в джунглях.

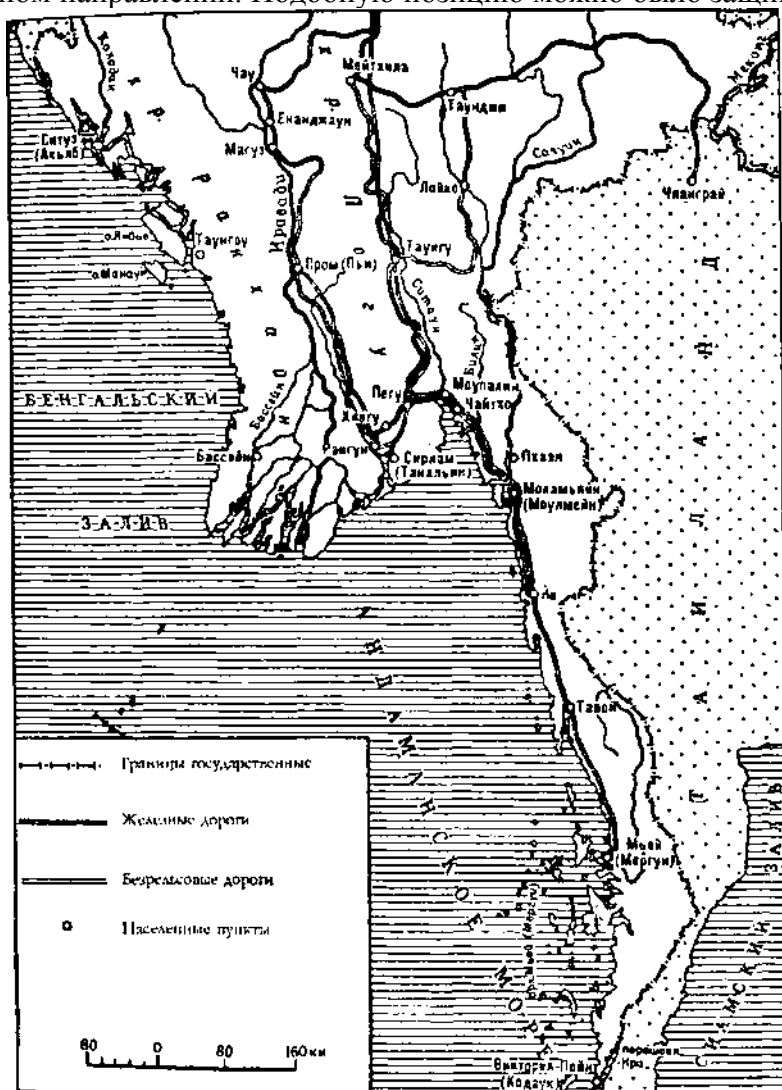
Адмирал полагал, что судьба Китая решается не на суше, а на море. В случае успеха Объединенного флота снабжение Чан Кайши перестанет быть для американцев сколько-нибудь насущной проблемой. Если же союзники сумеют сохранить (или вернуть) господство на море, поражение Японии будет только вопросом времени — вне всякой зависимости от того, как развернутся боевые действия на материке.

Непосредственные исполнители предначертаний высшего военного руководства особых восторгов по поводу операций в Бирме тоже не выказывали. Ресурсы для наступления на Рангун можно было выделить только из состава малайской армии Ямаситы, а в ней лишних войск не было.

Однако, чтобы успешно наступать на Сингапур, желательно было предварительно блокировать Малайю. Учитывая это и памятуя о том, что высадочных средств так или иначе на все дивизии не хватит, Ямасита задержал 33-ю и 55-ю дивизии в Таиланде. Получив наименование 15-й армии, эта группа (в действительности — армейский корпус без артиллерии и корпусных служб) должна была прикрывать операцию с востока. При благоприятном стечении обстоятельств намечалось выдвижение войск на север, чтобы захватить английские аэродромы в Виктория-Пойнт и прервать воздушную связь между Индией и Сингапуром.

Местность не располагала к наступлению. На пересечении границ Бирмы, Таиланда и

Малайи Малаккский полуостров сужался до нескольких десятков километров, образуя перешеек Кра, гористый, заросший лесом, пересеченный множеством малых рек, текущих в широтном направлении. Подобную позицию можно было защищать годами.

Бирма

Командующий 15-й армией генерал-лейтенант Йида видел свой единственный шанс в том, что снабжение Бирмы осуществлялось только по морю — сухопутной дороги из Индии в Рангун не было (насколько нам известно, ее нет и сегодня). Поэтому Йида официально — через Ямаситу и Главный штаб — запросил помощи флота: японские крейсера должны были войти в Бенгальский залив и блокировать бирманские порты с моря.

В результате задачу поддержки 15-й армии включили в один из протоколов к Соглашению между императорской армией и Объединенным флотом и вменили в обязанность Ямамото. Оговаривалось, что речь идет об «операциях после захвата Явы». Тогда, осенью 1941 года, эта фраза воспринималась договаривающимися сторонами примерно как «после высадки на Луне».

2

Великобритания выделила Бирму в отдельную административную единицу только в 1937 году. Сразу же возник вопрос, кто должен отвечать за оборону страны. Индийское правительство отнюдь не было в этом заинтересовано и утверждало, что Бирма должна рассматриваться как глубокий тыл Малайской зоны. Командование в Сингапуре такому подарку не обрадовалось: по его мнению, Рангун относился к Индийской зоне. Бирманская

администрация никакого мнения не высказала, а Лондон сделал вид, что его эти разборки вообще не касаются.

Только в ноябре 1940 года, когда Великобритания уже год как находилась в состоянии войны и нужно было наконец что-то решить (тем более, что после поражения Франции возникла реальная угроза Сиаму), Бирму включили в Малайскую зону. К этому времени в стране находились два регулярных батальона, еще какие-то довольно условные силы, разбросанные вдоль границы, несколько самолетов и ни одного танка.

К весне ситуация улучшилась: из Индии были переброшены две бригады, оснащенные по штату, еще две имперская администрация сформировала на месте из малых народностей Бирмы (коренным бирманцам англичане оружия в руки не давали — традиционная колониальная предосторожность, на сей раз оправданная прояпонскими симпатиями народа).

Одиннадцатого декабря, на следующий день после гибели Т. Филипса и его кораблей, У. Черчилль, который знал, когда надо действовать очень быстро, включил Рангун в Индийскую зону и поручил оборону страны все тому же Уэйвеллу, пообещав ему две дивизии из Кейптауна и Бомбея. Впрочем, в Бирму эти дивизии так и не прибыли.

В эти декабрьские дни один батальон 143-го пехотного полка, высадившийся в Сингоре, медленно шел на север, пробираясь по бездорожью перешейка Кра. Шестнадцатого числа он подошел к городу Виктория-Пойнт и, никого там не обнаружив (англичане, хотя и не ожидали наступления японцев с юга, на всякий случай решили эвакуироваться морем, оставив призрачному противнику совершенно неповрежденный аэродром), вызвал армейские самолеты.

Через несколько дней начались налеты на Рангун.

Здесь не было элитных летчиков. Йида использовал грубую силу. Он терял вдвое-втрое больше машин, нежели англичане, но его бомбардировщики раз за разом прорывались к городу.

Вообще говоря, уничтожение городов с воздуха не только представляет собой злодеяние, но и совершенно неэффективно в военном отношении. Бирма стала исключением. Бирманцы, малайцы, индийцы (эта национальная группа преобладала среди портовых рабочих) вышли посмотреть налет. К вечеру на улицах лежали тысячи трупов, которые никто не убирал, а оставшиеся в живых, бросив все, кинулись бежать из Рангуна.

Жизнь города остановилась. А поскольку через него шло все снабжение английских войск в Бирме, боеспособность противостоящих Йиде дивизий сразу упала. Губернатор страны сообщил в Лондон: *«Наиболее серьезная проблема — полное бегство рабочей силы. <...> Откровенно говоря, я не ожидал, что сложится такая драматическая ситуация».*

К чести англичан, они остались в Рангуне и даже попытались заставить порт как-то функционировать. К началу января на бирманском фронте сложилась ситуация неустойчивого равновесия.

3

Обе стороны наращивали свое военное присутствие в Тенассериме (Южная Бирма к северу от перешейка Кра). Англичане переброшили туда две бригады, японцы сосредоточили более четырех полков. В середине января отдельный японский батальон форсировал перевал и неожиданно атаковал английские войска в городе Тавой. Была применена техника «просачивания» в стиле германской армии 1918 года. Здесь, на Дальнем Востоке, этот стереотипный тактический прием прошлой войны оказался для англичан откровением. В результате батальон, обороняющий город и порт, разбежался. Крайне низкая сухопутная связность Бирмы привела к тому, что с этого момента все воинские соединения союзников, расположенные южнее Тавоя, оказались отрезанными. Англичане эвакуировали их морем в Рангун, а в распоряжении японцев оказался весь полуостров Тенассерим, и на повестку дня встал вопрос о вступлении в центральную Бирму.

Армия Йиды, однако, еще не вышла на оперативный простор. Путь преграждала река Салуин, в дельте которой раскинулся второй после Рангуна порт Бирмы — Моулмейн. К северо-западу протекала еще одна река — Ситаун. За ней до самого Рангуна лежала плоская, как стол, равнина.

Игра в поддавки продолжалась. Салуинский рубеж представлял собой последнюю возможность удержать Бирму, тем не менее, командир 17-й дивизии, сосредоточенной в Моулмейне, без всякого давления со стороны японцев начал отвод своих войск на северный берег реки. Но из Джакарты вдруг прилетел Уэйвелл, который приказал дивизию вернуть обратно и город не сдавать. Пока командующие пытались разобраться в географии театра военных действий и оценить позицию, начальник штаба обороны Бирмы информировал части, обороняющие горные подступы к Моулмейну, что японцы обошли их с флангов. Батальоны, разумеется, кинулись к Салуину, бросив в горах транспорт и тяжелое вооружение. Начальник же штаба, генерал Хаттон, 22 января 1942 года с истинно британским спокойствием доложил губернатору Бирмы Дорман-Смиту, что теперь Рангун продержится не более 10 дней.

Йида при всем желании не мог наступать так быстро. Лишь 30 января его батальоны вышли к Моулмейну. Бой в городе продолжался целый день, и к вечеру японцы, не имеющие ни танков, ни артиллерии, устали атаковать в лоб британские позиции. Тогда они отобрали у местных жителей лодки и начали грести вдоль реки, протекающей через город. Англичане, смущенные проникновением в глубину их обороны «подвижных сил» противника, оставили Моулмейн и отошли на запасную позицию.

В очередной раз подтвердилось, что стратегия есть производная от географии. Бросив Южную Бирму с ее естественными оборонительными линиями, Уэйвелл решил дать бой противнику на самой неудобной позиции, которую только можно было отыскать на всем полуострове. Четыре бригады выстроились дугой, имея впереди реку Салуин, контролируемую японцами, а позади — непроходимую дельту Ситаун. Вместе с Моулмейном была потеряна возможность снабжения или эвакуации морем. Теперь войска зависели от единственной железнодорожной ветки Рангун — Моулмейн и единственного моста через Ситаун.

Если Уэйвелл еще питал какие-то иллюзии относительно обороны Рангуна, то Хаттон прямо заявил Черчиллю, что для спасения Бирмы потребуются не менее шести свежих дивизий. Черчилль попытался найти войска в Австралии, но наткнулся на холодный отказ премьера Австралийских Штатов.

Это был «момент истины». Теперь Великобритания уже ни при каких обстоятельствах не могла добиться мира, который был бы для нее лучше довоенного. Черчилль допустил страшную, непростительную ошибку, обратившись от имени Британского Содружества Наций с просьбой, которую можно было проигнорировать. Отныне: «Анакреон не имеет пред империей никаких обязательств, // Империя не имеет над Анакреоном никакой власти».

Уэйвелл, используя свои полномочия командующего ABDA, повернул к Рангуну транспорты с 7-й танковой бригадой, предназначенной для защиты Сингапура. В столице Малайи горели подожженные нефтехранилища, и танки там уже были никому не нужны. На самом деле, в Бирме — тоже.

Исход жителей из Рангуна продолжался: к началу февраля из полумиллионного населения в городе осталось не более 100 тысяч человек. Сбежали даже полицейские и тюремные надзиратели. Столица Бирмы была отдана во власть мародеров. Впрочем, грабить было нечего.

Войска под общим руководством Уэйвелла, Хаттона и Смита (командир 17-й дивизии, объединивший под своим началом ситаунский фронт) медленно отступали, цепляясь за речные рубежи. Йида увидел в этом возможность выиграть сражение за Бирму

одним ударом и бросил один из своих полков напрямик через джунгли к мосту через Ситаун, потребовав во что бы то ни стало выйти к мосту раньше англичан. Выполнить это не удалось.

Японские части подошли к мосту в самый разгар переправы английских войск. Люди были измотаны до последней степени, их хватило только на одну атаку. Но англичане отдавали себе отчет, что дело идет о жизни и смерти, и сражались отчаянно. Японцы были остановлены у самого моста. И именно в этот момент к переправе подошла еще одна английская бригада.

Здесь и сыграли свою роль недостатки позиции. Для того, чтобы протащить четыре бригады через игольное ушко длиной в пятьсот пятьдесят метров и шириной в железнодорожную колею, требовался точный расчет марша. Англичане настолько сосредоточились на организации переправы, что начисто забыли о связи, разведке и противнике. В результате отступающая бригада восприняла выстрелы как неопровержимое доказательство того, что японцы уже захватили мост. Желая прорваться на западный берег, бригада открыла огонь «по скоплению пехоты противника». Завязался фантазмагорический «тройной» бой между собой двух английских бригад и одного японского полка.

В этой обстановке саперы закончили минирование моста, а генерал Смит, решив, что бригады на восточном берегу все равно уже уничтожены японцами, отдал приказ произвести взрыв, дабы «спасти тех, кого еще можно спасти».

Ситаунская катастрофа подвела черту под обороной Бирмы. После нее в 17-й дивизии осталось 3000 человек, на которых было 1420 винтовок и никакого тяжелого вооружения. Ни о какой обороне линии реки не могло быть и речи. Правда, и японцам понадобилось десять дней, чтобы собрать войска, привести их в порядок после короткого, но яростного и беспорядочного столкновения, раздобыть мостостроительную технику (или то, что ее заменяло в бирманских джунглях) и переправиться через Ситаун. Йида возобновил наступление лишь 3 марта.

Восьмого числа, в день капитуляции Явы, японские батальоны вошли в очищенную от солдат и жителей столицу Бирмы. Остатки английских армий (теперь — под командованием генерала Александра) бежали на север — поближе к Китаю или на запад — к Индии, даже не взорвав портовые сооружения Рангуна.

Решение

Почти с ужасом осознал Ямамото масштабы победы в Южных морях. За девяносто дней были захвачены оборудованные базы противника: Сингапур, Давао, Манила, Кендари, Рангун. Японской империи отошли Филиппины, острова Малайско-Индонезийского барьера с их неисчислимыми природными богатствами, юго-восточная Бирма, острова западной зоны Тихого океана. За девяносто дней непрерывной наступательной операции Объединенный флот потерял только пять эскадренных миноносцев и подводную лодку, союзники же лишились шести линкоров и линейных крейсеров («Аризона», «Оклахома», «Вест Виргиния», «Калифорния», «Принс оф Уэлс», «Рипалс»), гидроавиатранспорта («Лэнгли»), двух тяжелых («Хьюстон», «Эксетер») и трех легких («Де Рейтер», «Ява», «Перт») крейсеров, семнадцати эсминцев, четырех подводных лодок, нескольких сотен самолетов.

Итак, «задачи первого этапа» были решены, довоенный стратегический план выполнен и даже перевыполнен. С этого мгновения Япония была заинтересована только в мире и согласна была дорого за него заплатить. Но адмирал слишком хорошо понимал, что Соединенные Штаты еще даже не начали воевать.

Ямамото не испытывал счастья и упоения победой. Американцы отдали западную часть Тихого океана, но, теряя корабли и страны, они так и не предоставили адмиралу шанса спонтанно закончить войну. Он был обречен *выигрывать* в рамках замечательного первоначального плана *ограниченной войны*, твердо зная теперь, что эта война не будет

ограниченной, и уже догадываясь, что «поддавки» в Юго-Восточной Азии для чего-то нужны «американскому императору».

«Кто сказал, что свои фигуры менее опасны, чем фигуры противника?»

В марте наступление продолжалось скорее по инерции. Японские крейсера обстреляли остров Рождества. Десантники захватили несколько десятков пленных и полный транспорт фосфатов, после чего с разочарованием убедились, что почвы острова непригодны для строительства аэродрома. С чувством некоторой неловкости операцию пришлось свернуть и гарнизон эвакуировать. Это был первый за всю войну случай совершенно непрофессиональной работы разведывательного отдела Главного Морского штаба.

В конце месяца были оккупированы Андаманские и Никобарские острова. Собственно, захват этой позиции преследовал сугубо вспомогательные цели — прикрывая с запада Сингапур и Малаккский полуостров, она составляла последнее звено оборонительного периметра.

Ритм кампании замирал. Надежд «поймать» у побережья Явы ударные соединения союзников больше не оставалось: в марте в Индонезии было уже некого и нечего спасать. Но в таком случае следовало поручить Южные моря базовой авиации и крейсерам Одзавы и немедленно вернуть главные силы в метрополию, признав тем самым, что перевод соединения Нагумо в бухту Старинг был ошибкой.

Авария «Каги» давала Ямамото необходимый повод, однако именно в эти дни у адмирала родился новый оперативный план, абсолютно не соответствующий довоенным «подсчетам» и уже потому многообещающий. Тактическим обоснованием операции послужили аэродромы на Андаманских островах.

Ямамото понимал, что новая операция никогда не пройдет «ответственный контроль» Морского Генерального штаба и вызовет оторопь у Нагумо. Здесь-то и сыграло свою роль давнее Соглашение, касающееся поддержки флотом наступления в Южной Бирме. И что с того, что это наступление уже успешно завершилось — и без всякой помощи флота?

Индийский океан представлял собой сердце Британской империи и центр связности всей оборонительной структуры союзников. После потери контроля над западным сектором Тихого океана Рузвельт и Черчилль ни при каких обстоятельствах не могли отдать противнику еще и коммуникации в Индийском: это означало бы фрагментацию мировых торговых путей и разрушение единого стратегического пространства. Но великая индустрия США ориентировалась на громадные экспортные и импортные грузопотоки и была, по сути, лишь вершиной пирамиды мирового разделения труда. Гибель торговой Ойкумены означала бы для американской экономики тяжелый кризис.

Весной 1942 года даже несколько рейдеров, проникших в Индийский океан с востока или запада, должны были восприниматься командованием союзников как стратегическая угроза, бороться с которой затруднительно. Но Ямамото пошел гораздо дальше и обеспечил рутинную (и абсолютно ненужную) крейсерскую операцию в Бенгальском заливе прикрытием в размере пяти ударных авианосцев.

Оперативная обстановка к востоку от мыса Доброй Надежды резко обострилась.

Эта операция, получившая название «С», не была заранее подготовлена. Она не была даже просчитана, если не считать расчетом приблизительные прикидки, сделанные Гэндой на обороте карты. Авианосцы шли в неизвестность. Без разведки, без четкого уяснения задач. На одном лишь «накале страстей».

Не было времени разбираться в переплетении оперативных линий. «Тень» от Австралии, падающая на запад и почти накрывающая Кокосовые острова, «тень» от Индийского субконтинента, уходящая на юг и юго-восток, «обратная тень» от Андаманского

рубежа — все это составило угрожающую декорацию блестящего, но последнего акта пьесы, задуманной в театре теней обреченным на жизнь режиссером.

Исполнение

Британское Адмиралтейство не смогло обеспечить Индийский океан избыточной защитой. Для обороны Коломбо и Тринкомали удалось выделить лишь несколько десятков самолетов, в основном «харрикейнов». Флот выглядел внушительным на бумаге: пять линкоров, три авианосца, два тяжелых и пять легких крейсеров, четырнадцать эсминцев. На деле линкоры устарели и могли использоваться только для конвойных операций, из трех авианосцев один также безнадежно устарел; «Индомитебл» и «Формидебл», хотя и были новейшими и едва ли не лучшими в своем классе кораблями, имели совершенно неконкурентоспособные авиагруппы.

Сомервилл, принявший 26 марта командование Восточным флотом, разделил свои корабли на «Соединение В», очевидно не пригодное к бою с японцами, и быстроходное «Соединение А», которое, как предполагалось, сможет нанести по противнику упреждающий удар во взаимодействии с «бленхеймами» из Тринкомали.

Сомервилл знал о выходе в Индийский океан японской эскадры. Он ожидал противника 2 апреля. Нагумо, однако, не спешил форсировать ситуацию. Прежде всего он дал время Одзаве развернуть свои крейсера в Бенгальском заливе, имея в виду увлечь противника на восток — под удары базовой авиации с Андаманских островов.

Английское командование даже не рассматривало возможность такого рейда. Напротив, получив сведения о крейсерах противника в Малаккском проливе, Сомервилл немедленно отвел «Соединение А» на запад, оправдываясь необходимостью дозаправки. Утром следующего дня, впрочем, он отправил обратно на Цейлон два крейсера и старый «Гермес».

Вечером 4 апреля «летающая лодка» из Коломбо заметила авианосцы Нагумо. Ее сбили очень быстро, но экипаж навсегда вошел в историю, успев перед гибелью передать на базу точные и обстоятельные данные о кораблях противника.

На Цейлоне объявили тревогу. Всем кораблям было приказано идти на запасную стоянку флота на острове Адду. Но «Гермес» и крейсера нуждались в дозаправке и вынуждены были задержаться.

Пятого апреля в 8 часов утра 315 самолетов нанесли удар по Цейлону, легко сломив сопротивление немногочисленных английских истребителей. Никаких достойных внимания целей в Коломбо не было. Пикировщики Нагумо уничтожили мастерские флота и потопили эсmineц («Тенедес», входящий ранее в состав соединения Т.Филипса) и пару вспомогательных судов. Это было все. Крейсера Одзавы, захватившие или отправившие на дно двадцать три неприятельских транспорта, действовали более успешно.

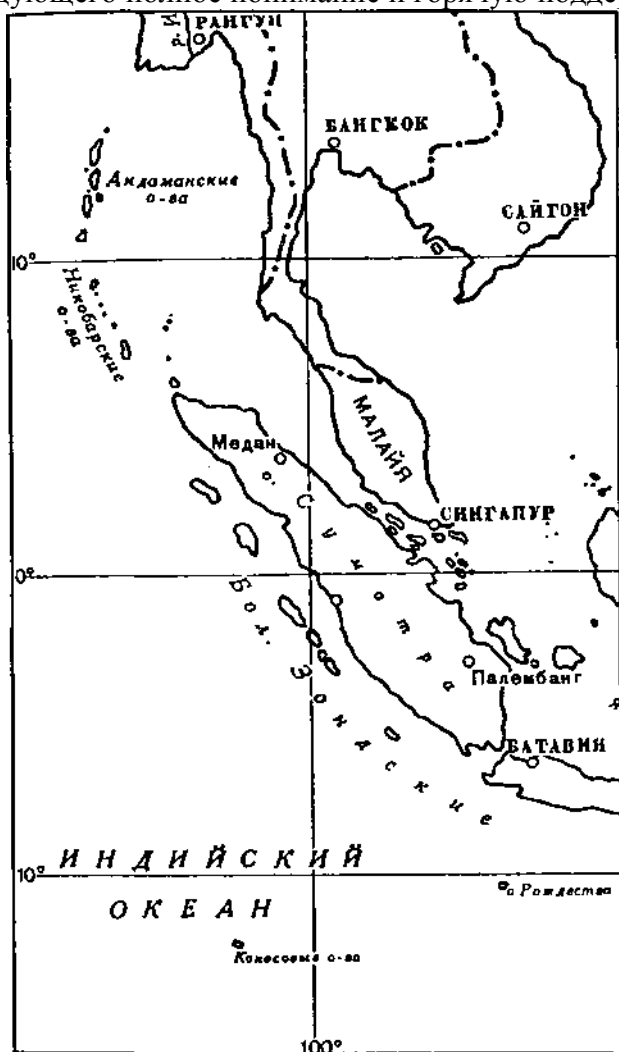
От Сомервилла ждали решительных действий, и он действительно покинул стоянку на Адда (о которой японская разведка не знала), приказав «цейлонской группе» присоединиться к нему.

В середине дня разведчик с «Тоне» обнаружил английские тяжелые крейсера. За отсутствием более серьезных задач японские летчики развлеклись их уничтожением.

Сомервилл шел на юг. Получив донесение о гибели «Корнуолла» и «Дорсетшира» (по его словам, только в 18:17, почти через пять часов после того, как корабли пошли ко дну), он повернул на восток, «имея целью сблизиться с противником и навязать ему бой». Впрочем, меридиана Коломбо адмирал не переходил и позднее повернул назад, чтобы «перехватить японские корабли при атаке ими Адду».

Нагумо же повернул к северо-востоку, желая предпринять еще одну ненужную атаку — Тринкомали. В результате соединения противников оказались разделенными промежутком в 1000 миль. Сомервилл спас свои корабли; сделать это было нетрудно, поскольку его стремление во что бы то ни стало избежать боя нашло у японского

командующего полное понимание и горячую поддержку.

Малайя, Суматра, Андаманские о-ва, Индийский океан

Отыгрались на «Гермесе», который палубные самолеты с «Акаги» потопили за 10 минут. («Это было легче, чем бомбить «Сетсу», старый линкор-мишень».) Установив неоспоримое господство в восточной части Индийского океана, авианосный флот адмирала Нагумо вернулся на Родину.

За пределами текущей Реальности

Очевидное решение

Это случилось с ним не впервые. План, казавшийся совершенным, вдруг переставал выстраивать мысли, и их хаотичный круговорот хищно нацеливался на новую, невероятную задачу, которая неотвратимо и методично прорастала в душе, и никакая сила не могла уже вернуть его на круги прежних забот и идеалов. Ямамото часто почти завидовал Нагумо, бесконечно честному в своей планомерной рассудочности истового японца. Второй раз за эту войну Нагумо решительно шел домой, как усталый воин, нуждающийся в подтверждении своего долга перед предками — большего, чем перед детьми. То, что Нагумо не желал рассматривать время как сжимаемую человеческой волей пружину, еще как-то оправдывало его в глазах Ямамото, но то, что он ни разу не сыграл со временем на жизнь и на смерть, на судьбу и в рулетку управляемых случайностями перемен, вызывало плохо скрываемую жалость. Когда Ямамото размышлял, чувства его обострялись, и сущности людей чередой истинных слабостей вплетались в ткань его планов, как узелки в ткань

неопытной прядильщицы. Усвоив как-то в детстве простоту одиночества Пути, Ямамото осуждал людей, лишь управляя ими в штабах и на кораблях, в других случаях он сожалел о них, как актер, который раз картинно умирающий на сцене и осознавший в одном из экстатических состояний, что знает о смерти больше, чем самые просветленные зрители.

Давно уже Ямамото свыкся с мыслью о том, что на каждом безупречном шаге вперед пространство решений немного расширяется, а при смертельном промедлении и прочем несовершенстве духа — сужается и часто до одной необходимости — смерти.

На оси времени Адмирал отметил это возвращение Нагумо как момент перелома в войне, и горьковатый привкус этой победы, окрашенный кровавыми успехами Империи, вызвал к жизни иное пленительное решение, несовершенное действие, мечту, прожитую вторую жизнь, не полководцем, не мастером слова или меча, а авианосцем, непривычно разворачивающимся в узком Красном море близ Александрии, где древние завоеватели сложили свои головы за прожитые в стратегическом пространстве судьбы.

Сейчас, до четкости слов в виртуальном учебнике военных искусств, Ямамото вспомнил свое состояние — прозрачность с оттенком безнадежности, когда навязчивые облака мыслей складываются в четкий рисунок, карту, где есть место всем событиям, и лишь люди стоят, шушукаясь, вдоль бесконечного полотна и в ужасе тыкают в перекроенный вне их разума мир. Итак, оно было, невероятное, соответствующее оперативной обстановке, коалиционной стратегии и тому необычному стилю ведения войны решение, которое выработало к этому времени японское командование, то есть он, Ямамото.

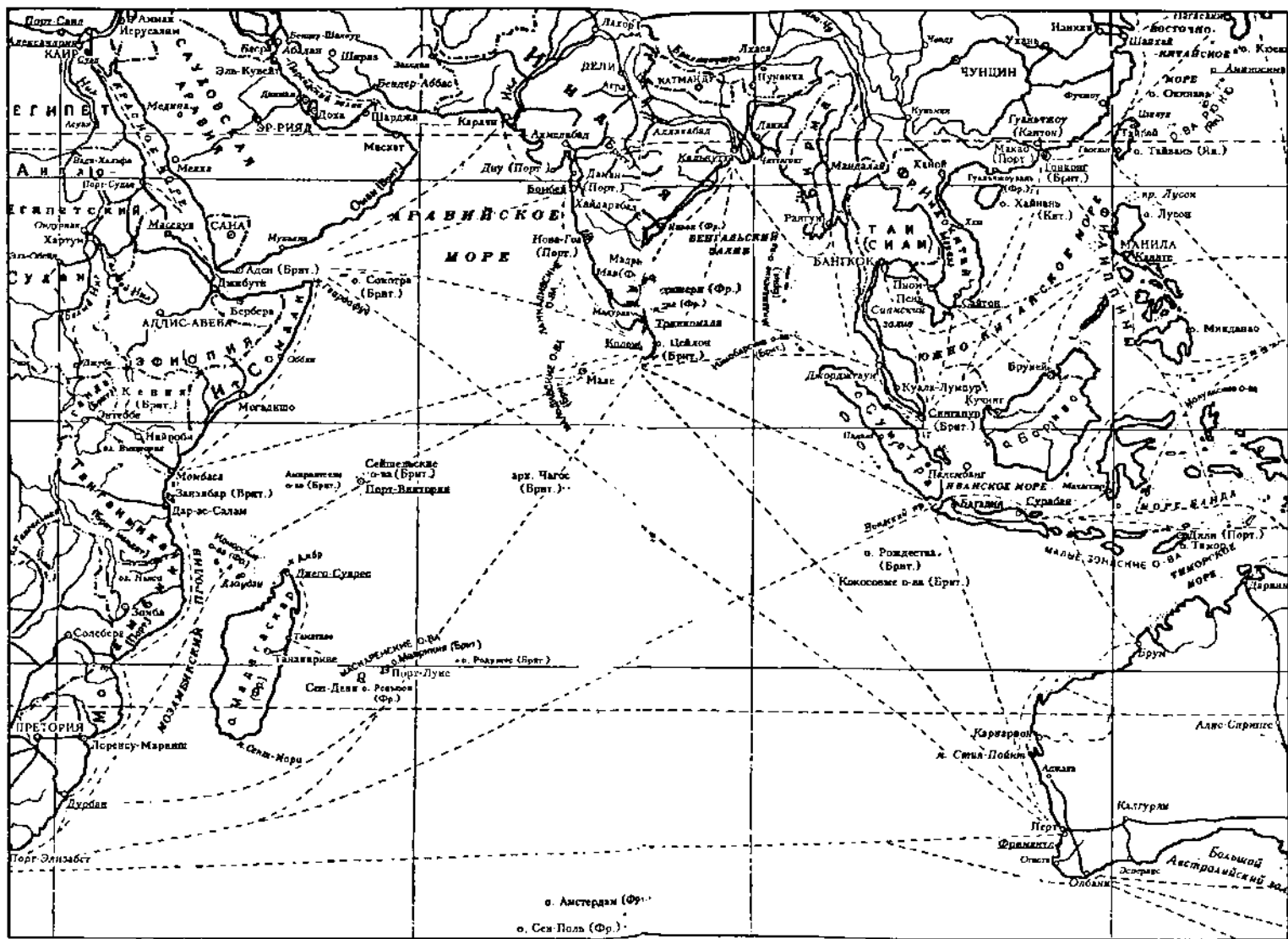
К исходу дня 6 апреля воздушные силы противника были уничтожены, флот англичан, изначально слабейший, понес серьезные потери. Японцы сохранили боеспособность всех пяти авиагрупп; на кораблях оставался достаточный запас горючего и боеприпасов. Право же, Нагумо ничем не рисковал, распространяя операцию к западу от меридиана Коломбо. Ведь если порты Цейлона пусты, то куда могли деться многие десятки английских кораблей? Японская разведка ничего не знала об острове Адду, но удобных стоянок в Индийском океане очень мало, так что разведка Мальдивского архипелага — «ход» напрашивающийся.

Далее могли последовать удары по Бомбею. Надо заметить, что после разгрома в Бирме английское командование всемерно укрепляло Индию. Однако снабжение полуострова осуществляется только морским путем (единственная транспортная магистраль из Индии на запад через Карачи имеет малую пропускную способность).

Вероятно, в Бомбее повторилась бы история Рангуна — трупы на улицах, страшные пожары, бегущее из города население. Только Бомбей намного больше столицы Бирмы, потому и масштабы катастрофы были бы неизмеримо значительнее. Во всяком случае, связь Индии с метрополией прервалась бы на долгие месяцы. С учетом очень сложного внутривнутриполитического положения в Индии это могло вызвать любые последствия. Например, провозглашение Ганди нейтралитета страны в войне между Британской и Японской империями.

Выйдя с запада на параллель Бомбея, соединение Нагумо перерезало важнейшую коммуникационную линию Индийского океана. При этом у линейных крейсеров класса «Конго» и, по крайней мере, у авианосцев пятой дивизии еще оставалось горючее для рейда в Персидский залив (правда, в Сингапур пришлось бы возвращаться уже на пределе дальности). Эти действия вынудили бы англичан бросить в «битву за Аравийское море» все оставшиеся к этому времени от Восточного флота корабли.

Такой рейд имел бы стратегическое значение, он мог даже поставить под вопрос дальнейшее участие Великобритании в войне, но «бомбейский вариант» был лишь промежуточным решением, сравнительно безопасным и потому почти безвредным. В распоряжении Нагумо был гораздо лучший план.

Индийский океан

Здесь уровень риска поднимается до значений, характерных для Перл-Харбора и позднейших японских операций вроде «Се-1». Правда, шансов на успех было намного больше.

На подготовку рейда в Индийском океане Нагумо был отведен месяц. Достаточный срок, к тому же при необходимости растягивающийся до шести недель: никто не требовал в обязательном порядке начать операцию до 31 марта. За это время можно было создать систему снабжения кораблей с дозаправкой на 90 меридиане или несколько восточнее — под прикрытием базовой авиации с Андаманских островов, которая могла действовать с конца марта или начала апреля. Затем следовало организовать две оперативные группы: «ближнюю» в составе «Акаги», «Сорю», «Тоне», «Тикумы» (при поддержке в восточной части Индийского океана крейсеров Одзавы) и «дальнюю»: «Хирю», «Секаку», «Дзуйкаку», линейные крейсера типа «Конго».

Дальность «ближней» группы — 7000 миль (с учетом запаса топлива на боевое маневрирование). Она выходит из Сингапура, дозаправляется на 90 меридиане и направляется к Коломбо, производя «по пути» также разведку Тринкомали.

«Дальняя» группа с тактическим радиусом в 5000 миль идет Зондским проливом, ложится на курс, ведущий к Адену, в обход Цейлона с юга и также дозаправляется на 90 градусе. Вблизи Цейлона «дальняя» группа отклоняется к северу, а «ближняя» — к югу, имея в виду взаимную поддержку на случай морского боя или наличия у противника в Коломбо заметных сил авиации.

Продолжая маневрировать на пределе «радиуса взаимной поддержки», соединения

продвигаются к Мальдивским островам, где уничтожают Восточный флот неприятеля или вынуждают его отход на юг. Далее «ближняя группа» оперирует в районе Бомбея (с описанными выше последствиями), «дальняя» же продолжает рейд к Адену, атакует эту базу и, если противник остается пассивным, входит в Красное море.

В этом районе, являющимся глубоким тылом Западного, Североафриканского, театра военных действий, нельзя было ожидать осмысленного сопротивления. Эффект неожиданности и связанная с этим растерянность не позволили бы англичанам за те несколько дней, которые понадобились бы авианосцам для марш-броска через Красное море, перебросить на аэродромы Александрии и Суэца необходимое количество авиации.

Удар по Суэцу, сооружениям канала, Каиру, Александрии стал бы кошмаром — и потому прежде всего, что он совпал бы или почти совпал с наступлением Роммеля в Западной пустыне. Тем наступлением, которое без всякой помощи со стороны японцев привело войска «Оси» в Тобрук и к Эль-Аламейну.

Нетрудно понять психологическое значение этого рейда для обеих сторон — для наступающих немцев и для напрягающих последние силы в обороне англичан. Самолеты с красными кругами на крыльях над Суэцем! Пилоты, сокрушившие Перл-Харбор, Дарвин, Коломбо, прошедшие с боями треть окружности земного шара, атакуют Александрию! Танки Роммеля на полпути в Персидский залив... а японские войска, наверное, уже там?... Между тем снабжение 8-й британской армии горючим шло из Абадана через Аден.

Тогда, в апрельские дни 1942 года, японским морским командованием была произведена совершенно необычная внешнеполитическая акция, имеющая глубокий смысл именно в рамках «большого» — Аден-Суэцкого или хотя бы «промежуточного» — Бомбейского варианта. Объединенный флот (то есть Нагато и Ямамото, а вовсе не МИД Японии) выступил с предложением посреднических услуг в деле заключения компромиссного мира между Германией и Советским Союзом. Как любил цитировать академик А.Н.Крылов: «Я тебе моргну, а ты догадайся...»

Германское командование предложение о посредничестве отклонило. Интересно, что советская сторона в послевоенное время этот вопрос старалась не обсуждать, из чего можно заключить, что дипломатический зондаж Японии был встречен Сталиным достаточно благосклонно.

Ямамото *не мог* отдать Нагумо приказ перейти меридиан Коломбо, то есть расширить операцию сверх пределов, оговоренных в Соглашении по блокаде Бирмы.

Он мог бы отдать такой приказ только самому себе. Этот риск должен был взять на себя непосредственный исполнитель, оправдываясь перед Морским Генеральным штабом конкретно-тактическими императивами (необходимостью найти и уничтожить Восточный флот) и, разумеется, стратегическими результатами.

Когда адмирал Нельсон, неспешно поднеся подзорную трубу к выбитому глазу, не прочел осторожного распоряжения Адмиралтейства, а потом с негодованием, достойным английского лорда, сообщил начальству о нераспознанной букве приказа, случайном заходе в чужую бухту с последующим уничтожением всех неприятельских кораблей, там обитающих, ему, вместе с историками морских сражений, аплодировал живущий через сто с лишним лет японский адмирал, грезивший своей возрожденной империей, построенной на тонкой грани плана и риска. Великий англичанин отвечал тогда за этот блестящий маневр один, и мыслительная мощь британского Адмиралтейства была бы ему только помехой.

Нельсон решил бы перейти меридиан Коломбо. Еще на это, пожалуй, решился бы рожденный британской морской легендой капитан Блад.

Действие второе

(10) *Шангри Ла*

Авианосцы «Йорктаун» и «Энтерпрайз». Северо-восточнее острова Джалуит (Маршалловы острова): 1 февраля 1942 года, около 3 часов (время местное).

С полуночи оперативное соединение попало в грозу. Бомбардировщики взлетали сквозь мрак и дождь, скользили по залитому водой металлу, освещаемому лишь синими разрядами близких молний. Полоса туч спустилась к самой воде, самолеты исчезали, едва поравнявшись со срезом полетной палубы. Стекла кабины запотевали: «дворники» не справлялись с ливневыми потоками. «Йорктаун» поднял двадцать восемь машин, и шесть из них погибли сразу — от близких ударов молний или... от столкновений в тяжелой, плотной, непроницаемой облачности. Остальные, удерживая высоту не выше 50 метров над водой, собрались в неровный строй, не предусмотренный никакими уставами. Курс их лежал на восток — на атоллы Джалуит и Мили, на Кваджелейн. Грозовые разряды препятствовали работе раций, ни о какой разведке целей не могло быть и речи — впрочем, планом операции она и не предусматривалась.

Пять пикировщиков, вышедших на Мили, целей не обнаружили. Они сбросили бомбы на первые же подвернувшиеся строения, которые сами пилоты охарактеризовали как «незначительные и вряд ли имеющие военное значение», и — уже на пути назад — «отыгрались» на «летающей лодке» Каваниси Н6К2, названной в докладе «четырёхмоторным бомбардировщиком».

Группа «Джалуит» записала на свой счет «транспорт водоизмещением в 8000 тонн», получивший «три гарантированных попадания». Судя по японским источникам, никакого транспорта там не было и в помине.

«Энтерпрайз» действовал севернее, где погода была лучше. Его пилоты также проявили фантазию, достигнув попаданий бомбами и торпедами в крейсер, пять танкеров и две «достоверно потопленные» подводные лодки. (Эти цифры кочуют из одного американского издания в другое, однако на самом деле ни одного японского крейсера 1 февраля 1942 года в гавани Кваджелейна не было.)

Так авианосцы выполнили свою задачу.

После полудня, когда американские корабли уже отходили на восток, несколько базовых пикировщиков атаковали «Энтерпрайз». Их не заметили — ни операторы РЛС, ни летчики боевого воздушного патруля, ни корабли эскорта. В хоккее это называется «выход один на один с вратарем». Помогла ли американцам слабая подготовка японских пилотов «второй линии», прекрасные маневренные качества «Энтерпрайза» или именно в тот день пришло везение, далее неизменно сопутствующее этому кораблю, но попаданий не было — лишь осколки близких разрывов слегка повредили корпус авианосца на уровне ватерлинии.

Вашингтон: конец декабря 1941 года

Вскоре после Перл-Харбора комитет начальников штабов вновь внес фамилию своего президента и номинального верховного главнокомандующего в список лиц, имеющих допуск к особо секретной информации. Рузвельт понимал, что этим жестом генералы приглашали его разделить ответственность за грядущее поражение. В канун Рождества в Военном министерстве господствовали откровенно панические настроения. Речь шла о скорой высадке японского экспедиционного корпуса в Калифорнии.

Рузвельт, оторвавшись от насущных проблем политики, стоически выслушивал этот бред. С утра он насмотрелся на карту, и маленькая далекая Япония, пусть даже и густонаселенная безумным народом, не вызвала у него страха — Америка была велика,

надежна и устойчива. «Перл-Харбор» был провокацией против успешности американцев. «Когда-то Великая Британская империя — маленький остров — долго владела миром, теперь времена изменились в пользу Америки», — думал президент. «Япония стала только поводом. Генералы этого пока не видят». Так, сам того не подозревая, Рузвельт стал первым геополитиком.

Собственные выводы ему понравились, он был готов взять за них ответственность перед армейскими. Из беседы с военным министром он вынес единственное тактическое убеждение: Киммеля придется менять. Решиться было тяжело: адмирал считался ставленником Белого дома, его отставка подрывала престиж администрации. Ценой серьезных осложнений убрать одного человека, чтобы поставить на его место другого, наверняка худшего — так Рузвельт только однажды действовал — в самом начале своей карьеры.

В гибели кораблей Киммель был невиновен. Интонации Маршалла свидетельствовали о некой растерянности говорящего, хотя он произносил убедительные по форме разгромные обвинения в адрес командующего Тихоокеанским флотом. Рузвельт подумал, что Маршалл, который мог бы оказаться на месте Киммеля или Шорта, сейчас спрашивает себя: «А так ли виновен адмирал?» Можно было еще понаблюдать за ладонями Нокса, выдававшими отчаяние. Так чувствует себя человек, только что прилюдно осудивший того, кто некогда спас ему жизнь. Тем не менее президент дал санкцию и на отстранение Киммеля от должности, и на судебное разбирательство. Это смахивало на практику русских «комиссий Государственного Комитета Оборона», выезжающих на фронт после очередного поражения и возвращающихся в Москву с «оргвыводами».

«Когда двое делают одно и то же, это — не одно и то же, — подумал президент по-французски. — Сталин демонстрирует свою решительность и непреклонность. Мне же, напротив, надо казаться слабым и нерешительным, растерянным и испуганным. В Европе и Азии принято вести народ за собой, а в годы испытаний «решительно сплотиться» вокруг харизматического военного лидера. А у нас вместо тотального единства, как чертик из табакерочки, выскакивает личная инициатива. Она прорастет из нашей свободы и нашей демократии. И проявится в полном объеме, пока власть выглядит слабой. Главное, чтобы она только выглядела таковой...»

— Я должен предостеречь вас, господин президент, от назначения Чарльза Нимица командующим Тихоокеанским флотом.

Президент прикрыл веки.

— Это — политическое назначение, — сказал он ровным голосом. Когда Рузвельт принимал решение, он начинал немного скучать, скрывал это от собеседников, не желая их обидеть. И вежливо ждал их согласия, зная, что оно уже близко. Это время он оставлял себе для наблюдения за людьми. Все они соглашались по-разному, но соглашались всегда.

— Именно. В создавшейся обстановке следует поручить дело настоящему солдату, пользующемуся доверием личного состава. Может быть, стоит подумать о таких опытных командирах авианосных соединений, как Флетчер или Хэлси, несмотря на их молодость.

Подобные разговоры входили в круг его официальных обязанностей. Если прислушивание к собеседникам затягивалось, он превращал переговоры в «деловую игру и тогда мог вести себя сколь угодно дерзко и даже некомпетентно, связывая несвязуемое или разыгрывая словесную интригу.

— Насколько я понял, именно авианосным соединениям будет принадлежать решающая роль в войне. Именно поэтому мы сейчас перестраиваем в плохие, — он с удовольствием выделил это слово, чтобы отвлечь Нокса от сути разговора, — авианосцы хорошие крейсера... Кажется, проект называется «Индепенденс»? Я придаю большое значение названиям.

Рузвельт помедлил, кажется, он разозлил Нокса. «Пора стать серьезным». Президент продолжил:

— Опытные командиры — Хэлси и Флетчер — должны оставаться на своих местах и делать дело. Нимица же я выбрал именно потому, что он всю жизнь служил на подводных лодках и, я полагаю, ничего не смыслит в авианосцах.

Президент пожалел, что он не может подняться с кресла, показав собеседнику, что разговор закончен. Пришлось произнести еще одну фразу, мягко и убедительно, и очень по-человечески, потому что как еще объяснишь свою интуицию ретивому служаке, привыкшему жить по кодексам, правилам и уставам:

— Нимиц нужен там потому, что он умеет управлять людьми, Фрэнк. Людьми, а не авианосцами.

Перл-Харбор: 31 декабря 1941 года

Спустя десятилетия американские историки, анализируя последствия первых недель войны, придут к выводу, что все могло обернуться для Америки намного хуже. Уцелели все три авианосца, а также тяжелые крейсера, вокруг которых строились ордера противовоздушной обороны соединений. Функционировали мастерские флота. Не пострадали хранилища горючего, более того, налет удивительным образом не затронул эскадренные танкеры, один из которых — «Неошо» — находился 8 декабря в гавани, до горловин цистерн заполненный авиационным бензином. Иными словами, поражение понес флот, но не военно-морская база Перл-Харбор, которая продолжала неоспоримо господствовать над центральным сектором Тихого океана.

Однако к концу декабря ни база, ни дислоцированный в ней покалеченный флот не могли считаться полноценным боевым инструментом. Специальным приказом авианосцам разрешалось заходить в Жемчужную гавань только по одному и оставаться там не более суток — страх перед повторным нападением парализовал все оперативные расчеты. Огромные корабли бессмысленно «патрулировали» вокруг островов, пожирая горючее и расходуя ходовой ресурс. Ни малейшей угрозы противнику эти бестолковые блуждания не создавали и лишь провоцировали у Хэлси невралгические приступы.

Киммель и Шорт были с позором уволены со службы и отданы под суд; обязанности командующего временно исполнял Пай, единственным стремлением которого было избежать какой-либо ответственности.

Резко изменилась и общая атмосфера на Гавайских островах. Сразу же после атаки Перл-Харбора чины военной администрации бросили за колючую проволоку тысячи японцев и японок, многие из которых были друзьями или возлюбленными офицеров флота.

Послевоенное расследование показало полную вздорность обвинений: не только организованной и вооруженной «пятой колонны», но даже и простых платных информаторов, работающих на японскую разведку, фебээровцам обнаружить не удалось. Ямамото прекрасно знал, что наднациональная доброжелательность, свойственная американцам, давно превратила «гавайцев японского происхождения» в горячих патриотов США и всякая попытка использовать этих людей в интересах Объединенного флота привела бы только к утечке информации — лучше уж было прямо объявить о предстоящей операции по токийскому радио.

Командиры кораблей и соединений, офицеры штаба Киммеля, разведчики, связисты, летчики, военные чиновники считали свою карьеру законченной. Многие не без оснований опасались оказаться на скамье подсудимых — вместе с Шортом и Киммелем или даже раньше их. Другие, полагая себя невиновными в катастрофе, были озабочены тем, что их должности займет свита нового командующего. Третьи утратили уверенность в своих силах.

Нимиц прилетел в Перл-Харбор один. Приняв командование у Пая, он в тот же день собрал офицеров в помещении бывшего штаба Киммеля. В просторной, хорошо освещенной комнате все оставалось по-прежнему.

— У меня нет своего штаба, — спокойно и даже равнодушно сказал Нимиц. — Я никогда не командовал флотом и не имею опыта управления авианосными соединениями.

Более того, я никогда не стоял на палубе авианосца. В связи с этим я прошу вас, господа офицеры, продолжить исполнение своих обязанностей в прежних должностях. Я верю в Тихоокеанский флот и не сомневаюсь в вас, ваших способностях и желании победить.

Он улыбнулся на мгновение и почти скучающим тоном заметил:

— Конечно, мы надерем им задницу, господа.

Вечером, слегка раздосадованный излишним выбросом адреналина в кровь, Хэлси спросил командующего:

— Ну и что же вы теперь собираетесь делать?

Нимиц улыбнулся:

— Ничего. Совсем ничего. А, кстати, что собираетесь делать вы?

Вашингтон: февраль 1942 года

Президент давно привык по размеру текста и его первой фразе угадывать, сколько в документе процентов вранья и есть ли в нем хоть какой-то «сухой остаток» смысла. Это сэкономило время. Сегодня он принял к сведению очередной отчет Нимица, весьма напоминающий сводки советского Информбюро, в которых немецкие танки неизменно уничтожались тысячами, а солдаты вермахта — сотнями тысяч. Некоторая доля истины в донесении, конечно, была...

Элеонора уловила его настроение. Как всегда.

— Плохие новости?

— Скорее, подозрительно хорошие. Тихоокеанский флот атаковал военно-морские базы противника на Маршалловых островах. Уничтожено столько-то японских самолетов, крейсер, две подводные лодки, какие-то вспомогательные корабли... Наши потери незначительны.

— Маршалловы острова, это где?

— К югу от Уэйка, примерно на полпути между Перл-Харбором и Филиппинами.

— Мне казалось, что японцы ведут наступление намного западнее.

— Да. Сингапур, Филиппины. Можешь добавить еще Яву.

— Значит, про Маршалловы острова — неправда?

— Почему? Наверное, правда. В том смысле, что наш флот уже научился свободно чувствовать себя в тех водах, где противника нет и не предвидится, — улыбнулся Рузвельт.

— Ты всегда иронизируешь...

— На этот раз нет. Действительно, я готов аплодировать Нимицу. Флот постепенно обретает себя, в то время, как противник слишком занят своими успехами на Филиппинах, в Малайе, в Индонезии, в Бирме, чтобы этому помешать. Дебютная стадия партии заканчивается, и, похоже, у «черных» преимущество.

— «День позора Америки» ты хочешь назвать преимуществом? — Элеонора часто и резко возражала мужу, но Франклин знал, что она всегда остается самым последовательным и мудрым из его политических союзников, она умела даже больше — поддерживать его, когда он бывал не прав, и оборачивать его амбиции в будущие активы. Сейчас он был прав.

Президент был избалован женским вниманием, но Элеонора оставалась бессменным начальником его личного штаба. Будучи «левым» социологом, своей работой она обеспечила ему миллионы голосов — может быть, больше, чем Херст, Гопкинс и Трумэн вместе взятые. Президент, копирующий частью сознательно, частью уже и неосознанно «честного Эйба», легко позволял себе быть откровенным. Относительно Элеоноры он знал, что она не только выслушает, но и поймет. Не только поймет, но и реализует сказанное в конкретную политику: в соглашение с профсоюзными лидерами и революционными радикалами, в декларацию доброжелательной позиции «рабочей» прессы, в очередной всплеск теплой переписки с русским Вождем. Сейчас, когда он отметил на далеком, но обозримом горизонте цель, нужно было, чтобы кто-то еще взглянул туда и оценил, прибавив

энергии тому, кто видит, чтобы не нужно было, засыпая, повторять себе извечный вопрос: это желание, намерение или определенно будущее?

— Мы добились многого, милая. Прежде всего, США вступили в войну. По правде говоря, мы не могли долго оставаться в стороне от пожара, который сами же и подготовили, но лидеры Конгресса и сейчас не способны это понять.

— Да, я знаю, вся твоя экономическая программа с 1932 года была ориентирована на большую войну, — Элеонора не строила иллюзий, и иногда мыслила даже быстрее Президента, это доставляло ей удовольствие, в остальное же время она не переставала удивляться и восхищаться казуистикой его ума.

— В этом плане мы копировали методы Гитлера, или, вернее, он, как умел, пытался скопировать наши. Но продолжение политики «вне войны» еще год-два создавало угрозу катастрофического кризиса. Я бы сказал, что сперва, — он выделил это слово, — мы вернулись бы в 1932 год. А стадия «потом», наверное, нас с тобой уже бы не касалась.

Он смотрел на нее ласково, как пройдоха, обманувший товарища, но уверенный, что будет прощен за веселый нрав.

— Только и шутить сейчас, — мелькнуло у Элеоноры что-то женское, домашнее, типа «ох, уж эти мужчины». Так мудрые японки всплескивали руками и всяческими невероятными ужимками удерживали Мужей от опасных поступков. Она была американкой и, отогнав заботы, обратилась в слух.

— Промышленные круги понимали это, наверное, лучше меня — этим и объясняется гладкость избирательной кампании 1940 года, вообще говоря, даже незаконной, — Рузвельт находился в одной из своих любимых ролей, оратора-учителя:

— Но объяснить ситуацию Конгрессу, не вызвав глобального политического кризиса, — продолжал он почти простодушно, — не было никакой возможности. Остается поблагодарить Тодзио и Ямамото — они убедительно сделали это за меня.

— Далее нам был сделан еще один подарок, — Элеонора отметила чуть большую жесткость в голосе безмятежного судьи, — я имею в виду решение Гитлера объявить войну США. Кстати, никто из наших политических обозревателей не понял, зачем он это сделал.

— После закона о ленд-лизе, после участия нашего флота в потоплении «Бисмарка»? — Элеонора ответила машинально, раздумывая о том, вызывает ли все-таки Гитлер у Рузвельта суеверный страх, или президент давно переиграл в свои шахматы германского оракула.

— После закона о ленд-лизе, после потопления «Бисмарка», после закона об обороне Западного полушария Гитлер, — заметил Рузвельт с усмешкой, — всячески делал вид, что его это не касается, и мы с ним больше года играли в игру: «кто кому объявит войну».

— Ты выиграл... Только, может быть, Гитлер имел в виду соответствующий жест со стороны Японии? Объявление ею войны русским? — «Нет, не боится», — подумала Элеонора и с грустью поняла, что президента уже не нужно охранять от него самого. «Как давно это случилось, на чем будут держаться их пленительные отношения, не станет ли эта война последним шагом Франклина по Пути человеческого совершенства? А как же она?» Японка бы не задала себе этого вопроса. Сегодня мысли Элеоноры все время блуждали где-то вокруг их отношений, и никакая сила не могла заставить ее вернуться к разговору.

— Нет. Гитлер — тонкий и оригинальный политик, — Рузвельт, казалось, не замечал некоторой невнимательности своей леди, — для нас с тобой — слишком оригинальный, — быть может, на всякий случай подчеркнул он.

— Гитлер, конечно, прекрасно понимал: Перл-Харбор сам по себе обозначает, что в японском руководстве победили представители морского ведомства. Флот всегда выступал за мирные отношения с СССР, — услышала Элеонора.

Было бы странно предположить, что, начав большую войну в Южных морях и обезопасив себе тылы договором о ненападении, японцы ввяжутся в опасную и ненужную им авантюру на русском Дальнем Востоке — только ради нибелунговой верности союзнику, что ли? Если подобные иллюзии у Гитлера и были, Муссолини помог ему от них избавиться

еще в тридцать девятом, — «он определенно сегодня в ударе, чем ей это грозит? Пока он нуждается в ней, ведь он может говорить искренне».

— Тогда? — чуть фальшиво изумилась Элеонора.

— Русские перешли в контрнаступление под Москвой. И ты, и Гарри — вы оба взалхлеб объясняли мне силу военной машины Сталина, помнишь? А о фюрере говорят, что он провидит грядущее.

— Ты это серьезно? — что-то она пропустила в этом разговоре, что-то важное.

— Все очень серьезно, Элеонора. Мы ведем войну, которая обречена изменить мир. Например, она при любых условиях означает конец Британской империи, и, кажется, только Уинстон все еще делает вид, что он этого не понимает.

— Я давно заметила, что ты не любишь его, — Элеонора знала Черчилля и могла сравнить его с Рузвельтом, холодно и объективно. Британский Лев был по ее мнению логичнее в речах, смелее в поступках и деятельнее в политике, но ему тотально не везло. «Это тоже имеет какое-то объяснение. Какое?»

— А за что мне его любить? Черчилль — воплощенная Британия, которая когда-то владела Америкой и совсем недавно считала себя вправе руководить миром, поработав и используя в своих целях великие страны и малые народы, — продолжал великий демократ.

«В конце концов, он только мужчина, и почему его не должно радовать, что противнику не везет», — подумала Элеонора

— Со дня на день я жду падения Сингапура. Это станет похоронным звоном для европейской и прежде всего британской колониальной политики. Политики, которую я не приемлю — как гражданин мира и как американец. Конечно, я буду помогать Черчиллю в его борьбе против гитлеризма. Но помогать — на моих, а не на его условиях, — Франклин подождал отклика на громкую фразу. Элеонора откликнулась:

— Значит, на смену Британской империи придет...

— Не знаю я, что придет, — он устал и вдруг сказался слегка раздраженным, он не может предвидеть по заказу, в конце концов, — из того, что он рассказал ей, — Потому я и считаю положение серьезным. Возвращения в прошлое нет — ничьей в этой войне уже не будет, Элеонора. Сейчас у нас есть шансы — только шансы — выиграть весь мир. Но мы можем и проиграть его — тогда Америка превратится в первую из второстепенных держав и будет отброшена назад на сотню лет: на европейском континенте станет доминировать Германия, а Тихим океаном завладеет Япония. Возможен и совсем неожиданный вариант, когда гегемоном мира окажется Советский Союз, хотя я с трудом представляю себе, как это может выглядеть.

Так вот, если Гитлер, как это говорят, предвидит будущее, он должен был воспринять русское контрнаступление под Москвой как крах «Барбароссы». Для длительной войны его экономика не пригодна. Следовательно, он оказался перед реальной перспективой советизации Европы, потому что Англия не способна противостоять этому ни при каких обстоятельствах. Хотя, — президент улыбнулся, — я полагаю, что Черчилль предпримет такую попытку. И Гитлер сделал неожиданный, но довольно сильный ход — он пригласил в Европу нас. Элеонора, это объявление войны — просьба о немедленной помощи.

— Надеюсь, ты не собираешься ему ее оказывать?

— Я христианин, а не только политик. Этим я отличаюсь от Черчилля. Если Гитлер вторгнется в ад, я не стану благожелательно отзываться о сатане. Но если ад восстанет на Гитлера и заберет его себе... по крайней мере, это объявление войны развязало нам руки в Европе, — Рузвельт оживился. С Элеонорой он мог позволить себе не считать до пяти перед произнесенной фразой. Она могла проникнуться убедительностью его афористичных речей, а могла и въедливо придираться к какому-то слишком дерзкому обобщению. Это было неплохо. Это по-прежнему слегка волновало его... и ему нравилось быть президентом и иметь такую подругу. Он приводил в порядок свои мысли, оформляя их в слова, потому что формул такой размерности для него еще не придумали. Черчилль предпочитал формулы — его никто не хотел понимать, а его, Рузвельта, кажется, даже любили.

— Страна так и не поняла, почему мы концентрируем свои усилия против Германии, хотя это Япония напала на наш флот, потопила наши корабли и убила наших моряков,— заявила Элеонора.

— Да ничего мы там не концентрируем! Но я должен был иметь в виду повторение 1812 года: немецкий фронт в России полностью разваливается, и кампанию 1942 года русские ведут в Германии, Польше и на Балканах. Я застраховался и на этот случай, заодно укрепив коалицию — и Сталин и Черчилль восприняли наше заявление о приоритетности войны с Германией, как рождественский подарок, — Рузвельт подумал, что сейчас не знает, подыгрывает ли ему Элеонора, задавая нужные вопросы или действительно он опережает оппонента на темп.

— Я все-таки не понимаю одного...— «Кажется, действительно опережает», — подумал Рузвельт.

Элеонора говорила быстро:

— Ты сказал о риске, о серьезности положения. Но ты же сам неоднократно подчеркивал, что Германия вместе с Японией и Италией занимают едва ли больше 8% территории земного шара. Экономические же возможности этих стран — об этом, Франклин, я могу судить вполне профессионально, не сравнимы с нашими — даже, если Великобританию и СССР вообще не брать в расчет.

— Мне всегда нравился твой научный оптимизм, дорогая. И меньше всего я хотел бы подрывать твою уверенность в конечной победе. Но в этой стране нет никого выше нас с тобой, потому наши иллюзии могут быть губительны для народа, которому я присягал в верности.

Я даже не буду напоминать тебе об успехах гитлеровцев и воинственных самураев, хотя сейчас «8%» расширились уже процентов до двадцати. Я скажу тебе другое, и, как профессионал, ты легко поймешь мою правоту и тот реальный риск, которому сейчас подвергнуто наше будущее.

Пока не закончится эта война и мир не изменится, с нами пребывает образ «Великой депрессии. Кажется, это гроссмейстер Стейниц сказал, что равные позиции преобразуются только в равные: с 1932 года мы пытаемся убежать от краха, но *опережаем его только на один шаг.*

Сейчас, после катастрофы на Тихом океане, грань, отделяющая полную победу от самого печального в нашей истории поражения, стала тонкой, как никогда.

Элеонора, я не верю в тонны стали, в киловатт-часы, в тысячи боевых самолетов, в заложенные десятками боевые корабли. Но в американцев я верю.

— Ты говорил о «преимуществе по дебюту».

— Да, если мы «доживем» до конца лета, у нас будет совсем легко выигранное окончание войны. Но, как остроумно заметил кто-то из великих шахматистов: «Между дебютом и эндшпилем Бог создал миттельшпиль».

Хасиродзима, штаб Объединенного флота: март 1942 года

К началу весны на «доске» Тихого океана создалось положение, чем-то напоминающее самое неортодоксальное из неортодоксальных шахматных начал — дебют Рети. Обе стороны расположили свои силы в соответствии с генеральной диспозицией. Ямамото создал нестерпимое оперативное давление по вертикали Япония — Филиппины — Индонезия — Австралия и диагонали Япония — Алеуты — Аляска. Американцы укрепили свою позицию в центральном секторе Тихого океана (опираясь на Гавайи и Мидуэй) и начали активные действия против Маршалловых островов, угрожая ударом по растянутому флангу соединения Такахаси. Ближайшие «ходы» были изучены не хуже таблицы умножения.

Операции в Южных морях развивались по инерции, которая со дня на день должна была привести войска империи в Батавию и Рангун. Далее — как в кэндо — взмах меча

переходил в широкое вращение, и «восьмеркой» возвращалась основная оборонительная стойка: опираясь на Рангун и Трук, Объединенный флот «держит» пространство от Маршалловых до Никобарских островов, имея фокусом операции направление юг-юго-запад.

Так и предполагалось в самых смелых довоенных мечтах.

С другой стороны, Нимиц не поддался на провокацию и не втянулся в авианосные бои за голландскую Ост-Индию. Его «уколы» на востоке оборонительного периода были болезненны, скорее, для самолюбия. Один раз — в самом начале февраля, когда Ямамото еще надеялся разрешить одним соединением Нагумо все оперативные проблемы на театре военных действий, — Объединенный флот попытался «поймать» «Энтерпрайз» на отходе. Бросок 1-й дивизии авианосцев был стремителен, но противник четко выполнил «шаг назад», и Нагумо ударил по воздуху; уже на следующий день Ямамото отменил операцию и позднее вернул корабли в Индонезию, сделав для себя вывод, что соединение, выполняющее «укол» в рамках тактики «кусай и беги», перехвату не поддается. Это следовало осмыслить для будущего.

США и Великобритания стремления к миру не проявляли, что означало расширение «пространства войны» и ставило Ямамото перед необходимостью на ходу, без предварительных проработок, определить новую стратегию Объединенного флота. Стратегию, для которой не предусматривалось позитивных целей, ибо уже «сегодня» империя захватила больше, нежели рассчитывала удержать после войны.

В рамках классической концепции МГШ проблему следовало решать чисто оборонительно: укрепить захваченный периметр, создать систему перебросок базовой авиации между передовыми аэродромами и поддерживать работоспособность этой сети, маневрировать Объединенным флотом в четырехугольнике Хасиродзима—Трук—Рабаул—Сингапур, имея в виду использовать его в качестве подвижного стратегического резерва. Генеральное сражение надлежало дать, когда противник подойдет к Филиппинам. Главную роль в операции довоенные планы МГШ отводили ночным атакам эскадренных миноносцев и кислородным торпедам; соединение Нагумо должно было взаимодействовать с базовыми «коку сентай», обеспечивая — наряду с линкорами — устойчивость боевой линии.

Замысел этот неоднократно — и с самыми обнадеживающими результатами — проверялся на штабных играх, однако, по мнению Ямамото, он *никогда* не отвечал реальной обстановке; теперь же, с расширением масштаба войны, окончательно превратился в прекрасно продуманный и научно обоснованный план окончательного поражения.

Передышка давала «американскому императору» время, жизненно необходимое для того, чтобы консолидировать позицию, вернуть себе господство на морях (пусть даже без западного сектора Тихого океана) и ввести в строй новые корабли. За янки выигрывал принцип «не спешить», и раз уж Нимиц не попытался контратаковать в Индонезии, значит, до этого он уже додумался. Но тогда неприятельский флот подойдет к Марианским островам не раньше, чем он достигнет тройного превосходства в силах, а до того американцев вполне устраивают набеговые операции. Об еще одной возможной стратегии противника — активных действиях подводных лодок — Адмирал предпочитал не вспоминать.

Сейчас, в марте 1942 года, Ямамото осознал, что, заканчивая фантастически успешную кампанию в Южных морях, он ни на йоту не приблизился к конечной победе. И более того, изначальная проблема несоответствия наличных сил и оперативных задач, казалось, преодоленная «систематическим движением» кораблей и соединений между Перл-Харбором, Тайванем, Сингапуром и Явой, вновь встала перед ним в полном объеме.

Он понимал, что с лета 1941 года Японская империя пыталась убежать от краха, опережая полную катастрофу только на один шаг.

Сейчас, в преддверии грандиозного успеха в Южных морях, грань, - отделяющая победу от поражения, стала тонкой, как никогда.

Вашингтон: 10 марта 1942 года

Рузвельт дал понять Стимсону, что Мак-Артура он ему «не отдаст», и военный министр удалился, удивленный и разочарованный. Поступок *бывшего* командующего американскими войсками на Филиппинах не только шел вразрез с элементарными требованиями военной чести, но и, по сути, был обыкновенным дезертирством. К тому же Мак-Артур, лично отвечал за крупнейшее в истории страны военное поражение. «Хотя позор капитуляции на него теперь не падет — эту «честь» предоставили Уэйнрайту», — подумал президент.

Рузвельт, никогда не питавший к Мак-Артуру теплых чувств, сейчас относился к генералу с особым презрением. Но ничего сделать было нельзя. Рузвельт понимал, что сидит в лингвистической ловушке: сказав на весь мир магическую фразу «я прорвался, и я вернусь», МакАртур стал «неприкасаемым»: отстранение подонка от должности несправимо подрывало бы престиж Соединенных Штатов.

«Придется теперь делать так, чтобы он вернулся в любом случае. Даже если за это надо будет заплатить жизнями и авианосцами. Мак-Артура нельзя даже отстранить де-факто — как жена Цезаря, он «обречен» быть вне всяких подозрений».

...Тихий океан поделили на Восточную — адмирала Нимица — и Западную — генерала Мак-Артура — зоны ответственности, причем Нимицу категорически запрещалось «вторгаться» в морское и воздушное пространство Мак-Артура.

«В предстоящем сражении в Коралловом море это создаст американцам серьезные проблемы», — подумал Рузвельт с неожиданной тоской. Откуда-то всплыло это *Коралловое море*, из неявных предвидений, из тех знакомых беспокойств, которые могли бы расшифровать дотошные военные, но поделиться предчувствиями он мог пока только с Элеонорой. Он несколько мгновений разглядывал карту и, словно в проколотой точке пространства, увидел авианосное сражение с японцами. Он не понял, кто победил. Япония перестала казаться ему маленьким островом, он судорожно вцепился в ручку кресла и понял, что за последние дни шутя взял на себя столько ответственности, сколько едва может удержать в голове и в сердце. У япошек на этот случай были предусмотрены медитации, несмотря ни на что, они оставались внутри себя, сколько им требуется. Его регламент требовал начать прием через две с половиной минуты. Рузвельт поймал себя на мысли, что твердит, как детскую считалку, одну и ту же фразу: «Мы, конечно, надерем им задницу».

Назавтра президент заболел.

Генерал Мак-Артур будет смещен со своего поста только в апреле 1951 года, когда преемник Рузвельта Гарри Трумэн уволит командующего силами союзников в Корее «за полную военную несостоятельность».

Хасиродзима, штаб Объединенного флота: конец марта 1942 года

«Цейлонский вариант» был представлен Главкому группой молодых офицеров штаба, но идея операции, несомненно, принадлежала Гэнде. Речь шла о движении по стратегической «линии наименьшего сопротивления»: главный удар приходился по самому слабому звену неприятельской коалиции. Захват Цейлона создавал угрозу Мадагаскару и позволял в перспективе передвинуть оборонительный периметр к западу, включив в экономическую орбиту Империи всю восточную часть Индийского океана.

Операция импонировала тем, что «принудительно» организовывала взаимодействие флота и армии, которые оказались бы вынуждены — в полном соответствии с духом и буквой учения Сунь-цзы — «спасать друг друга, как правая рука — левую».

Боевые действия рисовались молодым штабистам следующим образом:

«Армия» Йиды продвигается в северную Бирму, имея в виду прежде всего оказание давления на Китай. Армия Ямаситы сосредотачивается в Рангуне и готовится в зависимости от обстановки либо к прямому наступлению на Калькутту, либо к десантной операции на

восточное побережье полуострова Индостан. Главные же силы флота сопровождают конвои с СМДЧ из Сингапура и Джакарты на Цейлон. Захватив остров и перебросив туда с помощью авианосцев авиацию с Андаманских островов, следовало развернуть наступление на Индию с юга.

Дополнительным достоинством «Индийского проекта» было ненавязчивое, *косвенное* согласование между собой японской, итальянской и германской стратегий. К весне 1942 года положение на советско-германском фронте, кажется, стабилизировалось: профашистски настроенный Осима видел даже «несомненные признаки возвращения инициативы к немецким войскам». Ямамото не сомневался, что Гитлер попытается летом возобновить наступление. И направлено оно, скорее всего, будет на юг — к источникам нефти на Северном Кавказе и в Закавказье. Такое наступление, если оно окажется сколько-нибудь успешным, создаст эвентуальную угрозу Афганистану и Индии и, во всяком случае, привлечет внимание англичан. Между тем февральский контрудар Роммеля поставил под сомнение успехи, достигнутые союзниками в борьбе против африканской империи Муссолини, более того — при развитии операции под угрозой могли оказаться Александрия и Суэцкий канал.

Ямамото, однако, план не нравился, и прежде всего тем, что он слишком многого требовал от сухопутных сил. Да и развертывание крупных десантных сил против Цейлона подразумевало слишком наглое многодневное маневрирование в зоне действия базовой авиации противника. Кроме того, соединение Нагумо на долгий срок отвлекалось от Тихого океана, предоставляя Нимицу полную свободу действий.

Сымпровизировав операцию «С», Ямамото попытался реализовать основную идею «Цейлонского варианта»: *«малой кровью и на чужой территории»*.

Аламед, штат Калифорния: март 1942 года

К концу марта Рузвельт пришел к выводу, что русское наступление на Восточном фронте остановлено. Летняя кампания 1942 года *«начиналась под знаком упорства»*, и ни одна из сторон (исключая, конечно, Италию) не потеряла еще надежду реализовать свои шансы.

Положение США оставалось наиболее сложным. Стратегия Рузвельта, в рамках которой страна, формально сражаясь с Германией и Японией, на деле реализовывала свои внешнеполитические цели за счет Великобритании и СССР, подразумевала обязательные и яркие успехи американских вооруженных сил в борьбе с «общим» врагом. Но пока что участие США в войне знаменовалось одними только поражениями.

Во тьме не было и проблеска победы. Англичане в проигранной с треском кампании 1940 года реабилитировались отлично подготовленной дюнкерской эвакуацией, «Битвой за Англию» и безжалостным разгромом итальянцев на суше, на море и в воздухе. Россия с первых дней войны оказывала яростное сопротивление агрессору, оплачивая коалиционную стратегию потоками крови. Американские войска пока что могли поставить себе в актив оборону Уэйка (который, тем не менее, был взят японцами без особых потерь) и набеговые операции на острова Тихого океана, название которых ничего не говорило широкой публике ни в самой стране, ни, тем более, за ее пределами.

Конечно, США уже стали к этому времени главным арсеналом союзников, их «страховым полисом» на случай тотального поражения. Но грядущий Рузвельтовский миропорядок требовал побед или, по крайней мере, чего-то такого, что журналисты могли назвать победой и соответственным образом «приготовить» для внешнего употребления.

Президенту приходилось читать, что в Первую Мировую войну западная цивилизация была спасена американским экспедиционным корпусом и едва ли не единственной несчастной эскадрой, которую Вильсон направил на помощь Гранд Флиты, несмотря на противодействие Битти, справедливо остерегающегося такого «подарка», как американские корабли с их недостаточной боевой подготовкой. Эти публикации льстили

самолюбию американцев, но никого, кроме них, не убеждали. Потому в Версале и был продиктован британский, а не американский мир, и лишь чудовищная усталость народов Западной Европы от войны позволила Белому дому реабилитироваться на Вашингтонской конференции. Рузвельта «повторение пройденного» устраивало немногим больше, нежели маловероятная военная победа «Оси».

Президент понимал, сколь опасны военные операции, направленные исключительно на поднятие престижа. В 1940 — 1941 годах все преимущество, с таким трудом накопленное Германией, было растрчено в подобных «одноходовых» комбинациях. Легко, конечно, было приказать Нимицу двинуть на запад корабли, чтобы поддержать Доормана в последнем бою, решившем судьбу голландской Ост-Индии. Рузвельт полагал, однако, что даже «Хьюстон» был слишком дорогой ценой, чтобы ее стоило платить за «соблюдение приличий». Он умел ждать.

...Оперативная идея была абсолютно невоенной даже на дилетантский взгляд президента. Рузвельт перелистал досье:

«Дулиттл Джеймс Гарольд... родился в декабре 1896 года в Аламеде, штат Калифорния... Окончил колледж в Лос-Анджелесе и шахтерскую школу при Калифорнийском университете... С 1917 года, однако, в армии, стал пилотом и инструктором, в 1920-м произведен в лейтенанты. Так, совсем интересно: офицерский чин он получил в то время, когда по документам обучался в Массачусеттском технологическом институте. С 1930 года в отставке, однако связи с армией сохранил — участвует в состязаниях самолетов, в 1932 года устанавливает мировой рекорд скорости. После начала войны вернулся в ВВС, произведен в подполковники. И сразу же начинает эксперименты на Восточном побережье... Как же он умудряется со всеми договориться?» — Рузвельт даже позавидовал: до сих пор только ему, и то не каждый день, удавалось что-то внушить старшим армейским начальникам.

Дулиттл предлагал не более и не менее как бомбардировочный рейд на Токио. Никакого военного значения такая операция иметь не могла, но политически она более чем устраивала президента. Жаль только, что налет на Токио был абсолютно невозможен, и для того, чтобы понять это, было достаточно самого начального военного образования.

Ни один американский самолет не дотягивал до столицы Японии — ни с площадок в Китае, ни с Мидуэя (даже в предположении, что полоса «острова на полпути» способна принимать тяжелые бомбардировщики, что было далеко не очевидным). Авианосная же операция — при реальном боевом радиусе «доунтлессов» в 200 миль — была откровенным самоубийством.

Идея Дулиттла выглядела привлекательной в глазах профана, привычно игнорирующего «мелкие технические трудности», непреодолимость которых он просто не видит.

Подполковник предложил использовать с авианосцев тяжелые армейские бомбардировщики В-25 «митчелл».

Прежде всего это было невозможно организационно: морская и армейская авиация относились к разным родам вооруженных сил, и идея «поставить» наземные бомберы на авианосец выглядела не более реальной, нежели предложение реформировать Верховный суд, включив в него представителей женских рабочих организаций и делегацию британских парламентариев.

...Дулиттл договорился со всеми.

Когда ему сообщили, что морская и наземная авиация пользуются разными радиочастотами (одно это делало управление авиагруппой «митчеллов» с авианосца принципиально невозможным), подполковник пожал плечами. «Я вообще не собираюсь пользоваться радио». Это настолько не лезло ни в какие ворота, что специалисты просто промолчали. Дулиттл же принял это молчание за знак согласия.

В-25 были слишком велики для авианосца, они не помещались в ангар и не могли

использовать подъемник. «Поедут на полетной палубе», — равнодушно изрек Дулиттл еще одну совершенно невозможную идею.

В-25 не могли взлетать с авианосца. Точнее говоря, могли, но только теоретически. Дулиттл раздобыл два экземпляра «митчелла», договорился в феврале с командиром «Хорнета» (авианосец проходил тогда боевую подготовку на Восточном побережье) и продемонстрировал, что взлететь все-таки можно. Хотя и очень трудно, но это в отчет почему-то не вошло.

В-25 не могли садиться на авианосец, и вот это было уже реальностью на уровне чисто физического: пробег бомбардировщика превышал длину полетной палубы вдвое или втрое. «Будем прорываться в Китай и садится там», — решил Дулиттл. Его совершенно не интересовало, как согласовать этот план с Чан Кайши и как обеспечить наведение самолетов на сомнительные аэродромы гоминдановцев. «Еще не было случая, — говорил он, — чтобы взлетевший самолет рано или поздно не оказывался на земле. А «подробности» — дело пилотов».

Наконец, авианосец с «митчеллами» на палубе не мог использовать свою авиагруппу и оказывался практически небоеспособен. В обстановке общего безумия эту проблему неожиданно разрешил Хэлси, заявив, что «в рамках сделанных допущений» можно согласиться и с тем, что «Энтерпрайз» способен прикрыть своими самолетами оба авианосца.

...«Митчеллы» были погружены на палубу «Хорнета» в Аламеде, родном городе Дулиттла. Президент любил такие совпадения...

Начался последний подготовительный этап: летчик-виртуоз Дулиттл, которому предстояло возглавить ударную группу, учил армейских пилотов взлетать с палубы «Хорнета». Результаты были *«удовлетворительные, если принять во внимание приближения, сделанные при анализе»*, то есть очень плохие.

Хасиродзима, штаб Объединенного флота: апрель 1942 года

По мере того, как увеличивался световой день, адмирал Ямамото все чаще обращался к отвергнутому им летом 1941 года плану операции против Алеутских островов и Аляски. Такие действия диктовались прежде всего оперативной геометрией: фланговая атака представляет собой естественное «возражение» на контрудар в центре. Кроме того, «Северный вариант» существенно расширял «пространство войны», что, по мнению Ямамото, — всегда в пользу стороны, владеющей инициативой.

В рамках алеутского проекта военные действия переносились на территорию континентальной Америки. Это стало бы настоящим подарком для пропаганды обеих сторон. Если бы еще оставалась какая-то надежда на ограниченную войну, Ямамото никогда не решился бы на такой шаг, но надежды не было.

В пользу варианта говорил и расчет времени. Операция могла начаться в конце весны — начале лета, и длинный северный день максимально благоприятствовал бы действиям флота и авиации. При этом на первом этапе американцы могли выставить на Аляске и Алеутах лишь чисто символические силы, потому «десятков дивизий», исчисленных Ямамото на основании опыта Первой Мировой войны, операция скорее всего не потребовала бы. Кампания в Южных морях показала, что гражданское население можно не принимать в расчет: сражаются лишь кадровые армии. Потому армии Ямаситы «хватило» на огромную Малайю, корпус Йиды в одиночку взял Бирму, а густонаселенные острова голландской Ост-Индии сплошь и рядом капитулировали перед отдельными батальонами.

Наращивание сил на Аляске представляло для американцев серьезную проблему: сухопутные коммуникации между этим штатом и центральными областями страны находились в зачаточном состоянии и были хуже, нежели у русских в кампании 1904—1905 годов. Что же касается переброски сил по морю, то тут обе стороны были в одинаковом

положении. По мнению Ямамото, противник, если бы и сумел сосредоточить на северном фланге ТВД превосходящие силы, сделал бы это не раньше осени, когда погода и короткий день положили бы конец активным боевым действиям.

Недостатки «Северного варианта», впрочем, были не менее очевидны, нежели его достоинства. Классическое военное искусство не предусматривало привлечения значительных сил к операции, в сущности диверсионной. Даже Алеуты, не говоря уже об Аляске, не были нужны империи — удерживать эти территории после войны не предполагалось.

Токио, Морской Генеральный штаб: апрель 1942 года

В середине месяца Нагано познакомил Ямамото со свежеизготовленной в МГШ «теорией первостепенной стратегической важности Австралии». С видом первооткрывателя Нагано вещал, что *«территория Австралийского континента является тем плацдармом, который противник может использовать, чтобы подготовить и осуществить контрнаступление против голландской Ост-Индии»*. Ямамото отметил про себя, что на оперативное значение Австралии указывали в частных беседах почти все офицеры соединения Нагумо, в званиях от капитан-лейтенанта и выше. «Да и странно было бы не заметить на карте такой крупный объект», — язвительно подумал командующий Объединенным флотом.

Оказывается, МГШ уже успел сотворить целый план, в общих чертах повторяющий замысел Яванской кампании.

Тактически операция обеспечивалась возможностью базировать крупные силы флота и авиации на Рабаул. Сперва следовало захватить Порт-Морсби (южное побережье Новой Гвинеи) и этим расширить радиус действия базовой авиации. Уже здесь ожидались серьезные трудности: южнее архипелага Луизиада десантные суда выходили из-под истребительного «зонтика», что отдавало их на милость неприятельских самолетов. В качестве «патентованного средства» МГШ предполагал использовать соединение Нагумо, на которое возлагалась задача атаковать портовые сооружения и аэродромы Порты-Морсби, Таунсвилла и, по возможности, Брисбена, при этом прикрывая транспортное соединение и уничтожая корабли противника, буде такие окажутся в Коралловом море.

Главный удар на Порт-Морсби сопровождался продвижением к Восточным Соломоновым островам. Одновременно с броском авианосцев в Коралловое море, буквально «на ходу», создавалась база гидросамолетов на Тулаги, позднее начинал строиться большой аэродром на Гуадалканале. К перебазированию «летающих лодок» на Тулаги МГШ проявил неожиданное внимание, рассчитав эту частную, находящуюся целиком в ведении местного командования, операцию буквально по минутам. Это означало, что Нагано допускает возможность крупного морского сражения в первые же дни, если не часы, своего наступления и пытается в реальном времени организовать воздушную разведку Кораллового моря.

Потом, согласно плану, главная операция распространялась к югу и предусматривала полную изоляцию Австралии от США. Предполагалось захватить Фиджи и Самоа, а также установить контроль над Новыми Гебридами. «Западная группа» начинала наступление позднее, ее цели ограничивались Кокосовыми островами в Индийском океане. На завершающем этапе речь уже шла о десанте на пятый континент, причем выбор направления главного удара — Дарвин, Таунсвилл или Перт — МГШ великодушно передоверял командованию Объединенного флота.

...Ямамото вспомнилась вычитанная им в далеком 1927 году фраза русского шахматиста Александра Алекина, который, комментируя партию знаменитого матч-турнира в Нью-Йорке, заметил: *«Шаблонные идеи, доведенные до абсурда, производят такое же впечатление, как и эксцентричные!»*

Хасиродзима, штаб Объединенного флота: апрель 1942 года

Пять авианосцев Нагумо возвращались в Японию. При всех планах и любых обстоятельствах кораблям был необходим доковый ремонт, а экипажам — хотя бы минимальный отдых. Ямамото подумал вскользь, что после Перл-Харбора соединение ни разу не действовало в полном составе. Командующие на местах (при его попустительстве) привыкли использовать авианосцы отдельными дивизиями. Довоенным планированием такая практика безоговорочно осуждалась.

Адмирал вспомнил чеканную формулу Гэнды: «В операции должны быть использованы все шесть больших авианосцев Объединенного флота». Эта формула стала ключевой при разработке его нового плана, который следовало противопоставить австралийской авантюре Нагано.

Ямамото понимал, что появление «плана МГШ» перечеркивает Цейлонский и Алеутский проекты. Нагано не мог навязать командующему Объединенным флотом свое решение, но он был вправе отклонить любой исходящий «снизу» вариант. Не приходилось сомневаться, что Нагано, загипнотизировавший себя «австралийской опасностью», именно так и поступит.

Таким образом, план летней кампании 1942 года выходил из сферы оперативно-стратегических расчетов и становился предметом «торга» между командующими. Штабу Объединенного флота предстояло найти решение, отвергнуть которое Морской Генеральный штаб не сможет *по политическим соображениям*.

Вашингтон: 13 апреля 1942 года

После 17 часов по местному времени

К удивлению президента, Нимиц санкционировал необычную операцию почти без давления из Вашингтона. Он лишь предупредил Дулиттла, чтобы самолеты ни в коем случае не бомбили императорский дворец в Токио.

Президента это устраивало. Он симпатизировал Хирохито, по-западному считая тэнно беспомощной игрушкой в руках фашиствующих интриганов Тодзио и Ямамото. К тому же следовало считаться с возможностью политических осложнений: смерть или ранение японского императора вызвали бы резко негативную реакцию во всех монархических странах и, вероятно, в СССР.

Президент посмотрел на часы. Если он правильно разобрался в плане операции и не перепутал часовые пояса, удар должен быть нанесен завтра на рассвете. Если из этой авантюры хоть что-то получится, он немедленно сделает заявление для прессы.

— Тебе придется как-то объяснить, откуда вылетели самолеты, — заметила Элеонора. — Иначе речь будет просто неправдоподобной.

Президент отметил про себя, что неправдоподобнее всего будет выглядеть правда.

— Я скажу, что бомбардировщики стартовали с секретной военно-воздушной базы. — Рузвельт задумался, подбирая нужное слово, и, улыбнувшись, закончил: — С военно-воздушной базы под названием Шангри Ла.

Авианосец «Хорнет». К востоку от Японских островов: 18 апреля 1942 года

8 часов 24 минуты (время местное)

Пушки эсминцев и самолеты «Энтерпрайза» отправили рыбаков на дно за десять минут. За целых десять минут. Это означало, что у радистов (если, конечно, такие находились на сейнерах) перед смертью было достаточно времени, чтобы успеть связаться с землей и сообщить им состав, курс и скорость американского авианосного соединения.

— По правде говоря, надо отменять операцию,— сказал Хэлси Дулиттлу. — До рубежа, на котором ты хотел поднимать самолеты, идти еще часов двенадцать. За эти двенадцать часов нас раза три успеет атаковать японская базовая авиация. И самое неприятное, что я не знаю, где сейчас их авианосцы. Из Индийского океана они ушли, это точно. И если они идут в Японию, что очень даже возможно...

— Да, пожалуй. Подойти к Японским островам еще ближе рискованно, — согласился Дулиттл, — но я не понимаю, почему мы должны отменить отлично складывающуюся операцию.

— Предварительный расчет...

— Ерунда этот расчет, командир. Откровенно говоря, я никогда не относился к нему серьезно. Ну, посуди сам, эти ребята смогут взлететь с «Хорнета» ночью? Мне одному Токио бомбить, что ли? Я подписал эту школярскую разработку, присланную из Вашингтона, просто чтобы не злить лишний раз тебя и Чарлза.

Хэлси засмеялся. Дулиттл ему нравился.

— Мы взлетаем прямо сейчас, — закончил подполковник. — К тому же и ветер более чем подходящий.

...Сильный западный ветер был тем подарком судьбы, который позволил Дулиттлу блестяще завершить свое предприятие. Все шестнадцать самолетов благополучно поднялись в воздух, хотя армейские пилоты, миновав срез полетной палубы «Хорнета», теряли высоту и с трудом выравнивали свои машины над самыми гребнями волн.

В девять утра «Хорнет» и «Энтерпрайз» уже шли на полной скорости на восток — домой. Хэлси по радио пожелал успеха доблестным летчикам Дулиттла, но, разумеется, никто его не услышал.

Ни один самолет не дотянул до аэродромов в Китае. Несколько человек были казнены японцами, один экипаж интернировало советское правительство, кто-то погиб при посадке, восемь человек угодили в плен. Большинство же пилотов все-таки оказались на территории, контролируемой гоминдановцами, и в конце концов добрались до США. Среди них был и подполковник Дулиттл, вскоре ставший бригадным генералом и почти сразу генерал-майором.

Войну выпускник Массачусетского Технологического института закончил генерал-лейтенантом и командующим 8-й воздушной армией, действующей на Средиземноморском ТВД. На Дальнем Востоке он никогда больше не был.

(11) Коралловое море

Теоретики утверждают, что, подобно любой структурной системе, война развивается через отрицание. Тогда источником ее движения оказывается бой. В жизни, как и в шахматах, позиционная (стратегическая) «игра» выявляет истинные ценности, а богатая комбинационными возможностями тактическая схватка развенчивает ценности ложные.

В бою поражение одного из участников — на любом уровне: будь то война в целом, отдельная кампания, стратегическая операция или некая полуслучайная стычка — необязательно означает победу другого. Чаще всего обе стороны проигрывают — войну называют «путем обмана» еще и потому, что она последовательно и беспристрастно обманывает ожидания сражающихся, уводя их с каждым новым боевым столкновением все дальше и дальше от цели, которой неизменно является мир. *Мир, который будет лучше довоенного.*

Руководство войной можно представить как более или менее длинную цепочку управленческих решений. Обычно к цели ведет несколько путей. Совокупность всех выигрывающих вариантов образует пространство решений: чем оно шире, тем меньше вероятность совершить фатальную ошибку, тем ближе цель и проще выбор.

Очень часто одна из сторон попадает в «воронку», когда с каждым новым шагом «вперед» пространство решений сокращается. Иногда через такую ловушку можно проскочить, отыскав фантастический вариант из десятка единственных спасающих ходов. Но обычно на дне воронки нет выхода: *никакие, даже самые гениальные, решения военных руководителей, никакое везение* уже не помогут добиться победы или хотя бы «закончить партию» вничью.

Для Японии оперативная «воронка», погубившая империю, начиналась с выигранного сражения.

Японские острова: 18—24 апреля

Рейд Дулиттла причинил меньше вреда, нежели небольшой тайфун, слегка «чиркнувший» по побережью страны на своем пути из Тихого океана в Японское море. Такого уровня «бедствия» страна переживала по десятку раз в год, привычно не обращая на них внимания.

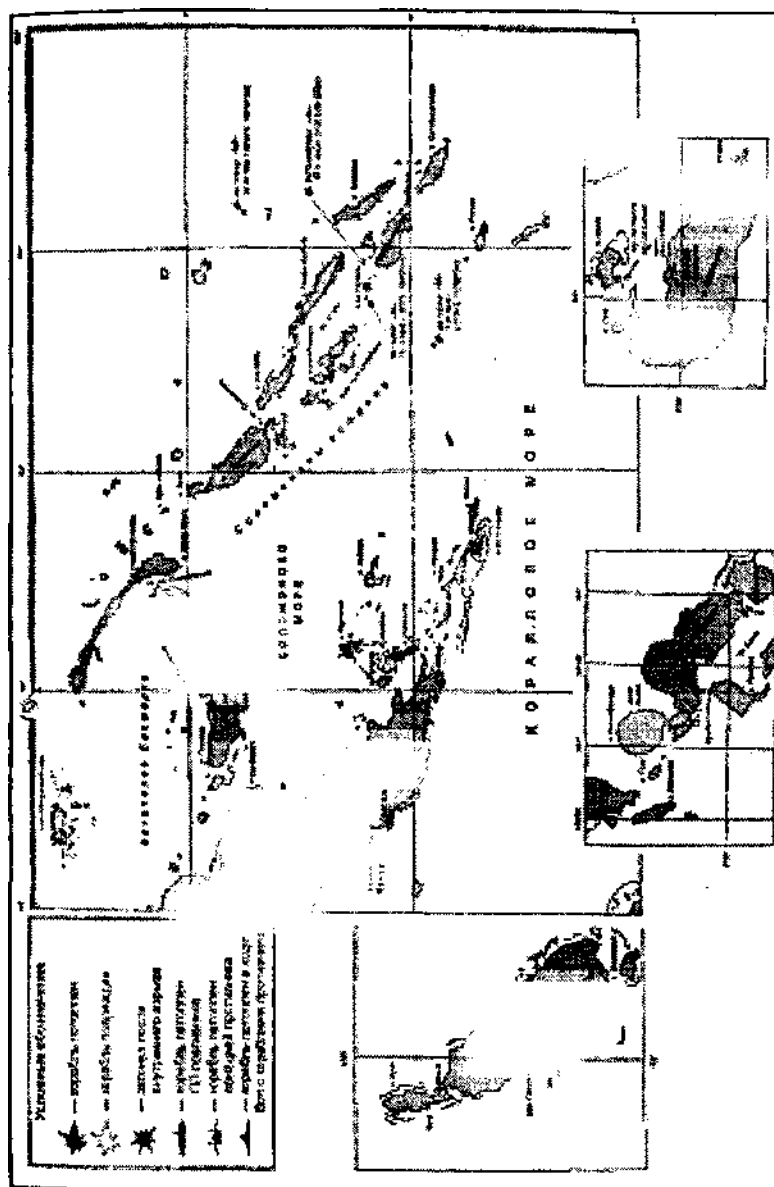
Конечно, налет высветил полную недееспособность противовоздушной обороны метрополии. Самолеты противника были обнаружены, когда они уже сбрасывали бомбы. Армейские истребители в воздухе так и не появились, а зенитный огонь был открыт с большим опозданием. Базовая авиационная разведка не смогла определить, откуда появились вражеские бомбардировщики и куда они скрылись, покинув воздушное пространство Японских островов.

Одним из первых неприятельские самолеты увидел (что называется: «лично») премьер-министр Страны Восходящего Солнца Хидэки Тодзио, который сам находился в то утро в воздухе, направляясь с инспекционной поездкой в одну из воинских частей. Неожиданная встреча с американскими бомбардировщиками настроение генералу не улучшила.

Ямамото вспомнил этот день, один из решающих дней в жизни и в войне. С утра он работал, затем вышел в сад, где мог остаться один на один с шорохами листьев и уголком неба над головой. Сейчас он ясно представлял этот небольшой сад, все его замысловатые тупички, устроенные таким образом, чтобы неизменно расширять пространство, так скупое отведенное городом...

Он получил известие о налете еще до полудня.

Адъютант отыскал адмирала в саду, несмотря на категорическое запрещение беспокоить командующего в те немногие часы, которые тот уделял медитации. Со стороны молодого офицера это было неслыханным, почти невозможным для японца нарушением субординации. Ямамото на мгновение представил себя этим сомневающимся: «Доложить — не доложить», — и улыбнулся. Он бы не прервал размышлений своего начальника, он бы не строил иллюзий, что информация — это ключи от реальности. «Ключи мы получаем от богов, иногда на время, и возвращаем их по требованию, иногда умирая, — подумал Ямамото. — Нужно бы вернуть ключи, раз их некому передать».

Сражение в Коралловом море

К трем часам дня командующий Объединенным флотом уже располагал точными сведениями о причиненном Токио и Йокогаме ущербе. Пришли и донесения зенитчиков о количестве американских самолетов, которые *«ушли со снижением в сторону моря, факт падения не зафиксирован»*. В общем, как он и предполагал, ничего существенного не произошло. В отличие от рейхсмаршала Германа Геринга, Ямамото никогда не обещал Императору и стране, что ни одна бомба не упадет на священную землю Ямато.

Приличия, однако, требовали, чтобы адмирал был потрясен риском, которому подвергался тэнно: *долг подразумевает безупречность*, а не рассуждения о границах бесконечностей.

Ямамото и действительно был потрясен. Тогда он не мог и не хотел смириться с правдой: ни МГШ, ни Объединенный флот, ни он сам, адмирал Исуроку Ямамото, не сделали всего возможного, не говоря уже о невозможном, чтобы обезопасить Императора.

— Это — моя вина, — сказал он офицерам штаба и — один — ушел в свою каюту на «Ямато». Никто не решился последовать за ним.

Для Ямамото фигура Хирохито была наполнена ускользающим цивилизационным смыслом. Он истово любил и почитал императора, сохранив почти юношеский экстаз исполнения традиции. Но сейчас, в самолете, он был спокоен — он увидел Императора,

живущего через много лет после досадливого перелета из Рабаула, и не тронутого этой подстроенной случайностью в судьбе одного из его адмиралов.

Он прикрыл глаза, чтобы лучше рассмотреть устойчивое видение будущего, увидел Хирохито, говорящего приветственные слова множеству людей и понял, что император присутствует на спортивных играх в каком-то из северных городов. Ямамото почувствовал себя счастливым — он мог не делить свой выбор ни с кем: ни с Японией, ни с Императором.

В тот вечер, оставшись в каюте один, Ямамото не дал воли чувствам, а стал анализировать. Существовало две возможности, и обе были одинаково невероятными. Если Токио бомбила базовая авиация, значит, у противника есть самолеты — и притом не тихоходные «летающие лодки», а скоростные двухмоторные бомбардировщики, — способные покрывать 2100 миль между Токио и атоллom Мидуэй (на самом деле — еще на тысячу миль больше, так как американцы ушли на запад, и очевидно, что они рассчитывали дотянуть до материка). Этот вариант Футида и Гэнды сразу отвергли бы как выходящий за рамки реального. Ямамото задавал себе неудобный вопрос: сколько невозможного уже произошло в этой войне — сплошь и рядом при его непосредственном участии? Невозможности множились от сражения к сражению, паутина неслучившихся определенностей и возникших невероятностей стала с какого-то момента частью его жизни, и мысли яростно обрастали словами «вдруг», «наверное», «неожиданно».

Конечно, удар могли нанести и корабли Хэлси. На этой версии настаивала разведка, которая убедительно доказывала (при поддержке специалистов-авиастроителей), что двухмоторных самолетов с боевой дальностью в 5000 километров в природе не существует. Однако никаких следов присутствия авианосцев противника обнаружить не удалось — по крайней мере, в радиусе шестисот миль от восточного побережья. Кроме того, никто из свидетелей не опознал в бомбивших Токио самолетах хорошо известные силуэты американских палубных бомбардировщиков. (Пилоты «Кага» в один голос заявили, что самолеты, подобные тем, которые бомбили Йокогаму, вообще не могут базироваться на авианосцах.)

Масла в огонь подлило официальное заявление Рузвельта (сделанное почти одновременно с налетом), что бомбардировщиками была использована секретная база Шангри Ла, *местонахождение которой является военной тайной*. Ямамото со снисходительным любопытством наблюдал за попытками молодых штабных офицеров отыскать эту Атлантиду на карте. Сам он достаточно хорошо знал англосаксонскую мифологию, чтобы увидеть прозрачный намек президента на таинственную Шамбалу, населенную волшебниками страну в сердце Азии.

По зрелому размышлению Ямамото склонился ко второй версии, которая, в отличие от первой, фантастической, была невозможна только организационно. Да и эстетически она выглядела более привлекательной: Перл-Харбор бомбила палубная авиация, значит, и в ответном ударе Нимица должны были использоваться авианосцы. Этот вывод, однако, адмирал решил оставить при себе.

Потрясение этих дней обернулось прозрением. Вечером 18 апреля 1942 года командующему Объединенным флотом вновь — последний раз в этой жизни — открылась магия Высшей Стратегии. Ямамото помнил, как медленно и величаво из глубин белого колодца безмыслия в сознании проявился и оформился там Новый план. План интегрировал все, что было рассмотрено ранее: в нем нашлось место и идеям Гэнды, и эскизам самого Ямамото, и разработкам традиционалистов из МГШ. Никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не санкционировал бы новую операцию, и это означало, что отныне и до самого конца людей и обстоятельства придется использовать «втемную». Венцом своего плана он обозначил тогда цикл лекций в Гарварде и не обратил внимания на то, что мелькнувшая мысль о послевоенном покое не оформилась в фигуру на кафедре, а означилась

раскрытой, косо положенной на угол стола книгой, в которой угадывался тисненый переплет «Хагакурэ».

Он вспомнил, как уверенно и четко вел дискуссию с дотошными адмиралами, как игрой слов и многозначительностью интонаций оттенил выигрышность своего плана.

— Прежде всего, — произнес Ямамото торжественно, — мы обязаны обеспечить безопасность Императора. Это безусловный императив, который стоит выше, нежели так называемая «военная необходимость». — Речь Адмирала была суховатой, и опытный наблюдатель, сравнивая обычную убедительность его аргументов, расцвеченную цитатами из Кодекса и полновесными метафорами под стать моменту, мог бы заподозрить его в игре.

— Вы утверждаете, — произнес Одзава, невольно подстраиваясь под тон сурового диалога, — что вражеские самолеты вылетели с аэродрома на Мидуэе?

— Это не мое мнение. Так считает вице-адмирал Нагумо, крупнейший в мире специалист по боевому использованию авианосцев. Он основывается, — Ямамото выделил эти слова, — на собственном боевом опыте. — Это было очень по-европейски: многозначительно свалить на авторитет, да так, чтобы оппонент не понял, ищет ли он поддержки у Нагумо или иронизирует над осторожностью флотоводца.

Вспоминая этот диалог, Ямамото улыбался. Тогда все понимали, что «боевой опыт» Нагумо здесь ни при чем. Командующий провоцировал Одзаву, как полгода назад, перед Перл-Харбором, он провоцировал самого Нагумо.

Ямамото уже оправился от беспокойства за императора, и в тот момент его меньше всего занимала ее величество Истина — ему нужно было «продать» решение. Оглядываясь назад, он вошел в это состояние, когда концентрация его мысли могла победить любого, и плотность словесного огня являлась лишь завесой уверенности.

— В любом случае идея атаковать Мидуэй преждевременна, — услышал адмирал слова Кондо. — По меньшей мере, преждевременна. В данной операции мы ставим перед собой задачу блокировать центральный сектор Тихого океана, будучи не в состоянии позиционно решить ее. Иными словами, мы сперва ищем боя, а уже потом определяем, есть ли у нас шансы на победу. Должен ли я напомнить вам, что мастера военного искусства рекомендовали делать как раз обратное?

— Продолжайте, — лишенным выразительности голосом сказал Ямамото. — Это интересно, — Адмирал презрительно пожевал губами.

Это было вопиющей наглостью, нарушением эдиктов, подражанием русским лидерам. Ямамото словно увидел строчку из будущей книги о себе.

«Только осел мог сказать подобную вещь», — строго сказал Ямамото и отвернулся от назойливого репортера». Так, много позже напишет о нем Саримачи в своей книге «Ямамото Исуроку: человек».

Йиечи Саримачи — товарищ по играм и размышлениям, маленький анархист, любивший прихвастнуть и лелеявший надежду стать в глазах людей объективным и даже безупречным, — всегда гордился им, ревностно отслеживал перемены в судьбе Ямамото с далеких школьных времен. И это было приятно, несмотря ни на что.

Адмиралу стало смешно. Он сменил позу, выражение лица смягчилось, и его спутникам в самолете на миг показалось, что Адмирал обрел силу и гордость, которые сменили усталость и ответственность. Они не могли знать, что воспоминания уже скоро закончатся, что адмирал сейчас переживает свою последнюю победу и поэтому силен ее энергией и страстью.

— Мидуэй контролируется авиацией с Гавайских островов — во всяком случае, он находится внутри радиуса дальних разведчиков и тяжелых бомбардировщиков. Напротив,

наши базовые самолеты не в состоянии прикрыть операцию. Мой боевой опыт, — Кондо, разумеется, сделал ударение на слове «мой», — доказывает, что всякая попытка наступления, которая не может быть поддержана базовыми истребителями, сопряжена с риском и сопровождается ненужными потерями.

— Мне очень жаль, — перебил Ямамото, — но решение уже принято. Я с большим уважением отношусь к вашему мнению, адмирал Кондо, и в любой иной ситуации ваши доводы были бы внимательно рассмотрены. Возможно, — он улыбнулся, — они заставили бы меня пересмотреть собственную позицию. Однако в данном случае речь идет не о стратегии, а только о долге. О том долге, который объединяет всех нас. Поэтому я прошу вас, адмирал, перейти к обсуждению плана МІ — в той его части, которая касается лично вас.

Днем раньше Гэнда вежливо, но очень настойчиво попросил Ямамото объяснить, для чего на самом деле нужна операция МІ. Ямамото с безукоризненной откровенностью рассказал о своем плане втянуть американские авианосцы в сражение на уничтожение.

— Мы нанесем удар по пункту, который они не могут не защищать. Им придется «реагировать», и они не будут знать наши истинные возможности, потому что главные силы я спрячу в трехстах милях позади соединения Нагумо — за пределами радиуса их патрульных самолетов.

— Значит, ступенчатое наращивание операции, — протянул Гэнда. — Это слишком просто, чтобы «поймать» Нимица.

Ямамото пустился в несколько более пространные разъяснения. Не дослушав, Гэнда неожиданно сказал:

— Да, я понял, — и, быстро простившись, ушел. Ямамото тогда ликовал, как человек, получивший обещание помощи от лучшего бойца лучшей школы. Гэнда ушел считать. Он был поэтом версий и планов, и если бы расчеты можно было превратить в поэтические метафоры, то они оживили бы не одно любовное послание.

Предложенный на следующий день эскиз развертывания показал, что лучший штабист Объединенного флота действительно понял все.

— Это возможно? — в упор спросил Ямамото.

— Да, — сказал Гэнда. — Если мы используем все шесть авианосцев, во-первых, и если вы сами возглавите флот, во-вторых.

Нагано тяжело поднялся навстречу Ямамото.

— Этот спектакль не делает вам чести, — сказал начальник Морского Генерального штаба.

Ямамото молча поклонился.

— Мы все беспокоимся о безопасности Императора. Превращать нашу заботу в предмет политической игры безответственно.

Ямамото вновь поклонился. Сейчас Нагано может предложить ему немедленно подать в отставку, и тогда придется снова нарушить традиции.

— Мне не нравится операция против Мидуэя. Вы опять хотите вести азартную игру, но запасы удачи не бесконечны. Впрочем, вы уже взяли на себя всю полноту ответственности.

Ямамото молчал. Нагано и не ждал ответа.

— Вы рассчитали правильно. Из очевидных соображений МГШ не может отклонить операцию, которую обосновывают подобным образом. Тем самым происходит перенос направления главного удара: если ранее мы ориентировали наступление на юг, даже — на юго-запад, то теперь усилия флота будут концентрироваться в центральном секторе Тихого океана. Это стратегия огульного прямого наступления, которую вы всегда высмеивали.

— Я не предполагаю наступления, — сказал Ямамото. — Схема операции носит несколько иной характер. Прежде всего, американские рейды убедили меня (и думаю, вас),

что перехватить авианосное соединение, действующее на неочевидном направлении, невозможно. Поскольку до сих пор наши действия концентрировались прежде всего на юге, удар по Мидуэю станет для противника неочевидным. Собственные операции против Маршалловых островов убедят Нимица в том, что он имеет дело с обычной «акцией возмездия», реагировать на которую, как выяснилось, бессмысленно. Поэтому я не предполагаю никаких боевых столкновений до начала собственно десантной операции. Когда мы захватим Мидуэй, противник поймет, что на этот раз игра идет всерьез. Взгляните, — Ямамото провел ладонью над картой, как будто заговаривая ее, — Мидуэй находится в центре правильного треугольника, образованного Датч-Харбором, Перл-Харбором и Уэйком. Но им придется сначала потерять его, чтобы это понять.

Нагано посмотрел на него сверху вниз.

— Я понимаю, — сказал он, — что тебе нужны свои острова Элиот.

По плану Гэнды первоначально подготавливалась операция на Алеутах — в рамках предварительных проработок по «Северному варианту». Наблюдатели на Атту и Кыску должны были обязательно увидеть *авианосцы*, в роли которых выступали «Рюдзе» и «Дзуйхо». Нимицу давалось трое суток, чтобы прореагировать. В идеальном случае он сразу же отправлял на север авианосное соединение.

Тогда события развивались бы максимально благоприятно. Вражеские авианосцы прошли бы ровно полдороги к Датч-Харбору к тому моменту, когда самолеты Нагумо атаковали бы Мидуэй. Гэнда планировал с размахом, понимая, что *нельзя быть достаточно сильным в решающем пункте*: шесть авианосцев и две штурмовки аэродромов и оборонительных сооружений Мидуэя. Потом — высадка СМДЧ. Предполагалось, что один или два батальона морской пехоты капитулируют сразу, если же нет — десантники раздавят их. Потому что им будет приказано захватить аэродром во что бы то ни стало и невзирая ни на какие потери. Так действовали саперы Ямаситы в Кота-Бару и парашютисты Одзавы в Палембанге.

Далее на аэродром Мидуэя перебрасывалась базовая авиация, лагуну атолла занимали «летающие лодки» (все доставлялось на борту авианосцев Нагумо). С этого момента Гэнда отсчитывал время «главной операции». *Последний шанс — флот против флота*. Для обеих сторон.

Ямамото видел начало предстоящего сражения в самой выгодной для японского флота конфигурации. Противник обречен «действовать по обстановке», постоянно отставая в темпе. Сначала — шесть авианосцев против одного заштатного аэродрома. Потом — те же шесть авианосцев плюс базовые самолеты против соединений Хэлси и Флетчера, которые, скорее всего, еще и будут подходить не одновременно. И лишь когда американцы, оценив выдвинутое положение кораблей Нагумо (авианосцы должны будут в ходе операции переместиться к востоку от Мидуэя), брбсят против них линейные силы, в бой с решающим эффектом вступят линкоры Объединенного флота.

Ямамото не сказал Гэнде, что всего этого едва ли окажется достаточным для выигрыша сражения. Довольно и того, что неприятельский флот будет принужден к возвращению в Перл-Харбор, подобно тому, как 28 июля 1904 года пришлось вернуться в Порт-Артур русским броненосцам.

В ответ на слова начальника МГШ Ямамото кивнул:

— Да, я планирую не генеральное сражение, а блокаду. Я сделаю Мидуэй передовой стоянкой флота, и это запрет американские корабли в Перл-Харборе. Тогда у меня будут окончательно развязаны руки.

Фраза была двусмысленной, и они оба это понимали.

Захват Мидуэя создавал на Тихоокеанском ТВД совершенно новую ситуацию. Американский флот обрекался на пассивность, что в реальных условиях плохо складывающейся войны должно было послужить причиной упадка духа противника. Между

тем давление на севере (Алеуты, Датч-Харбор, Аляска) и на юге (Восточные Соломоновы острова, Новая Гвинея) нарастало бы.

Обострилась бы и обстановка у Гавайских островов. Базируя подводные лодки и крейсера на Мидуэе, Ямамото блокировал бы Оаху, постепенно привязывая к земле — из-за недостатка горючего — авиацию и флот противника.

С середины июля он стал бы прощупывать оборону Перл-Харбора, используя американский метод «кусай и беги»: авианосцы подходят ночью, наносят удар на рассвете и сразу возвращаются на Мидуэй. К концу месяца Нимиц начнет получать донесения о концентрации у Мидуэя десантных транспортов, быстроходных эсминцев, тяжелых транспортных «летающих лодок». Одновременно японские авианосцы неожиданно исчезнут с якорной стоянки на Мидуэе: будет организована радиоигра, которая убедит противника, что они оттянуты к *Уэйку*, чтобы с решающим эффектом неожиданно вступить в игру. И вот когда оперативное напряжение в центральном секторе Тихого океана станет нестерпимым, когда «флот вторжения» будет чудиться американским наблюдателям «*в любой рыбацкой лодке*, показавшейся на горизонте», когда Император выступит по токийскому радио с торжественным призывом к миру, который американцам придется интерпретировать как объявление о начале операции, тогда соединение Нагумо покинет Трук и направится к северному побережью Австралии.

Новый удар по Дарвину, сопровождающийся выходом в море транспортного соединения 2-го флота, привлечет внимание противника к пятому континенту и окончательно дезориентирует его. А корабли Нагумо пройдут Зондским проливом и во второй и последний в этой войне раз направятся к Цейлону.

Нагано подошел к карте:

— Ты отдаешь себе отчет, насколько растягивается после Мидуэя наш оборонительный периметр? Корабли Нагумо не могут быть сразу везде, а там, где их не будет, противник создаст локальное господство на море и в воздухе, и Кондо будет не в силах ему помешать. Ты это хорошо понимаешь: ты ведь всю индонезийскую операцию придерживал авианосцы в районе Явы. «На всякий случай», я полагаю? Если передовое соединение начнет базироваться на Мидуэй или на Уэйк, англо-американцы, опираясь на Австралию, развернут контрнаступление в районе Новой Гвинеи, имея целью Рабаул. Поскольку эта база представляет собой становой хребет нашей обороны в Южных морях, Генеральный штаб придает ее удержанию большое значение.

Двадцать второго апреля японские военные атташе всех европейских стран были приглашены на совещание в Берлин. Командование вермахта демонстрировало, что кризис на Восточном фронте преодолен, армия «выздоровела» и вновь готова к широкомасштабным операциям. От своих информаторов в Германии Ямамото точно знал, что это неправда.

«Записи генерал-полковника Гальдера для доклада Гитлеру 21.4.1942 г.

1. Итоги зимних боев:

Личный состав в период с 1.11.1941 года по 1.4.1942 года (с большими исключениями): вышло из строя 900 000 человек; прибыло пополнения — 450 000 человек (при полном привлечении в армию контингента 1922 года рождения и мобилизации большого количества мужчин из промышленности).

Материально-техническое обеспечение в период с 1.10.41 года по 15.3.1942 года. Вышло из строя: 74 183 автомашины, 2340 бронеединиц. Поступило в качестве пополнения: 1847 бронеединиц (80%), 7411 автомашин (10%).<...>

3. Недокомплект по состоянию на 1.5.1942 года: на всем Восточном фронте — 625 000 человек. В группах армий:

— «Юг»: в среднем недокомплект в каждой пехотной дивизии около 2400 человек, в моторизованных и танковых дивизиях — от 1000 до 2000 человек;

— «Центр»: в среднем недокомплект в каждой пехотной дивизии составляет 6900

человек, в моторизованных и танковых дивизиях — несколько меньше;

— «Север»: в среднем в каждой пехотной дивизии недокомплект составляет 4800 человек, в моторизованных и танковых дивизиях положение аналогичное...»

Как Ямамото и предполагал, наступательные планы Германии концентрировались на южном стратегическом направлении. Была даже сделана попытка как-то согласовать операции ОКХ (сухопутных сил) и ОКВ (личного штаба Гитлера, по недоразумению названного «командованием вооруженными силами»). Группа армий «Юг» должна была наступать в Закавказье, оттуда в Иран и Афганистан. Роммель же, разбив в Киренаике 8-ю английскую армию и овладев Александрией, переносил свою операционную линию к северу: в Палестину, Сирию, Ирак. Дальше что-то совсем уж невразумительное говорилось о совместном движении в Индию — навстречу японским войскам.

По мнению Ямамото, предельного накала боев следовало ожидать в августе — сентябре. И именно к этому времени была приурочена вторая Цейлонская операция. Речь шла не о набеге — о полном вытеснении английского флота из Индийского океана, об оккупации Ланки, о блокаде Западной Индии. И на этот раз у Нагумо был бы прямой приказ атаковать Аден и Абадан. После захвата Коломбо эта операция уже не стала бы ни фантастической, ни даже просто рискованной.

Ямамото не гадал, окажется ли этих средств достаточно для капитуляции Великобритании. Это не имело бы отныне значения — английская позиция в Индийском океане все равно разваливалась полностью, остатки вражеского флота отбрасывались в Красное, если не в Средиземное море, а огромный меч, острием которого было соединение Нагумо, начинал решающее обратное движение...

Нагано взял в руку несколько кусочков оргстекла, изображающих японские и американские корабли, и аккуратно разместил их на карте, задавая движение оперативных соединений из Рабаула и Брисбена.

— Вне всякой зависимости от планов МГШ местное командование в Рабауле приняло решение осуществить операцию МО и захватить Порт-Морсби, — стеклянные кораблики описали полукруг и, обойдя с запада архипелаг Луизиада, вошли в Коралловое море.

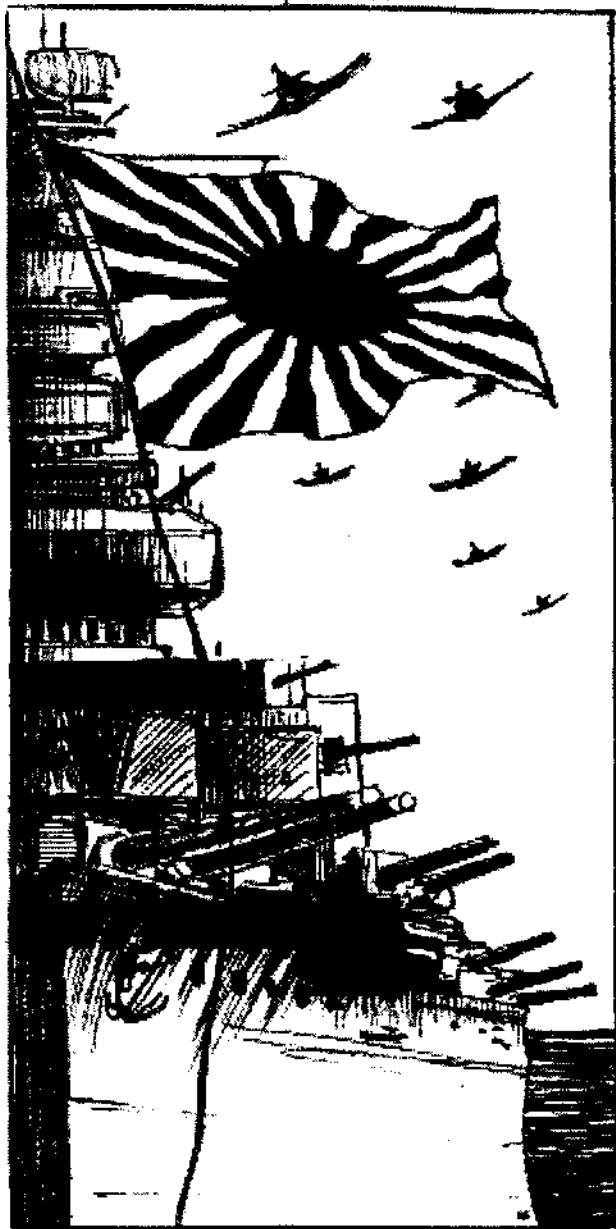
Авианосцы возвращались тем же маршрутом: Батавия—северная или северо-восточная Австралия (в зависимости от контекста, созданного 4-м флагом) — Рабаул—Трук — Уэйк—Мидуэй. Эта перегруппировка предполагалась медленной: следовало дать американцам время втянуться в затяжные бои на Алеутском направлении. (Контрнаступление на севере было для Нимица практически неизбежным ввиду очевидной необходимости продемонстрировать гибнущему союзнику хоть какие-то активные действия — притом, что наличие японских сил на Мидуэе препятствовало развертыванию американского флота к западу от меридиана Перл-Харбора.)

К началу второго года войны блокада Гавайских островов должна была вступить в завершающую фазу. Ямамото не мог предвидеть, что будет планировать противник — запоздалую и безнадежную попытку вернуть Мидуэй или прорыв ядра своего Тихоокеанского флота в Сан-Диего. И в том, и в другом случае Нимица ждали разгром, возвращение флота в Перл-Харбор и бесславная гибель там остатков корабельных соединений. А на Западном побережье США в это время спешно снаряжалась бы очередная 2-я Тихоокеанская эскадра.

— По данным разведки, — сказал Нагано, — англо-американцы обеспокоены нашей активностью в Новой Гвинее и предполагают усилить свой флот в районе Восточных Соломоновых островов одним или двумя авианосцами. — Нагано рассыпал по лазурной глади Кораллового моря силуэты вражеских кораблей.

Ямамото ждал. Его План потому и был безупречным, что включал в себя все

предложенные ранее оперативные схемы, в том числе, разумеется, и замысел МГШ. Для «правильной» организации движения гигантского маятника — соединения Нагумо — контроль над Портом-Морсби, Тулагой, Гуадалканалом, создающий перманентную угрозу северной и северо-восточной Австралии, был, разумеется, необходим. Еще большее значение наступление в Коралловом море имело для операции МI: если американцы расшифруют отвлекающий характер десанта на Алеуты, необходимо отвлечь их внимание активностью в Южных морях внушить Нимицу, что направлением главного удара является пятый континент. Но для того, чтобы урегулировать конфликт с МГШ, следовало сейчас сделать вид, что участие Объединенного флота в развертывании МО является вынужденной уступкой. Насколько он привык «читать» по лицу противника его карты, Нагано особенностей нынешнего «расклада» пока не понял.

— В связи с этим,— продолжил начальник Генерального штаба, — я прошу вас поддержать операцию МО японскими авианосцами.

Ямамото вздохнул с облегчением. Теперь оставался только ритуальный торг, причем обе стороны знали, на чем им придется «сойтись». Поскольку авианосцы 1-й и 2-й дивизии настоятельно нуждались в профилактике, в Коралловое море могла быть направлена только 5-я дивизия: «Секаку» и «Дзуйкаку». Не больше. Но и не меньше.

В операции МО японское командование вновь применило оправдавшее себя на Филиппинах и в Индонезии *многофакторное развертывание*, которое союзники ошибочно принимали за дробление сил. В действительности эта тактическая схема представляла собой предельный случай наполеоновского принципа «идти порознь, чтобы сражаться вместе»: оперативные соединения образовывали классическую «нагруженную сеть», реагирующую на контратаки противника как единое целое. Подобно всем слишком эффективным боевым приемам, многофакторное развертывание требовало виртуозного исполнения.

Общее руководство операцией было возложено на командующего 4-м флотом вице-адмирала Иноуэ Сигееси, которому подчинялись семь корабельных соединений и базовая авиация Рабаула.

Главный удар наносило Транспортное соединение Порт-Морсби: 12 транспортов с десантниками и армейскими частями. Его прикрывало Ударное соединение Порт-Морсби контр-адмирала Кадзиоки в составе легкого крейсера, шести новых эсминцев и одного устаревшего, классифицированного как минный заградитель.

Восточнее развертывалось Соединение вторжения Тулаги. Поскольку серьезного сопротивления на этом крошечном острове не ожидалось, силы контр-адмирала Сима ограничивались транспортом, двумя эсминцами и двумя очередными минзагами.

Действия конвоев согласовывало и направляло Соединение поддержки, главные силы контр-адмирала Гото. Само оно подразделялось на две боевые группы: в районе острова Нью-Джорджия (к западу от Тулаги) маневрировали тяжелые крейсера «Аоба», «Кунигаса», «Како» и «Фурутака» (собственно Соединение поддержки), далее к северо-западу находился легкий авианосец «Сехо» и прикрывающий его эсминец.

Еще западнее — между силами Гото и конвоем на Порт-Морсби — оперировало Соединение прикрытия, состоявшее из двух легких крейсеров, трех канонерских лодок и базы гидросамолетов. На эти корабли прежде всего возлагалась задача непосредственной поддержки десантников.

Наконец, 5-я дивизия авианосцев, выделенная Ямамото для операции МО и переименованная по этому случаю в Ударное Авианосное соединение, насчитывала два больших авианосца, тяжелые крейсера «Хагуро» и «Миоко» и шесть эсминцев эскорта.

Формальной датой начала операции считалось 1 мая, но корабли Гото покинули Трук еще 28 апреля. Днем позже вышло из Рабаула Соединение прикрытия, 30 числа был развернут конвой на Тулаги.

У командования 4-го флота не было ни достаточного времени, ни необходимых ресурсов, чтобы обеспечить надлежащую секретность. Многочисленные острова Кораллового моря населяли австралийцы. Радиосвязь давно стала для них единственным окном во внешний мир: каждый остров имел собственную коротковолновую станцию. Уничтожить все передатчики или взять их под контроль было задачей, заведомо превосходящей возможности японских оккупационных войск. Долгие месяцы «береговые наблюдатели», среди которых преобладали отставные военные моряки, точно и обстоятельно информировали американскую и австралийскую разведку о передвижениях японских кораблей.

Нимиц, бросивший на произвол судьбы Яву, не мог остаться совсем уж безучастным к наступательным планам противника в Южных морях. С середины февраля американское авианосное соединение регулярно появлялось в Коралловом море — как правило, крейсируя к югу от острова Эспириту-Санто.

К середине апреля (то есть ранее, нежели операция МО была утверждена Ямамото) американская разведка пришла к выводу о неизбежности скорого сражения за Новую Гвинею. Поскольку авианосцы Нагумо только что вернулись после стремительного броска к Цейлону, им, очевидно, требовался ремонт. Это создавало реальную возможность захватить

господство в воздухе над Коралловым морем и тем сорвать наступление противника. Именно такую — ограниченную — задачу Нимиц и поставил перед командующим 17-м оперативным соединением американского флота контр-адмиралом Флэтчером.

Развертывание получилось достаточно неуклюжим. В начале апреля «Лексингтон» отозвали в Перл-Харбор, имея в виду произвести текущий ремонт и снять наконец восьмидюймовые орудийные башни, превращающие авианосец в некую пародию на «вашингтонский» крейсер. Однако, когда корабль пришел на Гавайи, вдруг выяснилось, что мастерские флота загружены срочными заказами и немедленно приступить к работам по модернизации они не в состоянии. Отстаиваться в Перл-Харборе по-прежнему не рекомендовалось, и штаб Тихоокеанского флота, преодолевая неловкость, приказал авианосцу выйти в море «для срочного прохождения курса боевой подготовки». Поскольку «Лексингтон» только что вернулся из длительного похода, насыщенного рейдовыми операциями, подобное распоряжение следовало квалифицировать как издевательство.

К учебным занятиям, впрочем, приступить не успели. Шестнадцатого апреля, на следующий день после выхода из гавани, контр-адмирал Фитч, только что принявший командование оперативным соединением, получил личный приказ Нимица немедленно следовать в Коралловое море и присоединиться там к группе авианосца «Йорктаун».

Преодолев по пути «туда и обратно» примерно 6000 морских миль, «Лексингтон» прибыл 1 мая 1942 года в точку встречи, расположенную в 250 милях к западу от Эспириту-Санто.

Утром того же дня «Дзуйкаку» (под флагом командующего 5-й дивизией авианосцев контр-адмирала Хара) и «Секаку» покинули Трук и направились к югу. Общее руководство Ударным Авианосным соединением осуществлял контр-адмирал Такаги на борту тяжелого крейсера «Миоко».

2

«Естественное» развитие японского плана МО и американского маневра 17-м оперативным соединением с неизбежностью вело к первому в истории сражению авианосных групп. Битва действительно состоялась, но лишь после весьма вычурной «вступительной игры», наводящей на мысли не столько о шахматах или го, сколько об игре в поддавки.

Второго мая адмиралу Иноуэ пришла в голову мысль, что два тяжелых авианосца как нельзя лучше подходят для того, чтобы доставить с Трука на Рабаул 9 (прописью: девять!) истребителей. Получив этот приказ, контр-адмиралы Такага и Хара посоветовались и запросили Токио. Пока командные инстанции договаривались, 5-я дивизия авианосцев «вертелась по квадрату» со стороной около 100 миль, сжигая топливо и теряя время.

В это время Флетчер, принявший командование над обоими американскими авианосцами, организовывал дозаправку в море. «Йорктаун» 2 мая принял топливо с «Неошо», «Лексингтон» же был отправлен на 100 миль к западу, чтобы днем позже встретиться с танкером «Типпеканоа». Утром четвертого числа предполагалось состыковать оба авианосца, а также спешно изъятую высшими инстанциями у Мак-Артура англо-австралийскую крейсерскую эскадру.

Между тем операция МО развертывалась с точностью часового механизма, и 3 мая группа контр-адмирала Сима без всяких проблем оккупировала Тулаги. Австралийцы, не поставив в известность ни Нимица, ни Мак-Артура, ни тем более Флетчера, эвакуировали гарнизон острова еще 1-го числа, так что высадка поначалу прошла незамеченной. Однако ближе к вечеру австралийский самолет-разведчик обнаружил корабли Симы и сообщил о них в Таунсвилл. Это сообщение было перехвачено Флетчером, который сразу же начал импровизировать.

«Йорктаун» полным ходом пошел на север, удаляясь и от соединения Фитча, и от оговоренной командирами точки randevu. Флетчер хранил радиомолчание; он, правда,

послал к «Лексингтону» танкер «Неошо» со свежей информацией.

В результате утром 4-го числа «Йорктаун» и «Лексингтон» разделяло 250 миль. В 7:00 *без предварительной разведки целей* Флетчер поднял первую ударную волну — 12 торпедоносцев и 28 пикирующих бомбардировщиков.

Если бы развертывание МО шло по плану, эта ошибка Флетчера стала бы для «Йорктауна» последней. «Потратив» большую часть ударных самолетов на атаку беззащитного транспорта, разгружающегося в гавани Тулаги, авианосец ничего не смог бы противопоставить «кейтам» и «вэлам» 5-й дивизии Хара. Но «Секаку» и «Дзуйкаку» все еще кружили к северу от Бугенвиля, ожидая, как завершатся переговоры Сигееси и Нагато.

Удар по Тулаги прошел впустую. Самолеты подошли к цели не одновременно, пилоты выбирали цели как Бог на душу положит и в «разы» преувеличивали количество попаданий. Флетчер был упорен: за первой атакой последовала вторая, после полудня — третья. В результате удалось потопить «на месте» два патрульных катера, смертельно ранить эсминец «Кикудзуки» и транспорт (затонули в течение двух дней) и причинить более или менее серьезные повреждения другим кораблям соединения Симы. Три американских самолета не вернулись на «Йорктаун».

Днем 4 мая в Рабауле об этой атаке еще не знали, в результате Соединение вторжения Порт-Морсби вышло из порта в соответствии с исходным графиком МО. Теперь отставание 5-й дивизии авианосцев делалось уже просто опасным и серьезно компрометировало развертывание японцев. Наступил первый кризис сражения в Коралловом море.

Иноуэ лишь ночью убедился, что сложилась действительно серьезная ситуация. С утра 5 мая Ударному соединению приказано срочно идти на юг, юг-юго-запад. Крейсера Соединения Прикрытия подтягиваются к архипелагу Луизиды, имея задачей прикрыть правый фланг конвоя. Самолеты из Рабаула и гидроавиация с плавбазы «Камикава-мару» ведут усиленную разведку.

«Йорктаун» повернул на юг и 5 мая в 8:45 встретил «Лексингтон», после чего авианосцы вновь начали дозаправляться.

...Ямамото так и не смог узнать, чем же занималось в эти критические часы командование 4-го флота. Управление боем отсутствовало, не была организована даже элементарная связь между кораблями и соединениями. В подобной ситуации достоинства схемы «нагруженная сеть» превращались в свою противоположность.

3

Пятого мая самолеты с «Йорктауна» сбили большую «летающую лодку», которая *не успела* передать координаты авианосного соединения. Тем не менее само исчезновение самолета-разведчика позволяло довольно точно локализовать местонахождение американских кораблей. Командование в Рабауле, однако, не нашло возможным тратить время и самолеты на «расследование», оно было занято штурмовкой аэродромов Порт-Морсби.

У Флетчера разведка была поставлена не лучше. Коралловое море находилось в зоне ответственности Мак-Артура — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Самолеты с Нумеа вторгаться в воздушное пространство Мак-Артура права не имели, в результате, имея заметное количество базовой авиации, американцы были вынуждены патрулировать пространство бомбардировщиками 17-го соединения, ослабляя ударную авиагруппу.

Хара поднимать разведчики с «Журавлей» отказался категорически, положившись на базовую разведку... действительно, днем 6 мая «летающая лодка» обнаружила «Лексингтон» и на этот раз передала в Рабаул точные координаты. Увы, на авианосцах это донесение было получено лишь на следующий день.

Шестого мая четыре В-17 из Порт-Морсби обнаружили Соединение прикрытия в 60 милях южнее Бугенвиля. Последующая атака «Сехо» была безрезультатной; «летающие крепости» улетели домой, Флетчеру об этом бое не сообщили.

К исходу дня оперативный баланс все еще оставался нулевым. Авианосцы противников так и не обнаружили друг друга, хотя временами соединения Флетчера и Такаги сближались до 100 миль. Небольшое, измеряемое долями процента преимущество было на стороне американского командующего, который к вечеру 6 мая по крайней мере определил местонахождение и курс Транспортного соединения. Как ни странно, Такага и Хара не знали даже этого.

В итоге 5-я дивизия авианосцев обошла с юга Восточные Соломоновы острова и направилась на запад. Приблизительно на полпути между Тулагой и Порт-Морсби Такага повернул на юг и начал маятниковое движение, имея целью не допустить, чтобы противник, — каковы бы ни были его силы — смог встать между его кораблями и транспортом конвоев — где бы последние ни находились. Вечером 6 мая его корабли приняли топливо.

Коралловое море: 7 мая

1

Коралловое море целиком располагается между экватором и южным тропиком. В течение всего года длительность светового дня составляет чуть больше или чуть меньше двенадцати часов. Солнце неизменно скрывается за горизонтом около 18:00 по местному времени, которое на час опережает токийское.

Темнота наступает быстро; в почти абсолютном безветрии море слабо фосфоресцирует, предательски выделяя на матовом фоне мелких пологих волн кильватерные струи кораблей; небо заполнено огромными, яркими, пугающими в своем величии созвездиями: на севере у самого горизонта блестит Полярная звезда, напротив нее поднимается над океаном Южный Крест.

Температура воздуха редко превышает здесь тридцать градусов Цельсия и никогда не опускается ниже двадцати пяти. Воздух прозрачен, видимость около 5 миль. Туманов не бывает, сильные шторма редки, тем не менее, район считается опасным для мореплавания.

Связано это со слабой исследованностью дна Кораллового моря. Промеры глубин не проводились с конца XIX века (местами их вообще никогда не делали), коралловые острова имеют тенденцию непредсказуемо расти, что же касается рельефа, то, наряду с глубоководным Бугенвильским желобом, встречаются — особенно вблизи островов — обширные мели. В ходе битвы в Коралловом море штурманы и капитаны кораблей обеих сторон продемонстрировали блестящую выучку, свободно маневрируя в этих водах на тридцатиузловом ходу.

Район между Фиджи и Новой Гвинеей не играл (и не играет до сих пор) существенной роли в мировой торговле или колониальной политике. Поэтому Коралловое море никогда — до мая 1942 года — не становилось ареной морских боев.

2

В те дни в северной части Кораллового моря сложились необычные погодные условия, оказавшие огромное влияние на ход сражения. Вследствие столкновения холодного и теплого атмосферных фронтов к югу от Восточных Соломоновых островов возникла устойчивая, с резко очерченными границами, обширная «зона плохой погоды», вытянутая в широтном направлении. Внутри — низкие, тяжелые, насыщенные дождевыми зарядами тучи почти касаются воды и скрывают корабли от всякого наблюдения. По другую сторону почти вертикальной облачной стены — прозрачное ясное небо и видимость «миллион на миллион».

Соединение Флетчера первым — около 1 часа ночи 7 мая — попало в облачную зону. Американские авианосцы всю ночь шли на запад-северо-запад, имея в виду создать угрозу обнаруженным накануне десантным транспортом. Незадолго до рассвета Флетчер выделил

английские крейсера и эсминец «Фаррагут» в отдельную группу под командованием английского адмирала Крейса, которому была поставлена задача перехватить противника у южного выхода из пролива Жомар.

Авианосцы Такаги продолжали крейсировать к востоку от архипелага Луизиады. В 1:15 был совершен очередной поворот на юг. Этим маршрутом 5-я дивизия следовала до рассвета.

Едва ли этой ночью на борту любого из четырех авианосцев, рассекающих ласковые волны Кораллового моря, спал хотя бы один офицер. Оперативное напряжение к югу от Новой Гвинеи ощущалось уже чисто физически, оно вызывало галлюцинации у летчиков-наблюдателей, видения у впередсмотрящих на мостиках, кошмары у ответственных командиров. Около полуночи Флетчер передал тактическое управление соединением Фитчу, как более искушенному в управлении авианосцами. На том же основании (и примерно в то же время) Такаги препоручил руководство боем Хара.

На рассвете «Сеаку» и «Дзуйкаку» подняли самолеты-разведчики. Японский командующий вел поиск в южной полусфере на дальности около 250 миль. Аналогичную *ошибку* допустил Фитч: самолеты «Йорктауна» (американцы вели разведку попеременно одним и другим авианосцем, чтобы по крайней мере одна авиагруппа всегда была комплектна и готова к боевым действиям) обшаривали северные сектора на дистанции 275 миль.

Стремление командиров вести разведку только на максимальную глубину легко понять, но нельзя оправдать. Проблема в том, что летчики-наблюдатели почти никогда не обнаруживают противника, если он находится не в самом секторе патрулирования, а на пути к этому сектору.

В 7:30 самолет-разведчик сообщил на «Дзуйкаку», что он видит «авианосец и крейсер». Японские авианосцы развернулись на восток и немедленно подняли в воздух ударные самолеты. Противник находился далеко на юге, лишь через два с половиной часа первая волна пикирующих бомбардировщиков обрушилась на американские корабли, и лишь в этот момент — около 10 утра — обнаружилась ошибка.

Отменять атаку было поздно, и в ближайшие минуты эскадренный миноносец «Симс» пошел ко дну, танкер «Неошо» получил семь прямых попаданий бомб, не считая восьми близких разрывов. Разбитый остов корабля беспомощно дрейфовал еще четыре дня и затем был затоплен американцами, снявшими остатки экипажа.

Эта атака стоила Харе шести самолетов и пяти часов времени.

3

В 8:15 аналогичное — и столь же неэффективное — решение принял Фитч. В 175 милях к северо-западу наблюдатель обнаружил «два авианосца в сопровождении четырех тяжелых крейсеров». Естественно, Фитч квалифицировал этот «контакт» как 5-ю дивизию и приказал атаковать. Авиагруппа уже легла на боевой курс, когда вдруг выяснилось, что радиограмма была неверно дешифрована и «на самом деле» речь шла о двух тяжелых крейсерах и четырех эсминцах (зачем вообще понадобилось шифровать донесения, исходящие от самолетов-разведчиков, навсегда останется одной из загадок войны, но *«шифровали решительно все, запятые же — неукоснительно»*).

Обнаружено было Соединение прикрытия — «Терню», «Тацута» и три канонерские лодки — пожалуй, самые устаревшие и бесполезные корабли обеих сторон. Однако атаки эта группа избежала.

В 9:50 всего в 90 милях от своего авианосца летчики «Лексингтона» обнаружили легкий авианосец «Сехо» и атаковали его. В 10:25 к ним присоединилась группа «Йорктауна».

...Через много лет после войны историки будут обвинять командира «Сехо», опоздавшего с подъемом истребителей воздушного патруля, в «недопустимой халатности».

Однако нет никаких оснований считать, что на «Сехо» вообще знали об американских авианосцах! Обязанностью Соединения поддержки было обеспечение движения транспортов, и, похоже, именно эту задачу «Сехо» решал утром 7 мая. Четыре истребителя и торпедоносец были высланы им для непосредственного прикрытия Транспортного соединения, несколько самолетов вели разведку в западных секторах, остальные находились в резерве — такое распределение сил указывает, что «ориентировку», переданную Иноуэ утром 7 мая, на «Сехо» просто не получили.

Конечно, «Сехо» не был кораблем-приманкой, хотя волею судьбы он и сыграл такую роль. К 10:30 пилоты 17-го оперативного соединения одержали свою первую неоспоримую победу на Тихом океане, отправив на дно первый в этой войне японский авианосец. За несколько минут «Сехо» получил не менее тринадцати бомб и около семи торпед — данные расходятся, но в данном случае ошибка на две-три торпеды или бомбы не имеет значения: легкому авианосцу хватило бы и четверти доставшегося на его долю тротила.

В 10:31 корабль был без хода и пылал по всей длине. Через четыре минуты он на глазах американских пилотов опрокинулся и затонул почти со всем экипажем, составляющим 800 человек. Истребители «Сехо» успели сбить шесть бомбардировщиков.

4

Это был второй кризис сражения в Коралловом море. Получив известие о гибели «Сехо», Иноуэ приказал Транспортному соединению, оставшемуся без прикрытия, отходить на север. Теперь операция МО была сорвана — адмирал Флетчер выполнил свою главную задачу. Но бой был еще не закончен.

В 8:40 базовый патруль обнаружил соединение Крейса. Хара об этом контакте извещен не был, но спустя четыре часа бомбардировщики из Рабаула атаковали английские крейсера. Не было ни одного попадания, не было даже близких разрывов, однако пилоты 25-го Коку Сентай сообщили, что ими «достоверно потоплены» тяжелый крейсер и два линкора — «Уорспайт» (находящийся на Средиземном море) и «Калифорния» (ремонтирующийся в Перл-Харборе). Эта странная «атака» обошлась в четыре самолета.

Позднее, ближе к двум часам дня, группа Крейса попала под удар американских бомбардировщиков В-17 из Таунсвилла. Еще через полчаса крейсера вновь бомбили, и опять свои В-17. После этого Крейс затребовал у Флетчера воздушное прикрытие, не получил его и полным ходом ушел в Австралию. Если бы Транспортное соединение Порт-Морсби продолжало бы выполнение своей задачи, эта «комедия ошибок» дорого обошлась бы союзникам.

5

К двум часам дня ударные самолеты вернулись на «Лексингтон» и «Йорктаун», и Фитч приказал дозаправить авиагруппы и повторить удар, имея целью крейсера Гото и, возможно, транспорты. Неожиданно с «Йорктауна» вмешался Флетчер, который приказ отменил ввиду опасности со стороны японских кораблей. Фитч (на «Лексингтоне») протестовал. Пока адмиралы переговаривались флажками и лампами дневной сигнализации, время вышло: самолеты уже не успели бы вернуться до темноты.

Хара принял противоположное решение. К полудню он, очевидно, составил себе более или менее правильное представление о местонахождении американских авианосцев — на основании картины атаки на «Сехо» Хара считал, что противник прячется в зоне плохой погоды к северо-западу от кораблей 5-й дивизии. Можно представить, чего стоили Харе часы ожидания: слишком далеко на юг направил он утром свои ударные самолеты.

Только в 16:30 авиагруппа была готова к взлету. Было понятно, что ей придется садиться в темноте, поэтому Хара выслал самые опытные свои экипажи, подготовленные для ночных полетов. Пока бомбардировщики искали противника среди дождевых шквалов,

зашло солнце. Сразу стемнело, и шансы обнаружить вражеские авианосцы упали до нуля. Такахаси приказал возвращаться.

Внезапно его самолеты, участвующие во втором тяжелом многочасовом вылете за день, были атакованы «уайлдкэтами» воздушного патруля «Лексингтона». Такахаси шел без истребительного прикрытия — «зеро» были совершенно не приспособлены для ночных действий. Восемь торпедоносцев были сбиты мгновенно, «вэлы» оказали упорное сопротивление, «разменяв» один пикировщик на истребитель противника.

Уходя из-под удара, японские летчики окончательно потеряли ориентировку в ночном небе. В течение следующего часа перед измученными пилотами все время возникали миражи кораблей, которые исчезали, стоило самолету подойти ближе. Наконец пилоты обнаружили реальный авианосец, включили посадочные огни и, выпустив закрылки, пошли на посадку.

...«Лексингтон» в кромешной тьме принимал последние самолеты воздушного патруля, когда над его полетной палубой появились самолеты с включенными навигационными огнями (что американскими правилами полетов не допускалось). Мельком удивившись нарушению и отметив про себя, что самолетов садится больше, чем ожидалось, руководитель полетов дал «добро»...

Уже касаясь палубы, Такахаси увидел огромный комплекс «остров — дымовая труба», характерный для «Лексингтона» и «Саратоги», и понял, что он приказал своим летчикам садиться на американский авианосец. Дав полный газ и убрав шасси, он ушел в темноту.

Только в этот момент рассеялся гипноз у американских моряков. Они открыли беспорядочный огонь, но сбили лишь собственный истребитель, не успевший спрятаться в облаках.

Японские пилоты плакали. Никогда в этой войне — ни до этой ночи, ни после — не было таких идеальных условий для атаки: самолеты, невидимые в темноте, выходили прямо на освещенный корпус авианосца. Но перед «посадкой» группа Такахаси сбросила бомбы и торпеды в море.

Оператор РЛС на «Лексингтоне» сумел идентифицировать японские самолеты, уходящие на восток. С удивлением он увидел, что всего в тридцати милях от американских кораблей эхо-сигналы исчезают в помехах от поверхности воды. Сержант немедленно поставил в известность командира корабля.

— Что это означает? — спросил Шерман.

— Очевидно, что здесь, — сержант показал место на карте, — японские самолеты делают круг и садятся на свой авианосец. Сэр, до него всего 30 миль, и у нас есть крейсера и эсминцы!

Шерман вызвал «Йорктаун», но Флетчер был уже по горло сыт сюрпризами минувшего дня. Трудно сказать — то ли он просто не поверил «ориентировке» с «Лексингтона», то ли решил, что ночная атака может сорваться и тогда утром его авианосцы останутся без прикрытия, — но 17-е оперативное соединение полным ходом пошло на запад.

Коралловое море: 8 мая

1

Такага точно знал, что американские авианосцы рядом. Он тоже мечтал о ночной атаке. Но опытных ночных экипажей больше не было — из группы Такахаси вернулись на свой корабль только четыре смертельно усталых пилота.

Итоги первого дня боя оказались для японцев катастрофическими. Поскольку «Неошо» и «Симс» в лучшем случае компенсировали результаты налетов на Тулаги, в пассиве вице-адмирала Иноуэ оставались легкий авианосец «Сехо», его самолеты (21 штука) и около 600 человек команды. Операция МО была сорвана, управление многочисленными

соединениями, маневрирующими в районе архипелага Луизиада, утрачено. Пятая авианосная дивизия — единственная надежда японцев — лишилась 29 лучших своих экипажей. Командование в Рабауле подозревало, что 17-е оперативное соединение Флетчера серьезных потерь не понесло. Это означало, что утром 8 мая девяносто семи оставшимся японским самолетам будут противостоять около ста сорока американских.⁶⁵

Хара взял ситуацию на себя. В полночь его авианосцы повернули на север, чтобы приблизиться к транспортам Соединения Порт-Морсби и при необходимости прикрыть их. К этому времени Хара еще не знал, что корабли не пошли через пролив Жомар и остаются к северу от Луизиад.

...Разведывательные самолеты Хара запустил ночью. Сразу после восхода солнца (и до получения сообщений с разведчиков) Такахаси повел в бой ударную группу 5-й дивизии: 18 истребителей, 33 пикирующих бомбардировщика, 18 торпедоносцев. Хара приказал самолетам развернуться в широкий веер и самим искать американские авианосцы.

17-е оперативное соединение Флетчера вышло за ночь из «зоны плохой погоды», лишившись без всякой необходимости важного тактического преимущества. С утра «Лексингтон» выслал авиагруппу: разведка велась в секторе 360 градусов — 300 миль на север и 150 — на юг.

65Сведения о потерях сторон в разные дни боя в Коралловом море расходятся. Как ни странно, лучше документированы потери японской стороны. К началу боя на «Секаку» и «Дзуйкаку» было по 63 самолета, что соответствовало штату без резерва — запасных самолетов, хранящихся в разобранном виде и собираемых по мере необходимости (по 14). «Сехо» имел 12 истребителей и 9 торпедоносцев (по штату: 12 истребителей + два запасных, 15 торпедоносцев + один запасной). Всего в бою могли участвовать 147 японских палубных самолетов.

На атаке группы «Неошо» — «Симс» потеряно шесть самолетов (данные американские, японская сторона не подтверждает их, но и не опровергает). С «Сехо» погибла вся его авиагруппа — 21 машина. Наконец, из группы Такахаси вернулись на свои авианосцы четыре машины, следовательно, 23 самолета погибли. Эта цифра складывается из восьми торпедоносцев и одного «взла», сбитых боевым воздушным патрулем, двенадцати машин, севших на воду (по другим данным — село на воду одиннадцать самолетов, один был сбит огнем «Лексингтона» при попытке сесть на него), и двух самолетов, которые совершили посадку на суше.

Таким образом, на утро 8 мая остается 97 самолетов.

Американские авианосцы также были укомплектованы не по штату. Так, истребительные эскадрильи были сокращены до 18 «уайлдкэтов». Ударная авиация «Лексингтона» была, видимо, пополнена до штатной численности в 60 самолетов (четыре эскадрильи). Насколько можно судить по составу авиагруппы, атакующей Тулаги, на «Йорктауне» ударных самолетов было 55, что выглядит правдоподобно: этот авианосец не возвращался в Перл-Харбор, долго действовал в Южных морях и вполне мог потерять несколько машин от небоевых причин.

Атака на Тулаги стоила трех машин, по три самолета с каждого авианосца было потеряно при уничтожении «Сехо», еще четыре погибли вечером — в ходе боя с группой Такахаси и по иным причинам. (Потеря 10 самолетов косвенно подтверждается составом ударных волн, выпущенных «Лексингтоном» и «Йорктауном» соответственно 7 и 8 мая: 92 и 82 самолета.)

Таким образом, из 151 самолета потеряно 13, и 138 остаются боеспособными на утро 8 мая.

Американские источники называют другую цифру — 122 самолета. Расхождение, по всей вероятности, вызвано наличием поврежденных самолетов, которых, например, на «Йорктауне» после атак на Тулаги было восемь.

Распределение самолетов утром 8-го числа подтверждает цифру «сто двадцать два»: 82 машины в ударной группе, 32 — «в обороне», восемь — дальние разведчики.

В 7:25 (токийское время) старшина Канно Кендзо передал на «Дзуйкаку» об обнаружении американских авианосцев. Его самолет замечен не был, и Канно имел возможность тщательно рассмотреть корабли противника, установить их курс. На этот раз ошибки быть не могло — это несомненно «Йорктаун» и «Лексингтон».

Японские авианосцы были найдены на три минуты раньше: в 7:22 лейтенант Смит, отыскав «окно» в облачности, увидел на границе «зоны плохой погоды» «Сеаку» и «Дзуйкаку».

Оба командующих знали, что они обнаружены — американцы перехватили радиограмму Канно, японцы видели самолет Смита. Теперь счет пошел на минуты.

Прекрасная организация управления в Объединенном флоте вновь проявила себя: Хара сразу же передал новую ориентировку, Такахаси собрал поисковый «веер» в плотную группу (что было не просто уже хотя бы потому, что «зеро» не оснащались радио) и лег на боевой курс.

Горючее у Канно подходило к концу, когда американские авианосцы на его глазах развернулись против ветра и начали подъем самолетов. (В связи с потерей времени на дешифровку сообщения и неполной готовностью авиагруппы «Лексингтона» это произошло только в 8:15.)

Противников разделяло 200 миль, японцы находились прямо на север от американцев. Длительные, часто невразумительные и почти всегда ошибочные маневры предыдущих дней и ночей выкристаллизовались утром 8 мая в неизбежность самого жесткого варианта авианосного боя — встречного. Теперь корабли обеих сторон будут атакованы - и, вероятно, потоплены — одновременно. Это означало, что ударным самолетам скорее всего будет некуда возвращаться.

Примерно на полпути «домой» Канно встретился с авиагруппой Такахаси. Опытный летчик-наблюдатель, он понял, что ударные самолеты могут не найти «Лексингтон» и «Йорктаун» сразу, и тогда авиагруппа обязательно понесет ненужные потери от боевого воздушного патруля американцев. Желая вывести «своих» прямо на авианосцы противника, Канно повернул обратно и возглавил атакующую волну. Теперь у него не было ни одного шанса вернуться: горючего оставалось на полет только в одну сторону — до американских кораблей.

Атака началась в 9:20. Воздушный патруль американцев был малочислен и находился слишком близко к своим авианосцам. Группа Такахаси прорвалась к ядру ордера, мгновенно выстроив вокруг «Лексингтона» и «Йорктауна» рисунок звездного налета. Пикировщики и торпедоносцы действовали одновременно: самолеты выходили на цель с разных курсовых углов, не давая кораблям возможности, повернув, уклониться от всех угроз. Японские пилоты не маневрировали. Увидев цель, они шли прямо на нее, не обращая внимания ни на истребители, ни на зенитный огонь. Это приводило к страшным, катастрофическим потерям, но и придавало атаке смертоносную эффективность.

Через десять минут оба американских авианосца горели.

Главный удар принял на себя «Лексингтон», получивший два торпедных и пять бомбовых попаданий.⁶⁶ Еще три бомбы разорвались в воде, гидравлическим ударом разрушив борт корабля. «Торпеды не смогли бы причинить нам больше вреда», — охарактеризовал эти повреждения начальник службы борьбы за живучесть.

«Йорктаун», несмотря на поднимающийся от него столб дыма, пострадал слабо. Он получил лишь одно прямое попадание — бомба, пробив несколько палуб, разорвалась в авиационной кладовой. Было немало жертв, но авианосец по-прежнему мог поднимать и принимать самолеты.

---

⁶⁶По данным его командира Ф.Шермана. Другие источники утверждают, что прямых попаданий бомб было два (С.Далл) или три (отчет о битве Кэрига и Прудона).

Фитч бросил в атаку 82 самолета — 15 истребителей, 46 бомбардировщиков, 21 торпедоносец. Тридцать девять машин были с «Йорктауна», сорок три с «Лексингтона».

По всем расчетам японская и американская авиагруппы должны были пройти насквозь, завязав неправдоподобно короткую и немыслимо ожесточенную встречную схватку. Но американские самолеты держались почти над морем, Такахаси же вел свое соединение на большой высоте, и в результате противники разминулись в случайном шквале.

Полет показал сомнительную подготовку американских летчиков. Эскадрильи потеряли друг друга. Первыми на цель вышли пикировщики «Йорктауна» — и начали ждать подхода торпедоносцев. «Сеаку» использовал предоставленную фору для того, чтобы насытить воздушный патруль оставшимися истребителями.

Эта задержка резко снизила эффективность атаки. Торпедоносцы, преследуемые «зеро», сбросили свой груз слишком далеко от противника. Пикирующие бомбардировщики были удачливее, они сумели добиться двух попаданий и трех близких разрывов. «Сеаку» на час потерял возможность поднимать и принимать самолеты.

Из бомбардировщиков «Лексингтона» половина вообще не смогла найти японские авианосцы (что удивительно: Смит продолжал «прямой радиорепортаж», а на всех самолетах Флетчера было радио), а вторая половина добила одного попадания все в тот же «Сеаку». Пилоты, естественно, считали, что серьезно повредили оба вражеских корабля. (Ф.Шерман, командир «Лексингтона», утверждал это даже после войны.) В действительности, однако, «Дзуйкаку» переждал обе атаки в зоне шквала и вообще не был замечен.

Теперь наступил третий кризис сражения в Коралловом море. К двум часам дня авиагруппы вернулись, и командующим соединениями надлежало принять решение на продолжение операции.

На кораблях Т.Ф.17 первоначально господствовало уверенное настроение. «Лексингтон» практически справился с пожаром, крен ликвидировали, машины позволяли развивать полную скорость. Полетная палуба не была серьезно повреждена: корабль, по всей видимости, мог принимать и выпускать самолеты.

Незадолго до часа дня иллюзия относительного благополучия была развеяна сильнейшим взрывом паров бензина. Авианосец вновь охватило пламя, вышли из строя турбогенераторы, упало до нуля давление в пожарной магистрали. Начались взрывы боекомплекта. Помещения корабля заполнились дымом — ни внизу, ни на ангарной палубе уже нельзя было находиться без дыхательных аппаратов. Поскольку управлять боем с палубы горящего «Лексингтона» было невозможно, в командование соединением вновь вступил Флетчер.

«Йорктаун» принял остатки своей авиагруппы и часть самолетов «Лексингтона». К двум часам дня корабль полностью восстановил боеспособность, и появилась возможность повторить атаку. Флетчер, однако, ограничился воздушным патрулированием.

Уже во время войны это решение подвергалось критике. Следует, однако, учесть, что «Йорктаун» далеко не сохранил свою авиагруппу нетронутой (как почему-то считали Ф.Шерман и Фитч). Напротив, из 30 американских самолетов, потерянных 7 — 8 мая в воздушных боях, две трети были с «Йорктауна». Поскольку 36 машин остались на «Лексингтоне» и участвовать в бою не могли, на «Йорктауне», по самым оптимистическим расчетам, находилось не более 82 самолетов, многие из которых, надо полагать, были повреждены.⁶⁷

---

67 Ф.Шерман подтверждает потерю шести самолетов группы «Лексингтона» во время

Но основная проблема была не в потерях. За последние несколько дней авиагруппы «Йорктауна» участвовали в пяти боевых и трех разведывательных вылетах. Хотя перед рейдом на Тулаги корабль, *вероятно*, пополнил запасы авиационного топлива, его дефицит уже должен был ощущаться. Еще хуже обстояло дело с боезапасом — бомбами и торпедами.

Во всяком случае, Флетчер не считал возможным рискнуть еще одной атакой, после которой его последний авианосец мог остаться без боеспособной авиагруппы. Это решение, логичное и вполне обоснованное, могло поставить Тихоокеанский флот и саму Америку на грань катастрофы.

4

В 200 милях к северу от «Йорктауна» «Сеаку» горел и все еще не мог поднимать самолеты. «Дзуйкаку» принял на палубу то, что осталось от обеих авиагрупп. Постепенно вырисовывались размеры потерь. За утреннюю атаку 5-я дивизия лишилась двадцати шести бомбардировщиков, на этот раз не вернулся на корабль и Такахаси. Оставшиеся в живых пилоты выглядели так, словно прошли через ад, почти все самолеты имели повреждения. Для новой атаки можно было выделить всего около сорока машин, причем для организации воздушной разведки в этом случае самолетов не оставалось.⁶⁸

атаки «Сеаку» (два истребителя, три бомбардировщика, один торпедоносец). Прямых данных по потерям группы «Йорктауна» нет, однако, судя по схеме воздушного боя (несогласованная атака, ожидание торпедоносцев), они должны быть значительными.

Официальные американские источники определяют общие потери в Коралловом море в 66 машин. Эта цифра, однако, занижена: в нее достоверно не входят три самолета с «Йорктауна», потерянные при атаке Тулаги.

Принимая реальные потери американцев за 69 самолетов, получим следующее распределение:

атака Тулаги — 3 самолета,
потеряно с «Лексингтоном» — 36 самолетов,
потеряно в воздушных боях — 30 самолетов.

Из последней категории десять машин погибли 7 мая, следовательно, двадцать были сбиты 8-го числа. Если шесть из них принадлежало «Лексингтону», тогда четырнадцать самолетов составляют потери группы «Йорктауна».

В этом случае к двум часам дня на «Йорктауне» находилось: 50 самолетов его собственной авиагруппы, 32 самолета, принадлежащие «Лексингтону».

С утра по крайней мере 16 самолетов были небоеспособны. По данным Ф.Шермана, получили повреждения все без исключения самолеты, находящиеся в воздушном патруле, то есть 32 машины. И, исходя из обычной статистики поврежденных и сбитых самолетов, мы должны предположить, что не менее 20 самолетов, вернувшихся после нанесения удара по японским кораблям, также имели повреждения. Всего — 68 машин, часть из которых, конечно, входит в число тех 36 самолетов, которые остались на «Лексингтоне». Вряд ли мы ошибемся более чем на один-два самолета, если предположим, что к 14:00 8 мая на «Йорктауне» находилось около 50 боеспособных самолетов.

68 Утром на «Сеаку» и «Дзуйкаку» оставалось 97 самолетов, 26 были сбиты во время атаки американских кораблей. Поскольку японцы смогли перебросить на «Дзуйкаку» все самолеты с поврежденного авианосца, на 14:00 они формально имели 71 самолет. Однако лишь 39 из них (24 «зеро», 9 «волов» и 6 «кейтов») могли немедленно взлететь.

Всего за 7—8 мая японские авианосцы потеряли 76 самолетов. Еще девяти машин лишилась базовая авиация: четыре бомбардировщика бесполезно погибли при атаке соединения Крейса, три гидроистребителя были сбиты во время боев над Тулагой, две «летающие лодки» не вернулись из разведывательных полетов.

Таким образом, общие потери японской стороны составили 85, американской — 69 самолетов. («Общепринятыми» являются цифры 77 и 66).

Такаги верил и не верил донесениям летчиков, которые утверждали, что оба американских авианосца потоплены. Относительно «корабля класса “Саратога”» пилоты были вполне уверены, судьба же «Йорктауна» вызывала сомнения. Впрочем, считалось, что ни тот, ни другой авианосец уже не могут производить взлетно-посадочные операции.

Прежде всего Такаги подтвердил решение Хара разделить поврежденный «Секаку» и немедленно направить корабль в Рабаул. «Дзуйкаку», как бы конвоируя горящий авианосец, также повернул на север.

Расстояние между авианосными соединениями начало быстро увеличиваться.

8 мая 1942 года, вечер

1

Несмотря на все усилия команды, положение «Лексингтона» ухудшалось с каждым часом. Вышло из строя рулевое управление. Горящие палубы накалились и деформировались, отсеки постепенно теряли водо- и нефтенепроницаемость. Погас свет, начались нарушения внутрикорабельной связи. Носовое машинное отделение было покинуто.

Около четырех часов дня авианосец остановился. «Леди Лекс» всегда была счастливым кораблем, любимым командой и всем личным составом Тихоокеанского флота. Ф.Шерман не мог заставить себя произнести слова, которые станут ей приговором. Но никакой надежды больше не было, и контр-адмирал Фитч взял на себя ответственность, деликатно *посоветовав* командиру «убрать ребят с корабля».

В восемь часов вечера пылающий от носа до кормы авианосец был потоплен торпедами с эсминцев эскорта. «Йорктаун» полным ходом направился на юг.

На следующее утро Флетчер организует некое подобие авиаразведки в северных секторах, и вскоре пилоты сообщат ему о двух преследующих его неприятельских авианосцах (в действительности это был большой коралловый риф, о который разбивались волны прибоя). Флетчер по радио предупредит Таунсвилл и Порт-Морсби о неизбежной атаке неприятеля и увеличит скорость соединения до возможного предела. Через Эспириту-Санто и Нумеа бывшее Т.Ф.17 вернется в Перл-Харбор. Вернется *вовремя*.

2

Хара с удивлением перечитал радиogramму.

Операция МО окончательно отменялась. «Секаку» было приказано без захода в Рабаул совершить переход в метрополию. «Дзуйкаку» предписывалось покинуть Коралловое море и вернуться на Трук.

Адмиралы Хара и Такаги не знали, конечно, что именно в этот час эсминец «Фелпс» поставил точку в боевой карьере «Лексингтона», что 17-е оперативное соединение распущено и американские авианосцы ушли на юг. Но отсутствие противника в радиусе по крайней мере 200 миль к югу от архипелага Луизиады было уже точно установлено. В этой ситуации отступление «Дзуйкаку» выглядело и бессмысленным, и позорным.

Такаги пожал плечами в ответ на молчаливый протест Хара:

— Мы ведь сделали свое дело — потопили два авианосца врага. Надо полагать, теперь 5-я дивизия нужна командованию в другом секторе. А нам не помешает дозаправиться и пополнить авиагруппу. И, в конце концов, приказ есть приказ...

Приказ пришел через четыре часа, за минуту до полуночи. Главнокомандующий Объединенным флотом вице-адмирал Исуроку Ямамото отменял все распоряжения Иноуэ Сигееси и требовал от контр-адмирала Такаги найти поврежденные авианосцы противника и уничтожить их. Любой ценой.

Стадия «постмертум» сражения в Коралловом море: «Дзуйкаку» вновь поворачивает на юг, с утра на максимальную дальность уходят самолеты-разведчики. Получив прямой приказ Главкома, Хара и Такаги делают все возможное и невозможное, чтобы выполнить его. Они считают, что на карту поставлена их честь.

В действительности на эту карту была поставлена судьба всей Империи.

В эти весенние дни 1942 года Япония очень близко подошла к победе в Тихоокеанской войне. *Она даже прикоснулась к ней между Коралловым морем и Мидуэем...*

(8) Фотография: 5-я дивизия авианосцев

Лондонская конференция 1930 года ограничила тоннаж японских авианосцев цифрой 81 000 тонн. По мысли организаторов, это подразумевало прекращение строительства в Японии кораблей данного класса: уже находящиеся в строю «Акаги» и «Кага» «съедали» соответственно 26 900 и 26 000 тонн водоизмещения, причем оба корабля нуждались в срочной модернизации. Справедливо предполагалось, что эта процедура увеличит тоннаж авианосцев до 35 000–40 000 тонн, в результате чего японский флот полностью исчерпает отведенный ему лимит.

«Кага» модернизировался в 1934—1936 годах. Переоборудование включало полную замену котлов и механизмов, изменение конструкции дымовой трубы (она была загнута вниз по правому борту, в результате чего корабль приобрел характерный для японских авианосцев вид), перепланировку ангара и полетной палубы, демонтаж 200-мм башен, усиление зенитного вооружения. Водоизмещение усовершенствованного «Кага» составило 38 200 тонн, таким образом, «на все и про все» осталось 15 900 тонн, которые можно было «потратить» или на реконструкцию «Акаги», или на строительство легкого/вспомогательного авианосца.

По бюджету 1934—1935 финансового года был, однако, заложен тяжелый авианосец «Сорю» с весьма необычными характеристиками. Уложившись в отведенные 15 900 тонн, японские конструкторы создали корабль, способный нести и обслуживать 65 самолетов, в том числе 18 пикирующих бомбардировщиков и 35 торпедоносцев. Иными словами, по составу авиагруппы, скорости, боевым возможностям «Сорю» вполне отвечал «стандарту» ударного авианосца второй половины тридцатых годов. Этого удалось достигнуть, использовав очень удачный теоретический чертеж тяжелого крейсера «Могами», отказавшись от всякого подобия броневой защиты и предельно облегчив систему заправки самолетов и подвески боеприпасов.

В том же году Япония официально объявила о том, что не будет продлевать срок действия Вашингтонского соглашения, равным образом она более не считает себя связанной Лондонскими договоренностями. По бюджету 1935—1936 года было открыто финансирование строительства следующего авианосца — «Хирю».

Хотя никаких оснований экономить тонны и килограммы теперь не было, «Хирю» в общих чертах повторял предыдущий проект — это позволило ускорить постройку. Лишние 1600 тонн водоизмещения пошли на улучшение мореходных качеств (прежде всего остойчивости), увеличение размеров ангара и топливных танков. Островную надстройку перенесли на правый борт, чуть сместив вперед — это оптимизировало условия работы боевых постов.

В 1936 году МГШ была принята новая военно-морская доктрина, согласно которой предполагалось иметь в «первой линии» два ударных флота. «Глазные силы» должны были состоять из восьми линейных кораблей, восьми легких крейсеров, 48 эсминцев и двух авианосцев прикрытия («Акаги» и «Кага»). Для «Разведывательных сил» (они же «Силы ночного боя») требовалось иметь в составе ВМС четыре линейных крейсера, 20 тяжелых крейсеров и 48 эсминцев. Этот флот предназначался для авангардного боя и ночных ударов по развертывающемуся противнику. МГШ считал необходимым усилить его восемью

тяжелыми авианосцами.

Поскольку «Хирю» и «Сорю» были только начаты постройкой, из этих восьми имелись в наличии два — «Рюдзе» и «Хосе» — оба легкие и в значительной степени устаревшие.⁶⁹

В связи с этим МГШ разработал десятилетний мобилизационный план, который был разбит на два этапа, названные соответственно третьей и четвертой «программами по замене». Финансовый комитет парламента в соответствии с традицией отклонил «чрезмерные требования» моряков, что привело к очередному политическому кризису. Выход был найден на пути компромисса: МГШ отказывается от «четвертой программы по замене», взамен парламентарии утверждают «третью программу», ряд мелких отдельных проектов и все предложения флота по модернизации тяжелых крейсеров.

Решение было принято 31 марта 1937 года, а уже в июне на верфи ВМФ в Йокосуке был заложен тяжелый авианосец «Секаку». Четырьмя месяцами позже на верфи «Кавасаки» началось строительство «Дзуйкаку», второго корабля серии.

За основу при проектировании новых авианосцев был взят «Хирю», признанный МГШ «исключительно удачным» кораблем. По сравнению с прототипом размеры были значительно увеличены: полное водоизмещение «Дзуйкаку» составляло 29 800 тонн по сравнению с 18 800 тонн у «Сорю» и 20 250 тонн у «Хирю». Это позволяло применить на новых кораблях все усовершенствования, от которых пришлось отказаться в более ранних проектах.

Форма корпуса была оптимизирована по критерию скорость/мореходность. Бульбообразный форштевень снижал волновое сопротивление, высокий надводный борт с сильным развалом в носовой части обеспечивал легкое восхождение на волну в штормовую погоду. (После боя в Коралловом море это спасет «Секаку», который, следуя для ремонта в метрополию, попадет в сильный шторм и примет через пробоины много воды.)

Четыре турбозубчатых агрегата мощностью 165 000 лошадиных сил обеспечивали новым авианосцам максимальную скорость в 34 узла при «межконтинентальной» дальности почти 10 000 миль на 18 узлах и более 4000 миль на полной скорости.

Корпус, полетная палуба, противоторпедная защита были значительно усилены по сравнению с «Хирю». Бронирование несколько уступало авианосцам, перестроенным из артиллерийских кораблей, таким, как «Акаги» или «Лексингтон», но оставалось лучшим среди всех авианосцев специальной постройки. Вертикальный пояс высотой 3 метра и толщиной 215 мм (в средней части корпуса) переходил ниже ватерлинии в наклонную — верхней кромкой наружу — переборку ПТЗ.

Защита была выполнена по общепринятой в те годы (но неудачной) «американской схеме», когда жизненно важные части корабля защищаются максимально толстой броней, в то время, как оконечности вообще не бронируются. Теоретически авианосцы сохраняли остойчивость и плавучесть при затоплении всех отсеков ПТЗ одного борта и оконечностей. Практически, как покажет опыт войны, серьезные повреждения незащищенных броней отсеков приводят к деформации палуб, вследствие чего вода начинает бесконтрольно разливаться поверх защищенной цитадели.

69С другими классами кораблей дело обстояло не лучше. В составе «Главных сил» вместо восьми линкоров насчитывалось шесть, причем лишь два из них («Нагато» и «Муцу») «в некоторой степени отвечали поставленным требованиям». В качестве линейных крейсеров «Силам ночной атаки» приходилось использовать «Конго», «Харуну» и «Кирисиму», спроектированные еще до Первой Мировой войны. («Хией», четвертый ЛКР этой серии, в связи с вашингтонскими ограничениями был переоборудован в учебный корабль с ограничением максимальной скорости 18 узлами; теперь были нужны деньги и время, чтобы вернуть ему полноценную боевую жизнь.) Устарели легкие крейсера, не хватало эсминцев, даже тяжелые крейсера, с которыми оказалось меньше всего проблем, не дотягивали до расчетных двадцати единиц, тем более, что «Аоба» и «Фурутака» квалифицировались как «в значительной мере утратившие боевое значение».

Ангарная палуба была выполнена из 25-мм броневой стали; над машинными и котельными отделениями, над погребам боезапаса была настелена толстая 170-мм броня. Небольшие участки полетной палубы (над дымоходами и в носу) также были бронированы.

Полетная палуба, как и на всех предыдущих японских проектах, поддерживалась стенами ангара и пилонами. Двухъярусный ангар был оснащен принудительной вентиляцией, водяным охлаждением, химической и пенной системами пожаротушения. Каждый ярус мог быть мгновенно перекрыт шестью огнеупорными раздвижными жалюзи. С полетной палубой ангар связывали три уравновешенных подъемника.

Системы заправки самолетов и подвески вооружения были смонтированы по той же облегченной схеме, что и на «Сорю», и располагались как в ангарах, так и на полетной палубе. С этой точки зрения «Секаку» и «Дзуйкаку» были типичными ударными авианосцами, для которых характерно некоторое пренебрежение живучестью ради максимальной скорости обслуживания авиагруппы. Свои самолеты «Секаку» и «Дзуйкаку» могли поднять в воздух всего за 20 минут.

По первоначальному штату авиагруппа насчитывала 72 самолета — 18 истребителей «зеро» и по 27 «взлов» и «кейтов», — но уже к сражению в Коралловом море структура была пересмотрена и приобрела «симметричный» вид: 21 — 21 — 21. Еще 14 резервных машин хранилось в разобранном состоянии.

Корабли вступили в строй перед самой войной — «Секаку» в августе, «Дзуйкаку» в конце сентября 1941 года. Первоначально «Секаку» входил в 1-й ДАВ, с октября оба авианосца служили вместе, образовав 5-ю дивизию.

К ноябрю 1941 года корабли не имели достаточного опыта совместного маневрирования, экипажи только начали осваивать жилые палубы и командные посты, пилоты не прошли еще и трети курса боевой подготовки. Тем не менее, 22 числа 5-я дивизия авианосцев прибыла на Итуруп и присоединилась к эскадре Нагумо. До самого последнего момента было неясно, примут ли участие в предстоящей операции все шесть кораблей: на «Секаку» обнаружилась неисправность главных турбин.

Пятая дивизия не использовалась для удара по кораблям. Самолеты «журавлей» атаковали аэродромы Оаху, уничтожив до 250 американских самолетов. Далее «Секаку» и «Дзуйкаку» обеспечивали высадку на побережье Новой Британии и захват Рабаула, участвовали в Цейлонском рейде соединения Нагумо. Двадцать пятого апреля 1942 года авианосцы пришли на Трук — для того, чтобы прикрыть высадку японских десантов на южном побережье Новой Гвинеи.

Начиналась операция МО.

(9) Фотография: «Сехо»

Легкий авианосец «Сехо» побил своеобразный рекорд, находясь на стапелях и у стенки завода свыше семи лет. Первоначально он был заложен как плавбаза подводных лодок и в этом качестве практически достроен. Незадолго до введения корабля в строй МГШ пришел к выводу о желательности снабдить соединения, предназначенные для действий в Южных морях, местной авиационной поддержкой. По мысли руководителей флота, такая поддержка позволяла прикрыть войсковые транспорты от спорадических налетов неприятельской базовой авиации, обеспечивала воздушную разведку и способствовала быстрому подавлению очагов сопротивления на берегу.

Создать соответствующие корабли — носители самолетов хотелось быстро и подешевле. Так и возник проект переоборудования почти готовых плавбаз «Такасаки» и «Цуругизаки» в легкие авианосцы. Делали на живую нитку. Танки для хранения дизтоплива ПЛ превратили в цистерны с авиационным бензином, «защитив» их двойными переборками, пространство между которыми заполнили водой. На верхней палубе смонтировали ангар на 25—30 самолетов. Настелили полетную палубу, поддерживаемую в передней части пилонами. Загнули вниз дымовую трубу. Ходовой мостик и посты управления расположили

по правому борту ниже полетной палубы. Поставили почти вплотную два самолетоподъемника. И получился авианосец.

«Такасаки» и «Цуругизаки» проектировались под дизельную энергетическую установку. Потом с дизелями что-то не заладилось, и на кораблях установили стандартные паротурбинные агрегаты эсминцев, которые обеспечивали контрактную скорость в 28 узлов при дальности 7200 миль на 18 узлах. Однако дизеля остались — в качестве приводов электрогенераторов вспомогательных механизмов. Для них в кормовой части полетной палубы поставили вторую (малую) дымовую трубу.

Вооружение было минимальным — шесть универсальных 127-мм орудий и восемь зенитных автоматов, что примерно соответствовало требованиям, предъявляемым к эскадренным миноносцам. Авиагруппа составляла тридцать машин (12 истребителей, 15 пикирующих бомбардировщиков плюс три самолета в разобранном состоянии).

Ввиду многочисленных переделок «Сехо» вступил в строй только в конце января 1942 года. Еще на стадии достройки он был включен в состав 4-го флота, но надобность в нем не возникла, и с началом Филиппинской операции авианосец прикрывал острова Палау, входя в состав южнофилиппинского соединения поддержки. Здесь также не нашлось работы; корабль наконец был окончательно передан флоту, некоторое время он маневрировал в составе Западного Соединения вторжения Одзавы (Индонезийская операция), боевых вылетов не совершал и в марте ушел в метрополию.

26 апреля 1942 года «Сехо» прибыл на Трук и 4 мая приступил к первой своей настоящей боевой операции — воздушному прикрытию Соединения вторжения Порт-Морсби.

Данные радиоперехвата и распоряжения командующего в Рабауле насторожили бы более опытный экипаж, но «Сехо» до сих пор имел лишь опыт совсем легкой, почти игрушечной войны, в которой основные проблемы носили навигационный, в крайнем случае — организационный характер.

Утром 7 мая «чувство опасности» не подсказало командиру корабля, что нужно немедленно прекратить все рутинные обеспечивающие операции, любой ценой первым (обязательно первым!) найти американские авианосцы, немедленно атаковать их, задержав тем самым ответный удар. Для «Сехо» это был единственный шанс на спасение — выиграть время, чтобы дать 5-й ДАВ вступить в игру.

Однако, когда начался налет американской палубной авиации, «Сехо» все еще поддерживал боевой воздушный патруль над транспортным соединением. Пикировщики «Лексингтона» вышли в атаку совершенно беспрепятственно. Прямые попадания бомб в ключья раздирали полетную палубу и легкий корпус авианосца. Два попадания между подъемниками. Носовой подъемник. Рядом. Снова между подъемниками. Четыре подряд — в кормовую часть полетной палубы. Два — в носу, в главную палубу корабля. Последнее — «островная надстройка» под полетной палубой справа.

«Сехо» сумел развернуться против ветра, даже, кажется, поднял в воздух какие-то истребители, немедленно сбитые американцами. В корабль непрерывно попадали торпеды. Три — в левый борт, четыре в правый — по всей длине корпуса. Этого с избытком хватило бы и для «настоящего» авианосца — все равно, что всадить в человеческое тело половину автоматного рожка.

Подожла группа «Йорктауна». «Сехо» был весь в огне. На корабле горело авиационное топливо, рвались боеприпасы. Авианосец не двигался и имел большой крен на правый борт. Удивительно, но два зенитных автомата в носовой части «Сехо» все еще вели огонь. Еще до последней атаки торпедоносцев произошел взрыв паров бензина, разворотивший стенки ангара и обрушивший полетную палубу. В течение трех следующих минут тонущий корабль получил еще несколько торпед и на глазах у американских пилотов скрылся под водой. Из 800 человек экипажа миноносец эскорта подобрал только 225 моряков.

В своем первом и последнем бою экипаж «Сехо» сбил шесть самолетов противника.

(10) Фотография: «Лексингтон»

В 1920—1921 годах Соединенные Штаты начали строительство сразу одиннадцати ударных кораблей, спроектированных с учетом опыта Первой Мировой войны и вооруженных 406-мм орудиями главного калибра. Шесть линкоров проекта «Саут Дакота» должны были иметь по двенадцать таких орудий, а пять линейных крейсеров типа «Констеллейшн» — по восемь.

Строительство этой эскадры рассматривалось Госдепартаментом как сугубо политическая акция, направленная против Великобритании и имеющая целью убедить правительство его величества в необходимости многостороннего соглашения об ограничении морских вооружений. Иными словами, вводить в строй «Дакоты» и «Констеллейшны» не предполагалось. Соответственно, работы на верфях велись ни шатко ни валко: к началу Вашингтонской конференции готовность кораблей по корпусу не превышала 30—35 процентов («Норт Кэролайн», «Индиана», «Саут Дакота»), в среднем же она составляла 5—10 процентов.

Восьмого февраля 1922 года, на следующий день после подписания итоговых документов конференции, строительство всех одиннадцати кораблей было остановлено. Двадцать второго ноября того же года линейные крейсера «Лексингтон» и «Саратога» были пере заказаны как авианосцы. Стапельный период и достройка продолжались более пяти лет: «Леди Сара» вступила в строй в ноябре, а «Леди Лекс» — в декабре 1927 года.

Первоначальный конструкторский замысел предусматривал что-то вроде сильно увеличенного «Лэнгли» — полетная палуба на высоких пиллерсах, надстройка в межпалубном пространстве, две небольшие трубы, сдвинутые на борт. За время строительства, однако, проект существенно изменился, и в результате «Лексингтон» и «Саратога» стали первыми авианосцами современной архитектуры.

Надводный борт был герметически соединен со стенами ангара, образовав жесткую конструкцию. На полетной палубе справа от диаметральной плоскости возвели величественный комплекс «надстройка — дымовая труба». (Линейные крейсера проекта «Констеллейшн» должны были стать рекордсменами по числу труб, которых предполагалось иметь семь. Разместить столько на авианосце не представлялось возможным: интерференция воздушных потоков привела бы к образованию вихрей и созданию над всей полетной палубой зоны пониженного давления. Американские конструкторы пошли по простейшему пути — интегрировали все дымоходы в единую дымовую трубу, эллиптическую в плане, длинную и очень высокую. «Остров» отнесли на десять метров вперед, причем мостики и боевые посты оказались ниже среза трубы, что гарантировало их от «подогрева» и задымления.) Комплекс надстроек обрамлялся четырьмя башнями главной артиллерии, установленными линейно-возвышенно. «Лексингтон» и «Саратога» несли по восемь орудий «вашингтонского» 203-мм калибра.

Зенитная артиллерия, состоящая из двенадцати универсальных 127-мм орудий, была расположена исключительно удачно — в специальных вырезах полетной палубы вблизи оконечностей. Такое размещение средств ПВО позволяло наиболее эффективным образом противостоять атаке, выполненной по классической схеме, когда вражеские торпедоносцы заходят на корабль с носовых курсовых углов. Благодаря наличию радиолокатора система управления зенитным огнем не оставляла желать лучшего.

Четырехвальная энергетическая установка мощностью 180 000 л.с. была собрана по достаточно нетрадиционной турбоэлектрической схеме: турбины вращают мощные динамо-машины, которые обеспечивают энергией ходовые электродвигатели. По массогабаритным показателям эта система уступала общепринятым в те времена турбозубчатым агрегатам, однако она заметно облегчала управление режимами работы главных механизмов. Переключение с полного переднего на полный задний ход осуществлялось непосредственно с мостика — простым поворотом рубильника. Иными словами, маневр машинами был для

авианосцев типа «Лексингтон» более простым делом, нежели маневр рулем.⁷⁰

«Лексингтон» развивал до 34 узлов скорости, дальность плавания составляла 2800 миль на боевой скорости 30 узлов и около 12 000 миль на «крейсерских» 14 узлах. Характерно, что первые в мире опыты по дозаправке авианосца в море были проведены именно с этим кораблем, изначально оптимизированным для Тихоокеанского ТВД.

Турбоэлектрическая установка обеспечивала достаточное, а при необходимости (за счет уменьшения мощности, передаваемой на двигатели) — и избыточное производство электроэнергии. Эта особенность корабля нашла неожиданное применение весной 1930 года, когда «Лексингтону» пришлось более месяца снабжать электричеством город Такома.

Бронирование авианосцев типа «Лексингтон» выдавало их происхождение от линейных крейсеров: сравнительно тяжелый пояс (178—129 мм) и «картонная палуба» толщиной всего 32 мм. Корабли имели развитую систему контрзатопления и неплохую подводную защиту (от двух авиаторпед, попавших в один борт, «Леди Лекс» накренилась только на семь градусов, причем крен удалось быстро ликвидировать). Магистральная система пожаротушения была, вероятно, лучшей среди всех авианосцев, спроектированных до Второй Мировой войны.

«Лексингтон» мог принимать на борт до 90 самолетов, хотя, как правило, его авиагруппа бывала меньше и составляла 70—80 машин. Ангар имел размеры 137х21 метр — по этому критерию авианосец долгое время оставался крупнейшим в мире.

В целом американские авианосцы «Саратога» и «Лексингтон» оказались очень сильными кораблями и на начало войны, вероятно, должны считаться лучшими в своем классе. Это особенно впечатляет, если учесть, что с 1927 по 1942 год «Леди Сара» и «Леди Лекс» практически не модернизировались.⁷¹

Представляет значительный интерес сравнение заявленных характеристик линейных крейсеров «Лексингтон» и «Акаги». Японский корабль заметно лучше бронирован (пояс 229 мм против 190 мм, палуба 102 и 50 мм, башни 356 и 229 мм). Калибр главной артиллерии одинаков, но «Акаги» несет пять башен вместо четырех, причем за счет большего угла возвышения его орудия стреляют на шесть миль дальше.

Преимущество «Лексингтона» в скорости (33,25 против 30 узлов) не столь велико, чтобы компенсировать отставание по всем основным параметрам. В артиллерийском бою четыре японских линейных крейсера явно сильнее пяти американских — и притом на всех дистанциях.

Удлинение «Акаги» составляет 8,9, а «Лексингтона» — только 8,1, кроме того, ввиду большой массы турбоэлектрических агрегатов двигателя американского крейсера менее эффективны. В результате на один узел хода у «Леди Лекс» приходится 5400 лошадиных сил, а у «Акаги» — лишь 4400. (Если бы японский корабль снабдить машинами той мощности, которую развивала энергетическая установка «Лексингтона», скорость «Акаги» составила бы почти 36 узлов.)

Главным достоинством турбоэлектрической установки является возможность быстро менять режим хода, но совершенно непонятно, зачем это качество линейному крейсеру.

Однако же оно очень полезно авианосцу, которому в боевых условиях приходится постоянно варьировать курс и скорость. И если сравнивать ТТХ вступивших в строй в 1927 году авианосцев «Лексингтон» и «Акаги», картина меняется кардинально. Система борьбы за живучесть на «Лексингтоне» заметно лучше. Его полетная палуба шире и больше (270,68х39,63 метра против 190,2х31 метр), крупнее и ангар. В результате американский

---

⁷⁰Управляемость отвечала требованиям, предъявляемым к линейным крейсерам, но была совершенно недостаточной для авианосцев. Время перекладки руля составляло 30—40 секунд, радиус поворота — 400—450 метров, выбег — более 300 метров.

⁷¹Еще до передачи кораблей флоту были демонтированы аэрофинишеры, в 1934 году сняли катапульту. В 1936 году усилили зенитное вооружение — на «Лексингтоне» двадцать восемь пулеметов калибра 12,7, на «Саратоге» тридцать две 20-мм пушки. Наконец, в 1940 году установили пять четырехствольных 28-мм установок.

авианосец принимает на борт 80—90 самолетов, а японский — 60—70. Преимущество «Акаги» в бортовом бронировании не имеет никакого значения в авианосном бою, а переизбыток восьмидюймовых стволов следует скорее признать недостатком, нежели достоинством корабля.

Таким образом, пара «Акаги» и «Кага» оказывается явно слабее «Лексингтона» и «Саратоги» (разумеется, при равной подготовке экипажей и одинаковых параметрах палубных самолетов). Многочисленные и весьма дорогостоящие модернизации японских авианосцев кардинально положение дел не изменили.

Можно предположить, что энергетическая установка и корпус «Леди Лекс» изначально проектировались в предположении, что корабль не будет достраиваться как линейный крейсер. Конечно, в январе 1921 года никто не мог сказать, какую форму примут Вашингтонские ограничения и будут ли они вообще подписаны. Соответственно, у американских конструкторов не было оснований считать, что «Лексингтон» станет именно авианосцем и оптимизировать проект, исходя из этой возможности. Скорее всего, они имели в виду целый корпус возможных реализаций проекта: линейный крейсер, эскадренный танкер, авианосец. А вообще-то, очертания «Лексингтона» наводят на размышления, что этот корабль должен был стать великолепным трансатлантическим лайнером.

(Предполагаемые характеристики: полное водоизмещение 47 000 тонн, среднерейсовая скорость 28 узлов, что обеспечивало кораблю завоевание Голубой ленты Атлантики, пассажировместимость около 4000 человек. Заметим, что возможность переоборудования в танкер или высокоскоростное пассажирское судно рассматривалась, например, при решении судьбы недостроенных русских линейных крейсеров типа «Измаил»).

«Лексингтон» впервые прославился в 1929 году на очередных маневрах американского флота. Ночью корабль преодолел незамеченным линию дозора и на рассвете поднял в воздух бомбардировщики-бипланы. Условный налет на шлюзы Панамского канала завершился полным успехом: ни одного истребителя «противника» в воздухе, ни одного выстрела зенитных орудий. Посредник объявил шлюзы полностью разрушенными.

Этот эпизод привел к возрастанию американского военного присутствия в зоне Канала и к серьезным изменениям в военно-морских доктринах ряда государств, среди которых была и Япония.

В Тихоокеанской войне «Лексингтон» участвовал с первого дня. Он использовался для доставки самолетов на отдаленные базы, патрулировал район Перл-Харбора, участвовал в набеговых операциях против Маршалловых островов. До сражения в Коралловом море боевая работа авианосца не сопровождалась ни значимыми успехами, ни серьезными повреждениями.

Седьмого мая 1942 года летчики «Лексингтона» потопили японский АВЛ «Сехо» (совместно с авиагруппой «Йорктауна»). На следующий день авианосец выслал 43 самолета для атаки «Секаку» и «Дзуйкаку». Действия эскадрилий были некоординированными, на цель вышло только 22 самолета, которые добились одного попадания в корабль противника.

Это был последний боевой успех ударного авианосца «Лексингтон». В 9:20 8 мая он атакован японскими палубными самолетами. Достоверно известно, что корабль получил два торпедных попадания — оба в левый борт — и, по крайней мере, два бомбовых (левая носовая площадка 127-мм артиллерии и палуба между дымовой трубой и «островом»). Дополнительные повреждения причинили близкие разрывы.

«Лексингтон» сохранил ход. Его полетная палуба осталась невредимой. Крен был быстро ликвидирован перекачкой водяного балласта, пожары — взяты под контроль. При всей серьезности положения авианосцу не угрожала непосредственная опасность.

Причиной гибели корабля стал объемный взрыв, происшедший в 12:47. (По всей видимости, некоторые трубопроводы и/или цистерны с горючим утратили герметичность вследствие сотрясений корпуса; пары бензина в течение полутора часов скапливались в

замкнутых объемах под полетной палубой, пока случайная искра не вызвала воспламенение.) Вспыхнул ангар, пламя и дым повалили из подъемников. Сразу же вышел из строя центральный пост борьбы за живучесть, почти полностью была нарушена связь.

На корабле медленно умирала электрика. Погас свет, вышел из строя рулевой указатель на мостике, затем и все электрическое управление рулем. Последний телефон, обеспечивающий связь с нижними палубами, работал все глуше и глуше.

Было покинуто сначала носовое, а затем и кормовое машинное отделение. Авианосец остановился. Сразу же упало до нуля давление в пожарной магистрали, и пламя охватило весь корабль. Около пяти часов капитан первого ранга Ф.Шерман приказал оставить «Лексингтон».

В восемь вечера «Леди Лекс» пылала от носа до кормы. Взорвались зарядные отделения торпед, разрушив полетную палубу и разбросав обломки самолетов (с авианосцем утонуло 36 машин). Корабль все еще оставался на плаву и не имел крена.

Он и затонул без крена и дифферента, добитый в упор четырьмя торпедами.

«Саратога» благополучно дожидка до конца войны. Этот корабль отличало некое сомнительное везение: торпеда с ПЛ, полученная в январе 1942 года, отправила его на ремонт и тем уберегла от сражений в Коралловом море и у атолла Мидуэй, другая торпеда — в августе того же года — позволила «пропустить» бой у островов Санта-Крус.

Первого июля 1946 года на расстоянии 2400 метров от «Саратоги» по левому траверзу был произведен воздушный ядерный взрыв. Корабль получил незначительные повреждения, пожары на полетной палубе (горело деревянное покрытие, воспламенившееся под действием светового излучения) погасли сами, самолеты не пострадали. Авианосец остался вполне боееспособным.

Двадцатого июля — тоже по левому борту, в 400 метрах от корабля — взорвали подводный ядерный заряд. Повреждения, полученные «Саратогой», были страшными. Разорвался набор, листы обшивки сорвало со своих мест, обрушился комплекс «надстройка — дымовая труба», подъемник был сброшен в море.

Однако крен, который получил авианосец, составлял всего 5 градусов. В таком положении «Саратога» оставалась целых семь часов. Потом крен стал увеличиваться, и через семь с половиной часов после поражения ядерным взрывом корабль опрокинулся и затонул.

(12) Мидуэй

«Метафоры военного искусства зашифрованы в отточенных репликах князя Хо-Люй и Учителя Сунь. Формулы военной науки суховато изложены Клаузевицем на страницах его примечательного трактата «О войне», — так мог бы излагать европеизированный до некоего чудного викторианства Ямамото с трибуны своих побед где-нибудь в Оксфорде. Эти иностранцы любили четкость мысли. А японцы предпочитали ей четкость действия; речи же их были цветисты, и метафоры обрамляли до неузнаваемости скрытые сущности суждений — из какой-то древней привычки — соблности ритуал и обмануть врага.

Когда левый рукав времени, означающий для Адмирала прошлое, дрогнул и пошел шелковыми волнами над точкой «Мидуэй», Ямамото ощутил сильный толчок, открыл глаза и вернулся в сегодня: день, встроенный в его жизнь для наведения порядка в сердце и мыслях. Впереди на очереди к воспоминаниям маячили дни, в которых запутаются историки и военные, публицисты и биографы: дни от начала плана Ямамото и до гибели «Акаги». Дни, которые Адмирал прожил как жизнь и как жизнь закончил. Мало кто отважится позже сказать, что Ямамото погиб у атолла Мидуэй (или — того пуще — был взят в плен совокупностью интерферирующих вероятностей). Ему припишут смерть сегодняшним утром. Тот его уход останется тайной, которую он унесет с собой — жалкое знание на фоне общей картины всемирных предпочтений и потерь.

А с трибуны воспоминаний говорил уже какой-то непохожий на Ямамото подтянутый

высокий японец:

«Ортодоксальные теории Клаузевица вместе с дидактическими «поучениями» Мольтке и геометрическими расчетами Шлиффена, вместе с парадоксальными построениями Энгельса и неуловимыми «непрямыми действиями» Лиддел Гарта образуют европейскую военную традицию: «пятикнижие Запада», столь же отличное по форме от неклассической мудрости Востока, сколь близкое ей по содержанию...»

Ямамото слушал этот голос, чуждый, но звучащий как бы изнутри, и от звуков этого голоса становилось спокойно и тихо, как тихо бывает священнику, выполнившему день без суеты, чисто и честно, отдав молитвы и силы тому, кто неизменно силен.

Голос плыл по волнам его состояния и вплетал причудливую, чужую лекцию в картинку воспоминаний: «"Немецкая школа" стремилась к кристальной ясности стратегических планов, к максимальной независимости хода и исхода войны от действий противника, от его таланта и воли. Центр тяжести кампании приходился не на бой, но на предшествующий ему маневр: сто раз сражаться и сто раз победить — не есть лучшее из лучшего, лучшее — покорить чужую армию, не сражаясь. Но вновь и вновь приходится повторять: когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же. Шлиффен мог бы подписаться под формулировкой Сунь-цзы, но понимал ее совершенно иначе, нежели знаменитый полководец эпохи "Сражающихся царств"».

Анализ был хорош и стоил ровно столько, сколько стоит роман, написанный о том, что пережито, для того, кто это пережил. Ямамото вдруг понял, что в предчувствии близкой смерти сознание дарит ему картинку и состояния сразу из двух рукавов реальности — из правого — будущего и из левого — прошлого; это немного туманит голову, но дает ощущение чуда, которое возникает или при длительных медитациях, или на пороге смерти.

А теперь говорит какой-то молодой военный перед офицерами, сидящими в узком и темном зале:

«Красота замыслов полководцев кайзера и фельдмаршалов фюрера завораживает (в тех случаях, когда эти замыслы удастся до конца понять), и за этой красотой, за четкостью оперативных построений, за непревзойденной боеспособностью рейхсвера/вермахта/бундсвера как-то забывается простое утверждение Клаузевица: ни один план не способен выдержать столкновения с реальным противником.

Стратегия лишь повышает вероятность победы. Точки над *i* расставляет бой. Бой, в котором сражаются и умирают конкретные живые люди, а отнюдь не «счетные» дивизии, корпуса, соединения кораблей и эскадрильи, с которыми привыкла иметь дело военная наука.

Клаузевиц много писал о генеральном сражении, являющемся «концентрированным воплощением всей кампании». Его осудили — за односторонний подход и склонность к субъективному идеализму. Последнее, в общем, верно: именно в генеральном сражении личностное, субъективное содержание войны превалирует над объективными ее законами...»

«Решением уравнений Тихоокеанской войны стал атолл Мидуэй», — неожиданно громко произнес Ямамото и свирепо оглянулся вокруг. Сидящий сразу за ним капитан Исидзаки привстал и вопросительно поклонился командующему. Через секунду Адмирал уже улыбался. События у атолла Мидуэй наконец повернулись к нему своим началом, когда еще рано было умирать... Некоторое время он видел летящий слева, совсем рядом, второй «бетти» и истребители сопровождения. Потом воображение вернуло его на борт «Ямато» в июнь 1942 года.

До посадки в Баллале оставалось 45 минут.

Игральные кости

Хасиродзима: 1942 год, первая неделя мая

План М1 не пользовался доверием ни в Токио, ни у высшего руководства

Объединенного флота. Морскому Генеральному штабу Ямамото просто навязал его — методами, едва ли достойными «пути самурая». Хотя в конечном счете решение и было принято единогласно (что соответствовало канонам японской политической эстетики), ответственные командиры продолжали испытывать не приличествующие ситуации сомнения. В наибольшей степени это касалось Нагумо, но «проблемы и неясности» оставались также у Кондо, Абэ, Хосутава. Ямамото был очень немногословен; когда обедал с офицерами — делал длинные паузы, отвечал односложно и сухо.

Футида, узнавший замысел атаки Мидуэя одним из первых, не видел оснований для беспокойства. При любых условиях на аэродромах Мидуэя не могло быть больше самолетов, нежели на площадках Оаху или Цейлона. Конечно, оставался риск столкнуться с американским флотом, но, во-первых, такая возможность существовала всегда, и, во-вторых, именно об этой встрече офицеры «флота Гэнды» мечтали больше всего на свете.

Футида откровенно скучал на штабных играх, где старшие офицеры Объединенного флота проигрывали все новые и новые варианты сражения. Пожалуй, ни одна операция адмирала Ямамото не выверялась с такой тщательностью.

Японская сторона неизменно выигрывала, что не удивляло Футиду. План Главнокомандующего основывался и на внезапности, и на силе. Футида давно усвоил, что для победы, как правило, достаточно лишь одного из этих двух пунктов.

Вновь и вновь он «поднимал» свою авиагруппу для штурмовки аэродромов Мидуэя. Последовательность действий, изученная, как школьные прописи. Изученная не в играх, а в настоящих рейдах и атаках.

— Шесть пятнадцать, — доложил он Посреднику. — Прошу разрешения на посадку.

— Посадка запрещена, — немедленно отозвался командир «Акаги», Тайиро Аоки.

«Что у вас там?» — не спросил Футида. У истребителей сопровождения заканчивалось горючее, и каждая лишняя минута в воздухе была для них критической. Футида с неудовольствием посмотрел на часы (игра шла в реальном времени).

«Акаги», развернувшись против ветра, поднимал в воздух «зеро» из неприкосновенного резерва.

— Несколько минут назад обнаружены американские авианосцы, — шепнул Футиде Итая. — И, если верить Посреднику, палубы их пусты.

— И откуда они взялись? Мы же производили разведку.

— Ты у меня спрашиваешь? Вводная — она и есть вводная.

— Внимание! Пикирующие бомбардировщики противника! Высота 5000, дальность 10.

Футида посмотрел на игровой стол. В последние полчаса корабли активно маневрировали: то ли заменяли состав воздушного патруля, то ли уклонялись от неприятельских атак. Рисунок ордеров был нарушен, глаз летчика сразу же отметил «мертвые участки» в зонной ПВО соединения.

Навстречу бомбардировщикам устремились «зеро» капитан-лейтенанта Итая. Посредники неумолимо «списывали» американские самолеты. Но их было достаточно много.

— Непосредственный выход на цель — одиннадцать машин! Считаем попадания.

«Плохо дело, — подумал Футида. — Попадания считаем, а не вероятность попадания».

Посредник протянул игральные кости Нагумо. Рука старого адмирала чуть дрожала. Кубики, описав в воздухе дугу, упали на стол. Прямо на Санд, западный из островов атолла Мидуэй. Упали шестерками вверх.

— Девять попаданий! — возгласил Посредник. — Потоплены три авианосца... нет, три слишком много... будем считать, что два.

— Нет, это несерьезно, — раздраженно возразил Гэнда. — Несерьезно, — повторил он, сделав нажим на последнем слове, — анализировать морскую тактику при помощи

кубика. Будем работать с матожиданиями, — почти пригрозил он, словно все вокруг были его учениками из окрестных деревень.

Ямамото на играх не позволял себе вольностей, но прощал их Гэнде, и сейчас спокойно и сурово заявил;

— Если исходить из общепринятой статистики, должно быть три — четыре попадания.

Ситуация в штабе уже была пережата его усилиями в пользу его Плана, и игры в тот момент превратились для Адмирала в пустые дебаты, отвлекающие от работы, медитации и еды.

Может быть, Футида тогда подумал, что общепринятой статистики результативности атак палубной авиации не существует. Ямамото это знал.

— Да, так будет разумнее, - с облегчением согласился Посредник. — Принимаем, что четырьмя попаданиями потоплен авианосец «Акаги», остальные корабли повреждений не получили. Перерыв.

...Вечером Футида с некоторым удивлением увидел, что «Акаги» «воскрес» и принимает участие в проигрывании следующего, австралийского, этапа маневров.

Охота на снарка

Вашингтон, Перл-Харбор, Мидуэй, атолл Кваджелейн; середина мая

Много лет спустя, когда в информационном пространстве, заполненном фактами и их следами, логическими цепочками, загадками и вероятностями, утихнут споры, а противники определятся в своих версиях, которые по гроб жизни поклянутся отстаивать во имя науки, жизни, убеждений, принципов (или по глупости), найдется велеречивый умник и скажет примерно следующее: «Сражение у атолла Мидуэй необычно во многих отношениях. Прежде всего, оно логически не связано с предыдущими событиями. Как правило, решительный перелом в ходе войны предваряет медленное, почти не осязаемое непосредственными участниками, но очевидное для будущих историков и легко прослеживаемое документально изменение стратегического баланса. Преобразование структуры динамической системы «война» происходит в соответствии со вторым началом диалектики: сначала накопление мелких количественных изменений и лишь затем — качественный скачок. Обычно трудно, почти невозможно определить момент, после которого «все пошло не так» и победоносная война обернулась разгромом. Еще труднее отыскать «решающую ошибку», ту соломинку, которая сломала хребет верблюду. Но всегда эта ошибка предшествует генеральному сражению, всегда обреченная на поражение сторона вступает в роковой для себя бой, уже растеряв свои козыри.

Насколько можно судить, в первой фазе Тихоокеанской войны адмирал Ямамото не сделал ни одной ошибки; исполнители на местах, понятно, оказались не столь безупречны, но и их действия были достаточно грамотными (сражение в Коралловом море — исключение, которое только подтверждает правило, к тому же американская сторона воспользовалась «потерей картинки» со стороны Иноуэ не лучшим образом). Во всяком случае, к концу мая 1942 года императорский флот безусловно сохранял за собой инициативу и преимущество в силах. Стратегическая обстановка не оставляла желать лучшего.

План MI (в той его части, которая лежала на поверхности и стала после войны предметом анализа) даже американские историки называют «изумительно красивым». Сочетая внезапность и силу, командующий Объединенным флотом создал впечатляющий оперативный рисунок, *метафору*, открывающую многие пути к победе.

Обычно, «у победы много отцов, поражение же — всегда сирота». Однако американские источники становятся на удивление немногословными, описывая

предысторию сражения у атолла Мидуэй. Кажется, никто не претендует на то, чтобы считаться создателем плана, исполнение которого принесло Америке столь ошеломляющий успех!⁷²

Историки пишут о Нимице (ему «положено» по должности, но по всем данным штаб Нимица в Перл-Харборе был административным, а не оперативным органом; сам Нимиц в своей книге, написанной неестественно сухо и напоминающей, скорее, школьный реферат, сделанный «чтобы отвязаться», всячески избегает упоминания своей роли, когда повествует о сражениях в Коралловом море и Центральном секторе Тихого океана), упоминается также некий безликий «штаб главнокомандующего», иногда речь идет и о более высоких — но также анонимных — инстанциях.

План (Нимица или кого-то из его окружения) трудно отнести к шедеврам военно-морского искусства. По существу, он сводился к грамотно построенной, но все-таки «одноходовой» ловушке. Именно та стратегия, о которой шахматные комментаторы пишут: «черные пытаются завязать осложнения, опасные прежде всего для них самих».

1

Объединенный флот, эскадры которого были разбросаны на огромном пространстве от Курильских до Восточных Соломоновых островов по широте и от Андаманского барьера до архипелага Уэйк по долготе, мог управляться только по радио. Американские станции перехвата с одинаковой легкостью фиксировали как циркулярные сообщения главной радиостанции флота в Куре, так и частные переговоры пилота отдельной «летающей лодки» с атоллом Кваджелейн. Практически весь этот объем информации дешифровывался криптографами Нимица в реальном времени.

Вследствие огромного количества «субъектов радиосвязи» японцы не имели возможности применять криптонедоступные коды на основе таблиц случайных чисел и шифровальных блокнотов. Не годились им и классические системы, рассчитанные на квалифицированный персонал и требующие много времени на процедуру кодирования/декодирования. Проблема была решена изобретением специальной технической системы, которую источники описывают как две «пишущие машинки», механически соединенные через некоторый «черный ящик». Система работала автоматически: при наборе на первой машинке исходного текста вторая выдавала его в кодированном виде; и наоборот, если ввести шифр, на выходе появлялось декодированное сообщение.

«Черный ящик» содержал разнообразные настройки, позволяющие — в определенных пределах — модифицировать процедуру шифрования.

Вся эта система, остроумная, простая и достаточно криптостойкая, была еще до войны скопирована двумя американскими разведчиками, имена которых история Тихоокеанской войны не сочла необходимым сохранить.⁷³ Несколько упрощая, можно сказать, что работа шифровальщиков Нимица сводилась к установлению принятых в данный момент настроек «черного ящика», схема которого была точно известна. Как правило, эту задачу удавалось решить в течение двух недель.

---

⁷²Сравните с битвой на Марне, заслугу организации которой «делят» Галлиени и Жоффр (при участии Фоша и Д'Эспери), или Сталинградским контрнаступлением, план которого в различных источниках приписывается Жукову, Василевскому, Воронову, Рокоссовскому, Сталину и едва ли не Еременко. Даже не вполне победоносное Ютландское сражение имело сразу двух «отцов» — Битти и Джелленко (при «дедушке» Дж.Фишере).

⁷³Японский военно-морской код был расшифрован в 1940 году капитаном второго ранга Дж.Рочфортом, который в мае 1941 года возглавил подразделение радиоразведки ВМС в Перл-Харборе. Заслуга Рочфорта и в самом деле огромна, следует тем не менее иметь в виду, что принцип кодирования и используемые при этой процедуре технические средства были известны Рочфорту благодаря работе агентурной разведки.

Растерянность, овладевшая американским командованием после Перл-Харбора, резко снизила эффективность работы службы радиоперехвата. Вынужденные реагировать на новые и новые события, адмиралы не имели ни времени, ни желания разбираться в обстоятельных отчетах аналитиков из криптографического отдела. Впрочем, «операции первого этапа» развивались настолько быстро, что разведывательная информация все равно запаздывала.

Нимиц воспользовался паузой, наступившей по окончании кампании в Южных морях, чтобы реорганизовать воздушную разведку, создав вокруг своих баз надежный заслон из неуязвимых В-17 и «Каталин». Примерно в это же время криптографам впервые удалось заинтересовать своей информацией оперативный отдел.

Речь шла об операции МО: Порте-Морсби и Коралловом море. По общему мнению офицеров штаба, «разведка в очередной раз смолчала чепуху», однако Нимиц «на всякий случай» отправил соединение Флетчера к Соломоновым островам, (тем более, что этот шаг был вполне обоснован позиционно). Проигранное «по очкам» сражение разыгралось в полном соответствии с прогнозами криптоаналитиков.

В тот же день, 8 мая 1942 года, радиоразведка выдержала еще один экзамен. Пользуясь полученными от нее сведениями, подводная лодка «Гренадер» торпедировала в 200 милях к югу от Нагасаки вспомогательный крейсер «Тойо-мару», шедший в сопровождении эсминцев. Бывший лайнер затонул в течение 15 минут, унеся на дно 900 человек, из которых 700 были высококвалифицированными специалистами, направленными концерном «Мицуби» в Юго-Восточную Азию.

2

Первые сведения об операции М1 американское командование получило в середине мая. Сначала резко возросла интенсивность радиообмена. Именно в этот момент Ямамото сменил рабочие настройки шифра YN-25: разведка «ослепла», но в этот раз — только на несколько дней. Даже не «расколов» код полностью, криптографы смогли доложить руководству, что на этот раз речь, несомненно, идет о генеральном сражении, в котором предполагается участие не только авианосцев Нагумо, но и Главных сил Объединенного флота.

Это была не самая лучшая новость для адмирала Нимица. Решающая японская операция начиналась в момент наибольшей слабости военно-морских сил США на Тихом океане.

В Перл-Харборе оставалось только два авианосца.⁷⁴ «Саратога», получившая 11 января торпеду, ремонтировалась на Западном побережье США. Ремонт подходил к концу, но к началу июня «Леди Сара» не успевала. У «Йорктауна» после интенсивного маневрирования на полной скорости 7 — 8 мая и последующего «бегства на юг» «сели» котлы. Сейчас авианосец медленно шел через Тихий океан, его прибытие в Перл-Харбор откладывалось до последних чисел мая. «Дефектная ведомость», переданная по радио Флетчером, подразумевала постановку корабля в сухой док и трехмесячный ремонт в условиях верфи.

С линейными кораблями дело обстояло еще хуже: можно было использовать только «Мэриленд», «Теннесси» и (в ограниченном масштабе) «Пенсильванию». Нимиц подозревал, что на все эти три линкора хватит одного «Ямато».

Переоснащение базовой и палубной авиации новыми типами самолетов только начиналось. Пока что основу истребительных эскадрилий авианосцев составляли «уайлдкэты», не способные противостоять японским «зеро», что же касается «буффало», все еще состоящих на вооружении в береговых частях, то грустная шутка гласила: «Командир, отправляющий пилота в бой на «буффало», должен вычеркнуть его из списка живых до того, как самолет оторвется от взлетной полосы».

---

⁷⁴«Хорнет» и «Энтерпрайз» в составе 16-го оперативного соединения Хэлси.

Нимицу было известно, что Ямамото замыслил именно генеральное сражение. Иными словами, японцы собирались атаковать позицию, которую американский флот был обязан защищать при любых обстоятельствах. Это означает, что речь могла идти о Гавайских островах, Аляске и, возможно, Западном побережье США. Криптографы склонялись к первой версии: Центральный сектор Тихого океана, Гавайи и Мидуэй.

Доказать это, используя радиоперехват, не представлялось возможным: японская сторона использовала «код в коде», обозначая имена и географические названия произвольными сочетаниями букв и цифр. (Прием выглядит довольно остроумно, но его реальная криптографическая ценность ничтожна.) Разведчики осуществили простую, но изящную провокацию, открытым текстом передав с Мидуэя заведомо ложное сообщение об отсутствии на острове пресной воды. Как и предполагалось, японская станция на Кваджелейне перехватила радиограмму, зашифровала ее и ретранслировала в штаб Объединенного флота. Вечером того же дня Ямамото рассеянно прочитает бумажку, в штабе подошьют ее к делу. А в нескольких тысячах миль к западу, на острове Оаху, шифровальщики доложат «наверх», что все чаще встречающийся в японском радиообмене код АФ обозначает атолл Мидуэй.

3

Источники сходятся на том, что до получения данных радиоперехвата штаб Тихоокеанского флота США не придавал атоллу Мидуэй никакого значения; интерес к этому объекту возник только в середине мая. Единства мнений в американском руководстве не было, все соглашались лишь с тем, что противник готовит крупную наступательную операцию.

Расшифрованные тексты указывали на Мидуэй, однако как исходные японские депеши, так и их интерпретация в ведомстве Рочфорта вызывали у высших офицеров серьезные сомнения. Прежде всего, японцы могли догадываться, что YN-25 раскрыт, тогда этот код был бы использован ими в качестве канала дезинформации. Далее, большинство документов, представленных в штаб Нимица, были не столько прочитаны, сколько реконструированы. (Криптоанализу подвергались данные радиоперехвата — обычно неполные; речь шла о записи «с голоса» чуть слышной тарабарщины на чужом языке. Как правило, удавалось разобрать и декодировать одну из пяти групп символов. Остальные слова додумывались). И наконец, даже принимая результат работы дешифровщиков за истину в последней инстанции, приходилось согласиться с тем, что этот материал допускает разное прочтение.

Из общих соображений Нимиц отверг гипотезу, согласно которой японцы продолжают наступление в Южных морях. Такое наступление не обязательно должно было привести к генеральному сражению (во всяком случае, Нимиц твердо решил, что не приведет: бой в Коралловом море был достаточным «жестом доброй воли» в направлении Австралии, рисковать судьбой всего флота у побережья пятого континента адмирал не считал себя обязанным).

Оставались северный и центральный сектора Тихого океана.

Нимиц согласился с интерпретацией Рочфорта прежде всего потому, что ошибиться и отдать Алеуты было менее опасным, нежели ошибиться и потерять Мидуэй. Но соединение Нагумо могло подойти к Мидуэю несколькими разными маршрутами. И один из них вел к атоллу с востока: японские авианосцы могли атаковать объект АФ после рейда на Гавайские острова. Или — на Западное побережье Соединенных Штатов Америки.

А в далеком Вашингтоне Верховный главнокомандующий и президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт не пытался анализировать по картам Тихого океана возможный маршрут кораблей противника.

К 1942 году он узнал об «их военно-морском боге — Ямамото» все, что нужно, чтобы

эффективно противостоять ему в борьбе. Оставалось передать это знание собственному флоту. Туда, на передний край, были им посланы разные несусветные люди: Нимиц, так называемый «не выделяющийся американский командир» без опыта авианосных боев, Хэлси — американский англичанин, живчик, имеющий склонность отвечать за содеянное и драматизировать эту ответственность, Спрюэнс — символ осторожного маневра... «А то, что там вдруг оказался Дулиттл, — это, конечно, чистая случайность», — усмехнулся Рузвельт, убежденный, что под правильные действия всегда встанут нужные люди, тогда как в дурных операциях вечно не хватает талантов. Рузвельт видел нечто романтическое во всех этих японских чаяниях стать Империей моря. Оправившись после Перл-Харбора, он знал, что большой американский дядюшка съест этих Кочубеев, потому что время империй вышло. Наступает эпоха демократий, выращенных здесь — вокруг Вашингтона, и все эти Сталины, Гитлеры и Ямамоты должны проиграть, как унылые родители-аристократы всегда уступали своим детям-предпринимателям. История не делает ходов назад, — в этом Рузвельт был убежден.

В душную майскую ночь ему приснился странный сон. Он увидел сурового Ямамото в европейском костюме, стоящего на трибуне в зале американской Военной академии и живо излагающего по-английски какие-то особенности организации военно-морской разведки. Утром Франклин потребовал у штабистов планы обороны атолла Мидуэй, Гавайских островов и Западного побережья Соединенных Штатов.

4

Именно последняя возможность более всего тревожила комитет начальников штабов в Вашингтоне. Речь шла уже о том, чтобы отвести 16-е соединение с Гавайских островов и расположить его в Сан-Диего или даже в Сиэтле. Маршалл, однако, не решился взять на себя ответственность за подобный приказ. Вместо этого он командировал в Перл-Харбор своего представителя, наделив того «правами английской королевы»: предостерегать, награждать и быть информированным. Семнадцатого мая до сведения Нимица было официально доведено, что КНИШ ожидает японского рейда против Западного побережья и требует от командования Тихоокеанского флота «принять соответствующие меры».

В эти же дни начала накаляться обстановка в Перл-Харборе и Гонолулу. Офицеры флота всерьез опасались за судьбу своих семей, проживающих на Гавайях. Если флот выдвинется к атоллу Мидуэй, соединение Нагумо сможет, обогнув архипелаг с юга, беспрепятственно разрушить города, аэродромы и сооружения военно-морской базы. Нимиц знал, что творилось при подобных атаках в Сингапуре, Рангуне и Дарвине.

В то же время велико было и искушение поверить радиоразведке и попытаться «достать» неуловимые японские авианосцы именно в тот момент, когда они меньше всего будут ждать атаки.

Во всяком случае, данные Рочфорта были сочтены достаточным основанием для того, чтобы максимально укрепить оборону Мидуэя.

5

До середины мая гарнизон атолла не получил ни одного метра колючей проволоки, ни одного зенитного или полевого орудия, ни одного свежего подразделения. Теперь же грузы на остров шли непрерывным потоком. Двадцать третьего мая из Перл-Харбора на Мидуэй был отправлен железнодорожный паром «Киттихок», переоборудованный в тяжелый войсковой транспорт. Он доставил защитникам атолла две эскадрильи самолетов и пять легких танков. Еще более важным событием была установка на Мидуэе сразу двух поисковых радиолокаторов.

К первым числам июня на острове была развернута целая воздушная армия: 221-я эскадрилья истребителей (21 «буффало», семь «уайлдкэтов»),

240-я эскадрилья пикирующих бомбардировщиков (34 «доунтлесса»),
S-я эскадрилья торпедоносцев (шесть «авенджеров»),
7-й авиакорпус (четыре B-26, семнадцать B-17),
30 «летающих лодок» типа «Каталина».⁷⁵

Оборона атолла была возложена на три крепостных батальона морской пехоты, 10 полевых, 16 зенитных орудий и 60 пулеметов. При всем желании разместить на двух маленьких островах больше войск и техники было невозможно.

6

Официальный Вашингтон возражал до самого последнего дня; неуверенность, царящая на Гавайях, вылилась в докладные записки, на которые Нимиц был вынужден реагировать, и притом лично. Операция... операции, собственно, не планировалось — некий набор благих пожеланий, из которых материально обеспечить удалось только оборону Мидуэя, благо размеры атолла были ограничены.

Двадцать третьего числа Нимиц получил личное и конфиденциальное послание от президента страны и Верховного главнокомандующего ее вооруженными силами. Рузвельт вскользь упомянул об успехе рейда Дулиттла, подчеркнув при этом, что японцы теряются, столкнувшись с неожиданными действиями противника. В основном же речь в письме шла о перспективах войны в Европе.

Нимиц знал, что президенту известны как донесения радиоразведки, так и «мнение» КНШ. Письмо Рузвельта следовало понимать как неофициальное одобрение позиции криптоаналитиков... к которой последнее время склонялся и сам командующий Тихоокеанским флотом.

7

Президент был серьезен, почти мрачен.

Для этого были очевидные основания: немецкие войска вновь перешли в наступление в России — в Крыму и под Харьковом. Одновременно возник кризис в Северной Африке и резко повысились потери торгового тоннажа на Атлантике. Лишь на Тихом океане царило нечто вроде затишья.

Вечером он, нарушив все правила и инструкции, показал жене последние расшифровки японских переговоров. Речь шла о составе японского флота, развертывающегося против атолла Мидуэй.

— Это будет генеральное сражение? — спросила Элеонора.

— Да, и Ямамото его проиграет, потому что иначе его проиграю я, — заявил Рузвельт, и Элеонора отметила, что конец фразы он произнес скороговоркой.

8

Утром двадцать шестого числа Нимиц узнал, что Хэлси отправлен в госпиталь.

Это было плохой новостью и плохим предзнаменованием. Хэлси, несомненно, был лучшим из командиров-авианосников Тихоокеанского флота. Заменить его перед решающим сражением было нечем.

Адмирал Хэлси полностью поддержал идею создания ловушки у Мидуэя. Но его тело, видимо, решило иначе. Командующий Т.Ф. 16 был госпитализирован еще в море — с тяжелейшим приступом нервной экземы. Он, правда, сумел настоять на докладе

---

⁷⁵Едва ли не все эти самолеты были доставлены к Мидуэй между 23 и 28 мая 1942 года. В начале месяца на острове базировалось «несколько истребителей и патрульных самолетов».

главнокомандующему.

На свою должность Хэлси предложил человека, разительно не похожего на него самого и, более того, никогда не служившего на авианосцах. Двадцать седьмого мая новым командиром 16-го оперативного соединения неожиданно для всех был назначен Раймонд Спрюэнс, ранее возглавлявший крейсерскую эскортную группу этого соединения.⁷⁶

9

Риск действительно был очень велик. Вся операция была построена на том (и только на том), что японское командование будет в полном неведении относительно замыслов американцев. И даже в этом случае она с большой вероятностью заканчивалась разгромом. Нимиц мог бы сказать Спрюэнсу: *«Я не прошу от вас победы. Я прошу только услуги»⁷⁷*.

Нимиц не знал в то время, что «нормальный» авианосный бой сводится к взаимному «размену» авианосцев по формуле «корабль на корабль», причем в довольно широких пределах качественные характеристики «фигур» не имеют значения. Но он вполне отдавал себе отчет, что при любых обстоятельствах Т.Ф.16 не может сражаться один на один с ударным авианосным соединением адмирала Нагумо.

«Саратога» спешно заканчивала ремонт и выходила на Перл-Харбор, но она была обречена опоздать. «Йорктаун» только 27 мая встал в сухой док. Нимиц разыграл главный козырь американской индустрии — великолепную организацию производства. На корабль безо всякого предварительного планирования было переведено 1400 рабочих, перед которыми поставили задачу: любой ценой закончить ремонт за 48 часов.

В этом случае «Йорктаун» успевал догнать корабли Спрюэнса.

10

Маневр Тихоокеанского флота выглядел следующим образом.

Для операции, названной кем-то из мичманов штаба Нимица «Звездой надежды» (это по-детски романтическое словосочетание американская историография предпочла забыть, так что в официальных источниках план обозначается как «29 — 42»), выделялись только авианосцы.⁷⁸ Линейные корабли — старые, ветераны Перл-Харбора, и новые, только что прибывшие в Сан-Диего — были, однако, приведены в боевую готовность. На всякий случай.

Главной ударной силой было Т.Ф.16 Р.Спрюэнса. Нимиц выдвинул его в район ожидания, расположенный к северо-западу от Мидуэя: из этой засады американские корабли могли действовать во фланг и тыл японским эскадрам, оперирующим в районе атолла. При необходимости Спрюэнс мог также совершить маневр в направлении Алеут, прикрыть с севера Гавайи и заблокировать наиболее вероятный маршрут, ведущий к Западному

---

⁷⁶Назначение Р.Спрюэнса — одна из многих загадок сражения у атолла Мидуэй. В распоряжении штаба Нимица оставался Фитч, имеющий опыт командования авианосным соединением в бою. Если же строго придерживаться военно-морской традиции, то возглавить Т.Ф.16 должен был командир флагманского авианосца «Энтерпранз», опытный и удачливый Мюррей, или только что произведенный в контр-адмиралы командир «Хорнета» Митшер. Официальная версия об «выдающихся заслугах» Спрюэнса во время последнего похода эскадры Хэлси не выдерживает критики: поскольку соединение не подвергалось атакам авиации или надводных кораблей противника, крейсера прикрытия не могли «заработать» в этом рейде особых лавров.

⁷⁷Эту фразу произнес император Франц-Иосиф, вручая Бенсдеку командование австро-венгерскими армиями, отступающими к Садовой — Кенигрицу.

⁷⁸Развертывание прикрывали выдвинутые к Мидуэю подводные лодки оперативной группы 7.1 (в числе двенадцати).

побережью США.

Челночное движение авианосных соединений выглядит красиво, но в действительности маневр носил вынужденный характер и был отчасти спровоцирован официальной позицией МГШ. Возникли такая необходимость, и Нимиц убедительно доказал бы, что развертывание флота носило чисто оборонительный характер и не было связано с навязчивыми предупреждениями разведки относительно Мидуэя.⁷⁹

17-е оперативное соединение Флетчера запаздывало на 48 часов, что создавало различные комбинационные мотивы, выгодные для японской стороны. Впрочем, по представлениям команды Рочфорта, «Йорктаун» (если ремонт его будет закончен вовремя) выходил в район ожидания одновременно с приближением кораблей Нагумо к Мидуэю.

Авиагруппа «Йорктауна» не была восстановлена после битвы в Коралловом море. Несмотря на возражения Флетчера, Нимиц перевел на авианосец «бездомных» летчиков с «Саратоги», с января практически не летавших.

Взаимодействие между авианосными соединениями организовано не было, но предполагалось, что, догнав Спрюэнса, более опытный Флетчер примет управление операцией на себя.

11

Весь американский план был построен на двух предположениях: что картина движения японских сил, нарисованная криптоаналитиками Рочфорта, истинна (иными словами, американцы знают о японском флоте все) и что неприятельская разведка не вскроет развертывание кораблей Спрюэнса и Флетчера к северу от Мидуэя и даже не обнаружит выход их из Перл-Харбора (японцы не знают об американском флоте ничего). Если эти предположения соответствовали реальности, прикрытие Гавайев и Тихоокеанского побережья можно было считать косвенно обеспеченным: «северный маршрут» выглядел гораздо предпочтительнее для японцев, нежели «южный». Все дело портило «если».

...Когда Р.Бест, командир 6-й эскадрильи пикирующих бомбардировщиков АВУ «Энтерпрайз», прямо спросил у Спрюэнса, не могут ли японцы обойти Мидуэй с юга и с этого направления нанести удар по Перл Харбору (авиационное прикрытие которого было заметно ослаблено переброской самолетов на Мидуэй), адмирал после небольшой паузы ответил:

— *Мы все-таки будем надеяться, что они этого не сделают...*

«Battleship march»

Тихий океан: 25 мая — 3 июня 1942 года

1

Развертывание флота началось 20 мая: в этот день транспортные суда вышли из портов метрополии к Марианским островам, а в бухте Оминато, что на северной оконечности Хонсю, бросили якоря первые корабли 5-го экспедиционного флота Хосугая. Сосредоточение оперативных соединений и боевых групп продолжалось до 25 числа: громада Объединенного флота пришла в движение и вновь на мгновение замерла — подобно тому, как, закончив рулежку, останавливается в самом начале взлетной полосы тяжело нагруженный самолет, ожидая распоряжений диспетчера и «раскрутки» двигателей для

---

⁷⁹Это подтверждается официальной инструкцией штаба Нимица: «При выполнении поставленной задачи вы должны руководствоваться принципом оправданного риска. Избегайте подставлять свои соединения атакам превосходящих сил противника, не имея шансов нанести противнику более крупные потери...»

форсированного режима.

Для операции МІ было выделено три района сосредоточения.

Транспорты «Соединения вторжения Мидуэй» базировались на Сайпан. Там же располагались тральная группа и группа гидроавиаразведки («Читосе» и «Камикава-мару»), эсминцы непосредственного охранения, танкеры и суда обеспечения.

В том же секторе Тихого океана сосредоточилось «Соединение ближнего прикрытия» адмирала Куриты: четыре тяжелых крейсера класса «Могами» перешли к острову Гуам.

На севере, в Оминато, были собраны силы, предназначенные для вторжения на Алеуты.

Основу их составляло «2-е мобильное соединение» адмирала Какуты в составе авианосцев «Рюдзе» и «Дзунье» в сопровождении тяжелых крейсеров «Майя» и «Такао».

Прикрытие операции обеспечивало «Северное соединение» (ТКР «Нати»), само же десантирование возлагалось на соединения «Атту» и «Кыска», вместе насчитывающие три легких крейсера и семь эсминцев.

Наконец, во Внутреннем Японском море ждали приказа главные силы флота.

Первыми, еще до завершающей штабной Игры, вышли в море подводные лодки. Согласно плану, десять из них обеспечивали развертывание на севере, еще десять образовывали завесу между Перл-Харбором и Мидуэем. Предполагалось, что они выйдут на позиции за сутки до начала сражения и будут информировать Ямамото обо всех передвижениях американских «Task Forces».

Затем наступил черед авианосцев Какуты. Двадцать пятого мая «Рюдзе» и «Дзуйхо» прошли Сангарский пролив и направились строго на восток — к точке, делящей пополам отрезок «Мидуэй — Датч-Харбор». Этот маршрут маскировал оперативные замыслы японцев; кроме того, вплоть до 2 июня оставалась возможность повернуть «2-е мобильное соединение» не на север, а на юг — к атоллу Мидуэй.

Необходимость в подобном маневре могла возникнуть, если, вопреки всем ожиданиям, противник сосредоточит свои авианосцы в окрестностях Мидуэя. Хотя это считалось маловероятным (разведка указывала, что «Энтерпрайз» и «Хорнет» находятся в районе Соломоновых островов, а «Саратога» ремонтируется в Сан-Диего; «Йорктаун» полагали потопленным или тяжело поврежденным), Гэнда предусмотрел и такой вариант.

Окончательное решение должно было приниматься на основании данных авиаразведки. В критические дни между выходом японского флота из своих баз и атакой атолла Мидуэй в задачу «летающих лодок» с Кваджелейна входило взятие под наблюдение Перл-Харбора. Дозаправлять разведчики предполагалось в районе рифов Френч-Фригейт, для чего в этот район были высланы три подводные лодки (операция «К»).

Поворот «2-го мобильного соединения» на юг считался аварийным маневром, который мог быть осуществлен, если операция «К» зафиксирует выход американского флота из Перл-Харбора. Только в этом случае предполагалось нарушить радиомолчание и информировать Нагумо и Какуту о назревающем кризисе.

Адмирал вдруг вспомнил, как несколько дней назад, 6 апреля 1943 года, он стоял на мокром аэродроме и вглядывался вдаль, провожая бомбардировщик с адмиралом Какутой и летчиков-истребителей. Полчаса назад Адмирал специально приехал, чтобы воодушевить этих пилотов перед боем. Все короткие вдохновляющие речи были взяты им из прошлого, созвучного мыслям древних философов и воинов. Слова подходили к горлу сами и, когда оставалось лишь произнести их перед суровыми и усталыми слушателями, он вдруг терялся на мгновение, и первые фразы получались участливо-убедительными, и лишь потом голос креп, раздавая нуждающимся энергию для предстоящих испытаний. В эти минуты Адмирал чувствовал, что в него возвращается человек — с болью ответственности за других, с сухостью в гортани и напряжением мышц.

Тогда, 6 апреля, он встретил Какуту, так и не попавшего в район Баллале из-за ярости

шторма, и подумал, что срыв этой атаки не менее символичен, чем болезнь Футиды перед Мидуэем.

Сейчас он вдруг снова увидел Какуту с белым лицом, держащего в руках радиограмму, и спускающийся флаг на линкоре «Ямато».

Пилот заметил, как лицо Адмирала на мгновение окаменело.

Властно отгоняя видения непрошеного будущего, Адмирал приказал себе вернуться назад, в май 1942 года.

Посмотрев на своего пилота, Ямамото неожиданно вспомнил, что в 1924 году попал в смешную историю, которую подчиненные и начальство записали ему в актив как пример безусловной храбрости. Тогда, уверенный и азартный, не особенно вдумывающийся в ближайшую перспективу своей жизни, ощущающий себя уже адмиралом, стоящим на мостике «Нагато», молодой Ямамото, только что получивший назначение командиром авиагруппы Касумигара, вызвался летать с самым плохим из пилотов эскадрильи.

Двадцать седьмого мая Оминато покидали десантные силы. Соединение «Адду» направлялось непосредственно к цели, остальные же корабли — к острову Парамушир, чтобы, после того, как «Рюдзе» и «Дзунь» отвлекут внимание противника в южном направлении, спокойно подойти к архипелагу с запада.

Днем раньше подняли якоря авианосцы 1-й и 2-й дивизий: «Акаги», «Кага», «Хирю» и «Сорю». Как всегда, их сопровождали «Харуна» и «Кирисима», а также «Тоне» с «Тикумой». Разумеется, маршрут Нагумо не вел прямо на Мидуэй: пройдя пролив Бунго, корабли повернули на юго-восток, создавая иллюзию движения к Гуаму и далее — в Южные моря (или, например, — к Гавайям, обходя их с юга). Обозначив этот маневр, авианосное соединение легло на генеральный курс, ведущий все в тот же условный пункт на полпути между Мидуэем и Датч-Харбором.

Двадцать восьмого мая пришли в движение линейные корабли Объединенного флота.

«Алеутское соединение поддержки» включало четыре старых линкора («Исе», «Хьюга», «Фусо», «Ямаширо»), два легких крейсера и двенадцать эсминцев. Ему надлежало создать позиционный барьер к северо-востоку от Мидуэя, перехватить и уничтожить американские линейные силы, если таковые будут отправлены к Алеутам.

Вице-адмирал Такаси Широ следовал за авианосцами Нагумо. Лишь в середине дня 3 июня его корабли должны были свернуть к северу.

Тем же маршрутом, отставая от «Акаги» на 300 миль, шли главные силы адмирала Ямамото: «Ямато», «Муцу», «Нагато».⁸⁰ Третьего июня им предстояло повернуть на юг, чтобы «срезать угол» и выйти непосредственно к Мидуэю, имея 1-ю и 2-ю дивизии авианосцев на своем левом фланге.

«Хией», «Конго», «Текай», «Атаго», «Миоко», «Хагуро»⁸¹ проследовали на восток-юго-восток: Кондо сосредотачивал весь 2-й экспедиционный флот к юго-западу от Мидуэя. Транспорты вышли с Сайпана 27 мая, тральщики к этому времени уже прибыли на

---

⁸⁰Непосредственную воздушную разведку в интересах соединения осуществлял устаревший авианосец «Хосе».

⁸¹С составом этой группы связана небольшая загадка. Большинство исследователей включает в нее легкий авианосец «Дзуйхо», в то время как другие указывают, что «Дзуйхо» не выходил в море до начала июня 1942 года, а затем был передан во «2-е мобильное соединение» Какуты.

Наиболее правдоподобна версия, что корабль был исключен из операции уже на стадии развертывания — после того, как его имя было внесено во все штатные расписания. Причиной такого неожиданного решения могло стать расследование обстоятельств гибели в Коралловом море однотипного «Сехо», но, скорее всего, Кондо был неудовлетворен уровнем подготовки авиагруппы. (Когда, десятью днями позже, «Дзуйхо» будет привлечен к участию в Алеутской операции, окажется, что его пилоты могут совершать взлетно-посадочные операции лишь в идеальную погоду).

Уэйк. Крейсера Куриты, 28 мая покинувшие Гуам, заняли свое место — в 40 милях к северу от «Соединения вторжения Мидуэй». Вслед за ними шли гидроавианосцы «Читосе» и «Камикава-мару».

Первого июня были приведены в повышенную боевую готовность воздушные силы на Джалуите, Кваджелейне и острове Уэйк.

2

В те дни над просторами Тихого океана нескончаемо гремел «Марш линкора». Впервые командующий послал в бой линейные корабли 1-й дивизии, до сих пор прозябавшие на периферии войны. Завидуя строителям империи — экипажам авианосцев и тяжелых крейсеров, матросы и офицеры «Хасирского флота» иступленно ждали своего шанса сразиться с противником. «Мы навсегда сохраним в наших сердцах тот миг, когда старший артиллерист разбудит нас залпами своих орудий».

Никогда — ни до этого дня, ни тем более после — военно-морские силы Страны Восходящего Солнца не были столь сильны. Япония была близка к тому, чтобы разгромить в сражении первый и второй флота в мире и завоевать неоспоримое господство на Тихом океане.

К этой операции Адмирал привлек весь цвет Объединенного флота — за исключением 5-й дивизии авианосцев: ремонтирующегося «Секаку» и «Дзуйкаку», по официальной версии «понесшего большие потери в авиагруппе».

Сейчас Ямамото простил этот корабль и его командира, который, как закутанная в плащ женщина, шагнувшая за угол, чтобы не видеть реальности и долга, отошел в сторону от решающей битвы за нечто более значимое, чем его жизнь. А тогда... тогда он был в ярости, как бывало с Ямамото только в детстве, если вдруг друзья-соученики трусливо разбегались из опасной общей свалки, ставя под сомнение всю его пламенную идею или замечательную стратегию.

Историки легко объяснят, подумал тогда Ямамото, почему «слегка поврежденный» «Дзуйкаку» не будет введен в решающую операцию MI. Историки вечно делают упор на «материальную часть», тогда как полководцу доподлинно известно, что войну выигрывает Дух, даже если это дух предков.

Никто, кроме командира «Дзуйкаку», так никогда и не понял, что авианосец был наказан и отстранен...

На палубах и в боевых постах, в кубриках и кают-компаниях, в машинных отделениях и на ходовых мостиках кораблей царило воодушевление. Доверие флота к своему Главнокомандующему, к ставшим уже знаменитыми на весь мир, навсегда вошедшим в историю адмиралам, возглавляющим оперативные соединения, было абсолютным. Ведь даже величайший из великих — Горацио Нельсон, даже сам капитан Блад не добивались таких колоссальных побед за такое короткое время и с такими незначительными потерями.

Адмирал, отравившийся на прощальном банкете, лежал в своей комфортабельной каюте на борту «Ямато».

Ямамото редко болел, и никогда еще он не болел в море. Он с детства удивлялся людям, которые могли заболеть перед испытанием — будь то школьный экзамен или решающее сражение. Он был раздосадован и даже немного испуган этим предательством со стороны собственного тела. Штабные говорили, что во всем виноват старший вестовой, не проконтролировавший приготовление церемониального блюда из морских лещей.

Адмирал тогда позволил болезни войти в тело и остался наблюдателем их борьбы, предавшись медитации. Страх ушел, причинно-следственные связи, которые при крушении иллюзий «умирают последними», подсказали утешительный вариант: тело не выдержало

неистового давления Плана и впустило болезнь, как знак какой-то борьбы. Версия была достойна воина, и Адмирал в ту ночь спокойно уснул.

Когда на следующий день заболел еще один человек — тоже играющий ключевую роль в предстоящей операции — с тропической лихорадкой свалился Минори Гэнда, — Ямамото допросил себя-пророка с пристрастием. Что-то темное и бесформенное, появившееся перед глазами на миг, было ему ответом. Это было уж точно дурное предзнаменование. Тогда Ямамото сравнил угрюмое «Нечто» с «Отступить», и сердце стала заливать щемящая тоска. Он выбрал бой. Видения исчезли.

Ближайшие трое-четверо суток лучшему штабисту Объединенного флота Минори Гэнде предстояло провести в малярийном бреду.

Двадцать седьмого мая, в очередную годовщину Цусимского сражения, корабли Нагумо миновали узкие проливы на выходе из Внутреннего моря (район повышенной опасности со стороны американских подводных лодок) и вышли в открытое море. Самолет с бортовым номером М1 оторвался от взлетной полосы: началось непрерывное и быстрое нарастание операции.

Вечером этого праздничного дня офицера, с чьим именем были связаны все громкие победы 1-го воздушного флота, срочно отправили в госпиталь. Заболел Мичедо Футида, который вел к цели эскадрильи, сокрушившие Перл-Харбор, Дарвин, Коломбо, Тринкомали...

Сейчас Адмирал понял, что, выдернув тогда, перед Мидуэем, из боя Футиду, боги сохранили летчику жизнь тем, что не оставили выбора — с аппендицитом на операционном столе не порассуждаешь. Ему, Адмиралу, был оставлен выбор — лететь или не лететь сегодня навстречу смерти. И в путанных божественных сферах не понятно — честь это или позор. Во всяком случае, старый монах учил его, что «совпадения суть тот язык, на котором боги разговаривают с людьми...». Сейчас он не мог вспомнить, откуда он определенно знал о болезни Футиды, ведь соединение Нагумо поддерживало абсолютное радиомолчание.

«Откажись от операции М1, хотя бы отложи ее на одну-две недели...» — вот что нужно было прочесть в стечении обстоятельств-предупреждений. Сейчас Адмирал вспомнил, как не захотел услышать этот голос, потому что «никогда — ни до этого дня, ни тем более после — военно-морские силы Страны Восходящего Солнца не были столь сильны», и все продолжало идти установленным порядком: корабли спешили на восток, Гэнду и Футиду заменили следующие за ними в служебной иерархии морские офицеры.

Перед выходом «Ямато» в море Ямамото неожиданно для себя написал Чийоко:

«Мы снова идем на страшный риск, поставив на карту все ради победы; мой девиз игрока «все или ничего» нашел отражение в планах предстоящего боя».

Сейчас он понял, что это письмо — со вкусом победы и поражения, искупления, возрождения и мечты одновременно — должно было быть написано другой женщине, которая хранила его Путь до сих пор, осторожной белой птицей провожая все его корабли.

Перед смертью нам открываются истины... не нужные при жизни. Он услышал где-то внутри грудной смех Чийоко, белая птица улетела. Значит, не пришел еще черед воспоминаний о ней.

3

Американские корабли покидали якорные стоянки в последние дни мая. Главные силы, то есть 16-е оперативное соединение Спрюэнса в составе двух авианосцев, пяти тяжелых крейсеров («Нью-Орлеан», «Миннеаполис», «Винсенс», «Нортгемптон», «Пенсакола») и легкого крейсера «Атланта», вышло в море 28-го числа.⁸² Двумя днями позже покинул сухой док «Йорктаун». Флетчеру была поставлена несколько неожиданная в складывающейся обстановке задача: «Потренироваться в атаках на цель и затем оказать

---

⁸²По времени Западного полушария. По японскому времени выход кораблей состоялся 29 мая.

помощь Т.Ф.16».⁸³

Ремонт «Йорктауна» без всякого преувеличения можно назвать трудовым подвигом. К концу вторых суток люди начали падать с ног от неимоверной усталости. К ним пришли офицеры флота и рассказали, что противник считает «Йорктаун» потопленным и именно поэтому его участие в надвигающемся сражении необходимо, и сварщики молча встали на рабочие места.

Сухому доку не хватало электроэнергии для обеспечения такого объема сварочных работ. Командующий флотом конфиденциально связался с промышленниками, и президент электрической компании отключил от сети ряд потребителей, сославшись на «аварии, вызванные грозowymi дождями».

Когда сухой док наполняли водой, когда корабль выводили из него (довольно долгая и ответственная процедура), когда он маневрировал в гавани, продвигаясь к выходу, сотни рабочих все еще оставались на борту «Йорктауна»... Последние катера отошли от авианосца уже в море.

Первого июня 1942 года оба авианосных соединения двигались по пологой дуге, соединяющей Перл-Харбор и условный пункт в 350 милях к северу от Мидуэя.

Небольшая группа в составе тяжелых крейсеров «Луисвилл» и «Индианаполис», трех легких крейсеров и двух эсминцев была направлена в район восточнее Алеутских островов. Очень трудно понять, зачем: для обороны Алеут этих сил было недостаточно, и к тому же корабли запаздывали (напомним, что американская сторона точно знала, когда начнутся атаки на Мидуэй и Датч-Харбор).

Еще два соединения находились в первых числах июня у Западного побережья США: старые линкоры адмирала Пая и «Саратога» под флагом адмирала Фитча.

Оперативная группа Фитча спешила в Перл-Харбор, но никаких шансов успеть к началу сражения у «Саратоги» не было, да и роль резерва она могла сыграть только чисто условно: на борту корабля находилось всего 35 подготовленных экипажей.

Линкоры Нимиц предпочел оставить там, где они находились. Формально им было назначено следовать к Алеутским островам. В начале июня соединение Пая начало исполнять данное распоряжение: надо сказать, что корабли двигались без особой спешки и старались не удаляться от побережья США.⁸⁴

Адмирал Нимиц успел развернуть на позициях в центральном секторе Тихого океана девятнадцать подводных лодок. Воздушная оборона Мидуэя была приведена в полную боевую готовность. Авиация с Оаху осуществляла патрулирование на полную дальность «каталин» и тяжелых бомбардировщиков В-17.⁸⁵

Северный гамбит

Алеутские острова: 3 июня, утро

1

«Рюдзе» и «Дзунье» вошли в зону плохой погоды еще до того, как они достигли точки поворота. Небо затянули низкие тяжелые тучи. Хотя с севера задувал сильный ветер, над океаном повис холодный и плотный туман. Полетные палубы авианосцев тонули во влажной мгле.

83«Йорктаун» сопровождали тяжелые крейсера «Портленд» и «Асториг»

84У.Пай выделил в авангардную группу «Колорадо» и «Мэриленд», остальные линкоры («Теннесси», «Пенсильвания», «Миссисипи», «Айдахо») вместе с сопровождающим их эскортным авианосцем «Лонг-Айленд» оставались внутри радиуса действия базовой авиации.

85Анализ соотношения сил сторон в операции MI дан в приложении.

Ночью — уже на подходе к Алеутам — с неба хлынул ледяной дождь.

С рассветом Какуте удалось обнаружить разрыв в стене тумана и поднять ударные самолеты. Точка выпуска находилась в 165 милях к югу от Датч-Харбора.

Группа «Дзунье» не смогла пробиться сквозь шторм и целиком вернулась на авианосец, приписав себе уничтожение нескольких американских «летающих лодок», которых, скорее всего, не существовало в природе.

Самолеты «Рюдзе» вышли на цель. Благодаря очередному капризу переменчивой погоды Алеут над Датч-Харбором было ясно. Хотя радары гидроавианосца «Джиллис» (почему-то называемого в американской литературе «тендером») своевременно обнаружили неприятеля, японские летчики почти не встретили сопротивления. Впрочем, бомбить в Датч-Харборе было нечего и незачем.

Официальной целью операции AL было создание угрозы Аляске. На деле речь шла, скорее, о воздействии на общественное мнение: впервые ареной боевых действий становилась территория собственно США. Захват Атту и Кыски должен был вызвать в Японии новую волну воодушевления и спровоцировать американцев на организацию сложной и дорогостоящей кампании по изгнанию оккупантов.⁸⁶

Морской Генеральный штаб обосновывал алеутскую операцию иными соображениями. По его мнению, американцы, сосредоточив на Аляске и Алеутах более 100 тысяч человек, подготавливали наступление на Японскую метрополию через Курильские острова и Сахалин.

Такую возможность в США обсуждали с конца двадцатых годов. Правда, всякий раз проигрывание этой операции на картах или в военно-фантастических романах начиналось с «нейтрализации» русского Петропавловска (который рассматривался как главная японская военная база), этим же сценарием и заканчивалось. Авачинская бухта действительно представляла некоторый интерес; что же касается вулканической дуги Алеуты—Командоры—Курилы, то как операционная линия она никакой ценности не имела.

Ямамото рассматривал развертывание «2-го мобильного соединения» против Датч-Харбора исключительно как операцию прикрытия. «Рюдзе» и «Дзунье» должны были отвлечь если не силы флота, то, по крайней мере, внимание Нимица от центрального сектора Тихого океана. Поскольку такого отвлечения не произошло, действия на севере потеряли для командующего Объединенным флотом всякий смысл.

Алеутская кампания превратится для обеих сторон в очередной стратегический «чемодан без ручки», который нести тяжело, а бросить жалко. Боевые действия вокруг никому не нужных островов Атту и Кыска продлятся больше года; весной 1943 года южнее Командорских островов даже случится морское сражение, в некотором роде совершенно уникальное для Тихоокеанской войны: в нем не будет участвовать авиация.⁸⁷ Но все это произойдет уже после Мидуэя.

2

Самолеты «Рюдзе» встречались над восточной оконечностью острова Уналашка. Им предстояло лететь обратно в зону шторма и искать в разрывах тумана свой авианосец. Во время построения авиагруппы произошло событие, само по себе малозначащее, но

---

⁸⁶Первоначально план AL не предусматривал удержание островов: к началу зимы их население предполагалось эвакуировать вне зависимости от действий противника.

⁸⁷Бой 26 марта 1943 года у Командорских островов необычен и в других отношениях. Единственный раз за всю войну японские тяжелые крейсера не смогли реализовать двойное преимущество в силах. Спасение «Солт-Лейк-Сити», тяжело поврежденного и потерявшего ход, являет собой случай, не имеющий аналогов в истории войны на море. Беспрецедентно и то, что не сходятся официальные прокладки курсов, представленные сторонами. Описания перипетий боя страдают разночтениями, но в целом создается впечатление, что обе стороны вели его без всякого интереса.

возымевшее неожиданные и серьезные последствия.

Один из пилотов истребителей, унтер-офицер Кога, обнаружил, что его самолет теряет топливо. Не надеясь дотянуть до «Рюдзе», Кога пошел на вынужденную посадку — благо, островок, намеченный для этой цели штабом Какуты, находился буквально под крылом. Предполагалось, что машина будет разбита, пилота же в течение одного-двух дней подберет специально выделенная подводная лодка.

Кога не знал, что почва острова представляет собой типичную тундровую структуру: вечную мерзлоту, верхний слой которой летом подтаивает, становясь взвесью из обломков льда, переохлажденной воды, песка и глины. Обычно это болото покрыто тонким слоем дерна и выглядит чистым и ровным.

«Зеро» перевернулся кверху колесами, едва коснувшись предательской земли. Кога погиб мгновенно: его голова врезалась в приборную доску. Командир эскадрильи истребителей несколько раз прошел над местом катастрофы и остался в полной уверенности, что пилот мертв, самолет тяжело поврежден и снять его с острова не удастся. Подошедшая на следующий день подводная лодка никого не нашла.

«Каталина» из Датч-Харбора обнаружила разбившийся истребитель, и американцы не пожалели усилий, чтобы эвакуировать машину на материк. Почти не получивший повреждений самолет был отремонтирован и облетан; это был первый «зеро», доставшийся противнику.

До сих пор «истребитель тип 0» демонстрировал в воздушных боях явное превосходство над «харрикейнами», «уайлдкэтами», «буффало» и «томагавками». Теперь же американские инженеры получили возможность разобраться, за счет чего достигнуты выдающиеся летные характеристики японского самолета. Их ответом на «зеро» стал «хэллкет», специально оптимизированный для борьбы с основным истребителем Объединенного флота.

«Хэллкет» почти не уступал «зеро» по маневренности, а вдвое более сильный двигатель дал американскому самолету преимущество в скорости и скороподъемности на всем диапазоне высот. Выяснив, что вблизи «потолка» переоблегченный «зеро» теряет эффективность элеронов, конструкторы фирмы «Грумман» специализировали свою машину для боя на больших высотах, на которых, собственно, и завоевывается господство в воздухе.

В 1943 году начнется крупносерийное производство «хэллкетов».

3

Какута вел свои авианосцы в сторону Датч-Харбора. Около 9:00 он выпустил вторую волну, ориентируя ее на американские эсминцы, обнаруженные в бухте Макушии. Атака была сорвана американскими истребителями.

Криптографы Нимица предоставили адмиралу Теобальду, командующему Т.Ф.8, едва ли не исчерпывающую информацию о целях операции AL и вероятном маршруте «Рюдзе» и «Дзунье». Однако Теобальд счел, что «ему на месте виднее», в результате запутался сам, запутал адмирала Пая, медленнодвигающегося со своей эскадрой линкоров на северо-запад, и не потерял Датч-Харбор только потому, что захват главной американской военно-морской базы на севере Тихого океана силами двух транспортов, поддержанных одним крейсером и двумя легкими авианосцами, в намерения японской стороны не входил.

Трудно сказать, действительно ли командир Т.Ф.8 ожидал атаки Анкориджа, или он просто решил, что к востоку от Кадьяка его крейсера «лучше сохранятся», но в течение всего сражения он выдерживал дистанцию в 550 миль между собой и противником. Сообщив о «вероятном обнаружении японского авианосца» к юго-западу от Алеутской гряды, Теобальд спровоцировал бросок к северу авангарда линейного флота Пая и что-то вроде кризиса на Западном побережье. Последующие маневры и контрманевры, сделанные в сотнях миль от ближайшего вражеского корабля, справедливо вошли в военно-морскую историю под названием «бой с тенью».

Третьего июня Мобильное соединение так и осталось необнаруженным. Днем Какута отошел к юго-западу, ночью он снова благополучно миновал американские дозоры, вышел на дистанцию удара и поднял самолеты для атаки Датч-Харбора. На сей раз повреждения в порту и военном городке оказались очень тяжелыми, была подожжена нефть. Ответный удар, предпринятый горизонтальными бомбардировщиками, не принес американцам успеха. Японская палубная авиация захватила господство в воздухе над Западными Алеутами. Датч-Харбор, слабо прикрытый сухопутными войсками, охватила паника.

Генеральное сражение

Центральный сектор Тихого океана: 4 июня 1942 года

«В точке времени, где жизнь и смерть равновероятны, происходят в оставшиеся мгновения бытия странные события», — подумал Адмирал или мысль, обрамленная в доходчивую форму, была послана ему из будущего. Так близок был ему сейчас «этот Мидуэй», так прозрачно ясен, так детально прорисован. Сейчас он ощутил, что впервые может прожить это все безлично, как художник, убравший символическую фигурку — себя с уголка полотна самой значимой из своих картин. Он ощущал пульсацию тех часов и минут и мог бы записать весь этот монолог со временем.

1

«Главные силы», 3 июня, утро. Далеко на востоке, низко над горизонтом, парит «летающая лодка». Эта картина станет одной из метафор сражения у атолла Мидуэй.

Контакт был установлен в 9 часов 40 минут: «каталина» обнаружила в 500 милях к западу-юго-западу от Мидуэя транспортное соединение.⁸⁸ Около 17 часов его безуспешно атаковали «летающие крепости» (пилоты сообщили о двух попаданиях в «линкоры или тяжелые крейсера противника»).

Второй удар с воздуха был оригинален по замыслу и результативен. После захода солнца в воздух поднялись четыре «каталины», только утром переброшенные из Перл-Харбора. Эти машины были оснащены радиолокаторами и несли под правой плоскостью торпеду. Обнаружив японские корабли, пилоты выключили двигатели и на крутом планировании вышли на цель. Бесшумно скользящие над самой водой самолеты были замечены, когда они уже достигли точки сброса торпед. Ночная торпедная атака — это всегда выстрел в упор: ни у транспортов, ни у «летающих лодок» не было времени на маневр уклонения. Форсируя моторы, самолеты прошли прямо над конвоем, едва не задев стволы зенитных установок. Прошитые за одну-две секунды десятками пуль и снарядов, «каталины» каким-то чудом дотянули до Мидуэя, но ремонту они уже не подлежали. Получивший торпеду танкер «Акебоно-мару» потерял 11 человек убитыми, сохранив скорость и место в строю.

Во время этой атаки «Хорнет» и «Энтерпрайз» находились в 300 милях к северо-востоку от Мидуэя и шли курсом 210. Спрюэнс знал о множественных «контактах» в юго-западной полусфере, однако «картинка» оставалась неясной: донесения патрульных самолетов и рапорты экипажей В-17 не согласовывались. И прежде всего было непонятно, видел ли кто-нибудь авианосцы противника.

---

⁸⁸Здесь и далее — местное время, иначе говоря, двенадцатый часовой пояс к западу от Гринвича. На американских кораблях и самолетах пользовались временем десятого пояса, и контакт обозначается как «11:40». Японский флот жил по часам Токио, то есть по девятому часовому поясу к востоку от Гринвича — там было 6 часов 40 минут следующего дня — 4 июня 1942 года.

После небольшого раздумья Спрюэнс решил, что информация криптографического отдела выглядит более надежной, нежели противоречивые данные воздушной разведки. Следуя первоначальному плану, Т.Ф.16 направилось к точке ожидания, лежащей в 200 милях к северу от Мидуэя.

В 400 милях к западу Нагумо решал несколько иную задачу. С утра его соединение находилось в зоне плохой погоды. Поддерживать походный ордер при абсолютном радиомолчании и отсутствии радара становилось все сложнее. Корабли растянулись. Время от времени «Акаги» сбрасывал маркированный буй, сообщая свой курс и скорость.

Приближалась расчетная точка поворота на юг, и Нагумо беспокоился, что при столь резком маневре задние мателоты могут потерять флагмана. Следовало восстановить сомкнутый строй, но на это не было времени: операция М1 была очень строга в управлении и подразумевала скрупулезное соблюдение оперативными соединениями графика движения. Большой Гэнда с трудом поднялся в ходовую рубку авианосца и убедил командующего воспользоваться резервной внутриэскадренной связью, радиус действия которой не превышал нескольких миль.

— Что известно о противнике? — спросил он Нагумо, когда «Акаги», продолжающий поддерживать крейсерскую скорость 24 узла, лег на боевой курс 180.

— Нет никаких сведений, позволяющих сделать вывод, что американский флот покинул Перл-Харбор. Наши оперативные соединения, по-видимому, еще не обнаружены, — ответил контр-адмирал Кусака Рейносуке.

За стеклами ходовой рубки лил дождь.

«Ямато» отставал от авианосцев Нагумо на 300 миль.

Последнее сообщение с «Дзинцу» вызвало на флагмане Объединенного флота серьезную тревогу. Слишком далеко от Мидуэя обнаружили американцы Транспортное соединение Танаки, слишком быстро среагировали; слишком агрессивно действовали. И очень уж далеко на запад от атолла вынесли они линию разведки: патрульные истребители с Уэйка весь день докладывали о «контактах» с «летающими лодками» типа РВУ.

Внезапность, насколько можно судить, уже потеряна. В этом можно найти свои положительные стороны: внимание противника отныне приковано к западному направлению, в то время, как соединение Нагумо подходит к Мидуэю с севера. Очевидно, тем не менее, что операция М1 разворачивается *не совсем* так, как предполагалось.

Авианосцы продолжали хранить радиомолчание, это означало, что они до сих пор не обнаружены. Оставалось неясным, известно ли противнику о движении «Главных сил»: утром с «Ямато» видели «летающую лодку», но в течение дня новых «контактов» не было. В отличие от «Транспортного соединения» линкоры первой дивизии не подвергались атакам с воздуха.

Самым неприятным событием последних дней был провал операции «К». По странному совпадению американцы тоже избрали рифы Френч-Фригейт точкой дозаправки, и после 27 мая в этом районе постоянно маневрировал танкер в сопровождении эсминцев. Японские лодки-заправщики были вынуждены держаться под водой, а времени на то, чтобы согласовать новые координаты посадки гидросамолетов, уже не осталось.

Ночь с 3 на 4 июня стала первым кризисом сражения при атолле Мидуэй. Получив сообщение об атаке «Акебоно-мару», штаб Объединенного флота некоторое время обсуждал, не следует ли нарушить радиомолчание, чтобы немедленно связаться с вице-адмиралом Нагумо. Ямамото отверг эту мысль.

— Пока что есть все основания полагать, что мы не обнаружены. Однако первый же выход радиостанции «Ямато» в эфир рассекретит все развертывание М1. Запеленговав линейные корабли, противник начнет усиленно искать авианосцы. Ночью он их, понятно, не обнаружит, но с утра противовоздушная оборона Мидуэя будет приведена в максимальную готовность, а «летающие лодки» начнут «смотреть» не только на запад, но и на север.

— Опять-таки, что нового мы можем сообщить на «Акаги»? — вмешался адмирал Угаки — Сообщения с «Дзинцу» там, надо полагать, принимают так же отчетливо, как и здесь. Если же речь идет об операции «К», то, во-первых, Нагумо наверняка тоже перехватил донесение с Кваджелейна, а во-вторых, никаких сведений о выходе американского флота из Перл-Харбора у нас нет. Следует ли попусту нервировать ответственного командира, у которого сейчас, за несколько часов до подъема самолетов, своих дел по горло, «экстренной радиogramмой Главнокомандующего», то есть, по сути дела — нашими сомнениями и колебаниями?

— А если американские «Task Forces» все-таки идут к Мидуэю?

— Подводные лодки «завесы» ничего такого не сообщают.

Никто не знал тогда, что по разным причинам все подводные лодки Передового соединения опоздали с выходом на «позицию обнаружения» на срок от 40 до 50 часов. Никаких радиogramм — ни с Уэйка, ни с Кваджелейна, ни с «Дзинцу» — на «Акаги» не получили: приемная аппаратура, стоящая в те дни на японских авианосцах, в дождливую погоду могла расшифровать лишь очень сильный сигнал. Например, вызов с находящегося вблизи и оборудованного мощным передатчиком флагмана Объединенного флота.

2

По мере приближения к Мидуэю погода становилась лучше, хотя над морем все еще стояли низкие облака. Никаких трудностей с подъемом самолетов не ожидалось — по крайней мере, для столь опытных экипажей, которые были в тот день в распоряжении Нагумо. С 2 часов ночи начался прогрев моторов самолетов первой волны. В 2:30 ложная боевая тревога (сигнальщику с «Акаги» померещился вражеский самолет) разбудила на кораблях авианосного соединения всех, кто еще спал.

Не было никаких оснований предполагать наличие поблизости флота противника, тем не менее, «чувство опасности» подсказало Нагумо, а может быть, так и не ушедшему из центрального поста Гэнде, подготовив к взлету все самолеты, использовать для удара по Мидуэю только половину, и притом с самыми молодыми пилотами. Остальные пока что оставались в резерве.

В 4:30 одновременно с подъемом в воздух первой волны были выпущены самолеты-скауты. Как всегда, Нагумо прежде всего использовал авиацию кораблей сопровождения. Разведка велась в северо-восточных секторах на 150 — 300 миль, а в юго-восточных, где были задействованы самолеты с «Акаги» и «Каги», — на 300 — 350 миль. В тот момент командующим соединением более всего волновал «непотопляемый авианосец» Мидуэй, так что для воздушного наблюдения были выделены минимальные силы, и организовано оно было, по сути, для очистки совести. Во всяком случае, ни Нагумо, ни Гэнда, ни Кусака не вмешались, когда самолеты с «Тонэ» и «Тикумы» задержались с вылетом на полчаса (один из-за неисправности мотора, другой — вследствие проблем с катапультной).

«17-е оперативное соединение» действовало автономно. В отличие от Нагумо, который за весь день 3 июня не получил никакой информации о противнике, Флетчер получил ее слишком много и к вечеру начал склоняться к мысли, что японские авианосцы находятся все-таки к западу от Мидуэя. Его сомнения были разрешены неожиданным прямым приказом командующего Тихоокеанским флотом США:

«Обнаруженные гидросамолетами с Мидуэя корабли — это не ударное, повторяю, не ударное соединение противника. Авианосцы вице-адмирала Нагумо нанесут удар на рассвете 4 июня и подойдут с севера».

В это время Нимиц уже знал, что атака Датч-Харбора до мелочей совпала с предсказаниями криптоаналитиков.

В 4:45 ударная волна, которую в отсутствии Футиды возглавил лейтенант Томонага, завершила построение и направилась в Мидуэю.

В 5:10 чуткая радиостанция «Энтерпрайза» перехватила сообщение с «Каталины». Оно было весьма кратким — «самолет». А в 5:30 тишину в центральном посту флагманского корабля Спрюэнса разорвал голос лейтенанта Уильяма Чейза. Игнорируя все инструкции, Чейз торопливо доложил открытым текстом: «Много самолетов идет к Мидуэю, пеленг 320, дистанция 150».

А дальше сплошным потоком пошла информация от лейтенанта Говарда Эдди:

5:34. Авианосцы противника. 5:40 — квадрат 180, пеленг 320.

5:52. Авианосцы в строю фронта, курс 135, дистанция 140, скорость 25.

В 5:53 поступило донесение с радарной станции ВМС Мидуэя: «Дьявольски много самолетов...»

В 5:20 на «Акаги» вновь прозвучала боевая тревога. Футида, поднявшийся из госпитального помещения, чтобы проводить самолеты ударной волны, насчитал девять взлетающих истребителей. В посту управления авиацией он узнал, что целью является «летающая лодка» противника.

— Удалось ли ее сбить?

— Нет,— пожал плечами сигнальщик.

На аэродромах Мидуэя началась борьба за время. С 6:00 до 6:04 в воздух поднялись истребители — с поста РЛС сообщили: противник в 74 милях. В 6:10 взлетела шестерка «авенджеров» — 47 миль. Двумя минутами позже поднялась четверка В-26. Чуть замешкались на взлете самолеты морской пехоты, потеряв на разбеге один «виндикэйтор» и два «доунтлесса». В 6:16 взлетную полосу покинул последний самолет. («Каталинам» запретили возвращаться, а «летающие крепости» покинули Мидуэй еще до рассвета.) С радарной станции пришло последнее сообщение: «Японцы в 29 милях от острова».

В эти же минуты Т.Ф.16 развернулось против ветра и начало подъем самолетов с авианосцев «Энтерпрайз» и «Хорнет». «Йорктаун», находящийся в 10 милях позади, пока еще следовал прежним курсом: Флетчер решил сначала принять на палубу возвращающиеся разведчики.

Майор Паркс, командир истребительной авиации Мидуэя, сумел сделать один хороший заход: его «уайлдкэты» и «буффало» неожиданным ударом с пикирования подожгли два бомбардировщика авиагруппы «Хирю». Это был единственный успех. Через две минуты все было кончено для американских пилотов. По разным оценкам было сбито от 14 до 17 базовых истребителей. Американские пилоты записали в свой актив уничтожение 23 бомбардировщиков и восьми истребителей в воздушном бою, зенитчики Мидуэя претендуют еще как минимум на 15 машин (С.Моррисон пишет даже о «трети соединения Томонаги, то есть о 31 самолете). В действительности на авианосцы не вернулись два истребителя, один «вел» и три «кейта».

Целью Томонаги были прежде всего самолеты противника: они должны были находиться на земле, но их там не было! Бомбы полетели в пустые ангары, в казармы, в командно-диспетчерскую вышку. Был подожжен второй склад с горючим (первый за несколько дней до сражения взорвал по ошибке американский минер).

Остров был перекопан траншеями и окружен колючей проволокой.

Японские пилоты не имели точных инструкций по обращению с ВПП. С одной стороны, следовало вывести их из строя. С другой — на следующий день они будут нужны, чтобы срочно принять на острове самолеты с Кваджелейна и Джалуита. Решение пилоты принимали на месте, в результате площадки получили несколько бомб, но серьезно не пострадали.

В 7:00 Томонага передал на «Акаги», что внезапности достигнуто не было, поэтому необходим второй удар по сооружениям Мидуэя.

Пятью минутами позже соединение Нагумо было атаковано базовой авиацией. Из шести «авенджеров» и четырех В-26, которые использовались в качестве торпедоносцев, вернулись домой только три машины. Ни одного попадания.

Авианосец «Акаги»

4 июня, 7 часов 15 минут. Второй кризис сражения

— Ну и чего мы добились, послав в атаку неопытных летчиков? — раздраженно спросил Нагумо. — Так или иначе, потребовалось вторая атака. Опять теряем время.

— Самолеты можно поднять прямо сейчас, — возразил Гэнда, — Мы освободим палубу, примем группу Томонаги и быстро дозаправим ее.

— Да? И чем же вы предлагаете атаковать сооружения Мидуэя? Торпедами, которыми оснащены «кейты»? Вторая волна готовилась атаковать американские корабли, если вы не забыли.

— Да, торпеды придется заменить.

В 7:20 было передано распоряжение спустить самолеты второй волны в ангары для перевооружения. А в 7:28 гидросамолет с «Тоне» неожиданно сообщил: «Десять надводных кораблей, очевидно, противника по пеленгу 10, дистанция 240 миль от Мидуэя, курс 150, скорость больше 20 узлов».

Как ни странно, это сообщение не вызвало на мостике «Акаги» большого волнения. Лишь через 15 минут Нагумо под влиянием неожиданного импульса приказал оставить торпеды на тех самолетах, на которых их еще не успели заменить бомбами, и приготовиться к нанесению удара по неприятельским кораблям. Примерно в это же время воздушный патруль с «Сорю» обнаружил 15 пикирующих бомбардировщиков, подходящих с юго-востока.

Новенькими «доунтлессами» управляли совсем неопытные пилоты. Командир эскадрильи сомневался в том, что они способны сохранить ориентацию при крутом пикировании, и дал команду бомбить японские авианосцы с планирования. Это было последнее, что он успел сделать в жизни.

Атака вызвала удивление у Футиды: американские самолеты шли без истребительного прикрытия, шли слишком низко для пикировщиков или «левелов» и слишком высоко для торпедоносцев. Вопрос состоял лишь в том, успеет ли хоть кто-нибудь из этой группы сбросить бомбы до того, как он будет сбит. В первый раз за всю войну командир авиагруппы «Акаги» изумился храбрости противника.

Ко всему, атака была еще и не скоординированной. В 8:08 «Хирию» произвел первый маневр уклонения, в 8:12 противник добился близких разрывов (корпус авианосца не был поврежден, но на летной палубе осколками было убито четверо матросов), а в 8:30 отдельной тройкой «доунтлессов» были сброшены бомбы на «Кага».

И вновь — ни одного попадания, восемь американских пикировщиков сбито, остальные — неремонтопригодны.

Во время этой атаки Нагумо в раздражении запросил самолет-разведчик о типах неприятельских кораблей. В 8:09 пилот ответил:

— У противника пять крейсеров и пять эсминцев.

— Так я и знал. Авианосцев у них здесь нет.

Теперь не подлежало сомнению, что атаковать нужно Мидуэй. Но пока что сделать это не представлялось возможным. В последние полчаса авианосцы Нагумо слишком много маневрировали, строй нарушился. Для постоянного питания воздушного патруля пришлось

использовать истребители, выделенные для второй волны, и сейчас их осталось слишком мало. Необходимо было консолидировать корабли и дозаправить вернувшиеся «зеро». Однако в 8:14 открыл огонь «Тоне», сигнализируя о новой угрозе с воздуха.

Корабли Нагумо еще уклонялись от атаки «доунтлессов», когда на авианосцы посыпались бомбы «летающих крепостей». Истребители поднялись вверх, имея целью скорее сбить противнику прицел, нежели серьезно повредить неуязвимые и прекрасно вооруженные В-17. А корабли внизу скрылись под каскадами воды, поднятой взрывами тяжелых бомб.

В-17, как обычно, не добились ни одного попадания, как обычно, не имели потерь и, тоже как обычно, доложили о том, что тяжело повредили или потопили «по крайней мере один» авианосец.

«Виндикейторы» даже не дошли до «Акаги». Их командир трезво оценил шансы своих неопытных пилотов на антикварных самолетах и решил атаковать ближайшую цель, которой оказался линейный крейсер «Харуна». Два близких разрыва не причинили ему повреждений.

Томонага вернулся как раз в тот момент, когда авианосцы выполняли маневр уклонения от бомб с «летающих крепостей». Понятно, что времени на поворот против ветра и прием авиагруппы у кораблей Нагумо не было, и самолеты первой волны кружились в воздухе, сжигая последнее горючее. Футиде это что-то напоминало.

В 8:20, через 52 минуты после первого донесения, пилот с «Тоне» лаконично сообщил: «Соединение противника замыкает корабль, похожий на авианосец».

Кризисный характер ситуации был очевиден. На полетных палубах находились только бомбардировщики, предназначенные для повторной атаки Мидуэя, и НЗ воздушного патруля. Торпедоносцы перевооружались в ангарах. В воздухе ожидали очереди на посадку 87 самолетов, многие из которых были повреждены. Для того, чтобы их принять, полетные палубы следовало очистить — то есть, выпустить в воздух самолеты второй волны или опустить их в ангар. А немногословный пилот сообщил, что в 20 милях к западу от обнаруженного авианосца находятся два крейсера противника. Это могло бы навести Нагумо на мысль о том, что поблизости от первого наличествует и второе авианосное соединение противника, но сейчас командующему было не до трезвого анализа ситуации.

Авианосец «Хирю»

4 июня, 8 часов 31 минута. Третий кризис сражения

— Решение ждать является просто тактически неграмотным, — зло сказал Ямагути. Капитан первого ранга Каку кивнул:

— Уже не до инструкций. Надо поднимать в воздух все, что только можно поднять. Бомбы или торпеды, есть истребительное прикрытие или нет, может ли подождать Томонага или у него кончится горючее — ничто теперь не имеет значения.

Ямагути просигналил на «Акаги»: «Считаю целесообразным поднять самолеты второй ударной волны немедленно».

Нагумо даже не обратил внимания на неслыханное для японского флота нарушение субординации. После непрерывных воздушных атак нервы у него были на пределе и хотелось разрешить возникшую ситуацию как можно скорее. С этой точки зрения он и сам склонялся к мысли, высказанной Ямагути.

— По-моему, мы только что видели, что происходит с самолетами, атакующими авианосное соединение без истребительного прикрытия, — резко возразил Кусака. — Потеряем вторую волну без всяких осмысленных результатов.

— Гэнда?

— Прежде всего надо принять самолеты Томонаги. У них кончается горючее, с минуты на минуту они начнут падать в море. Если мы потеряем пилотов, это отразится не только на этом сражении, но и на многих последующих. Речь ведь идет о пятнадцати минутах, максимум — о получасе. К тому же за эти полчаса мы дозаправим истребители.

— Опустить самолеты второй волны на ангарную палубу. Перевооружить их на торпеды. По готовности принять самолеты первой волны,— приказал Нагумо.

В 8:37 авианосцы развернулись против ветра. Великолепная выучка японских пилотов вновь сыграла свою роль. К 9 часам утра все восемьдесят с лишним машин Томонаги совершили посадку.

А пилот с «Тоне» продолжал свой репортаж. В 8:55 он передал: «Десять торпедоносцев противника идут прямо на вас».

Никто его не слушал. Нагумо в это время готовил свой удар. В небо ушли все четыре разведчика с «Тикумы» и два экспериментальных самолета с «Сорю».⁸⁹ Командующий оповестил свои корабли и «Ямато» о своем намерении уничтожить вражеское оперативное соединение. В 9:17 корабли круто повернули на восток-северо-восток и увеличили скорость. К этому моменту командиры всех четырех авианосцев уже сообщили Нагумо о готовности их кораблей ко второму удару.

3

Спрюэнс доверился данным разведки и настойчивой рекомендации своего начальника штаба, ранее служившего под началом Хэлси: практически вся авиация была использована для массированного удара по двум обнаруженным авианосцам.⁹⁰ Взлет происходил на удивление медленно и неорганизованно: первые самолеты поднялись в воздух в начале седьмого, последние — эскадрилья истребителей с «Энтерпрайза» и торпедоносцы с «Хорнета» — стартовали только в 8:06. Планом атаки, разумеется, предусматривались согласованные действия всех восьми эскадрилий, но это так и осталось на уровне благих пожеланий: каждая группа самолетов действовала сама по себе.

Флетчер, помнивший сюрпризы Кораллового моря, сомневался, что в указанном разведчиками квадрате находились все четыре авианосца противника. Не доверял он и информации, что их всего четыре — в конце концов, если его флагманский корабль принимал участие во втором за месяц сражении, почему этого же не могли сделать «Сеаку» и «Дзуйкаку»? В результате Т.Ф.17 подняло в воздух только половину своей авиации, две эскадрильи были оставлены в резерве.⁹¹ Флетчер не очень спешил: хотя донесения с «летающих лодок» были получены в половине шестого утра, выпуск самолетов начался только в 8:45. Правда, имеющая боевой опыт команда «Йорктауна» уложила процедуру взлета всего в 20 минут.

⁸⁹Это были предсерийные D4Y1. Для использования в качестве бомбардировщиков первая модификация оказалась непригодной из-за слабости крыльев, и машины проходили войсковые испытания на «Сорю» в качестве скоростных разведчиков.

⁹⁰«Хорнет» выделил для атаки 10 истребителей, 35 пикирующих бомбардировщиков (две эскадрильи) и 15 торпедоносцев. Восемнадцать истребителей образовали воздушный патруль. «Энтерпрайз» послал в атаку все свои торпедоносцы — 14 «девастейторов», 32 «доунтлесса» (две эскадрильи; четыре самолета, имеющих мелкие неисправности, остались на палубе авианосца). Четырнадцать «уайлдкэтов» «Энтерпрайза» составили резерв Т.Ф.16. Всего в первой атакующей полне Т.Ф.16 использовало 116 самолетов, или 76% своей авиагруппы.

⁹¹Для удара по неприятельским авианосцам Флетчер использовал шесть истребителей, 17 пикирующих бомбардировщиков и все 12 торпедоносцев — всего 35 самолетов (46% авиагруппы). Двенадцать истребителей остались в воздушном патруле. Две эскадрильи - девять «уайлдкэтов» и 20 «доунтлессов» - были в резерве.

Противников разделяло около 200 миль. Резкий поворот Нагумо к северу не был отслежен американцами: самолеты Спрюэнса безуспешно искали вражеские авианосцы на юго-восточных курсах. Одна эскадрилья пикирующих бомбардировщиков с «Хорнета» вернулась домой, вторая совершила посадку на полосу Мидуэя (два «доунтлесса» упали в лагуну). Все десять истребителей, выработав горючее, сели на воду.

Никто и никогда не узнает, как и почему 6-я эскадрилья торпедоносцев авианосца «Хорнет», следовавшая тем же курсом, что и пикировщики, оказалась намного севернее и одна, без всякого прикрытия, вышла прямо на корабли охранения соединения Нагумо. Военные историки сходятся на том, что капитан третьего ранга Вальдрон, в жилах которого текла кровь индейцев сиу, выбрал маршрут чисто интуитивно. Во всяком случае, перед вылетом он сказал: «Следуйте за мной, и я выведу вас к авианосцам противника».

В 9:20 сначала эсминец прикрытия, затем «Тоне» начали ставить дымовую завесу. «Акаги» выбросил в воздух истребители-перехватчики. Пятнадцать медлительных торпедоносцев слишком далеко — в десяти милях от цели — легло на боевой курс. Около пятидесяти «зеро» атаковали их с пикирования, и в течение нескольких минут группа Вальдрона была истреблена.

— Пятнадцать храбрых экипажей, — сказал потрясенный Нагумо.

Только один самолет, ведомый младшим лейтенантом Геом, сумел сбросить торпеду, которая прошла достаточно далеко от авианосца. Гей единственный из всей эскадрильи остался в живых. Режиссер, поставивший грандиозный спектакль в центральном районе Тихого океана, очевидно, следовал кинематографическим канонам Голливуда: «девастейтор» Гея упал в воду посреди расположения кораблей Нагумо, и доблестный пилот своими глазами видел последующие драматические события.

В 9:36 зенитные орудия «Акаги» прекратили огонь. Но буквально через минуту сигнальщик закричал:

— Торпедоносцы противника, правый борт, тридцать градусов. Идут низко над водой.

Это была эскадрилья «Энтерпрайза». Она тоже шла без прикрытия, но капитан третьего ранга Линдсней возглавлял, наверное, лучшие во всем американском флоте экипажи. Семь самолетов смогли сбросить торпеды. «Кага» блистательно совершил маневр уклонения. Вновь — ни одного попадания; десять «девастейторов», включая самолет командира эскадрильи, уничтожены.

А истребительная эскадрилья «Энтерпрайза» безо всякой пользы жгла горячее в пяти километрах выше. Линдсней не знал, что обещанное Спрюэнсом прикрытие находится рядом, а командир «уайлдкетов» лейтенант Грей ждал приказа. В последующие четверть часа он безуспешно пытался связаться с уже сбитыми торпедоносцами и в 9:52 повернул домой.

Атаки американских самолетов следовали одна за другой, сливались в воспоминаниях участников боев. Футида написал после войны, что третья группа торпедоносцев — самолеты с «Йорктауна» — атаковали с левого борта практически одновременно с эскадрилей Линдснея. Это, однако, не согласуется со временем взлета и хронологией сражения.

По всей видимости, «девастейторы» капитана третьего ранга Масси вышли на цель после 10 часов утра. Десять из двенадцати его машин были сбиты, лишь четверем или пяти удалось сбросить торпеды — не то по «Хирию», не то по «Сорю».

Истребители «Йорктауна», атакованные оставшимися «зеро», на пикировании вышли из боя и направились к своему торпедоносцу.

Строй ударного соединения опять распался, дистанция между кораблями возросла до

нескольких миль. Нагумо уже понимал, что против него действуют по крайней мере два авианосца противника, и считал минуты, оставшиеся до взлета ударной волны. Перевооружение и дозаправка закончены, самолеты подняты на полетные палубы, но непрерывные маневры уклонения не дают авианосцам возможности развернуться против ветра. Последние десять минут они не могли даже заменять самолеты воздушного патруля.

В 10:20, когда «зеро» еще добивали последние торпедоносцы, Нагумо отдал своим эскадрильям приказ «взлетать по мере готовности». Четырьмя минутами позже первый торпедоносец «Акаги» оторвался от взлетной палубы. Взлетные интервалы были сокращены до минимума: через пять минут все самолеты ударной волны должны были оказаться в воздухе.

Настолько удачен был первоначальный замысел операции, настолько высока была подготовка летчиков «флота Гэнды», что даже в это мгновение — за одну минуту до разгрома — при всех сделанных ошибках и неточных «ходах», при полном провале японской разведки и блестящей работе американских криптографов все шансы оставались на стороне соединения Нагумо. По сути, он уже захватил господство в воздухе.

«Непотопляемый авианосец» Мидуэя выведен из строя; «Хорнет» почти полностью, а «Йорктаун» и «Энтерпрайз» наполовину истратили свои авиагруппы, не добившись ни малейшего результата. Американские пилоты лишь своей кровью смогли подтвердить право Великой Западной Демократии на успех в этом сражении. Они продемонстрировали отвагу, которую признали даже японцы. Но командиры всех рангов и времен знали, что храбрость — это еще не мастерство. У Спрюэнса и Флетчера оставался только один козырь: три неполные эскадрильи пикирующих бомбардировщиков.⁹² Между 9:50 и 10:00 были все основания предполагать, что по крайней мере две из них вернутся на авианосцы, не обнаружив противника. Самолеты «Энтерпрайза» расходовали уже неприкосновенный запас горючего. В течение ближайших минут они должны были или обнаружить противника, или повернуть домой.

Вновь ли вмешалась фортуна либо проявилась закономерность, но одиночный эсминец атаковал американскую подводную лодку. Капитан третьего ранга Маккулски предположил, что этот корабль направляется к основным силам Нагумо, и последовал в ту же сторону. Предположение было ошибочным, но вывело американские пикировщики на цель. В 10:20 Маккулски открытым текстом сообщил по радио «место» японских авианосцев.

«Наверху» не было ни одного японского истребителя: патруль еще не успел вернуться в «зону ожидания» после уничтожения торпедоносцев. Молчали и зенитные орудия. Радаров на японских кораблях не было, а сигнальщики то ли были увлечены зрелищем воздушного боя на малых высотах, то ли просто не разглядели американские самолеты — так уж получилось, что одна эскадрилья подходила со стороны солнца, а две другие прятались в сгустившейся облачности.

«Доунтлессы» атаковали с вертикального пикирования. Им никто не мешал. Обычно вне всякой зависимости от полученных летчиками приказов в подобных случаях все пилоты выбирают одну и ту же цель — самый крупный вражеский корабль. Так произошло и на этот раз, однако в облаках две эскадрильи потеряли ориентацию и вышли вместо «Акаги» на «Кага» и «Сорю».

В эту минуту закончилась вся стратегия Тихоокеанской войны.

---

⁹²Всего 49 машин, из которых три совершили вынужденную посадку из-за неисправностей мотора, а четыре — остались без бомб ввиду несанкционированного срабатывания бомбосбрасывателей. Из оставшихся машин 16 несли половинную бомбовую нагрузку.

Хотя это кажется абсолютно неправдоподобным, японские авианосцы получили ровно девять попаданий — столько же, сколько месяц назад выбросили игральные кости. Две бомбы разворотили палубу «Акаги», четыре поразили «Кагу», три попали в «Сорю».

В обычных условиях такого количества бомб не достаточно для того, чтобы потопить авианосец. Но летные палубы японских кораблей были заставлены готовыми к взлету, снаряженными и заправленными самолетами. Всюду струились заправочные шланги. На «Каге» около мостика была временно установлена цистерна с горючим.⁹³ На всех четырех кораблях бомбы, замененные торпедами, не успели спустить в погреба, и они открыто лежали на палубах. Авианосцы были «пойманы» именно в тот момент, когда ни о какой борьбе за живучесть не могло быть и речи.

К 10 часам 25 минутам ангарные и полетные палубы «Акаги», «Сорю» и «Кага» горели по всей длине.

В 10:30 радиостанция «Ямато» приняла сообщение о пожаре на «Акаги». Само по себе оно не выглядело тревожным. Ямамото лишь спросил капитана первого ранга Куросиму, есть ли возможность получить подтверждение, что авианосцы Нагумо успели поднять свои самолеты. Куросима пожал плечами:

— Конечно, успели. У них было больше двух часов. И потом — это же предусматривалось планом операции.

«Зеро» «воздушного патруля», уже большей частью «бездомные», набросились на выходящие из пикирования «доунтлессы». В этой запоздалой атаке было сбито 29 американских самолетов, что уже ничего не могло изменить. «Акаги» потерял управление. Его машинная команда была мертва: люди оставались на своих постах, пока их легкие не были сожжены раскаленным воздухом, который вентиляторы засасывали с полетной палубы. На «Кага» произошло воспламенение цистерн с горючим, «Сорю» сотрясали внутренние взрывы.

На всех трех авианосцах горели люди. Механики, артиллеристы, штабные офицеры. Горели лучшие в мире пилоты палубной авиации.

В 10:50 поступила радиограмма с «Тоне»:

«Адмирал Нагумо переносит флаг на крейсер «Нагара». В результате атак береговой и палубной авиации противника на «Акаги», «Кага» и «Сорю» начались пожары. Намерены бросить в бой против американского авианосца «Хирю». В настоящий момент отходим к северу, перегруппировывая силы...»

Ямамото молча передал бумагу Куросиме.

Все стало ясно.

4

Авиагруппа с «Хирю» выполнила взлет за четыре минуты. Ямагути лично обратился к своим пилотам, сказав им правду: «Вы — все, что осталось от первого воздушного флота». Восемнадцать пикировщиков и шесть истребителей ушли на восток, не выполнив традиционного построения над своим авианосцем.

Теперь уже американский патруль вел бой, защищая свой плавучий аэродром. Только семь из восемнадцати бомбардировщиков вышли в атаку, и три из них добились попаданий. Наверное, это был самый высокий процент за всю историю палубной авиации.

Считалось, что зенитчики и истребители «уайлдкэт» сбили все японские самолеты. На самом деле три «зеро» и пять «вэлов» вернулись на свой авианосец. Оставшиеся в живых пилоты (среди них не было ни одного офицера) доложили, что им удалось сбить семь американских истребителей, и, как ни странно, это оказалось правдой.

---

⁹³Прямым попаданием бомбы в эту цистерну был вызван огненный смерч, который за несколько секунд сжег заживо командира корабля и всех находящихся на мостике.

Повреждения, полученные «Йорктауном», были серьезны. Авианосец горел. Вновь вышли из строя его котлы, скорость упала до шести узлов. Не было и речи о взлетно-посадочных операциях. Мертвые летчики Ямагути с полным правом могли бы доложить своему адмиралу, что американский авианосец выведен из строя.

Около 12 часов дня командир 2-й дивизии соединения Нагумо мог считать, что, возможно, худшее уже позади: если американцы изначально имели два авианосца, то теперь силы уравнились. Однако почти сразу после самолетов ударной группы на палубу «Хирю» сел «бездомный» разведчик с «Сорю». Усталый пилот доложил:

— Радио вышло из строя, был вынужден вернуться. В состав соединения противника входят три авианосца: «Энтерпрайз», «Хорнет» и «Йорктаун».

Это делало ситуацию безнадежной, но Ямагути продолжил борьбу. В 13:30 он поднял в воздух последние машины, которые еще оставались на «Хирю» — шесть истребителей и десять торпедоносцев. Эту волну возглавлял капитан-лейтенант Томонага, на самолете которого после утреннего рейда к Мидуэю был пробит топливный бак. Томонага уходил из этого мира навсегда. Пожимая ему руку, Ямагути сказал: «С радостью последую за вами».

Летчики имели приказ атаковать только неповрежденные авианосцы. Однако прекрасная организация борьбы за живучесть на американских кораблях сделала свое дело. В начале второго «Йорктаун» дал ход, а к половине третьего он уже шел 18-узловой скоростью, пожары были потушены. Летчики «Хирш» приняли его за неповрежденный и, прорвавшись сквозь истребительный заслон, провели образцовую атаку: «Два точных попадания в авианосец класса «Энтерпрайз». Это не тот авианосец, о котором докладывали пикирующие бомбардировщики».

Это был именно тот авианосец. В 14:52 «Йорктаун» стоял неподвижно с креном 17 градусов. Рулевое управление вышло из строя. Горело авиационное топливо. В три часа дня команда оставила корабль.⁹⁴

На «Хирю» почти не осталось самолетов. Ямагути вынужден был отложить новый боевой вылет, чтобы накормить измученных пилотов и дать им хоть какие-то шансы выжить, воспользовавшись подступающими сумерками. Взлет был назначен на 17:15, но Спрюэнс не стал дожидаться этого времени.

У командующего T.F.16 были свои трудности. С трех авианосцев удалось собрать для атаки две неполные эскадрильи «доунтлессов» без истребительного прикрытия. Но у японцев тоже не оставалось истребителей.

В атаку были высланы те же экипажи, которые утром превратили в пылающие костры «Акаги», «Кага» и «Сорю». Полоса удач продолжилась: летчики Маккулски добились четырех прямых попаданий в последний авианосец адмирала Нагумо. И вновь на полетной палубе находились подготовленные к взлету самолеты, и вновь — пожары в ангаре и «наверху», и раскаленный воздух, засасываемый в машинное отделение, и портрет Императора, переданный на эсминец охранения...

«Хирю» боролся за жизнь почти до полуночи. В 23:58 произошел сильный внутренний взрыв, пожары вновь вышли из-под контроля. Крен составил 45 градусов, турбины остановились. В 2 часа 30 минут Ямагути собрал уцелевшую команду на полетной палубе. «Я один несу ответственность за гибель «Хирю» и «Сорю», — сказал Ямагути. — Я остаюсь на корабле, а вам приказываю покинуть его и продолжать верно служить Его

---

⁹⁴Брошенный «Йорктаун» оставался на плаву еще двое суток. Шестого июня он был торпедирован японской подводной лодкой вместе с эминцем «Хэммен». Обычно говорят о «преждевременном оставлении корабля» американскими моряками, но, во-первых, после Кораллового моря на «Йорктауне» не была в полной мере восстановлена водонепроницаемость переборок, а во-вторых, вероятно, Флетчер рассматривал корабль как необходимую жертву богу войны. Американцам слишком сказочно повезло в этом сражении...

Величеству Императору».

Командующий 2-й дивизии авианосцев и командир «Хирю» совершили сеппуку.

«Post merum»

Центральный сектор Тихого океана: 5 — 6 июня

Атакой «Хирю» для американцев закончилось сражение и началась обыденная «боевая работа». «Доунтлессы» и «летающие крепости» бомбили корабли охранения, лишенные прикрытия с воздуха и связанные необходимостью оставаться подле умирающих авианосцев.

Пилоты докладывали о «множественных попаданиях». На самом деле ни один из оставшихся у Нагумо кораблей не получил повреждений, но команды были вымотаны до предела.

После краткого сообщения о пожарах на «Акаги», «Сорю» и «Хирю» радиопередатчики авианосного соединения замолчали на шесть часов. За эти часы командующий Объединенным флотом попытался создать и провести в жизнь новый оперативный план. Вопрос о победе не вставал, нельзя было добиться даже ничьей, но еще оставались шансы нанести противнику значительные потери и тем поднять настроение людей.

Высадка на Мидуэ была отложена, транспортам предписывалось отойти. Линия подводных лодок сдвигалась к востоку; новый приказ нацеливал субмарины не на разведку, а на уничтожение поврежденных американских кораблей.⁹⁵

Следующие распоряжения были призваны создать новую оперативную структуру в центральном секторе Тихого океана. Теперь «Хирю» рассматривался как авианосец прикрытия, ему в помощь придавались «Рюдзе» и «Дзунь» из Алеутской группы, которым Ямамото приказал форсированно идти на юг — к Мидуэю. Вместе эти три корабля были в состоянии обеспечить противовоздушную оборону флота. Главные силы во взаимодействии с остатками соединения Нагумо и флотом Кондо должны были втянуть флот противника в артиллерийский бой и уничтожить его. После чего надлежало все-таки захватить Мидуэй, хотя теперь атолл уже не имел никакого значения; блокада Гавайских островов была снята с повестки дня.

Чтобы поставить под сомнение господство противника в воздухе, Ямамото приказал вывести ночью из строя взлетно-посадочные полосы Мидуэя. Для этого были выделены подводная лодка и 7-я дивизия крейсеров: «Могами», «Микума», «Кумано», «Судзуя» отделились от основных сил Кондо и 32-узловым ходом устремились к острову.

В 17:30 крейсер «Нагара» сообщил, что «Хирю» получил несколько попаданий и горит. Теперь можно было рассчитывать только на ночной бой, «патентованное средство» прежней японской стратегии, которую Ямамото, влюбленный в авианосцы, всегда высмеивал.

Главком передал соответствующие распоряжения остаткам Ударного соединения, но в 18:30 Нагумо ретранслировал на «Ямато» донесение гидросамолета с «Тикумы». Пилот обнаружил шесть крейсеров и 15 эсминцев (что было удивительно точно) и каким-то непонятным образом насчитал пять больших авианосцев, «из которых один поврежден».

Нагумо доложил, что он отступает к северо-западу, Ямамото понял, что командующий соединением потрясен свершившейся катастрофой и уже не способен разумно рассуждать. Вопреки распространенной версии, Главком не отстранил Нагумо от командования, но «в интересах операции» тактически подчинил остатки ударного флота адмиралу Кондо, Нагумо воспринял это известие совершенно равнодушно.

Около 6 часов вечера «Хорнет» и «Энтерпрайз» продолжали двигаться к западу —

---

⁹⁵ Именно этот приказ привел к окончательному потоплению «Йорктауна».

навстречу японским линейным силам. Однако в 19:02 контр-адмирал Спрюэнс приказал повернуть на обратный курс. Это решение вызвало возмущение в штабе 16-го оперативного соединения. Старшие офицеры едва ли не вслух упрекали своего командующего в трусости. Общим мнением было: «Хэлси никогда бы так не поступил».

Ловушка Ямамото была рассчитана именно на азартного игрока Хэлси, фанатика палубной авиации. В 23:40 силы вице-адмирала Кондо были полностью подготовлены к ночному бою. Крейсера и эсминцы образовали фронт шириной в 75 миль, линейные корабли шли за этой завесой, образуя маневренный резерв. Второй флот — вместе с силами охранения соединения Нагумо — насчитывал четыре линейных крейсера, десять тяжелых и три легких крейсера, более 30 эсминцев. Кондо, зная о существовании у противника радиолокатора, рассчитал маневр так, чтобы почти полная луна «подсвечивала» американские крейсера.

Командующий Т.Ф.16 не подозревал, что против него сосредотачиваются такие силы; штаб предполагал, что поблизости находится только непосредственное прикрытие соединения Нагумо. Однако Спрюэнс ранее сам командовал крейсерами и хорошо представлял реальные боевые возможности японских кораблей этого класса: перспектива ночного боя пяти американских «городов» с «Тоне» и «Тикумой» его совершенно не устраивала. Спрюэнс принял решение отойти к востоку, поддерживая в течение ночи безопасное расстояние между собой и противником, а наутро возобновить преследование силами палубной авиации.

Это отступление спасло американские корабли 16-го и 17-го соединений.

Около 2 часов ночи стало ясно, что никаких шансов на ночной бой нет. Конечно, оставалась возможность обстрелять Мидуэй, но наутро 7-я эскадра неизбежно попала бы под удары с воздуха. Никто уже не мог взять на себя ответственность за такой риск — страх перед американской палубной авиацией парализовал командование Объединенного флота и штабы оперативных соединений. Аккуратное отступление Спрюэнса подвело черту под всеми попытками Ямамото отыскать хоть какие-то тактические шансы и, может быть, «переиграть» сражение. В 2:55 Главком отдал приказ об общем отступлении.

Крейсерам 7-й дивизии оставалось меньше трех часов хода до Мидуэя, когда обстрел острова был отменен. В 0:20 корабли легли на обратный курс. Двумя часами позже флагманский «Кумано» обнаружил американскую подводную лодку и начал маневр уклонения, приказав отряду совершить поворот «вдруг» на 45 градусов. Этот стандартный маневр эскадры проделывала сотни раз — в тумане, в узкостях, на минных полях — и научилась выполнять, что называется, с закрытыми глазами. Может быть, именно в ту ночь капитана «Микумы» настигло предсмертное проклятие с джонки или шхуны, раздавленной в проливе Банга тяжелым корпусом крейсера, может быть, просто боги отвернулись тогда от страны Ямато, но «Микума» ошибочно повернула на 90 градусов, поставив свой борт под форштевень «Могами».

Теперь за «Микумой» тянулся нефтяной след; «Могами» потерял ход, нос его был свернут набок. Нечеловеческими усилиями команда сумела отделить затопленную водой оконечность. Подкрепили носовую переборку, после чего корабль смог развить ход в 12 узлов.

Спрюэнс узнал об этом еще ночью, но крейсера его не интересовали: с утра командующий Т.Ф.16 организовал ширококомасштабный поиск неприятельского линейного флота. Группа «Могами» была препоручена базовой авиации, которая смогла выделить для этого удара только 12 бомбардировщиков. Попаданий не было, но капитан корпуса морской пехоты Флеминг направил свой горящий самолет в орудийную башню «Микумы».

Авианосцы Спрюэнса ничего не обнаружили. Около 3 часов дня командующий «на всякий случай» поднял в воздух ударную волну, направив ее в район северо-западнее Мидуэя, где ночью «летающие лодки», «кажется, видели неприятельские корабли». Там, на периферии «зоны плохой погоды», и в самом деле располагались 5 июня Главные силы

Объединенного флота. Эсминцы охранения соединения Нагумо передавали на крейсера и линкоры спасенных с авианосцев людей. Корабли неподвижно стояли, раскачиваясь на волне.

Летчики не нашли флот Ямамото и на обратном пути атаковали эсминец «Таникадзе», который не только благополучно уклонился от 58 бомб, но и сбил «доунтлесс».

Очередь поврежденных крейсеров подошла утром следующего дня: Спрюэнс пришел к выводу, что догнать Объединенный флот не удастся и остается только заниматься «Микумой» и «Могами». Оба корабля получили за три последовательные атаки пять авиационных бомб.

В 13:58 на «Микуме» взорвались зарядные отделения торпед, полностью разрушив корабль. «Могами» каким-то чудом дошел до Трука (утверждается, что корабль без носовой оконечности развивал 20-узловую скорость) и встал на многомесячный восстановительный ремонт.

7 июня к американскому флоту присоединилась «Саратога», самолеты которой пополнили авиагруппы «Хорнета» и «Энтерпрайза». В Спрюэнсе проснулся инстинкт охотника: теперь его корабли уверенно двигались к западу, преследуя «Могами», и уже подходили к зоне действия авиации, базирующейся на Уэйк. В этот момент Ямамото (и, вероятно, Гэнда) придумал и попытался осуществить довольно красивую «двухходовку».

Прежде всего, была усилена авиация Уэйка. Далее, шесть тяжелых крейсеров были брошены на юг, имея заведомо невыполнимое распоряжение атаковать неприятельские авианосцы. Главные силы также передвинулись к югу. Дождавшись, пока Спрюэнс расшифрует «новую» картинку, Ямамото отменил операцию: Объединенный флот направился в Куре. Это делалось не демонстративно, но и не очень скрытно.

Между тем Алеутская операция, неожиданно для Какуты и Хосагая отмененная, столь же неожиданно была возобновлена: экспедиционные силы начали обустривать Атту и Кыску, их поддерживали авиация 2-го мобильного соединения и тяжелые крейсера.

Спрюэнсу было очевидно, что японцы форсируют операцию AL, чтобы «прикрыть» этой победой поражение в центральном секторе Тихого океана. При этом «2-е мобильное соединение» оказывалось в довольно опасной ситуации: даже не потрудясь обеспечить взаимодействие своих палубных самолетов и береговой авиации Теобальда, Спрюэнс мог устроить Какуте персональный «Мидуэй» на севере Тихого океана. Соотношение сил — три тяжелых авианосца против легкого и вспомогательного — позволяло действовать совершенно свободно.

Вечером 7 июня 16-е оперативное соединение повернуло к Датч-Харбору.

В тот же день Ямамото начинает усиливать флот Какуты. При абсолютном радиомолчании «Конго», «Хией», «Тоне», «Тикума», «Миоко», «Хагуро» поворачивают на север, имея задачу совместно со «2-м экспедиционным соединением» атаковать и уничтожить противника. Было уже не до соблюдения приличий: воздушное прикрытие эскадры было возложено на «Дзуйкаку» и «Дзуйхо».

Операция имела шансы на успех, тем более что теперь роли переменялись: Спрюэнс шел в ловушку, выполняя именно то, чего хотел Ямамото. Однако вечером 7 июня пришла радиограмма от Нимица. Главнокомандующий Тихоокеанским флотом США приказал немедленно прекратить «марш на север» и вернуть корабли в Перл-Харбор. Сражение у атолла Мидуэй закончилось.⁹⁶

---

⁹⁶Соотношение потерь было катастрофическим для Японской империи. Потеряв четыре авианосца и тяжелый крейсер (еще один тяжелый крейсер и два эсминца тяжело повреждены), они смогли потопить только один авианосец и один эсминец неприятеля. Соединение Нагумо потеряло все самолеты — 377 штатных и 36 хранящихся в разобранном виде на «Акаги» и предназначенных для переброски на захваченные аэродромы Мидуэя.

Когда закрыт аэропорт...

Японские острова: 1975 год; Баллале, 10 апреля 1943 года

«Если представить себе на минутку, что Ямамото воевал бы с германским фюрером, — это была бы странная война, — рассуждал старый Мичедо Футида, перелистывая страницы только что выпущенной книги о последней войне. — Так вот, битва происходила бы в удивительной реальности, где разум японца, начиненный магическими силами прошлого, и магия европейского гения, сдерживаемого только недоверчивым прагматизмом чиновников Рейха, сошлись бы в схватке за «иные пределы». Но они с Гитлером оказались союзниками: так до конца и не признанный своим штабом немецкий чародей и признанный всеми великий японский флотоводец, которого сгубили возложенные на символ империи надежды».

Футида пережил войну судеб и войну убеждений, с удовольствием вспоминал Великие будни и ухмылялся Грандиозному позору. Он сохранил живость мысли, несколько утратив после двойного перелома ног подвижность отменно послужившего тела. Он вспоминал, как когда-то отзывался в кубрике «Акаги» об Адмирале, только что ставшем Главнокомандующим:

«У Ямамото кишка тонка. Он слишком увлекается Англией и Америкой. Трусоват...»

Сейчас Футида мысленно представил себе обеспокоенный интригами императорский дворец, клубок увязнувших в них министерств и не нашел там достойного места для Ямамото Исуроку. Когда Адмирал погиб, Футида плакал не в день его смерти, а спустя месяц, наблюдая, как на флот, потерявший своего бога, вместо несгибаемого достоинства упала тень покорности и безверия...

Адмирал летел в Баллале под защитой эскорта из четырех самолетов; еще и еще раз вспоминал он томительную взвесь реальности перед сражением у Мидуэя: как заболел сам, немного позже совершенно неожиданно слег с аппендицитом Футида; как это разъедало беспокойством, мучило и вновь и вновь заставляло думать тяжелую от жара голову. Позже, когда Адмирал узнал, что заболел еще и Гэнда, события стали выстраиваться перед ним в зловещую цепочку. Авианосцы «Секаку» и «Дзуйкаку» были не готовы к сражению. А еще «Дзуйкаку» был накануне сражения наказан Адмиралом, очень по-японски — невозможностью погибнуть в решающей битве во славу Императора.

Итак, Величие его Плана было в те дни подвергнуто сомнению, а Ямамото не любил провокаций. Он верил в несокрушимую логику и с усмешкой припоминал попытки недругов натравить на него провидцев и провидение в начале его карьеры. Он верил в судьбу и расшифровывал знаки грядущих перемен, но занимался этим исключительно сам. Подстегнутая прошлым успешным опытом решительность тогда выиграла, дала силы справиться с болезнью, и ментальный сноб победил в нем стойкого к искушениям самолюбия самурая.

Упрямый Сегун прошедших медленных веков традиционно удалился бы на недельное размышление и предался раздумьям и медитации. Сейчас было совершенно понятно, что такое промедление удивительно бережно спасало этот этап войны, но, куда там, забыв древние наставления, Ямамото уверовал в безупречность своих планов, и сегодня, как

Спрюзнс и Флетчер потеряли 151 самолет. Из них 14 утонуло вместе с «Йорктауном» (два пикировщика и два торпедоносца первой волны — то есть все, что от нее осталось, — и десять «доунтлессов» резерва; остальные успели перелететь на «Энтерпрайз» и далее принимали участие в сражении вместе с его авиагруппой) и 137 потеряно в воздушных боях. Нагумо потерял в сражении только 54 самолета, остальные 259 машин пошли на дно вместе с потопленными авианосцами.

усталая и прекрасная персидская царица, закончив последний стежок своей жизненной вышивки, был готов умереть.

Смерть представлялась Ямамото бесполом существом, но в некоторые моменты Адмирал мог поклясться, что она смотрит на него как пожилая мать, сокрушаясь, что младший сын пропустил решающий гол команды соседнего двора.

Минуто он позволил себе пережить отчаяние Мидуэя и с грустью пробежаться еще раз по иным, последующим событиям, которые, как вложенные бумажные стаканчики, размокали в воспоминаниях, сменяя один нестойкий слой на другой.

Мидуэй был как страсть, взлелеянная гордыней Разума — План, который должен был восхитить современников и потомков и который стал отсроченной смертью для его создателя. Сейчас Адмирал проникся ощущением некой справедливости бытия. Стоя на самом краю, он осознал тщетность своих замыслов, тщетность университетской кафедры в Гарварде или Оксфорде, любви к Чийоко и Величия Японского Императора.

Первый раз за эту войну у него наконец отпустило сердце, зажатое железной рукой жизненных целей. Он прикрыл глаза и уснул. До взрыва оставалось две с половиной минуты. Это короткое время он прожил, как Будда, вне мира и духа, как вздох Вселенной, похожей на фосфоресцирующее море в заливе Лейте.

(11) Фотография: «Акаги»

Флагманский корабль адмирала Нагумо авианосец «Акаги» был атакован в 10:26 по времени Мидуэя, то есть уже после того, как бомбы поразили «Кага» и «Сорю». Удар по кораблю нанес 1-й дивизион 6-й эскадрильи пикирующих бомбардировщиков (АВУ «Энтерпрайз»), возглавляемый Р.Бестом.

Бест атаковал с почти вертикального пикирования. Как правило, американцы сбрасывали бомбы и начинали выход из пике на высоте около 600 метров, японские же пилоты снижались до 300 метров. Бест атаковал врага с высоты, не превышающей 200 метров, и никто из летчиков его группы не верил, что командиру удастся выровнять самолет.

Как это ни удивительно, на «Акаги» пропустили момент начала атаки: сигнальщики сосредоточились на последних американских торпедоносцах, все остальные были заняты обеспечением процедуры экстренного взлета. Уже пикируя, Бест видел в визире взлетающий истребитель, единственный самолет, который «Акаги» успел выпустить в воздух.

На верхней палубе авианосца оставалось около сорока самолетов.

Первая бомба упала в десяти метрах левее носовой оконечности. Вторая попала в заднюю кромку центрального самолетоподъемника, разрушила полетную палубу и разорвалась на ангарной. Наконец, третья взорвалась в кормовой части полетной палубы, среди подготовленных к взлету «кейтов».

Это попадание стало для авианосца роковым. Один самолет за другим охватывало пламя, топливные баки взрывались, давая новую и новую пищу огню, детонировали торпеды. Пожар на кормовой оконечности сразу же вышел из-под контроля. Горящий бензин потек вниз, взрывы боеприпасов рвали палубы и переборки. Отказало рулевое управление, нарушилась внутрикорабельная связь.

Второй очаг пожаров возник на ангарной палубе в районе центрального элеватора. Ангарная палуба была захламлена снятыми с самолетов бомбами, которые собирались отправить в погреба, но не успели. Кроме того, через всю палубу были проложены толстые шланги системы бензозаправки. Все они были заполнены топливом.

Взрывы сорвали огнеупорные двери в ангарах. Через несколько минут после начала пожара отказали динамо-машины, и прекратилась подача электроэнергии к помпам. Химические же огнетушители оказались пустыми.⁹⁷

Радиосвязь вышла из строя. Командные посты оказались изолированными пожаром

---

⁹⁷Прямых доказательств этому нет, но, скорее всего, матросы использовали четыреххлористый углерод из огнетушителей в качестве пятновыводителя.

на ангарной палубе, в результате эвакуация адмирала Нагумо и членов его штаба представляла значительные трудности.⁹⁸

Нижние помещения были отрезаны от мостика. Вентиляторы гнали в машину дым и горячий воздух, насыщенный окисью углерода, но машинная команда оставалась на боевых постах. Там она целиком и погибла.⁹⁹

Нагумо, оказавшись на борту «Нагары», сразу же спросил:

— Могут ли эсминцы буксировать корабль?

Контр-адмирал Абэ печально ответил:

— Едва ли, учитывая его состояние.

В 18:00 Аоки отдал приказ об оставлении «Акаги». В 19:20 Ямамото получил запрос относительно затопления продолжающего гореть авианосца. К удивлению многих, командующий флотом отказал: он еще надеялся отыскать какую-то возможность спасти свой любимый корабль.

Ямамото ждал несколько часов, ждал, пока не стало ясно, что ночного боя не произойдет и наутро американская авиация будет безраздельно господствовать в центральном секторе Тихого океана. Благоприятных вариантов не осталось, связывать флот необходимостью охранять умирающий корабль было преступлением, и в 3:50 Ямамото санкционировал затопление догорающего авианосца. Четыре эсминца произвели торпедные залпы, и ровно в пять утра «Акаги» пошел ко дну. Во время погружения раздался сильнейший внутренний взрыв.

Из экипажа авианосца погиб 221 человек, не считая личного состава авиагруппы, которая была уничтожена практически целиком.

(12) Фотография: «Хирю»

«Летающий дракон» — «Хирю» — считался в японском флоте примером удачно сконструированного авианосца. Крейсерские обводы корпуса обеспечивали легкое достижение контрактной скорости 34 узла при отличной маневренности. Ангар вмещал до семидесяти самолетов¹⁰⁰, что при сравнительно небольшом водоизмещении корабля (17 756 тонн стандартное, 20 250 — полное; по этому критерию «Хирю» иногда ошибочно относят к легким авианосцам) было несомненным достижением проектировщиков. Некоторое увеличение размеров по сравнению с «Сорю» позволило разместить на корабле топливные танки вместимостью в 2800 тонн нефти. Дальность хода достигла 10 300 миль на 18 узлах — больше, чем у «Кага» (полное водоизмещение 42 541 тонн), «Акаги» (41 300 тонн), «Сеаку» (29 800 тонн).

«Хирю» можно назвать типичным примером *ударного* авианосца: оборонительные возможности корабля принесены в жертвы наступательным, то есть численности

---

⁹⁸Ведущую роль в спасении руководящего состава ударного соединения сыграл Кусаки, который, во-первых, убедил Нагумо в необходимости переноса флага, во-вторых, организовал эвакуацию через иллюминаторы боевых постов и, в-третьих, не допустил эпидемии самоубийств.

⁹⁹Ни один из посыльных, отправленных передать на нижние палубы приказ о немедленной эвакуации, не вернулся.

¹⁰⁰Штатная авиагруппа «Хирю» имела на начало 1941 года следующий состав: 12 истребителей «зеро», 34 бомбардировщиков-торпедоносцев «кейт», 16 пикирующих бомбардировщиков «вэл» (еще шесть самолетов — по два каждого типа — хранились в разобранном состоянии). После начала войны авиагруппа приобретает характерную симметричную структуру 21 — 21 — 21. В сражении у атолла Мидуэй «Хирю» нес 21 «зеро», 21 «кейт» и 26 «вэлов» (по другим данным — 24 бомбардировщика и два экспериментальных разведчика «джуди»).

авиагруппы и удобству ее обслуживания.

Бронирование как вертикальное, так и горизонтальное отсутствует, подводная защита сведена к минимуму, система пожаротушения ограничивается легкими раздвижными противопожарными дверьми на ангарной палубе и общей водяной магистрали, насосы которой не имеют автономного источника питания и получают энергию от главных динамо-машин.

Система обслуживания самолетов включает два пункта боевого питания, один из которых располагается на ангарной, а второй — на полетной палубе. Это ускоряет взлетно-заправочные операции, но дополнительно осложняет борьбу за живучесть.

«Хирю» мог перевооружить свою авиагруппу менее чем за час и поднять ее в воздух всего за 10 минут. Иными словами, этот авианосец предназначался для нанесения внезапного первого удара по кораблям и наземным объектам противника.

В сражении у атолла Мидуэй «Хирю» была навязана не свойственная ему роль *линейного* авианосца. Почему-то именно он раз за разом оказывался главной целью налета вражеских самолетов: за первые часы боя корабль уклонился от двадцати шести прицельно сброшенных торпед и семидесяти бомб.

В момент атаки, которая оказалась роковой для остальных авианосцев соединения Нагумо, «Хирю» находился в десяти километрах северо-восточнее главных сил и не был замечен. В последующие часы его авиагруппа контратаковала американские авианосцы и добилась попаданий в авианосец «Йорктаун», который был оставлен командой.

В 17:03, за несколько минут до подъема третьей волны, «Хирю» попал под удар пикирующих бомбардировщиков противника.¹⁰¹ Хотя самолеты зашли со стороны солнца и были обнаружены с запозданием, авианосец успел выполнить маневр уклонения. Первые три бомбы легли довольно далеко от «Хирю», но остальные пилоты смогли повернуть на цель: шесть бомб упали с правого борта всего в десяти метрах от корабля, четыре поразили полетную палубу авианосца.

Все попадания пришлось на район «остров» — носовой элеватор. Полетная палуба в носу — примерно на треть длины корабля — была полностью разрушена; платформа самолетоподъемника встала вертикально, перекрыв всякий обзор с мостика. Вспыхнул пожар, и пламя сразу же было затянато в ангар и на нижние палубы, машинное отделение оказалось отрезанным от мостика.

Корабль продолжал идти 30-узловым ходом, и огонь распространялся в корму со скоростью лесного пожара. Один за другим пламя охватывало подготовленные к взлету бомбардировщики. Их оставалось немного, но все они были заправлены для длительного полета и снаряжены для удара по американским кораблям. На полетной палубе «Хирю» рвались баки с горючим, бомбы, зарядные отделения торпед.

Гидравлические удары от близких промахов нарушили герметичность обшивки, а пожары на нижних палубах препятствовали борьбе с затоплением. Появился и начал расти крен на правый борт.

Между тем атаки с воздуха продолжались. Эстафету у «доунтлессов» приняли «летающие крепости», и умирающий авианосец вновь уклонился от нескольких десятков бомб; одна из «крепостей» обстреляла его палубу из пулеметов.

В 21:23 машины «Хирю» остановились. К этому времени подволоки машинных отделений раскалились докрасна, с них стекала дымящаяся краска. Попытки аварийных партий проникнуть вниз и спасти отрезанных огнем людей не увенчались успехом и только привели к дополнительным потерям в личном составе. Тем не менее, экипаж продолжал борьбу с огнем, и ближе к полуночи возникла какая-то надежда: огонь начал слабеть.

Конец наступил в 23:58, когда внизу раздался сильнейший взрыв, и корабль вновь

---

¹⁰¹Тринадцать SBD под командованием лейтенанта Галлахера: это была сводная авиаэскадрилья «Хорнета» и «Энтерпрайза», к которой присоединились самолеты, успевшие перелететь с «Йорктауна».

вспыхнул от носа до кормы. Около 2 часов ночи командир «Хирю» отдал распоряжение об эвакуации.

Авианосец, однако, еще держался на воде. В 5:10 эсминец охраны выпустил по нему две торпеды, но оставленный командой «Хирю» сумел уклониться от одной из них. Вторая торпеда попала в корабль и, как это ни парадоксально, погасила пожар. Около 8 часов утра машинная команда, разгребая завалы и проделывая в переборках отверстия молотками и зубилами, выбралась на полетную палубу.

Авианосец был пуст. Он быстро погружался, вода разливалась уже по ангарной палубе. Морякам оставалось только спасаться вплавь. К счастью, поблизости дрейфовал гребной баркас, очевидно, брошенный при эвакуации. Остатки экипажа «Хирю» попытались добраться на нем до Уэйка — без компаса, карт, воды и продовольствия. На пятнадцатый день скитаний по океану их взял на борт американский гидроавиатранспорт.

В последнем бою авиагруппа «Хирю» потопила ударный авианосец противника. Летчиками и зенитчиками «Летящего дракона» было сбито 29 американских самолетов. (В это число не входят самолеты, в уничтожении которых участвовали и другие авианосцы соединения Нагумо.)

Вместе с «Хирю» погибло 416 человек команды. Из 150 человек летного состава в живых осталось не более двадцати.

12 (1) 2000 год. Сражение у атолла Мидуэй — ретроспектива

1

Анализируя сражение у атолла Мидуэй, принято адресовать адмиралу Ямамото упреки в «чрезмерном рассредоточении сил», недооценке противника и плохо организованной разведке. Рассмотрим эти обвинения вне характерного для официальной и официозной истории *контекста предопределенности свершившихся событий*.

Разумеется, не составляло никакого труда захватить Мидуэй, собрав в центральном секторе Тихого океана весь Объединенный флот. Но даже в шахматах «принцип сосредоточения сил» не следует понимать как скупивание всех фигур в одном углу доски.

С.Далл и С.Моррисон¹⁰² строят свою критику на утверждении, что командующий японским флотом был обязан исходить в своих планах из возможности наличия у атолла Мидуэй всех американских «Task Forces». Рассуждение выглядит *методологически* безупречным, но из него определенно вытекает необходимость прикрывать Объединенным флотом любую, сколь угодно мелкую десантную операцию. Ведь если следовало опасаться заблаговременного развертывания авианосцев Нимица в окрестностях Мидуэя, то почему не ожидать подобного сюрприза при атаке Гуама, Уэйка, Кваджелейна, Андаманских островов, не говоря уже о Филиппинах, Индонезии или Рабауле? Соблазнительно для военачальника любой школы постоянно держать флот сосредоточенным, чтобы всегда быть готовым к генеральному сражению, но размеры Тихого океана и размах задач как первого, так и второго этапа войны такую стратегию начисто исключали.

У Ямамото не было оснований предполагать наличие в районе Мидуэя сколько-нибудь значительных неприятельских сил. Представим на секунду, что Нимиц не получил бы исчерпывающей информации от службы криптоанализа. До середины мая все внимание штаба Тихоокеанского флота США было привлечено к Южным морям, оборона Мидуэя рассматривалась как задача третьестепенной важности. И вот к острову, где дежурит батальон морских пехотинцев и в самом лучшем случае стоит дюжина «уайлд кэтов», подходит «спроектированный» уважаемыми историками флот: пять тяжелых авианосцев,

---

¹⁰²С.Далл. Боевой путь императорского японского флота. Екатеринбург, 1997; С.Моррисон. Американский флот во Второй Мировой войне. Екатеринбург, 1999.

включая «Дзуйкаку», четыре легких, в том числе «Дзуйхо» и «Рюхо», четыре гидроавиатранспорта, одиннадцать линкоров, двадцать тяжелых крейсеров, около ста эсминцев и миноносцев и очень много эскадренных танкеров и судов снабжения...¹⁰³

В сущности, С. Далл и С. Моррисон предлагают отказаться от непрямых действий, которые подразумевает многофакторное развертывание с его тончайшим рисунком вспомогательных, промежуточных, отвлекающих и главных ударов, в пользу совершенно прямого наступления «соединенными силами». Между тем Ямамото, за спиной которого не было американской индустриальной империи, не мог позволить себе стратегию, в лучшем случае приводящую к массовому «размену фигур».

При несоизмеримости ресурсов противников трудно предложить позитивный план за слабейшую сторону. Замысел операции МI был, по-видимому, некорректным — равным образом опровергались (при правильных действиях англо-американских союзников) и схема кампании в Южных морях, и геометрия удара по Перл-Харбору, и вся стратегия Тихоокеанской войны вообще. Операции Объединенного флота с первого и до последнего дня этой войны напоминали попытки разыграть «дырявый» мизер; захват атолла Мидуэй не был исключением из общего правила. В такой интерпретации критические замечания Далла и других историков воспринимаются набором «полезных» советов на тему: как лучше всего играть оный мизер, если твои карты подсмотрел противник.

«Чувство опасности» подсказало Ямамото сосредоточить против Мидуэя избыточные силы. В центральном секторе Тихого океана было собрано все, что Объединенный флот мог выделить, не компрометируя операции на других направлениях. Самый неприятный для японской стороны сценарий, предусмотренный при моделировании операции МI, допускал появление в районе Мидуэя двух-трех американских авианосцев. Против них могли действовать 1-я и 2-я ДАВ соединения Нагумо — четыре авианосца с несколько меньшими, чем у кораблей противника, авиагруппами. То есть даже в этом гипотетическом и маловероятном случае силы сторон были бы примерно равны.

Можно ли назвать неправильно сбалансированным стратегический замысел, который при наиболее неблагоприятном стечении обстоятельств приводит к равному бою? Заметим, что командование Объединенного флота весьма точно предсказало возможности американских ВМС: в реализовавшемся «наихудшем варианте» против соединения Нагумо Нимиц действительно задействовал три тяжелых авианосца.

Проигрывая на картах разнообразные версии предстоящего сражения, Ямамото, Кондо, Нагумо не учли ту возможность, что американскому командованию в деталях известен весь японский план. Но подобное предположение граничило бы с паранойей; уважать врага — это не означает приписывать ему сверхъестественную проницательность или фантастическую осведомленность.

Более обоснованным является обвинение в плохой организации разведки. Японская сторона не сумела получить никакой информации относительно планов Нимица. Американские авианосцы были «потеряны» службой радиоперехвата: на начало июня аналитики предполагали нахождение «Энтерпрайза» и «Хорнета» в Южных морях, «Йорктаун» числился «потопленным или тяжело поврежденным».¹⁰⁴ Ничего не удалось

---

¹⁰³Обнаружив эту армаду, Нимиц, конечно, не послал бы свои надводные корабли к Мидуэю. Он ограничился бы действиями подводных лодок, ночными атаками гидросамолетов да бомбежками с В-17, базирующихся на Гавайских островах. Объединенному флоту пришлось бы или уходить — с очевидным чувством неловкости, — или атаковать Гавайи, рассчитывая только на силу, поскольку ни о какой внезапности не было бы и речи.

¹⁰⁴Интересно, что «Саратогу», которая ремонтировалась на Западном побережье, и «Уосп», действующий на южном направлении, японские разведчики считали находящимися в Перл-Харборе. Кроме того, высказывалась гипотеза, что в районе Гавайев может действовать и «Рейнджер» (этот корабль американцы справедливо считали в принципе не пригодным для Тихоокеанского ТВД; всю войну «Рейнджер» провел на Атлантике,

узнать о структуре оперативных соединений противника, об обороне Мидуэя, об интенсивности транспортных потоков между Перл-Харбором и Сан-Диего, о доставке большого количества грузов на Мидуэй. Иными словами, сражение выявило полное банкротство японской стратегической разведки.

Ямамото попытался получить информацию о намерениях противника на своем — оперативном — уровне. Для целей разведки были задействованы субмарины и гидросамолеты. Используя данные криптоанализа, американцы сорвали операцию «К», что же касается завесы подводных лодок, то они запоздали с выходом на рубеж наблюдения и поэтому не смогли вскрыть развертывание соединений Спрюэнса и Флетчера.

Не подлежит сомнению, что командующий Объединенным флотом несет ответственность за эту ошибку своих подчиненных. Заметим здесь, что операция МI требовала от ответственных исполнителей абсолютной точности, подлинной безупречности в действиях и решениях. Война продолжалась уже полгода, люди месяцами не покидали информационных постов и боевых рубок, и Ямамото должен был учесть вероятность «человеческой ошибки». Сакияма Сако, погубивший в сравнительно спокойной обстановке свой крейсер, заслуженно считался одним из лучших командиров японского флота...

В ряде аналитических работ высказывается мнение, что было необходимо резко усилить тактическую разведку и, в частности, произвести предварительную рекогносцировку Мидуэя. С этими рекомендациями трудно согласиться. Операция рассчитывалась на внезапность: между тем, согласно *принципу неопределенности в разведке*, невозможно получить информацию о противнике, не предоставив ему эквивалентной информации о своих намерениях. (Так, например, в галлиполийской кампании 1915 года именно рекогносцировочные рейды англичан побудили турецкое командование усилить укрепления Дарданелл.)

Японская сторона планировала внезапность и, в соответствии с законами диалектики, получила ее со знаком «минус». В этой связи встает вопрос о «недопустимо широком использовании радиосвязи» или о плохом обеспечении скрытности при подготовке операции.

Как уже отмечалось, первые сведения о предстоящем японском наступлении в центральном секторе Тихого океана криптоаналитическая служба предоставила Нимицу в середине мая. Таким образом, у командующего американским флотом оставалось не более двух недель, чтобы разработать план сражения и претворить его в конкретные боевые приказы. При предельном напряжении всех штабных и организационных структур такого запаса времени «впритык» хватало, но обычно руководящие инстанции относятся к неожиданным для них выводам разведчиков весьма скептически: по логике вещей, несколько дней должны были уйти у Рочфорта на «уговаривание» Нимица.

Далее, как правило, в штабе образуется две партии: одна из карьерных соображений верит в полученные сведения, другая (по той же причине) объявляет их дезинформацией. Командующему приходится маневрировать между этими группировками, страхуясь на случай любого исхода. В результате с опозданием принимается «взвешенное», а на самом деле — половинчатое решение. (Например, усилить гарнизон Мидуэя и числа второго послать к атоллу 16-е оперативное соединение — «посмотреть»),

С этой точки зрения утечка информации, подобная той, что имела место перед Мидуэем, не могла привести к сколько-нибудь серьезным последствиям. В конце концов, она происходила и перед Перл-Харбором, и перед сражением за Индонезию, и перед рейдом в Индийский океан.¹⁰⁵

прикрывая конвои). Таким образом, аналитики «угадали» количество авианесущих кораблей в центральном секторе Тихого океана, но не сумели правильно определить ни один из них.

105Граф А.Шлифен незадолго до смерти опубликовал в открытой печати статью, в которой подвергал критике изменения, внесенные Г.Мольке в его стратегический план. Статья подробно анализировала и общий рисунок будущего «шлифеновского маневра», и отдельные тонкости развертывания и сосредоточения. Тем не менее осуществление «плана Шлифена» летом 1914 года оказалось полной неожиданностью для союзников. Аналогичным

И лишь в данном случае ситуация развивалась нестандартно. Хотя «партия альтернативы» и существовала (более того, имела поддержку в высших вашингтонских штабах), она не оказала никакого влияния на выработку оперативных решений. *Адмирал Нимиц игнорировал все ее предостережения и полностью поддержал разведывательный отдел.* Иными словами, Рочфорт не только расшифровал японские коды, но и каким-то загадочным способом сумел убедить командующего в абсолютности своего анализа. Надо отдать Нимицу должное: по окончании сражения он заявил в присутствии всех офицеров штаба, что победой они обязаны блестящей работе подразделения военно-морской разведки, возглавляемого Рочфортом.

Во всяком случае, глубокая убежденность Нимица в безупречности реконструкций криптографов остается одной из загадок Мидуэя, может быть, главной.¹⁰⁶

Очень трудно однозначно оценить решения, принятые главнокомандующим японским флотом поздним вечером 4 июня. Хотя в отличие от Нагумо Ямамото сохранил видимое спокойствие, не подлежит сомнению, что он был потрясен внезапностью катастрофы и ее масштабом. Прежние планы рухнули, новых не было. Единственным приходящим в голову шансом был артиллерийский бой, предпочтительно — ночной. Для этого следовало довести операцию по захвату Мидуэя до логического конца.

Возможность захватить атолл у Объединенного флота оставалась и 5, и 6 июня.¹⁰⁷ Но действовать вопреки свершившимся событиям означало для японцев противопоставить себя воле Неба. На это не оставалось внутренних сил ни у Нагумо, ни у Кондо, ни у самого Ямамото.

«Алеутский проект» показался им более обнадеживающим. Новые корабли, иной сектор Тихого океана... речь шла о *другом* сражении — не о попытке «переиграть» вчистую проигранный Мидуэй. Но, конечно, у японцев не было оснований предполагать, что, имея журавля в руках, американцы бросятся ловить синицу в небе.

Ретроспективно отказ вечером 4 июня от продолжения операции МІ следует рассматривать как очень серьезную ошибку командования Объединенным флотом. Конечно, после потери соединения Нагумо вопрос о блокаде Гавайев не вставал. Американцы сохраняли господство в центральном секторе Тихого океана, это означало, что Мидуэй, даже если он будет захвачен, не удастся удержать на достаточно долгий срок. Но за его возвращение Нимицу пришлось бы уплатить *настоящую цену*.

2

Промахи главного исполнителя операции МІ вице-адмирала Нагумо Тюити стали предметом изучения уже во время войны. Но за обилием «вопросительных знаков», образом французское руководство в 1940 году имело представление о плане «Гельб», советское — о развертывании «Барбаросса», английское — о малайской операции. Вообще скрыть подготовку акции стратегического масштаба невозможно. Речь идет лишь о том, чтобы противник получал информацию, во-первых, противоречивую, во-вторых, запаздывающую. Как правило, этого совершенно достаточно для маскировки своих замыслов.

106За все время сражения адмирал Нимиц отдал только три распоряжения, включая основополагающую директиву, отправившую Флетчера и Спрюэнса к Мидуэю, Все они основывались на некритическом отношении к выводам разведывательного отдела и оказались чрезвычайно удачными и своевременными (ориентировка относительно юго-западной группы японских кораблей, приказ о прекращении операции и возвращении флота в Перл-Харбор).

107Следует, однако, иметь в виду, что остров был подготовлен к позиционной обороне. По-видимому, СМДЧ при помощи артиллерии линкоров смогли бы разгромить американский гарнизон, несмотря на отсутствие поддержки с воздуха, но это потребовало бы времени и привело бы к большим потерям.

поставленных комментаторами едва ли не ко всем «ходам» командующего авианосным соединением, остались неосвещенными два взаимосвязанных вопроса: почему Нагумо принимал именно такие решения, и как ему надлежало действовать в той ситуации, которая сложилась утром 4 июня 1942 года к северу от острова?

Первым замечанием в адрес Нагумо является плохая организация разведки. Действительно, выглядит странным, что он, имея в своем распоряжении около трехсот палубных самолетов с опытными экипажами, накопившими опыт ночных и сумеречных полетов, использовал для поиска противника всего семь ГСМ.

Не приходится отрицать, что Нагумо имел предвзятую оценку обстановки. Хотя он и говорил офицерам своего штаба, что в районе Мидуэя могут находиться крупные силы противника, эти слова были, скорее, «заклинанием от сглаза», нежели выражали действительную точку зрения командующего. От воздушной разведки Нагумо ожидал лишь подтверждения своей уверенности в отсутствии в оперативной зоне американских надводных кораблей.

Иными словами, секторный поиск был организован «на всякий случай» и рассматривался всеми — от командующего соединением до Непосредственных исполнителей — как сугубо формальное исполнение уставных требований. Заметим в этой связи, что Хэлси в набеге на Джалуит — Кваджелейн (и в Токийском рейде) вообще не вел воздушной разведки.

Нагумо, как и Ямамото, придавал огромное значение скрытости развертывания своего соединения. И именно поэтому он не использовал для предварительной разведки палубную авиацию. Появление японского гидросамолета в окрестностях Мидуэя не обозначало ничего: такой разведчик мог вылететь с Кваджелейна (с дозаправкой от ПЛ). В самом худшем случае он навел бы американцев на мысль, что где-то неподалеку находится тяжелый крейсер противника. Но «колесный самолет» с красными кругами на крыльях, обнаруженный какой-нибудь рыбацкой лайбой в пятистах милях к западу от Уэйка, указывал на обязательное присутствие в центральном секторе Тихого океана по крайней мере одного японского авианосца.

Нагумо использовал разведчиков с авианосцев только в пустынных южных секторах; поиск в направлениях на запад и северо-запад вели ГСМ кораблей прикрытия. Их было достаточно для организации однофазного наблюдения — чем японцы и ограничились. Решение это, чреватое поздним обнаружением противника, снижало до минимума риск случайно демаскировать операцию. Нагумо, разумеется, не имел представления о том, что Спрюэнсу точно известны его силы и намерения.

В литературе, особенно японской, большое внимание уделяется эпизоду с получасовой задержкой вылета гидросамолета с «Тоне». Конечно, будь этот ГСМ запущен вовремя, он приблизительно в семь часов утра прошел бы над американским соединением и, возможно, увидел бы его. Учитывая слабую мотивацию наблюдателей, условия погоды, освещенность и, наконец, то, что корабли были бы встречены не в секторе поиска, а на обратном пути, вероятность обнаружения оценивается в 10—15 процентов. Сражение у атолла Мидуэй было все-таки не настолько хаотическим, чтобы его исход определился таким незначительным мотивом, как обнаружение противника на полчаса раньше, нежели это произошло в действительности.

Нагумо легко мог «подстраховать» ситуацию и восстановить график разведки. Для этого достаточно было запустить второй самолет с «Тикумы». И не приходится сомневаться, что в рейде на Перл-Харбор командующий соединением поступил бы именно так. Однако к 4 июня 1-я и 2-я ДАВ уже полгода находились в непрерывном оперативном режиме. Нагумо, офицеры его штаба и командиры кораблей устали, пилоты вымотались. Война утратила для них ощущение новизны, опасность перестала быть стрессовым фактором, обеспечивающим мобилизованность и концентрацию внимания, которые только и являются гарантией от случайных ошибок.

В 1944 году американцы научатся бороться с психологическим утомлением, создавая

сменные оперативные командования: соединение имеет два учетных номера и два руководящих штаба, из которых один управляет кораблями в море, а другой занимается организационно-отчетной деятельностью на берегу. Через какое-то время эти штабы меняются местами. В результате у ответственных командиров постоянно поддерживается высокий уровень информационной активности, они не успевают «привыкнуть» к войне. Но такая система подразумевает демократию с ее сакраментальной формулой «незаменимых людей нет». Полуфеодалное японское общество не признавало разделения ответственности в своей элите. Даже простому матросу с «Акаги» трудно было представить себе, что ударным авианосным соединением полгода командует Нагумо и полгода, например, Одзава. Японский военачальник мог быть смещен с должности или мог умереть.

Адмирал Нагумо не стал беспокоиться из-за мелкой неисправности на «Тоне» и незначительного нарушения графика. Разведка все равно ведется лишь для проформы...

Серьезной ошибкой командования авианосным соединением считается использование для атаки Мидуэя лишь половины наличных сил. Тактическим обоснованием этого решения было, очевидно, желание сэкономить боеприпасы, которых могло не хватить на последующее за оккупацией острова генеральное сражение. Кроме того, подготовленная к удару по кораблям противника вторая волна считалась страховым полисом на случай разнообразных неожиданностей. И главное: серьезного воздушного сопротивления над атолом не ожидалось, с этой точки зрения количество самолетов, выделенных для удара по пустой скорлупе, выглядело более чем достаточным.

Но точно поставить задачу летчикам Томонаги Нагумо, конечно, был обязан. Прежде всего это касалось взлетно-посадочных полос Мидуэя: следовало ли разрушить их, чтобы вывести из строя «непотопляемый авианосец», или, напротив, они должны были остаться нетронутыми? Второй налет на атолл понадобился именно потому, что отсутствовало надлежащее целеуказание для первой волны.

Хотя разделение палубной авиации на «штурмовую» и «противокорабельную» группы было тактически обоснованным, оно послужило катализатором дальнейших ошибок. Наличие двух ударных волн, ориентированных на разные цели, привело к раздвоению оперативной мысли командующего. Сама структура воздушных сил провоцировала решение вести одновременно два разных сражения.

В сложившейся обстановке это стало бы наименьшим злом, но Нагумо был слишком опытным командующим, чтобы пойти на такой вариант. В результате оперативная раздвоенность вылилась в последовательность приказов и контрприказов: убрать торпеды, подвесить бомбы, снова снарядить торпеды...

«Снять ордена, упечь в остроги, вернуть, простить, дать ордена...»

Каждый приказ Нагумо вытекал из оперативной обстановки — какой она в тот момент представлялась командующему, но все вместе они производят уродливое впечатление. *Так генеральные сражения не выигрываются! «Вам следовало придерживаться вашего первоначального плана. Или вашего второго плана. Или третьего. Собственно говоря, вам надо было держаться чего-то одного. Чего бы то ни было».*

Однако Нагумо тоже можно понять. Оперативное соединение противника неожиданно появилось на его фланге, словно бы материализовалось из пустоты и ночных кошмаров. Причем — и для подобных ситуаций это характерно — степень опасности осознавалась ступенчато, пройдя за полтора часа все стадии: от «незначительной помехи» до «вероятной катастрофы». Первый воздушный флот оказался под действием центробежных сил: инерция влекла его к Мидуэю, в то время как внезапная фланговая угроза требовала сосредоточить все усилия против нее.¹⁰⁸

108В подобной ситуации оказался 6 сентября 1914 года фон Клюк, командующий 1-й германской армией, принужденный вести два сражения: на Марне и на реке Урк. (См.: М.Галактионов. Париж, сентябрь 1914 г.) Клюк в целом действовал более последовательно, нежели Нагумо, но у него и кризис развивался намного медленнее: характерное время принятия решения составляло часы, а не минуты. Тем не менее торможение маневра,

Насколько можно судить, Нагумо полностью разобрался в ситуации около половины девятого утра. И здесь им было принято решение, которое — вслед за Ямагути — порицают все. Нагумо задержал подъем самолетов до приема первой волны и перевооружения второй. Тем самым вне всякой зависимости от его субъективного мнения на этот счет объективно он принимал на себя обязательство отбить атаку палубной авиации противника.¹⁰⁹

В 1-й и 2-й ДАВ только «Кага» (и то с очень большой натяжкой) мог претендовать на роль линейного авианосца. «Акаги», не говоря уже о «Хирю» и «Сорю», были типичными ударными кораблями. Использовать ударные авианосцы для обороны соединения — идея безусловно безумная. Но, возможно, она достаточно безумна, чтобы быть правильной.

В самом деле, если бы Нагумо отразил последнюю атаку пикировщиков (а она была действительно последней — по крайней мере, на несколько ближайших часов), он оказался бы хозяином положения. Психологический настрой на американских кораблях упал в этот момент до очень низкого уровня. Превосходство в количестве и качестве самолетов, в уровне подготовки летчиков было всецело на стороне японцев. Для полноты счастья воздушная атака пришлась бы на момент приема американскими авианосцами своих самолетов.¹¹⁰

Однако решение Нагумо избрать оборонительную тактику было, во-первых, бессознательным и, во-вторых, непоследовательным. Следовало озаботиться не поспешной подготовкой самолетов к вылету (все равно не успевали!), но насыщением воздушного патруля истребителями и очисткой полетной и ангарной палуб от бомб и торпед. Возможно, в воздухе надлежало задержать часть «вэлов» группы Томонаги, возложив на них задачи дальнего обнаружения и борьбы с торпедоносцами.¹¹¹

3

Если управление палубной авиацией трудно поставить в актив вице-адмиралу Нагумо (хотя, на наш взгляд, оно было на более высоком уровне, чем при атаке Перл-Харбора и Коломбо), то маневрирование соединения было выше всяких похвал. В течение всего боя у японских пилотов не возникало проблем с «местом» своих авианосцев, иными словами, Нагумо в мешанине неприятельских атак точно выдерживал генеральный курс и эскадренную скорость. Поворот на 90 градусов, последовавший в 9:17, был предпринят в самый подходящий момент: «каталины» временно потеряли контакт с японскими кораблями, палубная авиация «Хорнета», «Энтерпрайза» и «Йорктауна» находилась в воздухе и была ориентирована на прежний маршрут авианосного соединения. Этот поворот позволил Нагумо уклониться от пикировщиков «Хорнета», и, не вмешавшись случайность, он вывел бы

обусловленное «ступенчатым» восприятием угрозы, привело 1-ю армию к поражению.

109В японской историографии говорится о «пяти роковых минутах», на которые Нагумо опоздал с выпуском своей авиагруппы. Однако ситуация сложилась столь драматическим образом только вследствие низкого качества работы штабов Спрюэнса и Флетчера и недостаточной подготовки американских пилотов. Обнаружив японские корабли в 5:30 утра, американцы имели все возможности атаковать их не позднее 8:30, Нагумо, получивший донесение об авианосце противника лишь в 8:20, и зная, что его соединение наблюдается «Каталинами» с самого раннего утра, должен был заключить, что «игра на опережение» заведомо бессмысленна: самолеты противника появятся с минуты на минуту.

110И что бы мы тогда читали в источниках? «Успех сражения был обусловлен нестандартным решением адмирала Нагумо. Отказавшись от обязательного стереотипа: «во что бы то ни стало нанести удар первым», он создал непроницаемую истребительную завесу над своими авианосцами. В то время как американские адмиралы в некоординированных прямых атаках истратили весь цвет Палубной авиации 16-го и 17-го оперативных соединений...»

111Пикирующие бомбардировщики «вэл» были способны вести маневренный бой с «уайлдкэтами». «Девастейторы» без прикрытия оказались бы для них легкой добычей.

из боя и авиагруппу «Энтерпрайза», практически исчерпавшую неприкосновенный запас горючего. В иной ситуации столь блестящий «ход» мог привести к выигрышу сражения.

4

Подводя итог, заметим, что главной ошибкой и Ямамото и Нагумо было нежелание прислушаться к языку совпадений и предчувствий. Американцы могли позволить себе подобную невнимательность — их разведка вышла уже на уровень технологии. Японская же сторона исповедовала стратегию чуда, опору на Хаос как на альтернативу всеобщему западному порядку. Но в рамках этой стратегии знаки Судьбы надлежало читать и учитывать.

5

Если анализировать управление операцией с американской стороны, приходится вновь и вновь удивляться безупречному руководству со стороны адмирала Нимица. Он не сделал ни одной ошибки: все его решения, действия (и бездействие) были оптимальными. Нимиц сумел навязать всему флоту и вашингтонским стратегам свое прочтение криптографических экзерсисов Рочфорта, организовал молниеносный ремонт «Йорктауна», способствовал «резонансному» подъему боевого духа на кораблях 16-го и 17-го оперативных соединений. Для командующего, чья роль рассматривалась как чисто административная, неплохой послужной список!

Напротив, Спрюэнс и Флетчер, кажется, поставили перед собой задачу совершить все ошибки, которые только можно сделать, управляя авианосным соединением, и ни в коем случае не пропустить ни одной. Начать с того, что Флетчер, назначенный командовать обеими «Task Forces», самоустранился от задач общего руководства и полностью сосредоточился на «своем» «Йорктауне».¹¹² В результате T.F.16 и T.F.17, находясь в десяти милях друг от друга, вели — с одним и тем же противником — два разных сражения и использовали при этом две разные тактики.

Заметим, что задача, стоящая перед американским тактическим командованием, была на самом деле очень простой. Спрюэнс и Флетчер заранее знали силы противника, а с 5:30 утра — его «место», курс и скорость. Они могли взаимодействовать с базовой авиацией Мидуэя, а также — что даже более важно — использовать его аэродромы для дозаправки палубных самолетов. Рочфорт и Нимиц создали идеальную ловушку, и Нагумо, раз уж он в нее попался, был обречен. При сколько-нибудь правильных действиях американцев вопрос об ошибках Нагумо даже не встал бы: его соединение было бы уничтожено где-то около 7 часов утра совместной атакой самолетов с Мидуэя и трех авианосцев.

Но Флетчер и Спрюэнс не сумели организовать взаимодействие между флотом и воздушной армией, дислоцированной на атолле Мидуэй. Не смогли они обеспечить и согласованное использование хотя бы одной только палубной авиации: авиагруппы «Йорктауна», «Хорнета» и «Энтерпрайза» искали противника самостоятельно и атаковали его порознь. Более того, не была предусмотрена даже «уставная» тактическая взаимосвязь между эскадрильями, поднявшимися в воздух с одного авианосца!

Подъем самолетов осуществлялся с недопустимой медлительностью, доразведка

---

¹¹²Такому поведению командующего трудно даже подыскать аналогию. Впрочем, 19 мая 1940 года, когда немецкие танки прорвались к Ла-Маншу и над Францией нависла угроза разгрома, главнокомандующий французскими войсками генерал Гамелен издал «Личную и секретную инструкцию №12», которая открывалась следующими словами: «Не желая вмешиваться в руководство происходящим сражением, которое осуществляется командующим Северо-Восточным фронтом, и одобряя все принятые им решения, я считаю...»

целей не производилась. Вместо единой системы ПВО адмиралы организовали два независимых воздушных патруля, каждый из которых решал свои задачи порознь. В результате неполной авиагруппы с одного «Хирю» удалось дважды прорвать зонную оборону, выстроенную тремя авианосцами.

Каждая из этих ошибок могла (и должна была) привести Спрюэнса и Флетчера к разгрому. Однако в сражении у атолла Мидуэй информационная составляющая преобладала над материальной и преимущество американской стороны в радиоразведке оказалось более весомым фактором, нежели превосходство японцев в тактике и оперативном искусстве. Так что, возможно, С.Моррисон имел некоторые основания написать: *«Флетчер действовал неплохо, но Спрюэнс был великолепен. Спокойный, собранный, решительный, всегда готовый прислушаться к совету, держащий в уме всю картину с разбросанными по океану соединениями, смело использующий любую возможность, Раймонд Э. Спрюэнс вышел из этой битвы одним из величайших адмиралов американского флота».*

6

Последним вопросом, вытекающим из анализа перипетий сражения у атолла Мидуэй, является сакраментальное: «Что было бы, если бы...» Победа «звезд и полос» носила полуслучайный характер (этого не отрицает и американская историография), так что поиск альтернативных версий истории в данном случае не только представляет интерес, но и методологически вполне оправдан.

Большинство источников сходятся на том, что война «изрядно бы затянулась», но ее результат бы не изменился. Иными словами, конечная победа Соединенных Штатов Америки была предопределена заранее. При этом, однако, никто не указывает не только конкретных оперативных схем, но и стратегических планов «игры» на выигрыш.

Сражение у атолла Мидуэй могло быть выиграно японцами в одном из трех основных вариантов:

- 1). Американским криптоаналитикам не удалось вскрыть замысел операции MI, и она осуществляется в соответствии с первоначальными расчетами адмирала Ямамото;
- 2). Ямамото обращает внимание на неблагоприятные приметы и откладывает начало операции на 10—15 дней;
- 3). Нагумо удастся отбить атаку пикирующих бомбардировщиков с «Йорктауна» и «Энтерпрайза».

Существенной разницы между этими версиями нет: во всех случаях американцы теряют Мидуэй и какое-то количество авианосцев. Первая возможность соответствует «главному варианту» стратегического плана Ямамото и минимизирует потери японской стороны.¹¹³

«Второй вариант» приводит к полной потере доверия между штабом Нимица и криптоаналитическим отделом. Развертывание американского флота оказывается беспредметным; проутюжив центральный сектор Тихого океана, T.F.16 и T.F.17 возвращаются в Перл-Харбор — как раз в тот момент, когда авианосцы Нагумо подходят наконец к Мидуэю. Прогноз потерь почти такой же, как в основной версии — за тем исключением, что Алеутское соединение, вынужденное долгое время действовать изолированно от главных сил, подвергается значительному риску.¹¹⁴

Последняя возможность максимизирует американские потери: сомнительно, что в

---

¹¹³ При правильном осуществлении этой схемы Объединенный флот сохраняет свои авианосцы; прогнозируемые потери американской стороны составят один авианосец потопленным и один-два поврежденными.

¹¹⁴ Вероятно, повторился бы «размен», аналогичный случившемуся в Коралловом море: «Рюдзе» и «Дзунье» — на «Хорнет» и «Йорктаун» (при поврежденном «Энтерпрайзе»).

этом варианте Флетчеру и Спрюэнсу удастся сохранить хотя бы один свой авианосец. Можно согласиться с расчетами математических ожиданий, проделанными Угаки и Гэндой во время штабной игры: «Энтерпрайз», «Хорнет» и «Йорктаун» должны обойтись адмиралу Нагумо в один потопленный и один поврежденный авианосец.

Эта версия событий является для американцев наихудшей. Расшифровать неприятельские коды, заранее развернуть флот, «поймать» противника на подготовленный «дома» вариант, первым обнаружить противника и первым нанести удар, иметь в своем распоряжении все мыслимые тактические преимущества — от большей живучести кораблей до возможности взаимодействовать со своей базовой авиацией, от наличия радиолокатора до выстроенной «Каталинами» системы дальнего оповещения — и все-таки проиграть сражение! Подобный исход мог привести к психологическому «слому» даже уверенное в себе американское руководство.

«Маршалл был деморализован, потерял надежду победить — не то, что в матче, но, похоже, даже в одной партии». Во всех трех «альтернативных версиях» у американцев возник бы психологический «комплекс Мидуэя» (подобный тому, который в Текущей Реальности диагностируется у японцев), но только в последней он мог привести к созданию «сценария поражения».

Во всех вариантах ближайшие «ходы» сторон predetermined.

Ямамото создает временную базу на Мидуэе, принимая на себя неудобства, связанные с регулярными налетами тяжелых бомбардировщиков В-17, базирующихся на Гавайских островах. Американцы эвакуируют Алеутские острова и отводят корабли из района Южных морей. С этого момента коммуникационная линия между американским континентом и Австралией стратегически «затенена» и использовать ее в интересах союзников более не представляется возможным: начинают проявляться первые стратегические последствия решающего поражения.

В США с неизбежностью возникает кризис доверия. Макроскопических политических последствий он, понятно, иметь не будет, но Рузвельту придется отстранить от командования весь или почти весь руководящий состав Тихоокеанского флота. Здесь надо заметить, что душевный подъем, с которым американские моряки пошли 4 июня 1942 года в генеральное сражение, был вызван Нимицем искусственно и нуждался в обязательном подкреплении реальными боевыми достижениями. Поражение и последующая «чистка» вернут флот в психологическое состояние «после Перл-Харбора», причем справиться с упадком безобидными и безопасными средствами (вроде нескольких удачных реплик нового командующего и тактики «кусай и беги») на сей раз не удастся.

Пока американский флот будет бездействовать, занятый внутренними проблемами, Ямамото завершит создание обеих блокадных линий: внешнего оборонительного периметра (Алеуты — Мидуэй — Маршалловы острова — Восточные Соломоновы острова) и его ответвления на юго-восток (Маршалловы острова — Гильбертовы острова — Фиджи и/или Самоа).

Теперь скрытое проникновение американских кораблей в Западный сектор Тихого океана едва ли возможно: японские гидросамолеты, патрулирующие вдоль блокадной линии, наблюдают и сам Перл-Харбор, и все коммуникационные линии между Гавайскими островами и Австралией. Тихоокеанская транспортная сеть фактически распадается, резко затрудняется снабжение Австралии нефтью и военным снаряжением. В этих условиях у американского командования не будет иной стратегии, кроме контрнаступления на северном оперативном направлении — на Алеуты—Курилы.

Японская сторона ответит на это усилением давления в центре: на повестку дня встанет использование подводных лодок и крейсеров на коммуникации Перл-Харбор—Сан-Диего. Это приведет к созданию американцами «гавайского экспресса» и ожесточенным морским боям, преимущественно ночным.

Весь этот вариант форсированный, и не видно, как американское командование

может уклониться от него.¹¹⁵ Здесь еще не идет речь о поражении США, но разгром Великобритании уже может быть поставлен на повестку дня. Тем более, что если антигитлеровская коалиция и не испытывает (пока) «тенденции к распаду», то о Британской империи этого сказать никак нельзя.

Дальнейшее развитие событий всецело зависит от того, удастся ли командованию Объединенного флота и Министерству иностранных дел Японии инициировать переговоры между Германией и СССР, используя в качестве «приманки» перспективу дележа «британского наследства». Если нет — то союзники рано или поздно выиграют, почти до конца израсходовав материальные ресурсы США и людские резервы России. В противном случае в мире 1942—1943 года сложится своеобразный «пат»: ни одна из сторон не может уничтожить другую.

Американский континент, очевидно, неуязвим для вторжения. Набеговые операции против метрополии США также нереальны: слишком велик риск попасть под сокрушительный удар базовой авиации. С другой стороны, американцы не могут прикрыть район Панамского канала, возникают некоторые трудности и с обороной Аляски. Гавайские острова удержать вообще невозможно: даже если японцы не пойдут на прямой штурм Перл-Харбора, поддержание коммуникационной линии Сан-Диего — Гонолулу будет стоить непозволительно дорого.

Итак, к концу 1943 года США и, возможно, Соединенное Королевство противостоят «Оси» Берлин—Токио¹¹⁶, при нейтралитете Советского Союза. Вооруженные силы противников разделены океанами, причем союзники господствуют на Атлантике, а Объединенный флот контролирует Тихий океан. Подобная межконтинентальная война, очевидно, не имеет ни для одной стороны позитивной цели. Продолжаться же — с переменным успехом — она может десятилетиями. Наверное, ее достаточно быстро переведут в «холодную» стадию; в любом случае — это будет уже другая война.¹¹⁷

12 (2) Атолл Мидуэй: боевое расписание и соотношение сил сторон

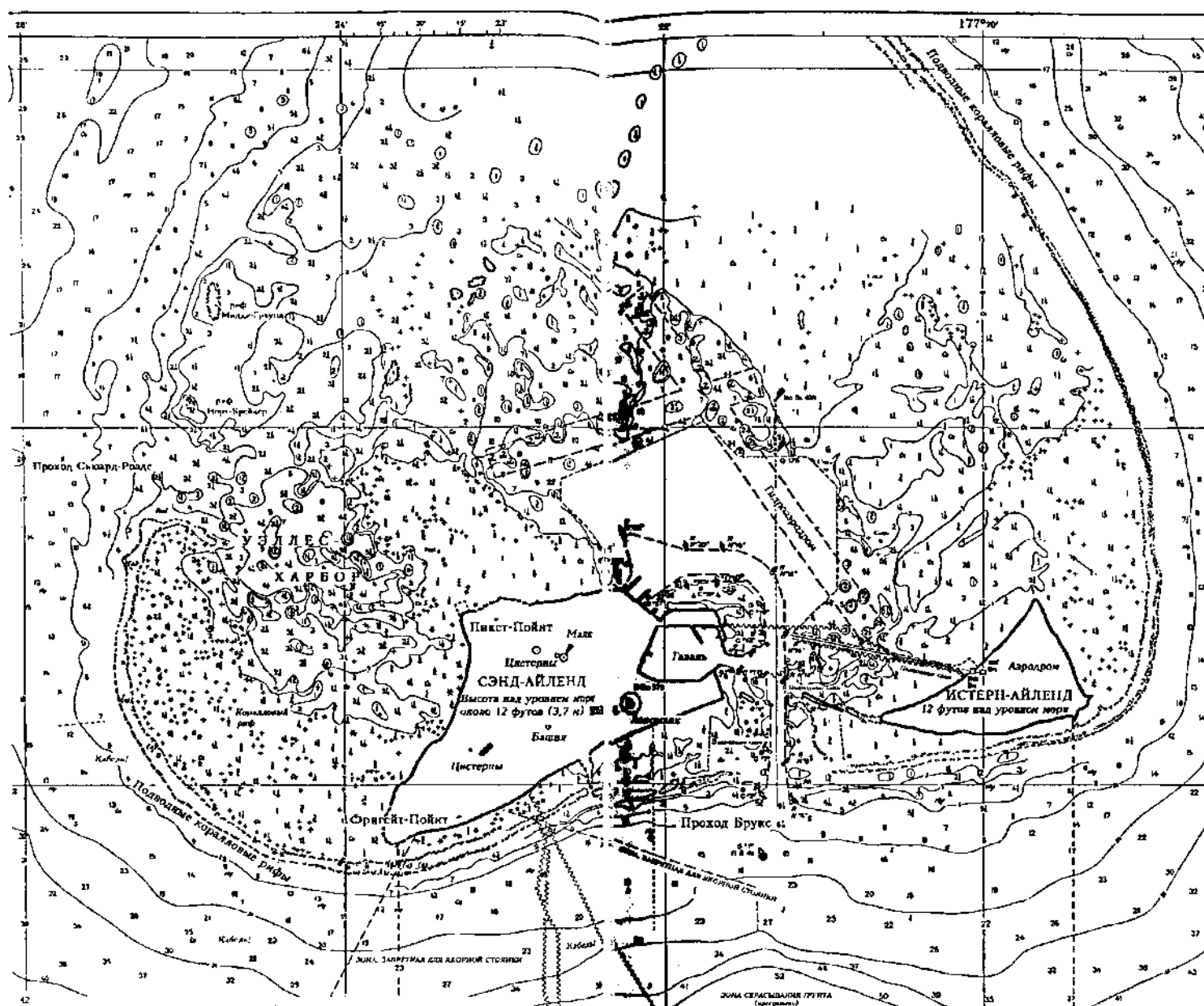
Согласно официальной американской историографии, японский флот имел во время сражения у атолла Мидуэй огромное превосходство в силах. Для того, чтобы это доказать, применяется простая и действенная методология: двум оперативным соединениям (Флетчера и Спрюэнса) противопоставляются все японские корабли, так или иначе задействованные в операции MI.

---

¹¹⁵Если, конечно, не рассматривать всерьез самоубийственную стратегию «Армагеддона» — собрать все корабли с обоих океанов, залить горючее в один конец и отправиться искать эскадренного боя с «Ямато» и тремя дивизиями авианосцев.

¹¹⁶Италия к концу 1943 года *в любом случае* выйдет из войны.

¹¹⁷Разумеется, развитая индустрия позволит США построить не только второй Тихоокеанский флот (авианосцы класса «Эссекс», линкоры типов «Саут-Дакота» и «Айова»), но, наверное, и третий — уже из кораблей с ядерными энергетическими установками. Очень сомнительно, однако, что Конгресс позволит вооруженным силам бездействовать в то время, как противник будет атаковать Гавайи, Панаму, Аляску. Поэтому новые авианосцы придется вводить в бой «по мере готовности» — с очевидным результатом. В любом случае потеря Мидуэя ставит США перед реальной перспективой затяжной и очень дорогостоящей войны, которая даже в случае конечной победы дорого обойдется американской экономике. Можно ли быть уверенным в том, что деловые круги страны не окажут на правительство давление в пользу компромиссного мира на приемлемых условиях?

Мидуэй с промерами глубин

В реальности, как мы увидим, возможности сторон в центральном секторе Тихого океана были сопоставимы.

1. Морские силы

Оперативное соединение	Линейные корабли	Авианесущие корабли	Тяжёлые крейсера	Лёгкие крейсера	Эсм инц Л П Б	Вспомогательные суда
Японская Империя (106 кораблей основных классов, 31 ПЛ, 54 всп.судна)	11	9=4+2+3	13	8	66	31 17 танкеров, 15 ТР, 8 ТЩ, 2 плавбазы, всп. Крейсер, 11 груз.судов
Передовое ОС						16
Ударное ОС	Кирибима	Акаги, Кага Тоне	Нагора	12	5 танкеров	

	Харума	Хирю, Сорю	Тикума			
Второй флот: Группа прикрытия	Конго Хиой		Текай, Атаго Миоко, Хагуро	Юра	8	4 танкера ремонтное судно
Второй флот: Группа бл. поддержки			Могами, Микуна, Судзуя, Мякума		2	танкер
Второй флот: Группа гидро АВ			Читосе Камикава- нару		1	эскорт, корабль
Второй флот: Трансп. группа Второй флот: Тральная группа				Дзинцу	10	12 ТР, эскорт, корабль 4 ТЩ, судно снабжения, 3 грузовых судна
Главные силы	Ямато, Нагато, Муцу	Хосе			9	2 танкера, 2 плавбазы
Алеутское соедин. прикрыт.	Исе, Ямаширо			Оя	12	2 танкера
Северное соедин.	Хьюго, Фусо		Нати	Китаками	2	2 танкера 3 судна снабж.
Второе операт. соед.		Рюдзе, Дзуйхо	Майи, Такао		3	1 танкер
Соед. Адду				Абакуна	4	транспорт, ТЩ
Соед Кыска				Кыса, Там а	3	Вспом. КР, 2 ТР, 3 ТЩ
Соединение ПЛ Резерв ПЛ					5	10 судно снабж.
Соединенные Штаты Америки (71 корабль основных классов, 25 ПЛ, 32 вспом. судна)	6	8 = 4+1+3	10	4	43	25 6 танкеров, 19 катеров, 7 прочих судов
T.F. 16		Хорнет Энтерпрайз	Нью Орлеан, Миннеапо лис, Винсент, Нортгемп тон, Пенсакола	Атланта	9	4 танкера
T.F. 17		Йорктаун	Астория, Портланд		6	
T.F. 1	Мэриленд, Колорадо, Теннесси, Миссисипи, Пенсильвания,	Лонг- Айленд			8	

	Айдахо				
T.F. 11		Саратога	Сан-Франциско	4	
T.F. 8		3 базы ГС	Индианаполис Луисвилл	Гонолулу [3 Сен Луис Нешвилл	6 Канлодка, 3 танкера, 5 катеров, судно снабжения
T.F. 7					[9
Район Мидуэя				3	2 танкера, судно снабжения, 14 катеров, 2 ТЩ, 2 тендера

Примечания:

1. Авианосец «Дзуйхо» в состав японских сил не включен.
2. Суммируются тяжелые, легкие (эскортные) и вспомогательные (гидро-) авианосцы: формулу $9=4+2+3$ следует понимать именно в этом смысле.
3. Гидроавианосцы «Ниссин» и «Чийода», не несущие самолетов и используемые в качестве баз снабжения подводных лодок, включены в графу «вспомогательные суда».
4. Дан полный состав японских сил. Что касается американцев, то исчерпывающими, по-видимому, являются только данные по T.F.16, T.F.17, T.F.8 и району Мидуэя.
5. В оперативном соединении Пая (T.F.1) отсутствуют данные о судах снабжения.
6. По мнению американцев, T.F.11 не участвовало в бою и не должно приниматься в расчет при определении соотношения сил. «Саратога» действительно опоздала к сражению, но точно так же опоздали и Главные силы адмирала Ямамото, которые сторонами учитываются в обязательном порядке. К сожалению, установить точный состав T.F.11 на начало июня не представляется возможным. «Методом исключения» удалось выделить тяжелый крейсер прикрытия — «Сан-Франциско». Из общих соображений к тактической группе приписан дивизион эсминцев. Сведений о вспомогательных судах и судах снабжения нет.
7. Отсутствуют сведения также об эскадренных миноносцах (по оценкам, около 39), подводных лодках (около 25) и легких крейсерах (три — четыре), находящихся в Перл-Харборе, то есть в оперативной зоне. Тем более нет данных о вспомогательных судах, которых в Главной базе Тихоокеанского флота должно быть очень много. При учете этих сил общее количество кораблей основных классов, вовлеченных с американской стороны в орбиту операции, составит 104 — 105 единиц, подводных лодок около 50, вспомогательных судов — свыше 100.

2. Воздушные силы

Соединение	Истребители	Пикирующие бомбардировщики	Горизонтальные бомбардировщики и разведчики	Торпедоносцы	Гидросамолёты, «летающие лодки»
Японская Империя	241	112	20	186	56
Всего 615 самолетов					
Палубная авиация	133	112	10	114	32
Ударное ОС	93 (все A6M2)	91 (все D3A1)	2 D4Y1 (развед.)	93 (все B5N2)	
Акаги	21	21		21	
Кага	30	23		30	

Хирю	21	26		21	
Сорю	21	21	2	19	
Второе ОС	40 (все А6М2)	21 (все D3A1)		21 (все B5N2)	
Рюдзе	16			21	
Дзуйхо	24	21			
Главные силы			8 D4Y1 (развед.)		
Хосе			8		
Группа ГАВ					32 = 24+8
Читосе					20 = 16+4
Камикава					12 = 8+4
Базовая авиация:	108		10	72	24
Джалуит			10		
Кваджелейн					24
Вотье	36			36	
На борту АВ	36			36	36
Соединенные Штаты Америки Всего 946 самолетов	416	173	168	47	112
Палубная авиация	109	133		41	20
T.F.16	52 F4F-4	71 SBD-3		29 TBD-1	
Хорнет	28	35		15	
Энтерпрайз	24	36		14	
T.F.17	27 F4F-4	37 SBD-3			
Йорктаун					
T.F.1	10 F4F-4	10 SBD-3			
Лонг- Айленд					
T.F.11	20 F4F-4	15 SBD-3			
Саратога					
T.F.8					20 PBV
ГАВ					
Базовая авиация	28	40 (31)	21 (18)	6 TBF-1	32 (30)
Мидуэй	21 F2A3	21 SB2U-3	16 BI7-E (13)		31 PBV-5A
	7 F4F-3	(12)	1 B17-D		(29)
		19 SBD-2	2 B26-S		1 J2F-2
			2 B26-B		
Базовая авиация	109		47		
Алеуты					
Базовая авиация	200		100		60
Перл-Харбор					

Примечания:

1. Авиагруппа «Саратоги» состояла на указанное время всего из 35 машин. Разбиение по типам дано из статистических соображений.
2. Авиагруппа «Лонг-Айленда» могла насчитывать до 30 машин, но реально их было на борту только 20. Разбиение по типам согласно проекту.
3. Базовая авиация Алеутских островов насчитывает следующие соединения: три эскадрильи армейских истребителей, одна канадская эскадрилья истребителей, одна эскадрилья истребителей морской авиации (всего пять эскадрилий), одна канадская эскадрилья разведчиков, одна эскадрилья тяжелых армейских бомбардировщиков (очевидно, В-17Е), одна эскадрилья средних бомбардировщиков (В-26-S), одна армейская сводная

группа.

4. Данные по авиации Гавайских островов — оценочные.
5. В скобках — самолеты, боеспособные на начало операции.
6. Не учитываются гидросамолеты, базирующиеся на линкорах и крейсерах.
7. На вооружении японских гидроавианосцев находились гидроистребители

(поплавковые «зеро») и разведывательные самолеты. В этом смысле надо понимать формулы вида $32=24+8$.

3. Соотношение сил в районе атолла Мидуэй

Наиболее важным для анализа хода сражения является соотношение сил непосредственной окрестности атолла Мидуэй: соответственно ударное соединение Нагумо, эскадра тяжелых крейсеров Куриты, «летающие лодки» с Джулаита — против Т.Ф.17 и Т.Ф.16, и базовой авиации Мидуэя.

(Учитываются только боеспособные самолеты,)

(5) учитываются только боевые самолеты.)

Сторона	ЛК	АВ	ТКР	КРЛ	ЭМ	ПЛ
Япония	2	4	6	1	14	16
США	0	3	7	1	15	19

Сторона	Всего	Истребители	Пикировщики	«Левелы»	Торпедоносцы	ГАВ	
Япония	303	93		91	2	93	24
США	341	107		139	18	47	30

В хорошем приближении силы, сосредоточенные в районе Мидуэя, можно считать почти равными. Американцы превосходили противника по числу самолетов и имели значительный резерв авиации на Гавайских островах. Японцы имели больше кораблей основных классов и сильное подкрепление в размере 2-го флота Кондо и Главных сил Ямамото.

На Алеутах превосходство в авиации было всецело на стороне американцев, но там оно обесценивалось господствующими погодными условиями; в кораблях же перевес оставался у Японии.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ: ТОКИО - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Действие третье

(13) Гуадалканал

«20 июня 1942 года. 364-й день войны.

Фюрер отсутствует.

Тобрук.

Обстановка: Под Севастополем отмечаются местные успехи на участках 54-го и 30-го армейских корпусов. На Ловати отбиты крупные силы противника. В остальном — без изменений.

Генерал Вагнер (генерал-квартирмейстер) доложил о положении с пополнением (удовлетворительное) и о совещании в Берлине.

Самолет с майором Рейхелем (начальник оперативного отдела 23-й танковой дивизии) с исключительно важными приказами на операцию «Блау», по-видимому, попал в руки противника.

Тобрук взят! Тем самым тяжелая битва в Киренаике закончилась большим для нас успехом как в военном, так и в политическом отношении.

Командование группы армий «Юг» проявляет в оценке обстановки большую нервозность. переброска войск из Ростова на север и скопление крупных танковых сил

перед 6-й армией дают основание ожидать крупных наступательных действий со стороны противника.

Донесение о предстоящем наступлении противника из района Старой Руссы (22.6) с использованием большого количества танков.

<...> Стратегическая инициатива в наших руках. Боевой дух и порыв войск, полностью обнадеживают» (Ф.Гальдер).

«За первую половину 1942 года промышленность США выпустила 7600 танков, 20 700 самолетов, 67 900 орудий. Великобритания произвела 4300 танков, 11 500 самолетов, 45 000 орудий.

Советский Союз окончательно преодолел трудности, возникшие вследствие перебазирования индустриальной базы на восток, и быстро наращивал выпуск военной продукции: 11 200 танков, 12 000 самолетов, 35 000 орудий».

Футида в сотый раз перелистывал справочник (репринт с русского издания, неумело переведенный на японский язык кем-то из знакомцев Окумии). За прошедший год бывший командующий авиацией «флота Гэндэ» научился профессионально «работать» со статистическими таблицами, будь они японские, американские, русские: он мог мгновенно сопоставлять данные и отсеивать явную ложь, анализировать «отклонения от нормы» и находить в океане чудовищных фальсификаций и случайных ошибок истинные, необходимые ему цифры.

Статистика подавляла. Изучив и перепроверив цифры производства военной техники, Футида перестал удивляться разгрому Японии. Скорее уж загадкой казались ее военные успехи. Перл-Харбор, Филиппины и Индонезия, Коралловое море, Мидуэй, Гуадалканал, даже Марианы и Лейте — бесплодные победы и страшные поражения империи выглядели в свете беспристрастных строк справочника совсем по-иному:

«Япония за весь 1942 год смогла произвести 1160 танков, 9500 самолетов (из них 5330 — для нужд армии, 4170 были поставлены флоту), по различным источникам от 2500 до 4000 орудий. Таким образом, США и Великобритания в сумме произвели танков в 20 раз больше, чем Япония, самолетов — в пять раз, орудий — в 50 раз, боевых кораблей основных классов — более, чем в два раза».

Начиная работу над «Мидуэем», Футида решил, что рассказ о судьбе оперативного плана М1 станет эпитафией его друзьям — пилотам палубной авиации соединения Нагумо. Но Окумия, этот дотошный до педантизма штабист, неожиданно для Футиды пожелал от книги несравненно большего и, надо отдать ему должное, запланированного большего добивался.

На страницах их совместного труда со скрипом, в спорах и потоках воспоминаний оживал Объединенный флот. Оживал как легенда, как символ, как одно из воплощений Великой островной державы, наряду с вершиной Фудзи, цветущей сакурой и богиней Аматаэрасу. Какое-то время Футида даже беспокоился, пройдет ли рукопись редакционную цензуру. Времена изменились, пафос был не в моде, котиновалась некая американизированная искренность, приправленная дисциплиной конкретных сегодняшних целей. Интерес к истории был мягко заключен в узкий тоннель желательных для демократического настоящего представлений.

Все, однако, обошлось. Редактор, молодой человек в подчеркнуто европейском костюме, только спросил:

— Насчет проверки ситуации на костях, полностью совпавшей с тем, что вышло потом, это для красоты придумано, или так все было на самом деле: девять попаданий, три авианосца, забитые палубы?

Окумия, не выдавая волнения, пожал плечами: «Мне такого не выдумать».

К середине 1942 года «Ось» утратила всякие шансы не только на победу, но и на неопределенный мир. Германия потеряла стратегическую инициативу в войне. Италия была «списана» со счетов как своими противниками, так и союзником: снабжение флота и авиации Дуче румынской нефтью отныне не рассматривалось штабистами Рейха как приоритетная задача. Япония за одну, занявшую не больше пяти минут, воздушную атаку лишилась всех, с таким трудом накопленных преимуществ и оказалась перед необходимостью оборонять огромные, слабо связанные между собой территории, не имея достаточного количества мобильных сил. Флот союзников обрел свободу действий на Тихом океане, и в первые недели после Мидуэя в Морском Генеральном штабе ожидали американскую атаку едва ли не против островов метрополии.

Высшие руководители Империи понимали, что все кончено. Но в Рейхе пока еще господствовали иные настроения: вновь, как 28 лет назад на Марне, как 26 лет назад под Верденом, как 24 года назад в Северной Франции, как в декабре прошлого года под Москвой, когда германские генералы пытались найти выход из стратегического тупика блестящим оперативным маневром, основанным на очевидном превосходстве немцев в тактике.

Двадцать восьмого июня началось наступление «Блау». «Ограбив» центральный и северный участки фронта, штаб ОКХ сумел довести дивизии южного крыла до штатной численности. Вернуть войскам подвижность в полной мере, однако, не удалось: моторизация соединений уменьшилась, в составе танковых армий возросло количество пехоты.

Хотя план «Блау» предусматривал широкое использование маневра и ставил перед войсками решительные задачи, по сути своей он носил чисто позиционный характер. Предполагалось «разгрузить» Восточный фронт, создав на его правом фланге обоюдно блокированную позицию. В идеальном варианте наступление приводило Вермахт в Закавказье — к нефтяным полям советского Азербайджана.

Лишившись бакинской нефти, Красная Армия столкнулась бы с некоторыми трудностями (впрочем, не чрезмерными: в стране были достаточные стратегические запасы топлива, кроме того, горючее поступало по ленд-лизу). Экономическое положение Рейха практически не изменилось бы — из-за колоссального транспортного сопротивления единственной магистрали, ведущей из Закавказья на Ростов, использовать азербайджанскую нефть в Европе не представлялось возможным.

Оставалась призрачная надежда, что нефтеперерабатывающие заводы Баку достанутся немцам целыми или, по крайней мере, их можно будет быстро восстановить. В этом случае планировалось организовать в Закавказье передовую базу снабжения горючим (хотя бы для одной Группы армий «А») и тем разгрузить коммуникационные линии германских войск. Однако опыт Донбасса на предмет сохранности предприятий не внушал особого оптимизма.

Тем не менее, здравый смысл в наступлении «Блау» был. Выход немецких войск в Закавказье создавал неожиданную угрозу британскому Среднему Востоку. В сочетании с активными действиями Роммеля против Египта и зоны Канала это могло привести к распаду 8-й английской армии. До Мидуэя Ямамото поддержал бы немецкое наступление ударами Объединенного флота по Цейлону, Абадану и Суэцу. Теперь же, после прохождения критической точки в гигантском тихоокеанском шоу, немцы должны действовать одни, и уже одно это обесценивало их операцию.

«Или какие-то практические шансы «там» еще оставались?» — ворчливо рассуждал Футида, кляня своего соавтора за скрупулезность исторического подхода и пеняя ему при встречах, что скоро он, Футида, станет теоретиком замыслов Третьего Рейха и воспоем в своей книге гениальность гитлеровских вояк вопреки своим изрядным сомнениям в оной.

Главным аргументом в пользу операции «Блау» служили даже не столько «призрачные угрозы Востоку», сколько отсутствие разумной альтернативы. Что еще можно

предложить за немцев на Восточном фронте? Снова наступать на Москву, имея против себя несколько линий обороны и почти все стратегические резервы Красной Армии?

Впрочем, если наступление на южном крыле и было лучшим решением, то простейший анализ показывал, что и это «лучшее» практически безнадежно. Уже в кампанию 1941 года немцы столкнулись с проблемой несоответствия наличных сил и пространства операций. Теперь же линия фронта увеличивалась почти вдвое. Если бы немцы успели быстро захватить Кавказ и организовать блокадную позицию по берегу Волги, они, вероятно, справились бы с данной проблемой. Но для быстрого наступления группам армий «А» и «В» не хватало подвижности.

Оставалось резко увеличить румынские, венгерские, итальянские контингенты, поручив им охрану колоссальных участков Восточного фронта. Боеспособность союзнических армий стремилась к нулю, что не было секретом ни для немецкого, ни для русского командования. Таким образом, даже в ОКВ (тем более — в ОКХ) понимали, что, как только наступление «Блау» замедлится вследствие закона перенапряжения коммуникаций, южное крыло «повиснет» в оперативной пустоте и немедленно потеряет пробивную силу. А это сразу приводило Германию к глобальной военной катастрофе.

Немцы пошли на этот вариант, как месяцем раньше Ямамото поставил все на решающую карту МI.

2

Советский Союз, сделав все мыслимые и немыслимые ошибки в кампании 1941 года, продолжал войну все в том же неповоротливом, чиновничьем стиле. Даже Московская битва, в которой немцы «подставились» по полной программе, была использована русским командованием антипозиционно. «Кооперативная игра» под Ленинградом, Ржевом, Харьковом и в Крыму вернула вермахту инициативу на Восточном фронте. Поскольку Ставка ВГК не разгадала замысел операции «Блау», резервы Красной Армии были размещены в основном на центральном участке. В результате летнее немецкое наступление 1942 года шло едва ли не более гладко, чем в 1941 году.

Однако в этой «гладкости» таилась серьезная опасность. Как только наметились оперативные линии на Сталинград и Кавказ, ближайшие «ходы» сторон оказались расписанными на несколько месяцев вперед, и русские практически потеряли самую возможность делать серьезные ошибки. Немцам еще предстояли выигранные битвы, но лишь в рамках стратегической предопределенности. Надо полагать, первые наброски будущего блестящего удара по слабым пунктам бесконечной немецкой «блокадной линии» были сделаны Жуковым и Василевским еще в июле. Русский Генеральный штаб получил возможность показать, что он тоже умеет планировать победы.

3

Весной 1942 года Королевские военно-воздушные силы нанесли первый массированный удар по территории Германии. В ночь на 30 мая 1046 бомбардировщиков разрушили 600 акров площади Кельна. (Мрачный рекорд, который продержался почти два года.) Позднее самолеты «Соединения тысяча» обрушились на Эссен и Бремен.

Налеты привели к серьезным потерям среди гражданского населения, но никакого военного значения не имели.¹¹⁸ Это понимали и сами англичане: подсчитав потери по итогам трех рейдов (116 четырехмоторных бомбардировщиков), они расформировали «Соединение тысяча» и вернулись к более традиционным схемам использования стратегической авиации.

---

¹¹⁸Во всяком случае, немецкий промышленный потенциал, для подрыва которого якобы устраивались бомбардировки, продолжал расти. За 1942 год производство военной техники в Германии увеличилось на 50%.

Бессмысленное опустошение Кельна до некоторой степени маскировало тот факт, что Великобритания вступила в летнюю кампанию 1942 года, не имея единой общеимперской стратегии. Сражаясь почти три года, страна до сих пор не обозначила цели войны. Публичные выступления Черчилля носили, скорее, негативный характер и сводились к формуле: «Я не хочу председательствовать при распаде Британской империи». Военные же руководители так и не вышли из шокового состояния, в которое их повергло крушение Франции. Единственная «свежая» оперативно-стратегическая мысль, высказанная ими за прошедшие месяцы, сводилась все к той же доктрине Дуэ: *«последовательное разрушение и дезорганизация военной, промышленной и экономической системы Германии и подрыв морального духа немецкого народа, пока не будет решительно ослаблена его способность к вооруженному сопротивлению»*¹¹⁹.

Между тем мировой баланс сил продолжал меняться отнюдь не в пользу Великобритании. Хотя островам метрополии непосредственная опасность более не угрожала, это было слабым утешением за потерю Малайи и Бирмы, за тяжелое поражение в Африке и нарастающие трудности на Ближнем и Среднем Востоке.

В рамках коалиционной стратегии эти «чисто английские проблемы» не имели решающего значения, однако Черчилля не устраивало положение лидера второстепенного государства, поставляющего вспомогательные войска американцам и устаревшие «харрикейны» русским. Он хотел руководить мировой державой и мечтал о крупных военных победах, которые расставили бы точки над *i* и подняли бы престиж Великобритании — подобно тому, как Мидуэй поднял престиж Соединенных Штатов Америки. Поскольку генералы таких побед не обещали, сэр Уинстон взял дело управления войной в свои руки. Это привело к целому ряду боевых столкновений, не связанных общей идеей.

Главный удар Черчилль решил нанести в джунглях Юго-Восточной Азии.

Весной, когда в «Стране тысячи Будд» начался дождливый сезон, размокшие дороги затормозили японское наступление в северо-западной Бирме. Война остановилась; Уэйвелл получил время для того, чтобы привести в порядок свои разбитые войска и выстроить оборону Индии.

Положение в вице-королевстве внушало тревогу. Падение Сингапура обозначило крах старых имперских государственных институтов. По сути, Англия была вынуждена перейти в Индии к прямому военному управлению, что отнюдь не способствовало нормализации обстановки на полуострове. Трагедия Рангуна привела к дополнительному росту антибританских настроений.

Правительство Черчилля отвергло самую возможность переговоров о предоставлении Индии независимости, отложив их «на после войны». В результате лидеры Национального конгресса Джавахарлал Неру и Мохандас Ганди призвали население к «ненасильственному протесту». Колониальная администрация не нашла ничего лучше, нежели арестовать лидеров крупнейшей политической партии страны. После этого народные выступления потеряли ненасильственный статус и на несколько месяцев связали довольно крупные английские силы решением полицейских задач. В частной беседе Уэйвелл заметил, что если японцы высадятся в Индии, они «встретят полное содействие населения»¹²⁰.

---

¹¹⁹В таких выражениях эта доктрина была сформулирована на конференции союзников в Касабланке в январе 1943 года.

¹²⁰Японские власти охотно предложили бы Индии независимость. Полуостров не входил в зону интересов Страны Восходящего Солнца (в этом регионе японцам был нужен только Цейлон), и нейтральная Индия как нельзя лучше отвечала долговременной стратегии Японской империи. Первым шагом на этом пути стало создание в Таиланде Индийской национальной армии. Однако в распоряжении японцев не было ни одного влиятельного индийского политика, что же касается Неру и Ганди, то они придерживались открыто антифашистских взглядов и не считали возможным получить свободу из рук японских оккупационных властей. Арестовав их, англичане резко усилили позиции прояпонской

В этих условиях военное командование рассчитывало использовать летнюю передышку для того, чтобы накопить силы и, может быть, в конце года организовать «наступление с ограниченными целями» в верховьях реки Чиндуин (верхняя Бирма). Однако Черчилль полагал, что после поражения у атолла Мидуэй Япония утратила волю к продолжению войны. В результате у него родился грандиозный стратегический план.

Главный удар Черчилль направил вдоль побережья — на Рангун, вспомогательный — на Мандалай. Японские войска, отрезанные от моря, должны были быть прижаты к труднопроходимым горным хребтам северо-восточной Бирмы и уничтожены. А победоносные войска Британской империи развернули бы наступление на Бангкок.

Трудно сказать, имел ли этот план какое-то отношение к реальности (если судить по достижениям англичан в Малайе и Бирме, то вряд ли). Во всяком случае, выполнять его никто не собирался. Уэйвелл вежливо — он никогда не спорил с политическим руководством — сообщил в Лондон, что такая операция «несомненно потребует соответствующей авиационной поддержки». Этот тривиальный вывод, к счастью для штаба, установил некий предел полету стратегической мысли сэра Уинстона. Операцию быстро ограничили продвижением по побережью к ближайшему бирманскому порту, которым оказался Ситуэ, что километрах в восьмидесяти к югу от границы.

Наступление началось 21 сентября, еще до завершения сезона дождей. Неожиданно оказалось, что в районе, намеченном для широкомасштабных боевых действий, вообще нет дорог, причем командование на местах об этом не знает. Месяц войска расчищали себе путь к бирманской границе. Там английскую армию встретили два японских батальона (213-й пехотный полк неполного состава), которые задержали дальнейшее их продвижение до конца ноября.

В одном отношении Черчилль оказался прав: Объединенный флот, лишившийся своих лучших кораблей, уже не мог проводить крупные операции за пределами оборонительного периметра. В результате этого Япония потеряла возможность наращивать свое военное присутствие к западу от Андаманских островов.

Йиде пришлось выкручиваться наличными силами. Первоначально, впрочем, «генеральное наступление» Уэйвелла вообще не вызвало у него интереса. Лишь к концу года он решил привлечь к операции 55-ю дивизию, сосредоточив ее на фланге английских войска. Это подразумевало сложнейший марш-маневр по горным тропам и требовало очень много времени.

Черчилль требовал возобновления наступления в Верхней Бирме. В качестве «толкача» на фронт прибыл некий генерал Ирвин, который начал с того, что организовал прямую лобовую атаку на японские укрепленные позиции. В последующие месяцы англичане потеряли почти все танки (которые с таким трудом дотащили по джунглям) и огромное количество людей. В апреле 55-я японская дивизия начала последовательное уничтожение английских бригад «по пути следования». Ирвин сместил командующего ударной группировкой Ллойда и принял на себя всю полноту власти. Положение, однако, продолжало медленно ухудшаться. Срочно назначенный «разбираться» Слим установил, что на своих выдвинутых позициях английские войска доживут в лучшем случае до начала периода дождей. Он приказал немедленно отступить в Индию, но Ирвин, окончательно утративший представление о реальности, отдал Слима под суд. Здесь неожиданно вмешался Черчилль: высшее начальство отменило все распоряжения Ирвина и отстранило генерала от должности; Слим, вернувшийся к войскам, отвел остатки английской армии на исходные позиции.

Провал «генерального наступления в Верхней Бирме» оборвал наконец карьеру Уэйвелла. Правда, сей «муж, упорный в своих намерениях» был снят с повышением. Войну он закончил фельдмаршалом и вице-королем Индии.

фракции в Национальном конгрессе и едва не спровоцировали общеиндийское восстание. (Оно бы и произошло, не питай Ганди ненависти к любым проявлениям насилия.) В общем, внутреннюю политику англичан трудно было назвать последовательной...

На других ТВД англичане вообще не могли вести активных действий без помощи американских войск. Поскольку США, подобно Великобритании, также начали кампанию, не имея ясного представления, что именно они собираются делать и в какой последовательности, летние месяцы 1942 года были заполнены непрерывными переговорами между лидерами «народов, говорящих на английском языке».

Рузвельт решал возникающие проблемы в своем обычном стиле — назначая на руководящие должности подходящих людей. Летом 1942 года это привело к неожиданным трудностям.

Трогательного единства, с которым Конгресс проголосовал за вступление США в войну, хватило ровно на один день. На следующее утро выяснилось, что изоляционисты настаивают на сосредоточении всех усилий страны на Тихом океане, в то время, как фракция «атлантистов» выступает за тесный, союз с Англией (может быть, и с СССР) и считает необходимым послать американские войска в Европу. Речь шла даже не о направлении главного удара, а о концепции войны — ограниченной или всеобщей.

По мнению Рузвельта, локальный конфликт при определенных условиях мог быстро завершиться компромиссным миром, что не соответствовало интересам США. Вступление страны в войну обошлось очень дорого, и за счет одной лишь Японии нечего было и надеяться получить «прибыль». Только всеобщий кризис мог создать необходимые предпосылки к переустройству мира в пользу США.

Таким образом, на рубеже 1941 — 1942 годов президент более всего был заинтересован в расширении масштабов войны и обозначении американского присутствия на европейском континенте. Этой цели удалось достигнуть на межсоюзнической конференции «Аркадия», где к явному удовольствию Черчилля было принято принципиальное решение о сосредоточении военных усилий против Германии.

В этой политической игре ведущая роль принадлежала начальнику штаба армии США Джорджу Маршаллу, убежденному «атлантисту», которого Рузвельт предусмотрительно оставил на должности, вопреки общему мнению о том, что именно Маршалл должен был нести ответственность за катастрофу в Перл-Харборе и бездарную оборону Филиппин.

Тогда, в декабре 1941 года, Маршалл явно растерялся. Столкнувшись с продуманной динамикой японского наступления, штаб армии США регулярно запаздывал с принятием оперативных решений. Вместо конкретной помощи или хотя бы четких распоряжений командующие на местах получали из Вашингтона обтекаемые «инструкции», не представляющие абсолютно никакой ценности,

Рузвельт, однако, быстро уяснил, что Маршалл, который совершенно не знает, как выиграть конкретную войну, очень неплохо руководит войной абстрактной. Прежде всего, генерал не только понимал необходимость «крестового похода в Европу», но и мог всерьез объяснить — в отличие, например, от того же Д.Эйзенхауэра, работающего над техническими проблемами подготовки вторжения, — зачем эта операция нужна на самом деле. Более того, к началу работы «Аркадии» Маршалл уже набросал первые эскизы плана использования будущей военной победы союзников в интересах США. Речь шла об оказании европейским странам беспрецедентной по своим масштабам экономической помощи.

По существу, Маршалл довел до логического конца затею президента с ленд-лизом. План надолго (навсегда?) превращал Европу в рынок сбыта американских товаров. Образуя экономический фундамент послевоенного мироустройства, он задавал совершенно новые «правила игры» в большой политике. На базе плана Маршалла могли быть созданы многочисленные межгосударственные структуры (в том числе военные), ведущая роль в которых будет принадлежать США. Наконец, план позволял загрузить американскую

экономику мирного времени, вследствие чего появлялась надежда обойтись без обязательного послевоенного кризиса перепроизводства.

Маршалл блестяще исполнял свою роль, и именно поэтому президенту требовался противовес. Им стал адмирал Кинг, неожиданно получивший беспрецедентную власть: он объединил должности командующего морскими силами и командующего морскими операциями (что в США было не принято). Кинг придерживался «тихоокеанских взглядов». Кроме того, он недолго любил англичан вообще и Черчилля в особенности.

Сложившееся положение дел как нельзя лучше устраивало президента США, поскольку превращало его из номинального Верховного главнокомандующего в реального суверена. Зимой — весной 1942 года Маршалл и Кинг успешно делили власть: командующий морскими силами посылал на Тихий океан реальные корабли и самолеты, а начальник штаба армии развлекался, планируя маневр «Болеро» — сосредоточение на Британских островах американских пехотных дивизий, большая часть которых еще не была сформирована.

План «Болеро» почему-то рассматривался штабными работниками как военная операция, хотя по существу это был набор сугубо технических процедур по установлению взаимного соответствия между американскими войсками и тоннажом (преимущественно британским). В целях ускорения сосредоточения войск Маршалл перевозил людей и технику раздельно: большинство солдат впервые увидели оружие, которым им предстояло сражаться, только оказавшись на английской территории.

(«...Плохие дивизии. Очень много плохих дивизий», — как-то сказал Того, а Ямамото в беседах с офицерами любил повторять эти слова. Футида, вспоминая Командующего до и после Мидуэя, понял ощутимую только сейчас разницу между японским и американским Путем. У Запада был большой статистический ежегодник, а у Востока — старые записи на полях философских трактатов.

Тогда, зимой 1942 года, немногие на флоте размышляли о том, что произойдет после крушения надежд. Мидуэй еще только маячил впереди, и в глазах японцев был победный огонь. Футида знал, что Ямамото был невысокого мнения об англичанах как о противоборствующей силе, но американцев принимал всерьез. Он говорил, что считает себя умнее и изобретательнее Маршалла, но Футида понимал, что есть некая общность в их подходах к войне, и опасался, что янки сумеют подложить под безумные абстракции американского теоретика войны так много ресурсов, что идеи полководца за письменным столом станут по-японски неумолимыми. Теперь, листая справочники и перебирая таблицы, Футида прекрасно осознавал, что у Ямамото не было этих ресурсов, и Стране Восходящего Солнца было неоткуда их взять.)

Вторжение на французскую территорию союзники отложили примерно на год — до весны 1943 года. Пока что для него не хватало солдат и техники и почти совсем не было высадочных средств (а те, что были, Кинг успел прибрать к рукам и передать Нимицу). Маршалл потребовал переориентировать американскую промышленность на создание десантных кораблей; эту задачу приходилось решать наряду с постройкой мощного авианосного флота, новых линкоров и огромного количества «стандартных» транспортных судов — сухогрузов «Либерти» и танкеров «Т-2».¹²¹ (Натолкнувшись на холодный отказ Кинга, Маршалл пошел по пути Германа Геринга: он пригрозил Военно-морскому министерству, что армия сама, своими силами и за счет собственных ресурсов создаст

---

¹²¹ Широко применив сварку и стандартизацию готовых блоков, американцы сократили стапельный цикл при строительстве этих судов до 28 дней. В 1943—1944 годах судостроительная промышленность США пекла «Либерти» и «Т-2» буквально как блины. В столь крупносерийном производстве хватало брака: «Шенектеди», например, переломился пополам, находясь еще у достроечного причала. Подобные случаи, однако, мало влияли на общий объем вводимого в эксплуатацию тоннажа, которого было достаточно, чтобы перечеркнуть любые победы подводников Деница.

десантные суда и подготовит для них экипажи. Конфликт продлился несколько месяцев и был урегулирован президентом только в середине июня.)

Желая иметь в своем распоряжении дополнительные рычаги воздействия на военную и политическую ситуацию, Рузвельт с помощью Маршалла придумал операцию под условным названием «Следжхаммер»¹²². План предусматривал осуществление «аварийного» вторжения во Францию, «если на советско-германском фронте сложится катастрофическая ситуация». Совершенно непонятно, как крупная победа вермахта на Востоке смогла помочь англо-американцам быстро собрать высадочные средства и даже подготовить войска к десантированию, тем не менее, штабные офицеры делали вид, что какая-то подготовка к «Следжхаммеру» действительно производится.

Это обеспокоило Черчилля и послужило причиной второй большой наступательной операции, которую премьер-министр организовал в 1942 году. Девятнадцатого августа 5000 канадских десантников высадились на французском побережье в районе города Дьеп. Сражение продолжалось всего один день и закончилось полной катастрофой. Потеряв убитыми и ранеными более 3500 человек, 28 танков, множество десантных судов и самолетов, остатки канадских войск эвакуировались через пролив. Потери среди жителей Дьеппа, конечно, никто не считал.

После войны сложилось мнение, что сэр Уинстон специально организовал это поражение, чтобы сорвать операцию «Следжхаммер» и отложить высадку в Европе по крайней мере до осени 1943 года. В действительности, политическая обстановка не давала английскому премьеру возможности играть в такие игры. Он крайне нуждался в победе, и, создай высадка в Дьепе хотя бы видимость успеха, Черчилль боролся бы за британский плацдарм на европейском континенте до последнего канадского солдата. Что же касается «Следжхаммера», то провал учебно-тренировочного десанта, разумеется, не оказал на эту сугубо информационную операцию никакого влияния.

Первые американские части отправились в Великобританию в мае 1942 года на борту «Куин Мэри». В августе младшая сестра прославленного лайнера — «Куин Элизабет» — поставила мировой рекорд, взяв на борт 15 000 человек, личный состав целой стандартной дивизии. (Многоярусные подвесные койки были оборудованы даже в помещениях плавательных бассейнов.) Отдельным потоком — на борту менее прославленных судов — шла военная техника.¹²³

5

В июне Черчилль отправился в Соединенные Штаты. Момент для этой поездки он выбрал неудачно: американцы только что одержали впечатляющую победу при атолле Мидуэй, в то время, как английская 8-я армия была наголову разбита танкистами Э.Роммеля в Африке, и как раз в день начала переговоров премьер-министру сообщили о падении Тобрука. Рассказывают, что Черчилль был настолько расстроен, что президент даже начал его утешать, предлагая английскому лидеру срочно направить в Египет американскую бронетанковую дивизию. (Согласились на «танковую технику россыпью» в количестве 300 бронеединиц.)

У Рузвельта были свои проблемы. Военное присутствие в Европе он уже обеспечил, и теперь на этом ТВД вступал в силу стратегический принцип «не спешить»: высадка должна состояться не ранее, нежели на Тихом океане будут достигнуты решающие успехи. (Кроме

---

¹²²Название довольно иронично. Обычно его переводят как «Кузнечный молот», но допустима и альтернативная версия «Спуск на салазках». Кроме того, прослеживается созвучие со словом «бойня».

¹²³Начало массовых перевозок войск из США в Великобританию совпало по времени с крупнейшей катастрофой за всю историю эскортных операций: немецкая авиация при содействии подводных лодок полностью разгромила в Баренцевом море конвой PQ-17, отправив на дно 123 000 тонн военных грузов (65%),

того, всякое затягивание войны шло на пользу США и во вред Великобритании; взаимное ослабление Германии и СССР также рассматривалось Рузвельтом как положительный мотив.)

В этих обстоятельствах президента весьма устраивал очередной план сэра Уинстона. Желая отвлечь «наивных американцев» от операции «Следжхаммер», Черчилль выступил с идеей совместного англо-американского десанта в Северной Африке. Единственным достоинством этой операции была ее очевидная практическая осуществимость: высадку предполагалось произвести на французской территории. Считалось, что французы не будут сражаться — по крайней мере, всерьез. (Да у них и не было для этого достаточных ресурсов.) Правда, Франция Виши была нейтральной державой, так что возникали формальные проблемы с международным правом. По этому поводу, однако, союзники быстро пришли к согласию, договорившись не считать Францию независимым государством.¹²⁴

Было понятно, что североафриканская авантюра Черчилля проглотит весь с таким трудом созданный Маршаллом запас тоннажа и сделает невозможными какие-либо активные действия в Западной Европе по крайней мере до конца 1943 года. В связи с этим английский Генеральный штаб, находящийся под сильным влиянием идей Маршалла, категорически выступал против этой операции.

Зная это, Маршалл пришел к выводу, что Черчилль в данном случае высказывает лишь свое частное мнение. Поэтому он ограничился неопределенно-отрицательной оценкой замысла английского премьер-министра. Черчилль, однако, умел принимать вежливый приказ за горячее одобрение. Поэтому, вернувшись домой, он просто-напросто официально «закрыл» все работы по подготовке операции «Следжхаммер» и потребовал от штабных работников в кратчайший срок подготовить план вторжения в Северную Африку.

Маршалл узнал об этом 8 июля и в припадке ярости воскликнул: *«Если должна быть принята точка зрения англичан, Соединенным Штатам следует повернуться к Тихоокеанскому театру для решительных действий против Японии».*

Узнав об этом, президент с обычной своей вежливостью потребовал от Маршалла и Кинга «немедленно, самолетом, выслать ему план этих решительных действий».

С чувством некоторой неловкости военные иерархи вынуждены были признать, что такой план до сих пор никто не разрабатывал. (Маршалл полагал это ниже своего достоинства. Кинг же считал, что стараниями «атлантистов» Тихоокеанское оперативное направление настолько ослаблено, что ни о каком наступлении там не может быть и речи.)

На следующий день Рузвельт — опять-таки телеграммой — отправил в Лондон Маршалла, Кинга и Гопкинса. *«Хочу довести до вашего сведения, — заметил он, — что так называемую “тихоокеанскую стратегию” я не одобряю».*

Другими словами, Маршаллу было поручено «найти компромисс» с Черчиллем, Кинг должен был при сем присутствовать, а в задачу Гопкинса входило следить, чтобы военные не наделали глупостей. На всякий случай Рузвельт заранее информировал премьер-министра, что он готов (но скрепя сердце) согласиться с высадкой в Северной Африке, «если в ходе переговоров не будет предложено лучшего решения».

Маршалл по мере возможности затягивал переговоры, но 30 июля Рузвельт официально объявил о принятом решении: первой совместной операцией союзников против Германии станет операция «Торч» во Французской Северной Африке.¹²⁵

---

¹²⁴В этой связи вновь вспоминается вступление японских войск в Индокитай, квалифицированное правительством Рузвельта как «акт открытой агрессии». Единственная разница между действиями англо-американцев в Дакаре и японцев в Сайгоне состояла в том, что Япония предварительно информировала французское правительство о своих планах и получила его согласие (конечно, вынужденное и формальное).

¹²⁵Высадка под общим руководством Д.Эйзенхауэра состоялась в ночь на 8 ноября 1942 года. Как и предполагалось, у французов не было единства. Хотя де Голля даже не

К этому моменту президент США уже мог пожинать плоды своей глубоко продуманной «большой стратегии».

Вместо прямой высадки в Западной Европе, рискованной и в конечном счете выгодной только русским, получилось медленное «опоясывающее» наступление в Средиземноморье. При этом вина за затягивание войны, очевидно, ложилась на премьер-министра Великобритании, Ему же предстояло расхлебывать ухудшение отношений с СССР; как и предупреждал Маршалл, Сталин не усмотрел в операции «Торч» обещанной Черчиллем «действенной помощи солдатам Красной Армии». Теперь при всех встречах «большой тройки» советский лидер будет относиться к предложениям англичан с плохо скрываемым недоверием, а роль арбитра в спорах между ними придется взвалить на себя Рузвельту, чья искренность была вне всяких подозрений.

Выигранное время следовало использовать на Тихоокеанском ТВД. После Мидуэя там сложилась ситуация неустойчивого равновесия: Нимиц надежно контролировал Центральный сектор Тихого океана, а Ямамото — Западный. Противники оставались в непосредственном контакте только на крайних флангах — на Алеутах и в Австралии. В одном из этих двух районов и предстояло запланировать сражение.

Освобождение Алеут вызвало бы восторженную реакцию в Конгрессе, но предоставило бы японцам значительную свободу действий на юге. Между тем генерал Мак-Артур в Австралии непрерывно жаловался на «пренебрежение» вверенным ему стратегическим направлением. После Мидуэя он затребовал у Кинга авианосные соединения Спрюэнса и Флетчера, пообещав захватить с их помощью Рабаул и полностью сокрушить японскую оборону в юго-западном секторе Тихого океана. (Одновременно он почему-то попросил у Маршалла три стрелковые дивизии, усиленные танками, — для обороны Австралии.)

Послевоенные историки будут долго спорить о достоинствах и недостатках идеи Мак-Артура, но Рузвельт, как правило, интересовался не столько содержанием того или иного оперативного замысла, сколько личностью разработчика и ответственного исполнителя. В данном случае одного того, что план удара по Рабаулу был предложен МакАртуром, оказалось достаточно, чтобы президент формально запретил всякие действия в этом направлении.

Обсуждение данного вопроса усилило внимание американских штабных и командных информировали об операции «Торч», генералу и его немногочисленным сторонникам в Северной Африке не оставалось ничего другого, кроме как всецело поддерживать союзников. Петен более всего был озабочен тем, чтобы не дать Гитлеру повод оккупировать остатки Франции. Администрация в Дакаре разыгрывала свои собственные бонапартистские карты, причем Жиро ставил на англо-американцев, а Дарлан, будучи старшим начальником, «не составил определенного мнения о ситуации», то есть старался продаться подороже.

В результате высадка войск не сопровождалась серьезными боями (тем не менее, союзники ухитрились потерять около 2000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести). По мере развития вторжения Дарлан становился все более и более неудобен для всех, не исключая Петена и Гитлера. К общему удовольствию, 24 декабря адмирал стал жертвой покушения. Убийца, молодой человек, связанный с Сопротивлением, был схвачен и на следующий день расстрелян. По официальному заключению военного суда, он действовал в одиночку.

Кампания в Тунисе развивалась вполне благоприятно для союзников, так что к весне 1943 года Черчиллю удалось-таки насладиться победой. Впрочем, мировое общественное мнение приписало все успехи американцам, которые «пронесли через Атлантический океан Факел Свободы (Torch of Freedom) и осветили им многострадальную землю французской Северной Африки»,

инстанций к австралазиатскому сектору.

7

Катастрофа Мидуэя подвела черту под всеми наступательными планами Японской империи. Поскольку о поражении официально не сообщалось (более того, под гром фанфар было объявлено о новой громкой победе Объединенного флота), Ямамото остался главнокомандующим. Но теперь он был подконтролен и подотчетен Главному Морскому штабу. Стратегические решения отныне принимал Нагано.

«Когда присутствует “бытие”, вы наносите удар сущим, когда “небытие” — “несуществующим”», — было написано углем на белой стене.

Двое бородатых студентов, сидя на прокуренной кухне, обсуждали понемногу экономику и политику (и еще совсем чуть-чуть геополитику). *Один* из них собирался вскоре ехать в Токио и жить там долгий год в коттедже общежития для аспирантов-иностранцев. *Другой* оставался в России и поэтому, наверное, сетовал, что экспансия, капиталы и информация со времен царя Гороха неуклонно устремляются на Запад. И теперь уже переезжают они из Северных штатов в Калифорнию, а там, глядишь, махнут через океан, и вот она — Юго-Восточная Азия и Япония.

— И что ты тут поделаешь с процветающей колыбелью всех демократий! — бойко рассуждал *Другой*, который числился вечным студентом и преуспел разве в айкидо, да и кто теперь, вправду сказать, в этом восточном ритуале не преуспел?

Тут они разом как-то вспомнили далекую и Великую войну на море и то, как на диво легко экономика Японии от этой войны оправилась. Тот, кто ехал в сторону Фудзиямы, признался, что героем войны для него был и остается Футида Мичедо, а Ямамото, их Главнокомандующий, заслуживает порицания за упрямство и недалковидность. *Другой* вступился за Ямамото и, припомнив строки Сунь-цзы, заявил, что послевоенный мир в Стране Восходящего Солнца очень быстро стал лучше довоенного. А это значит, что Адмирал был не так уж не прав.

Поспорив немного, приятели разошлись. *Один*, вернувшись домой, долго слушал обязательные перед поездкой наставления матери о «временах и нравах», а *Другой*, разложив на столе экзотический пасьянс из книжек и книжечек по японской истории, записал в компьютерный блокнот идейку о том, что империя так дралась за Традицию, так театрально проиграла зубастой Демократии, так картинно униженно взяла чужой, американский имидж, что не могло за этим всем не стоять хитрой цели. Он повертел в руках книжку с фотографией адмирала Ямамото, там, где последний удивительно похож на европейца, и подумал, что пока великий бог тихоокеанского флота был жив, то «сущим» было для него наносить удары по американскому дядюшке, гонять по океану и пугать его, а уж когда кончились силы у маленькой Японии, то пришло время геополитических подвижек, и несуществующий Ямамото оказался ближе к вселенской кормушке бытия, чем воодушевленный победами дядя Сэм. «Еще десятилетие, — плотоядно думал *Другой*, — и от берегов Калифорнии откатится тяжелая волна талантов и денег, потому что так угодно какому-то очень отдельному богу, отвечающему за геодезию и картографию и немного за геополитику».

В течение двух недель после Мидуэя были отложены, а затем окончательно похоронены операции против островов Фиджи и Самоа. (Предварительно предполагалось захватить острова Науру и Оушек, отменить эту операцию забыли, поэтому японские войска в конце августа высадились на Науру, а на следующий день были сняты оттуда.)

Армия, обеспокоенная накоплением англо-американских сил в Австралии, настаивала на действиях против Мак-Артура и начала проводить их своими силами. Поскольку после Мидуэя флот не брал на себя ответственность за осуществление первоначального

блокадного замысла — наступления через Соломоновы острова и острова Санта-Крус к Фиджи и Самоа, — армейское руководство спланировало совершенно прямую операцию, которую предполагалось начать с захвата Порты-Морсби.

Попытка высадить десант на южном побережье Новой Гвинеи окончилась неудачей даже в победные майские дни, поэтому теперь армия решила атаковать Порт-Морсби с суши. Для этого войскам требовалось пересечь хребет Оуэн-Стенли.

Австралазия, бездорожная и безлюдная, покрытая непролазными джунглями, изрезанная речными долинами с топкими берегами, не благоприятствует проведению крупных войсковых операций. Но центральные районы Новой Гвинеи выделяются своей негостеприимностью даже на этом фоне. Единственной транспортной коммуникацией, проходящей по острову с севера на юг, была так называемая тропа Кокода. Джунгли в буквальном смысле этого слова кишели ядовитыми змеями. На японские войска, лишенные даже простых противомоскитных сеток, напали тучи кровососущих насекомых. Возможно, худшим сюрпризом стали «муравьиные деревья», полуфантастические растения, произрастающие только на Новой Гвинее и живущие в симбиозе с ордами муравьев.¹²⁶

Тропу Кокода охраняли австралийские войска, знающие местность, упорно и умело сражающиеся, цепляющиеся за каждый метр пути. (За три месяца японцы смогли продвинуться лишь на 32 мили.) Попытки императорской армии расширить пространство наступления, овладев с помощью тактических десантов удобными промежуточными позициями, такими, как аэродром в бухте Милн, благополучно блокировались и лишь приводили к тяжелым потерям.

Желая обеспечить операцию против Порт-Морсби каким-нибудь воздушным прикрытием, армейское руководство обратило внимание на Гуадалканал в группе Восточных Соломоновых островов. С середины июня там начались довольно вялые работы по сооружению аэродрома. Имелось в виду создать «воздушный зонтик» над архипелагом Луизиад и закрепить за собой северный берег Новой Гвинеи. Было намечено завершить работы к началу августа.

В шестидесятые годы того же века строгая русская мама Одного маленького мальчика медленно и по крупинкам собирала книжечки и брошюры о жизни, истории и религии Страны Восходящего Солнца. Она немного рисовала, и японские мотивы преобладали в графике и акварелях. Потом как-то само собой получилось, что сын пошел учиться в единственный в городе специализированный восточный интернат и стал записывать в тетрадку иероглифы и заучивать птичьи мотивы чужой речи.

Теперь он уезжает в Токио, она очень довольна, и раздражает только отсутствие дома некоторых ее книг, розданных молодым ротозеем по друзьям.

Она уже третий день пытается нарисовать портрет немного странного немецкого буржуа, которому что-то пригрезилось у себя за конторкой в 1813 году, и он отправился жить в гиблый рай Гуадалканала, взяв с собой жену и наняв матроса-индейца. Через тринадцать лет после этого безумного поступка он был жив, не страдал лихорадкой и спокойно выполнял свое предназначение или прихоть своевольного разума. Жена делила с ним отнюдь не бюргерские заботы.

Портрет не получался, книгу про Соломоновы острова она уже давно не видела дома, зато перед отъездом сына часто видела незадачливого его друга, эдакого декадентствующего знатока всего понемножку. Этот давний друг не учился в интернате, не жил рядом и вообще свалился на ее мальчика из ниоткуда. И присосался, как клещ, к ее библиотеке.

Последний раз он задал ей совершенно идиотский вопрос: «Почему обе стороны зацепились за этот Гуадалканал?» — и тут же сам начал что-то отвечать.

Сейчас сын, конечно, сидит у него. А она беспокоится — успеет ли мальчик

---

¹²⁶Нижняя часть муравьиного дерева испещрена ходами и действительно напоминает по своей структуре гигантский муравейник. Муравьи охотно селятся там: дерево предоставляет им кров, они предоставляют ему защиту от животных и человека.

собраться в «паломничество на Фудзияму» — воплощение ее взлелеянной и переадресованной мечты.

8

Американцы узнали о работах на Гуадалканале 4 июля. С одной стороны, это известие было весьма тревожным, поскольку могло означать начало нового большого наступления в Южных морях. С другой стороны, у Нимица возникло искушение «бесплатно» получить важный аэродром и установить свой «воздушный зонтик» над Новой Гвинеей и Соломоновыми островами.

Маршалл отнесся к этой идее резко отрицательно, но в начале июля его внимание было полностью поглощено конфликтом с англичанами из-за операции «Торч». Кинг, почувствовавший в связи с заявлением Маршалла о «решительных действиях против Японии» некоторую свободу, санкционировал разработку операции, приурочив ее к первым числам августа. Рузвельт, против ожиданий, одобрил этот шаг, потребовав лишь пересмотреть границы секторов на Тихом океане таким образом, чтобы Восточные Соломоновы острова вошли в зону ответственности Нимица. Мак-Артура разрешалось подключать к операции лишь на ее заключительном этапе: когда боевые действия вплотную подойдут к Новой Британии (то есть в некоем «абсолютном будущем»),

«Итак, — прочел *Другой*, — в середине июля 1942 года интересы сторон неожиданно пересеклись на нищем тихоокеанском острове, в военном отношении совершенно бесполезном». Он отложил умную, но очень уж фактическую брошюру и открыл наугад, как «Книгу Перемен», Мусаси в разваливающемся бумажном переплете:

«В стратегии Вы должны знать Пути других школ. Поэтому в этой книге, Книге Ветра, я описал другие традиции стратегий», — прочитал *Другой*, наслаждаясь тихим утренним ветерком, втекающим в комнату из открытого окна, прихватившим с собой заспанную осу с веревочным брюшком. Около пяти утра в Санкт-Петербурге еще удивительно спокойно. Только безумец, отъезжающий на постоянное место жительства в Канаду, гонит свою машину в аэропорт так, словно кто-то маленький, зелененький, подленький, как чиновник произвольного ОВИРа, ждет его у поворота. Но вот он проскочил свой поворот и снова — благодать... На пятом этаже — сиди себе, как на вершине небольшой горки, где вдали от людей можно потрогать небо, пусть не настоящее всевышнее, но уж свободное от глупостей бытовухи.

Когда нет работы, не долго, а так, с полмесяца, еще вполне можно вежливо и без суеты ждать, заказав себе мысленно желанную халтуру в информационное пространство через прорезь окна. Пустой холодильник жужжит, как бы намекая: выключи меня, сердешный — на электричестве сэкономишь. «Он прав», — подумал *Другой*, но оставил бедолагу жужжать. Вчера он взял в руки старенький кульман, поплевал на руки, оттер от пыли доску и, приспособив старую рейсшину, нарисовал на 24-м формате «Саратогу». Чертеж получился условный, скорее, рисунок. Он снял его с кульмана и повесил на дверь. Больше ватманских листов дома не оказалось. «Завтра нарисую "Хирю", — подумал он, — Так хорошо было бы называть кошку, а не корабль. «Война на Тихом океане» с черным тиснением была взята у *Первого*, напрокат, а приживется теперь надолго, потому как, к чему ему там, в Токио, война: “там океан, балет и выпивка с утра”».

Он лег поспать, и до позднего утра бился в тесных переборках несусветного японского корабля, был избит, убит, а после всего этого даже уволен, и, проснувшись, долго и обалдело смотрел на величественную «Саратогу». Рассказать о казусах сновидений было некому. *Первый* уехал; жаль: он никогда не видел снов и был бы готов выслушать и сделать парадоксальные выводы.

Наверное, нужно пойти к *Ней*, — подумал *Другой*, — если не застанешь Хмыря, то можно позавтракать и рассказать сказку про «Леди Сару». Он где-то читал, что в Японии

принято было любить сразу нескольких, или чтобы тебя любили несколько, этого он твердо не помнил. Он живо представил себе, как некий Ямамото в обществе японской дамы, завернутой в шелк, разбавляет рис с кусочками рыбы теплым чаем, и есть сразу расхотелось.

«Вот и славно, можно идти», — подумал *Другой*, почти нежно глядя на лежащую среди серьезной кучки счетов проездную карточку. *Первый* был деликатен, оставил на видном месте, а до конца месяца — добрых пятнадцать дней.

В общем, утро удалось.

Когда он вышел из дома, то у «Баррикады» встретил своего тренера по айкидо и вполне достойно согласился на участие в постройке бани для очередного зала растущей в пределах города федерации. Они зацепились языками и прошагали до Горьковской, поели у кришнаитов на формальный аванс, а вечером он зашел к *Ней*, и Хмыря не было.

Вернувшись домой, *Другой* ласково улыбнулся «Саратоге» и поклялся отныне плавать во сне только на американских кораблях, ибо на японских тесно и муторно, и едят узкоглазые непревзойденную дрянь.

13 (1) Остров Гуадалканал (Соломоновы острова)

«Саратога» пообтрепалась, но висела на двери.

Неслышно прошел год.

Другой закончил писать к утру: в такое время интернет откликается быстро, как будто ты один шлешь невесть куда свои чаяния, собранные в буковки и слова. Письмо улетело в Токио, словно камешек в окно.

Ночной образ жизни приводил к терпимым казусам на работе, которая нашлась в самый разгар так называемого «творчества». В момент обретения службы и покупки трудовой книжки приехала какая-то невероятная сестричка из Днепропетровска и жила в его квартире два месяца, как бы это сказать, «открытым домом». *Другой* переписывал «Гуадалканал» четыре раза и, поклявшись Розой ветров, закончил текст сегодня, выполнив обещание своему неведомому морскому апостолу. «Вопрос лишь в том, были ли такие, — медитировал *Другой*, — время всегда останавливается около шести, стрелки не двигаются, а движения рук по клавиатуре напоминает пляску попавшего под дождь шмеля».

1

Остров Гуадалканал (правильнее — Гвадалканал) был открыт весной 1568 года экспедицией Альваро Менданья де Нейры. После почти трехмесячного плавания по Тихому океану испанские корабли попали в шторм. Лишь на седьмой день небо прояснилось, и де Нейра увидел на горизонте очертания земли, которую он окрестил «Санта-Исабель» — в честь святой покровительницы его похода. Это произошло 7 февраля.

Испанцы довольно долго оставались на острове, они даже соорудили из подручных средств бригантину, дабы обследовать его берега. Бригантина и открыла новый, значительно более крупный участок суши. В честь родной деревни кого-то из матросов он получил испанское имя Гвадалканал.

Ни золота, ни драгоценных камней, ни пряностей, ни каких-либо иных ценностей на островах не было. В прибрежных деревушках испанцы собрали немного продовольствия, заплатив за это непрерывной войной с туземцами. Летом экспедиция де Нейры покинула Гуадалканал и направилась на юго-запад, где обнаружила остров Сан-Кристобаль, столь же богатый и гостеприимный, как и предыдущие. Девятнадцатого декабря, ровно через одиннадцать месяцев после отплытия, корабли вернулись в Перу.

Вероятно, от разочарования Менданья де Нейра присвоил островам название Соломоновых, обещающее несметные богатства и мудрость, напоминающее про библейскую страну Офир, полную золота. На чиновников колониальной администрации эти литературные игры не произвели особого впечатления, но сам первооткрыватель словно бы

попал под магические чары им самим придуманного названия и стал горячим сторонником идеи колонизации Соломоновых островов.

Вторично ему удалось отплыть на запад только в 1595 году. Экспедиция не нашла Соломоновых островов и была вынуждена основать колонию на островах Санта-Крус — к юго-востоку от Гуадалканала. Де Нейра, вероятно, родился под несчастливой звездой. Он умер от болезни через два месяца после высадки на остров. Эпидемия унесла десятки жизней, два корабля испанцам пришлось бросить. Стараниями де Кироса, старшего штурмана экспедиции, оставшиеся в живых вернулись на Филиппины.

Де Кирос унаследовал мечту де Нейры об организации колонии на Соломоновых островах. Но и его экспедиция «промахнулась», вследствие чего колония — Новый Иерусалим — была основана на острове Эспириту-Санто в группе Новых Гебрид — далеко к югу от Гуадалканала. Поселение просуществовало недолго (ввиду своей абсолютной экономической бесперспективности), де Кирос вернулся в Перу, а Соломоновы острова вместе с окружающими их островными системами на полтора века исчезли из европейских лоций Южных морей. Вновь нашел их (в августе 1767 года) англичанин Филипп Картерет, а нанес на карту год спустя знаменитый Бугенвиль. Д'Антраксто во время своей неудачной экспедиции на поиски Лаперуза картографировал центральную часть Соломоновых островов (Бука и Бугенвиль) и, наконец, отождествил Гуадалканал с островом, описанным почти два века назад де Нейрой.

В течение всего XIX столетия этот район Океании не интересовал никого, кроме работорговцев и миссионеров. Впрочем, если речь идет о Гуадалканале и прилегающих островах, то здесь ни первые, ни вторые в своей деятельности не преуспели.

В 1893 году Британия объявила о своем протекторате над архипелагом и о запрещении работорговли.

«Столицей» протектора стал маленький и плоский остров Флорида (Тулаги), на котором англичане разбили традиционную площадку для гольфа, построили теннисный корт, госпиталь, торговую миссию и здание клуба. Вплоть до Второй Мировой войны этот остров оставался единственным центром европейской цивилизации на Соломоновых островах.

Экономика региона носила первобытный характер и сводилась, по существу, к натуральному хозяйству (минимальный обмен товарами действовал только в пределах архипелага и охватывал преимущественно местную общинную работорговлю). Европейцы организовали на побережье несколько плантаций по производству копры, но и это хозяйство было товарным скорее по названию.

К началу войны острова выглядели так же, как и тысячелетия назад: нищая земля, заросшая джунглями и населенная народом, не знающим не только обработки металлов, но и обжига глины. Дорог, равно как и портов, архипелаг не имел вообще.

2

На первый взгляд Соломоновы острова схожи с остальными дугами западного сектора Тихого океана: «классический» вулканический архипелаг, порожденный субдукцией океанической коры, «ныряющей» под континент. Такие дуги окаймляют окраинные моря, отделяя их от глубоководного желоба. Вулканы, как правило, тяготеют к западному, пологому, склону, а очаги землетрясений, отслеживая разлом земной коры, группируются на восточном, почти вертикальном обрыве. Сложная складчатость островных дуг предопределяет геологическое богатство региона.

Соломоновы острова, однако, сплошь состоят из «особенностей». Прежде всего, они сейсмически пассивны. Далее, глубоководные впадины обрамляют архипелаг с обеих сторон, причем западный Бугенвильский желоб (свыше 9 километров) глубже, нежели находящиеся на востоке Западно-Меланезийский желоб и желоб Витязя (около 6 километров), рассеченные обширным океаническим поднятием.

Земная кора имеет на Соломоновых островах уменьшенную мощность, причем богатый полезными ископаемыми «гранитный» слой здесь вообще отсутствует: вулканические породы лежат непосредственно на базальтах нижней коры.

Бугенвильский желоб следует очень глубокой пятисоткилометровой фокальной зоне, уходящей вертикально вниз. Вулканы равномерно разбросаны по всему архипелагу, группируясь, скорее, на крутом склоне, нежели на пологом.

Наконец, сам архипелаг рассечен на восточную и западную области глубоким проливом Слот, что также совершенно необычно.

Ч.Нимиц в своих мемуарах называет Гуадалканал «вершиной некогда скрывшегося под водой горного хребта». Скорее, однако, острова Австралии свидетельствуют о совершенно другой геологической катастрофе: некогда здесь рассыпалась древняя субконтинентальная плита. Отдельные блоки ее погрузились в мантию (может быть, при этом наклонившись почти отвесно), другие продолжают странный судорожный геологический «танец» вокруг многочисленных разломов. В сущности, эта земля влачит «посмертное» существование, и не приходится удивляться тому, что религиозные представления жителей Австралии (и прежде всего самих Соломоновых островов) носят некротический характер.

Геологическая предыстория Соломоновых островов определила морфологию региона. Господствуют большие перепады высот/глубин, горные склоны изрезаны и смяты в складки. На острове Гуадалканал, площадь которого более 2500 кв. км, нашлось только одно место для строительства аэродрома: северо-восточная оконечность, где вулкан Маунт Галлего полого спускается в море¹²⁷. На остальной территории — круто обрывающиеся к побережью разрушенные вулканические плато, заросшие непроходимыми джунглями (в случае Гуадалканала и Новой Гвинеи слово «непроходимый» является не столько литературные штампом, сколько формальной характеристикой для обозначения местности, совершенно недоступной для движения войск).

Влажный климат и запутанный рельеф Гуадалканала привели к тому, что остров изрезан речными долинами. Руслу короткие, ориентированы в западном направлении параллельно друг другу. Речная система не отличается стабильностью, и предсказать, как именно она будет выглядеть после очередного дождя, не представляется возможным.

Похожая ситуация — на Буке и Бугенвиле.

Климат Соломоновых островов (за исключением Флориды и Рассела) может быть охарактеризован как «невыносимый». Окумия в своих воспоминаниях посвящает немало прочувствованных строк тяготам жизни в Рабауле и на базе Буин (юг острова Бугенвиль). Он описывает «удушающую жару и сырость», «полчища насекомых», оплывающие от постоянных дождей землянки, непролазную грязь и измотанных людей, единственной мечтой которых было несколько часов проспать в относительной чистоте. Однако тем, кто вернулся с Гуадалканала, Буин, не говоря уже о Рабауле, казался санаторием.

3

Австралия считается районом, опасным для мореплавания. Прежде всего, конечно, это относится к Торресову проливу, Коралловому морю, Большому Барьерному рифу. Воды, омывающие Соломоновы острова и смежные с ними архипелаги, столь дурной славой не пользуются — скорее всего потому, что этот лабиринт проливов между Коралловым морем и Тихим океаном находится в стороне от морских торговых путей и редко посещается кораблями.

Рельеф дна здесь непредсказуем, и участки глубиной несколько километров соседствуют с подводными скалами, вершины которых лежат вровень с поверхностью воды. Навигационные знаки отсутствуют. Берега островов однообразны, что затрудняет

---

¹²⁷Остров образован тремя самостоятельными вулканическими массивами, насчитывающими по крайней мере шесть отдельных конусов.

ориентацию по местным приметам. Во время тропического ливня грань между водой и сушей пропадает; даже в хорошую погоду низменные участки побережья сливаются с морем.

До начала сражения за Соломоновы острова (а может быть, и поныне) планомерным гидрографическим исследованием региона никто не занимался. В кампании 1942 — 1943 года слабая изученность подходов к побережью Гуадалканала воспринимается сторонами как серьезная оперативная проблема, непосредственно влияющая на ход и исход боевых столкновений.

Южные моря представляют собой *tabula rasa* стратегического планирования. Но если Новая Гвинея и прилегающие к ней моря и островные системы попали в зону внимания японских и австралийских штабных офицеров еще в двадцатые годы, то кампания на Соломоновых островах, по-видимому, оказалась полной неожиданностью для обеих сторон. Сложившаяся к концу августа оперативная структура носит все черты импровизации военного времени.

Японцы нарисовали свою операционную линию от Гуадалканала через группу проливов, разделяющих Западные и Восточные Соломоновы острова и носящих общее название Слот (Щель), вокруг Бугенвиля, мимо Новой Ирландии — на Рабаул и далее — на Трук, ставший в середине 1942 года передовой базой Объединенного Флота. Воздушного прикрытия на участке Рабаул — Гуадалканал не было. Теоретически «зеро» преодолевали эту дистанцию в обе стороны, но — с хорошими пилотами и на пределе. Иными словами, японцы могли атаковать Гуадалканал с воздуха, но у них не было возможности поддерживать оперативный режим над островом и подходами к нему. (На более позднем этапе кампании была предпринята попытка задействовать взлетно-посадочные площадки на Бугенвиле, Буке, Нью-Джорджии, но к этому времени союзники уже захватили абсолютное господство в воздухе над Соломоновыми островами.)

Операционная линия союзников шла на юго-восток — к острову Эспириту-Санто (Новые Гебриды). Через этот остров подходили подкрепления, доставлялись боеприпасы и горючее. Но американские истребители не покрывали расстояние между Эспириту-Санто и Гуадалканалом, что вынуждало использовать авианосцы в качестве аэродромов подскока.

Далее операционная линия раздваивалась. Восточная ветвь шла через острова Фиджи к Самоа и затем к Перл-Харбору, а южная склонялась к Новой Каледонии (город Нумеа, административный центр французских колоний в Южных морях, стал основным местом проведения межсоюзнических военных советов) и оттуда поворачивала на австралийские и новозеландские порты.

Оперативная периферия осталась незадействованной. Правда, как уже отмечалось, японцы попытались поставить под свой контроль «прямой путь» из Перл-Харбора к Гуадалканалу, захватив Науру и Ошен, но добровольно оставили это намерение. Со своей стороны американцы бросили недостроенной взлетно-посадочную площадку на островах Санта-Крус, после того, как выяснилось, что тамошний климат еще хуже, чем на Гуадалканале (если только это возможно).

Лейтмотивом кампании на Соломоновых островах стала борьба за аэродромы. Импровизированные «промежуточные» площадки между Рабаулом и Эспириту-Санто были не способны защитить от атаки с неба даже себя, поэтому почти на всем операционном пространстве локальное превосходство в воздухе обеспечивала палубная авиация. Обе стороны, однако, с неодобрением относились к использованию авианосцев для организации непосредственной авиационной поддержки, предпочитая прикрывать ими открытый (восточный) фланг операции. Это привело к двум крупным авианосным сражениям на западной окраине Меланезийской котловины Тихого океана (вдоль линии, соединяющей острова Санта-Крус, атолл Стюарта и остров Лорд Хоув).

«Такова сцена, на которой в период с августа 1942 по декабрь 1943 года будет разыграно 14 морских боев. Они обойдутся сторонам в целый флот: два линейных корабля, три авианосца, двенадцать крейсеров и двадцать девять эсминцев», — на этом он пока что закончил свое повествование, стараясь после «Мидуэя» по возможности придавать тексту академичность и строгость. Перечитав эту нейтральную и безличную часть своего странного труда, он понял, что окончательно и бесповоротно пережил Мидуэй и пора отдохнуть, вспомнить, что привалило очередное лето и махнуть к бабке в Белую Церковь или не к бабке, так в Приозерск хотя бы, где вода, текучая ли, стоячая ли, изумительно сама «отдыхает» тебя, вопреки всему и несмотря ни на что. И опять же проходит злобный кашель, и плечи разворачиваются в победном марше, и вопрос, куда плыть, повисает в стороне от непереносимого «Я», потому что плыть хорошо вез всякой цели, причины и иного досадного долженствования.

Проваливаясь в стрекозиный и камышинный сон Вуоксы, он не отследил поворота ключей в замке.

— Вставайте, Граф, — раздались у самого уха *Другого* радостные знакомые вопли, — как слышите, прием...

— Ты говоришь с акцентом, — *Другой* открыл глаза и поднялся с дивана. Диван заскрипел.

— Вроде бы и не прошло года-то, — *Первый* прошелся по комнате и потянулся, задев звякнувшую стекляшками люстру. На улице шел дождь. Он намочил подоконник и газеты с заголовками про террористов, чьи-то выборы и налоги. *Первый* закрыл форточку.

Жизнь начиналась, казалась и становилась прежней.

После неизбежного «ты как?», «а ты?», «а вообще как?» они усидели шесть баночек пива, и когда нужно было уже бежать по мокрым улицам на неизбежную работу, *Первый* вдруг оглянулся на развешанные листки с рисунками и чертежами авианосцев и разразился патетической речью в духе старинных студенческих дебатов.

— Мидуэй... Ах, Мидуэй... Ты мне писал. Так вот ты, по- моему, просто зачарован геометрическими мотивами. Смотри, что по этому же поводу говорит Бронштейн — не мог он мимо пройти. Ты забываешь о высшей математике. А между тем этот островок — только географический пункт. Никакой это не трамплин, никакой это не форпост. Ведь недаром в плане Нимица — наступление через центр Тихого океана — ни Мидуэй, ни аналогичный Уэйк даже не упоминались. Просто там опереться не на что. Это вроде как «священный холм Бородино, возле которого Великий Бре разбил полки злых татаровей». Неужели ты всерьез поверишь, что на всем пути от Немана до Москвы нашлись всего три-четыре позиции, удобные для генерального сражения, как шумели Фуль, Бенигсен и прочие? Или что это важный стратегический пункт? А вот карты так легли — и все. Если о каких-то вещах можно спорить, то вот здесь просто не согласен — и только! Все-таки американцы предпочли ударить через Маршалловы — Каролинские — Марианские острова, хотя путь Уэйк — Иво-Дзима куда как короче. Но ни тот, ни другой не есть флотские базы и не станут ими. Иво-Дзиму американцы вообще взяли только, чтобы было куда подбитые «крепости» сажать. Флоту этот остров не был нужен ни под каким соусом. Вот Окинава — иное дело. Это действительно форпост для «Олимпиа-Коронета».

И вообще, задумывался ли ты, что японская армия того периода просто не была способна к большой войне? Появись они в Австралии, раскатали бы япошек в тонкий блин. Те самые «матильды» для немцев были зубной болью, а японцам они и не снились. То же самое случилось бы, прорвались они из бирманских джунглей на индийские равнины.

Другой рассеянно выслушал этот памфлет, вспоминая, что зонт он оставил вчера в гостях, а куртка предательски треснула на спине уже неделю назад.

— Я с тобой абсолютно согласен, — торопливо признался *Другой*, — пойдем уже к метро. Черт возьми, ты выглядишь, как японский шпион. — На *Первом* был черный плащ,

шляпа, невероятно отглаженные брюки и невероятно вычищенные ботинки. В руках он держал черный чемодан с серебристыми врезками по бокам.

— Я еще не был дома,— улыбнулся *Первый*, — поехали ко мне.

— Я — на службу, труба уже зовет, это ты отпускник. Вечер будет, будет пища.

— А что Она? — спросил *Первый* уже на лестнице.

— «Придет и взглянет мимоходом», — процитировал *Другой*, — иди домой, чертов романтик, а Мидуэй не трогай, понял, вы там, в своей Японии, бредите со времен войны, только отсюда и разберешься, что к чему, — усмехнулся он.

Они простились у «Баррикады». *Первый* еще долго торговался с центровым таксистом про свою Сосновую Поляну.

Другой остался после работы в пустом офисе починять задешево приобретенный начальством величественный и невразумительный ксерокс. И в этот, и на следующий день в Сосновую Поляну *Другой* не попал.

(14) *Остров Сава*

— Я принес тебе подарок, Иа-Иа! — *Первый* впустил вместе с собой вкус улицы, запах быстрой пищи, дыхание ветра и неавгустовской промозглости.

Другой молча кивнул. Он даже привстал из-за компьютера, что уже и вообще было необязательно.

— Что, большие Перемены? — *Первый* обошел кухню, машинально потрогал чайник, обжегся.

— Сам ты большой... Садись. Чай. Однако. — *Другой* осторожно пролистал подаренную книгу и злобным сдавленным шепотом заорал: — Будешь читать мне вслух, каждый день, на ночь, гад.

— Буду, до послезавтра.

— Почему?

— Самолет, однако.

Первый видел, что *Другому* жаль услышать про самолет, видел, что не ладится с *Ней*, по службе маета и вообще депрессия. *Первый* был его другом еще со школы, и уже тогда он чувствовал растерянность от таких вот настроений *Другого*, Можно было сейчас сказать что-то вроде: «Учи английский, идиот». «Нет, не подходит... или совета спросить».

После чая они пошли в комнату, и *Первый* долго разглядывал приклеенные на обои и припиленные к двери в художественном беспорядке листки с чертежами кораблей, рисунками многоярусных храмов и записями, сделанными лесенкой, как в сборниках Вознесенского. Это все не напоминало Японию, а прямо-таки противостояло ей, противоречило взглядам *Первого*, его миру, куда он — без особой страсти, но с сознанием долга — летел послезавтра. «Все это очень странно» подумал он.

Другой между тем повеселел, как будто вся эта настенная шизофрения защитила его наконец от незаботливого мира за окном.

Он бодро начал рассказывать о своем любимце — Ямамото, словно подаренную *Первым* книгу прочел еще в прошлой жизни. Он бойко и выразительно плел про то, как адмирал читал в туалете Сунь-цзы, а в кабинете порнографические романы, как, проиграв один раз своим офицерам в маджонг, гордо потом игнорировал эту игру, как он был человеком, азартно и вкусно живущим, и вся его корабельная братия спорила о том, каков же он на самом деле.

— А этого «на самом деле» не было, — *Другой* уже вовсю улыбался, как раньше, то есть год назад. В компании каких-то разлетевшихся ныне друзей и невероятных девчонок. Когда был в ударе, и все вокруг любили его.

— Он просто был. Жил. Понимаешь. Ошибался. Вел куда-то. Творил и Умирал в своем храме с недостроенной крышей седьмого яруса, так и не сумевшей его защитить, — закончил *Другой*. Словно смутившись своей патетики, готовый все опровергнуть, завернуть

свой азарт в усмешку и вообще стать проще «по требованию».

Первый слушал и не слышал, он видел совсем другую Японию, полную очень спокойных, умеренных и простодушных обывателей, которые ценили ритуалы за их форму, чувства за их ритуальность, а людей за их приверженность чужим мнениям. *Первый* отчетливо понимал, что он вполне мог бы жить в этой Японии и быть там даже самым поэтичным обитателем Токио. А вот *Другой* там бы не выжил, потому он и выдумывает алчному до удовольствий самураю из Нагаоки совсем иную, похожую на свою жизнь. Немного обидно было то, что эта пресловутая, подаренная сегодня *Другому* биография так ловко перевелась на английский с японского, что получалось, будто бы *Второй* как бы и прав.

— Ямамото — это редкое живое мощное чудовище, — с удовольствием произносил *Второй*, — эдакий улыбчатый монстр, мальчишка, вооруженный своими авианосцами, как Дракон когтями. «И крыльями», — подумал *Первый*.

— Никто не любит в Японии твоего Ямамото, — спокойно сообщил он и оказался на ковре на лопатках.

— Не мни костюм, — заорал он, — последний...

Ситуация разрядилась. У *Второго* надолго восстановилось настроение, и вечер состоялся. *Первый* опять поклялся вычитать в токийской библиотеке про адмирала все до крошки, обшарить все уголки Японии, скопить капиталец и прокатиться в Нагаоку. Он был отпущен под честное слово собирать вещи. Уходя в восьмом часу утра, *Первый* увидел книгу, случайно раскрытую на том месте, где капитан «Рюдзю» Кувабара Торао влетает без предупреждения в ванную главнокомандующего и видит Ямамото сидящего на унитазе и читающего Сунь-цзы.

Уже в самолете *Первый* с удовольствием осознал, что две радости, опрометчиво открытые людям братьями Стругацкими, у него уже есть. Осталось найти себе какую-нибудь Чийоко, и он будет совершенен. Однако рядом в кресле сидела пожилая японка в изящном слуховом аппарате, который *Первый* принял сначала за унифицированный плеер. «Неужели, — подумал *Первый*, — ему придется принести в жертву свое время, занятое историографией, пленительной и простой, как интегралы Римана, и увлечься ради этого маньяка *Второго* человеком, который был не лучше, чем европейские средневековые паладины «без страха и упрека»». Но *Второй* был другом. Работа у *Первого* тоже уже случилась, причем любимая. Только вот он всегда больше ценил исследование времен и событий, чем изучение людей и их поступков. Тут они сильно со *Вторым* различались. И для взаимоотношений это было какое-то очень условное благо, известное только психологам. Незаметное с первого взгляда. Но оно, видимо, было. Раз не разбежались.

«Быстро прошел месяц», — подумал *Первый*. Впереди маячило безвременье, которое уже подстерегло его в прошлом году в медленной и оптимизированной Японии. Не то чтобы он его боялся, но где-то внутри уже сейчас знал, что иногда будет остервенело хотеться горячего чая — желательно со знакомой кухней в придачу, где дует, потому что три года назад они случайно высадили одно стекло, отмечая диплом *Первого*, Новую жизнь, смерть Кастанеды и еще что-то важное. Всего не вспомнишь.

Объявили посадку. Самолет слабо качнуло. Соседка пристегнулась. На посадке их тряхнуло так, что *Первый* осознал торжество инстинкта самосохранения над Разумом. Воистину, «тактическая внезапность планировалась и была достигнута».

«Тактическая внезапность планировалась, и была достигнута», — прочитал он начало новой главы, посланной ему вдогонку из Питера. «Быстро пишет, маньяк», — подумал *Первый* и вдруг понял, что все-таки вляпался в эту странную игру в японских адмиралов, вляпался и несет ответственность за то, что напишет этот *Чужой* в своем диком романе. *Другой* был последним уголком хаоса в его отлично спланированной и успешной жизни, и полагалось ценить этот Хаос. Он вздохнул и стал читать дальше:

«Скрыть подготовку к операции, получившей название «Уотчтауэр», не составляло

особого труда. Прежде всего, американцы сами не были до конца уверены, что хотят высаживаться на острове Гуадалканал: этот замысел, возникший сразу после сражения в Коралловом море, имел в войсках больше решительных противников, чем вялых сторонников. Высшие инстанции то проявляли интерес к такой операции, то начисто забывали о ней. Окончательное решение было принято только в середине июля и притом в Вашингтоне. С командирами на местах не консультировались.

В подобной ситуации японцам не могла помочь агентурная разведка. Столь же бесполезными оказались летающие и подводные лодки, не говоря уже о крупных кораблях. Служба наблюдения базировалась на Рабаул и «освещала» лишь районы, расположенные к северу от параллели Луизиад. Коралловое море надежно контролировала авиация союзников, действующая с аэродромов Эспириту-Санто и Новой Гвинеи.

Что касается некоего гадания на кофейной гуще, которое принято называть интроспекцией, то японским штабным структурам нужна была поистине сверхъестественная проницательность, чтобы «угадать» высадку на Гуадалканале, самом, быть может, ничемном бастионе внешнего оборонительного периметра империи.

«На всякий случай» развертывание союзников было отнесено далеко к югу. Районом сосредоточения сил для операции «Уотчтауэр» был избран Веллингтон на Северном острове Новой Зеландии, в двух с половиной тысячах морских миль от Рабаула.

В некотором смысле это получилось случайно. Первую дивизию морской пехоты начали перебрасывать из Норфолка (штат Виргиния, Восточное побережье США) в Веллингтон еще в конце мая. Послевоенные американские источники усматривают здесь подготовку кампании на Соломоновых островах, что более чем сомнительно. До гибели авианосцев Нагумо подобная операция была опасной и бессмысленной авантюрой, которая в лучшем для американцев случае приводила к генеральному сражению в неблагоприятной обстановке, и, как уже говорилось, Нимиц не был расположен рисковать своими авианосцами ради предполья Австралийского материка.

Надо полагать, переброска 1-й дивизии была очередным актом борьбы за ресурсы между Маршаллом и Кингом. Командующий морскими силами и морскими операциями не без оснований считал, что войска, уже прибывшие в Веллингтон, при любых обстоятельствах останутся на Тихоокеанском ТВД и не будут направлены в Европу.

Огромные просторы оспариваемых территорий заранее обрекали на поражение пассивную оборонительную стратегию. Владеющий инициативой противник всегда имел возможность сосредоточить превосходящие силы против любого пункта периметра. Единственным способом «держат» позицию являлся подвижный резерв: пока он существовал и мог быть быстро переброшен в любую точку, наступающая сторона должна была считаться с перспективой встречного боя, притом в условиях, когда часть сил связана обеспечением десантной операции. Уничтожение соединения Нагумо не только нарисовало жирный крест на всех наступательных планах Японской империи, но и поставило под сомнение ее способность обороняться. Теперь американцы могли включить в повестку дня Гуадалканал, Алеуты, может быть, и Уэйк. К 11 июля в Веллингтон прибыл последний эшелон 1-й дивизии морской пехоты.

То ли ради сохранения секретности, то ли потому, что этого и на самом деле никто не знал, войскам не сообщили о целях переброски. Большинство, включая командира дивизии генерал-майора Вандергрифта, полагало, что речь идет об обороне Новой Зеландии от грядущего японского вторжения¹²⁸. Во всяком случае, морпехи рассчитывали оставаться в

---

¹²⁸Указано Д.Миллером в книге «Гуадалканал: первое наступление» (Вашингтон, 1949). Если это правда, то оперативная подготовка командира дивизии и офицеров его штаба вызывает серьезные сомнения. Веллингтон находится в 2500 милях от Рабаула, причем операционная линия проходит через Коралловое и Тасманово моря, контролирующиеся авиацией союзников. От Хасиродзимы до Новой Зеландии более 5000 миль — вдвое больше, чем до Перл-Харбора. Имея открытую с обоих флангов коммуникационную линию такой длины, японцы могли планировать десантные операции в умеренных широтах южного

Веллингтоне по крайней мере до 1943 года.

Окончательное решение было принято между пятым и пятнадцатым июля: адмирал Кинг, получив сведения о том, что японцы заканчивают к 1 августа строительство аэродрома на Гуадалканале и сразу перебрасывают туда 60 бомбардировщиков, потребовал «срочно принять меры». По его расчетам, к концу месяца противник должен был сосредоточить на Восточных Соломоновых островах целую воздушную армию¹²⁹.

Неожиданно речь пошла не о месяцах и неделях, а о днях и часах, и сразу же выяснилось, что к проведению операции «Уотчтауэр» никто не готов. У молодых офицеров штаба вице-адмирала Гормли, сменившего Лири на посту командующего южным районом Тихого океана, она получила ироническое название «Шустринг» («шнурки для ботинок»).

Транспорты второго эшелона дивизии пришлось сначала разгружать, а потом сразу же загружать в другом порядке. Это заняло много дней, в результате намеченный в Вашингтоне срок (1 августа) выдержан не был. Гормли получил недельную отсрочку, впрочем она не пошла, и командующий попросил еще неделю. История умалчивает, какие слова сказал адмирал Кинг адмиралу Нимицу, непосредственному начальнику Гормли, но результатом этого разговора оказался составленный в ледяном тоне официальный приказ высшей инстанции. Комитет начальников штабов предписывал командующему южным районом Тихого океана «принять все меры к тому, чтобы срок операции, назначенной на 7 августа, был выдержан». Двадцать второго июля двенадцать транспортов с войсками покинули Веллингтон и двинулись на северо-восток.

Несколькими днями раньше вышли транспорты с Западного побережья США и флот прикрытия из Перл-Харбора. Двадцать шестого числа оперативные соединения встретились в открытом море к юго-востоку от островов Фиджи. Там, на борту ударного авианосца «Саратога», было проведено расширенное совещание командного состава, на котором непосредственным исполнителям наконец была сообщена цель операции.

«Неожиданность, один из важнейших факторов для захвата вражеской территории, была полнейшей»¹³⁰.

Проигрывание операции «в условиях, приближенных к боевым» состоялось на острове Коро (в архипелаге Фиджи) и дало обнадеживающие результаты. В ночь на 31 июля флот вторжения вышел к острову Гуадалканал.

Нимиц выделил для операции три оперативных соединения, два из которых находились под командованием вице-адмирала Флетчера. Первое — «силы воздушной поддержки» — включало авианосцы «Саратога», «Энтерпрайз» и «Уосп». Их сопровождал новый линкор «Норт Кэролайн» и тяжелые крейсера «Миннеаполис», «Нью-Орлеан», «Портленд», «Сан-Франциско» и «Солт-Лейк-Сити». Прикрытие обеспечивал крейсер ПВО

полушария только при условии полной утраты флотом и авиацией союзников способности к организованному сопротивлению. Конечно, оставалась возможность набега авианосного соединения (до поражения императорского флота у атолла Мидуэй) или появления у побережья одного-двух «истребителей торговли» или даже эскадры тяжелых крейсеров постарее, но от подобных нападений дивизия морской пехоты помочь не могла. Так что, хотя стратегическое значение Новой Зеландии как блокирующей позиции, контролирующей ряд торговых путей между Австралией и Южной Америкой, общеизвестно, в избыточной защите этого района никакой необходимости не было. Тем более — после Мидуэя.

¹²⁹Цифры из книги американского историка С. Моррисона. Не совсем понятно, насколько они согласуются с действительностью. На сентябрь 1942 года японцы имели в зоне ответственности командования в Рабауле всего 62 исправных бомбардировщика и 29 истребителей. Понятно, что за месяц ожесточенных боев авиагруппы понесли значительные потери, но ведь речь идет об авиации на всем южном театре. Очень сомнительно, чтобы в начале августа японцы могли выделить для Гуадалканала 60 бомбардировщиков (и, очевидно, по крайней мере 40 истребителей). Еще менее вероятно, что они смогли бы снабжать такую группировку топливом и боеприпасами.

¹³⁰Цитата из книги С. Моррисона.

«Атланта» и 16 эсминцев. «Амфибийные силы» контр-адмирала Тернера состояли из 19 транспортов, четырех эсминцев-транспортов, двух групп огневой поддержки (три тяжелых крейсера, крейсер ПВО, шесть эсминцев) и группы охранения — еще три тяжелых и один легкий крейсер, девять эсминцев, пять эсминцев-тральщиков.

Третье оперативное соединение подчинялось непосредственно адмиралу Гормли и насчитывало 287 самолетов берегового базирования: 131 истребитель, 34 патрульных гидросамолета, 25 разведывательных самолетов, 97 бомбардировщиков».

Хаос — хаосом, а вернуться к «петербургской повести о Ямамото» *Первому* удалось только через пару месяцев. Он немного приболел, написал матери и, перечитывая Гуадалканал, лениво вспоминал Питер.

Пролив Слот: 7 августа

1

В ночь на 7 августа корабли обогнули северную оконечность Гуадалканала — мыс Эсперанс. Здесь соединение разделилось: главные силы продолжили движение вдоль берега, скрываясь в густой тени возвышенности Маунт-Галлего, вспомогательная группа повернула на север, миновала остров Саво, «похожий на допотопного динозавра, вздымающегося из морских глубин», и направилась к административному центру архипелага — островам Тулаги.

Это был момент наивысшего напряжения на американских кораблях. Если противник каким-то чудом предугадал действия союзников, транспорты шли в подготовленную ловушку. В любую минуту на гладкой светящейся поверхности воды могли появиться следы торпед, выпущенных с сосредоточенных у северо-восточного побережья Гуадалканала подводных лодок или с затаившихся за темным горизонтом японских тяжелых крейсеров.

Эскадра втянулась в пролив Слот и начала склоняться к югу. Впереди, уже на расстоянии прямой видимости, лежал расчищенный от джунглей участок — недостроенный японский аэродром.

Оставшиеся в живых участники боев, все без исключения, вспоминают свое первое впечатление от Гуадалканала как «исключительно тягостное».

Транспортные суда не оборудуются кондиционерами и прочими «удобствами». Днем их железные палубы раскаляются под тропическим солнцем, ночью жилые помещения, под завязку набитые нематыми людьми (пресной воды в обрез хватает на питье), пропитываются запахом пота; влага, конденсируясь, осаждается на переборках. Повсюду липкая плесень.

Конвой находился в море шестнадцать дней. Обычно после такого перехода измученные морской болезнью, теснотой и жарой солдаты встречают землю криками радости. Гуадалканал, который «издавал тяжелый запах грязи, слизи и джунглей», внушал уставшим людям одно лишь отвращение.

Было исключительно тихо. Ни выстрела, ни следа какой-либо деятельности на острове, ни одного японского корабля или патрульного самолета. Выпущенные за час до рассвета палубные разведчики не обнаружили никаких признаков активности противника.

В 6 часов 13 минут группы огневой поддержки открыли огонь, а шлюпки с солдатами 1-й дивизии морской пехоты направились к недалекому берегу.

2

Гуадалканал обороняли 600 японских солдат — второочередной батальон без тяжелого вооружения. По всей видимости, главной их задачей был контроль над двумя тысячами

корейских рабочих, задействованных на постройке аэродрома¹³¹. По плану взлетно-посадочная полоса должна была вступить в эксплуатацию в конце июля, однако и к 7 августа ее еще не доделали до конца.

Никакой обороны организовано не было. Аэродромные рабочие разбежались при первых же выстрелах, солдаты же, застигнутые врасплох, могли противопоставить одиннадцати тысячам морских пехотинцев лишь с десятков снайперов. Оказав видимость сопротивления, японцы отступили в джунгли. Недостроенная ВПП, совершенно исправная электростанция, жилые бараки, склады и банановая плантация — все это перешло в руки американцев. Больше всего десантники радовались обнаруженному в огромном количестве японскому пиву.¹³²

Бои за Тулаги носили более организованный характер: 400 японцев, закрепившихся в подземных гrotах, были убиты, трое взяты в плен, человек сорок добралось на подручных средствах до Бугенвиля. Численного превосходства американцев, высадивших более 5000 человек, разумеется, хватило, чтобы сломить всякое сопротивление. С потерей гидроаэродрома на острове Флорида (группа островов Тулаги) японцы лишились удобной позиции для наблюдения за районом Гуадалканала.

Там события разворачивались пока что в полном соответствии с расчетами составителей плана «Уотчтауэр». К вечеру 7 августа на берег были выгружены 11 000 человек, тяжелая строительная техника, много военного снаряжения. Начались работы по срочному дооборудованию и превращению во всепогодный¹³³ аэродрома, получившего название Гендерсон-филд (в честь майора морской пехоты, погибшего в сражении у атолла Мидуэй).

3

Первый не то, чтобы увлекся этой второсортной, на его взгляд, операцией, но ради порядка сообщил в Питер свою версию, язвительно заметив, что про Мидуэй читать ему было куда занимательнее.

«Алгоритм действий обороняющейся стороны в ходе десантной операции изучен не хуже евклидовой геометрии, — писал он. — В данном случае не могла идти речь о непосредственном контрударе сухопутных сил против вражеского плацдарма — этих сил у японцев на Гуадалканале уже не было. Тем обязательнее становился авиационный налет на разгружающиеся транспорты. Но Рабаул и Гуадалканал разделяло 560 миль. Это был предел для японских самолетов — как для истребителей, так и для бомбардировщиков.

Такие операции бесперспективны по ресурсной составляющей. Этика и стратегия тут мало помогают.

Авиационное командование в южном секторе Тихого океана оказалось в тяжелом положении именно что по ресурсам. К 7 августа в распоряжении контр-адмирала Ямада, возглавляющего 25-ю воздушную флотилию в составе 4-го авиакорпуса, авиакорпусов «Таинань» и «Йокогама», имелось всего около ста исправных самолетов.

---

¹³¹ Данные по количеству японских войск на Гуадалканале расходятся. С. Далл указывает 2500 рабочих и всего около 150 солдат. Есть и еще одна версия: 2700 строителей и 400 человек комендантской команды (С. Сулига).

¹³² Еще одна невероятная история. Она, очевидно, правдива: о трофейном пиве вспоминают многие участники операции, да и невозможно выдумать такую подробность. С другой стороны, острейшая нехватка тоннажа заставляла японцев обходиться минимумом снабжения: как правило, у войск не хватало даже боеприпасов, не говоря о медикаментах, продовольствии или, например, противомоскитном снаряжении. Пиво относилось к «предметам роскоши». И при этом оно в значимых количествах обнаруживается на «складе» заштатной войсковой группировки, выполняющей второстепенное задание.

¹³³ В качестве строительного материала был использован не столько бетон, доставка которого на Гуадалканал представляла значительные трудности, сколько дробленый коралл.

На утро была намечена атака американской авиабазы Раби на южной оконечности Новой Гвинеи. К семи часам, когда первые невразумительные сообщения о событиях на Тулаги и Гуадалканале достигли Рабаула, самолеты 25-го Коку Сентай уже выруливали на взлет. На обдумывание решения у Ямады не оставалось и минуты. Японцы вообще не склонны к перемене своих планов, тем паче — стремительной перемене. Вся эта беда случилась с ними в воспетом тобою Мидуэе, когда “вешайте торпеды — снимайте торпеды” погубило всю операцию.

Там, где ты видишь хитросплетения разумов стратегов и сам плетешь кружево случайностей, там я пересчитываю боеспособные единицы и единицы времени, которые у них есть».

Конечно, теоретически самолеты можно было перенацелить против Гуадалканала, но это означало отказаться от полностью просчитанной операции ради откровенной авантюры. Обстановка в проливе Слот оставалась неясной. Связь с корпусом «Йокогама», входящим в состав 25-й флотилии и дислоцированным на Тулаги, с утра отсутствовала. Запросы на воздушную разведку, обращенные к гидроавиации, остались без ответа.

«Бомбардировщикам пришлось бы идти к Гуадалканалу без полетного плана и атаковать врага (само существование которого было неочевидно, как ты и сам считаешь) без предварительной разведки целей. Если американцы действительно проводили крупную операцию, за горизонтом маневрировали их авианосцы, прикрывая транспорты в проливе Слот своими истребителями. Но и при самом слабом сопротивлении в воздухе 25-я флотилия неизбежно понесла бы серьезные потери: полет был на пределе дальности, маршрут — незнаком большинству пилотов, а карта Соломоновых островов отыскилась на аэродроме Рабаула едва ли не в единственном экземпляре».

Но радиogramмы с Тулаги умоляли о помощи.

«Вот это — просто русский вариант в японской редакции. Исторически замешен на романтике взаимопомощи, от которой не будет толку, зато честь будет не забыта».

Вылет против Раби был отложен, офицеры авиакорпуса «Тайнань» собраны на срочное совещание. Противник, маршрут, погода — все не ясно. Над целью ожидаются вражеские палубные истребители. «Возможно, это штатные эскадрильи флота, а не армейские самолеты. Будьте бдительны, и ни в коем случае не теряйте мой самолет!» — вот и все, что мог сказать пилотам заместитель командира эскадрильи.

«Я таких японцев просто люблю и воевать бы против них сразу согласился: социализм плюс харакири помножить на камикадзе — вот дух стратегии твоего обожаемого Ямамото. “И умер он с напрасной жаждой мщенья...”»

Что ты там дальше пишешь? Ага, отлично. Так и есть, цитирую:

В этот день летчики японской базовой авиации впервые услышали слова: «Любой ценой».

Ну, разбираемся дальше.

«В восемь часов утра двадцать семь бомбардировщиков и восемнадцать истребителей действительно поднялись в прозрачное тропическое небо и взяли курс на юг. Четырьмя часами позже группы “расчистки неба” установили временный, но эффективный контроль над воздушным пространством Гуадалканала и ударные самолеты приступили к штурмовке целей».

Бомбометание с пологого пикирования — самый негодный, как ты сам мне давеча объяснял, способ атаки надводных кораблей. Торпеды подвесить не успели. Это просто болезнь у них какая-то со времен Мидуэя?

Как и следовало ожидать, пока бомбардировщики выполняли свою работу, подошла новая американская эскадрилья, и над проливом завязался беспорядочный воздушный бой, в котором в качестве истребителей участвовали «зеро», «уайлдкэты» и даже «доунтлессы», которые скрывались в облаках, чтобы неожиданно вынырнуть оттуда и обстрелять японские самолеты.

Все романтики увидели картинку:

Падающие машины перечеркивают небо дымными полосами.

Ну, далее следует твой текст, из которого явственно видно, что я был прав по сути:

Почти сразу же огненная карусель над разгружающимися транспортами распалась; уцелевшие пилоты вышли из боя и, воссоздав некое подобие строя, направились к своим посадочным площадкам: японцы — на север, американцы — на юг. Лишь один самолет задержался на месте боя. Дымящийся от попаданий, падающий «зеро» неожиданно выровнялся почти у самой воды. Истребитель сделал несколько неловких, неровных, неуверенных кругов над конвоем и скрылся в направлении Тулаги. Его никто не преследовал.

Японцы претендовали на 58 сбитых самолетов противника, официальная американская версия настаивает на том, что корабли повреждений не получили. О потерях в воздухе она умалчивает. Во всяком случае, не подлежало сомнению, что первый серьезный контрудар японской авиации отбит, и операция «Уотчтауэр» вступила в фазу развития успеха.

Мать писала про тебя нечто странное. Ты что, заходил к ней? Ну, герой. Она у меня не очень любезна. Самурайская, так сказать, сдержанность, замешенная на русской воле. Жестковатый коктейль. Раньше она тебя не жаловала. В любом случае спасибо, что был у нее.

Видимо, Софья Андреевна не сказала сыну, что *Второй* заходил к ней, пил чай и послушно исправлял по ее замечаниям отсылаемый *Первому* текст.

8 августа: Южный сектор Тихого океана

(зона ответственности 8-го флота)

1

Утром 7 августа вице-адмирал Гиничи Микава находился в Рабауле. Основой его сил была 6-я дивизия крейсеров, включающая прославленный «Текай» и четыре тяжелых крейсера первых серий.¹³⁴ Далее 8-й флот включал вездесущие «Генрю» и «Тацуту» и легкие силы — всего три эсминца и два минзага. Корабли были разбросаны по всему архипелагу:

---

¹³⁴«Како» и «Фурутако», заложенные в 1922 году, «Аоба» и «Кунигаса», строительство которых было начато в 1924 году. Это были первые японские «вашингтонские» крейсера, последующим проектам они уступали практически по всем показателям.

флагман проходил курс боевой подготовки вблизи Рабаула, остальные тяжелые крейсера были временно направлены в Кавиенг. «Тацута» прикрывал перевозку армейских частей на остров Буна, той же задачей были заняты эсминцы.

Первая реакция Микавы на просьбы о помощи, доносящиеся по радио, была чисто рефлекторной: подготовленные для захвата все той же авиабазы Раби части в течение часа загрузили на находящиеся под рукой транспорты, которых по разным источникам было от одного до шести¹³⁵, и направили на Гуадалканал. Войскам был выделен эскорт, символический настолько, что состав его нигде не сообщается.

Войска на Тулаги обещали «держаться до последнего человека». Бомбардировщики 25-й флотилии изменили курс и направились на Гуадалканал. В этих условиях Микава решил сделать невозможное. В восемь часов с минутами он потребовал от «Текая» бросить все дела и полным ходом идти в Рабаул; крейсерам из Кавиенга было приказано проследовать в точку randevu в проливе Сен-Джордж между Новой Британией и Новой Ирландией, имея запас горючего, «достаточный для марш-броска и боя». (Времени, чтобы рассчитать движение кораблей и потребность в топливе, физически не было.) В 16:48 «Текай», уже под адмиральским флагом, покинул Симсон-Харбор. К флагману присоединился легкий крейсер «Тенрю». На этом силы прикрытия, находящиеся в распоряжении Микавы, кончились, и вице-адмирал явочным порядком присоединил к своей эскадре зашедшие по каким-то делам в Рабаул легкий крейсер «Юбари» и эсминец «Юнаги» (оба из состава 4-го флота).

На выходе из гавани корабли были обнаружены патрульным В-17; несколькими минутами позже над соединением пролетел покалеченный «зеро». Это был тот самый самолет, который отбился от своих после боя над Гуадалканалом. Он все еще держался в воздухе. Раненый в голову двумя 12,5-мм пулями, почти ослепший пилот унтер-офицер Сакаи Сабуро, без карты, без навигационных приборов, интуитивно вел свой истребитель к Рабаулу. Увидев или скорее угадав внизу свои корабли, он подумал: «Если я сяду на воду у борта корабля, меня могут спасти. Однако это отвлечет корабли от выполнения важного задания. Я не имею права так поступить».¹³⁶

Вчера *Другой* получил письмо по интернету и посылку, за которой пришлось топать на Главпочтамт. В письме значился интерес к Гуадалканалу и необходимые, пусть и альтернативные, взгляды. *Другой* уже давно заметил, что, пока тянется эта японская эпопея, жизнь как-то удивительно легко поддерживает его на плаву. Он работал, получал какие-то деньги, писал по ночам про Ямамото и даже пожил по осени немного с экстравагантной художницей из Львова и теперь получил от нее посылку с курагой и орехами и папку со своими портретами в эдаком сюре — в виде зверей и птиц. Ему понравился немного угрюмый филин с сигаретой и табличкой «закрыто», перекинутой через крыло.

Тебе нужно жениться, *Первый*, и ты будешь оптимален, — написал *Другой*, проигнорировав аналитический разбор дневных операций вокруг Саво. Воскресенье обещало иллюзию найденного смысла жизни.

Ночью он вернулся к тексту и написал следующее:

К этому времени Микава уже получил донесения летчиков 25-го Коку Сентай об огромном количестве вражеских кораблей в проливе между Тулаги и Гуадалканалом. Стало ясно, что речь идет о многих тысячах солдат. Подкрепление силой в несколько сотен человек на этом фоне «не смотрелось», и командующий 8-м флотом приказал судам вернуться в

---

¹³⁵Надо полагать, задокументировать состав соединения не было времени, а в воспоминаниях уцелевших участников боев многочисленные конвои из Рабаула на Гуадалканал путаются между собой.

¹³⁶См.: Д.Хорикоши, М.Окумия, М.Кайдэн. «Зеро». Авиация японского флота во Второй Мировой войне.

Рабаул. Около полуночи их перехватила американская подводная лодка S-38, отправившая на дно транспорт «Мейо-мару» и 342 человека. Несколько часов раньше эта же лодка встретила японское соединение и сообщила в Перл-Харбор о «двух эсминцах и трех больших кораблях, следующих большой скоростью на юго-восток».¹³⁷

Микава хранил радиомолчание.

Над проливом Сен-Джордж сгустились сумерки, корабли шли без огней. Трудно сказать, что сыграло большую роль — расчеты штурманов, глаза сигнальщиков или простое везение, но 6-е соединение крейсеров, никогда ранее не плавающее совместно с «Текаем», отыскало в тропическом мраке темный силуэт флагмана 8-го флота. Теперь в распоряжении Микавы оказалась сильная, хотя и совершенно несбалансированная эскадра — пять тяжелых и два легких крейсера в сопровождении одного эсминца.

В 20:10 японские корабли легли на курс 88 градусов, обходя остров Бугенвиль с севера.

2

Сообщение с «летающей крепости» адмирал Тернер получил около полуночи. Оно его не заинтересовало — скорее следовало бы удивляться, не обнаружив в окрестностях Рабаула или Кавиенга ни одного японского корабля. Донесение с S-38, пройдя по инстанциям, попало на стол контр-адмирала В.Крачли, командующего кораблями непосредственного охранения. Прочитав радиogramму за завтраком, Крачли пожал плечами: японская эскадра находилась в пятистах милях к северу, да и кораблей для нападения на Гуадалканал в ней было маловато.

Командование союзников беспокоили иные проблемы. Японцы не могли поддерживать оперативный режим над проливом Слот, но каждая их атака приводила к серьезным, хотя и локальным проблемам. Очередной налет стал результативным: несмотря на противодействие палубных истребителей Флетчера, группа из девяти торпедоносцев повредила эсминец и транспорт (оба впоследствии затонули).

За ночь Микава разработал план операции.

Противник имел в районе Гуадалканала по крайней мере один авианосец — после докладов пилотов вице-адмирал был в этом более чем уверен. Дневной бой, таким образом, отпадал. Можно было рассчитывать лишь на стремительную ночную атаку, патентованное средство довоенных уставов императорского флота. Но для того, чтобы войти в пролив Слот около полуночи, эскадра должна была весь день 8 августа маневрировать в лабиринте Соломоновых островов под надзором вражеской патрульной авиации.

Рассвело в 6:20 по местному времени. Пятью минутами позже в небо ушли разведчики с «Аобы» и «Кунигасы». Вернувшись около полудня, пилоты сообщили, что между Тулаги и Гуадалканалом находится 18 транспортов, линкор, шесть крейсеров и 19 эсминцев. Такая сила явно превосходила возможности 8-го флота Микавы.

В 10:26 японское соединение попало под наблюдение австралийского «Хадсона». Зенитчики крейсеров не давали самолету возможность приблизиться, а «на глаз», с дальней дистанции летчик определил состав эскадры весьма приблизительно. Он насчитал три крейсера, три эсминца и откуда-то взял две базы гидросамолетов.¹³⁸

137S-38 не смогла выйти в атаку: японская эскадра прошла буквально «впритирку» к ней — встречным курсом на полной скорости. Командир лодки, капитан-лейтенант Г.Мансон, принял правильное решение. Он не стал демаскировать свой корабль бессмысленным торпедным залпом (вероятность попадания менее одного процента), пропустил соединение противника и сообщил на базу его курс и скорость.

138Интересно, что одна база гидросамолетов — «Акицусима» — действительно

К удивлению японцев, «Хадсон» вскоре ушел на северо-восток, потеряв контакт с японскими крейсерами. Микава, скорее для очистки совести, нежели всерьез рассчитывая таким маневром скрыться от американских самолетов, очевидно, вызванных «Хадсоном», повернул на юг — в мелководный и опасный для мореплавания пролив между Бугенвилем и Шуазелем.

А пилот «Хадсона» и не думал нарушать радиомолчание. Он методично осмотрел весь положенный ему сектор, вернулся на базу, пообедал и лишь затем доложил непосредственному командиру.

Тот передал информацию в Томпсонвилль. Солнце уже зашло.

Из Томпсонвиля депеша пошла генералу Мак-Артуру в Брисбен. Командующий юго-западным сектором поставил в известность Канберру и, подумав немного, Перл-Харбор. Затем Нимиц связался с Тернером, а австралийское министерство поставило в известность Крачли.

Было 18 часов 45 минут.

Двумя с половиной часами ранее, в 16:12, эскадра Микавы повернула на юго-восток. «Текай» и «Аоба» подняли еще одну пару гидросамолетов-разведчиков.

Скорость соединения возросла до 26 узлов. Микава, используя прожектор дневной сигнализации с узким лучом, сообщил мателотам замысел боя: атаковать корабли сперва на якорной стоянке у Гуадалканала, затем у Тулаги, обойти остров Саво против часовой стрелки и, выжимая из машин все, что можно, уйти к рассвету за пределы эффективной дальности палубной и базовой авиации противника. В 18:40 адмирал отдал исполнительный приказ:

«Нападаем для победы в традиционной для Императорского флота ночной атаке!»

Закончив текст, он наконец перечитал саркастические замечания *Первого* об идиотском подвиге Сакаи Сабуро и романтике, «с позволения сказать, писателя Окумии», начинившим свои воспоминания только что не легендами про принца Ямато. *Второй* ничего против Окумии не имел, считая, что в полухудожественной прозе ветеранов часто поймает больше фактов, чем в архивах, которые всегда служат кому-то, а значит, и против кого-то.

Сабуро действительно оказался по духу близким с неким русским Серегой Саниным, который «не дотянул до посадочных огней». Он был человеком, в чем-то даже похожим на своего адмирала Ямамото. Сражался до последнего, усилием воли не погиб, дотянул до своих, понял, что только отвлечет их от важной миссии, и вроде бы умер во второй раз, решив, что теперь это уже по-настоящему хороший выбор, если бы боги не вывели его «зеро» прямо на посадочную полосу Нижнего аэродрома Рабаула.

Всю следующую неделю *Первый* и *Второй* яростно ругали американцев. В письмах царили гармония и взаимопонимание. Когда глава была готова, *Второй* даже любезно так выразился с гнусной компьютерной улыбкой: ты это писал или я? Разбирайся с авторскими правами как знаешь. По мне — получилось неплохо.

Незадолго до семи часов японская эскадра вошла в пролив Слот.

3

Примерно в это же время вице-адмирал Д. Флетчер, победитель при Мидуэ, уведомил подчиненных ему командиров, что «Энтерпрайз», «Саратога» и «Уосп» полным ходом идут на юг, «ввиду нехватки топлива и серьезных потерь в авиагруппе», и, следовательно, утром 9-го августа никакой поддержки с воздуха не будет. Тернер был

находилась в это время в проливе Слот, но заметно южнее соединения Микавы и маршрута полета «Хадсона».

ошарашен. Первоначальный план предоставлял ему для разгрузки транспортов четверо суток. Во время стоянки на Фиджи Флетчер неожиданно потребовал уложиться в два дня. В действительности же авианосцы покинули район Гуадалканала всего через 36 часов после высадки первой волны десанта¹³⁹.

Тернер заявил, что в таком случае он ночью уберет из пролива свои наполовину разгруженные транспорты. Это вызвало яростный протест Вандергрифта, который доказывал, что без оставшегося на борту судов снаряжения его дивизия не сможет удержаться на Гуадалканале. Здесь следует заметить, что Вандергрифт, Крачли и Тернер друг другу не подчинялись и, по иронии судьбы, занимали одинаковое положение в военной иерархии. На ступеньку выше находились Флетчер и Гормли, но первый, как обычно, молчал, а второй — тоже как обычно, своего мнения не имел.

Радиограммы из Перл-Харбора и с борта «Энтерпрайза» командующий амфибийными силами получил почти одновременно, и это случайное обстоятельство во многом предопределило последующие события. Оставшись без истребительного прикрытия, Тернер с понятной нервозностью отнесся к предупреждению австралийского «Хадсона» относительно двух авиатранспортов, спешащих к югу. Он сразу же пришел к выводу, что утром японцы атакуют его соединение с воздуха, а затем создадут в бухте одного из близлежащих островов гидроаэродром. Внезапная опасность настолько загипнотизировала Тернера, что контр-адмирал даже не попытался перепроверить полученную информацию. Впрочем, солнце зашло в 18:20, а к ночным полетам летчики с крейсеров В.Крачли были подготовлены слабо.

Насколько можно судить, у Тернера, не спавшего двое суток, начался «блэкаут», когда «тоннель Реальности» сжимается до единственной спонтанной версии, а все остальные возможности выпадают из поля зрения. Почти наверняка Тернер считал в тот момент, что противник знает об уходе американских авианосцев — в том состоянии, в котором находился командующий амфибийными силами, подобная ошибочная интросекция практически неизбежна. В этой связи он совершенно не опасался каких-либо сюрпризов ночью: зачем японцам, имеющим превосходство в воздухе, атаковать в темноте?

Тернер действовал очень последовательно.

Поскольку завтра ожидался очень тяжелый день, морякам, сорок восемь часов не покидавшим боевых постов, следовало дать отдохнуть. По соединению была объявлена «готовность №2». Это подразумевало несение вахты половинными расчетами: остальная часть команды (и почти весь офицерский состав) ночевали в жилых помещениях.

Боевое охранение было построено очень продуманно: оно обеспечивало безопасность разгружающихся транспортов от маловероятной, но все-таки возможной атаки подводными лодками или легкими силами японцев и одновременно образовывало эффективный ордер ПВО. Тернер разделил Слот на три независимых сектора. Наиболее опасным считался южный — проход между островом Саво и Гуадалканалом. Его прикрывали тяжелые крейсера «Австралия» (под флагом контр-адмирала В.Крачли), «Канберра» и «Чикаго», эсминцы «Паттерсон» и «Бэгли». Северный сектор между островами Саво и Флорида «держали» тяжелые крейсера «Винсенс», «Астория», «Куинси» в сопровождении эсминцев «Хелм» и «Уилсон». Ниже по проливу дежурило соединение контр-адмирала Н.Скотта. Появление там противника считалось маловероятным, поэтому Скотту пришлось

139«Безрезультатные» атаки 25-го Коку Сентай обошлись Д.Флетчеру в двадцать один истребитель из девятидесяти девяти, имевшихся в его распоряжении. Оставшихся семидесяти восьми «уайлдкэтов», по мнению вице-адмирала, было недостаточно для надежного прикрытия авианосцев от ударов базовой авиации противника. В этом можно найти свой резон, если, конечно, не вспоминать, что авианосцы располагались в 120 милях к югу от Гуадалканала и, следовательно, были за пределами действия японской базовой авиации.

Американские историки испытывают некоторую неловкость, пытаясь оправдать действия Д.Флетчера. (Ф.Шерман даже ссылается на мифический «приказ»).

довольствоваться легкими крейсерами «Сан-Джуан» и «Хобарт» и эсминцами «Монссен» и «Бьюкенен». Девятнадцать транспортов самого Тернера находились в центре построения.

Передовой дозор составляли оснащенные поисковыми радаром эсминцы «Блю» и «Ральф Тэлбот»: они патрулировали к западу и северу от острова Саво.

4

В 20:32 Тернер, флаг которого был поднят на транспорте «Маккоули», вызвал Вандергрифта и Крачли на срочное совещание. Повестка дня была очевидной: тактика противовоздушной обороны в условиях отсутствия истребительного прикрытия, предстоящий уход транспортов. Контр-адмирал Королевского флота Великобритании, командор ордена Виктории В.Крачли счел, что нет никакой необходимости совершать двадцатимильный вояж на маленьком катере, и отправился на совещание вместе со своим флагманским крейсером. *«Это будет так стильно и внушительно».*

Командование соединением В.Крачли передал кэптену Д.Бойду. Впрочем, «передал командование» — слишком громкие слова. Скорее всего, Крачли сказал командиру крейсера «Чикаго» что-то вроде: «Вернусь через два часа, побудь пока за меня». Д.Бойд выслушал, ответил: «Да, сэр» — и отправился спать.

Крейсера прикрытия медленно двигались по квадрату, каждые полчаса поворачивая на девяносто градусов.

Остров Саво: ночь с 8 на 9 августа

1

Можно поручиться, что никто из офицеров союзников не ждал в эту ночь эскадренного боя. Если бы японцы раскрыли развертывание «Уотчтауэр», они оказали бы решительное сопротивление при высадке. Поскольку реакция противника днем 7 августа и в ночь на 8-е была слабой и неуверенной, приходилось заключить, что командование в Рабауле захвачено врасплох и импровизирует на ходу. Но в таком случае неприятельские надводные корабли могли появиться в районе Гуадалканала *не ранее третьего дня операции.*

Расчет времени прост. Сутки, как минимум, нужны для того, чтобы уяснить обстановку, принять решение и разработать план боя. За вторые сутки можно (при очень благоприятных обстоятельствах) собрать корабли и подготовить их к рейду. Третьи сутки отводятся на марш-маневр и бой.

Это идеальный вариант: тот маловероятный случай, когда захваченный врасплох противник *«вообще не растеряется, сохранив стальное хладнокровие воина и командира»*¹⁴⁰, а потребные для рейда корабли находятся в пределах досягаемости. Если до предела сократить время на дозаправку крейсеров и, рискуя посадить турбины, всю ночь идти полным ходом, можно выиграть еще несколько часов и оказаться у острова Саво в момент Ч+48, то есть к началу третьего дня операции. Это теоретический предел.

Но командующий 8-м японским флотом был не из тех, кто *«довольствуется возможным и не тичится творить чудеса»*. Нарушая все правила и обычаи, он сыграл на опережение, отправив в бой предельно несбалансированную эскадру. Американский историк С.Далл пишет: *«Тот факт, что Микава сумел найти всего один эсминец, ясно показывает, каким грузом легла на плечи флота охрана растянутого оборонительного периметра».* В действительности и в Рабауле, и в Кавиенге эсминцы были¹⁴¹, но лишь «Юнаги» смог выйти

140М.Галактионов. Темпы операции.

1414-й флот: «Юдзуки», «Асанги», «Оите», «Юнаги», 8-й флот: «Мупуки», «Яиеи», «Мохицуки», «Сиратака», «Цугару». Из этих кораблей перевозками наутро 7 августа были

в море сразу же по получении приказа.

В 23:10 Микава поднял последнюю в этот день пару самолетов — ему требовалась свежая информация. Была темная безлунная ночь, теоретическая видимость понижалась с юга на север с шести до двух миль. По проливу Слот бродили дождевые шквалы. В 23:30 завеса дождя скрыла друг от друга северную и южную группу союзных патрулирующих крейсеров.

В 23:45 «Ральф Тэлбот» поднял тревогу: наблюдатели на мостике обнаружили гидроплан с «Аобы». Однако японский летчик шел с включенными огнями, поэтому на большинстве кораблей его приняли за свой, а до Тернера радиограмма с эсминца просто не дошла.

Совещание высшего комсостава союзников закончилось около полуночи, но В.Крачли решил не искать ночью свои крейсера, а патрулировать самостоятельно, выделив «Австралии» отдельный западный сектор. Это спасло ему жизнь.

2

Микаве сказочно повезло. Подожженный днем американский транспорт все еще горел; ориентируясь по нему, было нетрудно определить положение всех кораблей союзников. Командующий 8-м флотом задал движение в разомкнутой кильватерной колонне, имея сзади легкие крейсера и эсминец. Японцы по-прежнему поддерживали скорость 26 узлов.

В 00:54 9 августа «Текай» обнаружил неприятельский эсминец. Это был «Блю», который медленно двигался на юго-запад, не проявляя никаких признаков беспокойства. Микава снизил скорость, чтобы уменьшить размеры флюоресцирующего буруна, и отвернул влево, решив во изменение первоначального плана обойти остров Саво с севера. Там, однако, оказался еще один эсминец, и японские крейсера мимо «Блю» по пологой дуге вернулись на прежний курс. Линия дозора была пройдена.

В 1:32 эскадра миновала остров Саво. Через две минуты всего в полутора милях показался очередной эсминец — полуживой после налета японской базовой авиации «Джарвис», а в 1:36 сигнальщики доложили, что еще два эсминца находятся прямо по курсу. С «Кунигасы» выпустили торпеды по «Джарвису», но промахнулись. Огня никто не открывал: это всегда прерогатива флагмана — тем более в ночном бою.

Торпеды прошли мимо, а американские эсминцы все еще не видели сквозь завесу дождя темные на фоне темного берега силуэты японских кораблей.

«...Один раз в жизни я видел *модель боя* безлунной ночью и в дождь», — подумал *Второй*. Это было в августе 1993 года под Самарой, где состоялись третьи по счету российские Хоббитские игрища и где он познакомился с *Ней* так же нечаянно, как попал с местной молодежью на мотоциклах в этот полный приключений лес. Война орков с эльфами его мало занимала, но, оказавшись в пылу сражения, он не отказал себе в удовольствии включиться в это безумие, взять произвольную сторону за свою и попытаться «повергнуть в бою врага».

Внезапность их импровизированной атаки была очень относительной: у командования противника не было недостатка в предупреждениях разведки и нейтральных наблюдателей. Окрестности лагеря патрулировались, в «цитадели» хорошо вооруженные воины собрались около костра и пели песни. Приличные. Он оставил *Ее* спать в своей палатке и ушел воевать под чужим командованием: легко и непринужденно, как делается только в 19 лет, когда в настоящую армию, слава Богу, еще не попал, а игрушечные бои — все дело.

Был первый день игр, и бессонница и усталость от природного жития еще не оказывала своего тормозящего влияния на таких же, как он, а также более младших бойцов.

заняты три.

Он вспомнил, как они прошли — прямо-таки колонной — в двух шагах от дозорного, который их не разглядел, и, почти не нарушив походный строй, оказались среди защитников цитадели и канистрой воды погасили костер. Наступила тьма. «Нападающие», уже привыкнув двигаться без света, видели заматаившиеся по лагерю и лесу тени, «противники» (это было признано на разборе) не видели и не понимали ничего. Еще была паника. Все закончилось за 90 секунд, хотя субъективно длительность боя оценивалась минут в пять...

Он вернулся под утро и сказал, что победил. Она поцеловала его, и потом им уже нечего было делать среди мужественных эльфиек, женственных менестрелей и мужичков с деревянным оружием, обучающих молодежь собираться в вооруженную стаю. Они уехали, записав адреса, и тут же потеряли их по дороге. Она не сказала ему, почему приехала сюда, а он не спрашивал. Потом они почему-то расстались, уже в Питере, не скоро нашлись, жили в соседних дворах, потом она вышла замуж, они еще встречались, когда начинался весь этот японский проект, потом она уехала. Японский проект остался.

Осталась память о ночной игре. Пригодилась.

В 1:38 «Текай» выпустил торпеды по крейсерам южной группы и, увеличив скорость, пошел на сближение. Только через пять минут эсминец «Паттерсон» прокричал по радиации вошедшие в хрестоматии слова: «Тревога! Тревога! Странные корабли входят в гавань!» И именно в этот момент самолет сбросил прямо над группой транспортов осветительную бомбу, которая четко высветила для японских артиллеристов «Чикаго» и «Канберру».

«Текай» был всего в двадцати двух кабельтовых от цели, «Аоба» — в двадцати семи. Японские крейсера открыли огонь главным калибром.

Командир «Паттерсона» Уолкер приказал выпустить торпеды, но в грохоте боя его приказ попросту не был услышан. «Бэгли» успел дать торпедный залп, но, во-первых, в торпеды забыли вставить взрыватели, а во-вторых, шансы попасть по маневрирующей цели с острых кормовых курсовых углов (прямо вдогонку) были близки к нулю.

В это время (1:46) тяжелый крейсер «Канберра» был уже мертв: две торпеды и двадцать четыре восьмидюймовых снаряда вывели из строя механизмы и артиллерию корабля. Подача энергии прекратилась, австралийский «каунти» пылал по всей длине.

На «Чикаго» наконец проснулся ИО командира соединения Д.Бойд. Крейсер успел уклониться от торпед, идущих в правый борт, только для того, чтобы получить попадание в левый. Корабль резко отвернул от противника.

«Блю» и «Джарвис» открыли огонь по концевому эсминцу Микавы. Д.Бойд, немного подумав, присоединился к ним. Отвлекаясь на «Юнаги», который, кстати, ушел, командир «Чикаго» даже не потрудился связаться с Северным соединением¹⁴².

3

Через шесть минут после начала боя Микава повернул к северу. Это получилось не слишком удачно: «Фурутака», едва не налетев в темноте на «Кунигасу», вышел из линии, «Тенрю» и «Юбари» последовали за ним. Японский строй из кильватерной колонны превратился в пеленг.

В 1:48 «Текай» выпустил торпеды и открыл огонь по «Астории». Вахтенный офицер американского крейсера оказался на высоте положения: четыремя минутами позже залп восьмидюймовых орудий накрыл флагман Микавы. Однако в этот момент на мостик поднялся командир «Астории» и велел прекратить огонь по своим. «Текай» выиграл драгоценные минуты.

В 2:05 «Текай» все-таки получил тяжелое попадание: снаряд с «Куинси» разрушил

---

¹⁴²Это выглядит совершенно неправдоподобным, но на крейсерах Северной группы не видели осветительных бомб и не слышали стрельбу главного калибра семи тяжелых крейсеров. Что же касается взрывов торпед, то их приняли за разрывы глубинных бомб и начали усиленно искать японские подводные лодки.

штурманскую рубку, лишил корабль средств связи и повредил электропроводку. Загорелась «Аоба» (попадание в торпедные аппараты, к счастью — уже пустые). Два американских снаряда не разорвались: один насквозь пробил башню «Текая», другой — машинное отделение «Кунигасы». Наконец одного попадания добился вездесущий «Паттерсон». И это было все.

«Куинси» попал под обстрел с обоих бортов. Получив торпеду и несколько десятков снарядов, он опрокинулся и в 2:35 затонул. Это был первый корабль, погибший в проливе Слот.

Вторым стал «Винсенс», на долю которого пришлось три или четыре торпеды, не считая града снарядов. Он дождался конца боя, горящий и неподвижный. Через полчаса после того, как над Гуадалканалом вновь воцарилась тишина, «Винсенс» лег на дно.

«Канберра» и «Астория» агонизировали несколько часов.

4

Превратности боя привели к тому, что к двум часам ночи японские корабли уже обогнули остров Саво с запада и вышли в открытое море. Перед Микавой встала мучительная дилемма — вернуться обратно в Слот и заняться вражескими транспортом или же считать, что для одного боя он и так сделал более чем достаточно. До рассвета оставалось всего четыре часа. Разворот, новый обход острова с боем (некоторые американские корабли еще могли стрелять) — минимум час. Потопление транспортов — тоже час, потому что торпеды израсходованы, а 203-мм снаряды будут пробивать тонкие борта торговых судов не взрываясь. И еще один час на маневрирование и выход из боя. Таким образом, к восходу солнца 8-й флот будет всего в 30 — 40 милях от Гуадалканала, беззащитный против ударов с воздуха. Микава, разумеется, не знал, что у американцев сейчас нет авиации...

Слева по курсу показался силуэт очередного эсминца противника. «Ральф Тэлбот», тяжело поврежденный снарядами с «Юнаги», нашел в себе силы выпустить торпеды. Они прошли мимо, но укрепили японского адмирала в решимости немедленно увести свои ударные крейсера, не прикрытые легкими силами, из путаницы проливов, кишящих американскими миноносцами. «Текай», развив 35-узловой ход, встал во главе колонны и повернул на северо-запад.

5

«Окончательный результат» определился на следующий день, когда японская авиация добила «Джервис», который пошел ко дну со всем экипажем, а американская подводная лодка «поймала» «Како» на подходе к Кавиенгу, Крейсер, где на радостях по случаю удачно проведенного боя были открыты все иллюминаторы, получил в правый борт три торпеды и затонул в течение пяти минут. Погибло 70 человек.

Утром 9 августа стало ясно, что сражение за Соломоновы острова достигло второй критической точки и вступило в ресурсоемкую «стадию насыщения». Стараниями Микавы и в еще большей степени Флетчера нарастание операции «Уотчтауэр» продолжалось всего 36 часов. Вечером дня Д+3 транспорты Тернера ушли, оставив десантников Вандергрифта с половинным запасом продовольствия и военного снаряжения.¹⁴³

---

¹⁴³Итоги боя: Микава потерял тяжелый крейсер, 128 человек убитыми, 67 ранеными. У союзников потоплены четыре тяжелых крейсера и эсминец, убито 1270 человек, ранено 709. Капитан «Чикаго» Д.Бойд покончил жизнь самоубийством. Командир «Винсенса» Рифхолл не получил нового назначения. До конца своих дней он доказывал, что бой у острова Саво был победой американцев.

(13) Фотография: американские тяжелые крейсера класса «Нью-Орлеан»

До Первой Мировой войны военно-морские силы США состояли из кораблей, не имеющих определенного оперативно-тактического назначения и не оптимизированных для борьбы с конкретным противником. Задачи флота рассматривались как сугубо политические; мощь его измерялась исключительно числом построенных дредноутов. Проблема сбалансированности корабельных соединений не ставилась в принципе, в результате с 1905 по конец 1918 года в стране не было заложено ни одного крейсера.

За этот период было предложено, рассмотрено и отклонено великое множество самых разнообразных проектов — от «скаута» до линейного крейсера с шестнадцатидюймовыми орудиями. Большая кораблестроительная программа 1916 года, составленная с учетом опыта войны в Европе, предусматривала постройку крейсеров, но с той оговоркой, что их тактико-технические данные должны быть определены позднее.

В июле 1916 года пришли к соглашению строить «скауты» водоизмещением около 7000 тонн. Корабли должны были развивать не менее 30 узлов скорости и иметь вооружение из десяти 152-мм орудий. Фирмы-изготовители легко перекрыли эти требования, сдав в 1921-1925 годах флоту десять 34-узловых крейсеров типа «Омаха», половина из которых имела двенадцать шестидюймовок.

В первые послевоенные годы определились приоритеты развития флота: отныне в качестве главного противника рассматривалась Великобритания — возможно, в союзе с Японией. Перед кораблестроительным отделом флота была поставлена задача создать крейсера более вооруженные, нежели английские, и при этом обладающие «тихоокеанской» дальностью хода.

Ограничения, наложенные на развитие класса крейсеров Вашингтонским соглашением, скорее облегчили задачу разработчиков (тем более, что американцы с 1919 по 1922 год создали ряд проектов крейсеров, оснащенных 203-мм орудиями). Окончательно тактико-технические характеристики были согласованы в марте 1925 года, а годом позже был заложен первый американский «вашингтонский» крейсер «Пенсакола», странный корабль, у которого артиллерия главного калибра располагалась частью в двухорудийных, частью в трехорудийных башнях, причем последние были установлены над первыми.

«Пенсакола» и однотипный «Солт-Лейк-Сити» получились недогруженными и слабо бронированными. Японские 203-мм снаряды пробивали их поясную броню до 120 кабельтовых, а палубную — от 80 кабельтовых. Кормовые погреба были вообще не прикрыты броней, так как предполагалось вести бой исключительно на носовых курсовых углах.

Часть недостатков проекта была устранена на следующей серии тяжелых крейсеров. «Нортгемптоны», вступившие в строй в 1930—1931 годах, несли три тройные башни; толщина броневых пояса возросла с 65 до 76 мм. Однако при 25-мм броневой палубе и совершенно недостаточной защите башен «нортгемптоны» также относились к разряду «картонных кораблей» — на всех мыслимых дистанциях 203-мм снаряды пробивали либо палубную, либо поясную броню. Эту ситуацию попытались исправить на крейсерах «промежуточного» проекта («Портленд» и «Индианаполис», переданы флоту в 1932—1933 годах), но без особого успеха.

В преддверии «Великой депрессии» американцы развернули строительство последней крупной предвоенной серии тяжелых крейсеров. Между 9 марта 1933 и 2 января 1934 года со стапелей сошли корпуса семи кораблей типа «Нью-Орлеан».

Крейсера имели стандартное для флота США вооружение — девять 203-мм орудий в тройных башнях. Причем в данном случае речь действительно шла о башнях: лобовое бронирование составляло 203 мм по сравнению с 65 мм на предыдущих проектах. Универсальная артиллерия состояла из восьми 127-мм установок, что же касается зенитного калибра, то первоначальные возможности «Нью-Орлеанов» ограничивались восемью пулеметами. В ходе модернизации на кораблях разместили 28-мм автоматы (4х4), затем, уже во время войны, их заменили на 40-мм установки, добавили от шести до шестнадцати 20-мм

орудий и много «эрликонов» (здесь все зависело от оборотистости командира — некоторые крейсера не получили «пом-помов» вообще, в то время, как на «Тускулузе» их было двадцать восемь штук). Поскольку резерв водоизмещения в проект заложен не был, остойчивость кораблей снизилась до недопустимых пределов, и все военные усовершенствования сопровождались демонтажом оборудования — боевой рубки, мостиков, кранов, катапульта¹⁴⁴.

Броневого пояса на крейсерах типа «Нью-Орлеан» достигал 127 мм (в районе машинных отделений), толщина бронепалубы составляла 30—65 мм. Схема бронирования делала корабли неуязвимыми для 203-мм снарядов на дистанциях от 60 до 120 кабельтовых.

Платой за повышение защиты корабля (в пределах того же водоизмещения, при сохранении скорости и вооружения) стало неудачное расположение машинных отделений, которые могли быть выведены из строя одной торпедой, и некоторое снижение дальности плавания.

Поскольку «Нью-Орлеаны» строились одновременно с японскими крейсерами типа «Могами», представляет смысл сравнение тактикотехнических элементов проектов.

В скорости заметно (около 4 узлов) выигрывал «Могами». Бронирование (прежде всего бронирование башен) сильнее у «Нью-Орлеанов». Японский крейсер превосходил своего «оппонента» по главной артиллерии: десять орудий в пяти башнях, против девяти в трех. Кроме того, «Могами» нес двенадцать торпедных труб 610-мм калибра, а то время как у «американца» торпедного оружия не было вообще. В условиях ночного боя, когда бронирование теряет значение, поскольку на характерных дистанциях открытия огня оно легко пробивается 203-мм и даже 152-мм снарядами, японский крейсер выглядит заметно сильнее. Во всяком случае, после разгрома у острова Саво американцы с большой неохотой и только под давлением необходимости использовали в районе Гуадалканала оставшиеся «Орлеаны».

Все семь кораблей класса «Нью-Орлеан» воевали на Тихом океане, правда, «Тускулуза» приняла участие лишь в заключительной кампании 1945 года (десантные операции на Иво-Дзиме и Окинаве).

Головной корабль серии встретил начало войны в Перл-Харборе. До января 1942 года находился в плановом ремонте, затем в составе Т.Ф. 11 работал на австралийской операционной линии. В мае 1942 года снял 580 человек с горящего «Лексингтона», месяцем позже участвовал в сражении у атолла Мидуэй. Тяжело поврежден во время кампании на Соломоновых островах. После замены носовой оконечности продолжал активную службу на Тихом океане.

Совершенно такой же (вплоть до потери носа) оказалась боевая карьера «Миннеаполиса».

«Сан-Франциско» отличался своей уникальной коллекцией наград: за время войны он удостоился семнадцати «боевых звезд» и личной благодарности президента. Это единственный американский крейсер, прошедший всю тихоокеанскую эпопею: от налета на Перл-Харбор и попытки доставить подкрепления на Уэйк до Кореи и Окинав.

Свои биографии «Куинси», «Винсенс» и «Астория» завершили в один день. Захваченные врасплох, попавшие под убийственный обстрел с дистанции 20—40 кабельтовых, эти крейсера не смогли оказать достойного сопротивления эскадре Микавы. Вряд ли в этом можно винить моряков, тем более — американских проектировщиков: «...чем требовать от промышленности непотопляемых кораблей, не лучше ли маневрировать имеющимися так, чтобы их хотя бы не расстреливали в упор?».

Для «Куинси» поддержка высадки американских войск на Гуадалканале была первой операцией на Тихоокеанском ТВД. Ранее корабль нес легкую, «учебно-тренировочную» службу в составе так называемого «Нейтрального патруля», участвовал в оккупации Исландии. В бою 9 августа крейсер добился серьезного попадания в «Текай», на котором

---

144 Первоначальный проект предусматривал размещение двух катапульта и четырех гидросамолетов.

были уничтожены карты, штурманское оборудование, системы связи и часть электропроводки. Ответным огнем японского корабля «Куинси» был потоплен, погибло 370 человек, 167 было ранено.

«Винсенс» также служил в «Нейтральном патруле», но на Тихом океане оказался несколько раньше, чем «Куинси», и даже успел принять участие в рейде Дулиттла на Токио. В бою у острова Саво попаданий в корабли противника не добился. Потоплен артиллерией и торпедами: 332 человека погибло, 258 ранено.

«Астория» тонула более двенадцати часов. По мнению ряда специалистов, на более поздней стадии войны, с накоплением опыта борьбы за живучесть, крейсер удалось бы спасти. С учетом количества попаданий (по некоторым данным — до шестидесяти пяти), это более чем сомнительно. На «Астории» погибло 216 человек, еще 186 были ранены.

(15) Восточные Соломоновы острова

Токио: лето 1942 года

«Не такой уж горький я пропойца, чтоб тебя не видя умереть», — орало не подвластное времени радио. Радио было другом. Оно будило по утрам с тех пор, как началась эта странная работа в этом странном месте — зато сутки через трое. Зато туда невероятным образом, вопреки белому билету, взяли и долго предлагали что-то там поправить и вскорости выдать погоны. *Другой* смеялся от души, он три дежурства подряд ходил по пустым вечерним залам, наблюдая за гаснущим городом, и смеялся. Он воспринял это место как подарок судьбы и был готов платить ему дань неумеренным восхищением. Он аккуратно трогал мрамор столешниц и позолоту дверей. Неуловимо таясь. Словно маньяк.

После первого дежурства он весьма сдержанно написал *Первому*:

«...Устроился на работу в охрану Эрмитажа, вдохновляет на жизнь, хотя веет смертью, тихой такой, как эвтаназия».

Книга писалась и уже дописывалась, легко обсуждалась с *Первым*, и Смерть героя в мае сорок третьего вроде бы отпустила — как чужая неизбежность. Он ходил в Публичку и листал справочники, наши и их, и писал, отоспавшись после вдохновенных ночей с видом на Петропавловку:

Перед самой войной Морской Генеральный штаб представил Парламенту очередную «Программу пополнения флота», предусматривающую постройку 159 кораблей общим тоннажем 650 000 тонн. В дополнение к уже заложенным новым линкорам типа «Ямато» заказывалось два линейных крейсера с 457-мм орудиями и восемь тяжелых авианосцев. Программа была одобрена парламентариями, хотя ничего общего с реальностью не имела: если денежные средства на ее реализацию и можно было напечатать, то решить таким же образом проблему нехватки стапелей и производственных мощностей не представлялось возможным.

В апреле 1942 года, когда авиация Нагумо бомбила Коломбо и Тринкомали, МГШ принял решение заморозить постройку линкоров и форсировать создание авианосного флота, одновременно заказав пять тяжелых авианосцев типа «Тайхо» и 15 легких (проект «Унрю», то есть «усовершенствованный «Хири»»). Размах был американским, но экономические возможности страны, несмотря на успешное создание Великой Восточно-Азиатской сферы процветания, оставались все же японскими, и удалось начать постройку лишь трех «Драконов»¹⁴⁵.

После поражения у атолла Мидуэй руководящие военно-морские круги охватила паника. Генеральный штаб обратился в Высший военный совет и потребовал новых авианосцев. Немедленно и любой ценой.

---

¹⁴⁵«Унрю» — Дракон, оседлавший облако.

До сих пор японское военно-морское строительство отличала некая особая эстетика. Бедная ресурсами островная империя не могла позволить себе дешевые второсортные корабли. В стремлении «вложить максимум возможностей в минимум водоизмещения» японские конструкторы иногда перегибали палку¹⁴⁶, но при любых обстоятельствах они выдерживали генеральную линию на создание сбалансированного флота, а не случайного набора более или менее сильных кораблей.

Флот виделся живым организмом, нацеленным на одну-единственную задачу — бой. Победа в бою определялась прежде всего взаимодействием разнородных сил. Первую скрипку в осуществлении плана операции могли играть авианосцы, линейные силы, тяжелые крейсера, даже эсминцы во взаимодействии с подводными лодками, но достижение цели требовало согласованной игры всего оркестра. Не зря в Японии вместо «Большого флота» или «Главных сил» привилось обозначение «Объединенный флот».

Структура военно-морских сил была гибкой и нетрадиционной: в зависимости от складывающейся оперативной ситуации Объединенный флот конфигурировался в той или иной тактической структуре. Хотя основой построения оставалась схема «растянутая и нагруженная сеть», вариабельность развертывания делала ситуацию непредсказуемой.

Мобильность структуры флота подразумевала взаимозаменяемость кораблей, то есть серийность постройки. Принцип экономии ресурсов требовал оптимизации проектов по параметру водоизмещение/эффективность для решения конкретной задачи, предусмотренной планом ведения войны на море.

Пусть и не всегда последовательно, но структурные императивы выполнялись. С этой точки зрения понятно желание авторов четвертой и пятой «программ по замене» ликвидировать исторически сложившийся авианосный «зверинец» и заменить его двумя сериями однотипных кораблей, проекты которых в наибольшей степени отвечают требованиям войны за Тихий океан.

Однородные авианосные соединения подразумевали однородные эскадры линейных кораблей. Практически речь опять шла о программе «восемь — восемь», но в совершенно иной «редакции». Проектировался флот, который — если бы его в самом деле удалось построить — был бы в состоянии решать любые мыслимые военные задачи. Насколько можно судить, он соответствовал бы по своим возможностям военно-морским силам США, будучи при этом в несколько раз дешевле.

После Мидуэя на мечты, прожекты и принципы махнули рукой.

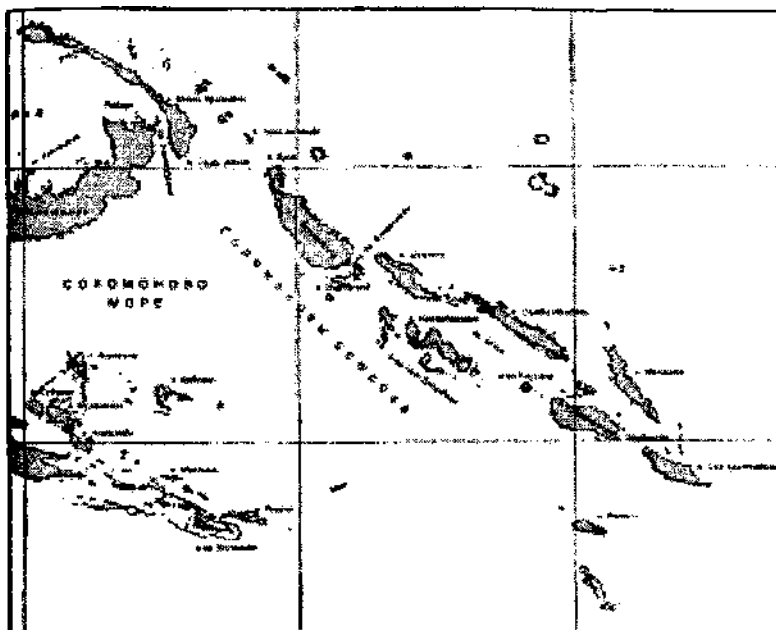
Была остановлена сборка линкоров, а также крейсеров всех типов — от легких до линейных. Два проекта, доведенные уже до предпусковой стадии, решили достроить в качестве авианосцев: «Ибуки», тяжелый крейсер, относящийся к типу «усовершенствованный Могамы», и «Синано», третий корабль в серии «Ямато».

«Японского Лексингтона» из «Синано» не получилось. Модифицированный проект унаследовал все «родовые признаки» тяжелого артиллерийского корабля. Авианосец нес восемнадцать тысяч тонн брони и всего 36 ударных самолетов (плюс шесть разведчиков). Авиационного топлива он принимал только 718 тонн — значительно меньше, чем «Сеаку» (1800 тонн) и даже «Хирую» (1270 тонн). Это ставит под сомнение красивую версию, согласно которой «Синано» должен был стать своего рода «авианосцем снабжения».

«Ибуки» вообще мог нести только истребители, причем платой за это стало отсутствие на корабле универсального 127-мм калибра.

---

¹⁴⁶Примером тому — перегруженные до потери остойчивости миноносцы типа «Томодуру», в несколько меньшей степени — крейсера серии «Могамы»,

Соломонова острова, Соломоново море

В авианосцы переделали базы гидроавиации «Читосе» и «Чийода», для чего эти корабли вывели из эксплуатации на полтора года.¹⁴⁷ А вот «Исе» и «Хьюга» решили превратить из линкоров в базы гидроавиации: вложили немало сил и средств и в итоге получили корабли, не способные выполнять вообще никаких функций (и в японском флоте, и у союзников эти «гидроавиалинкоры» получили прозвище «гермафродитов»).

Переоборудованию подверглись лайнеры «Аргентина-мару» и немецкий «Шарнхорст», застрявший на Дальнем Востоке с первых дней мировой войны. Заодно настелили летную палубу на базу подводных лодок «Рюхо».

Несколько «авианосцев» заказала для своих нужд армия. Их строили из реквизированных пассажирских судов и официально называли «транспортирами с возможностями легкого авианосца». Сугубо теоретически некоторые из них могли обслуживать все типы японских палубных самолетов.

Боевого значения постмидуэйская авианесущая кунсткамера, разумеется, не имела. С точки зрения интересов войны ресурсы, потраченные на эти «тоже авианосцы», было бы лучше вложить в постройку храма-памятника воинам, павшим в борьбе за Великую Восточную Азию.

Я пишу, подражая тебе, чертов технический романтик, — излагал в запоздавшем письме *Первый*, когда глава уже была написана и прилизана до некоего приличия, — слушай сюда: оправдывая изменение кораблестроительной политики МГШ летом 1942 года, обычно ссылаются на «военную необходимость».

Это тупой штамп, типа ссылок на классовую борьбу или кризис французского кино. Можно согласиться, пожалуй, только с тем, что Япония не успевала строить «нормальные» авианосцы: за время войны удалось ввести в строй только «Тайхо», заложенный еще до Перл-Харбора, и два первых «Унрю». Однако большинство мидуэйских уродцев тоже опоздало к решающим сражениям. К тому же использовать их в бою все равно не представлялось возможным. Так, «Шарнхорст» («Синье»), как я тут давеча прочел на простом английском, непосредственно после сдачи корабля флоту не мог развивать скорость свыше 20 узлов, был подвержен сильной бортовой качке и обладал нулевой боевой живучестью.

Тут ты, как любитель все валить на психологию, можешь сделать такой вывод: лихорадочная деятельность по перепрофилированию в носители палубной авиации всего,

---

¹⁴⁷С конца 1942 по июнь 1944 года. Формально корабли были сданы флоту в начале 1944 года, но подготовка авиагруппы потребовала еще нескольких месяцев.

способного держаться на воде, имела тот положительный результат, что руководство МГШ несколько успокоилось и, по крайней мере, перестало ожидать налетов противника непосредственно на базы метрополии. Июль месяц был использован военно-морским ведомством для выработки новых стратегических императивов и структурной реорганизации флота.

Да, кстати, я повесил на своей стене карту твоей мечты и сообщаю тебе, исходя из визуального опыта, что растянутый фронт задавал собственные приоритеты.

Япошкам надо было снабжать гарнизоны на Алеутах, Андаманском архипелаге, бесчисленных тихоокеанских островах. Следовало как-то определить свое отношение к Новогвинейской кампании, которую на свой страх и риск затеяла армия. Требовалось охранять транспортные коммуникации в Корейском проливе, Восточно-Китайском море, в водах Индонезии и Филиппин. Наконец, флот должен был быть готов отразить вторжение в пределы оборонительного периметра империи.

Все это было верно, и *Второму* пришлось разрушить собственнопринятый текст и потом, после двух ночей дежурства и недели бытового бытия, он изобразил примерно следующее:

С каждым днем текущие проблемы поглощали все большую долю энергии корабельного состава императорского флота. Пока Япония *безусловно* господствовала на море, слабые пункты огромной тихоокеанской позиции были косвенно защищены, и в распоряжении командования оставались свободные силы для решения созидательных задач. Отказ от всех наступательных операций после поражения при Мидуэе был связан не с тем, что «теперь не хватало авианосцев». «Теперь» не хватало эсминцев, тральщиков, транспортов.

Летом 1942 года Морской Генеральный штаб отнюдь не перешел к оборонительной стратегии. В действительности он все время пытался разобраться с конкретными тактическими угрозами, чтобы возобновить активные действия.

Новая организационная структура флота отражала текущую метрику Пространства Войны.

Объединенный флот, мобильный резерв адмирала Ямамото, был сокращен до флагманского линкора «Ямато»¹⁴⁸, в сопровождении авиатранспортов «Тайе», «Унье», «Чийода», минного заградителя «Ниссин» и четырех эсминцев 7-го дивизиона.

Вместе с ним на метрополию базировался 1-й флот («Фусо», «Ямаширо», «Нагато» и «Муцу»; легкие крейсера «Абукума», «Сендай», «Китаками», «Ои», восемнадцать эсминцев). Часть кораблей имела двойное подчинение: так, 1-я флотилия эсминцев иногда передавалась в состав 5-го флота.

2-й флот включал линейные крейсера «Харуна» и «Конго», пять тяжелых крейсеров (4-я и 5-я дивизии), «Читосе» и еще два авиатранспорта, два легких крейсера, восемнадцать эсминцев. Большая часть этих кораблей нуждалась в текущем ремонте, поэтому летом 1942 года 2-й флот вынужденно отстаивался в портах Внутреннего Японского моря.

В 3-м флоте находились все оставшиеся японские авианосцы. Под флагом адмирала Нагумо оставались «Секаку», «Дзуйкаку», «Дзуйхо», «Рюдзе»¹⁴⁹, «Дзунье» и «Хине». *«У нас их шесть... только шесть? все шесть? уже шесть?»* Их сопровождали «Хией», «Кирисима» и неперенные «Тоне» с «Тикумой», а также тяжелые крейсера «Кумано» и «Судзую», легкий крейсер, шестнадцать эсминцев.

4-й флот был реорганизован в Оперативное соединение южных сил и базировался на Рабаул. В его состав были включены легкие крейсера «Касима» и «Юбари», минзаг «Токива», четыре эсминца, выделенных для решения транспортных задач, вспомогательные суда подмандатных территорий (как правило, не на ходу).

5-й флот был предназначен для борьбы за Алеутские острова. В него входил тяжелый

148Позднее «Ямато» вместе с «Мусаси» вошли в состав 1-го флота.

149Летом 1942 года «Рюдзе» и «Дзуйкаку» использовались в интересах 5-го флота.

крейсер «Нати», два легких крейсера и четыре эсминца. 8-й флот оставался мобильным резервом 4-го, 7-го не существовало в природе, а 6-й состоял из подводных лодок (кроме 2-й флотилии, которая была подчинена Микаве)¹⁵⁰.

Насколько можно судить, предполагалось к концу лета закончить ремонт ряда кораблей, после чего сосредоточить 2-й флот на Тайване, а 3-й перевести на Трук. Высадка союзников на Гуадалканал нарушила эти планы.

Первоначально операция «Уотчтауэр» была встречена в Морском Генеральном штабе вздохом облегчения. Уже к вечеру 8 августа Нагато составил приблизительное представление о масштабах вторжения и пришел к правильному выводу, что Нимиц нанес в Австралазии не отвлекающий, а главный удар. Поскольку боевые действия на Соломоновых островах не представляли непосредственной угрозы оборонительному периметру, МГШ квалифицировал решение англо-американских стратегов как ошибочное. Союзники теряли темп, ввязываясь в бои за район, переход которого из рук в руки почти не менял позиционный баланс.

Здесь токийские стратеги увлеклись идеей сколь привлекательной, столь и опасной: «наказать» Ф.Рузвельта и Ч.Нимица за допущенную неточность, разгромить англо-американские силы на Соломоновых островах, вернуть Гуадалканал, потом захватить-таки Порт-Морсби, используя операцию противника в качестве «зацепки»; получить господство в воздухе над Коралловым морем и северо-восточной Австралией и тем окончательно закрепить южный сектор оборонительного периметра. Расплатиться за этот результат можно было ненужными на данном этапе войны островами Атту и Кыска.

По мнению Ямамото, у нового плана МГШ было три неустранимых недостатка.

Во-первых, план переоценивал боеспособность армейских частей.

Во-вторых, не соответствовал наличным силам Флота.

В-третьих, даже будучи осуществленным, он не мог изменить исход войны. Развитие военной обстановки в Европе и американские темпы роста военного производства предопределяли поражение «Оси».

Выходило со всех сторон, что прав был *Первый*. «На то он и первый», — грустно ухмылялся *Второй*. Ямамото оказался недалёковиден. Дядя Сэм съел японский флот и рассеял по океану честь последнего самурая, а он, *Второй*, романтизирует ситуацию, обманывая потомков.

«Действительно,— думал *Второй*, ведь Командующий Объединенным флотом не высказал своих возражений».

Почему?

«Да потому,— писал он *Первому*,— что после Мидуэя это было бесполезно — у него не осталось никаких рычагов воздействия на Нагано. Да и какую альтернативу он мог теперь предложить Морскому Генеральному штабу?

Что же касается последнего, оставшегося у Ямамото честолюбивого желания — «сравнить счет» по авианосцам,— Австралазия подходила для этой цели не хуже (и не лучше) любого другого района Тихого океана.

И на этом кончаются все «почему» насчет Гуадалканала. Так вот по-детски — чтобы ты спросил».

Девятого августа 1942 года МГШ приступил к формированию новой оперативной структуры в юго-западном секторе Тихого океана. Зона ответственности 4-го флота насыщалась эсминцами, собранными со всего театра военных действий. Одна за другой на юг уходили дивизии крейсеров, линкоров, авианосцев. Между 11 и 21 августа главные силы 1-го, -2-го и 3-го флотов перешли на острова Трук. Пятнадцатого числа в лагуне атолла бросил якорь «Ямато», флагман адмирала Ямамото.

---

¹⁵⁰В этом списке не хватает линейных кораблей «Исе» и «Хьюга», которые в связи с предстоящим переоборудованием в гидроавианосцы в июле 1942 года выведены в резерв.

Гуадалканал: август

Тернер все-таки продержался у Гуадалканала до вечера 9 августа. Вероятно, это подняло настроение морской пехоты, которой предстояло обходиться в ближайшие недели двухразовым горячим питанием. Генерал-майор Вандергрифт полагал, что наличных сил (11 000 морских пехотинцев) недостаточно для того, чтобы контролировать всю территорию Гуадалканала, и приступил к строительству оборонительной позиции, отнесенной на пять миль от расчищенной площадки в джунглях, уже получившей имя «Гендерсон-филд».

Никто не понес наказание за поражение у острова Саво. Тернер отвечал за транспорты, которые не пострадали. Крачли отсутствовал на месте боя, поскольку был вызван на совещание приказом старшего на рейде. Гормли вообще находился на Нумеа. Флетчера тронуть не решились, а обвинять командиров погибших крейсеров, отпустив грехи высшим начальникам, было как-то несолидно, хотя по букве и духу уставов именно командир несет всю полноту ответственности за вверенный ему корабль.

Руководство союзников отдавало себе отчет в серьезности ситуации. «Бои авангардов» закончились, со дня на день к Соломоновым островам могли подойти главные силы императорского флота. Вопрос был лишь во времени, которое понадобится японцам, чтобы спланировать операцию и реорганизовать систему снабжения кораблей топливом и боеприпасами, переориентировав ее на Рабаул и Трук. По расчетам Нимица, это должно было занять от двух до трех недель.

После сражения у острова Саво американский командующий не строил иллюзий относительно возможного исхода морского боя. Козырем союзников должна была стать базовая авиация. Речь шла не об использовании далеких посадочных полос Эспириту-Санто и Австралийского побережья — исход кампании на Соломоновых островах зависел от того, успеют ли морские пехотинцы ввести в строй аэродром на Гуадалканале раньше, чем японские линкоры подойдут к мысу Эсперанс.

Пятнадцатого августа Гендерсон-филд был готов принять первый самолет. В тот же день быстроходные эсминцы высадили на берег подразделения аэродромного обслуживания, выгрузили авиационный бензин, торпеды и бомбы. К двадцатому числу на Гуадалканал была переброшена авиация корпуса морской пехоты. Количество самолетов быстро возрастало и вскоре достигло цифры девяносто. Теперь в дневное время союзники безраздельно господствовали над водами, окружающими Соломоновы острова. Ночью, однако, «владение морем» переходило к японцам.

Суточные операционные ритмы встречались во Второй Мировой войне довольно часто (Средиземное море в 1941 — 1942 годах, полярные моря). Обычно, однако, суточные колебания модулировались сезонными: весной и летом авиация «Оси» преобладала над флотом союзников, которому не хватало коротких ночей для того, чтобы выполнить какую-то реальную боевую работу; зимой и осенью, напротив, авиация была прикована к земле темнотой и погодой, и корабли Его Величества свободно пользовались морскими коммуникационными линиями.

Гуадалканал, как уже говорилось, расположен между экватором и тропиком Рака: здесь в течение всего года день практически равен ночи. Иными словами, стороны пользовались оперативной свободой подчеркнуто одинаковое время.

Равновесие продержалось почти полгода. Оно определило своеобразный рисунок боевых действий в районе Гуадалканала. Американская транспортная линия работала днем. Она обслуживалась быстроходными Транспортами, миноносцами, а в наиболее напряженный период боев даже транспортной авиацией с Новых Гебрид. Японские коммуникации оживали ночью. «Токийский экспресс» Рабаул — Гуадалканал состоял преимущественно из эсминцев, которые совершали короткий бросок к мысу Эсперанс или Тассафоронге, молниеносно разгружались и уходили к Бугенвилю. Всякая попытка сторон нарушить заведенный порядок провоцировала короткие, но ожесточенные морские бои.

Перехват японских конвоев американскими артиллерийскими кораблями привел к столкновениям у мыса Эсперанс (11 — 12 октября), большому сражению у Гуадалканала (13 — 15 ноября), бою у Тассафаронги (30 ноября). Стремление японского командования переломить ситуацию на Гуадалканале, доставив туда разовое крупное подкрепление (операция, подразумевающая использование транспортов и, следовательно, пребывание в проливе Слот в дневное время), повлекло за собой две дуэли авианосцев; бои у Восточных Соломоновых островов 24 августа и у островов Санта-Крус 26 октября 1942 года. Эти сражения занимают совершенно особое место в истории военно-морского искусства.

Бой в Коралловом море был первым столкновением авианосных сил, и не приходится удивляться тому, что он сопровождался множественными взаимными ошибками. В сражении у атолла Мидуэй информационная (магическая) составляющая преобладала над материальной, вследствие чего оперативно-тактические мотивы, характерные именно для морских боев с использованием палубной авиации, сыграли в нем подчиненную роль. В грандиозных баталиях 1944 года тактическое маневрирование (которое, собственно, и является предметом изучения военно-морского искусства) вообще не имело значения: одна сторона неизмеримо превосходила другую по количеству самолетов, корабельному составу, боевой подготовке, техническим средствам борьбы. И лишь в кампании на Соломоновых островах исход авианосных сражений всецело определялся мастерством флотоводцев, управляющих равными по силам и боевому опыту оперативными соединениями.

Острова Стюарт: 23—24 августа

Операция «КА» Сакусен началась 16 августа. В этот день из Рабаула вышли четыре эсминца, принадлежащие трем разным дивизионам двух флотов. На их борту находилось 120 солдат специального диверсионного подразделения. Одновременно из Трука на Гуадалканал был направлен быстроходный конвой, охраняемый двенадцатью миноносцами. На три транспорта было погружено 815 человек — отряд полковника Икки, сформированный еще в мае для захвата атолла Мидуэй. Первый рейс «Токийского экспресса» «туда» прошел без всяких приключений. Люди были выгружены 17 и 18 августа, они образовали ядро японских сухопутных сил на Гуадалканале. При возвращении в Рабаул эсминцы были атакованы бомбардировщиками с Гендерсон-филда (это было первое боевое использование данного аэродрома), эсминец «Хагикадзе» получил попадание бомбы и выбыл из строя на полгода.

На следующий день контр-адмирал Танака повел к проливу Слот новый «экспресс». Его сопровождали все четыре крейсера 8-го флота Микавы. Обеспечение операции возлагалось на три оперативные группы: Главные силы Нагумо, усиленные кораблями 2-го флота Кондо, Передовое соединение Абэ и Диверсионное соединение Хара¹⁵¹.

В ночь на 22 августа была разыграна короткая интермедия, ставшая прологом к большому сражению. Отряд Икки, атаковавший на реке Тенару превосходящие силы противника, занимающие подготовленный оперативный рубеж, был разгромлен американской морской пехотой. Оставшиеся в живых отступили к Тассафаронге, они отчаянно нуждались во всем, прежде всего — в боеприпасах. Танака послал эсминец «Кавакадзе». Разгрузившись, японский корабль повернул обратно и на отходе был перехвачен тремя эсминцами американского дозора. Бой на острых курсовых углах продолжался считанные минуты. «Кавакадзе» успел первым выпустить торпеды.

---

¹⁵¹ Главные силы: «Секаку», «Дзуйкаку», «Ямато», «Мусаси», «Муцу», «Нагато», «Фусо», «Ямаширо», восемь эсминцев. 2-й флот: «Атаго», «Такао», «Майя», «Миоко», «Хагуро». Передовое соединение: «Хией», «Кири-sama», «Кумано», «Судзюя», «Тикума», легкий крейсер и шесть эсминцев, часть из которых входили в состав 4-го флота и участвовали в первом рейсе к Гуадалканалу. Диверсионное соединение: «Рюдзе» в сопровождении «Тоне» и двух эсминцев. В интересах операции использовались самолеты 25-й воздушной флотилии.

Американские корабли отвернули и растаяли в ночи, но эсминец «Блю», ветеран боя у острова Саво, все-таки получил торпеду и на следующий день затонул (по другим данным, был затоплен командой «ввиду приближения противника»). «Кавакадзе» дозаправился у острова Шортленд и, счастливо избежав атак базовой авиации Гуадалканала, присоединился к конвою.

1

Вице-адмирал Гормли, озабоченный докладами «береговых наблюдателей» и донесениями с «летающих лодок», приказал Флетчеру «прикрыть морские коммуникации между Соломоновыми островами и Новыми Гебридами». Одновременно командующий вооруженными силами США в южной части Тихого океана обратился в Перл-Харбор с предупреждением о неминуемом и скором начале японского контрнаступления в Австралии. Нимиц отнесся к этому заявлению скептически (как ни странно, американская служба радиоперехвата не смогла своевременно вскрыть переброску главных сил императорского флота из метрополии на Трук), однако 17 августа отправил в Коралловое море свой последний авианосец «Хорнет». Кинг в рамках шахматной партии с Маршаллом использовал намечающееся в районе Гуадалканала сражение для того, чтобы перевести на Тихий океан два новейших линкора — «Вашингтон» и «Саут-Дакоту» в сопровождении крейсера ПВО «Джуно».

Авианосцы Нагумо покинули Трук утром 20 августа. Их было всего три, в том числе устаревший «Рюдзе», включенный в Диверсионное соединение Хары. Послевоенные историки стереотипно ругают Нагумо, а заодно и Ямамото за распыление сил (С.Моррисон даже приводит назидательную пословицу: «лев атакует кролика всей своей мощью»), но в действительности других боеспособных авианосцев в императорском флоте на тот момент просто не было. «Дзунъе» находился на плановом ремонте в Куре, «Хийе», только 31 июля законченный постройкой, совмещал ускоренный курс боевой подготовки с доставкой самолетов на Иводзиму, а «Дзуйхо» пришлось оставить в резерве из-за слабой подготовленности авиагруппы и проблем с авиационным боезапасом на Труке¹⁵². Никаких сведений о противнике Нагумо не получил.

Двигаясь в неизвестность, он развернул свои силы в пять отдельных боевых групп. На сей раз имелось в виду не столько построение классической «растянутой и нагруженной сети», сколько создание гибкой оперативной структуры, способной быстро принять нужную форму. *«Схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром».*

«Секаку» и «Дзуйкаку» формировали ядро флота.

Впереди образовывали завесу корабли Абэ. С ними шел «Рюдзе», готовый к форсированному броску на юг. Если бы пространство операции оказалось свободным от противника, самолеты «Рюдзе» использовались бы для штурмовки Гендерсон-филда. В противном случае легкий авианосец должен был сыграть роль «приманки» для американской палубной авиации. Речь шла о сознательном повторении приема, который случайно сработал в Коралловом море.

Транспорты Танаки находились к юго-западу от главных сил. Кондо, выдвинувшись вперед, осуществлял связь между ними и флотом Нагумо. В некоторых вариантах в круг задач, возложенных на 2-й флот, входил обстрел американских позиций на Гуадалканале.

---

¹⁵²Хотя японская пропаганда и объявила Трук «Гибралтаром Тихого океана», инженерное оборудование и материально-техническое обеспечение этой базы оставляло желать лучшего. В августе 1942 года у японцев не хватило времени, чтобы должным образом подготовить Трук к приему главных сил Объединенного флота,

Первый контакт произошел утром 23 августа. В 9:50 по местному времени американский разведывательный гидросамолет сообщил: «Войсковые транспорты следуют к Гуадалканалу в охранении двух крейсеров и трех эсминцев, скорость 17 узлов. Мое место — к востоку от островов Лорда Хоува».

До противника было слишком далеко. Флетчер около одиннадцати повернул на север и только в 14:45 поднял «дежурную» группу «Саратоги»: 31 пикирующий бомбардировщик и шесть торпедоносцев. Через полтора часа вылетели 23 ударных самолета с Гуадалканала.

Танака, точно рассчитав время и выждав положенное число часов, в 13:00 лег на обратный курс. В 18:00 такой же маневр осуществили Кондо и Нагумо.

Американские самолеты не нашли противника. Вечером пилоты обеих групп приземлились на Гуадалканале: «непотопляемый авианосец» Гендерсон-филд внес первую лепту в сражение.

Танака до захода солнца шел на северо-запад, затем резко повернул на восток, описал пологую окружность и к утру 24 августа вновь лег на генеральный курс, ведущий к Гуадалканалу. Его маневрирование было выше всяких похвал: ночью транспортное соединение сумело избежать обнаружения со стороны «каталин», оснащенных радиолокаторами.

В течение всего дня Нагумо получал сообщения о повышенной активности вражеской авиации. Это убедило командующего 3-м флотом, что к югу от Гуадалканала находится по крайней мере один авианосец противника. В течение ночи группа «Секаку» выполнила петлю (подводные лодки должны были видеть японские авианосцы отходящими на север). В четыре часа утра Диверсионное соединение Хара отделилось от главных сил и легло на исполнительный курс 170.

С восходом солнца Нагумо завершил свой отвлекающий маневр и вновь повернул на юго-восток. В это время Диверсионное соединение находилось в ста с лишним милях впереди ударных авианосцев.

Безрезультатный поиск противника привел Флетчера к мысли, что утренний «контакт» был следствием ошибки или галлюцинации. Поскольку решительно ничего не указывало на присутствие вражеских авианосцев (криптоаналитики Перл-Харбора утверждали, что главные силы японцев все еще находятся к северу от Трука), американский командующий рискнул отправить на дозаправку «Уосп» и сопровождающие его эсминцы. В 18:00 T.G.18 ушла на юг. Остальные корабли должны были пока оставаться на своих позициях, чтобы утром принять заблудившуюся эскадрилью «Саратоги». На флагманском авианосце Флетчера ночь прошла спокойно.

Стояла низкая облачность, временами налетали дождевые шквалы. Оперативное соединение размеренно «двигалось по квадрату».

Следующий ход сделал Микава. Озабоченный повышенной активностью неприятельской авиации, он приказал эсминцу «Кагеро» выдвинуться вперед и обстрелять Гендерсон-филд. Летчикам палубной авиации, застрявшим на гостеприимной земле Гуадалканала, выпала «разнообразная» ночь, но самолеты совершенно не пострадали.

Перед рассветом погода начала меняться. Ровный и сильный ветер задул с юго-востока, скорость его установилась на 16 узлах. Это немедленно поляризовало курсы авианосных соединений: для взлета и приема самолетов скорость носителя относительно воздушного потока должна составлять не менее 30 узлов; 24 августа авианосцы для того, чтобы оперировать своими авиагруппами, обязательно должны были находиться на южных

курсах.

Ветер разорвал плотные тучи, превратив их в анфиладу воздушных замков. Небесный узор все время менялся, как будто боги играли с 61-м оперативным соединением, то накрывая корабли облачным зонтиком, то подставляя их под прямые солнечные лучи. В световых «колодцах» видимость составляла «миллион на миллион».

Самолеты «Саратоги» ждали данных разведки от летчиков морской пехоты. Бессонная ночь, очевидно, дала себя знать, потому что наблюдатели с Гендерсон-филда опять не смогли обнаружить соединение Танаки и доложили, что море свободно от противника. Около одиннадцати часов дня палубные летчики вернулись на свой авианосец. Тропическое солнце было почти в зените.

4

В 9:05 командующий Т.Ф.61 получил донесение о контакте: «летающая лодка» из Ндени (архипелаг Санта-Крус) сообщила об обнаружении авианосца в 280 милях к NNW от американского соединения. Наблюдатель точно описал состав группы «Рюдзе».

Флетчер счел эту радиограмму не заслуживающей доверия, он даже не ретранслировал ее на Гендерсон-филд. К одиннадцати часам утра корабли Т.Ф.61 продолжали маневрировать к югу от островов Стюарт.

Возвращение «потерявшейся» авиагруппы сопровождалось новым контактом, на сей раз очень близким: пользуясь радиолокационным наведением, истребители «Саратоги» сбили японский воздушный разведчик. Четырехмоторная «летающая лодка», разумеется, не относилась к палубной авиации, так что с точки зрения Флетчера этот контакт был «пустым».

Однако уже в 11:28 поступила очередная информация из Ндени: авианосная группа противника всего в 245 милях, движется на юг. Флетчер не поверил и этому сообщению, но «на всякий случай» приказал «Энтерпрайзу» произвести «разведку боем» в секторе 290° — 90° на дальность 250 миль¹⁵³. В 12:29 двадцать три самолета, оснащенные бомбами и биноклями, поднялись с полетной палубы свернувшего к югу авианосца.

«Рюдзе» полным ходом шел к Гуадалканалу. Контр-адмирал Хара, командующий Диверсионным соединением, снова и снова смотрел на часы. Все утро он ожидал смертельную атаку американской палубной авиации. Полдень миновал; светлого времени оставалось не больше пяти часов, а «приманка» все еще была нетронутой. Это могло стоить сражения.

То, что сделал Хара, носит в шахматах название «повторной жертвы», когда фигуру вновь ставят под удар, вынуждая все-таки взять ее. В 13:00 «Рюдзе» поднял самолеты для штурмовки аэродрома Гендерсон.

Работалось. Он открыл свежее письмо *Первого* и прочел вполне даже отредактированный текст. Впрочем, *Первый* всегда писал медленно, методично, и вообще в этой однообразной Японии ему, как пить дать, нечего делать, а потому можно следить за стилем. *Первый* был безупречен, историчен, фактичен и жизненно необходим. Итак, он писал как раз в тему:

«Историки осуждают это решение Хары, полагая, что авиагруппу следовало использовать для обороны соединения — вывод, обусловленный некритическим перенесением опыта Кораллового моря на совершенно иную оперативную ситуацию

---

¹⁵³Анализируя действия Д.Флетчера, следует иметь в виду, что для авианосных сражений характерны многочисленные ложные контакты. Если бы в Коралловом море Такаги и Хара отнеслись к сообщениям своих разведчиков со здоровым скептицизмом, 5-я ДАВ не потратила бы время и экипажи на уничтожение группы «Неошо».

Соломоновых островов. Хара должен был понимать, что, если “Рюдзе” попадет под удар одного-двух тяжелых авианосцев, он будет уничтожен в любом случае — вне всякой зависимости от наличия или отсутствия воздушного патруля. Значит, перед своей гибелью Диверсионному соединению следовало нанести врагу максимальный урон. Командующий решил атаковать “непотопляемый авианосец” Гендерсон-филд, справедливо считая, что этим “Рюдзе” вызовет на себя огонь как базовой, так и палубной авиации противника».

Ну, а остальное — к слову.

У меня вообще не сложилось мнения, что япошки-капитаны отличались идиотизмом на местах. У них что ни капитан, то крупный ТРИЗовец и мастер по принятию нетривиальных решений. И твой Ямамото — самый рядовой из них.

Иное дело, америкашки: там, куда ни плюнь — везде нарвешься на дурака или труса. Как жили на ресурсе, так и сейчас живут. Без фантазии».

Второй тоже так думал, хотя вставлять это (пусть даже и в сноску) не представлялось возможным. Он поработал еще, понял, что застрял, поехал в Сосновую Поляну и нашел там невероятные новости.

Там посреди комнаты стояли коробки с деталями, и среди них был даже модем.

Ему пришлось съездить домой за софтом и вернуться, и поспать на раскладушке, и еще съездить — заменить видеокарту, и заплатить за интернет, и выпить перед собственным дежурством немного вина, за то, чтобы не ломалось, писалось и получалось, и отправить в Токио первое письмо с нового адреса, взять такси, и уже к следующей ночи доехать до сонного Эрмитажа впритык, и почувствовать очарование этого «впритык», когда все успел на вдохе, а на выдохе уже можно и отдохнуть.

Он проснулся дома около половины второго, съел подаренную к завтраку ватрушку и вернулся на Соломоновы острова.

Около половины второго радиолокаторы Т.Ф.61 обнаружили в ста милях к северу «множественные воздушные цели», направляющиеся к Гуадалканалю. Теперь стало ясно, что у японцев есть по крайней мере один авианосец. Игнорировать донесения с «каталин» становилось все труднее.

В 13:45 Д.Флетчер поднял 30 бомбардировщиков и восемь торпедоносцев с «Саратоги». Пока самолеты Т.Ф.61 выстраивались для удара по вражеским кораблям, разыгрался короткий воздушный бой над Гуадалканалом. По американским данным был сбит 21 самолет противника. Потери, подтвержденные японской стороной: три «вэла» и два «зеро» из состава авиагруппы «Рюдзе» и «несколько двухмоторных базовых бомбардировщиков».

К двум часам дня на палубах американских авианосцев оставалось только 26 ударных самолетов (14 «доунтлессов», 12 «авенджеров») и 54 истребителя «воздушного патруля».

Именно в этот момент пошли непрерывные донесения от разведчиков.

14:00. «Предположительно еще один авианосец к северо-востоку от первого».

14:10. «“Рюдзе” по пеленгу 317, менее чем в 200 милях».

14:30. «“Секаку” и “Дзуйкаку” по пеленгу 340, дистанция 198 миль»¹⁵⁴.

14:40. «Группа крейсеров на дистанции 225 миль».

Положение Флетчера сразу стало отчаянным: отчетливо запахло оперативной схемой «Мидуэй». Единственным козырем, оставшимся в распоряжении командующего Т.Ф.61, был поисковый радиолокатор.

Второй почувствовал, как сознание провоцирует его пуститься во все тяжкие и изобразить здесь и сейчас, в Реальности этих проклятых островов, альтернативный выигранный Мидуэй. Занудливый *Первый*, стоящий на страже объективности, скажет, что этого не было, а то, чего не случилось, бессмысленно оценивать за успех.

Он учел нелюбовь *Первого* к американскому командующему и написал:

---

154 Ошибочная оценка дистанции, которая составляла более 230 миль.

...Ближайшие действия Флетчера относились к категории естественных, но бесцельных. Прежде всего он попытался перенацелить на тяжелые авианосцы ударную группу с «Саратоги». Учитывая качество связи и имеющиеся на самолетах средства навигации, такой приказ был лучшим способом вконец дезориентировать пилотов и на несколько решающих часов убрать две с лишним эскадрильи из пространства сражения. («Order, kontrorder...») К счастью для американского командующего, прохождение радиоволн было настолько плохим¹⁵⁵, что распоряжение о перемене курса самолеты не получили.

Из оставшихся на палубах «Энтерпрайза» и «Саратоги» машин была создана резервная ударная группа: семь истребителей, семь торпедоносцев и 11 бомбардировщиков. Некоторое время Флетчер раздумывал, не поднять ли ее немедленно в воздух, но потом отказался от этой мысли: светлое время суток было растрачено, и пилотам пришлось бы возвращаться в темноте. Кроме того, выпуск самолетов требовал поворота к юго-востоку, то есть от неприятеля.

Пока на американском флагмане разбирались в происходящем, поисковые самолеты с «Энтерпрайза» («на всякий случай» оснащенные бомбами и торпедами) оказались в зоне дислокации японского флота. Последующий час отмечен спорадическими атаками на «Рюдзе», «Секаку», «Тоне», крейсера Кондо. Американцы потеряли один торпедоносец и, по их утверждениям, добились «близкого разрыва или попадания» в тяжелый авианосец. В японских отчетах никаких упоминаний о повреждениях «Секаку» или «Дзуйкаку» не содержится.

А в 15:50 наступила наконец очередь «Рюдзе».

«Доунтлессы» атаковали его с вертикального пикирования; шесть торпедоносцев воспользовались тем, что все внимание зенитчиков было сосредоточено на бомбардировщиках, зашли с обоих бортов. За несколько минут в авианосец попало от четырех до шести бомб и одна торпеда¹⁵⁶. Корабль загорелся и быстро получил двадцатиградусный крен на левый борт.

Принято обвинять Хару и командира «Рюдзе» Като в неподготовленности корабля к отражению вражеского налета. Считается, что на ангарной палубе авианосца находились 15 истребителей: поворот на юг интерпретируется как попытка лечь на ветер, чтобы поднять их в воздух.

Пятнадцать истребителей получают вычитанием самолетов, отправленных к Гуадалканалу, из штатной численности. Вполне вероятно, однако, что «Рюдзе» не был укомплектован по штату. С. Далл, например, насчитывает на нем только 24 истребителя. Пятнадцать сопровождали бомбардировщики; таким образом, на борту авианосца оставалось только девять машин. Шесть были подняты для атаки разведывательных самолетов «Энтерпрайза», три находились в ангаре. Понятно, что никакого смысла в выпуске такой «авиагруппы» не было.

«Рюдзе» повернул на юг главным образом для того, чтобы продемонстрировать свои «агрессивные намерения» и этим отвлечь внимание противника от тяжелых авианосцев, если именно они, а не корабли Диверсионного соединения были целью налета.

После того, как авианосец получил должное число попаданий (а 38 неприятельских бомбардировщиков исчерпали боезапас и выбыли из игры до конца дня), Като занялся спасением людей. Но прежде он создал у американцев видимость того, что «Рюдзе» борется за живучесть — корабль, который некоторое время еще кое-как управлялся, проделал ряд циркуляций, экипаж приступил к тушению пожара. Командир добился своего: летчики сообщили о «Рюдзе» как о поврежденном и лишь «вероятно» потопленном. Флетчер числил

---

¹⁵⁵Видимо, из-за многократного преломления коротких радиоволн в насыщенной влагой неоднородной облачной среде.

¹⁵⁶Существует несколько версий гибели «Рюдзе», отличающиеся числом попаданий, длительностью агонии, количеством погибших и характером последних маневров авианосца.

его живым до середины дня 25 августа.¹⁵⁷

Как только остановились машины, Като вызвал экипаж наверх. Трезвая оценка командиром боевой устойчивости вверенного ему корабля привела к сравнительно небольшим потерям в людях: из 924 человек экипажа погибло около ста. (На «Сехо», например, из 785 человек спаслось менее ста; 800 человек погибло на «Кага», 718 на «Сорю».)

Летчикам, возвращающимся с Гуадалканала, было приказано следовать на аэродромы острова Бука (самолеты совершили посадку на воду, часть пилотов была спасена).

5

Нагумо догадывался, что американские авианосцы находятся к югу от островов Стюарт, но точного местоположения Т.Ф.61 он не знал. «Летающие лодки», отправленные в поиск, просто исчезали, не сообщая о своей судьбе ничего. Лишь в 14:05 разведчик с «Тикумы» передал, что видит два больших авианосца противника. Он успел назвать их приблизительные координаты, после чего навсегда замолчал.

В 15:07 «Секаку» и «Дзуйкаку» начали подъем первой волны самолетов. Ухудшение качества подготовки пилотов постепенно начало сказываться: для старта двадцати семи бомбардировщиков и десяти истребителей потребовалось более сорока минут. В 16:00 в небо ушла вторая волна (восемнадцать бомбардировщиков, девять торпедоносцев и три истребителя).

Т.Ф.61 образовало два круговых ордера диаметром две мили каждый, между позициями авианосцев было около десяти миль. В 16:00 Флетчер приказал «Большому “Э”» принять на себя обязанности корабля наведения истребительной авиации, а спустя всего две минуты прекрасный поисковый лоцатор «Энтерпрайза» обнаружил в 88 милях к северу большую группу воздушных целей.

Не дожидаясь распоряжений Флетчера, командир «Энтерпрайза» Дэвис немедленно поднял в воздух свои одиннадцать бомбардировщиков и семь торпедоносцев. Вслед за ними взлетели истребители, доведя состав боевого воздушного патруля до 53 самолетов.

На полетной палубе «Саратоги» оставались пять торпедоносцев и два бомбардировщика. По сигналу воздушной тревоги пилоты разошлись по кабинам, имея в виду отогнать самолеты в носовую часть корабля, чтобы не препятствовать подъему истребителей и приему авиагруппы, атаковавшей «Рюдзе». С немалым удивлением они услышали приказ: «Взлетать немедленно, присоединиться к группе «Энтерпрайза» и атаковать противника». Группа «Энтерпрайза» уже ушла. Где противник, пилоты не знали. У них не было даже полетных карт, а до захода солнца оставалось менее двух часов.

В 16:10 Флетчер мог считать, что оборона соединения надежно обеспечена. Истребители были развернуты непосредственно над авианосцами на больших высотах, отдельная группа образовывала завесу на пути вероятного подхода японских самолетов.

---

¹⁵⁷Эта простительная ошибка Флетчера растиражирована в ряде источников. Между тем «Рюдзе» отличался низкой мореходностью и неудовлетворительной устойчивостью. Море было бурным: ветер 8 метров в секунду соответствует волнению 4 — 5 баллов, при котором на волнах образуются пенные барашки. Корабль получил настолько серьезные повреждения, что почти сразу резко накренился и быстро потерял ход. Кроме того, борьба за его живучесть велась (если судить по числу погибших) без излишнего фанатизма. В этих условиях авианосец мог продержаться на воде не больше трех-четырех часов.

Американские авторы живописуют агонию «Рюдзе», описывают опрокидывание корабля и его «пробитое взрывами днище», которое какое-то время держалось на воде. Однако по расчетам авианосец затонул между девятнадцатью и двадцатью часами, то есть уже в полной темноте; команду сняли часом раньше. В свой последний путь «Рюдзе» отправился без свидетелей.

Однако эта стройная картина не просуществовала и двух минут.

Прежде всего была замечена неустановленная цель в 43 милях на WNW. Центр управления немедленно направил истребители на ее перехват. Цель оказалась одиночным самолетом, к тому же — своим. Лишь в этот момент офицер радионаведения вспомнил о возвращающихся из поиска самолетах и, не подбирая выражений, приказал им немедленно покинуть пространство боя. На его счастье, в небе была эскадрилья «Энтерпрайза», и ее уставшие донельзя пилоты относились к элите палубной авиации. Эти люди понимали, что иногда требования диспетчера следует исполнять не только быстро, но и молча.

Однако время было упущено, и четкая «картинка» на примитивной электронно-лучевой трубке сломалась, рассыпалась каскадом одиночных и множественных всплесков, и вражеские бомбардировщики потерялись в этом хаосе, растворились среди отметок от истребителей патруля, противолодочных и разведывательных самолетов.

Все американские самолеты пользовались одной и той же рабочей частотой, и уже в этот момент (16:12) радиоканал был полностью загружен.

В 16:19 аналитики сумели вновь идентифицировать авиагруппу противника. Она занимала эшелон 3660 метров, причем выше и ниже японских самолетов находились американские истребители. В 16:25 обнаружение было подтверждено визуально, и на вертикалях начал создаваться рисунок воздушного боя.

В эти минуты офицеры информационного центра пытались сориентировать эскадрилью воздушного патруля, но приказы с «Энтерпрайза» уже никто не слышал да и не слушал: эфир был забит «неуставными» переговорами между собой летчиков истребительной авиации. Если верить послевоенным американским источникам, пилоты вежливо просили друг друга «снять японца с хвоста», кротко напоминали о заключенных пари и иногда комментировали наиболее напряженные моменты схватки в выражениях вроде: «смотри-ка, он пошел вниз...» Русская (и немецкая) мемуарная литература не скрывает, что в эфире стоял сплошной мат.¹⁵⁸

В 16:29 японские летчики обнаружили «Энтерпрайз». Атака с ходу была явно бесперспективной, и строй японских самолетов рассыпался на малые группы, каждая из которых самостоятельно искала возможность выйти на противника. На экране радара «свои» и «чужие» перепутались окончательно, и в 16:30 Дэвис приказал искать самолеты противника визуально. В 16:41 с «Саратоги» передали: «Торпедоносцы, пеленг 320, дистанция 10 миль», но фактически в первой волне не было ни одного торпедоносца.

Исполнив сложный трехмерный танец, японские пикировщики поднялись на 5500 метров и вновь образовали единый строй. В 16:41 они были точно над «Энтерпрайзом», невидимые в солнечных бликах. Лишь в момент, когда головной самолет начал пикирование, оператор батареи 20-мм установок увидел мгновенную яркую вспышку в раскаленном небе (на солнце блеснула верхняя, серебристая, поверхность крыла) и открыл огонь трассирующими снарядами, показав направление операторам 127-мм универсальных установок.

Японские самолеты образовали спиральную колонну с почти отвесной образующей. Командиру эскадрильи удалось вывести своих пилотов в «чистый» прорыв: истребителей не было. Каждые семь секунд на «Энтерпрайз» пикировал бомбардировщик.

Огонь 127-мм установок был убийственен: самолеты взрывались в воздухе, теряли крылья, начинали беспомощно кувыркаться; двое или трое пилотов попытались на последних крохах управления таранить «Энтерпрайз», но идущий тридцатиузловым ходом авианосец сумел увернуться.

Линкору «Норт Кэралайн» повезло. Имея максимальный ход в 27 узлов, он отставал от авианосца, но японские пилоты, намечая точку пикирования, этого не учли. Корабль получил лишь один или два близких разрыва.

---

¹⁵⁸ Попытки командования заставить летчиков соблюдать радиодисциплину не увенчались успехом. В течение всей войны только японские пилоты умирали молча.

В 16:45 «Энтерпрайз» пылал.

Это было невероятно и здорово. *Второй* пожалел, что у него не было холста, и «Энтерпрайз» на ватмане, приколотый на дверь взамен поистрепанной «Саратоги», пришлось размалевать засохшими акварельками, в результате чего море получилось как долина Сарьяна, а пожар празднично разлился по морю и даже немного стек на дверь нелепыми кровавыми потеками. Картина вышла ужасная. Художник выразился в ней как разгневанный на родителей школьник. *Второй* сгреб краски, оставил сохнуть на двери этот пылающий шедевр и, поймав на лицо солнечный луч, почувствовал себя совершенно адекватным этому дому, экрану с буквами, рисунку и жизни вокруг.

Одна тяжелая бомба попала прямо в угол кормового подъемника, пробила полетную и ангарную палубы и взорвалась глубоко внизу корабля. Вторая взорвала погреб 127-мм орудий. Третья бомба, упавшая на полетную палубу, не разорвалась и существенных повреждений не причинила.

Взрывы нарушили целостность нескольких палуб, пробили борт. Корабль накренился на три градуса, дым застилал полетную палубу, препятствуя стрельбе зенитной артиллерии.

6

Около 17 часов радиолокаторы обнаружили очередную воздушную цель. Она находилась в 50 милях к северу и шла прямо на «Энтерпрайз». Это были самолеты второй волны, поднявшиеся с японских авианосцев после 16 часов.

Самолеты патруля рассыпались по небу, преследуя уходящие бомбардировщики, и восстановить систему наведения истребителей операторам-американцам пока не удалось. Всем находящимся на мостике «Энтерпрайза» было ясно, что противник получил идеальные условия для атаки.

Здесь случилось одно из чудес, которыми изобилует история авианосных сражений. Офицер радионаведения на «Сеаку», проанализировав накопившуюся после атаки «Энтерпрайза» информацию, решил слегка скорректировать курс второй волны. Трудно сказать, кто ошибся: радист авианосца или пилот ведущего бомбардировщика, но вместо пяти градусов эскадрилья повернула на пятьдесят и начала удаляться от кораблей T.G.16.

7

В 17:59 Дэвис понял, что его авианосец обречен.

Катастрофа пришла тогда, когда аварийные партии потушили пожары и закрыли специально подготовленными стальными листами дыры в полетной палубе. «Энтерпрайз» мог дать 24 узла, он развернулся на ветер и начал принимать возвращающиеся самолеты. В этот момент на корабле отказали основное и дублирующее рулевые устройства. При попытке управляться машинами выяснилось, что руль заклинен в положении 20° вправо¹⁵⁹. Японские торпедоносцы находились где-то рядом: они повернули наконец на правильный курс и ожидали с минуты на минуту.

Ничего сделать было нельзя. Корабли эскорта покинули остановившийся авианосец. Зенитчики «Энтерпрайза» могли сбить какую-то часть торпедоносцев, может быть, даже

---

¹⁵⁹Взрыв первой бомбы повредил шахту вентилятора румпельного отделения. Ее немедленно затянуло дымом, личный состав, действуя строго по инструкции, перекрыл подачу воздуха. Через какое-то время люди начали задыхаться, и вентиль вновь открыли — в надежде, что пожар уже потушен. Огня и дыма действительно не было, но в помещение хлынул поток воды, смешанной с пеногасителем и прочей «химией». Телемотор рулевой машины сразу же сгорел, теряющие сознание люди не смогли включить резервный агрегат.

половину — но ведь не все же. А по неподвижному кораблю японские летчики не промахивались.

8

Вторая волна искала свои цели тридцать минут. Когда солнечный диск коснулся воды, командир приказал возвращаться.

Дальше писать он просто не хотел. Он рисовал, ходил дежурить, отмечал новоселье у нового сотрудника. Напился. Съездил в Сосновую Поляну, получил урок вежливости и перечеркнутый текст предыдущей главы. Потом он написал *Первому*, и тот, сжавшись над «поэтом причинности», прислал три короткие фразы.

Командир мог избрать три способа пройти район островов Стюарт.

При движении на северо-восток японские самолеты выходили на «Саратогу» — с непредсказуемыми результатами.

При полете прямо на север они встречали «Энтерпрайз» и топили его.

Второй безвольно вставил фразы в текст и заснул с мыслью, о ком-то, кто «умер сам, привив себе чуму, последний опыт кончив раньше срока».

Эскадрилья ушла на северо-запад.

9

В 18:59 (точное время зафиксировано в бортовом журнале «Энтерпрайза») аварийная партия сумела пробиться в помещение рулевой машины и включить дублирующую установку.

10

В воздухе еще находилось довольно много самолетов — как американских, так и японских. «Очередь хода» была за бомбардировщиками и торпедоносцами, поднятыми в воздух с «Энтерпрайза» и «Саратоги» перед налетом противника.

Вылет, конечно, трудно было отнести к категории сколько-нибудь подготовленных. Торпедоносцы «Энтерпрайза» отклонились к западу и приняли за авианосец противника риф Ронкадор. Ошибку они обнаружили до того, как сбросили торпеды, но это ничего не меняло: темнело, горючее заканчивалось, и надо было возвращаться на авианосец.

Пикировщики этой же группы сели на Гендерсон-филд.

Отряд «Саратоги» рассыпался.

Торпедоносцы обнаружили крейсера 2-го флота Кондо и безрезультатно атаковали их. Два пикирующих бомбардировщика 2-й флот не заметили, зато вышли на гидроавианосец «Читосе», который получил серьезные повреждения от двух близких разрывов. На этом закончились боевые действия 24 августа 1942 года.

К востоку от острова Гуадалканал: 25 августа

Вновь, как и после Мидуэя, вице-адмирал Кондо развернул свои корабли строем фронта. 2-й флот шел на юг, в точку южнее островов Стюарт, где летчики 1-й ДАВ¹⁶⁰ поразили бомбами «Энтерпрайз». Около полуночи Кондо информировали об обнаружении одиночного американского эсминца, но это сообщение большого интереса не вызвало. Идти

---

¹⁶⁰Согласно новому боевому расписанию, «Секаку», «Дзуйкаку» и «Дзуйхо» образовали 1-ю дивизию авианосцев.

дальше на юг командующий 2-м флотом не хотел. На самом деле это не имело практического значения, поскольку корабли Флетчера уже миновали параллель островов Санта-Крус. Командующий Т.Ф.61 не имел никакого желания вступать в ночной бой с японскими крейсерами.

К утру оперативная обстановка в районе Гуадалканала определилась. Авианосцы обеих сторон ушли, тем самым господство в воздухе безраздельно захватила авиация морской пехоты с аэродрома Гендерсон. Вывести его из строя было уже нечем, и разгрузку транспортов пришлось отменить. Утром тяжелое повреждение получил флагманский крейсер Танаки «Дзинцу», часом позже загорелся и затонул «Кинье-мару», самый крупный транспорт в японской колонне. Танака отправил два эсминца, чтобы снять людей. В 10:27 над кораблями неожиданно появилась группа Б-17. Впервые за всю войну «летающей крепости» удалось поразить маневрирующую морскую цель — и притом эсминец. «Муцуки» пришлось затопить, но летчики Б-17 *были настолько удивлены достигнутым успехом, что весь эффект пропал даром.*

К вечеру соединение Танаки отошло к Шортленду.

Соломоновы острова, Новые Гебриды: 31 августа —15 сентября

Первый прислал лаконичную справку, *Другой* превратил ее в текст:

Американские историки подводят черту под сражением у Восточных Соломоновых островов вечером 25 августа. Цифровые итоги позволяют им считать сражение выигранным. Действительно, «арифметика» говорит в их пользу.

Императорский флот потерял легкий авианосец, эсминец и транспорт потопленными, легкий крейсер и базу гидросамолетов поврежденными. По официальным американским данным, сбито 90 самолетов.¹⁶¹

Т.Ф.61 лишилось 17 самолетов. Один авианосец получил серьезные повреждения.

Со стратегической точки зрения, японцы не смогли высадить свой десант на Гуадалканал, хотя именно проводка конвоя декларировалась как главная цель операции КА — Сакусен.

Тем не менее, в американском, а не в японском флоте после сражения у Восточных Соломоновых островов последовали «оргвыводы». Флетчер был снят; более он никогда не использовался на должностях, подразумевающих управление авианосцами в бою.

Второй и сам знал, что этот момент американские историки дружно обходят — все, кроме разве что С.Моррисона, который вскользь замечает, что «до конца войны Флетчер получал назначения, более соответствующие его возможностям». Японцам это не помогло, но *Второй* был удовлетворен. Высохший «Энтерпрайз» горбатился на двери, «изрядно оципаный, но непобежденный».

---

¹⁶¹ Эти данные завышены. Баланс по сражению у Восточных Соломоновых островов выглядит следующим образом:

- потеряно в ударе по «Энтерпрайзу» — шесть истребителей и 18 бомбардировщиков (из них три истребителя и один бомбардировщик совершили посадку на воду);
- потеряно во второй атакующей волне пять бомбардировщиков (один сел на воду);
- потеряно в воздушном патруле два истребителя (один сел на воду);
- потеряно в авиагруппе «Рюдзе» три истребителя и четыре бомбардировщика;
- погибло с «Рюдзе» девять истребителей (шесть село на воду).

Итого 20 истребителей, 27 бомбардировщиков. К этому числу надо добавить базовую авиацию Рабаула (не менее десяти самолетов) и «летающие лодки» (но крайней мере — три).

Любое большое сражение меняет — иногда коренным образом - всю картину войны. В данном случае ценой больших потерь японцы создали выгодную для них оперативную конфигурацию в районе Гуадалканала. Транспортные отойшли, но бесперебойно заработал «Токийский экспресс», и к середине сентября силы сторон на острове практически сравнялись.

Гендерсон-филд почти каждую ночь подвергался обстрелу. «Секаку» и «Дзуйкаку» регулярно крейсировали в районе островов Стюарт, ожидая американский флот. Однако «Энтерпрайз» ушел ремонтироваться в Перл-Харбор, а остальные американские авианосцы держались в районе Эспириту-Санто, где их прикрывала базовая авиация.

Таким образом, в результате «выигранного» сражения американцы потеряли свободу действий в районе Гуадалканала, а японцы ее приобрели и получили возможность усилить нажим на Гендерсон-филд.

Ямамото вновь получил возможность показать, что правильная стратегия всегда выльется в те или иные тактические результаты. Свой шанс адмирал не упустил.

Действия американцев стали предсказуемыми: при увеличении давления на аэродром Гендерсона им приходилось в обязательном порядке восполнять потери. Достаточно быстро это можно сделать, только перебрасывая самолеты с Эспириту-Санто и используя авианосцы в качестве промежуточной площадки. Зная расписание «Токийского экспресса» и характерные дальности американских самолетов, легко определить район обязательного ежедневного маневрирования Т.Ф.61.

Ямамото направил туда подводные лодки.

Тридцать первого августа тяжелые повреждения получила «Саратога». Авианосец ушел на Западное побережье.

Пятнадцатого сентября тремя торпедами был поражен «Уосп». Авианосец как раз проводил взлетно-посадочные операции, трубопроводы его были заполнены бензином. Не прекращающийся в течение многих часов пожар оставил от корабля выгоревший остов. Вечером корабли охранения потопили обугленный корпус торпедами.

В этот же день другая лодка атаковала последний боеспособный американский авианосец, находящийся в Австралии. «Хорнет» избежал попаданий, но «Норт Кэрлайн» и эсминец «О'Брайен» отправились ремонтироваться в Калифорнию, причем эсминец по пути затонул.

Окончательный счет в битве у Восточных Соломоновых островов определился с потерей американцами двух эсминцев-транспортных, не вовремя подошедших к Гуадалканалу.¹⁶²

До конца сентября японский флот господствует в Австралии. Лишь в октябре союзники вновь развернут наступление в юго-западном секторе Тихого океана. Это сделает Хэлси, которому Нимиц прикажет принять дела у Гормли.

«Вот, пожалуй и все пока про Соломоновы острова. Впрочем, скоро импонирующая тебе агрессивность Хэлси приведет к морскому сражению у островов Санта-Крус и уравнивает чаши весов».

(16) Мыс Эсперанс

Перл-Харбор — Нумеа: сентябрь 1942 года

Немая от неуверенности, хрустальным призраком скользящая по утрам в потоках

---

¹⁶²Этот счет выглядит следующим образом: у японцев потеряны легкий авианосец, эсминец и транспорт, повреждены легкий крейсер и авиатранспорт. У американцев потеряны тяжелый авианосец и три эминца, повреждены два тяжелых авианосца и линкор.

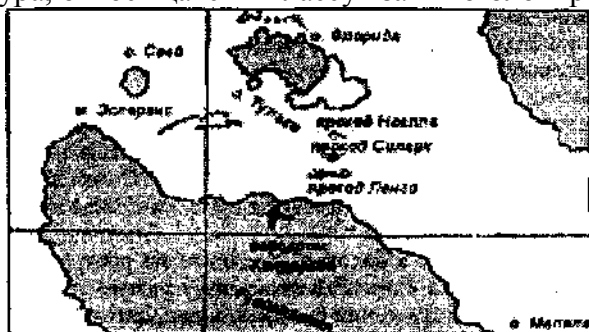
холодного трепещущего ветра, в Питер вступала весна. В весеннем сентябрьском океане южного полушария меж предательских островов плавал смертельно уставший флот адмирала Ямамото. Флот добросовестно сражался, «чтобы сделать хорошую мину при плохой игре», как написал вчера *Первый*, который вдруг разорался в интернете, что «книгу с такими выкрутасами просто не издадут, и что он не будет потом бегать и предлагать своим солидным институтам и приличным издательствам эдакую смесь из домыслов и вымыслов».

Тем не менее, *Второй* сегодня опять вместе с Тернером последовал к Гуадалканал и выгрузил там 7-й полк американской морской пехоты (около 4000 человек)... ранним утром 18 сентября 1942 года.

«Нужно отдать должное Тернеру,— размышлял *Второй*. — После гибели «Уоспа» и выхода из строя линкора «Норт Кэролайн» его транспорты остались практически без прикрытия».

Подкрепление было немедленно использовано Вандергрифтом для усиления оборонительного периметра аэродрома Гендерсона.

Ко второй половине сентября на острове сложилась устойчивая позиционная структура, относящаяся к классу взаимно-блокированных.

Гуадалканал, остров Флорида

Обе стороны удерживали в своих руках прибрежные плацдармы (американцы в районе Лунга Пойнт, японцы вблизи Тассафаронги). Транспортная связность острова была удручающе низка, что препятствовало маневренным действиям любого рода. Операционная линия существовала только на карте и в воображении штабистов Рабаула и Нумеа: прямая, протянутая от одного плацдарма к другому и пересеченная по пути двумя реками и одним водораздельным хребтом.

Японцы наступали; иными словами, они просачивались сквозь джунгли, выходили к оборонительному периметру, накапливали на подступах к нему какое-то количество войск и всякий раз почти целиком тратили эти войска в нескольких последовательных безрезультатных атаках. Никаких перспектив прорыва не было; «красная линия» господствовала над местностью (насколько это вообще возможно в условиях Гуадалканала), к тому же обороняющийся имел общее превосходство в силах и средствах.¹⁶³

---

¹⁶³ Японцы долго (по крайней мере, до конца сентября) оценивали численность войск противника на Гуадалканале в 7000—7500 человек. В оправдание этой ошибки ссылаются обычно на вопиющее несоответствие реальной военной ценности Гуадалканала и сил, выделенных Объединенными Нациями для захвата острова. В действительности Микава уже к 8-му, а Нагато и Ямамото к 10 августа разобрались в том, какое значение придают американцы операции «Уотчтауэр». Перебазирование главных сил императорского флота на Трук показывает, что и сами они относились к кампании в Австралии более чем серьезно.

Определяя численность англо-американской группировки на Гуадалканале, японские штабисты исходили из ограниченной пропускной способности береговой полосы. По их мнению, противник не мог снабжать через игольное ушко якорной стоянки Лунга Пойнт более одного-двух полков. Эту гипотезу подтверждали скромные размеры плацдарма.

Иными словами, японцы переоценили боеспособность морских пехотинцев Вандергрифта и одновременно недооценили уровень организованности американских

Попытки американцев в свою очередь перейти в наступление разбивались о бездорожье. Удалясь от побережья, морская пехота теряла непосредственную связь с Гендерсон-филдом, чем ставила в очень опасное положение и свои передовые части, и драгоценный аэродром. Кроме того, для прочесывания и очистки острова Вандергрифту не хватало сил: 1-я дивизия морской пехоты несла серьезные потери как от огня противника, так и от болезней. С климатом Соломоновых островов не могла справиться даже блестяще организованная американская эпидемиологическая служба.¹⁶⁴

Позиционный тупик в болотах Гуадалканала распространился на весь регион. Благодаря «двенадцатичасовому ритму» ни одна из сторон не могла перехватить линии снабжения неприятеля. Как японская операция против Эспирито-Санто, так и американская — против Бугенвиля и Шортленда переносили слабое звено позиции навстречу неприятелю. Выгода от подобных «непрямых действий» была гадательной и ни в коей мере не оправдывала риск.

Оставалось только лобовое столкновение войск: бой, измеряющий (по Клаузевицу) жребии сражающихся империй.

Второй перелистал переписку, изрядно превышающую по объему его недописанный когда-то диплом, и нашел очередное чудовищное заключение *Первого*, пронизанное априорным фактическим знанием... но, впрочем, почему бы и нет?..

«Война на океанских просторах тяготеет к маневренности, — писал *Первый*, вероятно, раздуваясь от значимости обобщений, сплошь и рядом списанных с Сунь-цзы. — Эта старая истина нашла очередное подтверждение в японских “операциях I и II этапов”. Воистину, союзным штабистам нужен был большой талант, чтобы, имея в своем распоряжении добрую треть Тихого океана, выбрать для первого “наступления с ограниченными целями” именно Гуадалканал, где уникальная комбинация оперативно-тактических и географических факторов создавала тенденцию к установлению позиционного фронта на суше, на море и в воздухе!»

«Да, и восклицательный знак обязательно! Чему ты радуешься, *Первый*? “Наших” почти уже разбили, а ты, как Геббельс, помпезен и убедителен», — грустно размышлял *Второй*.

Еще он подумал о том, что, однажды возникнув, дружба двух людей становится то чудесной, то отвратительной неизбежностью, и страшно подумать, если бы этого не было.

Однажды возникнув, «тонкая красная линия» стала стратегической неизбежностью. При всем желании стороны уже не могли отказаться от борьбы за Гуадалканал, хотя, казалось бы, что мешало оставить эти сотни квадратных километров джунглей, грязи и змей противнику и использовать высвободившиеся силы на более перспективных участках?

Здесь дело было не в «гордости», «отчаянии», «престиже», и тем более не в «военной необходимости». Сначала операция «Уотчтауэр», затем рейд Микавы, позднее «битва авианосцев» и, наконец, потребности развивающегося сухопутного фронта — все это *поляризовало линии снабжения* противников. Текущие задачи обслуживания нарастающего сражения за Гуадалканал перестроили «под себя» всю инфраструктуру вооруженных сил, развернутых США и Японией в западной части Тихого океана. Монстр, зародившийся вопреки предварительным расчетам штабных инстанций под 9-м градусом южной широты и 160-м градусом восточной долготы, жил, шевелился и требовал пищи.

Отказ от кампании на Соломоновых островах приводил к необходимости тыловых служб.

164Если у американцев на Гуадалканале было «много больных», то японская армия, страдающая от недоедания, испытывающая острую нехватку медикаментов и квалифицированных врачей, болела почти поголовно. Положение дополнительно осложнялось отсутствием у японцев надежных средств борьбы с кровососущими насекомыми.

демонтировать налаженную, оформленную в металле и бетоне систему снабжения и создавать новую на другом месте. При этом пришлось бы бросить оборудованные якорные стоянки, только что введенные в эксплуатацию дороги, подъездные пути, грузовые терминалы и складские помещения, спешно понастроенные по пути следования конвоев узлы связи и резервные взлетные площадки. Пропало бы огромное количество военного снаряжения (вывезти которое с Гуадалканала еще труднее, чем доставить его туда).

Уже к середине августа замкнулась цепочка обратной связи: чем дольше существовал позиционный фронт на Соломоновых островах, тем больше он потреблял разнообразных ресурсов. Тем больше сил и средств приходилось безвозвратно вкладывать в развитие пространства коммуникаций, и тем сложнее было отказаться от продолжения кампании, «невзирая на цену». Ничего подобного не происходило в Малайе, на Филиппинах, в Индонезии, где операции носили маневренный характер и для их обслуживания была пригодна сетевая структура снабжения, допускающая легкую переориентацию с одного объекта на другой.

В последние дни августа японцы высадили на Гуадалканале около 5000 человек под общим командованием генерал-майора Кавагути. Особых проблем переброска не вызвала, хотя и обошлась императорскому флоту в один потопленный и два поврежденных эсминца.¹⁶⁵ Приблизительно к 12 сентября отряд Кавагути сосредоточился на подступах к «красной линии»; таким образом, одним неудачным наступлением стало больше. После боев на Кровавом хребте (12—16 сентября) командование в Рабауле созрело до мысли, что на остров следует перевезти полнокровную, вооруженную по штату дивизию, а руководящие инстанции в Нумеа подготовили 7-й полк морской пехоты и «Уосп» для сопровождения конвоя.

Полк был *последним* свободным стрелковым соединением, находящимся в распоряжении Нимица.

Через два дня, насмерть заморозив девицу по имени Весна, грянули такие холода, что *Второй* заклеил окно, затем перетащил компьютер в угол комнаты, а когда это не помогло, плюнул и уехал в натопленный домик тетки в Колтуши и отдыхал там в выходные попеременно запахом печки и ледяным ветром во дворе.

Когда начало таять, он вернулся, чтобы прочитать суховатую справку *Первого* и язвительное замечание о темпах работы, сиречь — темпах операции «Book».

«Восемнадцатого сентября в Рабауле и в Нумеа — если ты забыл, — писал язвительный *Первый*, — состоялись два представительных совещания. В этот день японское командование пришло к окончательному решению подчинить главную операцию (наступление на Порт-Морсби) интересам вспомогательного фронта на Гуадалканале. Источники, которые я здесь листал, придают этому акту Императорской ставки едва ли не судьбоносное значение, хотя ты сам понимаешь, что выбирать, по существу, было не из чего: кампания на Новой Гвинее уже месяц как остановилась в силу естественных причин. Речь там могла идти не о *продолжении* наступления, а о его *возобновлении* — желательно совершенно другими морскими и воздушными силами и в принципиально иной оперативной конфигурации. Такое наступление ничего позитивного не обещало, и можно понять нежелание японских штабистов сооружать из подручных средств еще один позиционный фронт в полутора тысячах километров от первого.

Второй разрезал замурованную форточку и написал:

В этот же день Чарлз Нимиц обратился к генералу Мак-Артуру с просьбой отправить часть сил с Новой Гвинее на Гуадалканал.

Мак-Артур имел перед хребтом Стенли более пятидесяти тысяч человек. Однако

---

¹⁶⁵Корабли вышли с Шортленда с опережением графика (около 17 часов) и попали под удар «доунтлессов» с аэродрома Гендерсон.

генерал Сатерленд, представляющий на совещании в Нумеа особу командующего юго-западным сектором Тихого океана, заявил, что «не может быть и речи о выделении из состава этих сил даже батальона». По его словам, японские вооруженные силы вплотную подошли к тому, чтобы захватить Новую Гвинею и установить полный контроль над Коралловым морем. Тернер при поддержке Нимица заметил, что *«джапы выкинут нас с Гуадалканала, как только возьмутся за это дело всерьез»*.

После провала совещания в Нумеа Нимицу оставалось только обратиться за помощью в Вашингтон. Там решение приняли на удивление быстро.

Второе письмо было от Софьи Андреевны. Она спрашивала про здоровье и приглашала заходить. Еще она прислала цитату из Гальдера, которого он ей неосторожно оставил почитать — «для стратегического просветления старушки», — как заявила она сама.

Берлин: 24 сентября

«После дневного доклада — отставка, переданная фюрером (мои нервы истощены, да и он свои поистрепал; мы должны расстаться; необходимость воспитания личного состава Генерального штаба в духе фанатической преданности идее; решимость настойчиво проводить свои решения также и в сухопутных войсках.) <...>

На последней странице еще несколько записей:

В письменных приказах наблюдается все большее пренебрежение к правильному словоупотреблению. Вместо продуманных формулировок различные эмоционально окрашенные слова и выражения (уничтожить, разгромить, воспрепятствовать обходу) даже тогда, когда это вообще невозможно.

В какой мере все еще можно придерживаться идеи централизованного использования корпусных частей и соединений?»

«Психует фюрер,— подумал *Второй*. Магические силы всегда когда-нибудь кончаются, не исчезают только голод и жажда удовольствий, и гамбургеры с порнухой в придачу к ним.

Ямамото тоже там не сладко, а я-то что: охраняю себе великий памятник старины, живу в центре города, а туда же — запал на чужую историю, идиот».

Весь вечер он рисовал седую японку, сидящую в самолетном кресле не то с плеером, не то со слуховым аппаратом в ушах.

Когда японка стала уж совсем походить на Софью Андреевну, он отложил кисти и спокойно уснул.

Нумеа, Рабаул: 9 октября

Объединенный комитет начальников штабов выделил для Гуадалканала 164-й пехотный полк дивизии «Америкал» в составе 2800 человек. К началу октября эти войска были перевезены на Нумеа.

Обстановка вокруг Лунга-Пойнт продолжала осложняться. Вся связность позиции на Восточных Соломоновых островах сконцентрировалась для обеих сторон на узкой просеке аэродрома. Очень редко бывает, что исход независимых (как правило) сражений на суше, на море и в воздухе решает владение одним взаимноизолированным пунктом. В кампании на Гуадалканале понятия «флангов», «фронта» и «тыла» потеряли смысл: все зависело от того, будет ли функционировать Гендерсон-филд: вкопанные в болотистую почву цистерны с горючим, контрольная вышка, радар, много зенитных орудий и две-три эскадрильи «доунтлессов», контролирующих море в радиусе 250 морских миль.

Каждый день, невзирая на потери, аэродром атаковали двухмоторные бомбардировщики 25-й флотилии. Каждую ночь его обстреливали эсминцы «Токийского экспресса». Каждое утро Гендерсон-филд вновь мог принимать и поднимать самолеты.

Контр-адмирал Тернер вновь стоял перед сложным выбором. Солдат следовало как можно быстрее доставить на Гуадалканал. Но все силы истребительной авиации на Соломоновых островах были скованы обороной аэродрома Гендерсона, и командующий воздушной армией генерал Арнольд не гарантировал, что он сможет обеспечить транспортам Тернера воздушное прикрытие. Оставалось надеяться на «Хорнет», которому в отсутствие ремонтирующегося «Энтерпрайза» было запрещено приближаться к Гуадалканалу ближе, чем на 200 миль.

Неожиданное решение предложил командир Т.Ф.64 контр-адмирал Норманн Скотт:

— Мы должны использовать японский опыт с «Токийским экспрессом» и высадить войска в Лунга-Пойнт ночью. На последнем дневном переходе их надежно прикроют самолеты с «Хорнета» и с Эспириту-Санто. Если пустые транспорты застрянут в Слоте и не успеют до рассвета уйти под истребительный «зонтик» авианосца, их потеря не станет большой бедой.

— Но при такой схеме операции мы неизбежно столкнемся с «Токийским экспрессом».

— Конечно, — ответил Скотт, — и я надеюсь встретить его к северу от Гуадалканала. Скорее всего, вот здесь, — контр-адмирал указал на мыс Эсперанс...

... Перевозка 2-й дивизии 17-й армии должна была начаться 9 октября. В течение недели «Токийскому экспрессу» предстояло доставить к Тассафаронге 22 000 человек с тяжелым вооружением. Генерал Хякутаке, новый командующий японскими войсками на Гуадалканале, приказал перейти в наступление 14-го числа — еще до полного сосредоточения дивизии.

Для доставки войск были назначены «Тацута», «Читосе», «Ниссин» и все свободные эсминцы. Командирам кораблей предписывалось «при любых обстоятельствах покидать пролив Слот до наступления рассвета» — стало уже привычным, что аэродром Гендерсон определял и стратегию, и тактику, и построение операций.

Днем 8 октября американцы контратаковали: «доунтлессы» нанесли «внеплановый» удар по Шортленду. Попаданий в корабли они не добились, но «Токийский экспресс» на сутки вышел из графика — как раз перед началом перевозки 2-й дивизии.

— Это становится невыносимым, — сказал Микава. В очередной раз он договаривался с командующим 11-м воздушным флотом «сделать хоть что-нибудь с проклятым аэродромом».

Была разработана комбинированная операция: днем 11 октября бомбардировщики вновь атакуют Гендерсон-филд, имея задачей не столько добиться решительных результатов, сколько отвлечь внимание противника от передвижения кораблей. Ночью эсминцы высаживают очередные подкрепления, а крейсерское соединение обстреливает аэродром. На сей раз речь идет не о том, чтобы сделать несколько выстрелов из 127-мм орудий и побыстрее уйти к Шортленду: крейсера сменили боезапас, оставив бронебойные снаряды в Рабауле и загрузив погреба противосамолетными зажигательными снарядами «типа 3», отрегулированными на взрыв в ста метрах над поверхностью.

В эскадру контр-адмирала Гото вошли «Аоба», «Фурутака» и «Кунигаса» в сопровождении эсминцев «Хацуюге» и «Фубуки». Еще шесть эсминцев сопровождали загруженные войсками и дивизионной артиллерией гидроавиатранспорты...

...Дальнее прикрытие конвоя Тернера осуществляли «Хорнет», находящийся в 180 милях к юго-западу от Гендерсон-филда, и «Вашингтон», почему-то выдвинутый к архипелагу Стюарт. Крейсерское соединение Скотта («Сан-Франциско», «Солт-Лейк-Сити», легкие крейсера «Бойз» и «Хелена», пять эсминцев) сосредоточилось в районе острова Реннел. Скотт просил — и добился — официального приказа прикрывать конвой «путем активного поиска и уничтожения боевых кораблей и десантных судов противника».

Мыс Эсперанс: ночь на 12 октября

Т.Ф.64 приближалось к Гуадалканалу, обходя остров с запада. Около пяти часов вечера Скотт узнал об интенсивном японском авианалете на Гендерсон-филд. Эта новость, скорее, обрадовала контр-адмирала: у него было все больше оснований думать, что он разгадал рисунок операции Микавы и имеет реальные шансы «поймать» противника на «домашнюю заготовку». Скотт считал свое соединение подготовленным к ночному столкновению с японцами: более трех недель экипажи оставались на боевых постах с заката до рассвета, отрабатывая тактику и взаимодействие в бою.

В 18:10 патрульные В-17 с Эспириту-Санто обнаружили соединение Гото. Японские корабли — два крейсера и два эсминца, если верить донесению — были в ста милях к северу от острова Саво и двигались на юго-восток.

Скотт увеличил скорость до 29 узлов и изменил курс с NNW на N. Ближе к полуночи, когда стало ясно, что американцы пройдут мыс Эсперанс раньше японцев, ход снова уменьшили до 20 узлов и выпустили самолеты-разведчики. Два «кингфишера» взлетели нормально, а один неожиданно взорвался (воспламенились сигнальные ракеты) и был выброшен за борт.

В 22:28 в четырнадцати милях впереди до правому борту открылся мыс Эсперанс. Эскадра перестроилась в «весьма необычный» (по мнению всех без исключения военных историков) ордер и повернула к острову Саво. Скотт шел на запад-северо-запад разомкнутой кильватерной колонной: впереди три эсминца, тяжелый крейсер, легкий, снова тяжелый и опять легкий. Замыкали линию два оставшихся эскадренных миноносца.

Корабли контр-адмирала Гото сохраняли традиционный походный порядок: тяжелые крейсера в кильватерном строю, эсминцы охранения на флангах. Около 10 часов вечера, когда эскадра находилась в пятидесяти милях к северу от мыса Эсперанс, сигнальщики обратили внимание командующего на тусклую вспышку света у самого горизонта. Странная прозрачность атмосферы дала японцам возможность увидеть взрыв гидросамолета крейсера «Солт-Лейк-Сити».

1

Новость не заинтересовала контр-адмирала Гото. Пеленг на свет совпадал с направлением на мыс Эсперанс, и командующий решил, что вспышка имела наземное происхождение. На всякий случай он приказал ответить прожектором. Ни на «Читосе», ни на берегу, ни на крейсерах Скотта этого сигнала не увидели.

В 22:50 командующий Т.Ф.64 получил донесение с взлетевших ранее гидросамолетов. Пилот обнаружил японские корабли, но не смог их правильно идентифицировать. В результате он перепутал группы Гото и Йосимы и дезориентировал Скотта, который справедливо считал, что крейсера противника должны находиться дальше к северу. Адмирал принял решение повернуть на северо-восток и приступить к патрулированию промежутка между Гуадалканалом и Саво. На новом курсе он мог перехватить японцев, независимо от того, пойдут ли они вниз по Слоту, как предполагал Скотт, или же вверх, как вытекало из сообщения с «кингфишера».

В 23:25 новый радар сопровождения, установленный на крейсере «Хелена», обнаружил цель по пеленгу 315 градусов на дальности тринадцать с половиной миль. Однако флагманский крейсер Скотта («Сан-Франциско») был оборудован радаром предыдущей модификации: командующий Т.Ф.64 противника не видел, а командир «Хелены» догадался сообщить о контакте только через 15 минут.

В 23:32 Скотт повернул на 16 румбов. Ночные тренировки не пошли американцам впрок, потому что этот простой маневр немедленно сломал строй: крейсера и замыкающие эсминцы последовали за «Сан-Франциско», а головные эсминцы заматались, пытаясь догнать сменившие курс крейсера и занять свое место в колонне. При этом «Дункан» отклонился на милю к северу и увидел корабли Гото на своем артиллерийском радаре. В

полной уверенности, что вся эскадра повернет за ним, «Дункан» полным ходом устремился наперерез противнику.

В действительности на остальных американских кораблях «Дункан» вообще не видели.

В 23:38 «Бойз» доложили о пяти целях по пеленгу 65 градусов. Имелся в виду угол относительно эскадренного курса, но штабные чины Скотта начали поиск целей (притом почему-то воздушных) в 65 градусах относительно направления на север, то есть в восточной части горизонта.

Гото быстро приближался с северо-запада. В 23:42 радар «Хелены» снова нащупал цель по пеленгу 285 градусов — уже на шести милях. На сей раз на флагман сообщили, но Скотт и сам уже видел отметки на экране радара. Он, однако, посчитал, что обнаружил один из «потерявшихся» эсминцев (не исключено, что это и в действительности было так: направления от «Сан-Франциско» на «Аобу» и «Дункан» в тот момент почти совпадали).

Артиллеристы «Хелены», четко отслеживающие «картинку» уже пятнадцать минут, никаких сомнений не испытывали. В 23:45 наблюдатель на мостике сообщил, что корабли противника видны невооруженным глазом — до них менее трех миль. Минутой позже, так и не дождавшись приказа командующего, «Хелена» открыла огонь. Три 152-мм орудия стреляли по «Аобе», четвертое подсвечивало цель осветительными снарядами.

2

Расчет Скотта полностью оправдался¹⁶⁶. На стороне Т.Ф.64 было все, о чем только может мечтать командующий: общее превосходство в силах (двойное по числу кораблей, более чем тройное по орудиям среднего калибра), внезапность, наконец, геометрия боя. Японская колонна шла прямо в середину американской, дистанция сократилась до двух миль, а угол сближения составлял 100 градусов — идеальный «crossing Т». Бой был выигран американцами еще до первого выстрела.

События развивались стремительно.

В 23:47 Скотт приказал прекратить огонь, полагая, что крейсера все-таки стреляют по своим эсминцам. Комендоры, однако, приказа «не расслышали», и адмиралу осталось только развлекаться переговорами по радиотелефону с каждым эсминцем в отдельности. Все они, кроме «Дункана», который уже горел, сообщили, что вообще не находятся под обстрелом и «не знают, по кому стреляют американские крейсера». Когда командир дивизиона обозначил свое «место» сигнальной ракетой, Скотт наконец успокоился и вернулся к руководству боем.

За это время Гото был убит, «Фурутака» и «Дункан» получили смертельные повреждения, на «Аобе», получившем около 20 снарядов, выгорели две башни главного калибра.

Японские корабли не видели противника и не ожидали его. Даже когда «Хелена», а за ней «Солт-Лейк-Сити» и «Бойз» открыли огонь, Гото полагал, что он неудачно столкнулся с группой Носимы. Он приказал не стрелять и резко отвернул вправо — как будто специально для того, чтобы американцы как можно дольше сохранили «crossing», а затем могли со всеми удобствами лечь на параллельный курс. Еще до завершения поворота контр-адмирал был убит шестидюймовым снарядом, разорвавшимся на мостике «Аобы».

«Фурутака» и «Фубуки» дисциплинированно выполнили последний приказ мертвого адмирала. А командир «Кунигасы» Масао Сава, прикинув курс и длину кильватерной колонны противника, отвернул влево, стараясь, во-первых, пройти под кормой американцев

---

¹⁶⁶В военно-исторической литературе, даже американской, это почему-то объясняют случайностью. Некий элемент случайности действительно имел место, так как на стадии сближения Скотт не видел противника и потерял «место» некоторых из своих кораблей. Тем не менее, общая модель движения крейсеров Гото была правильно выстроена американским командующим, что и привело к бою в чрезвычайно выгодной для него оперативной конфигурации.

и, во-вторых, держаться подальше от пылающей «Аобы». Его примеру последовал эсминец «Хацуюге».

Первые, скорее инстинктивные залпы японцы дали в 23:48. Осколочно-зажигательные снаряды были бессильны против кораблей, но поражали личный состав на открытых боевых постах. В 23:52 на «Кунигасе» подняли в башни полубронебойные снаряды неприкосновенного запаса, и японский крейсер открыл огонь на поражение.

Минутой раньше на «Фурутаке», получившем ряд попаданий, пока он проходил точку поворота, взорвались кислородные торпеды. Почти сразу в корабль попала торпеда (последнее, что успел сделать в бою «Дункан»), 203-мм снаряды «Сан-Франциско» разрушили машинные отделения. Крейсер остановился и начал погружаться кормой.¹⁶⁷

«Фубуки» прикрыл собой флагмана, который, прекратив огонь, уходил на север. Радары того времени не умели разделять цели; на глаз — тем более ночью — башенный суперэсминец слабо отличался от крейсера, в результате в течение нескольких минут все Т.Ф.64 обстреливало «Фубуки». В 23:55 корабль взорвался и затонул, но «Аоба» успел оторваться от противника и ушел в сторону Шортленда.

Дальнейший бой представлял собой поучительную «борьбу» одинокого «Кунигасы» с четырьмя крейсерами и тремя эминцами противника («Дункан» и «Фаренхолт» уже в счет не шли). Между 00:05 и 00:15 «Солт-Лейк-Сити» получил два попадания, «Бойз» же, рискнувший поискать невидимого врага прожектором, — восемь. Первый и последний раз за всю войну японский «ныряющий снаряд» нашел цель: упав в воду в десяти метрах от крейсера, он пробил обшивку в 2,8 метра ниже ватерлинии и взорвался в носовом артиллерийском погребе. Взрыв убил всех людей в носовых башнях, погребах и перегрузочных отделениях. Вода, хлынувшая в пробоину, залила пожар, крейсер остался на плаву, но в бою больше не участвовал.

«Обычно от такого попадания корабль взрывается, — подумал *Первый*, — Ну не везет, так не везет узкоглазым».

Он отбил *Второму* короткое примечание:

«На крейсере «Бойз» погибло 107 человек, 35 ранено. Корабль был отправлен на ремонт на Восточное побережье США. В марте 1943 года он вновь вступил в строй, использовался на Средиземном море. «Солт-Лейк-Сити» ремонтировался в Перл-Харборе, затем ушел на Алеуты».

В 00:15 «Кунигаса» прекратил огонь. «Бойз» вышел из строя, «Солт-Лейк-Сити» донес о полученных повреждениях. Эминцы окончательно потерялись, строй американской эскадры рассыпался. В 00:28 «Сан-Франциско» повернул на юго-запад.

«В этих условиях Скотт счел наиболее удобной версию, согласно которой все японские корабли уже потоплены», — торопливо приписал *Первый*. Ему хотелось спать.

3

Итоги боя были окончательно подведены утром 12 сентября, когда самолеты с Гендерсон-филда отправили на дно японские эминцы «Муракумо» и «Нацугамо», задержавшиеся в проливе Слот для поиска и спасения уцелевших моряков с «Фубуки». Капитан 1-го ранга Кидзима, принявший командование после смерти Гото, претендовал на уничтожение двух тяжелых крейсеров и эминца противника. Микава ему не поверил и, проанализировав действия отряда, снял с должности не только Кидзиму, но и большинство штабных офицеров.

---

¹⁶⁷Удивительно, но больше по «Фурутаке» никто не стрелял, и корабль продержался на воде почти два часа, что дало возможность спасти большую часть экипажа: «Хацуюге» доставил в Шортленд 518 человек.

Норманн Скотт торжествовал победу. Однако Нимиц, получающий сведения от «береговых наблюдателей» и радиоразведки раньше Гормли, уже к полудню знал, что командующий Т.Ф.61, сообщивший «наверх» о потоплении четырех крейсеров и четырех эсминцев противника, завысил в четыре раза свои личные достижения и вдвое — общий «счет»¹⁶⁸. Скотт продемонстрировал, что он умеет лишь выстраивать операции, но никак не осуществлять их. В тех идеальных условиях, в которых действовало американское соединение, победой было бы уничтожение всей японской эскадры, а не одного лишь устаревшего крейсера «Фурутака». Реванш за остров Саво не получился.

Шестнадцатого октября Нимиц снял Гормли с поста командующего флотом США в южной части Тихого океана и назначил на эту должность только что вышедшего из больницы Хэлси.

4

Во всяком случае, с одной точки зрения руководство обеих сторон могло быть довольно итогами боя. Как тяжелая артиллерия 2-й японской дивизии, так и 164-й полк дивизии «Америкал» ночью 11 октября были благополучно выгружены на Гуадалканал. В течение последующих дней «экспрессы» работали по расписанию, и к началу генерального наступления Хякутаке на острове находилось 23 тысячи американцев и 22 тысячи японцев.

Микава, взбешенный неудачей у мыса Эсперанс, в ночь на 14 октября направил в Слот «Конго» и «Харуну». Каким образом корректировался огонь 356-мм орудий линейных кораблей, сказать трудно (источники утверждают, что все было сделано по правилам — с использованием гидросамолетов и осветительных бомб), но, выпустив за полтора часа 900 фугасных снарядов, японцы не сумели вывести из строя аэродром и уничтожили только 48 из 90 находящихся на нем самолетов. Несколько больший урон был нанесен складам горючего.

На следующий день авиация Рабаула совершила два вылета, а ночью в Слот явился сам Микава, лично возглавивший очередной набег на Гендерсон-филд. «Текай» и «Кунигаса» выпустили по аэродромным сооружениям 752 осколочно-зажигательных снаряда.

Утром небо над Гуадалканалом стало наконец чистым от американских самолетов, и Микава дал «добро» на дневную разгрузку группе четырнадцатиузловых транспортов с последними частями 2-й дивизии на борту.

И вновь японцы не учли способности американцев к быстрым импровизациям. Утром аэродромная команда каким-то чудом подреставрировала взлетную полосу, а командующий авиацией морской пехоты генерал Гейнджер произнес историческую фразу: *«Ради бога, найдите хоть что-нибудь!»* Получив это распоряжение, морские пехотинцы отыскивали в джунглях несколько канистр с бензином, которого четверем оставшимся на острове пикировщикам должно было хватить на десять минут лета от аэродрома Гендерсон до Тассафаронги. Еще несколько литров топлива выжали из баков двух подбитых, но не сгоревших дотла «летающих крепостей».

Воздушный налет оказался абсолютно неожиданным: три японских транспорта выбросились на берег, причем на одном из них произошел взрыв боекомплекта для армейских гаубиц. В этот день американцы потеряли три из четырех своих «доунтлессов», но ни одно японское соединение не высадилось на берег без серьезных потерь, а значительную часть жизненно необходимого тяжелого оборудования вообще не удалось выгрузить.

В отместку тем же вечером палубная авиация с «Дзуйкаку» рассеяла американский конвой с бензином и авиационными бомбами, потопив эсминец «Меридис», а ночью в Слот нанесла визит 5-я эскадра тяжелых крейсеров, организовавшая новый ливень снарядов,

---

¹⁶⁸Лавры барона Мюнхгаузена не давали покоя офицерам всех сражающихся армий. Н. Скотт совершенно точно знал, что в японской колонне было только три крейсера.

которых морские пехотинцы насчитали более 1500, хотя на самом деле их было только 912.

В этот день, 15 октября 1942 года, адмирал Нимиц был вынужден сказать своим штабным офицерам: *«Похоже, что мы больше не можем, контролировать море в районе Гуадалканала»*.

(17) Острова Санта-Крус

«Ты спрашивал с компьютерной улыбочкой, как они сражались за этот несусветный Гуадалканал, так вот я отвечаю: за Гуадалканал сражались насмерть. И я сражаюсь вместе с ними второй месяц, и снится мне укоризненный Моррисон, и строгий романтик Окумия, “то вместе, то поврозь, а то попеременно” . Так живу: от дежурства до дома, и с вечера до утра. Что там Восходящее солнце? Восходит? У нас вся полдюжина окон — на Запад», — читал *Первый* и ему немного хотелось домой, на Запад. Он подсчитал количество неоконченных дел и прикинул количество дней до отпуска. Их оставалось 97 или 98.

В западном секторе японское наступление удалось отбить в тактической зоне обороны. На востоке отборные части генерала Хякутаке прорвали «красную линию» и овладели цепью высот, известной как «Кровавый хребет». Морские пехотинцы были отброшены к окраине аэродрома, но там сумели зацепиться за местность и организовать новую позицию сопротивления.

Нарастало оперативное напряжение в проливе Слот. Микава делал все возможное для того, чтобы удерживать господство на море хотя бы ночью. Ему оппонировали «каталины», береговая артиллерия и торпедные катера.

Днем в небе Гуадалканала дрались остатки 25-й воздушной флотилии и потрепанные эскадрильи авиации морской пехоты. Высоко над этими схватками, в стратосфере, проплывали неуязвимые В-17 из Таунсвилла, Порт-Морсби и Эспириту-Санто.

Гендерсон-филд все еще оставался центром позиции, но бомбежками, обстрелами и, в первую очередь, морской блокадой его значение было почти обесценено. Чтобы поддерживать хотя бы видимость функционирования аэродрома, американцы организовали доставку горючего на самолетах с Эспириту-Санто: один «скайтрупер» обеспечивал час полетного времени двенадцати «уайлдкэтов».

К середине октября американские подводные лодки блокировали архипелаг Бисмарка, базовая авиация союзников усилила давление на Рабаул. В ответ японские субмарины заняли позиции в районе Новых Гебрид и в Слоте (20 октября ими был тяжело поврежден крейсер «Честер»).

Во исполнение очередной директивы Императорской ставки Ямамото направил к Гуадалканалу Передовое соединение вице-адмирала Кондо, включающее линкоры «Конго» и «Харуна» и два легких авианосца — «Хийе» и «Дзунье». С востока Кондо прикрывали мобильные силы 3-го флота вице-адмирала Нагумо: «Дзуйкаку», «Секаку» и «Дзуйхо». Выдвинутые вперед корабли контр-адмирала Абэ «Хией», «Кирисима», «Тоне», «Тикума», «Судзуйа» обеспечивали развертывание.

Объединенный флот покинул острова Трук на рассвете 11 октября.

Перл-Харбор: 16 октября 1942 года

На исчерпанной пометками рабочей карте скрупулезно регистрировалось нарастающее осложнение обстановки вокруг Соломоновых островов. *«Ситуация не безнадежна, но она определенно критическая»*, — сказал Нимиц, выслушав поздравления штаба по случаю громкой победы у мыса Эсперанс. Командующий Тихоокеанским флотом знал, что сражение за Гуадалканал вступило в решающую фазу. Назрел «кризис Клаузевица», преодолев который сильнейшая сторона неизбежно достигает победы.

« — В любом бою есть одно-единственное мгновение, которое решает, возьмешь ты верх или проиграешь, — сказал юноше могучий красавец, играющий роль Ланселота.

— Мне кажется, я могу это понять, — важно признал молодой.

— И когда этот миг наступит, тебе должно быть совершенно безразлично, победишь ты или умрешь...»

И чего вдруг пришло в голову?

Это был один из культовых фильмов «для девушек», и для знакомства, и для споров о мужественности с намеками «о любви». Все так и было: и девушки, и разговоры до утра, и любовь, наверное, — *Второй* точно не помнил. *Первый* ближе к ночи уже был совсем веселый и дерзкий, читал японские стихи и провозглашал что-то немыслимое. Девчонки смеялись. А проектом «Ямамото» в той прекрасной бездумной жизни еще и не пахло. А *Она* тогда жила в соседнем дворе и следующим утром, накормив его завтраком, с улыбкой сказала:

— Ты был с женщиной — это интересно.

А он был счастлив, пытаясь отыскать ревность в ее словах.

Средства, которыми Перл-Харбор мог влиять на ход сражения, подходили к концу. Нимиц уже послал на юг все свободные подводные лодки, пятьдесят истребителей и последние незадействованные в патрульных полетах «летающие крепости». Пойдя на риск всерьез испортить отношения с армейским командованием, командующий настоял на отправке 25-й дивизии. Практического значения этот шаг не имел: Гуадалканал был блокирован японцами, и никто из командующих на местах не брал на себя ответственности за проводку войскового конвоя. Пехотинцам предстояло ожидать разрешения кризиса в казармах Нумеа, на самом пороге театра военных действий.

Десятого числа криптоаналитики сообщили в штаб, что все пять японских авианосцев приняли топливо и готовятся к выходу в море. В этот день Нимиц позвонил на верфь и убедительно попросил сделать для него еще одно чудо.

«Энтерпрайз» второй месяц стоял у стенки завода. Повреждения авианосца оказались серьезными, верфи были забиты заказами на текущий ремонт крейсеров и эсминцев, в результате восстановление «Энтерпрайза» шло ни шатко ни валко. Предполагалось, что он будет готов к испытаниям в конце октября.

На том конце телефонного провода сначала дипломатично пообещали «ускорить темп работ». Потом обеспокоенно сказали, что «сделают все возможное». Наконец с тревогой произнесли не предполагающее никаких оговорок слово: «сделаем».

Получив реальную надежду использовать «Энтерпрайз» в предстоящем бою, Нимиц действовал в стиле адмирала Микавы перед боем у острова Саво. Из свободных кораблей, находящихся в этот момент в гавани Перл-Харбора, была сформирована 16-я оперативная группа под управлением контр-адмирала Кинкейда. Командующий приказал ей «*при любых условиях выйти в море 16 октября и полным ходом следовать в Южные моря для соединения с Т.Ф. авианосца “Хорнет”*».

У Нимица имелся опыт составления мобильного флота «из ничего». Но если сражение у атолла Мидуэй разыгрывалось после длительной паузы, то сейчас требовалось создать ударное соединение из самолетов и кораблей, оперативно скованных противником.

В предвидении наступающих событий Гормли был снят, а Хэлси, принявший южный сектор, по распоряжению Нимица вылетел в Нумеа, чтобы оттуда координировать действия обеих авианосных групп.

Игнорируя субординацию, командующий Тихоокеанским флотом напрямую связывался с Вандергрифтом и требовал, просил, а затем уже просто умолял морских пехотинцев продержаться до прихода «Энтерпрайза», то есть до 26-го числа. На всякий случай командующему Т.Ф.17 Мюррею было сообщено, что «до 23 октября морские силы противника будут держаться к северу от островов Стюарт» и что «можно ожидать перехода японцев к активным действиям после этой даты».

Вашингтон: вторая половина октября

Заседания Объединенного комитета начальников штабов наводили на мысль, что логика, которой руководствуются военные, далека от общепринятой. Снова и снова поднимался вопрос о необходимости выделить дополнительные ресурсы для операции «Торч». Президент давно оставил надежду понять, как генералы собираются уместить в Северной Африке эти бесчисленные батальоны, батареи, истребительные и бомбардировочные эскадрильи. Сравнивая англо-американскую армаду, предназначенную для завоевания Алжира, с армией Фалькенхорста, которая бросила к ногам Гитлера Норвегию, Рузвельт уже начинал сомневаться в компетентности своих военных советников.

Осенью резко обострилась обстановка на Северной Атлантике, где К. Дениц применил новую тактику «волчьих стай». Этот прием почему-то оказался неожиданным не только для адмирала Кинга, но и для британского Адмиралтейства. Рузвельт, напротив, считал «стаи» естественным, едва ли не инстинктивным (и, скорее всего, не лучшим) ответом на «конвои». Впрочем, президент сомневался, что вообще существует такая тактика, которая поможет Деницу топить больше тоннажа, чем Америка его строит. В любом случае, на темпах перевозок по плану «Аркадия» подводная война пока не сказалась.

Тихий океан, где вот уже девять недель бушевало тяжелое и по большей части неудачное для американских вооруженных сил сражение, совершенно не интересовал полководцев из ОКНШ. Укрывшись за формулой «Главным театром военных действий является Европа», они были склонны предоставить Нимицу возможность выкручиваться своими силами. Президент подозревал, что новые «лайтнинги» отправляют в Австралию только потому, что их нестандартные силуэты раздражают авиационных генералов Восточного побережья.

Президент, разумеется, понимал, что после Мидуэя борьба на Тихом океане «в целом выиграна». Но потеря Соломоновых островов могла задержать победу на достаточно долгий срок, между тем *для США стратегическое искусство во Второй Мировой войне сводилось к поддержанию баланса между Европой и Дальним Востоком, чтобы обе кампании закончились одновременно.*

Рузвельт не стал записывать эту фразу «для истории», но не отказал себе в удовольствии произнести ее перед Элеонорой. С ней же, утомившись от территориальных амбиций своих флотоводцев, он и провел «узенькое» совещание на тему «Тихий океан». На следующий день, 24 октября, он вызвал к себе Маршалла и приказал предоставить Нимицу дополнительные ресурсы. Когда Маршалл потребовал письменного распоряжения, президент и Верховный главнокомандующий с готовностью написал: «Моя забота о юго-западной части Тихого океана проявится в том, что я буду направлять все возможное вооружение в этот район, чтобы удержать Гуадалканал. Подпись: Франклин Делано Рузвельт».

Первый вздохнул, отправляя назад, в Питер, слабо отредактированный текст. Что тут было исправлять? Нужно было исправлять что-то в жизни у *Второго* — и срочно.

Нужно было писать книгу о Рузвельте: о том, как побеждать, а не о том, как проигрывать, несмотря ни на что! Вот ведь романтика: «чуден пролив Слот при тихой погоде»! *Первый* считал, что для жизни лучше выбирать успешные образчики, для работы — развитые страны, а для любви — тихих порядочных женщин. Он вообще любил быть здоровым и богатым, ну не богатым, так хотя бы уважаемым.

«А что Ямамото? — писал он *Второму*. — Он же после Мидуэя у тебя уже умер как полководец, а ты все тянешь и тянешь текст, оправдывающий его якобы искусство. Нагумо вот обидел. Упомяни хотя бы об этом. А что армейские не взяли Гендерсон-филд, Нагумо, ей-Богу, не был виноват. Он, кстати, покончил с собой на Марианских островах. А не ловил сомнительную фортуна — смерть в воздухе. Так что, кто из них был *Первым* самураем

флота — еще вопрос.

Острова Трук: октябрь

К несчастью, речь шла о сложной комбинированной операции, целиком зависящей от организации взаимодействия между армией и флотом. Предполагалось, что армия Хякутаке двойным охватом овладеет аэродромом Гендерсон. Никто не верил в прорыв, Ставка ориентировала исполнителей на медленное прогрызание неприятельской обороны в стиле Западного фронта образца 1916 года. Крейсера Кондо должны были поддерживать общее наступление, играя роль тяжелых артиллерийских батарей. Линкоры привлекались на случай появления надводных сил противника.

Текущая доставка подкреплений на Гуадалканал возлагалась на 8-й флот. Нейтрализация Гендерсон-филда по-прежнему входила в круг задач 25-й флотилии. Считалось, что блокада, обстрелы и бомбежки рано или поздно подавят авиацию корпуса морской пехоты настолько, что корабли Кондо смогут войти в Слот днем. Тогда крейсера, корректируя огонь с гидросамолетов, разрушат узлы сопротивления и армейские части овладеют аэродромом.

Предполагалось сразу же вновь ввести Гендерсон-филд в действие и перебросить туда одну истребительную и одну бомбардировочную эскадрилью. На этот случай поблизости держались авианосцы. Ямамото разделил их на две группы, отдав Кондо «Дзунье» и «Хийе».

«Эти авианосцы, — написал вчера дотошный *Первый*, — изначально создавались как быстроходные лайнеры для обслуживания Токийской олимпиады 1940 года. По мере углубления «китайского инцидента» и охлаждения отношений между Японией и США, перспективы проведения Игр становились все более туманными. Поскольку надеяться на коммерческий успех японских пассажирских судов в таких условиях не приходилось, фирма-заказчик «Ниппон Юсен Кайса» по договоренности с правительством, субсидирующим постройку кораблей, предложила изготовителю еще на стадии проектирования учесть возможность их переоборудования в авианосцы.

В результате был спроектирован «лайнер» с усиленной конструкцией корпуса, конструктивной противоторпедной защитой и развитой системой пожаротушения. Строительство было прекращено в связи с началом войны в Европе; летом 1940 года корпуса реквизирувало Морское министерство и немедленно приступило к достройке кораблей в качестве авианосцев.

«Дзунье» и «Хийе» получили броневую защиту машинных и котельных отделений, погребов боезапаса и топливных танков; стенки ангара были образованы конструкциями пассажирских кают. От коммерческих судов новым авианосцам достались компактная и экономичная энергетическая установка и повышенный уровень комфорта».

«Справку из Токио» *Второй* вставил в текст целиком, а по поводу авианосцев с улыбкой вспомнил, как поклялся самому себе плавать только на американских. Он даже достал рисунок «Саратоги», который, вдохновляя его на написание первой части книги, висел на двери, а теперь был заброшен в архив, то есть в свалку, занимающую, по правде сказать, всю огромную комнату. Теперь на двери была нарисована карта Тихого океана; он рисовал ее шесть дней. «Когда я умру, — подумал *Второй*, — тебе, друг *Первый*, придется забрать рисуночек на память вместе с дверью».

Глядя на дверь, украшенную съемными корабликами обоих флотов, *Другой* попробовал на вкус фразу:

«Казалось, к востоку от Соломоновых островов сосредоточены значительные силы».

«Вполне могло так казаться, черт меня возьми», — подумал *Другой*. Он вздохнул и дописал следующее:

В действительности, во многом это уже было иллюзией. Авиагруппы ударных авианосцев были недоукомплектованы. На «Дзуйкаку» отсутствовал радар, и в отношении организации боя «Счастливый журавль» целиком зависел от систершипа, «Дзунье» и «Дзуйхо» имели ограниченный (и, скорее, отрицательный) опыт боевых действий в районе Алеут. Для «Хийе» предстоящая операция вообще была первым боевым походом.

За десять месяцев войны средний возраст летчиков — командиров эскадрилий палубной авиации — уменьшился на шесть лет.

Линейный корабль «Ямато»: 24 октября

1

Двадцать второго октября авианосное соединение Какуты (флот Кондо) лишилось «Хийе». На авианосце вышли из строя главные механизмы. Десятиузловым ходом корабль поплелся к Труку, где и встал на ремонт до декабря.

Потеря «Хийе» изменила рисунок развертывания, заставив Ямамото импровизировать.

Пока группа Какуты насчитывала два авианосца, то есть 96 палубных самолетов по штату, ее боевые возможности примерно соответствовали стандартному американскому Т.Ф., выстроенной вокруг «Хорнета» или «Энтерпрайза». Действуя совместно, «Хийе» и «Дзунье» могли защитить артиллерийские корабли Кондо от базовой авиации. В случае же появления мобильных сил американского флота группа Какуты должна была сыграть роль авангардного соединения: вскрыть оперативное построение противника, нанести ему потери и отвлечь на себя его главные силы. (Примерно те же задачи были возложены в Ютландском бою на линейные крейсера Битти.)

Ямамото учитывал основной закон авианосного боя, согласно которому при правильной «игре» ударные корабли сторон «размениваются» в соотношении 1:1. Это означало, что после обмена ударами с соединением Какуты американцы останутся без палубной авиации — по крайней мере, на те часы, которые потребуются аварийным командам, чтобы исправить полученные авианосцами повреждения, принять свои самолеты и подготовить их к новому вылету. В эти часы господство в небе будет всецело принадлежать летчикам Нагумо: «Секаку», «Дзуйкаку» и «Дзуйхо» нанесут удар, действуя едва ли не в полигонных условиях.

Увы, в одиночку «Дзунье» не располагал таким количеством самолетов, чтобы одновременно сбалансировать по истребителям и ударную группу, и боевой воздушный патруль. А в таком случае размена не получится: скорее всего, американцы просто утопят «Дзуйхо», как двумя месяцами раньше они утопили «Рюдзе». Конечно, и при таком обороте событий «главные силы» получали свой шанс на внезапную атаку, но в целом повторение известной противнику оперативной схемы с «кораблем-приманкой» особых дивидендов не сулило. Да и не так много осталось в Объединенном флоте авианосцев, чтобы жертвовать одним из них за весьма проблематичную возможность выиграть темп.

Пришлось оттягивать группу Какуты к северу, выстраивать авианосцы по одной линии и рассчитывать на случайные тактические шансы, связанные с аэродромом Гендерсон.

2

По иронии судьбы развернувшееся на Гуадалканале генеральное сражение нуждалось не в 457-мм орудиях линкора «Ямато», а в его средствах связи. Радиостанция корабля принимала донесения из Рабаула и Шортленда, контролировала частоты, отведенные армейским частям, регистрировала переговоры между американцами, напряженно вслушивалась в отрывочные сообщения Кондо и в молчание Нагумо.

Как всегда, японские корабельные соединения действовали независимо друг от друга,

образуя сложную сетевую структуру. Построение главных сил в общих чертах повторяло рисунок кораблей Кондо: фронтальная завеса из тяжелых артиллерийских кораблей, в 50 — 70 милях к северу — авианосец с непосредственным прикрытием. Обе группы маневрировали к северу от островов Стюарт, ожидая известия о захвате Гендерсон-филда. Общее информационное поле, заданное радиостанцией «Ямато», синхронизировало повороты: соединения Кондо, как в зеркале, отражали движение кораблей Нагумо.

У Второго мелькнула предательская мысль, что, будь подобная структура управления использована при Мидуэе, она обеспечила бы разгром неприятельского флота — вне всякой зависимости от удивительной осведомленности американского адмирала. Мысль была очень неудобной: она быстро обрастала соображениями о роли случайностей и закономерностей в войне и прямо вела к безумию альтернативных схем и признанию неких исторических вероятностей. Это был тупик, на страже тупика стоял неумолимый *Первый* с убийственным убеждением, что всякое «если бы» есть ненаучное фантазирование, ведущее к краху карьеры мыслителя: *«Как бы то ни было, сейчас, через 4 месяца после Мидуэя, каждая радиограмма, которую улавливали антенны "Ямато", превращалась в очередную пометку на рабочей карте».*

В первые дни операции «зеркало Дрейка»¹⁶⁹ оставалось немим: американцы оттянули свой флот далеко на юг, за край карты. Двадцать второго октября («после аварии “Хийе”, — отметил про себя адмирал) радиообмен у противника начал нарастать. Постепенно к востоку от Новых Гебрид стало образовываться «облако» пометок о спонтанных радиоперехватах. Переговоры между американскими станциями достигли локального максимума утром 24-го числа и высветили еще одну проблематичную область развертывания противника, имеющую форму неровного треугольника, обращенного основанием к Австралии и острием на северо-восток.

После полудня служба радиоразведки перехватила сообщение, переданное открытым текстом какой-то береговой станцией. В ответ на оставшийся неизвестным запрос радист ответил:

«Большая морская и воздушная битва ожидается в ближайшем будущем в районе Соломоновых островов».

3

Ямамото приказал немедленно ретранслировать депешу на «Сеаку» и «Дзунье». Теперь уже не составляло труда интерпретировать данные радиоперехвата: американские тактические группы только что соединились у Новых Гебрид. К Мюррею подошел второй авианосец. Это мог быть «Энтерпрайз» из Перл-Харбора или «Саратога», относительно которой было известно, что она ремонтируется на Западном побережье,

Ямамото, не один год проживший в США, помнил, что 27 октября американцы празднуют День Флота. Дополнительным фактором стало внезапное назначение опытного и агрессивного Хэлси: вечером 24-го числа на Труке стало известно, что он сменил Гормли на посту командующего морскими силами в южном секторе Тихого океана. Эти обстоятельства заметно повышали вероятность авианосного боя, притом в самые ближайшие дни.

Приходилось считаться с тем, что противник будет иметь в надвигающемся бою около 180 палубных самолетов — примерно столько же, сколько соединение Нагумо. При таком «раскладе» «Дзунье» в одиночку противостоял авиации Гуадалканала, а сколько еще неприятельских самолетов, базирующихся на Эспириту-Санто, тем или иным способом

---

¹⁶⁹Среди испанцев XVI столетия была популярна легенда, согласно которой Дракон (знаменитый английский пират Ф.Дрейк) нашел во время своих странствий волшебное зеркало, позволяющее, невзирая на расстояние, мрак и туман, видеть все, что происходит на море.

примет участие в сражении, оставалось только гадать¹⁷⁰.

Первым побуждением Ямамото было немедленно вернуть соединения Кондо и Нагумо на Трук, чтобы не идти навстречу замыслам противника. Однако отход флота срывал тщательно согласованную комбинированную операцию на Гуадалканале. Это было политически неприемлемо, да к тому же явилось бы нарушением прямого приказа МГШ. Оставалось лишь принимать бой на условиях американцев. Правда, в тот момент командующий Объединенным флотом еще рассчитывал слегка поломать противнику «игру».

По крайней мере, *Второй* видел его ищущим небольшую возможность отыграться, а в остальном — уверенным и спокойным воплощением самурайства и традиций флота, умершим в своем главном бою под Мидуэем и сейчас рисуящим для истории наиболее честные иллюстрации и своей смерти, и гибели авианосцев, и падения Империи. Адмирал знал — не мог не знать — предел времени, отпущенный вверенному ему Объединенному флоту. После Мидуэя он словно открыл в себе способность некоего посмертного блаженства и жил в сосредоточии этой Реальности «здесь и теперь», и проживал каждое действие этой жизни с максимальной глубиной. Трудно сказать, было ли это дзенское просветление... *Второй* с улыбкой читал едкие характеристики *Первого*. Сейчас Ямамото не то, чтобы для *Второго* был неприкосновенен, он, похоже, не нуждался в чем-то адекватном восприятии. Как в конце Пути любому человеку нужно успеть выполнить нечто, а не получить помилование, награду или дань.

Вечером 24 октября Ямамото обратился к армии. Он объяснил, что корабли находятся в море более двух недель: главные и вспомогательные механизмы требуют профилактического ремонта, горючее подходит к концу. В связи с этим, если в течение двух ближайших дней Гендерсон-филд не будет захвачен, Объединенный флот вернется в Трук.

...Радиоперехват с Гуадалканала принесли ночью. Двадцать пятого октября, в 1:26. «Банзай! Аэродром захвачен в 23:00», — сообщил в Рабаул флотский офицер связи.

Около двух часов ночи соединения Кондо и Нагумо повернули на юг и увеличили скорость. Ямамото почему-то вспомнил слова Джеллико, произнесенные английским адмиралом перед Ютландом. Командующий флотом в водах метрополии спустился к своим офицерам штаба и тихим усталым голосом сообщил: «Теперь эскадренный бой неизбежен».

Ямамото погрузился в медитацию и через полчаса спокойно уснул.

Шортленд: 25 октября

Если Микава и сомневался в правдивости донесения с Гуадалканала, это лишь укрепило командующего 8-м флотом в мысли немедленно бросить в Слот свои легкие корабли и добиться перелома в ходе сражения. Микава знал, что главные силы Объединенного флота идут к островам Стюарт, и догадывался, что навстречу им выдвигаются с юга авианосцы вице-адмирала Хэлси.

Два «ударных» соединения (первое из четырех эсминцев, второе из пяти эсминцев и легкого крейсера) были направлены к Гуадалканалу, имея задачей вывести из строя гидроаэродром на Тулаги и содействовать усилиям армии в районе Лунга-Пойнт. Корабли

170 На Гуадалканале базировались 38 истребителей, 20 пикирующих бомбардировщиков и два торпедоносца; снабжение их горючим и боеприпасами оставляло желать лучшего. На Эспириту-Санто оставалось 23 «уайлдкэта», 39 «летающих крепостей», 12 «хадсонов», 32 «каталины» и пять «кингфишеров». В резерве в Новой Каледонии сосредоточились 61 истребитель к 29 бомбардировщиков. Всего — 261 самолет. Им противостоял 11-й воздушный флот Кусаки в составе 220 самолетов. Однако японские самолеты, базирующиеся на Рабаул, оказывались вне пространства авианосного сражения, развертывающегося к востоку от островов Стюарт.

еще только входили в Слот, когда командующий 8-м флотом получил первые сведения о том, что на суше все обстоит далеко не так благополучно, как сообщало радио.

...Выполняя согласованный с Ямамото план операции, Нагумо перед рассветом поднял с «Дзуйкаку» 14 истребителей и пять бомбардировщиков. Эти самолеты (горючее для них доставлял один из быстроходных эсминцев-транспортов Микавы) должны были образовать ядро японских военно-воздушных сил на аэродроме Гендерсона. В предстоящем бою на них возлагались разведка, отвлечение внимания противника и, может быть, внезапный фланговый удар по одной из американских авиаэскадрилий.

Вскоре после восхода солнца самолеты подошли к Гуадалканалу и начали кружить над аэродромом в ожидании сигнала на посадку. Около семи утра, когда полоса подсохла после ночного ливня, в воздух поднялись истребители; за несколько минут они сожгли все японские машины...

«Вот, я же тебе говорил сто раз, что твой Ямамото уже просто жил в иллюзорном мире. Воистину, чего проверять желаемое, вдруг не сработает? Детский психоанализ какой-то — закрыть глаза и ждать, когда не сработает. У японцев, тем паче армейских, это в крови: если не получилось, нужно достойно доложить, что все путем — авось выйдет само. Прямо «русский вариант» какой-то. Потом у них всегда есть возможность сделать харакири, если что... Ты пойми наконец, что это нация формы, а не сути. Сплошная чайная церемония: все осознают Коан, но каждый — как умеет. Кто совсем не может Коан — тому дают ритуал и ставят к конвейеру, очень удобно. Суть — она осталась в монастырях и святилищах — для истории или особо просветленных, а форма — она и есть форма. К тому же армейские всерьез считали, что Флот им плохо помогает и сгниют они около этого поганого аэродрома почем зря».

«Ого! — прочитав, подумал *Второй*, — а ты там соскучился, в своей Стране Восходящего Солнца, кричишь — добрый знак работы мысли. А Ямамото действительно не проверил точность доклада о взятии аэродрома. Это был бы удар в сердце, если бы оно что-то чувствовало после Мидуэя».

«Да, кстати, не проверил, скорее, все-таки Нагумо или Какуда, да и как ему было проверить, послать один самолет — собьют с берега, — написал торопливый ответ *Второй*, — а в остальном ты прав: японская армия периодически подставляла японский флот, а русские ВВС, например, еще и сейчас на дух не переносят никаких других армейских, хотя у нас уже ни армейских, ни ВВС не осталось... Кастовая солидарность, она еще пуще национальной. Мое высшее отсутствие образования выделяет меня из твоей группы особо дипломированных мужей бывшей империи. Мы применим тут ТРИЗ, Ямамото его не знал. Когда тебя начнет утомлять моя непринадлежность к твоему клану, ты просто купишь мне простенький дипломчик и подаришь на «день варения» или закомментируешь насмерть мою эпохальную работу про Тихий океан. Скучаешь, гад японский. Недолго осталось».

У Лунга-Пойнт эсминцы Микавы попали под обстрел береговых батарей, которые должны были быть захвачены еще ночью. Транспортное ударное соединение поставило дымовую завесу и, не теряя ни минуты, отошло к Шортленду. Оно отделалось легким испугом и двумя покалеченными эсминцами. Группа «Юры» оказалась настойчивее, за что и поплатилась, попав около 12 часов дня под удар пикирующих бомбардировщиков с Гендерсон-филда¹⁷¹; легкий крейсер потерял ход и был добит своими же эсминцами.

Время от времени армейские передавали, что ведут бои на окраине аэродрома, который будет захвачен «в ближайшем будущем».

Счет первого дня боя определился: Страна Восходящего Солнца потеряла легкий крейсер и 19 палубных самолетов, три эсминца получили повреждения разной степени

---

¹⁷¹Некоторые источники приписывают уничтожение ЛКР «Юра» «летающим крепостям» с Новых Гебрид.

тяжести. «Звезднополосатые» заплатили за этот результат шестью бомбардировщиками.

Линейный корабль «Ямато»: ночь на 26 октября

Во второй половине дня американские дальние разведчики (В-17 и «каталины») неоднократно устанавливали контакт с японскими соединениями. В ответ Ямамото выполнил простой финт: авианосные группы отвернули на север, в то время, как корабли прикрытия продолжали двигаться к югу. Кинкейд не разгадал маневр, что стоило летчикам «Энтерпрайза» многочасового поиска и шести самолетов, выработавших горючее и севших на воду.

Около 18:00 японские авианосцы вновь двинулись на юг. «Игра» шла «на кончиках пальцев»: на несколько минут опередить противника в обнаружении и этим получить преимущество, измеряемое буквально долями процента.

Небо кишело «летающими лодками» союзников. После полуночи одиночный разведчик вышел точно на «Дзуйкаку» и неожиданно сбросил торпеду. Авианосец с трудом уклонился. Почти сразу состоялась вторая атака, выполненная по похожей схеме. На сей раз «лодка» была вооружена бомбами, которые она уронила впритирку с корпусом «Дзуйкаку». Дым от разрывов окутал мостик.

Раздраженный Нагумо «нарисовал еще один финт» — главные силы отошли на север. Кондо повторил этот маневр с задержкой на один час; незадолго до рассвета Передовое соединение начало склоняться к востоку, сокращая дистанцию с кораблями Нагумо.

Ямамото одобрил этот маневр. Во всяком случае, противник как будто потерял контакт с японскими авианосцами. Это означало, что утром 26 октября главной проблемой Кинкейда будет организация разведки.

Все это *Второй* написал благодаря любезному разъяснению *Первого*, который (и не лень же было) сопоставил расхождения хронологии у разных авторов. Таблица напомнила детское задание по занимательной математике типа: если Моррисон начал атаку в 2:50, то во сколько же случился рассвет? Второй был счастлив и тронут. Он был спасен от читального зала библиотеки, где его душил отвратительный кашель и где пустоголовые студентки читали журналы по визажу, дизайну и менеджменту — по трем делам, в которых *Второй* мелко плавал и предпочел бы утонуть сразу, но жизнь распоряжалась иначе. Именно в библиотеке к нему приставали с самыми странными предложениями, начиная от «стать спонсором тридцатилетней парикмахерши» и заканчивая идеей написать бесплатную вывеску для стриптиз-клуба «ПионерыМы».

«Дзуйкаку» был атакован в 2 часа 50 минут по местному времени, — писал *Первый*, — это время, которое указывается в большинстве источников. Им пользуются С.Моррисон и С.Далл; в официальном американском отчете о сражении часы сдвинуты вперед, и «летающая лодка» сбрасывает торпеду в 3:50. У М.Окумии время, напротив, отстает на два часа (указано 0:50). Кстати, М.Окумия многие цифры явно дает по памяти. В данные С. Моррисона, возможно, вкралась ошибка: восход солнца 26 октября на 10 градусе южной широты указан у него с погрешностью в 10 минут — 5 часов 23 минуты вместо 5 часов 33 минуты».

Это было прекрасно. *Второй* передвинул на двери эскадру японцев по частям на север и восток, слегка злорадствуя по поводу того, что, пока он будет спать, американские разведчики начнут по приказу своего адмирала искать ее на юге.

Меланезийская котловина (к северу от островов Санта-Крус): 26 октября, день

отчетливо высветило перспективы большого сражения, но не дало достаточного представления о «месте» неприятельских авианосцев. Поскольку информации категорически не хватало, командующий поднял с «Энтерпрайза» 16 самолетов-разведчиков. «Доунтлессы» (получившие «из общих соображений» по одной 500-фунтовой бомбе) взлетели еще до рассвета. Им был выделен сектор между направлениями на юго-запад и на север, что свидетельствует об отсутствии у Кинкейда правдоподобной «картинки»¹⁷².

Нагумо точнее определил район поиска и задействовал больше самолетов. Шестнадцать штатных гидропланов стартовали ночью с выдвинутых вперед крейсеров прикрытия, еще восемь «кейтов» поднялись в воздух с палуб авианосцев. Наблюдение велось в секторе «восток-юг» на дальность до 300 миль.

Первое донесение поступило в 6:50 утра. Самолет с «Секаку» заметил «вражеский авианосец и 15 других кораблей», которые двигались на северо-запад. Дождавшись подтверждения, Нагумо отдал приказ первой волне — «взлетать немедленно». В 7:15 самолеты 1-й дивизии авианосцев начали подниматься в воздух.¹⁷³

Американские разведчики обнаружили первую цель в 6:17 утра — два линкора, тяжелый крейсер и семь эсминцев группы Кондо. В 6:50 — минута в минуту — на «Энтерпрайз» были сообщены координаты «Секаку». Кинкейд ретранслировал сообщение в Нумеа. Хэлси, поднятый с постели, приказал «немедленно атаковать». Можно согласиться с источниками, что это решение требовало большой отваги, но, конечно, ни у Хэлси, ни у Кинкейда уже не было выбора. В 7:30 «Энтерпрайз» и «Хорнет» начали последовательный подъем трех волн самолетов.¹⁷⁴

Здесь придется отдать должное *Первому* и отослать ему кусочек славы Нагумо-стратега. *Второй* вздохнул и написал:

На стадии сближения и поиска Нагумо действовал безупречно и, как сказали бы шахматисты, накопил изрядный позиционный капитал. Японский командующий угадал место и курс противника, выиграл пятнадцать минут на стадии развертывания, направил к цели больше самолетов. Кинкейд, слишком отклонившийся к востоку, не сумел наладить взаимодействие своих кораблей с базовой авиацией и вынужден был потратить целую эскадрилью бомбардировщиков для организации воздушной разведки.

«Впрочем,— рассуждал далее *Второй*,— сражение еще не вступило в техническую, просчитываемую до конца стадию затухающего обмена ударами. Прежде всего, еще не была до конца вскрыта оперативная конфигурация сторон: японцы не нашли “Энтерпрайз”, американцы не видели “Дзуйхо” и “Дзунье”».

Американские комментаторы, как ты мне сообщил, дружно настаивают на том, что в этот момент Нагумо вообще не знал о присутствии «Энтерпрайза».

Я же считаю, что в действительности все японские командующие — и Ямамото, и Кондо, и Какута, и Нагумо — правильно оценивали количество авианосцев в группе «Кинг». Какута потому и задержал подъем авиагруппы «Дзунье», что ждал донесения об обнаружении 2-го американского Т.Ф.

---

¹⁷²Ни при каких обстоятельствах японские авианосцы не могли находиться в тот момент к югу от американских. Зато они вполне могли двигаться не западнее, а восточнее кораблей оперативной группы «Кинг». Поэтому альтернативой круговому поиску могла быть только разведка в секторе запад-северо-запад — восток-северо-восток.

¹⁷³Первая волна: 22 «вэла», 18 «кейтов», 27 «зеро» — 67 машин. Вторая — 12 «кейтов», 20 «вэлов», 16 «зеро» — 48 машин. Сведений о боевом воздушном патруле нет, но, по-видимому, он был сокращен до минимума.

¹⁷⁴Первая волна: 15 «доунтлессов», шесть «авенджеров», 8 «уайлдкэтов». Вторая — 3 — 8 — 8. Третья — 9 — 9 — 7. Всего 73 самолета в трех волнах; в боевом воздушном патруле — 38 истребителей.

Неделю писем из Токио не было. *Второй* терялся в догадках. Немного обиделся и закончил «Санта-Крус» без комментариев Первого. «В Токио тоже бывает весна,— решил он. — Еще люди болеют, работают и ходят в пивные бары». Он съездил в Сосновую Поляну и получил нагоняй за кашель, плохой язык в главе про мыс Эсперанс и скверные манеры, еще был чай и пирог с тыквой.

— В Токио тоже бывает весна, — сказал он, прощаясь.

— Да, мальчик не пишет,— прошелестел короткий ответ. — А ты — заходи.

Пулково принимало свои самолеты с очередностью, привычной для жителей проспекта Ветеранов. *Второй* ежился, поглядывая в небо. Впереди у него был тихий выходной с затухающими волнами воздушных атак у островов Санта-Крус.

2

Около 7 часов утра, когда на японских авианосцах заканчивались последние приготовления к выпуску самолетов первой волны, пара «доунтлессов» под управлением лейтенанта Стронга и младшего лейтенанта Ирвинга патрулировала в ста милях к западу от кораблей Нагумо. Море выглядело вполне пустынным, и пилоты больше внимания уделяли эфиру, нежели своим прямым обязанностям. Перехватив переговоры разведчиков, обнаруживших «Сеаку», оба лейтенанта, особенно не задумываясь о полетном задании, секторах наблюдения и фазах воздушной разведки, развернулись и полетели на восток. «Дзунье» это по всей вероятности уберегло от обнаружения, а вот «Дзуйхо» не повезло.

Эпизод, очень четко характеризующий, чем американцы отличались от других участников великой войны. Никогда ни один русский, немецкий, японский или британский пилот не бросил бы свой сектор патрулирования без прямого и недвусмысленного приказа.

«Сеаку» Ирвинг и Стронг не нашли, зато обнаружили «Дзуйхо» и «на всякий случай» атаковали его. В предварительных расчетах (равно как и в военно-штабных играх) подобные «атаки» даже не считают: для двух пикировщиков вероятность поразить маневрирующую на полном ходу цель пренебрежимо мала, особенно если учесть противодействие истребителей патруля, зенитных средств авианосца и кораблей охранения. Тем не менее, два одиночных «доунтлесса» добились двух прямых попаданий в полетную палубу «Дзуйхо», уклонились от атак истребителей и преспокойно вернулись на «Энтерпрайз».

«Дзунье» поднимал в воздух свою авиагруппу, когда Окумия, дежурный по штабу 2-й ДАВ, доложил Какуте, что «Дзуйхо» атакован неприятельским разведчиком и выведен из строя.

— Авианосец не может принимать самолеты, возвращается на Трук.

После обмена ударами такая новость могла бы считаться даже хорошей. Сейчас она была неправдоподобно плохой.

Первый молчал, и *Второй* на свой страх и риск написал, что составление баланса сражения у островов Санта-Крус затруднено противоречиями между источниками и нечеткостью информации в любом из них. Относительно «Дзуйхо» было не ясно, мог ли он *выпускать* самолеты. Теоретически (если исходить из характера полученных повреждений) это было вполне возможно.

Он переместил «Дзуйхо» на Трук и сообщил в письме замолчавшему *Первому*, что на практике пожар в ангаре приводит к задымлению полетной палубы и прекращению взлетно-посадочных операций. *Второй* который раз ловил себя на мысли, что ему во что бы то ни стало хочется оправдать этих проклятых япошек и превратить их всех в маленьких Ямамот, которые, конечно, сделали что смогли, и раз на Трук — так на Трук.

«Скорее всего,— писал он,— в дальнейшем сражении принимали участие только те самолеты «Дзуйхо», которые взлетели до получения авианосцем попаданий. В любом случае

придется признать, что после неожиданного выхода из строя одного из авианосцев 1-й дивизии перевес в сражении перешел на сторону Кинкейда».

3

В этот день погода была ясной, хотя южную часть небосклона занимали низкие рваные облака; ближе к островам Санта-Крус бродили дождевые шквалы. Слабый, не более трех узлов, ветер задувал с юго-востока. Условия, благоприятствующие ударным самолетам, но не авианосцам.

Американские «волны» шли к цели независимо: впереди — эскадрильи «Хорнета», чуть поотстав, самолеты «Энтерпрайза». Внезапно, милях в ста от предполагаемого «места» японских тяжелых авианосцев, вторая «волна» была атакована со стороны солнца. «Зеро» мгновенно сбили три американских истребителя и привели в полную негодность четвертый (пилоту удалось выйти из боя и на низкой высоте добраться до «Хорнета»). Другая четверка «уайлдкэтов» в свою очередь добилась внезапности и отправила в море два «зеро»; торпедоносцы «Хорнета» прошли через центр свалки, обнаружив «по пути» бомбардировочную эскадрилью «Сеаку»; оставшиеся «зеро» оторвались от противника пикированием с уходом на юг, капитан-лейтенант Флетли не решился их преследовать, снимая прикрытие со своих «доунтлессов».

Однако лейтенант Хидэки с «Дзуйхо» не считал, что воздушный бой закончен. «Снизу-спереди» он атаковал торпедоносцы «Энтерпрайза» (третья волна) и сбил восемь машин, включая самолет командира эскадрильи. На этом у «зеро» кончились боеприпасы, и Хидэки повернул назад, к своим авианосцам. В результате: у японцев потеряно два истребителя, еще десять исчерпали возможность продолжать бой. Американцы лишились восьми торпедоносцев и такого же количества истребителей, кроме того, их «третья волна» отстала и практически выбыла из «игры».

Воздушный патруль «Хорнета» был предупрежден о предстоящем налете сообщениями с бомбардировщиков и данными РЛС. И все равно истребители оказались «не там» и действовали «не так». В 9:10 японские самолеты преодолели внешнюю зону ПВО и вышли на цель.

Хотя «взлы» опередили торпедоносцы на подходе, Секи Мамору, опытный командир бомбардировочной эскадрильи «Сеаку», сумел выстроить взаимодействие между своими самолетами: пикировщики атаковали слева, с кормы, «кейты» зашли справа, с носовых курсовых углов. Почти сразу же бомба поразила «Хорнет» в кормовую часть полетной палубы, еще две взорвались в воде у правого борта, причинив кораблю тяжелые подводные повреждения.

Пикирующий бомбардировщик врезался в дымовую трубу «Хорнета»: горящий бензин залил мостик, одна из подвешенных бомб, оторвавшись вместе с куском крыла, взорвалась на полетной палубе, другая вызвала тяжелый пожар в ангаре. Через три минуты две бомбы вновь попали авианосцу в корму, разрушив сразу четыре уровня. Плали кают-компания и помещения для команды. В носовую оружейную площадку ударил разваливающийся на части «кейт».

Две торпеды вошли в корпус «Хорнета», разрушив машинное отделение и выведя из строя все турбогенераторы. Погас свет, прекратилась работа пожарных насосов. Плающий корабль остановился с креном 10 градусов на правый борт. Авианосец был мертв.

Из двадцати семи атаковавших его японских самолетов вернулись только два.

«Энтерпрайзу» как всегда повезло: в 9 часов 10 минут авианосец вошел в дождевой шквал и оставался там до половины десятого.

В 9:15 американская первая «волна» прошла над тяжелыми крейсерами соединения

Абэ. Пилоты дисциплинированно доложили об этом Кинкейду и продолжили поиск японских авианосцев.

Получив донесение с «Кирисимы», Нагумо ориентировал боевой воздушный патруль на перехват. «Зеро» сразу же сбили два головных бомбардировщика и полностью расстроили боевой порядок американцев. «Уайлдкэты», связанные боем, покинули строй. Торпедоносцы шарахнулись в сторону и потеряли ориентировку. Только «доунтлессы», сомкнувшись для лучшего отражения атак истребителей, продолжали следовать прежним курсом, который выводил их прямо на «Сеаку». За следующие десять минут флагманский авианосец вице-адмирала Нагумо получил шесть попаданий.

На удивление, все они пришлись на кормовую часть полетной палубы (между траверзом и третьим самолетоподъемником) и не вызвали сколько-нибудь значительных пожаров. Тем не менее, настил палубы «Сеаку» на последней трети ее длины представлял собой чередование рваных дыр и скрученного металла, средства связи и сигнализации полностью вышли из строя¹⁷⁵.

Торпедоносцы первой волны так и не отыскиали «Сеаку» и сбросили свои торпеды в крейсер «Судзуя». Попаданий они не достигли.

Расстроенная атаками истребителей, «вторая волна» «Хорнета» не нашла ни «Дзуйкаку», ни «Дзуйхо», хотя несколько раз видела их эсминцы прикрытия. В конце концов американцы, руководствуясь, очевидно, пословицей о синице в руках, повернули назад и сбросили бомбы на корабли Абэ. Две тяжелые бомбы разрушили носовую надстройку «Тикумы», еще три повредили дымовую трубу и вывели из строя носовое машинное отделение левого борта. Имея на борту 190 убитых и 154 раненых, крейсер с трудом добрался до Трука.

В этот период боя безрезультатным атакам подверглись линкор «Кирисима», на который вышли самолеты «Энтерпрайза», и тяжелый крейсер «Тоне».

4

В девять часов утра «Дзунье» повернул на юго-запад. Какута шел навстречу своим авиагруппам, чтобы хоть немного увеличить шансы для поврежденных самолетов и раненых пилотов. Обмен воздушными ударами состоялся, но вторая японская волна еще находилась в полете и ждала своего хода.

Этот момент короткого затишья был использован Нагумо для передачи полномочий. В начале десятого радиостанция «Ямато» ретранслировала сообщение с одного из эсминцев ордера: «“Сеаку” и “Дзуйхо” в сопровождении четырех эсминцев отходят на Трук. Контр-адмиралу Какуте предписывается продолжать бой, приняв под свое командование тяжелый авианосец “Дзуйкаку”».

К чести Нагумо, этот необычный приказ он отдал без колебаний. На «Дзунье» были совершенные средства связи и имелась РЛС обнаружения воздушных целей. Чтобы довести удачно складывающийся бой до победы, нужно было обеспечить непрерывность и четкость управления.

Самолетами второй волны командовал капитан-лейтенант Мурата, лучший в мире специалист по применению авиационных торпед и последний ветеран Перл-Харбора в соединении Нагумо. Обстановка, как она складывалась, вынуждала атаковать «Хорнет». Вышедший из ордера авианосец был легкой добычей, и Мурата имел все основания

175С этой атакой связаны некоторые неясности. Единственный раз за всю войну американские пилоты претендуют на меньшее число попаданий, нежели регистрирует японская сторона (четыре и шесть). Зато американцы настаивают на уничтожении «пушечно-пулеметным огнем бомбардировщиков» пятнадцати «зеро». Японцы же утверждают, что «зеро» никаких потерь не имели и сами сбили восемь «уайлдкэтов».

надеяться вернуться из этого вылета и даже увеличить свой боевой счет. Тем не менее, он продолжал рисовать круги над американским соединением, теряя время, привлекая к себе вражеские истребители. Мурата искал второй авианосец. И он дождался «Энтерпрайза», вынырнувшего из завесы дождя. «Дзунье», «Дзуйкаку» и «Ямато» слышали последний приказ капитан-лейтенанта Мураты: «Всем самолетам атаковать».

В этом бою «Энтерпрайз» применил новую схему противовоздушной обороны, выстроенную вокруг новейшего линкора «Саут-Дакота», вооруженного (как и сам «Энтерпрайз») 40-мм скорострельными «бофорсами». После боя линкор претендовал на 32 сбитых самолета.

«Из которых 26 ему засчитали», — подумал усталый *Второй* и снял с поля боя на двери выбывшие в расход корабли.

«Энтерпрайзу» продолжало везти. Торпеды с подводной лодки «1-21» принял на себя эсминец «Портер»¹⁷⁶. Произошло это по чистой случайности: эсминец занимался спасением экипажа севшего на воду самолета, авианосец маневрировал, уходя от атаки пикировщиков. Ни на том, ни на другом корабле японскую субмарину не видели.

Летчики Мураты претендовали на пять попаданий. Вероятно, эту цифру подтвердили бы даже сигнальщики с «Саут-Дакоты», но в действительности «Энтерпрайз» опять уклонился от всех торпед, хотя некоторые прошли буквально впрытик.

Лишь «вэлы» добились «двух с половиной» попаданий, вызвав пожар и небольшой крен.¹⁷⁷

Авиагруппа «Дзунье» долго оставалась в резерве. Лишь около 9 часов утра Какута бросил в бой свою «третью волну» — 17 пикирующих бомбардировщиков и 12 истребителей. В 11:20 самолеты вышли на цель, и вновь горящий «Хорнет» отвлек на себя внимание, и вновь пилоты искали неуловимый «Энтерпрайз».

На сей раз бомбы поразили «Саут-Дакоту» и тяжело повредили крейсер «Сан-Джуан». Что же касается «Энтерпрайза», то на его долю пришелся один «близкий разрыв».

Для американцев эта атака обозначила самый тяжелый момент во всем сражении. Бомбардировщики «Дзунье» вышли на цель, когда «Энтерпрайз» готовился принимать возвращающиеся после атаки вражеских кораблей самолеты. Если говорить о «призраке Мидуэя», то в эти минуты он прочно поселился над оперативной группой «Кинг». В распоряжении Кинкейда оставалась только одна посадочная площадка — палуба «Энтерпрайза». Аэродром на островах Санта-Крус так и не построили, а до Гуадалканала или Эспириту-Санто самолетам не хватило бы горючего. Одно удачное попадание — и палубная авиация Тихоокеанского флота прекратит свое существование.

Если бы можно было бы заказать другое прошлое, *Второй* выбрал бы именно этот момент. Он посадил бы на воду всех «звезднополосатых» пилотов, и американцы сидели бы в самой большой луже на планете, пусть ненадолго, зато...

— Вам, юноша, нужно уходить в фантасты, вы увлекаетесь: будете прилично зарабатывать — сказала мать *Первого*.

Он увлекался... Авианосными сражениями по ночам.

Самолеты «Хорнета» металась между своим авианосцем и «Энтерпрайзом», пытаясь найти хоть какую-то возможность для посадки. С израсходованным боезапасом, с

---

¹⁷⁶Были разрушены оба котельных отделения. Эсминец потерял ход и был оставлен командой.

¹⁷⁷Разрушена полетная палуба в носовой части авианосца; сильный пожар на третьей палубе, заметная фильтрация воды через швы правого борта.

выработанным горючим они могли только ожидать исхода борьбы между «Большим “Э”» и самолетами «Дзунье».

Какута принял решение сблизиться с противником и нанести еще один удар. Выполнив небольшой финт, «Дзунье» вновь развернулся на юго-восток и увеличил ход до полного. Теперь легкий авианосец выдвинулся вперед, прикрывая «Дзуйкаку», который маневрировал значительно севернее. В 13:15 была поднята в воздух «четвертая волна»: девять торпедоносцев и пять «зеро».

Около двух часов дня вернулись самолеты предыдущей ударной группы. Уже не пытаясь выдерживать строй, они скользили над самыми волнами, заходили на авианосец с произвольных направлений и с ходу совершали посадку. Подобное пренебрежение правилами могло привести к авариям, даже к столкновениям, но летчики были слишком потрясены увиденным. Они рассказывали о своей атаке на «Энтерпрайз», о невероятном сопротивлении в воздухе, об огненных стенах, встречающих бомбардировщики.

Выжившие летчики лейтенанта Ямагути были убеждены, что они все-таки подожгли «Энтерпрайз». Этой уверенностью они заразили и сотрудников информационного центра «Дзунье», откуда контр-адмирал Какута управлял воздушным сражением. Какута вызвал торпедоносцы. Связь на сей раз работала как часы, и лейтенант Ирикиин криком «Банзай!» приветствовал сообщение, что оба американских авианосца вышли из строя. Эскадрилья «Дзунье» сбросила торпеды по первому же горящему кораблю, обнаруженному по пути следования. Им, естественно, оказался «Хорнет».

По оценкам Какуты, пока что бой складывается в пользу японцев. Решающими были не столько доклады экипажей, сколько отсутствие ударов авиации противника по «Дзуйкаку» и «Дзунье». Небо оставалось чистым, и это означало, что американцы не смогли перевооружить вернувшиеся самолеты и вновь поднять их в воздух. Пока — не смогли.

Около двух часов дня командующий 1-й и 2-й дивизиями авианосцев обратился к М.Окумии:

— Идите в ангар и уточните, сколько самолетов мы можем немедленно отправить в новую атаку.

Муррей, флаг которого был перенесен на крейсер «Пенсакола», все еще пытался спасти «Хорнет». К авианосцу было подведено три эсминца, с которых подали водяные шланги. Более тысячи человек организованно боролись с огнем, и пожары постепенно начали затихать. В этих условиях корабельные инженеры и техники попробовали даже восстановить работоспособность сорванных с фундаментов турбин — занятие, требующее чисто американского оптимизма.

Незадолго до 10 часов утра Кинкейд приказал «Нортгемптону» покинуть ордер «Энтерпрайза» и взять на буксир «Хорнет» — распоряжение не самое здоровое. Сначала буксировке помешал одиночный «вэл», затем лопнувший трос. Адмиралы оказались настойчивыми: в 13:30 команда авианосца выбрала вручную двухдюймовый буксирный линь и закрепила его на авианосце.

— Это все? — устало спросил Какута. Окумия не ответил, потому что вопрос не подразумевал ответа. Командир «Дзунье» Окада только что объявил по громкой связи:

— Подготовить к атаке шесть пикировщиков и девять истребителей. Взлет немедленно по завершении обслуживания.

5

К двум часам дня остававшиеся в воздухе американские самолеты совершили посадку на «Энтерпрайз». В штабе группы «Кинг» обсуждали возможность повторного удара, но Кинкейд резко оборвал эти разговоры, сказав: «Удара не будет».

Местонахождение японских авианосцев (равно как и их количество) оставалось неизвестным. Надвигалась ночь¹⁷⁸: экипажам пришлось бы после второго за день боевого вылета в крошечной тропической темноте садиться на поврежденную палубу. Наконец, начал сдавать «Энтерпрайз».

С каждым часом становилось все труднее осуществлять взлетно-посадочные операции. Резко усилилась вибрация корпуса — последний «близкий промах» повредил один из опорных подшипников главной энергетической установки корабля. На нескольких горизонтальных уровнях разлилась вода; авианосец шатался, как пьяный. Его запасы плавучести и остойчивости были практически исчерпаны.

В два часа дня бомбардировщики «Энтерпрайза» получают приказ «на всякий случай» немедленно перелететь на Эспириту-Санто. Оперативная группа «Кинг» признает проигрыш сражения и начинает отход.

— Снова? Я должен снова лететь? — воскликнет молодой лейтенант, внезапно оказавшийся старшим по званию среди пилотов пикирующих бомбардировщиков.

— В нашей борьбе с врагом не может быть отдыха...

«Ошибочная» атака «кейтов» поставила точку в авантюре с буксировкой «Хорнета». В правый борт авианосца попало три торпеды. Две из них не взорвались (в бою у островов Санта-Крус зафиксировано пять случаев отказа взрывателей японских торпед), но это уже не имело значения. В течение ближайших двадцати минут корабль атаковали пикирующие бомбардировщики с «Дзуйкаку». От прямого попадания в ангар вспыхнул пожар, близкие разрывы разорвали обшивку подводной части корпуса и вызвали крен в 14 градусов. Авианосец, однако, упорно продолжал держаться на воде.

Последняя японская атака завершилась в 17:20 и принесла еще одно попадание. К этому времени расстояние между «Хорнетом» и крейсерами Кондо составляло едва ли более пятидесяти миль: Передовое соединение приступило к «прочесыванию местности». Неожиданно у японцев появилась реальная надежда захватить американский авианосец. Речь шла, конечно, не о восстановлении разрушенного корабля (по этому поводу никто не питал иллюзий), а о чисто пропагандистском эффекте, оправдывающем, по мнению адмирала Ямамото, любой риск.

Со своей стороны Мюррей продолжал упорствовать в попытках спасти авианосец. Лишь около семи часов вечера эсминцам «Мастин» и «Эндерсон» было приказано потопить «Хорнет». Сделать это, однако, оказалось непросто: миноносцы израсходовали весь запас торпед, не причинив кораблю никакого вреда. Японские крейсера «неотвратимо приближались», оставаться рядом с «Хорнетом» становилось все опаснее и опаснее; в конце концов эсминцы открыли оружейный огонь, убедились, что авианосец «вспыхнул от носа до кормы», и полным ходом направились на юг.

«Связистов за халатность и трусость надо отдать под суд, — зевая произнес *Второй*, — спатеньки пора, герр штандартенфюрер Штирлиц. Завтра напишу о том, как “Хорнет” был-таки добит поздней ночью — четырьмя 610-мм торпедами с эсминцев “Акигумо” и “Макигумо”».

Авианосец «Дзунье»: ночь на 27 октября

В юго-восточной части горизонта полыхало низкое темно-багровое зарево. Эсминцы контр-адмирала Абэ уже доложили, что это американский «Хорнет». Корпус авианосца раскалился докрасна, полетная палуба оплавилась и прогнулась, «остров» накренился внутрь. Пламя вырывалось из дыр в стенках ангара и палубном настиле. Корабль погрузился почти до оружейных площадок, его машинные отделения были залиты водой. Взять на буксир драгоценный трофей не было никакой возможности, эсминцы нанесли «Хорнету»

«удар милосердия» и засвидетельствовали факт гибели авианосца.

Американцы оставили поле боя кораблям вице-адмирала Кондо.

В десять часов вечера японские миноносцы рассекали волны там, где гидросамолеты-разведчики в последний раз видели «Энтерпрайз». Ямамото приказал организовать масштабный поиск противника. Это распоряжение исполнили миноносцы Абэ, обшарившие прямоугольную область 200 на 100 миль, и крейсера Кондо, спустившиеся на юг почти до острова Ндени.

«Дзунье» начал отход двумя часами раньше. Какута принял решение построить оставшиеся боеспособными авианосцы в единый ордер и с утра возобновить сражение. Стараниями штурмана соединения около полуночи «Дзунье» встретил «Дзуйкаку»: тяжелый авианосец медленно поворачивал на северо-восток, описывая дугу большого радиуса.

Оперативная обстановка представлялась тревожной. На эсминцах сопровождения заканчивалось горючее, на авианосцах не хватало торпед и горючего для самолетов. Со всех направлений доносился гул моторов: вооруженные для ночных атак «каталины» искали корабли Какуты. Около двух часов ночи «летающая лодка» с Гуадалканала тяжело повредила эсминец «Терудзуки».

Американский флот, как казалось, ушел на юг. Это могло быть окончательным отступлением или обычным финтом. Какута точно знал, что один авианосец противника уничтожен. Гибель второго не была подтверждена, хотя и казалась вероятной. Однако последняя атакующая волна встретила над целью истребители противника. Означало ли это, что «Энтерпрайз» еще боеспособен? Окумия предложил самую неприятную версию: третий авианосец, который подошел слишком поздно, чтобы нанести удар.

Ночью «Дзуйкаку» вновь был атакован и опять чудом уклонился от выпущенных «Каталиной» торпед. Его командир, Номоту Тамэтэру, третьи сутки подряд находился на мостике, управляя кораблем и — в одиночку, без помощи штаба — организуя боевую работу авиагруппы. (Первоначально предполагалось, что руководство всеми боевыми вылетами 1-й ДАВ будет осуществляться централизованно — с флагманского «Секаку».)

Стараниями Окады и Номоту, невероятным трудом механиков, усилиями Окумии и офицеров его штаба за ночь удалось подготовить к вылету 44 истребителя, 18 пикировщиков и 22 торпедоносца.

Острова Трук: 27 октября

Потребовалось три часа, чтобы окончательно убедиться в отсутствии противника к северу от острова Ндени. Преследование завершилось. Двигаться дальше на юг не представлялось возможным как из-за нарастающих проблем с топливом, так и вследствие угрозы со стороны базовой авиации Новых Гебрид. Около полудня Нагумо ретранслировал распоряжение Ямамото прекратить поиск противника и вернуться на Трук.

На Гуадалканале японские войска были отброшены к «красной линии»; ставка армии обещала «возобновить наступление после получения подкреплений». Это уже не имело практического значения, как и вызвавшие воодушевление на кораблях Нагумо смущенные слова американского пропагандиста-обозревателя: «Никогда в своей истории американский флот не имел так мало оснований «отмечать» День Флота».

У японцев не оставалось сил даже для того, чтобы отпраздновать победу. Из трех командиров эскадрилий пикирующих бомбардировщиков вернулся один. Командиры торпедоносцев погибли все. Общие потери летного состава превысили 140 человек. Истребление кадров японской палубной авиации, начатое у атолла Мидуэй, подходило к концу.¹⁷⁹ За двенадцать часов боя у островов Санта-Крус средний возраст японского

---

¹⁷⁹Итоги битвы у островов Санта-Крус выглядят следующим образом: у американцев потерян тяжелый авианосец и эсминец, повреждения разной степени тяжести получили линкор «Саут-Дакота» (бомба), авианосец «Энтерпрайз» (две бомбы и много близких разрывов), крейсер «Сан-Джуан» (бомба). Потеряно 74 самолета (20 сбито, остальные —

командира палубной авиагруппы уменьшился на 4 года; если же сравнивать с декабрем 1941 года, то командиры эскадрилий помолодели на 10 лет.

Второй много где читал, что подступы к Берлину и его стены защищали мальчишки. Означало ли это, что у японцев до 16-летних пилотов просто дело не дошло? Может быть, кончились самолеты?.. Теперь легко строить предположения, например, такие: немцы воевали за иллюзорное магическое будущее — и проиграли, япошки — за иллюзорное магическое настоящее — и были разбиты. А будущее приехало на авианосцах с комфортными условиями жития и мороженым для офицеров вместо традиционного компота. И оказалось «реальным будущим». Вон, на углу, «Мак-Дональдс». Перевезен к нам как есть: вместе с кепками, зубами и улыбочками вокруг них.

Он откашлялся и как-то вяло записал:

Собранных Какутой 84 самолетов было недостаточно, чтобы переломить ход сражения на суше. Гендерсон-филд оставался в руках американцев, и это означало, что «звездно-полосатые», проиграв, преодолели «кризис Клаузевица», а Японская империя, выиграв, по-прежнему стояла перед лицом грозных, едва ли разрешимых проблем.

(18) Тассафаронга

Отставка

«Прочитал твой «разговор Прометея с Гераклом»¹⁸⁰. Расслабился? Всех любишь и понимаешь с высоты своего авторского самопреобладания? Что ж, я рад за Ямамото. Он не только изгнал инако-с-ним-мыслящего, но и сделал это в особо извращенной форме. И отдал флот Одзаве. Так называемому японскому Роммелю, хитрой, изворотливой лисе, смертнику-авантюристу, готовому защищать любые позиции просто во имя «сегодня», а потом — что такое по-самурайски потом?..

Ты, *Второй*, совсем плох. У тебя необратимо нарушено чувство реальности.

Как ты не понимаешь, что в этой ситуации Ямамото уже действовал, как во сне? Его иллюзии и надежды рухнули — он искал виноватых. Находил, отправлял на далекие базы — с глаз долой, из сердца вон. Только за то, что изначально он сам имел идиотский, неоправданный план».

«Ого-го», — грустно произнес *Второй* и подумал, что атмосфера накаляется. А нечто внутреннее, обобщенное и вымученное, медленно близится к закату. Маячит конец этого «исторического» труда, ради которого он уже второй год живет «не здесь и не теперь», как рекомендуют психологи и прочие хелперы по вызову или зову сердца.

«Здравствуй, *Первый*, — написал он, — предлагаю тебе древнюю игру в театр. Ты будешь Нагумо, а я командующим Объединенным флотом Ямамото. Ты примешь от меня свою отставку столь же достойно, как в бытность Перл-Харбора не принял мою.

А пока слушай, как обстояли дела».

Тридцатого октября Объединенный флот вернулся на Трук. Корабли были встречены криками «Банзай!» и артиллерийским салютом, по токийскому радио сообщили об уничтожении сразу трех неприятельских авианосцев, линкора, трех крейсеров и эсминца.

небоевые потери). Японцы потеряли легкий крейсер. Повреждения получили тяжелый и легкий авианосцы, тяжелый крейсер, четыре эсминца. Сбито 69 самолетов, 23 — сели на воду.

Сюда не входят 19 японских самолетов, сбитых над Гуадалканалом, и шесть американских разведчиков, выработавших горючее и совершивших посадку на воду.

180Л.Мештерхези. Загадка Прометея, М., 1978.

«Представь себе, я осознаю, что с каждым истекшим после Мидуэя днем японские боевые донесения все больше теряют контакт с Реальностью. В этом нет злого умысла: картина атаки скрупулезно воссоздается по последним возгласам погибших пилотов и сумбурным отчетам немногих выживших. Просто укоренилась привычка трактовать в свою пользу любые неясности. Считалось, что непрерывные сообщения о победах повышают престиж Объединенного флота и поднимают настроение людей.

«Может, в этом и есть своя истина, раз даже Окумия верит теперь в три потопленных авианосца, хотя сам же докладывал мне, что обнаружено было только два», — так мог подумать твой правильный Нагумо».

После сражения Нагумо перенес свой флаг на «Дзуйкаку». Поднявшись на мостик авианосца, он лично поблагодарил командира корабля за сверхчеловеческие усилия. Номоту, который едва держался на ногах, ответил что-то приличествующее случаю:

«Авианосец возвращался домой, и, будь я проклят, по его палубам бродили тени погибших пилотов, "призрачные ночью и прозрачные днем"».

Перед приходом на Трук контр-адмирал Кусака собрал руководящий состав 1-й и 2-й ДАВ. Штабные офицеры обсуждали подробности боев, полученные результаты и понесенные потери. Нагумо молчал в течение всего заседания. Окумии он показался человеком, погруженным в тяжелые и мрачные мысли. Лицо командующего 3-м флотом было серым от усталости.

В мыслях Нагумо снова и снова возвращался к рисунку боя 26 октября. Он точно знал, что противник смог вывести на японские авианосцы всего семнадцать бомбардировщиков — остальные ударные самолеты были сбиты во встречном воздушном бою, блокированы патрулем, отвлеклись на второстепенные задачи или не смогли обнаружить цель. По оценкам участников сражения получалось, что непосредственно к «Хорнету» и «Энтерпрайзу» прорвалось не менее семидесяти машин — в четыре раза больше. Это был триумф новой японской тактики.

И это был триумф новой американской системы противовоздушной обороны. Нагумо уже знал, что 69 его самолетов сбито, еще 23 деликатно числились пропавшими без вести: «предположительно, совершили посадку на воду». Потери в ударной авиации оказались просто чудовищными — например, из 27 пикировщиков первой волны вернулись лишь два. Только такой ценой летчикам удалось поразить авианосцы противника, причем «Энтерпрайз» (корабль типа «Йорктаун», как называли его пилоты) сумел выйти из боя. Нагумо надеялся, что он тоже затонул, но уверенности у него не было. Нагумо привык быть уверенным в себе, своих кораблях и самолетах. После Мидуэя уверенность покинула его, и он жил и управлял флотом, старея от предположений с каждым новым поединком.

Получалось, что 17 американских самолетов добились примерно таких же результатов, что и 70 японских. То, что «Хорнет» потоплен, а «Сеаку» остался на плаву, определялось слепой удачей: кости могли упасть и по-другому.

Превосходство противника становилось все более ощутимым.

Особенно японских моряков угнетали «каталины» и «летающие крепости».

Практически неуязвимые для «зеро», недоступные зенитной артиллерии, днем и ночью они контролировали море на огромном расстоянии от своих баз. С каждым днем американцы все больше обживали воздушное пространство к югу от широты Рабаула. Между Гуадалканалом и Эспириту-Санто янки пользовались всеми выгодами положения «хозяина», и никакие победы Третьего флота уже не могли этого изменить.

Командующий Объединенным флотом ждал его в адмиральском салоне «Ямато». Нагумо, одетый в полную парадную форму, медленно шел по трапам и переходам

гигантского линкора, прокаленным тропическим солнцем Трука. Лампочки аварийного освещения подсвечивали броню, и она отливала красным.

Это наша экспозиция, сосредоточься! Ты идешь ко мне на ковер и думаешь. О чем думаешь? Это ты сам решаешь.

Я посылаю тебе версию моих и твоих реплик. Редактируй или присылай свои.

— Я прочел ваш отчет, он предельно неточен, — это я — Ямамото — говорю медленно и угрюмо, делаю вид, что завожусь — прямо, как ты мыслишь, желаю найти виноватого.

Нагумо при этом может молчать, потому что эти слова не предполагали ответа.

Далее снова я:

— Американцы признают потерю авианосца «Хорнет». Но второй авианосец получил, по их словам, «незначительные повреждения». Надо полагать, — тут Ямамото усмехнется, — он остался на плаву и сохранил ход.

Ты — Нагумо — можешь здесь оправдаться, что у тебя не было высотных разведчиков, и вообще поговорить за факты.

А я, конечно, замечу, что у тебя было достаточно самолетов, чтобы уничтожить оба авианосца противника, и произнесу:

— И вы, Нагумо, знали, какое значение придает этому сражению штаб Объединенного флота.

Тут ты поклонись, как того требует Традиция, и попросишь отставки за позорное неиспользование всех возможностей решающего боя... одного из решающих боев, в каждом из которых ты сделал все, что считал нужным. А не все, что мог.

И отставка твоя будет принята, и я еще выскажу надежду, что отдых на берегу восстановит твоё здоровье, и ты когда-нибудь снова поднимешься на мостик авианосца.

А сам подумаю, что тебе самое место на базе Сасебо, и еще, что ты был посредственным игроком и не любил меня, риск и авианосцы. И я, помедлив, добавлю:

— Третий флот примет у вас Одзава, — и посмотрю на твою реакцию. Ее не будет, но я прочту по дрогнувшей на секунду верхней пуговице твоего парадного мундира, что ты выпил последнюю каплю яда и жить тебе более не вмоготу.

Потому что ты не хочешь даже сравнивать себя с безумцем Одзавой, который только и умеет, что организовать вероломную вылазку, раздуться от гордости за сиюминутный успех, а затем погубить будущее...

Будущее, к которому ты — Нагумо — уже не прикоснешься. Оно закончилось, будущее. Рухнула перспектива, во имя которой ты осторожничал в боях — осталась ловля фазанов... И охотники и дичь уже определены...

Потом, по окончании беседы...

Вице-адмирал Тюити Нагумо, бывший командующий Особым соединением, бывший командующий Ударным соединением, бывший командующий 3-м флотом, главный исполнитель замыслов Исуроку Ямамото, четко, по-уставному, повернется и выйдет из адмиральского салона. Больше он никогда не увидит Главкома.

Я жду твоих реплик, господин Нагумо-Первый.

Ответ пришел через двое суток, когда за окнами «запричитал апрель». Второй пил горяченный чай с коньяком, кутался в подаренный свитер и кашлял на клавиатуру. Вчера он отнес на любимую службу мастерски сработанный бланк исправной флюорографии, и собирающая справки Лидочка с сочувствием протянула ему какие-то леденцы с эвкалиптом, четыре штуки. Хотя в Эрмитаже на дежурстве он кашлял мало, его теперь не отправляли на пост вниз, к мумиям, а держали на верхних этажах или предлагали заняться с компьютером. Все равно нужно было кончать с этими гнилыми островами, видимо, именно там он подцепил дурацкую лихорадку. Нужно было дожить до лета, дописать «прояпонскую»

книгу, расслабиться, взять с собой *Первого* и махнуть куда-нибудь в Новый Свет и выжарить на крымском солнышке весь накопленный в теле сопливый Питер вперемешку с сырым Гуадалканалом. Будущее грезилось беспечальным. Он прочитал письмо и долго смеялся. Потом полностью исправил текст беседы в угоду разгневанному *Первому*, и по прочтении получился разговор двух просветленных командиров, властителей людских и корабельных душ, которым с высоты занимаемого положения смерть империи и гибель собственная кажутся равновеликими актами в комедии ошибок, именуемой жизнью.

— И вы, Нагумо, знали, какое значение придает этому сражению штаб Объединенного флота.

«И лично адмирал Ямамото», — промелькнуло у Нагумо. Он поклонился, как того требовала Традиция:

— Я буду просить императора освободить меня от командования 3-м флотом, — произнес он твердо и спокойно.

— Отставка принята, — слишком быстро ответил Ямамото, — с выражением крайнего сожаления, — добавил он. — Император надеется, что отдых на берегу восстановит ваше здоровье и вы сможете вернуться на мостик авианосца.

— На берегу? — Нагумо вложил в этот вопрос все презрение к Главкому, которого накопилось немало. — Что вы имеете в виду, господин командующий?

— Вы назначаетесь командиром военно-морской базы Сасебо, — торжественно произнес Ямамото. — Третий флот примет у вас Одзава.

Ямамото никогда не любил Нагумо.

С того момента, когда тот резко высказался против удара по Перл-Харбору, Ямамото насчитал три ситуации, когда Нагумо держал в руках судьбу войны и трижды уклонился от ответственности, приняв самое безопасное решение. Знал Ямамото и другое.

Совсем недавно он видел, как старый адмирал проявил подлинное величие. Потрясенный гибелью своих авианосцев, навсегда, казалось бы, сломленный самым страшным поражением в истории страны, Нагумо нашел в себе силы вновь возглавить ударный флот. Это было всего через два месяца после Мидуэя: он управлял сражением у Восточных Соломоновых островов и делал это хорошо. Потом, у островов Санта-Крус, блистательное маневрирование Нагумо создало все предпосылки для безусловной победы, и не его вина, если победа оказалась бесплодной, «Что, Одзава сделал бы больше? Нет!» — думал Ямамото. Ритуал увольнения заканчивался, и раздражение угасло, сменившись печалью и доверием к старому солдату умирающей империи.

— Может быть, Император сочтет возможным доверить мне должность, связанную с участием в боевых действиях? Я могу командовать отрядом крейсеров или дивизионом эсминцев, — услышал Ямамото. «Если бы Нагумо был нашим дипломатом, Япония не ввязалась бы в войну, — вдруг подумал он. — Еще много чего не было бы, потому что Нагумо, как настоящий японец, не знает искушений европейских геополитических богов».

Ямамото медленно поднялся и, в нарушение всех традиций, низко поклонился бывшему командующему 3-м флотом.

— Авианосных боев больше не будет, — Ямамото сел, развел руками и превратился из командующего в штабного офицера, излагающего свою «версию будущего» сидящим в свободных позах коллегам. — Во всяком случае, их не будет много месяцев. Нам нечем сражаться, адмирал. «Секаку», «Дзуйхо», «Хийе» в ремонте. «Дзуйкаку» я отправляю в метрополию. Слишком много близких разрывов, слишком велики потери в авиагруппе, слишком потрясены оставшиеся в живых летчики, да и остальной экипаж. «Дзунье» в одиночку не способен противостоять американскому аэродрому на Гуадалканале, и я не пошлю его в море. Это означает, что мы, скорее всего, потеряем Соломоновы острова. Может быть, нам больше повезет в бою за внутренний оборонительный периметр. Где-нибудь здесь, — командующий раскрыл карту и показал на длинную цепь Марианских

островов.

Нагумо покачал головой. Он был удовлетворен этим тоном и беседой на равных. Он был почти счастлив, как бывает счастлив человек, неожиданно получивший отдых от непосильных трудов или встречающий желанную смерть.

— Вы сами в это не верите, Ямамото, — строго сказал он. — Американцы не будут атаковать периметр, не получив абсолютного преимущества в авианосцах.

— Я тоже так думаю, — почти охотно согласился командующий, — В течение следующего года у них вступит в строй десять кораблей. Может быть, больше. Десять американских авианосцев — это 900 самолетов. Хорошо, если в ответ мы сможем собрать 300 своих.

— Десять авианосцев — это точно? — спросил Нагумо, поражаясь всегдашней осведомленности Ямамото в промышленно-производственных делах.

— Я не хочу утомлять вас названиями, датами закладки и спуска на воду, — грустно сказал Ямамото. — Но, поверьте, это очень хорошие корабли, проект называется «модернизированный “Энтерпрайз”». Вы не сможете выиграть сражение против таких авианосцев.

— А адмирал Одзава, значит, имеет шансы? — тут Нагумо засмеялся, потому что в судьбах собеседников уже все было решено, и теперь они разговаривали с командующим как сослуживцы, имеющие разногласия.

— Он тоже не сможет, — спокойно ответил Ямамото. — И я не смогу. А для истории кто-то должен остаться символом флота, живой памятью его побед. Сражение у островов Санта-Крус перевесило чашу боев в вашу пользу, Нагумо. Иначе я отправил бы в отставку Кондо.

— Значит, я должен считать отставку формой благодарности? — язвительно спросил Нагумо. Этот мальчишка-адмирал исповедует тут прямо-таки неистовое милосердие — что ж, приличная мина при плохой игре.

— Скорее, это форма доверия, адмирал. Вам можно поручить не только свою честь, но и честь Императора.

— Я так не думаю, Ямамото, — Нагумо вытянулся во фронт, словно бы в ответ на то, что беседа опять скользнула в официальное русло. — Вы напрасно надеетесь, что победители дадут мне, или Кондо, или еще кому-то из японцев возрождать флот. Вы разве не читали декларацию ООН о привлечении к ответственности военных преступников? — горько произнес он и подумал: «Мы все еще ответим за план Ямамото, и стоит ли ждать этого?»

— Обычная англосаксонская пропаганда, рассчитанная на внутреннее потребление. Что-то вроде наших «императорских сводок», — по-европейски возразил Ямамото.

— Я понял ваш замысел, адмирал. Это изворотливость. Она не помогла вам с кораблями, не поможет и с людьми. Честь нельзя никому доверить, она у каждого своя. Да хранят боги нашего Императора.

Вице-адмирал Тюити Нагумо, бывший командующий Особым соединением, бывший командующий Ударным соединением, бывший командующий 3-м флотом, главный исполнитель замыслов Исуроку Ямамото, четко, по-уставному, повернулся и вышел из адмиральского салона. Больше он никогда не видел Главкома.

...Нагумо сделал шаг и оказался на окруженном американским флотом острове Сайпан, в группе Марианских островов...

А дальше все было спокойно и размеренно — как ты любишь, *Первый*. Меня теперь все подмывает называть тебя «Нагумо». Жаль только, помер герой неудачно: самоубийств не одобряю, даже ритуальных. Так что не будем искушать судьбу. Когда приедешь, «людик в черном»? Скучаю. Не пью пива. А за диалог спасибо.

Что б я без тебя? Мать здорова, чистит печень какой-то травой, приурочив процедуру к посту, что ли. Я был у нее неделю назад.

Ну, читай дальше, радивый редактор:

Серые линкоры в тропических морях

К началу ноября сражение за Гуадалканал было выиграно американцами. За инерцией предшествующих боев и уже утвержденных планов этого, однако, никто не заметил: в ноябре, как и в предшествующие месяцы, боевая работа сторон сводилась к судорожным попыткам усилить гарнизон острова. Танака вновь захватил инициативу. За восемь дней — со 2 по 10 ноября — его эсминцы совершили 65 выходов и перевезли к Тассафаронге главные силы 38-й пехотной дивизии, крейсера прикрывали операцию. Впервые после 7 августа японские силы на Гуадалканале превзошли американские: 30 000 против 29 000¹⁸¹.

Покалеченные корабли один за другим покидали Трук. Вслед за «Дзуйкаку» и «Тикумой» ушли в метрополию тяжелые крейсера «Кумано» и «Миоко». «Тоне» Ямамото передал в распоряжение Какуты, чтобы обеспечить каким-то прикрытием последний боеспособный японский авианосец в Южных морях. Крейсерские силы 8-го флота растаяли, и в поддержку Микаве были направлены «Майя» и «Судзуй»: образовался тактический «винегрет» из четырех тяжелых крейсеров трех разных типов, причем три корабля оказались флагманскими.

Возобновились бои на «красной линии». Хэлси пошел на неожиданный риск, приказав расширить возможности Гендерсон-филда. В короткий срок были построены новые взлетные полосы и обслуживающие сооружения: теперь за Кровавым хребтом японские войска ожидал грандиозный приз — крупнейшая военно-воздушная база южного сектора Тихого океана.

Армия вновь запросила помощи флота. В сложившейся ситуации Ямамото принял решение еще раз рискнуть крупными надводными кораблями. Был собран конвой из одиннадцати быстроходных транспортов в сопровождении эсминцев Танаки. Для очередной нейтрализации аэродрома Гендерсона предназначалось рейдерское соединение Абэ: линейные крейсера «Хией» и «Кирисима», крейсер «Нагаро», 14 эсминцев. Операцию прикрывали корабли, оставшиеся во 2-м флоте Кондо — «Атаго», «Такао», «Сендай». Считалось, что дальнейшее обеспечение возложено на авианосцы Какуты и корабли Куриты («Конго», «Харуна», «Тоне»), но в действительности ни «Дзунье», ни, тем более, «Хийе» не могли покинуть Трук.¹⁸²

Косвенное прикрытие конвоя осуществлял 8-й флот. По сложившейся традиции крейсерам Микавы был поручен второй обстрел Гендерсон-филда — на следующую ночь после кораблей Абэ. Разрываясь между двумя взаимоисключающими задачами (сопровождение десятиузловых транспортов и рейдерская операция), Микава разделил остатки своего флота на Главные силы («Текай», «Кунигаса», «Исудзу») и отряд бомбардировки («Судзуй», «Майя», «Тенрю»).

Вся операция была выстроена Ямамото в предположении, что американский флот не

181Одновременно Тернер доставил к Лунга-Пойнт семь транспортов в сопровождении шести крейсеров и 14 эсминцев. В ходе встречных конвойных операций обе стороны понесли потери. От действий американской авиации и атак торпедных катеров получили повреждения три японских эсминца («Наганами», «Таканами», «Мохидзуки»). Американцы «разменяли» свой транспорт на японскую подводную лодку; были повреждены эсминец «Бьюкенен» и тяжелый крейсер «Сан-Франциско».

182Была организована убедительная радиоигра, в результате которой американцы и после войны считали, что «Дзунье» и «Хийе» участвовали в ноябрьском сражении у Гуадалканала. Это ошибочное утверждение встречается во многих источниках, в том числе в великолепной работе С.Сулиги. На самом деле «Хийе» покинул Трук только 5 декабря, причем направился он в Метрополию, Штатную авиагруппу корабль принял лишь 20 марта 1943 года. «Дзунье» находился на Труке до 16 декабря, после чего был задействован в Новогвинейской операции.

имеет в южном секторе Тихого океана боеспособных авианосцев и в этих условиях Хэлси не рискнет использовать линейные корабли в проливе Слот.

1

Американское командование на всех уровнях — от Тернера до Рузвельта — отдавало себе отчет в серьезности происходящих событий. Двадцать шестого октября союзники оказались на волоске от тяжелого, может быть, решающего исход кампании на Соломоновых островах поражения. Если бы императорская армия управлялась на том же уровне, что Объединенный флот, Гендерсон-филд был бы потерян.

Морская пехота требовала подкреплений и смены частей, три месяца подряд не выходящих из боя. В поддержку Тернеру Хэлси направил TG.67.4 контр-адмирала Д.Кэллегхена («Сан-Франциско», «Портленд», «Джуно», «Хелена», «Атланта», восемь эсминцев). Ударный авианосец «Энтерпрайз» был выдвинут к Эспириту-Санто.

По всем инструкциям и уставам поврежденный авианосец следовало отправить в Перл-Харбор для заводского ремонта. Хэлси подсчитал в уме: пятнадцать дней — путь «туда», две недели ремонт (это в лучшем случае, если верфь опять будет работать в авральном режиме по личному указанию Нимица или кого повыше), обратно можно идти быстрее, дней за десять. «На круг» получалось полтора месяца, то есть «Энтерпрайз» исключался из оперативных расчетов до середины декабря. Это не нравилось Хэлси и было обозначено как «категорически неприемлемое решение».

Нимиц согласился. Тогда на судоремонтный заводик в Нумеа потоком пошло оборудование, квалифицированные рабочие перебрасывались на транспортных «летающих лодках». Был отдан приказ ввести авианосец в строй, прежде всего — обеспечить ход и взлетно-посадочные операции. Двенадцатого ноября, когда австралийские В-17 обнаружили к северу от Гуадалканала корабли Абэ, Хэлси приказал «Энтерпрайзу» и сопровождающим его линкорам («Саут-Дакота» и «Вашингтон») передвинуться к северу. (Сутками раньше авианосец покинул Нумеа, имея на борту экипаж, штатную авиагруппу и несколько сотен гражданских рабочих. Конечно, не могло быть и речи, чтобы этот «условно отремонтированный» корабль направился к Гуадалканалу, но даже с Новых Гебрид он косвенно поддерживал эскадру Кэллегхена.)

2

Вновь, как перед боем у мыса Эсперанс, американцы организовали смешанную кильватерную колонну: по четыре эсминца в авангарде и арьергарде, между ними «Атланта», два тяжелых крейсера, «Хелена» и «Джуно». Авиаразведка донесла Кэллегхену о начале японской операции, но не смогла вскрыть состав эскадры Абэ.

Вновь, как перед боем у мыса Эсперанс, японские корабли не ожидали встречи с неприятелем, основу боезапаса составляли осколочно-фугасные снаряды. Соединение Абэ было выстроено в обычный походный порядок: два линкора прикрывались с обоих бортов дивизионами эсминцев, «Нагара» чуть впереди, два эсминца образуют передовой дозор, три охраняют тяжелые корабли с тыла.

В середине дня корабли Абэ попали в тропический шторм. Видимость сократилась почти до нуля; около полуночи, когда эскадра подошла к острову Саво, условия наблюдения все еще оставались очень плохими. Несколькими последовательными поворотами Абэ нашел «окно» в облачности, но во время этого маневрирования его эсминцы потеряли строй.

Американские корабли подходили к острову Саво с юго-востока. «По традиции» «Хелена», имеющая наилучший радар, была поставлена в хвост колонны. Однако операторы уже накопили изрядный боевой опыт, и в 1:24 крейсер сообщил о двух радиолокационных контактах, а через шесть минут оповестил всю эскадру о курсе и скорости противника. Дальность, первоначально составляющая 13,5 мили, стремительно сокращалась.

В 1:27 Кэллегхен повернул вправо, что, по-видимому, было вызвано неверной оценкой тактической обстановки. Вместо того чтобы организовать «crossing T» кораблям Абэ, которые сохраняли курс и скорость и, по-видимому, ни о чем не подозревали, американцы сами попали под классический охват. В 1:41 «Кашинг», головной эсминец Т.Г.67.4, обнаружил в пятнадцати кабельтовых два миноносца противника, которые резали ему курс. «Кашинг» свернул влево, следующий мателот — «Лэффи» — вправо, американский строй рассыпался, и бой, не успев начаться, утратил всякое подобие управления.

«В военную историю это короткое, но кровопролитное сражение вошло под названием: “Пятница, 13”», — рассмеялся *Первый* и послал в Питер компьютерную улыбочку.

По всей видимости, японцы обнаружили противника только в 1:41. Им потребовалось несколько минут, чтобы заменить осколочно-зажигательные снаряды на бронебойные, и, как ни странно, Кэллегхен дал Абэ эти минуты. В 1:50 японские эсминцы неожиданно включили прожектора, осветив «Атланту», оказавшуюся в голове колонны. «Акацуки» выпустил торпеды, «Хией» дал залп с дистанции, не превосходящей 4000 метров. «Атланта» успела ответить, попав в прожектора «Акацуки». Секундой позже 356-мм снаряды разорвались в надстройке крейсера, убив на месте контр-адмирала Скотта, победителя схватки у мыса Эсперанс, и всех офицеров его штаба. Охваченный пожарами, легкий крейсер потерял ход.

В этот момент американская эскадра врезалась в середину строя соединения Абэ.

«Акацуки» попал под прицельный огонь тяжелого крейсера «Сан-Франциско» и быстро затонул. Четыре американских эсминца в упор атаковали лишенный прикрытия «Хией», но расстояние было слишком мало, и их торпеды не взорвались (взрыватели не успели встать на боевой взвод)¹⁸³. Тогда «Лэффи» обстрелял надстройки линкора из пулеметов, и «Хпей» вдруг вспыхнул по всей длине корпуса. Для «Лэффи» этот подвиг оказался последним: японская торпеда покончила с эминцем. «Юдати» сцепился с «Сереттом», оба корабля, получив тяжелейшие повреждения, попытались выйти из боя.

«Сан-Франциско» открыл огонь по ближайшей крупной цели, которой оказалась «Атланта». Кто-то на мостике опознал несчастный крейсер и обратил на него внимание командующего. Кэллегхен прекратил стрельбу, и это был последний приказ в его жизни. «Кирисима» наконец разобрался в ситуации, и 356-мм снаряды линкора поставили точку в карьере американского адмирала.

Абэ приказал отходить на север и замолчал — радиостанция «Хией» была разбита случайным снарядом.

Бой окончательно утратил форму. Корабли сражались поодиночке, случайно выходя на дистанцию прямого выстрела, случайно опознавая или не опознавая неприятеля. «Юдати», минуя «Портленд», выпустил по американскому крейсеру восемь торпед. Одна из них попала в корму; разорванные листы обшивки превратились в паразитный руль, и «Портленд», утратив управление, лег в циркуляцию. Сблизившись с «Хией», он обстрелял его, затем вновь наткнулся на потерявший к тому времени ход и оставленный экипажем «Юдати». «Хелена» старалась держаться в стороне от своих и чужих, аналогичную тактику избрал новейший эсминец «Флетчер», тоже имеющий на вооружении радар типа SG.

«Амацукадзе» вышел на хвост американской колонны и выпустил веером восемь торпед, отправив на дно эсминец «Бартон». Затем он ввязался в ожесточенную артиллерийскую перестрелку один на один с крейсером «Джуно». Крейсер загорелся и вышел из боя.

---

¹⁸³Хией» тоже не мог стрелять: американские корабли оказались в «мертвой зоне» его орудий.

Воистину, «Пятница, 13» была ночью чудес. Сообщаю тебе некоторые подробности: «Джуно» еще получил попадание торпеды, причем ни один из японских кораблей, по моим источникам, на этот успех не претендует. Утром крейсер был добит подводной лодкой «I-26». По непонятным причинам спасение людей организовано не было (что, заметим, совершенно не характерно для вооруженных сил США). Несколько сотен моряков погибли от жажды на спасательных плотках или стали жертвами нападения стаи акул. Из всего экипажа, насчитывающего свыше 700 человек, остался в живых один человек. (Об этом эпизоде можешь еще посмотреть у Ж.Блона в «Великом часе океанов» или в книге «Оставшийся в живых».)

В 2:13 «Амацукадзе» едва не столкнулся с «Сан-Франциско». Тяжелый крейсер медленно двигался на северо-запад, вся его артиллерия была выведена из строя огнем «Кирисимы». Эсминец выпустил торпеды, которые опять-таки не разорвались ввиду ничтожно малой дистанции: никто из конструкторов не предвидел возможности использования оружия с расстояния менее 200 метров.

Следующей целью «Амацукадзе» стала «Хелена». Однако удача оказалась на стороне американского корабля: потеряв гидравлику, эсминец на двадцатиузловой скорости ушел к Шортленду. Пятью минутами позже «Хелена» вновь оказалась втянутой в бой, на сей раз закончившийся для нее менее удачно. Командир корабля, капитан 1-го ранга Гувер, справедливо предположив, что он остался старшим по воинскому званию офицером Т.Ф. 67.4, приказал отходить.

В 2:26 бой закончился. «Кирнсима» и «Нагара» повернули на север, к ним присоединились оставшиеся в строю эсминцы. «Хелена» и «Сан-Франциско» в сопровождении трех миноносцев ушли на юг, «Джуно» некоторое время двигался вместе с ними. Остальные корабли обеих сторон агонизировали вблизи острова Саво.

Утром в дело вступила авиация. «Хией», так и не восстановивший рулевое управление, попал под удар «доунтлессов» и «эвэнджеров» с «Энтерпрайза». Используя Гендерсон-филд как аэродром подскока, лучшие экипажи Тихоокеанского флота США добились трех попаданий в линейный крейсер, еще одно было записано на счет экипажей В-17 с Эспириту-Санто. В шесть часов вечера японцы сняли с корабля экипаж и затопили его в штиги милях от острога Саво. Тем же вечерам затонули «Атланта» и два американских эсминца. «Портленд» и «Аарон Уорд» янки сумели спасти, дотащив корабли до Тулаги, где была организована временная ремонтная база.

Так завершился первый эпизод ноябрьского сражения за Гуадалканал.

3

Американцы потеряли больше кораблей, но записали на свой счет первый в этой войне линкор противника.

Надеюсь, ты не будешь преувеличивать ценность «Хией»: линейный крейсер «образца 1914 года», уже в начале тридцатых он считался безнадежно устаревшим. МГШ рассматривал корабли типа «Конго» как «естественную убыль» и считал их умеренной платой за наступательную кампанию в Юго-Восточной Азии. Иначе говоря, они были негласно списаны высшим военно-морским руководством задолго до Перл-Харбора.

Во всяком случае, Хэлси остался доволен результатом ночного боя. Обстрел аэродрома Гендерсон удалось предотвратить, и это нарушило связность японской операции. Транспорты Танаки легли на обратный курс, высадка на Гуадалканале была отложена. Подобный «финт» обозначал потерю времени, утрату японцами тактической инициативы и некоторую растерянность командующих на местах. Хэлси имел все основания доложить

«наверх», что, хотя обстановка носит кризисный характер, сражение разворачивается, скорее, в пользу США.

Напротив, Ямамото был вынужден очень резко реагировать на ошибки Абэ. Контр-адмирал был предан военному суду по обвинению в «недостаточно настойчивой» борьбе за спасение побежденного «Хией». Все понимали, что это — лишь формальный повод: Абэ был отстранен от командования и уволен со службы за позорное руководство боем. Встретившись со слабейшим противником, японский адмирал не приложил никаких усилий для того, чтобы прорвать неприятельскую завесу и выполнить боевую задачу, о важности которой он был предупрежден. Единственным распоряжением, которое Абэ отдал за 34 минуты боя, оказался ничем не мотивированный приказ об отступлении.

По сравнению с этим Абэ, Нагумо, согласись, совсем не плох. Комментировать мне почти нечего. Ты вышел на оперативный простор и чешешь, как будто завел себе пропеллер. На соавторство не соглашусь — много ненужной лирики, а в благодарностях упомяни мой непомерный вклад.

4

В течение второй половины дня 13 ноября стороны лихорадочно «ремонтировали» свои оперативные планы, пытаясь собрать из подручных материалов сбалансированные корабельные группы. Японцы задействовали корабли Кондо, причем «Кирисима», «Нагара» и четыре неповрежденных эсминца Абэ присоединились к главным силам 2 го флота. Еще четыре эсминца Кондо удалось получить у Какуты — в обмен на поврежденные, но сохранившие ход и артиллерию миноносцы рейдерского соединения.¹⁸⁴

Хэлси оказался в лучшем положении: он еще не ввел в бой свой стратегический резерв. Поскольку авиация морской пехоты господствовала в небе Гуадалканала, использование этих сил явилось бы «оправданным риском», но отнюдь не «опасной авантюрой». Речь шла об «Энтерпрайзе» и прикрывающих его линкорах «Вашингтон» и «Саут-Дакота».

Несмотря на очевидную военную необходимость и прямой приказ вышестоящего начальника, Кинкейд отказался передвинуть свой авианосец дальше на север. «Энтерпрайз» продолжал патрулировать в 250 милях к юго-востоку от Гуадалканала. Взбешенный Хэлси немедленно вывел Т.Ф.64 из подчинения Кинкейда и, несмотря на активное недовольство своего собственного штаба, озабоченного «гидрометеорологическим обеспечением операции», направил к острову Саво два новейших линейных корабля. Затем он в ультимативном порядке потребовал от командира «Энтерпрайза» поддержать генеральное наступление в проливе Слот палубной авиацией.

Решалось, кто будет «хозяином» в этой игре.

Распоряжение Хэлси запоздало на один день, но по иронии судьбы эта задержка благоприятно сказалась на дальнейших событиях. В ночь на 14 ноября подходы к Лунга-Пойнт были открыты, и в 1:28 крейсера «Майя» и «Судзуки» открыли огонь по Гендерсон-филду. Японцы выпустили около 1000 снарядов¹⁸⁵, но серьезных результатов не добились. Взлетно-посадочные полосы аэродрома остались в рабочем состоянии, потеря семнадцати истребителей и одного пикировщика была для американцев слабоощутимой.

Утром американцы контратаковали. Погода не оставляла желать лучшего. Одна за другой с площадок аэродрома Гендерсона и с полетной палубы «Энтерпрайза» уходили в небо эскадрильи пикирующих бомбардировщиков.

---

¹⁸⁴ Вторую дивизию авианосцев эмулировали «Тоне», «Конго» и «Харуна». «Тоне» был выдвинут к югу, его гидросамолеты исправно «светились» над американскими кораблями.

¹⁸⁵ По другим данным, даже 1370.

В 9:15 тяжелый крейсер «Кунигаса» получил попадание, которое стало для корабля смертельным. 227-килограммовая бомба «доунтлесса» пробила несколько палуб и разорвалась глубоко внизу, под ватерлинией. Носовые отсеки были затоплены, крейсер получил крен на левый борт. При взрыве погибли командир и старший помощник, в командование «Кунигасой» вступил офицер-торпедист.

В 9:50 тяжелая бомба разорвалась в воде, вблизи корпуса корабля. От сотрясения рулевая машина вышла из строя, вспыхнули пробитые осколками цистерны с бензином, пламя начало распространяться по всему кораблю. Агония тяжелого крейсера, блестяще проявившего себя в бою у мыса Эсперанс, продолжалась два часа.

К 10 часам утра вышли из строя «Майя»¹⁸⁶ и «Текай», эсминцы «Исудзу» и «Митисио» получили повреждения от близких разрывов бомб. Соединение Микавы практически утратило боеспособность.

«Охота на крейсера» была лишь прелюдией к дневным налетам. Пикировщики с «Энтерпрайза» непрерывно атаковали груженные транспорты, идущие вниз по Слоту, и уничтожили семь кораблей из одиннадцати. Остальные четыре Танакэ удалось дотащить до мыса Эсперанс, где они и выбросились на грунт.

Дневное сражение у Гуадалканала было полностью выиграно американцами. За потопление «Кунигасы» и разгром транспортного конвоя (эсминцы сопровождения подобрали с воды до пяти тысяч человек, разумеется, без всякого вооружения) они заплатили всего пятью самолетами.

5

Обстрел аэродрома Гендерсон по сути утратил актуальность, но приказы были отданы, и экстренная группа бомбардировки покинула «позицию сосредоточения» и направилась к острову Саво, по широкой дуге обходя остров Санта-Исабель. Кондо приближался с востока и, может быть, рассчитывал на внезапность: усилия американской авиации концентрировались на кораблях в проливе Слот.

Днем флагманский крейсер 2-го флота был безуспешно атакован подводной лодкой, которая затем открытым текстом сообщила на Гуадалканал курс и скорость японского соединения. Радисты «Атаго» перехватили донесение: теперь Кондо точно знал, что он обнаружен. Эскадра перестроилась из походного в предбоевой порядок: впереди дальняя завеса из «Сендая» и трех эсминцев, за ними — ближняя («Нагара» и шесть эсминцев). Третий эшелон составляли тяжелые корабли.

Вечером Хэлси подтвердил первоначальный приказ Т.Ф.64 и предоставил контр-адмиралу Ли полную свободу действий. Это была третья ночь сражения, у легких кораблей начались проблемы с топливом, и американцы смогли выделить для прикрытия «Вашингтона» и «Саут-Дакоты» только четыре эсминца, принадлежащие к разным дивизионам.

Шесть кораблей Ли, построенные кильватерной колонной (эсминцы впереди), выдвинулись к острову Саво и начали обходить его по часовой стрелке.

Несмотря на наличие у американцев радара, «Сендай» первым обнаружил противника и в 22:10 донес на «Атаго» о «двух крейсерах и четырех эсминцах». Кондо принял решение атаковать. «Нагаре» и четверем эсминцам было приказано поддержать группу «Сендая», два оставшихся эсминца отошли к главным силам.

Четыре японских адмирала (Кондо, Хасимото, Кимура и Такама) сплели из своих четырнадцати кораблей классическую «растянутую сеть». Корабли дальней завесы обходили Саво с востока, соединение «Нагары» направилось в сторону мыса Эсперанс, главные силы

---

¹⁸⁶Поврежденный огнем крейсера «доунтлесс» задел крылом за грот-мачту и рухнул на «Майю». Вытекающий из смятых топливных баков бензин загорелся, сдетонировали 120-мм снаряды одной из универсальных установок, зенитная батарея левого борта была разрушена.

держались чуть сзади. Предполагая наличие у противника радара, Кондо пытался сбить с толку американских операторов, заставить их, как это не раз уже было, «потерять картинку».

В 22:52 контр-адмирал Ли, находящийся в девяти милях к юго-востоку от острова Саво, лег на курс 270 градусов. Через восемь минут радар «Вашингтона» нащупал цель: ее отметка почти сливалась с засветкой от острова. Именно в этот момент зашла луна и наступила полная темнота.

Артиллерийский офицер не решился стрелять по радару и открыл огонь лишь в 23:17, когда увидел цель в оптике. «Сендай» поставил дымовую завесу и описал циркуляцию, разрывая контакт. Перестрелка заняла пять минут, за это время японские эсминцы обеих групп (Кимуры и Хасимото) вышли в торпедную атаку.

Это был кризисный момент боя: контр-адмирал Ли с вероятностью 50% терял один из своих линкоров, с вероятностью 25% оба. Но американцам повезло, а может быть, командиры эсминцев прикрытия сумели, несмотря на тьму, вспышки выстрелов и мгновенно меняющуюся оперативную обстановку, разобраться в происходящем. Времени выпустить свои торпеды у них уже не оставалось; «Уолк», «Престон», «Бенхем», «Гуин» подставили свои борта под снаряды и «длинные мечи» противника.¹⁸⁷ Легкие силы Т.Ф.64 были разгромлены за 14 минут.

Расчет Кондо оправдался: американцы все еще не могли разобраться с отметками от целей. Оба линкора стреляли по дымовой завесе, за которой скрылся «Сендай». От их огня было больше вреда, чем пользы: на «Саут-Дакоте» загорелся гидросамолет, внезапно вышли из строя оба радара, и корабль мгновенно «ослеп».

Строй, состоявший всего из двух кораблей, рассыпался. «Партнеры не поняли друг друга» — «Вашингтон» повернул влево, «Саут-Дакота» вправо, линкоры потеряли визуальный контакт, а разбираться в обстановке по радару не было ни сил, ни времени. Ли снова сказочно повезло: «Саут-Дакетта», не видя противника, «интуитивно» уклонилась от 34-торпедного залпа.

Двигаясь, на северо-запад, «Саут-Дакота» вышла на дистанцию прямой видимости с главными силами Кондо и попала под огонь «Кирисимы», «Атаго» и «Такао». За 23 минуты новейший линкор, вооруженный 406-мм орудиями, получив 42 попадания и вышел из строя¹⁸⁸. Уклонившись от очередного пакета торпед, «Дакота» отвернула на юг» не желая больше испытывать судьбу.

К этому времени «Вашингтон» обнаружил «Кирисиму». После нескольких минут колебаний (а не «Саут-Дакота» ли это — связь со вторым мателотом была потеряна в самом начале боя и не восстанавливалась до утра) Ли приказал вести огонь на поражение. Шестнадцатидюймовые снаряды разбили корпус линейного крейсера. Как и на «Хией», вышло из строя рулевое управление, отказались работать сдвинутые с фундаментов турбины.

Кондо отказался от обстрела Гендерсон-филда и отошел под прикрытием дымовой завесы, Ли также не настаивал на продолжении боя. Ближе к утру «Сендай» попытался оказать помощь «Кирисиме», но в этом уже не было необходимости: в 3 часа 20 минут корабль затонул.¹⁸⁹

187«Уолк» и «Престон» погибли сразу, «Беихем» американцы затопили на следующий день.

188Повреждения не угрожали гибелью линкора, но лишили его возможности продолжать бои: 203-мм снаряды разрушили радиолокационное оборудование и системы, управления огнем. «Саут-Дакоте» потребовался длительный ремонт на верфях Соединенных Штатов.

189В этом бою японцы потеряли также эсминец «Лянами», который не смог справиться с повреждениями, полученными во время торпедной атаки.

Сражение за Гуадалканал продолжалось еще три месяца, но с оперативно-тактической точки зрения оно завершилось в эту ночь, 15 ноября 1942 года. Хэлси переломил ситуацию: отныне американский флот господствовал в водах Гуадалканала не только днем, но и ночью.¹⁹⁰ Равновесие, продержавшееся 100 дней, было необратимо нарушено.

Для Ямамото остался один выход — бросить против Гуадалканала ударные линкоры Объединенного флота. Но это означало — наутро подставить их под удары авиации. «Эйтерпрайз» вернулся в строй, теперь вместе с самолетами Гендерсон-филда и Эспириту-Санто американцы могли задействовать в Слоте до 250 самолетов. Японцы ничего не могли противопоставить этой силе.

Столкновение линейных эскадр было лишь эпизодом колоссальной битвы в Австралазии, даже не самым ярким. Тем не менее, именно оно осталось в памяти поколений и превратилось в одну из метафор кампании на Гуадалканале, если не всей войны в Юго-Восточной Азии. «Серые линкоры в тропических морях», в тысячах миль от обеих метрополий, стали символом японской отваги и американской стойкости; этот образ вошел в картины и книги, проник даже в одно из сообщений ТАСС.

Спустя неделю *Первый* получил очень странное письмо от матери. Она писала, что *Второй* серьезно болен и, может быть, даже умрет, и она беспокоится, и даже приглашала больного пожить у нее, и сетовала на бестолковых иногородних родственников и одиночество Второго, и вообще писала, что у него, *Первого*, больше никогда не будет таких друзей и что у нее таких в жизни не случилось, и это надо ценить, и вообще непонятно, сколько можно сидеть в этом каменном Токио, когда в Питере весна и они: мама и *Второй* — по нему очень скучают.

Он прочел письмо четыре раза и долго смотрел на фотографию матери, силясь понять, что же случилось с этой ироничной суховатой женщиной, петербургской аристократкой, фанатично преданной таинственному калейдоскопу выбранных себе в детстве приоритетных занятий, людей и знаний.

«Я уехал от нее слишком надолго, — подумал *Первый*, — а что же будет, если я вдруг женюсь? На японке, например. Сюда мать вывезти, так она — вот тебе раз — завела там себе второго сына, а я должен... что я должен?» Настроение испортилось, словно внутри разбился тонкий стакан и разрезал внутренности. *Первый* плеснул себе джина, потом еще. Стало жарко и мутрно. Пить он не любил.

Он отослал письмо *Второму*, в котоиом адресовал ему большой тревожный вопрос.

В ответ он получил конец главы «Тассифаронга» и подпись: «Никто не умер».

«Токийский экспресс» в действии

В середине ноября президент Рузвельт, подводя итоги сражений на Тиком океане и во французской Северной Африке, сказал: «Мы достигли поворотного пункта в этой войне», и британский лев поддакнул устами Черчилля: «Начало конца». Во второй половине месяца советские войска перешли в наступление под Сталинградом: 6-я полевая и 4-я танковая немецкие армии попали в окружение, что привело к развалу южного крыла германского Восточного фронта. Кампания 1942 года, начавшаяся под знаком упорства», завершилась полной победой союзников.

После катастрофического исхода ноябрьской конвойной операции¹⁹¹ японцы

---

¹⁹⁰В конце ноября командующему американским флотом в южной части Тихого океана Уильяму Фредерику Хэлси было присвоено звание полного адмирала.

¹⁹¹Из десяти тысяч человек 38-й дивизии удалось высадить лишь около двух тысяч — без всякого тяжелого вооружения, доставка которого была главной целью операции.

отказались от мысли вернуть Гуадалканал и стремились лишь к тому, чтобы противник подороже заплатил за этот остров. Доставка подкреплений и снаряжения вновь была поручена эсминцам «Токийского экспресса». В ответ Хэлси, получивший новое воинское звание и почувствовавший вкус к победам, приказал разорвать коммуникационную линию между Шортлендом и мысом Эсперанс.

Среди документов, перешедших к новому командующему морскими силами в южной части Тихого океана от его предшественника, был некий меморандум, составленный, видимо, сразу после боя у острова Саво. Капитан 1-го ранга Дейо из штаба Гормли предлагал отказаться от практики непосредственного охранения конвоев. По его мнению, вместо этого следовало создавать поисково-ударные группы, предназначенные для «расчистки моря» от кораблей противника.

Идея была, что называется, «абстрактно правильной». Ее осуществлению в реальной, а не бумажной войне препятствовали такие «привходящие» факторы, как хроническая нехватка кораблей, спонтанные проблемы с горючим, наконец, «выдающееся стратегическое значение» именно этого конкретного конвоя (на войне, как известно, все конвои имеют экстраординарную ценность).

После ноябрьского сражения за Гуадалканал Хэлси ощутил себя достаточно сильным, чтобы последовать советам Дейо. В двадцатых числах он собрал Т.F.67 в составе тяжелых крейсеров «Миннеаполис», «Пенсакола», «Нью-Орлеан», «Нортгемптон», легкого крейсера «Гонолулу» и нескольких эсминцев. Командиром соединения был назначен Кинкейд, для которого эта должность оказалась заметным понижением: Хэлси не забыл, что в ноябрьском сражении за Гуадалканал Кинкейд отказался выполнить его прямой приказ.

Однако об этом помнил и Нимиц, и в результате деятельность Кинкейда на посту командира Т.F.67 оказалась очень короткой. Двадцать четвертого ноября он принял соединение, а уже 27-го вылетел в Датч-Харбор, на Алеутские острова, для того, чтобы возглавить американские силы на самом бесперспективном из всех театров военных действий.

В командование оперативной группой вступил контр-адмирал Райт. Изучив меморандум Дейо и наброски оперативного плана Кинкейда, он отдал несколько дельных приказов, касающихся практики ночного боя: прожектора не включать, иметь в каждом из тактических отрядов корабль с радиолокатором типа SG, шире использовать торпеды. Больше ничего сделать Райт не успел. Вечером 29 ноября, на второй день после вступления в должность, он получил категорический приказ Хэлси перехватить и уничтожить очередной «Токийский экспресс».

Дейо предполагал, что его поисково-ударные соединения получат свободный месяц для целенаправленной боевой подготовки.

«Как уже отмечалось, он был чистым теоретиком», — подумал *Первый*, который слегка отошел от каверз питерского полнолуния и старался быть объективным. Ради скорейшего избавления от состояния неопределенности души *Первый* завел себе привычку вычеркивать дни до отъезда, как школьник, неистово ждущий начала каникул.

1

Днем 13 ноября Хэлси получил свежие данные авиаразведки и убедился, что он напрасно так форсировал операцию. Вопреки первоначальным предположениям, японцы не планировали ничего серьезного: эскадра Танаки, вышедшая из Буйна (Бугенвиль), состояла только из восьми эсминцев и не заслуживала столь серьезного «внимания» со стороны американского флота. Однако отзывать корабли Райта назад было уже поздно, да и несолидно.

Потери в личном составе дивизии превысили 5000 человек. Транспортный флот Танаки был полностью уничтожен атаками американской авиации 14 и 15 ноября.

Из восьми эсминцев Танаки только два «дежурных корабля» были готовы к бою. Остальные использовались как быстроходные транспорты (палубы загромождены грузами и забиты людьми). Никакой информации о противнике японцы не имели: их самолеты не летали южнее Гуадалканала.

Тридцатого ноября около 23 часов Танака шел точно на юг, обходя остров Саво с запада. В 23:05 он снизил ход до 12 узлов, моряки стали готовить к спуску катера с людьми и освобождать от креплений обрезиненные бочки с продовольствием. Эти «контейнеры» предполагалось сбросить за борт в районе мыса Тассафаронга в надежде на то, что прибой выбросит их на «японский» пляж. Вблизи мыса Эсперанс эскадра повернула к юго-востоку, отслеживая очертания берега.

В течение всего перехода от Эспириту-Санто к Гуадалканалу Райт получал донесения от воздушных разведчиков. Зная состав неприятельских сил, он разбил T.F.67 на два боевых отряда: первый составили четыре эсминца (радиолокатор на «Флетчере»), второй — крейсера, в прикрытие которым было выделено два оставшихся эсминца. В 23:00 американские корабли общей колонной (эсминцы впереди) шли на запад.

Вступив в пролив «Железное дно», Райт выдвинул эсминцы вперед и запросил остров Флориду о выделении ему в помощь самолета-корректировщика. Из последней затеи ничего не вышло: пилот не смог подняться в воздух, и в объяснение этого факта американские источники туманно ссылаются на «неблагоприятные погодные условия» (штиль, видимость 1 — 1,5 мили).

В 23:06 «Флетчер» установил радиолокационный контакт с целью, десятью минутами позже он вышел на дистанцию прицельного огня и запросил флагмана о целесообразности торпедного залпа. Разрешение пришло через четыре минуты (вежливый Райт даже не напомнил командиру «Флетчера», что он официально, приказом по эскадре, запретил подобные пустые переговоры), но пока американцы обменивались мнениями, японские корабли миновали траверз; пущенные им вдогонку торпеды прошли мимо.

В 23:21 наблюдатели на флагманском «Наганами» обнаружили следы двух торпед; только в этот момент японцы поняли, что попали в ловушку. Танака отдал приказ эсминцам-транспортам, насколько это возможно, изготавиться к бою. Минутой позже американская эскадра открыла огонь боевыми и осветительными снарядами.

Эсmineц «Таканами», оценив сложность положения, в которое попало японское соединение, пожертвовал собой, выйдя из береговой «засветки» на экранах радаров. «На всякий случай» командир приказал дополнительно демаскировать корабль выстрелами. Миноносец сблизился с противником и стал самой крупной отметкой на радиолокационном планшете. По «Таканами» стреляли все; изрешеченный попаданиями крупнокалиберных снарядов, он затонул со всем экипажем, но все-таки успел спустить на воду катер с десантниками.

По вспышкам выстрелов 203-мм орудия американских крейсеров Танака идентифицировал противника. Действуя по разработанной им же самой инструкции, он немедленно лег на обратный курс и, не открывая огня, выпустил торпеды. Остальные эсминцы послушно повторили маневр флагмана.

Это был самый короткий бой за Гуадалканал: в 23:27 пятьдесят японских «длинных мечей» достигли линии американских крейсеров и начали взрываться. У «Миннеаполиса» оторвало носовую оконечность длиной около 18 метров, крейсер сразу потерял ход. «Нью-Орлеан» отвернул вправо, чтобы не столкнуться с флагманом, и сам «поймал» торпеду, которая разорвалась в носовом артиллерийском погребе. Крейсер разломился пополам, однако остался на плаву и даже сохранил ход. (Позже команда с гордостью говорила, что «Нью-Орлеан» - единственный в истории корабль, который таранил сам себя: носовая часть столкнулась с кормовой.)

«Пенсакола» повернула влево и получила торпеду, разорвавшую нефтяную цистерну. Корабль охватило пламя, вся его электрика вышла из строя, башни замолчали. Старший штурман «Гонолулу» не растерялся: прикрыв свой крейсер горячей «Пенсаколой», он избежал попаданий.

«Нортгемптон», замыкающий в американской колонне, пострадал не от общего залпа, а от двух торпед, прицельно выпущенных «Оясио». Взрывом этих торпед в 23 часа 47 минут бой для японцев закончился, американцы же еще успели немного пострелять по собственным эсминцам, забывшим опознавательные сигналы.

К рассвету «Нортгемптон» затонул, остальные крейсера американцы сумели дотащить до Тулаги и впоследствии отремонтировать.¹⁹²

«Тассафаронга» навсегда стала примером разгрома неизмеримо более сильного противника. На стороне Райта была внезапность. Американский командующий имел преимущество в числе кораблей, в артиллерии всех калибров, в торпедных аппаратах, в технических средствах, таких, как радар SG. Но победил Танака, который в этом бою превзошел великого Нельсона.

«Я рекомендую тебе закончить главу послесловием, типа “окончательный счет”», — прочитал *Второй* и набрал на клавиатуре:

Окончательный счет

«Надо отдать должное твоему Ямамото, — писал *Первый*, — в начале января командующий переведет Танаку на кабинетную работу. На сей раз негласная «программа спасения элиты» сработает без осечек, и бывший командующий «Токийским экспрессом» встретит императорский рескрипт о капитуляции Японии, перекладывая бумажки на одной из баз в Бирме».

«Да, так и будет, — подумал *Второй*, — Танаки предстоит долгая жизнь, хотя она и будет безвестной — как у всех адмиралов японского флота, переживших войну».

Сражение на Гуадалканале подходило к концу. Американцы продолжали обживать остров. Сооружения Гендерсон-филда получили броневое покрытие, взлетные полосы были застелены железными листами. На Тулаги начала функционировать база торпедных катеров, что придало новый импульс атакам американского «москитного флота». Хэлси возложил на катера задачу по уничтожению контейнеров, сбрасываемых на ходу «Токийским экспрессом». Седьмого декабря, в годовщину Перл-Харбора, легкие силы добились крупного успеха, потопив ценой двух катеров новейший японский эсминец «Те-рудзуки». Через три дня на дно пошел «Терню» (торпеда с подводной лодки).

К европейскому Рождеству командование армии осознало полную бесперспективность кампании на Гуадалканале. Флот уже давно настаивал на эвакуации. Окончательное решение было принято только 31 декабря¹⁹³, а к вывозу войск приступили 3 февраля. К удивлению обеих сторон, отступление почти не сопровождалось потерями, лишь эсминец «Макигумо» подорвался на случайной мине и затонул. Американцы узнали о своей полной и окончательной победе на третьи сутки после того, как последний японский солдат покинул Гуадалканал¹⁹⁴.

192«Пенсакола» вновь вступила в строй в ноябре 1943 года, «Миниеаполис» — в сентябре, «Нью-Орлеан» — в конце августа. Сроки ремонта, указывающие, что корабли в значительной степени были построены заново.

193По другим источникам — 4 января.

194Всего было эвакуировано 10 652 человека из 31 358, доставленных на остров в период с 8 августа 1942 года по 3 февраля 1943 года.

На море итог кампании подвел Ямамото, организовавший в конце января 1943 года небольшое «камерное» сражение, в ходе которого базовая авиация с острова Мунд потопила

(14) Фотография: линейные крейсера типа «Конго»

Усовершенствования начались на «Конго» и однотипных линейных кораблях («Хией», «Кирисима», «Харуна») уже в Первую Мировую войну. Первоначально речь шла о «косметических» улучшениях — размещении новых прожекторов и дальномеров, замене зенитных орудий. Затем модифицировали носовую дымовую трубу, установив на ней специальный козырек для защиты мостика от задымления и «подогрева». В 1921 году выделили место для гидросамолета.

С 1924 года, то есть сразу же после Вашингтонской конференции, начинается «перманентная модернизация» линейных крейсеров серии «Конго».¹⁹⁵ Реконструировали башенные установки, повысив угол возвышения на 8 градусов. Соответственно, почти до 30 км увеличилась дальность стрельбы. От года к году совершенствовали носовую надстройку, постепенно превращая ее в «пагоду», столь характерную для японских линейных кораблей кануна Второй Мировой войны.

Новые боевые посты, площадки и мостики были необходимы для поддержания боеспособности старого корабля на соответствующем текущему развитию техники уровне. С другой стороны, «минаретная» организация надстроек вызывала справедливую критику уже во времена Цусимы («только выстрели в ту сторону — не промахнешься»). По соображениям остойчивости все высоко расположенные конструкции приходилось максимально облегчать — во всяком случае, об их бронировании и речи не было. В результате надстройки линейного корабля могли быть разрушены снарядами крейсера, эсминца, даже пулеметной очередью с истребителя. Это приводило к огромным потерям в личном составе и практически лишало корабль боеспособности. В очередной раз подтвердилась старая истина о нежелательности наливать новое вино в старые мехи.

В конце 20-х годов корабли вернулись на завод. В результате обширного комплекса модернизационных процедур водоизмещение «Конго» возросло до «разрешенных» Вашингтонской конвенцией 29 300 тонн. Оборудовали противоторпедные були, что привело к снижению скорости до 26 узлов. Усилили горизонтальное бронирование (прежде всего — погребов и крыш башен). Тридцать шесть котлов системы Ярроу образца 1911 года заменили на шесть смешанных и четыре чисто нефтяных котла. Дальность хода увеличилась до 9500 миль, а проблему задымленности мостика решили наконец окончательно — полным демонтажом первой дымовой трубы.

Вновь поколдовали над башенными установками, доведя угол возвышения до 43 градусов, а дальность стрельбы до 33 км. (Таким путем «Конго» симметризовали с линейными кораблями класса «Нагато», оснащенными 406-мм орудиями.) Между третьей и четвертой башней разместили три гидросамолета.

Не прошло и трех лет после столь масштабных переделок, и корабли были отправлены на вторую генеральную модернизацию. Теперь — в рамках новой оперативной концепции МГШ — корабли оптимизировались для ночного боя и оснащались новыми прожекторами. Зенитные 80-мм орудия заменили на универсальные артсистемы калибра 127-мм, установили катапульту, заменили авиационное вооружение и (по-видимому, в целях уменьшения заметности силуэта) уменьшили высоту грот-мачты.

В схеме ночной атаки кораблям класса «Конго» отводилась роль лидеров легких сил: своей тяжелой артиллерией они должны были подавить тяжелые крейсера противника и обеспечить прорыв эскадренных миноносцев через эскортное кольцо. Для выполнения этой задачи требовалась, по крайней мере, 30-узловая скорость, и «быстроходные линкоры» вновь переоборудовали в линейные крейсера.

крейсер «Чикаго».

195 Кроме ЛК «Хией», который, согласно решениям Вашингтонской конференции, подлежал переоборудованию в 18-узловой учебный корабль. «Хией» вернулся в боевой строй только в 1941 году.

Заменяли стволы главной артиллерии. Вновь поменяли котлы — теперь их было восемь (с чисто нефтяным отоплением). Для улучшения формы корпуса корабля удлинили на 7,6 м. Четыре турбины прямого действия заменили на такое же число турбозубчатых агрегатов, при этом мощность повысилась более чем вдвое и составила 136 000 л.с. Дальность стала поистине межконтинентальной — 10 000 миль на 18 узлах.

Модернизировали вспомогательную и зенитную артиллерию, системы управления огнем, систему контрзатопления, були, бронирование башен. Однако невозможно было ни заменить корпус, который отслужил уже 30 лет, ни существенно улучшить вертикальное бронирование. Орудия новых американских линкоров пробивали его на любых дистанциях.

Это подтвердилось в первом же артиллерийском бою. В ночь на 13 ноября 1942 года «Хией» попал под огонь американских тяжелых крейсеров и эскадренных миноносцев. Эсминец «Лаффи», чуть не столкнувшись с «Хией», прошел вдоль борта корабля, поливая огнем зенитных автоматов легкие конструкции «пагоды». Были разрушены радиорубки, дальномерные посты, мостики. Потери в людях были ужасающими. Среди прочих погиб и командир корабля.

Хотя линейный крейсер не получил ни одного снаряда крупнее восьмидюймового калибра, повреждения, им полученные, оказались непоправимы. Слабое бронирование оконечностей привело к разрушению румпельного отделения и полной потере управляемости. На верхней палубе бушевали пожары.

К утру экипаж «Хией» восстановил связь и взял огонь под контроль, но это уже не имело значения. С восходом солнца линейный крейсер, управляющийся машинами и едвадвигающийся, был атакован неприятельской авиацией. За день американцы добились лишь трех попаданий (бомба и две торпеды — все на счету авиагруппы «Энтерпрайза»), тем не менее с наступлением темноты исполняющий обязанности командира Масао Нисида приказал покинуть корабль... по мнению военного суда, несколько преждевременно.

На следующую ночь был потоплен линейный крейсер «Кирисима», перехваченный в том же проливе двумя новейшими американскими линкорами. Неравенство в силах было подавляющим: «Вашингтон» и «Саут-Дакота» были вооружены 406-мм орудиями, на обоих кораблях были смонтированы радары управления артиллерийским огнем. «Кирисима» первоначально вступил в бой с легкими силами противника, затем он добился семи попаданий в освещенную отблесками пожара «Саут-Дакоту», выведя американский линкор из строя. Но за это время невидимый в темноте «Вашингтон» превратил «Кирисиму» в грудку обломков: старый линейный крейсер получил не менее шести (по другим оценкам — девять) шестнадцатидюймовых снарядов. Тех, которые пробивали его броню на любой дистанции.

Американские корабли ушли. Утром 15 ноября «Кирисима» еще держался на воде и даже как-то пытался управляться. Но это была уже агония.

Двумя годами позже — и тоже в ноябре — настал черед «Конго». Корабль был потоплен на пути из Брунея в Японию, и его гибель по сей день остается некой мелкой загадкой войны. В Тайваньском проливе во время шторма линейный крейсер был атакован подводной лодкой «Си Лайон». Здесь источники расходятся: по одним данным, корабль получил два попадания, по другим — всего одно, притом пришедшееся на броневой пояс. Во всяком случае, «Конго» не получил никаких видимых повреждений. Через некоторое время, однако, произошел мощный внутренний взрыв. Корабль переломился пополам и мгновенно затонул со всем экипажем.¹⁹⁶

А «Харуна» дожила почти до конца войны. За несколько дней до капитуляции Японии она была зачех-то потоплена на мелководье американской палубной авиацией.

---

¹⁹⁶По другим данным, «Конго» через два часа после первой атаки потерял ход. «Си Лайон» сумела приблизиться к нему и выпустить еще одну торпеду, которая и послужила причиной внутреннего взрыва. Все версии сходятся к тому, что между попаданием торпеды (первой или последней) и взрывом прошло некоторое время.

Действие четвертое

(19) Острова Трук

Когда *Первый* получил очередное письмо из Ленинграда, он встал из-за компьютера, механически навел порядок в комнате — переложил без того аккуратные стопки бумаг и книг на прежние места, запер дверь, вышел на улицу и долго гулял. То, что он прочел, не поддавалось его разумению.

Сроднившись с этой чужой книгой про «родную» Японию, он категорически не мог поверить, что она будет опубликована вот уже очень скоро, сейчас: в отвратительном виде, не законченная, брошенная на полпути в угоду срокам ее реализации согласно плану какого-то дурацкого издательства. Она вообще должна была остаться «рукописью в столе — мечтой о молодости», а не превращаться в товар. «*Второй* очень плохо может что-то превращать в товар, — когда-то давно и даже с некоторой гордостью говорил про него *Первый*. — Он нетоварный какой-то, живет вне общества и его товаров».

«Мумию вон сторожит — и хорошо, — словно продолжал он начатый с собой диалог. — И все-таки получался какой-то абсурд. Он, *Первый*, не написал еще своей первой книги. Это было неправильно. Он опубликовал кучу разных смелых и осторожных статей, и еще вышла в свет полукнижка, средняя такая брошюрка в скромной белой обложке.

Было что-то несправедливое в том, что он, *Первый*, окончив свой иероглифический вуз, прорвавшийся своим отличием и трудами в Японию и теперь застрявший в далеком Токио на три года, и вломивший здесь как следует для освещения своего дальнейшего пути, он, *Первый*, так и не выстроил метафору своей жизни: было недосуг и не ко времени, и не полтинник еще, а всего недавно разменянный третий десяток.

Больше всего удивила его мать. Это она-то, не выносящая никаких протекций, вдруг подняла весь штат своих бывших не подружек и нашла среди них знакомство в издательстве, которое — почему бы и нет? — за умеренный гонорар нераскрученному автору издаст...

«Да, эмоций повылезло — хоть отбавляй, — усмехнулся *Первый*, — сам себе психоаналитик, однако...» Он возвратился в свою тихую комнату к вечеру. В холле коллеги попробовали его окликнуть — что сулило пиво и как-то заверченный вечер. Он отказался, поклонился, пробормотал по-русски «отвяньте» и поднялся к себе. Ему было пора в Ленинград. На календаре значилось 36 дней до отъезда.

Он сел и открыл файл со структурой книги. Так и есть — незавершенный чужой труд... Незавершенный вечер.

Он внутренне подобрался и начал писать,

Я рад, что ты издаешь это. Есть 14 «но», среди них главное, что на Гуадалканале война не закончилась, и «Тассафаронга» никак не может стать последней главой.

Я предлагаю тебе завершить войну хотя бы кратким, конспективным изложением событий, иначе твой гипотетический читатель решит, что с гибелью Ямамото 18 апреля 1943 года все и прекратилось. Я предлагаю тебе отдать должное битвам у Марианских островов и в заливе Лейте. Примерно таким вот образом:

Эвакуация Гуадалканала стала началом длительной стратегической паузы. Главные силы Нимица остаются в Перл-Харборе, Объединенный флот не покидает района островов Трук. Боевые действия сводятся к «медленному и методичному» истреблению японских гарнизонов на Соломоновых и Алеутских островах. Союзники непрерывно усиливают свою авиацию в Австралии; их господство в небе становится абсолютным и распространяется даже на воздушное пространство непосредственно над Рабаулом.

К середине лета вырисовываются две основные операционные линии: первая опирается на Таунсвилл, Дарвин, Порт-Морсби и через северное побережье Новой Гвинеи следует на Рабаул, вторая идет от Нумеа на Гендерсон-филд и далее по цепочке

Соломоновых островов к Кавиенгу. Овладение этими ключевыми позициями создало бы предпосылки к дальнейшему наступлению на Индонезию или же на Филиппинский архипелаг.

Несмотря на общее превосходство союзников в силах и средствах, обе операции — Новогвинейская, генерала Мак-Артура, и Бугенвильская, адмирала Хэлси — развиваются исключительно медленно. В этот период войны англо-американцы определяют наступление как *последовательное создание баз вдоль операционной линии*. Если такая технология и была ресурсоемкой, то, по крайней мере, она не оставляла места ошибкам, риску, «неизбежным на войне случайностям».

Война носит циклический характер и напоминает промышленное производство: строительство аэродрома, расширение сферы действия авиации, тесная блокада с моря и с воздуха очередной оборонительной позиции, овладение этой позицией (как правило, после ее эвакуации японцами), строительство следующего аэродрома... Официально это именовалось «стратегией продвижения от острова к острову», но морские пехотинцы, привыкшие называть вещи своими именами, говорили, что они наступают «от пальмы к пальме».

Нимица такое положение дел устраивало. В течение лета 1943 года на стратегическую шахматную доску выставляются второй комплект фигур. Тридцать первого мая в Перл-Харбор приходит «Эссекс», первый авианосец нового поколения.¹⁹⁷ 27 июля к нему присоединяется «Йорктаун», 9 августа «Лексингтон», 2 октября «Банкер Хилл». Заканчивается ремонт и модернизация «Саратоги» и «Энтерпрайза». Вступают в строй и переводятся на Тихий океан послеперлхарборские уродцы — легкие авианосцы типа «Индепенденс». Противолодочная оборона и непосредственное прикрытие войсковых конвоев становится прерогативой дешевых эскортных авианесущих кораблей серии «Лиском Бей».

Линейное ядро флота также непрерывно получает пополнения. Проходят послеремонтные испытания корабли, потопленные Нагумо в Перл-Харборе. Американцы не пожалели труда, чтобы поднять и ввести в строй даже «Вест Виргинию», корпус которой был разрушен почти по всей длине. Непосредственного военного значения эти сверхусилия не имели — новый линкор обошелся бы дешевле, нежели полная реставрация «исторического памятника», но психологический и политический резонанс был огромным. Наконец, завершаются сдаточные работы на «Айове» и «Нью-Джерси», супердредноутах, заложенных в ответ на ввод в строй «Ямато» и «Мусаси».

Сосредоточив в своих руках достаточные силы, Нимиц резко меняет характер операций.

5 ноября около 100 самолетов с авианосцев «Принстон» и «Саратога» наносят неожиданный удар по Рабаулу. Им удается повредить крейсера «Майя», «Атаго», «Мотами», «Такао», «Агано». Через несколько дней к главной японской военно-морской базе в Австралии подходят «Эссекс», «Банкер-Хилл», «Индепенденс». В результате налета эсминец «Судзунами» разломился пополам, у крейсера «Агано» оторвало корму¹⁹⁸, тяжелые

197«Эссекс» вступил в строй 31 декабря 1942 года. Более трех месяцев продолжалась боевая подготовка на Восточном побережье США, затем корабль прошел Панамским каналом и пересек Тихий океан.

198Агония этого крейсера продолжалась три месяца. Одиннадцатого ноября корабль вышел из Рабаула на Трук, в тот же день он получил торпеду в переднее машинное отделение (ПЛ «Скэмп») и лишился хода. Дрейфующий корабль атаковала еще одна подводная лодка, но безуспешно. Пятнадцатого ноября «Агано» на буксире привели в Трук. За три месяца команда подготовила крейсер к переходу в метрополию, и 15 февраля 1944 года «Агано» направился в Куре. Через два дня, когда корабль находился всего в 160 милях от Трука, ПЛ «Скэйт» выпустила в него четыре торпеды, достигнув трех попаданий. В течение пяти часов экипаж боролся за живучесть, и, казалось, японским морякам удалось

повреждения получили многие другие корабли.

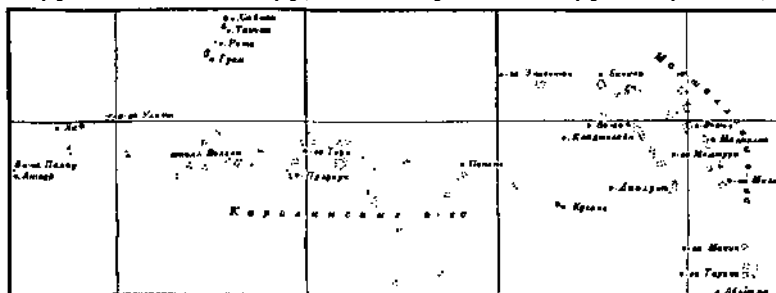
Самолеты 25-й воздушной флотилии контратаковали. Опытные летчики морской авиации легко преодолевают зонную оборону боевого воздушного патруля, сбивают 11 американских истребителей и выходят к американскому ордеру: три авианосца, окруженные кольцом из девяти эсминцев. Палубы «Эссекса», «Банкер-Хилла» и «Индепенденса» забиты самолетами, заправляющимися для нанесения второго удара по Рабаулу.

В этот день новая система непосредственной противовоздушной обороны, смонтированная на авианосцах серии «Эссекс», прошла решающее испытание. Японцы потеряли 35 самолетов, но не смогли добиться ни одного прямого попадания. Плотность зенитного огня была колоссальной: бомба, падающая на «Индепенденс», была взорвана в воздухе 40-мм снарядом.

После ноябрьских налетов Рабаул утрачивает военное значение, хотя японцы удерживают эту крепость до конца войны. Мак-Артуру пришлось довольствоваться высадкой десанта на мыс Глостер и формальным заявлением об овладении «японскими позициями на острове Новая Британия».

Связав противника тяжелыми боями на Соломоновых островах и в Новой Гвинее, выключив из оперативного пространства большую часть его тяжелых крейсеров, Нимиц неожиданно переходит в наступление в центральном секторе Тихого океана. Двадцатого ноября морская пехота высаживается на островах Тарава и Макин (архипелаг Гилберта). Несмотря на абсолютное превосходство американцев, гарнизоны сражаются до конца — на Тараве из 4800 человек в плен взято только 146, на Макине вообще сдались только корейские рабочие. В боях на островах Гилберта японцы даже наносят морским пехотинцам ощутимые потери, но никакого влияния на дальнейшее развитие событий эта Демонстрация самурайской отваги не оказывает.

Нимиц, придравшись к «серьезным потерям»¹⁹⁹ и «допущенным ошибкам», смещает командующего оперативной группой и полностью реорганизует Тихоокеанский флот. По образу и подобию мобильных сил Нагумо времен Перл-Харбора он создает Т.F.58 и включает в его состав все наличные ударные авианосцы. Командование новым соединением Нимиц поручает М.Митшеру, бывшему командиру «Хорнета»,

Маршалловы и Каролинские острова

В декабре 1943 года создаются военно-воздушные базы на островах Гилберта. До этих пор американцы верны своей «равномерно-поступательной» доктрине, но в штабе Тихоокеанского флота уже разрабатывается принципиально новый оперативный рисунок, который получит название «стратегии лягушачьих прыжков».

На повестке дня — Маршалловы острова. Против них Митшер сосредотачивает двенадцать авианосцев — более 700 самолетов. Оборона дезорганизована полностью, в небе — ни одного японского самолета, в водах, окружающих архипелаг, — ни корабля, ни

предотвратить нарастание крена и распространение воды. Однако «предел устойчивости» корпуса был давно перейден, и в какой-то момент началось смещение переборок с лавинообразным нарушением их водонепроницаемости. «Агано» перевернулся и затонул, унося с собой 522 человека (115 были спасены эсминцем охраны).

199В ходе сражения был потоплен эскортный авианосец «Лиском Бей». «Индепенденс» получил тяжелое повреждение, «Лексингтон» — сравнительно незначительное.

подводной лодки. Из 8600 человек гарнизона Кваджелейна половина мертвы, остальные оглушены и контужены. На этот раз — никакого осмысленного сопротивления.

Американские бомбардировщики разрушают одну японскую базу за другой, и адмирал Кога не сможет этому помешать: на начало 1944 года в распоряжении командующего нет ни одного авианосца с боеспособной авиагруппой. (Двумя месяцами ранее пилотов палубной авиации перевели в Рабаул в надежде хоть как-то облегчить положение японских войск на Соломоновых островах.) Поэтому никто, кроме, может быть, Одзавы, не помышляет о контрударе. На повестке дня совершенно иной вопрос — спасение ядра Объединенного флота.

Угадав замысел американцев, Кога сразу же после падения Кваджелейна оставляет Трук; все корабли, имеющие ход, направляются в Палау.

Шестнадцатого февраля авиация Т.Ф.58 приступает к планомерному уничтожению Трука. На дно отправлены 12 боевых кораблей и 34 транспорта, уничтожено 311 японских самолетов²⁰⁰. Двое суток непрерывной бомбардировки вывели из строя все портовые сооружения; база прекратила свое существование, она была буквально стерта с лица земли. Разрушения оказались настолько велики, что американцы даже не стали захватывать «Гибралтар Тихого океана».

Месяцем позже Кога, опять-таки в последний момент, отводит свои корабли из Палау в Сингапур. Тридцатого марта Т.Ф.58 обрушивает свою мощь на покинутую якорную стоянку. Командующий Объединенным флотом интерпретирует эту набеговую операцию как начало генерального наступления против Филиппин (не подлежит сомнению, что, если бы противников «поменять местами», и Филиппины, и Индонезия были бы давно «освобождены») и ночью вылетает на «летающей лодке» в Давао «для организации обороны».

Через два дня *Первый* получил короткое письмо из Питера.

«Спасибо, принято», — и почувствовал, что спасение этого недостроенного корабля стало делом его совести и чести. Вечером он захлеб рассказывал одной японке про любовь адмирала Ямамото к некой, по-ихнему гейше, Чийоко. Она выслушала и сказала:

— Ах, какое это было прекрасное время. Я ничего о нем не знала.

Первый долго смеялся.

В редких перерывах между работой на себя и на Эрмитаж *Второй* размышлял об иронии судьбы, мать *Первого* ругалась на невыстроенный язык «Марианских островов» и тревожилась не на шутку из-за его кашля и безусловного принятия всех ее замечаний и советов.

«Адмирал Кога знал, — думал *Второй*, — что в ночь третьего мая над Филиппинскими островами бушует тайфун, вылетел навстречу бедствию и, наверное, соединился на небесах с Ямамото». События ускорились. Время сжималось. Еще у *Второго* сжималось в груди.

Он не хотел дописывать эти проваленные битвы и потом умирать с каждым камикадзе в 1944-м, издательство и так торопило. В конце концов, он написал книгу про Ямамото и про его стратегию, ну так, в целом, — про одну жизнь, которую подзабыли в обновленной Японии, потому что геополитика, мода, престиж, союзники и гамбургеры — это настоящее, а остальное — история, которая, как известно, куда более продажная девица, чем кибернетика (или что там еще попало под статью в нашей Родине в ее недалеком прошлом?)

Из-за *Первого* он сбился с рабочего ритма и теперь вынужден был принудительно сопровождать остатки Объединенного флота в залив Лейте... прежде чем закончится этот

---

²⁰⁰Базовая авиация Трука сумела прорваться через систему ПВО Т.Ф.58. В результате тяжелый авианосец «Интрепид» получил торпедное попадание в кормовую оконечность. Рулевое управление вышло из строя, однако, управляясь машинами, корабль без особых проблем добрался до Перл-Харбора.

длинный этап в его жизни, и пора будет подумать «о делах, о башмаках, о сургуче, капусте, королях и императорах...»

Первый так и не подтвердил ему факт письма Ямамото царствующей особе. Было ли оно? Футида, патриот прошлого, ничего определенного не сообщал. Даты этого виртуального документа нигде нет, и привязать его совершенно не к чему. Письмо как будто повисело в воздухе и медленно, в страничках дневника Ямамото, растаяло с моментом взрыва 18 апреля, или это император Сева, получив личное послание, «съел сверсекретный пакет» в досаде на несостоявшуюся империю?

«От принца Ямато до Сайго Такамори пало в одиночестве и славе множество героев-самураев. Но в 1858 году Наосукэ подписал договор с США, а вскоре с Англией и Францией тоже. А самураям была выплачена компенсация, чтобы они могли начать собственное дело», — Футида, прощаясь с молодым клерком из издательства, произнес эти слова многозначительно. Клерк был вежлив, но, конечно, не понял философствующего ветерана. И так, их с Окумией книга переживет еще одно переиздание. Футида шел домой пешком и вспоминал, что Ямамото в бытность войны очень даже величали подлинным самураем и носителем Кодекса. Значит, самураи и после так называемой «реставрации» нашли себе дело по душе, понастроили авианосцы и насмерть напугали американского дядюшку. И он, Футида, все это видел. А сейчас он ощущал себя старым. Жизнь еще оставалась, но азарт, прорезающий неизбежность Пути, уплыл, как волнистые облака.

Второй так и не закончил главу... Нужно было пройти. До Сосновой Поляны он не дошел, подъехал от Ветеранов на маршрутке, но в голове посвежело, и письмо императору, было оно или не было, понемногу выветрилось и, наверное, обрело место в пространстве информации, как один из вариантов, не попавший в архив.

«Звук колокола Гионсодза отражает непостоянство всех вещей. Цвет тикового дерева говорит о том, что тем, кто сейчас процветает, суждено пасть. Да, гордые живут лишь мгновение, как вечерний сон в разгар весны. И могучие в конце концов погибают; они лишь пыль, несомая ветром»²⁰¹, — *Она* процитировала эти строки с легкой досадой на то, что он все равно не поймет по-японски. Воистину, судьба играет с ней злые шутки. *Она* не привыкла к шуткам. Еще два года назад *Ей* было легко скользить по выстроенному с любовью и волей тоннелю своей одинокой реальности, где были сын, *Она*, Япония и некое безликое государство, которое отстегивало *Ей* пособие по существованию в зависимости от случайных своих перемен. Этот *Друг* что-то нарушил в ее жизни, вторгся и заполнил не успевшую освободиться нишу ее заботы о сыне. Он был карикатурой на ее мальчика, настоящего японца, методично осваивающего пространство своего рисового поля, какими бы длинными и наукообразными словами его дело и профессию сейчас не называли.

Друг стал появляться не сразу. Через полгода, когда мальчик уехал, *Первый* вдруг попросился привезти книги, и она не помнит уже, почему вдруг налила нахалу чай, показала рисунки и разрешила зайти еще. Они говорили про храм Исе и богиню Аматаэрасу, ее беспутного бога-брата²⁰² и церемонию, которая так и осталась невероятным магическим

---

201 Sadler A.L. Heike Moiiogatari//TASJ.46.1918.49.1921,

202 Идзанаки и Идзанами, то есть Зовущий Мужчина и Зовущая Женщина, по преданию, создали Японию, погрузив в океан подаренное им старшими богами коралловое копьё. С копьё упали капли, застыли и превратились в острова. Их дети, старшая Аматаэрасу — Богиня Солнца и Сусаноо — Вспыльчивый муж. Однажды неуранновешенный брат швырнул в порыве ярости в свою нежную сестру дохлого жеребца. Она бежала, скрылась в пещере, и недавно рожденные острова погрузились во мрак. Одноглазый бог, кузнец-небожитель, выковал для Аматаэрасу подарок — железное зеркало. Вместе с ожерельем из драгоценных камней его повесили у входа в пещеру. Смех и музыка привлекли богиню, она выглянула из пещеры и залюбовалась своим прекрасным отражением. А когда она вышла, чтобы удостовериться, что на самом деле так хороша, как показывает зеркало, вход в пещеру

действием до нынешних времен. Они даже вместе смеялись парадоксам чужой мифологии. Легенда с прямолинейностью мифа сообщала, что любую женщину можно выманить драгоценными подарками с любых задворков ее внутреннего мира.

Софья Андреевна узнала тогда, что он, *Второй*, пишет книгу, и была поражена и даже, пожалуй, оскорблена в лучших чувствах к Японии и к сыну. Казалось, что эта дикая мысль — написать о чужой вечности от своего имени — могла прийти только *Ей* одной, и только она ее заслужила. А он, оказывается, написал уже многие главы и надолго споткнулся только на Гуадалканале. А ее мальчик всюду помогает дилетанту через интернет. И вот теперь этот литератор уже два года без малого сидит перед ней и ласково смотрит на ее руки. «Ужасно странный тип», — думала *Она* тогда. В начале их знакомства *Ей* стало даже смешно. Она велела ему принести все, что уже написано, тоном, не терпящим возражения. Он улыбнулся и ответил:

— Конечно, я смогу зайти, через месяц.

Это было полтора года назад.

Когда он ушел, *Она* открыла «Хагакуре» и прочитала немного о смерти, чтобы успокоиться. Потом порылась в библиотеке и пролистала старенькую монографию про бой у острова Саво. *Она* вспомнила, что заснула на фразе: «Соединение японских надводных кораблей вышло из Рабаула в 18:28 7 августа 1942 года». Впереди у нее был месяц. Информационная оболочка этих бессмысленных морских сражений не показалась ей слишком серьезной. Она покажет молокососам, что такое бесстрастный анализ и исторический подход. Впервые за 25 лет в эту ночь она заснула без сновидений. Записи своей версии про остров Саво она не сохранила. Компьютера тогда у нее еще не было.

Второй в задумчивости перечел письмо из Токио.

«Никакого меморандума твой разлюбленный Адмирал Императору не писал. Это художественный вымысел, не подтвержденный архивами. Мало ли кто из очарованных соратников-блудителей Традиции на что намекал? У японцев в крови намекать — это со времен песни о сливовом дереве у нас в садочке. Метафора — еще не есть факт. Да и потом: у Императора не было никакой стратегии. Кроме победной. Все остальное было дипломатией. А в этом Ямамото твой оказался не силен. Он не умел проигрывать. Он создал из себя эдакого самурая на авианосцах — и вел их в бой. Он был из обедневшего рода. Приемный сын. Кроме головы и гордости, ничего не имел. Посему жаждал смерти. Хотел в каком другом приличном времени переродиться, что ли. Пока с ним не случилась псевдохаракирия в самолете. Уж тебе как автору виднее, предсказанная она была или случайная...

Был я в храме Исе. Красота и гармония. Нам не понять. Безукоризненный стиль, роскошь лишь в совершенных пропорциях. Японцы нынешние сами не ведают, что их окружает. Они все конвейерные немного. Я здесь чувствую себя тобой, неким бунтарем и хиппи. Прихожу в комнату и начинаю переставлять книги в ритме сада камней. Для художника здесь простор. Только не в Токио. Город серый. Как концлагерь. Японцы все одинаковые. Библиотека лучше. Опять заказал в Америке, там дешевле, сто одну книгу. Живую. Интернет — это не библиотека. Часть из них — тебе. Привезу.

Бывай здоров.

Высылаю редактуру твоих соображений за Ямамото».

Второй перечитал свою последнюю версию стратегической исповеди Адмирала. Стер ее методично и злобно, чтобы в какой уже раз начать с нуля. В семь утра ему позвонили в дверь и принесли с почты объемистый конверт. Он расписался и лег посмотреть содержимое. На конверте был питерский обратный адрес. Внутри лежали листки, написанные от руки. Их было много. Вместо фамилии стоял вензель. Точнее, их было три... вензеля и три варианта письма Императору. Это было хуже, чем наваждение. Это была его завалили. Так Японии был возвращен свет.

тема, его книга и его дело. В конце концов, он был оскорблен в лучших чувствах к Японии и к Ямамото. «Есть же компьютер, можно же было...» — обрадовался он нелепому аргументу.

Он не мог вставить это в текст. Это было настолько лучше многих его страниц, что выглядело чужеродным. И книгу нужно было переписывать сначала под одно такое письмо. И вообще не существует доказательства, что Ямамото перед смертью писал Императору.

Он оделся, спустился вниз и выпил пива. Он был первым посетителем в баре. Когда принесли пиво, безобразно захохотал. Бармен вежливо присел рядом. *Второй* аккуратно поведал ему, что на недостроенной базе Гуадалканала американцы обнаружили недюжинный запас японского пива.

— Наше-то лучше, — лаконично отозвался бармен. Реальность была восстановлена. Нужно было купить что-нибудь к чаю и ехать в Сосновую Поляну. Определенно.

Но впереди маячило полсуточное дежурство, а сейчас Софья Андреевна как раз собиралась на работу. Она так легко отомстила ему за все. Начинались какие-то веллеровские происки Гуру. Она намеренно не воспользовалась компьютером. Ему захотелось одновременно купить ей розы и никогда более ее не видеть.

«Вот это да, — вернувшись домой, подумал *Второй*, — меня проняло, значит, еще не умер». Вечером, выпавшийся и благодушный, он бродил по залу и бормотал:

— Для Японии более нет шансов выиграть войну. Это обусловлено следующими факторами. — «Тьфу, ни один японец так не скажет. У них сплошные модальности, причинности и обреченности, но никаких длинных рассуждений, особенно в письме», — Потеря темпа операции, произошедшая вследствие поражения в сражении у атолла Мидуэй, не может быть компенсирована, — продолжал проговаривать он, «о Господи, это, наверное, сказал какой-то русский штабист — и сделал себе харакири от ужаса».

«Здравствуйте, Софья Андреевна, — злорадно подумал он, — чтой-то у меня ничего не выходит. Не слышите? Вот и хорошо!»

Вошедшей на цыпочках Лидочке он сказал что-то про прогрессирующую шизофрению. Ого, вдруг осенило его, девица подстроила свое дежурство, чтобы побыть с ним. Теперь этот бледно-зеленый увядающий цветок не даст ему написать письмо Императору... Он обнял Лидочку и долго бродил с ней по залам, несмотря на все предписанные им строгости дежурства и правила охраны объектов. Она, кажется, была довольна или даже счастлива.

Вернувшись сонным утром, *Второй* меланхолично ответил Первому, что тот безусловно прав: никакого письма адмирал Объединенного флота не писал, а если бы писал, то изложил бы там следующее:

Во-первых, возможностей для совместного действия стран «Оси» против Великобритании более не существует. Сражение в Северной Африке проиграно немцами, Италия находится на грани капитуляции. Таким образом, существовавшая весной 1942 года возможность разгромить вооруженные силы Великобритании исчезла. И теперь нельзя вызвать распад Британской империи и вывести ее из войны.

Во-вторых, стратегия прямого наступления против Австралии, против Гавайских островов, тем более против Западного побережья США не соответствует имеющимся силам.

В-третьих, оборонительная стратегия обречена на провал, что продемонстрировала, в частности, кампания на Соломоновых островах. Огромные территории империи можно защищать, лишь располагая мобильными соединениями, значительно превышающими возможности противника. В противном случае неприятель имеет возможность сосредоточить превосходящие силы против любого пункта оборонительного периметра, изолировать этот пункт и его захватить. Попытки восстановить положение приведут либо к генеральному сражению в невыгодной для нас обстановке, либо к битве на истощение наших сил.

В-четвертых, противник имеет отчетливое преимущество в воздухе и неоспоримое в технических средствах борьбы. Кораблестроительная промышленность США вводит в строй вдвое больший тоннаж боевых кораблей, нежели Япония. В течение 1943 года передаются

флоту новые авианосцы серии «Эссекс», близки к завершению новейшие линейные корабли серии «Айова». В этих условиях американцам нет никакой нужды спешить и подвергать свои корабли риску генерального сражения в 1943 году. Они могут подождать с решительными действиями до второй половины 1944 года.

В-пятых, положение европейских союзников империи трагично. Италия находится на грани капитуляции. Германские войска были разгромлены под Сталинградом и потеряли способность к наступательным операциям.

В-шестых, Советский Союз будет соблюдать нейтралитет лишь до тех пор, пока союзники не начнут решительного наступления на Японию. После этого он в любом случае будет вынужден начать военные действия (хотя бы для того, чтобы иметь возможность принять участие в мирной конференции и отстоять там свои интересы).

Поэтому здесь Ямамото наверняка не имеет иллюзий и напишет правду: как все будет, когда его уже не будет. И тут уж японское «Вам следует», которое издревле спокойно писалось даже царственным особам, найдет свое место не один раз.

Итак, мой дорогой японский Император-*Первый*, пишу тебе из 1943 года, с базы Рабаул, навсегда твой Ямамото Исуроку.

Следует понять, что Японии не будет предоставлена возможность завершить войну компромиссным миром. Такой мир не устраивает прежде всего США, внешняя же политика Великобритании после ряда тяжелых поражений в войне не самостоятельна. Это означает, что война неизбежно закончится полным поражением Японии, и Стратегию этого поражения важно определить.

По высказыванию европейского военного теоретика Клаузевица, «война есть продолжение политики иными средствами»: это означает, что переход от войны к миру есть важнейшая из военных операций, и ее следует должным образом подготовить.

Япония не может немедленно капитулировать. Это видно из того, что ни армия страны, ни ее флот не разбиты в открытом бою. Наконец — и это главное, — подобный мир не является естественным завершением политического конфликта между Японской Традицией и Американской Демократией, лежащего в основе войны. Сохранившая промышленность и инфраструктуру Япония будет постоянно находиться под угрозой новой войны или создавать такую угрозу противнику.

Следовательно, победитель захочет насладиться полным уничтожением и тем утолить свою жажду мести. Поэтому страна Ямато принесет следующие неизбежные жертвы:

1. Объединенный флот будет уничтожен как боевая сила. Это произойдет в течение одного или нескольких последовательных сражений, в которых противник будет иметь огромное превосходство в силах. При этом, однако, японский флот сможет уйти с исторической арены достойно, продемонстрировав талант, умение и бесстрашие. Японский флот создавался усилиями всей страны, он будет сражаться с честью и будет уничтожен полностью.

2. Промышленность метрополии будет разрушена как неконкурентоспособная; после войны страна создаст новую промышленность, лучшую и более эффективную, чем довоенная.

3. Военные лидеры страны будут выданы торжествующим победителям для суда и наказания. Некоторые из них закончат жизнь ритуальным самоубийством; те же, кто ответит перед судом, «выкупят» у Объединенных Наций будущее Японии. Война на Тихом океане будет быстро предана забвению в Японии, некоторые ее герои смогут остаться в живых, но история не сохранит память об их воинской славе.

4. Страна Ямато капитулирует не раньше, но и не позже, чем она окажется в полностью безнадежном военном положении, когда флот будет уничтожен, города и промышленные предприятия разрушены. Лидеры постараются сохранить конституцию страны и территориальную целостность некоторых имперских территорий. Не следует, однако, думать, что победители оставят Японии возможность вести какие-то переговоры. Следует рассчитывать, что страна будет ограничена лишь Японскими островами — теми,

которые, по преданию, каплями упали с небесного копья первых ее богов.

5. Поражением в войне начнется новый этап государственной истории Японии, подобно тому, как «визит» эскадры адмирала Перри открыл путь к реставрации Мейдзи.

6. Послевоенная Япония догонит и перегонит США и Европу в области технологии, прежде всего — высокоточной, потому что вся японская эстетика будет обращена отныне в мирный товар, а Путь меча станет отныне совершенно другим путем: он приведет страну к процветанию ценой забвения ее чудовищной и великой истории самураев.

Он выслал этот опус *Первому* и улегся спать. Завтра являло собой воскресенье. Лагерь вечного сна. Он предвкушал двенадцать или даже четырнадцать часов «без страха и упрека»...

Он был свободен. Он спокойно мог писать дальше.

(20) Марианские острова

Четвертого мая 1944 года в командование Объединенным Флотом вступил адмирал Тойода, который принял решение остановить наступление противника в центральном секторе Тихого океана и вернуть Японии стратегическую инициативу в войне.

Это было не смешно, это была уже какая-то оборона Берлина-45, это было все... Аут. *Второй* никак не мог понять, зачем об этом писать, но *Первый* почему-то настаивал, а он был *Первым*.

«Совершенно секретная телеграмма № 041213 по Объединенному флоту.

Послание командирам соединений и кораблей по случаю моего вступления в командование.

По приказу Императора я назначен командующим Объединенным флотом. Мой флагманский корабль — крейсер “Ойодо”.

Наш Объединенный флот в нескольких сражениях с молниеносной быстротой сокрушал основные силы противника. За истекшие с того времени два с половиной года мы совместно с нашими армиями заняли районы, имеющие существенное значение для Великой Восточной Азии. Офицеры и матросы флота охотно жертвовали своей жизнью и наносили большой урон врагу. Судьба противника была почти решена, но в этот промежуток времени противник восстановил свои боевые силы и, выгодно используя наши трудности со снабжением, перешел к развернутому контрнаступлению.

Война подошла вплотную к линиям, жизненно важным для нашей национальной обороны. Вопрос о нашем национальном существовании стоит весьма серьезно, существует небывалая возможность решить вопрос, кто окажется победителем и кто побежденным. Наступающей осенью мы возьмем на себя ответственность за решение этой великой задачи.

Отдавая все свои мысли основным планам, используя все возможности для продвижения или отхода и уповая на великую боеспособность наших офицеров и солдат, мы проведем эти решающие операции, которые принесут безусловное поражение врага.

Приказы и инструкции относительно методов операций и средств для их выполнения будут изданы особо. Мы должны достигнуть поставленных перед нами целей, сокрушив одним ударом основное ядро крупных сосредоточенных сил противника, чтобы изменить тем самым создавшееся военное положение и совместно с нашими армиями перейти непосредственно к наступлению. Офицеры и матросы — участники решающего сражения — должны уповать на Бога, тщательно овладевать искусством ведения войны и в одном сражении решить судьбу Империи.

Офицеры и матросы, охраняющие важные районы, должны до крайнего предела напрячь усилия, используя всю свою изобретательность для немедленного создания баз. Они должны вынести все трудности, усилить сплоченность и пожертвовать всеми силами для

создания железной стены обороны своего отечества.

Офицеры и матросы, охраняющие Маршалловы острова и важные пункты в юго-западном районе, должны оборонять главные базы и боевые тылы. Они будут вести решающие бои, осуществляя налеты и атаки. Необходимо приложить все усилия для создания мощных исходных пунктов для атак.

Таким путем все наши силы, объединенные в нашем доблестном деле, сражаясь до смерти, уничтожат противника, обладающего богатством материальных ресурсов.

Сознавая всю тяжесть ответственности за судьбу нашей империи, история которой насчитывает 2600 лет, преисполненный благоговения перед славой императорского трона и уповая на помощь Бога, я приложу все усилия, подчиняясь желаниям Императора.

Стремления офицеров и матросов всего флота должны от всего сердца соответствовать этой великой чести и долгу».

Второго не интересовала гениальность Нимица. *Первый* же все ратовал за объективность оценок.

«Чем больше ты сидишь в своей Японии, тем сильнее оберегаешь меня от прояпонской позиции», — написал *Второй* с улыбкой и подумал: «...Интернет не способен передать кривую усмешку, а жаль...»

«...Что ты поешь славу Нимицу? — устало морали за- торствовал он, — На позицию победителей встать, ей-Богу, найдется охотников и без нас с тобой...»

В ответ *Второй* получил объемистый текст про то, какие молодцы уже теперь стали американцы, и с некоторой досадой вставил его под заголовок:

Генеральное наступление: Чарлз Нимиц

Захват Маршалловых островов, нейтрализация Трука и Палау нарушили связность внешнего оборонительного периметра Японской империи. Отныне американцы контролировали все пути, лежащие между Рабаулом и метрополией. Пятьдесят восьмое оперативное соединение продемонстрировало свою способность уничтожать базовую авиацию противника и захватывать локальное господство в воздухе над любым районом Тихого океана.

Техническое перевооружение флота было завершено. Личный состав, наконец, овладел новыми средствами ведения борьбы, что немедленно отразилось на результатах ночных столкновений. Бой у Велья—Лавелья 3 сентября 1943 года был последним эпизодом, в котором японцам удалось достичь хотя бы баланса потерь. Первого—второго ноября в заливе Императрицы Августы было окончательно и бесповоротно доказано, что радар дает решающее тактическое преимущество и никакая выучка экипажей, никакое искусство наблюдателей не могут компенсировать его отсутствие.

Возрос уровень мастерства пилотов американской палубной авиации. «Стандартные требования», которые американский Комитет начальников штабов не позволил снизить даже в дни Кораллового моря и Мидуэя, включали двухгодичную береговую подготовку и триста часов налета. Лишь после этого летчик допускался к службе на авианосце, где он под руководством более квалифицированных специалистов приступал к совершенствованию своего летного мастерства.

Начиная с рейдов на Рабаул, эскадрильи все время участвовали в боях — вполне серьезных, чтобы способствовать накоплению реального военного опыта, и достаточно неравных, чтобы потерями можно было пренебречь. За осень 1943 — весну 1944 года экипажи Т.Ф.58 выполнили десятки боевых вылетов. К обязательным тремстам летным часам добавились сотни часов, проведенные в дальнем поиске, в боевом воздушном патруле, на штурмовке вражеских баз и аэродромов. Подобно «экспертам» 1-й дивизии Нагумо в дни Перл-Харбора, Явы, Коломбо, Тринкомали, летчики с авианосцев Митшера были теперь абсолютно уверены в своих силах. «*Легче, чем бомбить “Сеттсу”*».

...Нимиц подумал, что уже к августу 1943 года сложилась обстановка, благоприятствующая переходу в общее наступление с решительными целями. Такие действия, однако, содержали в себе некоторые элементы риска и, что было более важно, не соответствовали в тот момент намерениям высшего руководства в Вашингтоне. Потому штаб Тихоокеанского флота и избрал стратегию последовательных, ограниченных по месту и времени операций, разработанную в 1918 году маршалом Ф.Фошем.

Осенью 1943 года в Токио вело много дорог. Уже тогда во главу угла можно было ставить эстетические критерии — не просто достичь цели, но сделать это быстро, красиво и с наименьшими потерями. Превзойти противника не только в силах, но и в искусстве маневренной борьбы на Тихом океане.

...Весной 1944 года штаб Нимица приступил в разработке операции принципиально нового типа.

Целью наступления, получившего кодовое название «Форејджер», стали Марианские острова, находящиеся в 3300 милях от Перл-Харбора и более чем в 1000 милях от американских временных баз на Кваджелейне и атолле Энтиветок. Если не считать адмирала Ямамото, никто и никогда не планировал таких огромных «скачков».

Захват Марианского архипелага разрезал на две части главную линию имперской обороны. Прерывался «воздушный мост», по которому перебрасывались самолеты из японской метрополии в Рабаул. Расширялась сфера деятельности американских подводных лодок: дозаправляясь на Гуаме и Сайпане, субмарины получили возможность патрулировать в водах Индонезии, в Корейском проливе, даже во Внутреннем Японском море. Резко возрастали возможности стратегической авиации — новейшие бомбардировщики В-29 «сверхкрепость» с аэродромов на острове Сайпан могли действовать против объектов на территории собственно Японии.

Наконец, плацдарм в районе Марианских островов обеспечивал Тихоокеанскому флоту свободу оперативного маневра за юг, запад, северо-запад. Иными словами, на следующем «шаге» речь могла уже идти о Филиппинах, голландской Ост-Индии, даже о самих Японских островах.

Однако японское командование тоже прекрасно понимало значение Марианского архипелага. В Перл-Харборе считали, что для удержания этой ключевой позиции противник пойдет на все и будет действовать, не считаясь с потерями. Предполагалось, что главный удар базовой авиации и, возможно, мобильного флота Одавы придется по кораблям Митшера.

Поражение Т.Ф.58 привело бы американские войска, высадившиеся на Сайпане, к катастрофе. Хуже того, оно стало бы катастрофой, растянутой на месяцы: раз начавшись, операция «Форејджер» уже не могла быть отменена — как по политическим соображениям, так и из-за сильнейшей поляризации линий снабжения.²⁰³ Расчеты трансокеанских грузопотоков делались исходя из предположения, что кампания на Марианах займет около трех месяцев. Циклы использования судов были выстроены таким образом, что в течение

---

²⁰³ Десант на Марианские острова задействовал целый флот. В состав двух Штурмовых соединений (Северного и Южного) адмиралов Тернера и Конолли входило 14 эскортных авианосцев, семь устаревших линкоров, семь тяжелых крейсеров, пять легких крейсеров, 94 эсминца, 28 эскортных миноносцев, два штабных корабля, 77 транспортов, 34 грузовых судна, пять сетевых заградителей, 44 минзага и тральщика, 87 танкодесантных судов, 65 танкодесантных барж, 25 десантных судов для перевозки пехоты, восемь десантных судов-доков и еще 47 разных судов, означенных в ведомости как «вспомогательные». Итого 549 кораблей и судов. Само собой разумеется, в это число не входило 94 корабля адмирала Митшера (семь тяжелых, восемь легких авианосцев, семь новых линкоров, три тяжелых крейсера, семь легких крейсеров, четыре крейсера ПВО, 58 эсминцев). Базовая авиация, выделенная для действий против Марианских островов, насчитывала 879 машин.

этого времени практически исключалась эвакуация с Сайпана, а также осуществление каких бы то ни было крупных десантов на других направлениях. Так приходилось расплачиваться за размах операции.

Митшер считал опасность минимальной, Нимиц же отдавал себе отчет в том, что противник сохранил ядро своего флота, прежде всего — авианосцы. До сих пор все столкновения авианосных соединений сопровождались трудной для обеих сторон «темповой игрой», причем, как правило, «победу по очкам» одерживали японцы. Единственным исключением был Мидуэй, но эта битва, безоговорочно выигранная американцами, наводила на тревожные размышления: «с переменной цвета» на Марианских островах Нимиц решал ту же стратегическую задачу, что Ямамото при Мидуэе.

Однако разумной *политической* альтернативы операции «Форејджер» не было. Кампания в Европе вступила в завершающую стадию. Италия капитулировала, и, хотя фюреру удалось каким-то трудно постижимым образом выкрасть Муссолини из рук союзников и затем сконструировать «из подручных материалов» республику Сало, события в Риме стали похоронным звоном для всей «Оси». Русские освободили Киев и вышли на государственную границу СССР. Нимиц знал о том, что Сталин обещал Рузвельту перейти летом в решительное наступление «на одном из стратегически важных направлений советско-германского фронта», и опасался, что речь идет об ударе на Будапешт — Вену. Разумеется, о предстоящей в июне высадке англо-американских войск в Нормандии командующий Тихоокеанским флотом также был хорошо осведомлен. («Мне бы его проблемы, — иногда с завистью думал Нимиц об Эйзенхауэре. — Под рукой десятки бетонированных аэродромов, на складах только птичьего молока нет, а до плацдарма всего сто миль по морю».)

При естественном развитии событий война в Европе должна была закончиться еще до Рождества. Собственно, она могла завершиться в любой момент, для этого достаточно было нескольких недовольных германских генералов, располагающих войсками в Берлине. Пока что спасала положение гениальная идея Рузвельта насчет безоговорочной капитуляции.

Это требование лишало всякой дипломатической инициативы не только Великобританию и СССР, но и любые политические силы в Германии. Рейх и его европейские противники были обречены *«истреблять друг друга как можно дольше»*²⁰⁴, а это создавало дополнительные предпосылки для успеха плана Маршалла. «Удивительно, что Рузвельту удалось навязать принципы «безоговорочной капитуляции» таким тонким политикам, как Черчилль и Сталин», — сказал как-то Хэлси.

Однако каждая медаль имеет две стороны: требование безоговорочной капитуляции распространялось и на Японию. Для восточного образа мышления оно выглядело категорически неприемлемым, отсюда вытекало, что Страна Восходящего Солнца будет сражаться до последнего. Но Соединенные Штаты отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы английские корабли и русские армии успели бы, завершив кампанию в Европе, принять участие в войне с Японией. Из соображений престижа Америка должна была в одиночку разгромить и наказать агрессора²⁰⁵.

204Г. Трумэн.

205Во время Первой Мировой войны США построили индустриальную базу, позволяющую им претендовать если не на мировое господство, то, во всяком случае, на явное преобладание в мире. Однако престиж страны и ее вооруженных сил был невысок (по сути, американцы смогли записать в свой актив только Сен-Миельское наступление с ограниченными целями). Именно поэтому Версальский мир был продиктован Англией и Францией — державами-победительницами, и роль США в послевоенном миропорядке выглядела достаточно скромной. Промахи в реальной войне пришлось исправлять в войне дипломатической, причем существовал реальный риск провала Вашингтонской конференции, что приводило к резкому конфликту с англо-японским альянсом.

Вторая Мировая война была сконструирована, чтобы окончательно пересмотреть итоги Версаля. Это подразумевало крайнюю необходимость повысить международный

На южном стратегическом направлении Мак-Артур «застрял», втянулся в позиционные бои сначала на Новой Гвинее, потом на Биаке и не обещал решительных успехов до осени. В этих условиях кампания на Марианских островах оказалась единственной возможностью изменить ритм войны, поэтому Нимиц принял на себя ответственность за осуществление операции «Форејджер». Невзирая на все рассуждения о риске и красоте, он сознавал, что план основывается прежде всего на ударной силе и боевой устойчивости Соединения Митшера, а также на наличии стратегического резерва. В сущности, Спрюэнс, назначенный командующим флотом, мог позволить себе потерять столько же авианосцев, сколько Нагумо потерял при Мидуэ. И эти потери не отразились бы на ходе дальнейших операций: заканчивал ремонт «Интрепид», оставалась в Перл-Харборе «Саратога», шли Панамским каналом «Тикондерога» и «Хэнок», завершалась достройка «Рэндольфа», «Беннингтона», «Шангри Ла», еще девять «эссексов» находились на верфях в разной стадии готовности. Легкие же и эскортные авианосцы вообще теперь никто не считал.

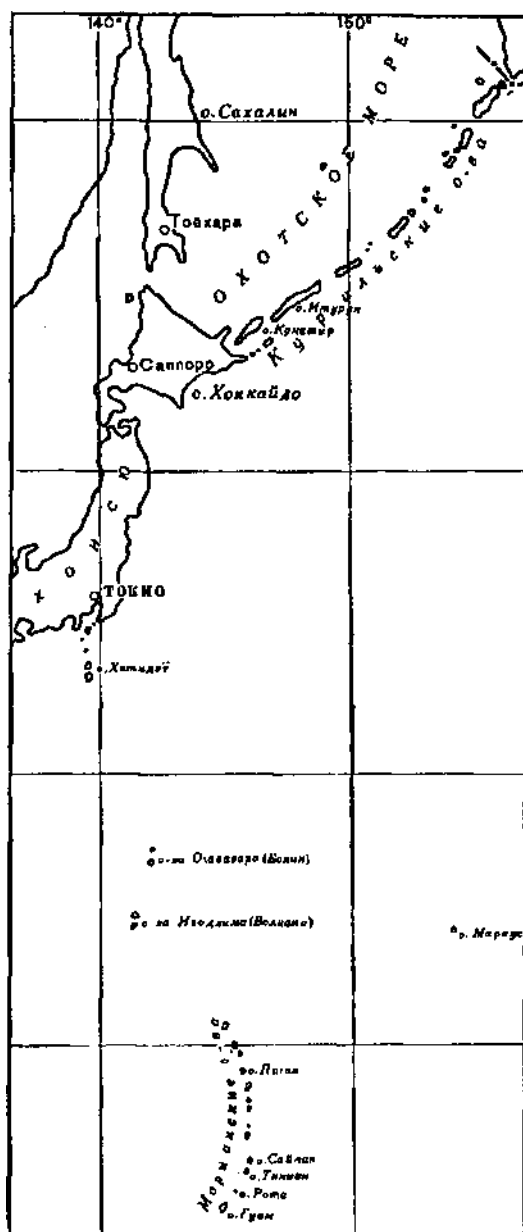
...Когда десантные соединения Тернера и Конолли вышли в море и операция «Форејджер» вступила в ту стадию, после которой отмена ее стала уже невозможной, Нимиц вызвал к себе Хэлси. Теперь, своей волей и стечением обстоятельств получив неограниченный «карт-бланш» от военного и политического руководства страны, командующий Тихоокеанским флотом мог наконец позволить себе осуществить давно задуманную реорганизацию. Новое штатное расписание нарушало все морские и военные традиции. До сих пор подобная управленческая структура не рассматривалась даже в теоретических разработках.

Нимиц создал новый штаб ординарного флота и разделил свои корабли — но не в пространстве, как делалось всегда, а во времени. Сейчас, во время битвы на Марианских островах, основными силами руководил Спрюэнс, назначенный командующим 5-м флотом. Хэлси и его штаб должны были готовить следующую операцию, исходя из текущих предположений о результатах действия Спрюэнса. К концу сражения за Сайпан Хэлси уже должен был иметь разработанный и просчитанный план, готовый к немедленному исполнению. И тогда 5-й флот становился 3-м флотом, Т.F.58 превращалось в Т.F.38, Спрюэнс отправлялся на берег писать отчеты и создавать следующий план, а Хэлси выходил в море.

«Отныне наступление вооруженных сил США на Тихом океане должно было носить непрерывный характер, — деловито писал *Первый*. — Пророчество твоего “великого адмирала” сбылось.

Посылаю тебе поэму про Созму Тойода».

Генеральное сражение: Созму Тойода

Марианские острова, Япония, Курильские острова

«Эра Кога» в руководстве Объединенным флотом завершилась с оставлением базы Трук. Поскольку союзники не собирались идти на какие-либо переговоры и настаивали на безоговорочной капитуляции, сохранение флота, как разменной монеты в дипломатической игре, потеряло смысл. И сразу же оказалось, что мудрая концепция «fleet in the being», адептом которой был Кога, сыграла на руку американцам.

Пока Объединенный флот отстаивался в базах, Нимиц овладел почти всем Тихим океаном и блокировал Японскую империю. Вражеские авианосцы, достроенные и укомплектованные во время «стратегической паузы», как нож сквозь масло, проходили через оборонительные периметры, обрушивая торпеды и бомбы на береговые сооружения, заблудившиеся корабли, структурообразующие аэродромы.

Весной 1944 года отступать было некуда и незачем.

В конце февраля Кога по настоянию армейского руководства попытался провести частную наступательную операцию в Бенгальском заливе²⁰⁶. Вышли «Тоне», «Тикума» и

²⁰⁶В феврале 1944 года 28-я и 15-я японские армии начали довольно невразумительное наступление в Бирме. Официальной целью был прорыв в долину Ассама, реально же речь, как всегда, шла о том, чтобы прервать доставку оружия и боеприпасов

«Аоба»; 9 марта «Тоне» потопил английский пароход «Бехар», который, однако, успел выйти на связь с Цейлоном. Выяснив, что операция раскрыта, крейсера вернулись в Джакарту.

За время этого рейда Объединенный флот прошел реорганизацию. По настоянию Одзавы, поддержанного Тойодой и новым начальником Морского Генерального штаба Симадой, был создан Мобильный флот в составе всех боеспособных японских авианосцев. Вместе с новейшим «Тайхо», который заканчивал испытания во Внутреннем Японском море, их оказалось целых девять штук.²⁰⁷ Правда, ни один не имел на начало марта подготовленной авиагруппы. Оставалось надеяться, что противник не перейдет к решительным действиям раньше лета.

Новое боевое расписание означало, что японский флот вновь обращается к стратегии решающей битвы.

Второй устало перелистывал справочник с таблицами потерь; корабликов на двери с японской стороны оставалось все меньше, и эта аппликация превратилась в постоянную метафору его настроения. «Кто из них верил в победу? Разве лишь Одзава и в какой-то мере Тойода относились к перспективе такой битвы с долей оптимизма».

«Я думаю, — написал он *Первому*, — что последние распоряжения Кога, которые привели к тому, что самолеты Т.Ф.58 в очередной раз нанесли удар по воздуху, были проникнуты желанием сбросить корабли для адмирала Тойоды».

Четвертого мая 1944 года новый командующий поднял свой флаг на легком крейсере «Ойодо». К этому дню обе стороны уже начали сосредоточение сил для предстоящей летней кампании.

В начале мая в Сингапур прибыли отремонтированные и модернизированные «Ямато» и «Мусаси». Двенадцатого числа Одзава получил свое последнее пополнение — «Тайхо», закончивший программу испытаний, наконец присоединился к Мобильному флоту. В этот же день японские корабли покинули Сингапур и направились в район ожидания — малоизвестную базу Тави-Тави на крайнем юге Филиппинского архипелага.

Тойода видел за противника два варианта действий. В первом из них главный удар наносит Мак-Артур и 7-й флот Кинкейда; наступление разворачивается в привычном для американцев северном направлении, имея своей конечной целью остров Минданао. Во втором варианте главные силы 5-го флота Спрюэнса атакуют Марианские острова, создавая новую операционную линию, вытягивающуюся до Лусона. Имея общее превосходство в силах, союзники могли избрать любую из этих стратегий или даже объединить их в единую схему, выстроив комбинированное сражение за Филиппины.

Тойода сосредоточил флот в Тави-Тави. Так он сохранял возможность быстро

через Индию и Бирму в Китай. Тактически операция была оформлена умело: отвлекающим ударом на южном направлении японцы сковали английские резервы, после чего 15-я армия внезапно начала продвижение в направлении Ассама. Как всегда, японцы воспользовались знанием местности и мобильностью своих войск. Английские дивизии попали в окружение, но в условиях 1944 года командование без особых проблем организовало их снабжение по воздуху. Наступление 15-й армии потеряло темп и окончательно сорвалось с приходом летнего муссона.

Рейдерская операция в Бенгальском заливе была предпринята в рамках поддержки этого наступления флотом, однако осуществлялась она малыми силами и без какой-либо настойчивости. К тому же выход крейсеров опоздал на крайней мере на две недели.

В целом «решающее сражение за Импхал» и на суше, и на море было пародией на блестящие действия японцев в бирманской кампании весной 1942 года.

207 «Тайхо», «Секаку», «Дзуйкаку» — 1-я ДАВ, «Дзунье», «Хийе», «Рюхе» — 2-я ДАВ, «Дзуйхо», «Читосе», «Чийода» — 3-я ДАВ.

развернуть свои силы на юг или на восток — в зависимости от складывающейся ситуации. Инициатива предоставлялась противнику, но, по-видимому, это уже не имело первостепенного значения. В любом случае Одзава мог вести только оборонительное сражение. Его единственный шанс заключался во взаимодействии палубной и базовой авиации.

Оба японских командующих предпочли бы принять бой как можно ближе к Филиппинским островам. Для перехода к Сайпану или Новой Гвинее Объединенному флоту уже не хватало горючего. Нефтеперерабатывающие заводы, разрушенные голландцами два года назад, так и не удалось восстановить. Американские подводные лодки перерезали коммуникации в Южных морях, сорвав поставки сырой нефти на предприятия метрополии. Некоторое количество очищенного топлива еще оставалось в Сингапуре; здесь же, в Тави-Тави, корабли заливали в цистерны мазут из скважин острова Борнео: летучий, огнеопасный, содержащий присадки, выводящие из строя форсунки котлов.

Девятнадцатого мая Нимиц начал активные действия в центральном секторе Тихого океана. Утром следующего дня Тойода узнал, что палубная авиация противника атаковала Уэйк. Одновременно американцы высадились на остров Биак. Командующий Объединенным флотом понял, что события разворачиваются по худшему из возможных сценариев.

Однако пока еще оставались практические шансы. Американцы на Биаке действовали медленно и нерешительно, штабные аналитики пришли к выводу, что при своевременном подходе подкреплений остров удастся удержать. В результате была сымпровизирована операция «Кон», и 31 мая довольно мощное транспортное соединение направились из Давао к Биаку.²⁰⁸ Третьего июня оно было обнаружено «Либереитором». Считая, что внезапность потеряна, Тойода отменил операцию и вернул корабли на Минданао.

Однако штаб настаивал на отсутствии у американцев авианосцев и крупных сил базовой авиации. В результате была предпринята еще одна операция — с шестью эсминцами (которые тащили на буксире три баржи), «Аобой» и «Кину» в прикрытии. Неподалеку от Биака соединение было перехвачено контр-адмиралом Крачли: тяжелый, два легких крейсера, 14 эсминцев. Контр-адмирал Саконджу приказал обрубить буксиры и уходить. Но Крачли, опасаясь повторения Тассафаронги, также повернул назад. (Позднее он разрешил эсминцам вести преследование, которое не дало никаких результатов.) Удивительно, но брошенные на произвол судьбы баржи сумели добраться до Биака и высадить на берег один из эшелонов десанта.

Этот странный бой состоялся 8 июня, когда десантники Тернера и авианосцы Митшера уже шли к Сайпану. Тойода не получал никакой осмысленной информации от своей разведки, но схему операции противника он расшифровал правильно и теперь каждый день ждал сообщений о контактах от самолетов Какуты, базирующихся на Марианских островах. К сожалению, нельзя было заранее выдвинуть флот к архипелагу — танкеры, оставшиеся в распоряжении командующего, могли обеспечить лишь одну заправку. А на Сайпане горючего для кораблей не было.

В эти дни Тойода пытался убедить Тодзио в необходимости усилить гарнизоны на Марианских островах. Однако командование армии считало более приоритетными направлениями Китай и Бирму, а военный министр едва ли не обвинил адмирала в паникерстве: по его мнению, американцы могли подготовить такую операцию «самое раннее — в октябре».

«В тяжелый момент и друзья-то не всегда поддержат, — рассуждал *Второй*, — куда уж там конкуренты, так что Армия фактически тупо злорадствовала по поводу неудач

---

²⁰⁸Перевозку десантников осуществляли тяжелый крейсер «Аоба», легкий крейсер «Кину» и три эсминца. Операцию прикрывали линкор «Фусо», тяжелые крейсера «Миоко» и «Хагуро», пять эсминцев. Дополнительно было задействовано два эсминца-минзага, транспорт, несколько катеров — охотников за подводными лодками.

Флота, словно он был виновником грядущей гибели Империи. Это напоминает мне нежелание тушить стоящий вплотную к собственному жилью дом соседа. Очень даже современный и житейский подход».

«А жаль, — написал он проамериканскому *Первому*, — Одзава рассчитал красивую «маятниковую» схему — задействовать Ударную дивизию Матоме Угаки (“Ямато”, “Мусаси”, “Миоко”, “Хагуро”, “Аоба”, два легких крейсера, семь эсминцев), 15 июня любой ценой высадить на Биаке войска, обстрелять американские позиции 457-мм орудиями, втянуть в сражение 7-й флот Кинкейда и уничтожить его, дозаправиться в Тави-Тави и выйти к Марианским островам, Тойода дал согласие, и корабли вышли в море, но утром следующего дня операция “Кон” была окончательно отменена».

В этот день бомбардировщики T.F.58 нанесли удар по аэродромам Сайпана.

Сайпан, Марианские острова

Сразу же было уничтожено более ста японских самолетов. Как и предполагалось на стадии эскизного планирования операции «Форејджер», американская палубная авиация захватила абсолютное господство в воздухе над Сайпаном.

Тринадцатого июня огонь по острову открыли новейшие линкоры авангардного соединения адмирала Ли. Защитники острова укрывались в пещерах, окопах, подземных галереях. Пока что их потери были невелики, американцы же вообще не потеряли людей, но раскрыли перед противником замысел операции.

Четырнадцатого числа подошли старые линкоры непосредственного прикрытия десанта. Нагумо, чья роль на Сайпане сводилась к управлению десятком катеров и формальному командованию бригадой морских пехотинцев (в действительности подчиненной коменданту острова Сайто), с тоской обреченности узнал в обстреливающих остров кораблях «Неваду», «Калифорнию», «Мэриленд», «Пенсильванию», «Теннесси».

«Ты помнишь, *Первый*, как Футида памятным утром 7 декабря 1941 года заявил Нагумо: “...Американцы не готовы к войне, их авианосцы разбросаны, выполняют разные задачи. У нас блестящая возможность втянуть их в бой поодиночке и по очереди уничтожить. И на земле предков в нашу честь возведут храмы!”

“Звучит убедительно, — ответил тогда Нагумо. — Но, увы, точки дозаправки рассчитаны, танкеры вышли, и изменить их маршрут нельзя. Если мы повернем на юг, дозаправка соединения будет сопряжена со слишком большими трудностями. Во всяком случае, я не хочу болтаться в неприятельских водах почти без топлива”.

Ну вот мы и встретимся с ним “на острове Сайпан, меж старою и новою землей”. Эй, *Первый*, когда самолет? Всего-то осталось мне полжизни и две главы. Приезжай уже, японский бог. Достало доверяться интернету».

На рассвете 15 июня Тернер начал десантирование.

Первой волной пошли канонерские лодки, вооруженные 40-мм универсальными автоматами. Сразу за ними плавающие бронетранспортеры. Далее широким четырехмильным фронтом было построено шестьсот десантных транспортов — легких, плоскодонных, оснащенных носовыми аппаратами. Две дивизии высаживались на четырехмильном фронте.

Вдоль берега на якорях стояли семь линкоров, двенадцать крейсеров и несколько дивизионов эсминцев. Эти корабли осуществляли непосредственную поддержку десанта, сосредотачивая свой огонь на любом очаге сопротивления.

Эскортные авианосцы держались вне видимости защитников острова.

В час Ч, когда первые морские пехотинцы миновали линию прибоя, «позицию

сопротивления» атаковали вооруженные ракетами «авенджеры». Истребители поддерживали оперативный режим, патрулируя над аэродромами.

Восемь тысяч человек было высажено всего за двадцать минут. Дисциплина движения была великолепной: три волны десантных барж прошли друг сквозь друга, не только избежав столкновений, но и сохранив строй и ритм движения.

Казалось, план операции будет выполнен.

Всего-то и надо было под прикрытием огневого вала продвинуться вперед, подняться на вторую, затем на третью террасу²⁰⁹, объединить участки высадки в единый плацдарм, за ночь накопить на нем силы и с утра сокрушить остатки организованной обороны противника. Имея 128 000 человек против 30 000, при абсолютном господстве в воздухе, пользуясь помощью могущественной корабельной артиллерии, Тернер должен был легко выполнить эту задачу.

Однако расчет операции был далек от идеального. Двое суток, потраченных на предварительную артподготовку, дали Сайто возможность развернуть войска и замаскировать артиллерию. К тому же японский командующий угадал направление главного удара. К ночи Тернеру удалось высадить «запланированные» 20 000 человек, но глубина плацдарма была втрое меньше расчетной.

Ночью, когда американские самолеты вернулись на авианосцы, Сайто контратаковал. Его солдатам удалось выйти к береговому пляжу, по там японцев ждали занявшие оборонительные позиции танки; крейсер «Луисвилл» и два эсминца открыли огонь прямой наводкой.

После провала контратаки никто не сомневался в исходе сражения за Сайпан.

И все же бои на острове продолжались три недели вместо трех дней по плану «Форејджер». Это повлекло за собой отсрочку действий против Гуама и послужило источником оперативного кризиса, реализовавшегося как генеральное морское сражение.

«Эй, *Второй*, Армия-то не подкачала. Прибуду в понедельник», — прилетело самое короткое письмо из Японии.

Май начался скромно и ветрено. Он продался апрелю или жалел одиннадцатиклассников, предчувствующих экзамены.

Развертывание: Джисабуро Одзава и Раймонд Спрюзнс

Как только к Сайпану подошли эскортные авианосцы, Митшер осуществил марш-бросок на северо-запад. Пятнадцатого июня, в день высадки десанта, он атаковал Иво-Дзиму и разрушил «воздушный мост» между Японской метрополией и Сайпаном.

Операция развивалась по плану, но Спрюзнса это не радовало. Расчеты штабных теоретиков, казавшиеся столь убедительными в безопасном Перл-Харборе, вызывали здесь, в Филиппинском море, куда меньше доверия. Иво-Дзима обошла Т.Ф.58 в два темпа, и теперь в ряде вариантов Митшер не успевал нейтрализовать аэродромы Гуама до начала решающего авианосного боя.

На следующий день 5-й флот продолжил штурмовку аэродромов Иво-Дзимы и Чичидзимы, одновременно принимая горячее с танкеров. Спрюзнс изучал оперативные документы, касающиеся предстоящей высадки на Гуаме, штурманы соединения уже проложили курс к острову: Т.Ф.58 должно было подойти к нему с запада, описав изыщную дугу, центр кривизны которой был вынесен миль за пятьсот к востоку от Сайпана,

Вскоре после полудня командующему принесли шифровку из Перл-Харбора. Со

209Рельеф Сайпана соответствовал скорее островам западной части Тихого океана: узкий пляж, затем - ряд параллельных террас (С.Моррисон говорит о низких уступах, похожих на ступени), покрытых кустарником. Террасы медленно поднимаются к господствующей высоте — разрушенному вулкану Танахау (469 м).

ссылкой на адмирала Локвуда, командующего подводными силами Тихоокеанского флота, Нимиц сообщил Спрюэнсу, что 15 июня в 18:35 японские авианосцы миновали восточный выход из пролива Сан-Бернардино (Филиппинский архипелаг); позднее в Филиппинском море (200 миль к востоку-юго-востоку от пролива Суригао) были обнаружены линейные корабли неприятеля.

Спрюэнс немедленно вылетел к Тернеру, от которого он узнал, что быстрого успеха на Сайпане не предвидится и в ближайшие дни не удастся задействовать в интересах операции ни один аэродром на Марианских островах. В порядке компенсации командующий десантным соединением передал в распоряжение T.F.58 пять тяжелых, три легких крейсера и 21 эсминец.

1

К вечеру 15 июня Одзава разобрался в дислокации противника, правильно определив, что авианосцы Митшера находятся к северо-западу от Марианских островов. Командующий Мобильным флотом знал, что на Сайпане идут бои, что Гуам пока остается японским, что аэродромы Иво-Дзимы выведены из строя и не могут использоваться для переброски авиации.

Морской Генеральный штаб лаконично сообщил, что, кроме ударных, Спрюэнс, «по-видимому, привлек к операции значительное количество малых авианосцев». Это означало, что Мобильному флоту придется иметь дело со всем соединением Митшера. Надежда на то, что авиация Сайпана выведет из строя или хотя бы свяжет боем какое-то количество американских кораблей, улетучилась.

Начиналось сражение, к которому Одзава готовился всю жизнь, и начиналось оно плохо. Операцию на юге пришлось прервать; вместо классического маятникового «систематического движения» получилось нервное «дерганье» кораблей и людей, пустая трата дефицитного горючего. Флот, еще не вступив в бой, понес потери: за последние дни американские подлодки, блокировавшие Филиппинский архипелаг, потопили четыре эсминца и три эскадренных танкера. В июне Тави-Тави стала очень «опасной» базой.

Когда корабли вышли в море, Одзава поднял несколько воздушных разведчиков — не столько из-за военной необходимости, сколько для того, чтобы «втянуть» экипажи в боевую работу. При заходе на посадку пилот не рассчитал скорость машины, торпедоносец врезался в группу готовых к взлету самолетов. Пожар тушили два часа, на бронированной палубе «Тайхо» осталось пятно черной копоти, а авиагруппа лишилась шести машин — сгорели по два «зеро», «джуди» и «джилла»²¹⁰.

После этого печального события Одзава был вынужден по внутрикорабельной трансляции обратиться к экипажу. Он постарался быть образным и убедительным, но прекрасно понимал, что на самом деле ему нечего сказать своим подчиненным, которые — все, до последнего человека — считали поражение неизбежным.

«Судьба Империи зависит от одной этой битвы. Ожидаю, что каждый сделает все, что в его силах». Командующий Мобильным флотом повторил слова великого флотоводца, отчетливо понимая, что эта метафора Цусимы уже использована адмиралом Ямамото — и притом более зримо: флаг «Z» на мачте «Акаги» в дни Перл-Харбора.

Утром 16 июня Одзава встретил свои линейные корабли и узнал от Угаки, что впустую потерял еще один эсминец: 14-го числа «Сирацую» из Соединения снабжения столкнулся с танкером «Сейо-мару» и на следующий день затонул. Или кому-то привиделась торпеда, и колонна неудачно совершила маневр отклонения, или рулевой на миноносце заснул за штурвалом.

210«Джуди» и «джилл» сменили соответственно «вэл» и «кейт».

Спрюэнс быстро возвращался на юг. Ситуация в Филиппинском море оставалась неясной; флот противника, обнаруженный подводными лодками на выходе из пролива Сан-Бернардино, исчез. Операторы напрасно вслушивались в эфир — корабли Одзавы сохраняли строгое радиомолчание.

Командующий 5-м флотом был вынужден обратиться к Нимицу и запросить через него помощь Мак-Артура. Генерал согласился расширить радиус действия своих патрульных самолетов и организовать поиск над Филиппинским морем. Результатов это не возымело, равно как и ежедневные разведывательные полеты с авианосцев Митшера. В этих условиях Спрюэнс отменил намеченную на 18 июня высадку на Гуам.

Неожиданно Тернер прислал паническую радиограмму, смысл которой сводился к тому, что «Одзава может обойти 58-е оперативное соединение с фланга, миновать цепочку Марианских островов и с востока обрушиться на транспорты у Сайпана». По-видимому, командующему амфибийными силами не ко времени вспомнился бой у острова Саво.

К удивлению Спрюэнса, его собственный штаб воспринял паранойю Тернера всерьез. Командующий выслушал аргументы в пользу «глубокого обходного маневра, который соответствует японскому стилю ведения войны», зевнул и сказал: «Для такого рейда у них не хватит эскадренных танкеров».

«Сообщаю тебе, *Второй*, что для успокоения Тернера и генерал-лейтенанта Смита, командующего войсками на Сайпана, Спрюэнс оставил к востоку от архипелага все четырнадцать эскадренных авианосцев. Это было без малого триста самолетов, учти для галочки.

Прилетаю только в пятницу, образовались весьма почетные для меня дела».

«Триста самолетов,— подумал *Второй*,— это те, которые американские военные историки никогда не учитывают, составляя баланс битвы в Филиппинском море. Я стал дотошен, как *Первый*, распадаюсь по субличностям...»

Одзава вел девять авианосцев, и количество самолетов на их ангарных палубах превышало численность «флота Гэнды» времен Перл-Харбора.²¹¹ Однако американцы могли противопоставить этой силе значительно большую. Спрюэнс превосходил Мобильный флот по всем классам боевых кораблей, за исключением тяжелых крейсеров. Митшер мог выставить пятнадцать авианосцев, шесть из которых принадлежали к новейшему типу «Эссекс», а седьмой — «Энтерпрайз» — был своеобразным непотопляемым талисманом Т.Ф.58. По штатному расписанию соединение должно было насчитывать 1060 самолетов.²¹²

Одзава представлял, что противник превосходит его примерно вдвое — это если не считать разницы в квалификации пилотов и характеристиках палубных самолетов. Тем не менее он искал — и находил — оперативные возможности за Мобильный флот. Пусть минимальные, но шансы у него были... по крайней мере, он верил в это.

Главный недостаток японских самолетов — отсутствие брони и протектированных баков — Одзава сумел превратить в достоинство. Броня — это лишний вес и, значит, «при прочих равных» снижение либо дальности, либо боевой нагрузки. Кроме того, более мощные моторы американцев требовали больше горючего. В результате радиус действия

---

²¹¹Палубная авиация насчитывала 430 машин: 222 истребителя, 113 пикирующих бомбардировщиков, 95 торпедоносцев. Кроме того, имелось 43 гидросамолета.

²¹²Реально с учетом понесенных потерь их было несколько меньше: 475 истребителей, 232 пикировщика, 184 торпедоносца -- всего 891 самолет. Корабли сопровождения несли 65 гидросамолетов, а всего Митшер имел в своем распоряжении 956 машин.

устарелых японских самолетов оказался миль на сто больше, чем у новых американских. Одзава решил навязать противнику бой на сверхдальней дистанции, на которой палубная авиация Митшера «не достанет» до его авианосцев.

Кроме того, были варианты, в которых ключевую роль играли аэродромы на Марианских островах, Одзава, естественно, рассчитывал на помощь базовой авиации. Собственно, весь план «А», план решающей битвы в Филиппинском море, строился на взаимодействии с несколькими сотнями самолетов на Сайпане, Гуаме, островах Яп и Рота. Однако, невзирая на победоносные сводки Какуты, командующий Мобильным флотом подозревал, что этих самолетов, скорее всего, уже нет в природе.

Очень немногие базовые аэродромы могут принять сотню самолетов — авиагруппу американского ударного авианосца. И ни один не может поднять в воздух столько машин, сколько американская тактическая группа. Способов организовать взаимодействие в реальном времени между аэродромами, расположенными на разных островах, военная наука не знала. А в таком случае американцы могли «выносить» аэродромы по одному, каждый раз сосредотачивая подавляющие силы. Возможность у них была, и время тоже.

С другой стороны, опыт сражения у Гуадалканала доказывал, что полностью вывести аэродром из строя чрезвычайно трудно. Иными словами, Одзава был вправе рассчитывать, что на архипелаге уцелеют резервные взлетные полосы, которые удастся использовать для «челночных» полетов: взлетевшие с его авианосцев самолеты смогут совершить посадку на Гуаме. На обратном пути они проведут еще одну атаку, прихватив с собой уцелевшие машины базовой авиации — ну хотя бы штук сто таких наберется? На сто самолетов больше шансов.

На что рассчитывал Одзава? *Второй* не чувствовал и не понимал этого японца, и даже симпатии адмирала Ямамото тут мало помогали.

«На себя он рассчитывал и на свой талант,— уверенно излагал *Первый*. — До сих пор американские адмиралы не продемонстрировали ему особых военных дарований. Даже Нагумо, которого Одзава почти презирал, бил их неоднократно в неравных боях. Нагумо был слабым тактиком, а Одзава сильным и бесстрашным. Он не боялся смерти, не осторожничал, быстро думал и был совсем не похож на Нагумо, которому нужно было бы работать торговцем, а не адмиралом флота. А еще Одзава некогда было изучать экономику, и американские тылы не тревожили его воображение. В общем, жил он “на чемоданах”. Здесь и теперь. Как я сейчас».

4

Вечером 17 июня ПЛ «Кавэлл» сообщила об обнаружении «значительного числа японских кораблей». Нарушив все правила, Локвуд потребовал уточнить: это сколько? Пожав плечами, он передал Нимицу «уточненное» донесение — «пятнадцать или более».

Спрюэнс получил эту информацию на следующее утро, и, похоже, она его не заинтересовала. Во всяком случае, Т.Ф.58 продолжало двигаться на юг, игнорируя противника, подходящего с фланга. Самолеты Митшера занимались рутинным секторным поиском в радиусе 325 миль. Они не увидели ни одного неприятельского корабля, хотя, как потом выяснилось, временами приближались на 60 миль к авангарду Одзавы. Ввиду ясной погоды Спрюэнс счел, что японские корабли еще не пересекли четырехсотмильный рубеж, и ушел спать, затребовав на ночь дальнюю радиолокационную разведку патрульными бомбардировщиками с атолла Эниветок. Его даже не насторожили донесения пилотов, которые видели японские разведывательные самолеты.

Вечером 18 июня американское оперативное соединение пришло в «точку сборки», расположенную в 180 милях к западу от острова Тинниан.

Восемнадцатого июня, как и в последующие дни, стояла великолепная погода. Было безоблачно; ровный и сильный восточный пассат давал Одзава важное тактическое преимущество — он мог оперировать авиагруппами, не прекращая сближения с противником.

Хотя командующий Мобильным флагом задействовал в поиске всего семь самолетов со слабо подготовленными наблюдателями, к 15:30²¹³ он получил если не исчерпывающие, то очень подробные сведения о противнике. Сразу двое пилотов сообщили об обнаружении «крупных сил, в том числе неустановленного количества авианосцев». В действительности оба разведчика видели Т.Ф.58, растянувшееся с севера на юг более чем на сорок миль.

Одзава лег на курс 200, стремясь сохранить четырехсотмильную дистанцию.

Около четырех часов дня Одзава доложили о самостоятельных действиях командира 3-й дивизии авианосцев («Читосе», «Дзуйхо», «Чийода») контр-адмирала Обаяси, который решил немедленно атаковать противника всеми наличными силами своей дивизии, то есть шестьюдесятью семью самолетами.

Одзава задумался. В инициативе Обаяси был некий смысл: противник как будто не догадывался о приближении японских кораблей, атака имела все шансы на успех. Во всяком случае, внезапность была бы полной.

Но этой атакой она была бы и исчерпана. Что могли сделать 67 самолетов? При удаче — вывести из строя один-два корабля, может быть, даже их потопить. На чем участие 3-й дивизии в сражении и закончилось бы — летчики, которые были у Обаяси, не имели ни одного шанса на миллион найти ночью свои авианосцы.

— Запретите ему поднимать самолеты, — приказал наконец командующий и в ответ на недоуменный взгляд флаг-офицера добавил: — Этот тактический успех может лишить нас полной победы.

Ночью Мобильный флот перестроился в боевой порядок, который Одзава разработал специально для этой битвы. Впереди широким фронтом было развернуто соединение Курицы, Оно включало линкоры «Ямато» и «Мусаси», линейные крейсера «Харуна» и «Конго», тяжелые крейсера «Атаго», «Такао», «Майя», «Кумано», «Текай», «Судзую», «Тоне», «Тикума». Охранение обеспечивали легкий крейсер и 11 эсминцев.

Одзава построил тактические группы этого соединения вокруг авианосцев 3-й дивизии, причем полетные палубы последних были насыщены истребителями. По мысли командующего, силы Курицы примут на себя атаки американских бомбардировщиков, одновременно играя роль «приманки» и противовоздушного барьера всего Мобильного флота. Кроме того, линейным кораблям отводилась решающая роль в заключительной стадии сражения: огнем своей могущественной артиллерии они должны были расчистить себе путь к поврежденным американским авианосцам.

За соединением «С» эшелонированно размещались Главные силы. Их авангард составляла 2-я ДАВ («Дзунье», «Хийе», «Рюхо») под прикрытием «Нагато», «Могами» и восьми эсминцев. Тяжелые авианосцы замыкали строй, для их прикрытия остались тяжелые крейсера «Миоко» и «Хагуро», легкий крейсер «Яхаги» и всего семь миноносцев²¹⁴.

Одзава рассчитывал на «загоризонтную атаку»: главный удар должны были нанести самолеты с «невидимых авианосцев», скрытых как расстоянием, так и «тенью» от кораблей Курицы.

²¹³Время местное: 19 июля на параллели Тинниана восход солнца — 5:45, заход - в 18:25.

²¹⁴Это оригинальное боевое построение иногда именуют «молотом»: ручку образуют главные силы, боек — корабли Курицы.

В три часа ночи 19 июня японские корабли вновь повернули к северо-востоку, и к 4:15 они вышли на исходную позицию для атаки. Несколькими часами раньше Одзава нарушил радиомолчание, приказав Какуте нанести ранним утром удар по американским авианосцам.

7

Митшер развернул свои тактические группы в строй фронта, чтобы авианосцы могли маневрировать против ветра, не мешая друг другу. Линейные силы были выдвинуты вперед — примерно из тех же соображений, что у Одзавы, но на значительно меньшее расстояние (пятнадцать миль против ста). Поскольку противник так и не был обнаружен, Спрюэнс избрал выжидательную тактику. Днем 5-й флот двигался к западу²¹⁵, ночью он поворачивал на восток.

Около полуночи было получено очередное «радио» от Нимица. Главком информировал командующего 5-м флотом о «месте» противника. По данным радиопеленгаторных станций (американцы надежно и точно засекли Одзаву по одному короткому выходу в эфир) Мобильный флот находился в трехстах милях на запад-юго-запад от позиции Т.Ф.58.

Митшер тоже перехватил это сообщение. По всем расчетам получалось, что сейчас они удаляются от противника и к утру вражеские корабли будут за радиусом эффективного поражения самолетами 58-го соединения. Следовало, напротив, резко сместиться к западу, чтобы на рассвете оказаться в 150 — 200 милях к северу от Одзавы.

Митшер вызвал Спрюэнса по радиотелефону и предложил изменить курс. После часового обсуждения штаб командующего флотом сообщил, что «не видит причины нарушать принятый оперативный план». Не изменил он своего решения и после сообщения ПЛ «Финбэк» о ночном контакте с «неясными силами противника».

Командиру авианосного соединения оставалось кусать локти и высылать одну за другой группы разведчиков. В 2:00 взлетели торпедоносцы с «Энтерпрайза». Митшер приказал этим оснащенным поисковым радаром самолетам организовать секторный поиск на дистанции 325 миль. Результат отрицательный, хотя, как потом выяснилось, самолеты прошли всего в 40 милях от японских кораблей соединения «С». Утренний вылет в 5:30 минут утра тоже прошел впустую. Авианосцы противника оставались невидимыми.

(15) Фотография: ударные авианосцы класса «Эссекс»

Двадцать четыре авианосца данного типа²¹⁶ образовали самую большую в современной военно-морской истории серию крупных боевых кораблей. Введя их в строй, США впервые преодолели «мультидержавный стандарт»: американский флот стал сильнее всех остальных флотов мира, вместе взятых.

Первоначально, однако, задумывался только один «Эссекс», который собирались построить по несколько усовершенствованному (имелся запас водоизмещения в 400 тонн) проекту «Хорнета». Речь шла, таким образом, о создании однородной дивизии из четырех быстроходных авианосцев: «Йорктаун», «Энтерпрайз», «Хорнет», «Эссекс». Считалось, что вместе с «Лексингтоном» и «Саратогой» они составят ядро мобильных сил Тихоокеанского флота; оборона Атлантики возлагалась на «Рейнджер» и «Уосп».

Эскизное проектирование вызвало длительные дискуссии как в военно-морских

---

²¹⁵Восемнадцатого июня в западном направлении было пройдено всего 115 миль в связи с сильным восточным ветром и необходимостью маневрировать для обеспечения выпуска и приема самолетов-разведчиков.

²¹⁶Строительство еще двух кораблей («Реприсал» и «Иво-Дзима») было прекращено в 1946 году.

кругах, так и в прессе. В конечном счете было решено разместить на корабле дополнительную (пятую) авиационную эскадрилью, для чего расширить по сравнению с «Йорктауном» ангарную палубу, размеры и геометрию полетной палубы также изменили, уменьшив размеры «острова» и перекомпоновав расположение 127-мм орудий. Еще увеличили запас авиационного бензина — с 674 000 литров до 976 000 литров²¹⁷.

Долго обсуждался вопрос о бронировании полетной палубы. Такое усовершенствование, однако, исключило бы унификацию с уже построенными авианосцами. К тому же оно требовало полной переработки проекта. В качестве прототипа мог быть использован только строящийся «Илластриес», но этот корабль создавался под английские самолеты с иными, нежели у американских машин, характеристиками. Конструкторские работы пришлось бы начинать с нуля, что было неприемлемо — по политическим соображениям и в связи с быстрым ростом японского флота.

Тем не менее список нововведений постепенно накапливался, и поскольку Вашингтонские ограничения были сперва смягчены, а с началом войны в Европе и вовсе отменены, водоизмещение «поползло» вверх, достигнув 26 000 тонн по сравнению с 19 800 тоннами у «Йорктауна».

На этой «стадии» эскизный проект был утвержден Секретарем флота (22 февраля 1940 года). Он предусматривал четырехвальную турбозубчатую установку мощностью 150 000 л.с., обеспечивающую контрактную скорость 33 узла и дальность экономичного хода 20 000 миль²¹⁸, размещение в ангаре 90 самолетов, бронирование галерейной (64-мм) и главной (37-мм) палуб, отказ от «крейсерской» 203-мм артиллерии и резкое усиление зенитного вооружения.

Весной 1940 года был выдан заказ на строительство «Эссекса»²¹⁹. В мае Конгресс финансировал постройку еще трех авианосцев этого типа. После разгрома Франции Рузвельт «пробил» закладку еще семи однотипных кораблей²²⁰. Через неделю после Перл-Харбора заказаны «Беннингтон» и «Боксер». В августе 1942 года, 8 день боя у острова Саво, вступили в строй новые верфи в Нью-Йорке, Норфолке, Филадельфии. До конца года на их стапелях закладываются десять авианосцев²²¹, еще три начаты постройкой в середине 1943 года.

217В дальнейшем от столь большого количества бензина отказались, и в окончательной проектной спецификации значилась цифра 832 700 литров (220 000 галлонов). Фирма-изготовитель по своей инициативе разместила на «Эссексе» танки для хранения 877 000 литров. В процессе боевой эксплуатации запасы авиационного топлива рассматривались как источник резерва водоизмещения. К концу войны нормальный запас бензина составлял 791 000 литров.

218Первоначально на новом авианосце предполагалось использовать турбоэлектрическую энергетическую установку (по примеру «Лексингтона»), Позднее от этой идеи отказались и унифицировали механизмы «Эссекса» с ГЭУ крейсеров класса «Атланта». По некоторым соображениям, которые, очевидно, казались существенными американским адмиралам, от фирмы-проектировщика потребовали обеспечить двадцатиузловую скорость заднего хода. Предполагалось, что это облегчит операции с авиагруппой. Само собой разумеется, что в боевых условиях этот режим никогда не применялся.

Энергетическая установка работала на повышенном давлении пара, что позволило сэкономить вес и уменьшить размеры дымовой трубы и, следовательно, «острова». Надежность ходовых механизмов оказалась очень высокой: один из «Эссексов» совершил переход через океан со средней скоростью 32 узла, — а вот экономичность не отвечала расчетной. При максимальном запасе топлива 6300 тонн реальная дальность экономичного хода не превышала 15 000 миль.

219Контракт подписан 3 июля.

220Контракт подписан 9 сентября.

221Один из них по инициативе Рузвельта получил название «Шангри Ла», напоминающее о событиях «героической эпохи» борьбы за Тихий океан.

Последние шесть предполагалось передать флоту в 1946—1947 годах, но Рузвельт аннулировал контракты и приказал заводам «сосредоточиться» на суперавианосцах класса «Мидуэй» стандартным водоизмещением свыше 45 000 тонн.

Всего до окончания войны в строй вступило 17 кораблей. Американские верфи максимально использовали преимущества крупносерийной постройки с широким применением электросварки, стапельный период удалось сократить до 10—12 месяцев. Рекорд принадлежит авианосцу «Франклин», который был передан флоту всего через 14 месяцев после закладки.

Конструкция корпуса «Эссекса» в целом повторяла «Энтерпрайз». Сохранили даже явно неудачное решение оформить полетную палубу как надстройку. Такая компоновка несколько сэкономила вес, но отличалась недостаточной жесткостью и в целом была шагом назад по сравнению с интегральной идеологией, принятой на авианосцах типа «Лексингтон».

Длина полетной палубы первых десяти «эссексов» составляла 262,8 м. На кораблях следующих подсерий ее укоротили до 257,4 м, корпус, напротив, удлиннили на 5 м. И то и другое было сделано для увеличения секторов обстрела зенитных автоматов.

Вертикальное бронирование отвечало требованиям для тяжелых крейсеров²²², горизонтальное было усилено и оптимизировано. Проектировщики, однако, допустили серьезную ошибку: ради усиления конструктивной защиты они сократили число отверстий в ангарной палубе. Это привело к недостаточной вентиляции нижних ярусов и послужило причиной больших человеческих жертв при пожарах.

Зенитное вооружение «Эссекса» на момент вступления в строй ограничивалось двенадцатью универсальными 127-мм установками, тридцатью двумя стволами скорострельных 40-мм зенитных автоматов «Бофорс» и сорока шестью 20-мм «эрликонами». На первый взгляд, это примерно соответствовало «японскому стандарту» 1943 года: двенадцать-шестнадцать 127-мм орудий, около семидесяти автоматов. В действительности же системы ПВО «Эссекса» и, например, «Дзуйкаку» разделяла целая эпоха.

Существует пословица: зенитный огонь эффективен настолько, насколько функциональна система управления им. На «эссексах» «бофорсы» и 127-мм установки управлялись централизованно — с соответствующих командно-дальномерных постов. Лишь «эрликоны», последний рубеж обороны, наводились на цель с помощью индивидуальных прицелов.

Командно-дальномерные посты были оснащены собственными радиолокаторами. Эффективность зенитного огня 127-мм орудий дополнительно повышали радиовзрыватели, обеспечивающие детонацию при прохождении снаряда вблизи цели.

При всем том зенитное вооружение кораблей оказалось явно недостаточным и в течение войны непрерывно увеличивалось, пока не дошло до полутора сотен установок.

Хотя первоначальный проект не предусматривал установку радара, именно насыщенность кораблей радиотехническими средствами борьбы стала главным преимуществом «эссексов» перед любыми японскими авианосцами. К началу операции «Фореjdжер» «стандартный комплект» включал пять основных локаторов, не считая малых радаров, относящихся к штатному оборудованию командно-дальномерных постов.²²³ Дальность обнаружения самолетов противника составляла 80 миль, причем выдавалось целеуказание по азимуту, дальности, высоте. Американские сантиметровые локаторы позволяли управлять артиллерийским огнем и осуществлять централизованное наведение на цель истребителей боевого воздушного патруля. Связь осуществлялась по усовершенствованной многоканальной системе.

(Разительный контраст со слепыми японскими авианосцами, лишь к концу 1943 года

---

222 102-мм пояс шириной 3,05 м закрывал 62% длины корабля; цитадель замыкалась 102-мм траверзами и 37-мм главной броневой палубой. Система ПТЗ была рассчитана на авиационные торпеды и не могла противостоять 610-мм «длинным мечам».

223 Два радара поиска воздушных целей, два радара поиска надводных целей, радиовысотомер.

получившими весьма ненадежный «универсальный» радар с дальностью обнаружения воздушных целей около 25 километров при точности по расстоянию 2 км, по углу — 5 градусов.) Авиагруппа «Эссекса» штатно включала сто самолетов, из которых девять хранились в разобранном виде и составляли оперативный резерв. К концу 1944 года число самолетов возросло до ста трех, из них 72 машины (две увеличенные эскадрильи) были истребителями.

«Эссексы» с самого начала комплектовались «хэллкэтами». Позднее на вооружение поступил более тяжелый и быстрый «корсар». И тот и другой самолеты превосходили «зеро» практически по всем параметрам. Торпедоносцем оставался «авенджер», что касается пикирующего бомбардировщика, то в течение 1943 года американцы не торопясь заменяли старый заслуженный «доунтлесс» на новенький «хэллдайвер».

Корабли класса «Эссекс» оснащались тремя самолетоподъемниками, причем один из них был съёмным и располагался вне контура полетной палубы²²⁴. Рабочий цикл лифта занимал 45 секунд, иными словами, за минуту «Эссекс» мог «обработать» три машины. Первоначально на корабле было также размещено три катапульты, одну из которых зачем-то установили поперек диаметральной плоскости корабля. В годы войны особой нужды в этих катапультах не было, «перпендикулярную» сняли, две верхние на всякий случай оставили. «Случай» наступил в 50-х годах, когда началось перевооружение морской авиации на реактивные машины.

Разумеется, проект не был свободен от существенных недостатков, среди которых выделяются конструктивная слабость полетной палубы, плохая противоторпедная защита и недостаточная остойчивость. В целом, тем не менее, «Эссексы» оказались исключительно удачными авианосцами, что подтверждает и их военная служба, и многолетняя послевоенная эксплуатация. Четыре корабля этого типа: «Йорктаун», «Хорнет», «Лексингтон», «Интрепид» — ныне превращены в музеи.

(21) Филиппинское море

«Марианская охота на фазанов»

1

Перед восходом солнца Митшер выдвинул вперед свою самую слабую оперативную группу (4-ю, контр-адмирала Хэррила; ударный авианосец «Эссекс», легкие авианосцы «Лэнгли» и «Каупеис»), указав ей «место» в двенадцати милях к северу от ордера линейных кораблей. В 5:20 радары «Эссекса» засекли японский патрульный самолет. В 6 часов утра боевой воздушный патруль сбил еще один разведчик. Обстановка накалялась. Спрюэнс в ультимативном порядке потребовал от базовой авиации «немедленно выделить дополнительные силы и расширить радиус ночного поиска до семисот миль».

Утром Митшер повернул на два румба к северу, чтобы поставить авианосцы точно против ветра. Корабли находились всего в девяноста милях от острова Рота. В качестве тактического боевого порядка были приняты круговые ордера радиусом около четырех миль. Первый эшелон включал две оперативные группы — 4-ю и 7-ю.²²⁵ Во втором располагались Главные силы — с севера на юг 1-я, 3-я, 2-я группы, каждая из которых насчитывала два тяжелых и два легких авианосца. В целом американское построение имело вид прямоугольника размером 20 на 35 миль, вытянутого в меридиональном направлении.

В 6:19 Спрюэнс разрешил Митшеру лечь на генеральный курс 67 градусов. Однако

---

²²⁴При проходе шлюзами Панамского канала требовалось демонтировать этот подъемник и часть спонсонов 127-мм орудий.

²²⁵T.G.58.7: линейные корабли «Айова», «Нью-Джерси», «Алабама», «Саут-Дакота», «Норт Кэролайн», «Вашингтон», «Индиана», 11 эсминцев, четыре крейсера.

из-за необходимости постоянно поднимать и принимать самолеты сблизиться с противником не удалось. Впрочем, 58-е соединение по крайней мере перестало от него удаляться. В течение четырех последующих часов американцы вели какой-то вымороченный воздушный бой в районе Гуама, сбивая самолеты, которые ничем им не угрожали. Это развлечение пришлось прервать, когда в 9:59 радары дальнего обнаружения засекли «множественные воздушные цели» в 150 милях к западу от линии дозора.

Все это прислал ему любезный *Первый*, оставив себе мировосприятие победителей. Ему же, *Второму*, назначив описывать агонию японцев, от которой уже хотелось кашлять, уехать, бросить все и взлететь навстречу американской разведке. По настоянию Лидочки он начал пить микстуры и даже позволил растереть себя жуткой мазней из масла и меда. Кашлю стало хуже, словно болезнь, которую никогда не лечили, почувствовала к себе подчеркнутое внимание и разошлась вовсю. Он вяло посопровивлялся Лидочкиному переезду «на время» к нему, она как-то быстро обиделась, и он остался кашлять один.

2

В 4:15 Одзава поднял гидросамолеты-разведчики с крейсеров, и в 7:30 — почти «по графику» — был зафиксирован первый контакт: 7-я и 4-я американские оперативные группы. Было очевидно, что это не главные силы, но Обаяси вновь рвался в бой, и на сей раз Одзава уступил, предоставив авианосцам 3-й дивизии честь нанести первый удар. В 8:30 с палуб «Читосе», «Чийоды» и «Дзуйхо» ушли восемь торпедоносцев, 45 «зеро» с бомбовой нагрузкой и 16 истребителей непосредственного прикрытия. Сражение в Филиппинском море началось.

Вероятно, командование Мобильного флота рассчитывало если не на полную, то на практическую внезапность. Японские радары позволяли обнаружить противника в пятнадцати — двадцати милях. Одзава отдавал себе отчет, что у противника техника лучше. Вдвое или втрое? Но даже шестьдесят миль — это всего двадцать минут полетного времени. Пять минут потеряют операторы — пока разберутся, пока доложат. Пять потребуется на принятие решения. Потом еще надо будет развернуть авианосцы против ветра.

«В действительности, однако, у Митшера оказался почти час», — победно рапортовал *Первый*.

В 10:23 командующий Т.Ф.58 приказал «убрать с полетной палубы бомбардировщики». Эта процедура отняла около 15 минут, и после 10:35 боевой патруль стал насыщаться «хэллкеттами». Все это время операторы РЛС отслеживали курс и скорость самолетов Обаяси.

В 10:36 соединение было извещено об ожидаемой атаке. С этого момента управление боем перешло к флагманскому офицеру наведения истребителей²²⁶, который, поддерживая непрерывную связь со своими коллегами на других авианосцах, определял порядок использования резервных эскадрилий перехватчиков.

Второй оправдывался за японцев как мог, он чувствовал себя втянутым в дурацкую игру: все время искать красоты в вихре поражений, который неумолимо закручивался в тайфун вокруг адмирала Одзавы и его самого.

В 10:40 одиннадцать «хэллкетов» внешнего периметра противовоздушной обороны атаковали японские самолеты, которые находились в шестидесяти милях от своей цели. Через десять минут в бой вступила еще одна эскадрилья. Японские пилоты с их двухмесячным учебно-боевым стажем не имели ни шанса против американских асов и их

---

226 Флагманом Митшера был «Лексингтон» из TG.58.3.

новейших истребителей-перехватчиков. Вторая Мировая война установила статистический закон воздушного боя, который одинаково хорошо «работал» в небе над южной Англией, на Тихоокеанских островах, в африканской пустыне и на Восточном фронте: девяносто процентов сбитых самолетов приходится на долю десяти процентов элитных летчиков.

Торпедоносцы, разумеется, сбили на подходе. Все до одного. «Зеро» потеряли строй, мелкими группами они вышли на эсминцы охраны, открывшие заградительный огонь. Лишь три или четыре самолета прорвались к центру ордера. Они смогли сбросить всего одну бомбу, но по странному капризу теории вероятностей добились прямого попадания в линкор. По традиции не повезло «Саут-Дакоте».

Из 69 самолетов первой волны на авианосцы вернулись только 17.

«Ты доволен, *Первый?*» — написал он, вернувшись с работы. В ответ его ждал новый фрагмент об американских успехах.

3

Бомбардировщики, поднятые в воздух угрозой японского налета, что называется, «не пропали даром». За отсутствием более важных целей Митшер направил их против аэродромов Гуама и близлежащих островов. Вновь разыгралось некое подобие войны: американцы делали вид, что бомбят (они были не заинтересованы превращать в руины сооружения, захват которых являлся делом нескольких дней и которые потом понадобятся им самим), японцы делали вид, что мешают. В результате обоюдного «отбывания номера» взлетные площадки получили повреждения и на несколько часов вышли из строя. Это оказались именно те часы, когда уцелевшие самолеты ударных волн Одзавы искали спасения на Марианских островах. Почти все они разбились при посадке.

4

«Ты победил, чертов Хэлси-Спрюэнс-Митшер-Рузвельт, я пою тебе гимн, можешь убавить свое участие в на свете моей печальной повести,— написал в ответ *Второй*.— В военно-морскую историю день 19 июня вошел под названием "Марианская охота на фазанов"», — со стойкостью мазохиста констатировал он.

Превосходство американцев в технических средствах ведения боя, в мастерстве летчиков, в количестве и качестве авиационной техники было даже не подавляющим, а абсолютным. Не имело значения, что Спрюэнс полностью провалил воздушную разведку, что он неуверенно маневрировал, что Т.Ф.58 принимало бой в неуклюжем «коробчатом» строю. Японские самолеты просто разбивались о непроницаемую завесу противовоздушной обороны 5-го флота.

Во втором налете участвовало 128 самолетов: 48 «зеро», 53 «джуди», 27 «джилла».

«Первые потери японские пилоты понесли от зенитчиков соединения Куриты, которые по ошибке сбили два и повредили еще восемь бомбардировщиков. Каким образом можно было принять за противника армаду собственных самолетов с отчетливо видными опознавательными знаками, навсегда останется одной из загадок войны», — получил *Первый* через сутки. Он долго смеялся и, решив не унимать эти пленительные поддавки, написал:

Одзава вновь выиграл шансы на искусной тактике: вторая волна отставала от первой ровно на «фазу атаки». Операторы радаров не смогли сразу разобраться в засветках, в результате чего японцы выгадали 10 минут чистого времени: рубеж обнаружения оказался в 115 милях от «Лексингтона». На сей раз целеуказание было неточным: «около 50 самолетов

противника».

В перехвате участвовали эскадрильи «Эссекса», «Лексингтона», «Йорктауна». Лишь двадцати японским пилотам удалось преодолеть истребительную завесу. Они атаковали «Айову», «Саут-Дакоту», «Алабаму». Один торпедоносец врезался в «Индиану», находящуюся в центре ордера, но торпеда не взорвалась, а взрыв самого самолета, угодившего в главный броневой пояс, не причинил линкору никаких повреждений.

Шесть «джуди» и три «джилла», давно лишившиеся истребительного прикрытия, нашли американские Главные силы. Торпедоносцы атаковали корабли 3-й тактической группы, пикировщики выбрали T.F.58.2. Одна бомба взорвалась рядом с «Банкер-Хиллом», повредила бортовой элеватор, вывела из строя систему подачи бензина и даже вызвала пожар, который, впрочем, был быстро ликвидирован.

Девяносто семь самолетов этой группы не вернулись на авианосцы.

Третьей японской группе сравнительно повезло — из 47 машин, участвующих в налете, она потеряла всего семь. Получив очередные донесения от воздушных разведчиков (самолеты с «Секану» обнаружили авианосцы T.F.58.1), Одзава перенацелил ее на новый контакт. Как всегда в подобных случаях, половина пилотов поняли приказ неверно, перепутали курс, не нашли противника и без приключений вернулись «домой». Оставшиеся двадцать самолетов прошли над линкорами, достигли указанной в радиограмме точке, никого там не обнаружили и повернули назад. На обратном пути, однако, летчики заметили авианосцы 4-й тактической группы. Американцы «пропустили» эту эскадрилью, неожиданно для них зашедшую с севера, в результате чего несколькими пикировщикам удалось проникнуть внутрь ордера и атаковать корабли, правда — безуспешно.

Одзава высылал самолеты «по мере комплектования групп». Четвертая волна — с «Дзуйкаку» и авианосцев 2-й ДАВ — насчитывала 82 самолета.²²⁷ Они были наведены на последний из установленных контактов — к югу от линейных сил неприятеля. Позже выяснилось, что координаты были ошибочными из-за неисправности компаса на самолете-разведчике.

Не обнаружив противника в указанной точке, группа разделилась, командиры приняли решение порознь лететь на Марианские острова. Эскадрилью с «Дзунье» курс на остров Рота вывел на 2-ю тактическую группу американцев.

Вновь обнаружилось, что американские операторы РЛС ищут цель только в направлении на противника. Японские самолеты на сей раз зашли с юга и были обнаружены всего в 45 милях от авианосцев.

Хуже того, пикирующие бомбардировщики 2-й ДАВ «поймали» корабли контр-адмирала Монтгомери в момент приема самолетов. «Уосп» получил два близких разрыва, не причинивших ему серьезных повреждений.²²⁸

Группа с «Дзуйкаку» внезапно была атакована «хэлкетами» и потеряла половину из своих восемнадцати машин.

Оставшиеся 49 японских самолетов четвертой волны были сбиты американцами над Гуамом или разбились при посадке на разрушенные взлетно-посадочные полосы этого острова.

Одзава превзошел противника в уровне управления соединением. Он сумел нанести Митшеру четыре последовательных удара, оставаясь необнаруженным. Но эти удары только лишили Мобильный флот авиации. За пять часов было потеряно 239 палубных самолетов из 326 машин, участвовавших в боевых вылетах.

«Здравствуй, друг *Второй*, — так начиналось письмо, обещающее подвох. — Я

227Тридцать «зеро»-истребителей, девять «джуди», шесть «джиллов», 27 морально устаревших «вэлов», десять «зеро» с бомбовой нагрузкой.

228В период боев за Гуадалканал девять пикировщиков из состава авиагруппы «Дзунье» добивались во время учений девяти попаданий в «Сеттсу». Перед битвой в Филиппинском море в ходе аналогичной тренировки не было ни одного попадания.

посылаю тебе врезку из трактата твоей жизни на море с чудесным названием...

Будет тебе известно, мой европейский япономыслящий брат, что в то время, как Спрюэнс и Митшер не могли определить текущие координаты кораблей Одзавы в течение всего дня 19 июня, один из ответственных командиров в Перл-Харборе вчерне “вычислил” курс и скорость Мобильного флота уже вечером восемнадцатого. Для этого человека участие в сражении за Марианские острова было своего рода развлечением».

«Топи их всех»

Чарлз Локвуд, возглавляющий подводные силы Тихоокеанского флота США, проводил в жизнь собственную стратегию, относительно которой он не советовался ни с Нимицем, ни с Маршаллом, ни с Кингом, ни с президентом Рузвельтом. Линкоры и авианосцы имели в его глазах единственное предназначение: способствовать приближению к Японским островам передовых пунктов базирования подводных лодок. Существует легенда, что при обсуждении замысла операции «Форејджер» Локвуд сказал: «Захват Сайпана сократит переходы до районов патрулирования на 2000 миль, что составляет примерно сорок процентов. Следовательно, эффективное число подводных лодок возрастет почти на шестьдесят штук. Согласно динамике потерь японского торгового флота, каждая лишняя субмарина приближает окончание войны где-то на пять дней. Ваша операция сократит длительность войны на год, и тогда Япония капитулирует в конце лета — начале осени 1945 года».

Определяя приоритеты для своих подводных лодок, Локвуд исходил из того, что морские перевозки представляют собой «непременное условие» существования лишенной базовых природных ресурсов Японской метрополии. Резкое сокращение потока снабжения по любой из стратегических коммуникационных линий: Япония — Южные моря, Япония — Корея, Япония — Тайвань — ставило в безвыходное положение не только вооруженные силы (которые оставались без горючего, без стали высокого сопротивления, без авиационных двигателей), но и японскую промышленность. И в противоположность японской доктрине, согласно которой подводная лодка ориентировалась прежде всего на борьбу с крупными боевыми кораблями противника, Локвуд ставил перед своими подводными силами задачу блокировать торговые пути. Конечно, он разрешал и одобрял спорадические атаки на военные корабли, но после Мидуэя его лодки никогда не участвовали в непосредственном обеспечении операций надводного флота.

Простейшим, хотя, возможно, и не лучшим способом сократить морские перевозки была «стратегия максимального тоннажа». И Локвуд, даже не поставив в известность политическое руководство страны, начал «неограниченную подводную войну». Его лодки топили без предупреждения любое японское судно — будь то танкер, войсковой транспорт, сухогруз, океанский лайнер, паром или парусная рыболовецкая шхуна²²⁹.

Как правило, американские подводники использовали метод «свободной охоты». В конце 1943 года, когда в военно-морских кругах начался запоздавший месяцев на десять ажиотаж по поводу немецкой тактики «волчьих стай», Локвуд опробовал эту идею Деница, в восторг от нее не пришел и вернулся к первоначальной схеме.

Японское командование понимало всю глубину угрозы, которую несли судоходству американские подводные лодки. Однако Ямамото считал оборонительные мероприятия заранее обреченными на провал. Действительно, даже на Северной Атлантике — при всей ограниченности театра военных действий и насыщенности его эскортными кораблями и

---

²²⁹Успехи субмарин Тихоокеанского флота неоспоримы. За четыре военных года они потопили 1113 японских судов общим тоннажем 4 779 902 тонн, что составило 80% всего торгового флота империи. Эти данные подтверждены японской стороной.

Потери подводных лодок составили 52 единицы из 288 лодок (18%), причем лишь 41 была потоплена противником. Тем не менее, японские эскортные силы рапортовали об «уверенном уничтожении» 468 субмарин.

патрульными самолетами — германские «волчьи стаи» поставили союзников на грань поражения — если не в 1943, то, во всяком случае, в 1917 году. Тихоокеанские коммуникации Империи были длиннее, нежели маршруты «уистоновских специальных» конвоев, а по количеству малых миноносцев и сторожевых кораблей Объединенный флот неизмеримо уступал англо-американскому. Единственным надежным методом борьбы с неприятельскими субмаринами главком считал уничтожение их передовых стоянок.

Если ПЛ была вынуждена базироваться на Перл-Харбор, то на переход в район боевого патрулирования она тратила до 80% автономности: одна из причин, по которой стороны столь отчаянно оспаривали друг у друга Мидуэй, Порт-Морсби, Дарвин. Практически без передовых баз американцы не могли использовать свои подводные силы. (Различные варианты с «дойными коровами»²³⁰, придуманные Деницем с отчаяния, не особенно помогали даже на Атлантике.)

К концу 1942 года упорная борьба Локвуда за особый статус подводных сил принесла свои плоды, в чем немалую роль сыграло «подводное» прошлое Нимица. Лодки перестали отвлекать на решение непрофильных или неприоритетных задач. Количество действующих флотилий увеличилось; за счет заправочных станций на Мидуэе, в Австралии, на Новых Гебридах возросло эффективное время патрулирования. И кривая потерь японского судоходства резко пошла вверх.

Подводный флот всегда стоял несколько в стороне от «незыблемых морских традиций». Служба на субмаринах была тяжелой и опасной, причем если лодка погибала, то, как правило, никого не оставалось в живых. Наконец, лодки часто действовали в одиночку; командирам оставалось полагаться только на себя и на свой экипаж.

Все это способствовало ироничному отношению к субординации. Тем не менее, Локвуд, подобно Деницу в Германии, пользовался у своих капитанов не только непререкаемым авторитетом, но и любовью.²³¹ Каждый американский подводник знал его любимый афоризм: «Командир корабля на месте событий более осведомлен, чем кто бы то ни был за столом за сотни миль от событий!» Локвуд не любил вмешиваться в тактические вопросы. Он был теоретиком подводной войны...

В истории Тихоокеанской эпопеи, да и во многих других историях, *Второму* часто встречались люди, которые оказывались где-то в стороне от привычных убеждений и мнений. Часто их карьера, поступки, привычки и женщины вообще не соответствовали общественному «стандарту успешности», но всегда в них было такое, за что с лихвой прощалось нечто и возносилось ЧТО.

Второй звал их Лоуренсами, и этот Локвуд, сомнительно, что где-то реально плавающий и вкусивший автономки, был из таких, кого чтили не за общую сгущенную кровь, но за ироничное и дерзкое априорное знание о том, как действовать надо, и как — хорошо.

Впрочем, его личная смелость соответствовала стандарту подводника. *Второй* читал, что, когда Нюрнбергский трибунал осудил фашиста Деница за ведение такой же «неограниченной подводной войны», Локвуд официальной телеграммой на имя Президента страны потребовал предать военному суду и его. Нимиц поддержал своего командующего подводными силами, в результате во избежание серьезного политического скандала Трумэну пришлось сослаться на «высшие интересы Соединенных Штатов», а Дениц получил заметно меньший срок, нежели первоначально предполагалось.

---

²³⁰Так немцы и союзники называли германские подводные танкеры.

²³¹Когда читаешь мемуары Д. Инрайта, командира ПЛ «Арчер-фиш», создается впечатление, что Локвуд незримо присутствует в боевой рубке — столь часто подводники говорят о нем, вспоминают его напутствия, обсуждают его возможную реакцию на те или иные перипетии похода. Передавая в два часа ночи по времени Оаху донесение в Перл-Харбор, командир совершенно убежден, что оно будет *немедленно* доложено адмиралу.

В преддверии Марианского сражения Локвуд усилил наблюдение за основными филиппинскими проливами. Еще до получения первых сведений из проходов Сан-Бернардино и Суригао он наметил район, через который, по его мнению, должен будет идти Мобильный флот, и расположил там три подводные лодки. Восемнадцатого числа, проанализировав информацию, поступившую от службы радиоперехвата, он скорректировал положение своей небольшой «стаи», сдвинув лодки на сто миль к югу. Утром следующего дня ПЛ «Альбакор» обнаружила Главные силы вице-адмирала Одзавы.

Предвидение Локвуда оправдалось с ювелирной точностью: авианосная группа, идущая 27-узловым ходом, и субмарина, предельная скорость которой не превышала 15 узлов, быстро сближались на острых курсовых углах. Первый авианосец пришлось пропустить. По второму командир «Альбакора», капитан 2-го ранга Д.Бленчард, успел подготовить классический шеститорпедный залп с перекрытием полутора длин корпуса. Прошел сигнал «товсь», лодка погрузилась на десять метров, однако в последний момент автомат торпедной стрельбы выдал сбой: введенные в него параметры цели находились вне области допустимых значений. Разбираться уже не было времени, равно как и решать в уме торпедный треугольник. Командир всплыл под перископ, осмотрелся и выпустил торпеды наугад. На глаз.

Эсминцы эскорта не обнаружили лодку, на авианосце не заметили пенные следы. Одзава только что поднял истребители, пилот одного из них, унтер-офицер Сакио Камацу, увидел торпеду и спикировал на нее. Еще четыре торпеды прошли мимо, и лишь одна ударила в 9 часов 11 минут в правый борт «Тайхо».

В этот момент Одзава с удовлетворением отметил, что операция развивается по плану и над соединением нет ни одного вражеского самолета.

На «Тайхо» заклинило носовой подъемник, скорость упала на один узел. Мелкие пожары были потушены, поступление воды ликвидировано. Корабль относился к тяжелым авианосцам с бронированной полетной палубой и развитой системой ПТЗ, одна торпеда не могла принести ему существенного вреда.

Однако сильное сотрясение корпуса привело к нарушению герметичности одного или двух трубопроводов. Пары бензина и летучей нефти с Борнео постепенно заполнили ангар: вскоре везде на «Тайхо» ощущался острый запах бензина. Офицер, возглавляющий группу борьбы за живучесть, впервые столкнулся с подобной ситуацией и решил «продуть» корабль, для чего открыл все вентиляционные отверстия. Корабль по-прежнему шел против ветра 26-узловой скоростью, и пары бензина распространялись теперь по всему авианосцу, ветер нагнетал их в машинные отделения. Начались судорожные попытки откачать за борт авиационный бензин, чтобы уменьшить опасность пожара.

Первая дивизия авианосцев продолжала двигаться на юго-восток. В 11:52 капитан-лейтенант Г.Косслер, командир ПЛ «Кавэлла», всплыв на перископную глубину, обнаружил себя в центре японского ордера. Не обращая внимания на находящийся вблизи эсминец, Косслер почти вплотную подошел к большому авианосцу и выпустил по нему шесть торпед, из которых в цель попали первые три.

«Секаку» загорелся и вышел из ордера. Сильнейший пожар в носовых цистернах с бензином не давал аварийным группам возможности пробиться на нижние палубы и остановить поступление воды. Через два часа после атаки вода проникла в носовой подъемник и через него начала разливаться по верхним палубам. «Танцующий журавль» потерял остатки запаса остойчивости, опрокинулся и затонул в 15:00.

В 15:32 взорвался «Тайхо». Мощность объемного взрыва была огромной: стенки ангара выбило, бронированная полетная палуба была разворочена по всей длине, машинная вахта убита. Через проломленное дно в корпус хлынула вода, и корабль сразу осел.

Пожар вспыхнул одновременно на всех палубах, и эсминцы не могли подойти к «Тайхо», чтобы принять людей. В 17:28 «большая сказочная птица» пошла ко дну, унося с собой три четверти экипажа²³². Одзава перенес свой флаг на крейсер «Хагуро».

232На «Секаку» погибло 1263 человека, на «Тайхо» - 1650. Обе подводные лодки — и

«...Чарлз Локвуд назвал свои мемуары “Топи их всех”, имея в виду строки из известной песни, которую любили распевать моряки союзников...” — любезно известил *Первый*.

Нужно было где-то взять силы, добавить чувство юмора, вспомнить, что «Все это кино, детка» и завершить печальный путь Одзавы, пока болезнь не расшалилась совсем.

Слепой полет

На сей раз Спрюэнс дал Митшеру уговорить себя, и около 20:00 вечера 58-е оперативное соединение²³³ повернуло на запад-юго-запад, выдвинув линкоры на 25 миль вперед. Одзава двумя часами раньше начал отход в северо-восточном направлении. Американцы поддерживали 23 узла, японцы, у которых проблемы с горючим были уже очень острыми,— лишь восемнадцать. Судьба подобрала параметры таким образом, что за ночь расстояние между противниками практически не изменилось, и когда в 5:30 20 июня Митшер поднял очередную поисковую группу, она вновь не смогла отыскать Мобильный флот. Стало уже традицией, что американские разведывательные самолеты не долетали до японских авианосцев нескольких десятков миль.

Около полудня начальник авиационной БЧ «Лексингтона» настоял на проведении еще одного поиска - на этот раз на дальность 475 миль. Однако сектор обзора не превышал десяти градусов и был выбран, исходя из предвзятых представлений о курсе и скорости противника. К трем часам дня 20 июня Спрюэнс по-прежнему знал об Одзаве лишь то, что через Нимица сообщил ему Локвуд: «место» главных сил Мобильного флота на 12:00 19 июня.²³⁴

За ночь «Хагуро» отстал от Главных сил. Оказавшееся в распоряжении Одзавы помещение под ходовым мостиком тяжелого крейсера было слабо приспособлено для скрытого управления авианосным соединением. К утру командующий не знал ни дислокации своих кораблей, ни положения противника.

Оперативная обстановка представлялась, однако, вполне благоприятной. «Тайхо» и «Секаку» были потеряны, но, по донесениям летчиков, сгорело не менее шести американских авианосцев²³⁵. Потери в авиагруппах оставались неясными, и японцы полагали, что с учетом самолетов, совершивших посадку на аэродромы Марианских островов, они меньше, чем у противника.²³⁶ В этих условиях Одзава принял решение отойти «Кавэлла», и «Альбакор» — благополучно ушли от преследования, хотя на «Кавэлле» было сброшено до 150 глубинных бомб.

233 Кроме группы Т.Ф.58М, которая была выделена для штурмовки аэродромов Гуама и Роты.

234 Это кажется невероятным, но Митшер, имея в своем распоряжении 24 ночных истребителя и огромное количество торпедоносцев, оснащенных радаром, не организовал ночного поиска. По официальной американской версии, он решил дать отдых уставшим экипажам.

235 Летчики настаивали на том, что шесть авианосцев и один линкор противника потоплены, еще четыре авианосца «окутались клубами черного дыма, факт гибели не установлен». Само собой разумеется, что Одзава принял эту информацию достаточно критично; тем не менее он считал, что в целом донесение основано на реальных фактах и значительная часть неприятельских авианосцев выведена из строя.

236 Учет самолетов, дотянувших до аэродромов Роты и Гуама, заметно меняет цифру японских потерь в воздушных боях. Однако ввиду повреждений, полученных во время боя и при посадке, повторное использование этих самолетов оказалось невозможным. Пилоты не могли быть эвакуированы и погибли на заключительном этапе борьбы за Марианские острова. В связи с этими обстоятельствами разумно согласиться с точкой зрения

на север, перегруппироваться, принять топливо и в ночь на 21 июня возобновить авианосный бой.

Однако выполнить этот план оказалось затруднительно. Система управления Мобильным флотом нарушилась; без ориентира, которым раньше служил «Тайхо», корабли «потерялись» и часами бродили по квадратам, разыскивая своих флагманов или танкеры-заправщики. Все передавали всем световые и флажные сигналы, и никто никого не слушал. В 12:30 начали прием топлива, но вскоре из-за ошибочного донесения о появлении противника дозаправку аварийно прекратили.

В час дня Одзава перешел на «Дзуйкаку». Средства связи авианосца позволяли развернуть временный командный пункт, установить связь с кораблями 2-й и 3-й дивизий авианосцев и навести относительный порядок.

Ситуация определилась. Ее основным структурообразующим фактором стало количество самолетов на семи «выживших» японских авианосцах — всего сто два. Какое-то количество летной техники, вероятно, сохранилось на Марианских аэродромах, но использовать ее не представлялось возможным — днем Мобильный флот должен был поддерживать строгое радиомолчание.

У Одзавы уже не хватало самолетов, чтобы организовать нормальную разведку противника. С рассветом он выслал девять гидросамолетов, которые не обнаружили ничего, но три из них не вернулись. Проанализировав полетные задания пропавших машин вкупе с отрывочными сведениями, время от времени поступающими с Марианских островов, командующий составил довольно точное представление о местонахождении Т.Ф.58. Одзава предполагал, что Какута продолжает наносить воздушные удары по ослабленному соединению противника.

Одзава отнес продолжение сражения на следующий день. За ночь он собирался установить непрерывную связь с наземными аэродромами и подготовить комбинированную атаку Т.Ф.58 силами всей боеспособной палубной авиации и базовых бомбардировщиков с Иво-Дзимы, Япа, Трука, Гуама. Поскольку неприятельские разведчики так и не появились над его кораблями, командующий Мобильным флотом пришел к выводу, что Спрюэнс испытывает трудности с балансировкой авиагрупп: иными словами — на американских авианосцах осталось немногим больше самолетов, нежели на японских. С каждым часом Одзава проникался все большим доверием к донесениям своих погибших летчиков.

День уже клонился к вечеру, когда в 16:35 крейсер «Атаго» внезапно сообщил, что им перехвачено донесение с неприятельского патрульного самолета. Американский летчик открытым текстом передавал на свои авианосцы список обнаруженных японских кораблей. Одзава резко отвернул к северу и увеличил ход до 24 узлов; наладившийся было прием топлива с эскадренных танкеров пришлось прекратить. В 17:15 разведчик с «Читосе» сообщил на «Дзуйкаку», что видит американские авианосцы. Слишком далеко и слишком поздно!

— Слишком далеко и слишком поздно, — сказал Спрюэнс. В 15:53 Митшер передал ему копию донесения летчика с «Энтерпрайза», который обстоятельно перечислял состав и структуру японских корабельных соединений, указывал даже, что противник движется медленно и, очевидно, на ходу принимает горячее.

Оба американских командующих неодобрительно относились к вырисовывающемуся ночному бою. Самолетам придется возвращаться на свои авианосцы в темноте, посадка неизбежно затянется и будет сопровождаться авариями. В течение нескольких часов кораблям придется идти против ветра, что затруднит возобновление боя утром следующего дня, тем более, что авиагруппы будут полностью дезорганизованы. С другой стороны, за ночь Одзава мог оторваться от преследования, поставив Митшера и Спрюэнса перед необходимостью давать Нимицу весьма неприятные объяснения. Боевая работа Т.Ф.58 за

американских историков и отнести все машины, не возвратившиеся 19 августа на свои авианосцы, к безвозвратным потерям.

истекшие двое суток особого впечатления не производила.

В конце концов Спрюэнс передоверил решение Митшеру, который в 16:21 приказал поднять в воздух 85 истребителей, 77 пикирующих бомбардировщиков и 54 торпедоносца. Опытные пилоты «уложились» в 10 минут, то есть интервал между выпуском машин составлял около 30 секунд.

Одзава мог противопоставить противнику не более 75 своих самолетов, причем японские радары не позволяли осуществлять централизованное наведение. Реально в воздушном сражении, которое разыгралось в вечерних сумерках над кораблями Мобильного флота, приняло активное участие лишь 35 «зеро»; американские пилоты сообщили своему командованию о сильном противодействии авиации противника.

Двести шестнадцать американских самолетов легко преодолели истребительный заслон и вышли на японские поряды. Противовоздушная оборона Мобильного флота оставалась на уровне требований 1941 года²³⁷, тем не менее атака оказалась не слишком эффективной. Из кораблей 1-й линии был потоплен лишь «Хийе», получивший попадание торпедой в винторулевую группу и потерявший управление. Получили повреждения «Чийода», линейный крейсер «Харуна» и тяжелый крейсер «Майя». Еще на дно отправились два полупустых танкера.

Главный удар пришелся по «Дзуйкаку», Корабль атаковали «авенджерс», которые, однако, были вооружены преимущественно бомбами, а не торпедами. (Недоверие к торпедному оружию укоренилось в американском флоте после Мидуэя.) Точным маневрированием авианосец уклонился почти от всех самолетов и получил только три прямых попадания при пяти близких разрывах. На ангарной палубе вспыхнул сильный пожар; какое-то время положение «Дзуйкаку» выглядело критическим, дело дошло до приказа покинуть корабль, но авианосец еще не исчерпал своего запаса везения: аварийные партии «вдруг» справились и с огнем, и с поступлением воды.

«Дзуйкаку» и «Чийода» своим ходом дошли до Куре. «Читосе», «Дзуйхо», «Дзунье» и «Рюхо» повреждений не получили.

После захода солнца погода изменилась, небо затянуло тяжелой низкой облачностью. Месяц, находящийся в последней четверти, скрылся за горизонтом. Ночь была очень темной, лишь далеко на юге тучи подсвечивались отблесками сильной грозы.

Выжившие американские летчики рассказывали, что линия горизонта пропала и в наступившей мгле потерялась разница между небом и морем. Без визуальной «привязки» к поверхности было невероятно трудно удерживать самолет в горизонтальном положении: тело отказывалось верить авиагоризонту, все летные инстинкты настаивали на том, что машина лежит в глубоком крене.

Митшер, наплевав на уставы и распоряжения, приказал авианосцам зажечь ходовые огни и осветить полетные палубы. Флагманские корабли направили вверх лучи прожекторов, исполняя роль приводных маяков. Корабли охранения открыли стрельбу осветительными снарядами.

Тем не менее, возвращение оказалось трудным. Если в воздушном бою над японскими кораблями Митшер потерял двадцать самолетов, то посадка обошлась ему в восемьдесят машин. Спасти удалось лишь около половины пилотов²³⁸.

237Увеличилось число стволов, но система управления зенитной артиллерией практически не изменилась. По-прежнему отсутствовали радаровзрыватели и централизованное наведение.

238За два дня сражения Митшер потерял 130 самолетов и только 76 членов экипажа. Мобильный флот лишился 426 самолетов, причем почти все пилоты погибли. Кроме того, несколько сотен самолетов были уничтожены на аэродромах Марианских островов. Сражение в Филиппинском море стало полной и абсолютной победой американской техники и демонстрацией промышленной мощи страны.

Одзава закончил прием оставшихся истребителей около девятнадцати часов. После гибели «Хийе» и выхода из строя «Дзуйкаку» у него осталось лишь 35 палубных самолетов на авианосцах и 12 ГСМ на крейсерах. Наносить удар больше было нечем.

Но командующий Мобильным флотом не счел, что исчерпал все возможности продолжать борьбу. После захода солнца он приказал линкорам Куриты, а также крейсерам охранения Главных сил «полным ходом идти на восток и уничтожить противника в ночном бою». Однако это распоряжение носило чисто умозрительный характер: японцы смутно представляли себе дислокацию сил противника, но подозревали, что Митшер находится очень далеко; в действительности расстояние составляло более 300 миль, так что о ночном столкновении не было и речи. Со своей стороны командир Т.Ф.58 также носился с мыслью выдвинуть линкоры на северо-запад (авианосцы в 20:30 развернулись против ветра и до окончания приема самолетов, то есть приблизительно до полуночи, шли на восток 22-узловым ходом), но Спрюэнс это распоряжение отменил и велел тактическим группам оставаться в визуальном контакте.

В 20:46 адмирал Тойода приказал отходить к Окинаве. Одзава медлил с выполнением этого распоряжения только до полуночи.

Лидочка неуверенным дрожащим голосом предложила вызвать доктора.

— После Сайпана, — меланхолично отозвался *Второй*, — Сайпан — это важно, там еще жив Нагумо.

Остров Сайпан, Марианский архипелаг

«Радио Токио» сообщило им только о гибели одиннадцати авианосцев противника.

Генерал Сайто, однако, перехватил приказ Тойоды от отходе Мобильного флота к Окинаве. Нагумо связался с Хасиродзимой, где у старого адмирала еще оставались кое-какие связи, и подтвердил командующему обороной Сайпана, что сражение в Филиппинском море проиграно.

— Палубная авиация Одзавы полностью уничтожена, ее восстановление потребует по крайней мере четырех месяцев. Все это время Объединенный флот не сможет участвовать в крупных операциях.

Оперативная обстановка на Сайпане продолжала ухудшаться. В отчаянии Сайто обратился в Токио: войска и более двадцати тысяч человек гражданского населения прижаты противником к обрыву, потери от артобстрелов и бомбардировок очень высоки, нет боеприпасов, продуктов, воды. Командование не преминуло ответить:

«Так как судьба Японской империи зависит от ваших боев, пусть солдаты и офицеры проникнутся духом сражаться до конца. Уничтожайте врага беспощадно и отважно и соответствуйте надеждам нашего Императора».

С рассвета до заката американцы держали в воздухе 16 истребителей и 20 бомбардировщиков, готовых выполнить любую заявку наземных войск. На захваченные у японцев аэродромы перебазировались «тандерболты» армейской авиации. Японские позиции простреливались артиллерией флота на всю глубину. В записках Сайто победители найдут фразу: «Если бы не было артогня с кораблей, мы удержали бы остров».

Гора Талахау была захвачена 27 июня. Сайто и Нагумо покончили с собой. Наступал конец. Девятого июля на рассвете японские войска на Сайпане пошли в свою последнюю атаку. Патронов не было, «стрелковые цепи» были вооружены катанами и бамбуковыми копьями. Внезапным ударом японцы прорвали первую американскую линию обороны, с боем взяли вторую, преодолели третью и за ней погибли все до последнего человека под пулеметным и орудийным обстрелом с земли, с моря и с воздуха.

Раненые в пещерах взрывали себя гранатами. Женщины и дети, составляющие большинство гражданского населения острова (мужчины были мобилизованы еще до высадки американцев), бросались с обрыва в море. Американские историки говорят о

«сотнях плавающих трупов». На самом деле их было более двадцати тысяч.

Всего на Сайпане погибло около 50 000 японцев, «официальные» американские потери составили 3426 убитых и пропавших без вести, хотя более критично настроенные к янки источники рисуют цифру потерь, равную 7000 человек.

Выкуривание из подземных пещер последних защитников Сайпана продолжалось еще две недели. К 18 июля остров окончательно перешел в руки американской морской пехоты. «*Это было печальное приобретение*».

В руки победителей попало менее двух тысяч человек — раненые в бессознательном состоянии, несколько сот корейских рабочих, немногие мирные жители. Почти все они были захвачены в первые сутки операции.

Трагедия Сайпана повторилась на Тинниане, затем на Гуаме. Американское командование было вынуждено выступить с разъяснениями относительно того, почему японцы не сдаются в плен. Речь шла о фанатизме, традициях самураев и пресловутом «азиатском презрении к своей и чужой жизни».

— А почему они не сдались в плен? — тихо спросила Лидочка.

— Они не знали, что можно, — нехотя ответил *Второй*.

Ему не хотелось разъяснять эти причинно-следственные истины. Он был уже по горло сыт мучительным конфликтом двух цивилизаций на своем компьютере. Неужели прилизанный шов совместных интересов Востока и Запада разойдется, и мы с *Первым*, например, окончательно останемся: он в Японии, а я здесь. Бред, конечно, но многие люди до сих пор так и понимают друг друга, вот как американе: потребовали «безоговорочной капитуляции», для них это была бойкая дипломатическая риторика победителей, а япошки поняли: геноцид, значит... Они не знали про слово геноцид и про страну Парагвай, города которого были разрушены, а население истреблено на две трети, но ожидали чего-то подобного. Сказано же «безоговорочная», значит, для всех... Считалось само собой разумеющимся, что убийства начнут с пленных солдат и членов их семей.

— Если бы находящиеся в безвыходном положении японские войска знали, что с ними будут нормально обращаться, они сдавались бы в плен точно так же, как солдаты любой западной армии, — произнес он устало. — Это все проблема перевода с языка победителей на язык побежденных. Переводчиков всегда недостает.

Он закончил абзац и только потом спросил Лидочку, понятно ли ей, почему они выбирали смерть. Она сладко спала на диване.

Разумеется, никто и никогда в японской истории не распространял положения «Хагакурэ» на мобилизованных солдат, тем более — на гражданских лиц, не принадлежащих к самурайскому сословию. Дело было не в пресловутом «восточном фатализме», а в проклятой логике конфликта цивилизаций.

(22)   Залив Лейте

«Я останусь здесь навсегда», — подумал *Второй*. Судьба принимала столь идиотский оборот, что он старался об этом не думать. Фронт разваливался, «стратегия поражения», вылепленная им из замыслов погибшего Ямамото и домыслов интерпретаторов оной смерти, ожила внутри него и с усмешкой тянула на дно все его жизненные корабли. Он бросил работу, точнее, когда попытался взять отпуск, а отпуска не дали, он просто перестал выходить на дежурства и отключил телефон. Лидочка прибегала, охала, подписывала какие-то бумаги, жарила картошку, по вкусу похожую на вату. В Сосновую Поляну он написал донельзя вежливое письмо о том, что очень загружен, временно отключается, дописывает, заканчивает, потом придет обязательно, непременно, но месяц его не будет слышно. Получил ответ с пожеланиями здоровья и творческих успехов. Сегодня он отчетливо осознал, что до Ветеранов физически не доедет.

Что ехать, когда...

Судьба Японской империи была решена...

Он должен был за три «ходки» со всевозможной сухостью изложить стратегические красоты боев в заливе Лейте и затем вынырнуть навеки у берегов Финского залива, полежать в санатории, жениться на Лидочке, стать потребителем гамбургеров и пива, устроиться в приличный офис и в дни получки, похохатывая, вспоминать с другом-*Первым* самурайские будни.

В тексте он старался ставить точки чаще, чем раньше. Значительно чаще не получалось.

...В Марианском сражении истреблены последние кадры ее палубной авиации. Господство союзников на море и в воздухе стало абсолютным. После падения Сайпана в орбиту боевых действий включались непосредственно острова метрополии. Но у Страны Восходящего Солнца еще оставались корабли, которые можно было потопить, самолеты, которые можно было сжечь, и люди, которых можно было убить.

Стратегия непрямого действия

1

В середине июля перед штабом Нимица встал вопрос о характере дальнейших операций. Сражение за Марианские острова заканчивалось, впереди замаячила неизбежная пауза, за время которой нужно было создать передовую базу флота на Гуаме и реорганизовать линии снабжения в интересах предстоящей осенней кампании.

Нимиц и его штаб склонялись к прежней стратегии, которая доказала свою эффективность на Сайпане. Естественным продолжением операции «Фореjdжер» был новый скачок на запад и захват Тайваня. Это сразу переводило игру в эндшпиль. Базируясь на Тайване, американцы перехватывали все коммуникационные линии между японской метрополией и Южными морями. Филиппины блокировались, создавалась непосредственная угроза островам Рюкю. И главное, устанавливалась оперативная связь с материковым Китаем, где императорская армия неожиданно развернула успешное наступление и в очередной раз прорвала оборону гоминдановских войск.

Все возвращалось на круги своя, и Тихоокеанская война опускалась до уровня «китайского инцидента». В таком исходе была своя политическая логика. С чисто военной точки зрения операция, распространяющаяся на Материк, также выглядела весьма перспективной. Удары авиации с Тайваня парализовали бы снабжение японского 6-го фронта, и без того крайне скудное. Последующая высадка крупных американских сил в глубокий тыл противника привела бы в Китае к немедленной катастрофе. Эффект «тени» от этих событий сказался бы на устойчивости японской обороны в Бирме, в Индокитае, на Филиппинах, на островах Рюкю. После создания треугольника баз на Тайване, в Шанхае и на Окинаве последующее вторжение в Метрополию осуществлялось легко.

Нимиц отдавал себе отчет и в том, что наличие опорного пункта в Китае весьма важно с точки зрения большой стратегии. При определенном «раскладе» могла возникнуть необходимость быстро вмешаться в борьбу между гоминдановским и коммунистическим правительствами Китая (их союз, заключенный под нажимом великих держав, носил явно временный характер). Наконец, континентальной базе отводилась значительная военная и политическая роль в вариантах, начинающихся с объявления Советским Союзом войны Японии.

Разумеется, проведение такой многообещающей операции, как Тайваньская, столкнулось бы со своими трудностями. Представлялось, что Формоза хорошо оборудована

в инженерном отношении; по данным разведки, на острове размещались крупные пехотные и авиационные группировки противника. Однако в штабе Нимица полагали, что наступление морской пехоты встретит сопротивление примерно того же порядка, что и на Сайпане, где были и позиционные укрепления, и императорская армия, и специальные десантные части, и аэродромы с самолетами.

Нимица не беспокоила способность противника быстро перебрасывать авиацию из Метрополии на Тайвань. Во-первых, он сомневался, что в Японии дислоцировано достаточно самолетов. Во-вторых, ничто не мешало повторить удачный трюк Митшера и предварить высадку на Тайване рейдом авианосцев к Окинаве и, может быть, даже к острову Кюсю.

Наряду с основной оперативной схемой: Тайвань — Фучжоу с развитием успеха на Окинаву и Шанхай, в штабе Главнокомандующего разрабатывалась «аварийная версия», предусматривающая создание следующей опорной базы непосредственно на Японских островах. Необходимость в такой стратегии (которая, впрочем, скорее выглядела рискованной, чем на самом деле содержала элементы риска) могла быть обусловлена развитием событий в Европе.

И если бы *Второй* был Нимицем, он, конечно, наступал бы на Тайвань, где они с *Первым* сначала отрезали, а потом разбили бы япошек и угрохали всю эту солянку из остатков Объединенного флота, и сейчас книга уже была бы закончена, а «стратегия поражения» осталась бы романтической выдумкой — игрушкой ушедших на покой дипломатов-геополитиков «тихоокеанского периода».

«Ах, если б на войне, ох, я б тогда», — грустно размышлял *Второй*, а на войне между тем получалась какая-то театральная коллизия, словно все спешили закончить свои спектакли раньше намеченного главным американским режиссером срока. И *Он* был недоволен этим и все боялся запустить их в свой любезный Тихоокеанский ТВД...

Двадцать третьего июня, в день, когда Мобильный флот Одзавы вернулся в Куре, а американские войска начали подготовку к решающей атаке горы Тапахоу на Сайпане, советские войска перешли в наступление на центральном участке Восточного фронта. Немецкая оборона была прорвана в первый же день операции; третьего июля 5-я танковая армия Ротмистрова заняла Минск, пройдя за два дня более 130 километров.

«Это ровно Сайпан с Гуамом, положенные вдоль, — подумал *Второй*, — или сложенные один на один. Сколько же они брали этот Сайпан с его “решающей” горой?»

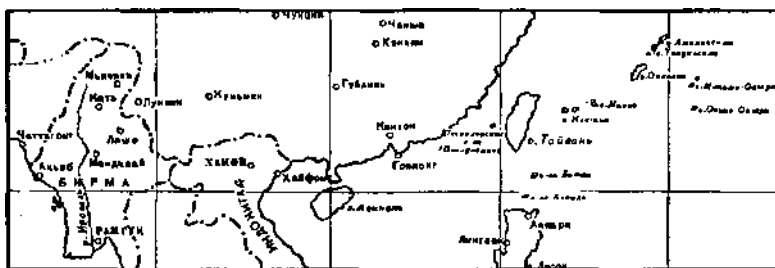
В середине июля части 1-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского вошли в Польшу и развернулись против Варшавы и Люблина.

Белорусская операция еще не вступила в фазу затухания, когда три Украинских фронта, занимающие полосу южнее Припятских болот, начали наступление на Львов и Ковель. Немецкая оборона разваливалась на всем восточноевропейском театре военных действий, вермахт откатывался за Вислу и Сан.

На западе союзники продолжали накапливать силы на захваченном в начале июня плацдарме. Противостоящие Эйзенхауэру и Монтгомери Роммель и Клюге действовали очень четко, и пока что им удавалось блокировать англо-американские войска на полуострове Котантен. Каким-то образом немцы продолжали удерживать оборону в «живых изгородях» Нормандии, несмотря на превосходство противника в авиации в 25 раз и танках в 20 раз²³⁹.

239См.: Лиддел Гарт Б. Вторая Мировая война., М.: АСТ, 1999

Тайвань, Китай, Окинава

Во всяком случае, было ясно, что кампания в Европе вступила в завершающую стадию. События 20 июля 1944 года в Берлине встревожили Нимица: Германия была на волосок от военного переворота и последующего выхода из войны. Союзники не имели бы никаких оснований отвергнуть просьбу «правительства Сопротивления» о немедленном мире, тем более, что на этот счет имелось недвусмысленное заявление маршала Сталина.

— При чем здесь Сталин? — тихо через плечо спросила Лидочка. — Это же совсем в другом месте, — воистину она напоминала незаметную кошку: «Интересно, давно уже тут сидит?» *Второй* встал из-за компьютера, блаженно растянулся на диване и долго и подробно, как старик из Александровского садика, ищущий собеседника поговорить о минувшем, рассказывал ей о геополитике. Она радостно ворчала про то, какой он умный, а потом уснула. «Умный — не я, — подумал *Второй*, — умными были Ямамото и Рузвельт, и этому Рузвельту было очень важно, чтобы европейские народы еще немножечко повоевали, потому что концепцию «разделяй и властвуй» и сегодня никто не отменил».

Возникла ситуация, когда потеря времени на Сайпане, не принципиальная в рамках Тихоокеанского ТВД, могла оказаться фатальной, если рассматривать ее в пределах всего пространства Второй Мировой войны. Во второй половине июля Нимиц вместе со своим лучшим разработчиком оперативных схем Форестом Шерманом изыскивал возможности сэкономить хоть немного времени на этапе следующего «большого скачка».

2

Еще более остро проблема времени стояла перед верховным командующим союзными войсками в юго-западной части Тихого океана генералом Дугласом Мак-Артуром. Новогвинейская кампания развивалась ни шатко ни валко. Несмотря на громогласные заявления генерала, сделанные еще до высадки дивизии Вандергрифта на Гуадалканал, Рабаул оставался в руках японцев, как и немалая часть северного побережья самой Новой Гвинеи. Втянувшись в бесперспективные бои за Биак, Мак-Артур в очередной раз потерял темп: конец войны мог застать его на Биаке или Соронге, или на острове Моротаи, или на каком-нибудь другом тихоокеанском атолле, название которого навсегда останется пустым звуком не только для широкой публики в Штатах, но и для абсолютного большинства военных специалистов.

Мак-Артуру угрожала опасность навсегда остаться на стратегической периферии войны, которую Нимиц выигрывал и без его помощи. Практически у генерала осталась только одна возможность: добиться у политического руководства страны изменения приоритетов Тихоокеанской кампании.

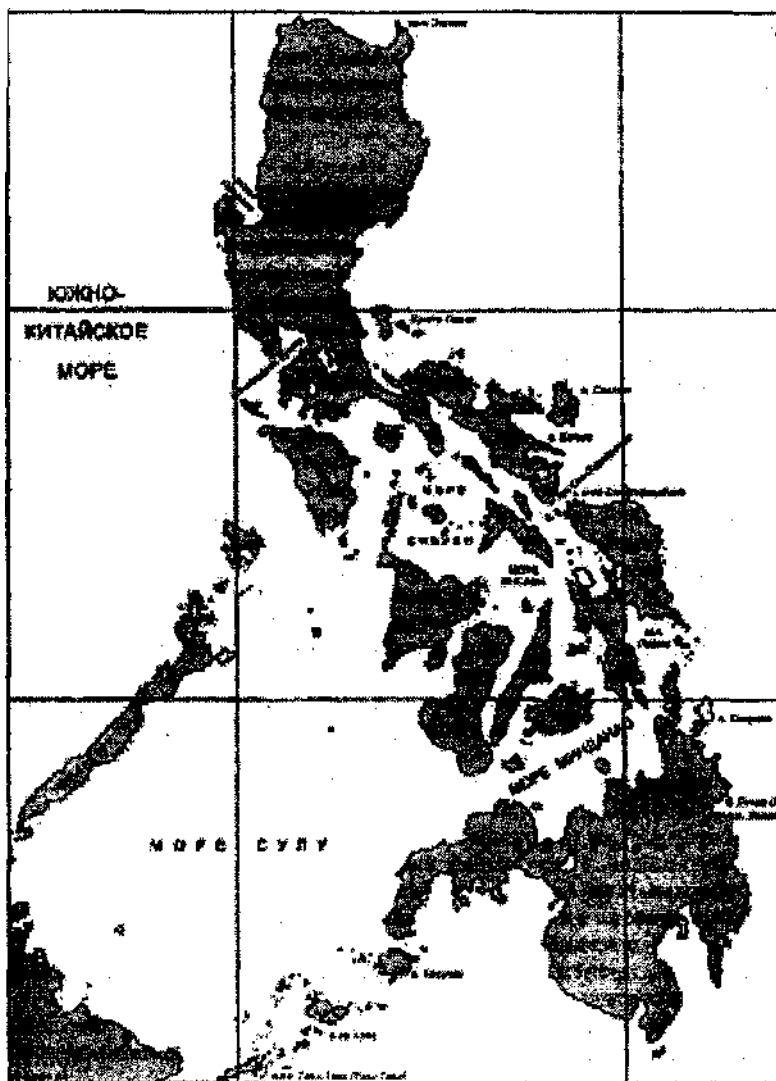
3

«Кому: начальнику Объединенного Комитета начальников штабов генералу армии Д. Маршаллу.

От кого: командующего вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана генерала Д. Мак-Артура,

Считаю необходимым напомнить Вам, что Филиппины — это американская территория, где наши лишенные поддержки части были уничтожены врагом. Практически все 17 миллионов филиппинцев остаются верными Соединенным Штатам и терпят невероятные угнетения и страдания из-за того, что мы не смогли оказать им защиты и поддержки. Мы обязаны выполнить наше великое моральное обязательство... Более того, если Соединенные Штаты сознательно пройдут мимо Филиппин, оставив наших военнопленных, интернированных лиц и лояльных филиппинцев во вражеских руках, даже не попытавшись спасти их, мы нанесем глубочайшую психологическую травму и признаем правдивость японской пропаганды, утверждающей, что мы покинули Филиппины на произвол судьбы и не намерены проливать кровь американцев ради их освобождения».

4

Филиппины

В этой «битве» стратегия Мак-Артура не являла собою нового образца военной мысли, а базировалась на обстоятельствах сугубо мирных, так сказать, гражданских: в ноябре 1944 года в США должны были состояться очередные президентские выборы. Рузвельт, баллотирующийся на четвертый срок (что было беспрецедентным), прекрасно понимал, что избиратели устали от него. Им надоели «речи у камина», слова про «забытых людей», заклинания по поводу «нового курса», наконец, война, в которую он втянул страну. Противники Рузвельта, однако, пока не могли этим воспользоваться, так как им не удалось выдвинуть из своей среды ни одного сколько-нибудь яркого лидера, будь то республиканец или демократ. «Простые американцы» отдавали себе отчет в том, что заканчивать войну,

вести мирные переговоры, реорганизовывать послевоенный миропорядок должна фигура национального масштаба, известная и врагам, и союзникам. По такому критерию Уитли или Стивенсон не шли ни в какое сравнение с Рузвельтом. Собственно, вся избирательная кампания строилась на психологическом мотиве: «коней на переправе не меняют».

Мак-Артур, находясь на посту командующего в Австралазии, сумел подать себя избирателям как выдающегося военачальника, оппозиционного к официальному Вашингтону и стратегам из окружения Ф.Рузвельта.

Уже очень давно, в начале этого года, *Второй* писал о том, при каких позорных обстоятельствах Мак-Артур был отстранен от кампании на Соломоновых островах. Это было японское победное «далеко». Мак-Артур тогда казался ничтожеством рядом с любым имперским офицером, а тут, поди ж ты, выплыл и претендует на высшую власть в стране Америке. Нужно было теперь объяснять, как же это получилось, и *Второй* подумал, что Рузвельт ошибся, не отправив тогда Мак-Артура в какую-нибудь глухую дыру — подальше от журналистов и избирателей. Такие люди не теряют времени даром. Не сумев сделать ничего путного сами, они с усердием дискредитируют чужую деятельность, обличают и критикуют, и их словесная оппозиция так блестяще выглядит на фоне рутинной краткости приказов и распоряжений, что, конечно, обманывает зрение обывателей.

И хотя реальное руководство операциями вокруг и около Гуадалканала осуществлял Нимиц: он-то и нес ответственность за приказы и ход событий, — кто ж его знал и видел, этого Нимица, — адмирал был вечно в Перл-Харборе и всегда занят. А Мак-Артур, вот он здесь — обиженный, но не сломленный: старый вояка, отличный мужик...

В представлении обывателя, даже хорошо знакомого с реалиями войны, Нимиц был где-то в Перл-Харборе, при Мидуэе, на Алеутах и отвечал там за «разные маленькие острова». А Австралия, Гвинея, Бугенвиль, Гуадалканал закрепились в сознании американцев как вотчина Мак-Артура, не зависимо от того, терял он там себя и войска или стоял насмерть отцом солдатским. Имея подобный имидж, генерал мог выставлять свою кандидатуру от любой из американских партий, причем его шансы на успех расценивались Ф.Рузвельтом как значительные.²⁴⁰

Рузвельт был далек от мысли цепляться за власть любой ценой. Президент был стар и тяжело болен: врачи недвусмысленно намекали ему, что он не переживет следующего президентского срока, наполненного поездками, совещаниями и решениями, за которые, Рузвельт и сам знал это, невозможно ответить ни перед совестью, ни перед Богом. Но вот Мак-Артур был последним человеком в Америке, кому Рузвельт мог передать руководство американской нацией в момент перехода от войны к миру, когда цена слова или поступка возрастала многократно и можно было за день потерять военно-политический капитал, накопленный за долгие годы.

Летом 1944 года Мак-Артур встретился с Рузвельтом на борту крейсера «Балтимор» и продиктовал свои условия: «Сначала Лейте, потом Лусон». В противном случае он подает в отставку и выставляет свою кандидатуру от Республиканской партии.

— Само собой разумеется, обстоятельства, вынудившие меня подать в отставку, мне придется объяснить своим избирателям.

— Вряд ли эти объяснения, если они будут подробными и соответствующими реальности, прибавят вам популярности, — заметил Рузвельт. Но оба они хорошо понимали, что в середине 1944 года, перед самым окончанием войны, президент ни при каких обстоятельствах не сможет предать гласности события, предшествующие капитуляции

---

²⁴⁰Примерно в такой же ситуации на выборах 1952 года победил Д.Эйзенхауэр, который объявил о выставлении своей кандидатуры следующей исторической фразой: «Я не могу принять предложение баллотироваться от демократов, потому что я, пожалуй, больше республиканец, чем демократ». Эйзенхауэр выиграл выборы с преимуществом 6,5 миллиона голосов.

Коррехидора.

— Я должен вернуться на Филиппины...— сказал Мак-Артур.— Господин президент, это ведь действительно вопрос не только моей чести...

«Вот шакал,— подумал Рузвельт,— такие даже умоляют с подвохом, словно норовят облобызать и укусить одновременно». Он катастрофически устал от политики. Устало истерзанное болезнью тело, устала голова. Компромиссы во имя Великой Америки, надетые плотными колечками на разрушенный позвоночник, замкнули смертельную спираль. За каждый ее виток президент нес персональную ответственность и с каждым витком медленно и мучительно умирал. Мак-Артур стоял перед ним бодрый, как нагулявшийся в лугах мерин.

— Как вы думаете, генерал, — раздумчиво спросил Рузвельт, словно затеявая «беседу у камина», — угрызения совести могут мучить тех людей, у которых и вовсе нет совести?

— Да, мой президент, — ответил Мак-Артур, — я должен вернуться на Филиппины.

— Возвращайтесь, генерал, — услышал Мак-Артур.

5

Президент прибыл в Перл-Харбор в конце июля. Узнав, что с Верховным главнокомандующим будут Кинг, Маршалл и Мак-Артур, Нимиц сразу сообщил Шерману: «Похоже, у нас серьезные неприятности».

Мак-Артур настаивал на старом, еще 1943 года «издания», плане двойного вторжения на Филиппинские острова. Его войска наступали бы с юга через Моротаи и Минданао. Нимиц продвигался бы с востока, предварительно захватывая острова Пелелиу, Палау и Ян. Далее следовала высадка на острове Лейте.

— После этого, — заявил Мак-Артур, — мы приступим к атаке Лусона. Встреченный как освободитель многомиллионным филиппинским народом, я разверну наступление на Манилу и овладею ей в течение двух недель. А вот тогда вы, господа...

— Прекратите нести чепуху, генерал,— взорвался Шерман, — какие там две недели... Вы застрянете на Лусоне на несколько месяцев, хорошо, если не на год. И вы сами это прекрасно знаете!

Вечером того же дня Рузвельт зашел к Нимицу.

— Господин президент,— командующий Тихоокеанским флотом был вежлив и официален,— возможно, Форест не лучшим образом выбрал выражения, но по существу он прав. И я, и адмирал Кинг придерживаемся того мнения, что генерал Мак-Артур в угоду личным амбициям настаивает на операции, проведение которой потребует больших затрат, в том числе и в американских жизнях, и не даст почти ничего для окончательного выигрыша войны. Конечно, захватив Филиппины, мы перережем стратегические коммуникации джапов, но этого же результата можно достичь на Тайване — меньшей кровью и с меньшим риском. Я не высокого мнения о возможностях сегодняшнего Объединенного флота, но если где-то он способен причинить нам реальные неприятности, то в лабиринте морей и проливов, окружающих Филиппинский архипелаг.

— Скажите мне, Чарлз, — усмехнулся президент, — могут ли японцы выиграть сражение за Лусон?

— Конечно, нет, сэр. Война на Тихом океане уже закончена, осталась бойня. Мы восстанавливаем аэродромы на Сайпане. Скоро Токио окажется в радиусе действия «сверхкрепостей». Противовоздушная оборона Японии слаба — во всяком случае, она много хуже, чем у немцев. Насколько я знаю, налеты В-17 на объекты Германии осуществляются без сколько-нибудь значимых потерь, сэр?

— Во всяком случае, в части поступает больше бомбардировщиков, чем выходит из строя. Открою вам тайну: на Западе потери считаются «поистине катастрофическими», если они составляют 10% от численности участвующих в налете самолетов.

— Здесь нам случалось терять эскадрильи целиком, но это вчерашний день. Что же касается стратегического авиационного наступления, то сейчас джапам нечем сбивать

«двадцать девяты». На нашей рабочей высоте их «зеро» теряют маневренность. Так что могу ответить на ваш вопрос, господин президент. Мы сотрем их города с лица земли, и для этого, в сущности, уже не нужны ни Тайвань, ни Лусон. Другой вопрос, что я хотел бы обойтись здесь, на Тихоокеанском ТВД, без стратегических бомбардировок и побыстрее закончить войну. Поэтому мне нужен Тайвань.

— Я понимаю. Проблема в том, что Мак-Артуру нужен Лусон, а мне не нужно, чтобы он путался у меня под ногами во время выборов.

— Личные интересы мешают военной стратегии...

— Они не личные, адмирал Нимиц, — президент на миг поймал себя на тихой мысли: «Бог, с вами со всеми, люди, — американские вы или японские». Пульсировало в левом боку — ощутимо, можно было сказать, что жгло.

— Чарлз, поймите наконец, — продолжил он после паузы, за время которой вытолкнул негодную мысль в приходящую скапливающихся чувств, — вы имеете дело с проигравшими войну японцами. Тому, кто станет президентом 4 ноября, придется иметь дело с победоносными Советами. Их армии разбили вермахт. Не знаю, что говорят у вас на Дальнем Востоке, но на Западе мы были очень высокого мнения о боеспособности германской армии.

— Мы здесь полагаем, что русские сделали это нашим оружием.

— Ну да, танки Т-34 ведь собираются на предприятиях Миннесоты и Аризоны? Так, адмирал? Или это вымысел, растиражированный на страницах наших газет? Хорошо, если бы Советы имели столь же странное представление о твоей войне. В мутной воде легче убивать, но труднее плавать. Боюсь, ты серьезно недооцениваешь возможности доблестного союзника. И его место в послевоенном мире. А ведь есть еще Черчилль с его ублюдочной бывшей империей. Короче, ты мечтаешь оставить эти проблемы генералу Мак-Артуру? В интересах США?

— Упаси нас Боже, — искренне ответил командующий Тихоокеанским флотом.

На портрете Рузвельт напоминал психотерапевта Милтона Эриксона. *Второй* повертел рисунок в руках и вспомнил отца, который умер нестарым, бодрым и умным. *Второй* до сих пор ломал голову над вопросом, как можно, будучи умным, без толку умереть. Зачем? Кирпич, что ли, упадет? Если есть еще дела — не упадет. У отца дела, конечно, были, — и у Рузвельта оставались вот некоторые. У него, *Второго*, тоже было дело — дописать этот трактат о воде в морях и проливах...

6

Тридцать первого июля, через три недели после провала наступления Монтгомери²⁴¹, американские войска наконец прорвали оборону в Нормандии. Танки Паттона устремились в образовавшуюся брешь. Теперь начался развал гитлеровского фронта на Западе, и генералы союзников заключали пари относительно окончания войны к Рождеству.

Необходимо было определить стратегические приоритеты на завершающем этапе войны, что и было сделано на межсоюзнической конференции в Квебеке в сентябре 1944 года. Здесь «ангелы дождались молебна»: Уинстон Черчилль заявил, что в «связи с окончанием боевых действий в Европе Королевский флот готов принять участие в Тихоокеанской кампании». В эти дни британские тяжелые авианосцы с бронированными полетными палубами уже маневрировали в водах Индонезии, осуществляя воздушное наступление против Суматры.

241Вторая английская армия Демпси нанесла удар по немецким позициям, которые сутки утюжило 2000 тяжелых бомбардировщиков. Захваченные пленные несколько дней не могли отвечать на вопросы, поскольку не только оглохли от разрывов, но и находились в полубессознательном состоянии от непрерывных контузий. Тем не менее, оборона прорвана не была, английские танки понесли тяжелые потери и откатились на исходные позиции.

Кинг рекомендовал англичанам действовать в Юго-Восточной Азии, «имея своей конечной целью освобождение Сингапура». Это, разумеется, не устроило Черчилля, который желал, чтобы английские корабли действовали на главном направлении — то есть непосредственно против уже проигравшей войну Японии.

Единственный раз за всю войну Кинг, Мак-Артур и Нимиц действовали единым фронтом. Главнокомандующий юго-западным сектором Тихого океана заявил бывшей «владычице морей», что «британские корабли могут принять участие в совместных операциях только при условии, что они будут превращены в классические американские «Task Forces», подчиненные 7-му флоту Кинкейда». Кинг же без обиняков заметил, что Королевский флот не будет допущен в центральный сектор «ни при каких обстоятельствах».

Дипломатический скандал, ухмыляясь про себя, уладил Рузвельт. На следующий день Нимиц извинился за Кинга, разъяснив, что адмирал имел в виду только и исключительно вопросы снабжения. «Американские корабли могут действовать в открытом океане месяцами. Мобильная служба поддержки позволяет не только дозаправлять их на 16-узловом ходу, но и обеспечивать мелкий ремонт, замену авиационного вооружения, двигателей и плоскостей самолетов, не говоря уже о снабжении всем необходимым — от боеприпасов до шоколада. Английские же корабли с их двух-трехнедельной автономностью будут лишь обузой в предстоящих операциях». Черчилль принял объяснения, с досады не спросив даже, что, собственно, помешает снабжать четыре британских авианосца наряду с пятнадцатью или двадцатью американскими. Президент же, донельзя довольный прошедшим инцидентом, рекомендовал Нимицу «по возможности обеспечить использование английского флота против островов Филиппинского архипелага». Черчилля уже поставили на место, теперь можно было сделать шаг навстречу Британскому Льву.

Стратегическая разведка: Филиппины

К 10 сентября высокие договаривающиеся стороны утвердили план-график совместных действий. Расклад получался такой: в сентябре Нимиц высаживается на острове Пелелиу, Мак-Артур Божьей милостью, может быть, захватывает Моротаи. В октябре Тихоокеанский флот занимается островами Яп и Улити. В ноябре Кинкейд пытается получить плацдарм на Минданао. Двадцатого декабря осуществляется двойной удар по острову Лейте. На картах эта операция выглядела даже вполне эстетно: этикие геополитические «Канны». Синие клинья протягиваются с юга — от австралийского побережья, и с востока — от Перл-Харбора через Мидуэй, Уэйк, Сайпан — и смыкаются на Филиппинах.

Вежливый Рузвельт объявил, что «вопрос о дальнейших действиях против Формозы или Лусона будет рассматриваться отдельно». Все, впрочем, понимали, что высадка на острове Лейте обязательно вынудит кампанию на Лусоне — хотя бы за счет инерции движения крупных войсковых соединений.

На этом этапе, впрочем, у Нимица еще оставался один «козырь за пазухой».

Незадолго до поездки в Квебек Хэлси сменил Спрюэнса на посту командующего 5/3 флотом. К началу конференции Т.Ф.38 обрушилось на Филиппинские острова²⁴². «Эссексы» позволили себе действовать в прямой видимости берегов. Американские истребители гонялись за одиночными японскими самолетами, ударная авиация сжигала аэродромы. Девятого сентября был разрушен Давао. Двенадцатого числа Митшер штурмовал военно-воздушную базу на острове Себу. Что-то разладилось в японской системе раннего предупреждения или операторы всерьез поверили, что «серый волк не станет есть этих

---

²⁴²До конца августа в центральном секторе Тихого океана было относительно спокойно. Все же, авианосцы 38-го соединения нашли время, чтобы совершить молниеносную атаку островов Бонин, где 4 — 5 августа потопили семь транспортов и пять эсминцев (по американским данным; в списке потерь японского флота числится только один потерянный эсминец — «Мацу», потопленный артиллерией).

худосочных поросят» (по радио открытым текстом было передано, что авианосцы покидают район архипелага), но более 100 исправных «зеро» было застигнуто на земле. Этим ударом было уничтожено две трети японской истребительной авиации на Филиппинах, оставшиеся машины перебросили на авиабазу Кларк — ту, на которой когда-то самолеты Цукухары разбомбили В-17 Мак-Артура.

Хэлси сообщил своему командующему в Квебек, что оборона противника в Южных морях полностью расстроена. Это вызвало еще один кризис на межсоюзнической конференции, но документы относительно Филиппин уже были подписаны и начинать сначала изнурительный «торг» никому не захотелось. Нимиц понял, что остается только одно: как можно быстрее провести операцию и отвязаться от нее.

На следующий день он предложил отказаться от промежуточных высадок и сдвинуть график ровно на два месяца вперед. В ночь на 15 сентября поправки были согласованы со штабом Мак-Артура, и день «Д» Филиппинской операции был назначен на 20 октября.

Вступительная игра: Формоза

1

Отменить высадки на Моротай и Пелелиу не успели, так как к завершению Квебекской конференции транспорты уже вышли в море. Первая из этих «предварительных операций» прошла на редкость гладко: 4 октября на острове начал работать аэродром подскока, позволяющий протянуть «зонтик» базовой авиации до залива Лейте. Что касается второй операции, то она обошлась в такое количество людей, техники и времени, что была названа американским историком С. Моррисоном «крупнейшей ошибкой в Тихоокеанской кампании».

На Пелелиу японцы испробовали новую тактику обороны с отнесением «позиции сопротивления» в глубь острова. В мягком известняке и коралловом камне они построили подземные укрепленные позиции, заставив противника вести изнурительные и бессодержательные бои за каждую пещеру. Лишь доставка на атолл огнеметных танков «шерман» и огромного количества зажигательной связи позволила решить проблему. Боевые действия закончились только 26 ноября, когда в руках американцев были уже плацдармы непосредственно на Филиппинах.

Зато Улити с его огромной лагуной, способной вместить весь Тихоокеанский флот США, как оказалось, почти не охранялся. Двадцать третьего сентября там высадилась полковая боевая команда 81-й дивизии (остальные силы этой дивизии в нарушение первоначального плана были направлены на Пелелиу). Быстрый захват острова позволил Нимицу опробовать впечатляющий организационный прием, когда передовой опорный пункт операции создается в ходе самой этой операции. К концу сентября Т.Ф.38 получило возможность пользоваться Улити как якорной стоянкой, а 7 октября, когда тактические группы Митшера покидали атолл, образуя привычную «коробочку», остров уже считался военно-морской базой.

2

Хэлси выстроил геометрическую операцию, основными мотивами которой были мощь, скорость и автономность 38-го оперативного соединения. Покинув Гуам, Митшер 21 и 22 сентября атаковал гавань Манилы и потопил там три эсминца²⁴³ и множество транспортных судов. Затем авианосцы отошли, но через три дня они вновь нанесли удар по Лусону. Пр продемонстрировав свою активность у Филиппинских берегов, флот вернулся к атоллу Улити и две недели отдыхал там, чтобы 10 октября неожиданно выйти к Окинаве.

---

243 Японцы признают потерю эсминцев «Сатсуки» и «Хайябуса».

Описав изящную дугу и «засветившись» возле северной оконечности Лусона, корабли на ходу дозаправились с двенадцати танкеров и повернули на Тайвань.

Двенадцатого октября за час до рассвета семнадцать американских авианосцев выпустили самолеты для удара по Формозе. Над островом их встретили самолеты 2-го воздушного флота адмирала Фукудоме. Воздушный бой начался прямо над командным пунктом адмирала. Местами сражение приобретало ожесточенный характер, но итог его не вызывал никаких сомнений. Навстречу второй волне японцы смогли поднять в воздух лишь около шестидесяти истребителей, а навстречу третьей не поднялся ни один. Потери американских ВВС составили 48 самолетов, 2-й воздушный флот лишился ста шестидесяти машин.

После полудня в разрушение Тайваня включились В-29, взлетевшие с баз на материковом Китае, а Фукудоме поднял в воздух уцелевшие торпедоносцы. Безрезультатные атаки продолжались до поздней ночи и стоили японцам 48 самолетов.

Тринадцатого октября сражение над Тайванем продолжалось, причем впервые в нем приняли участие истребители, переброшенные непосредственно с островов метрополии. В бой, несмотря на протесты Одзавы, были брошены и последние кадры палубной авиации. В этот день вечером, в сумерках, четыре торпедоносца вышли прямо на американский авианосный ордер. Самолеты скользили низко над водой, держась в зоне радиолокационной засветки. «Франклин» с трудом уклонился от двух торпед, получив лишь повреждение от столкновения с горящим «джиллом», а крейсеру «Канберра»²⁴⁴ и вовсе не повезло.

Корабль потерял ход и подлежал затоплению. Хэлси, однако, приказал буксировать его на базу. Для прикрытия этого неординарного решения утром 14 сентября была произведена внеплановая бомбардировка Тайваня и нанесен отвлекающий удар по аэродрому Апарри на северном Лусоне. Японцы опять контратаковали — на этот раз торпеду получил «Хьюстон»²⁴⁵. Бои над Тайванем завершились 16 сентября, когда 38-е оперативное соединение отошло к востоку. Первый воздушный флот вице-адмирала Тероуки, базирующийся на Лусоне, решил «преследовать отступающего врага», и «Хьюстон» «заработал» вторую торпеду.

Хэлси выделил для буксировки пять крейсеров, четыре эсминца и два легких авианосца. Двадцать седьмого октября эта «инвалидная дивизия» кораблей прибыла на Улити.

Итоги боев над Тайванем оказались катастрофическими для японцев, которые уничтожили только 89 самолетов противника, потеряв более шестисот²⁴⁶ своих. Зато императорская штаб-квартира не стала нарушать заведенную традицию и объявила 16 октября о потоплении 11 вражеских авианосцев, двух линкоров, трех крейсеров и одного эсминца. Утверждалось, что еще восемь авианосцев, два линкора, четыре крейсера, эсминец и 15 «неопознанных кораблей» «получили тяжелые повреждения». Высшие командиры на местах считали это преувеличением, но «не более чем в два раза»²⁴⁷, а Император объявил о проведении специального торжества.

244Новая «Канберра» — тяжелый крейсер типа «Балтимор». Заложен как «Питсбург», вошел в строй в октябре 1943 года (16 000 т, 33 узла, 3х3х203 мм).

245Новый «Хьюстон» - легкий крейсер типа «Кливленд». Заложен как «Виксбург», вошел в строй в июне 1944 года (12 000 т, 33 узла, 4х3х152 мм). В войне более не участвовал, ремонтировался более года.

246Японская сторона признает потерю 312 самолетов.

247В связи с такой оценкой битвы за Тайвань 14 октября из Куре вышло 2-е ударное соединение Сима (тяжелые крейсера «Нати» и «Асигара» с прикрытием), имеющие целью «добить» поврежденные корабли противника, причем речь шла едва ли не обо всем 38-м соединении быстроходных авианосцев. Шестнадцатого числа утром корабли были атакованы самолетами с авианосца «Банкер Хилл», а днем Фукудоме сообщил Симе, что американцы сохранили «не менее шести тяжелых авианосцев». Это было убедительнее сводок императорской ставки, и корабли Сима повернули обратно.

Семнадцатого октября адмирал Хэлси, доложив Нимицу о безусловном спасении «*всех кораблей, потопленных токийским радио*», приступил к непосредственному прикрытию операции в заливе Лейте.

Второй был раздражен. Иллюзии японцев начинали действовать ему на нервы. Он перестал быть их адвокатом, им предстояло сдаться в отвратительной позиции. И ему тоже.

— Вышел на подмости генерал Судзуки, выстрелил по зрителям из своей базы, — процитировал он. Лидочка засмеялась.

Освобождение

Генерал-лейтенант Судзуки был убежден, что высадка состоится в самом центре архипелага, в заливе, способном вместить сотни кораблей американского флота вторжения. По мере сил и возможностей он пытался усилить здесь оборону, но 10 сентября наблюдатели в Давао неожиданно сообщили, что американцы крупными силами атакуют Минданао, причем впереди войска движутся тысячи амфибийных танков. Ставка немедленно потребовала перебросить резервы на юг, и, хотя вскоре выяснилось, что неопытные операторы с перепугу приняли за танки обыкновенную морскую зыбь, приказ так и не был отменен.

Семнадцатого октября над районом Лейте — Самар повис густой туман. В 8 часов утра десантники генерала Мак-Артура начали скрытую высадку на малые острова, расположенные у входа в залив. В задачи передовых отрядов входили разведка, разминирование подходов и установка радиомаяков и световых ориентиров для главных сил.

Штаб Объединенного флота получил известие об этой «предварительной высадке» через девять минут после появления первых американцев на островах между Лейте и Самаром — своеобразный рекорд Второй Мировой войны. Императорская ставка узнала о происходящем чуть позже — и сразу же объявила, что никакого американского десанта на Филиппинские острова нет и быть не может. Их позиция объяснялась твердой уверенностью в разгроме 38-го оперативного соединения в грандиозной битве у Тайваня.

Девятнадцатого октября в залив вошел 7-й флот в составе 157 боевых и 84 вспомогательных кораблей при 73 судах обслуживания. За ним проследовали 420 войсковых транспортов, на борту которых находились части 6-й армии Крюгера — три стрелковых и кавалерийская дивизия. Артиллерийская подготовка продолжалась сутки. С утра 20 октября к обеспечению операции подключились эскортные авианосцы; палубная авиация Митшера контролировала перевалочные аэродромы Лусона и узлы коммуникаций.

Десантные суда достигли берега безо всяких помех; поскольку воевать было не с кем, солдаты развлекались тем, что под стрекотание кинокамер водружали на пляже знамена США и Филиппин. Главнокомандующий²⁴⁸ же творил высокую политику.

Зачем-то он потребовал катер, прибыл на транспорт «Джон Ленд», на котором привезли президента Филиппин Осменью, и, радостно улыбаясь, воскликнул: «*Карлос, мой мальчик! Вот мы и дома!*»

Двадцать второго октября в местном провинциальном центре Так-лобане состоялся митинг, на котором Мак-Артур во всеуслышанье объявил: «*Я вернулся!*» Потом он официально передал власть президенту Филиппин и уехал вместе со свитой, оставив Осменью на ступеньках местного муниципального управления. Очевидцы этого шоу утверждают, что с помощью молодого американского лейтенанта престарелому политику удалось-таки найти себе место для ночлега.

В тот же день Франклин Рузвельт опубликовал официальное обращение к филиппинскому народу: «*Теперь, когда генерал Мак Артур с помощью наших летчиков,*

---

²⁴⁸Операция в заливе Лейте носила уникальный характер: ей руководили два человека, которые не подчинялись друг другу. Рузвельт назначил командующими и Нимица, и Мак-Артура.

солдат и моряков вернулся на землю Филиппин, мы возобновляем наши обязательства. Мы и наши филиппинские братья по оружию — с помощью Всемогущего Бога — вышвырнем прочь захватчика. Мы уничтожим его мощь, чтобы вновь не вспыхнула война. И мы восстановим мир достоинства и свободы, мир уверенности, чести и миролюбия».

«Ах, как шли имперские амбиции этому великому политику»,— думал *Второй*.

— Они шли за ним, шли и убили его,— сказал он Лидочке,— а вслед за ним взял да и пришел Трумэн, ничтожный кретин, который подобрал амбиции, взлелеял их и жаждал по япошкам бомбами, и стали желтые плакать и пускать по миру журавликов, которые до сих пор летают и пугают: не трогайте спящего дядю Сэма, потому что на самом деле не человек он вовсе, а злобная кукла-триггер, придуманная инопланетянами,

— Ну ты полегче, парень, — Лидочка даже ожила, — смотри, тебя Бехтеревка госпитализирует с такими-то историческими выводами. Что ж ты все в одну кучу-то валишь, философ, а туда же — мир поразить...Спать пора, чахоточный.

«Она — ничего, — устало подумал *Второй*, — когда не ноет».

Комбинационные мотивы

1

В течение четырех месяцев после катастрофы у Марианских островов Объединенный флот не принимал участия в боевых действиях.

Одзава подал в отставку 21 июня, еще до возвращения на Окинаву. Тойода, для проформы посоветовавшись с морским министром Симадой, ответной радиограммой приказал командующему Мобильными силами прекратить истерику и продолжить исполнение своих обязанностей. Одзава подчинился.

Флот разделился у Окинавы; большая часть кораблей ушла в Куре, ЛК «Фусо» и легкий крейсер «Натори» проследовали на Филиппины. Потом, в течение лета, почти все боееспособные единицы перевели в Линга Роудз, где еще оставалось топливо.

Все эти месяцы Одзава как мог готовился к последней битве войны. Теперь у него не было иллюзий; от флота не требовалось побеждать, нужно было устроить финал — героическую гибель. Это было достойно. Правильно и очень по-японски. Любой ценой избежать того позора, через который пришлось пройти германскому «Хохзеефлотте».

Теоретик Тойода сконструировал за лето целую последовательность «планов решающего сражения» под общим названием «Се»: план «Се-1» организовывал оборону Филиппин, следующая версия включала район Тайвань — Окинава — южная Япония, по схеме №3 боевые действия разыгрывались между Кюсю и Хонсю. Был и четвертый вариант (Хоккайдо), но к нему никто не относился серьезно.

Из этих оперативных возможностей наилучшей с точки зрения интересов противника Одзава считал вторую. Высадка на Филиппинах рассматривалась как ошибочный, но наиболее естественный, напрашивающийся ход. Будучи невысокого мнения о стратегических талантах американцев, командующий Мобильным флотом полагал, что именно этот вариант они и выберут.

Потеря Филиппин означала конец организованной обороны на море. Пережившие сражение корабли могли вернуться в Сингапур, где не осталось боеприпасов и работоспособных ремонтных мощностей, или в метрополию, где практически закончились топливо и смазочные материалы. Поэтому, как разъяснил уже после войны Тойода: *«Не было никакого смысла спасать флот ценой потери Филиппин».*

Двадцатого октября в 8:09 Главком ввел в действие план «Се-1».

В распоряжении Одзавы оставались значительные, на первый взгляд, силы: шесть авианесущих боевых единиц разных классов, семь линкоров, девятнадцать крейсеров и тридцать три эсминца, — а всего шестьдесят четыре корабля. Им противостояли 216 американских кораблей, не считая двух австралийских; в это число не входили «инвалидная дивизия» и вспомогательное английское оперативное соединение. По численности команд союзники имели преимущество в 3,5 раза, по суммарному водоизмещению кораблей — более, чем втрое.

Главной проблемой японцев было отсутствие палубной авиации. Утром 20 октября в непосредственном подчинении командующего Мобильным соединением были тяжелый авианосец («Дзуйкаку»), три легких авианосца («Дзуйхо», «Читосе», «Чийода») и два линкора-авианосца («Исе» и «Хьюга»). Но на всех этих шести кораблях находилось всего 116 самолетов, причем продолжительность подготовки летчиков не превышала трех месяцев.²⁴⁹ Другими словами, реальные боевые возможности флота Одзавы примерно соответствовали одному «Эссексу», которых у американцев было шесть. Легкие и эскортные авианосцы Одзава не стал даже считать.

Первоначально речь шла только о «последнем параде» и героической гибели.

Ямамото уважал и ценил Одзаву. Нагумо не любил и побаивался его. В любом случае эти оба оставили ему, Одзаве, играть финал, и он был готов поспорить с их посмертной славой, что не уронит честь. О том, что историки докажут математически отсутствие у него тактических шансов, Одзава не знал. Он был готов убить свой флот величественно и артистично.

3

Разработанный им план действительно был шедевром²⁵⁰. Советская историография, скопом обвиняющая всех японских адмиралов в авантюризме и недальновидности, признает операцию «Се-1» в исполнении Одзавы «новым шагом» в развитии военно-морского искусства, менее критично настроенные авторы говорят о *«вновь мелькнувшей искре гениальности, столь присущей операциям императорского флота в первые полгода войны»*.

Нет, речь шла не о победе; по-прежнему осуществлялась «стратегия поражения», и сражение в заливе Лейте закончилось полным разгромом японских оперативных соединений. Одзава понимал, что ради возможности мира Объединенный флот должен уйти в небытие. Но он ушел так, что и по сей день в военно-морских колледжах всего мира изучают не достижения победителя, а искусство проигравшего.

4

План строился на двух комбинационных мотивах.

Первым была тактика «специальных атак», разработанная адмиралом Ониси. Речь шла о самоубийстве, о полетах без возвращения, когда пилот, поднимая машину в воздух,

²⁴⁹«Дзунье» пришлось бросить в Куре, поскольку для него не удалось найти ни одного пилота, способного осуществить хотя бы взлет с палубы.

²⁵⁰В источниках план сражения в заливе Лейте приписывается адмиралу Тойоде, причем дается ссылка на послевоенные показания Одзавы. Следует, однако, иметь в виду, что командующий Мобильным соединением отнюдь не был расположен говорить торжествующему противнику «правду, всю правду, и ничего, кроме правды». (Он и с собственным начальством далеко не всегда был искренен.) Тойоде, несомненно, принадлежит общая диспозиция развертывания «Се-1», но в геометрии и динамике событий, разыгравшихся 24 — 25 октября среди островов Филиппинского архипелага, видна рука Одзавы.

знал, что ему предстоит направить ее во вражеский корабль.

По существу, эта тактика, название которой вошло во все языки мира и стало нарицательным, не содержала в себе ничего принципиально нового. Уже в сражении у островов Санта-Крус «кейты» и «вэлы», вышедшие на неприятельский ордер, не имели практических шансов вернуться. Процентные потери палубной авиации Одзавы в битве у Марианских островов были даже большими, нежели в корпусе «камикадзе»²⁵¹.

Тем не менее, есть разница между очень слабой надеждой выжить и ее полным отсутствием. Пилот «камикадзе» умирал в тот момент, когда он надевал свою повязку с изображением восходящего солнца и поднимался в кабину своего самолета. Чтобы превратить это в обыденную тактику, нужно было переступить невидимую черту, за которой кончается европейская цивилизация. И что бы ни писали по этому поводу послевоенные американские историки, осенью 1944 года американские экипажи дрогнули, встретив в воздухе противника, утратившего страх смерти. На долгие шесть месяцев «камикадзе» стали главным врагом, основной и единственной причиной потерь в людях и личном составе²⁵².

Впрочем, в тот момент Одзава не мог рассчитывать на серьезный успех «специальных атак». Во-первых, пилотов «камикадзе» начали готовить только после Сайпана, и пока их было совсем немного. Во-вторых, у Митшера был «лаг времени» в три-четыре дня; опыт сражения за Марианские острова подсказывал, что к концу этого срока базовая авиация будет уничтожена: хорошо, если из шестисот самолетов, которые обещало Одзава командование на Филиппинах, останется половина. С учетом разброса по аэродромам для контрудара удастся наскрести не более двухсот машин, включая в это число и всю палубную авиацию. При наличии у противника 1280 самолетов воздушные операции не сулили успеха при любой тактике.

Вторым и важнейшим оперативным мотивом была абсолютная убежденность командования обеих сторон в авианосном характере войны. К концу третьего года военных действий даже самые ортодоксальные «линкорные адмиралы» осознали, что главным инструментом сражений на Тихом океане является палубная авиация.

Митшер не мог знать, что на авианосцах Одзавы почти нет самолетов. Мобильное соединение должно было априори рассматриваться как «главные силы». Тем более, что именно так они и назывались в позывных и официальных документах.

Суть замысла состояла в том, чтобы, используя «главные силы» как «приманку», отвлечь 38-е оперативное соединение на север-северо-восток. Линейные силы должны были воспользоваться выигрышем во времени, пройти филиппинскими проливами и внезапно атаковать лишенные прикрытия неприятельские транспорты.

Идея выглядела достаточно простой. Проблема, однако, состояла в том, что у Хэлси было достаточно самолетов, чтобы сразу уничтожить «приманку». Что же касается линейных сил, то и здесь преимущество, хотя и не абсолютное, было на стороне американцев. Кроме того, они имели радар, много «каталин» и подводные лодки. Чтобы найти свой шанс, Одзава должен был «спрятать» свою операцию, как-то замаскировать ее

---

251 Пилот «камикадзе», не обнаруживший достойной его цели, не только имел право, но и был обязан вернуться на аэродром. Некоторые летчики вылетали для выполнения «специальной атаки» несколько раз, часть их пережили войну. Следует также иметь в виду, что самолет-самоубийца мог быть сбит до подхода к цели, при этом пилот не обязательно погибал. В целом процентные потери в корпусе «камикадзе», хотя и ужасающие, фактически не выделяются на общем фоне.

252 До сих пор военные историки спорят об эффективности «специальных атак». В сравнении с обычной тактикой действия «камикадзе» приводили к более значительным результатам при близком (в первом приближении) уровне потерь. И все же войны не выигрываются подобными мрачными методами. Появление «камикадзе» подразумевало полное пренебрежение летной подготовкой, которая теперь ограничивалась формальным умением долететь. В целом идеология «специальных атак» представляется важным звеном в «стратегии поражения».

под естественную «игру».

Позиционная жертва; море Сибуян

1

В рамках первоначальной диспозиции Тойоды Объединенный флот был разделен на четыре оперативные группировки. Авианосцы были включены в Северное соединение под непосредственным управлением Одзавы. «Дзуйкаку», «Читосе», «Чийода», «Дзуйхо» образовывали 3-ю ДАВ, в состав 4-й дивизии вошли «Исе» и «Хьюга». Прикрытие осуществляли легкие крейсера «Ойодо», «Тама», «Исудзу», восемь эсминцев²⁵³.

Линейные силы вошли в состав 1-го Ударного соединения адмирала Куриты²⁵⁴. Передовой эшелон, которым руководил сам Курита, включал 1-ю ДЛК («Ямато», «Мусаси», «Нагато»), 4-ю и 5-ю эскадры крейсеров («Атаго», «Такао», «Текай», «Майя», «Миоко», «Хагуро») и силы прикрытия в составе легкого крейсера «Носиро» и девяти эсминцев. Второй эшелон под флагом вице-адмирала Судзуки состоял из 3-й ДЛК и 7-й дивизии крейсеров²⁵⁵. В минувших сражениях эти корабли либо прикрывали авианосцы; «Конго», «Харуна», «Тоне», «Тикума», — либо обеспечивали проводку крупных и важных конвоев — «Кумано», «Судзуя».

Два оставшихся линкора входили в состав 3-го Ударного соединения Насимуры (соединение «С», авангард Южного соединения). Кроме собственно «Фусо» и «Ямаширо», находившихся в составе, присутствовали тяжелый крейсер «Могами» и четыре эсминца.

Арьергард Южного соединения образовывало 2-е Ударное соединение Симы: «Нати», «Асигара», «Абакума», семь эсминцев (Соединение «В»).

Наконец, совместно с флотом действовало Транспортное соединение, предназначенное для перевозки войск в Манилу: «Аоба», легкий крейсер «Кину», эсминец, три эсминца-транспорта.

Обеспечивали операцию 3-е и 5-е соединения 1-го воздушного флота и 6-е соединение 2-го воздушного флота, к 24 октября существующее преимущественно на бумаге, и флотилия из 17 подводных лодок, которые запоздали с развертыванием и уже не могли занять отведенные им позиции.

Одзава предложил сложный рисунок «систематического движения» четырех оперативных групп. Силы Куриты и Насимуры в час ночи 18 октября покинули Линга Роудз и 20-го числа пришли в Бруней. К этому времени факт высадки американцев в заливе Лейте был подтвержден, и Тойода передал исполнительные приказы по плану «Се-1». Теперь японские эскадры должны были поддерживать режим полного радиомолчания. Поскольку ни о какой воздушной разведке в районах, закрываемых Т.Ф.38, не могло быть и речи, адмиралы Страны Восходящего Солнца шли в полную неизвестность, лишенные даже связи друг с другом.

После Брунея группы «А» и «С» разделились. Быстроходные линкоры Куриты выдвинулись вперед, имея задачу обогнуть с запада длинный и узкий остров Палаван и войти в море Сибуян, что в центре Филиппинского архипелага. Далее Центральное соединение огибало с севера остров Самар и через пролив Сан-Бернардино направлялось к Лейте.

«Фусо» и «Ямаширо» двигались более коротким путем — через пролив Балабак, отделяющий Борнео от Палавана, море Сулу и пролив Суригао между Лейте и Минданао.

К проливу Суригао должно было подойти и Диверсионное соединение Симы, которое

253Еще один эсминец вошел в состав «группы снабжения», наряду с шестью эскортными кораблями и двумя танкерами.

254Оно же Центральное Соединение, оно же Соединение «А».

255Прикрытие: легкий крейсер «Яхаги», шесть эсминцев.

в момент начала операции возвращалось в Куре после бессмысленного броска к Формозе. Ему предстояло дозаправиться на Пескадорских островах, проследовать Тайваньским проливом на юг и пересечь наискось море Сибуян. По расчету Одзавы, 2-е Ударное соединение, получив приказ на операцию утром 20 октября, должно было подойти к Лейте ровно на два часа позже флота Насимуры.

Наконец, Северное соединение обходило Тайвань с востока, направляясь прямо к острову Самар.

2

Вновь, как и в битве у Марианских островов, первый ход сделал командующий подводными силами Тихоокеанского флота США вице-адмирал Чарлз Локвуд. В ночь на 23 октября в узком проходе между островом Палаван и рифовой зоной Восточно-Китайского моря заблаговременно развернутые там лодки «Дэйс» и «Дартер» обнаружили флот Курицы, зигзагирующий на 16 узлах. Педантично доложив в Перл-Харбор о контакте (это было первое сообщение о японских силах, полученное Хэлси), капитаны 2-го ранга Клаггет и Мак-Клинток выпустили два торпедных «веера» по кораблям противника.

Результат превысил все ожидания.

Четыре торпеды «Дартера» поразили флагманский корабль Курицы крейсер «Атаго» равномерно по всему правому борту. Корабль сразу наклонился на восемь градусов; несмотря на контрзатопления, крен быстро нарастал. Эсминцы приняли с него 700 человек, в том числе адмирала, 360 моряков спасти не успели. В 6:53, через восемнадцать минут после попадания торпед, «Атаго» опрокинулся и пошел ко дну.

«Майя» погибла быстрее. Четыре торпеды в левый борт вызвали обширные затопления и тридцатиградусный крен. Вспыхнувший пожар достиг носовых погребов главного калибра, они взорвались. Крейсер разломился пополам и затонул менее, чем за девять минут. Как ни странно, с него успели спасти 769 человек: эсминец «Акисимо» пересадил их на линкор «Мусаси», которому предстояло погибнуть только на следующий день.

«Дартер» разрядила кормовые аппараты, и вновь торпеды нашли цель: крейсер «Такао», у которого вышли из строя оба правых винта и руль. Машины встали, крен достиг десяти градусов, начались сильные пожары. Но «Такао» было суждено добраться до Сингапура и даже пережить войну²⁵⁶.

Американские подводные силы добились крупного успеха, и Локвуд был бы весьма удивлен, если бы узнал, что обнаружение соединения «А» в проходе Палаван (хотя и без уничтожения на пустом месте двух первоклассных крейсеров) входило в оперативный план противника.

3

Хэлси получил первые сведения о противнике на рассвете 23 октября, когда его корабли принимали топливо, находясь в 280 милях на северо-восток от острова Самар. «Контакты» были в проходе Палаван, к северу от Манилы и в проливе Балабак, у южного входа в море Сулу.

Сражение вступило в фазу локального кризиса, не начавшись. Предыдущие планы Хэлси опирались на то, что после Сайпана японские морские силы будут не в состоянии вести боевые действия крупного масштаба. Своим основным противником командующий 3-м флотом считал базовую авиацию. К 20 октября аэродромы Лусона, Лейте и Минданао были подавлены, японские самолеты исчезли с экранов радаров. Поэтому задачей Т.Ф.38

---

²⁵⁶В этот же день, 23 октября, торпеду с подводной лодки получил и крейсер «Аоба», который с трудом добрался до Манильской бухты.

Хэлси видел сугубо механическую работу по поддержанию оперативного режима над архипелагом. Исходя из такой оценки обстановки, адмирал начал поочередную смену тактических групп: 22 октября Т.Ф.38.1 убыло на острова Улити.

Сообщения с подводных лодок Хэлси считал «приблизительными». Во всяком случае, он не стал отменять свой предыдущий приказ и возвращать в строй пять авианосцев Мак-Кейна. Командующий 3-м флотом ограничился тем, что построил в боевой веер оставшиеся оперативные группы: к утру следующего дня 38-е соединение развернулось вдоль Филиппинского желоба, фактически касаясь левым флангом острова Самар.

Крайняя справа, ТГ.38.3 располагалась в середине отрезка, соединяющего северную точку Лусона — мыс Энганьо и город Легаспи на юго-востоке острова. Ночью это американское соединение было обнаружено резко активизировавшейся японской авиацией.

ТГ.38.2 находилась в 125 милях к юго-востоку, у выхода из пролива Сан-Бернардино, наконец, последняя, 4-я группа контролировала пролив Суригао. Даже знай Хэлси план Одзавы, он не смог бы расставить свои авианосцы более удачно.

С 6 часов утра²⁵⁷ Митшер поднял в воздух разведчики — секторный поиск от залива Лингаен, севернее Манилы, до острова Негрос к западу от пролива Суригао.

— Представляешь, Лид, они зажрались, просто стали творить глупости от сытости; упакованные войсками, приборами и самолетами по самое а-я-яй, они уже были «усе в броне», готовые пройти насквозь эти гадские Филиппины и выйти, как тридцать три богатыря, прямо в Токийский залив, — радостно сообщил *Второй*. — Они тыкали в круг произвольно: «Ищи здесь! — перстом указующим, — или здесь!» — еще на полкруга в сторону. Потом вежливо так напишут в литературе:

...Небольшая ошибка американского командования, которое, имея в своем распоряжении несколько сотен самолетов, не считая вспомогательной гидроавиации, ограничилось наблюдением за сорокаградусным участком большого круга²⁵⁸.

В 7:46 самолет с «Интрепида» сообщил о радиолокационном контакте к югу от острова Миндоро. В 8:20 Хэлси получил «место» и состав Центрального соединения (пилот довольно точно перечислил японские корабли, но почему-то забыл «Нагато»),

Примерно в это же время другая поисковая группа обнаружила корабли транспортного соединения, следующие «россыпью», а самолеты «Энтерпрайза» атаковали «Фусо» и «Ямаширо». Пилоты доносили о новой тактике японцев, об «удивительно точном» зенитном огне артиллерии главного калибра, о попадании семи ракет и шести бомб в неприятельские линейные корабли. В действительности, в этом налете только «Фусо» получил незначительные повреждения.

Начала вырисовываться картина грандиозной операции, и Хэлси очень пожалел о своей вчерашней беспечности. Вдогонку ТГ.38.1, ушедшей уже на 600 миль, понеслась радиограмма с требованием срочно лечь на обратный курс, принять топливо на 130-м градусе восточной долготы и следовать на соединение с главными силами. В 9:10 с «Интрепида» и «Кэбота» были подняты ударные самолеты. Сражение в море Сибуяи началось.

4

Японцы «успели» раньше. Оказалось, что немалая часть авиации Фукудоме ускользнула от бомбардировщиков Митшера и затаились на мелких аэродромах в ожидании дня «Д». В 8:31 радиолокаторы «Лексингтона» обнаружили группу из 40 самолетов,

---

²⁵⁷Здесь и далее — местное время.

²⁵⁸Шесть перекрывающихся секторов по 10 градусов, дальность до 300 миль. Дополнительную разведку осуществляла группа из 20 самолетов, высланная на штурмовку аэродромов Манилы.

приближающихся с запада. За этой волной следовала вторая до пеленгу 240. Третья, самая многочисленная волна была обнаружена только через несколько минут, когда целеуказания истребителям TG.38.3 уже были выданы.

В воздухе над оперативной группой адмирала Шермана было всего 20 истребителей.²⁵⁹ Митшер немедленно поднял 12 истребителей с «Лэнгли», столько же с «Принстона» и семь с «Эссекса»; в 8:31 в бой был брошен последний резерв — 11 истребителей с флагманского авианосца «Лексингтон». Противник был обнаружен слишком поздно, и остальные ордера находились слишком далеко. Американцы могли рассчитывать только на одно: их истребители были на 100 километров в час быстрее и втрое более живучи за счет глубокого протектирования баков, а японские пилоты не имели никакого боевого опыта.

Шерман, вспомнив битву в Коралловом море, укрыл авианосцы в подвернувшемся дождевом шквале. Тем не менее, вопрос о подъеме ударной авиации уже не вставал, и было ясно, что *противник тактически выиграл первую фазу боя в море Сибуян*.

Японская базовая авиация также применила новую тактику. Пока истребители уничтожали компактные и крупные группы самолетов, одиночные бомбардировщики, скользя над самой водой, пытались выйти на американский ордер. В 9,38 появившийся «ниоткуда»²⁶⁰ «джуди» нашел «Принстон» и спикировал на него сквозь низкие облака. Бомбардировщик был сбит на выходе из пикирования истребителем с «Лэнгли», но он успел сбросить 225-килограммовую бомбу, которая пробила полетную палубу к носу от второго элеватора и взорвалась на ангарной палубе.

Командир «Принстона» не отнесся к попаданию серьезно. Его основной заботой было поскорее заделать дыру в полетной палубе и возобновить выпуск и прием самолетов. Между тем вспыхнул бензин в подвесных баках шести подготовленных к рейду торпедоносцев. Казалось, американская техника выдержит и это испытание: обученные расчеты за считанные секунды разобрались в ситуации, остановили процедуру заправки, отключили трубопроводы от бензохранилища и заполнили их углекислотой. Но огонь уже решил судьбу авианосца. На ангарной палубе стало невозможно оставаться без противогаза, дым затягивало в машинные отделения, пламя вырвалось на полетную палубу. Пламя авианосец развернулся по ветру и покинул ордер.

В 10:02 в ангаре сдетонировали торпеды. Верхняя палуба между элеваторами была разорвана, а сам элеватор выброшен за борт. Людей побросало в воду, трех человек закинуло на радиомачту. Главная пожарная магистраль вышла из строя.²⁶¹

По окончании этого налета Хэлси сообщили, что среди японских самолетов были замечены палубные истребители.

5

Курита встретил атаку группы «Интрепида» в двух кольцевых ордерах. Истребителей у него не было, «звездный налет» американской авиации он отражал огнем артиллерии всех калибров, включая главный. Серьезных повреждений корабли Центрального соединения

---

259 Точнее, 12 истребителей воздушного патруля и восемь самолетов противолодочного наблюдения.

260 Официальная формула С.Моррисона.

261 Американцы продолжали попытки спасти «Принстон» до 15:23, когда новый взрыв оторвал корму авианосца. Осколками тяжело повредило крейсер «Бирмингем», команда которого принимала участие в тушении пожара. По сообщению командира крейсера Инглиса, 229 человек на «Бирмингеме» погибли сразу, 420 моряков получили тяжелые ранения. На «Принстоне» не осталось ни одного человека, который избежал бы смерти или ранения. В 16:45 авианосец был затоплен торпедами с легкого крейсера «Рено». Его потери в тот день составили 108 погибших и пропавших без вести, 190 раненых.

пока не имели, но «Мусаси» получил торпеду, а может быть — две или три.²⁶²

Вторая атака состоялась в 11:45, когда японская эскадра вышла в море Сибуйан. Курита нарушил радиомолчание и вызвал Манилу. *«Мы подвергаемся непрерывным ударам вражеской авиации. Сообщите, какие меры вы принимаете, чтобы остановить ее».* Фукудоме и Ониси не заслуживали этого упрека. На все утро они выключили из боя треть американской палубной авиации и большего сделать не могли.

Попадания сосредоточились на «Мусаси». После взрыва трех бомб и одной торпеды левое наружное машинное отделение суперлинкора вышло из строя.

В 12:15 на цель вышла авиагруппа с «Энтерпрайза» и «Франклина», четвертую атаку в 12:45 вновь провели самолеты «Интерпида». Для «Мусаси» она обошлась дороже трех предыдущих, взятых вместе: сразу три торпеды попали в лишенные ПТЗ отсеки в носу. Линкор снизил скорость до 16 узлов и вышел из ордера. После часа дня к уничтожению соединения Куриты подключились наконец и авианосцы TG.38.3. Этот налет, однако, оказался неудачным: американцы потеряли сбитыми пять самолетов, еще десять машин не нашли корабли противника и вернулись «домой». Остальные доложили о семи торпедных и 15 бомбовых попаданиях, хотя на самом деле не добились ни одного.

6

В два часа дня Хэлси был согласен с тем, что *противник выиграл первую фазу боя в море Сибуйан*. Японские корабли оставались в строю и продолжали движение к проливу Сан-Бернардино. Большая часть боекомплекта «Эссексов» и «Индепенденсов» была израсходована без каких-либо осязаемых результатов; один авианосец вышел из строя, и командующий флотом уже про себя «списал» его. При всем том оперативная обстановка оставалась неясной. Отметив «контакты» на оперативной схеме, адмирал заметил офицерам своего штаба:

«Если все это должно вылиться в генеральное сражение, которое собирается дать японский флот, то в общей картине недостает одного компонента — авианосцев».

7

Около часа Митшер, которого, видимо, одолевали дурные предчувствия, приказал выслать десяток разведчиков на север — в сектор от 350 до 40 градусов. Подъем самолетов, однако, задержала неожиданная атака противника, и на этот раз не было никаких сомнений: действовала палубная авиация. Налет (примерно восьмидесяти японских машин) был отражен, но время опять было потеряно.

Между тем от 14:30 до 16:30 вокруг залива Лейте произошли важные события.

Прежде всего, Курита, подвергаясь непрерывным атакам, счел, что настало время выполнить очередное звено плана. Около трех часов дня он открытым текстом (точнее, давно и надежно «расколотым» шифром) сообщил Тойоде, что обстановка в море Сибуйан складывается крайне неблагоприятно, что южнее, на выходе в море Сулу, противник атакует соединение Насимуры, что прикрытия нет и что в связи со всем этим он вынужден прервать операцию и отходить на запад. В 15:30 командующему 3-м флотом доложили, что японские корабли отвернули на запад. Командиры тактических групп немедленно подняли в воздух свою авиацию, чтобы не дать уйти отступающему врагу.

---

²⁶²Сведения о количестве торпедных попаданий расходятся, что объясняется характером агонии корабля. С одной стороны, японские моряки могли принять за контактные взрывы торпед гидравлические удары от детонации тяжелых бомб. С другой стороны, в каких-то случаях противоторпедная переборка могла полностью выполнить свою задачу и предотвратить затопление — при этом на фоне грохота орудий и многочисленных взрывов торпедное попадание не фиксировалось.

Затем в 16:40. пришли первые донесения от разведчиков с севера. Речь шла об обнаружении четырех линейных кораблей, причем один из них был с полетной палубой. Через десять минут другой пилот сообщил, что в разрывах облачности он видит один... нет, два тяжелых авианосца класса «Дзуйкаку» и еще легкий авианосец. Проанализировав сообщения летчиков, Митшер доложил Хэлси, что по пеленгу 20, всего в 190 милях от северного фланга 38-го соединения, находится флот противника, состоящий из двух групп, первая из которых имеет в своем составе до четырех линейных кораблей или тяжелых крейсеров, а вторая состоит из трех авианосцев и кораблей прикрытия. На основании этого доклада Хэлси должен был оценивать силы Северного соединения одновременно в 17 и 24 корабля.

8

Солнце уже зашло, когда Хэлси получил данные о результатах атак Центрального соединения, предпринятых во второй половине дня. Ударов было три, и летчики утверждали, что они добились 16 бомбовых и 11 торпедных попаданий в линкоры врага: один ЛК типа «Ямато» был оставлен ими без хода и с дифферентом на нос, другой также «получил значительные повреждения». Летчики претендовали на вывод из строя одного или двух линейных крейсеров типа «Конго» (которые «описывают циркуляции, по-видимому, потеряв управление, горят и имеют крен»). Легкий крейсер был объявлен опрокинувшимся, утверждалось, что и все тяжелые крейсера «получили попадания торпед и бомб».

Понятно, что большая часть этих донесений относилась к категории «охотничьих рассказов», и опытный Митшер легко бы выяснил это, опросив пилотов. Но Хэлси не участвовал в авианосных операциях ровно два года и в значительной мере утратил «верхнее чутье». Между тем флаг командующего 38-м соединением был поднят на «Лексингтоне», входящем в состав 3-й группы, действующей на севере. Вечерние же удары осуществляли в основном самолеты 2-й и 4-й групп. Прохождение радиоволн было плохим, и Хэлси, штаб которого был развернут на линкоре «Нью-Джерси», действующем совместно с TG.38.2, договорился с Митшером, что на этот раз он сам поговорит с летчиками.

В результате в официальном отчете Нимицу и Мак-Артуру (копии Кингу и Кинкейду) Хэлси сообщил, что корабли Центрального соединения противника больше не могут рассматриваться как представляющие серьезную угрозу.

9

Последний удар по «Мусаси» нанесли самолеты с «Франклина» и «Энтерпрайза». Для пилотов 4-й оперативной группы это была первая атака за день.²⁶³ Все попадания пришлось по «Мусаси», вышедшему из ордера ПВО и практически потерявшему ход. Корабль получил десять прямых попаданий авиабомб, разрушивших небронированную надстройку, и восемь или десять торпед. Прочность ПТЗ была уже исчерпана, теперь любое повреждение вызывало сильное и обширное затопление.

Корабль еще оставался на плаву, нарастание крена удалось приостановить, но прогрессирующее поступление воды в носовую часть вышло из-под контроля. В 19:00 корабль осел носом по первую башню, скорость упала до 6 узлов. Снова увеличился крен, все машинные отделения вышли из строя. В 19:35 линейный корабль «Мусаси» скрылся под водой, унося с собой 991 человека; 1288 моряков были приняты на борт эсминцев охранения.

Это была единственная потеря японцев в бою в море Сибуйн.²⁶⁴

---

²⁶³Рано утром эта группа участвовала в налете на соединение Гасимур, но в том бою участвовали другие эскадрильи.

²⁶⁴Остальные корабли получили незначительные повреждения. На долю «Ямато» пришлось две или четыре бомбы, боеспособность не пострадала. Три бомбы (одна не

Приманка: мыс Энганьо

1

После войны адмирал Одзава скажет; «Отвлекать, быть приманкой — вот какова была моя задача. Будучи слишком слабым, чтобы оказать сколько-нибудь существенную поддержку флоту Куриты, я пытался нанести удар по возможно большему числу американских авианосцев с тем, чтобы стать целью ответного удара».

В действительности никакого удара по американским тактическим группам командующий Мобильным флотом первоначально наносить не собирался. Одзава предполагал, что американцы, располагая налаженной разведкой и огромным числом самолетов, обнаружат его соединение еще 23-го числа. С целью форсировать ситуацию и «на всякий случай» днем этого дня «Дзуйкаку» вышел в эфир. При количестве постов пеленгования, которое союзники имели на островах Тихого океана, это было все равно, что объявить о «месте» авианосца по Токийскому радио.

С утра 24 октября Одзава действовал к северу от соединения Шермана (TG.38.3), временами приближаясь к неприятелю на сто миль. Еще до рассвета он узнал от базовых разведчиков координаты американских авианосцев. Но, в виде исключения, спешить было совершенно некуда, и командующий Мобильным флотом выслал свой воздушный патруль, чтобы проверить донесение.

Поскольку противник так и не объявился, пришлось поднять в воздух самолеты. Их оказалось восемьдесят; двадцать истребителей Одзава оставил себе, чтобы обозначить противовоздушную оборону соединения. Летчикам ударной группы он приказал после проведения атаки следовать на Лусон. «Нас должны потопить».

Самолеты ушли на юг и исчезли, связи с берегом не было, и выяснить результат налета Одзава не мог. Впрочем, на этот счет у него не было никаких иллюзий.

В 16:30 командующий Мобильным флотом узнал, что Курита отходит на запад. Это соответствовало плану, но лишь при условии, что уже начался «бег на север» — преследование американскими авианосцами отступающих кораблей Северного соединения, Одзава был мрачен. Каким-то непостижимым образом Хэлси разгадал его план и предотвратил комбинацию «простыми и неблестящими средствами». Американцы просто не обратили внимания на «пустые» авианосцы, найдя себе более важную цель. Адмирал не мог представить себе, что его соединение до сих пор не обнаружено.

Около пяти часов вечера «Дзуйкаку» атаковал одиночный разведчик, его отогнали. Отчаявшись добиться хоть какой-то явной реакции от противника, Одзава выполнил финт с трехчасовым отходом на север. По-прежнему Северное и Центральное соединения действовали согласованно. Синхронизацию осуществлял Тойода, который в 19:30 передал командующим соединениями: *«С верой в божественное провидение, атаковать всеми силами»*.

2

После захода солнца антенны «Нью-Джерси» перехватили сообщение от Кинкейда,

---

взорвалась) достались линкору «Нагато», у которого вышла из строя одна из башен ГК и пострадали системы связи. Авиационная торпеда попала в крейсер «Миоко», по одной бомбе получили эсминцы «Кийосимо» и «Фуджинами», причем последний на следующий день затонул. Сосредоточение почти всех атак на единственном корабле все аналитики: и японские, и американские, и нейтральные — объясняют случайностью. Именно эта случайность привела к гибели «Мусаси» и дала Хэлси возможность записать бой в море Сибуйан в свой актив.

тот сообщал Мак-Артуру, что «принимает меры для отражения Южного соединения противника». «Одной головной болью меньше», — пожал плечами Хэлси.

Чуть позднее он получил донесение ночного разведчика с «Индепенденса»: Центральное соединение противника находится там же, где и несколько часов назад, и почти не имеет хода.

Командующий 3-м флотом уже не сомневался в разгроме сил Куриты, его беспокоила только Северная группировка неприятеля, где, судя по сообщениям разведчиков, были и линкоры, и авианосцы. В течение дня боевые порядки этой группы не подвергались ударам, следовательно, в отличие от кораблей, отступающих морем Сибуйн, она сохраняла атакующий потенциал и представляла собой «новую и мощную угрозу».

К этому времени строгая и четкая структура 38-го соединения нарушилась из-за не предусмотренного никакими планами творческого порыва двух выдающихся американских адмиралов.

В три часа пополудни, озабоченный угрозой прохода тяжелых кораблей противника проливом Сан-Бернардино, Хэлси, подумав, выделил из состава флота Митшера 34-е оперативное соединение, включающее линкоры «Вашингтон», «Айова», «Нью-Джерси», «Алабама» в сопровождении двух тяжелых, трех легких крейсеров и нескольких эсминцев. Командование новым «Task Forces» адмирал оставил за собой.

А ближе к вечеру, в 17:15, Митшер, обнаружив корабли Одзавы, сделал то же самое: выделил из состава группы Шермана линкоры «Саут-Дакота» и «Массачусеттс», два легких крейсера и дивизион эсминцев «для развертывания на север и проведения артиллерийского боя». Если не в физическом, то в организационном пространстве началось раздергивание 3-го флота, который тянулся одновременно к нескольким целям. Обстановка определенно обретала черты кризиса.

После войны Хэлси так прокомментирует принятое им решение:

«Существовало три варианта возможных действий:

а) разделить силы, оставив 34-е оперативное соединение блокировать пролив Сан-Бернардино, пока авианосцы с легкими кораблями охранения атакуют северное соединение;
б) держать все наши наличные силы в кулаке, сосредоточив их у пролива Сан-Бернардино;

в) нанести удар по северному соединению всеми нашими сосредоточенными ударными силами, оставив пролив Сан-Бернардино неохраняемым, <...>

Вариант "а" был отвергнут: потенциальная боевая мощь северного соединения слишком велика, чтобы оставить его нетронутым, а ставить задачу 34-му оперативному соединению вступить в бой с центральным соединением и в то же время подвергнуться атакам авиации берегового базирования и, возможно, авианосной авиации представлялось неправильным. Этот вариант привел бы к разделению наших сил и неоправданным потерям.

Вариант "б" был отвергнут, так как позволял северному соединению без помех действовать по своему плану, а также потому, что уничтожение авианосных сил Японии имело большое значение для будущих операций.

Вариант "в" был принят; он предусматривал сохранение единства ударных сил американского флота и обеспечивал наилучшие возможности внезапным ударом уничтожить авианосные силы противника. Он был логичен и необходим...»

3

Новый план был введен в действие после 20:20. Всем трем авианосным группам было приказано следовать в точку встречи, организовать тактическую «коробочку» и после этого начать продвижение на север. Против 19 кораблей и 20 самолетов Одзавы сосредотачивалось более ста кораблей и около тысячи самолетов. Вся эта армада (TG.38.1 также привлекалась к операции: ей предписывалось вернуться на 129 градус восточной

долготы и с утра начать разведку северных секторов) полным ходом следовала на северо-северо-восток, не оставив для наблюдения за проливом Сан-Бернардино даже дежурного эсминца.²⁶⁵

На этом *Второй* закончил вторую «ходку» в залив Лейте. Некая синхроничность его состояния с течением сражения подталкивала к мистическим выводам «о вреде всего сущего», особенно же описания морских битв. *Первый*, награжденный за труды в сфере академических наук, прохлаждался на Тайване, который Хэлси услужливо велел к его приезду «взять» 55 лет назад. Он, наверное, присылает по интернету виды первозданной красоты Рая, и, чего доброго, не поедет теперь, пижон, на полуостров Крым... Интернет кончился — вместе с деньгами, временем и силами. И немного грело только то, что Одзава остался жив, и умер уже где-то после, и на Нюрнбергском процессе выступал свидетелем, и ни сказал там ни слова правды, но был отпущен трибуналом, и выбрал тихий домик на берегу реки для предания себя себе.

Второй заметил, что даже почти перестал кашлять и только дурная лихорадка вызывала потливость ночью и зябкость днем. В зеркале он был похож на наркомана. Глаза блестели и провалились внутрь.

— Я отъежусь, — клялся он Лидочке, — и никогда больше не буду писать романов, поеду к доктору Пиллюлькину и смиренно выслушаю его похоронную речь.

Лидочка вздрагивала от его шуток, но радовалась прекрасно и безыскусно, уверовав, что в этой новой жизни для нее будет определена совершенно замечательная роль. «Почему бы и нет, — думал *Второй*. — Нужно только познакомить ее с Софьей Андреевной, она научит ее некстати говорить «нет», держать десертную вилочку и носить тяжелые кольца».

4

Около полуночи Хэлси сообщил Кинкейду, что Центральное соединение противника потрепано и что Митшер с тремя авианосными группами следует на север. Командующий 3-м флотом имел в виду, что он задействовал на севере все наличные силы. Но Хэлси упустил из виду, что сутки назад он не «доложил» ни Кинкейду, ни Мак-Артуру, что TG.38.1 отправлена на Улити. Разумеется, Нимиц также не счел нужным информировать по этому поводу командующего юго-западным сектором. Параллельное командование на Филиппинах начало приносить плоды.

В ночь на 25 октября Кинкейд был уверен, что 4-я оперативная группа Митшера или T.F.34 прикрывают пролив Сан-Бернардино.

5

Неприятности начались очень быстро. Буквально через десять минут после того, как адмирал отдал исполнительные приказы, ночной разведчик (все тот же) вдруг сообщил, что корабли противника переместились к острову Масбате. Измерив циркулем расстояние, Хэлси определил скорость Центрального соединения в 24 узла, причем вектор был направлен к востоку! Командующий 3-м флотом не принял сообщение всерьез, хотя и информировал Кинкейда о том, что часть кораблей Куриты «по-видимому, несколько сместилась в восточном направлении».

38-е соединение спешило на север 25-узловым ходом. Разведчик с «Индепенденса» был отозван, так как «его» авианосец ушел уже слишком далеко. Все же пилот счел необходимым сообщить, что в последний раз он видел противника всего в 40 милях от пролива Сан-Бернардино и неприятельские корабли продолжали идти на северо-восток. Вследствие плохих условий приема на «Нью-Джерси» прочли «юго-восток», в чем, однако,

---

265Выражение С. Моррисона.

не оказалось принципиальной разницы. В любом случае Хэлси считал, что менять план на основании «столь ненадежной информации» не имеет смысла; Кинкейду последнее сообщение авиаразведки передавать не стали.

6

Ночью до Одзавы дошел слух, что в группе Шермана повреждены два авианосца. Поскольку никаких реальных задач у отвлекающего соединения не было, командующий сымпровизировал линейное соединение контр-адмирала Мацуды («Исе», «Хьюга», четыре эсминца) и приказал атаковать противника. «Впрочем, это могут быть и зарницы», — добавил Одзава задумчиво.

Ранним утром 25 октября он вновь собрал свое соединение воедино, повернул к северу и увеличил скорость. Речь шла не о бегстве — следовало выигрывать время и завлекать противника как можно дальше на север... если, конечно, он соизволит обратить внимание на «приманку».

Ночью Хэлси предложил все-таки организовать 34-е оперативное соединение быстроходных линкоров (до сих пор оно существовало только на бумаге) и бросить его вперед. Авиация атаковала бы противника «сквозь» фронт линкоров, которые, выдвинувшись, получили бы возможность добить поврежденные корабли врага.

После часа ночи Митшер выслал ночные разведчики для секторного поиска по пеленгам 0-90. В 2:08 поисковый самолет с «Энтерпрайза» обнаружил «Исе» и «Хьюга», которые находились всего в 80 милях к северу от TG.38.3 и неторопливо шли на восток. В 2.53 Митшер приступил к эволюциям, призванным перестроить быстроходные линкоры в отдельный ордер.

Для охоты на линкоры-авианосцы американское командование выделило шесть новейших линкоров, любой из которых был сильнее обоих японских кораблей. Флот Митшера сместился на запад, чтобы дать развернуться линейным силам, столкновение и артиллерийский бой ожидалось в 4 часа утра.²⁶⁶

Здесь, однако, американцы потеряли противника и не смогли восстановить контакт в течение всей ночи.²⁶⁷ В 3 часа ночи Хэлси объявил (для Кинкейда, Кинга и Нимица), что его оперативные группы действуют совместно и имеют задачу перехватить и уничтожить Северное соединение врага. В 4:10 Кинкейд, которого мучили дурные сны, запросил подтверждение: охраняет ли 34-е соединение или какие-либо другие силы выход из пролива Сан-Бернардино. Хэлси не сказал определенное «нет». Через два с половиной часа он пояснил, что его «быстроходные линейные корабли и авианосцы вступают в бой с японским флотом в районе мыса Энганьо».

Впрочем, с утра контактов с противником не было, и пришлось организовать новый разведывательный поиск, традиционно — секторный. Потребовался час, чтобы убедиться в отсутствии японских кораблей, по крайней мере, в радиусе 250 миль от «Нью-Джерси».

Этот очередной кризис разрешили два офицера тактического звена, которые со скандалом потребовали расширить сектор поиска на северо-восточные углы. В 7:35 один из «их» самолетов наконец сообщил, что всего в 140 милях по пеленгу 15 градусов находится Мобильный флот Одзавы, который движется на юг,

Митшер перенацелил ударную группу, уже давно находящуюся в воздухе: 60 истребителей, 65 бомбардировщиков и 65 торпедоносцев. С удивлением Хэлси слушал донесения пилотов: полетные палубы японских кораблей были пусты, и в воздухе над

---

²⁶⁶24 октября на 15 параллели солнце восходит в 5:50, заходит в 17:30. У С.Моррисона указано ошибочное время восхода — 6:30.

²⁶⁷Официальное изложение этих событий выглядит следующим образом: на одном самолете вышел из строя мотор, на следующем - радар, третий принял за японские корабли собственные линкоры, четвертый - заблудился и донес об обнаружении эсминцев противника в двухстах милях к северу и т.д.

соединением находился жиденький воздушный патруль из двадцати «зеро», которые только обозначили сопротивление (сбив один «авенджер») и ушли в сторону Лусона. Командующий запросил воздушную обстановку у операторов РЛС и на всякий случай увеличил плотность истребительного прикрытия 38-го соединения, но японская авиация так и не появилась.

Удар американской авиации пришелся по авианосцу «Читосе», который получил восемь или десять бомб. Американские пилоты заявили, что авианосец немедленно взорвался и затонул. На самом деле «Читосе» затонул через час — после того, как легкий крейсер «Исудзу» снял с него команду и добил поврежденный корабль торпедами.

В этой атаке серьезные повреждения получил также «Чийода»; на «Дзуйкаку» вышли из строя средства связи, отсеки левого борта начали заполняться водой.

7

Около 8 часов утра приободрившийся Хэлси сообщил Маккейну, командиру TG.38.1, координаты японских кораблей. Авианосная группа Маккейна наконец вошла в пространство сражения: она принимала топливо в 260 милях к юго-востоку от «Нью-Джерси» и одновременно производила секторную разведку в общем направлении на север.

Оперативная обстановка представлялась вполне ясной и сулила полный и скорый разгром неприятеля. Хэлси велел вице-адмиралу Ли, возглавившему линейные силы, двадцатиузловым ходом идти на сближение с противником. На авианосцах завершали подготовку очередных ударных волн.

В 8:25 адмиралу Хэлси вручили радиограмму, которая была передана открытым текстом и содержала пометку «вне всякой очереди».

Отвлечение: пролив Суригао

1

Итак, 24—25 октября Северное соединение Одзавы выполнило свою задачу: оно завлекло американские мобильные силы далеко на север — к мысу Энганьо. Но, имея вчетверо больше кораблей и людей, союзники могли строить операцию со стопроцентным запасом прочности. Утром 24 октября район Лейте был прикрыт не только линкорами и авианосцами 3-го флота Хэлси, но и многочисленными кораблями 7-го флота Кинкейда.

В источниках много говорится о «координации действий», о договоренности между Куритой и Нисимурой встретиться в заливе Лейте «около 9 утра 25 октября», о «потере внезапности», якобы имевшей место вследствие своевременного обнаружения соединения «С» подводными лодками. Заметим, однако, что древние дредноуты «Фусо» и «Ямаширо»²⁶⁸ пересекали море Сулу днем и шли наиболее очевидным маршрутом. Их движение носило «явно угрожающий характер» и было направлено непосредственно к району высадки американских войск вблизи Таклобана. Разумеется, Насимура не рассчитывал ни на какую внезапность. При наилучшем для него «раскладе» он мог сначала привлечь к проливу Суригао значительные силы 7-го флота, а затем, принимая бой на отходе, увлечь американские корабли за собой к побережью Минданао. В этом случае крейсерское соединение Симы имело какие-то шансы найти пролив открытым и прошмыгнуть в залив Лейте мимо американских кораблей. Тихоходные линкоры были не способны на такой подвиг даже при самых благоприятных обстоятельствах.

Кинкейд, которому за всю войну ни разу не удалось насладиться победой, решил не упустить ни одного шанса. Уже в 12 часов 15 минут 24 октября он объявил боевую тревогу и

---

²⁶⁸ Во Второй Мировой войне участвовали только три существенно более старых корабля: германские броненосцы «Шлезия» и «Шлезвиг-Гольштейн» и русский революционный крейсер «Аврора».

велел подчиненным ему кораблям «подготовиться к ночному бою с японскими оперативными соединениями». Группе бомбардировки и непосредственной поддержки контр-адмирала Олендорфа, которой боевое расписание отводило место непосредственно в заливе Лейте, было приказано всеми своими линкорами, крейсерами и эсминцами запереть северный выход из пролива Суригао. На всякий случай Олендорф взял с собой даже торпедные катера.

Американский адмирал построил свои силы в три линии: первую образовывала «москитная завеса», вторую составляли эминцы, в глубине узкого и длинного прохода скрывались крейсера и линкоры. Новые локаторы, включающие систему опознавания «свой — чужой», позволяли легко ориентироваться в мешанине островов и кораблей.

Боя не было, было методичное уничтожение японских кораблей — сначала торпедами, потом тяжелой артиллерией, управляемой по радару. Из кораблей Южного соединения ушел только эсминiec «Сигуре», счастливый корабль, ветеран «токийского экспресса» Шортленд — Гуадалканал²⁶⁹. Утром его командир открытым текстом сообщил о судьбе соединения.

Нисимура не выполнил первоначальный план, предусматривающий поворот на обратный курс после входа в узкость²⁷⁰. По-видимому, присутствуя при планомерном и последовательном уничтожении своих кораблей, лишенных даже возможности ответить огнем на огонь, адмирал сошел с ума. В последние минуты своей жизни он требовал от разломившегося пополам линкора «Фусо» «полным ходом преследовать отступающего врага».

2

Соединение вице-адмирала Симы вошло в пролив около трех часов ночи. В 3:25 японские корабли были атакованы торпедными катерами «москитной завесы». Легкий крейсер «Абукума» получил тяжелое попадание и сразу вышел из боя, остальные крейсера прорвали первую линию и углубились в шхерный лабиринт. Около 4 часов утра справа по курсу были обнаружены два горящих остова. Сима принял их за поврежденные линкоры Насиморы, но в действительности это были половинки «Фусо», которые никак не хотели тонуть.²⁷¹ Несколькими минутами позже радар «Нати» зафиксировал две крупные цели в 12 000 метрах по пеленгу 25. Бросив взгляд назад и удостоверившись, что своих тяжелых кораблей в проливе Суригао больше нет, Сима приказал выпустить торпеды.

Уже после войны выяснилось, что японские радары приняли за крупные корабли на дистанции 12 км группу мелких островов, расположенных вдвое дальше. Все источники с удовольствием цитируют С.Моррисона: «*Острова поврежденных не получили*».

Выполнив эту атаку, Сима решил, что он рисковал достаточно. В 4:30 соединение «В» получило распоряжение отойти. Почему-то историки относятся к этому приказу с иронией, отмечая, что торпедирование островов Хайбьюсон было единственным вкладом

---

²⁶⁹«Сигуре» прославился как единственный японский корабль, уцелевший после боя в заливе Белья 6 августа 1943 года. Кроме того, он оказался единственным эсминцем своего класса («Сирацуо», 10 единиц), который пережил 1944 год. «Сигуре» был потоплен 24 января 1945 года в Малаккском проливе торпедой ПЛ «Блэкфин».

²⁷⁰Существование именно такого плана доказывается разделением Южного соединения на группы «В» и «С», втягивающиеся в пролив с интервалом в два часа. В отличие от медлительных дредноутов авангарда крейсера Симы должны были двигаться на 28-узловой скорости и держаться левее оси фарватера. Это разделение совсем небольших сил имело смысл только при наличии элемента подобной хитрости, наивной при наличии у противника радаров управления артиллерийской стрельбой.

²⁷¹Маленькая загадка этого мрачного боя: по донесениям «Сигурэ» и отчетам американцев, носовая часть линкора затонула в 2:40, кормовая около 3:30. Но с «Нати» их видели на плаву в 4:10.

арьергардного соединения в битву в заливе Лейте. В действительности Сима вовремя разобрался в обстановке и понял, что необходимо взять на себя операцию отвлечения 7-го флота. Олендорф, разумеется, немедленно организовал погоню.

Японские корабли вновь прошли сквозь строй торпедных катеров. На сей раз данное приключение обошлось без последствий, а вот встреча с остатками флота Насимуры обернулась столкновением. Вновь отличился крейсер «Могами», уже имевший подобный «инцидент» во время сражения у атолла Мидуэй. Тогда пострадал «Микума», добитый на следующее утро американской авиацией. Теперь наступил черед головного корабля серии. В ночном бою он получил шесть или семь 203-мм снарядов, разрушивших носовой мостик, надстройку, платформу управления зенитным огнем. Отказали телемоторы. Пожар, усилившийся после столкновения, вышел из-под контроля и привел к эвакуации людей из трех машинных отделений. Корабль едва двигался на юг, когда его вновь настигли «Луисвилл», «Портленд» и «Денвер». Получив еще 10 снарядов «крейсерского» калибра, «Могами» как-то отбился.

В 5:20 полуразрушенный корабль вступил в зону ответственности торпедных катеров, но, отгоняя их, прорвался к выходу из пролива, В 8:20 остановился последний турбозубчатый агрегат. Взошло солнце, появились американские самолеты. Понимая, что у дрейфующего корабля нет и тени надежды, старший артиллерийский офицер, принявший управление «Могами» после гибели командира, приказал эсминцу «Акебоно» принять на борт команду. В 12:40 крейсер был затоплен японцами.²⁷²

Pointe комбинации: остров Самар

В ночь на 25 октября Курита проследовал проливом Сан-Бернардино. Среди мелей и узостей этого сложнейшего в гидрографическом отношении района он шел на средней скорости свыше 20 узлов. В 22:24 с «Ямато» передан приказ: *«Первому отвлекающему ударному соединению следовать на юг вдоль восточного побережья острова Самар и прорваться к Таклобану. Всему составу соединения крайне необходимо использовать в бою все наличные силы для достижения поставленных целей»*. При выходе в океан объявлена боевая тревога: Курита не смел и надеяться, что оперативный центр позиции не охраняется. Шли минуты, противник не появлялся. Около полуночи Курита лег на генеральный курс, ведущий к заливу Лейте.

С утра Кинкейд приказал группе эскортных авианосцев принять участие в разгроме противника в море Сулу и проливе Суригао. Это распоряжение было выполнено буквально: направление запад-юго-запад оттянуло на себя все внимание американцев; на разведку пролива Сан-Бернардино они выделили только один самолет, который к тому же на полтора часа опоздал с вылетом.

В тот день «эскортники» были больше обычного загружены боевой работой: «праздничные» вылеты против неприятельских кораблей не отменяли рутинной деятельности по корректировке артиллерийского огня, штурмовке японских окопов на острове Лейте, отражению атак одиночных базовых самолетов Фукудоме.

Первое тревожное сообщение поступило в 6:37 — служба радиоперехвата засекла японские переговоры.

— По какому пленгу? — спросил Т.Спрэгью, командир 77-й тактической группы, насчитывающей 16 эскортных авианосцев.

— Не знаю, — ответил радист. — Где-то очень близко. Пеленг не берется.

---

²⁷²В последующие дни американцы развернули охоту за остатками соединения Симы. Двадцать седьмого октября базовая авиация добила «Абакуму». Пятого ноября в Манильской бухте авиация «Лексингтона» развлекалась стрельбой по «непотопляемому» «Нати». Крейсер получил девять торпед, 20 бомб и 16 ракет — этого хватило бы и супердредноуту класса «Ямато», — разломился на части после детонации погребов и затонул недалеко от Коррехидора.

В 6:45 сигнальщики информировали командира о разрывах зенитных снарядов в направлении на север-северо-восток. Почти в тот же момент операторы РЛС доложили о неопознанном «контакте» с крупной целью или группой целей. А в 6:47 только что взлетевший пилот сообщил, что в 20 милях к северу от авианосного ордера он видит линейные корабли, тяжелые крейсера и эсминцы — «вероятно, противника». Донесение запоздало — пагодообразные мачты японских кораблей были уже видны невооруженным глазом. Второй раз за войну линейные корабли поймали в прицелы авианосцы противника²⁷³. В 6 часов 58 минут японские артиллеристы начали пристрелку.

Спрэгу приказал ставить дымзавесу — других средств борьбы с линкорами эскортные авианосцы, очевидно, не имели — и запросил Кинкейда о срочной помощи. Командующий 7-м флотом получил это донесение через полчаса после того, как ему принесли расшифрованную депешу Хэлси, в которой тот сообщал, что с пролива Сан-Бернардино наблюдение снято.

Софья Андреевна позвонила и даже побеседовала с Лидочкой. Их беседу *Второй* слушал из комнаты с улыбкой. Лидочка на все отвечала двумя словами: «Да» и «Конечно». Она чередовала их, а когда положила трубку, сказала:

— Звонила твоя мама, она беспокоится, ты ей не ответил по интернету. Она у тебя очень строгая, да?

— Да, — ответил он. — Она умерла, когда мне исполнилось 23 года.

Он сильно закашлялся. Лидочка усадила его на диван и принесла с кухни какой-то заваренный корень, горький, как полынь.

— Сделай мне чаю, Лид, — вздохнул он, — и потом садись, будем превращать тебя в литературного агента. Запишешь все, а потом ответишь. Наизусть. Поняла? Как скворец.

«Сейчас бы взять ее на руки и прижать к себе, что ли, во вляпалась девица...» Мысли обрели какую-то плавность, соразмерную размытым очертаниям перед глазами. Чай пах летом, полынь — Крымом. Лидочка не пахла ничем.

Он показал ей текст, план, читалку редактору и пакет с рисунками. И заставил выучить адрес издательства и телефон Софьи Андреевны.

Потом он встал и написал письмо *Первому*.

— Он придет, придет обязательно, высокий такой, похожий на японца, расскажешь ему...

Лидочка заплакала.

— Дурочка, это ж я на случай, если меня доктор Пилулькин заберет и выпускать не будет, или я не буду что-нибудь там. Принеси мне еще один свитер, подружка, нужно добить этот проклятый Объединенный флот.

Развязка: мыс Энганьо

1

В первой радиограмме Кинкейда говорилось, что японские тяжелые корабли обстреливают группу эскортных авианосцев к северо-востоку от залива Лейте. В 8:33 командующий 7-м флотом, уже не заботясь о сохранении лица, прямо сообщил, что быстроходные линкоры Т.Ф.34 «очень и срочно необходимы у острова Самар».

Хэлси понял, что, по мнению командования юго-западного сектора, 34-е соединение все еще находится в секторе Сан-Бернардино и может быть немедленно брошено в бой. В действительности линкоры адмирала Ли действовали в тот момент в 350 милях к северу от Самара и продолжали идти на северо-восток.

---

²⁷³Восьмого июня 1940 года немецкими линейными крейсерами «Шарнхорст» и «Гнейзенау» был потоплен британский авианосец «Глориес».

В 8:35 начали поступать «молнии» с самолетов, атаковавших соединение Одзавы. Пилоты докладывали о попаданиях, о поврежденных и потерявших ход кораблях, которые должны стать тренировочными мишенями для новых линейных кораблей, еще не имеющих опыта артиллерийского боя.

Хэлси, недолюбливающий Кинкейда со времен битвы у островов Санта-Круз и разделяющий отношение Нимица как к самому Мак-Артуру, так и к сотворенной последним Филиппинской операции, придерживался в тот момент политики: «пускай теперь сами и выкручиваются». Он лишь приказал Ли увеличить скорость до 25 узлов.

Ближе к девяти утра на связь вышла 1-я тактическая группа. Мак-Кейн сообщил, что продолжает прием топлива, Северное соединение противника обнаружил, через час будет готов нанести по нему удар всеми силами. Подумав, командующий 3-м флотом велел ему прекратить дозаправку и полным ходом, то есть развивая 30 узлов, следовать на юг, чтобы «в кратчайший срок нанести удар по силам японского Центрального соединения у острова Самар».

Мак-Кейну нужен был час или два, чтобы расстыковаться с танкерами и подойти к заливу Лейте на радиус полета самолетов. Еще два с половиной часа требовалось «авенджерам». Иными словами, палубная авиация Т.Ф.38 могла вмешаться в развитие событий не раньше середины дня. События у острова Самар развивались гораздо быстрее.

В 9.00 поступила третья депеша от Кинкейда, в 9:05 — четвертая. Командующий 7-м флотом умолял о помощи. Он наконец сообщил численность сил противника. Не веря своим глазам, Хэлси вглядывался в строки: четыре линкора, восемь крейсеров, не считая других кораблей. Флот Куриты, уничтоженный вчера шестью мощными атаками с воздуха, воскрес. Если ориентировка Кинкейда была правильной, Центральное соединение потеряло только один линкор.

Штаб Хэлси почти единогласно назвал все это *«выдумкой перепуганных людей»*.

— Ну и что же их так напугало? — рявкнул командующий. Было уже не до сведения старых счетов: сейчас и перед ним, и перед Кинкейдом маячила сенатская следственная комиссия и позорная отставка. Конечно, залив Лейте входил в зону ответственности 7-го флота, но против японских кораблей в море Сибуйан действовали авианосцы Хэлси. И Хэлси официально сообщил, что Центральное соединение разгромлено и отходит.

Командующий 3-м флотом ответил немедленно. Он назвал свои координаты, извинительно сообщил, что ведет бой, и повторил, что на помощь 7-му флоту спешно направлены пять авианосцев и четыре тяжелых крейсера. В 10 утра Хэлси вызвал Нимица, который вежливо поинтересовался, где же быстроходные линкоры 34-го соединения. Минуту спустя была получена новая радиограмма Кинкейда.

Хэлси, однако, настаивал на своем: сделано достаточно, бессмысленно дальше «дергать» тактические группы через половину Филиппинского архипелага. В 10:06 командующий вызвал по радиотелефону самолеты второй волны Митшера и приказал пилотам «атаковать только боеспособные корабли». В 11:08, когда «авенджеры» и «хеллдайверы» отбомбились, добившись новых попаданий в «Дзуйкаку», поврежденные японские корабли находились всего в 45 милях от фронта американских линкоров.

В 11:20 Кинкейд сообщил «всем-всем-всем»: «противник угрожает транспортам, поддержка десанта с воздуха полностью сорвана, эскортные авианосцы отходят в глубь залива, артиллерийские корабли 7-го флота не могут вступить в бой из-за нехватки боеприпасов и напряженного положения с топливом; в районе Лейте — Самар сложилось крайне тяжелое положение».

Хэлси не стал дожидаться формального выговора у Нимица. В 11:30 он приказал Т.Ф.34 в сопровождении ТГ.38.2 контр-адмирала Богана возвращаться к проливу Сан-Бернардино²⁷⁴. Уничтожение остатков соединения Одзавы было возложено на тактические

274В полдень многострадальное 34-е соединение было расформировано.

Определилась нехватка горючего на всех кораблях охранения группы Богана. Ордера перестроили, скорость пришлось снизить до 16 узлов. В четыре часа дня, после дозаправки

группы Шермана и Дэвидсона.

2

Дальнейшие события у мыса Энганьо до некоторой степени определялись соотношением сил и оперативной логикой. Соединение Одзавы продолжало двигаться к северу. Американцы, у которых из-за ухода на юг сначала группы Мак-Кейна, а затем авианосцев Богана и линкоров Ли нарушилась выстроенная последовательность ударов, смогли вновь атаковать его только в 13:30. В налете участвовали 160 самолетов, и этот удар стал роковым для прославленного «Дзуйкаку». Последний из «авианосцев Нагумо» получил шесть торпед и пять тяжелых бомб. В этот раз команда уже не смогла справиться с поступлением воды. В 14:30 корабль опрокинулся на правый борт и затонул.

Тридцатью минутами позже пришла четвертая волна, которая занялась «Дзуйхо». Легкий авианосец получил много прямых попаданий (точное число неизвестно) бомб и торпед. Эсминцы охраны подобрали с воды 150 человек.

Около 5 часов вечера американские крейсера добились оставленный командой «Читосе». После этого трагедия закончилась и начался фарс.

Прежде всего, Митшер организовал новую, уже шестую, ударную волну. В сумерках 96 самолетов с 500- и 1000-килограммовыми бомбами атаковали «Нее» и «Хьюга». Тщательно проанализировав доклады экипажей и «исключив повторный счет», штаб Т.Ф.38 рапортовал о 22 прямых попаданиях в один корабль и 15 — в другой, причем десять попаданий приходились на торпеды, остальные — на тонные бомбы. На самом деле ни «Исе», ни «Хьюга» повреждений в тот день не получили.

Ночью крейсера Митшера около трех часов занимались потоплением одинокого эсминца «Терудзуки», задержавшегося для поиска и спасения людей. Получив сообщение о действиях противника, Одзава внезапно бросил свои оставшиеся корабли на юг. Командующий полагал, что уцелевших его линкоров хватит, чтобы разгромить американские артиллерийские корабли. Во всяком случае, такой «ход» был в стиле его игры в заливе Лейте.

Эскадры разошлись всего в двадцати милях: Одзава не хватило радиолокатора или чуточки везения, чтобы завершить свое последнее сражение уничтожением нескольких американских крейсеров.

Заключение: остров Самар

1

Теперь Кинкейд в полной мере оценил допущенные просчеты. Даже действуя в одиночку, 7-й флот был заметно сильнее прорвавшегося к заливу Лейте противника, но корабли — все корабли — находились «не там, где надо». Преследование в море Сулу пришлось срочно прекратить; командующий выделил из состава сил Олендорфа три наиболее боеспособных линкора, приказав им немедленно следовать к острову Самар. Олендорф запросил топливо и боеприпасы. После веселой ночи в проливе Суригао пришло похмелье.

Спрэгью делал что мог. Он прятал авианосцы под завесой дождя, непрерывно ставил дымовые завесы, маневрировал — и поднимал бомбардировщики. На шестнадцати «авианосцах-джипах» (которые, как правило, никто не включает в общий баланс такого грандиозного сражения, как бой в заливе Лейте) находилось около 500 самолетов, что

эскадры, Хэлси вновь выделил быстроходные линкоры в отдельную группу, поставив перед ней задачу перехватить корабли Куриты на выходе из Филиппинского моря. Ввиду огромного проигрыша оперативного времени сделать это не удалось.

примерно соответствовало боевым возможностям пятерки «Эссексов». Американцы имели только по 12 — 15 торпед на корабль и ограниченный запас тяжелых бомб, но и боевые возможности соединения Куриты после суток непрерывных атак нельзя было переоценивать. Зенитчики вымотались до предела, не хватало снарядов.

В 7:40 Спрэгью бросил в контратаку эсминцы, и японским линкорам пришлось отворачивать, чтобы избежать торпед. Не повезло «Кумано»: после попадания в носовую часть скорость тяжелого крейсера упала до 16 узлов.

Фантазмагорический бой между линкорами с 457-мм артиллерией и переоборудованными торговыми судами продолжался. В суматохе непрерывного взаимного маневрирования японцы не могли сблизиться для стрельбы прямой наводкой, видимость на противника была близка к нулю. Кроме того, тяжелые японские снаряды были рассчитаны на более серьезные корабли. Имея замедление взрывателя 0,4 секунды, они пронзали небронированные корпуса «эскортников» насквозь, не разрываясь и почти не нанося повреждений.

В этом бою был потоплен только один авианосец — «Гэмбиер Бей»²⁷⁵, на дно пошли также эсминцы «Хоуэлл», «Сэмюэль Робертс» и «Джонстон». Американцы сами называют такое стечение обстоятельств «невероятной удачей», тем более что «в ответ» они сумели уничтожить три первоклассных тяжелых крейсера Куриты. Из списков Объединенного флота были исключены «Текай», «Судзуя» и «Тикума».

2

В 9:25 Курита вышел из боя с эскортными авианосцами и вновь направился к заливу Лейте. Еще около двух часов его корабли маневрировали в тыловой оперативной зоне неприятеля, демонстрируя свой флаг, собирая людей с потопленных крейсеров и «пренебрегая бесценными возможностями». После полудня «Ямато» развернулся и лег на курс, ведущий к проливу Сан-Бернардино. Японский флот уходил.

Это решение Куриты не нашло понимания ни у современников, ни у историков. Шерман, чья вина в том, что японские корабли прорвались к заливу Лейте, достаточно велика²⁷⁶, поименует командующего соединением «А» «жалким, неспособным командиром». С.Моррисон, напротив, преисполненный сочувствия к «старому и больному адмиралу», увидит в этом отступлении поступок. С. Далл назовет «редкой глупостью» весь план «Се-1» и, критикуя Куриту за допущенные ошибки, заметит, что отступление Центрального соединения было необходимо и неизбежно.

Сам Курита после войны либо откажется обсуждать бой у острова Самар, либо заявит самоочевидное про «плохую связь», «полученные повреждения» и «неясность обстановки».

Второй считал, что тогда, утром 25 октября, обстановка старому самураю Курите была совершенно ясна. Вот и их с Одзавой время кончалось, как кончилось когда-то время Ямамото и Нагумо.

Операция «Се-1» не имела большего смысла, чем быть на месте какой-нибудь. Еще до ее начала Одзава знал, что противник высадился 20 октября и 21-го выгрузил тяжелое снаряжение. К исходу пятого дня операции американские войска закрепились на плацдарме. Что мог в этой ситуации дать обстрел?

«Неужели больше, чем удары по Гендерсон-филду осенью 1942 года?» — думал

²⁷⁵Еще один авианосец — «Сент-Ло» был уничтожен «камикадзе», «Сэнти», «Сьювани», «Калинин-бей» и «Киткун-бей» были повреждены «специальными атаками».

²⁷⁶В течение всего дня 24 октября 3-я тактическая группа действовала не лучшим образом. Она не смогла обнаружить авианосцы Одзавы, маневрирующие всего в ста милях от нее, в достаточно простой обстановке потеряла авианосец и треть экипажа тяжелого крейсера, практически сорвала свой удар по кораблям Куриты.

Курита, он не рассказал своей правды о войне судьям, журналистам и потомкам, и еще пожил немного на свете и решил, что, даже предположив невероятное: ему, Курите, удалось перехватить транспорты — притом с войсками — и пустить их на дно — ох, было бы много «орзвыводов»... Правда, больших, чем Хиросима, трудно и представить... Кто ж тогда понимал, что таких войн больше не будет, потому что человечество теперь выращивает ядерные грибы, а посему ему все равно — прав был Курита или нет.

Случись победа у Куриты, Мак-Артура сняли бы на шесть с половиной лет раньше, чем это произошло на самом деле, но по той же «статье» — за полную военную неспособность. Нимиц довольствовался бы уничтожением ядра японских сил и вновь переключился на Тайвань — останавливать его, очевидно, было бы нечем. Общие потери американцев на Тихом океане подскочили бы тысяч до ста пятидесяти, это меньше, чем в одном только Арденнском сражении на Западном фронте.

И только в пространстве эстетики войны последний, бесполезный, бой императорского флота занимает одно из самых почетных мест. А в этом мире сумеречной красоты смыслов не имеет значения, «проходит» удар до конца или он только «намечен». И бывает *«иногда намного человечнее сделать именно слабый ход»*.

Итог: Филиппинское море

Днем Хэлси принесли радиограмму из Перл-Харбора: *«От CINPAC действующему ком 3 флота копия главному АВОС 77 X где РПТ где оперативное соединение 34 RR мир удивляется»*. Последние два слова были «встроенной цитатой» из поэмы Теннисона, посвященного бессмертной «легкой бригаде». Шифровальщик вставил вместо обычного «словесного мусора», призванного затруднить работу японских криптографов. А радист передал замечание с пометкой «смысловое».²⁷⁷

(16) Фотография: линейные корабли «Фусо» и «Ямаширо»

Если бы не Вашингтонская конференция, «Фусо» и «Ямаширо» были бы исключены из состава Объединенного флота не позднее 1928 года. Их заменили бы «Овари» и «Кири», соответственно пятый и шестой линкоры программы «восемь — восемь».

Договор 1922 года более чем на десятилетие продлил существование многих «эволюционно обреченных» кораблей. Заложенные еще до Сараевского кризиса, линкоры типа «Фусо» дожили до Второй Мировой войны и встретили ее в составе Главных сил Объединенного флота.

Модернизации начались на кораблях почти сразу после их вступления в строй. В 1921 году устанавливаются зенитные орудия. Годом позже на «Ямаширо» экспериментируют с девятнадцатиметровой катапультной, временно установленной на крыше башни №2. Опыты прошли успешно, тем не менее вопрос об оснащении линкоров гидросамолетами отложили на десять лет.

В 1927—1928 годах реконструировали носовую надстройку: на ее топе разместили 8-метровый дальномер, четыре 4,5-метровых установили на боковых спонсонах и на крыше боевой рубки. Индивидуальными 6-метровыми дальномерами оснастили башни ГК. Усилили зенитное вооружение. Как и в случае с линкором класса «Конго», приложили немало усилий к разрешению «проблемы передней трубы» и, конечно, со столь же неочевидными результатами.

В декабре 1930 года оба корабля были направлены на верфь для капитального ремонта. Список модернизационных мероприятий, как всегда, впечатляет: речь идет, по

---

²⁷⁷ Дважды упустив соединение Куриты, Хэлси отыгрался на японских эсминцах-спасателях. Были потоплены со всеми людьми «Хаясино», «Фудзинами», на борту которого было около 900 человек, снятых с крейсера «Текай», «Новаки» с экипажем «Тикумы».

существо, о строительстве в старом корпусе совершенно нового линкора.

Удлинили кормовую оконечность, заменили котлы и главные механизмы, причем мощность ГЭУ возросла с 40 до 77 тысяч лошадиных сил, скорость сохранилась, несмотря на рост водоизмещения, а дальность хода повысилась до 11 000 миль. Смонтировали противоторпедные буи. Убрали переднюю дымовую трубу. Вновь перестроили носовую надстройку, сформировав многогранную, сужающуюся кверху пирамиду — «пагоду». Усилили горизонтальное бронирование. До 43 градусов увеличили угол возвышения орудий главного и до 30 градусов — противоминного калибра. Установили шестнадцать 25-мм зенитных автоматов, а вместо 80-мм орудий поставили 127-мм «универсалии». Наконец, ликвидировали подводные торпедные аппараты, бесполезным грузом проплававшие более десяти лет.

Смонтировали катапульту, причем на «Фусо» ее почему-то установили на крыше башни ГК, что не соответствовало принятому в Объединенном флоте стандарту. Протянули обмотки размагничивания.

Непосредственно заводской ремонт продолжался до марта 1935 года, а всего корабли находились на модернизации почти шесть лет, после чего они вошли в состав 2-й дивизии линкоров 1-го флота. Несмотря на проделанную специалистами верфи работу, к началу войны корабли считались безоговорочно устаревшими: МГШ накладывал ограничения на их боевое использование.

До мая 1942 года «Фусо» и «Ямаширо» совершали короткие переходы между островами метрополии, играя своеобразную роль «линкоров береговой обороны». Потом Ямамото привлек их к операции MI — скорее, из неких исторических соображений, нежели ради практической пользы, которую они могли бы принести в намечающемся генеральном сражении.

После Мицудзэ предполагалось переоборудовать корабли в линкоры-авианосцы, но сначала верфи оказались заняты, а потом развернулись бои на Соломоновых островах и каждый боеспособный линкор оказался на счету. «Фусо» и «Ямаширо» в составе Главных сил адмирала Кондо участвовали в конвойных операциях, контактов с противником не имели, их вооружение, включая гидросамолеты, не использовалось. В конце 1942 года линкоры прошли плановый ремонт. Весной 1943-го они ненадолго отвлекались на алеутское направление, а в июне вновь вернулись на Трук.

Летом 1944 года «Фусо» и «Ямаширо» участвовали в сражении в Филиппинском море и, как всегда, вышли из огня без единой царапины, не сделав ни одного выстрела.

Сокрушительное поражение в битве за Марианские острова поставило японский флот в безвыходное положение и заставило адмиралов Тойоду и Одзаву искать нетрадиционные формы продолжения войны. С начала июля 1944 года 2-я дивизия Л К передается в распоряжение командования 2-го флота. В октябре вокруг «Фусо» и «Ямаширо» создается «3-я группа ночного боя Диверсионного ударного соединения 1-УВ». Двадцатого октября корабли переходят в Бруней, чтобы 22-го числа выйти оттуда в свой последний боевой поход.

«Фусо» и «Ямаширо» имели задачу отвлечь на себя 7-й флот США.

У Минданао корабли были атакованы палубной авиацией. «Фусо» получил бомбовое попадание в район третьей башни; вспыхнувший пожар уничтожил гидросамолеты.

В ночь на 25 октября «Диверсионное ударное соединение» в составе «Фусо», «Ямаширо», тяжелого крейсера «Могами» и четырех эсминцев вошло в пятидесятимильный пролив Суригао между островами Лейте и Минданао. Их ждали главные силы 7-го флота: 39 торпедных катеров, 28 эскадренных миноносцев, шесть линкоров («Мэриленд», «Миссисипи», «Теннесси», «Пенсильвания», «Вест Виргиния», «Калифорния»), четыре тяжелых и четыре легких крейсера. Все американские корабли были оснащены поисковыми локаторами.

В полночь зашла луна.

К двум часам ночи японские корабли глубоко втянулись в пролив, прорвав завесу торпедных катеров. В 2:05 начались атаки американских эсминцев. Ориентируясь по радару, они, оставаясь невидимыми, выпустили 27 торпед. «Фусо» сразу получил несколько попаданий. Ни о какой борьбе за живучесть не могло идти и речи: взрыв разорвал корпус корабля на две части. Плавающие обломки почему-то долго держались на воде: носовая оконечность тонула 40 минут, кормовая ушла на дно только через полтора часа.

«Ямаширо» продолжал идти вперед.

Последние минуты жизни этого корабля приходится реконструировать, так как с него не спасся практически никто. По расчетам американцев, первое торпедное попадание старый дредноут получил в 2:18, оно вроде бы не причинило серьезных повреждений. В 2.25 был второй взрыв, скорость линкора упала до пяти узлов, но позднее он на какое-то время восстановил ход и управление.

В 2:51 по «Ямаширо» открыли прицельный огонь тяжелые крейсера, в 3:10 к ним присоединились все шесть линкоров. Поскольку теперь цель была почти неподвижна, 56-й ДЭМ получил возможность прицельно выпустить торпеды с дальних дистанций; между 3:10 и 3:15 американские эсминцы добились нескольких попаданий.

К этому времени корабль горел, половина его башен бездействовала. Тем не менее он все еще двигался к заливу Лейте и пытался отстреливаться. В 3 часа 19 минут линейный корабль «Ямаширо» перевернулся и пошел ко дну.

Занавес

На обложке книги красовались сломанные в корпусе часы с самолетом, вроде бы пролетающим сквозь предательское время. Самолетик напоминал «зеро».

Обложку, наверное, рисовал кто-то из художников издательства.

Первому не понравилась мягкая обложка. Толстая книжечка должна быстренько развалиться и потерять товарный вид, особенно если читать ее, постоянно возвращаясь к Перл-Харбору, например, или к Мидуэю. Зачем *Второй* согласился на такую ерунду, издали бы солидно. Первый роман в 26 лет. «Ему как раз исполнилось бы». Дикость ситуации преследовала *Первого* с вечера до утра. Внутри у него как будто сломались часы. Мать еще была в больнице. У нее все было хорошо.

Он прилетел утром, а днем на похоронах что-то говорил чужим голосом. Приехало неожиданно много *Его* родственников. Адреса *Ее* он не знал, но на кладбище она была, *Первый* это почувствовал, но не стал искать. Может, она пришла позже или ушла раньше. Плакала высокая художница в черном нелепом платье. Молодая и, наверное, красивая. Вокруг *Второго* все женщины образовывались очень красивые. *Первый* сидел рядом с ней в тесной комнате *Второго* и пил водку. Она прижималась к нему и тихонько плакала. Еще приходили сотрудники Эрмитажа, они сделали похороны и вообще оказались молодцы, но здесь в квартире были какие-то немного затхлые, несовременные и несвоевременные, они слонялись и тихо ныли, особенно тридцатилетняя девочка Лида, которая, всхлипывая, подпрыгивала, как раненый дрозд.

Все разбрелись к вечеру, осталась сестричка из Днепропетровска, которая теперь будет здесь жить.

Первый уложил ее спать на диван и включил компьютер.

Там для него значилось следующее:

«...не успеваю Токийский процесс, не могу, не получается, допиши сам, все отдал в издательство, Лидочка обо всем знает, что-то болею, боюсь, заберут меня в больницу, а там — тюрьма народов.

Эпилог у меня вообще не сложился, так все оборвалось как-то. Если книга выйдет, подари там женщинам на память. Господь узнает моих. Ну, будь здоров. Во ведь как получается, ухожу, ибо в этой обители бед. Забери мои книги и рисунки и слей всю Японию себе, пригодится... Но всерьез с самураями не связывайся. Видишь, какая штука.

Встретимся не скоро, ну я тут освоюсь пока...
Пока. Видишь, я стал *Первым* хотя бы в чем-то. Так-то».

Пятнадцатого мая Софье Андреевне исполнилось шестьдесят пять лет, ее чеством поздравляли и торжественно уволили из КБ, в котором она проработала 40 лет, несмотря на все перемены флагов и гимнов в стране.

Ей сказали теплые слова и выдали совершенно гигантскую премию. Это была половина стоимости ее поездки в Японию. Очень много денег. Она в первый раз за многие годы засиделась на банкете, с которых всегда убегала после первых тостов, и даже поговорила с сидящими за столом о жизни и детях. Ее сверстников не было, она не позвала, как это было принято, бывших сослуживцев своего возраста, которым когда-то кивала в коридорах. Иных не было в живых. А остальных она, вправду сказать, забыла как-то. Тридцатилетняя молодежь прочла ей стихи, возведя ее в ранг Поэта, Пророка и Гуру. Она сказала ответное слово и в зеркале напротив, за спиной начальника, увидев профиль, напоминающий ахматовский, села, довольная собой.

Все вышло совсем неплохо. Начальник отвез ее домой. Он был всего на 10 лет младше ее и когда-то ухаживал за ней терпеливо, но безуспешно. Она была признательна за то, что он принял ее правила игры. Поднимаясь на лифте на свой шестой этаж, она вспомнила сына. Она всегда помнила своего мальчика, но сейчас — под влиянием, что ли, выпитой рюмки коньяка — ощутила себя вдруг тридцатипятилетней в том же лифте с огромным кульком в руках — где в накрахмаленном одеяле лежал ее маленький сын с оливковой, как у мамы, кожей и синими глазами залетного отца.

Дома она включила интернет и получила поздравление от сына. От ее молодого *Друга* с Большой Морской ничего не было — мальчишка сошелся с какой-то глупышкой.

Сын был успешен и мил, он писал прекрасные письма, все делал правильно, и она все сделала для него правильно, и это было прекрасно. И интернет работал, несмотря на то, что «жил» тут недавно, и она за него побаивалась. Но в конце концов, в свое время она, а не продвинутая молодежь отдела лихо, в течение одного заказа, сменила кульман на графопостроитель. Она похвалила себя сдержанно и иронично. Она не поедет в Японию. Потому что купила компьютер. А этот молодой человек теперь напишет ей книгу, и будет совершенно достаточно...

Софья Андреевна переделалась в домашнее и открыла последнее письмо *Друга*. Здесь все было неправильно. Ни на что не похоже и непонятно зачем нужно ей, счастливой старой женщине, стоящей на пороге осуществления своей последней детской мечты.

— Ну-с, — произнесла она вслух. — Я не нанималась вам в редакторы, молодой человек.

Она часто потом вспоминала дни и письма, и тексты, и грандиозные склоки за журнальным столиком. Она даже стала тогда курить на кухне. Он отговаривал ее и кашлял, кашлял. Она щадилась его аллергию и запирала дверь, оставляя одного в комнате с остывшим чаем. На день рождения она связала ему свитер, потому что он все не прекращал кашлять.

«Он, наверное, дописал книгу, — подумала она. — Скорее бы возвращался сын. Какие долгие эти два года, какие короткие отпуска». Она привела в порядок документы и помыла кафель на кухне. Посетила подруг, сходилась на лекцию в Эрмитаж и съездила на теплоходе в Кижы — Валаам. Времени оставалось много. Утром. Днем. Вечером. Оно было. *Друг* не просил ничего редактировать и писем не писал. «Женился, — злорадно подумала она, — в который бестолковый раз». Сын собирался вернуться в июле. Ей нужно было срочно заводить дела, внуков или вступать в кошачий клуб. Она стала делать гимнастику в прохладном парке по утрам, простудилась и заболела. Лежала долго, одна, пила шиповник и отвары трав, бруснику и бисептол для профилактики. *Друг* пару раз приходил, кашлял, провалившимися глазами смотрел вокруг, словно запоминал. Он сказал, что книгу «про адмирала Ямамото и всех их» закончил и отдал издателям и что она скоро выйдет, потому что в мягкой обложке выходят быстро.

Через месяц он прислал ей экземпляр с отвратительной надписью «хочу писать я для таких старух, для девочек пускай другие пишут». Она обиделась. Потом вспомнила, как он смеялся и сказал: «Это цитата». Дел опять не осталось. Она согласилась лечь в больницу и подправить печень. Бывший начальник позвонил и все устроил. В больнице она отдыхала, тихо и благостно размышляла, что же они будут делать теперь. До окончательного приезда сына оставалась неделя. Похоже, ее жизнь удалась.

Он умер, когда книга появилась на прилавках. Софья Андреевна вышла из больницы и на Финляндском книжном развале увидела, как книгу продают в двух местах. Она медленно изучила спрос и села в метро. На Ветеранов книги еще не было. Она с удовольствием добиралась домой. Кружилась голова, но только чуть-чуть. Нужно было заняться собой. Бросить курить. Она смотрела на грядущую жизнь, как на праздник. Пусть мальчики пригласят ее в ресторан, смеясь, думала она. «Я смогу съесть салатик и вареную рыбку».

Дома она застала сына. У него в глазах что-то изменилось, ей показалось, что цвет. Он сказал ей, что похороны *Друга* были вчера.

Потом она попривыкла быть пенсионеркой, и ей даже понравилось, но для этого прошел год.

Софья Андреевна теперь редко видела сына, он женился, стал серьезным, много работал, купил приличную машину и заскакивал на окраину проспекта Ветеранов раз в месяц. Он, правда, регулярно звонил, торопливо отчитывался о делах и важных приобретениях. Модем она отдала молодым, рядом с фотографией сына и невестки поставила дурацкий автопортрет *Второго* — набросок, сделанный им в 17 лет. Сын сердился, когда ее редкие гости спрашивали: кто это? «Это мой хороший друг, — отвечал он, опережая ее слова. — Он недавно скончался от чахотки», — заканчивал он скороговоркой, почти паясничая. Слушатели качали головами и сетовали на экологию, и плохую профилактику болезней, и беспечную молодежь. Мать всегда молчала.

Однажды, когда она сломала руку, он приехал, побыл, и она, устав от его забот, уснула, он включил компьютер и нашел Эпilog. Текст был создан недавно, уже год как прошел со смерти *Второго*, и мать все письма и материалы отдала сыну в архив. Он долго гадал, откуда прежний ветер, и вспомнил, что по зиме приезжал дядя Леша, семиюродный его дядька, случайный гость из Москвы.

«Зачем-то они говорили о Японии — и о книге, наверное. Он, видимо, рассказал, а она вот записала». *Первому* показалось, что он уже никогда не избавится от этой темной истории с навсегда неоконченным романом, написанным другом, ушедшим со всем возможным эгоизмом.

— Лешенька тогда был молод, — проснувшись, сказала мать. — Он помнил все как было, уж больно врезалось ему это в память. А мне, сынок, тоже нужно было как-то завершить эту историю, — проговорила она извиняющимся тоном, и *Первый* увидел, как сильно она постарела, как ахматовский профиль пронзили темноватые морщинки, как глубже и чернее стали глаза и как уползла из них строгость.

— Для тебя, мама, это как последняя любовь, да, мама? — произнес он вдруг и осекся, подивившись своей бестактности.

— Да, сынок, вроде того, — усмехнувшись, как прежде, изничтожая его подростковое хамство, ответила она. — Вот только сына твоего я буду сильнее любить, рожайте уж скорее, бестолковые...

(23) Окинава

1

Японцы удерживали остров Лейте еще три месяца. В этом сражении были уничтожены последние кадры парашютных войск империи — во исполнение

категорического приказа штаба обороны в Сайгоне десантники совместно с остатками армейских дивизий организовали контрудар с целью захватить аэродромы союзников. Им даже удалось дойти до одной из второстепенных взлетно-посадочных полос и сжечь несколько бомбардировщиков.

Девятого января 1945 года американцы начали кампанию на Лусоне. Боевыми действиями там руководил Ямасита. «Тигр Малайи» не реагировал на окрики из Сайгона и «разъяснения» из Токио. Он сразу же отдал Мак-Артуру насквозь простреливаемую корабельной артиллерией береговую полосу и организовал сопротивление в горных районах острова. До середины весны его семидесятитысячная армия (без авиации и тяжелого вооружения) удерживала организованную оборону против двухсот пятидесяти тысяч союзных солдат и нескольких сотен танков.

В марте американские войска подошли наконец к Маниле. Командующий юго-западным сектором Тихого океана лично присутствовал при штурме Коррехидора. Три года назад эта крепость капитулировала перед двумя батальонами Хоммы, продержавшись около двенадцати часов. Теперь Коррехидор сопротивлялся 11 дней; Крюгер смог взять его, лишь расстреляв наземные сооружения базы из корабельных орудий, пещеры пришлось дотла выжигать огнеметами. Из пятитысячного гарнизона уцелело не более двадцати человек.

Ямасита приказал оставить Манилу, поскольку оборона столицы Филиппин была бесцельна в военном отношении и привела бы к неоправданным жертвам. Спешно присланный из метрополии проследить за уничтожением портовых сооружений, контр-адмирал Саньо приказу командующего не подчинился. С маниакальным упорством он десять дней сражался в городе, и все это время в Маниле шли непрерывные расстрелы. Войска Мак-Артура не сумели прорвать линию заслона, построенную палачом в погонах на совершенно непригодной для обороны местности; лишь когда у морских пехотинцев закончились боеприпасы, освободители вступили в залитый кровью город.

К концу марта американцы овладели административными центрами Филиппин, но и в апреле, и в мае Ямасита еще оказывал сопротивление — бои продолжались по всему архипелагу. Летом накал боевых действий начал спадать, тем не менее, ко дню капитуляции Японии «тигр Малайи» удерживал крупный плацдарм на севере Лусона и отдельные блокированные позиции в горах Лусона, на Минданао, даже на Лейте.

Командующий японскими войсками на Филиппинах стал очередным личным врагом Мак-Артура.

2

Лусон и Лейте обесценили Тайваньскую операцию — теперь она не имела смысла. Время оперативных красот и стратегических чудес ушло: бомбардировщики с аэродромов Сайпана и временных площадок материкового Китая приступили к планомерному уничтожению городов японской метрополии. Отныне Тихоокеанский флот США занимался в основном обеспечением боевой работы военно-воздушных сил. Первой операцией такого рода стал захват Иво-Дзимы. Вулканический остров размером 18 на 10 километров был нужен авиационному командованию как аэродром подскока для истребителей «мустанг» и посадочная полоса для «сверхкрепостей», поврежденных зенитным огнем и не способных дотянуть до Сайпана. Японцы «вычислили» значение этой позиции и заставили американцев заплатить за нее полную цену: 5324 человека убитыми и 16 000 человек ранеными.²⁷⁸

В январе Хэлси передал флот Спрюэнсу, и 38-е соединение вновь стало 58-м. Силы Митшера возросли — к весне в Перл-Харбор пришли новые «Эссексы»: «Тикондерога», «Беннингтон», «Рэндольф», «Бон Омм Ричард» и «Шангри Ла». *«Игра дюжины котов с одной мышью»* продолжалась.

---

²⁷⁸Разумеется, гарнизон Иво-Дзимы был уничтожен полностью: 21 304 человека убитыми и 212 пленными.

После конференции в Квебеке командование союзников укрепились в мысли, что при абсолютном превосходстве в силах следует наносить только прямые удары. Ближайшей очевидной целью была Окинава — единственный остров в группе Рюкю, на котором можно было развернуть крупную военно-воздушную базу. Вновь, как и перед Иво-Дзимской операцией, японцы правильно определили направление наступления союзников. Внезапности не получилось, последнее сражение Тихоокеанской войны растянулось на три месяца и обошлось американцам едва ли не дороже Гуадалканала.

Планирование операции по захвату Окинавы («Айсберг») началось 25 октября 1944 года, высадка состоялась 1 апреля. Для ее проведения были сосредоточены соединения, значительно превосходящие по своим возможностям те, что были брошены против Сайпана и Лейте.

Объединенные экспедиционные силы вице-адмирала Тернера насчитывали 1213 кораблей, в том числе 14 эскортных авианосцев с 564 самолетами, десять линкоров, девять тяжелых и четыре легких крейсера, 23 эсминца. Численность высаживающихся войск составила 451 866 человек.

В соединение быстроходных авианосцев Митшера входило 17 авианосцев (1237 самолетов: 830 истребителей, 153 бомбардировщика, 220 торпедоносцев, 34 разведчика), восемь линкоров, два суперкрейсера типа «Аляска», два тяжелых и 11 легких крейсеров, 48 эсминцев.

Флоту была придана английская авианосная группа: четыре авианосца с 244 самолетами, два линкора, четыре легких крейсера, 12 эсминцев.

Японская империя противопоставила этим силам 77 000 человек, линкор «Ямато» с прикрытием из легкого крейсера и восьми эсминцев²⁷⁹ и базовую авиацию.

План боевых действий уже был стереотипным: быстроходные авианосцы выходят в море до начала общей операции и блокируют пункт высадки, разрушая все аэродромы, с помощью которых японцы могли бы организовать «воздушный мост». Затем 58-е соединение занимается разрушением оборонительных сооружений и инфраструктуры острова-цели. После подхода десантных сил поддержание оперативного режима возлагается на эскортные авианосцы, они же занимаются непосредственной поддержкой наземных войск. На этом этапе кампании Т.Ф.58 вновь переходит к «дальней блокаде», препятствуя любым попыткам противника как-то поддерживать существование своих войск на острове.

Окинава входила в систему обороны собственно Японии, самолеты практически всех типов достигали ее с аэродромов метрополии. Поэтому первым шагом Митшера должна была стать атака аэродромов на островах Кюсю и Сикоку. Минори Гэнда «вычислил» этот план и даже попытался что-то ему противопоставить.

Одиннадцатого марта, за три дня до выхода быстроходных авианосцев из лагуны Улити, он организовал ночной налет на атолл. «Дотягивались» только новейшие бомбардировщики «гинга» и только в один конец.

Для операции удалось найти 24 самолета и соответствующее количество летчиков, готовых провести «специальную атаку». Штурманская подготовка экипажей не соответствовала требованиям ночных полетов, но где-то около половины бомбардировщиков добрались до района цели. Один самолет, подошедший первым, смог произвести атаку.

---

²⁷⁹Другие корабли Объединенного флота не могли быть привлечены к операции из-за полного отсутствия горючего. На момент высадки союзников на Окинаве его запасы в метрополии составили 2500 тонн - этого было достаточно на одну полную заправку «Ямато» и кораблей эскорта.

Американцы не соблюдали светомаскировку в своем глубоком тылу, и «камикадзе», ориентируясь по корабельным огням, вышел на авианосец «Рэндольф» и пробил насквозь полетную палубу в корме. Хотя повреждения были умеренными, корабль надолго застрял на Улити.

Уровень организованности соединения Митшера оказался очень высоким. Немедленно была объявлена боевая тревога и погашено все освещение на рейде. В кромешной темноте оставшиеся японские бомбардировщики не смогли отыскать атолл.

5

Теперь очередь хода была за Спрюэнсом. Четырнадцатого марта Т.F.58 покинуло Улити и направилось к японским берегам. Гэнда ждал американские корабли, и конец второй декады марта ознаменовался поучительной «борьбой» двухсот устарелых японских бомбардировщиков с сильнейшим в мировой истории соединением быстроходных авианосцев. Атаки начались 18 марта около семи часов утра. Первый контрудар был направлен против TG.58.4, маневрирующей к югу от острова Сикоку.

В 7:25 «Энтерпрайз» получил прямое попадание, но бомба не взорвалась. Почти сразу же к АБУ «Интрепид» устремился «бетти». Бомбардировщик был сбит настолько близко к кораблю, что осколки от взрыва нанесли ранения людям, находящимся на полетной палубе, а в ангаре авианосца вспыхнул пожар. Около часа дня бомба попала в «Йорктаун», прошла палубу и разорвалась у борта, причинив серьезные повреждения.

На следующий день «камикадзе» добились самого большого успеха за свою историю. В 7:10 утра бомба попала в «Уосп», пробила две палубы и взорвалась на третьей в районе камбуза. Повреждения оказались очень тяжелыми: главные пожарные магистрали были перебиты, пожар охватил пять палуб. К 8 утра авианосец вновь начал взлетно-посадочные операции, но как раз в этот момент в его бортовой самолетоподъемник врезался «зеро». Имея 101 убитого и 269 раненых, «Уосп» вышел из строя.

Две бомбы одновременно поразили «Франклин», флагманский корабль 4-й тактической группы. Оба взрыва произошли на ангарной палубе, пламя охватило находящиеся там самолеты. Вскоре горел весь ангар, рвались топливные баки и авиационный боезапас, начала плавиться полетная палуба. Дым затянуло в машинные отделения, и корабль потерял ход. Появился крен на правый борт, который вскоре достиг 11 градусов. Командующий тактической группой предложил оставить авианосец, но команда продолжала сражаться за жизнь корабля. В известном смысле речь шла о принципе: удастся японцам потопить один из «Эсексов» или нет. Через сутки пожар был взят под контроль, «Франклин» добрался до Перл-Харбора и сразу ушел на верфь в Нью-Йорк. Там осмотрели корпус корабля и сказали, что его восстановление обойдется дороже строительства нового авианосца. Потери в экипаже «Франклина» были огромными — 724 человека убитыми²⁸⁰, 265 ранеными.

Эти операции стоили Японии 161 самолета из 193. Ценой одного авианосца Т.F.58 захватило господство в воздухе над южной Японией и направилось к Окинаве.

Высадка на острове прошла без каких-либо происшествий (между 20 марта и 1 апреля быстроходное соединение было атаковано один раз одним самолетом). Шестого апреля Объединенный флот организовал противодесантную операцию, отправив к Окинаве «Ямато» в сопровождении всех эсминцев, для которых хватило топлива. Утром 7 апреля соединение было уничтожено тактической группой Шермана.²⁸¹

Выход «Ямато» был скоординирован с массовым наступлением «камикадзе». Пострадал авианосец «Хэнок», вновь вышел из строя только что отремонтированный

---

²⁸⁰По другим данным 832.

²⁸¹Больше японские корабли в море не выходили. Они были разоружены, экипажи по большей части списаны на берег. Зенитное вооружение использовалось в системе ПВО метрополии.

«Энтерпрайз», серьезные повреждения опять получил «Эссекс». Даже линкор «Миссури» с его усовершенствованной системой ПВО не избежал «специальной атаки». Потом интенсивность налетов спала, но 14 апреля японские бомбардировщики атаковали эсминцы радиолокационного дозора (главная цель) и между делом отправили ремонтироваться «Интрепид», в полетной палубе которого зияла дыра 4 на 6 метров.

Одиннадцатого мая в 10:05 утра над боевыми порядками Т.Ф.58 показался одиночный «зеро». Истребитель сразу же перешел в крутое пикирование, избрав своей целью «Банкер Хилл», флагманский авианосец Митшера. Вслед за ним корабль таранил бомбардировщик типа «джуди». Мотор бомбардировщика пробил переборку и проник в помещение командного пункта, уничтожив почти целиком штаб оперативного соединения, пламя охватило три палубы «Банкер Хилла» по всей длине. Больше этот корабль в войне не участвовал.²⁸²

6

Штурм Окинавы продолжался до двадцатых чисел июня. Вновь, как на Сайпане и Лейте, вместе с защитниками погибло почти все гражданское население — 150 тысяч человек. Кажется, что командование обеих сторон состязалось в жестокости по отношению к жителям острова, которые даже не были японцами. Источники очень скупо говорят о «трагедии отряда лилий» — девушек-санитарок школьного возраста. Никто из них не пережил войну; судя по тональности и краткости информации, здесь был превзойден обыденный для Тихоокеанской войны уровень жестокости.

7

Потери американских войск за трехмесячную кампанию на Окинаве составили 7213 убитыми и пропавшими без вести, 31 081 ранеными. Флот потерял 4907 человек убитыми, 4824 ранеными; было потоплено 12 эскадренных миноносцев, требовали капитального ремонта 10 линейных кораблей, 13 авианосцев, пять крейсеров и 67 эсминцев. Было уничтожено 763 самолета.

8

«Время 1:15 пополудни. Рузвельт только что зажег сигарету в привычном для него длинном мундштуке, как вдруг поднял левую руку к виску. Рука беспомощно упала. Закрывая глаза, он прошептал едва слышно: «У меня ужасная головная боль». Спустя всего два часа он умер от кровоизлияния в мозг.

В перечне потерь, опубликованном газетами на следующий день вместе с указанием ближайших родных и адресов, появилось следующее сообщение:

Потери армии и военно-морских сил: Рузвельт Франклин Д., главнокомандующий; жена Анна Элеонора Рузвельт, Белый дом»²⁸³

Президент умер 12 апреля 1945 года, вскоре после возвращения с Ялтинской конференции победителей. Из неоконченных дел осталось выступление перед Объединенными Нациями в Сан-Франциско, где Рузвельт хотел подвести окончательные

---

²⁸²Потери в экипаже — 391 человек убитыми, 264 ранеными, сгорели почти все самолеты. А последним авианосцем, получившим боевые повреждения во Второй Мировой войне, стал «Энтерпрайз». Четырнадцатого мая, в сороковую годовщину Цусимского сражения, его таранил «камикадзе». Был уничтожен самолетоподъемник, корабль, сражавшийся на Тихом океане от первого до последнего дня, отправился на ремонт.

²⁸³Ч.Макдональд. Роковое испытание: Американские вооруженные силы на европейском театре во время Второй Мировой войны. М., 1979.

итоги Второй Мировой войны.

(17) Фотография: «Ямато»

В шестидесятые годы, когда были изучены токийские технические архивы и опубликованы обстоятельные исследования по истории Тихоокеанской войны, линкор «Ямато» приобрел славу самого замечательного боевого корабля Объединенного флота, едва ли не символа былой японской военно-морской мощи. Западные источники именовали его «исполином» и «бронированным чудовищем».

Линкор действительно был громаден, его полное водоизмещение достигало 72 000 тонн. Лишь в конце 1955 года, через десять лет после окончания Второй Мировой войны, были построены более крупные боевые корабли — американские авианосцы типа «Форрестол». Но никогда за всю историю человечества ни одна боевая единица не несла более могущественной артиллерии, нежели «Ямато»: девять орудий 460-мм калибра.²⁸⁴ Причем проектировщикам башен удалось добиться 45-градусного угла возвышения, что дало предельную дальность стрельбы в 225 кабельтовых (42 километра) и досягаемость по высоте в 11 километров. Бронебойный снаряд «Ямато» весил 1460 кг и нес 330 кг взрывчатого вещества. На ста кабельтовых такой снаряд пробивал вертикальную броню толщиной 533 мм. На больших дистанциях угол падения приближался к нормали, что приводило к разрушению любой горизонтальной защиты.²⁸⁵

Каждая башня оснащалась индивидуальным 10-сантиметровым телескопом и дальномером с 15-метровой базой. Централизованное управление огнем осуществлялось с помощью еще одного такого же дальномера, директора типа «98», прибора слежения за целью и электронно-счетного устройства, учитывающего географическую широту, силу ветра, влажность и температуру воздуха, собственное движение корабля и перемещение цели по углу и дальности. Интересно, что американские специалисты, изучившие эту СУО после войны, отметили ее «неоправданную сложность, ненадежность и многочисленные недостатки», после чего рекомендовали «принять систему на вооружение ввиду очевидной полезности». В действительности в дневном бою японские «шестереночные» механизмы управления стрельбой обеспечивали такую же точность, как американские артиллерийские радары. Если учесть еще и малый разброс снарядов в залпе (500 метров на максимальной дистанции), следует признать, что по реальным возможностям своего главного калибра линкор «Ямато» превосходил любой корабль любого потенциального противника.

Орудия линкора развивали огромное давление (семь атмосфер на пятнадцати метрах от дульного среза), поэтому не было никакой возможности разместить на верхней палубе какое-либо неприкрытое оборудование. И гидросамолеты (их на «Ямато» могло быть до семи, хотя, как правило, корабль нес четыре «F-1.М»), и шлюпки приходилось прятать в специальный ангар.

Контрактная скорость «Ямато» превысила 27 узлов. Дальность плавания — 12 800 миль на 16 узлах — не вызвала нареканий, более того — корабль имел межконтинентальный боевой радиус (7800 миль) на полном ходу.

Столь высокие ходовые качества при умеренной контрактной мощности турбин (150 000 л.с.) и очень полном образовании корпуса²⁸⁶ обуславливались продуманной формой подводной части. Корабль имел характерный «грушевидный» вид: максимальная ширина

284Вес одного такого орудия с затвором — 165 тонн. Для сравнения: «стандартное» двенадцатидюймовое орудие весит 60,2 тонны, а 356-мм орудие «Конго» — 95 тонн.

285На 15 милях толщина пробиваемой горизонтальной брони составляла свыше 400 мм.

286Из-за ограниченных глубин акваторий японских военно-морских баз перед проектировщиками была поставлена задача ограничить осадку линкора цифрой 11,7 метра. Понятно, что корпус получился очень широким — 36,9 метров по ватерлинии — и почти прямоугольным в среднем сечении. (Коэффициент полноты -0,974.)

достигалась ближе к корме линкора, что, как было установлено многочисленными опытами с моделями, способствовало снижению волнового сопротивления. Дополнительную экономию мощности обеспечивали носовой бульб и оптимизированная конструкция обтекателей валов гребных винтов.

Японские проектировщики оригинально подошли к выбору параметров надводного борта. Высота форштевня определялась свойствами тихоокеанской волны. В средней части корпуса превышение главной палубы над ватерлинией должно было обеспечивать запас плавучести и нормальные условия для стрельбы вспомогательной артиллерии. В корме борт резко понижался для экономии веса. Ту же цель преследовал изящный прогиб в районе второй башни ГК. В результате линкор приобрел характерные «волнообразные» очертания, делающие его узнаваемым с любого ракурса.

Артиллерия ГК, корпус и главные механизмы «Ямато» не заслуживают никаких нареканий. Иначе обстоит дело с бронированием и противоторпедной защитой линкора.

Как обычно, перед конструкторами была поставлена задача создать «неуязвимый» корабль. Первоначально предполагалось ограничиться «договорным» водоизмещением, в результате возник очень компактный «цитадельный» проект, в котором вспомогательная артиллерия была вынесена на незащищенные оконечности корабля. Проанализировав предложенные варианты, руководство МГШ окончательно пришло к выводу, что создать удовлетворительную компоновку в пределах, предусмотренных Вашингтонским соглашением, нельзя.

В связи с этим была выработана новая кораблестроительная доктрина. Она предусматривала не только отказ от всех и всяческих ограничений, но и нечто прямо противоположное: размеры нового линкора выбирались таким образом, чтобы он НЕ МОГ пройти Панамским каналом. В результате американцы лишались возможности адекватного ответа: какой бы корабль они ни задумали, он был бы заведомо меньше японского.

Демонстративный отказ от вошедшей уже в привычку весовой дисциплины проектирования сыграл с конструкторами «Ямато» злую шутку. Сплошь и рядом выбирались не самые эффективные, а самые «тяжелые» решения. Так, лобовая броня башен достигала 650 мм, что с учетом наклона в 45 градусов соответствовало 1100 мм вертикальной брони²⁸⁷. Такая защита, конечно, не пробивалась ни на каких дистанциях вплоть до нулевой и оказывалась избыточной: корабль тонул, сохраняя полную боеспособность главной артиллерии.

В наследство от договорных эскизных проектов «Ямато» получил «американскую», или «цитадельную», систему бронирования, известную как «все или ничего». При такой системе вся плавучесть и остойчивость корабля заключалась в максимально защищенном «бронящике», который на японских суперлинкорах включал не только бортовой пояс, ограниченный траверсами и закрытый сверху толстой бронепалубой, но и броневое дно. Оконечности корабля и отсеки над бронепалубой не защищались вообще; вне цитадели бронировались только башни ГК, их барбеты, основное и дублирующее рулевые устройства.

Теоретически плавучесть и остойчивость линкора должна была сохраняться при полном затоплении всех помещений вне цитадели, хотя бы и с одного борта. На практике, однако, при погружении носовой оконечности корабль терял боеспособность: скорость падала до предела управляемости, и линкор не мог держаться в порядке.²⁸⁸

287После войны американцы испытывали башенные бронеплиты «Ямато» стрельбой и нашли, что они легко раскалываются. Японские кораблестроители воздержались от комментариев по этому поводу, но неофициально заметили, что расстрелу подверглись плиты, забракованные при приемке.

288Главное возражение против «американской» системы бронирования заключалось даже не в этом. Поскольку отсеки вне цитадели вообще не были защищены, в бою они затоплялись почти автоматически. (Например, в ходе сражения в заливе Лейте «Ямато» принял 2000 тонн воды от взрыва одной фугасной бомбы среднего калибра на полубаке.) Если после этого происходило повреждение цитадели, корабль погибал от потери

Главный броневой пояс был установлен наклонно, что повышало его эффективную толщину. Тем не менее на дистанциях до 100 кабельтовых он пробивался орудиями американских линкоров «Айова» военной постройки, что делало «Ямато» уязвимым в ночном бою.

Особые нарекания вызывала бронепалуба: чрезвычайно толстая, достигающая 230 мм в горизонтальной части и 320 мм на скосах, она представляла собой единственную конструктивную преграду корабля от проникновения в цитадель бомб и падающих под большим углом снарядов. Сами же японцы на модернизированном «Нагато» приняли гораздо более продуманную конструкцию, разделив горизонтальную защиту на три яруса. Первый защищал корабль от взрывов боеприпасов с контактным взрывателем, взводил взрыватели замедленного действия и снимал броневой колпачки. Второй представлял собой «главную позицию сопротивления». Наконец, третий был достаточно толстым, чтобы улавливать отколовшиеся куски главной палубы и потерявшие кинетическую энергию осколки боеприпасов. На «Ямато» также стоял такой противоосколочный экран... толщиной 10 мм.

Избыточную защиту имели барбетовые башни (до 550 мм), рубка (500 мм), помещения основной и дублирующей рулевых машин (до 360 мм). А вот вспомогательная артиллерия оказалась почти совсем лишенной брони. В целях экономии средств кто-то предложил установить на «Ямато» четыре тройные 155-мм башни, снятые с крейсера «Могамы» при переоснащении его на стандартный восьмидюймовый калибр. Эти башни имели, естественно, противоосколочную 25-мм броню, уязвимую для тяжелых снарядов на любых дистанциях. Дотошные критики не поленились подсчитать, что существовала достаточно широкая область значения углов падения, в пределах которой снаряды пробивали 25-мм крышку или высокий 75-мм барбет вспомогательной башни и проникали в глубь корабля вплоть до погребов боезапаса.

Само собой разумеется, не бронировалась боевая надстройка, выполненная на «Ямато» в виде двух соосных цилиндров, из которых внутренний содержал лифт на четырех человек и трубу, по которой проходили коммуникационные кабели. Внешний цилиндр имел, скорее, форму восьмигранной усеченной пирамиды. Между цилиндрами располагались боевые посты, установленные на двенадцати палубах общей высотой 28 метров²⁸⁹. Лишь наиболее важные из них, как, например, главный директор СУАО, были снабжены противопульной защитой, остальные же вообще никак не прикрывались и были уязвимы даже для огня авиационных пулеметов.

Противоторпедная защита корабля ограничивалась броневой цитаделью, в результате попадания торпед в оконечности приводили к обширным затоплениям и заметному дифференту. И «Ямато», и «Мусаси» долго «лечились» после одиночных торпед, выпущенных подводными лодками.

Защита цитадели была опять-таки выполнена «толстой», но недостаточно гибкой. Глубина отсеков ПТЗ составляла всего три метра, что совершенно недостаточно (тем более что при большой ширине линкора не составляло труда увеличить ее вдвое). Для «усиления» защиты ее подпирала с внутренней стороны мощные двутавровые бимсы. Такой способ оказался по меньшей мере неудачным: при сколько-нибудь серьезных повреждениях тяжелые стальные балки исполняли роль таранов и крушили внутренние помещения корабля.

Главными конструктивными недостатками японских суперлинкоров были радиолокационное оборудование, примитивное²⁹⁰ и слабое зенитное вооружение. И дело

стойчивости. Оба японских суперлинкора опрокинулись и ушли на дно с дифферентом на нос.

289Для японских кораблей вообще и для «Ямато» в частности было характерно очень небольшое свободное междепалубное пространство, которое при характерном расстоянии между уровнями в 230 см составляло всего 160—180 см.

290Японские радары, установленные на «Ямато» и «Мусаси» в 1944 году, восходили

даже не в количестве орудий: «Ямато» нес шесть спаренных 127-мм «универсалок» и несчетное число 25-мм автоматов — к концу войны их было, по крайней мере, 147 стволов. Война, однако, показала, что система управления зенитным огнем, не включающая радары, и зенитные снаряды без радиолокационного взрывателя создают лишь иллюзию защиты от нападения авиации. В действительности 25-мм автоматы, вообще не имеющие централизованного наведения, лишь позволяли во время воздушной атаки поднять настроение команды, заняв ее каким-то «делом».

Послужной список «Ямато» не производит сильного впечатления, хотя линкор участвовал в сражениях у атолла Мидуэй, в Филиппинском море, в заливе Лейте. Лишь в последнем из этих столкновений он использовал свою артиллерию, но без большого успеха. В этом бою корабль получил повреждения носовой оконечности, некоторое время ремонтировался в метрополии. Шестого апреля 1945 года «Ямато» принял горючее и боекомплект и в сопровождении легкого крейсера «Ямаги» и восьми эсминцев вышел по направлению к Окинаве. Все знали, что это последний поход флагмана Объединенного флота и последняя операция японских военно-морских сил вообще. Больше в Японии не было нефти.²⁹¹

Уже через час после выхода в море корабль обнаружили подводные лодки. На следующее утро он вступил в зону непосредственной воздушной разведки Т.Г.58. В 9:15 утра над «Ямато» повисли американские истребители воздушного патруля, передающие открытым текстом курс и скорость японского соединения.

В 10 часов утра 7 апреля, командующие Т.Г.58.1, Т.Г.58.3, Т.Г.58.4 контр-адмиралы Кларк, Шерман и Редфорт подняли в воздух 280 ударных самолетов. Каким-то образом часть из них заблудилась, и на линкор вышло только 227 машин²⁹².

В первой атаке приняло участие 150 самолетов. «Ямато» получил пять или шесть бомбовых попаданий и не менее двух торпед в левый борт, эсминец «Хамакадзе» был потоплен. Американцы потеряли два пикирующих бомбардировщика.

Вторая атака началась сразу же после первой. Пятьдесят бомбардировщиков вообще не добились попаданий, зато двадцать торпедоносцев поразили «Ямато» четырьмя торпедами, из которых три вновь пришлось на левый борт. Крен возрос до 15 градусов, вышло из строя одно из четырех машинных отделений. Контрзатоплением удалось спрямить корабль, фильтрация воды была остановлена.

Через полчаса в мидель ЛБ попали три новые торпеды, а семью минутами спустя еще две. Резервы плавучести и непотопляемости линкора были уже на исходе.

Через минуту началась последняя, четвертая атака, в ходе которой «Ямато» получил три бомбы и пять торпед, три из которых опять вошли в левый борт. Все котельные отделения были уже затоплены, на остаточном паре работала одна турбина. Корабль остановился, крен на левый борт снова достиг 15 градусов и продолжал нарастать.

Когда линкор окончательно лег на борт, снаряды начали соскальзывать со своих стеллажей. Один из них взорвался, сдетонировали главные погреба боезапаса. Пламя взрыва взметнулось на двухкилометровую высоту, над погибшим кораблем распустилось почти ядерное грибовидное облако.

Торпедоносцы приступили к планомерному уничтожению остатков соединения, в чем к британским прототипам, захваченным в Сингапуре. Эти локаторы, работающие на метровых волнах, были пригодны только для грубого определения направления на цель.

291В некоторых источниках утверждается, что «Ямато» имел горючее только в один конец, другие же сообщают, что он принял на борт полную заправку. В любом случае возвращение линкора во Внутреннее море не предусматривалось. Если бы кораблю посчастливилось дойти до Окинавы, ему предписывалось выброситься на берег и поддерживать войска огнем.

292Еще 106 самолетов опоздали принять участие в бою.

и преуспели. В этом бою погибло 2498 человек экипажа «Ямато» (90%), а всего 3665 японских моряков. Плата за сильнейший в мире линкор, крейсер и четыре эсминца оказалась более чем умеренной — на свои авианосцы не вернулись четыре пикировщика, три торпедоносца и три истребителя, еще 20 самолетов получили повреждения.

«Ямато» и «Мусаси» строились в обстановке такой секретности, что американцы лишь после войны узнали, сколь огромные корабли были потоплены их авиацией. С чисто тактической точки зрения такая скрытность имела под собой некоторые основания, с психологической же она оказалась крупной ошибкой японцев. Пропало даром возможное косвенное воздействие на волю и нервы противника. Например, в ноябре 1942 года Нимицу и Хэлси было бы намного труднее выслать к Гуадалканалу «Вашингтон» и «Саут-Дакоту», если бы они только знали, что — пусть чисто теоретически, но их лучшие корабли имеют шансы столкнуться с чудовищем водоизмещением в 72 000 тонн, вооруженным 460-мм орудиями и защищенным 410-мм главным броневым поясом...

(24) Японские острова

1

Филиппинская кампания задержала окончание Тихоокеанской войны на полгода, и эти месяцы стоили жизни большему числу людей, нежели все предшествующие сражения. Первого ноября «сверхкрепости» с Сайпана впервые появились над Японией. В тот день был выполнен лишь разведывательный полет, но уже в конце месяца В-29 начали ковровые бомбардировки Токио. К концу февраля авиазаводы Японии были полностью разрушены и бомбардировщики переключились на уничтожение городских кварталов. С помощью радиолокационных прицелов этим можно было заниматься в любую погоду.

Потери «сверхкрепостей» не превосходили 5,4% (включая в это число и поврежденные машины), к лету они снизились до 0,4%. Практически у японцев был лишь один способ борьбы с этим самолетом — таран. Удостоверившись, что противовоздушная оборона метрополии полностью выведена из строя, командующий воздушной армией, дислоцированной на Сайпане²⁹³, сменил тактику. Девятого марта триста бомбардировщиков, оснащенных напалмовыми бомбами, подошли к Токио на высоте около двух километров и провели прицельное бомбометание по городским кварталам. Был сильный ветер, отдельные очаги пламени слились в огненную стену еще до окончания налета. За счет разницы температур между раскаленной землей и прохладным облачным слоем возник эффект тяги, и пламя потянулось вверх; атмосферная турбулентность резко усилилась, что привело к самой страшной форме пожара — огненному торнадо. *«По различным оценкам погибло от 80 000 до 300 000 человек. Точные цифры никогда не станут известны из-за полного уничтожения целых кварталов и наступившего хаоса».*

К концу весны Токио, Йокогама, Осака, Нагоя перестали существовать как цели, более 100 квадратных миль индустриальной застройки было полностью уничтожено. Летом бомбардировщики переключились на поселки с населением около 1000 человек, хотя четыре крупных города: Саппоро, Киото, Нагасаки и Хиросима — оставались практически нетронутыми.

Летом вошли в строй аэродромы на Окинаве. Теперь удары по Японии наносились с трех направлений: западную часть страны бомбила воздушная армия, дислоцированная на Сайпане, по восточным районам действовали «суперкрепости» из Китая, юг контролировался с островов Рюкю. Хэлси, в мае сменивший Спрюэнса, обрушил мощь 38-го соединения²⁹⁴ на военно-морские базы и населенные пункты побережья.

293Генерал-майор Кертис Ле Мэй,

294В последних операциях войны быстроходными авианосцами командовал Маккейн.

К этому времени летчики американской палубной авиации уже ощущали «острую нехватку морских целей». Потопили даже «Ивате» с «Идзумо», памятники Русско-японской войны. Досталось «Сеттсу», сели на грунт линкоры «Харуна», «Исе», «Хьюга», крейсера «Тоне» и «Аоба», перевернулись авианосец «Амаги» и крейсер «Ойода». Поскольку ни один из японских кораблей не мог выйти в море из-за полного отсутствия топлива (факт, прекрасно известный американскому командованию), эти налеты производят странное впечатление, тем более, что союзники признают весьма значительные потери палубной авиации — 362 самолета.²⁹⁵

2

Заключительным аккордом воздушного наступления на Японию стали атомные бомбардировки. Об уничтожении Хиросимы и Нагасаки написано, наверное, больше, чем обо всей Тихоокеанской войне, хотя значительная часть официальных документов, касающихся хода и результата этого «натурного эксперимента», засекречена до сих пор.

Официальная американская версия (тот же С.Моррисон, да и многие другие) называет атомные бомбардировки *«ключом к победе», «жестоким и необходимым средством»* вынудить капитуляцию Японии, *«сберечь жизнь американских парней»* и даже *«в конечном итоге прекратить страдания японского народа»*.

В защиту этой версии говорится много слов. Ссылаются на Судзуки, который посмел назвать Потсдамскую декларацию «не стоящей внимания», на высказывания Тойоды насчет последней решающей битвы, на колебания Императора. Долго доказывается, что военная мощь Японии была не сломлена и на островах вооруженные силы союзников были бы встречены огромной армией, ополчением и тысячами «камикадзе».

Правда, однако, состоит в том, что американские ответственные командиры, участвующие в Тихоокеанской войне, считали применение нового оружия нежелательным. Союзники имели достаточно ясное представление о положении Страны Восходящего Солнца летом 1945 года. Может быть, они и не знали, что на Хонсю пытаются добывать авиационное топливо из корней сосен, но запас керосина и мазута на Японских островах американские эксперты могли оценить с хорошей точностью. Метрополия была полностью блокирована; промышленность империи не получала железной руды, цветных металлов, каучука, легирующих добавок. Судходство практически прекратилось — подводные лодки потопили почти весь тоннаж, а авианосцы Хэлси, не найдя во Внутреннем море военных кораблей, переключилась на уничтожение железнодорожных паромов. Дороги, транспортные узлы, средства связи — все было разрушено. В стране кончились хлопчатобумажные и шерстяные ткани, не было мыла. Конструкторские бюро закрылись ввиду отсутствия бумаги и письменных принадлежностей.

Возможно, у империи хватило бы топлива на несколько десятков (или сотен) вылетов «камикадзе», но об организованном сопротивлении вторжению речь не шла. Нельзя же всерьез выдавать за силы национальной обороны роты ополченцев, вооруженных бамбуковыми копьями! Впрочем, при использовании методов ведения войны, апробированных союзниками на Иво-Дзиме и Окинаве, «сражение танков с фалангой» могло продолжаться довольно долго. В горных районах оно наверняка затянулось бы до получения приказа императора о капитуляции...

Атомные бомбардировки не оказали заметного влияния на ход и исход боевых действий хотя бы потому, что из-за царившего в стране хаоса подавляющее большинство жителей просто ничего не знало о них. Что же касается высшего руководства, призванного принимать и проводить в жизнь принципиальные решения, то для него уничтожение Хиросимы ничем не отличалось от Армагеддона, устроенного союзниками Токио или Осаке.

Официальная советская версия настаивает на том, что атомные бомбардировки были

---

²⁹⁵От огня зенитной артиллерии — 245, от авиации противника — 13, эксплуатационные — 104.

первым актом следующей, «холодной войны»; утверждая это, историки обычно ссылаются на слова Трумэна о «дубинке для русских парней». Фраза, однако, доказывает лишь русофобство президента: летом 1945 года концепции «холодной войны» не существовало в природе. Комитет начальников штабов, организация косная и инерционная, занимался планированием операций «Олимпик» и «Коронет» — высадок на Кюсю и Хонсю соответственно. Всерьез переключиться на «антисоветскую деятельность» ему удалось только году в 1948. Трумэни органически был не способен разработать столь сложный план. Что же касается Рузвельта и Маршалла, то они предполагали совершенно другую версию «Рах Америка», в рамках этой концепции «холодная война» рассматривалась как грубая политическая ошибка.

Встречается утверждение, что Рузвельт также принял бы решение бомбить Хиросиму: *«разница в том, что он сделал бы это не так охотно»*. Но великий президент очень хорошо понимал приоритет политики перед войной и никогда бы не допустил, чтобы его стране выпала сомнительная честь первой применить «абсолютное оружие». Во всяком случае, если без этого можно было обойтись.

Еще одна группа версий (преимущественно американских) рассматривает судьбу Хиросимы как возмездие за Перл-Харбор. Сторонники ее всегда объявляют, что оба города имели «выдающееся военное значение», и затем мучительно ищут его. Нагасаки, где все-таки был порт, завод фирмы «Мицубиси» и торпедная мастерская, еще как-то подходит под категорию «военно-индустриального объекта», что же касается Хиросимы, то приходится ссылаться на наличие там штаба армии.

Но в Лондоне, Ковентри и Роттердаме тоже располагались войсковые штабы...

3

Среди нейтральных стран очень резко определила свою позицию Индия. Ее представитель на Токийском процессе военных преступников написал в «особом мнении»: *«Если какое-либо безжалостное и неоправданное уничтожение мирных жителей еще может считаться незаконным в войне, тогда таковым является решение сбросить атомную бомбу, которое подходит под категорию преступлений, совершенных во время Второй Мировой войны нацистскими лидерами»*.

4

В оправдание Трумэна следует сказать, что, отдавая приказ, он, конечно, не понимал ни истинной мощи ядерной бомбы, ни ее политического значения. Это было типичное «управленческое решение»: ученые нуждались в результатах испытаний, администраторы и конгрессмены хотели эффектно отчитаться перед своими избирателями в расходовании средств, военные традиционно считали, что, если оружие есть, оно должно выстрелить. На президента оказывалось сильное давление, одним из актов которого была рекомендация соответствующего сенатского комитета «применить атомное оружие как можно быстрее и без предварительного предупреждения». Трумэн после небольшого колебания утвердил роковое решение.

5

Советский Союз вступил в войну в день гибели Нагасаки. С дипломатической точки зрения операция была построена неточно: продолжал действовать советско-японский договор о ненападении. Хотя Сталин отказался его продлить, в 1945 году соглашение еще сохраняло силу. Обвинение СССР в агрессии, впрочем, не имеет смысла: как уже отмечалось, Япония была разбита и не могла продержаться до зимы. В этих условиях

Советский Союз был обязан принять меры к обеспечению своих интересов при распаде Японской империи. И, конечно, оставалось вечное «соревнование» с американцами.

На фоне трехмесячных боев за Окинаву и полугодового штурма Лусона прорыв Забайкальского фронта через горно-пустынный район Гоби — Хингана производит очень сильное впечатление. Глубина операции более 1000 километров, темп наступления до 275 километров в сутки, Квантунская армия была окружена и рассечена, ее остатки попали в плен — едва ли не единственный в истории Тихоокеанской войны случай, когда Страна Восходящего Солнца потеряла пленными больше, нежели убитыми и ранеными.

6

Второго сентября на борту линейного корабля «Миссури» была подписана капитуляция²⁹⁶. В этом торжественном акте принимали участие Хэлси и Нимиц, из лагеря для военнопленных в Маньчжурии были доставлены сэр Персиваль и генерал Уэйнрайт. Верховным главнокомандующим силами союзников на церемонии Трумэн назначил генерала Мак-Артура, который произнес следующую речь:

«Моя самая горячая мечта — и мечта всего человечества, — чтобы с этого торжественного момента началось существование новой эпохи. В прошлом останутся кровь и смерть, а мир будет основан на вере и понимании, мир будет стремиться соблюдать достоинство человека, исполнять его самые заветные стремления к свободе, терпимости и справедливости».

В 9:25 по токийскому времени генерал предложил помолиться, чтобы на Земле воцарился мир и чтобы Бог сохранил его навсегда.

24 (1) Токийский процесс

Международный военный трибунал для Дальнего Востока приступил к работе 3 мая 1946 года. Заседания суда проходили в Токио, в бывшем здании Военного министерства Японской империи.

На скамье подсудимых находилось 28 человек:

- бывшие премьер-министры Тодзио Хидэки, Хирота Коки, Хиранума Китиро, Койсо Куниаки;
- Кидо Коити, лорд — хранитель печати и главный политический советник императора;
- бывшие министры иностранных дел Мацуока Есуге, Того Сигэнори, Сигэмицу Мамору;
- бывшие послы Осима Хироси и Сиратори Тосио;
- генералы Араки Садао, Доихара Кэндзи, Итагаки Сэйсиро, Кимура Хэйтаро, Мацуи Иванэ, Минами Дзиро, Муто Акира, Сато Кэнре, Умэдзу Есидзиро;
- фельдмаршал Хата Сюнроку, главный военный адъютант императора;
- адмирал Нагано Осами, бывший начальник Морского Генерального штаба;
- адмирал Симада Сигэтаро, бывший морской министр;
- адмирал Ока Такасуми;
- сотрудники военной администрации Хосино Наоки, Кая Окинори, Судзуки Тэйити;

---

²⁹⁶Уже после этой торжественной даты состоялась последняя операция войны, притом — проигранная союзниками. Шестого сентября англичане попытались высадить в Сингапуре, где шла подготовка к церемонии подписания местной капитуляции, сотысячную армию. Без всякого сопротивления врага множество боевой техники было утоплено у берега; даже официальная британская история признает, что в боевых условиях «высадка превратилась бы в настоящий кошмар».

- Окава Сюмей, публицист и политик;
- полковник Хасимото Кингоро, политический деятель и публицист.

Первоначальный текст обвинительного заключения включал 55 статей, однако приговор был вынесен лишь по десяти из них, и именно:

- (1) заговор против мира;
- (27) агрессия против Китая;
- (29) агрессия против США;
- (31) агрессия против Британского содружества;
- (32) агрессия против Нидерландов;
- (33) агрессия против Франции;
- (35) агрессия против СССР на озере Хасан;
- (36) агрессия против СССР в районе Халхин-Гола;
- (54) отдавание приказов или разрешение, вести военные действия;
- (55) пренебрежение служебным долгом по предотвращению преступлений против

обычаев войны, —

от остальных сорока пяти пунктов обвинение сочло необходимым отказаться.

Приговор выносился простым большинством голосов судьями, представляющими одиннадцать стран-победительниц: Уэббом (Австралия, председатель), Патриком (Великобритания), Хиггинсом (США), Заряновым (СССР), Мэем (Китай), Мак-Дугаллом (Канада), Роллингом (Нидерланды), Бернаром (Франция), Норткрофтом (Новая Зеландия), Джаранилья (Филиппины), Пэлом (Индия).

К смертной казни были приговорены семь человек:

— Тодзио Хидэки, премьер-министр, «военный преступник №1», признан виновным по всем «уцелевшим» статьям обвинения, кроме агрессии на Халхин-Голе;

— Хирота Коки, дипломат, министр иностранных дел в 1933—1936, 1937—1938 годах, премьер-министр в 1936—1937 гг., признан виновным по статьям 1, 27 и 55(!);

— Доихара Кэндзи, крупнейший японский разведчик, организатор похищения низложенного императора Пу И, один из создателей Маньчжоу-го, признан виновным по восьми статьям (кроме 33 и 55);

— Итагаки Сэйсиро, начальник штаба Квантунской армии в 1936 — 1937 годах, командующий войсками в Корее и в Сингапуре во время войны, признан виновным по статьям 1, 27, 29, 31, 32, 35, 54, 55;

— Кимура Хэйтаро, заместитель военного министра в кабинете Тодзио, позднее командующий японскими войсками в Бирме, признан виновным по статьям 1, 27, 29, 31, 32, 54, 55;

— Мацуи Иванэ, командующий войсками в центральном Китае в 1937 — 1938 годах, признан виновным по единственной 55-й статье и казнен;

— Муто Акира, начальник штаба армии генерала Ямасита на Филиппинах в 1944 — 1945 годах, признан виновным по статьям 1, 27, 29, 31, 32, 54, 55.

По всей вероятности, в этот список должны были попасть еще два человека, которые умерли во время судебного процесса:

— Мацуока Есукэ, дипломат, член японской делегации на Парижской мирной конференции 1919 года, министр иностранных дел в 1940 — 1941 годах, один из конструкторов «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» (насколько можно судить, он придумал и сам этот термин), обвинялся по всем статьям, кроме 55-й;

— Нагано Осами, морской министр, командующий Объединенным флотом, начальник МГШ.

Смертный приговор Хироте был вынесен большинством в один голос (шесть против пяти) при особом мнении²⁹⁷ представителя от Нидерландов, отметившего «особый вклад»

297Всего по поводу приговора было подано пять Особых мнений (в том числе

подсудимого в развитие японо-голландских отношений. Остальные приговоры были утверждены большинством семь к четырем. Хотя решение принималось тайным голосованием, представители меньшинства известны. Это прежде всего судья из Индии Пэл, официальным заявлением поставивший под сомнение законность процесса в целом и потребовавший оправдания подсудимых. Далее, принципиально выступали против смертной казни председатель трибунала австралиец Уэбб и французский юрист Бернар. Хотя это выглядит неправдоподобным, но, как оказалось, против всех смертных приговоров выступал представитель Советского Союза.

К пожизненному заключению были приговорены Хиранумо Китиро, председатель Тайного совета, Койсо Куниаки, генерал-губернатор Кореи в 1942 — 1944 годах, Кидо Коити (освобожден в 1955 году), Того Сигэнори, министр иностранных дел в начале и в конце войны (формально он получил двадцать лет тюремного заключения, что для 64-летнего человека равносильно пожизненному сроку, умер в тюрьме в 1950 году), Осима Хироси, посол Японии в Германии (признан виновным только по статье 1, наказан за «заговор против мира» пожизненным заключением, но освобожден в 1955 году), Сиратори Тосно, советник МИД, Араки Садао, генерал и публицист (освобожден в 1955 году), Хата Сюнроку (освобожден в 1955 году), Минами Дзиро, генерал-губернатор Кореи в 1940 — 1942 годах, член Тайного совета (освобожден незадолго до смерти), ОкаТакасуми, начальник оперативного отдела МГШ²⁹⁸ (освобожден в 1954 году), Сато Кэнре (освобожден в 1956 году), Симада Сигэтаро (освобожден в 1955 году), Умэдзу Есидзиро, начальник Генерального штаба армии, командующий Квантунской армией, Хосино Наоки, генеральный секретарь правительства Тодзио (освобожден в 1955 году), Кая Окинори, министр финансов (освобожден в 1955 году), Судзуки Тэйити, главный конструктор японской военной экономики (освобожден в 1955 году), Хасимото Кингоро (освобожден в 1954 году).

Сигэмицу Мамору, посол в СССР и Великобритании, был приговорен к семилетнему заключению (при протесте советской стороны, которая сочла приговор необоснованно мягким), освобожден вскоре после окончания процесса.

Окаву Сюмея выпустили из-под ареста с диагнозом «психоз в результате сифилитического менингоэнцефалита», хотя, по всей видимости, он был абсолютно здоров.

Кроме Токийского были проведены «параллельные», или «малые» процессы, из которых наиболее известны Хабаровский и Манильский.

	Армия	Флот	Гражданские лица	Итого
Всего осуждено	3241	802	183	4226
Казнено	742	194	5	941
Помиловано	52	26	26	104

В своем последнем слове Тодзио назвал Токийский процесс «правосудием победителей». По существу с ним согласился судья Пэл, подавший особое мнение относительно всех обвинительных заключений.²⁹⁹ Однако, даже если признать законность и необходимость «Суда народов», многие решения межсоюзнической Дальневосточной комиссии, одним из органов которой был трибунал, вызывают недоумение.

Прежде всего, удивляет своей нелогичностью состав подсудимых. Так, морской министр Симада привлечен к ответственности, а другой морской министр (и премьер в 1940 году) — Енаи — выступает на процессе свидетелем. Нагано, один из начальников МГШ, председателем суда).

²⁹⁸Формально его должность называлась; начальник бюро военных дел Морского министерства.

²⁹⁹Необходимо иметь в виду, что каждый член Трибунала выражал, разумеется, не свое личное мнение, но позицию страны, чьим представителем он являлся. Иными словами, особое мнение Пэла — это взгляд на правомочность Токийского процесса таких уважаемых (и весьма антияпонски настроенных) лидеров, как Ганди и Неру.

арестован и умер в тюрьме, в то время как Тойода, который к тому же долгое время командовал Объединенным флотом, остался на свободе. Избежали суда Одзава, один из немногих адмиралов, к которому реально могла быть применена 55-я статья о военных преступлениях, и Кондо, с чьим именем связано практическое осуществление операций против Малайи, Филиппин и Индонезии. Не попали в список бывший премьер Абэ, Арита Хатино, министр иностранных дел в правительстве Хироги, Номура Китисабуро, чрезвычайный посол Японии в США в декабре 1941 года, и ряд других военных и политических деятелей поверженной империи. Подобное положение дел наводит на мысль о случайности межсоюзнической политики осуждения/амнистирования³⁰⁰.

Совершенно невозможно понять осуждение двух гражданских дипломатов — Хироги и Сигэмицу — по статье о военных преступлениях. При этом Сигэмицу оказался оправданным в отношении агрессии против СССР на озере Хасан, хотя приложил все усилия к тому, чтобы превратить этот инцидент в большую войну.

Весьма сомнительной является общая для большинства осужденных статья о заговоре против мира. На суде не было доказано даже, что этот заговор вообще существовал. Кроме того, такое обвинение подразумевает наличие некоей организующей структуры, объединяющей обвиняемых; по крайней мере, между ними должна наблюдаться какая-то общность взглядов, единство позиции хотя бы по основным вопросам. Но подсудимые принадлежали к разным слоям общества, придерживались различной ориентации и зачастую входили в антагонистически настроенные политические группировки. Чтобы представить их действующими вместе, нужно иметь либо очень серьезные фактические доказательства, либо параноидный стиль мышления³⁰¹.

Наконец, для всего процесса характерен двойной этический стандарт. Японские бомбардировки Шанхая или Рангуна безусловно являлись военными преступлениями, но после разрушения англо-американской авиацией Киля, Гамбурга, Дрездена, Токио, Осаки, после уничтожения атомным оружием Хиросимы и Нагасаки Трибунал был не вправе выдвигать это обвинение.

(25) Семидесятые годы: остров Матуа

Из всех японцев, обитавших на исследовательском судне, Алексей запомнил только этого. Он был самым старшим и по-настоящему старым. Его звали Торо Ямагути, и он сошел тогда вместе с русскими ребятами на остров Матуа, а остальные правильные япошки остались в каютах, молодые, подчинившиеся Закону, за выполнением которого здесь, на пустынных Курилах, было некому наблюдать.

По их японскому «прейскуранту» на Матуа им высадка не разрешалась — только нашим, но проверить это было, конечно, нельзя, и профессор высадился, оставив себе право на модное в России словечко «интересно». Мужик напомнил Алексею сильно постаревшего Юлия Кима.

Остров Матуа — вулкан в вулкане — юный в древнем — представлял собой стандартное каменистое плато, поднимающееся вверх кратером Сарычева,

Между двумя гребнями в узкой долине они набрали на странное место.

Японец сразу ушел со своими приборами — долины его не занимали, ребята растерянно топтались около разрушенных сооружений, оставшихся с какой-то войны.

300В этом отношении Нюрнбергский процесс был подготовлен значительно лучше, хотя отдельные «проколы» имели место и там. Например, вызывает удивление привлечение к суду и осуждение руководителей ОКВ — инстанции, практически лишенной реальной власти, — в то время, как непосредственно управляющие войной иерархи ОКХ не попали в число военных преступников.

301Трудно усмотреть разницу между «заговором против мира», изобретенным Дальневосточным трибуналом, и «жидо-масонским заговором», существующем в воображении крайне правых.

Палеонтологи не то, чтобы в большой степени пацифисты, но голыми патриотическими руками их не возьмешь — они худо ли, хорошо ли владеют временем, изучают следы исчезнувших Атлантид, а в связи с этим догмами их не купишь, да и воображение у них пошаливает.

Алексей заподозрил «Зону» как-то сразу. Торжественно и явственно засосало под ложечкой — вот оно, читаное, перечитанное, ан нет, живое, несбывшееся. Он сел в стороне, потом прилег на куртку, наблюдая за воздухом вокруг, и от мелькнувшей мысли «не заснуть бы здесь» незаметно крепко уснул. Ребята почувствовали неладное, но ученый не может поддаваться мистике, опасности не учуяли, запомнили место и разошлись недалеко, на расстояние крика, по своим делам.

Место для аэродрома было удобное, защищенное со всех сторон. Это был не Уруп, конечно, готовый принять весь воздушно-десантный флот Империи, но значимый секретный объект, построенный добротнo и оснащенный прилично. Алексей, словно бы впитав воспоминания покинутой недавно земли, одетый в военную форму, садился в маленький старинный самолетик и взлетал, оставив в резерве только кромку полосы. Речь, насыщенная праздничными нотками, незнакомая и тревожная, круг над аэродромом, посадка... Сияясь проснуться, Алексей испытал неподдельный страх, что его увидят, опознают эти низкорослые люди в шлемах и касках, а еще в каких-то дурацких шапочках; он ощущал нелепость своего возвращения на полосу, дразнящий треск в рации и дыхание чужого штурмана за спиной.

Потом остров исчез, и какая-то мощная сила выпихнула Алексея далеко вверх, где в чумном полете, жалкого и испуганного, его швыряли воздушные потоки, опуская до океана, и океан дышал на него солеными холодными каплями. Мимо пролетал легендарный «зеро» с улыбающимся японцем, он медленно проплыл вокруг Алексея, словно рассматривая диковинку; Алексей узнал это лицо, он видел в книжке: это был Футида, тот самый, который вместе с Ямамото «сокрушил Перл-Харбор», у которого в предчувствии Мидуэя вдруг разразился аппендицит и который не погиб, дождался трагической для Японии развязки и написал после войны «Сражение у атолла Мидуэй».

Потом Алексей видел очертания радиолокационной вышки, и она показалась знакомой, и летать просто так без самолета он уже по привычке, но, подлетая к земле, он вдруг увидел, что все приходит в запустение, куда-то исчезли солдаты и летчики и от вышки остался только подгнивший остов, а он сидит себе на краю этого заросшего летного поля и видит, что уже смеркается и Боже сохрани ему здесь еще когда-нибудь уснуть. Гайки, завернутой в марлечку, у него с собой не было.

Ребята подняли на смех, согрели, дали водки, и на следующий день, улыбаясь и немного гордясь своим провидением, он подошел к Ямагути и спросил, участвовал ли тот в войне с американцами.

— Да, я был пилотом, «камикадзе», — оскалился старик и захохотал.

Что-то кольнуло Алексея, неприятно повернулось в груди, так бывает, когда кто-то прочтет твои мысли, а ты еще сам их не понял, не принял и не знаешь, зачем они тебе.

Молодые япошки были одинаковые, вежливые, аккуратные и говорливые. Они были почтительны с профессором, но никто из них не высказал сожаления по поводу непосещения запретного русского острова.

А профессор теперь не был похож на Юлия Кима, а напоминал Алексею давно умершего Футиду. Но с этими глюками Алексей уже ни к кому не полез. Через несколько лет он случайно узнал, что профессор Торо Ямагути во время войны был криптографом на военной базе в бухте Кахили. Узнал из некролога.

АВТОРСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ТИХООКЕАНСКОЙ ПРЕМЬЕРЕ

Исправленная и уточненная хронология боя у островов Санта-Крус (по времени Гуадалканала).

При описании принято время Гуадалканала, указанное у С.Моррисона. Однако восход солнца Моррисоном указан неточно — 5 часов 23 минуты. В действительности 26 октября на 10-м градусе южной широты солнце взошло в 5 часов 33 минуты. Возможно, и все остальные цифры Моррисона содержат эту же ошибку.

С.Далл и С. Сулига также пользуются временем Гуадалканала. У В.Кариги и Е.Пурдона время сдвинуто на час вперед, у М.Окумии — на два часа назад. (В последнем случае текст создавался явно по памяти и содержит ряд фактических ошибок в хронологии.)

- 2:50 — «летающая лодка» атакует «Дзуйкаку»
- 5:33 — восход солнца
- 6:17 — американцы обнаруживают крейсера Абэ
- 6:50 — японцы обнаруживают «Хорнет»
- 7:15 — взлет 1-й волны с «Секаку» и «Дзуйкаку» (67 самолетов)
- 7:30 — поднята 1-я волна с «Хорнета» (29 самолетов)
- 7:40 — попадания в «Дзуйхо», АВЛ вышел из строя.
- 8:00 — поднята авиагруппа «Энтерпрайза» (25 самолетов)
- 8:15 — поднята 2-я волна с Хорнета (19 самолетов)
- 8:22 — взлет 2-й волны с «Секаку» и «Дзуйкаку» (48 самолетов)
- 8:30 — встречное воздушное сражение
- 9:00 — взлет 3-й волны (самолеты с «Дзунье») (29 самолетов)
- 9:10 — атака «Хорнета» (2 торпеды, 4 бомбы, 2 тарана самолетами)
- 9:20 — повреждение «Тикумы» (5 бомб)
- 9:30 — атака «Секаку» (6 бомб)
- 10:00 — первая попытка взять «Хорнет» на буксир 10:02 — атака «Энтерпрайза»
подводной лодкой, повреждение ЭМ «Портер»
- 10:10 — атака «Энтерпрайза» пикировщиками (2 бомбы)
- 10:30 — атака «Энтерпрайза» торпедоносцами
- 10:30 — американские самолеты начинают возвращаются на свои авианосцы
- 11:00 — «Дзунье» поворачивает на юг
- 11:20 — «Дзуйкаку» принимает самолеты первой волны.
- 11:21 — повреждение «Саут-Дакоты» и «Сан Хуана» (по 1 бомбе)
- 12:30 — «Дзуйкаку» поворачивает на юг
- 12:30 — «Дзуйкаку» принимает самолеты второй волны
- 13:15 — взлет четвертой волны (14 самолетов с «Дзунье»)
- 13:40 — взлет пятой волны (пикировщики с «Дзуйкаку»)
- 13:50 — «Энтерпрайз» принимает уцелевшие самолеты
- 14:00 — отход «Энтерпрайза»
- 14:40 — экипаж покидает «Хорнет»
- 15:20 — торпедоносцы атакуют «Хорнет» (1 попадание)
- 15:30 — взлет шестой волны (15 самолетов с «Дзунье»)
- 15:40 — 15:50 — попадание в «Хорнет»
- 17:20 — попадание в «Хорнет»
- 17:58 — заход солнца
- 18:30 — «Дзуйхо» начинает отход

0:55 — «Каталина» атакует ЭМ «Терудзуки» из охранения «Дзуйкаку»

Итоги сражения за Гуадалканал. Потерет сторон. (только потопленные корабли)

Название	Водоизм.	Операция	Дата гибели	Причина гибели	Кем потоплен
Союзники					
АВУ «Уосп»	20 500		15.09.42	3 торпеды ПЛ 1-19	
АВУ «Хорнет»	19 900	Санта-Крус	25.10.42	2 торпеды, бомбы	палубная авиация «Дзуйкаку», «Дзунье»
КРТ «Астория»	13 500	Саво	9.08.42	8" снаряды	тяжелые крейсера «Текай», «Аоба»
КРТ «Квинси»	13500	Саво	9.08.42	1 торп., много 8"	тяжелые крейсера «Како», «Фурутака»
КРТ «Винсент»	13 500	Саво	9.08.42	4 торп., много 8"	тяжелые крейсера «Како», «Фурутака»
КРТ «Канберра»	13 400	Саво	9.08.42	2 торп., 24 снар. 8"	тяжелые крейсера «Текай», «Аоба»
КРТ «Нортгэмптон»	12 150	Тассафаронга	1.12.42	2 торп.	ЭМ «Оясио»
КРТ «Чикаго»	12 150	о-в Реннел	30.01.43	5 торп.	Баз.авиаци. Мунд
КРЛ «Атланта»	8 100	Гуадалканал	13.10.42	торп., 14 снар.	«Хией», «Акацуки»
КРЛ «Джуно»	8 100	Гуадалканал	13.10.42	торпеды ПЛ 126	
ЭМ «Джервис»	3050	Саво	09.08.42	бомбы	баз.авиаци. Рабаула
ЭМ «Блю»	3050	Солом, о-ва	23.08.42	торп.	ЭМ «Кавакадзе»
ЭМ «Литгл»	3050		5.09.42	5" снар.	ЭМ «Юдати»
ЭМ «Грегори»	3050		5.09.42	5" снар.	ЭМ «Юдати»
ЭМ «Дункан»	3050	Эсперанс	12.10.42	8" снар.	КРТ «Кинугаса»
ЭМ «О'Брайен»	3050		19.11.42	торп. ПЛ I-15	погиб
ЭМ «Меридит»	3050	Санта-Крус	26.10.42	бомбы	авиаци. «Дзуйкаку»
ЭМ «Портер»	3050	Санта-Крус	26.10.42	торп.ПЛ	авиаци. «Дзунье»
ЭМ «Бартон»	3300	Гуадалканал	13.11.42	2 торп.	«Амацукадзе»
ЭМ «Лэффи»	3050	Гуадалканал	13.11.42	торп. эсминцы	вероятно, «Юдати»
ЭМ «Кашинг»	3050	Гуадалканал	13.11.42	14" снар.	«Хией»
ЭМ «Моммсен»	3050	Гуадалканал	13.11.42	5" снаряд. эсминцы	
ЭМ «Престон»	3050	Гуадалканал	15.11.42	торп. эсминцы	
ЭМ «Уолк»	3050	Гуадалканал	15.11.42	торп. эсминцы	
ЭМ «Бенхэм»	3050	Гуадалканал	15.11.42	торп. эсминцы	
Итого союзники 180 800					
Япония					
АВЛ «Рюдзе»	14 290	Солом. о-ва	24.11.42	6 бомб, 2 торпеды	Палубная авиация «Саратога»
ЛКР «Хией»	36 601	Гуадалканал	14.11.42	5", 8" снар., торп.	«Лэффи», «Энтерпрайз», «Сан-Франциско»
ЛКР «Киришима»	31 785	Гуадалканал	15.11.42	16" снар.	ЛК «Вашингтон»
КРТ «Како»	11 295	Саво	10.08.42	3 торп.ПЛ S-44	
КРТ «Фурутака»	11 273	Эсперанс	11.10.42	8"снар.	«Сан-Франциско»
КРТ «Кинугаса»	11660	Гуадалканал	14.11.42	бомбы	авиация Гендерсона, «Энтерпрайза»
КРЛ «Юра»	7 050		18.10.42	5 бомб	авиация Гендерсон,

КРЛ «Тенрю»	4 130		18.10.42	торпеда	Эспириту-Санто
ЭМ «Мицуки»	1 772	Солом, о-ва	25.10.42	бомба В-17	«ПЛ «Альбакор»
ЭМ «Асагири»	2 090		28.10.42	бомба	Эспириту-Санто
				«доунтлесс»	Гендерсон-филд
ЭМ «Яои»	1 772		11.10.42	бомба	Хадсон Таунсвилл
ЭМ «Фубуки»	2 090	Эсперанс	11.10.42	«8» снаряды, торпеда»	КРТ и КРЛ, ЭМ «Сан-Франциско», «Дункан»
ЭМ «Натсугумо»	2 370	Эсперанс	12.09.42	бомба	Гендерсон-филд
				«доунтлесс»	
ЭМ «Миракумо»	2 090	Эсперанс	12.09.42	бомба	Гендерсон-фи лд
				«доунтлесс»	
ЭМ «Юдати»	1980	Гуадалканал	13.10.42	8" снаряды, торпеда	«Портленд», «Серетт»
ЭМ «Акацуки»	1 980	Гуадалканал	13.10.42	8" снаряды	«Сан-Франциско»
ЭМ «Аянами»	2 090	Гуадалканал	15.10.42	5" снаряды	эсминцы Затоплен
ЭМ «Хайасио»	2 490		24,10.42	бомбы	базовая авиация
					Эспириту-Санто
ЭМ «Таканами»	2 520	Тассафаронга	01.11.42	8м снаряды	КРТ и КРЛ, ЭМ
ЭМ «Терудзуки»	2 700		12.11.42	3 торпеды	торпедные катера
ЭМ «Симакадзе»	1 650		13.01.43	торпеда	ПЛ «Гуардфиш»
ЭМ «Хаказе»	1 650		23.01.43	торпеда	ПЛ «Гуардфиш»
ЭМ «Макикумо»	2 520	эвакуация	01.02.43	мина	
Итого Япония	159848				

«Окончательный "боевой счет"» адмирала Исуроку Ямамото (7 декабря 1941 года — 17 апреля 1943 года)

Потерянные корабли

Япония				Союзники			
Название	Водоизмещение	Дата гибели	Операция	Название	Водоизмещение	Дата гибели	Операция
Авианосцы (тяжелые)							
«Кага»	42 541	04.06.42	Мидуэй	«Лексингтон»	47 700	08.05.42	Корал. море
«Сорю»	18 800	04.06.42	Мидуэй	«Йорктаун»	19 900	07.06.42	Мидуэй
«Акаги»	41 300	05.06.42	Мидуэй	«Уосп»	20 500	15.08.42	Гуадалканал
«Хирю»	20 250	05.06.42	Мидуэй	«Хорнет»	19 900	25.10.42	Санта-Крус
Всего	122 891			Всего	108 000		
Авианосцы (легкие)							
«Сехо»	13 940	07.05.42	Коралл, море	«Лэнгли»	14 700	27.03.42	Ява
«Рюдзе»	14 290	24.08.42	Солом. о-ва	«Гермес»	13 208	09.04.42	Цейлон
Всего	28 230			Всего	27 908		
Линейные корабли и линейные крейсера							
«Хией»	36 601	14.11.42	Гуадалканал	«Аризона»	32 567	07.12.41	Перл-Харбор
«Кирисима»	31 785	15.11.42	Гуадалканал	«Охлакома»	28 400	07.12.41	Перл-Харбор
				«Вест Вирджиния»	34946	07.12.41	Перл-Харбор
				«Калифорния»	24 560	07.12.41	Перл-Харбор
				«Невада»	28 400	07.12.41	Перл-Харбор
				«Принц Уэльский»	44460	10.12.41	Малайя
				«Рипалс»	36 800	10.12.41	Малайя

Всего	68 386		Всего	230 133	
Тяжелые крейсера					
«Микума»	14 907	06.06.42 Мидуэй	«Эксетер»	10 667	28.02.41 Ява
«Како»	11 295	10.08.42 о-в Саво	«Хьюстон»	12 150	01.03.42 Ява
«Фурутака»	11 273	11.10.42 м. Эсперанс	«Дорсетшир»	13 000	05.04.42 Цейлон
«Кинугаса»	11 660	14.11.42 Гуадалканал	«Корнуолл»	13 400	05.04.42 Цейлон
			«Астория»	13 500	09.08.42 Гуадалканал
			«Квинси»	13 500	09.08.42 Гуадалканал
			«Винсент»	13 500	09.08.42 Гуадалканал
			«Канберра»	13 400	09.08.42 Гуадалканал
			«Нортгемптон»	12 150	01.12.42 Гуадалканал
			«Чикаго»	12 150	30.01.43 о-в Ренин
Всего	49 135		Всего	127 417	
Легкие крейсера					
«Юра»	7 050	18.10.42 Гуадалканал	«Рейли»	9 150	07.12.41 Перл-Харбор
«Тенрю»	4 130	18.10.42 Нов. Гвинея	«Де Рейтер»	6 450	27.02.42 Ява
			«Ява»	6 670	27.02.42 Ява
			«Перт»	7 270	01.04.42 Ява
			«Атланта»	8 100	13.11.42 Гуадалканал
			«Джуно»	8 100	13.11.42 Гуадалканал
Всего	11 180		Всего	45 740	
Эскадренные миноносцы					
«Кисагари»	1 772	11.12.41 Уэйк	«Кэссин»	1 490	07.11.41 Перл-Харбор
«Хайяте»	1 720	11.12.41 Уэйк	«Даунс»	1 490	07.11.41 Перл-Харбор
«Синоме»	2 090	18.11.41 Малайя	«Шо»	1 490	07.11.41 Перл-Харбор
«Аои»	1 020	23.11.41 Уэйк	«Танет»	1 075	27.01.42 Малайя
«Хаги»	1 020	23.11.41 Уэйк	«Ван-Гент»	1 316	14.02.42 Малайя
«Сагири»	2 090	24.11.41 Малайя	«Ван Нес»	1 316	17.02.42 Ява
«Нацусио»	2 490	08.02.42 Ява	«Пит Хейн»	1 316	18.02.42 Ява
«Минегумо»	2 370	05.03.42 э-в Кула	«Перл»	1 211	19.02.42 Дарвин
«Кикудзуки»	1 772	04.05.42 Корал, море	«Кортенар»	1 316	27.02.42 Ява
»					
«Ямакадзе»	1 980	25.06.42 Йокосука	«Электра»	1 375	27.02.42 Ява
«Араре»	2 370	05.07.42 Алеуты	«Юпитер»	1 690	27.02.42 Ява
«Ненохи»	1 802	07.07.42 Алеуты	«Я. Джонс»	1 247	28.02.42 Ява
«Мицуки»	1 772	25.08.42 Гуадалканал	«Энкаунтер»	1 375	01.03.42 Ява
«Асагири»	2 090	28.08.42 Гуадалканал	«Поуп»	1 211	01.03.42 Ява
«Яои»	1 772	11.09.42 Рабаул	«Эдсолл»	1 211	01.03.42 Ява
«Фубуки»	2 090	11.09.42 м. Эсперанс	«Эвертсен»	1 316	01.03.42 Ява
«Натсугумо»	2 370	12.09.42 Гуадалканал	«Пильсбери»	1 211	02.03.42 Ява
»					
«Миракумо»	2 090	12.09.42 Гуадалканал	«Банкерт»	1 316	02.03.42 Ява
«Оборо»	2 090	16.09.42 Алеуты	«Тенедос»	1 075	05.04.42 Цейлон
«Юдати»	1 980	13.10.42 Гуадалканал	«Вампир»	1 400	09.04.42 Цейлон
«Акадуки»	1 980	13.10.42 Гуадалканал	«Симс»	1 500	07.05.42 Корал.море
«Аянами»	2 090	15.10.42 Гуадалканал	«Хаманн»	1 500	06.06.42 Мидуэй
«Хайасио»	2 490	24.10.42 Гуадалканал	«Джарвис»	3 050	09.07.42 Гуадалканал
«Таканами»	2 520	01.11.42 Гуадалканал	«Блю»	3 050	23.07.42 Гуадалканал
«Терудзуки»	2 700	12.11.42 Гуадалканал	«Литтл»	3 050	05.08.42 Гуадалканал
«Симакадзе»	1 650	13.01.43 Кавиенг	«Грегори»	3 050	05.08.42 Гуадалканал
»					
«Хаказе»	1 650	23.01.43 Н. Ирландия	«Дункан»	3 050	12.10.42 Гуадалканал

«Макикумо» 2 520	01.02.43	Гудалканал	«О Брайен»	3 050	19.10.42	Гуадалканал
«Осио» 2 370	20.02.43	о-в Манус	«Меридит»	3 050	26.10.42	Гуадалканал
«Сира юки» 2 090	03.03.43	м. Бисмарка	«Портер»	3 050	26.10.42	Санта-Крус
«Арасио» 2 370	04.03.43	м. Бисмарка	«Бартон»	3300	13.11.42	Гуадалканал
«Асасио» 2 370	04.03.43	м. Бисмарка	«Лэффи»	3 050	13.11.42	Гуадалканал
«Мурасаме» 1 980	06.03.43	з-в Кула	«Кашинг»	3 050	13.11.42	Гуадалканал
«Изонами» 2 090	09.04.43	Целебос	«Моммсен»	3 050	13.11.42	Гуадалканал
			«Престон»	3 050	15.11.42	Гуадалканал
			«Уолк»	3 050	15.11.42	Гуадалканал
			«Бенхэм»	3 050	15.11.42	Гуадалканал
Всего	69 620		Всего	78 497		
Итого	349442			617695		

«Период бездействия японского флота» (Перечень событий с 01.02.43 г. по 05.06.1944 г.)

Дата	Место	Силы союзников	Японские силы	Потери союзников	Потери японцев	Комментарий
Кампания на Соломоновых островах и на Новой Гвинее (заключительная стадия)						
06.03.43	Вила-Стенмор	3 КРЛ, 3 ЭМ	2 ЭМ		«Минегумо», «Мурасами»	
18.04.43	Гибель адмирала И.Ямамото					
	Командование принимает адмирал Кога					
08.05.43	Пр. Блэккетт		4 ЭМ		3 ЭМ	Подрыв
08.06.43	Хасиродзима				«Муцу»	Внутренний взрыв
05.07.43	Нью-Джорджия	3 КРЛ, 12 ЭМ	10 ЭМ	«Стронг», «Хелена»	«Ниицуки», «Нагацуки»	
30.12.99	Вила-Стенмор	3 КРЛ, 10 ЭМ	КРЛ, 9 ЭМ	«Гонолулу», «Гвин» «С.-Луис»	«Дзинцу»	поврежден
16.07.43	Шортленд				«Хацуюки»	АП Гендерсона
19.07.43	Нью-Джорджия				«Югури»	АП Гендерсона
20.07.43	Нью-Джорджия				«Киенами»	АП Гендерсона
21.07.43	Бугенвиль				«Ниссин»	АП Гендерсона
28.07.43	Новая Британия				«Микацуке» «Ариаке»	АП Гендерсона
05.08.43	Американцы захватили Нью-Джорджию» (в т.ч. аэродром Мунда)					
06.08.43	Залив Велья	6 ЭМ	4 ЭМ		«Хагикадзе», «Араси», «Кавакдзе»	
03.09.43	Американцы захватили о.Велья-Лавелья и блокировали Коломбангар					
03.09.43	Разгром японского конвоя в море Бисмарка				4 ЭМ	
06.10.43	Бугенвиль	5 ЭМ	9 ЭМ	«Шевальер»	«Югумо»	
24.10.43	Бугенвиль			»		
02.11.43	Зал. Августы	4 КРЛ, 8 ЭМ 2 2 КРТ КРЛ, 6 ЭМ			«Мохицуки» «Сендай» «Хацуадзе»	АП Гендерсона
05.11.43	Рабанул	2 АВУ				

30.12.99 Рабаул	3 АВУ	«Судзунами»	
		«Агано»	поврежден
25.11.43 Сент-Джордж	5 ЭМ	3 ЭМ	
30.11.43 Японцы объявляют о потере Бугенвиля	5 ЭМ		
03.12.43		«Чуйо»	торпеда ПЛ
26.12.43 Американцы высаживаются на Новой Британии. Конец кампании на Соломоновых островах			

Кампания на Алеутских островах (заключительная стадия)

12.05.43 Высадка американцев на остров Атту
28.06.43 Эвакуация японских войск с острова Кыска
15.07.43 Американские войска высаживаются на Кыску

Кампания в центральном секторе Тихого океана (начальная стадия)

13.11.43 Американцы высадились на островах Гильберта			
29.11.43 Завершена операция по захвату о-вов Гильберта	«Лиском Бей»		
24.12.43		«Ямато»	торпеда ПЛ
14.01.44		«Сазанами», «Икадзухи»	
29.01.44 Двенадцать авианосцев атакуют Кваджелейн			
04.02.44 Американцы захватывают Кваджелейн			
08.02.44 Объединенный флот покидает Трук и переходит в Паллау			
17.02.44 Американцы атакуют Трук силами 8 АВ, 6 ЛК, не считая КРТ и ЭМ		«Нака», «Агано», «Катори», 4 ЭМ	
08.03.44 Объединенный флот начинает базироваться на Паллау и Сингапур			
09.03.44 «Тикума», «Тоне», «Аоба» начинают рейды в Индийском океане (до 15.03.44 г.)			
31.03.44 Американская палубная авиация атакует «пустой» Паллау	«Вакатоки»		
01.04.44 Гибель адмирала М.Кога (тайфун)			
В командование Объединенным флотом вступает С.Тойода			
11.04.44 Марианские острова		«Акигумо»	торпеда ПЛ
14.04.44 Гуам		«Икадзуки»	торпеда ПЛ
27.04.44 Паллау		«Юбари»	торпеда ПЛ
12.05.44 Объединенный флот начал переход на базу Тави-Тави			
14.05.44 Тави-Тави		«Инадзуми»	торпеда ПЛ
22.05.44 о-в Бонин		«Асанаги»	торпеда ПЛ
06.06.44 Американцы начали кампанию по захвату Марианских островов			

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ

САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ³⁰²

Согласно классическим законам диалектики, всякое развитие происходит не поступательно, но «спиралевидно». В применении к истории это означает, что для геополитических сущностей, таких, как государства, культуры, цивилизации, справедлив закон цикличности: структура возникает, усиливается, проходит этап расцвета, затем угасает, — после чего возникает новая структура (часто, но не всегда генетически связанная с прежней), и начинается очередной «круг». При этом глубина «отката» сравнима с высотой «вознесения», то есть, суммарный «результат» близок к нулю. Однако небольшой «гистерезис», накапливаясь за многие циклы, порождает движение вперед — прогресс.

Впрочем, и этот прогресс не есть поступательное развитие, он также представляет собой движение «по спирали». Эффект, который трудно наблюдать: полный круг совершается за века и тысячелетия. «Динамика прогресса» оказывается вписанной в историю Человечества и не вычленяется из нее.

«Циклическую модель» можно проиллюстрировать на примере Британской Империи, менее чем за пять веков прошедшей все стадии развития и вернувшейся в «исходное положение».

Как и в конце XV века, в начале XXI столетия Британия представляет собой обычное европейское государство, которое даже территорию Островов контролирует не полностью. Более того, ныне это государство лишено самостоятельной внешней политики; его вооруженными силами управляют из Пентагона. Раньше такая политическая структура называлась «протекторат» и была одной из форм колониального управления. Современные политики предпочитают не конкретизировать ситуацию и говорят о «союзе».

Между тем, совсем недавно, менее ста лет назад, Англия была первой среди Великих держав, и над владениями Британской короны никогда не заходило солнце.

Главным военным и политическим инструментом Великобритании был золотой фунт, признанный в качестве мировой резервной валюты и универсального международного платежного средства. Столь высокий статус фунта обеспечивался финансовой мощью лондонского Сити и индустриальными возможностями страны, которая и в начале XX столетия оставалась «мастерской мира»³⁰³. Не имеющий соперников английский коммерческий флот поддерживал на высоком уровне связность Метрополии с колониальными территориями и полуколониальными государственными образованиями. Военно-морские силы надежно охраняли Империю от любых «случайностей», а дипломатия, действуя рука об руку с разведкой, успешно разрешала отдельные «проблемы», не входящие в компетенцию Royal Navy.

«Рах Britannica» не мог быть разрушен извне: за столетия своего могущества Англия научилась справляться с любой внешней угрозой. Притязания кайзера Вильгельма, равно как и успехи Гитлера в завоевании Европы, выглядят не более чем бледной тенью наполеоновской «континентальной блокады». Промышленная мощь США не выдержала бы испытания английской морской блокадой: «открытая» американская экономика была в этом отношении еще более уязвима, нежели германская, в которой всегда наблюдались тенденции к автаркии.

Потерять положение мирового лидера Великобритания могла только сама —

---

³⁰²Версия этой статьи была опубликована в качестве редакционного предисловия к книге Б.Лиддел Гарта «Вторая Мировая война», М., АСТ, 1999.

³⁰³В это время Британская экономика уже уступала американской и германской, однако на стороне Великобритании были традиции, положение «мирового перевозчика» и установившиеся за века торговые связи. Понятно, что экспортный потенциал английских промышленных товаров оставался очень высоким.

сознательными и целенаправленными действиями. Впрочем, двадцатое столетие ознаменовалось самоубийством многих великих организующих структур наднационального характера.

1

История взлета Британской империи полна насилия, жестокости, пиратской романтики и войн. Все это — обычная плата за мировое господство, и плата умеренная, до тех пор, пока страна готова бороться за свое лидерство. Прогресс, как правило, сопровождается территориальной экспансией — которая неизбежно приводит к конфликтам интересов государств и народов. Так осуществляется развитие по Бисмарку: «железом и кровью».³⁰⁴

Некоторые считают, что отказ от развития приведёт к отказу от насилия, или, хотя бы, к существенному его уменьшению. К сожалению, это заблуждение. Лишь при абсолютной взаимной стагнации можно обойтись без неразрешимых конфликтов, но подобная ситуация неустойчива. Действительно, люди, (как и остальные живые системы) стремятся контролировать все доступные ресурсы, причем «стремление» это задано на уровне инстинктов.

Так что в мире нет ограничителя развития, не обусловленного самой логикой этого развития.

История самоубийства Британской империи - наглядная демонстрация этого тезиса. После Первой Мировой войны Англия отказалась от борьбы за лидерство и решила в максимальной степени ограничить вооруженное насилие. «Десять лет без войны» - вот лозунг, провозглашенный в ту эпоху. Результатом с неизбежностью катастрофы стала Вторая Мировая война, самая жестокая война в истории человечества.

Впрочем, первые серьезные ошибки были сделаны британскими правящими кругами еще в золотую викторианскую эпоху. Вымученная победа в Крымской войне не прибавила лавров «коварному Альбиону», но, по крайней мере, действия Англии в этом конфликте обуславливались вполне рациональным мотивом — ограничить роль России на континенте и снять потенциальную угрозу Средиземноморью со стороны русского Черноморского флота. В семидесятые же годы протурецкая политика Дизраэли была обусловлена не столько интересами Великобритании, сколько откровенной русофобией премьер-министра. Результатом стал перманентный политический кризис на Балканах и искусственное продление существования Османской империи — в чем Англия была заинтересована не больше России.³⁰⁵

Следующей серьезной ошибкой стал постепенный переход Великобритании к

304Альтернативой является информационный прогресс, то есть — экспансия в понятийном пространстве, частным случаем которой является идеологическое давление. Но и здесь есть свое насилие, проявляющееся как навязывание своей картины мира другим.

305«Естественной» британской политикой в «Восточном вопросе» было поощрение отпадения от султана все новых и новых территорий. Некоторые из освободившихся земель могли быть непосредственно захвачены Великобританией (восточное Средиземноморье, район Персидского залива). На других возникли бы карликовые государства, остро нуждающиеся в помощи «мирового банкира». В их отношении англичане действовали бы в духе принципов Пальмерстона, создавшего независимую нейтральную проанглийскую Бельгию.

Вообще говоря, держава-гегемон автоматически выигрывает от всех от политических изменений в Ойкумене. Тем самым, «консервация» Порты должна быть признана серьезной ошибкой английского правительства, в некотором смысле даже свидетельством, что страна уже утратила часть уверенности в себе.

протекционизму. Этот шаг был предпринят как ответ на не вполне добросовестную конкуренцию со стороны европейских (прежде всего германских) и американских промышленников. Тем не менее, в данном случае лекарство оказалось много хуже болезни. Принимая меры по защите своего внутреннего рынка, Англия расписывалась в том, что она не видит возможности сохранить и упрочить свое положение «мастерской мира». Хотя и не сразу, но это признание пошатнуло фунт стерлингов, и даже поставило под сомнение английское господство на море. Что же касается английской промышленности, то подпорки таможенных тарифов привели лишь к снижению ее конкурентоспособности. На рубеже столетий страна теряет лидирующее положение по производительности труда и машиностроительному производству. На мировые рынки (а также на голубые дороги Атлантики) выходят Германия и США.

Следует отметить, что творец протекционистской системы Джозеф Чемберлен имел в виду не столько конкурентную борьбу, сколько проблему единства Империи. Сочетая высокие тарифные ставки со значительными имперскими преференциями, «великий Джо» надеялся построить сначала «общий рынок», а затем и единую имперскую индустрию. Однако «романтический империализм» не нашел отклика у британских парламентариев, которые рассматривали таможенные пошлины лишь с сугубо эгоистических позиций. В результате (как и предупреждал Чемберлен) введение протекционизма привело не к увеличению экономической связности Британского содружества наций, а к его распаду. К началу Первой Мировой войны Британская империя уже метастабильна: *«так застывает иногда стекло: щелчок — и оно рассыплется в пыль»*.

Бесспорно, самой тяжелой и непростительной ошибкой многоопытной британской дипломатии стало вступление во франко-русскую коалицию. Германия справедливо воспринималась как основной противник Империи.³⁰⁶ Однако из этого совершенно не следовало, что Великобритания должна занимать открыто антигерманскую позицию: положение «арбитра» в схватке между двумя сравнимыми по своим военным и экономическим возможностям группировками давало несравненно больше политических преимуществ.

Освободившуюся «нишу» великой нейтральной державы немедленно заняли США, и геополитическое положение Великобритании сразу резко осложнилось. В 1913 году, еще до начала Первой Мировой войны, Пейдж, посол США в Лондоне, написал президенту Вильсону: «Будущее мира принадлежит нам. Англичане растрачивают свой капитал... Что же мы сделаем с мировым господством, которое явно переходит к нам в руки? И как мы можем использовать англичан для высших целей демократии?»³⁰⁷

2

В Первую Мировую войну Англия не только столкнулась с последствиями уже сделанных ошибок, но и совершила ряд новых. Впервые страна принимает активное участие в сухопутной войне, выставляя на поле боя не традиционный экспедиционный корпус, но несколько десятков стрелковых дивизий. Понесенные Империей потери были невосполнимы.

Сражения на Сомме и у Пашенделя справедливо воспринимались «публикой», как крах теории морской мощи: в самом деле, зачем было растрачивать ресурсы на строительство самого мощного в мире флота, если все равно пришлось вводить воинскую повинность, создавать армию «континентального масштаба» и терять сотни и тысячи англичан убитыми ради захвата холма во Фландрии или деревушки в Пикардии?

Участие в крупномасштабных боевых действиях на суше стало одной из причин

306Подробнее см. Переслегин С. «“Мировой кризис” 1914 года: очерк стратегического планирования». В кн.: Б.Такман. Первый блицкриг. М., АСТ, 1999.

307«Life and letters of Walter H. Page», 1925, vol. 1, p. 139.

огромных заокеанских займов. До сих пор все войны приносили Англии прибыль. Теперь же английское золото уходило за океан (из мирового кредитора страна превратилась в должника США), обменивалось на орудия и снаряды, которым предстояло быть израсходованными в очередном бессмысленном наступлении.

Ко всему прочему, знаменитый британский флот действовал в Великой войне недостаточно уверенно. В ситуации, где Империи могла помочь только блестящая победа в стиле Нельсона, Джеллико продемонстрировал лишь весьма относительный боевой успех. Можно по-разному оценивать результаты Ютландского боя, но для английского общественного мнения они были разочаровывающими.

Великобритания вышла из войны формальным победителем. Однако огромная сумма внешнего долга не дала ей возможности воспользоваться плодами победы. Впервые за многие десятилетия внешняя политика англичан стала предсказуемой.

3

Вехами англо-американского противостояния в межвоенный период стали создание Лиги Наций, Вашингтонские морские договоры, Лондонская морская конференция, мюнхенский сговор. Рассмотрим их подробнее.

Лига Наций, созданная государствами-победителями в Первой Мировой войне, была сугубо совещательным органом. Ход истории показал, что влияние этой организации на международные отношения оказалось призрачным — Лига Наций ничем не могла подкрепить свои решения кроме доброй воли стран-участниц. Однако даже такое минимальное влияние было реально в послевоенном мироустройстве, где отсутствовали другие структурирующие международную политику институты³⁰⁸. Стоит помнить, что Лига имела право (проведенное представителем США президентом Вудро Вильсоном) раздавать мандаты на немецкие колонии. По этой причине или по другим соображениям лидерство в Лиге Наций обеспечивало стране лидирующее положение в мировой иерархии. На первое место претендовали Англия, США и Франция. Однако усиления Франции не желали ни Англия, ни США. Реальная борьба шла между Вильсоном и Ллойд Джорджем³⁰⁹. И тут огромную роль сыграла внутривластная борьба в американском конгрессе — на выборах 1918 партия Вильсона проиграла, поэтому он был вынужден действовать с оглядкой на оппозицию (в том числе ратовавшую и за морально устаревшую «доктрину Монро» — изоляцию США от остального мира)³¹⁰.

(Здесь следует вспомнить историю с появлением этой доктрины. Началось все в 1822 г., когда европейские державы приняли решение созвать Конгресс по причине революции в Испании. В сентябре того же года на пост британского статс-секретаря по иностранным делам был назначен лорд Каннинг.

«Священный союз» (Россия, Австрия, Пруссия и Франция) были настроены решительно — власть испанского монарха должна быть немедленно реставрирована. Лорд Каннинг понимал, что на этом Союз не остановится и попытается воссоздать статус-кво и в южноамериканских колониях, что было невыгодно английским промышленникам и

---

308 Война и революции разрушили старые договоры между государствами, а новых еще просто не было.

309 Парижская конференция 1919 года, на которой, собственно и происходили описываемые события, фактически выродилась в «Совет четырех» — Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо и Орландо (премьер-министр Италии). Часто она сокращалась и до тройки — Италия имела малый вес.

310 Влиятельнейший политик Вильсон на Парижской конференции «сыграл» не блестяще. Этому есть много объяснений — например, болезнь.

банкирам, надеявшимся первыми войти на новый рынок. Поэтому англичане противились принятию резолюции о совместной интервенции. Тем не менее, французская интервенция в Испанию все же состоялась, хотя и без решения Конгресса.

Посылка же войск в Южную Америку была немыслима без согласия Англии. Поскольку позиция Каннинга была твердой, Меттерних провел интригу за его спиной прямо с королем Георгом IV, но и она закончилась неудачей.

В сложившихся условиях Каннингу требовалась дипломатическая помощь, причем, исходя из расклада, оказать ее могли лишь САСШ. По существу, Каннинг предложил послу Соединенных Штатов Раулю союз. Президент Монро (и два его предшественника) были настроены согласиться с предложением Каннинга — ведь в союзе с Британией САСШ становились неуязвимы для любого европейского противника.

Но это был лишь первый уровень предложения Каннинга. Следует понимать, что союз с САСШ никогда не был бы союзом равных. Британия предпочитала слабых и зависимых партнеров — таких, как Португалия. Каннинг знал, что Британия и Соединенные Штаты имеют общие притязания, и что этим странам придется столкнуться в Южной Америке. Поэтому союз был ему не нужен, разве что САСШ отказывались от всяких проявлений активности. На это обратил внимание госсекретарь Адамс, предложивший выступить отдельно от Англии, но в том же ключе. 2 декабря 1823 г. президент Монро обратился к американскому Конгрессу с посланием, в котором утверждалось, что политические системы Америки и Европы антагонистичны. В этой декларации указывалось, что САСШ не вмешиваются в дела Европы, но категорически возражают против распространения политической системы Европы на Американские континенты.

В 1825 году Каннинг признает республику Буэнос-Айрес (Аргентину), Колумбию и Мексику. Таким образом, Соединенные Штаты способствовали проникновению английского капитала в Южную Америку. В дальнейшем доктрина Монро неоднократно использовалась англичанами для борьбы с американцами.

В Лиге Наций у Великобритании фактически оказалось 6 голосов из примерно 30 (каждый британский доминион имел свой голос, плюс голоса Португалии и Японии). Кроме того, наличие англо-японского договора давало Англии решающее преимущество в Совете Лиги (из 9 членов).

Отказ США ратифицировать Парижский договор 1920 года и войти в Лигу Наций был логичным следствием такого положения³¹¹.

4

В начале XX века для США важнейшим вопросом стала проблема морских рубежей страны. Испано-американская война продемонстрировала растущую роль ВМФ в обеспечении интересов страны. Президент Вильсон считал, что американский флот, вынужденный «держать» море от Филиппин до атлантического побережья и бороться за два океана, должен стать сильнейшим в мире. Однако Британия все еще доминировала в морских вооружениях. Уничтожение флота №2 - немецкого — привело к восстановлению (временному) «двухдержавного» стандарта — Британия на 1918 год имела столько же линейных кораблей, сколько США и Япония вместе взятые. Соотношение сил на море на 1.1.1919 представлено в таблице (через плюс указаны строящиеся корабли):

Главный калибр	Великобритания	США	Япония
305-мм	12	8	-

311В дальнейшем это принесло больше неприятностей США, чем Англии, фактически США самоустранились от европейских дел, лишалась доли репараций etc. Но в сложившейся обстановке другого выхода не было.

343 и 356-мм	15	8+3	8
381 и 406-мм	12+1*	0+1	0+2

Легко-линейные крейсера, запланированные на переделку в авианосцы, не учтены (это 2 корабля с четырьмя 381-мм орудиями один с одним 457-мм орудием).

А вот соотношение сил на море к конференции (12.11.1921)

Калибр	Великобритания	США	Япония
305-мм	10	7	—
343 и 356-мм	15	11	8
381 и 406-мм	13+4	1+15	2+4

Конгресс США пытался решить эту проблему «в лоб». В 1916 году была утверждена программа строительства, по которой американский флот должен был получить 10 линкоров и 6 линейных крейсеров. Но из-за вступления США в Мировую войну программа была задержана с выполнением, строительство первых 4-х линкоров началось только в 1917 — 1920 годах, еще 6 линкоров и 6 линейных крейсеров планировалось заложить в 1920—1921 годах. Причем даже выполнение этой программы не давало США преимущество над Великобританией — особенно с учетом несравненно лучшей боевой подготовки на английских кораблях. Поэтому в американском Конгрессе рассматривалась еще одна программа, по которой должно было быть построено 16+16 кораблей. Сами же американцы прекрасно понимали, что она нереальна.

Таким образом, английский флот сохранял положение «хозяина океанов». На деле ситуация осложнялась экономическими проблемами. Royal Navy существенно увеличился за время Мировой войны, а бюджет страны, обремененный колоссальными обязательствами в разных регионах земного шара, пропорционально сократился. Усиление социальных тенденций в обществе уменьшило долю вооруженных сил (и флота) в этом бюджете. Кроме того, как уже указывалось, Англия вышла из войны должником. Ее долги США к ноябрю 1922 года (с учетом неоплаченных процентов) составили 4,7 миллиарда долларов.

Протекционизм, отсутствие системы преференций и общее ослабление британской экономики — все это привело к тому, что в двадцатые годы США начали проникать в британские доминионы — в Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Британский капитал постепенно вытеснялся из зоны традиционных английских интересов - Южной и Центральной Америки, Китая. К 1922 году США установили фактический контроль над целым рядом республик Латинской Америки: Перу, Боливией, Панамой, Сальвадором, Никарагуа, Гондурасом.

Одновременно на мировой арене подвизалась Япония — уже в статусе великой державы и великой Империи. Экономика и вооруженные силы островной страны понесли минимальные потери от войны, а приобретения были существенны. В результате в межвоенный период японские товары начали проникать на тихоокеанские рынки — в Китай, Мексику и Латинскую Америку. В основном японские устремления пока были направлены против США, однако в Китае начало проявляться англо-японское экономическое соперничество.

В результате доминионы Великобритании выступили против продления англо-японского союза. Таким образом, страна утратила общеимперскую политику — по крайней мере, на Тихом океане. Этим и воспользовались американцы, создав в Вашингтоне очередную «мирную конференцию».

Сам ход конференции был очень трудным. Британия не хотела сокращений вооружений, Япония не желала видеть иностранцев в Азии и считала континентальный Китай своей колонией, а США пытались переиграть результаты Парижского мира. В качестве элемента давления США использовали тот аргумент, что они могут построить на каждый английский корабль два, а на японский — четыре.

Помогло прежде всего то, что общественность Англии была не готова к новой гонке вооружений и испуганно требовала сокращений армии и флота. Британия попыталась связать вопрос о сокращении флота с сокращением армии (таким образом столкнув США с

Францией), но не нашла поддержки у остальных участников.

Главным достижением американской дипломатии была статья 4 «Трактата четырех держав» (Англии, США, Франции и Японии): англо-японский союз расторгнулся³¹².

Англия потеряла лучшего союзника из возможных. Япония была безусловно слабее Англии по всем показателям (в отличие от США, Франции и Германии); между двумя «островными империями» не имелось «вековых конфликтов». Японо-английские противоречия на Тихом океане были вполне разрешимы. Кроме того, дамоклов меч войны на двух слабосвязанных ТВД — Атлантическом и Тихоокеанском³¹³ был снят с США.

Внешняя политика 20-х была поразительно кровава и лицемерна. Грекотурецкая война, война Рифф, война Чако, восстание в Египте, восстание в Ирландии, перевороты в Болгарии и волнения в Югославии (тогда еще называвшейся Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев), революции в Албании, — вот лишь краткий список конфликтов десятилетия. Европейская политика превращается из государственной в националистическую. В мелких и даже крупных государствах к власти приходят диктаторы фашистской ориентации — Хорти в Венгрии, Муссолини в Италии.

Конец десятилетия ознаменовался мировым кризисом 1929—1933 годов.

Собственно говоря, он был выгоднее Англии, которая (вместе с Францией и Италией) смогла продержаться до 1931 года. Природа кризиса неоднократно исследовалась, известно множество причин, породивших «Великую депрессию». Нас будет интересовать одна: германская экономика, неплохо управляемая и освобожденная от содержания миллионной армии, оказалась намного более эффективной, чем ожидалось. В результате внутренний рынок Германии быстро исчерпался, а из-за результатов Парижского мира доступ на внешние рынки был для Германии очень затруднен. Именно этим обусловлен интерес германских монополий к России — фактически СССР оставался последним открытым рынком для них. Но на освоение новых возможностей времени не оказалось — кризис в Германии повлек за собой кризис в связанных с ней странах.

Учтем еще, что в 1931 г. Германия оказалась на грани банкротства. А все европейские кредиторы Германии сами были должниками США. Был принят меморандум Гувера, по которому все выплаты отсрочивались на год.

Великобритания достаточно успешно сопротивлялась депрессии, в основном за счет колоний, в которые она пока еще могла экспортировать товары и капитал. Стоит, однако, заметить, что кризисное состояние США не помешало американцам продолжать строительство флота. Лондонская конференция по морским вооружениям оказалась очередной неудачей британской дипломатии. Становой хребет английской колониальной политики — крейсерские силы — решено было ограничить в той же пропорции, что и линейный флот (Англия получала преимущество над США в размере 2-х крейсеров при равном числе эсминцев и подлодок).

И вот тут лейбористское правительство Англии приняло пагубное решение — отменить золотой стандарт³¹⁴. Последствия этого акта экономическим «цунами» ударили по всей Европе. Вслед за Англией отменили золотой стандарт Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Португалия, Индия, Канада, Египет, Япония — страны традиционной проанглийской ориентации. На место фунтов в другие страны хлынул поток американских

312Англичане пытались сделать хорошую мину при плохой игре. Они подчеркивали, что двусторонний пакт уступил место четырехстороннему. Однако японский делегат точно определил истинный смысл статьи 4: «Во всяком случае, вы устроили союзу блестящие похороны» (Toynbee A. Survey of International Affairs, 1920—1923, p.490).

313Конечно, был Панамский канал. Однако проходил он в плохо контролируемом месте и, вполне вероятно, мог быть выведен из строя на продолжительный срок. Тем более, что охрана канала связывала часть американских кораблей, и так вынужденных разделяться между океанами.

31421 сентября 1931 г.

денег. За один месяц из США утекло 330 миллионов долларов. Европа, уже 100 лет бывшая «стерлинговой зоной», за один месяц вошла в «долларовую зону». Уже не фунт, а доллар стал мировым платежным средством.

Нет нужды объяснять, что означает статус резервной валюты или его потеря — вспомните, в какой валюте вы сами храните свои сбережения. Авторитет Великобритании, накопленный веками, поддерживался английским флотом (уже сокращенным, но еще первым в мире), мировыми связями (уже подорванными отказом от англо-японского союза) — и фунтовыми кредитами.

Совершенно ненужный реванш Англия взяла в войне Чако. Этот конфликт между Парагваем и Боливией имел явную англо-американскую окраску, и победа Парагвая упрочила английские позиции в Южной Америке.

Европейские же дела шли хуже некуда. Дальнейшее сокращение флота было невозможно, влияние на Францию фактически отсутствовало, старые английские спутники (Португалия и Швеция) теперь зависели от США. Оставалась ориентация на страны «Оси»: Германию и Италию. Удивительно, но СССР не воспринимался английскими политиками как возможный партнер. Чем это вызвано, неясно. Возможно, правы сторонники психологической теории: СССР теперь подсознательно считался силой, враждебной традиционной Мировой державе. А ведь использование «русского парового катка» в собственных интересах было отличительной чертой английской дипломатии предыдущего столетия!

Германия и Италия с радостью пошли бы в русле английской политики, тем более, что это давало им больше преимуществ, чем Англии. Прежде всего, в вопросах снятия ограничений Парижского мира. Однако страны «Оси» были вовсе не расположены таскать каштаны из огня для экс-владычицы мира. Результатом стал позорный Мюнхенский мир.

Вслед за Лиддел Гартом можно утверждать, что Британия сама создала Гитлера — как последнюю возможность выиграть у США. Не стоит, правда, вкладывать в это утверждение этического содержания.

Предвидение Пейджа потрясает. Англичане действительно растратили капитал. Из центра финансовой и торговой жизни человечества, центра мирового банковского дела, фокуса инвестиций Англия в результате Мировой войны стала страной-должником США. Начиная с 1920 года она входит в период хронической депрессии, продолжавшейся до Второй Мировой войны. Фунт стерлингов, господствовавший на бирже в начале века, был подорван Мировой войной и окончательно уничтожен кризисом 1929 — 1933 годов.

Власть над миром постепенно переходила к США. Это еще было очевидно не всем. Но вот уже в 1930 году (в период «Великой депрессии») в США вышла книга Ладвелла Денни «Америка завоевывает Англию». Она заканчивалась так:

«Некогда мы были колонией Англии. Придет время, когда Англия станет нашей колонией: не по форме, а по существу. Машины обеспечили Англии власть над миром. Сейчас более усовершенствованные машины обеспечивают Америке власть над всем миром и Англией...»

В 1940 году США переходят к активным действиям. Председатель Совета национальной промышленной конференции США³¹⁵ Вирджил Джордан, выступая 10 декабря 1940 года в «Инвестмент бэнкерс ассошиэйшн оф Америка», заявил: «Независимо от исхода войны, Америка вступила на путь империализма в мировых делах и во всех других сторонах своей жизни. Несмотря на то, что с нашей помощью Англия должна выйти из этой борьбы, не потерпев поражения, она настолько обнищает и престиж ее так пострадает, что маловероятно, чтобы она смогла восстановить или сохранить господствующее положение в мировой политике, которое она так долго занимала. В лучшем случае Англия станет младшим партнером в системе нового англо-саксонского империализма, центром тяжести которого будут экономические ресурсы и военная и военно-морская мощь Соединенных

---

315 Главная организация американского крупного капитала.

Штатов... Скипетр власти переходит к Соединенным Штатам»³¹⁶.

Уже в следующем году Штаты преступают к осуществлению этой программы: заключается договор о передаче островных баз флота в Вест-Индии на 50 старых эсминцев. Впервые за несколько столетий Британия отдает территорию, не получая другой взамен.

Колониальная империя Британии продержалась еще двадцать лет. Американский капитал предпочитал действовать последовательно. Соглашение о девальвации фунта разрушило «стерлинговую зону» (то есть окончательно оторвало от Британии доминионы); доктрина Трумэна вытеснила Британию со Среднего Востока; игра Америки с Англией во время Суэцкого кризиса 1956 года³¹⁷, в результате которого Британия потеряла Суэцкий канал (а с ним и весь Индийский океан) — все это были шаги США по расчленению и захвату британских владений.

Не только Британская, но и Французская и Итальянская империи оказались под ударом американского капитала. Но Британская империя была наиболее ценной добычей.

К 1961 году колонизация Британской империи была завершена. Дальше США лишь развивали достигнутый успех — прибирали к рукам метрополию. Великобритания должна была стать «непотопляемым авианосцем» США при всяком конфликте в Европе. Сегодня эта цель тоже достигнута.

Современная ситуация, впрочем, даже еще более плачевна — внешняя политика Великобритании не мыслится вне американской политики. Лишь одно государство открыто поддерживает США во всех локальных конфликтах, участвует во всех военных операциях США — Британия.

3

Наполеон сказал когда-то, что Англия никогда не сможет стать континентальной державой и что если она сделает такую попытку, это будет означать ее крушение. Вторая Мировая война превратила Британию в передовой оплот США — в страну, силы которой составляют ядро наземных сил блока НАТО. Так из лидера мировой политики Британия стала младшим партнером бывшей собственной колонии.

Существует мнение, что во Второй Мировой войне Рузвельт преследовал только одну цель — превращение США в гегемона мира, для чего было необходимо уничтожение политической и военной мощи Британии при сохранении ее территориальной целостности. Эту теорию, однако, еще следует доказать.

Гораздо более интересны решения английских политиков, управлявших Империей в этот период.

Великобритания достаточно благосклонно смотрела на приход к власти в Германии национал-социалистов. Руководство полагало, что система версальских ограничений обеспечивает безопасность Англии, наибольший страх у них вызывали не нацисты, идеология которых была понятна и проста, а коммунисты.

Это стало большой ошибкой. Политика поощрения Гитлера могла иметь смысл только в варианте совместных действий против США (или, что казалось вероятным в то время) — СССР. Второй вариант использовался нацистскими бонзами для оправдания милитаризации своей страны. Нужно сказать, западные демократии убедительно делали вид, что верят в эту ложь.

Эфиопский кризис наглядно показал, что демократический Запад позволит фашистам получить все, на что не претендует сам. Лига Наций объявила Италию агрессором, но никакого эффекта это не возымело. Далее последовала гражданская война в Испании, аншлюсс Австрии и Мюнхен. Англия не просто отдавала без боя свои позиции в Европе —

316«Commercial and Financial Chronicle», New York, December 21, 1940.

317Фактически, спровоцировав этот кризис, США заставили Англию начать боевые действия, а затем поддержали резолюцию ООН, осуждавшую действия агрессора.

она подталкивала Гитлера к продолжению активной политики.

Разве ответственные деятели Англии этого не замечали? Конечно, они понимали, что усиливают Германию, причем усиливают заметно. Но англичане могли себе это позволить. «Сердце дракона» было надежно спрятано. Сердце Империи находилось в Индии. Пока Британия владела Индийским океаном, она оставалась сильнейшим государством мира. Муссолини не воспринимался как противник даже во время «странной войны» — экономическая зависимость Италии от Британии и Франции заставляла его вести себя аккуратно, а Германия в военно-морском отношении считалась величиной незначительной.

В Европе же полагалось действовать по принципу «разделяй и властвуй». Ключевым словом стало «баланс» — Германия нейтрализовала Францию, которая, в свою очередь, вместе с Польшей должна была нейтрализовать Германию.

Гитлер опроверг эти расчеты. Очень быстрый разгром Польши привел к тому, что Англия была вынуждена оказать помощь Франции, тем самым ослабив контроль в Средиземном море и Индийском океане. Пока это было не принципиально.

А вот падение Франции ставило Империю на грань катастрофы. Даже если не говорить о возможном десанте на острова, который уничтожал государство, а не Империю, у германо-итальянского блока появился шанс на захват Средиземного моря. Англичане должны были продемонстрировать морскую мощь. У них не оставалось другого выбора. В качестве «мальчика для битья» был выбран французский флот.

Позорная операция флота Его Величества оказала должное психологическое воздействие. Рёдер исключил из своего рассмотрения Средиземное море. Но 27 сентября 1940 года, в момент острейшей борьбы в воздухе над Британией, был заключен тройственный союз между Германией, Италией и Японией.

Отныне Британия уже не могла победить. При любом развитии ситуации, она теряла контроль над Индийским океаном. Черчилль стоял перед трудным выбором, он мог выбрать победителя в этой войне, зная, что сам он обречен.

Вернее, была небольшая надежда на то, что Япония завязнет в борьбе за Тихий океан, на Средиземном море превосходящие силы защитят канал, а Германия нападет на Россию, причем все это произойдет одновременно.

...Япония захватила Великий Океан за три часа.

Руслан Исмаилов

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ, ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

«КТО ХОЗЯИНОМ ЗДЕСЬ? НАПОИЛ БЫ ВИНОМ...»

(Нетрадиционное исследование итогов Второй и Третьей мировых войн)³¹⁸

«Нужно быть очень большим параноиком, чтобы искать ежика на вершине елки».

П. Шумилов.

Политическую катастрофу конца 80-х — начала 90-х годов: распад Варшавского Договора, разрушение Советской империи, переход европейской цивилизации в монокультурную американскую фазу, — принято считать естественным следствием экономических несообразностей и политических девиаций социализма. Проиграли, потому что не могли не проиграть. Потому что коммунистическое варварство обязано было уступить буржуазной демократической свободе. Историческая необходимость. В смысле —

318Статья написана весной 1998 года, еще до начала работы над «Тихоокеанской премьерой». По различным причинам она не была опубликована, хотя обсуждалась на ряде литературных и политологических семинаров. Предлагаемая Вашему вниманию версия незначительно сокращена.

психоисторическая. *«Нападете вы или нет, используете целый флот или одну эскадру, объявите войну или атакуете без предупреждения — в любом случае вы потерпите поражение»*³¹⁹.

И все-таки?

Я прекрасно сознаю всю слабость бывшей Империи, помню про летаргию ее политических предводителей и интеллектуальную недостаточность предводителей военных. Однако, *«позволю себе отнести последнее высказывание на счет привычки. Мы уже условились считать, что правительство — это мы»*³²⁰.

В конечном счете, исход конфликтов такого уровня, как межкультурные или межкультурные, лишь в самую последнюю очередь определяется экономикой и в предпоследнюю — стратегическими и политическими талантами власть имущих. Они всегда — полные идиоты. По-видимому, здесь кроется эволюционно закрепленная психоисторическая необходимость. Войны выигрываются и проигрываются «вниз»: в столкновениях (не обязательно вооруженных) конкретных людей, вооруженных менталитетом своей культуры и исповедующих ее ценности.

Оперативная информация: Брюс Стерлинг и Чарльз Браун

26 сентября 1997 г. «Странник», всероссийский конгресс фантастики. Пресс-конференция трех приглашенных американцев — Роберта Шекли, Брюса Стерлинга и Чарльза Брауна.

Шекли, этакий «гуру» из шестидесятых годов, был ироничен, парадоксален и миролюбив, как его рассказы. Есть что-то общее между ним и Борисом Натановичем Стругацким. Аристократизм, наверное. Тот истинный, который не бросается в глаза. *«...С высоты моего происхождения не видно никакой разницы даже между королем и вами»*. Такие люди — с их подчеркнутым уважением ко всем людям данной планеты вне зависимости от того, с какой стороны периметра те живут, — всегда как бы находятся вне игры.

Стерлинг, истинно современный американец «компьютерного поколения», приехал интеллектуально развлекаться. Сейчас ему представилась великолепная возможность сыграть спарринг: один на одиннадцать.

С интересом и страхом я смотрел, как в мирной респектабельной пресс-конференции употребляются приемы «оборонной магии», которые у нас в стране приберегаются для самых ответственных словесных поединков. В жизни не видел такого виртуозного владения приемами психологической агрессии. И это — с переводчиком, когда 20 — 25% ментальной энергии теряются по определению — на процедуре трансляции.

Не будь я диалектиком, нацепил бы защитное заклинание и переключил бы «локатор» на сканирование. Впрочем, постепенно разовый страх сменился у меня глубоким ужасом.

Двумя годами раньше мне случилось побывать в Италии, и я долго не мог забыть ощущение полнейшей психологической безопасности, которое было у меня в этой стране. Мы с рождения привыкли к формализму «боя всех против всех». Жизнь учила не расслабляться, «ловить» внутренним взглядом угрозу впереди и за спиной, быть готовым ответить, если вдруг «сельва спросит».

Там, в Италии, меня поражало отсутствие у людей включенных внутренних локаторов. Они не ждали угрозы. Они не были мобилизованы. Потому нам среди них было легко, а их наше присутствие стесняло и подсознательно пугало. Ночью на окраине Рима мы наткнулись на компашку подвыпившей молодежи, высыпавшей из ночного бара. Ситуация понятная и знакомая: радар на сопровождение, определение самого слабого и самого опасного, выработка тактики боя, адреналин на предбоевой режим, сближаемся — обычной туристской разболтанной походкой, глазеем по окрестностям и ждем. Они испугались! Девчонки, подумав, юркнули обратно в бар, парии перевалили на другую сторону улицы. «Заводиться» им явно расхотелось: в конце концов, до них дошло, что численного

319А. Азимов. «Основание».

320А. Азимов. «Основание».

превосходства всего лишь три к одному явно недостаточно...

Так вот, в зале гостиницы «Русь» — на конференции фантастов я оказался в шкуре этих молодых людей. С ужасом я понял, что, во-первых, мобилизованности и энергетике Стерлинга мне противопоставить нечего. *«Как школьнику драться с отборной шпаной»?* Во-вторых, помощи от других ждать не приходится: большая часть народа даже не поняла, что их уже «сделали», что их психологическая оборона пробита, и минимум, которым они отделаются, — это острая головная боль и депрессия, — а с оставшимися Стерлинг разберется шутя. И в третьих, что сам он — лишь авангардная группа, вызывающая огонь на себя. А во втором эшелоне действуют главные силы в виде редактора «Локуса» господина Чарльза Брауна.

Загадочный человек этот Браун. Такой же загадочный, как его журнал, который объективно нерентабелен, однако выходит уже двадцатый (или больше?)- год. Интересно, почему это американцы, которые никогда не платят лишнего, его кредитуют? И почему сам этот, мягко говоря, незаурядный человек, отнюдь не находящийся в психологическом статусе «ребенка», занимается неприбыльным и малопrestiжным делом? Очень интересно.

Браун говорил мало. Он вступал в разговор только тогда, когда Стерлинга заносило (а того время от времени заносило) и «одним универсальным движением брови» ликвидировал возникающую проблему. Видимо, Браун считал, что следует стремиться к 100% попаданий.

По окончании конгресса один из нас сказал:

«Ну, хорошо, может, эти двое «там» самые «крутые». Но ведь из списка американской писательской элиты их выбирали, в общем, случайно. Или это в США средний уровень?»

«Грустно, господа...»

Постановка задачи

Эта встреча вынудила меня начать определенный «пересмотр баланса» сил на Земном шаре. До сих пор в кругах военных историков принято с иронией относиться к американским вооруженным силам. Собственно, все войны последнего столетия подтверждают тот факт, что воевать янки не умеют.

Первая мировая война: по численности американская дивизия превосходила английскую вдвое, а немецкую — втрое. По боеспособности они в лучшем случае были одинаковы.

Межвоенный период: анекдотический случай — семь американских эсминцев днем, вблизи собственной базы, строем садятся на камни в проливе Санта-Барбара — абсолютный рекорд всех времен и народов.

Вторая мировая война: Япония, по своим экономическим возможностям стоящая где-то между Голландией и Бельгией, поставила вооруженные силы США на грань катастрофы. В Арденнах армии США потерпели поражение от уже разбитых гитлеровских войск, о действиях в Африке и Италии я лучше умолчу.

Корея: более чем посредственные результаты при абсолютном преимуществе в воздухе, да и эти результаты достигнуты, по преимуществу, австралийцами и новозеландцами.

Вьетнам: несмотря на все приложенные усилия, поставленная цель не достигнута, сухопутные части показали совершенно недостаточный уровень боевой подготовки. Американский матрос сжег (правда, не до конца) авианосец «Форрестол» и с десяток боевых самолетов, пытаясь потушить горящую магниевую ракету в ведре с водой...

Анекдоты можно множить и множить, но, сколь ни печально это для нашего самолюбия, должно вспомнить, что эти люди выиграли во всех военных конфликтах столетия. В том числе — у нас с вами.

Итак, ставим задачу: «они» не умеют воевать, но почему же их неумение, столь многого стоит?

Сразу же придется отклонить ответ, объясняющий американские военные успехи их

экономическим могуществом. Это — лишь подмена одной задачи другой, ей эквивалентной. *«Опиум усыпляет, потому что в нем заключена снотворная сила».*

О несуществующем, или об американской экономике

Государственный бюджет ничем принципиально не отличается от семейного. Доходная часть его определяется тем, как вы работаете (для страны — это уровень производительности труда). Расходная состоит из необходимых затрат, желательных затрат и «затрат на развлечения». Остаток, если он есть, идет в фонд накопления. Тратить больше, чем зарабатываешь, можно лишь взяв кредит, что чревато. (Для государства, правда, есть возможность «нарисовать» внутренний кредит, который можно и не отдавать — напечатать дополнительные деньги и взвинтить инфляцию. Последствия — за свой счет.) Ну, еще можно поторговать. Однако невозполнимые ресурсы рано или поздно кончаются, а торговый баланс при обмене продуктами труда в конечном счете опять-таки определяется производительностью этого труда. Короче, экономического «вечного двигателя» в природе не существует.

Принято считать, что государственная валюта обеспечивается «всеобщим достоянием» нации, однако кто и когда видел и считал это достояние? Наверное, только в фильмах о Джеймсе Бонде всерьез утверждается, что в подвалах Форт Нокса действительно лежат золотые слитки...

Современные финансы — динамическая категория, устойчивая лишь при детальном равновесии производства и потребления. Как интуитивные построения, так и конкретный анализ наводят на мысль, что данное равновесие в экономике США давно и необратимо нарушено.

Заметим, прежде всего, что производительность труда в США сегодня заведомо уступает японской и, скажем так, не превосходит западноевропейскую. Так что уровень государственных доходов в США и, скажем, Великобритании, должен быть сравним (хотя бы по порядку величины). Разберемся в расходах.

Флот США отвечает «мультидержавному стандарту»: он превосходит флота всех остальных государств земного шара, вместе взятые. Только одних ядерных авианосцев в этом флоте девять штук. С полными авиагруппами, с системой базирования по всему миру, с высокооплачиваемыми наемными экипажами. Причем, что характерно, последняя серия из пяти экземпляров строилась уже после распада Союза, когда стало ясно, что реального боевого применения этим авианосцам не найдется. Строили «с жиру». По уровню затрат (с учетом технического и экономического прогресса) такой спурт — что-то вроде «дредноутной гонки» начала столетия. «Дредноутная гонка», однако, была обусловлена по крайней мере наличием реального противника. И она привела, сейчас это более или менее очевидно, к разорению и упадку Великобритании.³²¹

Кроме надводного флота американцы полностью переоснащают подводный. Одновременно авиация переходит на новые типы боевых самолетов, созданных по стелс-технологии. Резко меняется техническое обеспечение сухопутных сил. Все это требует денег и — с учетом очень высокого уровня жизни в США и обусловленной этим значительной доли заработной платы в общем объеме расходов — денег немалых.

Но военными расходами дело не ограничивается.

США немало тратят на космос — «шаттлы», беспилотные аппараты для разведки Большой Системы, станция «Альфа». Клинтон что-то говорил своему народу относительно планеты Марс...

---

³²¹Пример Великобритании характерен, поскольку в начале столетия она находилась точно в таких же условиях, что и нынешние США: фунт был резервной валютой, Лондон — центром мировой торговли, и страна получала сверхприбыли, положенные гаранту системы мировой морской торговли

В США очень дорогое (и, если верить исследователям ЮНЕСКО, поразительно неэффективное) школьное образование. Кто-нибудь подсчитает доллары, валящиеся в эту финансовую «черную дыру»?

И наконец — факт «на закуску». Дешевый бензин в Америке. Раз в два дешевле, чем в Западной Европе. Это при том, что привозная нефть стоит столько же, переработка в США — дороже (все тот же высокий уровень жизни), а сверх того США часть нефти добывает у себя дома, и эта нефть стоит заметно больше привозной. Иными словами, сырая нефть в США дороже, переработка тоже, а вот очищенный бензин оказывается дешевле.

Заметим, что дешевый бензин Штатам необходим, поскольку вся их транспортная система основана на автомобильном транспорте. Но ведь даже страны-экспортеры нефти разорялись, когда пытались поддерживать у себя цены на бензин много ниже мировых. Пример СССР здесь достаточно показателен.

Но, может быть, американцы экономят деньги на сверхэффективности своей экономики? Любая страна тратит часть своего труда совершенно непроизводительно, поэтому КПД экономики всегда меньше единицы. (К примеру, реальный продукт изготавливает рабочий, вытачивающий детали. Но предприятие не может обойтись без более или менее раздутого штата администрации, которая деталей не делает, но необходима для регулирования процесса производства. В данном примере КПД завода определяется долей затрат на содержание администрации в общей стоимости продукта. Для страны неизбежные, но непроизводительные — то есть не удовлетворяющие никаких, даже самых извращенных человеческих потребностей затраты связаны с содержанием государственных органов и налоговой службы.)

Так вот, США имеет высокие прямые налоги, и ее фискальная система весьма развита. Что же до администрации, то с учетом дублирования всех управляющих органов на уровнях Штатов и Федерации она просто безобразно раздута.

Сверх того, в США очень и очень высокие и совершенно непроизводительные расходы на медицинское обслуживание и на поддержание безбедного существования «паразитических» сословий юристов и психоаналитиков.³²²

(Попятно, что я не призываю вернуться в каменный век и вообще отказаться от психологического и медицинского обслуживания или от правового обеспечения общественной жизни. Речь идет о выходе за рамки здравого смысла — когда, обратившись к врачу по поводу элементарной ангины, получаешь назначение на рентген позвоночника или операцию аппендэктомии.)

В этом разделе навязчиво повторяются слова «большие», «огромные», «значительные», «недостаточные» и им подобные эпитеты, хотя говорят, что финансы любят конкретный счет, а не общие рассуждения.

С этим не приходится спорить, но у меня нет никаких оснований доверять официально публикуемым бюджетным цифрам больше, нежели представленному в российскую налоговую инспекцию балансу очередного мертворожденного общества с ограниченной ответственностью. Определить сколько-нибудь точно совокупный общественный доход весьма трудно. На этом основано само существование современной мировой финансовой системы, которая вся держится на не обеспеченных ничем, кроме доброго имени того или иного государства, кредитах. Именно поэтому я предпочитаю эпитеты цифрам. Цифрами можно манипулировать всегда. «Айн, цвай, драй» — и в до зубов вооруженном имперском Советском Союзе самые низкие в мире оборонные расходы.

---

³²²Наверное, хочется возразить, что медицина и юридические услуги в США платные, а затраты на образование большей частью несут конкретные штаты, а не федеральный бюджет. Так оно и есть, и ничего это не меняет. Мы же считаем интегральный баланс расходов с доходами в масштабах всей страны — составляем баланс общества, а не государства. Поэтому нам не принципиально, кто именно непроизводительно тратит деньги: федерация, штат или отдельный гражданин. В любом случае они выбрасывают на ветер превращенный в деньги труд — свой или чужой.

«Эники, беники» — и американский ударный авианосец оказывается дешевле японского сторожевика...

В общем, мы не можем подтвердить цифрами интуитивный вывод, согласно которому Штаты не могут сводить концы с концами в экономике. Зато мы можем подтвердить это фактами. Фактами реального существования девяти ядерных авианосцев, дешевого бензина и сотен тысяч никому не нужных юристов.

О невозможном, или о личной жизни белого американца

«По результатам социологического опроса, проведенного институтом Гэллапа, на вопрос «хотите ли вы интимной связи с Биллом Клинтоном», 65% американок в возрасте от 7 до 70 лет ответили: «Как, опять?». (Анекдот, однако.)

Разговоры о харрасменте и феминизме всем надоели, потому буду предельно краток. За последние годы в Америке *сложилась и оказалась закрепленной законодательно* система личных отношений, основанная на отрицании традиционного разделения половых ролей. Но это разделение потому и традиционно, что порождено биологической эволюцией человека. В результате возникло и стало играть едва ли не определяющую роль в личной и общественной жизни нарастающее противоречие между биологическими и социокультурными императивами. Это вызвало стремительный рост неврозов сексуального происхождения.

В США появление ребенка в семьях, где оба партнера — белые образованные обеспеченные американцы — стало настоящим событием. Уже не сексуальные девиации и наркотики (как в шестидесятые годы), а психологическая импотенция и бесплодие определяют здоровье нации. Понять это нетрудно. Сексуальные отношения (особенно в подростковом и юношеском возрасте) опираются на многие традиционные «знаки»: *«Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание...»*³²³ Сейчас в США эта знаковая система разрушена. А согласно современному американскому толкованию законов практическое *любое* поведение мужчины может быть истолковано женщиной как сексуальное домогательство и повлечь за собой *уголовное* наказание. Поскольку же сроки давности по подобным искам не определены, секс становится похожим на хождение по минному полю — со всеми вытекающими последствиями.

Собственно, хотя харрасмент представляет собой несомненно новое явление, с социально значимыми сексуальными девиациями человечество сталкивалось и раньше (например, в эпоху упадка классической Греции). Всякий раз это было симптомом тяжелого политического кризиса.

С точки зрения теории систем современная ситуация в США должна обозначать взрывное увеличение социальной энтропии (доли труда, направленного на достижение заведомо недостижимых либо взаимно несовместных целей) и соответствующее падение производства. Должно. Однако же *не обозначает*.

О маловероятном или о программе «Аполлон»

Мои первоначальные представления о причинах успеха американцев в Третей Мировой войне были связаны с произведениями А. Азимова, конкретно с «Нечаянной победой» (посвященной советскому народу!) и ранними вещами цикла «Основание». Вообще, именно Азимов всегда представлялся мне автором плана войны. (Уровень интеллекта американских военных, возглавляющих штабы в 40-х - 60-х годах, никоим образом не позволяет приписать им разработку сколько-нибудь нетривиального

323Р.Шекли «Обмен разумов».

оперативного замысла.)

Азимов был вполне последовательным марксистом, потому и придумал «психоисторию» — марксизм XX столетия. (Каким-то тонким нервом наши цензоры почувствовали враждебность «Основания» советской империи и книгу у нас запретили. Потому и упустили возможность своевременно разобраться в схеме операции и организовать контригру. Впрочем, Азимов запрещение своей книги в СССР, скорее всего, предвидел — психоисторическая задачка для второклассника.)

Операция, как она представлялась Азимову, была проста. Сугубо непрямые действия — прежде всего в психологической области, направленные на разрушение общего ментального поля, основного, если не единственного фактора, скрепляющего советскую Империю. (Собственно, в раннем «Основании» именно эту задачу — разрушение общего ментального поля противника — и решают любимые герои автора Сальвар Хардин и Хобер Мэллоу.)

Однако психоисторическая стратегия имеет два принципиальных и неустранимых ограничения: во-первых, социум, над которым производится психоисторический эксперимент, не должен знать психоисторию (это было надежно обеспечено самой советской системой), и, во-вторых, за время осуществления операции не должно появиться социально значимых технологических инноваций. Здесь и произошел сбой. Двенадцатого апреля 1961 года человечество обрело новую — космическую — степень свободы.

Теперь речь уже не шла об «идеальном конечном результате». США на время вынуждены были перейти к стратегической и психологической обороне. Ментальная «отдача» сотрясала страну (убийство Кеннеди и Кинга, события 1968 года, Вьетнам). Волей-неволей пришлось перейти к прямым действиям. Ответом на полет Гагарина могла стать только высадка на Луне.

И американцы добились ее. Летом 1969 г. экипаж «Аполлона-11» под командованием Нейла Армстронга выиграл Третью Мировую войну, лишив СССР преимущества в космосе и вернув события на рельсы азимовской стратегии, столь блистательно увенчавшейся успехом в восьмидесятые годы.

И вновь критический анализ заставляет нас задать несколько неочевидных вопросов.

Ощущение, что с программой «Аполлон» не все благополучно, вызвало к жизни фильм «Козерог-1», где изображена имитация грандиозной марсианской экспедиции, и десятки идиотских заметок, «доказывающих», что на Луну никто не летал. Летали, конечно. Межкультурный конфликт не выигрывается примитивным обманом. Но вот как летали?

Лунная программа на элементной базе шестидесятых годов была технологической авантюрой. К тому же американцы работали в невероятной спешке: от момента принятия решения до экспедиции Армстронга прошло всего восемь лет.³²⁴ Конечно, были приняты неоптимальные решения: кислородная атмосфера, морской финиш, многократные перестыковки. В результате возникла система, надежность которой официальные лица определили всего в 98 — 99 процентов. «Неофициально» дело обстояло, видимо, намного хуже.

Сатурн-5, *предельная* ракета на жидком топливе. Браун, конечно, был гением, но и он не стал бы гарантировать абсолютную надежность этого носителя. Перестыковка. Коррекции траектории. Отстыковка лунного модуля. Посадка на Луну. Взлет. Стыковка. Коррекции траектории. Посадка. Все по отдельности вполне надежно. Но вместе — это уже система с минимальной, если не отрицательной оперативной устойчивостью.³²⁵

---

³²⁴Для сравнения: значительно более примитивный проект «Спейс Шаттл» разрабатывался 15 лет, далее около года шли испытательные полеты. Лишь после этого система была допущена к рабочей эксплуатации. И, как показала катастрофа «Челленджера», преждевременно.

³²⁵Конечно, успешные операции с заведомо отрицательной устойчивостью историку известны (к примеру, атака Перл-Харбора или африканская кампания Роммеля.) Но как раз для американцев подобные действия никогда не были характерны. Попытка при Картере

Между тем, риск, я разумею — политический риск, был очень велик. Общественное мнение при демократии носит истерический характер. Тяжелая авария «Аполлона-11» привела бы, скорее всего, к полному свертыванию программы и тяжелому поражению в космосе. Во всяком случае, следующий полет состоялся бы не раньше, чем через несколько лет. (Вспомним, насколько была отброшена советская космонавтика случайной гибелью экипажа «Союза-11», хотя причины катастрофы были установлены мгновенно, и никаких технических доработок эта трагедия не потребовала.)

К началу 1969 г. было ясно, что времени на раздумья, на доводку системы, на беспилотные эксперименты нет. В СССР уже была испытана система «Зонд» — двухместный космический корабль для облета Луны — и, невзирая на все неудачи, заканчивалась работа над лунным носителем Н-1.

Американцы рискнули и выиграли.

Американцы? Рискнули?

Что-то здесь подлежащее не согласуется со сказуемым.³²⁶

Промежуточные итоги

Приходится диагностировать, что в наших построениях концы не сходятся с концами. Можно долго доказывать невозможность полета «Аполлона-11», но Нейл Армстронг все-таки ступил на Луну и сказал свою знаменитую фразу о маленьком шаге для человека и огромном для человечества. Можно не верить в американскую экономику, но она существует, и товары, ей произведенные, мы покупаем едва ли не ежедневно. Можно постулировать неизбежность взрывного распада социума от одного только харрасмента, но ведь это мы распались, а вовсе даже не Америка.

Но ведь и от поставленных здесь вопросов нельзя просто отмахнуться.

Притча о системе автоматического наведения

1935 г. Вы узнаете, что гитлеровская Германия разрабатывает ракеты «воздух-воздух» с автоматическим наведением на цель. Вы — грамотный инженер и представляете, как будет выглядеть этот электронный блок на шестернях, реле и вакуумных лампах, запитанных от кислотного аккумулятора. Вы отдаете себе отчет, что система эта громоздка, дорога и ненадежна, что от маневров носителя и толчка при включении двигателя будут вылетать из гнезд лампы, отрываться контакты, заклинивать шестерни. И со спокойной совестью вы докладываете начальству, что практического значения эта разработка не имеет.

Начинается война и оказывается, что все ракеты поражают цель. Наконец, удается захватить неповрежденный экземпляр. Вы вскрываете блок управления и видите примерно то, что ожидали: битое стекло ламп, сломанные шестерни и путаницу оборванных проводов. Однако головка ракеты следит за вашими движениями и отслеживает их, отклоняя рули. Вы

освободить заложников в Тегеране малоустойчивой операцией (с двумя дозаправками на неприятельской территории) закончилась провалом, человеческими жертвами и крахом многих карьер.

326 Оперативная информация.

В описываемый период технический уровень нашей и американской космонавтики был в целом сравним (об этом можно судить по близкому количеству пусков, примерно одинаковому проценту аварий, сбоев, человеческих жертв). Одновременно с «большой» (т.е. пилотируемой) в СССР разрабатывалась «малая лунная программа» — доставка на Землю лунного грунта с помощью автоматической станции. Идея, конечно, не такая амбициозная, как проект «Аполлон», но и технически много более простая. Успешным оказался лишь третий запуск, в 1970 г. Еще раз повторю: элементная база 60-х годов не позволяла организовывать лунные экспедиции. То есть позволяла — но на крайнем пределе.

пытаетесь разобраться и, наконец, находите среди хлама маленькую черную коробочку сантиметр на сантиметр с двумя десятками выводов и около нее продолговатый цилиндр с надписью «Энерджайзер, 1,5 вольт».

Оперативная информация: хронология «Оснований»

Первый цикл работы над хрониками приходится на 1942—1945 гг. Тогда это были довольно разрозненные микроповести, не представляющие единого Текста.

В период 1949–1953 гг. создается собственно «Foundation»: психоистория, ее рабочие ограничения, схема «двухтактного двигателя» галактической истории с Первым Основанием на Терминусе и Вторым на Транторе. В этот период меняется концепция Второго Основания. Первоначально оно мыслилось, несомненно, как психоисторический «штаб операции», но никоим образом не как самостоятельная политическая сила. Однако уже в третьем романе цикла Второе Основание представлено не столько историками, сколько менталами, способными управлять другими людьми.

Затем следует долгое молчание, и с 1983 г., когда все уже было взвешено и решено, появляется совсем другое «Основание», странное и горькое. «Основание», в котором вся история, весь гениальный план Седдона представлены лишь наблюдаемыми проявлениями скрытой деятельности Р.Даниэла, который из рассудительного, но, в общем, звезд с неба не хватающего робота (Илайдж Бейли, в котором заметны черты самого Азимова, «сделал» его и в «Стальных пещерах», и в «Зеркальном Отражении», и в «Обнаженном Солнце») превращается в некую демоническую фигуру ментала, управляющего Галактикой. Понятно, что в повести «Основание и Земля» Р.Даниэл, проживший к этому времени не одну тысячу лет, выглядит по-иному, нежели в «Стальных пещерах». Но и в поздних (1983—1985 гг.) повестях «аврововского цикла» он не слишком напоминает Даниэла времен Космополиса.

Вообще, противоречия между «ранним» и «поздним» «Основанием» настолько велики, что речь идет уже, в сущности, не об одном, а о двух сериалах с совершенно различными историческими концепциями.

Эгрегоры. Модификаторы поведения

Итак, изучение произведений Азимова наводит на мысль, что между серединой пятидесятых и началом восьмидесятых годов в США «что-то» случилось. И это «что-то», насколько можно судить, отравило Азимова всю радость от триумфального завершения его плана.

Прямой социологический анализ лишь подтвердил эту гипотезу (так в пятидесятые годы американская экономика была сбалансирована вполне традиционно, обыденными были и эксцессы общественной жизни — маккартизм под тем или иным названием «проходила» всякая великая империя), но не позволил определить семантику случившегося. Поэтому я обратился к историческому анализу и формализму причин и следствий.

В первую очередь необходимо было сформулировать, чем американская культура принципиально отличается (и всегда отличалась) от породившей ее западноевропейской. Эта проблема надолго погрузила меня в мир архетипов, големов, эгрегоров и прочих объектов, принадлежащих частью информационному, частью «тонкому», но не объектному миру.

Големы Лазарчука-Лелика³²⁷ сейчас известны настолько хорошо, что вряд ли есть смысл останавливаться на них, тем более, что никаких особенностей, выделяющих

---

³²⁷В работе этих авторов «Голем хочет жить» было убедительно показано, что государственный административный аппарат и все эквивалентные ему системы представляют собой искусственный интеллект и обладают собственным поведением. В дальнейшем понятие «голем» было расширено на любые квазиживые объекты, элементарной базой которых являются люди.

американский Голем из однотипных, найти не удалось. Совершенно заурядный информационный объект первого уровня, при распознавании — жирный и ленивый.

Исследование эгрегориальной структуры³²⁸ привело к парадоксальному результату. Не то, чтобы у американцев совсем не было «крыши», но «крыша» эта сводилась к примитивному набору представлений о так называемом «американском образе жизни». В пространстве информационных объектов Штаты, если и выделялись из общеевропейского уровня, то в худшую сторону: конструкции, которые удалось идентифицировать, отличались меньшей структурностью и более простым поведением. Я отметил этот факт, первоначально не придав ему большого значения.

К этому времени у меня появились неясные сведения, намекающие на существование информационных объектов принципиально нового класса, объектов, обобщающих классическое представление об эгрегоре, как о присоединенном семиотическом пространстве культуры.

Толчком послужило ехидное письмо Александра Больных, человека, хорошо известного как в кругу любителей фантастики, так и среди специалистов по военной истории. Больных с прямотой римлянина задавал вопросы, нелицеприятные для всех конструкторов и реконструкторов версий Цусимского сражения. Прочитавши письмо, мне захотелось освежить в своей памяти некоторые материалы.

Я занялся судебными делами по факту сдачи миноносца «Бедовый» и эскадры Небогатова. Надо сказать, что по духу и букве петровского Морского Устава сдача в плен кораблей, не потерявших возможности сопротивляться, не может быть оправдана ни при каких условиях. Соответственно, с юридической точки зрения у подсудимых было только две возможности: умолять о снисхождении, уповая на монаршую милость, либо перейти к нападению и клеймить «прогнивший царский режим, пославший их на верную смерть». В последнем случае можно было рассчитывать на поддержку «революционного» общественного мнения. (Конечно, обе линии поведения были несовместимы с личной честью, но, в сущности, само участие в процедуре сдачи уже покрыло подсудимых несмываемым бесчестьем.)

---

328 Термин «эгрегор» имеет широкий семантический спектр: разные школы употребляют его в разном контексте. Эгрегоры относятся к числу высокоорганизованных квазиживых объектов со сложным поведением. На интуитивном уровне восприятия эгрегор это *«голем, в который вселилась чья-то бессмертная душа»*, иначе говоря — *голем, обладающий свободной волей, а, значит, и определенным творческим потенциалом, опирающимся на коллективное бессознательное его реальных или возможных адептов*, информационный объект, имеющий признаки личности.

Можно определить эгрегор как *общее психо-семантическое поле больших групп людей, выделенных по какому-то значимому признаку* (христианский эгрегор, национальный эгрегор и т.п.) Понятно, что такой объект подпитывается личностной энергетикой своих адептов, и в этом смысле можно говорить о паразитизме. С другой стороны, за служение эгрегору человек всегда получает воздаяние: чувство защищенности (эффект «крыши»), дополнительную энергетику, информационные озарения и т.п. При этом речь идет не только о перераспределении ресурсов, когда некие «жрецы» живут за счет паствы. Эгрегор, насколько можно судить, энергетически взаимодействует, во-первых, с другими эгрегорами, а во-вторых с такими сущностями, как Земля и Космос.

Соответственно, подключившись к достаточно мощному и развитому эгрегору, можно получать помощь из прошлого или будущего, из миров-Отражений, из глубин собственного подсознания. Можно дочиста «ограбить» незадачливых партнеров, столь мощной крыши не имеющих. Но платой за это будет твоя душа, которая, растворившись в личности эгрегора, усилит его.

В принципе, можно сказать, что ближе всего к нашему представлению об эгрегоре находятся древние боги. В смысле, о котором говорил А.Городницкий: «На Олимпе же богов бессмертных много — \ Кто-нибудь да согласится нам помочь».

Прочтя все показания по несколько раз, я оказался в полной растерянности. Создавалось впечатление, что русские морские офицеры, люди, которых я не мог не уважать за ум и образованность, ведут себя как скопище лгунов, тупых и бестолковых, не способных даже мало-мальски согласовать между собой версии случившегося. А уж объяснения, которые они давали своим поступкам... Прокурор, уцепившись за подброшенное ему словечко «машинально», имел все основания возразить Клапье-де-Колонгу: *«Думаю, что машинально ни один офицер русского флота приказать изготовить и поднять белый флаг не может. До позора, чтобы такие приказания стали для офицера обычными, мы еще, слава Богу, не дожили»*.

Только в этот момент я осознал, что произошедшее утром 15 мая в Японском море событие, в сущности, очень необычно. Прежде всего, я пересмотрел список сдавшихся и сражавшихся кораблей.

Вот три броненосца береговой обороны, неведь как оказавшиеся за тридевять земель от своего естественного театра военных действий. Однотипные корабли, одинаковые биографии, похожие командиры (надо сказать, что крупные боевые корабли создают собственные эгрегоры, при этом у однотипных судов и эгрегоры, как правило, похожи). «Адмирал Ушаков» сражается до последнего снаряда, «Сенявин» и «Апраксин» сдаются в плен. «Ушаков» шел один, «Сенявин» — в составе эскадры, сохраняющей преемственность командования. Из девяти миноносцев сдался только один — тот, на котором был адмирал и чины его штаба. Сдался в обстановке, весьма далекой от «окружения превосходящими силами противника». Короче, чем дальше, тем больше создавалось впечатление театральности, сюжетности происходящего. В самом деле, если бы я писал фантастический роман о некоей русско-японской войне (случившейся, очевидно, в параллельной Реальности), об адмиралах Рожественском и Того, о Цусиме, какая ударная концовка мне понадобилась бы? Да именно эта самая: церемония спуска флага на «Николае» и разговор двух адмиралов в госпитале Сасебо.

Что характерно: цусимскую капитуляцию рассматривают по-разному: как позор, как преступление, как единственную возможность снасти людей — но все без исключения считают ее *естественным и логичным* концом войны.

Я вновь обратился к материалам следствия, предположив на этот раз, что все или почти все подсудимые говорили правду. Могли ли их показания быть логически совместны, и если да, то при каких условиях? Анализ позволил выделить следующие принципиальные моменты:

1. Показания свидетелей (матросов, судовых священников, врачей, корабельного инженера) единодушны в том, что до самого момента капитуляции такая возможность не приходила никому в голову. (Дело здесь не в героизме моряков и в верности присяге. Просто люди были слишком измотаны, чтобы мыслить категориями, выходящими за рамки обыденного опыта, а, как правильно заметил прокурор, сдача в плен пока еще не стала для русских моряков привычным и естественным явлением). После этого момента, напротив, никому не приходило в голову, что могли быть и другие варианты. То есть можно говорить о *психологическом переключении*.

2. В показаниях непосредственных виновников сдачи обращает на себя внимание навязчивое повторение семиотических конструкций «машинально», «как в тумане», «я не осознавал, что делаю», «я находился как будто во сне», указывающее на *бессознательный характер поступков*.

3. Отмечается *амбивалентность поведения* многих участников сдачи, отдававших с минимальным промежутком времени самые противоречивые приказания. («Открыть огонь!», «Ни в коем случае не стрелять», «Поднять белый флаг», «Приготовиться к бою», «Выбрасывать за борт затворы», «Не смей портить орудия»...)

4. Некоторые моменты сдачи практически полностью *вытеснены из памяти* обвиняемых и свидетелей. Так, только на броненосце «Орел» (который находился в бедственном положении и, согласно Морскому Уставу, единственный имел право сдаться в

плен) помнили процедуру подъема японского флага.

5. Наиболее необъяснима ситуация на «Изумруде», который, уже отрепетовав сигнал о сдаче, неожиданно для всех дал полный ход и ушел из кольца японских кораблей. Вместо душевного подъема, который по идее должен был вызвать такой поступок, офицеры и команда корабля пришли в состоянии острой депрессии, которая на следующий день вылилась в форменный психоз (в результате чего крейсер был сначала посажен на мель в русских водах, а потом взорван «во избежание захвата японцами», коих в радиусе сотни миль не было и быть не могло).

Напротив, психическое состояние команд сдавшихся судов оставалось почти нормальным. Во всяком случае, среди офицеров не было самоубийств или серьезных психических расстройств.

Такая *парадоксальная психическая реакция* требует объяснений.

Все эти факты хорошо объясняются гипотезой о динамических эгрегорах, которые я называл *модификаторами поведения*. В самом деле, нам известно, сколь мощное воздействие на психику могут оказать обычные статические объекты. На стадионе, в Храме Господнем, на первомайской демонстрации естественно вести себя в соответствии с «пожеланиями» местного эгрегора. В этом случае ты будешь вознагражден состоянием, близким к эйфории. Если же ты решил противопоставить себя воле этого эгрегора, то последствия в виде головной боли, дурного настроения, депрессии не заставят себя ждать. Можно сказать, что в подобных «полях» модифицируется восприятие человека. («— Но ты же знал, что дракона убил не бургомистр? — Дома знал, а на параде...»³²⁹)

Предположим теперь, что некоторые эгрегоры существуют не в пространстве, а во времени, представляя собой *сюжеты*. В отличие от обычных информационных объектов, для жизнедеятельности которых требуется лишь сам факт наличия людей-носителей и информационного поля, их связывающего, для объектов динамических непременным условием существования служат определенные поступки людей. И такие объекты оказывают на людей психологическое воздействие, *модифицируя их поведение* и заставляя подчиняться логике сюжета, даже если внушенные действия абсолютно не соответствуют их натуре.³³⁰ В рамках этой модели очевиден список сдавшихся кораблей: воздействие оказывалось лишь там, где капитуляция была важна сюжетно. Объяснима амбивалентность поведения — императивы личности боролись с императивами модификатора. Понятна ситуация с «Изумрудом» — наказание за ослушание.

Бессознательный характер поведения и эффект вытеснения указывает на то, что механизмы воздействия модификатора на личность находятся глубже уровня сознания.

Модель модификаторов объяснила довольно многие загадки человеческой истории и вызвала интересную дискуссию (в которой, в частности, было дано определение нирваны, как состояния, позволяющего человеку выйти из кругооборота сюжетов и, следовательно, не подвергаться воздействию со стороны каких-либо динамических модификаторов), но она отнюдь не прояснила ситуацию с современной Америкой. Во всяком случае, гипотеза, укладывающая отмеченные нами особенности США в некий сюжет, не подтвердилась. Более того, оказалось, что как раз *американская история* по сравнению с европейской или японской подчеркнута *бессюжетна* или слабо сюжетна.

Архетипы. Существенные отличия США

Итак, я вторично наткнулся на свидетельство *относительной бедности*

---

³²⁹Е.Шварц. «Дракон».

³³⁰При желании в истории можно отыскать еще несколько событий, общепризнанных как естественные и едва ли не единственно возможные — хотя их психологическая недостоверность прямо-таки бросается в глаза: капитуляция Германского флота в 1918 году, самоубийство Гитлера, расстрел царской семьи, якобинский террор.

высокоорганизованных информационных структур США. Не только статические, но и динамические эгрегориальные поля проявлялись в этой стране сравнительно слабо. Было, однако, не ясно, имеет ли отмеченная особенность американской культуры какое-то отношение к исследуемой проблеме.

Модификаторы поведения представляют собой сложные, многоуровневые *социальные и исторические* сюжеты, восходящие, насколько можно судить, к мифам. Однако известны и значительно более древние *биологические* сюжеты, которые лежат в основе этих мифов. Такие сюжеты были изучены К.Юнгом и получили название *архетипов*.

Архетипы рассматривались Юнгом, как воплощения коллективного Бессознательного, так что бессознательный характер воздействия модификаторов на личность роднит их с архетипами.

Но в таком случае не означает ли малая сюжетность американской истории *недостаточную насыщенность коллективного Бессознательного архетипами*? И что должна означать эта самая «недостаточная насыщенность архетипами»?

Вдали от могил предков — американские пионеры

Сегодня ученикам старших классов взбаламученные перестройкой и настропаленные конкуренцией социологи раздают вопросы: как бы цивилизации избавиться от войн и возможно ли это? Настроенные на продолжение образования прагматичные детки бодро отвечают, что нужно искать компромиссы и развивать дипломатию, забыв давненько уже сформулированное сторонниками ТРИЗ правило: для противоборствующих сторон компромисс всегда хуже любой из альтернатив. Какая бы теория личности Вам ни попалась, психологи так или иначе сходятся на том, что юность — это возраст экспансии, и если государство не найдет этой экспансии выход, то будет война, ибо никакой другой формы коллективной сублимации в существующей цивилизации пока не выдумали.

Экспансия — великая сила. Юные варвары, растворившись в Римской империи, были безжалостно поглощены более структурной системой организации жизни, превратились в новых римлян и заложили века спустя основу нашей пресловутой демократии.

Петровская Россия во главе с молодым царем яростно развивала экспансию на море и обрела черты смеси западных дворов и эклектическую западную застройку дворцов и площадей.

Все экспансии, будь они прогрессивны или хаотичны, по мнению придирчивого историка, так или иначе занимали на время от юности до взросления значительную часть молодежи страны и назывались в странах периодами изменений, перемен, революций, реформ и т.д. И похожи эти периоды были лишь тем, что экспансия приходилась на какое-то уже Богом и людьми обжитое место, и это место, а также знания и прочие блага перераспределялись в пользу юных агрессоров, а уж чем они за это платили, зависело от их военного искусства, своевременности и конструктивности агрессии с точки зрения обобщенного Всевышнего...

Интересно, что даже духовные экспансии, они же религиозные и идеологические, как правило, направляют своих воинов на уже обжитые кем-то идейные пастбища и перекраивают оные с энтузиазмом, закрепленным в крови воинствующими рыцарями прошлого.

Опыт предшествующих поколений значим для Европы. Значим он и для России, потому что со времен становления государства традиционность культуры, оформленная в семейную жизнь людей, осуществляла медленный поворот жерновов истории. Уж который век, как только клонет жареный петух перемен, снова и снова уповаем мы на сказки, песни, обряды, наряды давно минувших дней и переименовываем улицы «туда» и «обратно», закрепляя заклинаниями языка возвращение назад — к образам, прообразам, отцам, праотцам и архетипам.

А Новый Свет так разительно отличался по своему происхождению от всех видов

экспансий, что, как водится, это и не сразу заметили. Эпоха географических открытий породила колонии, обогащение культур, создание нового поколения людей свободного поиска. Это ведь были почти полеты в Космос: уплывающие в никуда корабли, без надежды и со страхом, без страха и с надеждой. Но люди иногда возвращались, огрубевшие от чужого солнца, пережившие «сто испытаний и двести чудес», они возвращались к медленно вращающемуся миру Европы XVII века, и он добросовестно ассимилировал бродяг в себя прагматизмом их подрастающих сыновей.

Они возвращались... К семьям или образцам семей... К традициям или памяти о традициях...

Американская цивилизация строилась на хитром сплетении трех китов: забыть-выжить-найти. Мир, который лежал перед завоевателями, был информационно пустынен, индейцы, структурно слабые организационно и свободные идейно, не могли оказать на завоевателей никакого влияния, кроме закрепления в их памяти возможного для сознания разрыва в уровнях людей. Европейцы, уехавшие на одну жизнь в далекие азиатские колонии, носили в своем сердце кто родовой герб, кто образ лондонской лавочки, кто портрет возлюбленной в воротах Вестминстерского аббатства. Американцы уезжали от предавшей, изгнавшей и неугодной им Европы. Они забывали, потому что хотели забыть, у них закрепилось это генетически, уже во втором поколении — им было некогда сентиментальничать — они строили Анти-Европу, Анти-мир, Анти-себя и преуспели в этом. Англичане до сих пор питают стойкое отвращение к американцам — не за то ли, что свою мечту те построили, не очень-то соблюдая английские законы и традиции?

Уже древние греки понимали, что боги нуждаются в жертвах и молитвах и умирают без них. Американцам было некогда молиться всерьез³³¹.

Случайно сказанное слово, прочитанная прохожим молитва, индейцы со своими нарядами и обрядами — все это в сумбурном клубке определяло воспитание юных американцев, а до могил предков и домов бабушек было далеко, а дома были только те, что построили отец с дядькой, и мир ложился перед ребенком как опасный край, где нужно поменьше рассуждать — побольше действовать — поменьше мечтать — побольше угадывать — поменьше верить — побольше подозревать. И вот тогда можно строить-жить-властвовать над миром. И — много места и много свободы, и это край сильных, не обремененных воспоминаниями *молодых* людей. Так, благодаря *изоляции* от Европы, Америка обрела групповую солидарность в борьбе за свое величие и процветание. Люди, избавленные от вечных тягот традиционных социальных программ, наделенные неназванной землей создали гортанный язык — смесь огрубленного английского с вербализацией терминов прогресса.

Интересно, что именно отрыв молодых, отчаянных и отчаявшихся людей от *земли предков* так мощно снял многие ограничения традиционных социумов Европы, что активная индивидуальность, не задавленная никакими условностями кроме эрзаца протестантской религии, необходимости выжить и следствия этих двух китов — изобилия здравого смысла, росла и развивалась в нечто свободное от комплексов, но и избавленное по сей день от порожденной этими комплексами культуры. Американцы уехали с земли, где жил Бог и истовая, экстатическая вера в него, и порожденная этой верой культура. Католицизм Европы мог вызывать любые нарекания в эгрегориальной жесткости насаждения своих идей, но он породил Боттичелли и Микеланджело, Рафаэля и Тинторетто, блестящую литературу, пленительную поэзию и религиозную, духовную скульптуру, только символами своими рождающую даже у атеистов преклонение перед Богом, во имя которого было создано такое.

---

³³¹Мне, разумеется, известно, что первоначальная эмиграция в Новый Свет носила по преимуществу религиозный характер и что французские гугеноты и английские пуритане часто и в общем искренне молились. Но протестантский бог, рожденный и живущий в Америке, имеет мало общего с Христом, а американская прагматичная молитва — с той жертвой, которая поддерживает существование эгрегора. Старый Бог умер в Америке, и ее жителям пришлось верить в нового Бога. И они поверили.

Культура Европы зарождалась в сомнениях и противоречиях души создателя, его обращений к Богу, страха Его предать, сублимации комплексов, очищения и медленного философского, глубокого и внутреннего осознания действительности. Культура Америки могла родиться только как память о своем феномене, как случайный каприз свободного времени первооткрывателей, как ремесло строителей государственных структур, но вовсе не как служение великой вечности, именуемой Господом. Как древние художники, писавшие свои наскальные полотна во имя удачной охоты и последующего за нею ужина, американские творцы могли создать только массовую культуру, культуру потребляемую, а не сопереживаемую. Вырвавшись на свободу, колонизаторы не только заменили землю с корнями предков на пустынные и безымянные земли, но и поменяли веками примеряемое небо с сияющим Иисусом на холодный космос, который управляется прагматичным богом, приветствующим труд и здравый смысл. И вот под влиянием этого-то признавшего прибыль Бога американцы очень быстро отказались от сомнительных путей всех этих искусств и философий и стали развиваться под знаменем технологии.

Они жили «здесь и теперь», как учит сегодня всех желающих вездесущее нейролингвистическое программирование. Они изобрели ровно столько видов упаковочных материалов, продуктов и агрегатов, сколько требовало ближайшее будущее, они обучили своих неразумных чад многим великим правилам, таким как «цени проверенные факты», «делай полезные поступки», «улыбаясь, проходи мимо», «смотри на этот мир и находи себе в нем удобное место». На этом сломалось некоторое количество будущих поэтов, бродяг и мизантропов, зато энтузиазм по устройству своего места в социуме захлестнул все слои населения. Ученые, теоретики и историки были чудненько поставлены на службу «Теперь». Американцы собрали базы данных, систематизировали факты, стусовали системы разных представлений в модели обучения и полетели вперед на бинарной, сиречь двухколесной системе управления и образования. Я смотрю на Большинство — и очень быстро получается пообтесанное большинством «Я». «Психологию большинства», наверное, создали дух К.Маркса в союзе с духом Дж.Оруэлла. Два сапога устойчиво менялись на один топор, а улыбка великого Карнеги заменила весь набор противоречий коммуникации, о которых ранимая Европа уже которое столетие создавала бессмертные романы. Драйзер довольно подробно описал становление американского капитализма и банальный набор трагедий американских обывателей. *«Я Мэрилин, Мэрилин, я героиня самоубийства и героиня...»*

Прошли времена, и началось то самое «Свободное время цивилизации», когда хватает на еду, управление и досуг, и можно уже о душе подумать, то есть зрелость наступила — по-нашему, по-европейски. И случилась, спустя 5 веков от начала колонизации Северной Америки, очень гармоничная ситуация — молодость у дитяти, покинувшего родителей, оказалась полной трудов и опыта, а зрелость оказалась награждена технологическим комфортом и бездной свободного времени на осознание случившегося.

Шестидесятые годы: АУМ

Великий АУМ (Американский университет Мастеров (психологии)) родился в США на стыке современных технологий, позволивших в домашних условиях осуществлять отключение от реальности в изолированных ваннах, и безудержный порыв вечно экспансивного сознания вперед. Начинить собою космос, астрал и прочие трудноопределяемые реалии, колонизировать и установить американский флаг! Для молодых это был лучший выбор, чем Вьетнам, чем беспечное скалолазание или бездумное обогащение. Семинары проникновения в неведомое, внутрь себя, и прочие погружения в обход и налево от американской модели — «получил-потратил» — наводнили все сколько-нибудь интеллигентские среды. В параллель с этим духовным подъемом рядовые американцы, вскормленные идеями получать пользу от того, что есть (если уж оно есть и его нельзя съесть), вмиг оказались «премного обязанными» народившимся психоаналитикам, арт-терапевтам, и прочим Хелперам, которые по роду своей деятельности должны были (а

как же иначе?) отвечать за порядок в их душах (ну, не самим же им, в самом деле, этим заниматься?). Система образования быстро расплодила отмеренное количество юристов для составления и соблюдения новых законодательных актов отношений людей с психоаналитиками или через психоаналитиков. Может быть, исследователи нирваны в тоске покинули эту землю, отследив такой странный прогресс... может быть. Впрочем, Алан Уотс писал свой горный дневник вдали отточек сгущения обывателей. И очень даже похоже на то, что он не тяготился печальными духовными обстоятельствами страны, где остановился на время путешествий во Вселенной. Но его смерть почти совпадает с созданием АУМ, которого он был инициатором. Как смерть Р.Желязны и А.Азимова — с полной и окончательной победой американского образа жизни.

Отступление о высоких и низких технологиях

Вывод о несоответствии экономического баланса производства и потребления в США основывался на предположении о том, что основная цивилизационная экономическая характеристика — производительность труда — соответствует европейской. На сегодняшний день все исследования это подтверждают. Производительность труда в развитых странах, в общем, в первом приближении одинакова (что не удивительно при современном уровне индуктивных процессов), и США на общем уровне если и выделяется, то не в лучшую сторону.

Поставим, однако, вопрос: может ли производительность труда быть выше средневропейской, причем не на проценты, а в разы, еще лучше — на порядки?

Оказывается, теоретически может.

Представьте себе, что вы объясняете представителю охотничьего первобытного племени, что в долине реки Нил живут сотни тысяч и даже миллионы людей. Что он вам ответит, если сумеет правильно оценить цифры?

— Не-а, не может такого быть... Во всем мире не найдется столько мамонтов, сколько нужно, чтобы прокормить такую ораву...

Человечество знало два великих экономических скачка, каждый из которых выводил экономику на принципиально новый уровень и создавал изобилие, воспринимаемое, как «земной рай». Это — неолитическая революция с переводом от присваивающего к производящему хозяйству, и промышленная революция с переходом от экстенсивного к интенсивному производству. Поскольку достигнутый экономический уровень не может нас удовлетворить, сейчас активно создаются модели новой «насыщающей» экономики, лежащий за индустриально-постиндустриальной стратой.

Такая экономика может быть создана на пути программирования големов и создания последовательности автоматических нерыночных регуляторов спроса-предложения либо — на основании реализации в производстве заведомо неустойчивых (хаотических) систем.

Насыщающую экономику нельзя получить просто внедрением в производство новых и новых высоких технологий. *Она сама должна быть высокой технологией.*

«Мы называем здесь *технологией* проектор информационного пространства на объектное. Назовем *микротехнологией* (*личной технологией*) проектор присоединенного семиотического пространства на объектный мир. По сути своей микротехнология — это совокупность навыков, позволяющая личности решать встающие перед ней задачи. (Например, умение читать или навык работы с компьютером представляют собой примеры микротехнологий.)

Будем понимать под *метатехнологией* проектор информационного пространства на пространство технологий (технология технологий). Следствием известной теоремы о замыкании метаязыков является утверждение: метатехнология метатехнологий есть метатехнология.

Интуитивно известно и широко используется разбиение множества технологий на «хай-» и «лоу-» — «высокие» и «низкие» технологии. «Низкая технология» может быть

названа «функционально неграмотной».

Алгоритм существует, в принципе он позволяет получить необходимый результат. Но для получения этого результата используются все доступные ресурсы системы (прежде всего время и деньги). При этом удастся получить только самый минимум. (Ребенок умеет писать под диктовку, но ни о какой эстетике, тем более — о придании тексту самостоятельного смысла речь не идет.)

То есть мы считаем характерным признаком низкой технологии использование всех доступных ресурсов для получения минимального заданного результата. Напротив, высокие технологии рассматривают этот минимальный заданный результат лишь как элемент некоторой функционирования некоей технологической надсистемы.

Чисто формально низкие и высокие технологии отличаются мощностью множества граничных условий решения задачи. *Технология тем выше, чем большее количество граничных условий она признает совместными.*

Технология порождается наукой. (Наука понимается, естественно, как оператор, устанавливающий соответствие между областями информационного пространства, гомоморфными объектному миру.) Наука может породить произвольное множество технологий, в том числе — и пустое множество.

Назовем науки, порождающие более десяти разнообразных технологий, *развитыми*, науки, не породившие технологий (социология, история, экономика) *слаборазвитыми*, науки, породившие порядка одной технологии, — *пороговыми*.

Пороговые науки представляют особый интерес, так как их развитие сопровождается включением в технологический оборот областей человеческой жизни, ранее находящихся в «первобытном состоянии». Таким образом, есть основания рассчитывать на порождение такими науками «ливня технологий».

К настоящему моменту на пороговый уровень вышли психология и нетрадиционная (безлекарственная) медицина. К этому уровню приближается социология. Хотелось бы надеяться, что и экономика, освободившись от религиозных догматов монетаризма, сможет в ближайшие десятилетия породить хотя бы одну, пусть плохонькую, но технологию». (Из неопубликованной статьи «Высокие технологии в психологии».)

Подведение итогов. Теорема Бромберга

А может быть, уже породила?

Для того, чтобы быть гегемоном мира индустриальной экономики, достаточно иметь в своем распоряжении совсем небольшие производительные мощности экономики насыщающей. Внешний наблюдатель, рассматривающий ситуацию на индустриальном уровне, вообще ничего не заметит, кроме бьющего в глаза процветания. Вспомним притчу о системе автоматического наведения — битое стекло и жгуты проводов — и микросхема с батареей... по сути вся традиционная экономика оказывается призраком, фата-морганой, «муляжом для публики и иностранных разведок», и США может строить не несчастные девять, а все девятьсот ядерных авианосцев, только они никому не нужны (как впрочем, не нужны и девять, но по инерции мышления этого еще не заметили.)

Но — откуда в Штатах насыщающая экономика?

Мы выяснили уже, что эгрегориальная и архетипическая структуры в США заметно ослаблены и всегда были ослаблены. Мы поняли, почему это произошло (механизм «ухода в никуда» в период колонизации, потеря могил предков, храмов, всего пространства Европы, заключающего в себя ее тысячелетнюю историю). Мы осознали важность того факта, что *в Америке не жил Маленький Народ кельтских мифов и Бог Живой христианских легенд*. Осталось ответить на вопрос, к чему это должно было привести.

Слабость архетипической структуры вынуждала создавать собственные сценарии биологического поведения. В харрисменте и в феминизме мы видим проявление трагедии

тех, кто работоспособные сценарии создать не мог.

Слабость эгрегориальной структуры означала отсутствие «крыши» и постоянный энергетический голод души, внезапно посаженной на «голодный паек». В «американском прагматизме», «американском патриотизме», «американской мечте» и «американском образе жизни» мы видим эрзац эгрегора, подаренный пищим духом.

Слабость воздействия модификаторов поведения приводила к взрывному росту проблем коммуникации. В работе Дейла Карнеги и в меньшей степени в действиях НЛПистов мы видим попытку создать протез модификатора.

Итак, все, что мы видим — творения *неудачников*? Но тогда должно быть что-то, чего мы не видим, поскольку современное состояние Америки никоим образом не приводит нас к выводу о глобальной неудаче.

Я утверждаю, что в условиях снижения информационного воздействия американский народ оказался — в согласии с положениями экзистенциализма — обреченным па свободу и попал в условия теоремы Айзека Бромберга³³² о неизбежном расслоении социума на две подгруппы — большую и меньшую, причем меньшая группа необратимо опережает большую по уровню развития. Иными словами, я утверждаю, что в Соединенных Штатах Америки реальная власть принадлежит *люденам, использующим плоды высоких психологических технологий для обеспечения функционирования насыщающей экономики*.

Слово произнесено.

Гипотеза люденов

В шестидесятые годы США пережили тот психологический бум, который сейчас только начинается у нас. Разумеется, тогда нас это не интересовало: коммунистический эгрегор решал проблемы межличностной коммуникации автоматически и в целом лучше, чем первые американские психотерапевты и конфликтологи начала шестидесятых. Так первые пароходы безоговорочно проигрывали сравнение с парусниками и признавались годными лишь в качестве буксировщиков в портах. Но возможности эгрегориальной регуляции оказались все-таки ограниченными...

Кто-то первым вышел на высокотехнологический уровень и когда-то это случилось. Вероятно, отдельные метагомы появлялись с той или иной частотой всегда³³³. Но лишь в Америке конца пятидесятых (или начала шестидесятых) они осознали себя: АУМ либо какая-то иная группа сумела разрешить «проблему скачка».

«Усвоение человеком новых умений происходит только *скачкообразно*. Имеет место переход между двумя психическими состояниями: «я никогда не пойму, как это делается, и не смогу этого делать» и «это настолько очевидно, что я не могу понять, что здесь можно объяснять». Если не говорить о первых годах жизни ребенка, скачки данного типа происходят:

- при овладении чтением;
- при овладении письмом;
- при всех стандартных расширениях множества чисел (дробные, отрицательные, рациональные числа, но не комплексные числа);
- при овладении понятием бесконечно-малой величины и следствий из него (пределы);

332А. и Б. Стругацкие. «Волны гасят ветер».

333И, может быть, именно они ответственны за странное стечение обстоятельств, решившее судьбу сражения у атолла Мидуэй и вместе с ним — всей Тихоокеанской войны. Управление случайностями — одна из высоких психотехнологий, метафорой которой служат многие философские учения Запада и Востока. Эта технология известна с глубокой древности, но до последнего времени она никогда не использовалась в военной и политической борьбе.

- при овладении дифференцированием;
- при овладении интегрированием;
- при овладении комплексом специфических умений, образующих специальность;
- при овладении комплексом специфических умений, образующих явление информационного генерирования (иначе говоря, при переходе от изучения науки или искусства к осознанному профессиональному творчеству).

Заметим, что на любой из этих стадий по причинам, которые нам не вполне ясны, *скачка может не произойти*. Это означает, что некоторое умение не перешло в стадию неосознаваемого профессионального применения и не может произвольно использоваться личностью для решения возникающих перед ней проблем. При этом необходимый алгоритм *вполне может быть известен*. Иными словами, человек знает буквы. Он знает, как их писать. Он может складывать из них слова. Он может написать предложение. Но! Эта работа потребует от него напряжения всех умственных и большей части физических сил. В связи с тем, что все ресурсы мозга расходуются на процедуру письма, неизбежны ошибки. Очевидно, что несмотря на формальную грамотность (знание алгоритма есть), человек не может заниматься какой бы то ни было деятельностью, для которой одним из базовых или хотя бы значимых навыков является умение писать. Подобное состояние личности широко известно в современной педагогике и называется функциональной неграмотностью. Точно так же можно говорить о функциональном неумении интегрировать (весьма частая причина отчисления студентов с 1-х, 2-х курсов физико-математических специальностей).

Любопытно, что на более высоких ступенях скачок не происходит настолько часто, что это даже считается нормальным. Формула: «Отличный студент, но неудачно выбрал себе призвание. Ну, не физик он по мышлению — что тут поделывать?» (не произошел скачок, позволяющий автоматически применять определенный - в данном случае физический — стиль мышления). Что же касается *автоматического творчества*, то эти понятия вообще считаются несоединимыми, а людей, для которых процесс создания новых сущностей в науке и культуре есть обыденная профессиональная работа, не требующая особого напряжения сил, называют гениями. Однако же ребенку, больному функциональной неграмотностью, сверстник, овладевший письмом настолько, что он даже в состоянии писать, не глядя в тетрадь, тоже покажется гением!

Тем самым, мы приходим к выводу, что творчество на уровне простой гениальности в принципе доступно каждому. Вопрос, что лежит на следующем «щелчке», чрезвычайно интересен, но выходит за рамки данного конспекта.

Современное образование транслирует учащемуся знания (90% которых, как показали исследования, благополучно и почти немедленно забываются) и очень ограниченное количество навыков, скачкообразно переводящих личность на следующую ступень интеллектуального или физического развития. Следует четко осознать, что бесконечные школьные упражнения и домашние задания, изнуряющие спортивные тренировки — все это не более чем бесконечные «броски кубика» в надежде на выпадение счастливой цифры — в надежде на «щелчок». А «щелчок» может произойти с первой попытки. Может не произойти никогда. Соответственно, принцип «повторенье — мать ученья» (или, что ближе к истине: «если зайца долго бить, он научится курить») в сущности сводится к давно и справедливо заклеяменному ТРИЗовцами «методу проб и ошибок». В общем, хочется вспомнить группенфюрера Мюллера: «Разведчик или ломается сразу, или не ломается никогда - за исключением довольно редких случаев, когда его удастся расколоть, используя специальные методы». Те 3- 5%, на которые удастся повысить характеристики обучаемого за счет долгих тренировок, как правило, не стоят и десятой доли затраченных усилий.

По сути, скачкообразный характер перехода между ии- и аут- состояниями при «щелчке» наводит на мысль, что речь идет о структурном преобразовании психики. То есть «щелчок» требует разрушения структуры (образа мышления, картины мира) и создании другой, в которую новый навык включен «аппаратно», чтобы использоваться автоматически.

Отсюда вытекает педагогическое значение процедур временной смерти (инициационные процедуры), помещения в обедненную\обогащенную\регулируемую информационную среду, приема лекарственных средств, снижающих входное сопротивление психики. Другой вопрос, что все эти приемы в лучшем случае относятся к низким технологиям, в худшем — лежат на дотехнологической стадии...

Заметим также, что современный человек, более-менее овладевший ресурсами своей психики на дотехнологическом уровне, по сравнению с обезьяной того же веса выносливее, сильнее, жизнеспособнее, быстрее. Наконец, он в среднем втрое дольше живет. Овладение ресурсами психики на низкотехнологическом уровне, по-видимому, позволит решить проблему «обычных» болезней. «Человек разумный» становится «Человеком здоровым». Но тогда на высокотехнологическом уровне не превратится ли он в «Человека бессмертного» (в смысле желязновского Эмбера)?» (Из неопубликованной статьи «Высокие технологии в психологии»)

Итак, людены? Те самые — описанные в «Волнах...» А. и Б. Стругацких. Метагомы, следующая ступень эволюции человечества. Метагомы, возникшие не в коммунистической, а в буржуазной стране. Факт, наводящий на печальные размышления.

Если не отбросить эту гипотезу по разряду «Бога из машины», придется признать, что она довольно легко объясняет все отмеченные противоречия.

Низкая эффективность образования? Люденам оно вообще не нужно. Огромные затраты на образование? Скорее всего, в реальности это — затраты на механизм отсева. И с точки зрения возможностей люденов — умеренные.

Сверхэффективная экономика? Да, насыщающая, базирующаяся на технологии «скачка» и, наверное, не на ней одной.

Противоречие между слоем люденов и остальной Америкой обеспечивает развитие и самое существование этого социума. За это нация платит катастрофическим оглушением основной части населения и неспособностью выжить в отсутствие контроля и помощи со стороны люденов. Зато «народ» является носителем идеи величия Америки, которая не им создана и не за его счет существует (строго говоря, люденам — а они и есть Америка, основная масса только мешает, но существование их необходимо для процветания самих люденов, а их деградация — для дальнейшей эволюции люденов). Вместе людены и народ образуют два полюса социального двигателя.

«Феномен Брюса Стерлинга» объясняется существованием сравнительно большого (по сравнению с люденами) слоя людей, испытавших индукционное воздействие самих люденов или люденовских технологий.

Антисоветизм люденов, их «переключение» плана Азимова на свои возможности и доведение его до успешного конца могут быть объяснены как атавистическими мотивами (в конце концов, людены порождены американской нацией и американской культурой, и как бы то ни было, враги Америки — их враги), так и мотивами самосохранения (поскольку людены не бессмертны и серьезные войны с применением оружия массового поражения в их планы не входят, они решили проблему кардинально быстро и с наименьшими обоюдными потерями уничтожили одну из сторон конфликта — разумеется, не «свою»). А может быть, им просто захотелось поставить какой-то непостижимый для нас социальный эксперимент, и они выбрали страну, которую не жалко...

Так что план Азимова был выполнен, хотя и не так, как хотелось бы автору. Второе Основание не построило вместе с Первым Галактическую Империю Земной Нации.

Оно уничтожило Первое.

Вместо заключения

«Я пришел к мертвому и сказал:

«Дай несколько твоих птиц.

Мне не хватает войска
Для победы над пустотой».
Он улыбался.
Когда они поднялись в воздух,
Я понял свою ошибку:
Ни разу еще небо
Не было таким.»
(Карен Джангиров)

«— Нет,— сказал Бруччо. — Должно же быть какое-то иное объяснение...
— Другие объяснения мы же сами исключили, забыл? Но тебе нужны доказательства. Пусть кто-нибудь пройдет по воздуху.»
(Г. Гаррисон)

«А в ответ мне: «Видать,
Был ты долго в пути.
И людей позабыл.
Мы всегда так живем».
(В. Высоцкий)

Сергей Переслегин

Приложение

ИСКУССТВО СТРАТЕГИИ В ТИХООКЕАНСКОЙ ВОЙНЕ

Адмирал Исуроку Ямамото. Биографические данные

1884. Родился в Нагаока, префектура Ниигата, шестой ребенок бывшего самурая Та-кано Садайoshi.
1901. Поступил в Военно-морскую академию в Этаджиме.
1904. Закончил Академию.
1905. Участвовал в сражении в Японском море на борту корабля «Нисшин». Seriously ранен.
1905. Присвоено звание младшего лейтенанта.
1914. Поступил в военно-морское училище. Присвоено звание лейтенанта.
1915. Получил звание капитан-лейтенанта.
1916. Окончил училище. Зарегистрирован как приемный сын Ямамото Татеваки, и принял его фамилию.
1918. Женился (для того, чтобы произвести на свет двух сыновей и двух дочерей).
- 1919—1921. Посещает США и Европу. Присвоено звание капитана 3-го ранга.
1923. Вновь приезжает в Европу и США.
1924. Назначен заместителем командующего авиакорпусом Казумигаура.
- 1926 — март 1928. Военно-морской атташе при японском посольстве в Вашингтоне.
1928. Командир крейсера «Исузу», с декабря командует авианосцем «Акаги».
1929. Переведен в отдел иностранных флотов при Морском министерстве.
1930. Принимает участие в Лондонской конференции по разоружению. Получил звание контр-адмирала.
1930. Глава Технического отдела Департамента по самолетостроению.
- 1933 (октябрь). Назначен командующим 1-й ДАВ.
1934. Глава японской делегации на предварительном обсуждении Лондонской

конференции. Вице-адмирал (15.11.34).

1935. Глава Отдела аэронавтики.

1936. Заместитель военно-морского министра.

1939 (сентябрь). Назначен Главнокомандующим Объединенным флотом.

1940. Командует Объединенным флотом в параде по случаю 2600 годовщины коронации императора Дзимму. 15 ноября присвоено звание адмирала.

1943. Убит в сражении на юге Тихого океана.

Ночной бой — шанс слабого?

1

Морская война, в отличие от борьбы на суше, происходит между противниками, сравнительная сила которых известна заранее, причем «табель о рангах» не меняется десятилетиями. Анатолий Франс иронично заметил, что исход морского сражения предрешен, так как первый в мире флот просто обязан выигрывать у второго. Каждое государство занимает вполне определенное место в военно-морской иерархии, причем столкновение с державой, стоящей в таблице выше, считается чрезвычайно трудным делом, в то время, как нижние строки воспринимаются незначительным препятствием.

Для подобных оценок есть все основания. Сила флота однозначно определяется числом кораблей основного класса, как бы этот класс (почти всегда единственный в данную историческую эпоху) ни назывался: парусные линейные корабли, броненосцы, линкоры-дредноуты, авианосцы, атомные ракетносцы. Корабли основного класса очень дороги: конструируются они на грани возможностей текущего технического уровня цивилизации. Строительство такого корабля является вершиной промышленной пирамиды — по сути, вся страна не только косвенно (через налоги), но и прямо работает на его создание.

Понятно, что даже в составе «Флота № 1» таких кораблей немного. В лучшем случае — сотни, а скорее десятки, если не единицы. В результате сравнение флотов сводится к примитивной арифметике, которая позволяет не только сказать, что флот «А» сильнее флота «Б», но и подсчитать, во сколько именно раз он сильнее, как это соотношение изменится при мобилизации, и каким будет вероятный итог боевого столкновения.

Здесь, однако, встает вопрос: что слабейший флот вообще может сделать, сражаясь против более сильного? Ведь если флота упорядочены, то любое морское столкновение есть бой неравный, результат которого предрешен не только качественно, но и количественно.

Традиционное военно-морское искусство, нашедшее свое воплощение в работах Мэхема и Коломба, рассматривает только один способ разрешения конфликта на море — линейный эскадренный бой, генеральное сражение. Все остальные формы взаимодействия флотов априори не изменяют табель о рангах, поэтому не могут привести к решительному результату. Сейчас мы знаем, что «линейный бой» — это не только столкновение двух кильватерных колонн линейных кораблей, но и вообще всякое боевое взаимодействие кораблей основного класса: например, бой авианосцев или сражение атомных подводных крейсеров.

Изначальная ранжированность морских сил означает, что победить в генеральном сражении должен сильнейший флот. Тем самым, выигрыш за слабейшую сторону можно найти только «на краю гауссианы»: в случайных тактических шансах, в использовании ошибок противника.

Слабейшая сторона обязана искать такие шансы, иначе она обречена на просчитываемое «аналитическое» поражение. Каждое Адмиралтейство должно учитывать возможность политических комбинаций, при которых преимущество в силах окажется у противника. А потому все страны — кто в большей, кто в меньшей степени — отдали дань разработкам в области неаналитической морской стратегии.

Инновации, привнесенные этой деятельностью в морскую войну, имели

обоюдоострый характер, то есть — могли использоваться в бою обеими сторонами. Поэтому задача резко усложнилась: нужно было не просто найти свой шанс и сделать из него грозное оружие, но и помешать противнику отыскать эффективное противодействие... хотя бы на время.

Наглядный пример показал адмирал Того, который построил свой план войны на незначительном различии в сроках исполнения кораблестроительных программ в России и Японии: более сильный флот был вынужден принять бой разделенным на несколько группировок, которые были разбиты по частям.

Перед немцами в Первую Мировую войну стояла более сложная проблема, решить которую они не сумели. Британский флот был изначально отобилизован и сосредоточен. Он превосходил противника по силам в 1,75 раза (среднее значение по всей войне). Кайзеровские адмиралы не смогли предложить ничего, кроме очевидной идеи «ослабить неприятеля путем уничтожения его отдельных эскадр» — расчет на слишком уж большую глупость противника.

Заключение Вашингтонских соглашений фиксировало «табель о рангах» по состоянию на 1922 год. После разрыва англо-японского союза Морской Генеральный штаб Японии должен был исходить из возможности столкновения на море при превосходстве противника порядка 10:3, соотношение же 5:3 в пользу противника считалось минимально возможным. Если же учесть, что при развертывании борьбы на море эффективное соотношение сил имеет тенденцию меняться по квадратичному закону, адмиралы Страны Восходящего Солнца должны рассчитывать как минимум на трехкратное превосходство неприятеля.

Японский флот отлично справился с поставленной задачей. Найденный ими шанс в виде применения авианосцев изменил баланс сил на Тихом океане. Японцы поколебали превосходство противника и были близки к тому, чтобы завоевать море. На первом году войны «три» оказалось сильнее, чем «десять».

Американцы, в свой черед, воспользовались экономическим превосходством, но смогли добиться положительного стратегического баланса только к третьему году войны.

1942 год стал годом упорного «перетягивания каната», в котором ни одна сторона не добилась решительного успеха. В борьбе с постоянно усиливающимся противником японцам потребовался новый шанс. Таким шансом должен был стать ночной морской бой.

2

Вплоть до середины XIX века военно-морское искусство практически не знало ночных сражений. В этот период единственной формой ночной атаки было уничтожение кораблей противника, стоящих на открытом и разведанном рейде, да и то лишь в случае, когда враг либо деморализован, либо не готов к бою.

Причина тому проста — отсутствие технических средств, позволяющих отыскать неприятеля, уверенно маневрировать и вести огонь «вслепую». Вплоть до 30-х годов XX века единственным способом обнаружения противника являлся визуальный, а основным инструментом — бинокль или подзорная труба. Существует лишь один пример маневренного ночного боя в раннюю доиндустриальную эпоху — столкновение в проливе Натр в 429 году до н.э., о котором сообщает Фукидид. В этом бою обнаружение противника произошло случайно, поскольку оба командира воспользовались одним узким проливом, а ночное столкновение имело место на очень близких дистанциях — менее сотни метров (в фазе маневрирования).

Самым известным ночным боем мануфактурной эпохи является Чесменское сражение 24—26 июня 1770, проведенное русской Балтийской эскадрой под командованием адмирала Г.А. Спиридова. Сражение началось днем 24 июня в проливе Хиос: на этой фазе русская эскадра заставила турецкий флот скрыться в Чесменской бухте под защитой береговых батарей. Дневная атака в этих условиях не могла быть успешной, поэтому было принято

решение провести ночную. Особенно большой ущерб противнику нанесли брандеры, поскольку из-за тесного построения турок пожар быстро перебрасывался на соседние корабли. Этот бой закончился абсолютной победой — русский флот не понес потерь, а все корабли противника были уничтожены.

Еще один похожий бой — прорыв Моргана из озера Маракайбо³³⁴ — строился по той же схеме: внезапная атака с использованием брандеров. Несколько меньший успех принесла активной стороне ночная фаза Абукирского сражения 1—2 августа 1798 года. Адмиралу Нельсону не удалось полностью воспользоваться неподвижностью противника, поэтому командующий арьергардом французов контр-адмирал Вильнев смог скрыться с двумя линейными кораблями и двумя фрегатами. Впрочем, при том, что изначально во французской эскадре было 13 линкоров и 4 фрегата против 14 английских линкоров, понятие «менее удачно» должно восприниматься констатацией разницы между хорошим и очень хорошим результатами.

Основной проблемой ночных боев этого периода являлось отсутствие достаточно мощного оружия, способного быстро уничтожить вражеский корабль. Брандеры, несмотря на отличные результаты Чесменского сражения, не могут быть признаны таким оружием, поскольку их использование требует специфической подготовки, а во время боя противник должен фактически сохранять неподвижность. То есть брандер — это оружие против деморализованного противника. Или хорошо введенного в заблуждение противника. Перед боем в устье Шельды (1583 год), когда французская эскадра приготовилась к ночной атаке, фламандцы перегородили Шельду связанными брандерами. Французы, разгадав замысел противника, пошли на абордаж — в темноте забросили на палубы кораблей абордажные крюки и высадили абордажные партии. Тогда фламандцы подожгли брандеры, и все французские галеры погибли.

Каким же представляется идеальное оружие ночного боя, исходя из анализа сражений доиндустриальной эпохи? Во-первых, его разрушающая сила должна быть намного большей, чем у артиллерии. Контакт в ночном бою продолжается минуты, и если после первой атаки поврежденный противник сохранит возможность маневрировать, он скроется в темноте. Во-вторых, дальность действия этого оружия может быть намного меньшей, чем у артиллерии. Характерные дальности контакта в ночных боях составляли десятки метров, при дальности стрельбы артиллерии этого периода в сотни. Дальнейшее техническое развитие шло по пути увеличения расстояния, на котором возможно боевое соприкосновение (то есть как дальности стрельбы, так и дальности обнаружения) — но дистанции ночного боя всегда оставались значительно меньшими, чем дальность уверенного огня.

Оружие, удовлетворяющее вышеизложенным требованиям, было создано в середине XIX века. Им стала торпеда.

3

Приоритет изобретения торпеды (как и всякого другого удачного оружия) оспаривают сразу несколько стран. В России принято считать, что первую торпеду в 1865 создал русский инженер И.Ф. Александровский³³⁵. Англичане приписывают создание торпеды Р.Уайтхеду, а завершает тройку создателей австриец М. Луппис. Американцы также могут претендовать на приоритет, поскольку в 1864 году конструкторы Южных штатов предложили использовать паровые катера, в носовой части снабженные шестовой ударной миной. Шест располагался наклонно вниз, чтобы удар мины пришелся в подводную часть, выступал примерно на 6 метров наружу и свободно крепился к катеру, чем предохранял последний от повреждения при ударе.

Торпеда Уайтхеда—Лупписа была намного более удачной, чем ее российский эквивалент. Это был сигарообразный самодвижущийся снаряд длиной 3350 мм и диаметром

334Описание этого боя можно найти в «Одиссее капитана Блада» Р. Сабатини.

335См. 8-й том «Советской Военной Энциклопедии».

356 мм, начиненный восемью килограммами черного пороха. Дальность хода этой торпеды составляла 650 метров при скорости хода 6 — 7 узлов. В 1876 году Россия купила у Уайтхеда патент на его торпеду.

С технической точки зрения торпеда являлась самодвижущейся миной, способной поражать корабль противника на небольшом расстоянии. По сравнению с артиллерийским снарядом она обладала целым рядом достоинств. Прежде всего, торпеда поражает уязвимую подводную часть корабля. Во-вторых, масса боевой части торпеды существенно больше, чем у снаряда такого же калибра. И в-третьих, «пусковая установка» для торпеды имеет небольшую массу, лишь немногим превосходящую массу самой торпеды³³⁶. Поэтому торпедный аппарат оказалось возможным разместить на маленьких кораблях, даже меньших, чем прибрежные канонерские лодки. Такая техническая особенность имела далеко идущие последствия.

Идея вооружить маленький и дешевый корабль сверхмощным оружием — торпедой — и тем компенсировать слабость своих линейных сил привлекла внимание инженеров многих стран. Особенно увлеклись минными катерами и миноносцами французы, где теоретиков «молодой школы» поддержал морской министр адмирал Об (Aube).

Новая военно-морская доктрина гласила, что главной задачей флота является подавление морской торговли противника и, как следствие, его экономического потенциала. Отсюда делался вывод, что нет никакой необходимости строить большое число броненосцев, представляющих лишь видимость могущества, — вместо этого необходимо иметь в составе флота много маленьких простых кораблей: чисто артиллерийских, чисто минных, специальных таранных и т.д., защищенных не броней, а своими малыми размерами. Что же касается крупных кораблей с их тяжелыми орудиями, то, по мнению теоретиков «молодой школы», наличие торпеды не позволит броненосцам выйти из портов.

В 70 — 80-е годы XIX века начинается крупносерийное строительство миноносцев: во Франции создается первая группа из пятидесяти 19-узловых миноносцев (оказавшаяся неудачной, так как из-за недостаточной мореходности их пришлось сразу же перестраивать с потерей двух узлов скорости). Увлечение миноносцами отразилось и на более крупных кораблях — именно в это время активно строятся малые крейсера, одной из задач которых было «подавление неприятельских миноносцев». Естественная логика военно-морского развития привела к широкой дивергенции этого класса — от минных крейсеров, являющихся по сути большими миноносками, до облегченных броненосцев крейсерского типа.

Первые успешные атаки минных катеров относятся ко времени Русско-турецкой войны 1877 — 1878 года. России после Крымской войны 1853—1856 годов было запрещено иметь на Черном море военный флот, поэтому контролировавшая вход в море Османская империя имела здесь несомненное превосходство. Хотя в 1871 году (воспользовавшись новой европейской ситуацией, возникшей вследствие Франко-прусской войны) русская дипломатия и заявила о том, что она не признает более Парижских ограничений, к войне 1877 года русский флот готов не был.

Лейтенантом С. О. Макаровым была применена новая тактика боевых действий: минные постановки и набеговые операции групп минных катеров. Уже 14 мая 1877 года была достигнута громкая победа. Катера «Цесаревич» и «Ксения», вооруженные шестовыми минами, уничтожили стоявший на якоре турецкий монитор «Сельфи». Катера атаковали ночью и не были замечены противником. Ночью 28 мая 1877 года катера №1 и №2 атаковали на Сулинском рейде броненосец «Иджалие». А 14 января следующего года на Батумском рейде торпедой с катера «Чесма» был потоплен вооруженный пароход «Интибах». В результате действий русских миноносцев турецкий флот полностью прекратил выходы из Босфора: минные катера продемонстрировали свои возможности в борьбе за господство на море.

Оказалось, что ночь является идеальным временем для применения минных катеров,

---

336 Для сравнения — масса артиллерийского орудия на три порядка превосходит массу снаряда.

поскольку именно ночью малый размер такого корабля позволяет оставаться необнаруженным до момента атаки. Собственно, все случаи успешного применения торпедного оружия в войне 1877 — 1878 гг. были примерами ночных боев.

К началу века стало очевидным, что малый размер минных катеров делает их не столько незаметными, сколько уязвимыми для артиллерии любого калибра и немореходными. Поэтому наметилась тенденция к увеличению водоизмещения миноносцев и появлению контр-миноносцев или «истребителей»³³⁷ (позже видоизменившихся в класс эскадренных миноносцев/дестроеров). Соотношение минных сил на 1900 год представлено в следующей таблице:

Страна	Контр-миноносцев	Миноносцев
Великобритания	111	79
Франция	32	315
Россия	51	195
Германия	43	143
Италия	11	154
США	20	24
Япония	12	28

Показательно, что адмирал Того построил свою первую атаку российского флота на использовании именно торпедного оружия. В ночь на 27 января 1904 года 10 японских миноносцев атаковали русские корабли на рейде Порт-Артура³³⁸. Из 16 выпущенных торпед в цель попали 3 (19%), повредив эскадренные броненосцы «Ретвизан» (принял 2200 тонн воды и посажен на мель), «Цесаревич» (затоплены кормовые отсеки, крен 180) и крейсер «Паллада» (незначительные повреждения). Одновременно было совершено нападение на порт Дальний. В атаке участвовало 8 миноносцев.

Неожиданность атаки и огромная поражающая мощь торпедного оружия стали факторами победы, которой Того воспользовался в полной мере. Российская эскадра, если и не более сильная, чем Японский флот, но, по крайней мере, превосходящая его в броненосцах, оказалась заперта в Порт-Артуре. То есть российский флот не смог использовать свои броненосцы.

Весьма показателен бой в Желтом море 28 июля 1904 года. Против 6 броненосцев и 4 крейсеров Того выставил 4 броненосца, 4 броненосных крейсера и 8 легких крейсеров. То есть силы были примерно равны. Бой закончился вничью, что вполне устраивало японскую сторону. Российские корабли были вынуждены возвратиться в блокированный Порт-Артур. Ночью адмирал Того выслал против отходящей русской эскадры миноносцы, которые из-за слабой подготовки не смогли успешно выйти в атаку.

Более удачными оказались атаки японских миноносцев, завершавшие Цусимское сражение в ночь 14 — 15 мая 1905 года. Из 75-и выпущенных торпед в цель попало лишь 6 (8%). В этой атаке японцы потеряли 2 миноносца (всего же ими при Цусиме было потеряно 3 миноносца).

Русско-турецкая и, особенно, русско-японская война сформировали тактику действий миноносцев. Главным качеством такой атаки должна являться внезапность, стремительность. Поскольку миноносец легко уязвим, его лучшая защита — темнота. Поэтому ночная торпедная атака стала признанной формой боевых действий во флотах многих стран мира. Ко времени Первой Мировой войны миноносцы как ударная сила в

---

³³⁷Следует уточнить, что в английском языке класс эсминцев и поныне обозначается словом «истребитель» (destroyer), что первоначально значило «истребитель миноносцев». При этом самолет-истребитель именуется fighter — «боец». К сожалению, этого не ведают переводчики многочисленных космических опер, наводнившие Галактику «истребителями», хотя авторы разумели под этим словом всего лишь аналог обычных эсминцев.

³³⁸Около 23:30 японские миноносцы вышли на внутренний рейд, ориентируясь по включенным навигационным огням, и выпустили торпеды по русским кораблям.

сражении уступили свое место эскадренным миноносцам, более подходящими для действий в море (они были более мореходными и могли действовать в непогоду). Приведем таблицу соотношения миноносных сил на 31.7.1914:

Страна	Эсминцев в строю	В постройке
Великобритания	225	32
Франция	81	5
Россия	62	36
Германия	144	12
Австро-Венгрия	16	—

Борьба на море в Первую Мировую войну породила сразу несколько новых сущностей, в том числе быстроходный торпедный катер, занявший место миноносца, водоизмещение же эсминцев в конце войны уже превосходило 1200 тонн³³⁹.

Тем не менее, Первая Мировая война и межвоенный период не внесли нового в тактику ночного боя. Единственным крупным сражением с ночной фазой оказался Ютландский бой (31 мая — 1 июня 1916 года), но и в нем действия сторон ночью характеризовались нерешительностью и отсутствием плана.

Британское Адмиралтейство ночных боев не жаловало, поскольку справедливо полагало, что страна, обладающая самым большим числом линейных кораблей, может лишь проиграть от таких вот хаотических столкновений. Немцы, в свою очередь, также предпочитали управляемость дневного боя произволу ночного. Остальные же страны шли вслед за лидерами.

Межвоенный период характеризуется падением интереса к флоту у мировой общественности и политических руководителей, поэтому страны третьего мира практически прекращают модернизацию своих флотов. В результате их корабли остаются на уровне конца XIX — начала XX века, то есть оказываются не способными решать новые задачи. Войны межвоенного периода идут практически без использования флота. Это касается и Гражданской войны в России, и Греко-Турецкой войны, и войны Риф³⁴⁰.

Ситуация коренным образом изменилась в следующую большую войну.

4

Первый год Второй Мировой был не слишком урожайным на морские баталии, хотя и принес англичанам ощутимую победу — был затоплен немецкий броненосец «Адмирал Граф Шпее». Ночная фаза этого боя не вызывает интереса и сводится к позиционному маневрированию: «Шпее» уходил в порт Монтевидео, а англичане пытались встать так, чтобы силуэт броненосца был виден на фоне огней города.

Следующий год ознаменовался рядом сражений на Средиземном море. Вступление Италии в войну и выход из нее Франции кардинально изменил соотношение сил. Теперь уже Германо-итальянский флот (потенциально 10 линкоров) стал реальной угрозой для Британии (14 линкоров)³⁴¹. ВМС Италии также включали 7 тяжелых, 12 легких крейсеров, 3 учебных

---

³³⁹В начале века подобное водоизмещение было нижней границей крейсеров и верхней — канонерских лодок. То есть эскадренные миноносцы потеснили крейсера и канонерские лодки, взяв на себя часть их задач. Но в силу возросшего водоизмещения ими была утрачена возможность действий в прибрежном мелководье. Эту нишу и заняли торпедные катера.

³⁴⁰В 1924 году рифские племена объявили о создании на территории испанского Марокко независимой «республики Риф». В течение следующих лет они фактически очистили от испанцев свою территорию, и лишь вмешательство французских экспедиционных сил позволило разгромить армию повстанцев. Формально война закончилась в 1928 году, но отдельные боевые действия продолжались до 1934.

³⁴¹Все приведенные данные на 10 июня 1940 г.

крейсера (постройки начала века), 123 эсминца и миноносца и 115 подводных лодок. Уничтожение французского флота (операция «Катапульта») стала жестом отчаяния английского Адмиралтейства.

Впервые за всю «новую и новейшую историю» английский флот на Средиземном море оказался потенциально слабейшим: 6 итальянским линкорам англичане могли противопоставить лишь 5, а базовой авиации сил «Оси» — авиагруппу одного авианосца. И английские адмиралы смогли показать пример военно-морского искусства, добившись в этих условиях полного господства на море.

Одиннадцатого ноября 1940 года был нанесен удар по базе в Таранто, неоднократно уже обсуждавшийся в связи с другим внезапным ударом по базе — Перл-Харбором. Отметим, что удар по Таранто имел отличительную особенность: он наносился ночью. В двух последовательных атаках приняли участие лишь 17 ударных самолетов³⁴² и 4 самолета-осветителя, при этом экипажи добились не менее четырех торпедных попаданий (из 11 сброшенных торпед). Но одного успеха в Таранто было недостаточно для захвата господства на море, поэтому английский флот активно искал боя. В столкновении у мыса Матапан 27 — 28 марта 1941 года был продемонстрирован основной принцип маневренного боя ночью: сторона, обладающая преимуществом в знании местоположения противника, выигрывает. Ключом к победе стал несовершенный еще радар³⁴³.

Кампания на Средиземном море продемонстрировала появление нового фактора ночного боя. С этого момента радары стали применяться всеми странами, которые могли их себе позволить. Радарами оснащаются линкоры, авианосцы и даже крейсера, а затем (начиная с США) — эсминцы.

5

В межвоенный период наиболее активно готовился к ночным столкновениям японский флот, создавший продуманную и завершенную (хотя и несколько плац-парадную) доктрину колоссального ночного генерального сражения. С присущей им последовательностью японцы подчинили интересам этой доктрины создание новых кораблей и модернизацию старых.³⁴⁴

Тем не менее, первые полгода борьбы за Тихий океан не принесли ярких примеров ночных сражений, хотя в ходе Индонезийской кампании имели место отдельные столкновения легких сил и один эскадренный бой тяжелых крейсеров³⁴⁵. В этот период японская сторона оказалась локально более сильной и не имела надобности искать случайные тактические шансы, а американская сторона была не готова к таким операциям. Поэтому в Коралловом море адмирал Флетчер, имея данные о близости кораблей противника, ночью 7 мая не идет на сближение, а уходит от врага.

Для японцев ситуация изменилась после Мидуэя. Их флот, сохраняя преимущество в числе авианосцев (5:4), теперь уступал американскому как по численности палубной авиации, так и по уровню подготовки пилотов. В результате японцы возобновили поиск

342История военно-морского искусства. М., 1969, стр. 195.

343Радар сыграл значительную роль и в «погоне за «Бисмарком»», английские крейсера поддерживали контакт с ним в течении нескольких суток. Тем не менее, «Бисмарк» смог уйти от контакта, и более двух дней англичане не могли его найти.

344Так, например, наличие на японских тяжелых крейсерах мощного, открыто размещенного торпедного вооружения (против чего резко возражали кораблестроители, указывающие на возросшую уязвимость дорогих и ценных кораблей) было обусловлено именно требованиями тактики ночного боя.

345С точки зрения военно-морского искусства можно сожалеть, что сближение «Принца Уэльского» и «Рипалса» с эскадрой Одзавы не привело к ночному столкновению, в которой японская доктрина «тяжелые крейсера и эсминцы против линейных сил» могла бы пройти проверку практикой.

своих шансов в «традиционной для императорского флота ночной атаке».

Первый раз они прикоснулись к победе (но упустили ее) в бою у острова Саво в ночь с 8 на 9 августа 1942 года. Действия вице-адмирала Микавы можно было бы назвать образцовыми, если бы не одно небольшое «но» — достигнув успеха в бою, он не смог закрепить его атакой американского конвоя.

Схема построения ночного боя нам уже знакома: скрытое сближение, затем торпедная атака и лишь после выпуска торпед — одновременное, по команде флагмана, открытие артиллерийского огня. Для организации атаки японцы использовали осветительные бомбы и даже зарево от горящего транспорта. Замешательство американцев было столь велико, что их эсминцы даже не произвели контратаки своими торпедами.

Следующим ночным столкновением стал бой у мыса Эсперанс 11 — 12 октября 1942 года, в котором уже японцы оказались в замешательстве. Наличие радара позволило американцам открыть огонь существенно раньше. Этот бой продемонстрировал, что сторона, подвергшаяся внезапной ночной атаке, может прервать контакт, пожертвовав одним или двумя кораблями, которые демаскируют себя и принимают весь удар противника.

Радарная техника оставалась все еще в неразвитом состоянии, что доказал бой 13 ноября у острова Гуадалканал. Хотя американцы установили радиолокационный контакт с противником, появление японских кораблей оказалось для янки столь неожиданным, что американские корабли нарушили строй и открыли беспорядочный огонь, время от времени стреляя по своим же кораблям. И опять японский командующий (на этот раз адмирал Абэ) проявляет недостаток решительности и отказывается от продолжения боя³⁴⁶. Уже в ночь с 14 на 15 ноября американцы пытаются взять реванш: происходит ночной бой «Кирисимы» с «Вашингтоном» и «Саут Дакотой». Даже в столь неблагоприятной обстановке³⁴⁷ японцы добились примерно равного количества попаданий в противника (7 против 9 главным калибром), что доказывает лучшую подготовку японских артиллеристов к ведению огня ночью.

Все же радар обесценивал умение артиллеристов. В ночном бою, имея меньшие силы, японцы должны были быстро уничтожить противника, иначе начинало сказываться его численное превосходство. Кроме того, вспышки дульного пламени демаскируют корабль, что позволяет противнику открыть ответный прицельный огонь. И наконец, господство американской авиации в воздухе приводило к тому, что всякий поврежденный в ночном бою и снизивший вследствие этого ход японский корабль на следующее утро с неизбежностью оказывался потопленным. Это обстоятельство окончательно привело японцев к мысли использовать в ночном бою «отвлекающие» корабли, обреченные на быстрое уничтожение — некий прообраз тактики «камикадзе».

Бой у Тассафаронга 30 ноября 1942 года был построен на новой ночной тактике. Адмирал Танака с восемью эсминцами (частью загруженными контейнерами для наземных войск) был атакован американской эскадрой в составе 4 тяжелых, одного легкого крейсера и 6 эсминцев. Эсминец «Таканми» единственный открыл ответный огонь и был быстро потоплен противником. Тем самым американские корабли демаскировали свое положение: Танака провел торпедную атаку, потопив один из тяжелых крейсеров и тяжело повредив еще три; оставшиеся японские эсминцы попаданий не получили³⁴⁸.

В дальнейшем подобная схема использовалась не раз. Оба сражения в заливе Кула были проведены по ней. А вот в заливе Велья уже американцы сначала совершили

346Опыт показал, что ночной бой оказывает чрезвычайно угнетающее воздействие на психику как экипажей кораблей, так и ответственных командиров — это обстоятельство не было учтено в предвоенных расчетах.

347Стоит помнить, что американцы имели в этом бою новейшие линейные корабли, вооруженные 406-мм артиллерией (18 стволов), а японцы — один линейный крейсер постройки 1915 года с главным калибром 356-мм (8 орудий).

348Следует заметить, что попутно Танака выполнил и свою основную цель — разгрузил контейнеры и высадил на Гуадалканал части подкрепления.

торпедный залп и добились успеха — застали противника врасплох. Апофеозом «торпедной тактики» в сочетании с использованием радара стал тотальный разгром соединения Насимуры в проливе Суригао.

В конце войны японцы приложили немалые усилия к созданию теории (и практики) авианосного морского боя. Низкий уровень боевой и штурманской подготовки пилотов не позволил организовать такого рода действия в сколько-нибудь значительном масштабе, хотя в рейде на Улити (11 марта 1945 года) Гэнда добился некоторого успеха.

Американцы получили опыт ночного (вернее, сумеречного) авианосного боя в ходе сражения у Марианских островов и остались им недовольны. Впрочем, при достигнутом преимуществе в силах не было никакой необходимости идти даже на самые выгодные тактические осложнения.

6

Итак, мы рассмотрели историю развития тактики морского боя. Сделаем некоторые выводы.

Во-первых, ночной бой действительно представляет собой шанс для слабого флота: номинальное соотношение сил является едва ли не последним фактором, оказывающим влияние на ход и исход такого боя (Тассафаронга!).

Во-вторых, ночной бой, несомненно, является весьма рискованным предприятием. Потери стороны, для которой ночное нападение стало неожиданностью, в несколько раз превосходят потери атакующей стороны. Но контакт в таком бою происходит зачастую случайно, поэтому неожиданностью такой бой может стать для обеих сторон.

В-третьих, в ночном бою преимущество, часто решающее, дает осведомленность о положении противника. Такая осведомленность может быть «подарена» неприятелем, демаскировавшим свое положение несвоевременным открытием огня или включением прожекторов; также она может быть достигнута за счет налаженного радиолокационного наблюдения, а в некоторых случаях — спровоцирована тактически (бой у мыса Эсперанс).

В-четвертых, в ночном бою важно позаботиться об освещении. При этом следует иметь в виду, что источники яркого света резко сужают поле «ночного зрения» наблюдателей: иными словами, располагая противника между собой и «подсветкой», необходимо особенно тщательно следить за «темными» секторами горизонта.

В-пятых, наилучшим средством ночного боя является торпеда. Будучи сильным оружием, днем она менее эффективна, поскольку ее след заметен на воде³⁴⁹, что позволяет произвести уклонение. Ночью же такое маневрирование бессмысленно, поскольку неизвестно, в какую сторону его производить (собственно говоря, если неизвестны курсы торпед, то любая циркуляция, в особенности же разворот бортом к противнику, увеличивает вероятность попадания).

К тактическим моментам ночного боя следует отнести: маневрирование с целью поставить за кораблями противника освещенный предмет (горящий корабль, огни города), использование осветительных снарядов и бомб. Интерес представляет схема с использованием «корабля-приманки», отвлекающего на себя весь огонь противника и демаскирующего его положение.

Доктрина ночного боя не спасла японский флот от разгрома превосходящим противником. Тем не менее, она доказала свою эффективность, поскольку заметно затруднила американцам «реализацию преимущества». Возможно, если бы соотношение сил было бы «кайзеровским» (1,75:1), японский флот, вооруженный тактикой ночных атак, все же смог бы завоевать господство на море и изменить «табель о рангах».

Руслан Исмаилов

349А пуск торпед визуально малозаметен.

Аналитическая геометрия Океана

1. Авианосцы и геометрия

Вторая Мировая война на Тихом океане породила явление, временные рамки которого оказались ограничены самой этой войной. Оно никогда более не проявлялось, хотя остается актуальным и в наше время. Это явление — бой авианосных соединений: особенный вид морского боя, ставший отличительной особенностью всей борьбы за Тихий океан уже с первых недель этой кампании, так не похожей на Атлантическую и Средиземноморскую, для которых были характерны артиллерийские дуэли и удары по базам.

В ходе предыдущей, Первой Мировой войны значение авиации, особенно авиации тактической, постоянно увеличивалось. Сторона, захватившая господство в воздухе, получала возможность наносить удары по объектам в тылу противника, разрушать его коммуникации, высаживать десанты. Но лишь во время Второй Мировой авиация стала одним из основных видов вооруженных сил. Ее значение в таких операциях, как «Гельб» 1940 года (когда она фактически одна страховала южный фланг наступающей немецкой группировки), Критской десантной операции 1941 года (проведенной только силами авиации), наконец, в операции «Оверлорд» 1944 года, трудно переоценить.

Некоторая техническая ограниченность самолетов второй четверти XX столетия, неспособных к трансокеанским действиям, не могла стать причиной отказа флота от столь мощного и перспективного оружия. Уже в октябре 1918 году англичане ввели в строй авианосец «Аргус» и разместили на нем эскадрилью бипланов-торпедоносцев. Эксперименты Митчелла с «Остфрисландом», некоторые особенности Вашингтонских соглашений, теоретические разработки Дуэ, — все это способствовало появлению в составе военно-морских сил авианосцев. Следует подчеркнуть, что первоначально авианосец мыслился как корабль, снимающий технические ограничения авиации по дальности полета — как служебное, в общем-то, судно. Сколь же сильно должна была возрасти ударная мощь авиации, чтобы из вспомогательного судна авианосцы превратились в основной класс боевых кораблей флота!

Необходимо подчеркнуть, что и японские, и тем более американские адмиралы начали войну на Тихом океане без ясного понимания принципов авианосного боя. Большая часть командного состава предпочитала традиционный линейный бой и с недоверием относилась к этим «технически сомнительным» кораблям. С их точки зрения авианосец был слишком большим, очень валким, весьма неуклюжим и крайне пожароопасным. Справедливо полагалось, что одно-два бомбовых попадания способны существенно повредить его, а после пяти-шести попаданий авианосец перестает быть боевым кораблем, превращаясь в груды металлолома, нуждающуюся в эвакуации (если, конечно, эта груды металлолома вообще сохранит способность держаться на воде). Между тем линкор, даже плохой, спроектированный для совсем другой войны — Первой Мировой, и после этого три раза перестроенный, при столь незначительном количестве попаданий вполне сохранял боеспособность³⁵⁰.

В чем-то эти адмиралы были правы.

Напротив, другие ответственные командиры являлись крайними сторонниками нового типа кораблей: их привлекала огромная (в теории) «дальность стрельбы», ограниченная лишь запасом горючего в баках самолетов. Кроме того, эти адмиралы справедливо полагали, что никакой корабль не может противостоять авиации, так как корабль строится для морского боя, а не для борьбы с самолетами. Авианосец объявлялся сингулярным фактором³⁵¹ войны на море, способным в одиночку решить исход сражения.

---

³⁵⁰Конечно, речь идет о бомбах средних калибров — 150 — 250 кг.

³⁵¹См.: С.Переслегин «Основные понятия аналитической стратегии» в кн. Э.Манштейн «Утерянные победы» М., АСТ, СПб., Terra Fantastica, 1999.

Было еще «болото», не имевшее своего мнения. И все. Никаких других взглядов на оперативную роль авианосца не существовало³⁵²; проблема организации взаимодействия авианосных групп между собой даже не ставилась, вопросами взаимодействия внутри самой авианосной группы никто не занимался.

Фактически, в предвоенные годы наличествовала только одна — «естественная» — концепция боевого применения авианосца: атака палубными самолетами кораблей или баз противника одной или двумя волнами. Ответственные командиры догадывались, что необходимо выстраивать ПВО соединения и как-то обеспечивать дальнюю разведку, но с организационной точки зрения для этого не было сделано практически ничего.

В войну появилось несколько новых оперативных схем, на двух из которых мы остановимся.

Японцы изобрели «соединение-приманку», отвлекающее внимание противника и его авиацию на себя. Замысел строился, прежде всего, на расчете времени. Вернувшиеся на свой авианосец эскадрильи на продолжительный срок (порядка четырех часов) «выходят из игры». Следовательно, все это время ПВО соединения противника будет серьезно ослаблено, что дает хорошие шансы на успех собственной атаки, даже более слабой. Следует также иметь в виду возможность «поймать» вражеские авианосцы, когда они будут наиболее уязвимы — в момент приема самолетов, возвращающихся после уничтожения «приманки». (Уязвимость проявляется на нескольких уровнях: авианосец, принимающий самолеты, не способен одновременно выпускать другие³⁵³, зенитчики, знающие о том, что в воздухе находятся свои самолеты, теряют время на выяснение обстановки, наконец, севший самолет, зачастую поврежденный, крайне пожароопасен).

Был и второй фактор, оправдывающий схему соединения-приманки — психологический. После того, как корабельная авиация стала главным оружием флота, авианосец начал восприниматься как самый опасный корабль противника. Стремление опередить соперника и уничтожить его наиболее опасное оружие вполне понятно и логично. Это стремление можно использовать, заставив врага атаковать именно то соединение, которым решено пожертвовать.

Концепция соединения-приманки — это, в сущности, гамбитная схема в применении к морскому бою. Жертвуя легкую фигуру, одна из сторон выигрывает темп, который может стать решающим в последующем хаотичном столкновении.

Американцы предложили свой ответ: массирование авиации. Да, их летчики могли быть не самыми лучшими. Да, их оперативное искусство могло быть сколь угодно ограниченным. Но после Мидуэя они могли себе позволить разменивать корабль на корабль. А значит, всякий раз, когда японцы теряли хотя бы один авианосец, янки выигрывали.

Дополнялась эта «стратегия размена» тактикой зенитного огня. Результативность зенитной артиллерии невысока, но ее несложно поднять простыми и лежащими на поверхности (и одновременно дорогостоящими) методами. Автоматизированные системы управления стрельбой, радиовзрыватели и экспоненциальный рост количества РЛС — суть американской тактики ПВО соединения.

Борьба на Тихом океане продолжалась четыре года и породила больше проблем, чем решений. Вот лишь несколько вопросов, на которые так и не был дан ответ:

— Каково идеальное соотношение истребителей / ударных самолетов / разведчиков в авиакрыле авианосца?

— Стоит ли стремиться нанести первый удар или, напротив, следует принять оборонительный бой и уничтожить максимальное число вражеских самолетов над своими

---

³⁵²Подтверждение этому можно найти в еще одной книге под названием «Война на Тихом океане», изданной в 1937 году, в которой нашли отражения основные взгляды тогдашнего американского военного руководства.

³⁵³Фактически, такое положение дел сохраняется и для современных авианосцев, хотя в технических заданиях предусмотрена одновременная посадка и взлет самолетов.

авианосцами?

— Сколько истребителей нужно поднимать на перехват противника и сколько — для прикрытия собственных бомбардировщиков?

— Каким должен быть маневр авианосного соединения в бою?

2. Бой авианосных соединений. Аналитика

Тактически сражение с участием авиации есть относительно простое боевое столкновение³⁵⁴ со следующими структурными элементами: 1) организация разведки, 2) обмен воздушными ударами, 3) маневрирование кораблей. (Будем считать, что непосредственное огневое соприкосновение сражающихся эскадр маловероятно: корабли противников не находятся в визуальном или радарном контакте, зоны маневрирования боевых воздушных патрулей не пересекаются).

Основной «расходной фазой» является воздушный налет. На этом этапе ситуация полностью аналитична: зная количество атакующих самолетов и их типы, число перехватчиков, возможности корабельной ПВО, мы можем указать наиболее вероятный результат атаки и даже распределение вероятностей числа попаданий.

Для анализа «элементарного авианосного боя» нам придется ввести некоторый понятийный аппарат.

Пусть истребитель-перехватчик атакует группу ударных самолетов. Поскольку нас на данном этапе интересует только число попаданий в корабли, успешность действий перехватчика определяется количеством бомбардировщиков, которые не смогут результативно атаковать авианосный ордер (будут сбиты, преждевременно сбросят бомбы/торпеды, откажутся от атаки).

Мы не можем точно предсказать, чему будет равно число ударных самолетов, «заблокированных» одним перехватчиком, но опыт войны даст хорошую приближенную оценку: 3 — 5 машин. Введем абстрактный «коэффициент обороны соединения», равный учетверенному числу поднятых перехватчиков³⁵⁵. Этот коэффициент (валентность перехватчика) является объективным критерием силы истребительного прикрытия соединения.

Валентность ударного самолета — бомбардировщика или торпедоносца по определению равна единице. Опыт войны показывает, что два истребителя сопровождения блокируют один перехватчик, то есть — валентность истребителя сопровождения равна двум.

«Коэффициент атаки» A равен, следовательно, $2И+У$, где $И$ — число истребителей сопровождения, $У$ — количество ударных самолетов. «Коэффициент обороны» B составляет $4П$ ($П$ — число перехватчиков).

Такой подход позволяет оценить воздушный бой в терминах уравнений Остроградского-Ланчестера, то есть аналитически. В рамках этих уравнений мы должны задать условные силы атакующего и обороняющегося соединений. При этом на результат будут оказывать влияние и неучтенные пока тактические факторы. В среднем, если A — коэффициент атаки, B — коэффициент обороны, то, согласно уравнениям, среднее число прорвавшихся самолетов N будет равно $A-B+\log A$.³⁵⁶

В дальнейшем нам будет удобно измерять коэффициенты атаки/обороны в процентах

---

354 По сравнению с эскадренным линейным боем, в котором принимают активное участие корабли трех-четырех различных классов, а взаимодействие двустороннее и «быстрое».

355 Конечно, не существует двух одинаковых самолетов, поэтому в каждом конкретном случае этот коэффициент будет варьироваться. Однако, при априорной оценке ситуации вполне достаточно использовать для «валентности» перехватчика значение «четыре» — неизбежная ошибка окажется меньше «погрешностей измерения», связанных с флуктуациями погоды.

к численности самолетов авиагруппы. К примеру, если четверть всех самолетов составляют «четырехвалетные» перехватчики, то коэффициент обороны равен 100%.

Аналитический подход позволяет вывести некоторые общие принципы организации обороны авианосного соединения. При близких по численности авиагруппах противников коэффициент атаки, как правило, составляет 150%. Для того, чтобы получить соответствующий коэффициент обороны, необходимо поднять в воздух количество перехватчиков, составляющее 37 — 38% авиакрыла. По-видимому, для оборонительных целей 37% перехватчиков является минимально возможной цифрой. В этом случае среднее число прорвавшихся ударных самолетов противника составит 2% от авиагруппы, то есть при двух-пяти авианосцах — от 3 до 8 самолетов.

Традиционное «предвоенное» распределение авиагруппы в пропорции 33%/33%/33% (истребители/торпедоносцы/пикировщики) дает равные коэффициенты атаки и обороны — 132%. Тем не менее, такая ситуация чревата слабостью обороны при отражении атаки противника немногим более сильного или просто имеющего большую долю истребителей. Кроме того, 33% истребителей недостаточно для одновременного прикрытия собственной атаки и отражения налета противника.

В реальных боях такая ситуация неизбежно приводит к «размену» авианосцев. Малый коэффициент обороны у обеих сторон означает, что ударные самолеты (в целом) удачно совершат свои атаки. И обе стороны получают примерно равные повреждения, «разменяв» (в среднем) корабли в соотношении 1:1³⁵⁷. Следовательно, тенденция к усилению истребительной части авиагрупп, проявившаяся в войну, должна рассматриваться как закономерная.

Необходимо также заострить внимание на другом аспекте проблемы — атаке несколькими волнами, разнесенными по времени достаточно, чтобы перехватчики уже успели сесть, и началось их обслуживание. Понятно, что повторный взлет этих самолетов затруднен. Тривиальные расчеты показывают, что минимально необходимое число истребителей, которые необходимо оставить в резерве для отражения второй ударной волны, составляет 18% от численности авиагруппы. Конечно, возможна и третья ударная волна; однако, ко времени ее прихода уже смогут взлетать перехватчики, отражавшие первую волну, поэтому, вероятно, специально оставлять самолеты в «двойном» резерве нецелесообразно.

Таким образом, если оптимизировать авиакрыло для обороны, то необходимо выделить под истребители не менее 55% всех самолетов.

Если речь идет об одиночном авианосце, вокруг которого выстроено оперативное соединение, то требованию оптимальной обороны отвечает только концепция линейного авианосца³⁵⁸, с максимально возможной конструктивной защитой, сравнительно небольшой авиагруппой, на 55 — 60% состоящей из истребителей.

Особый интерес представляет структура соединений, включающих два-четыре авианосца. Авианосец ПВО такого соединения должен нести только истребители. Он может иметь сокращенную авиагруппу, состоящую из 60 — лучше 70—75 перехватчиков.³⁵⁹

356Этот вывод справедлив для близких коэффициентов В и А, т.е. $|B/A|$ порядка 1 (от 0,1 до 10). Для прочих соотношений функция близка к А-В при $A > B$ и 0 в противном случае.

357Тактическое обоснование схемы «приманка» сводится к тому, что происходит «размен» именно корабля на корабль — вне всякой зависимости от их характеристик. Иными словами, есть надежда «обменять» слабый авианосец на заведомо более сильный — что и произошло в сражениях в Коралловом море («Сехо» и «Лексингтон»), у Восточных Соломоновых островов («Рюдзе» и «Энтерпрайз», который был выведен из строя), у островов Санта-Крус («Дзуйхо», который вышел из строя, и «Хорнет»),

358О разделении авианосцев на классы см. А.Поляхов «Генеалогия авианосца» в книге Ф.Шерман «Война на Тихом океане», М., АСТ, 1999.

359Для простоты предполагается, что «стандартная авиагруппа» нормирована на американские «Эссексы», то есть состоит из 100 самолетов.

В оборонительном бою АВ ПВО имеет преимущество, поскольку перехватчик в два раза «сильнее» истребителя сопровождения и в четыре — ударного самолета. Тем не менее, практически при любом соотношении коэффициентов обороны и нападения, в среднем не менее 2 — 3 самолетов противника все же прорвутся и произведут атаку. Это может привести к изменению соотношения сил в воздухе. А главное: без ударных самолетов авианосное соединение практически бесполезно. Значит, количество таких самолетов должно быть велико. Это подразумевает наличие в эскадре по крайней мере одного ударного авианосца, оптимизированного под быстрое обслуживание бомбардировщиков и торпедоносцев. (Как правило, такие корабли отличаются высокой скоростью, большой численностью авиагруппы и слабой конструктивной защитой).

Суммируя вышеизложенное, получаем, что из аналитических соображений не менее половины авианосцев ударного соединения должны быть линейными. Но для ударного соединения число ударных авианосцев должно также быть не менее 50% от числа авианосцев, что и дает классическое соотношение линейных/ударных авианосцев как $1/1^{360}$. Тактически, при таком распределении, вторая волна ударных самолетов противника должна отражаться не только истребителями линейных авианосцев, но и истребителями ударных, в то время, как первая волна парируется истребителями линейных авианосцев.

Для ударного авианосца считается традиционным соотношение самолетов 33%/33%/33%. Оно вполне приемлемо при условии, что большая часть истребителей противника связана собственной атакой. Следует, однако, понять, что *аналитические соображения воспевают наносить первый удар в правильно организованном авианосном сражении*.

Вывод: аналитические соображения диктуют соотношение линейных (чисто истребительных) и ударных (со смешанной авиагруппой в отношении 33%/33%/33%) в равной пропорции. Возможен вариант, когда на каждом авианосце будет смешанная группа, тогда число истребителей на каждом авианосце должно составлять не менее 55% от общего числа самолетов.

При таком балансе авиагрупп желательной формой авианосного боя является оборонительная.

3. Бой авианосных соединений. Геометрия

Теперь мы переходим к неаналитической составляющей боя авианосцев. Это, прежде всего, разведка. Правильная ее организация — первое требование к командиру авианосного соединения. Множество сражений было проиграно из-за плохого (или вообще отсутствовавшего) наблюдения с воздуха. И Перл-Харбор, и Коралловое Море, и Мидуэй, и острова Санта-Крус — все это примеры бездарно организованной разведки. Аналогичные проблемы присутствовали и на Атлантике, правда, отсутствие авианосцев у стран «Оси» существенно снижало актуальность противокорабельной разведки, а наличие нескольких сотен подводных лодок — повышало значимость разведки в целях ПЛО.

Самой неприятной проблемой авиаразведки является то соображение, что с точки зрения аналитики разведчик это «нуль» в коэффициентах атаки и обороны. Этот самолет не

---

360 В Тихоокеанской войне ни одна из сторон не оптимизировала свои авианосные соединения. Японцы не строили линейных авианосцев и не имели теории их использования. «Тайхо», типичный корабль ПВО соединения, применялся в бою у Марианских островов как обычный ударный авианосец. Ко времени комплектации «Синано» возникла не вполне отчетливая концепция «авианосца поддержки и снабжения» (что близко к идеологии линейного авианосца), но соотношение сил на море уже не позволяло проверить правильность новых теоретических построений. Что же касается американцев, то они использовали в качестве линейных либо малоудачные «Индепенденсы», либо устаревшие ударные корабли.

способен ни атаковать корабли противника, ни сбивать самолеты противника³⁶¹. Поэтому авиаразведка зачастую переключалась на гидросамолеты кораблей прикрытия или на «летающие лодки» базовой авиации, реже она опиралась на нерегулярные вылеты боевых самолетов. И то и другое — плохие решения. «Летающая лодка» удовлетворительна как разведчик, но чересчур уязвима, а корабельный гидросамолет обычно имеет еще и недостаточную дальность полета. Кроме того, возникает дополнительное информационное сопротивление в каналах связи между штабом соединения, дислоцированным на авианосце, и разведчиком, включенном в базовую сеть или сеть кораблей прикрытия. Ударный же самолет, который используется как разведывательный, перестает быть ударным, становясь плохим разведчиком.

Технически от самолета-разведчика требуется высокая скорость во время перелета до зоны разведки и низкая во время полета по установленному маршруту, на котором ведется наблюдение. По очевидным соображениям считается, что маршрут разведки — это дуга окружности с центром в точке нахождения авианосца³⁶². К сожалению, весь путь до указанной дуги и дорогу обратно не следует считать разведанным, ибо наблюдатели на разведчиках во время подлета к зоне разведки и при возвращении из нее, как правило, наблюдают крайне халтурно. Они подсознательно не готовы обнаружить противника. Опыт боя в Коралловом море подтверждает этот тезис.

Для успешной разведки необходимо специальное оборудование (бинокли и люки для кругового наблюдения по минимуму, желательны также перископы для надирного наблюдения). Требуются специально обученные наблюдатели, знакомые с методами обнаружения противника и способные отличить танкер от авианосца и свои корабли от неприятельских.

Разберемся с геометрией полета разведчика. Будем считать, что наблюдатели могут обнаружить цель на расстоянии до 20 миль (с вероятностью 80%) и 10 миль (95%). Таким образом, разведчик «замечает» полосу шириной 30—40 миль, в которой соединение противника с большими шансами будет обнаружено. При средней скорости корабля 20-30 узлов такая полоса будет пройдена соединением противника за 1-2 часа. Следовательно, достоверность информации об отсутствии в каком-то месте сил противника сохраняется не более 2 часов, в среднем 1,5 часа. Откуда получаем, что эффективная длина дуги, разведываемая одним самолетом, составляет около 300 км (при характерных скоростях Второй Мировой войны). Для эффективной разведки (с вероятностью обнаружения противника не менее 80%) необходимо выделить на каждые 300 км по самолету-разведчику. Это дает следующую формулу: число разведчиков, непосредственно занимающихся разведкой своих дуг, для прикрытия окружности радиуса R равно $R/50$. Если перейти от круговой разведки к секторной (чего, как правило, делать не рекомендуется), требуемое число самолетов пропорционально уменьшится.

Если R — величина порядка 400—600 км, то число самолетов, находящихся в зоне авиаразведки, равно числу самолетов, летящих или возвращающихся с задания и готовящихся к новому вылету. При $R=100$ —300 км число самолетов в зоне авиаразведки примерно в два раза больше, чем «находящихся на обслуживании».

Из вышеизложенного следует, что для эффективной авиаразведки необходимо организовать два вложенных круга³⁶³. Первый, внешний, с вероятностью обнаружения 80%,

---

361Исключения вроде успешного выведения из строя «Дзуйхо» атакой американского разведывательного самолета лишь подтверждают это правило.

362Кстати, несмотря на очевидность этих соображений, это ошибка. С математической точки зрения, оптимальным маршрутом является дуга эллипса с фокусами в точках взлета и посадки разведчика. В случае неподвижного аэродрома эллипс превращается в круг, поэтому на суше авиаразведка (и не только она) всегда строится из окружностей. Но авианосец-то движется, и достаточно быстро!

363Еще раз напомним, что отсутствие внутреннего круга авиаразведки явилось основной причиной необнаружения противника в бою в Коралловом море.

должен быть удален на 400-500 км и обеспечиваться 16-20 машинами. Второй, внутренний, находится на удалении 100-150 км. Для его обеспечения достаточно 6-9 машин (возможно, гидросамолетов с кораблей эскорта), что даст вероятность обнаружения 95%. Итого, общее число разведчиков не может быть меньше 22, желательно же иметь их около 30. Кроме того, разумным представляется также обязательное наличие небольшого (в 2-3 самолета) резерва разведчиков для оперативного прояснения обстановки в заданном районе.

Такая «концентрическая» схема позволит достаточно уверенно находить соединение противника на большом расстоянии и гарантирует от внезапного столкновения на близких дистанциях. К сожалению, число машин, которые необходимо привлечь к операции, велико даже для соединения из четырех авианосцев (порядка 10% авиагруппы). Поэтому вполне разумно организовывать авиаразведку со специального «разведывательного» авианосца, желательно — отделенного от основных сил и выполняющего «по совместительству» функции «приманки». Это даст возможность обнаруживать главные силы противника, не демаскируя ядро оперативного соединения³⁶⁴.

Для сверхкрупных соединений (400-500 самолетов) указанное число разведчиков уже не будет столь заметным (4-7%). Тем не менее, и тут лучшим решением было бы повышение их численности до 10% от авиагруппы, что позволило бы либо увеличить радиус внешнего круга до 700 км, либо поднять вероятность обнаружения противника на внешнем круге до 95%.

Геометрия разведки включает еще два фактора: движение собственного соединения, а также возможность наличия особых географических или метеорологических условий, затрудняющих обнаружение противника. Второй фактор существенен для внешнего круга и должен быть принят во внимание планирующими инстанциями. Разумным решением представляется сокращение радиуса поиска: полученный резерв дальности используется для облета «аномалий». Наличие правильно функционирующей метеослужбы является ключом к подобным проблемам.

Первый фактор (собственное движение) существенен для внутреннего круга. Авианосное соединение за 3-4 часа (время полета разведчика) пройдет 75—100 км, что означает, что разведчик удаляется не на 100 км от головного корабля соединения, но лишь на 50, а в худшем случае даже на 0. Естественной реакцией на «релятивистское» сокращение площади эллипса наблюдения стало вынесение разведывательного авианосца на 30 — 40 км вперед для компенсации этого эффекта.

Вывод: желательно наличие специализированных авианосцев-разведчиков, которые будут нести около 10% суммарной авиагруппы. Их необходимо выделить из ядра соединения и отнести на 20—30 миль вперед — для корректирования геометрии авиаразведки. Если авианосцы-разведчики используются также как оперативная «приманка», разнесение позиций ударного и разведывательного соединения может составлять около 100 миль.

4. Бой авианосных соединений. Аналитическая геометрия

Разобравшись с аналитическими и геометрическими особенностями боя авианосных соединений, обратимся теперь к оперативным вопросам — к организации и составу. В уставе написано, что авианосное соединение должно дагеть в своем составе не только авианосцы, но и корабли прикрьтия — в числе достаточном для того, чтобы отразить атаку тех самолетов, которым удастся прорваться через истребительную завесу. Опыт показывает, что качество зенитного огня сильно зависит от системы управления этим огнем. На «Ямато» в 1945 году поставили более согни (конкретно 147) стволов зенитных 25-мм автоматов, постов же управления этими установками было всего 12. Таким образом, зенитный огонь линкора отличался высокой плотностью, но крайне низкой точностью. В условиях 1945 года это было

---

³⁶⁴Едва ли не идеальным разведывательным авнаносцем мог стать «Читосе» в варианте базы гидросамолетов.

несущественно — при отражении хаотического налета очень большого числа самолетов и заградительный огонь неплох (вернее, он столь же хорош, как и любое другое действие обреченного корабля), но в нормальной ситуации³⁶⁵, против одиночных торпедоносцев или пикировщиков, сумевших выйти в атаку, он бесполезен.

Наиболее удачным кораблем прикрытия авианосного соединения будет крейсер ПВО. Именно такой корабль сможет совместить мощную систему управления зенитным огнем и значительное число соответствующих орудий с небольшим размером (и, как следствие, высокой маневренностью и умеренной стоимостью). Число крейсеров, «потребляемых» соединением, несложно подсчитать. Для этого необходимо указать ордер, после чего учесть, что крейсер способен прикрыть примерно 3-4 км. Таким образом, при двухкилометровом круговом ордере необходимы 3-4 крейсера ПВО. При радиусе в 10 км (а это вполне реально при охране соединения из 8-10 независимо маневрирующих авианосцев) указанное число возрастает до 15-20. Даже по американским меркам такое количество вспомогательных кораблей неприемлемо. Впрочем, эта проблема решается просто — разделением флота на несколько разумных (по величине) эскадр.

Особый интерес представляет вопрос об оперативном маневрировании — то есть, о движении соединения во время боя. Очевидно, что приближение к соединению противника выгодно атакующей стороне, так как ее самолетам придется преодолеть меньшее расстояние, а удаление от него предпочтительнее для обороняющейся стороны, которая, таким образом, уменьшает запас горючего (и времени) на бой у противника. С другой стороны, маневр в направлении противника приводит к тому, что маршруты следования самолетов пересекаются примерно на полпути между авианосцами — как это произошло в бою у островов Санта-Крус.

Есть еще несколько маневров. Это, прежде всего, «маневр в сторону» — ортогонально линии, связывающей позиции своего и неприятельского соединения. Иногда такое отклонение позволяет уйти из-под наблюдения. Действительно, при дистанциях обнаружения 400 — 500 км подлетное время для самолета-разведчика составит 2-3 часа, за которые авианосное соединение может совершить маневр на 100— 150 км. Итак, спустя два часа противник будет знать месторасположение соединения с точностью лишь около 200 — 300 км. Ударные группы будут дезориентированы, потребуются дополнительный поиск, что даст обороняющейся стороне значительный выигрыш во времени. Такой маневр во время сражения у атолла Мидуэй лишь случайно не спас соединение Нагумо.

«Маневр в сторону» представляет собой лучшую форму отклонения, поскольку позволяет быстро увеличивать неопределенность своего месторасположения. Стоит, однако, помнить о необходимости поднимать и принимать свои самолеты и давать им указания. Единственный способ связаться с самолетом и передать ему измененные координаты точки посадки — это радио. А значит, резкое маневрирование приводит к нарушению радиомолчания, а иногда и вовсе к потере самолета — радиосвязь на дальних дистанциях не всегда эффективна³⁶⁶.

Опять-таки, есть возможность совместить оперативный маневр со схемой «соединения-приманки». Если оставить в «точке контакта» крейсера ПВО и корабли, «похожие на авианосцы», то противник может проглотить наживку и нанести удар по наиболее трудной для него цели.

Еще один вопрос, который необходимо осветить: непосредственное ПВО соединения, «истребительный зонтик». Несомненно, наличие перехватчиков в воздухе до начала воздушного сражения дает множество плюсов, прежде всего тактических. С другой стороны, истребитель — это машина с крайне неудачным отношением времени полета ко времени подготовки к вылету. Время между двумя вылетами истребителя составляет 3-5 часов, а время нахождения его в воздухе — 2-4 часа. Так что постоянно поднятый «зонтик» снижает

---

365 Аналитическая теория основана на предположении о сравнимости сил противника. Ситуация 1945 года являлась априори неаналитической.

366 В рамках технических возможностей Второй Мировой войны.

эффективное число истребителей, которые могут непосредственно использоваться в воздушном бою. Разумно выстраивать боевой воздушный патруль в расчете на перехват небольшого числа самолетов — до 10 машин. Для этого необходимо не более 4-х истребителей в воздухе и не более 6-ти машин в подготовке. Большее же число потребует существенно большего числа вылетов и горючего. К примеру, на поддержание зонтика всего лишь из 8 истребителей необходимо задействовать 20 самолетов (т.е. порядка 5—10% авиагруппы); кроме того, расходование топлива будет соответствовать нормативам на 30 самолетов. В результате за две недели будет исчерпан весь запас авиационного горючего.

Кратко упомянем еще два вопроса: взаимодействие с базовой авиацией и организацию обороны в ночное время суток.

Базовая авиация по своей численности, обычно, превосходит палубную, но она не столь мобильна, а ее аэродромы уязвимы и слишком рассредоточены для скоординированных действий. Кроме того, поддержка базовой авиации на Тихом океане, как правило, возможна лишь при обороне своей базы. Характерные расстояния затрудняют ее применение в стратегическом наступлении (хотя в Коралловом море именно такой маневр и был произведен). В оборонительном бою на базовую авиацию можно возложить роль прикрытия выделенного линейного соединения, как это было сделано при организации боя в заливе Лейте.

Ночное время для истребителя или бомбардировщика рассматриваемого периода чаще всего было «запретным». Тем не менее, ночная атака является не только возможным, но и часто используемым приемом — особенно в случае, когда соединение противника находится на 500 км западнее вечером или на 500 км восточнее утром. Такое расположение дает одной из сторон лишние 20 минут³⁶⁷ светлого времени на взлетно-посадочные операции. Следовательно, весьма опасным периодом являются полчаса после заката и полчаса до рассвета. В это время ПВО соединения должно быть полностью готово к отражению атаки противника.

Разведка ночью имеет существенные ограничения. Вероятность обнаружения кораблей противника наблюдателями с самолета-разведчика при дистанции между ними в 10 миль падает до 50%, то есть без использования специальных радиотехнических средств обнаружения поиск на 500-км радиусе бесполезен. Вероятно, стоит сокращать радиус поиска ночью до 200 км. Нужно отметить необходимость согласовать дневную разведку и ночную, чтобы не оказалось так, что противник ночью прошел дневной радиус, а днем — ночной. Заметим, что отказ от ночной разведки, чем «грешили» в Тихоокеанской войне адмиралы обеих сторон, неприемлем.

5. Заключение

Подведем итоги. Бой авианосных соединений похож на игру в ножницы, камень и бумагу. От правильного выбора стратегии зависит судьба всего соединения. Увеличение численности истребителей упрощает принятие решений, но падает ударная сила. Естественный выход состоит в использовании многоцелевых самолетов, истребителей-бомбардировщиков. При этом акцент должен все равно делаться в сторону истребителя: только в этом случае эффект будет положительным. Стоит подчеркнуть, что истребители-торпедоносцы были запущены в производство уже в 1943 году.

Альтернативой аналитике является использование геометрии операции. Авианосцы соединения подразделяются на ударные, линейные и разведывательные. При отражении налета противника ударные совершают маневр вне зоны контакта с самолетами противника. Линейные — принимают на себя всю тяжесть отражения вражеского удара. Разведывательные прилагают усилия для того, чтобы рассеять «туман войны» и при этом смешать все карты штабов противника.

Видоизмененная тактика «соединения-приманки» позволяет осуществить внезапное

367Близ экватора.

нападение на соединение врага — либо перед тем, как он начинает принимать свои возвращающиеся самолеты, либо сразу после начала посадочных эволюций. Кроме того, существует большая вероятность, что волна самолетов с ударных авианосцев будет обнаружена лишь на внутреннем радиусе разведки противника³⁶⁸, менее чем в 100 км от него. Это позволяет надеяться на достижение реальной внезапности.

Иными словами, *основным законом нанесения удара по противнику является движение самолетов в пространстве, свободном от вражеских разведчиков*. Только в этом случае коэффициент атаки может стать больше коэффициента обороны, и атакующая сторона получает реальные шансы на успех.

Парадоксально, но мы вынуждены признать, что, несмотря на все технические дефекты своей конструкции, авианосец трудно уязвим. Слабость авианосца оборачивается его силой — авианосец приходится уничтожать авиацией, а это как раз оказывается практически невозможным без обеспечения внезапности. То есть — без применения заведомо хаотических действий.

Библиография

Авторы и редакция предлагают вашему вниманию краткий указатель литературы, посвященной вопросам, так или иначе затронутым в тексте «Тихоокеанской премьеры» или Приложений к ней. Для удобства пользования список разбит на разделы.

Общие вопросы географии, геологии и этнографии:

1. Атлас океанов. Издательство МО СССР, Военно-Морской Флот, М., 1977. Тома: «Тихий океан», «Атлантический и Индийский океаны», «Проливы».

Обстоятельное издание, содержащее, кроме навигационно-географических карт и планов портов, огромный объем информации по рельефу дна, сейсмологии, геоморфологии, климату, гидрологии, гидрохимии, биогеографии, магнетизму (всего более 300 комментированных карт). Особый интерес представляют номограммы, позволяющие определить моменты восходов и заходов солнца, а также продолжительность сумерек в любой точке земного шара — изучение этих номограмм позволяет отыскать ряд ошибок в традиционном хронометраже морских битв Тихоокеанской войны.

2. Жорж Блон. Великий час океанов. Тихий. М., Мысль, 1979.

Эта книга относится к «научно-популярной литературе», созданной для широкого круга читателей. Тем не менее, она содержит много ценной информации, отсутствующей в других русскоязычных источниках.

3. Апродов В.А. Вулканы. М., Мысль, 1982.

Географическое и геологическое описание всех вулканов земного шара. Весьма интересная работа, которая оказалась очень полезной при описании событий в Австралии и на Марианском архипелаге.

4. Ушаков С.А., Ясаманов Н.А. Дрейф материков и климаты земли. М., Мысль, 1984.

Книга посвящена глобальной тектонике плит, наиболее перспективному направлению современной теоретической геологии. К теме Тихоокеанской войны имеет отношение геологическая история Австралиазитского региона.

5. Малаховский К.В. Соломоновы острова. М., Наука, 1978.

Одно из немногих русскоязычных географических, исторических и этнографических описаний архипелага, вокруг которого развернулась крупнейшая морская битва Второй Мировой войны.

6. Щетников Н.А. Цунами. М., Наука, 1981.

7. XX век. Хроника необъяснимого. От катастрофы к катастрофе. М., Олимп, 1998.

---

³⁶⁸Если противник вообще будет организовывать доразведку в подобном случае.

Подробное описание сейсмологических и климатологических катастроф столетия — в том числе в США и Японии.

8. Прох Л.З. Словарь ветров. Л., Гидрометеиздат, 1983.

9. Уильям Амос. Живой мир островов. Л., Гидрометеиздат, 1986.

Материал этой книги использовался при описании Австралязятского ТВД.

Следующие три работы представляют собой типичные этногеографические очерки:

10. Овчинников В. Ветви сакуры и корни дуба. Роман-газета, №№ 3,4 — 1987.

11. Федоренко Н. Кавабата Ясунари. М., 1982.

12. Молодяков В. Образ Японии. Москва-Токио, 1996.

Культура и менталитет Японии.

13. Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX века. М., 1986.

Содержательное исследование, написанное с ортодоксально-марксистских позиций.

14. Искандеров А. А. Токтоми Хидеёси. М., 1984. Политическая биография одного из создателей централизованного японского государства.

Памятники японской литературы:

15. О.Катами — великое зеркало. СПб., Гиперион, 2000.

16. Садзанами Сандзин. Сказания древней Японии. М.-СПб., Летний сад. 2000.

17. Ихара Сайкаку. Избранное, М., Художественная литература, 1974.

18. Ветер в соснах. Классическая поэзия танка эпохи Эдо. СПб., Гилерион, 1997.

19. Непрошенная повесть. М., Наука, 1986.

20. Ночная песня погонщика Есаку из Тамба. Японская классическая драма XIV — XV и XVIII веков. М., Художественная литература, 1989.

21. Тамэнага Сюнсуй. Сливовый календарь любви. СПб., 1994.

22. Токутоми Рока. Избранное. Л., 1978.

Современная японская классика:

23. Акутагава Рюноске. Новеллы. М., 1989.

Энциклопедия японского национального характера начала XX столетия.

24. Мисима Юкио. Золотой Храм. СПб., Северо-Запад, 1993.

Может быть, одна из самых значительных книг, созданных в современной Японии.

25. Оэ Кэндзабуро. Современные игры. М., 1987.

И другие художественные произведения этого автора.

26. Оэ Кэндзабуро. Обращаясь к современникам. Художественная публицистика. М., 1987. Культура и менталитет США:

27. История США. В 4 томах. М., Наука, 1985—1987.

Официальная советская версия американской истории, выполненная на уровне.

28. Согрин В.В. Основатели США: исторические портреты. М., 1983.

29. Печатнов В.О. Гамильтон и Джефферсон. М., 1984.

Одна из лучших книг о «героическом» периоде американской истории.

30. М.Твен. Сделка с сатаной. Л., 1986.

Америку рубежа XIX и XX столетий лучше всего изучать по художественным произведениям и публицистике проницательного и наблюдательного Марка Твена. Твен более метафоричен и точен, нежели Драйзер, и менее пристрастен в своих выводах, нежели Джек Лондон, который, как позже Ричард Бах, описывал «края гауссианы» — нетипичных американцев в нетипичных обстоятельствах. В еще большей степени последнее замечание относится к Хемингуэю, хотя некоторые эпизоды сражения у атолла Мидуэй (в частности, атаки американских торпедоносцев) невозможно понять без того личностного анализа, который содержится в романе «По ком звонит колокол».

31. А.Азимов. Основание. М., 1991.

Произведения Азимова (прежде всего, цикл романов «Основание» и рассказ «Нечаянная победа») должны быть прочитаны не как авантюрно-фантастические вещи «об описываемом будущем», но как строго реалистическое изображение американской стратегии

во Второй Мировой войне и в послевоенные годы.

Японские воинские традиции.

Источники:

32. Книга самурая (Юдзан Дайдодзи Будосесинсю, Ямамото Цунэтомо Хагакурэ, Юкио Мисима Хагакурэ Нюмон). СПб., Евразия, 1998.

Эта книга включает в себя всю традицию бусидо — Пути Воина. Изучение ее совершенно необходимо для понимания событий Тихоокеанской войны.

33. Миямото Мусаси. Книга пяти колец. СПб., Евразия, 1999.

34. Такуан Сохо. Письма мастера дзэн мастеру фехтования. СПб., «Евразия», 1999 г.

35. Япо Мунэнори. Хэйхо Кадэн се — переходящая в роду книга об искусстве меча. СПб., «Евразия», 1998.

Современные исследования:

36. Стэнвен Тернбулл. Самураи: военная история. СПб., Евразия, 1999.

37. Уинстон Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. СПб., Евразия, 1999.

38. Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо — традиции воинских искусств. М., 1990.

Философия истории. Общие вопросы стратегии. Искусство войны (создание последовательных научных моделей общественного развития связывается с именами К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Тойнби, Л. Гумилева и их последователей):

39. Тойнби А. Основы истории. М., 1933.

Содержание этой великолепной работы, несомненно являющейся лучшим западным историософским трудом, может быть выражено очень простой внешней формулой: «Цивилизация есть ответ на вызов».

40. Тартаковский М. Историософия (Мировая история как эксперимент и загадка). М., 1993.

Книга представляет собой образец неомарксистского подхода к историческим проблемам. Автор размышляет о логике истории, о типологии цивилизаций, о взаимодействии социальных структур. Достоинства монографии М. Тартаковского, сочетающей великолепный литературный стиль, современный понятийный аппарат и классическую позитивистскую «диалектическую логику» XIX столетия, характерны для неомарксизма.

41. Дьяконов И. Пути истории. М., 1996.

Автор — один из крупнейших современных специалистов по древней истории, один из создателей и редактор классического издания «История древнего мира» (в трех томах). В «Пути истории» И. Дьяконов анализирует движение общественных формаций и механизмы их смены. Эта книга также может быть отнесена к неомарксистской историософии.

42. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. М., 1993.

Одна из наиболее интересных и проработанных современных историософских концепций, опирающаяся на аппарат общей теории систем и активно использующая для объяснения исторического движения географические и климатологические механизмы. Именно эта работа Л. Гумилева вводит в рассмотрение и обосновывает получивший в последнее десятилетие широкое рассмотрение термин «пассионарность».

Обзор философии собственно военной истории начинается, разумеется, с древнекитайских военных трактатов «Сунь-цзы» и «У-цзы». Мы рекомендуем ознакомиться с ними в великолепно откомментированном переводе академика Н.И. Конрада:

43. Конрад Н.И. Синология. Л., 1977.

Кроме того, в 1997 г. в издательстве «Евразия» (СПб) вышло полное «семикнижие», заключающее в себе военную науку Древнего Китая:

44. У-цзын. СПб., 1997.

Серьезным недостатком этого интересного издания является использование в качестве основы неудачного английского перевода древнекитайских текстов. В результате издание содержит настоящие перлы. Так, например, в уста Ли-Вей-Гуна вложено странное

утверждение, согласно которому Сунь-Цзы предостерегает от использования шпионов...

45. Макиавелли Н. О военном искусстве. М., 1939.

Классическая работа эпохи Возрождения, которая и поныне имеет не только исторический интерес.

46. Клаузевиц К. О войне. В двух томах. М., 1941.

47. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю 1660 — 1783 г. СПб, 1895.

48. Коломб Ф. Морская война, ее основные принципы и опыт. СПб, 1894.

Эти классические книги, оказавшие огромное влияние на историю XX века, готовятся к переизданию в рамках серии «Биографии знаменитых сражений». Понять суть «английской версии» стратегии не прямых действий вне контекста трудов, описывающих саму суть концепции морской мощи, невозможно.

49. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. М., АСТ, СПб., Terra Fantastica 1999.

Квинтэссенция европейского подхода к философии войны.

51. Внезапность в операциях вооруженных сил США. М., Воениздат, 1982.

Специальная и не слишком содержательная книга, в которой представляют интерес описания операции «Торч» (высадки союзников в Северной Африке) и кампаний на тихоокеанских островах.

Японо-Китайская война:

52. Х.Вильсон. Броненосцы в бою. Борьба на востоке в 1894— 1895 гг. СПб., 2000.

Бесполезно говорить об этой работе, «хорошая» она или «плохая» — на русском языке она практически единственная.³⁶⁹ Можно сослаться еще на статью капитана 1-го ранга (впоследствии адмирала) В.К. Витгефта из сборника «Военные флоты и морская справочная книжка» на 1895 г., опубликованную в альманахе «Бриз» (№ 6 за 1995 год).

Русско-японская война.

«Тихоокеанская премьера» лишь слегка затрагивает эту тему, по которой известны десятки книг. Упомянем здесь наиболее доступные:

53. История русско-японской войны 1904—1905 гг. Под редакцией Ростунова И.И. М., Наука, 1977.

54. Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904 — 1905 гг. Борьба на море. М., 1990.

55. Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л., 1968.

Не лучшее издание лучшей книги о походе Второй Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении, содержит в себе также много справочной информации о русском и японском флотах начала XX столетия.

56. Новиков-Прибой А. Цусима. В двух томах. М., 1993—1994.

Эта книга не нуждается в представлении. Заметим лишь, что, вопреки распространившемуся в последние годы мнению, ее историческая канва абсолютно точна. Редакция рекомендует именно данное издание «Цусимы», как содержащее обширный аппарат дополнительных приложений и, в частности, подробные отчеты о судебных процессах по сдаче эсминца «Бедовый» и кораблей эскадры адмирала Небогатова.

57. Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л., Судостроение, 1983. «Предсерийная» книга серии «Замечательные корабли», и до сего дня — одна из лучших в этой серии. Особый интерес представляет описание крупного американского судостроительного предприятия начала XX века — завода В. Крампа.

58. Грибовский В.Ю., Черников И.И. Броненосец «Адмирал Ушаков». СПб., Судостроение, 1996.

Первая Мировая война и межвоенный период

Первоначально предполагалось, что данная тема будет подробно освещена в «Тихоокеанской премьере», однако, это увеличило бы объем книги вдвое. Ниже указаны те

---

³⁶⁹Если не считать монографии адмирала С. Горшкова «Морская мощь государства», где несколько абзацев уделено событиям японо-китайской войны.

работы, на которые в тексте книги или Приложений имеются прямые ссылки:

59. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. В шести томах. М., 1934 — 1938.

60. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В двух томах. М., 1957.

61. Лихарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти. СПб., 1997.

62. Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера, СПб., 1995.

63. Р. Палм Датт. Кризис Британской Империи. М., 1950.

64. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. М., Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999.

Вторая Мировая война — общие работы:

65. История Второй Мировой войны 1939—1945. В 12-ти томах. М., 1974 — 1980.

Хотя в целом эта официальная советская версия и лучше своей репутации, о событиях, произошедших вне советско-германского фронта, она повествует с достойной иного применения лаконичностью.

66. Т. Хаттори. Япония в войне 1941 — 1945. М., Воениздат, 1973.

Объемистая, ио при этом на удивление пустая работа, из которой можно извлечь разве что некоторую статистику и информацию о структуре органов управления войной в Японской Империи. Впрочем, книга содержит неплохой картографический материал.

67. История войны на Тихом океане. В 5-ти томах. М., 1957 — 1958.

Японская версия истории войны (впрочем, не вполне официальная), в которой почему-то почти не нашлось места для описания действий на море.

68. Роскилл С. Флот и война. В трех томах. М., Воениздат, 1970 — 1972.

Официальная история действий Королевских ВМС Великобритании во Второй Мировой войне. Книга написана весьма казенным языком. Она практически не содержит аналитической составляющей, но включает в себя много фактического материала.

69. Гальдер Ф. Военный дневник. В 3-х томах. М., 1967 — 1971.

70. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939 — 1945. М., 1956.

Официальная английская версия. Содержит подробные описания действий союзников, однако материал, посвященный советским операциям, безнадежно ограничен.

71. Churchill W. The Second World War. 6 vol. L, 1948-1954.

Данная работа интересна прежде всего историкам следующей, «холодной войны» — поскольку писалась в свое время именно как инструмент этой войны. Несмотря на это, содержит много информации о работе английского руководства и разведки.

72. Лиддел Гарт Б.Х. История Второй Мировой войны. М., АСТ, СПб., Terra Fantastica, 1999.

Одна из наиболее заслуженных работ, посвященных анализу войны. Содержит множество неточностей, ошибок и заблуждений, тем не менее, очень полезна для изучения любителям стратегии, предпочитающим исследовать общее, а не частное, и иногда предпочитающих «правду тенденции» обыденной «правде факта».

73. Г.Ф. Воронцов. Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976.

74. Ч.Нимиц и Э.Портер. Война на море. 1939—1945 гг. Смоленск, Русич, 1999 г. Работа содержит мало полезных сведений, но интересна тем, что представляет собой официозную американскую версию. Немецкий взгляд на события можно найти у Ф.Руге. Эта книга также носит название «Война на море 1939—1945» (М., АСТ, 1999).

75. Чарльз Макдональд. Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй Мировой войны. М., Воениздат, 1979.

В книге наиболее ценно изображение планирования и осуществления операции «Торч».

76. Вторая Мировая война в воспоминаниях. М., Политиздат, 1990.

77. Урланис Б.Ц. История военных потерь, СПб., 1994.

Тихоокеанская война:

78. Боевое использование авианосцев (тематический сборник). М., Воениздат, 1973. Наибольший интерес в этом сборнике, посвященном применению авианосцев в различных

боевых операциях, представляют фрагменты из многотомного труда С. Моррисона «История действий флота США во Второй Мировой войне» — подробные, написанные живым языком описания отдельных сражений.

79. Далл С. Боевой путь Императорского японского флота. Екатеринбург, Сфера, 1997. Несомненно, одна из лучших работ обзорного характера. Книга издана серии «Морские битвы крупным планом» и может быть рекомендована читателю любого уровня подготовки.

80. С. Моррисон. Американский флот во Второй Мировой войне. Екатеринбург, 1998. В оригинале книга называется «Война двух океанов». Это сокращенная авторская версия главного труда американского историка — пятнадцатитомного исследования действий американского флота во время Второй Мировой войны. Целиком этот труд на русский язык не переводился, но отдельные тома издавались в советское время как самостоятельные книги («Битва за Атлантику», «Битва за Атлантику выиграна»),

81. Ф. Шерман. Война на Тихом океане (Авианосцы в бою). М., АСТ, СПб., Terra Fantastica, 1999.

Это — написанные «по горячим следам» мемуары непосредственного участника событий, а отнюдь не официальная версия. От мемуаров других американских военачальников книгу Шермана отличает несомненная искренность.

82. Д. Хорикоши, М. Окумия, М. Кайдин. «Зеро!». Японская авиация во Второй Мировой войне. Екатеринбург, 1998.

Блестящее исследование, содержащее японскую оценку событий войны.

83. Савин А.С. Японский милитаризм в годы Второй Мировой войны. М., Наука, 1979. Очередной пример излишне ортодоксального взгляда на историю. Единственным достоинством книги (однако неоспоримым) являются статистические таблицы и публикация ряда документов.

84. Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М., Наука, 1978.

85. Кампании войны на Тихом океане. М., Воениздат, 1949.

Сборник японских оперативных документов, подготовленный после войны Комиссией по изучению результатов стратегических бомбардировок. Сугубо специальное издание, содержащее важный фактический материал.

86. Позняк И. Боевые действия на Тихом океане в 1941 — 1945 гг. Баку, 1961. Изданная «на задворках великой империи» тоненькая книжка, к тому же имеющая статус учебного пособия, неожиданно оказалась весьма интересной. Материал систематизирован и изложен ясным, точным языком. Судя по всему, автор пользовался малоизвестными источниками: во всяком случае, приводимые им данные по потерям неортодоксальны и, насколько можно судить по результатам косвенного анализа, находятся гораздо ближе к истине, нежели те, о которых сообщают традиционные англо-американские источники.

87. Захариас Э. Секретные миссии. М., 1959.

Несмотря на «шпионское» название, книга содержит важный исторический материал по предвоенной и военной «войне разведок» Японии и США. Автор ее, контр-адмирал американского флота, во время решающих событий Тихоокеанской войны находился на посту заместителя начальника военно-морской разведки США.

88. Короткий М.И. Боевые повреждения авианосцев. СПб., 1994.

89. А. Крозе. Голландский флот в войне. Екатеринбург, 1997.

Книга вышла в серии «Морские битвы крупным планом», что, как правило, является достаточной рекомендацией. В данном случае, однако, автор оказался настолько урапатриотичен, что читать его труд можно только ради изложения событий боя в Яванском море в несколько необычном — голландском — ракурсе.

90. Лейко О.Ю. Камикадзе. М., изд-во ВЗПИ, 1989.

91. Ч. Локвуд, Г. Адамсон. Морские дьяволы. СПб., Текс, 1994.

История рейда американских подводных лодок к берегам Японии в последние месяцы войны. В сущности, книга рассказывает о том, как выглядела «неограниченная подводная

война» в исполнении американских подводников.

92. М. Хасимото. Потопленные. М., И ИЛ, 1956.

История действий японских подводных лодок — к сожалению, изданная в переводе «с американского».

93. Т. Хара. Одиссея самурая. СПб., Облик, 1997.

Мемуары японского офицера, на протяжении всей войны прослужившего на эскадренных миноносцах. Наибольший интерес представляют описания боев в Индонезии и у Соломоновых островов в 1942—1943 гг., а также последнего похода «Ямато». Книга относится к типичной мемуарной литературе и представляет собой «взгляд снизу» — с мостика корабля прикрытия — на проблемы военно-морской истории и стратегии. Большинство выводов, к которым приходит автор, выражают собой его «субъективное умонастроение».

94. Что произошло в Перл-Харборе. Документы о нападении Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Под редакцией Н.Г. Павленко. М., Воениздат, 1961.

95. Яковлев Н.Н. Перл-Харбор. М., 1988.

Прекрасно написанная, но исключительно тенденциозная работа.

96. М.Футида, М.Окумия. Сражение у атолла Мидуэй. М., Воениздат, 1958.

Книга написана людьми, участвовавшими в планировании и осуществлении наиболее ярких операций Императорского флота в первый период войны. Возможно, лучшая из работ мемуарного характера, сочетает о себе живой и образный стиль изложения и вполне приемлемую точность и обстоятельность. Предполагается к переизданию в рамках данной серии.

97. У. Лорд. Невероятная победа. СПб., КОМКОН, 1993.

Созданные по воспоминаниям участников событий беллетризованные хроники, посвященные удару по Перл-Харбору и сражению за Мидуэй. Книга весьма популярна в США и, пожалуй, заслуженно.

98. Д. Инрайт. «Синано» — потопление японского секретного суперавианосца. М., Воениздат, 1991.

Мемуары командира подводной лодки, которому случайно повезло.

99. Можейко И.В. Западный ветер — ясная погода. М., 1983.

Лучшая книга о событиях 1941 — 1945 гг. в странах Юго-Восточной Азии. Автор подробно рассказывает об операциях в Малайе, на Филиппинах, в Бирме. Расширенное и дополненное издание этой книги предполагается к выходу в данной серии.

Персоналии:

100. Молодяков В. Подсудимые и победители. Токио, 1996.

Хотя эта монография и издана в Токио, она написана на русском языке и представляет собой попытку переосмысления Токийского процесса японских военных преступников в духе идей историков-ревизионистов.

101. Смирнов Л., Зайцев Е. Суд в Токио, М., Воениздат, 1978.

Официальная советская версия Токийского процесса.

102. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. М., Мысль, 1988.

103. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1977.

104. Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. М., Мысль, 1983.

105. Командиры Второй Мировой войны. Часть вторая. Автор-составитель Гордиенко А.Н. Минск, 1998.

Книга содержит значительное количество фактических ошибок и может быть рекомендована лишь для читателя, уже составившего свой глоссарий из других источников.

106. Edgerton Robert. Warriors of the Rising Sun, New-York-London, 1997.

107. Agava H. The Reluctant Admiral: Yamamoto and the Imperial Navy. Tokio, 1979.

Подробное изложение биографии адмирала Ямамото.

Корабли Тихоокеанской войны³⁷⁰.

370Использовались также компьютерная база данных, созданная Р.Исмаиловым, и

108. Апальков Ю.В. Боевые корабли японского флота. Линкоры и авианосцы. СПб., Дидактика, 1997.
109. Апальков Ю.В. Боевые корабли японского флота. Крейсера. СПб., 1998.
110. Апальков Ю.В. Боевые корабли японского флота. Подводные лодки. СПб., 1999.
- Весьма точное и подробное описание истории создания, конструкции и судеб крупнейших кораблей Императорского флота. Монографии также содержат сведения об истории и организационной структуре японского флота и подробную хронологию боевых действий флота в 1941 — 1945 гг.
111. Пятянин С.В. Эскадренные миноносцы и миноносцы Японии. СПб., 1998.
112. Сулига С.В. Японские тяжелые крейсера. В двух томах. М., 1996—1997.
- Лучшая книга по данной теме. Монография снабжена большим количеством хорошо исполненных схем морских боев.
113. Балакин С.А. Авианосцы типа «Эссекс». Приложение к журналу «Моделист-Конструктор». № 6 (30) 1999.
114. Печуконис Н.И. Линейный корабль «Yamato». СПб., 1994.
115. Санкт-Петербургский альманах «Бриз» в 1993— 1996 годах предпринял перевод монографии А. Равена и Д. Робетса «Британские линкоры Второй Мировой войны» (Alan Raven, John Roberts «British Battleships of World War Two», 1976.) Эта работа выходила в виде тонких тематических выпусков, посвященных отдельным кораблям: «Линейные корабли типов "Куин Элизабет" и "Ройял Соверен"», «Линейные крейсера типов «Ринаун» и «Худ»», «Тенденции развития английского линейного корабля после Первой Мировой войны», «Линейные корабли "Нельсон" и "Родней"» и т.д. Специальные выпуски были посвящены также межвоенным модернизациям кораблей.
- Книга А.Равена и Д.Робетса носит сугубо специальный характер, содержит огромное количество интереснейшей технической информации, снабжена эскизными чертежами кораблей. «Бризовское» издание очень малотиражно (300 экземпляров — впрочем, возможно, что эта цифра занижена). Однако, в связи с появлением ряда текстов в Интернете, появляется возможность рекомендовать читателю и его.
116. Сулига С.В. Авианосцы типа «Лексингтон». М., 1995.
- В отличие от большинства работ С. Сулиги, эта небольшая по своему объему книга издана в популярной серии «Морская коллекция» и может считаться ориентированной на широкий круг читателей.
117. Сулига С.В. Японские авианосцы «Сеаку» и «Дзуйкаку». ТОО ЦПУ. М., 1995. Монография подробно рассказывает о конструкции и боевом пути самых прославленных авианосцев Японского Императорского Флота.
118. Weyers taschenbuch der Kriegsflotten, Munich/Berlin (выпуски 1939— 1942).
- Это издание, в отличие от более распространенного английского справочника «Jane», не претендует на всесторонний охват материала, зато она намного более точна и приводит данные в метрической системе.
119. Jane's Fighting Ships 1933—1946. London, 1932—1945.
- Основным достоинством этого англоязычного справочника является сравнительная доступность (тем более, что существуют «ретровыпуски», отпечатанные большим тиражом и посвященные кораблям Первой и Второй Мировых войн). Хотя в англоязычном мире «Jane», насколько можно судить, считается «стандартом де факто», книга содержит много опечаток и/или прямых ошибок (особенно в цифровом материале). Все же ее приходится рекомендовать — за массовость и широту охвата.
120. Chant. Christopher. Warships of 20-th century. Tiger books international. London, 1996.
121. Whitley M.J. Cruisers of World War II. The International Encyclopedia. London, 1995.
122. Polmar N. Aircraft carriers. New York, 1969.
- Самолеты Тихоокеанской войны³⁷¹

данные по американским крейсерам, любезно предоставленные Л.Большых.

371Использовалась также компьютерная база данных, созданная С.Платовым.

123. Палубные самолеты Второй Мировой войны 1939—1945. М., Авиам, 1995. Краткая история создания и применения, схемы и фотографии, технические характеристики. Содержит полезный справочный материал.
124. Шавров В.Б. История конструкции самолетов в СССР. Т.1. М..Машиностроение, 1994.
125. Авиация Японии во Второй Мировой войне. Издательский отдел ЦАГИ, 1996. (Приложение к бюллетеню «Техническая информация»),
126. Чанг Крис. Самолеты Второй мировой войны. М., АСТ., СПб., Terra Fantastica 2000.
- Прочее:
127. Скрягин Л. Человек за бортом. М., 1992. Книга содержит важный фактический материал о неограниченной подводной войне против Японии.
128. Овчинников В. Горячий пепел. М., 1986. Хроника «атомной гоики».
129. Роберт Юнг. Лучи из пепла. М., 1962. Описание быта Хиросимы после ядерной бомбардировки города.

Биографический указатель

Абэ Хироаке [1889, префектура Аичи — 1949], японский адмирал. Окончил Военно-морскую академию (1911) и Морской штабной колледж (1925), затем служил на эсминцах, крейсерах и линкорах. Командовал дивизией линкоров в сражении у острова Гуадалканал 12.11.1942.

Акутагава Рюноскэ [1.3.1892, Токио — 24.7.1927, Токио], японский писатель. Ученик Нацумэ Сосэки. Печатался с 1914. Славу принесли ему новеллы «Расёмон» (1915, русский перевод 1936) и «Нос» (1916). Отточенный блестящий стиль — особенность его прозы. Написал «Муки ада» (1918), «Каппа» (1927), «Жизнь одного идиота» (1927). Покончил жизнь самоубийством. В 1935 в Японии учреждена литературная премия имени Акутагавы.

Бисмарк (Bismark) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (Schonhusen) [1.4.1815, Шёнхаузен — 30.7.1898, Фридрихсру], германский государственный деятель. В 1847 — 1848 один из самых реакционных депутатов 1-го и 2-го соединенных ландтагов Пруссии, сторонник применения силы для подавления революции. В 1851 — 1859 представитель Пруссии в бундестаге во Франкфурте-на-Майне. В 1859—1961 посланник в России, в 1862 — во Франции. С 1862 — министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Вопреки конституции произвел военную реформу в 60-х, что значительно укрепило военную мощь Пруссии. Был инициатором конвенции 1863 с правительством России о совместных действиях по подавлению восстания в Польше. Опираясь на мощь прусской армии, Бисмарк в результате датской войны 1864, австро-прусской войны 1866, франко-прусской войны 1870-1871 осуществил объединение Германии «сверху». В 1871 оказал существенную поддержку правительству Тьера против Парижской Коммуны. После создания в 1867 Северо-Германского союза стал бундесканцлером. В 1871 — 1890 рейхсканцлер Германской империи. Правительство Бисмарка вело активный протекционистский курс (тариф 1879). Являлся инициатором русско-австро-германского союза 1873 («Союз трех императоров»), а в 1882 — «Тройственного союза» (Германии, Австро-Венгрии и Италии), направленного против Франции и России, однако в 1881 и 1884 пошел на возобновление «Союза трех императоров», а в 1887 заключил с Россией «договор о перестраховке».

Битти (Beatty) Дэвид [17.1.1871, Дублин — 11.3.1936, Лондон], английский адмирал флота (1919), граф Северного моря и граф Бруксби (1919). На флоте с 1884. Участвовал в экспедициях в Египте и Судане в 1896-1898 и в подавлении Ихэтуаньского восстания 1900 в Китае. С 1911 морской секретарь 1-го лорда адмиралтейства. С 1913 командовал эскадрой

крейсеров, затем линейных крейсеров. Командовал линейными крейсерами в битвах у о. Гельголанд (1914), Доггер-банки (1915) и в Ютландском сражении (1916). С декабря 1916 по конец 1918 командовал Гранд Флитом. В 1919-1927 1-й морской лорд.

Бриан (Briand) Аристид (28.3.1862, Нант — 7.3.1932, Париж), французский государственный деятель. В 1902 избран в парламент, где примкнул к социалистам. Входил министром юстиции в правительство Вивиани. С началом 1-й Мировой войны стал премьер-министром и министром иностранных дел. За свою карьеру одиннадцать раз становился премьер-министром. Основным направлением его деятельности было укрепление Антанты и поддержка балканских союзников. Он выступал за усиление французского присутствия в Сербии и Греции. В 1926 Бриан был удостоен Нобелевской премии Мира.

Вандергрифт (Vandergrift) Александр Арчер [13.3.1887, Шарлоттсвилль, Вайоминг — 8-5.1973, Бетесда, Мэриленд], американский генерал (март 1945). Призван как младший лейтенант в морскую пехоту в 1909. Участвовал в боевых действиях на территории Никарагуа, Гаити и Китая. Во время 2-й Мировой войны командовал морской пехотой, с 1942 генерал-майор. С ноября 1943 командир 1-го морского амфибийного корпуса на островах Бугенвилль. В отставке с 1948.

Воронов Николай Николаевич [5.5.1899, Петербург — 28.2.1968, Москва], Главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918, участвовал в Гражданской войне. Окончил военную академию имени Фрунзе (1930). С 1934 начальник 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Участвовал в войне в Испании 1936—1937. В 1937—1941 начальник артиллерии Красной Армии, замначальника Главного артиллерийского управления, начальник управления ПВО. С июля 1941 по март 1943 замнаркома обороны СССР и начальник артиллерии Красной Армии, с марта 1943 по март 1950 командующий артиллерией Вооруженных Сил. В 1950—1953 президент Академии артиллерийских наук, в 1953—1958 начальник Военной артиллерийской командной академии, с 1958 на номенклатурной работе в Министерстве обороны СССР.

Гальдер (Halder) Франц [1884 — 1971], немецкий генерал-полковник (1940). В армии с 1902, окончил Баварскую военную академию (1914), участник 1-й Мировой войны. С 1936 в Генеральном штабе сухопутных войск, с октября 1937 заместитель начальника штаба по боевой подготовке, с февраля 1938 — первый обер-квартирмейстер. С сентября 1938 по сентябрь 1942 начальник Генерального штаба сухопутных войск. Руководил работой штаба в Польской кампании 1939, Французской кампании 1940, Балканской кампании 1941, а также в кампаниях против СССР 1941 и 1942 года. В связи с провалом немецкой стратегии, отстранен осенью 1942, а в январе 1945 уволен в отставку. В 1945-1946 американский пленный, участвовал в написании военно-исторических трудов. Автор брошюры «Гитлер как полководец» (1949), а также трехтомного «Военного дневника» (1962—1964), содержащего важные данные по истории 2-й Мировой войны.

Гамелен (Gamelin) Морис Гюстав [20.9.1872, Париж — 18.4.1958, Париж], французский генерал. Окончил военное училище Сен-Сир (1893) и штабной колледж (1899). Во время 1-й Мировой войны был секретарем Жоффра, командовал бригадой и дивизией. В 1925—1928 командующий французскими войсками в Сирии и заместитель верховного комиссара, подавил восстание в Сирии (1925 — 1927). В 1931 — 1935 и 1938 — 1939 начальник Генерального штаба, в 1935—1940 заместитель председателя Высшего военного совета. С 3 сентября 1939 главнокомандующий союзными войсками во Франции. 19 мая 1940 сменил генералом М.Вейганом. В сентябре 1940 был арестован и осужден на Риомском процессе над виновниками поражения (1942). Процесс был предпринят правительством А. Петэна в целях самооправдания. В 1943 вывезен гитлеровцами в Германию, находился в концлагере до конца войны.

Ганди Мохандас Карамчад [2.10.1869, Порбандар — 30.1.1948, Дели], индийский государственный деятель и философ. Родился в знатной индусской семье. По образованию юрист, учился в Англии. В 1891 — 1893 адвокат в Бомбее, затем до 1914 юрисконсульт в Южной Африке. Выработал тактику ненасильственного сопротивления (сатьяграха).

Вернулся в Индию в 1915 и вошел в партию Индийский национальный конгресс (ИНК), стал ее лидером. В 1931 участвовал в конференции «Круглого стола» с британскими властями. Неоднократно подвергался арестам (в том числе 1942— 1944), так как выдвинул лозунг «Вон из Индии!», мотивируя это тем, что независимая Индия сможет оказать сопротивление японцам. Выступал за ненасильственные методы, призывал к единению мусульман и индусов. Был убит членом шовинистической организации.

Гаутама Сиддхатха [623 до н.э. — 544 до н.э. или 563 до н.э. — 484 до н.э.], Будда («просветленный»). Князь из рода Готамы, из племени шакьев, обитавшего в Северной Индии на границе с Непалом (отсюда одно из прозвищ — Шакья-Муни — «отшельник из шакьев»). В возрасте 29 лет оставил семью и дом отца и после 7 лет скитаний стал проповедником буддизма.

Геринг (Goring) Герман [12.1.1893, Рохенхейм, Бавария — 15.10.1946, Нюрнберг], немецкий рейхсмаршал авиации (1940), один из нацистских преступников. Участвовал в 1-й Мировой войне, был летчиком. С 1922 член НСДАП (фашистской партии), руководитель СА (штурмовых отрядов). Будучи политическим уполномоченным Гитлера (с 1930) и председателем рейхстага (с августа 1932), играл активную роль в приходе Гитлера к власти в 1933, после чего стал имперским министром авиации и главой правительства Пруссии. Главнокомандующий ВВС с 1935, глава концерна «Геринг» (с 1937). Один из организаторов нацистского террора в оккупированных Германией странах. На Нюрнбергском процессе 1946 при помощи ловкой демагогии сумел отвести от себя значительную часть обвинений, был приговорен к смертной казни, перед казнью покончил жизнь самоубийством.

Гитлер (Hitler) Адольф [20.4.1889, Браунау, Австрия — 30.4.1945, Берлин], лидер германской национал-социалистической партии (фашистской), глава немецко-фашистского государства (1933-1945), главный военный преступник. Отец Адольфа, Алоис Шикльгрубер (Schicklgruber), сменил фамилию на Гитлер в 1876 (Гитлер иногда пользовался старой фамилией как псевдонимом). С 1913 Гитлер жил в Мюнхене, во время 1-ой Мировой войны был ефрейтором в германской армии. В 1919 один из организаторов, а в 1920 глава (фюрер) Национал-социалистической рабочей партии Германии. 8-9 ноября 1923 вместе с генералом Э.Людендорфом предпринял в Мюнхене попытку фашистского переворота, которая окончилась провалом (Гитлер попал в тюрьму). В дальнейшем, используя национал-социалистическую демагогию и реваншистские настроения, создал себе массовую опору среди населения. 30 января 1933 президент П.Гинденбург назначил его рейхсканцлером. После смерти Гинденбурга Гитлер сосредоточил в своих руках всю законодательную и исполнительную власть, объединив посты рейхсканцлера и президента (август 1934). В дальнейшем правительство Гитлера превратило Германию в базу для проведения мировой экспансии. Фашистская Германия приняла участие в войне против Испанской республики (1936-1939), осуществила аншлюс (присоединение) Австрии (1938), оккупировала Чехословакию (1938-1939), и, сколотив блок союзников, развязала 2-ю Мировую войну (1939-1945). В 1945, когда советские войска вошли в Берлин, Гитлер покончил жизнь самоубийством.

Голль (Gaulle) Шарль де [22.11.1890, Лилль — 9.11.1970, Коломбе-ле-Дез-Эглиз], французский военный и государственный деятель, бригадный генерал (1940). Учился в военном училище Сен-Сир и позже в Высшей военной школе в Париже. Участник 1-й Мировой войны. До 1937 занимался в основном педагогической и штабной деятельностью. С первых дней 2-й Мировой войны командовал в чине полковника танковыми подразделениями 5-й французской армии, а в мае 1940, во время боев на р. Сомма, возглавил 4-ю бронетанковую дивизию. 5 июля стал заместителем министра национальной обороны. После вступления германских войск в Париж (14 июня) и прихода к власти правительства Петена (16 июня) де Голль выехал в Великобританию, откуда руководил движением «Свободная Франция». В июне 1944 председатель Временного правительства Французской республики. 10 декабря 1944 подписал в Москве Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией. В январе 1946 ушел с поста главы государства. С 1947 руководил

созданной им партией «Объединение французского народа». Объявив в 1953 о роспуске этой партии, временно отошел от политической деятельности. В мае 1958, в период Алжирского кризиса, большинство парламента выступило за возвращение де Голля к власти. 1 июня 1958 Национальное собрание утвердило состав правительства во главе с ним. В сентябре была подготовлена новая конституция, а 21 декабря де Голль становится президентом Французской республики. 18 декабря 1965 он был переизбран на новый 7-летний срок, однако после поражения на референдуме 27 апреля 1969 (о реорганизации Сената и реформе территориально-административного устройства Франции) ушел с поста президента.

Гопкинс (Hopkins) Гарри Ллойд [17.8.1890, Су-Сити, Айова — 29.1.1946, Нью-Йорк], государственный деятель США. В 1938-1940 министр торговли. В 1940-1945 советник и специальный помощник президента Рузвельта. С июля 1945 отошел от политической деятельности.

Горбачев Михаил Сергеевич [род. 2.3.1931, село Привольное Ставропольского края], советский государственный деятель. Окончил юридический факультет МГУ в 1950, член КПСС с 1952. Первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола в 1961. С 1978 в секретариате ЦК, с 1979 кандидат в члены Политбюро, а с октября 1980 — член Политбюро. Генеральный секретарь КПСС с 11.3.1985, предложил новую экономическую политику — перестройку, признав тем самым поражение в Третьей (холодной) Мировой войне. Президент СССР (1990), оставался на этом посту до развала страны.

Гормли (Ghormley) Роберт Ли [15.10.1883 — 21.6.1953], американский вице-адмирал. Заместитель начальника штаба ВМС (1940). С 12.5.1942 по 18.10.1942 командующий южной частью Тихого океана, после чего входил в состав штаба адмирала Кинга. 15.12.1944 назначен командующим объединенными ВМФ в Европе. После войны наблюдатель за разоружением Германских ВМС. В отставке с 1947.

Гэнда (Genda) Минори [16.8.1904, Хиросима — 15.8.1989, Токио], японский капитан флота и политик. Окончил военно-морскую академию (1924), был пилотом истребителя. Перед войной назначен штабным офицером, участвовал в разработке планов ударов по Перл-Харбору и Мидуэю. С 1959 по 1962 начальник штаба ПВО Японии, с 1962— 1986 в парламенте. Являлся главой комитета по национальной обороне Либерально-демократической партии.

Дарлан (Darlan) Жан Луи Ксавье [7.8.1881, Нерак — 24.12.1942, Алфир], французский флотоводец, адмирал флота (1939). На флоте с 1902, участник 1-й Мировой войны. С декабря 1936 начальник Морского Генштаба. С августа 1939 главнокомандующий ВМФ. После поражения Франции в ходе Французской кампании с июня 1940 морской министр о правительстве Петэна. С февраля 1941 вице-президент Совета министров правительства Виши, министр обороны, иностранных и внутренних дел. С апреля 1942 главнокомандующий вооруженными силами Виши. После высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 отдал приказ французским войскам о прекращении сопротивления союзникам, а затем о вступлении французских вооруженных сил в борьбу против держав Оси. 14.12.1942 объявил себя верховным комиссаром Франции в Северной Африке и образовал Государственный совет. Убит французским националистом.

Дениц (Donitz) Карл [16.9.1891 — 24.12.1980], немецкий гросс-адмирал (1943). В 1936-1943 командовал подводным флотом, с 30.1.1943 главнокомандующий ВМФ. 1.5.1945, согласно завещанию Гитлера, сменил его на посту рейхсканцлера и верховного главнокомандующего и 2-5 мая сформировал новое «имперское правительство» в Мюрвик-Фленсбурге. 23 мая арестован английскими войсками и в октябре 1946 приговорен Нюрнбергским трибуналом к 10 годам тюрьмы как военный преступник. В 1956 освобожден, вел активную политическую деятельность в ФРГ.

Джеллико (Jellicoe) Джон Рашуорт [5.12.1859, Саутгемптон — 20.11.1935, Лондон), граф, английский адмирал флота (1919). На флоте с 1872. Окончил морской колледж (1884), участвовал в колониальных войнах против Египта (1882) и Катия (1900). С 1913 2-й морской лорд Великобритании. Во время 1-й Мировой войны в 1914 — 1916 главнокомандующий

Гранд Флитом (Большим флотом), которым руководил в Ютландском сражении 1916. С декабря 1916 до конца 1917 1-й морской лорд. Под его руководством была начата активная борьба с германскими подводными лодками. С 1920 губернатор Новой Зеландии, с 1925 в отставке.

Доорман (Doorman) Карел Виллем Фредерик Мари [23.4.1889, Утрехт — 27.2.1942, Яванское море), нидерландский контр-адмирал. В ВМС с 1910, после войны участвовал в строительстве флота Нидерландов. В 1937 командующий военно-морской авиацией в Голландской Ост-Индии, с 1940 командующий голландским флотом в Ост-Индии. А с 25 февраля 1942 командовал объединенными австрало-англо-американо-голландскими силами (ABDA). Погиб в бою.

Дорман-Смит (Dorman Smith) Эрик («Чинк») [24.7.1895, Белламонт-Форрест, Кутехилл — 11.5.1969, Кован], британский генерал-майор. Участник Первой Мировой войны (в конце войны — майор). Во время Второй Мировой начальник штаба английских войск в Африке. Заместитель начальника генерального штаба (1942). После войны принимал активное участие в создании Ирландской Республиканской Армии (ИРА), сменил фамилию на О'Гован. Скончался от рака.

Дулиттл (Doolittle) Джеймс Гарольд («Джимми») [14.12.1896, Аламеда, Калифорния — 27.9.1993, Пеббл-Бич, Калифорния], американский авиатор и генерал-лейтенант (1944). Окончил Юношеский колледж в Лос-Анджелесе (1916). В армии с 1917, стал пилотом и инструктором. После войны остался в ВВС, в 1920 произведен в лейтенанты, одновременно обучался в Массачусетском Технологическом Университете (MIT). В отставке с 1930, однако и после этого принимал участие в состязаниях самолетов, в 1932 установил рекорд скорости. С началом 2-й Мировой войны вернулся в ВВС. 28 апреля 1942 возглавил налет на Токио. За этот рейд Дулиттла произвели в бригадные генералы, а вскорости и в генерал-майоры. В 1944—1945 командовал 8-й воздушной армией.

Дуэ (Douhet) Джулио [30.5.1869, Казерта — 15.2.1930, Рим], итальянский военный теоретик, генерал. По образованию артиллерийский офицер, в 1912—1915 служил в ВВС. За критику командования уволен в 1915, вернулся в армию в 1921 и примкнул к фашистам. До 1930 начальник ВВС Италии. В 1910 выдвинул идею о ведущей роли авиации в будущей войне. В трудах «Господство в воздухе» (1921), «Война 19.. года» (1930) развивал теорию «независимых ВВС».

Д'Эспери (d'Esperey) Франше, Луис-Феликс-Франсуа [25.5.1856, Мостаганем, Алжир — 8.7.1942, Алби], маршал Франции (1921), член Французской Академии (1934). Обучался в Сен-Сире, затем служил в Алжире и Тунисе. С началом 1-й Мировой войны назначен командовать 1-м корпусом. Перед Марной заменил Ланрезака на посту командующего 5-й армией. В марте 1916 назначен командующим Восточной группой, а в январе 1917 — Северной группой. В мае 1918 направлен командовать многонациональными силами союзников в Македонии.

Еременко Андрей Иванович [14.10.1892, село Марковка — 19.11.1970, Москва}, Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза. В армии с 1913, участвовал в 1-й Мировой войне рядовым. В Красной Армии с 1918, участник Гражданской войны. Окончил военную академию имени Фрунзе (1935). Участвовал в присоединении Западной Украины (1939) в должности командира кавалерийского корпуса. С августа по октябрь 1941 командовал Брянским фронтом, затем 4-й ударной армией (декабрь 1941 — февраль 1942), Юго-Восточным, Сталинградским и Южным фронтами (август 1942 — февраль 1943), Калининским фронтом (апрель—октябрь 1943), 1-м Прибалтийским фронтом (октябрь—ноябрь 1943), Отдельной Приморской армией (февраль—апрель 1944), 2-м Прибалтийским фронтом (апрель 1944 — февраль 1945) и 4-м Украинским (март—май 1945). После войны командующий войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского военных округов (1945—1958). С 1958 генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

Жиро (Giraud) Анри Оноре [18.1.1879, Париж — 11.3.1949, Дижон], французский

политический и военный деятель, генерал. Окончил Сен-Сирское училище (1900). Участник 1-й Мировой войны. В 1922 — 1926 участвовал в войне с республикой Риф (Марокко). В начале 2-й Мировой войны командовал 7-й, а потом 9-й армиями. В мае 1940 попал в плен к немцам, в апреле 1942 бежал в Вишискую Францию и установил связи с правительством Петэна и представителями США. В ноябре 1942 при помощи американской разведки переправился в Алжир и после высадки англо-американских войск 17.11.1942 назначен командующим французскими войсками в Северной Африке. В июне-ноябре 1943 сопредседатель Французского комитета национального освобождения, в связи с разногласиями с де Голлем и обвинениями в связях с правительством «Виши» освобожден от этого поста, а в апреле 1944 и с поста командующего вооруженными силами комитета (был им с ноября 1943). В 1948 назначен вице-председателем Высшего совета обороны Франции.

Жоффри (Joffre) Жозеф Жак Сезер [12.1.1852, Ривальт — 3.1.1931, Париж], маршал Франции (1916). Окончил Политехническую школу (1870). Участник колониальных войн в Индокитае и Африке. С 1908 командир корпуса. В 1910 член, а с 1911 вице-председатель Высшего военного совета и начальник генерального штаба. В 1914— 1916 главнокомандующий французской армией. С декабря 1916 военный советник правительства. В 1917 — 1918 глава французской военной миссии в США, а затем в Японии. После войны, оставаясь членом Высшего военного совета, принимал участие в разработке проблем послевоенного строительства французских вооруженных сил. В 1922 возглавлял правительственную комиссию по обороне тер. Франции.

Йошида (Yoshida) Сигэру [22.9.1878, Токио — 20.10.1967, Ойсо], японский политик и государственный деятель. Окончил Токийский императорский институт (1906), служил в министерстве иностранных дел. В 1928-1930 вице-министр иностранных дел. В 1936 армия наложила вето на его назначение министром иностранных дел, и он был назначен послом в Великобританию (до 1939). Арестован в июне 1945 за призывы к капитуляции. Освобожден в сентябре союзниками. Премьер-министр с 22.5.1946 и оставался на этом посту (с перерывами) до 1954. Заключил мирный договор с США и Англией об окончании Второй Мировой войны (1951). Ушел из политики в 1955.

Каннингхэм (Cunningham) сэра Алан Гордон [1.5.1887, Дублин — 30.1.1983, Ройял Танбридж Уэллс, Кент), британский генерал (1945). В армии с 1906. С ноября 1940 он принял командование британскими войсками в Кении. В феврале 1941 он предпринял рейд против итальянского Сомали и захватил порты Кисимайо и Могадишо, оттеснив итальянцев в горы, а 6 апреля 1941 вошел в столицу Эфиопии Адис-Абебу. 20 мая 1941, совместно с генералом Платтом, двигавшимся с севера, принял капитуляцию итальянских войск у Амба Алаги. В августе 1941 принял командование 8-й армией в Египте. Неудачи в ноябрьском наступлении привели к оставлению Каннингхемом командования и возвращению в Англию. Произведен в рыцари в 1941. После войны главный комиссар в Палестине (1915-1948).

Келлог (Kellogg) Фрэнк Биллингс [2.12.1856, Потсдам, штат Нью-Йорк — 21.12.1937, Сент-Пол, штат Миннесота), государственный деятель США, дипломат. Юрист. Принадлежал к Республиканской партии. В 1916—1923 сенатор, в 1924 посол США в Великобритании, в 1925—1929 госсекретарь. Был одним из инициаторов Парижского договора 1928 (Пакта Келлога-Бриана 1928 об отказе от войны в качестве орудия национальной политики).

Керзон (Curzon) Джордж Натаниел [11.1.1859, Кедлстон-Холл, Дербишир — 20.3.1925, Лондон), государственный деятель Великобритании, дипломат, консерватор. В 1899— 1905 вице-король Индии. В 1919 — 1924 министр иностранных дел, один из организаторов интервенции против Советской России.

Кесон (Quezon) Мануэль Луис [19.8.1878, Балер — 1.8.1944, Саранайк-Лейк, США], политический и государственный деятель Филиппин, лидер Партии националистов (с 1924). Сыграл видную роль в переговорах с США (1934) о предоставлении Филиппинам автономии (закон Тайдингса — Мак-Даффи). В 1935 избран первым президентом. В 1936 провозгласил

программу «социальной справедливости». После японского вторжения на острова сбежал в США, где возглавлял филиппинское эмигрантское правительство.

Кимель (Kimmel) Хасбанд Эдуард [26.2.1882, Хендерсон, штат Кентукки — 14.5.1968, Гротон, штат Коннектикут), американский контр-адмирал (1937). Командующий американским Тихоокеанским флотом с февраля по декабрь 1941. После нападения японцев на Перл-Харбор отстранен от командования.

Кинг (King) Эрнст Джозеф [23.11.1878, Лорейн, штат Огайо — 25.6.1956, Портсмут, штат Нью-Хэмпшир), адмирал флота США (1944). Окончил военно-морское училище (1901), военный колледж (1933). В 1-ю Мировую командовал эсминцем, дивизионом эсминцев, был помощником начальника штаба Атлантического флота. После войны командовал дивизионом ПЛ, базой ПЛ, авианосцем «Лексингтон», был начальником бюро аэронавтики. В 1936—1941 командовал разведывательной, а затем базовой авиацией ВМС США, был членом генерального совета морского министерства. С февраля 1941 командовал Атлантическим флотом. После нападения на Перл-Харбор назначен главнокомандующим ВМС США. 26.3.1942—15.12.1945, по указанию президента США совмещал эту должность с должностью начальника морских операций. Являлся членом американского комитета начальников штабов и объединенного англо-американского штаба. По его решению было создано командование противолодочных сил: получившее наименование «10-й флот», которым также командовал Кинг. С ноября 1945 в отставке.

Кинкейд (Kinkeid) Томас Кассин [3.4.1888, Гановер, штат Нью-Гемпшир — 17.11.1972, Бетесда, Мэриленд], американский контр-адмирал. Окончил военно-морскую академию (1908). Был командиром крейсера «Индианаполис», после чего послан военно-морским атташе в Рим и Белград. В начале 1941 командовал соединением крейсеров на Тихом океане, сменил адмирала Флетчера на посту командующего авианосным соединением (1942). Командующий 7-м флотом, силами северной части Тихоокеанского района (1943). После войны на штабных должностях.

Киплинг (Kipling) Джозеф Редьярд [30.12.1865, Бомбей — 18.1.1936, Лондон], английский писатель. В 1882—1889 жил в Индии, сотрудничал в газетах. Лауреат Нобелевской премии (1907). Провозгласил цивилизаторскую миссию Британской империи среди отсталых народов («бремя белого человека»).

Клаузевиц (Clausewitz) Карл [1.6.1780, Бург, около Магдебурга — 16.11.1831, Бреслау, ныне Вроцлав, Польша], немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. С 1792 в прусской армии. Окончил всеобщее военное училище в Берлине (1803), до 1803 адъютант принца Августа Прусского, участвовал в войне с Францией 1806—1807. В 1808—1809 начальник кабинета председателей Военно-реорганизационного комитета генерала Б.Шарнхорста, принимал активное участие в подготовке реорганизации армии. В 1810—1812 преподавал в Офицерском военном училище, написал «Обзор военного обучения (важнейшие принципы войны)». Весной 1812 уехал из Пруссии и поступил на службу в русскую армию. Во время Отечественной войны 1812 был квартирмейстером кавалерийского корпуса П.П. Палена, затем Ф.П. Уварова, с октября 1812 в штабе корпуса (затем армии) П.Х. Витгенштейна. В 1813 офицер связи при прусской армии Г.Блюхера, с августа 1813 начальник штаба корпуса Л.Вальмодена. В апреле 1814 вернулся на прусскую службу, был начальником штаба корпуса. В 1818—1830 директор Всеобщего военного училища. В 1830 назначен инспектором артиллерии, в 1831 начальник штаба прусской армии на польской границе. Умер от холеры. Клаузевиц впервые применил диалектический принцип в военной теории, рассматривая явления военного искусства в их взаимосвязи и развитии. Глубоко изучил свыше 130 походов и воней с 1566 по 1815 и написал ряд военно-исторических работ. Главным трудом Клаузевица является 3-х томное исследование «О войне», где изложены взгляды автора на природу и сущность войны, формы и способы ее ведения. Центральное место среди достижений Клаузевица занимает положение: «Война есть продолжение политики иными средствами». Им были сформулированы принципы полного напряжения всех сил, концентрации усилий на основном направлении, быстроты и

внезапности действий, энергичного использования достигнутого успеха. Умело применяя диалектический метод, Клаузевиц верно разрешил такие проблемы, как соотношение наступления и обороны, значение морального духа армии. Большое значение Клаузевиц придавал материальному, географическому и моральному фактору, роли полководца и др.

Колумб (лат. Columbus, итал. Colombo, исп. Colon) Христофор [1451, Генуя — 20.5.1506, Валенсия], мореплаватель, адмирал. Генуэзец, в 1476—1484 жил в Лиссабоне и на островах Мадейра и Порту-Санту. Составил проект кратчайшего пути в Индию. Уговорил короля и королеву Кастилии и Арагона спонсировать его экспедицию. Совершил четыре плавания к Америке — 1492-1493, 1493-1496, 1498-1500, 1502-1504.

Кондо Нобутаке [1856 — 1953], японский вице-адмирал. Командовал японским соединением в операции по вытеснению английского флота из Индийского океана (апрель 1942), затем десантным соединением, предназначенным для захвата Алеутских островов. В бою 15.11.1942 у о. Гуадалканал соединение под его командованием потерпело поражение.

Коноэ Фумимаро [12.10.1891, Киото — 16.12.1945, Токио], князь, японский государственный деятель. В 1933—1937 председатель палаты пэров. С июня 1937 по январь 1939 и с июля 1940 по октябрь 1941 премьер-министр. После роспуска политических партий (1940) был организатором и первым президентом Ассоциации помощи трону. В сентябре 1940 правительство Коноэ подписало Берлинский пакт с Германией и Италией. После капитуляции Японии (1945) покончил жизнь самоубийством.

Кристаллер (Christaller) Уолтер [21.4.1893 — 9.3.1969], немецкий географ. Сформулировал основные положения теории «центрального расположения» (1933) на основании статистических исследований телефонных звонков в южной Германии.

Курита (Kurita) Такео (1889 — 1953), японский вице-адмирал (1942). Окончил Японскую морскую академию 1910, командовал эсминцами. В 1938 произведен в контр-адмиралы. Командовал дивизией линкоров в боях у Гуадалканала. Командовал главными силами в боях у Соломоновых островов, в Филиппинском море и в заливе Лейте.

Ли (Lee) Уиллис Огустус (11.5.1888, Натли, Кентукки — 25.10.1945), американский вице-адмирал. Окончил Военную академию (1908). Командовал эсминцами 1920 — 1926. Окончил Морской Военный колледж (1929). Штурман, а затем командир ЛК «Пенсильвания» (1931 — 1933). С 1936 командовал АВЛ «Конкорд». В феврале 1942 стал помощником начштаба Объединенного флота, а с августа 1942 до 45 командовал 6 дивизией линкоров. В ночном бою 15.11.1942 разбил соединение японского адмирала Кондо.

Лиддел Гарт (Liddell Hart) сэръ Басил (Генри) [31 октября 1895, Париж — 29 января 1970, Марлоу, Букингемшир], английский военный теоретик и военный историк. С началом Первой Мировой войны 19-летний Лиддел Гарт оставил обучение в Кембридже и вступил в армию. Уже в 1920 году он опубликовал учебник «Подготовка пехоты», включавший несколько собственных разработок. Лиддел Гарт активно выдвигал идеи строительства авиации и танковых войск, так как именно эти виды войск наиболее полно отвечали его представлениям о «непрямых действиях». В 1924 году Лиддел Гарт заболевает и становится негодным к военной службе; в 1927 году он увольняется в чине капитана. В 1925—1935 он военный корреспондент «Дейли Телеграф», в 1935 — 1939 «Таймс». В 1937 — 1938 Лиддел Гарт становится советником при военном министре, и проводит некоторые из задуманных реформ. Однако его усилия механизировать армию и насытить ее средствами ПВО встретили сопротивление у множества офицеров. В 1941 — 1945 годах Лиддел Гарт опять становится военным корреспондентом, на этот раз в «Дейли Мэйл». После войны выступал с критикой ядерной войны, считая, что в таком конфликте выигрышной стороны быть не может. В 1966 посвящен в рыцари королевой Великобритании Елизаветой II.

Лири (Leary) Герберт Файрфакс [1885 — 1957], американский вице-адмирал. Командующий ВМС союзников в южной части Тихого океана до июля 1942. С июля 1942 до 1943 командовал ВМС союзников в юго-западном секторе, а в 1943—1945 — силами обороны восточного побережья.

Ллойд-Джордж (Lloyd George) Давид [17.1.1863, Манчестер — 26.3.1945, Лланистамдвир, Карнарвоншир], государственный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии. Занимался юридической практикой. В 1890 впервые избран в парламент. Объявил себя радикалом и сторонником широких реформ. После прихода к власти либералов Ллойд-Джордж в 1905—1908 министр торговли и в 1908—1915 министр финансов. В 1909 провел налог на земли лендлордов и увеличил ассигнации на военноморское вооружение. Во время 1-й Мировой войны выступал за ведение войны до победного конца. В 1916 добился падения либерального правительства Асквита и возглавил коалиционное правительство (премьер-министр до октября 1922). Ллойд-Джордж один из главных участников Парижской мирной конференции 1919—1920 и творец Версальского мирного договора 1919. Упадок либеральной партии привел к падению политической роли Ллойд-Джорджа, хотя он сохранял до конца жизни известное влияние в стране. В 1915 получил титул графа.

Лоуренс (Lawrence) Томас Эдуард Аравийский [15.8.1888, Тремадок, Карнарвоншир — 19.5.1935, Дорсетшир], английский разведчик и археолог, полковник. В 1914-1919 и 1922-1935 на службе в британской армии. В 1916—1919 сотрудник английского Бюро по арабским делам в Каире. Вел разведывательную работу в Сирии, Палестине, Аравии и Египте. В 1921—1922 советник по арабским делам в министерстве колоний. В 1925—1929 находился в Карачи, Пешаваре, на афганской границе, где, по мнению советского правительства, занимался подрывной работой против Афганистана (опровергается английскими источниками).

Людендорф (Ludendorf) Эрнх [9.4.1865, Крушевня, близ Познани — 20.12.1937, Тутцинг, Бавария], военный и политический деятель Германии, генерал пехоты (1916). Окончил пехотный корпус (1881) и военную академию в Берлине (1893). С 1894 служил в Генштабе, в 1908—1913 начальник оперативного отдела Генштаба. В 1913—1914 командир 85-й пехотной бригады в Страсбурге. В начале 1-й Мировой войны обер-квартирмейстер штаба 2-й армии, действовавшей в Бельгии, с августа 1914 начальник штаба 8-й армии на Восточном фронте, с августа 1916 года 1-й генерал-квартирмейстер верховного командования германской армии. Весной 1918 Людендорф принял ряд наступательных операций крупного масштаба во Франции. 26 октября 1918 года уволен в отставку. Во время ноябрьской революции 1918 года бежал в Швецию. В феврале 1919 вернулся в Германию, был одним из организаторов Капповского путча 1920 года, имевшего целью упразднение Веймарской республики. В 1923 года предпринял неудачную попытку военного переворота в Мюнхене (пивной путч). В 1924-1928 депутат рейхстага от национал-социалистической партии. Выступал за возрождение военной мощи Германии и установление фашистского режима.

Мак-Артур (McArthur) Дуглас [26.1.1880, Литтл-Рок, Арканзас — 5.4.1964, Вашингтон], американский генерал армии (1944). В 1903 окончил военную академию США в Уэст-Пойнте. Участник 1-й Мировой войны. В 1930-1935 начальник штаба американской армии, в 1932 учинил расправу над участниками похода безработных ветеранов войны в Вашингтоне. В 1935-1937 военный советник на Филиппинах, в 1936—1937 фельдмаршал Филиппинской армии. В 1941 назначен главнокомандующим американскими силами на Дальнем Востоке. В 1942-1951 верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана. В 1945-1951 командующий оккупационными войсками в Японии. В июле 1950 — апреле 1951 руководил операциями сил США и союзников в войне против Кореи. В апреле 1951 в результате неудач американских войск был смещен президентом Г. Трумэном со всех командных постов. В 1952 начал деятельность в крупном бизнесе.

Маккейн (McCain) Джон Сидней [9.8.1884 — 6.9.1945], американский вице-адмирал (1943). Окончил Военную академию (1906). Участвовал в оккупации Вера-Крус. С 1937 по 1939 командовал АВ Рейнджер. С 1939 командовал соединением авиации берегового базирования. Командовал им в операции по захвату острова Гуадалканал. С октября 1942-

начальник Бюро аэронавтики, в 1944 — 1945 командовал 38-м оперативным соединением.

Маршалл (Marshall) Джордж Кэтлетт [31.12.1880, Юнионтаун, штат Пенсильвания — 16.10.1959, Вашингтон), генерал армии США (1944). В 1901 окончил Вирджинский военный колледж и с 1902 служил офицером американской армии на Филиппинах. В 1917-1918 участвовал в 1-й Мировой войне в качестве начальника оперативного отдела 1-й американской армии и начальника штаба 8-го американского корпуса во Франции. В 1919-1924 адъютант генерала Д.Першинга. В 1924-1927 служил в 15-м американском пехотном полку, находившемся в Китае. В 1927-1932 заместитель начальника школы пехоты в форте Беннин (США). В 1939 назначен начальником штаба армии США, на этом посту оставался в течение всей 2-й Мировой войны. В 1945-1947 личный представитель президента Трумэна в Китае при правительстве Чан Кайши. С 1947 по 1949 был госсекретарем США, в 1950-1951 министр обороны. После 1952 отошел от активной политической жизни.

Мисима Юкио (наст. Хираока Кимитакэ) [14.1.1925, Токио — 26.11.1970, Токио], японский писатель. Автор нескольких бестселлеров, некоторые из которых экранизированы. В 1970 во время неудавшейся попытки военного переворота покончил с собой.

Митчелл (Mitchell) Вильям [29.12.1879, Ницца, Франция — 19.2.1936, Нью-Йорк], американский генерал, авиатор. Участвовал в Испано-американской войне (1898), затем был офицером связи на Кубе, Филиппинах и Аляске. Окончил Штабной колледж армии (1909). С 1915 в авиации. Участник 1-й Мировой войны, получил звание бригадный генерал. В сентябре 1918 командовал объединенными франко-американскими ВВС. После войны заместитель начальника авиационной службы. Пропагандировал авиацию как отдельный вид вооруженных сил. После катастрофы дирижабля «Шенандоа» (в сентябре 1925) обвинен в некомпетентности, служебном несоответствии, преступном пренебрежении приказом а также в нарушении субординации. В отставке с 1.2.1926.

Митшер (Mitscher) Марк Андре [26.1.1887, Хиллсборо, Висконсин — 3.12.1947, Норфолк, Вайоминг], американский адмирал (1946). Окончил Военно-морскую академию в Анаполисе (1910). В 1916 стал 33-м пилотом США. В начале 2-й Мировой командовал авианосцем «Хорнет», который под его командованием принял участие в битве у Мидуэя (июнь 1942). В 1943 командовал Т.Ф. 58 — оперативным соединением кораблей США на Тихом океане, возглавлял операции по захвату островов Трук и Каролинских, участвовал в битвах в Филиппинском море и в заливе Лейте, а также в операциях по захвату Иводзимы и Окинавы. До своей смерти в 1947 являлся главнокомандующим Атлантическим флотом.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович [25.2.1890 — 8.11.1988], политический деятель СССР. Член КПСС с 1906. В 1920 секретарь ЦК Украины, в 1921-1930 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930-1941 председатель СНК СССР, одновременно с 1939 нарком иностранных дел. В 1941-1957 1-й заместитель председателя СНК (затем Совета Министров), одновременно нарком иностранных дел (1941-1949, 1953-1957). С 1962 на пенсии.

Мольтке Младший (Moltke) Хельмут Иоганн Людвиг [25.5.1848, Герсдорф, Мекленбург — 18.6.1916, Берлин], германский военный деятель, генерал. Племянник Х.Мольтке Старшего, с 1880 его адъютант. С 1891 флигель-адъютант Вильгельма II. В 1899 — 1902 командовал пехотной бригадой, затем пехотной дивизией. С 1903 генерал-квартирмейстер, с 1906 начальник генштаба. 14 сентября 1914 года Мольтке был отстранен от должности.

Мольтке Старший (Moltke) Хельмут Карл Бернхард [26.10.1800, Пархим, Мекленбург — 24.4.1891, Берлин], прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1871). Окончил кадетский корпус в Копенгагене (1818), Берлинскую военную академию (1826). В 1819 начал военную службу офицером в датской армии, в 1822 перешел в прусскую армию. С начала 1827 начальник дивизионной школы. В 1828 причислен к генштабу (а в 1833 переведен в него, работал в топографическом бюро. В 1836-1839 военный советник в турецкой армии. По возвращении в Пруссию был назначен в штаб 4-го армейского корпуса. С 1848 начальник отделения генштаба, начальник штаба корпуса. В 1858-1888 начальник прусского (с 1871 имперского) генштаба, превратившегося под его

руководством в основной орган подготовки страны и вооруженных сил к войнам, которые вела Пруссия, а затем Германия. При поддержке О.Бисмарка провел ряд мероприятий по усилению армии. В 1864 Мольтке был начальником штаба прусско-австрийских объединенных армий в войне с Данией. В войнах Пруссии с Австрией и ее союзниками (1866) и с Францией (1870-1871) Мольтке, занимая пост начальника полевого штаба, фактически был главнокомандующим всеми вооруженными силами. В 1867-1891 член рейхстага от консерваторов, с 1872 наследственный член прусской палаты господ.

Монро (Monroe) Джеймс [28.4.1758, Уэстморленд, Вирджиния — 4.7.1831, Нью-Йорк], государственный деятель США. В 1790-1794 сенатор, в 1794-1796 посланник во Франции, в 1799-1802 губернатор Вирджинии, в 1811-1817 госсекретарь, в 1814-1815 военный министр. В 1817-1825 президент США. В его правление была присоединена Флорида (1819), заключен Миссурийский компромисс (1820) с Англией, принято решение о признании независимых государств Латинской Америки (1822), провозглашена т.н. доктрина Монро (1823) — об особом положении Американского континента.

Морисон (Morison) Самуэль Элиот [9.7.1887, Бостон, Массачусетс — 15.5.1976, Бостон], американский военный историк, вице-адмирал (1951). Обучался в Гарвардском университете, закончил его после 40-летнего перерыва. Во время 2-й Мировой войны служил на 12 кораблях. В отставке с 1951. Основные работы Морисона: *Maritime History of Massachusetts* (Военно-морская история Массачусетса, 1921); *Admiral of the Ocean Sea* (Адмирал моря Океана, 1942) — биография Колумба, удостоенная Пулитцеровской премии; *John Paul Jones* (Джон Пол Джоунс, 1959), еще одна биография, удостоенная Пулитцеровской премии; *The Oxford History of the American People* (Оксфордская история американского народа, 1965); *History of U.S. Naval Operations in World War II*, в 15 томах (История американских военно-морских операций на море во Вторую Мировую войну, 1947—1962); *The Life of Commodore Matthew C. Perry* (Жизнь командора Мэтью К. Перри, 1967); и *The European Discovery of America, The Northern Voyages* (Европейское открытие Америки, северные путешествия, 1971).

Муцухито [3.11.1852 — 30.7.1912], японский император (с 1867). Период правления Муцухито называется Мэйдзи. Был первым императором Японии после свержения сегуната в ходе революции Мэйдзи.

Нагано (Nagano) Осами [15.6.1880, Кочи — 5.1.1947, Токио], японский адмирал флота (1943). В 1913, будучи офицером-переводчиком, изучил право в Гарвардском Университете. Военно-морской атташе в США в 1920 и 1923, участник Вашингтонской конференции (1921-1922). Затем член Главного Морского штаба. Военно-морской министр в 1936, главнокомандующий флотом в 1937, начальник Главного Морского штаба с апреля 1941. С февраля 1944 в отставке. Обвинен международным трибуналом в Токио, умер во время процесса от разрыва сердца.

Нагумо (Nagumo) Тюити [1887 — 6.7.1944], японский вице-адмирал. Закончил военно-морское училище (1908). С 1917 командовал эсминцем, с 1935 — линкором. Командовал «отрядом особого назначения», предназначавшимся для удара по Перл-Харбору (1941), затем авианосным соединением в операции по захвату голландской Ост-Индии и при ударе по Цейлону. Покончил жизнь самоубийством при обороне Сайпана.

Нимиц (Nimitz) Честер Вильям [24.2.1885, Фредериксберг, Техас — 20.2.1966, Сан-Франциско], американский адмирал флота (1944). Окончил Морскую академию (1905), служил на командных и штабных должностях (с 1918 начальник штаба подводных сил Атлантического флота США). Во время 2-й Мировой войны с конца декабря 1941 до ноября 1945 командовал Тихоокеанским флотом США. 2 сентября 1945 от имени США подписал акт о капитуляции Японии. С 15.12.1945—15.12.1947 начальник морских операций. С 1947 в отставке, являлся советником морского министерства.

Ноги Маресукэ [11.11.1849, префектура Ямагути — 13.9.1912, Токио], граф, японский генерал (1904). Окончил военную школу (1871). Во время японо-китайской войны 1894-1895 командовал бригадой, был произведен в генерал-лейтенанты и пожалован в

бароны. Затем был генерал-губернатором о. Тайвань и командиром дивизии. В 1900-1904 в отставке. Во время русско-японской войны 1904-1905 с июня 1904 командовал 3-й армией, которая вела осаду Порт-Артура, а затем участвовала в Мукденском сражении 1905. После войны член Высшего военного совета при императоре. После смерти императора Муцухито Ноги совершил харакири.

Нокс (Кнох) Френк (Вильям Франклин) [1874 — 1944], американский государственный деятель, полковник, издатель. С 1931 редактор и издатель «Чикаго Дейли Ньюс». В 1936 кандидат от партии республиканцев на пост вице-президента США. Морской министр 1940—1944.

Одзава Джисабуро [2.10.1886 — 1964], японский адмирал. Окончил военно-морскую академию (1906), капитан миноносца. С 1926 в штабе Объединенного флота. Затем командовал крейсером, а в 1935 — линкором. В 1941 стал начальником академии Морского Генерального штаба, а с декабря 1941 — командующий Южным Экспедиционным флотом и Малайским оперативным соединением. В апреле 1943 Одзава командовал 3-м авианосным флотом в сражении у Соломоновых островов, а в июне 1943 — 1-м флотом у Сайпана. В 1944 возглавил Объединенный флот в битве в заливе Лейте.

Ойяма (Оуама) Ивао [1842 — 1916], японский фельдмаршал. Участвовал в Русско-японской войне 1904—1905, возглавлял японские войска при взятии Порт-Артура и в Мукденском сражении.

Паунд (Pound) Альфред Дадли Пикмен Роджерс [29.8.1877 — 21.10.1943], сэр, британский адмирал флота. Первый морской лорд с 1939 по 1943. Организовал систему противодействия немецким подводным лодкам.

Перри (Perry) Мэтью Колбрайт [10.4.1794, Саут-Кингстон — 4.3.1858, Нью-Йорк], военно-морской деятель США, коммодор (1841). Участвовал в войнах США с Великобританией (1812-1814) и Мексикой (1846-1848). В 1852 был послан во главе эскадры в Японию с целью заставить ее правительство, придерживавшееся политики изоляции от внешнего мира, установить торговые и дипломатические отношения с США. Вынудил японское правительство под угрозой военных действий подписать договор 1854, открывавший для американских судов порты Хакодате и Симода и положивший начало кабальным договорам США и европейских держав с Японией.

Персиваль (Percival) Артур Вудворд [1887 — 1966], английский генерал-лейтенант (1946). Участник 1-й Мировой войны (лейтенант). С июня 1941 командовал войсками, оборонявшими Сингапур и Малайю. Потерпел поражение и сдал Сингапур японцам 15 февраля 1942. Попал в плен, освобожден в августе 1945. Мэр Лидса с 1961.

Рети (Reti) Ричард [28.5.1889, Пезинок — 6.6.1929, Прага], чешский шахматист и шахматный теоретик, один из основоположников школы гипермодернистов. С 1908 выступал в различных турнирах, но лишь в 1912 к нему пришла известность. В 1923 написал книгу «Новые идеи в шахматах». В 1924 выиграл известный Нью-йоркский турнир, получив приз за блестящую игру. Посмертно была издана его книга «Мастер шахматной доски» (Die Meisterdes Schachbretts, 1930).

Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим [30.4.1893, Везель — 16.10.1946, Нюрнберг], германский государственный деятель. Был агентом по продаже шампанских вин. В 1930 примкнул к нацистской партии и вскоре стал одним из приближенных Гитлера. В 1936-1938 посол в Лондоне. В феврале 1938-1945 министр иностранных дел. Казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рид (Reed) Уолтер [13.9.1851, Белеруа, Вайоминг — 22.11.1902, Вашингтон), американский офицер, бактериолог. Окончил экстерном медицинский факультет Университета Вирджинии, получил степень доктора медицины (весной 1869). Некоторое время работал врачом, но в феврале 1875 поступил на службу в Медицинский корпус. Женился в апреле 1876 на Эмили Лоуренс. Следующие 18 лет служил в разнообразных гарнизонах, причем продолжал исследования. В 1893 назначен куратором Армейского медицинского музея и стал профессором бактериологии в Медицинской школе армии. Во

время Испано-американской войны 1898 возглавлял комитет по исследованию вирусных заболеваний в армии.

Рождественский Зиновий Петрович [29.3.1848 — 14.1.1909], русский вице-адмирал (1904), генерал-адъютант (1904). Окончил Морское училище (1870) и Михайловскую артиллерийскую академию (1873). Участник Русско-турецкой войны 1877-1878, затем служил на Балтфлоте. С 1903 начальник Главного морского штаба. С апреля 1904 командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, совершившей в октябре 1904 — мае 1905 переход из Балтийского моря на Дальний Восток. Эскадра под его командованием была разбита японским флотом под командованием адмирала Того. Был ранен и взят в плен. После возвращения на родину предан военно-морскому суду за сдачу противнику эсминца, но, по показаниям свидетелей, оправдан как тяжело раненный в бою и во время капитуляции «Бедового» находившийся без сознания. С 1906 в отставке.

Роммель (Rommel) Эрвин [15.11.1891, Хейденхейм, Баден-Вюртемберг — 14.10.1944, Херлингем, близ города Ульм], немецкий генерал-фельдмаршал (1942). На военной службе с 1910. Участник 1-й Мировой войны. С 1919 в рейхсвере, потом в вермахте. В 30-х годах был преподавателем и начальником Военной академии. С сентября 1939 военный комендант ставки Гитлера, с февраля 1940 командир 7-й танковой дивизии во время Французской кампании. С февраля 1941 по март 1943 командовал германскими экспедиционными силами в Северной Африке. В июле-ноябре 1943 командующий группой армий «Б» в Северной Италии. В декабре 1943 выполнял функции военного инспектора ставки верховного главнокомандования в Дании. С декабря 1943 командующий группой армий «Б» во Франции. 17 июля оставил этот пост в связи с тяжелым ранением. Был связан с правым крылом заговорщиков против Гитлера и после раскрытия приговора по приказу Гитлера покончил жизнь самоубийством.

Рузвельт (Roosevelt) Теодор [27.10.1858, Нью-Йорк — 6.1.1919, Сагамор-Хилл, Ойстер-Бей, шт. Нью-Йорк], государственный деятель США. Принадлежал к республиканской партии. 1895-1897 президент нью-йоркского полицейского департамента, 1897 — 1898 помощник морского министра, 1899—1900 губернатор штата Нью-Йорк. Пропагандировал геополитические идеи, требовал строительства большого военно-морского флота. Активно содействовал развязыванию испано-американской войны 1898 года. В январе 1901 стал вице-президентом, а в сентябре 1901 (после убийства Мак-Кинли) президентом США. На выборах 1904 был избран президентом на очередной срок (1904 — 1909). Провозгласил политику «большой дубинки», в 1904 году выдвинул новое толкование доктрины Монро. Политика Рузвельта в немалой степени способствовала возникновению Венесуэльского кризиса 1902-1903.

Рузвельт (Roosevelt) Франклин Делано [30.1.1882, Гайд-парк, штат Нью-Йорк — 12.4.1945, Уорм-Спрингс, штат Джорджия], американский государственный деятель, президент США (1933-1945). По образованию юрист. Учился в Гротоне, Гарвардском и Колумбийском университетах. В 1905 женился на дальней родственнице Элеоноре Рузвельт, племяннице Теодора Рузвельта. В 1910 избран в сенат штата Нью-Йорк от Демократической партии. В 1913—1920 был помощником морского министра в правительстве Т.В. Вильсона, выступал за усиление военно-морской мощи США. В 1920 кандидат на пост президента от Демократической партии. После поражения на выборах возвратился к частной практике. В 1928 избран губернатором штата Нью-Йорк. В 1932 избран президентом США, произвел ряд реформ, вошедших в историю как «Новый курс», одной из особенностей которого было усиление военной мощи США, и прежде всего флота. Популярность Рузвельта была столь велика, что в 1940 он был избран на третий срок, а в 1944 — на четвертый (первым в истории США). В декабре 1941, после нападения Японии на Перл-Харбор (до формального объявления состояния войны со стороны Японии), США вступили во 2-ю Мировую войну. Представлял США на Тегеранской (1943) и Крымской (1945) конференциях.

Рузвельт (Roosevelt) Элеонора (Анна Элеонора) [11.10.1884, Нью-Йорк — 7.11.1962, Нью-Йорк], американский дипломат, жена Франклина Рузвельта. Была

племянницей президента Теодора Рузвельта (ее отец, Элиот, был братом президента). Вышла замуж за своего дальнего родственника Франклина Рузвельта 17.3.1905. Участвовала в политической жизни мужа (с момента его избрания в сенат Нью-Йорка в 1911), воспитывала пятерых детей. Вступила в Женский профсоюз и стала активным членом Демократической партии, председателем женского отделения этой партии (1924—1926). Двенадцать лет (1933—1945) первая леди. После смерти мужа, была назначена президентом Трумэнном делегатом от США в ООН (1945, 1949-1952, 1961), была председателем комиссии ООН по правам человека (1946-1951). Опубликовала две автобиографии «Моя история» (1937, *Me Story*) и «Для меня» (1958, *On My Own*).

Слим (Slim) Вильям Джозеф [6.8.1891, Бристоль, Глoucestershire — 14.12.1970, Лондон], виконт, британский фельдмаршал (1948). Участник 1-й Мировой войны (рядовой), был произведен в офицеры. С 1920 служил в индийской армии. В 1940 командир индийской бригады, участвовал в завоевании итальянской Восточной Африки. В 1941 стал командиром 10-й индийской дивизии, с которой принял участие в действиях в Ираке и оккупации Ирана. В марте 1942 назначен командующим 1-м бирманским корпусом, командовал 1500-км отступлением британских войск в Бирме. В октябре 1943 командующий 14-й армией, с которой участвовал в освобождении Бирмы. В июне 1945 стал главнокомандующим силами союзников в Юго-Восточной Азии. В 1946 комендант Имперского военного колледжа, в 1948 начальник Имперского генерального штаба. В 1953—1960 генерал-губернатор Австралии.

Сомервилл (Somerville) Джеймс Скелли [17.7.1882 — 1965], британский адмирал. Учился в одной школе с будущим адмиралом Каннингхемом. Участник 1-й Мировой войны, офицер беспроводного телеграфа. Затем служил на линкорах. В 1924—1926 вернулся в Англию по болезни, директор сигнального управления Адмиралтейства. В 1938 командующий станцией в Индии. Во время 2-й Мировой войны служил на Средиземном море (командовал соединением «Н»), отдал приказ о бомбардировке Орана после капитуляции Франции. В конце 1941 назначен командующим вновь созданным Восточным флотом в Индийском океане. В 1942 глава британской военно-морской миссии в Вашингтоне.

Спруэнс (Spruance) Раймонд Эймс [3.7.1886, Балтимор, штат Мэриленд — 13.12.1969, Монтерей, штат Калифорния], американский контр-адмирал. Окончил военно-морскую академию (1906). В начале 2-й Мировой войны командовал соединением крейсеров. В 1942 стал начальником штаба Тихоокеанского флота. С ноября 1943 командующий 5-м флотом, командовал силами Центра Тихого океана. После войны стал Президентом Военно-морского колледжа и послом США на Филиппинах.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович [21.12.1879, Гори, Грузия — 5.3.1953, Москва], руководитель СССР. Член РСДРП с 1898, неоднократно судим за террористическую деятельность. После Февральской революции 1917 в Петрограде, участвовал в подготовке и проведении Октябрьской революции. В 1917-1922 нарком по делам национальностей. В апреле 1922 избран генеральным секретарем ВКП(б), дальнейшая деятельность Сталина направлена на усиление собственной власти. В 1927 завершен НЭП, стал проводить индустриализацию и коллективизацию. 8 августа 1941 назначен Главнокомандующим вооруженными силами СССР. В качестве главы советской делегации принимал участие в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской конференциях (1945) руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Во внутренней политике придерживался жестких репрессивных мер, вошедших в историю как «культ личности».

Стейниц (Steinitz) Вильгельм [14.5.1836, Прага — 12.8.1900, Нью-Йорк], первый чемпион мира по шахматам (1886-1894), шахматный теоретик. Учился в Венском политехническом институте. В 1862-1883 жил в Лондоне, с 1883 — в США. Официально провозглашен чемпионом мира после победы в матче с И.Цукертротом (1886). Разработал теорию позиционной игры. В 1894 проиграл матч на первенстве мира Э.Ласкеру.

Стимсон (Stimson) Генри Льюис [21.9.1867, Нью-Йорк — 20.10.1950, Хантингтон, штат Нью-Йорк], американский государственный деятель, член администрации президентов с 1911 по 1945. Первый раз вошел в кабинет президента Тафта как военный министр (1911 — 1913). Участник 1-й Мировой войны, артиллерийский офицер. В 1927—1929 генерал-губернатор Филиппин. Госсекретарь в кабинете президента Гувера (1929—1933), возглавлял американскую делегацию на Лондонской Морской конференции (1930). Проводил т.н. «политику Стимсона» в отношении нарушений Японией Парижских договоров 1919 в отношении Манчжурии. С началом 2-й Мировой войны выступал за вступление США в войну. В 1940—1945 военный министр в кабинете президента Рузвельта (несмотря на то, что Стимсон был республиканцем). В отставке с сентября 1945. Опубликовал множество работ по внешней политике США, в том числе: «American Policy in Nicaragua» («Американская политика в Никарагуа», 1927), «Democracy and Nationalism in Europe» («Демократия и национализм в Европе», 1934), и «The Far East Crisis» («Дальневосточный кризис», 1936). В соавторстве с Б.Мак-Джорджем написал автобиографию «On Active Service in Peace and War» («На службе во время мира и войны», 1948).

Сунь-Цзы (Сунь-Дзы, Сунь-У) [5-6 век до н.э.], древнекитайский полководец и военный теоретик. В 514 — 496 до н.э. был военачальником царства У и успешно руководил походами против царств Чу, Ци и Цзинь. Автор трактата о военном искусстве (13 глав), пронизанного элементами стихийной диалектики.

Танака Гинти [6.3.1863, Хагн — 29.9.1929, Токио], барон (1920), японский государственный деятель, генерал. С сентября 1918 до июня 1921 и с сентября 1923 до января 1924 военный министр, с 1925 в отставке, стал лидером партии Сэйюкай (Конституционное общество политических друзей, создана в 1900). С апреля 1927 до июля 1929 премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний. Ему приписывается секретный документ «Меморандум Танака», (впервые опубликован в китайском журнале «China Critic» (1929), однако имеются существенные причины сомневаться в его достоверности).

Тафт (Taft) Уильям Говард [15.9.1857, Цинциннати, штат Огайо — 8.3.1930, Вашингтон], государственный деятель США. Юрист. В 1900-1901 председатель Филиппинской комиссии, в 1901-1904 губернатор Филиппин, в 1904-1908 военный министр. В 1909-1913 президент США от Республиканской партии. Правительство Тафта оккупировало Никарагуа (1912). В 1913-1921 профессор права в Йельском университете. С октября 1921 председатель Верховного суда США.

Твен (Twain) Марк (Самуэль Лангхорн Клеменс) [30.11.1835, Флорида, штат Монтана — 21.4.1910, Реддинг, Коннектикут), американский писатель. Наибольшую славу автору принесли романы «Приключения Тома Сойера» (1876), «Приключения Гекльбери Финна» (1885) и «Янки при дворе короля Артура» (1889).

Тернер (Turner) Ричмонд Келли [27.5.1885, Портленд, штат Орегон — 12.2.1961, Монтерей, штат Калифорния), американский адмирал флота (1945). Окончил Военно-морскую Академию (1908), Шкалу военно-морской авиации (1927). Командовал эскадрилей морских бомбардировщиков, крейсером «Джексон». С середины 30-х на штабной работе. С марта 1942 в штабе адмирала Кинга, командовал амфибийными силами при вторжении на Гуадалканал, на Соломоновы острова. Затем (1943) возглавил 5-е соединение десантных сил при вторжении на острова Гилберта (Тарава), Маршалловы острова, Марианские острова (Сайпан), Иводзиму и Окинаву (1945). После войны в отставке.

Тирпиц (Tirpiz) Альфред фон [193.1849, Кюстрин — 6.3.1930, Эбенхауэр, около Мюнхена], германский военно-морской и политический деятель, адмирал (1911). С 1865 в военно-морском флоте Пруссии (с 1871 — Германской империи). С 1890 начальник штаба Балтийского флота, а в 1892-1895 — главного командования германского ВМФ. В 1896-1897 командир эскадры на Дальнем Востоке, один из инициаторов захвата китайского порта Циндао и создания там германской ВМБ. В 1897-1916 статс-секретарь военно-морского ведомства (морской министр). Во время 1-й Мировой войны был сторонником

неограниченной подводной войны. В сентябре 1917 вместе с В.Каппом организовал Немецкую отечественную партию. В 1919 издал «Воспоминания», в которых объяснял поражение Германии тем, что по вине политического руководства германский флот не получил надлежащего применения. В 1924—1928 депутат рейхстага от Немецкой национально-народной партии.

Того Хэйхатиро [22.12.1847, префектура Кагосима — 30.5.1934, Токио), японский адмирал флота (1913), маркиз (1934). Получил военно-морское образование в Англии (1871-1878). Во время японо-китайской войны 1894-1895 командовал крейсером. В 1904 произведен в адмиралы. Во время Русско-японской войны 1904-1905 командующий 1-й эскадрой и главнокомандующий Соединенным флотом. Руководил действиями японского флота под Порт-Артуром в феврале 1904 — январе 1905, в сражение на Желтом море (август 1904), и в Цусимском сражении 1905. С 1909 член Высшего военного совета.

Тодзио Хидэки [30.12.1884, Токио — 23.12.1948, Токио), японский генерал. С 1915 на руководящих постах в японской армии. Возглавлял т.н. «Группу контроля» («Тосэйха»), в которую входили генералы и офицеры, выступавшие за фашизацию Японии и милитаризацию ее экономики. В 1937-1938 начальник штаба японской Квантунской армии. В 1938—1939 заместитель военного министра. В 1940—1941 военный министр. С октября 1941 по июль 1944 премьер-министр и одновременно военный министр. Казнен по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока как один из главных японских военных преступников.

Тоётоми Хидэёси [1536-1598], полководец и государственный деятель Японии. Проявил выдающиеся военные способности, стал одним из ближайших помощников Нобунага Ода в войнах, которыми создавалась централизованная империя. После его гибели в 1582 возглавил его армию, формально занимая пост кампаку (канцлера). Осуществил ряд реформ. В 1588 издал закон об изъятии оружия у крестьян. В 1592—1598 подвластные ему феодалы вели войну в Корее, но потерпели поражение (прежде всего на море, от адмирала Ли Сун Сина).

Токутоми Рока (нас. Кандзи́ро) [25.10.1868, префектура Кумамото — 18.9.1927, близ Токио], японский писатель. Первое крупное произведение — роман «Лучше не жить» (1899, русский перевод 1905) о судьбе женщины из аристократической семьи. Увлекался идеями Толстого, посещал (1906) Ясную Поляну. Автор романов «Куросиво» (1902), «Новая весна» (1918) и «Фудзи» (1925-1928).

Трумэн (Truman) Гарри С. [8.5.1884, Ламар, штат Миссури — 26.12.1972, Канзас-Сити, штат Миссури], государственный деятель США. Участвовал в 1-й Мировой войне. В 1934-1944 сенатор. С января 1945 вице-президент США от Демократической партии, с апреля 1945 (после смерти президента Ф.Д. Рузвельта) до января 1953 президент США. В августе 1945 отдал приказ об атомной бомбардировке Японии.

Уэйвелл (Wavell) Арчибальд Персиваль [5.5.1883, Колчестер — 24.5.1950, Лондон], британский фельдмаршал (1943), граф (1947). Окончил Винчестерский колледж, военную академию в Сандхерсте (1901) и штабной колледж (1910). Участник 1-й Мировой войны, в 1916—1917 был военным атташе при штабе русской Кавказской армии. С июля 1939 возглавлял командование британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке. В начале 2-й Мировой войны руководимые Уэйвеллом войска вначале одержали победы над итальянскими войсками в Киреиаике (декабрь 1940 — февраль 1941) и Восточной Африке (январь-май 1941), но затем потерпели поражение в Греции, на острове Крит и в Ливии, после чего Уэйвелл был назначен командующим войсками в Индии. В январе-марте 1942 главнокомандующий союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии, с марта 1942 — союзными силами в Индии и Бирме. С июня 1943 по февраль 1947 вице-король Индии.

Уэйнрайт (Wainwright) Джонатан Майхью (23.8.1883 — 2.9.1953), американский генерал. Принял командование гарнизоном Филиппин в марте 1942 у генерала Мак-Артура. В японском плену с 6.5.1942 по 8.1945. Награжден медалью почета.

Фалькенхайм (Falkenheim) Эрих фон [11.9.1861, замок Бельхау, ныне близ Торунь, Польша — 8.4.1922, замок Линдштадт, близ Потсдама], германский генерал от инфантерии (1915). Окончил Академию Генштаба (1890). В 1896—1899 военный советник в китайской армии. В 1900—1901 участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. В 1913—1914 военный министр. После поражения немецких войск в Марнском сражении в сентябре 1914 назначен начальником Генштаба. В августе 1916 заменен генералом П.Гинденбургом и назначен командовать 9-й армией. В 1917—1918 командующий группой армий «F» в Турции. С марта 1918 командующий 10-й армией на оккупированной территории России.

Фалькенхорст (Ястшембски) Николаус фон [17.1.1886, Бреслау, Силезия — 18.6.1968, Хольцмниден], немецкий генерал-полковник (19.7.1940). В армии с 1903. Участник 1-й Мировой войны, в Большом штабе, отвечал за операции в Финляндии, оставался там до 1920. После в рейхсвере. В 1933—1935 военный атташе в Праге, Белграде и Бухаресте, с 1935 начальник штаба группы армий «Z» в Дрездене, произведен в генерал-майоры. В 1936 командир 32-й пехотной дивизии, с 1939 — командир XXI корпуса. Назначен командующим силами вторжения в Норвегию (1940), руководил этим вторжением. С 25.7.1940 командующий сухопутным» силами в Норвегии. 18.12.1944 снят с поста. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни, замененной на 20-летнее заключение. 23.7.1953 освобожден.

Фердинанд I Кобургский [14.2.1861, Вена — 9.9.1948, Кобург, Бавария], болгарский князь (1887—1908) и царь (1908—1918), основатель династии Кобургов в Болгарии. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Гота. Способствовал усилению германского влияния в Болгарии, развязыванию 2-й Балканской войны (1913), вовлечению страны (октябрь 1915) в 1-ю Мировую войну. В 1918 был вынужден отречься от престола и бежать в Германию.

Фишер (Fisher) Джон Арбетнот [25.1.1841, Цейлон — 10.7.1920, Лондон], барон Килверстон (1909), британский адмирал флота (1905). На флоте с 1854. Участник Крымской войны 1853—1856, англо-китайской войны 1856—1860 и интервенции в Египте (1882). Командир одного из первых броненосцев. В 1892—1897 3-й морской лорд и контролер ВМФ. В 1897—1902 командующий флотом в Северной Америке и Вест-Индии и Средиземноморским флотом. В 1902—1903 2-й морской лорд, в 1904—1910 1-й морской лорд; сыграл большую роль в строительстве английского флота накануне 1-й Мировой войны. В октябре 1914 — мае 1915 1-й морской лорд; ушел в отставку ввиду несогласия со стратегическим руководством в связи с Дарданелльской операцией 1915.

Фитч (Fitch) Обри У. [11.6.1883, Сент-Игнейс, Мичиган — 22.5.1978, Мэн], американский адмирал. Окончил морскую академию 12.2.6. Служил на эсминцах до 1922, после чего входил в состав американской миссии в Бразилии до 1927. В конце тридцатых командовал авиационными соединениями, с 1940 командовал 1-й дивизией авианосцев. В битве в Коралловом море (1942) командовал Т.Ф. 17.5 (Лексингтон и Саратога). После битвы у атолла Мидуэй на штабных должностях. В августе 1944 стал заместителем начальника морских операций (по ВВС), а с 16.8.1945 по 15.1.1947 начальник Военно-морской академии. В отставке с 1.7.1947.

Флетчер (Fletcher) Франк Джек [29.4.1885, Маршаллтаун, штат Айова — 25.4.1973, Бетесда, Мэриленд), американский адмирал. В начале 2-й Мировой войны командовал соединением крейсеров, затем авианосцами. В сражении у атолла Мидуэй командовал всем американским флотом. С 1942 командовал десантными войсками. В отставке с 1947.

Фош (Foch) Фердинанд [2.10.1851, Тарб — 20.3.1929, Париж], маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919) и маршал Польши (1923), член Французской академии (1918). Окончил высшую военную академию (1887), в которой был в 1895 адъюнктом, в 1896-1900 профессором. В 1908-1911 начальник этой академии. Читал курс лекций по стратегии, которые оказали влияние на формирование оперативно-тактических и стратегических взглядов офицерского корпуса Франции и сыграли определенную роль в формировании ее военной доктрины перед 1-й Мировой войной. В 1911 командовал дивизией, с 1912 корпусом, затем 9-й армией, принимавшей участие в Марнском сражении.

С 1915-1916 командующий группой армий «Север». За большие потери, понесенные войсками, и неудовлетворительное руководство в операции на Сомме Фош был снят с должности и назначен начальником «Центра военных исследований». С 1917 начальник Генштаба, с 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав во главе с Германией. С 1919 председатель высшего военного совета Антанты. Фош — автор военных мемуаров, в которых осветил свою роль в 1-й Мировой войне 1914-1918.

Футида (Fuchida) Мичедо [1902 — 1976], японский летчик. Командовал авиацией 1-го флота во время налета на Перл-Харбор (7.12.1941).

Харт (Hart) Томас [1877 — 1971], американский контр-адмирал (1929) и сенатор. Окончил военно-морскую академию в Анаполисе (1897). Участвовал в испано-американской войне 1898. Во время 1-й Мировой войны командовал подводной лодкой. В 1919-1929 работал в оперативном отделе военно-морского министерства, после чего командовал подводной лодкой, а затем азиатской флотилией ПЛ. В 1929 возглавил подводный флот в Атлантическом и Тихом океанах. С 1939 суперинтендант военно-морской академии. С 1939 главнокомандующий Азиатским флотом США. Вышел в отставку в 1942, однако был вновь призван на службу. После войны — сенатор от штата Коннектикут (1945-1947).

Хирохито [29.4.1901 — 7.1.1989], император Японии (1926), полковник армии и адмирал флота (1926). С 1921 в связи с болезнью отца был принцем-регентом. Во время 2-й Мировой войны формально являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами, возглавлял ставку. С вступлением в силу конституции 1947 Хирохито был объявлен «символом государства». Интересовался морской биологией, по которой опубликовал несколько книг.

Хомма Масажару [27.11.1887, Садо — 3.4.1946, Лос-Бакос, Лусон], японский генерал. Окончил Военную академию (1907) и Армейский военный колледж (1915). Во время 1-й Мировой войны наблюдатель при английских силах во Франции. В 1925 японский резидент в Индии, с 1930 военный атташе в Лондоне. С 1939 командующий японскими войсками в Тинцине (Китай). В декабре 1941 генерал-лейтенант Хомма возглавил вторжение на Филиппины. Сдался в плен американцам 14.9.1945, а в декабре 1945 осужден как военный преступник. Расстрелян.

Хэлл (Hull) Корделл [2.10.1871 — 23.7.1955], американский государственный деятель. Политическую карьеру начал в палате представителей штата Теннесси (1893-1897), затем был судьей штата (1903-1906). Избирался в конгресс (1907-1921, 1923-1931). Ратовал за вступление США в Лигу Наций (США не вошли в эту организацию). С 1933 по 1944 — госсекретарь США.

Хэлси (Halsey) Вильям Фредерик младший («Билл») [30.10.1882, Элизабет, штат Нью-Джерси — 16.8.1959, Фишерс Айленд, штат Нью-Йорк], американский адмирал флота (12.1945). Окончил военно-морскую академию в Анаполисе (1904). Участвовал в 1-й Мировой войне, командовал эсминцем. В 1935 стал морским пилотом. В 1940 произведен в вице-адмиралы, командовал авианосцем «Энтерпрайз». После нападения японцев на Перл-Харбор (12.12.1941) эскадра Хэлси осталась последней боеспособной американской группой на Тихом океане. В июне 1944 стал командующим 3-м флотом, с которым принял участие в б-тве в заливе Лейте. В отставке с 1947, занялся бизнесом. В 1951 — 1957 президент ITL (International Telecommunications Laboratories).

Чан Кай-ши (Цзян Цзе-ши) [31.10.1887, Фынхуа, провинция Чжэцзян — 5.4.1975, Тайбей], китайский государственный деятель, генералиссимус. Окончил военную академию в Баодине и Токио. В начале 20 века выступал на стороне Сунь Ятсена. В качестве главнокомандующего Национально-революционной армией участвовал в Северном походе 1926— 1927. С 1926 председатель ЦИК гоминдана. 12.4.1927 совершил переворот, стал президентом, председателем исполнительного юаня, главнокомандующим вооруженными силами. После поражения от войск народно-освободительной армии бежал на Тайвань, где основал независимое государство.

Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер [30.11.1874, Бленим, близ Вудстока, Оксфордшир — 24.1.1965, Лондон], государственный, политический и военный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии. Образование получил в привилегированной школе Харроу и Сандхертском военном училище. С 1895 служил офицером в войсках, участвовал в колониальных войнах и подавлении национального восстания в Индии, Судане и других британских колониях. Одновременно сотрудничал в газетах. Во время англо-бурской войны 1899-1902 военный корреспондент в Южной Африке. В 1900 избран в парламент от консервативной партии. В 1904 по карьеристским соображениям перешел в либеральную партию. Многочисленные выступления с критическими речами в адрес правительства способствовали росту его популярности. В 1906 вновь избирается в палату общин (от либеральной партии), в том же году назначается заместителем министра колоний. В 1908—1910 министр торговли, в 1910—1911 министр внутренних дел, в 1911 — 1915 первый лорд Адмиралтейства. В 1-ю Мировую войну участвовал в обороне и эвакуации Антверпена, был одним из организаторов Дарданелльской операции 1915-1916, провал которой привел к его отставке. С 1917 Черчилль — министр военного снабжения, в 1919-1921 военный министр и министр авиации. В 1921-1922 министр колоний, активно занимался укреплением английских колониальных войск, строительством баз, особенно на Ближнем Востоке, впервые применил военную авиацию для подавления национально-освободительного движения в колониях. В 20-е годы вернулся в консервативную партию, от которой с 1924 до конца жизни был депутатом парламента. В 1924- 1929 министр финансов. В 1930-1939 занимался журналистикой. В 30-е годы активно выступал против внешней политики С.Болдуина и Н.Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С вступлением Великобритании во Вторую Мировую войну в сентябре 1939 назначен военно-морским министром, а в мае 1940 — премьер-министром. Участвовал в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях. После победы лейбористов на выборах 1945 правительство ушло в отставку, и Черчилль возглавил консервативную оппозицию в парламенте. 5 марта 1946 в Фултоне выступил с речью, призывал к созданию военно-политического союза Великобритании и США. В 1951-1955 Черчилль вновь премьер-министр, проводил политику усиления военной организации НАТО, ремилитаризации Западной Германии, создания военных блоков. В 1955 ушел в отставку и отошел от политической деятельности. Черчилль известен также как публицист и автор ряда книг историко-мемуарного жанра: «The Second World War», «A history of the English-speaking peoples», «The World crisis».

Шерман (Sherman) Вильям Текумсе [8.2.1820, Ланкастер, Огайо — 14.2.1891, Нью-Йорк], американский военачальник, генерал армии (1869). Окончил Уэст-Пойнт (1840), служил в артиллерии. Участвовал в войне США с Мексикой (1846-1848). В 1853-1859 в отставке, был управляющим банком и адвокатом. Во время гражданской войны в США 1861-1865 командовал полком, бригадой и дивизией в армии северян, с июля 1863 бригадный генерал. С марта 1864 командовал армией, которая совершила успешный «марш к морю» от Чаттануги через штат Джорджия (в сентябре заняла Атланту) до побережья Атлантического океана (в декабре заняла Саванну) и нанесла поражение армии южан под командованием Дж.Э. Джонстона. Затем в начале 1865 армия Шермана повернула на север и двинулась в тыл противника на соединение с армией генерала У.С. Гранта. Пройдя за год свыше 1300 км, армия Шермана соединилась у Ричмонда с армией Гранта, что привело к окружению главных сил южан под командованием Р. Ли и их капитуляции в апреле 1865. В 1869-1883 командующий армией США. Оставил воспоминания (издание 1875).

Шлиффен (Schlieffen) Альфред фон [28.2.1833, Берлин — 4.1.1913, Берлин], германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил офицерское училище (1853) и военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в австро-прусской войне 1866 и франко-прусской войне 1870-1871. С 1884 начальник отдела германского генштаба, в 1891-1905 начальник генштаба. С 1906 в отставке. Автор германского плана войны («план Шлиффена»), Свои взгляды на ведение войны и боя

изложил в уставах, наставлениях и других официальных документах, а также в ряде теоретических работ: «Канны», «Современная война» и др. Будучи последователем К.Клаузевица и Х.Мольтке Старшего, отстаивал идею быстротечной войны, окружения армий противника путем стратегического охвата и разгрома его в большом генеральном сражении.

Шорт (Short) Уолтер Кэмпбелл [1880 — 1949], американский генерал-майор. Командовал сухопутными войсками базы Перл-Харбор (7.12.1941), отстранен от командования. С 1942 вошел в состав администрации президента.

Шпее (Spee) Максимилиан фон [22.6.1861, Копенгаген — 8.12.1914, около Фолклендских островов], граф, германский вице-адмирал. На флоте с 1878. С 1912 командовал эскадрой крейсеров в Тихом океане. После начала 1-й Мировой войны руководил походом эскадры к берегам Южной Америки, где 1 ноября 1914 в бою у мыса Коронель разбил английскую эскадру крейсеров, но 8 декабря 1914 был разгромлен сильной английской эскадрой в бою у Фолклендских островов; Шпее погиб на флагманском крейсере «Шарнхорст».

Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Давид [14.10.1890, Денисон, штат Техас — 28.3.1969, Вашингтон], государственный и военный деятель США, генерал армии (1944). Окончил военную академию в Вест-Пойнте (1915). С 1920 служил в американских войсках на территории США и за рубежом, в военном министерстве, штабе армии. С июня 1942 командовал американскими войсками в Северной Африке и Средиземноморье. С 1943 верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе, руководил высадкой англо-американских войск в Нормандии (1944). Был награжден орденами многих стран, в том числе орденом «Победа» (1945). После разгрома Германии командующий оккупационными силами США в Германии. В ноябре 1945 — феврале 1948 начальник штаба армии США. В 1950-1952 верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе. В 1948-1952 ректор Колумбийского университета в Нью-Йорке. В 1953-1961 президент США от Республиканской партии.

Энгельс (Engels) Фридрих [28.11.1820, Бармен, ныне Вупперталь — 5.8.1895, Лондон], немецкий философ, историк. В 1841 году Энгельс приехал в Берлин отбывать воинскую повинность. В свободное от службы время посещал лекции в Берлинском университете. В октябре 1842 окончил военную службу и вернулся в Бармен, после чего отец отправил его в Манчестер, где находилась фабрика «Эрмен и Энгельс». Там он познакомился с Марксом. В 1844 возвращается на родину и устанавливает связи с социалистами. С 1845 Энгельс и Маркс начинают писать совместную работу по материалистическому пониманию истории. Участвовал в революции 1848-1849 во Франции, был одним из лидеров 1-го Интернационала (28.9.1864). После смерти Маркса закончил издание «Капитала». Создал материалистическое учение об армии.

Ямамото Исуроку [4.4.1884, Нагаока, префектура Ниигата — 18.4.1943, район Соломоновых островов], японский адмирал. Окончил Морскую академию (1904) и Военно-морской штабной колледж (1916). Участвовал в русско-японской войне 1904-1905. В 1936-1939 заместитель морского министра. С 1939 командовал Соединенным флотом. В 1941-1943 руководил морскими операциями, начиная с нападения на Перл-Харбор. Во время сражения на Соломоновых островах самолет, на котором летел Ямамото, был сбит американской авиацией, которая получила информацию о его вылете.

Ямасита Томоюки («Тигр Малайи») [8.11.1885, Коши, Япония — 23.2.1946, Манила, Филиппины], японский генерал. Окончил армейскую академию (1905) и армейский военный колледж (1916), затем на штабных должностях. В 1941-1942 командовал 25-й японской армией, захватившей Малайю и Сингапур. До 1944 занимался подготовкой японских войск в Манчжурии, а после падения кабинета Тодзио в 1944 назначен командовать обороной Филиппин. Его войска сдались после приказа о всеобщей капитуляции, подписанного в Токио 15 августа 1945. Был привлечен к суду и, хотя он отрицал свою причастность к преступлениям, приписываемым его солдатам, был осужден и,

предположительно, повешен.